

АНДРЕЙ
ГАНИН

ИЗМЕНА КОМАНДАРМОВ

АНДРЕЙ ГАНИН

ИЗМЕНА
КОМАНДАРМОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения

А.В. Ганин

Измена командармов

Представители высшего командного состава
Красной армии, перешедшие на сторону
противника в годы Гражданской войны в России
1917–1922 гг.

ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА
2020

УДК 930
ББК 63.3(2)
Г19

Рецензенты:

А.Ю. Безугольный, д.и.н., с.н.с. (Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба ВС РФ)

Е.Ю. Борисёнок, д.и.н., зав. отделом (Институт славяноведения РАН)

Дж. Суэйн, доктор истории, профессор (Университет Глазго, Великобритания)

А.Ю. Тимофеев, д.и.н., в.н.с. (Институт новейшей истории Сербии), профессор
(Белградский университет)

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Оформление переплета М. Левыкина

Ганин А.В.

Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2020. – 800 с.: ил.

ISBN 978-5-6043329-3-1

Создание Красной армии было невозможно без привлечения в ее ряды десятков тысяч офицеров старой армии, получивших наименование военных специалистов (военспецов). Их служба складывалась непросто. Военспецы находились под гнетом недоверия со стороны красноармейцев и комиссаров. В то же время не все «бывшие» относились к числу лояльных или были готовы идти за большевиками до конца. Подобное положение порождало многочисленные случаи измены. Наибольшую опасность для советской власти таила измена на самом веру – среди высшего командного состава. Красных предали несколько командующих армиями и фронтами. Сложному жизненному выбору и необычным судьбам четырех командармов, изменивших советской власти (Ф.Е. Махина, Б.П. Богословского, Н.Д. Всеволодова и Н.А. Жданова), посвящена новая книга одного из ведущих исследователей истории Гражданской войны в России доктора исторических наук А.В. Ганина. В основе работы уникальные документы шестнадцати российских и зарубежных архивов. В приложениях публикуются важнейшие архивные документы, раскрывающие подробности резонансных измен представителей высшего командного состава Красной армии и детали их биографий.

© А.В. Ганин, 2020

© Издательство «Пятый Рим»™, 2020

© ООО «Бестселлер», 2020

ISBN 978-5-6043329-3-1

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
«Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин	27
Приложения	
Документ 1. Записка Ф.Е. Махина о ближайших задачах, стоящих на очереди в связи с возобновлением войны с Германией. 17 июля 1918 г.	250
Документ 2. К.С. Буревои. Полковник Махин	260
Документ 3. И.Г. Акулинин. Колчак и атаман Дутов. Отзвуки омского переворота 18 ноября 1918 года в Оренбурге и Уфе	263
Документ 4. Ф.Е. Махин. Крестьянство в Гражданской войне	268
Документ 5. Ф.Е. Махин. Кому служит Красная армия	275
Документ 6. Ф.Е. Махин. Кто враги красноармейцев и как с ними бороться?	279
Документ 7. Ф.Е. Махин. Чему учат противобольшевистские восстания	282
Документ 8. Обращение Ф.Е. Махина к правительству Королевства сербов, хорватов и словенцев. 20 ноября 1924 г.	285
Документ 9. Из интервью Ф.Е. Махина. 1935 г.	295
Документ 10. Ф.Е. Махин. Югославский дневник	296
Документ 11. Федор Евдокимович Махин. Генерал-лейтенант [Некролог в газете «Борьба»].....	327
Документ 12. Похороны генерал-лейтенанта Федора Евдокимовича Махина [Статья в газете «Борьба»]	330
«Я не намерен служить этим мерзавцам и предпочитаю умереть»: генерал-майор Борис Богословский...	333
«Вчера – командующий армией, сегодня – мелкий торгаш»: полковник Николай Всеволодов	365
Приложения	423
Документ 1. Телеграмма начальника штаба 9-й армии Н.Д. Всеволодова председателю РВСР Л.Д. Троцкому с копией в Серпухов главному И.И. Вацетису. 5 февраля 1919 г.	428
Документ 2. Рапорт члена РВС Южного фронта А.И. Окулова председателю РВСР Л.Д. Троцкому. 26 июля 1919 г.	430
Документ 3. Докладная записка члена РВС 9-й армии И.И. Ходоровского председателю РВСР Л.Д. Троцкому и в ЦК РКП(б) о событиях в 9-й армии. 1 июля 1919 г.	446
Документ 4. Разговор И.И. Ходоровского с членами РВС Южного фронта. 20 июня 1919 г.	460
Документ 5. Телеграмма И.И. Ходоровского РВС Южного фронта. 20 июня 1919 г.	465

Документ 6. Телеграмма РВС Южного фронта Л.Д. Троцкому. 20 июня 1919 г.....	466
Документ 7. Телеграмма РВС Южного фронта И.И. Ходоровскому. 20 июня 1919 г.....	466
Документ 8. Телеграмма И.И. Ходоровского РВС Южного фронта. 21 июня 1919 г.....	467
Документ 9. Из разговора И.И. Ходоровского с К.А. Мехоношиным. 21 июня 1919 г.....	468
Документ 10. Телеграмма начальника 14-й стрелковой дивизии А.К. Степина И.И. Ходоровскому. 22 июня 1919 г.....	469
Документ 11. Из разговора И.И. Ходоровского с членом РВС Южного фронта М.К. Владимировым. 23 июня 1919 г.....	470
Документ 12. Дознание коменданта штаба 9-й армии И. Шаткова. 24 июня 1919 г.....	471
Документ 13. Докладная записка начальника 23-й стрелковой дивизии А.Г. Голикова в РВС 9-й армии. 25 июня 1919 г.	473
Документ 14. Рапорт заведующего политотделом 23-й стрелковой дивизии в РВС 9-й армии. 25 июня 1919 г.....	473
Документ 15. Рапорт политического комиссара 23-й стрелковой дивизии Д.И. Артамонова в РВС 9-й армии. 25 июня 1919 г.....	475
Документ 16. Записка РВС 9-й армии РВС Южного фронта и Л.Д. Троцкому. 26 июня 1919 г.	477
Документ 17. Разговор членов РВС 9-й армии с членами РВС Южного фронта. 26 июня 1919 г.....	478
Документ 18. Записка И.И. Ходоровского в РВС Южного фронта. 26 июня 1919 г.....	481
Документ 19. Н.Д. Всеволодов. Из моих воспоминаний (два года в Совдепии). Великие князья в тюрьме.	482
Документ 20. Н.Д. Всеволодов. Разгром южных советских армий. Выписка из белогвардейской газеты «Утро Юга», подготовленная в Особом отделе ВЧК. 16 сентября 1919 г.....	486
Документ 21. Н.Д. Всеволодов. Поражение 10-й армии Ключева	491
Документ 22. Н.Д. Всеволодов. Тихорецкая – Кавказская.....	494
Документ 23. Н.Д. Всеволодов. Минувшее (воспоминания)	496
«За совесть» не служил... не желая драться со своими»: генерал-майор Николай Жданов.....	671
Приложение. Доклад председателя РВС 11-й отдельной армии К.А. Мехоношина о положении армии в апреле 1919 г.....	746
Post Scriptum (М.А. Муравьев, П.А. Славен, А.И. Харченко, В.В. Яковлев).....	761
Заключение	773
Список аббревиатур и сокращений	787
Именной указатель	789

Введение

« **П**олковник поступает в Красную армию, произносит со-ответственные слова обмана, лжи, надувает с иезуитским лицемерием и заранее обдуманном намерением, остается в штабах, в среде Красной армии и предает их таким образом, что на этой почве проливаются целые фонтаны крови»¹ – это слова наркома просвещения А. В. Луначарского, произнесенные им в 1922 г. в Колонном зале Дома Союзов в Москве на политическом процессе по делу партии эсеров.

В таких выражениях, не жалея черной краски и гипербол, государственный обвинитель изложил историю измены в 1918 г. одного из красных командармов Гражданской войны бывшего подполковника (позднее полковника Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания и генерала Народно-освободительной армии Югославии) Федора Евдокимовича Махина. Цель была проста – создать у присутствующих яркий и запоминающийся образ подлого изменника.

С тех событий, которые упоминались в речи Луначарского, миновало более ста лет. И, думается, пришла пора наконец узнать очищенную от пропагандистской шелухи и фундированную документами архивов правду об изменах высшего командного состава Красной армии. Анализ этого явления сквозь призму биографий высокопоставленных изменников позволяет понять мотивы их непростого жизненного выбора, узнать об их чаяниях и судьбе на фоне эпохи.

Как известно, создание Рабоче-крестьянской Красной армии было невозможно без привлечения в ее ряды десятков тысяч офицеров старой армии, получивших наименование военных специалистов. Но их служба складывалась не всегда просто и проходила под знаком недоверия со стороны красноармейцев и комиссаров². Новая власть использовала знания и опыт этих людей, воспринимавшихся как классово чуждые. Позднее от основной массы «бывших» по

¹ Обвинительные речи на процессе эсэров. М., 1922. С. 32.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016.

существо избавились, заменив старые кадры новыми, полностью лояльными большевикам.

Далеко не все военспецы были готовы идти за не доверявшими им большевиками до конца. Не только сторонники РКП(б) негативно воспринимали бывших офицеров, но и наоборот. Многие бывшие офицеры считали большевиков предателями и инородцами, пришедшими к власти на немецкие деньги, стремившимися уничтожить национальную Россию. Воспринимали их как антигосударственную силу, которая попала законность, подавляла православную веру, истребляла целые слои населения, ввергла страну в братоубийственную Гражданскую войну и была неспособна навести порядок.

В Красную армию офицеры попадали по разным причинам. Основной являлась мобилизация. Что касается мотивов добровольного поступления, то среди них были и патриотическое стремление защищать страну от немцев, и попытка удержать под своим контролем органы военного управления, не допустив в них большевиков, и намерения организовать подпольную борьбу с большевиками, и, наконец, элементарное отсутствие средств к существованию.

Эскалация Гражданской войны породила такое массовое явление, как дезертирство, свойственное и рядовым бойцам, и представителям командного состава. Нередко дезертирство командиров сопровождалось переходом из одного лагеря Гражданской войны в другой. Разумеется, те, кто оказался в рядах красных не по своей воле, были первыми кандидатами на измену. Дезертирство из Красной армии было колоссальным, но остается неизвестным масштаб дезертирства командного состава. Чтобы представить размах этого явления, достаточно отметить, что среди прошедших через ряды РККА 1580 выпускников Николаевской военной академии, по выявленным нами данным, дезертировали не менее 562 человек³. Понятно, что если речь

³ Подробнее о переходах генштабистов РККА на сторону противника см.: Ганин А.В. Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широко-масштабной Гражданской войны и международной интервенции: Сб. материалов международной научной конференции. Архангельск, 2008. С. 160–171; *Он же*. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 209–253; *Он же*. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 189–248; *Он же*. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. 2-е изд. М., 2017. С. 200–261; Ganin A.V. Workers and Peasants Red Army 'General Staff Personalities' Defecting to the Enemy Side in 1918–1921 // The Journal of Slavic Military Studies. 2013. Vol. 26, № 2. P. 259–309.

идет обо всей массе военспецов (а их могло пройти через ряды РККА до 100 000 человек⁴), цифры будут намного выше.

Об офицерах-изменниках, предательство которых обошлось Советской России тысячами жизней, неоднократно высказывался советский вождь В.И. Ленин. Так, на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. он отметил, что «военные науки знает только офицерство – полковники и генералы, которые остались от царской армии. Вы слышали, конечно, что благодаря этим старым полковникам и генералам было много измен, которые стоили десятков тысяч жизней. Всех таких изменников надо было удалять, и в то же время нужно было набирать командный состав из бывших офицеров, чтобы рабочие и крестьяне могли у них учиться»⁵. Через несколько дней, 15 марта 1920 г., на III Всероссийском съезде рабочих водного транспорта Ленин заявил: «Тысячи бывших офицеров, генералов, полковников царской армии нам изменяли, нас предавали, и от этого гибли тысячи лучших красноармейцев, – вы знаете это, но десятки тысяч нам служат, оставаясь сторонниками буржуазии, и без них Красной армии не было бы. И вы знаете, когда без них мы пробовали создать два года тому назад Красную армию, то получилась партизанщина, разброд»⁶.

Об изменах военспецов многократно упоминал и вождь Красной армии Л.Д. Троцкий. Летом 1918 г. в связи с целым рядом случаев предательства Троцкий высказывался достаточно категорично. 29 июля 1918 г. на чрезвычайном объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профсоюзов и фабзавкомов он заявил: «У нас есть безупречные, преданные командиры на низших ступенях, но именно только на низших ступенях военной лестницы. Что касается лиц высшего командного состава, то у нас слишком мало офицеров, преданных Советской власти и честно выполняющих свои обязательства; более того, вы знаете, что некоторые из них прямо перебегают в лагерь наших врагов. В последнее время таких случаев было несколько. Перебежал Махин с Уфимского фронта, перебежал профессор академии Генштаба Богословский, только едва назначенный на Екатеринбургский фронт. Он скрылся, т.е., очевидно, бежал к чехословакам... Офицерство не отдает себе, по-видимому, отчета во всей остроте положения, которое для нас

---

⁴ Подробнее см.: Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 40. С. 182.

⁶ Там же. С. 218.

создается не только его прошлым, но и настоящим. Все вы помните, как жестоко солдаты и матросы старой армии расправлялись в критические моменты революции с офицерством ... значительная часть офицерства думает, очевидно, что положение переворачивается в ее пользу, устраивает авантюристические заговоры и перебегает непосредственно в стан наших врагов.

Контрреволюционное офицерство, составляя значительную часть старого офицерства, создает условия ожесточенной и справедливой вражды и ненависти рабочей массы к его заговорщическим элементам и подозрительного недоверия к офицерству вообще. Я думаю, близок час, он, может быть, уже наступил, когда нам придется это фрондирующее, становящееся на дыбы офицерство обуздать железной уздой»⁷. В этих словах – не только тревога Троцкого в связи с отмеченным явлением, но и недвусмысленная угроза репрессий, которые в отношении офицерства активизировались осенью 1918 г.

После перелома в Гражданской войне в пользу красных риторика несколько изменилась. В своем выступлении конца 1919 г. Троцкий дал более обобщенную и взвешенную оценку изменам военспецов как явлению: «У нас оказалось немало предателей и изменников, немало случаев перехода бывших офицеров в лагерь врага ... Приливы и отливы были в этом процессе и у нас, происходил сложный естественный и искусственный отбор, в котором играло роль много факторов, а прежде всего, самый ход военных операций, наши неудачи и удачи, наше международное положение»⁸.

В циркулярном письме ЦК РКП(б) от 14 июля 1919 г. об укреплении Красной армии прямо говорилось: «Военные специалисты нужны нам для армии, и военных специалистов мы будем привлекать и впредь. Нет ничего вреднее, как недомолвки и неясности в этом большом вопросе ... Из числа офицеров за полтора года путем естественного отбора выделилась группа военных деятелей по большей части, которые с преданностью и самоотверженностью служат делу рабоче-крестьянской России ... Но нельзя забывать и о том, что большинство так называемых военных специалистов принадлежит к другому, враждебному нам классу, что буржуазия стран Согласия (Антанты. – А.Г.) систематически

⁷ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 225.

⁸ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1924. Т. 2, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцатый год. С. 8–9.

подкупает и развращает этих военных специалистов. В момент, когда на том или другом фронте неудачами наше положение поколеблется, иногда начинаются эпидемии измен со стороны военных специалистов. События на Красной Горке, в Кронштадте и на Петроградском фронте вообще показали, как широко развита измена известных кругов военных специалистов. Закрывать на это глаза было бы величайшим преступлением. Чем бóльшую власть мы в интересах дисциплины отдаем командирам воинских частей, тем больше обязаны мы в оба следить за их политической лояльностью. Надо по всей России создать положение, при котором всем военным специалистам было бы ясно: те из них, которые честно служат рабоче-крестьянской России, – тем честь и место, но кто идет к нам с камнем за пазухой, кто пытается использовать свое пребывание в армии для организации контрреволюционных ячеек, – тем беспощадный красный террор»⁹.

Политработники 3-й армии Восточного фронта осенью 1918 г. жаловались в ЦК: «У нас нет ни одной дивизии, в которой не было бы случаев измены»¹⁰. Командующий советским Южным фронтом А.И. Егоров отмечал, что «наряду с многочисленной группой честно решивших работать в рядах новой революционной армии, связавших свою судьбу с пролетариатом, находилось немалое количество колеблющихся, случайно или под давлением различного рода обстоятельств попавших в армию, стремившихся при первом удобном случае изменить и перейти на сторону белых или же проводивших свою изменническую работу тайно, продолжая оставаться в рядах Красной армии»¹¹. И конечно, наиболее тяжелые последствия могла повлечь за собой измена на самом верху.

Еще в 1920-е гг. бывший советский главком С.С. Каменев отметил: «В этой же теме (командного состава Красной армии. – А.Г.) не обойтись и без освещения печальных страниц истории предательства и перебежек части командного состава из строевого офицерства. Эти страницы истории замалчивать нельзя, так как случаи были далеко не единичные и по своим последствиям очень болезненные для Красной армии. На этом фоне предательства представители другой части старого офицерства,

⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2. С. 188–189.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 7. Л. 3; Большевицское руководство. Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 58.

¹¹ Егоров А.И. Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 82.

честно выполнявшего свою работу и оправдавшего доверие рабочих и крестьян, будут ярче отмечены как активные участники революции»¹².

Увы, призыв Каменева не затухал, эти сюжеты услышан не был. Советские историки оказались лишены возможности полноценной и объективной разработки темы измен командного состава. Практически весь советский период изучение и освещение ранней истории Красной армии находилось под самым жестким партийным идеологическим контролем (до смерти И.В. Сталина эти сюжеты прямо фальсифицировались). Острые и неудобные моменты лакировались и замалчивались, расцениваясь как неперспективные. Множество исторических деятелей советского лагеря, начиная с председателя РВСР А.Д. Троцкого, были вычеркнуты из истории и объявлены «врагами народа». Их имена нежелательно было даже упоминать, а положительные оценки считались недопустимыми. Об объективном изучении действий тех, кого считали предателями даже до массовых политических репрессий 1930-х гг., не приходилось и помышлять. После Великой Отечественной войны к этому добавились и аллюзии на историю созданной нацистами Русской освободительной армии генерала А.А. Власова, в которую поступила целая группа советских военных деятелей.

В постсоветское время конъюнктура вновь переменилась – изучение истории создания Красной армии на несколько десятилетий практически приостановилось. Как следствие, исчезли те научные школы изучения истории РККА, которые все же возникли в позднем СССР, а некоторые новые работы по этой тематике носят вторичный, компилятивный характер, основаны на заимствованиях, выдаваемых за собственные архивные изыскания, и содержат недостоверные сведения¹³. Зарубежная историография тоже практически не уделяла внимания истории изменников.

До сих пор не существует специальных исследований об офицерах-перебежчиках¹⁴. Однако проблема лояльности командных кадров

---

¹² Каменев С.[С.] Предисловие // Гражданская война 1918–1921. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 25.

¹³ См., например: Игнатов В.Д. Дезертиры в истории России и СССР. М., 2018.

¹⁴ О генштабистах см.: Ганин А.В. Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА...; Он же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»; Он же. Закат Николаевской военной академии...; Он же. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. Об изменах летчиков см.: Хайрулин М.[А.] Летим на юг! Черный список красного воздушного флота // Родина. 2011. № 2. С. 84–89.

в Гражданской войне серьезна, масштабна и интересна. Ведь, по всей видимости, счет шел на тысячи, если не на десятки тысяч офицеров, перебежавших из одного лагеря в другой или бежавших за границу. Таким образом, речь идет о явлении, которое меняет некоторые базовые представления о Гражданской войне – например, стереотип неизбежности противостоящих лагерей.

Прежде всего, следует определиться с терминологией. При обсуждении материалов книги не раз возникали вопросы относительно допустимости применения понятий «измена» и «предательство» к Гражданской войне, причем отмечалось, что это эмоционально окрашенные оценочные понятия. Сразу подчеркну, что в этой книге эмоциональной окраски, исключая цитаты, такие понятия не носят, а используются лишь для констатации факта измены и предательства. Речь идет не об измене Родине, а об измене тому или иному политическому режиму, которому обязались служить герои книги (в основном об изменах советскому режиму). Под этим понятием подразумевается сознательная, добровольная подрывная работа в пользу врагов этого режима в период службы таковому (шпионаж, саботаж, вредительство, провокации, диверсии и т.д.), либо же добровольный (в отличие от пленения) переход на сторону противника.

В поле нашего зрения – представители наиболее высокопоставленной группы изменников, предательство которых могло стать самым опасным. Речь идет о тех, кто изменил красным в Гражданскую войну, имея в своем послужном списке статус командующих армиями или выше и располагая реальной вооруженной силой¹⁵. Исследование касается лишь сухопутных вооруженных сил, не затрагивая флот¹⁶.

Необходимо установить круг таких лиц. Военный историк А.Г. Кавтарадзе писал, что из 100 командующих армиями военными специалистами были 82 человека, в том числе 62 бывших кадровых офицера, 17 членов РКП(б). Изменили советской власти 5 человек, в том числе

¹⁵ Такие люди были и среди тех, кто бежал от большевиков позднее. Можно отметить бежавшего в Польшу в 1925 г. бывшего помощника командующего Восточным фронтом И.Л. Дзевалтовского, имевшего чин штабс-капитана в старой армии. Подробнее о первых невозвращенцах см.: *Генис В.Л. Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920–1933)*. М., 2009. Кн. 1; М., 2012. Кн. 2.

¹⁶ См. интересное исследование проблемы лояльности командного состава флота на примере политической биографии командующего Балтийским флотом А.М. Щастного: *Назаренко К.Б. Ледовый поход Балтийского флота. Кораблекрушение в море революции*. СПб., 2020.

3 бывших кадровых офицера (Б.П. Богословский, Н.Д. Всеволодов, Ф.Е. Махин) и 2 бывших офицера военного времени (И.Л. Сорочкин и А.И. Харченко)¹⁷. Кавтарадзе составил поименный список военспецов-командармов¹⁸, а также тех, кто, командуя армиями, военспецами не являлся¹⁹. Но сейчас очевидно, что списки эти неполны, равно как неполон и список изменников-командармов.

К сожалению, сбор информации о командном составе РККА до сих пор оставляет желать лучшего. К примеру, не существует справочника по командармам Гражданской войны. Нет даже исчерпывающего персонального списка таких командующих. О некоторых командармах почти нет сведений (в особенности это касается тех, кто командовал «армиями» до возникновения регулярных армейских структур летом 1918 г.). Например, о бывшем прапорщике А.И. Ремневе, командовавшем в начале 1918 г. несколькими советскими армиями²⁰. Есть и другие примеры из более позднего периода (в поле нашего зрения именно период существования регулярных армий и фронтов с лета 1918 г.). Так, неизвестна судьба командовавшего 2-й армией Восточного фронта партийного военспеца В.Н. Блохина (удалось установить, что в августе 1918 г. он был арестован М.С. Кедровым, причем допускалась возможность его расстрела за ложные успокоительные сведения²¹). О том, насколько поверхностны представления о становлении Красной армии, свидетельствуют имеющиеся данные о первом командующем 4-й армией Восточного фронта. В многочисленных документальных сборниках, справочниках и исследованиях отмечается, что это А.А. Ржевский,

¹⁷ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 208.

¹⁸ Там же. С. 259–262.

¹⁹ Там же. С. 217–218.

²⁰ Случайно удалось обнаружить обращение члена Московской тюремной коллегии И. Плеханова к московскому окружному военному комиссару от 9 августа 1918 г., из которого следует, что А.И. Ремнев со штабом был арестован и содержался под стражей более четырех месяцев. Летом 1918 г. Ремнев находился в Московской тюремной больнице, заболел умственным расстройством и 27 июля 1918 г. был отправлен в окружную психиатрическую лечебницу при селе Троицком Подольского уезда Московской губернии, где и проходил лечение по данным на 9 августа (РГВА. Ф. 25883. Оп. 3. Д. 1510. Л. 324). По недавно опубликованным материалам дела Ремнева, хранящегося в управлении ФСБ России по Брянской области, он бежал из лечебницы, некоторое время скрывался, но был обнаружен, арестован и расстрелян 3 августа 1919 г.

²¹ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 20. Л. 58, 61; Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.

в отношении которого не имелось данных ни об имени и отчестве, ни о службе в старой армии. Но в действительности армией командовал выпускник Николаевской академии Генерального штаба бывший полковник Петр Васильевич Ржевский²². Отрывочны биографические сведения и в отношении одного из крупных советских военных деятелей того периода – командующего Южным фронтом, а также 5-й и 15-й армиями бывшего полковника П.А. Славена.

Не все однозначно и со списком командармов, изменивших советской власти. Их перечень, составленный в советское время А.Г. Кавтарадзе, нуждается в корректировке. Например, по итогам ряда современных исследований главнокомандующий Красной армией Северного Кавказа И.Л. Сорокин представляется не изменником, а скорее жертвой самосуда²³. С деятельностью Сорокина связан и расстрел в октябре 1918 г. командующего Таманской армией И.И. Матвеева за отказ выполнить приказ. Однако Матвеева также трудно отнести к изменникам²⁴. Не всегда лояльным по отношению к советской власти было поведение Ф.К. Миронова, но поскольку ему было выражено доверие, оставим его случай за рамками нашего анализа. Тем более что деятельности Миронова посвящена обширная литература. Изменил большевикам, но уже не на должности командарма, бывший генерал-майор Н.А. Жданов. Поскольку А.Г. Кавтарадзе писал только о военспецах, вне его внимания остались те высокопоставленные изменники, которые не являлись бывшими офицерами. К таковым относился В.В. Яковлев (К.А. Мячин).

Существуют некоторые основания подозревать в измене командующего группой армий Южного фронта бывшего генерал-лейтенанта В.И. Селивачева, хотя прямых доказательств изменнических действий не обнаружено²⁵. Рассуждая о командармах-изменниках, трудно обойти вниманием и яркую личность генерала А.Л. Носовича, который формально должность командующего армией не занимал, но фактически

²² Подробнее см.: *Кумаков А.В., Симонов А.А.* Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. Саратов, 2016. Кн. 1. С. 503, 572; Кн. 2. С. 132, 217, 221, 223, 299, 684.

²³ *Карпов Н.Д.* Мятаж главкома Сорокина. М., 2006. С. 364, 371; *Лобанов В.Б., Пученков А.С.* «Авантюра» Ивана Сорокина // *Родина*. 2011. № 2. С. 65; *Крутоголов Ф.Ф.* Правда о Сорокине / публ. А.С. Пученкова // *Новейшая история России*. 2012. № 3. С. 260–274.

²⁴ *Карпов Н.Д.* Мятаж главкома Сорокина. С. 319.

²⁵ Подробнее о нем см.: *Ганин А.В.* Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012; *Он же.* Владимир Иванович Селивачев: генерал на историческом перепутье // *Генерал В.И. Селивачев. Дневники. 1901–1914 гг.* М., 2019. С. 14–96.

обладал такого рода полномочиями и руководил действиями больших групп войск²⁶.

Присутствовала измена и на более высоком уровне. Советскими фронтами, по подсчетам А.Г. Кавтарадзе, командовали 20 человек, в том числе 17 военспецов²⁷. Пожалуй, самым высокопоставленным изменником за всю Гражданскую войну в лагере красных оказался главнокомандующий Восточным советским фронтом бывший подполковник М.А. Муравьев. Сюда же можно отнести и упомянутого выше П.А. Славена, командовавшего Южным фронтом, но впоследствии изменившего красным. Отметим, что оба они также имели в своих послужных списках должности командующих армиями.

Таким образом, из 120 командующих советскими армиями и фронтами в Гражданскую войну на сторону противника перешли восемь человек: Б.П. Богословский, Н.Д. Всеволодов, Н.А. Жданов, Ф.Е. Махин, М.А. Муравьев, П.А. Славен, А.И. Харченко и В.В. Яковлев.

Известен и противоположный случай. Речь идет о сдаче в плен в районе Сочи возле грузинской границы командования Кубанской

---

²⁶ Подробнее о нем см.: Ганин А.В. «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А.Л. Носовича из Красной армии // Клио (Санкт-Петербург). 2017. № 1 (121). С. 165–175; Он же. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...» Противостояние белых подпольщиков и И.В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа // Родина. 2017. № 7. С. 118–121; Он же. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34; Он же. Арест и освобождение сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа в августе 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10). С. 32–51; Он же. И.В. Сталин в мемуарах белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. 15: «Гороховая, 2». СПб., 2017. С. 190–199; Он же. Воспоминания генерала А.Л. Носовича о работе белого подполья в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. М., 2017. С. 89–98; Он же. Воспоминания белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича: характеристика и проблема верификации источника // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 67–77; Он же. Революционные события 1917 г. в освещении генерала А.Л. Носовича // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 176–184; Он же. Новые документы о подпольной работе в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019. С. 415–430; Он же. «Квинтэссенция кретинизма». Антибольшевистское движение на Юге России в оценках белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 3 (18). С. 6–24.

²⁷ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты... С. 207.

армии белых во главе с генерал-майором Н.А. Морозовым в начале мая 1920 г. Тогда красным сдались около 34 000 казаков²⁸. Сослуживец Морозова генерал-майор В.А. Замбрицкий свидетельствовал о вере этого генерала в возможность примирения с красными, о его разочаровании в Белом движении и готовности воспринять советскую идеологию как новую государственную идею. Основой таких взглядов, по мнению Замбрицкого, стали надежды на установление в стране твердой власти в противовес хаосу у белых²⁹.

На одном из совещаний, по словам Замбрицкого, «этот бородатый и лысый человек, обличем похожий скорее на ямщика иль на ярославского чайного сидельца, чем на ученого-профессора, вскочил, искаженный бешенством, весь дрожа и стиснув кулаки, и истерически выкрикнул, стукнув пястью о стол: “Я ненавижу этого Деникина, от него все зло и гибель!” И было столько муки, столько отчаяния, столько горечи в этом крике истерзанной души, что, право, язык не подымался сказать, что Морозов – простой перебежчик. Нет, это надрыв, это поиски меньшего зла в море общего зла... Ведь он все-таки ратовал за единение только не под знаменем Деникина; тот через неделю после этого и сам ушел, да мы-то этого тогда не знали...»³⁰

Эти свидетельства совпадают с показаниями самого Морозова, данными по делу «Весна»: «Крах Деникина и моральное разложение кубанских и донских частей показали мне, что Белому движению пришлось иметь дело не с анархией, а с каким-то более прочным государственным образованием. Однако я считал, что для меня как для белого дорога в Сов[етскую] Россию закрыта, пока случайный разговор по телефону с включившимся красным командованием 34[-й] дивизии не дал мне мысли о возможности мирно покончить бесцельную борьбу, причем мне за бегством старших начальников пришлось остаться с казаками за старшего.

Я переходил на сторону красных с весьма смутным представлением о сов[етской] власти, считая ее, однако, единственной государственной властью и интересуясь вместе с моими товарищами тем загадочным строительством, которое ведется в стране.

Действительность 1920 года при близком знакомстве с нею меня сначала разочаровала; мне вскоре стало ясно, что военный коммунизм

²⁸ Елисеев Ф.И. Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006. С. 330.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 182–183.

³⁰ Там же. Л. 81.

не удержится, я полагал, что он будет сметен стихийным крестьянским движением, с которым уцелевшим из нас придется иметь дело.

Опыт Кронштадта, Тамбовского, махновского и пр[очих] крестьянских движений убедил меня, что анархия как неизбежный их спутник грозит стране развалом, иностранным вмешательством, закабалением и реакцией»³¹. В дальнейшем Морозов добросовестно служил в РККА и был расстрелян в 1938 г. Впрочем, это сюжет для отдельного исследования.

Помимо Морозова еще несколько генералов, имевших опыт командования белыми армиями, были взяты частями РККА в плен на исходе Гражданской войны. Речь идет о бывшем командующем Уральской отдельной армией генерал-лейтенанте В.И. Акутине, о бывшем командующем Южной армией генерал-майоре П.А. Белове, о бывшем командующем Народной армией Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания генерал-майоре Н.А. Галкине и о бывшем временно исполняющем должность командующего Сибирской армией генерал-лейтенанте А.Ф. Матковском. Все четыре случая связаны с Восточным фронтом и относятся к концу 1919 – началу 1920 г., причем взятые в плен оставили командование армиями задолго до пленения. Акутин, Белов и Матковский были вскоре расстреляны. Галкин же, как недавно установлено, дожил в СССР до второй половины 1930-х гг.³² Однако пленение и осознанная измена при наличии выбора – явления разного порядка.

Возвращаясь к той роли, которую сыграли в Гражданской войне командармы, изменившие советской власти, а также к вопросу о мотивах, обстоятельствах и последствиях их измен, нельзя не признать, что эти сюжеты не являлись предметом специального монографического исследования.

В советской историографии длительное время под негласным запретом находилась даже проблематика участия добросовестных военных специалистов в строительстве Красной армии, не говоря о деятельности (тем более созидательной) перебежчиков и предателей. О высокопоставленных изменниках или не упоминали вовсе, или же их служба характеризовалась искажавшими действительность пропагандистскими штампами, а в некоторых случаях заурядными оскорблениями,

³¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 250. Л. 63об.

³² Боевой восемнадцатый год: Сб. док. и воспоминаний / под ред. Я.В. Леонтьева. М., 2018. С. 44–100.

рассчитанными на невзыскательного читателя. Например, на излете советской эпохи один из авторов написал, что командармы-изменники – это «бездари и бездельники»³³. Думается, высокопоставленные изменники, о которых пойдет речь в этой книге, были кем угодно, но точно не бездарями и бездельниками.

Сильнее прочих в советской историографии доставалось М.А. Муравьеву. Автор одной из работ 1930-х гг. писал, что «выступление левых эсеров и полковника Муравьева было заранее подготовлено при определенной поддержке со стороны англо-французских империалистов»³⁴. Далее тот же автор писал, что Л.Д. Троцкий якобы продолжал линию Муравьева на бессудные расстрелы красноармейцев и комиссаров при мягком отношении и полном доверии к старым офицерам³⁵. В работе Е.И. Медведева отмечалось, что «левый эсер» М.А. Муравьев причинил «огромный вред боевым действиям Красной армии на Восточном фронте»³⁶. Историк П.Г. Софинов изобразил Муравьева ставленником Л.Д. Троцкого, который, в свою очередь, тоже вел вредительскую работу³⁷. На этом Софинов не остановился, отметив, что назначение Муравьева соответствовало замыслам левых эсеров и подпольного «Союза защиты Родины и свободы», а мятеж Муравьев должен был готовить по поручению ЦК партии левых эсеров, причем в подобных оценках Софинов был не одинок³⁸. Разумеется, эти утверждения ничем не подкреплялись. О том, что логика такого изложения делала проводником замыслов антибольшевистского подполья уже и самого главу советского военного ведомства Троцкого, автор, видимо, не задумывался.

Впрочем, некоторых авторов не смущала и такая логика, да и писать иначе о тех событиях, в особенности до смерти И.В. Сталина, никто бы им не позволил. Так, в работе В.В. Хрулева, изданной Наркоматом обороны СССР в 1940 г., сообщалось: «Высшие командные и штабные должности в Красной армии в первый период борьбы

³³ Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. – 28 авг. 1923 г.). М., 1991. С. 211.

³⁴ Алексеев В. Восстание главкома Муравьева. Сталинград, 1936. С. 22.

³⁵ Там же. С. 25.

³⁶ Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Куйбышев, 1974. С. 147.

³⁷ Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960. С. 78–79.

³⁸ См., например: Ненароков А.П. Восточный фронт 1918. М., 1969. С. 97; Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 32.

зачастую были заняты ставленниками Троцкого – эсерами, меньшевиками и контрреволюционными офицерами. Таковы были предатели: главнокомандующий Муравьев, пытавшийся открыть чехам путь на Москву, командующий 2-й армией Махин и командующий 3-й армией Богословский. Эти предатели перебежали к белым, захватив с собой планы обороны Уфы и Екатеринбурга»³⁹. Однако «великий стратег революции товарищ Сталин со своим верным соратником товарищем Ворошиловым спасли страну от тяжелых испытаний»⁴⁰.

Действиям будущих изменников, даже задолго до измены, приписывали вредительский характер, а созидательная работа игнорировалась или выдавалась за умелую маскировку⁴¹. В этой логике череда назначений М.А. Муравьевым летом 1918 г. на ответственные посты будущих перебежчиков (Махина, Харченко, Яковлева) однозначно трактовалась как назначения ставленников и сообщников – таких же будущих предателей, но при этом его же приказы о снятии Харченко и Яковлева с тех же постов оставались без какого-либо комментария. Ф.Е. Махин упоминался в советской литературе не только в связи со своей изменой в 1918 г., но также в контексте антисоветской работы эсеров в эмиграции в начале 1920-х гг. Однако почти не публиковалось данных о его позднейшей деятельности и идейной эволюции в сторону коммунизма. Кроме того, не всегда фрагменты биографии одного и того же человека связывались в единое целое⁴².

На самом деле реальность была совершенно иной и намного сложнее советских историографических схем. В частности, новейшие документальные публикации показывают, что Муравьев официально не состоял в партии левых эсеров, хотя в своих целях и представлялся членом партии, чем вводил многих в заблуждение. Когда стало известно о выступлении Муравьева, левые эсеры отмежевались от каких-либо связей с его действиями⁴³, а сам Муравьев отмежевался от связи с вос-

³⁹ Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940. С. 52.

⁴⁰ Там же. С. 53.

⁴¹ Например, в таком ключе о М.А. Муравьеве и В.В. Яковлеве писал А.П. Ненароков в своей основательной монографии о Восточном фронте (*Ненароков А.П. Восточный фронт*. С. 54, 97–102).

⁴² См., например: *Мухачев Ю.В. «Новая тактика» российской контрреволюции и ее провал. 1920–1922 гг. // Исторические записки*. М., 1977. Т. 99. С. 74.

⁴³ *Партия левых социалистов-революционеров: Док. и мат. 1917–1925 гг.* М., 2015. Т. 2, ч. 2. С. 94–95, 188, 196–197, 209–210, 296–297, 353.

станием левых эсеров в Москве⁴⁴. Более того, в новейших исследованиях достигнут консенсусный вывод ряда авторов о том, что военно-административная деятельность Муравьева на Восточном фронте до его выступления против советской власти носила созидательный для укрепления Красной армии характер⁴⁵.

После 1991 г. история становления Красной армии оказалась на периферии исследовательского интереса, в связи с чем постсоветская историография слабо продвинулась в этом вопросе. В обобщающих работах, так или иначе упоминавших имена командармов-изменников, сведения о них стереотипны и не всегда точны⁴⁶, детали же продолжают оставаться неизвестными. В наибольшей степени в отечественной и зарубежной историографии изучены биографии М.А. Муравьева⁴⁷ и В.В. Яковлева⁴⁸.

В этой книге вниманию читателей представлены биографические очерки о тех командармах-изменниках, которые являлись кадровыми

⁴⁴ Там же. С. 142–146.

⁴⁵ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Попытка упразднения Восточного фронта летом 1918 года. Малоизвестный эпизод советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 2016. № 8. С. 14–18; *Наумов Е.О.* «Муравьев всячески мешал сосредоточению первой армии»: к вопросу о роли командующего Восточным фронтом в создании 1-й армии летом 1918 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2017. Т. 17. Серия История. Международные отношения. Вып. 2. С. 262–268; *Симонов А.А.* Главком М.А. Муравьев и создание Восточного фронта (июнь – июль 1918 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2013. Т. 13. Серия История. Международные отношения. Вып. 1. С. 31–38.

⁴⁶ См., например: *Кантор Ю.З.* Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 124; *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 61–62.

⁴⁷ *Беленкин Б.И.* Авантюристы великой Смуты: Россия, XX век: Революция, Гражданская война, 20-е годы. М., 2001. С. 260–287; Боевой восемнадцатый год. С. 287–366; *Ганин А.В.* Попытка упразднения Восточного фронта...; *Наумов Е.О.* «Муравьев всячески мешал сосредоточению первой армии»...; *Савченко В.А.* Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. М., 2000. С. 44–64; *Симонов А.А.* Главком М.А. Муравьев и создание Восточного фронта...; *Гриневиц В.А., Гриневиц Л.В.* Слідча справа М.А. Муравйова: документована історія. Київ, 2001; *Swain G.* Russia's Garibaldi: The Revolutionary Life of Mikhail Artemevich Muraviev // Revolutionary Russia. 1998. Vol. 11, № 2. P. 54–81.

⁴⁸ *Авдонин А.Н.* В жерновах революции. Екатеринбург, 1995; *Сизов С.Г.* Беглый комиссар В. Яковлев (Мячин) и его «исповедь» в омской газете «Правительственный вестник» (ноябрь 1918 года) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2017. № 2. С. 18–20.

офицерами старой армии, обладавшими высшим военным образованием. Таких было четверо: Б.П. Богословский, Н.Д. Всеволодов, Н.А. Жданов и Ф.Е. Махин. Краткие данные об остальных высокопоставленных изменниках приведены в заключительном разделе книги.

Реконструируя исторические портреты этих людей, автор пытался не только проследить судьбы, но и понять внутренний мир, мотивацию, личностные особенности, дать объяснение тем или иным поступкам и намерениям высокопоставленных изменников. Такое погружение позволяет приблизиться к пониманию особенностей их поведения и вписать их действия в более широкую картину участия бывших офицеров в создании Красной армии и в Гражданской войне.

Основу работы составили документы шестнадцати российских и зарубежных архивов, включая архивы Армении, Латвии, Сербии, США, Украины, Чехии. Наиболее значимыми в рамках проведенного исследования были материалы четырех федеральных архивов России: ГА РФ, РГАСПИ, РГВА и РГВИА, а также Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

Биографии командармов, очерки о которых вошли в книгу, привлекали внимание исследователей и ранее на уровне небольших статей и тезисов⁴⁹. Однако опубликованные прежде сведения были фрагментарны и не всегда достоверны, порой содержали заимствования из работ предшественников, а полноценного архивного исследования не проводилось⁵⁰. Автор этих строк начал работу по сбору материалов

⁴⁹ Например: Каминский В.В. Почему генштабист РККА Ф.Е. Махин «открыл ворота» Уфы белому Комучу 4 июля 1918 г.? // История белой Сибири: Материалы 5-й междунар. науч. конф. 4–5 февраля 2003 года. Кемерово, 2003. С. 140–147; Он же. Почему Генштаба полковник Б.П. Богословский не захотел командовать 3-й армией «красного» Восточного фронта (июль 1918 г.)? // История белой Сибири: Материалы 6-й междунар. науч. конф. 7–8 февраля 2005 г. Кемерово, 2005. С. 95–101; Кобзов В.С., Кузнецов В.А. Зигзаги судьбы казаков Махиных // Гостиный двор (Оренбург). 2000. № 9. С. 97–104; Тесемников В.А. Югославская одиссея Федора Махина // Родина. 2007. № 8. С. 93–97; Он же. Превратности судьбы генерала Ф.Е. Махина // Tokovi istorije. 2008. № 1–2. С. 68–83.

⁵⁰ Попытка анализа действий Б.П. Богословского и других командармов-изменников израильским автором В.В. Каминским привела к многочисленным искажениям исторических фактов и даже к частичной фальсификации сложного исторического материала (Каминский В.В. Почему Генштаба полковник Б.П. Богословский...). В угоду собственным теориям В.В. Каминский сознательно фальсифицировал мотивы перехода Богословского и других перебежчиков на сторону белых, представив это явление как результат некоего

«ущемления большевиками служебного статуса» военспеца (Там же. С. 95). В статье утверждалось, что приход к власти большевиков не вызвал протеста у Богословского. Не вписывающееся в эти построения подробное описание генералом М.А. Иностранцевым антибольшевистских разговоров Богословского перед побегом В.В. Каминский намеренно проигнорировал, объявив политизированным и опустив наиболее резкое антибольшевистское высказывание Богословского в изложении Иностранцева (Там же. С. 97). Далее последовал анализ материального благосостояния военспеца Богословского, на основе чего делался абсурдный вывод, что офицер бежал через линию фронта к противнику, поскольку предпочитал преподавательскую работу за высокий оклад тяготам фронтовой службы (Там же. С. 98). Не ориентируясь в организационной структуре антибольшевистских формирований, В.В. Каминский заявил, что Богословский у белых с августа 1918 до зимы 1919/20 г. «возглавил штаб 1-й Сибирской армии колчаковских вооруженных формирований» (Там же), причем в представлении В.В. Каминского штаб этой вымышленной армии располагался в Чите (Там же. С. 99). По-видимому, В.В. Каминский не знал, что адмирал А.В. Колчак пришел к власти на Востоке России только в ноябре 1918 г., никакой «1-й Сибирской армии» не существовало, штаб реально существовавшей Сибирской армии находился в Омске, а Богословский занимал совсем другие посты. Много внимания В.В. Каминский уделил вопросу достоверности неких «личных показаний полковника Богословского» за февраль 1919 г. (Там же. С. 98–99). Недоумевая, откуда мог взяться такой документ, В.В. Каминский предположил, что, «по всей видимости, указанные сведения были Богословским попросту сфабрикованы позднее, уже в бытность его пребывания (так в цитируемой статье. – А.Г.) на службе у “белых”, дабы искупить в глазах новых хозяев “вину” за факт своей прежней службы у “красных»» (Там же. С. 99). Однако в действительности все намного проще – на самом деле показания давал не генерал Богословский, а полковник Богуславский (РГВА. Ф. 40022. Оп. 1. Д. 17. Л. 671–674об.), фамилию которого В.В. Каминский исказил, в итоге перепутав этого офицера с генералом Б.П. Богословским. С 29 июля 1918 г. Богословский был зачислен в резерв по штабу Народной армии в Екатеринбурге (подробнее см.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии... С. 627). В.В. Каминский ожидаемо перепутал это формирование с Народной армией Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча) (Каминский В.В. Почему Генштаба полковник Б.П. Богословский... С. 99), к которой Богословский даже географически не имел никакого отношения. Кроме того, В.В. Каминский искажил численность выпускников Военной академии, служивших в РККА, утверждая, что таковых было 703, тогда как на самом деле не менее 1580. В разы оказалась искажена численность выпускников Военной академии, бежавших из РККА. По мнению В.В. Каминского, таких было 27 человек (Там же), тогда как поименно известны не менее 562 таких офицеров. Искажены оказались данные и о численности выпускников ускоренных курсов академии, а также дата начала эвакуации академии из Петрограда – по В.В. Каминскому «не раньше 23 марта 1918 г.» (Там же. С. 100), на самом же деле – 17 марта 1918 г. В.В. Каминский искажил и обстоятельства службы генерала А.И. Андогского, назвав того «бессменным руководителем» академии с 1917 до 1920 г. (Там же), тогда как в действительности в связи с конфликтами группировок офицеров на Востоке России Андогский руководил академией с перерывами. Наконец, искажена В.В. Каминским оказалась и дата занятия антибольшевистскими силами Каза-

ни – в статье ошибочно указано, что переход Военной академии на сторону противников большевиков в Казани произошел якобы 6–10 августа (Там же. С. 95), на самом же деле части Народной армии и чехословаки взяли город 7 августа 1918 г.

Не лучше обстоят дела с исследованиями биографии Н. Д. Всеволодова. Так, например, один из известных западных исследователей Гражданской войны называет Всеволодова генералом, хотя тот был только полковником (*Mawdsley E. The Russian Civil War. Edinburgh, 2008. P. 234*). В советской литературе утверждалось, что Всеволодов якобы был членом тайной белогвардейской организации, поддерживавшей связь с противником (*Медведев Р.А., Стариков С.П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М., 1989. С. 109–110*). Доказательств такому утверждению, однако, не приводилось. Упомянувшийся ранее В.В. Каминский, не будучи знаком с документами о вредительской деятельности Всеволодова и его измене, подгонял его случай под выдуманную им схему службы военспецов в РККА по «социально-бытовым мотивам» и утверждал, что к белым Всеволодов перебежал ради карьеры (*Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011. С. 212–213*), что совершенно не соответствует действительности. Подобное ложное объяснение Каминский пытался давать и другим случаям переходов военспецов на сторону противника.

Аналогичная ситуация и с биографией Ф.Е. Махина. В.С. Кобзов и В.А. Кузнецов впервые выявили подробности служебных неприятностей отца Махина, но биографию его самого изложили не вполне точно (*Кобзов В.С., Кузнецов В.А. Зигзаги судьбы казаков Махиных*). Краткий очерк о Ф.Е. Махине из книги С.Ю. Танина представляет собой не что иное, как пересказ наших публикаций на ту же тему без единой ссылки на источник заимствований (*Танин С.Ю. Русский Белград. М., 2009. С. 105–109*). В.А. Тесемников обнаружил ряд ценных свидетельств о югославском периоде жизни Махина, но, наоборот, проигнорировал наши публикации, представив себя первым биографом Махина и при этом допустив неточности (*Тесемников В.А. Превратности судьбы генерала Ф.Е. Махина*). Публицистический подход к биографии Махина лишь тиражировал мифы и неточности (*Атанасевич И. История о том, как сибиряк Махин, казак, белогвардейский полковник, эсер и четник, стал югославским генералом и советским разведчиком // Опаленные революцией. Великая русская революция в судьбах российских соотечественников. СПб., 2017. С. 27–32*). Не всегда достоверные сведения о Махине содержатся в сербской литературе, в том числе справочной, это в особенности касается периода жизни и деятельности Махина в России (см., напр.: *Vojna Enciklopedija. Drugo izdanje. Beograd, 1973. T. 5. S. 208; Jovović B., Marčesku N. Први начелници историјских одељења главних Ђенералштабова војски краљевине Србије и краљевине Југославије и Генералштаба ЈА // Војно-историјски гласник (Београд). 2002. № 1–2. С. 98–117*). В одной из статей утверждалось, что Махин якобы был членом правительства Директории и из Сибири был выслан в Китай, откуда с остатками 1-й Сербской добровольческой дивизии отправился добровольцем на Салоникский фронт и даже участвовал в прорыве этого фронта в сентябре 1918 г. в составе Югославянской дивизии (*Jovović B., Marčesku N. Први начелници историјских одељења ... С. 111*). Сам Махин, сражавшийся в это время с красными в Поволжье, сильно удивился бы такому повороту своей биографии. Ряд неточностей и небрежностей содержит короткий раздел о Махине в книге В.С. Кобзова и И.В. Шведова (*Кобзов В.С., Шведов И.В. Урал*

для вошедших в книгу биографий около двадцати лет назад и опубликовал статьи о каждом из героев книги⁵¹. Для настоящего издания

в период потрясений 1917–1921 годов. Челябинск, 2017. С. 265–274). Кроме того, указанные авторы проигнорировали несколько наших публикаций о Махине, включая наиболее полный на момент выхода их работы 44-страничный биографический очерк.

Статью о Махине опубликовал и упоминавшийся выше В.В. Каминский. Не владея информацией о подпольной работе эсеров в РККА, он пытался представить просьбы Махина о назначении весной 1918 г. как стремление «занять в местном округе РККА более престижную и более высокооплачиваемую должность» (*Каминский В.В. Почему генштабист РККА Ф.Е. Махин ...* С. 144). Этим рассуждениям предшествовали анекдотические подсчеты того, что в окружном штабе разгоравшейся Гражданской войны Махин якобы мог заработать на 100 руб. больше, чем в тыловой Москве (Там же. С. 142). Переход же Махина на сторону Комуца трактовался не иначе, как очередное проявление неких «социально-бытовых настроений» (Там же. С. 141), т.е. новый поиск еще большего жалования и еще более высоких постов (видимо, чем пост командующего советской армией). Несуразность подобных построений В.В. Каминского не смущала, а все, что в них не вписывалось, было объявлено неверным (даже суждения такого осведомленного современника, как Л.Д. Троцкий). По заявлению В.В. Каминского, «уместно было бы назвать генштабиста Ф.Е. Махина “перебежчиком” (“изменником”) от одной “кормушки” к “кормушке” другой, которая, по его ожиданиям, должна была оказаться более “сытой” и более престижной» (Там же. С. 144). По-видимому, в представлениях В.В. Каминского измена высокопоставленного военного деятеля и пересечение линии фронта с ненулевой вероятностью погибнуть или попасть под репрессии в лагере противника не сложнее смены места работы в мирное время. Надо ли пояснять, что подобная зоологическая теория поведения командарма Гражданской войны не имеет ничего общего с исторической действительностью.

О Н.А. Жданове и его следственном деле упомянул в своей статье магистрант В.А. Яковенко (*Яковенко В.А. Проверка офицеров в судебно-следственных комиссиях Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (лето 1918 – зима 1920 г.)* // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов, 2019. Вып. 12–13. С. 221–222), однако он проигнорировал наш очерк с полным анализом дела Жданова и не смог понять контекст изложенного в документах.

⁵¹ Ганин А.В. Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58; Он же. «... От мысли, что рядом со мною в казачьей форме сидит тайный эсер, я был далек» (Ф.Е. Махин) // Военно-исторический журнал. Интернет-приложение. 2006. № 3; Он же. Попытка свержения атамана А.И. Дутова в Оренбурге в декабре 1918 г. // История белой Сибири: Материалы 5-й междунар. науч. конф. 4–5 февраля 2003 г. Кемерово, 2003. С. 151–154; Он же. Заговор против атамана Дутова в воспоминаниях очевидцев // Археография Южного Урала: Материалы Третьей Межрегиональной науч.-практич. конф. 30 сентября 2003 года. Уфа, 2003. С. 27–36; Он же. Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального штаба, 1901–1914 гг.: Опыт историко-психологического исследования // Русский сборник. Исследования по истории России XIX – XX вв. М., 2004. Т. 1. С. 152–196; Он же.

биографические очерки были существенно переработаны, исправлены и дополнены.

Работа сопровождалась целым рядом сложностей. Так, многие документы о деятельности Ф.Е. Махина в 1930–1940-е гг. засекречены в связи с его сотрудничеством с советскими спецслужбами или труднодоступны. Боевой путь Махина в годы Второй мировой войны удалось очистить от мифов и впервые полностью реконструировать благодаря любезному и высокопрофессиональному содействию коллег из Сербии д.и.н. А.Ю. Тимофеева и доктора истории Д. Денды. Б.П. Богословский до сих пор не реабилитирован, что, несмотря на значительные усилия, не позволило ознакомиться с его архивно-следственным делом, хранящимся в Управлении ФСБ России по Омской области. По этой причине очерк о Богословском не имеет документальных приложений. Следы Н.Д. Всеволодова и Н.А. Жданова теряются в эмиграции. Не все периоды жизни и деятельности героев этой книги в достаточной степени обеспечены историческими источниками. В особенности это относится к их подпольной работе. В силу этого биографии различны по объему и в них еще рано ставить точку.

Наряду с биографическими очерками в книгу вошли объемные документальные приложения, содержащие ранее неизвестные архивные документы, которые проливают свет на обстоятельства измен и деятельность героев книги. Среди наиболее значимых находок – обнаруженные в США воспоминания командарма Н.Д. Всеволодова, которые до сих пор не были известны даже специалистам и публикуются впервые.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Опечатки, явные ошибки и несогласованность окончаний исправлены без оговорок. Сокращения раскрыты в квадратных

«Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты: Сб. статей и мат. М., 2014. С. 16–59; *Ганин А.В.* «Свој међу туђима, туђ међу својима»: пуковник Фјодор Махин // Векови. Историјски часопис Андрићевог института (Андрићград). 2014. № 1. С. 115–160; *Ганин А.В.* Измена командарма Жданова // Кавказский сборник (Москва). 2014. Т. 8 (40). С. 114–170; *Он же.* От красного командарма до белого генерала: Б.П. Богословский в годы Гражданской войны // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Омск, 2019. С. 55–70; Измена командарма Н.Д. Всеволодова / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 72–93; № 5. С. 71–91.

скобках. Все даты, относящиеся к истории России до февраля 1918 г., приведены по старому стилю.

Выражаю сердечную признательность всем, кто оказал содействие при подготовке книги: рецензентам книги – докторам исторических наук А.Ю. Безугольному, Е.Ю. Борисёнок и А.Ю. Тимофееву, доктору истории Дж. Суэйну; кандидатам исторических наук О.Р. Айрапетову, Ф.А. Гущину, В.Б. Каширину, М.А. Ковальчуку, В.Г. Семенову, А.А. Силкину, А.А. Симонову, Л.А. Юзефовичу; доктору истории Д. Денде, а также А.М. Кручинину, А.С. Кручинину, А.А. Литвину, П.А. Оскольской, К.К. Семенову, О.Н. Труфановой и И. Франкёну.

Автор обращается к потомкам офицеров, которым посвящена эта книга, с просьбой присылать имеющиеся материалы семейных архивов, что позволило бы продолжить исследования.

Все дополнения, исправления, уточнения и отзывы просьба направлять на электронную почту автора: andrey_ganin@mail.ru.

«Свой среди чужих
и чужой среди своих»

ПОЛКОВНИК

Федор Махин

Гражданская война дает совсем немного примеров того, как старшие офицеры русской армии обретали популярность и статус народных вожаков и руководителей повстанческих и партизанских отрядов. Одним из таких офицеров был полковник Федор Евдокимович Махин – офицер, очевидно обладавший ко времени революции оформившимися убеждениями, не типичными для основной массы его сослуживцев, и заметной склонностью к политической активности.

Жизненный путь полковника Махина не вполне характерен для русских офицеров начала XX в. Наиболее точно он может быть охарактеризован фразой «Свой среди чужих и чужой среди своих».

Федор Евдокимович Махин родился в Иркутске 15 апреля 1882 г. в семье ветерана туркестанских походов и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., кавалера полного банта Знака отличия Военного ордена, урядника Оренбургского казачьего войска Евдокима Васильевича Махина. Более отдаленные корни Махиных уходили в Донское войско.

Причина того, что оренбургский казак появился на свет в Восточной Сибири, нетривиальна. Дело в том, что Евдоким Махин был разжалован и сослан на бессрочную каторгу за оскорбление офицера, совершенное в нетрезвом состоянии в ночь с 22 на 23 декабря 1879 г. Такое начало пути уже кажется необычным, учитывая, что семья Махина была старообрядческой, а сам Федор хорошо читал Библию на голос¹. Эмигрант Г.А. Малахов свидетельствовал, что Махин, даже будучи штаб-офицером, никогда не курил в присутствии отца². Впрочем, в послужном списке младший Махин указан православным без каких-либо отметок о его принадлежности к старообрядцам.

На истории отца Махина следует остановиться подробнее. Евдоким Васильевич Махин родился в 1848 г. и происходил из казаков станицы Буранной 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Участвовал во взятии Чимкента, Ак-Булака, крепости Ниябек, Тур-

¹ Ремизов А.М. Собрание сочинений. М., 2002. Т. 9. С. 486.

² Малахов Г.А. Записки эмигранта // Архив ДРЗ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 11. С. 155. Выражаю благодарность К.К. Семенову, любезно предоставившему копию документа.

кестана и Аулие-аты. Знак отличия Военного ордена (неофициально именовавшийся Георгиевским крестом) 4-й степени (№ 29587) урядник 2-й Оренбургской сотни Е.В. Махин получил 13 июня 1873 г. за храбрость, оказанную в делах 12–30 мая 1873 г. и под стенами Хивы. Три других креста (3-й степени – № 2060; 2-й степени – № 510; 1-й степени – № 171) были пожалованы приказом по войску от 29 августа 1876 г. № 155 за отличие в делах с кокандцами 21, 22 августа и 1 октября 1875 г.³ Помимо полного банта Знака отличия Военного ордена Е.В. Махин имел светло-бронзовую медаль за Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

Инцидент с Евдокимом Васильевичем случился как раз при возвращении с войны на Донгузской почтовой станции, когда до родной станицы оставалось совсем немного. В приказе по войску № 184 за 11 сентября 1880 г. сохранилось подробное описание происшествия: «В ночь с 22 на 23 декабря прошлого 1879 года, быв в нетрезвом виде и встретив на Донгузской почтовой станции проезжавших из г. Оренбурга в Илецк майора 1-го Оренбургского линейного батальона Камбулина, купца Галдерина и купеческого сына Щербакова, стал к ним придирааться и вмешиваться в их разговор, а когда майор Камбулин заявил, что он офицер и состоит на действительной службе, потребовал от Махина, чтобы тот не мешал им разговаривать, то Махин сначала замолчал, а затем, толкнув одного из проезжавших с майором Камбулиным лиц и положив руку на шашку, закричал: “Всех вас положу на месте”. Когда же майор Камбулин, желая предупредить дальнейшее буйство Махина, одел на себя форменный сюртук, то Махин, понося майора Камбулина, стал кричать, что майор Камбулин – изменник, что он имеет намерение покуситься на жизнь священной особы государя императора, и, бросившись на означенного офицера, намеревался сорвать с него погоны, а затем схватил его за руки и, стащив со стула, требовал веревок или вожжей, дабы связать и в таком же виде пригнать в Оренбург для

---

³ Приказ по Оренбургскому казачьему войску. 1876. 29.08. № 155. Выражаю благодарность к.и.н. В.Г. Семенову, любезно предоставившему копию документа. Также см.: *Бешенцев В.Г., Завершинский В.И., Козлов Ю.Я., Семенов В.Г., Шалагин А.В.* Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. Первый военный отдел. Челябинск, 2012. С. 41, 192; *Кобзов В.С., Шведов И.В.* Урал в период потрясений 1917–1921 годов. Челябинск, 2017. С. 266.

представления начальству»⁴. Всех участников инцидента доставили в Оренбург. По приказанию губернатора и Наказного атамана Оренбургского казачьего войска М.И. Астафьева было проведено полицейское расследование. Е.В. Махин, протрезвев, решил придерживаться своих прежних слов: «Махин по приезде в Оренбург заявил оренбургскому исправнику, что майор Камбулин, купец Галдерин и купеческий сын Щербаков позволяли себе на станции Донгуз осуждать существующий в России образ правления и выражать сожаление о неудавшихся покушениях на жизнь священной особы государя императора, что, однако же, по произведении исследования не только не подтвердилось, но оказалось совершенно вымышленным»⁵. В результате Е.В. Махин попал под суд.

3 июня 1880 г. Оренбургский военно-окружной суд вынес приговор: «за оскорбление офицера на словах и в высшей степени дерзкими действиями, соединенными с насилием при исполнении офицером служебных обязанностей и ложный донос» лишить Махина звания, наград, всех прав состояния и отправить на рудники в бессрочную каторгу. Однако в том же году император Александр II по докладу ходатайства о Махине сосланного в Оренбург великого князя Николая Константиновича ограничил срок каторги пятнадцатью годами⁶. Махину повезло – едва ли вступивший на следующий год на престол Александр III проявил бы подобное милосердие.

Махин попал на каторгу в селе Александровском Усть-Балейской волости Иркутской губернии и округа вместе с женой Агафьей. Именно там находился знаменитый Александровский централ – центральная каторжная тюрьма. У них родились дети Афанасий и Федор (в приказе по войску ошибочно указано, что родились в 1880 г., а не в 1882 г., но это дает основания предполагать, что речь шла о близнецах), а 14 мая 1887 г. третий сын Константин⁷.

⁴ Приказ по Оренбургскому казачьему войску. 1880. 11.09. № 184. Выражаю благодарность к.и.н. В.Г. Семенову, любезно предоставившему копию документа. Ранее с неточностями публиковалось в: *Кобзов В.С., Кузнецов В.А.* Зигзаги судьбы казаков Махиных // Гостиный двор (Оренбург). 2000. № 9. С. 97–104; *Кобзов В.С., Шведов И.В.* Урал в период потрясений... С. 266–267.

⁵ Приказ по Оренбургскому казачьему войску. 1880. 11.09. № 184.

⁶ Приказ по Оренбургскому казачьему войску. 1880. 13.10. № 217. Выражаю благодарность к.и.н. В.Г. Семенову, любезно предоставившему копию документа.

⁷ Приказ по Оренбургскому казачьему войску. 1895. № 589. 29.09. Выражаю благодарность к.и.н. В.Г. Семенову, любезно предоставившему копию документа.

Через пятнадцать лет, в 1895 г., Махины смогли вернуться домой. Евдоким Васильевич был зачислен в войсковое сословие Оренбургского войска по поселку Буранному одноименной станицы с земельным наделом из буранинских дач. Местный журналист (по некоторым данным, это был Н.А. Ершов, но статья не подписана) отмечал, что «Махин был скорее несчастною жертвой своего времени, своего темперамента и неправильного понимания служебного долга, чем сознательным развращенным преступником.

Все это станичники знали и чувствовали, а потому и жалели его как несчастного, пока он был на каторге, и с радостью приняли в 1895 году в свою среду, когда это стало для него возможным, благодаря Высочайшей милости. Будучи человеком нравственным и всеми уважаемым до каторги, Махин остался таковым же и после нее. Возвратившись на Родину, он быстро снова снискал уважение и любовь своих станичников настолько, что был избран ими в последнее время в почетные судьбы, а должность эта принадлежит к самым важным в станичной администрации, наравне с должностью станичного атамана, и на нее избираются только люди выдающиеся по своим служебным и нравственным качествам»⁸.

Друг Ф.Е. Махина генерал П.С. Махров излагал эту историю со слов своего товарища следующим образом: «Биография Федора Евдокимовича полковника Махина была не из заурядных. Он был сын каторжника и родился где-то в местах отдаленных Сибири⁹. Его отец до ссылки был урядник оренбургского казачества и кавалер всех четырех степеней Георгиевского креста¹⁰. Эти награды он получил за бои при взятии крепости Геок-Тепе в 1881 г.¹¹, и ген[ерал] [М.Д.] Скобелев назначил его своим ординарцем¹².

Возвращаясь после войны в Оренбург, на одной из почтовых станций ему сделал офицер какое-то замечание. Урядник Евдоким Махин, будучи навеселе, ударил офицера по лицу. За это по суду он был лишен воинского звания, орденов и был сослан в Сибирь

⁸ Оренбургская газета. 1899. 01.01. № 552. С. 2–3. Выражаю благодарность к.и.н. В.Г. Семенову, любезно предоставившему копию статьи.

⁹ Ф.Е. Махин родился в Иркутске.

¹⁰ Тогда – Знак отличия Военного ордена.

¹¹ Эти данные неверны.

¹² Подтверждения словам П.С. Махрова о том, что отец Ф.Е. Махина был ординарцем генерала М.Д. Скобелева, в нашем распоряжении нет.

на каторгу. За ним последовала и его жена с двумя мальчиками. В пути один из них умер. Другой выжил. А на каторге Бог им послал сына Федора.

Через десять лет отец Махина за отличное поведение был переведен на поселение в район Иркутска, а в 1905 г. в день рождения наследника цесаревича государь император повелел восстановить Евдокима Махина в прежних правах и возвратиться в Оренбург¹³. Вся семья Махиных были старообрядцы. До 14-летнего возраста полковник Махин познал грамоту от своего отца по Псалтыри на древнеславянском языке и знал Псалтырь наизусть.

Он часто, видя несправедливость высшего начальства, особенно из аристократов, цитировал мне: “Не надейтесь на князя, на сыны человеческие – в них бо несть спасения”. Только в Оренбурге 14-летним мальчиком он взялся сам за учебу и чрез 4 года выдержал экзамен для поступления в Оренбургское казачье училище, откуда и был выпущен в офицеры. В 1911 году¹⁴ он окончил академию Генерального штаба и был причислен к Генеральному штабу»¹⁵.

Детство Федор провел в Сибири, получив домашнее образование. После амнистии отца в 1895 г. Махины возвратились в родную станицу Буранную, где жили до ссылки. Через год станичники избрали отца на должность почетного станичного судьи. После ходатайства прежнего сослуживца Махина атамана 1-го военного отдела генерал-майора А. С. Мелянина в Главное управление казачьих войск в июле 1898 г. Евдоким Васильевич был полностью восстановлен в правах, ему возвратили чин урядника и награды. Это событие было столь значимым, что попало на страницы губернской печати. В газетной статье в связи с возвращением наград отмечалось, что «Махин пользуется общеою любовью и уважением всего станичного общества и, благодаря своей особенной судьбе, является человеком, выдающимся из ряда обыкновенных смертных»¹⁶.

¹³ В действительности Е.В. Махин был восстановлен в правах в 1898 г.

¹⁴ В действительности – в 1913 г.

¹⁵ *Махров П. С.* Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. // BAR. P.S. Makhrov Collection. Вых. 4. Тетрадь 5. С. 447–449. Опубл. в: Конец Юго-Западного фронта. Воспоминания генерал-лейтенанта П. С. Махрова о событиях на Украине в 1917–1918 гг. / публ. А. В. Ганина // Исторический архив (Москва). 2019. № 6. С. 143–163.

¹⁶ Оренбургская газета. 1899. 01.01. № 552. С. 2.

5 декабря 1898 г. состоялась торжественная церемония возвращения Е.В. Махину наград, на которую прибыли из Оренбурга генерал Мелянин с группой офицеров. Присутствовавший при этом журналист сообщал: «Хотя станица наша во время приезда комиссии всегда оживает, но в настоящем году жители ее были особенно ажитированы. Всем хотелось взглянуть на своего почетного судью, лихого и удалого воина, полного георгиевского кавалера, когда будут надевать на него “Егория”, а потому в день смотра 5 декабря вся огромная площадь около станичного правления была битком набита народом: тут были и седые старики, украшенные Георгиевскими крестами за храбрость и медалями, были и молодые еще безусые подростки-казачата, только еще думающие готовиться быть казаками. Во всей этой массе черных кафтанов, теплушек и полушубков, как цветы мака в траве, пестрели своими яркими платками буранинские красавицы и шныряли между взрослыми школяры и школьницы, сбжавшиеся полюбоваться на своих отцов и братьев. Словом, вся Буранка высыпала со всеми чадами и домочадцами. – Все почему-то ожидали, что сделано это будет тожественно, публично.

Но вот атаман отдела с офицерами осмотрел местных казаков, проверил подготовку молодых, поблагодарил тех и других за исправность и распустил по домам, а Махину орденов все не надевает. Разочарованная толпа стала расходиться по домам.

“Стало быть, зря сболтали”, – решила она. Но оказалось, что слухи были верны.

Вечером во время юртового¹⁷ схода в станичном правлении атаман отдела потребовал к себе старшего адъютанта подьесаула [Д.Г.] Серова и, когда тот пришел, сообщил ему что-то на ухо. Адъютант вышел и через минуту возвратился с книгою и коробкою в руках. “Ну, вот, вот!”... пронесся робкий шепот в рядах представителей и присутствовавших на сходе офицеров-станичников, и они устремили свои взоры на атамана отдела и адъютанта. “Урядник Махин^{18!}” – позвал генерал. “Я!” – раздался громкий радостный голос, и перед генералом как из-под земли вырос высокий, стройный, сияющий 50-летний герой Махин. Глаза его горели почти юношеским огнем, на лице было написано невыразимое счастье; богатырский рост

¹⁷ Юрт – земельные владения станицы.

¹⁸ В статье ошибочно – Михаил.

и мощная фигура казали его значительно моложе своих лет. “Прочтите”, – обратился генерал к адъютанту, взяв из рук его коробку. Все затаили дыхание. Громко и внятно прочитал адъютант приказ по войску (1898 г. № 374), в котором объявлена Высочайшая милость Махину о возвращении ему урядничьего звания и всех орденов. Когда кончилось чтение приказа, генерал вынул из коробки колодку с орденами и, прикладывая ее на груди Махина, сказал: “Поздравляю тебя, Махин, с Высочайшею милостью. Мне особенно приятно объявить ее тебе лично как своему старому боевому товарищу. Забудь прошлое и служи снова на пользу царю и Отечеству, на честь и славу родного войска и родной станицы, не щадя живота, как не щадил ты его и раньше, в сыпучих песках Туркестана и под стенами неприступного Карса. За Богом молитва, а за царем служба не пропадают. Да здравствует Его Императорское Величество государь император Николай Александрович. Ура!”

Коротка была речь генерала, но слова ее ударили по самым чувствительным струнам простых бесхитростных сердец казаков и вызвали у присутствующих целую бурю чистого неподдельного восторга, не поддающегося никакому описанию. Громовое бесконечное ура всех присутствующих было ответом на нее; по глубоким морщинам стариков-представителей текли восторженные слезы, слезы радости, какими многие из них не плакали, может быть, целую свою жизнь.

Махин буквально захлебывался слезами, говоря: “Ваше превосходительство! Я воистину воскрес из мертвых!” Присутствовавшие офицеры и представители наперерыв поздравляли его с царскою милостью, причем отставной войсковой старшина Захар Васильевич Рогожников, также полный георгиевский кавалер, троекратно поцеловал его, повторяя: “Слава Богу, слава государю; нашего полку прибыло!” Вообще радости и восторга всех не было конца. Да и было чему радоваться. В пожаловании Махину орденов мы, станичники, видели особую милость государя не к нему только лично, а ко всей станице, ко всему войску, так как и то, и другое представляют из себя одну военную семью, один военный лагерь, связанный одними общими интересами, а не какую-либо разносословную волость или губернию. Вот почему такая боевая награда, как Махина, составляет нашу общую гордость, нашу военную славу, которая не умрет вовеки, а будет переходить из рода в род до самых отдаленных потомков, пока не раскуют мечи на серпы, а копыя на орала.

После провода комиссии представители Буранного станичного юрта вместе со всеми своими офицерами-станичниками постановили особыми приговорами благодарить Наказного атамана генерала [В.И.] Ершова и атамана отдела генерала Мелянина за их отеческое попечение и заботы о них вообще и за ходатайство о возвращении Махину всех его боевых заслуг в особенности»¹⁹.

Позднее Евдоким Васильевич неоднократно избирался почетным станичным судьей. По данным на 1909 г. находился в отставке в чине вахмистра, награжден золотой шейной медалью «За усердие» на андреевской ленте²⁰. 6 декабря 1913 г. почетному судье станицы Буранной отставному вахмистру Е.В. Махину император «в поощрение продолжительной, отлично-усердной и весьма полезной его деятельности» пожаловал чин хорунжего в отставке²¹. 20–21 мая 1914 г. приказом по Оренбургскому казачьему войску Наказный атаман утвердил отставного хорунжего Е.В. Махина в должности атамана станицы Буранной²².

Драматическая история отца и каторжное детство, несомненно, повлияли на формирование личности и взглядов Федора Махина. Военную службу Федор Евдокимович начал в 1900 г. писарем Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска, а на следующий год поступил в Оренбургское казачье юнкерское училище. Окончив последнее в 1904 г. по первому разряду, он был выпущен в чине хорунжего в 6-й Оренбургский казачий полк.

Полк дислоцировался в городе Новый Маргелан Ферганской области и входил в состав 2-й бригады 1-й Туркестанской казачьей дивизии I Туркестанского армейского корпуса. Как писал полковой историограф есаул В.П. Водопьянов, полк «вступил в XX век вполне благоустроенной строевой частью, на обязанности которой лежит трудная задача охранения политических прав империи на Памирах, составляющих одну из тех ее отдаленнейших частей, о которой большинство русского

¹⁹ Оренбургская газета. 1899. 01.01. № 552. С. 3.

²⁰ Приказы по первому отделу Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1909. С. 159.

²¹ Приказ по Оренбургскому казачьему войску. 1914. 05.03. № 150. Выражаю благодарность к.и.н. В.Г. Семенову, любезно предоставившему копию документа.

²² Приказ по Оренбургскому казачьему войску. 1914. 20–21.05. № 371. Выражаю благодарность к.и.н. В.Г. Семенову, любезно предоставившему копию документа. Также см.: Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 354.

общества имеет самое смутное представление, а между тем служба на этой заоблачной окраине, не заметная для других, сопряжена для ее исполнителей с громадными нравственными и физическими лишениями. Отрезанные от всего живущего тройным рядом малодоступных и вечно снежных горных массивов, Памиры действительно составляют как бы крышу мира, на высоту которого в 12 тысяч футов жизнь, бьющая ключом у его подножия, достигает слабым отголоском...»²³ В 6-м Оренбургском казачьем полку Махин прослужил с октября 1904 по июнь 1905 г. и с конца декабря 1904 г. состоял делопроизводителем полкового суда. На дальнейшую его службу повлияли события Первой русской революции.

Телеграммой начальника 1-й Туркестанской казачьей дивизии 24 июня 1905 г. Махин был командирован в 7-й Оренбургский казачий полк²⁴. В мирное время Оренбургское войско выставляло шесть первоочередных казачьих полков, и полка с 7-м номером не существовало. Полк был мобилизован в целях обеспечения государственной безопасности в конце июня 1905 г. в 1-м военном отделе Оренбургского казачьего войска из второочередных казаков²⁵. Командовал полком полковник Г.Г. Колпаковский. Казакам предстояло заниматься подавлением беспорядков в Поволжье, на территории Саратовской губернии. 7 июля часть выступила из Оренбурга к месту службы.

События Первой русской революции, как и жестокое наказание отца, повлияли на мировоззрение Махина и формирование у него социалистических убеждений. Махин прибыл в полк 29 июня 1905 г. и прослужил в нем до 13 марта 1908 г., причем в декабре 1907 г. исполнял должность казначея полка.

Новая служба имела свою специфику. Для наведения порядка на обширной территории полк пришлось дробить на мелкие подразделения и даже группы казаков, что порождало неразбериху, вело к падению дисциплины и утрате управления. Например, во 2-й сотне полка доходило до дробления на группы в 3–8 казаков. При таком дроблении

²³ Водотьянов В.[П.] История 6-го Оренбургского казачьего полка. М., 1996. С. 300.

²⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. Послужной список № 243–230. Л. 72.

²⁵ Подробнее об участии оренбургских казачьих частей в наведении порядка на территории Казанского военного округа см.: Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 276–308.

разбросанные по множеству населенных пунктов малочисленные казачьи подразделения подвергались революционной пропаганде²⁶.

Саратовский губернатор П.А. Столыпин в сентябре 1905 г. дал высокую оценку полку, однако позднее изменил свое мнение. 1 февраля 1906 г. он написал командующему войсками Казанского военного округа генералу от инфантерии И.А. Карассу, что 7-й Оренбургский казачий полк внушает ему серьезные опасения: «Казачи поголовно пьянствуют, предъявляют непомерные требования к экономиям и открыто начинают заявлять, что будут помогать крестьянам в разграблении помещичьих усадеб. Офицеры пьют вместе с ними и не пользуются никаким авторитетом. Некоторые сотни, где воровство и пьянство нижних чинов, ничем не сдерживаемое, превзошло всякую меру, должны были быть переведены в города, но сегодня мною получена телеграмма сердобского исправника, что переведенная в Сердобск сотня угрожает спокойствию города ... Так как в других казачьих частях, расположенных в Саратовской губернии (например, Астраханского войска), подобного не происходит, то, несомненно, причина тут в плохом поведении офицеров и отсутствии всякого надзора со стороны полкового начальства, благодаря чему казаки обратились просто в шайку своевольных вооруженных мужиков»²⁷. По сведениям Столыпина, казаки заявили, что обязаны служить царю, а не охранять помещиков и хотят идти домой.

2-я полусотня 3-й сотни полка под командованием Махина некоторое время была расквартирована в селе Сластуха Аткарского уезда в частных домах²⁸. Казаков бесплатно содержал местный помещик. По одному из свидетельств, «лучше этой части и найти трудно. Никто и никогда не предъявлял на казаков этой полусотни никаких жалоб, и люди ведут себя во всех отношениях хорошо»²⁹.

Казакам 7-го полка пришлось заниматься наведением порядка свыше двух с половиной лет (с лета 1905 по весну 1908 г.). Лишь 24 ноября 1907 г. командующий войсками Казанского военного округа генерал-лейтенант А.Г. Сандецкий счел возможным отправить полк на льготу (обязательный перерыв в службе казаков, вызванный необходимостью развертывания полков 2-й и 3-й очереди в случае войны). 13 февраля

²⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59. Л. 416.

²⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 2–2об.

²⁸ Там же. Л. 96.

²⁹ Там же. Л. 100.

1908 г. демобилизацию санкционировал император Николай II. Демобилизация полка была завершена в марте 1908 г.³⁰ Тогда же, 13 марта, на льготу в комплект Оренбургских казачьих полков уволили и Махина.

Друг Махина П. С. Махров свидетельствовал: «В дружеской беседе со мной он как-то рассказал мне, что коренным образом изменило в нем чувство монархиста и вызвало потребность к размышлению о политике, к исканию правды.

В 1905 году он со своей сотней был вызван для усмирения крестьян, которые жгли усадьбы и грабили помещиков в районе Средней Волги.

Он видел там, как приведенных его казаками крестьян-зачинщиков по приказанию губернатора пороли, а после порки помещик устроил пир для губернатора и его чиновников.

Это зрелище произвело на Махина ужасное впечатление и вызвало чувство негодования. К тому же помещик плохо кормил казачков и расквартировал их в отвратительных помещениях... Более того, он высокомерно обращался с самим Махиным, давая ему разные нелепые указания и замечания. «Были моменты, – говорил мне Махин, – что я готов был исполосовать плетью морду этому ненасытному дворянину...» Там же в период усмирения Махин решил после виденной порки ближе подойти к мужикам-бунтарям и поговорить с ними «по душам». От них он узнал причину крестьянских бунтов, которая была вызвана целым рядом невыносимых требований помещиков в отношении к крестьянам, особенно в период уборки хлеба на помещичьих полях. Помещик рабочий день оплачивал чрезвычайно низко. Когда крестьяне отказывались работать, то помещик обращался к губернатору и тот присылал из соседних городов солдат «на вольные работы», которые собирали хлеб бесплатно или почти бесплатно, т.к. за «вольную работу» солдат помещик вносил в полковую казну грош с человека. И из этой ничтожной оплаты половина шла в так называемые хозяйственные суммы. В конце концов, солдат работал на помещика даром, радуясь только отдыхом от лагерной муштры. Далее ввиду того, что усадьбы помещиков было по существу гнездами пауков, опутывавших разбросанные участки крестьянских земель своими полосами лесов, лугов, своими дорогами, своими прудами, мельницами и пр., то крестьянин жить без «потрав», без «лесных порубок», без неопла-

---

³⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2979. Л. 319, 436, 446.

ченного сбора грибов и ягод не мог. Все это вызывало постоянные недоразумения с помещиками, не говоря уже о том, что крестьяне продолжали выплачивать в казну “откуп” еще со дня освобождения от крепостной зависимости...

Так вражда между крестьянами и помещиками все более и более нарастала, и когда мужику становилось невмочь, он поднимался и “пу-скал красного петуха...”

Об этой его экспедиции усмирения мне Махин рассказывал с чрезвычайным волнением. Он занимался усмирением, будучи хорунжим 21 года, и что для него было мучительным воспоминанием, это то, что за эту службу царскую “в изъятие закона”, как за особый подвиг, был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст...³¹

“С этого времени, т.е. с 1905 года, в моей душе произошел пере-ворот. Я почувствовал, – говорил Махин, – что так продолжать жить в России нельзя. Но как, я не понимал, не знал, и стал искать ответа в книгах и у людей более меня образованных. Будучи уже в академии Генерального штаба, я стал революционером в душе...”³²

Награждение за участие в подавлении беспорядков впоследствии послужило поводом для нападков на Махина со стороны его врагов. В частности, недоброжелатель Махина и его бывший сотрудник М.В. Агапов (Агапов-Таганский) уже в послевоенной Югославии, исказив ряд деталей, вспоминал: «Где-то вскоре после приезда Ма-хина в Белград в русском Союзе писателей и журналистов начали поговаривать, – сначала доверительно, тет-а-тет, а затем и совер-шенно открыто и публично (особенно выделялся этим А.[И.] Ксю-нин), – будто Махин в бытность еще совсем молодым офицером удостоился ордена Св. Анны с мечами, который давался за военные заслуги. Дескать, получил он его за участие в подавлении восстания или революционного движения в Прибалтийском крае. Количество жертв среди местного населения, погибших в результате карательных экспедиций царских войск, там было очень велико (поговаривали, что около 50 000).

³¹ В документе – Св. Станислава 4-й степени, но такой степени ордена не существо-вало. Махин был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени в 1908 г. за отличия по службе.

³² *Махров П.С.* Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. // VAR. P.S. Makhrov Collection. Вых 4. Тетрадь 5. С. 449–452. Оpubл. в: Конеч Юго-Западного фронта... С. 149.

Я обратил внимание Махина на эти слухи, предложив призвать к ответу за оскорбления и клевету Ксюнина и прочих. Махин поначалу только молчал и никак не реагировал. Позднее, когда сплетни стали распространяться все больше, он в ответ на мои докучания признался, что ему несподручно привлекать клеветников к суду, потому что этим он навлечет на себя гнев со стороны Министерства иностранных дел. Кроме того, не следовало допустить, чтобы все дело выплеснулось на газетные страницы. При этом он добавил, что ему известно, кто мог первым начать распространять слухи, и он заставит его и прочих молчать, не прибегая к помощи суда. Кого он имел в виду и что собирался сделать – не уточнялось. По-моему, он ничего не предпринял, а подозревал одного из своих бывших товарищей. На эту последнюю мысль меня навело то, что Махин в те дни с большим раздражением говорил, будто среди офицеров Генерального штаба много людей порочных, карьеристов, смутьянов и интриганов»³³.

1908 г. ознаменовал новый этап жизни Махина. Наконец завершилась неприятная для него, изрядно затянувшаяся полицейская служба в Поволжье. Он получил чин сотника, орден, но, что намного важнее, поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Успешное окончание академии существенно влияло на кругозор и мировоззрение офицеров, а кроме того, открывало совершенно новые служебные горизонты и практически гарантировало благоприятную последующую карьеру.

По аттестации временно командующего полком войскового старшины Ф.И. Никитина за 1908 г., Махин «службу знает и любит ее, исполнительен, требователен и справедлив. Здоровьем крепок, умственные способности очень хороши. Военной службой и литературой интересуется. Хороший семьянин, не пьющий, азартных игр не любит. Нравственности прекрасной. Долгов не имеет, аккуратен, к командованию сотней не подготовлен»³⁴. При поступлении в академию он получил следующие баллы (табл. 1).

---

³³ Москва – Сербия. Белград – Россия: Сб. док. и мат. / сост. А.Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, А.А. Силкин. М.; Белград, 2017. Т. 4. С. 671. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

³⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 5713. Л. 1об.

Таблица 1

Баллы хорунжего 7-го Оренбургского казачьего полка Ф.Е. Махина при поступлении в академию (1908)³⁵

Предмет	Балл
Тактика	8
Уставы (пехотный; кавалерийский; артиллерийский; общий; средний балл)	5; 10; 6; 7; 7
Топографическое черчение	10
Немецкий язык	6
Военная история 2-я	10
Верховая езда	Удовл.

Младший класс академии Махин окончил сорок седьмым, имея 9,9 балла по главным предметам, 10 баллов по вспомогательным предметам и 10 баллов по русскому языку (табл. 2)³⁶.

Таблица 2

Успеваемость состоящего в комплекте Оренбургских казачьих полков сотника Ф.Е. Махина в младшем классе академии (1908/09 учебный год)³⁷

Предмет	Балл
Военная администрация	10
Тактика	10
Тактика (практические занятия)	9,5
Русский язык	10
Репетиция по геодезии	10
Геодезия	10,5
История военного искусства общая	9

³⁵ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 281, 290, 314, 323, 383, 554.

³⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 42.

³⁷ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 4, 8об., 24об., 81, 96, 124, 130, 134, 137, 144; Д. 1400. Л. 38об.

Политическая история (общая; русская; средний балл)	11; 11; 11
Сведения по части артиллерийской	7
Сведения по части инженерной	12
Баллы за съемки (1-я и 2-я инструментальные; глазомерная съемка). Полковник А.К. Байов	10,5; 11; 11,5

Получив на старшем курсе неудовлетворительный балл по военной статистике иностранных государств, Махин был в 1910 г. отчислен от академии³⁸. В делопроизводстве академии сохранилась не подлежащая оглашению записка ординарного профессора полковника А.Г. Елчанинова от 25 марта 1910 г., в которой маститый преподаватель отмечал: «Старшего класса сотник Махин. При большем знакомстве обнаружил больше слабого, нежели сильного. Знания – недостаточные. Взгляды – односторонние. При громадном старании, работа прямо не укладывается в нужные рамки. Считаю, – по причине малого развития. Только самая настойчивая работа в дальнейшем, по-моему, даст из него офицера Ген[ерального] штаба, сколько-нибудь сносного. Тактичность – чисто служебная – достаточная. Воли – мало для проведения в жизнь сильных решений. Усваивает новое туго. Вперед за год не двинулся. Вынужден поставить ниже всех в партии, особенно после военной игры. Общая оценка – 9 (девять) бал[лов]. Полковник Елчанинов»³⁹. При этом в тот же день другой, не менее известный преподаватель академии, полковник А.Е. Снесарев отметил, что Махин – «офицер скромный и трудолюбивый»⁴⁰.

В 1910 г., при отчислении от академии, Махин имел следующие результаты (см. табл. 3).

³⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. Послужной список № 243–230. Л. 72.

³⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1420. Л. 70.

⁴⁰ Там же. Л. 62.

Таблица 3

Успеваемость состоящего в комплекте Оренбургских казачьих полков сотника Ф.Е. Махина в старшем классе академии (1909/10 учебный год)⁴¹

Предмет	Балл
Военная администрация (практические занятия)	11
Военная статистика	10
Военная статистика (практические занятия)	10

В 1911 г. Махин снова держал экзамен сразу в старший класс академии⁴². В том же году Махин был произведен в подьесаулы (с 10 августа 1911 г.). Офицеру было разрешено сдать все предметы младшего класса (переводные экзамены в старший класс), не проходя повторного обучения в нем. В делопроизводстве академии сохранились сведения о полученных Махиным при этом баллах (см. табл. 4).

Таблица 4

Баллы состоящего в комплекте Оренбургских казачьих полков сотника Ф.Е. Махина за младший класс академии (1910/11 учебный год)⁴³

Предмет	Балл
Тактика (пехоты; артиллерии; кавалерии; средний балл)	11; 9; 9; 9,7
Геодезия	9,5
Сведения по части артиллерийской	11
Политическая история	12
Средний балл	9,8

Средний балл, полученный Махиным при сдаче экзаменов за младший класс, позволил офицеру возобновить обучение в академии.

⁴¹ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 4, 57; Д. 1420. Л. 62.

⁴² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. Послужной список № 243–230. Л. 72.

⁴³ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 85, 88, 95, 109; Д. 1432. Л. 190б.

Во второй раз поступив в старший класс, Махин, видимо, осознал, что больше шанса успешно закончить академию у него не будет, и всерьез взялся за учебу, развивая в себе необходимые для генштабиста качества и, по возможности, пытаясь преодолеть свои недостатки. Результат не заставил себя ждать (см. табл. 5).

Таблица 5

Успеваемость подьесаула Ф.Е. Махина в старшем классе академии (1911/12 учебный год)⁴⁴

Предмет	Балл
Тактика	10
Военная история (1870–1871; 1877–1878)	11; 9
Политическая история	11
Сведения по части инженерной	9
Разведка; полевая поездка; средний балл. Полковник А.А. Незнамов	11; 11; 11
Баллы за съемки. 2-й Псковский район (1-я и 2-я глазомерные; общий средний балл). Генерал-майор А.К. Байов	10,5; 11; 10,8

По итогам переводных экзаменов и полевых поездок старшего класса подьесаул Махин оказался сороковым по списку со средним баллом 10,3 (ровно столько же, сколько у его сокурсника и будущего сослуживца по антибольшевистским формированиям периода Гражданской войны И.Г. Акулинина)⁴⁵. Полученный балл нельзя назвать блестящим, но его было вполне достаточно для перевода на дополнительный курс и преодоления еще одного препятствия на пути к заветным серебряным аксельбантам и черному бархатному воротнику генштабиста.

На дополнительном курсе Махин за тему по военной истории «Действия VIII-го армейского корпуса от вступления в Румынию и до сосредоточения у Тырнова» 10 января 1913 г. получил у гене-

⁴⁴ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431. Л. 15, 26, 38, 41; Д. 1452. Л. 2об., 4.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 8.

рал-майора Н.А. Юнакова 10 баллов⁴⁶. Затем он подготовил тему по военному искусству «Тягость воинской повинности в Германии, Франции и России». Оппонентами на защите выступили генерал-майор А.А. Гулевич (впоследствии представитель генерала Н.Н. Юденича в Финляндии) и генерал-майор Д.В. Филатьев (будущий помощник Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака по хозяйственной части). Защита должна была проходить 26 марта 1913 г.⁴⁷ Однако из-за болезни докладчика она была перенесена на 24 апреля. Причем Махин за эту тему получил 11,5 балла, что являлось очень высоким результатом⁴⁸.

По третьей (стратегической) теме Ф.Е. Махин получил следующие оценки (см. табл. 6).

Таблица 6
Баллы подъесаула Ф.Е. Махина за стратегическую тему⁴⁹

Тактико- стратегический отдел	Общая тактика. Подполковник С.Л. Марнов	10
	Тактика пехоты. Подполковник А.И. Андогский	10
	Тактика кавалерии. Полковник М.А. Свечин	10,5
	Тактика артиллерии. Полковник А.К. Келчевский	10
	Средний балл за тактико-стратегический отдел	10,1
Военно-статистический отдел. Генерал-майор Г.Г. Христиани		12
Военно-административный отдел		10
Общий средний балл		10,7

Видя перед собой молодого слушателя академии, его оппонент по тактике артиллерии полковник А.К. Келчевский не мог предположить, что через десять лет умрет на своей квартире в Берлине от паралича

⁴⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1360. Л. 297; Д. 1619. Л. 506.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 5.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1343. Л. 149.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 287.

сердца после острого политического спора с этим самым офицером о роли эсеров в революцию⁵⁰. Не мог этого знать весной 1913 г. и сам Махин.

По итогам сдачи трех тем он получил в среднем 10,7 балла⁵¹, что позволяло уже не беспокоиться об успешном окончании дополнительного курса, несмотря на хорошую, а не отличную оценку по верховой езде⁵². В анкетно-регистрационной карточке за 1923 г., заполненной уже в годы эмиграции, Махин указал, что знает французский и английский языки⁵³.

По свидетельству генерала Б. С. Стеллецкого, пересказанному недоброжелателем Махина, «в академии Генерального штаба он учился прилежно. Будучи очень дисциплинированным слушателем, старался снискать благосклонность тех, от кого зависело его будущее. С товарищами доверительных отношений не имел. С одной стороны, по-видимому, не испытывал в этом потребности, а с другой, и товарищам его не слишком пришлось по душе появление весьма амбициозного и при этом изворотливого и услужливого перед начальством казака.

Когда Махин окончил академию, Б. Стеллецкий потерял его из вида»⁵⁴.

Однокашник Махина по академии Д. Н. Тихобразов вспоминал об их выпуске: «После того как вычислены были все отметки и установлен был список по старшинству баллов, окончившие по 1-му разряду были собраны в конференц-зале. Там, в присутствии начальника академии генерала [Н. Н.] Янушкевича и правителя дел генерала [А. К.] Байова, была произведена разборка штабных вакансий по военным округам, согласно полученного списка ...

7 мая 1913 года выпущен был приказ об окончании Военной академии офицерами моего выпуска. Не считая нескольких офицеров болгарской службы и четырех геодезистов, не входящих в общий со-

---

⁵⁰ *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главкомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 183; *Кабакоев А. М.* Русское белое зарубежье о политической роли Красной армии в Советской России. 1921–1924 гг.: дис. ... к. и. н. Орел, 2005. С. 47.

⁵¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1467. Л. 7.

⁵² Там же. Л. 15.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3451. Л. 1.

⁵⁴ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 669. Перевод с сербского языка к. и. н. А. А. Силкина.

став выпуска 1913 года, в этом году академию окончило 89 чел.: по первому разряду с правом на службу в Генеральном штабе 60 чел. По первому разряду, но без права на службу в Генеральном штабе – 1; по второму разряду – 28...

Окончившие военные училища и академии обыкновенно “представлялись” государю-императору. Хотя вопрос об этом у нашего выпуска и подымался, но представление государю так и не состоялось, к нашему большому огорчению. Одни говорили, что в этом виноват военный министр, другие – что наш выпуск, как первый “новой школы”, считался вольнодумным, а потому милостью высших сфер не пользовался.

Замена генерала [Д.Г.] Щербачева представителем старой школы Янушкевичем до окончания учебного года казалась нам симптоматичной. Начальство наше никаких объяснений не давало. Неудивительно, что глухое чувство обиды омрачало нашу радость благополучного окончания академии и получения права ношения на правой стороне груди серебряного знака Генерального штаба. А насколько офицеры гордились полученным знаком, видно из того, что, снимаясь общей группой, многие заметно выставляли его, принимая соответственную позу.

Надо думать, что наши объяснения не отвечали истине. Государь не имел никаких оснований выказывать свою немилость. Необходимо принять во внимание, что в день выхода приказа об окончании нами академии государь отбыл в Берлин на бракосочетание дочери императора Вильгельма, а вернувшись 12го мая, почти сразу поехал на празднование 300-летия Дома Романовых, кончившееся лишь 28го мая. Но с календарем Высочайших поездок никто из простых смертных знаком не был, что и было причиной нашей служебной “неудачи”.

Однако это не мешает тому, что в памяти моих однокурсников свежа легенда о злых интригах!

Как только выяснилось, что наше представление государю состояться не может, мы были отпущены в отпуск с обязательством явиться на место службы к 1 июля 1913 г.»⁵⁵.

Своим упорством Махин сумел добиться окончания академии по первому разряду, шестнадцатым в своем выпуске со средним баллом 10,5 за дополнительный курс и с причислением к Генеральному штабу⁵⁶. Более того, за отличные успехи он был награжден орденом Св. Анны 3-й

⁵⁵ Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Очерк пятый. В академиях // BAR. D.N. Tikhobrazov Papers. Box 4. Л. 144–149.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1467. Л. 7.

степени, получил право преподавания курса военной истории в военных училищах и попал на службу в престижный Киевский военный округ⁵⁷. Вместе с Махиным академию окончили и его будущие сослуживцы по антибольшевистским формированиям Востока России И.Г. Акулинин, В.О. Каппель, П.П. Петров, А.Д. Сыромятников.

Для полуторогодичного цензового командования сотней Махин был назначен в 1-й Уральский казачий полк, однако прослужил там недолго – с начала апреля по середину июля 1914 г. Командовал 1-й сотней полка. В связи с началом Первой мировой войны он сдал сотню и был направлен в распоряжение начальника штаба Киевского военного округа.

26 июля последовало назначение в штаб 8-й армии исполняющим должность помощника старшего адъютанта оперативного отделения отдела генерал-квартирмейстера. Армией командовал генерал А.А. Брусилов при исполнявшем должность начальника штаба генерале П.Н. Ломновском.

2 февраля 1915 г. Махин был произведен в есаулы, переведен в Генеральный штаб с переименованием из есаулов в капитаны и назначен обер-офицером для поручений при штабе XXIV армейского корпуса. При этом в его служебном положении мало что изменилось – в тот же день он был прикомандирован к штабу 8-й армии в отдел генерал-квартирмейстера.

19 ноября 1914 г. Махин был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. 22 февраля 1915 г. последовало награждение орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», аннинским оружием, «за отличия в делах против неприятеля и труды, понесенные во время военных действий» (утверждено Высочайшим приказом 8 сентября того же года)⁵⁸. Кроме того, 5 апреля 1915 г. Махин «за отличия в делах против неприятеля» получил орден Св. Анны 2-й степени с мечами.

С 5 мая 1915 г. Махин – помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии, а с 17 октября – исполняющий должность штаб-офицера, помощника старшего адъютанта оперативного отделения отдела генерал-квартирмейстера 8-й армии. Был утвержден в должности 12 июля 1916 г.

---

⁵⁷ Там же. Л. 11об, 20об, 68об, 111.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. Послужной список № 243–230. Л. 73.

Подробную характеристику службы Махина в штабе 8-й армии оставил его товарищ генерал П.С. Махров – в то время подполковник, штаб-офицер для поручений отдела генерал-квартирмейстера, с 20 января 1915 г. – старший адъютант того же отдела, с декабря 1915 г. – полковник, позднее исполняющий должность генерал-квартирмейстера штаба армии.

По свидетельству Махрова, в октябре 1914 г. «помещение, занятое под оперативное отделение, состояло из четырех комнат и кухни. Самая большая из комнат, очевидно, прежде служила столовой, примыкавшей с правой стороны к кухне, а с левой – к входу в залу, где стоял рояль и где теперь работали писари.

В столовой у стены, противоположной к двери моей комнаты, стоял мягкий диван перед большим овальным стильным, красивым столом и два кресла по сторонам его. У стола было еще два-три простеньких стула. Вот и все, что оставалось из мебели в этой комнате.

Вероятно, все наиболее ценное было заблаговременно вывезено из дому или разграблено местными жителями после бегства владельца имения, но следов разрушения и вандализма нигде не было видно.

О богатстве и вкусе бывшей мебелировки барского дома говорили некоторые оставленные или забытые предметы. Среди них на стене против обеденного стола висела замечательной работы картина: из золоченой рамы, точно из окна, глядела очаровательная молоденькая блондинка в красном корсаже, держа в правой руке наполненный бокал вина.

Ее веселые голубые глазки искрились вызывающей плутовской улыбкой из-под густых темных ресниц, и казалось, вот-вот она заговорит.

Кто был творцом этого, несомненно, талантливого произведения, думал я, глядя на картину.

Кто заколдовал кисть художника волшебством улыбки этой красавицы и жестом соблазна бокала с вином?!»⁵⁹

По воспоминаниям Махрова, «в оперативном отделении бесшумно находился капитан [П.А.] Кусонский – помощник начальника отделения полковника [А.А.] Ткаченко. Два других офицера Генерального штаба: штабс-капитан [Л.В.] Костанди и подъесаул Махин дежурили на телефонной станции, находившейся рядом в бывшей кухне, примыкавшей к комнате оперативного отделения, служившей раньше столовой»⁶⁰.

⁵⁹ Махров П.С. Воспоминания о моей службе в 8-й армии генерала Брусилова // ВАР. P.S. Makhrov collection. Вых 3. Ч. 1. Тетрадь 4. С. 269–271.

⁶⁰ Там же. С. 271.

По характеристике Махрова, Махин «был исключительно талантливый офицер, умевший разбираться в обстановке, очень добросовестно относившийся к службе, точный и исполнительный. К тому же он обладал могучим здоровьем. Для него не спать две-три ночи подряд не имело никакого значения. Он был выше среднего роста, широкоплечий, грудь колесом, с лицом типично казачьим, с небольшой рыжеватой бородой, такими же усами и густыми волнистыми волосами на голове.

Голубые глаза его светились умом, юмором и добротой. Когда он смеялся, обычно от души, рот его обнаруживал замечательной белизны большие красивые зубы. Он отличался удивительным спокойствием и считал Брусилова и Ломновского «паникерами». Сам же он в самую тяжелую минуту находил выход из положения, часто предлагая остроумную перегруппировку войск и маневр вместо «затыкания дыр», что было присуще Брусилону»⁶¹.

В другой характеристике Махров отметил: «Во время войны он попал в штаб 8^й армии ко мне в оперативное отделение, будучи в чине подьесаула, и с тех пор судьбе угодно было нам служить вместе до конца войны. По внешности он был типичный казак-оренбуржец. Выше среднего роста с рыжеватой бородой на круглом свежем красном лице. Он был грузный и полный, обладал могучей физической силой. Несмотря на свою полноту, Махин был очень подвижен и слыл замечательным наездником»⁶².

Штабная молодежь скептически относилась к старшим офицерам, и прежде всего к самому командующему армией – генералу А.А. Брусилону. Махин даже завел особое дело под названием «Сатирикон», в которое подшивал казавшиеся штабным офицерам забавными документы Брусилова. П.С. Махрову запомнился документ, рассылавшийся командирам корпусов, включавший «ряд указаний, как следует действовать при атаке противника в предстоящем контрнаступлении. Подобные инструкции периодически посылались Брусилонным старшим войсковым начальникам. По существу, это были всем известные азбучные истины, но облеченные в витиеватую форму и снабженные выражениями: “наиэнергичнейше”, “до неприступности” и т.д.

⁶¹ Там же. С. 294–295.

⁶² Махров П.С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. // BAR. P.S. Makhrov Collection. Вых 4. Тетрадь 5. С. 449. Опул. в: Конеч Юго-Западного фронта... С. 148–149.

В оперативном отделении такие приказы Брусилова юмористами – капитаном Махиным и Костанди – были окрещены названием “очередное поручение воину перед боем”.

Писались они или самим командующим армией, или по его приказанию Ломновским и Стоговым, которые проекты их творчества представляли Брусилу на утверждение. Так было и в данном случае с наказом, составленным Стоговым»⁶³.

О настроениях в штабе свидетельствует и другой пример. Служивший там же капитан Л.В. Костанди на вопрос П.С. Махрова о ходе дел в армии ответил: «Старушка барахтается в объятии злодея»⁶⁴. Под старушкой подразумевалась 8-я армия, а под злодеем – Брусилов.

Над одним из написанных эзоповым языком писем самолюбивого Брусилова в штаб фронта «офицеры Генерального штаба хохотали самым беззастенчивым образом, а капитан Махин потирал руки от удовольствия, имея возможность подшить этот документ в дело исторического архива под названием “Сатирикон”»⁶⁵.

Недовольство молодых офицеров было небезосновательным. Связано оно со странностями командования армией Брусиловым и его окружением, с угодливостью командующего перед вышестоящими, с игнорированием предложений офицеров и с несоответствующими задачами, которые им порой поручали. К примеру, Махину однажды поручили перевозить лошадь барона К.-Г.-Э. Маннергейма⁶⁶. Офицеры возмущались помпезными встречами, которые Брусилов готовил в штабе армии для императора или для своих родственников. Работников штаба интересовали причины выдвижения Брусилова. «В конце концов, приходили к заключению, как это предполагал капитан Махин, что карьере Брусилова мог оказать содействие вел[икий] кн[язь] Николай Николаевич, выдвинувший этого “лукавого царедворца” еще в мирное время с должности начальника Офицерской кав[алерийской] школы начальником 2-й гвардейской кав[алерийской] дивизии»⁶⁷.

Своими оценками штабные работники делились с товарищами по службе Генерального штаба, приезжавшими с передовой. Одним

⁶³ *Махров П.С.* Воспоминания о моей службе в 8-й армии генерала Брусилова // ВАР. P.S. Makhrov collection. Вых 3. Ч. 2. Тетрадь 2. С. 153.

⁶⁴ Там же. Тетрадь 1. С. 6.

⁶⁵ Там же. Ч. 3. Тетрадь 2. С. 97.

⁶⁶ Там же. Ч. 2. Тетрадь 1. С. 59.

⁶⁷ Там же. Ч. 3. Тетрадь 3. С. 226.

из них был будущий вождь Белого движения на Юге России генерал А.И. Деникин. Как вспоминал П.С. Махров, «мы – офицеры оперативного отделения – очень любили Деникина. Он часто приезжал к нам в штаб, заходил запросто в наш вагон поезда, чтобы отдохнуть после боев, и по нескольку часов непринужденно, просто, беседовал с нами, как товарищ по мундиру Генерального штаба.

Мы с ним «отводили душу» в откровенных рассказах о некоторых трагикомических случаях брусиловских приказаний, которые капитан Махин подшивал в особое дело для архива под заглавием «Сатирикон»⁶⁸.

Сменивший Брусилова в марте 1916 г. на посту командующего генерал А.М. Каледин также воспринимался в штабе критически. «Махин с долей иронии заметил: “Да этот сфинкс почище Брусилова. Тот хоть эзоповским языком, да говорил, что ему нужно”⁶⁹.

Недоброжелатель Махина М.В. Агапов впоследствии пересказал свидетельство генерала Б.С. Стеллецкого: «Снова встретились только во время Первой мировой войны. Оба были “связистами” (служба связи). В 1916 г. Махин оказался в Киеве, куда приехал то ли по службе, то ли в отпуск или подлечиться. Здесь в офицерском собрании⁷⁰ у него произошла острая стычка с одним офицером, который крайне нелицеприятно высказался о режиме, заявив, что ответственность за военные неудачи, в первую очередь, лежит на неспособных правителях. Махин почувствовал себя крайне оскорбленным подобными заявлениями и хотел донести об этом случае в разведывательное отделение. Ведь произошедшее задело его чувства как монархиста и “исправного” офицера. Другим офицерам едва удалось отговорить его от подачи заявления»⁷¹.

Вполне возможно, что недоброжелатель, прикрывшись чужими словами, которые невозможно проверить, попросту пытался оклеветать Махина. Тем не менее Агапов настаивал, что «почти во всем слова Б. Стеллецкого совпадают с тем, что рассказывал б[ывший] генерал [В.В.] Крейтер. Я с ним не был знаком и даже никогда его не видел, но о том, что он говорил о Махине, слышал, по большей части, от генерала

⁶⁸ Там же. Тетрадь 1. С. 25.

⁶⁹ Там же. Тетрадь 4. С. 281.

⁷⁰ Буквальный перевод – в доме офицеров.

⁷¹ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 669. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

В.Н. Колюбакина, а также от прочих. Со слов Колюбакина и других, Крейтер стал свидетелем инцидента в киевском офицерском собрании, что и предопределило его отношение к Махину»⁷².

24 марта 1916 г. Махин был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а в августе получил Высочайшее благоволение «за отлично-усердную службу и труды»⁷³. В июле–августе 1916 г. он нес службу в Луцке, постоянно находясь под огнем неприятеля. 15 августа 1916 г. был произведен в подполковники, а с 17 сентября занимал должности штаб-офицера для поручений управления обер-квартирмейстера штаба XLVII армейского корпуса⁷⁴ и штаб-офицера для поручений управления генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии.

Журналист С.А. Поляков-Литовцев вспоминал о своей встрече с Махиным в конце 1916 г. в Румынии: «Этот простой и храбрый офицер мне очень понравился, я бывал рад каждый раз, когда он в автомобиле брал меня в поездки по фронту. У нас даже завязалось приятельство. Но от мысли, что рядом со мною, в казачьей форме, сидит тайный эсер! я был далек за тысячу верст. Помню, я заботился о том, как бы его случайно не шокировать моими конституционно-демократическими убеждениями»⁷⁵.

С 3 декабря 1916 г. Махин – штаб-офицер для поручений по авиации при отделе генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии. В конце года он был награжден мечами и бантом к ордену Св. Анны 3-й степени.

4 марта 1917 г. Махина назначили помощником старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии. 17 мая в результате тайного голосования офицеров и солдат отдела его избрали в состав дисциплинарного суда. С 29 мая Махин был допущен к должности старшего адъютанта военно-цензурного отделения того же отдела. С 27 июля назначен исполняющим должность начальника штаба 3-й стрелковой дивизии⁷⁶. Эту должность он занимал до 9 декабря 1917 г., когда получил назначение начальником отделения управления генерал-

⁷² Там же. С. 670. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

⁷³ Высочайший приказ от 29 августа 1916 г. // Высочайшие приказы о чинах военных. 1916. Август (Библиотека РГВИА. Инв. № 14834). С. 44.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1295. Л. 160.

⁷⁵ Поляков-Литовцев С.А. Из воспоминаний журналиста // Последние новости (Париж). 1935. 26.02. № 5087. С. 2.

⁷⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 97.

квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

По аттестации от 29 августа 1917 г., составленной временно командующим 3-й стрелковой дивизией, Махин «службу знает и любит ее. Трудную обязанность начальника штаба выполняет образцово. Работает с большой энергией, уверенно и продуктивно, вникая в суть дела. В обстановке быстро и отлично разбирается, проявляя широкую инициативу.

Неся обязанности начальника штаба, не раз во время боевых операций проявлял отличное знание строевой службы и показал свою полную подготовленность к командованию отдельной частью.

Имеет солидный боевой опыт. К подчиненным настойчиво требователен и в высшей степени заботлив; всегда доступен. Солдаты его понимают и любят, хотя, безусловно, у них популярности не ищет. Характера ровного, всегда активен, самостоятелен, общителен и тактичен. Здоровья крепкого, очень вынослив. При всякой боевой обстановке совершенно спокоен, тверд и неустрашимо уверен в выполнении составленного плана действий. Вполне подготовлен и заслуживает назначения на должность командира полка и вне очереди.

Отличный»⁷⁷.

Временно командующий XLVII армейским корпусом к этому добавил: «За месяц совместной службы окончательного заключения о боевой и служебной деятельности аттестуемого дать еще не могу. Однако насколько присмотрелся, полагаю, что из него может выйти дельный начальник штаба дивизии и вполне достойный кандидат на должность командира полка»⁷⁸.

В штабе Юго-Западного фронта Махин вновь встретился с П.С. Махровым, занявшим в октябре 1917 г. пост исполняющего должность генерал-квартирмейстера штаба фронта. В этом штабе их и застал большевистский переворот.

По всей видимости, именно в 1917 г.⁷⁹ подполковник Махин вступил в партию социалистов-революционеров, впоследствии став членом

---

⁷⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 5713. Л. 2об.

⁷⁸ Там же. Л. 3.

⁷⁹ По другим данным, еще в 1905 (*Григорьев В.К.* Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920–1922 гг.). Алма-Ата, 1984. С. 27) или 1906 г. (Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. док. М., 2002. С. 895). Вступление Махина в партию эсеров в 1905–1906 гг.

штаба военной организации партии. В 1917 г. партия эсеров стала самой многочисленной политической организацией в стране (до миллиона членов), она же в конце 1917 г. лидировала на выборах в Учредительное собрание, набрав 39,5% голосов⁸⁰. Неудивительно, что программа эсеров привлекла и Махина.

Удалось обнаружить достаточное количество доказательств того, что Махин не только являлся убежденным сторонником эсеров, но и состоял в партии еще до Гражданской войны. Так, по свидетельству члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина, в 1917 г. Махин был председателем бюро партии эсеров 3-й стрелковой дивизии, начальником штаба которой являлся⁸¹.

По воспоминаниям П.С. Махрова, «Махин мне никогда не говорил, примыкал ли он к каким-либо политическим партиям. До революции он самым честным образом нес царскую службу. На Юго-Западном фронте в период керенщины я знал только то, что Федор Евдокимович был сторонником Учредительного собрания»⁸². Сын сотрудника Махина и знакомый второй супруги нашего героя эмигрант Г.А. Малахов упоминал о том, что в партию эсеров Махин вступил до революции 1917 г.⁸³

Недоброжелатель Махина в югославский период М.В. Агапов приводил слова генерала Б.С. Стеллецкого: «В 1917 г. революция поставила перед Махиным задачу как-нибудь приспособиться к новой ситуации. В феврале–мае еще не было ясно, как будут развиваться события. В армии наступил разброд, дисциплина упала ниже некуда. Солдаты чинили расправу над неудобными офицерами. В этих условиях Махин не нашел ничего лучшего, как объявить себя толстовцем – при-

---

кажется маловероятным, поскольку легко могло стать известным властям, после чего офицеру пришлось бы не только распрощаться с военной службой, но и, вероятно, оказаться в тюремном заключении. Также существуют указания на то, что Махин познакомился с партией эсеров во время обучения в академии, а вступил в партию в годы Первой мировой войны (Белоэмиграция у Югославии 1918–1941. Београд, 2006. Т. 2. С. 188), что не противоречит версии о вступлении в партию в 1917 г.

⁸⁰ Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 108.

⁸¹ Веденяпин М.[А.] К возрождению России (роль партии соц.-рев.) // Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 21.07. № 11. С. 2.

⁸² Махров П.С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. // ВАР. P.S. Makhrov Collection. Вых 4. Тетрадь 5. С. 452. Опубл. в: Конец Юго-Западного фронта ... С. 149–150.

⁸³ Малахов Г.А. Записки эмигранта // Архив ДРЗ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 11. С. 155.

верженцем принципа “непротивления злу”. С одной стороны, это можно было расценить как признание собственной неспособности сопротивляться стихии. С другой – как некую защитную формулу: я никого не трогаю, никому не мешаю, и вы меня не трогайте, оставьте меня в покое. С третьей стороны, такая позиция позволяла выиграть время, а именно переждать, пока не станет ясно, в каком направлении станут развиваться события. В конце концов, если ему и пришлось бы отказаться от своего толстовства, никто не стал бы призывать его к ответу за него или мстить (толстовцы не имели ни партии, ни общества или организации).

Объявление себя толстовцем представляло собой временное решение. Собравшись с мыслями и оценив ситуацию, Махин отрекается от учения Л. Толстого. Ему ясно, что медлить нельзя.

Кто не успеет на поезд истории, тот не сделает карьеры и вообще останется без шансов на “пристойное” существование. “Опоздавшие всегда приходят в изумление, увидев, что все лучшие места заняты”. А Махин метил на хорошее место. Следовало сделать выбор в пользу того, что открывает перспективы и вселяет надежду, что удастся выплыть на поверхность. В то время (май–июль 1917 г.) взошла звезда А. Керенского. Казалось, что эсеры станут хозяевами положения и новыми правителями России. Махин предстал социалистом-революционером (эсером), последователем принципа: “В борьбе обретишь ты право свое”⁸⁴. Враги пытались представить Махина оппортунистом, примкнувшим к эсерам ради карьеры, однако весь жизненный путь Федора Евдокимовича свидетельствует о прямо противоположном – это был очень искренний человек, буквально выстрадавший свои убеждения. Вполне искренен он был и в восприятии эсеровской политической программы.

Обстановка на фронте в конце 1917 г. была крайне сложной в связи с переплетением здесь интересов различных политических сил⁸⁵. Шел процесс украинизации войск фронта путем создания армейских рад (советов) и фронтовой рады, параллельно большевики

⁸⁴ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 669–670. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

⁸⁵ Подробнее см.: *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 86–101; *Ковальчук М.* Битва двух революций: Перша війна Української Народної Республіки з Радянської Росією. 1917–1918 рр. Київ, 2015. Т. 1. С. 164–173, 279–283.

и их союзники формировали сеть Военно-революционных комитетов (ВРК) в корпусах и армиях, а также фронтовой ВРК, солдаты из великорусских губерний стремились вернуться домой, ряд офицеров штаба фронта были настроены антибольшевистски и антиукраински. За контроль над штабом фронта боролись ВРК и представители украинской Центральной рады. Центральная рада стремилась сосредоточить на фронте украинизированные части, для чего содействовала отправке по домам тех войск, которые украинизироваться не собирались, в частности казачьих дивизий, перебрасывавшихся на Дон. Попытки временно исполняющего должность главнокомандующего армиями фронта генерала Н.Н. Стогова сгладить конфликт с украинцами результата не дали. Украинские власти рассчитывали разоружить войска без борьбы, однако реализовать этот замысел в полной мере не удалось в связи с сопротивлением большевиков, происходили в том числе боевые столкновения. Конфронтация дезорганизовала железнодорожное сообщение, в результате чего на фронте начался голод.

Махров вспоминал о событиях января 1918 г. в штабе фронта в Бердичеве: «Я постоянно был в контакте с Генерального штаба подполковником Махиным, который был начальником службы связи в штабе фронта и находился в дружеской близости с комиссарами, комитетами и вообще с революционным элементом. Он меня постоянно держал в курсе дела и обещал, как наступит критический момент, не только предупредить меня, но захватить за мной, чтобы вывезти из Бердичева меня с женой.

Еще в первой половине января он как-то зашел ко мне и просил меня сделать распоряжение дежурному генералу о выдаче Махину определенной суммы денег для оплаты добавочным жалованием шоферов и других чинов его отделения. Когда я прочел его доклад, он мне показался вполне логичным, но отпуск таких денег не был предусмотрен законом. Я это ему заметил, на что он, улыбаясь, ответил: «Но это нужно по моменту дня». Я понял, что в это подлое время ему нужно было сохранить за собой расположение шоферов, которые и без того ему верно служили.

«Если так, – ответил я, – то суди меня Бог и военная коллегия», и подписал бумагу.

Это было сделано, говоря на тогдашнем жаргоне, «по революционной совести...»

Махина я хорошо знал. Он был одним из моих подчиненных в штабе 8-й армии Брусилова в 1914–[19]15 [гг.], где я его познал как выдающегося офицера Генерального штаба, неутомимого работника, точного и исполнительного, человека с большой инициативой, со страшной силой воли и безумной отваги. К тому же Федор Евдокимович был очень хороший товарищ, человек благородной честной души. Мы с ним подружились, и я чувствовал, что в его лице я имею верного, преданного мне друга»⁸⁶.

Дальнейшие события в штабе фронта, по воспоминаниям П. С. Махрова, развивались следующим образом: «17 января на другой день после сдачи мной должности выбранному украинской фронтовой радой штаб[с]-ротмистру Кудре заехал ко мне на квартиру полковник Махин. Он был в штатском платье и, как всегда, в самом прекрасном настроении духа, как будто на фронте не было ни большевистских безобразий, ни украинских выступлений, ни разбоев, ни разбивания винокуренных заводов и хаоса самочинной демобилизации... “Ну вот, Петр Семенович, почитайте приказ ‘Головного Отамана Юго-Западному фронту’”, – сказал Махин, весело улыбаясь...

“Ну что? Красота! Этот прохвост Кудря и дурак, и подлец!” – сказал Махин и дальше нарисовал картину деятельности украинцев на фронте. “Они как дети захлебываются от радости своей полноты власти и как природные изменники изыскивают способы по их методу, что не ‘тот казак, що победиу, а той що выкрутиуся’. Вот теперь они виляют хвостом пред большевистскими делегатами на фронте. Между тем у них нет ни одного человека, понимающего их ужасное положение. Большевики самое большее чрез дней десять займут и Киев и Бердичев...”

В этот день Федор Евдокимович обещал мне, что как только он почувствует, что больше нам оставаться в Бердичеве нельзя, то он заедет ко мне, чтобы нам уехать в Житомир, где теперь он ведет подготовку организации дальнейшего нашего следования... Между прочим, он отметил, что его шофер верный ему человек и что в Житомире у него есть надежные люди»⁸⁷.

⁸⁶ Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. // ВАР. P.S. Makhrrov Collection. Вох 4. Тетрадь 5. С. 446–447. Опубл. в: Конец Юго-Западного фронта... С. 147–148.

⁸⁷ Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. // ВАР. P.S. Makhrrov Collection. Вох 4. Тетрадь 5. С. 452–453. Опубл. в: Конец Юго-Западного фронта... С. 150.

Отъезд из Житомира, по свидетельству Махрова, случился 30 января, после того как красные заняли Киев и Коростень. Махров вспоминал: «Федор Евдокимович Махин предупредил меня, чтобы мы были готовы к 12 часам дня к отъезду в Житомир.

Ровно в 12 часов дня у нашего подъезда раздался гудок автомобиля. Вошел Махин, раскрасневшийся от свежей погоды, веселый, с улыбкой во весь рот, как будто мы едем на свадебный пир. Нас окружила семья Райченко, мои верные друзья Вакуленко, Молостов и мой денщик Трофим Горбачев, который на этот раз не мог следовать со мной.

По русскому обычаю мы все присели, а потом, встав, перекрестились и попрощались со всеми, кого покидали.

Сели в большой автомобиль и покатали... Оглянулись – нам махали руками нас проводившие...

Когда мы приехали в Житомир, было уже темно. Город был переполнен. На улицах толпились отряды украинцев, гайдамаки с оселедцами, беглецы из Киева со своим жалким багажом и стройными колоннами в образцовом порядке проходили польские уланы. Как безумные носились на штабных автомобилях украинские комиссары и члены фронтовой рады. Попытка наша найти комнату в гостинице не имела успеха. Все было занято, переполнено польскими и украинскими офицерами и другими лицами, приехавшими раньше нас.

Я с женой направился в штаб Чехословацкой дивизии, в которой начальником штаба был подполковник [П.Е.] Дорман, а его жена Вера Никаноровна была подругой жены моей по Минской гимназии»⁸⁸.

На следующий день пришлось уезжать уже из Житомира: «У каждого из них было свое дело. Все же главным образом хотели знать, возможно ли уехать из Житомира и как скоро. Было около 7 часов вечера, как к штабу подкатил автомобиль с подполковником Махиным и присяжным поверенным [И.Я.] Германом. Войдя к Дорману, они сообщили, что приехали за мной, ген[ералом] [В.П.] Бреслером и ген[ералом] [Н.С.] Глинским, и просили нас, не теряя времени, отправляться на вокзал, где уже стоял эшелон Самурского пех[отного] полка, подлежащий следованию в Ставрополь по демобилизации.

Я был готов к отправке, будучи одетым, как солдат. Мне оставалось только взять на плечи мой солдатский мешок, куда моя жена спешно

⁸⁸ *Махров П. С.* Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. // ВАР. P.S. Makhrov Collection. Вых 4. Тетрадь 5. С. 456–457. Оpubл. в: Конеч Юго-Западного фронта... С. 151–152.

укладывала самые необходимые вещи. Это было не так просто, т.к. они должны были соответствовать моему положению солдата. А почти каждый предмет, начиная с белья, выдавал меня с головой...

В головном вагоне вслед за паровозом поместились Герман с женой, которая была одета в костюм сестры милосердия, ген[ерал] Бреслер, [под]полк[овник] Махин, начальник эшелона, кажется, полк[овник] Акчеев и ротмистр Попов. Их вагон был оборудован с некоторым комфортом, и все они имели денщиков. Устроившись в своем вагоне, я лег спать. Мой сосед, уступивший мне свое место против печки, с заботливостью спросил меня, довольно ли соломы, не твердо ли мне на нарах и не дует ли от стенки... >⁸⁹

Ехали с приключениями. По свидетельству Махрова, «путешествие было благополучно до ст[анции] Коростень».

Здесь поезд был оцеплен красногвардейцами, командир хотел проверить документы и раздавались крики: «Кто ‘фицера’, выводи!» Однако обитатели нашего эшелона успели отделаться благополучно, и поезд был направлен на Гомель. В Гомеле произошли более серьезные затруднения. Красногвардеец комендант станции задержал поезд, отказавшись его отправить далее без разрешения из Москвы. Дело чуть не дошло до вооруженного столкновения. Красный комендант вызвал роту солдат около 200 человек. Начальник нашего эшелона по распоряжению Германа поставил своих пулеметчиков в полную готовность для действий.

Надо заметить, что эшелон нашего поезда, в котором следовал «революционный» Лысонский батальон, состоял из 113–120 человек, главным образом из партийцев-революционеров, верных Герману, и частично из лиц, пользовавшихся случаем, чтобы уехать с фронта домой.

В поезде же было 32 вагона, нагруженные снарядами, пулеметами, лошадьми, сбруей, полушубками, разными предметами снабжения и 2^{ми} полевыми орудиями. Такой состав поезда вполне имел вид войсковой части, перевозимой для демобилизации на свою базу⁹⁰. Дело кончилось без кровопролития, наш поезд направлен на Бахмач. В Бахмаче опять наш эшелон был задержан, искали офицеров. Один из большевистских

---

⁸⁹ Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. // ВАР. P.S. Makhrov Collection. Вых 4. Тетрадь 5. С. 466–467, 469. Опубл. в: Конец Юго-Западного фронта... С. 155–156.

⁹⁰ Далее зачеркнуто: «но количество солдат, в полуроту военного времени, конечно, не представляло собой боевой силы, которая могла бы сыграть какую-либо роль под Москвой или в Москве и даже сражаться в Гомеле с красноармейской ротой».

комиссаров высокого роста, красавец-солдат с красной повязкой на рукаве, подошел к вагону, в котором я ехал, и спросил: “Кто здесь офицеры? Выходи!” Нас было 6 человек, один я с подложным удостоверением техника 110[-й] рабочей дружины, что не соответствовало пассажиру Самурского пех[отного] полка. Он оглядел нас всех своими пронизательными глазами, умными и серьезными, но, не спросив документов, прошел дальше. У меня стало легче на душе.

На станции стояло еще два эшелона с войсковыми частями красноармейцев, как я узнал, направлявшихся в Бессарабию против румын. Солдаты были хорошо одеты и производили впечатление дисциплинированных войск. На станции Бахмач всем руководил тот же комиссар, выделявшийся своим ростом и обращавший на себя внимание выправкой, корректностью и чистотой обмундирования. В буфете на вокзале можно было достать все, чтобы хорошо поесть, и даже выпить рюмку водки. Там толпилось много разного рода люду, но преобладала серая масса людей в солдатском одеянии. Многие, как и я, несколько дней не брились и не умывались, были с грязными ногтями, наивно надеясь этим скрыть свое действительное положение»⁹¹.

Судя по всему, П. С. Махров потерял связь с Махиным 3 февраля 1918 г. в Гомеле. Махров затем доехал до Полтавы, где проживали его родственники, а Махин отправился в Москву.

В посвященном Махину некрологе Махров отметил: «Отличительной чертой этого выдающегося офицера Генерального штаба было то, что он был чужд всяких шаблонов, всякой схоластики и очень быстро оценивал обстановку и принимал соответствующие решения. Это был неутомимый работник и совсем не штабная белоручка. Всегда, как только нужно было разобраться, что происходит в действительности на передовых линиях, посылали подьесаула, а потом капитана Махина. Для него не было на войне невозможного. Где на автомобиле, где верхом, где пешком, в дождь, в вьюгу, [в] зимнюю стужу, всюду он исполнял ему данные поручения и всегда блестяще.

Уже перед Первой мировой войной, любя превыше всего свободу, он был революционером и даже вошел в соц[иал]-рев[олюционную] партию»⁹².

⁹¹ *Махров П. С.* Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. // ВАР. P.S. Makhrov Collection. Вых 4. Тетрадь 5. С. 470–471. Опубл. в: *Конец Юго-Западного фронта ...* С. 156–157.

⁹² *Махров П. [С.]* Памяти Ф. Е. Махина // Русские новости (Париж). 1945. 31.08. № 16. С. 6.

Выше уже упоминался адвокат И.Я. Герман. По-видимому, этот человек, состоявший в ПСР, сыграл определенную роль в том, что Махин оказался одним из ключевых военных экспертов ПСР, а затем был внедрен в Красную армию. Как свидетельствовал П.С. Махров, «Иван Яковлевич Герман был идеалист и оптимист с большой волей и настойчивостью. Глубоко преданный идее Учредительного собрания, он не испугался 25 октября и считал своим долгом продолжить борьбу с узурпаторами власти. Он сблизился с Генерального штаба полковником Федором Евдокимовичем Махиным, бывшим начальником службы связи штаба Юго-Зап[адного] фронта, и нашел в нем драгоценного сотрудника.

Махин вполне разделял идею Германа, т.е. борьбу за Учредительное собрание, и записался в партию социалистов-революционеров, что, однако, держал в тайне. Оба они считали, что для борьбы нужно создать хорошо организованную, хотя бы небольшую армию, но состоящую из людей, верных идее Учредительного собрания. Таковых они видели главным образом в лице партийцев социал-революционеров.

Как-то в середине ноября [1917 г.] Махин зашел ко мне в штаб и поделился со мной их планом создания “Народной армии Учредительного Собрания”. Они намечали своей базой район Ставрополя, куда и решили, пользуясь стихийной демобилизацией, отправлять оружие и всякого рода снабжение. Он же мне предложил стать во главе будущей армии и принять теперь же активное участие в их деятельности. Я от этого отказался не потому, чтобы я не сочувствовал идее Учредительного собрания, а потому, что я скептически относился к социал-революционерам, выявившим свое лицо в керенщине.

Идея же их создать армию из верных партийцев социал-революционеров казалась мне плодом необузданной фантазии, что я и высказал с полной откровенностью Махину. Я знал, что офицеры, испытывшие на себе глумление над ними комиссаров Керенского, видевшие, как социалисты-революционеры отнеслись к Корнилову и Деникину, в эту армию не пойдут.

После разгона Учредительного собрания Герман уехал в Житомир, где и поместил свое управление в Римской гостинице, продолжая организацию отрядов для защиты Учредительного собрания. В Житомире он вошел в контакт с начальником снабжений фронта генералом Бреслером и инспектором артиллерии генералом Глинским. Ко времени моего приезда с Махиным в Житомир, т.е. 30 января 1917 года,

Герман располагал остатками Самурского пех[отного] полка и двумя организованными им батальонами. Один назывался “батальон смерти”, другой – “батальон свободы, равенства и братства”. Самурским полком командовал полковник Акчеев, “батальоном смерти” – ротмистр Попов, а батальоном “свободы, равенства и братства” ротмистр Лодыжинский. Кроме того, был еще какой-то “революционный” Лысонский батальон под командой не то капитана, не то подполковника Х (фамилия точно мне не была известна)»⁹³.

В книге В. Ф. Владимировой цитировалось показание бывшего помощника украинского комиссара Юго-Западного фронта и революционного главнокомандующего фронтом эсера Ф. Е. Кудри на процессе ПСР: «Юго-Западный фронт не находился в руках большевиков, поэтому здесь эсеры начали подготовительные работы по организации будущего белого фронта. Бывший председатель местной комиссии по выборам в Учредительное собрание Иван Яковлевич Герман (с.-р.) быстро перестроил свой аппарат по выборам в аппарат по мобилизации военных спецов для будущего фронта. Он начал перебрасывать командный состав: группу [под]полковника Махина и других эсерствующих – в Москву и на Волгу для размещения в красные части»⁹⁴.

В воспоминаниях П. С. Махрова есть зачеркнутый текст, касающийся переезда Махина в Москву. Этот текст, однако, можно прочесть: «После пререканий, чуть ли не дошедших до вооруженного столкновения, Герман добился, чтобы его эшелон был направлен в Ставрополь якобы на базу демобилизации Самурского полка, а вагон-теплушка, в котором помещался Герман с женой и [под]полковник Махин и еще несколько лиц, по настоянию Германа, был прицеплен к поезду, шедшему на Москву.

Какую цель преследовали Махин и Герман, следуя в Москву, мне не было известно, тем более что оба они были сторонниками Временного правительства и могли быть каждую минуту там арестованными. В мае месяце я получил весть от Махина, извещавшего, что он поступил на службу в Красную армию и приглашал меня делать то же. Зная полити-

⁹³ *Махров П. С.* Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. // ВАР. P.S. Makhrov Collection. Вых 4. Тетрадь 5. С. 464–466/ Оpubл. в: Конец Юго-Западного фронта ... С. 154–155.

⁹⁴ *Владимирова В. Ф.* Год службы «социалистов» капиталистам. М.; Л., 1927. С. 132.

ческие убеждения Махина, бывшего социалистом-революционером, его поступок был для меня необъяснимым»⁹⁵.

Махин состоял в специальной военной комиссии ПСР⁹⁶. В 1918 г. он по приказу ЦК партии поступил на службу в Красную армию⁹⁷. Как впоследствии вспоминал Г.И. Семенов (Васильев), некоторое время возглавлявший в ПСР красноармейский отдел, «мы сосредотачивали особое внимание на работе в красноармейских частях: на вливании в формирующиеся части возможно большого количества наших людей, подборе нашего командного состава для этих частей и создании наших ячеек»⁹⁸. Таким путем подполковник Махин оказался в рядах Красной армии, где вскоре достиг высоких постов.

На судебном процессе эсеров в 1922 г. Семенов (Васильев) показал: «У нас была связь со штабом Красной армии через посланного нами туда помощника [К.А.] Мехоношина. При его посредстве мы проводили на ответственные командные посты своих людей. Начальником штаба красноармейской пехотной дивизии был назначен поручик эсер Тесленко, через последнего – командирами двух полков этой дивизии – эсеры. Командиром артиллерийской бригады – эсер полковник Карпов, который подбирал в бригаду эсеровских людей; командиром одной из бригадных батарей – эсер Блюменталь, эсер прапорщик Прокофьев – зав[едующим] хозяйственной частью, эсер Попов работал в канцелярии бригады. Командир химического батальона, меньшевик, был назначен на ответственный пост в Главное артиллерийское управление»⁹⁹.

Практически о том же свидетельствовал член военной комиссии ЦК ПСР И.С. Дашевский: «Мы считали необходимым принять активное участие в ее (Красной армии. – А.Г.) формировании, как по соображениям иметь в частях и на командных постах преданных нам людей, так и потому, что в случае близкого, как нам казалось, свержения власти

⁹⁵ Махров П.С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. // VAR. P.S. Makhrov Collection. Вых 4. Тетрадь 6. С. 567.

⁹⁶ Семенов (Васильев) Г.[И.] Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. Берлин, 1922. С. 24.

⁹⁷ Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 151–152.

⁹⁸ Семенов (Васильев) Г.[И.] Военная и боевая работа... С. 15.

⁹⁹ Цит. по: Соболева П.И. Борьба большевиков против меньшевиков и эсеров за ленинскую политику мира. (ноябрь 1917–1918 гг.). М., 1965. С. 168.

большевиков Красная армия оказалась бы единственным зародышем организованной военной силы для обороны государства»¹⁰⁰.

Газета «Народовластие», издававшаяся в Хвалынске, в июле 1918 г. в посвященном Махину панегирике отметила, что «в качестве специалиста военного дела он был привлечен к работе в военной секции при Центральном Комитете партии соц[иалистов]-революционеров. Благодаря участию этого человека с законченным военным образованием и богатым опытом войны, секции удалось наметить план работы и создать необходимые центры, связанные с партией»¹⁰¹. Похожие сведения были напечатаны и в самарском «Городском вестнике»: «Ф.Е. Махин много работал в военной секции при Ц.К. партии с.-р. Благодаря его участию в этой работе удалось безболезненное освобождение Уфы от большевизма»¹⁰².

Подробнее роль Махина осветил член ЦК ПСР М.А. Веденяпин: «Восьмым советом партии с.р. было принято, что основными задачами партии являются борьба за восстановление независимости России и возрождение ее национального государственного единства на основе разрешения социально-политических задач, выдвинутых Февральской революцией, и что главнейшим препятствием к осуществлению этих стремлений является большевистская власть.

Поэтому ликвидация ее составляет очередную и неотложную задачу. Для проведения в жизнь этого постановления военной секции Центрального комитета партии с.-р. пришлось вести методическую и всестороннюю конспиративную работу для свержения советской власти. В число работников секции в качестве военного специалиста вошел бывший председатель бюро партии с.-р. 3-й стр[елковой] дивизии, начальник штаба этой дивизии, Генерального штаба подполковник Федор Евдокимович Махин.

Благодаря его участию как человека с законченным военным образованием и богатым опытом войны, военной секции удалось наметить план правильной организационной работы и создать необходимые центры, связанные с партией, при некоторых большевистских военных учреждениях. Это обстоятельство позволяло быть в курсе во-

---

¹⁰⁰ Там же. С. 167–168.

¹⁰¹ Цит. по: *Кумаков А.В., Симонов А.А.* Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. Саратов, 2016. Кн. 2. С. 207.

¹⁰² Командующий Хвалынскими войсками // *Городской вестник (Самара)*. 1918. 06.08. № 54 (3067). С. 3

енно-организационных и оперативных предположений самозванных вершителей судеб России»¹⁰³.

Член ЦК ПСР В.М. Зензинов в эмиграции вспоминал о подпольной работе эсеров в 1918 г. и в том числе о сотрудничестве с Махиным: «Мы вошли в сношения с несколькими военными специалистами, стоявшими на необходимости вооруженной борьбы с большевиками и разделявшими демократические взгляды, но не примыкавшими ни к одной из существующих политических партий. Мы знали, что среди них были лица, которые не разделяли наших социалистических взглядов, и это нас не останавливало – мы вовсе не хотели замыкаться в нашей работе в узких партийных рамках. Наиболее крупным из них был полковник т[оварищ] Ткаченко¹⁰⁴, бывший начальник оперативного отдела штаба одного из командующих армией за время последней войны. При их помощи нам удалось в течение 4–5 месяцев создать в Москве строго законспирированную организацию, состоявшую из нескольких тысяч вооруженных людей, живших в разных частях города и готовых по сигналу выступить на улицу. В эту организацию входили рабочие (выбранные из организации Московского комитета), демократически настроенное офицерство и главным образом демобилизованные солдаты. Каждой частью ведало особое лицо, и все участники распались на маленькие группы по 5–10 человек, каждая группа имела своего представителя. Время от времени делали им смотр: члены нашей организации собирались в церквях во время богослужения и молчаливо их обозревали¹⁰⁵.

Вряд ли надо говорить, насколько трудна и ответственна была эта работа. Она требовала огромной выдержки, организационного умения, конспиративности, она, наконец, поглощала огромные средства, так как большинство членов этой организации жило на средства партии. Кроме создания непосредственной организации, перед нами стояли и другие задачи: разведка и проникновение в большевистские организации. Здесь тоже была поставлена большая работа. Она облегчилась одним чрезвычайно существенным обстоятельством. Однажды в марте

¹⁰³ Веденяпин М.[А.] К возрождению России... С. 2.

¹⁰⁴ Ткаченко Алексей Алексеевич (16.10.1868–?) – полковник, военный специалист РККА. Член партии правых эсеров.

¹⁰⁵ Возможно, это делалось по линии сотрудничества с православной организацией «Совет объединенных приходов» (см.: Клименко В.А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917–1920 гг. М., 1978. С. 136).

в редакцию эсеровской газеты “Труд” явился [под]полковник, только что приехавший с Румынского фронта¹⁰⁶. Он искал связи по военным делам с Центральным комитетом партии социалистов-революционеров – его направили ко мне. Это был [под]полковник Генерального штаба Федор Евдокимович Махин, член партии социалистов-революционеров, сражавшийся на Румынском фронте в армии генерала [Д.Г.] Щербачева. В борьбе с большевизмом на фронте щербачевская армия оказалась одной из наиболее устойчивых. [Под]полковник Махин предложил в распоряжение партии те части, которые в это время, как демобилизованные, возвращались с Румынского фронта на Северный Кавказ (в Ставрополь), и брался, изменив направление этих частей в пути, направить их в Москву и здесь выступить с ними против советской власти. Он хорошо знал настроение этих частей, убежден был в том, что оно было достаточно крепким, и ручался за успех. Взвесив хладнокровно это предложение, имея в прошлом богатый и печальный опыт подобного рода начинаний, мы отклонили это предложение, боясь превращения его в авантюру, так как мы боялись настроения фронтовых частей, которые так часто при непосредственном соприкосновении с большевиками их беззастенчивой и ловкой демагогией разлагались как по волшебству.

[Под]полковник Махин остался в Москве и вскоре сообщил нам, что через знакомых ему офицеров Генерального штаба большевики сделали ему предложение поступить к ним на службу. Взвесив все обстоятельства и узнав обстановку, мы посоветовали [под]полковнику Махину это предложение принять. Вскоре ему поручили при главном большевистском штабе заведование всей операционной частью – и мы таким образом всегда были в курсе всех военных операций на всех фронтах. Несколько раз, ранними утрами, до прихода политических комиссаров на службу, я виделся с [под]полковником Махиным в главном штабе большевиков – в прекрасном барском особняке, помещавшемся на Триумфальной-Садовой, и там получал от него нужные сведения. Позднее [под]полковнику Махину предложено было большевиками отправиться на Восточный фронт для борьбы с чехословаками. Он, опять-таки с нашего согласия, принял предложение, набрал штаб (почти исключительно из эсеров) и в нужный момент сдал Уфу чехословакам и войскам Народной армии без

---

¹⁰⁶ Здесь и далее правильно – Юго-Западного.

боя, перейдя вместе со всем своим штабом в распоряжение Комитета членов Учредительного собрания. В рядах Народной армии он оставался на самых ответственных постах до самого последнего времени, то есть до декабря 1918 года»¹⁰⁷. И хотя Зензинов не вполне точно назвал место службы Махина, прямое и сравнительно подробное свидетельство о внедрении Махина в Красную армию по заданию ЦК партии эсеров представляется крайне важным.

Член военной комиссии ЦК ПСР И. С. Дашевский показал на процессе ПСР: «Я был вызван в Москву по решению Центрального комитета в первых числах апреля. Здесь я встретился с членом Центрального комитета [Е.М.] Тимофеевым, который связал меня с членами Центрального комитета Зензиновым и [Б.Н.] Моисеенко, сказав, что с ними мне придется взяться за организацию военной работы. Со слов Зензинова и Моисеенко, работа эта до сих пор велась слабо. Существовал военный штаб, человек 5–6, большинство военных, главным образом партийных с.-р. В этом числе было два человека беспартийных, сочувствующих эсерам. Из военных там были: полковник Ткаченко и Махин. В этот штаб, по моему мнению, входили представители ряда чисто военных, а не партийных организаций. Так, полковник Ткаченко был главой одной довольно крупной беспартийной военной организации. Фундаментом этого штаба был офицерский кадр. Рабочих дружин к моему приезду в наличии не оказалось. Были какие-то домовые охраны. Еще какие-то организации церковных приходов, – они были очень многолюдны с сугубо черносотенным православным оттенком и имели в своем распоряжении вооружение. Что касается офицерских организаций, то помимо организации Ткаченко, который персонально входил в штаб, было еще несколько менее крупных организаций. По докладу Моисеенко, организация Ткаченко насчитывала свыше 200–300 человек. Другие офицерские организации были меньше, они, конечно, не были партийными»¹⁰⁸. «Махин заявил себя убежденным членом партии с.-р. и выразил готовность давать нам информацию и, когда возможно будет, содействовать назначению наших товарищей»¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Партия социалистов-революционеров в первые годы Советской власти // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 8–9.

¹⁰⁸ Владимирова В.Ф. Год службы «социалистов» капиталистам. С. 207.

¹⁰⁹ Цит. по: Соболева П.И. Борьба большевиков против меньшевиков и эсеров за ленинскую политику мира. (Ноябрь 1917–1918 гг.). М., 1965. С. 167.

Член ЦК Е.М. Тимофеев на процессе правых эсеров заявил, что подрывная работа эсеров в РККА началась после подписания Брестского мира: «С помощью [под]полковника Махина мы разваливали Красную армию и на фронте по Волге создавали свою военную силу. Дальше мы этот фронт приняли и преступную работу в Красной армии прекратили»¹¹⁰. Интересно, что Махина предполагали направить в Добровольческую армию¹¹¹, но затем планы изменились.

О подпольной работе Махина несколько раз упоминал в своей многочасовой обвинительной речи на процессе правых эсеров государственный обвинитель Н.В. Крыленко¹¹². Он пересказывал показания управляющего делами ЦК ПСР А.Ю. Фейта¹¹³ о том, что в военной комиссии «генералов не было, но два полковника были – один хороший, другой скверный, хороший – это знаменитый Махин, а скверный – Ткаченко... потому что он был не партийный, не эсер, за ним был хвост как за генералом Суворовым, хвост в 1000 офицеров»¹¹⁴.

Крыленко цитировал и показания Дашевского о том, что эсеры в Москве вели работу «того же технического боевого военного характера по организации учета и подбора военных частей, как и в Петрограде, опять была налажена связь с офицерством, и офицеров направляли из Москвы на Восточный фронт»¹¹⁵. Крыленко отметил и показания члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева, вспоминая, «как он вместе с полковником Махиным... рассматривал карту и секретные военные документы, похищенные из мобилизационного отдела Всероссийского [главного] штаба Красной армии; они расценивали военные округа и тут же разрешали вопросы практической политики о назначении на командные должности в Красной армии

¹¹⁰ Правоэсеровский политический процесс в Москве 8 июня – 4 августа 1922 г.: Стенограммы судебных заседаний. М., 2011. Т. 1–2. С. 579.

¹¹¹ Обвинительные речи на процессе эсеров. М., 1922. С. 173.

¹¹² Там же. С. 162, 173, 185.

¹¹³ Широкою популярностью в СССР получил сын А.Ю. Фейта, «главный злодей советского кино» А.А. Файт (Фейт), известный по роли месье Дюка из фильма «Корона Российской империи, или Снова неуловимые».

¹¹⁴ Крыленко Н.В. Судебные речи (избранное). М., 1964. С. 124. В другом варианте у Ткаченко упоминались 500–1000 офицеров (см.: Обвинительные речи на процессе эсеров. С. 162).

¹¹⁵ Крыленко Н.В. Судебные речи. С. 126.

“своих людей”, в том числе и позднейшего изменника Махина, предателя Уфы»¹¹⁶.

Резюме Крыленко по поводу случая с внедрением эсерами в РККА Махина и его изменой было следующим: «Этот факт для меня чрезвычайно важен, ибо он превалирует по своему значению над всеми остальными моментами. Он выдвигает во весь рост уголовный момент, ибо именно эти лица в момент тяжелой борьбы 1918 года, когда Красная армия только что становилась на ноги, насаждали нам в армию предателей, всех этих махиных и карповых, благодаря действиям которых десятки и сотни тысяч красноармейцев потом пали мертвыми. Этим руководителям, изменникам и предателям, мы не простим той крови, которая тогда была пролита благодаря заседаниям вашего комитета, благодаря выкраденным вами документам. И пусть русские рабочие и крестьяне знают, что вами было сделано на ваших секретных заседаниях; пусть они вам предъявят сейчас счет за свои страдания и кровь! Не шутки шутить мы будем с вами. Вопрос идет о защите и обороне государства, которое мы завоевали, за которое отдали столько сил, крови и энергии, и так легко вам эти преступления не пройдут!»¹¹⁷

В обвинительном заключении по делу ЦК ПСР военной работе эсеров в Москве был посвящен целый раздел. Отмечалось, что после заключения Брестского мира эсеры взяли курс на союз с Антантой и возобновление войны с германцами. Поскольку широкие массы привлечь этим было невозможно, эсеры активизировали подпольную работу. В рамках такой деятельности они начали сотрудничать и с белыми, которым «приносят в дар весь свой громадный опыт конспиративной подпольной работы, систему явок, паролей, конспиративных квартир, переправляют белогвардейцев через фронт, снабжают паспортами и т.д.»¹¹⁸. До весны 1918 г. военная работа в Москве велась слабо и хаотично. С января 1918 г. ее курировал доктор А.Ю. Фейт. Затем ЦК ПСР усилил это направление, прислав в Москву в апреле И.С. Дашевского, который вместе с В.М. Зензиновым и Б.Н. Моисеенко должен был провести чистку офицерских

---

¹¹⁶ Там же. С. 126–127.

¹¹⁷ Там же. С. 127.

¹¹⁸ Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций Партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических сношениях с иностранными государствами. М., 1922. С. 63.

организаций. По данным обвинения, непосредственно этой работой занимался сам Дашевский. Им была установлена связь с организацией полковника А.А. Ткаченко и с генералом В.Г. Болдыревым, в дальнейшем – активным участником подпольного «Союза возрождения России» и крупным военным администратором, сыгравшим видную роль в антибольшевистском движении на Востоке России. Новым направлением стало внедрение своих людей в Красную армию. В обвинительном заключении отмечалось: «Здесь начинается знакомство с Махиным, впоследствии известным предателем Уфы. Через Махина, занимавшего ответственный военный пост, начинается насыщение армии “своими людьми”, и наконец, сам Махин получает директиву от Ц.К. п.с.-р., переданную Дашевским от члена Ц.К. Тимофеева, – принять назначение на Восточный фронт и действовать сообразно с обстоятельствами»¹¹⁹. К сожалению, ничего не сказано о том, кто именно был внедрен в РККА через Махина. В связи с чем этот вопрос, равно как и достоверность такого утверждения, остаются непроясненными. По показаниям Дашевского, через Махина «была организована “разведка”, заключающаяся в получении “информации по военным делам”, и при помощи связи с двумя телеграфистами, военная комиссия имела в своем распоряжении военные телеграммы и сводки»¹²⁰. Содействовал Дашевскому О.С. Минор, впоследствии сотрудничавший с Махиным уже в эмиграции. Затем Дашевский уехал в Саратов, через который началась переброска офицеров на Восток, а военная работа эсеров перенеслась на фронты.

Упоминался Махин и в приговоре Верховного революционного трибунала на процессе эсеров, вынесенном в августе 1922 г. Там, в частности, говорилось: «Создается военная организация Ц.К. П.С.-Р., которая имеет перед собой задачи, аналогичные задачам петроградской военной комиссии. В числе прочих преступных деяний этой организации особо преступное значение имеет соби- рание через своих агентов сведений о Красной армии, похищение документов из мобилизационного отдела Всероссийского [главного] штаба Красной армии, изучение с преступными намерениями этих документов членом Ц.К. Тимофеевым, совместно с членом П.С.-Р., [под]полковником Махиным, вливание в целях дезорганизации

---

¹¹⁹ Там же. С. 64.

¹²⁰ Там же.

в Красную армию враждебных Советской армии лиц вообще и на командные должности в частности, где эти лица наносят чрезвычайный ущерб Красной армии своими дезорганизаторскими действиями, прямыми переходами на сторону врага (особенно отчетливо эта тактика выявляется в случае с упомянутым [под]полковником Махиным, который, по указанию Ц.К. П.С.-Р., как провокатор, принял на себя ответственную командную должность в Красной армии, а затем под Уфой предательски перешел с частью находившихся под его командой красноармейцев на сторону врага, перебрасывание офицеров в пункты, намеченные для вооруженного восстания, и т.п. В этой военно-технической работе П.С.-Р. обслуживает бело-гвардейские элементы, предоставляя в их распоряжение весь свой опыт нелегальной работы, приобретенный ею в тот период, когда она еще вела борьбу с царской властью»¹²¹.

Перебравшийся в 1918 г. в Полтаву П.С. Махров вспоминал: «В мае месяце я получил письмо из Москвы от моего друга [под]полковника Махина, который мне вместе с адвокатом Германом помог уехать из Житомира. К моему удивлению, это письмо пришло по почте и без всякой цензуры. В это время большевики, изошрившись в искусстве обысков, шпионства и сыска, еще, видимо, не поставили почтовое сообщение на свой лад. А может быть, среди почтовых служащих был “вредитель”, любезно письмо пропустивший. Точно я не знаю, но письмо пришло по назначению. Махин мне писал, что он поступил на службу в Красную армию, и назвал мне целый ряд офицеров Генерального штаба, занявших там ответственные должности. В числе их был ген[ерал] Клембовский Владислав Наполеонович, ген[ерал] Свечин Александр, [А.А.] Незнамов – профессор, Новицкий Василий, ген[ерал] Морозов Николай Аполлонович, мой родной брат Николай Семенович, ген[ерал]¹²² Каменев Сергей, мой товарищ по выпуску полковник Петин Николай Николаевич и, наконец, мой друг и начальник по Юго-Западному фронту генерал Николай Николаевич Стогов, получивший в Москве большую должность в Главном штабе. Махин мне писал, что офицеры Генерального штаба мне советуют приехать в Москву, т.к. они уверены, что я буду назначен начальником Генерального штаба. Письмо это меня удивило. Я знал Махина как непримиримого врага

¹²¹ Обвинительные речи на процессе эсэров. С. 223.

¹²² Правильно – полковник.

большевиков. Уезжая из Житомира, он имел целью формировать Народную армию Учредительного собрания и вдруг попал на службу к большевикам.

Предложение же мне поступить на военную службу к большевикам мне казалось чудовищным. Махин знал, что одна мысль быть под командой международного мошенника, жида Лейбы Бронштейна (присвоившего себе имя бывшего командующего войсками Виленского воен[ного] округа, благороднейшего человека и заслуженного генерала – [В.Н.] Троцкого), приводила меня в негодование. Для меня, великоросса, предки которого строили русское государство, самый факт, что паршивый жид будет играть главную роль в перестройке России, казался¹²³ кощунственным. Быть в армии, где русский солдат обязан был воздавать воинские почести жиду, всегда ненавидевшему русских, казалось позором и оскорблением для русского имени. За это оскорбление я презирал и Ленина.

Конечно, я на это письмо не ответил, но для меня осталось загадкой, как Махин и Стогов могли поступить на службу в Красную армию. Если полковник Петин очутился там, в этом ничего не было удивительного. Он в конце ноября 1917 года в Бердичеве и мне, и Стогову говорил, что “нужно идти с народом”»¹²⁴.

Разумеется, Махин писал не случайному человеку, а своему знакомому, взгляды которого отлично знал. По-видимому, это была попытка вовлечь Махроva в подпольную работу в рядах Красной армии. К сожалению, в дальнейшем Махров, общавшийся с Махиным в эмиграции, не выяснил подоплеку этого письма либо не счел нужным вернуться к этому в своих воспоминаниях.

Махин получил назначение на должность начальника оперативного отделения штаба военного руководителя Московского района¹²⁵. Его московский адрес тогда находился в штабе на Садовой-Кудринской, 17. Штаб был укомплектован генштабистами старой школы. Военным руководителем (военруком) района являлся бывший генерал-лейтенант К.К. Байов, его помощником (первым заместителем) – бывший генерал-майор Л.А. Радус-Зенкович, начальником штаба – бывший генерал-майор Н.Г. Семенов. Для особых поручений при военруке

¹²³ В документе – казалось.

¹²⁴ *Махров П.С.* Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. // BAR. P.S. Makhrov Collection. Box 4. Тетрадь 5. С. 531–532.

¹²⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 357.

состоял бывший подполковник В.Э. Томме, а еще одним начальником отделения, помимо Махина, был бывший подьесаул Г.Я. Кутырев¹²⁶.

Федор Евдокимович был зарегистрирован в отделении по службе Генерального штаба Всероссийского главного штаба и как специалист Генерального штаба, желавший получить назначение в Красной армии. Махина включили в «Список бывших офицеров Генерального штаба, зарегистрированных в отделении по службе Генерального штаба Всероссийского Главного штаба на основании постановления Высшего Военного Совета для назначения на соответствующие должности при предстоящих новых формированиях постоянной армии» № 8 от 7 июня 1918 г. В списке значилось, что он «желает получить должность в Приволжском или Приуральском воен[ных] окр[угах]»¹²⁷. Подобное стремление – вовсе не случайность и не желание занять более престижную и высокооплачиваемую должность, как иногда утверждается. Еще весной 1918 г. социалисты-революционеры, придя к выводу о бесперспективности борьбы с большевиками в Петрограде и Москве, приняли решение о переводе своих организаций, в том числе и военной, в Поволжье и на Урал¹²⁸. Судя по всему, Махин руководствовался именно этим решением ЦК ПСР. Просьбу Махина удовлетворили.

В начале июня 1918 г. возможное назначение Махина еще обсуждалось. В частности, начальник оперативного управления Всероссийского главного штаба С.А. Кузнецов 6–7 июня просил назначить Махина заведующим отделом Приволжского военного округа¹²⁹. Все карты спутал захват Самары, где находился штаб округа, чехословаками 8 июня 1918 г. Тогда большинство генштабистов, служивших в штабе округа, примкнули к противникам большевиков¹³⁰. В этой связи Махин получил иное назначение.

Член ЦК ПСР М.А. Веденяпин в статье, написанной в разгар событий, в июле 1918 г., отметил, что «начавшаяся на Волге и Урале в конце мая решительная борьба с предателями России – большевиками

¹²⁶ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 79. Л. 111.

¹²⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 68об.

¹²⁸ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 368–369; Каревский А.А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима–осень 1918 г.: автореф. дис. ... к.и.н. М., 2001. С. 11.

¹²⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 96, 97.

¹³⁰ Подробнее см.: Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2017. С. 227–230.

потребовала от военной секции Центрального комитета партии с.-р. самого активного участия.

Оценивая все колоссальное значение для Приуральяского края такого узла железнодорожных и водных путей, как Уфа, учитывая географическое положение Уфы, по авторитетным отзывам воен[ных], считавших чуть ли [не] неприступным местом и являющимся в то же время оплотом большевизма в крае, военная секция [ПСР] решила во что бы то ни стало в самый кратчайший срок создать в Уфе могучую партийную организацию. Задачей этой организации поставлено освобождение Уфы от большевизма и предотвращение напрасных человеческих жертв, которые готова была принести советская власть, выполняя приказания из Берлина о разоружении чехословаков.

Для военной секции было совершенно ясно, что большевики мобилизуют все свои военные силы на Урале, и в частности в Уфе, для того, чтобы не дать соединиться чехословацким войскам, сосредоточенным в Самаре и Челябинске.

Волго-Бугульминская ж[елезная] д[орога] и водный путь по р[еке] Белой и Каме прочно связывали Уфу с центром Советской России и давали возможность постоянного и непрерывного усилия¹³¹ уфимских большевистских банд.

Выполнение задачи, поставленной военной секцией Ц.К. партии, при указанных условиях могло быть возложено только на лицо с[о] специальным военным образованием и военным опытом. Таковым и являлся в партии Генерального штаба подполковник Махин.

Он должен был принять на себя обязанность начальника штаба большевистских войск, действовавших в Уфимском районе, составить свой штаб из партийных эсеровских работников и сделать все для скорейшей и безболезненной ликвидации и борьбы за овладение этим районом»¹³².

По свидетельству Г.И. Семенова (Васильева), «через Мартьянова с.-р. [под]полковник Махин был назначен командиром одной из армий Восточного фронта, стоящей около города Уфы. Выдвигая кандидатуру Махина, Ц.К. полагал, что Махин всеми зависящими от него мерами будет способствовать продвижению Народной армии. Махин впослед-

¹³¹ Видимо, имеется в виду – усиления.

¹³² Веденяпин М.[А.] К возрождению России... С. 2.

ствии с частью своего штаба, с планами и кассой перешел на сторону Народной армии»¹³³.

Нельзя не привести и мнение врага Махина М.В. Агапова, пытавшегося в эмиграции представить Федора Евдокимовича карьеристом и оппортунистом. Ссылаясь на свидетельства генерала Б.С. Стеллецкого, якобы хорошо знавшего Махина, Агапов писал, что после захвата власти большевиками Махин «быстро нашел решение. С одной стороны, он не верил, что большевики смогут долго продержаться (в это не верили многие видные фигуры в самой большевистской партии). С другой, он полагал, что возвращение к прошлому невозможно, и, судя по всему, в будущем эсерам и меньшевикам снова достанется важная роль. В пользу этого предположения говорил тот факт, что на выборах в Учредительное собрание за эсеров было подано 20 миллионов голосов из 22 миллионов проголосовавших. И вот какое решение принял Махин. Он отдался в распоряжение советской власти, от которой сразу получил должность заместителя московского “военрука” (военного руководителя Московского военного округа, который охватывал всю центральную Россию). Одновременно он тайно предложил свои услуги эсерам, а именно Уфимской Директории¹³⁴, которую левые антисоветские круги считали наследницей свергнутого Временного правительства. О последнем факте Махин рассказывал Стеллецкому, пытаясь объяснить, что он остался эсером и что в эмиграции его следует считать представителем партии эсеров. Б. Стеллецкий на это заметил, что Махин никакой не эсер, а член партии КВД – “Куда ветер дует”. О том, что приключилось с его однокашником¹³⁵ дальше, Стеллецкий узнал из рассказов Махина. Тот, единственно, умолчал, что, пока он служил московским “замвоенруком”, Уфимская Директория, то есть ее секретный штаб¹³⁶, расценивала его как обычного разведанта, а не как члена штаба, как того хотелось самому Махину»¹³⁷. Думается, подобные наблюдения не соответствовали реальному положению вещей.

¹³³ Семенов (Васильев) Г.[И.] Военная и боевая работа... С. 40.

¹³⁴ Уфимской Директории тогда еще не существовало. Речь идет о предложении услуг партии эсеров.

¹³⁵ Б.С. Стеллецкий не был однокашником Махина по академии, если понимать под этим совместное обучение. Стеллецкий окончил академию в 1901 г., тогда как Махин – в 1913 г.

¹³⁶ Речь идет о военной организации ЦК ПСР.

¹³⁷ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 670. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

9 июня в Уфу прибыл поезд Высшей военной инспекции благоволившего Махину Н.И. Подвойского¹³⁸. Махин же приехал, судя по всему, 16 июня, а уже 18 июня был назначен Подвойским временно исполняющим обязанности начальника Уфимской советской дивизии с возложением на него обязанностей военрука Уфимского губернского комиссариата по военным делам и начальника временного полевого штаба при комиссариате¹³⁹. Это подтверждается и телеграммой Махина командовавшему войсками в районе Уфа – Самара В.Н. Блохину от того же числа: «Согласно приказания наркомвоен товарища Подвойского я сего числа принял командование войсками против чехословаков по линиям Уфа – Самара и Уфа – Челябинск. Военрук Махин»¹⁴⁰.

В приказе № 146 от 17 июня 1918 г. Подвойский писал: «Сегодня я выезжаю в Москву для личного доклада правительству рабочих и крестьян – Совету народных комиссаров – о чехословацком мятеже и соединенном с ним контрреволюционном движении буржуазии и правых социалистических элементов, идущих рядом с нею, которые на своих спинах, прикрываясь лозунгом Учредительного собрания, желают навязать народу вместо власти рабочих и крестьян – власть помещиков и капиталистов, как это и было до Октябрьской революции. Напоминаю, что главная цель капиталистов и помещиков – на спинах социалистов-революционеров ввести самодержавие, о чем пока говорят робкие маневры их, вроде открытия в Самаре памятника Александру II после взятия этого города чехословацкими мятежниками. Вдумайтесь в это, товарищи рабочие и крестьяне, соберите всю силу духа, используйте весь имеющийся у вас запас материальных и технических сил и средств, встаньте как один, создайте стройные боевые единицы, выступите все на защиту чести республики и революции.

Во главе всех сил, действующих на самаро-челябинском направлении, мною оставляется временный полевой штаб, учрежденный моим приказом от 13 июня № 138 при Уфимском губернном комиссариате по военным делам, во главе с прибывшим вчера ночью, по моему вызову из Москвы, товарищем Генерального штаба Махиным, обладающим великим боевым опытом, запасом совершеннейших знаний, и дру-

¹³⁸ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 8. Л. 89; Приказы Высшей военной инспекции Рабочей и крестьянской Красной армии. М., 1919. С. 65.

¹³⁹ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 8. Л. 29, 37, 60, 64, 67, 68, 101об., 146; Приказы Высшей военной инспекции... С. 84.

¹⁴⁰ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 8. Л. 146.

гими опытными военачальниками с прочно установленной боевой репутацией.

Товарищ Махин – военный руководитель Уфимского губернского комиссариата – ни один день не оставался в стороне, когда правительство призывало к созданию вооруженных сил Российской Федеративной Советской Республики.

Тов. Махин и прибывшие с ним его сотрудники, видные военные специалисты, в своей работе по руководству Уфимским губ[ернским] военным комиссариатом, формированием боевых частей и по руководству операциями против чехословаков с честью продолжают многодневную работу Высшей военной инспекции совместно с губернским комиссариатом по военным делам и найдут также всемерную поддержку от Уфимского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов и от уездных исполнительных комитетов.

Общее руководство всеми войсками против чехословацких мятежников и восставших урало-оренбургских казаков-богатеев передано Народным комиссариатом по военным делам особо назначенному Военно-революционному военному совету во главе с народным комиссаром [П.А.] Кобозевым.

Правительство рабочих и крестьян и трудящийся люд напрягают все свои силы, чтобы раздавить новый взрыв контрреволюции, застрельщиками которой явились находящиеся на службе и содержании французского буржуазного правительства чехословацкие войска.

Рабочие и крестьянская беднота и на этот раз раздавят мятежников.

Да здравствует Социалистическое Отечество.

Да здравствует Российская Федеративная Советская Республика.

Да здравствует власть рабочих и крестьян и их правительство – Совет Народных Комиссаров!¹⁴¹

Махину было поручено руководство Уфимским губернским военным комиссариатом, формирование пехотной дивизии и руководство боевыми операциями против чехословаков на миасском и кинельском направлениях¹⁴². По-видимому, зарекомендовав себя способным военруком, Махин через девять дней после первого приказа получил назначение командующим армией.

¹⁴¹ Приказы Высшей военной инспекции ... С. 81–82.

¹⁴² Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии (1917–1919 гг.). Уфа, 1966. С. 278.

В июне 1918 г. на Востоке России уже шла широкомасштабная Гражданская война. Еще в конце мая началось восстание против большевиков Чехословацкого корпуса. 13 июня постановлением СНК для руководства операциями против чехословаков был создан Реввоенсовет. Фактически возник Восточный фронт – первый из фронтов Советской России, хотя такое название употреблялось пока редко¹⁴³. Возглавил фронт бывший подполковник М.А. Муравьев. В состав РВС вошли: П.А. Кобозев (председатель), М.А. Муравьев, К.А. Мехоношин и Г.И. Благодеров¹⁴⁴. Еще до прибытия на фронт Муравьев распорядился о создании армейских штабов с привлечением бывших офицеров Генерального штаба. В войсках, в том числе вследствие боевой обстановки, происходил переход от отрядов к полкам, дивизиям и армиям¹⁴⁵.

Наряду с другими создавалась и 2-я армия. Приказ о ее создании путем сведения уфимской и оренбургской групп войск был подписан Муравьевым не позднее 22 июня 1918 г. Первым командующим декретом РВС Восточного фронта № 3 назначался В.В. Яковлев¹⁴⁶ (позднее перешел на сторону Комуча¹⁴⁷), но уже 26 июня на основании декрета РВС Восточного фронта № 8 его сменил Махин, назначенный временно исполняющим должность командующего¹⁴⁸.

На 28 июня армия включала три группы, расположенные в районе Уфы, Златоуста и Оренбурга. Положение Уфы тогда было крайне сложным. Секретарь уфимского губкома РКП(б) Г.Н. Котов вспоминал, что «от центра мы оказались почти оторваны, так как связь наша шла окольным путем по Волго-Бугульминской железной дороге через Ульяновск¹⁴⁹. Почта и газеты не приходили... Тов. Подвойский приехал в Уфу с большой, крайне серьезной и неотложной задачей: проверить и подготовить наши боевые силы к борьбе с чехословаками и учредилловцами. По ходу

¹⁴³ Подробнее см.: *Ненароков А.П.* Восточный фронт 1918. М., 1969. С. 65–66.

¹⁴⁴ Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969. С. 97–98.

¹⁴⁵ *Кляцкин С.М.* На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965. С. 206; *Симонов А.А.* Главком М.А. Муравьев и создание Восточного фронта (июнь – июль 1918 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2013. Т. 13. Серия История. Международные отношения. Вып. 1. С. 34–35.

¹⁴⁶ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 5; ДКФКА. М., 1971. Т. 1. С. 389.

¹⁴⁷ Гражданская война в Поволжье. 1918–1920. Казань, 1974. С. 63.

¹⁴⁸ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 9, 19.

¹⁴⁹ Правильно – Симбирск.

событий можно было уже думать, что нам предстоит продолжительная Гражданская война. Необходимо было создавать постоянную регулярную армию, способную не только на партизанские выступления, а на упорную позиционную и, может быть, даже окопную войну; к этому уфимская Красная армия не была приспособлена»¹⁵⁰.

Считается, что в должности командарма Махин пробыл с 26 июня по 3 июля 1918 г. Как уже отмечалось, его назначение состоялось при помощи бывшего прапорщика Н.Н. Мартьянова, в прошлом товарища прокурора Тифлисской судебной палаты, также состоявшего в ПСР¹⁵¹. На процессе эсеров в 1922 г. о Мартьянове упомянул член ПСР и один из организаторов военной комиссии ЦК ПСР И.С. Дашевский, показавший, что «одновременно с Махиным было решено послать другого нашего давнишнего военного работника, еще по Петрограду, по фамилии Мартьянова, бывшего в небольшом чине, кажется, в чине прапорщика или подпоручика, имевшего знакомство с Махиным, работавшего по установлению связи и информации. Кажется, он был назначен к Махину именно на должность начальника связи штаба. В частности, мы имели определенное предположение, что именно Мартьянов, известный нам с этой именно стороны как чрезвычайно расторопный, распорядительный и проницательный работник, сумеет легче и быстрее всего организовать связи Махина с нашими товарищами как по ту, так и по эту сторону фронта... Махин получил назначение, вместе с Мартьяновым отправился на фронт и спустя некоторое время в районе Уфы перешел на сторону Самарского комитета Учредительного собрания. Вместе с ним перешел и Мартьянов»¹⁵².

Приказ о назначении Махина был подписан командующим большевистским Восточным фронтом М.А. Муравьевым¹⁵³. Наличие такого приказа давало возможность советским историкам предложить простое объяснение проникновения Махина на пост командующего посредством протекции другого будущего изменника Муравьева¹⁵⁴.

¹⁵⁰ Котов Г.[Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году // Пролетарская революция. 1928. № 6–7 (77–78). С. 306–307.

¹⁵¹ Семенов (Васильев) Г.[И.] Военная и боевая работа... С. 40.

¹⁵² «Сын вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» процесса с.-р. 1922 г.: Док. и мат. из личного архива В.Н. Рихтера / сост. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова, Т.А. Семенова (Рихтер). М., 2005. С. 608.

¹⁵³ Ненароков А.П. Восточный фронт... С. 101.

¹⁵⁴ См., например: Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция... С. 277.

Авторов подобных схем не смущало, что Махин был эсером, а Муравьев примыкал к партии левых эсеров. В действительности Муравьев в то время был добросовестным советским военачальником и вносил весомый вклад в советское военное строительство¹⁵⁵, тогда как Махин работал по заданию ЦК ПСР.

Формирование армии сопровождалось неразберихой и многоначалием (в Уфе практически одновременно находились В.Н. Блохин, Ф.Е. Махин, Н.И. Подвойский и В.В. Яковлев), что облегчало подрывную работу. Неудивительно, что участник тех событий большевик П.В. Гузаков вспоминал: «Отступлению 2-й армии из Уфы предшествовали нерешительные действия со стороны штаба, выражавшиеся в том, что на дню они по несколько раз меняли свое решение: утром на заседании губисполкома штаб доказывал необходимость укрепления гор[ода] Уфы, выставления тяжелой и легкой артиллерии, а на вечернем заседании губисполкома – необходимость сгрузить все на баржи и пароходы; и так продолжалось 3–4 дня подряд»¹⁵⁶.

Подрывную работу Махин вел и до официального назначения командармом. Так, на заседании военного совета в Уфе 24 июня Махин возражал против создания Горного штаба для руководства борьбой с чехословаками, наступавшими с востока (организации партизанских действий и диверсий на железной дороге). И хотя совет решил все же создать такой штаб, Махин и другие якобы сорвали это решение¹⁵⁷. Отряды, прибывавшие в Уфу с горных заводов, отправлялись обратно.

Член ЦК ПСР М.А. Веденяпин позднее отметил, что «подполковник Махин со своим штабом, состоящим в значительной своей части из членов партии, по мандату члена Высшей военной инспекции Подвойского принял руководство большевистскими войсками, оперирующими в районе Уфы.

Невзирая на то, что большевистским доморощенным Наполеонам было совершенно ясно, что неорганизованные красноармейские части не в состоянии выдерживать удары образцовых регулярных чехословац-

¹⁵⁵ Подробнее см.: Ганин А.В. Попытка упразднения Восточного фронта летом 1918 года. Малоизвестный эпизод советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 2016. № 8. С. 14–18; Симонов А.А. Главком М.А. Муравьев и создание Восточного фронта ... С. 31–38.

¹⁵⁶ Цит. по: Егоров А.В. К вопросу об эвакуации большевиков из Уфы в июле 1918 года // Башкирский край: Сб. статей. Уфа, 1993. Вып. 3. С. 112.

¹⁵⁷ Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция ... С. 278.

ких войск, оперативный план, составленный Подвойским, предполагал генеральное сражение под Уфой у станции Чишмы.

Вместе с этим предполагалось с целью задержания чехов разрушить важнейшие железнодорожные сооружения, как то: мосты, водокачки и произвести обвалы скал на горном участке жел[езной] дор[оги] к востоку от Уфы.

Подобная порча жел[езной] дор[оги] надолго бы прекратила сообщение России с Сибирью и поставила бы железнодорожных служащих Самаро-Златоустовской дороги в безвыходное положение.

Благодаря настойчивым требованиям подполковника Махина, большевистские полководцы отказались от задуманного Подвойским большого сражения под Чишмой и от варварского разрушения ж[елезной] дор[оги].

Полученные официальные донесения свидетельствуют, что уральская цитадель большевизма Уфа пала без жертв, как с одной, так и с другой стороны.

Железнодорожный путь от Самары до Уфы подвергается только незначительным повреждениям со стороны распущенных до последней степени красноармейских банд. Взятие Уфы было совершено безболезненно, все сооружения железной дороги были в полной сохранности.

При взятии главных твердынь потери чехословаков выразились в количестве двух легко раненных.

В настоящее время мы считаем нужным осветить деятельность наших товарищей, посланных военной секцией Ц.К. со специальной целью в большевистский штаб, и указать на ту большую роль, какая выпала на тов. Махина и его товарищей по ликвидации боевого центра в г[ороде] Уфе.

При ликвидации Уфы деятельность т. Махина и остальных товарищей, командированных военной секцией при Ц.К., сыграла более чем видную роль, и Подвойский вполне оценил т. Махина, назначив за его голову 100 000 рублей»¹⁵⁸.

Секретарь уфимского губкома РКП(б) Г.Н. Котов с советской стороны подтвердил эти сведения: «Центр, очевидно, придавал Уфе в то время большое значение, и этот фронт бросать не намеревался. Поэтому в Уфу из центра со всеми надлежащими мандатами и прислан был эсер Махин. Как внешний его вид, так и манера держать себя не вызывали

¹⁵⁸ Веденягин М.[А.] К возрождению России... С. 2.

у нас никакого подозрения. Наоборот, на заседании расширенного губсовнаркома, где Махин делал доклад о том, с какими целями и задачами он послан к нам центром, он произвел на всех положительное впечатление. Ни шума, ни бахвальства им проявлено не было. Его познакомили с положением дел у нас, что он внимательно выслушал. В дальнейшем были обсуждены некоторые вопросы о том, как наладить связь и информацию между командованием и губсовнаркомом, как поставить дело с печатью. У всех настроение поднялось. Еще было не поздно, чтобы подготовиться к защите Уфы, хотя с фронта сведения поступали не особенно утешительные. Между тем мы энергичного сопротивления противнику не оказывали: не успев соприкоснуться с ним, все отступали и отступали, ограничивась только работой подрывных отрядов. Отряды, сформированные наспех, из добровольцев, посылались на фронт, но от них толку никакого не было. Нередко они бросали оружие еще по пути, а если доходили до фронта, то при первом же столкновении с врагом бежали. Были и такие случаи, что поступали в Красную армию специально с целью получения обмундирования.

Случалось мне, как секретарю парткома, бывать в штабе военрука Махина за информацией для комитета и для печати, он беседовал со мной всегда очень внимательно и серьезно, но жизнь в штабе шла, по-видимому, беспорядочно, – при мне же Махин не мог добиться требуемых сведений. Так продолжалось с неделю. Ознакомившись с делами на месте, Махин выехал на автомобиле на фронт и – не вернулся. Очевидно, ему было достаточно и недели, чтобы «наладить» нашу военную оборону. Он втерся к нам с заранее обдуманном намерением как провокатор, с целью предательства и проделал это очень удачно. Не торопясь, внимательно ознакомился с нашими военными и другими делами и уехал командовать войсками учредилковцев. Предательство Махина не было единственным»¹⁵⁹.

Лидер уфимских эсеров А. Шеломенцев отметил, что «июнь месяц уфимская организация существовала нелегально, подготавливаясь к активному свержению большевиков и выполняя некоторые поручения Махина. Военный штаб и военное начальство... состоит в большинстве из белогвардейцев и авантюристов»¹⁶⁰. Неудивитель-

¹⁵⁹ Котов Г.[Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году. С. 308–309.

¹⁶⁰ Владимирова В. Ф. Год службы «социалистов» капиталистам. С. 337. Автор книги отнесла последнее предложение к периоду августа 1918 г., однако такая интерпретация неясна.

но, что о периоде конца июня секретарь уфимского губкома РКП(б) Г.Н. Котов вспоминал как о времени подготовки к эвакуации: «Возможность защищать Уфу все уменьшалась, а контрреволюция чужала это и все смелела. Нужно было готовиться к отступлению; оно было возможно в двух направлениях – на пароходах по реке Белой, на Бирск и на Каму и в горы. Пароходы уже приспособлялись, и часть их загружалась»¹⁶¹.

За время пребывания на руководящих постах в Уфе Махин изменил оперативный план штаба и захватил важные документы. Свой переход на сторону противника он совершил, когда, по некоторым данным, уже было издано постановление о его аресте и даже расстреле¹⁶². Впрочем, последнее представляется маловероятным.

30 июня в Уфу прибыл командующий Восточным фронтом М.А. Муравьев. Есть данные о том, что на объединенном заседании губисполкома и горисполкома именно он выдвинул идею генерального сражения под Чишмами, а затем и обороны на подступах к Уфе и в самом городе¹⁶³. Под давлением Муравьева местные руководители поддержали эти предложения. До сих пор считалось, что Махин якобы добился пересмотра этого плана и, возможно, сыграл свою роль в том, что в итоге разрешено было взрывать только мосты, длина которых не превышала десяти сажень¹⁶⁴.

Однако документы свидетельствуют, что к этому времени Махин покинул Уфу и не мог участвовать в обсуждении. По некоторым данным, он уехал еще 27 июня. Тот факт, что ко времени приезда Муравьева Махин уже бежал, подтверждается телеграммой Муравьева, направленной 30 июня Троцкому: «Революционный совет в составе Муравьева и Благонравова находится в Уфе, здесь организуем оборону. Назначенный товaр[ищем] Кобозевым военрук Махин, командующ[ий] войсками вместо назнач[енного] вами Яковлева, сбежал со всем оперативным штабом. Положение угрожающее, вследствие бездеятельности местного совета и бунта некоторых лиц, не имеющих отношения [к] делу военному. Надеемся исправить положение. Несмотря на многие директивы, войскам приказано перейти в наступление. Для поднятия наступления мобилизуются все преданные советской власти. Уфа дорого

¹⁶¹ Котов Г.[Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году. С. 309.

¹⁶² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 24.

¹⁶³ Егоров А.В. К вопросу об эвакуации... С. 117–118.

¹⁶⁴ Там же. С. 113.

достанется противнику. Оренбургская группа ожесточенно борется с врагом, которому после трехдневного боя удалось с громадными для него потерями занять Бузудук»¹⁶⁵.

Г.Н. Котов описал приезд Муравьева следующим образом: «Он приехал тоже с вескими удостоверениями, да к тому же и был известен нам как командовавший раньше нашими силами на юге, а потому не вызвал у нас никаких подозрений. По своему поведению и приемам он представлял полную противоположность Махину; очень много шумел и горячился. И по случаю его приезда были созваны губсовнарком и наиболее активные товарищи. Если Махин скромно доложил о цели своего приезда и не поставил ни одного вопроса “ребром”, то Муравьев сразу же заявил: “Никаких разговоров о сдаче Уфы быть не может, надо не только готовиться к ее защите, но и к наступлениям. Ведь Уфа со своими окрестностями – такая естественная крепость, что смешно говорить о сдаче ее. Такова воля командования, и этому надо подчиняться безоговорочно, а тот, кто не захочет подчиниться и не будет выполнять приказаний, с того полетит голова долой. Иначе нельзя. Мы боремся с врагом, и революция требует таких суровых мер. Так вот давайте приступим со всей энергией к делу. Все для фронта”. Таково было содержание речи Муравьева. Конечно, на нас его слова произвели большое впечатление»¹⁶⁶. По свидетельству Котова, на том же заседании Муравьев представил нового военрука А.И. Харченко.

В Уфе подпольная работа против красных была поставлена на широкую ногу, и не один только Махин был послан туда антибольшевистским подпольем¹⁶⁷. Секретарь уфимского губкома РКП(б) Г.Н. Котов отмечал, что «постепенно атмосфера все более насыщалась военными событиями, стали появляться белогвардейские офицеры. О цели их появления не надо было догадываться, она была ясна. Новый губисполком бездействовал, так как левые эсеры, чуя приближение грозы во всех делах, “умывали руки” и, очевидно, больше занимались подготовкой к бегству»¹⁶⁸.

2 июля Муравьев дал указание командованию 2-й армии не сдавать Уфу без боя и маневрировать к левому флангу 1-й армии М.Н. Тухачевского¹⁶⁹. Однако этот приказ выполнен не был, тем более что

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 467. Л. 124.

¹⁶⁶ Котов Г.[Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году. С. 309–310.

¹⁶⁷ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 178. Л. 58об.

¹⁶⁸ Котов Г.[Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году. С. 308.

¹⁶⁹ ДКФКА. Т. 1. С. 393.

после занятия чехами 26 июня Златоуста участь красной Уфы была по существу предрешена. 3 июля декретом РВС Восточного фронта № 10 командующим 2-й армией был назначен А.И. Харченко при политическом комиссаре В.В. Яковлеве¹⁷⁰.

Вопрос о том, была ли роль Махина в сдаче Уфы противнику ключевой, остается открытым. Дело в том, что город он покинул за несколько дней до его сдачи. По некоторым данным, уже 27 июня после вечернего заседания губисполкома Махин, видимо, понял, что ему не доверяют. Он отдал распоряжение не снимать на ночь артиллерию с укрепленных мест и высот в Уфе и заказал паровоз с вагоном для осмотра позиций. Затем Махин проехал за станцию Чишмы и по Волго-Бугульминской железной дороге вместе с неустановленными советскими частями ушел к линии фронта. Полотно Самаро-Златоустовской дороги, вдоль которой наступали чехословаки, было разрушено за Чишмами. При этом встреча с чехословаками произошла на Самаро-Златоустовской дороге¹⁷¹. Впрочем, секретарь уфимского губкома РКП(б) Г.Н. Котов и командующий Поволжской группой чехословацких войск полковник (впоследствии – генерал) С. Чечек отмечали, что Махин уехал из Уфы и прибыл к чехословакам на автомобиле, что ставит под сомнение вышеприведенные сведения.

По версии Чечека, Махин со своим адъютантом выехали на автомобиле ему навстречу. При встрече Махин заявил Чечеку примерно следующее: «Я начальник штаба¹⁷² красных войск в Уфе. Зная о вашем приближении, я разослал все части так, что вы можете войти в город беспрепятственно. Дальнейшее мое личное пребывание в городе – невозможно. Возвратиться туда мне нельзя... Идите на эту крепость смело, не раздумывайте, достаточно одной части, чтобы забрать город»¹⁷³. Таким образом, Махин сдал город чехословакам и Народной армии. На сторону противника перешел и преемник Махина на посту командарма А.И. Харченко.

Накануне падения города в Уфе была паника. Ее усугубляли отсутствие связи со штабом фронта, определенная растерянность, которую повлекли измены Махина и Харченко. Советские работники были за-

---

¹⁷⁰ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

¹⁷¹ Егоров А.В. К вопросу об эвакуации... С. 113–114.

¹⁷² Так в документе.

¹⁷³ Чечек С. От Пензы до Урала (доклад, сделанный в Обществе участников волжского движения) // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 264.

няты сборами. Часть учреждений красные эвакуировали на пароходах по реке Белой, другая группа отступавших из Уфы отходила в горы. 4 июля 1918 г. противники большевиков заняли Уфу без боя, причем некоторые горожане встречали новую власть с цветами¹⁷⁴.

Видный советский военный работник, член РВС Восточного фронта П.А. Кобозев вспоминал в 1931 г. (постфактум и с учетом последовавшей антитроцкистской конъюнктуры и послезнания об изменах): «В Уфе – дезорганизация сильная: т. [Б.М.] Эльцин – предисполкома, т. [А.И.] Свицерский... ропшут на наркомвоен – Подвойского, вздумавшего с согласия наркомвоен – Троцким перестраивать партизанские, испытанные красногвардейские боевые рабочие отряды в красноармейские полки, как раз в момент падения Самары, и теперь нет ни отрядов, ни полков. Ропшут на Яковлева, получившего от наркомвоена какие-то всеобъемлющие права командующего Оренбургско-Самаро-Саратовским фронтом и потому сдавшего Самару и разоружившего Уфу, увезя все замки от орудий в Саратов. Скандал полный, защищаться нечем.

Дедаю смотр полкам, отведенным в лагеря, и вижу: невероятную рвань и шпану, сотни явных босяков или “люмпен-пролетариев”, не могущих оторваться от кучи баб, даже когда я пытаюсь их построить; весь лагерь представляет собой рогожи, натянутые около вагонов, где “полки” валялись на земле с бабами среди собственных отбросов. С этим “войском” корпусов чехословацких не удержишь.

Узнаю, что единственной силой, сдерживающей чехословаков, является Блохин, с группой в 150–200 самарских железнодорожников, правильно отступающих перед натиском чехословаков по 20–25 верст в сутки, рвущий путь и находящийся сейчас в Белебее – Аксакове. Еду к нему один, на паровозе. Вижу героев-борцов, решившихся умереть, но не поддаваться панике, не бежать. Чехословаки пытаются обойти отряд Блохина на броневиках, но черноземные дороги не позволяют.

Вернувшись в Уфу, рекомендую Реввоенсовету назначить Блохина командармом-2 и убрать подозрительный штаб Яковлева – Махина подалее, получаю согласие Реввоенсовета и расформировываю штаб...

Уфа... эвакуировалась вниз по [реке] Белой. Блохин после Чишмы отступил туда же, и чехословацкие клещи сжимают Уфу, как с запада, так и с востока, где и Яковлев, и Махин перебежали к чехословакам.

---

¹⁷⁴ Кучкин А.П. В боях и походах от Волги до Енисея: Записки военного комиссара. М., 1969. С. 19.

Я едва-едва успел погрузить автомобиль на пароход, отходивший последним с членами уфимского исполкома»¹⁷⁵.

Чрезвычайно важное свидетельство о причинах и обстоятельствах падения Уфы представляет записка председателя уфимского губисполкома совета рабочих и крестьянских депутатов Б.М. Эльцина, подготовленная 8 августа 1918 г. Эльцин писал: «Падение Уфы было неминуемо. Лучшие боевые рабочие дружины были отосланы для подкрепления Самары (300 чел.) и Оренбурга (700 чел.). 2 советских полка в Уфе находились в процессе организации. Среди лиц высшего военного командования (Подвойский, [Ф.И.] Голощекин, [М.С.] Кадоццев, Яковлев) возникали постоянные трения, коллизии, тормозившие местную работу, царила полная несогласованность, и неизвестно было, кто является ответственным руководителем военных действий против чехословаков. Несмотря на близость военной опасности, т.т.¹⁷⁶ Подвойским, с одной стороны, Голощекиным, с другой, прежний уфимский боевой аппарат (рабочие дружины) был уничтожен, новый не был создан. Военные подкрепления не присылались. Плана военных действий, общих руководящих указаний не было выработано. Время тратилось на митинги и на организацию помещений для целого ряда штабов еще не существующих армий, дивизий, полков и отдельных частей.

А между тем время, достаточное для организации обороны, нам было случайно предоставлено судьбой: незаметный или неразгаданный по военным способностям т. Блохин, кстати, лицо с законченным высшим образованием военным, с маленьким отрядом в 22 человек, задерживал чехословаков от Самары до Уфы в течение целых 22-х дней.

Делаемые т. Подвойским распоряжения и назначения как бы говорили за то, что он-то и является командующим и высшим руководителем военных и оперативных действий, на запрос об этом в губисполкоме т. Подвойский заявил, что он отказывается от этой чести. Неожиданно для губисполкома, когда разъезды чехословаков стали появляться по Волго-Бугульминской дороге, т. Подвойский заявил, что он через несколько часов уезжает и что во главе оперативного и военного комиссариата остается некто, кажется, Родионов.

---

¹⁷⁵ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920: Док. и мат. М., 2018. Т. 2: Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. С. 893–894.

¹⁷⁶ Товарищами.

Этим “некто” оказался теперь небезызвестный Махин. Политическим комиссаром при нем оказался Каменский.

К этому времени относится образование Военно-революционного совета и приезд к нам т. Кобозева. Последний пробыл у нас сутки, никаких общих планов не сообщил, руководящих указаний не дал, приказал только нагрузить прибывшие для продовольственных операций 15 грузовых автомобилей патронами, выдать для Оренбурга 6 миллионов денежных знаков и направить все это в Оренбург, куда он сам тотчас же и выехал. До Оренбурга все это не доехало, т.к. Кобозев при приезде в Оренбург дал распоряжение об эвакуации Оренбурга и вывозе всех войск на Ташкент.

Махин же, изучив позиции и подступы к Уфе для обороны ее, сместив Блохина с занимаемого поста, неожиданно открывается, перебежав к чехам.

Мы остаемся без Подвойского, без Кобозева, без Махина.

Тогда губисполком созывает военный совет боевых организаций, призывает рабочие дружины к активной деятельности, к энергичному отпору чехословаков и обороне Уфы.

Военный совет берется за эту задачу, дает знать по всем заводам о вывозе боевиков, избирает президиум из 3-х лиц и в качестве военного руководителя избирает т. Блохина. Работа ожила. Все ожи[ви]лось. Намечен был план защиты, в случае нужды намечено было правильное с боем отступление с разделением войсковых дружин на 2 части: горную, идущую по ж[елезной] д[ороге], мешающую противнику продвигаться дальше для соединения с Челябинским отрядом чехословаков, и долинную, идущую по реке Белой, мешающую противнику продвигаться вниз по Белой. При благоприятных условиях мы могли и во 2-м случае при отступлении от обороны легко перейти к наступлению, тем более что с минуты на минуту должна была прийти Уфимская дружина из Оренбурга (700 чел.), Богоявленская рабочая дружина (тоже в несколько сот[ен] человек), наскоро организовались дополнительно – рабочие дружины Белорецких заводов. Не успели еще прибыть и первые группы рабочих дружин, как прибыли к нам Муравьев и Благодрагов. Объявили, что командующим армией назначается Харченко, декретирует оборону Уфы, грозят при ослушании “уменьшением роста человеческого на одну голову”, едут в Чишмы, где, по словам Харченко, указывают путь отступления советским (войскам) полкам, стоящим в Чишмах, на Бугульму и велют снять орудия с Уфим-

ских позиций. Продолавши все это в течение 4–5 часов, они быстро уезжают из Чишмов по Волго-Бугульминской ж[елезной] д[ороге]. Возвратившийся Харченко смещает Блохина с занимаемого им места, назначив комендантом Уфы Амурского.

На другой день наши войска, увидя приближающихся к Чишмам чехословаков, стали разбегаться из Чишмов и прибывать в Уфу. Все перемешалось. Губисполком предлагает перейти к выполнению плана организованного отступления: часть в горы, часть по реке, и в ту же ночь (с 3 на 4 июля) вместе с военными властями оставляет Уфу. Харченко скрывается неизвестно как и куда. Мы успеваем вывезти все ценности, денежные знаки, все хлебные запасы, всю мануфактуру, портим телеграфный аппарат, снимаем с паровозов наиболее важные части, без которых затруднено передвижение, уводим все пароходы, баржи, снимаем конторки. Прибываем в Бирск»¹⁷⁷.

Бывший председатель Комуча В.К. Вольский в докладе на заседании IX Совета партии эсеров в июне 1919 г. отмечал, что «Уфа была взята при помощи с.-р. военной организации ([под]полковник Махин), и немедленно объявлена в ней власть Комитета»¹⁷⁸. Генерал С.А. Щепихин впоследствии отмечал: «Удача улыбнулась эсэрам: член партии [под]полковник Махин (кадровый офицер русской армии) удачно организовал безболезненную сдачу Уфы чехам»¹⁷⁹.

О подпольной работе Махина сообщил в своих показаниях белым 25 января 1919 г. военный летчик штабс-капитан П.Ф. Петров, служивший в июне 1918 г. у красных в Уфе: «Из Чуваши¹⁸⁰ каждый день приходилось ездить в Уфу в штаб Красной армии, где вместо Подвойского, который уехал из Уфы в Казань, остался его заместителем Генерального штаба [под]полковник Махин, который также был подослан из Москвы [от] центрально-офицерских организаций, и с ним мы друг друга стали понимать без слов. Дня за 3–4 до занятия Уфы чехами [под]полковник Махин должен был скрыться, что он и сделал – поехал осматривать фронт и перешел к чехам. После его побега в Уфу приехал главковерх, знаменитый большевистский полковник Муравьев, который тотчас же

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 464. Л. 35–37.

¹⁷⁸ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь – октябрь 1918 г.). М., 2011. С. 479.

¹⁷⁹ Щепихин С.А. Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 185.

¹⁸⁰ Железнодорожная станция под Уфой.

потребовал меня к себе»¹⁸¹. Муравьев потребовал от Петрова сбросить на чехословаков бомбы. Последний же не собирался этого делать и отправил к чехословакам летчика, а затем 4 июля, в день падения Уфы, сумел перебросить к ним 33-й корпусной авиаотряд в составе 11 аэропланов. Отряд вошел в состав Народной армии Комуча. Возможно, это несколько преувеличенные показания заинтересованного лица. Тем не менее Петров тоже примкнул к белым, а приведенные им сведения о подпольной работе Махина подтверждаются другими документами. Свидетельство Петрова крайне важно еще и потому, что, по-видимому, проливает свет на обстоятельства перелета к чехословакам преемника Махина командарма Харченко. Скорее всего, он перелетел к противнику вместе с этими летчиками.

Сдача Уфы повлияла на стратегическую обстановку на Восточном фронте. Уже через день, 6 июля, на станции Миньяр в 110 километрах к востоку от Уфы произошло соединение челябинской (полковник С.Н. Войцеховский) и самаро-златоустовской (полковник С. Чечек) групп чехословаков, в результате чего под контроль антибольшевистских сил практически полностью перешла огромная территория от Волги до Тихого океана. Товарищ управляющего военным ведомством Комуча В.И. Лебедев вспоминал позднее, что Махин «удачно расстроил дело большевистской обороны гор[ода] Уфы»¹⁸².

Оставление Уфы повлияло и на обстановку на Среднем Урале. Командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Р.И. Берзин сообщал 11 июля 1918 г. в Наркомат по военным делам, что «с занятием противником Уфы вся железная дорога Самара – Уфа – Челябинск – Омск оказалась в руках противника, вследствие чего он может свободно перебрасывать свои силы вдоль всего фронта и во всякое время может сосредоточить значительные силы для активных действий в любом пункте. Благодаря этому обстоятельству правый фланг моего фронта очутился под серьезной угрозой глубокого обхода противником из уфимского района в направлении на Бирск – Сарапул – Пермь или Бирск – Красноуфимск – Кунгур – Пермь, потому что части 2[-й] армии, действовавшей в районе Уфы, отошли в неизвестном направлении и связь с ними потеряна. В случае осуществления противником этого обхода, мой фронт окажется в крайне тяжелом положении, ибо с за-

---

¹⁸¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 178. Л. 58об.

¹⁸² Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков... С. 33.

нятием Перми будет прервана ее коммуникационная линия, каковое обстоятельство крайне отрицательно отразится на духе войск и на настроении местного населения ... Принять какие-либо серьезные меры для обеспечения правого фланга моего фронта от этого обхода я не в состоянии, ибо не имею ни сил, ни средств для удлинения фронта на такое большое расстояние ... принятые мной меры считаю совершенно недостаточными для обеспечения своего правого фланга и поэтому ни в коем случае не могу быть спокойным и уверенным в его прочности, каковое обстоятельство много вредит делу, ибо отвлекает мое внимание от других не менее важных направлений. Ввиду этого прошу вас сделать распоряжение 2[-й] армии войти в самую тесную связь с отрядами красноуфимского направления, дабы на моем правом фланге не было той пустоты, в которую противник в любое время может двинуть значительные силы»¹⁸³.

Глава советской делегации на Украине Х.Г. Раковский телеграфировал своему другу, наркому по военным делам Л.Д. Троцкому 4 августа 1918 г. из Киева: «В номере от 2 июля в здешней правой эсеровской газете “Народное дело” напечатана корреспонденция из России под заголовком “Возрождающаяся Россия”, которая послана тебе в целости, а здесь делаю следующую выписку: “Крупную роль [в] организации новых армий играет бывший помощник генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта Генерального штаба [под]полковник Махин, как Махин, так и многие другие офицеры Генерального штаба должны были по принуждению занимать должности при советской власти, в первые же дни чехословацкого восстания они оставили советские войска и не допустили до взрыва целый ряд мостов, заводов и интендантских складов. Благодаря этому в руки восставших попали богатейшие запасы оружия, снарядов и амуниции, в которых недостатка совершенно не чувствуется”. Раковский»¹⁸⁴. Вряд ли могла идти речь о номере газеты, предшествовавшем бегству Махина, но, видимо, дата была указана по старому стилю. Впрочем, на момент получения этой телеграммы в быстро менявшейся обстановке лета 1918 г. Троцкого заботили уже другие вопросы.

Если верить сотруднику Махина и его недоброжелателю М.В. Агапову, в эмиграции Махин пожалел о своих действиях: «Махин был

¹⁸³ ДКФКА. Т. 1. С. 396–397.

¹⁸⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 31. Л. 318.

весьма высокого мнения о собственной персоне и о своих способностях. В крайне редкие минуты хорошего настроения и откровенности или, наоборот, в моменты озлобления и разочарования он сетовал, что попал впросак и совершил огромную ошибку, связавшись с эсерами. А если бы остался в Москве, то был бы уже в Красной армии большой шишкой – выше Тухачевского (он говорил об этом в 1925–1928 гг., когда карьера Тухачевского находилась на подъеме)¹⁸⁵. Но, вероятнее всего, это клевета, призванная представить Махина оппортунистом. Тем более что в 1920-е гг. он еще не был пробольшевистски настроен.

Что же произошло с Махиным? Казалось бы, к эсерам перешел их агент в Красной армии, свой человек. Махин мог возглавить Народную армию самарского Комуча, но этого не случилось. Управляющий делами Комуча Я.С. Дворжец вспоминал: «Однажды мне доложили, что чешские офицеры привели арестованного. Я приказал его принять, а офицеров отпустить, но получил ответ, что офицерам приказано сдать арестованного лично из рук в руки мне. Я приказал ввести их в кабинет и был удивлен видом и фигурой арестованного. Очень полный, высокий с круглым мясистым лицом, выплывающим за воротник косоворотки, – в куцем потертом пиджаке, странных брюках весьма неопределенного цвета и рыжих сапогах.

На мой вопрос о том, кто он, арестованный просил меня несколько слов наедине, и я попросил его на балкон.

Выйдя туда, арестованный вытащил свое удостоверение личности, которое меня ввергло в величайшее удивление – перед[о] мною стояла команд[ующий] Уфим[ским] фронтом товарищ Махин, как о том свидетельствовало удостоверение, подписанное самим Подвойским. На мой крайне недоуменный взгляд и вопрос, который был в нем, тов. Махин сообщил, что он с.-р., член воен[ной] комис[сии] Ц.К. партии, командирован на службу к б[ольшевикам] партией со специальным заданием занять видное место, как подполковник Ген[ерального] штаба, и действовать согласно директивам партии. Командуя фронтом, он в нужный момент спутал все карты, скрыл следы своих распоряжений для невозможности разобраться в директивах, данных им одним [для] запутывания другого, и скрылся, перебрался через фронт в распоряжение К[омитета членов] Уч[редительного собрания].

---

¹⁸⁵ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 672. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Сиакина.

Конечно, я поспешил сообщить тов. Вольскому и др[угим] о при-
бытии тов. Махина, а прибывший вскоре тов. Веденяпин (как член ЦК),
быв[ший] в командировке, подтвердил все сказанное тов. Махиным
и опубликовал в печати.

Казалось бы, что, получив в свое распоряжение опытного офи-
цера Генштаба, с.-р., выполнившего блестяще задание партии, –
Ком[итет] У[чредительного] с[обрания] поспежит заменить им
малоизвестного, определенно антипатичного и находившегося под
контррев[олюционн]ым подозрением [Н.А.] Галкина, но, увы, уже
здесь Ком[итет] У[чредительного] с[обрания] побоялся пойти на
этот шаг под давлением провозглашенного всякой правой¹⁸⁶ печа-
тью лозунга – армия вне политики, лозунга, который так блестяще
и умно был выброшен и распропагандирован “Волжским Днем” –
органом к.-д.¹⁸⁷

Было ясно, что этот походный и подлый орган господ Кудрявце-
вых, Воробейчиковых и Соловейчиковых (блестяще показавших себя
при Колчаке) поднимет адский шум против назначения с.р. на столь
большой пост и зазвонит о “вне политики”, о беспартийности и проч.,
и характерно, что уже в этот момент расцвета власти и наибольшего
момента высоты ее стояния Ком[итет] У[чредительного] с[обрания]
не решился на открытый шаг, на определенное заявление и пошел на
суррогат, на маскировку.

Махину был дан мандат на право присутствия в штабе
Н[ародной] армии в качестве связи с Ком[итетом] У[чредительного]
с[обрания], но и этот шаг вызвал решительный протест и вопль со сторо-
ны Галкина и “демократического” штаба, и Ком[итет] У[чредительного]
с[обрания] вынужден был согласиться на назначение Махина
команд[ующим] Вольским фронтом, которое предложил штаб в же-
лании избавиться от “контроля” эсеровского Генштаба.

Махин принял это назначение по постановлению воен[ной] ко-
миссии П.С.-Р., которая нашла нужным его выезд туда для того, чтобы
он побывал на фронте, зарекомендовал себя, а сами решились на по-
степенную, но упорную борьбу в среде членов партии за Махина и его
ответственное назначение. С тоской подчинился Махин постановлению
и уехал, чтобы больше не являться.

¹⁸⁶ В документе ошибочно – кривой.

¹⁸⁷ Кадетской партии.

Было еще несколько моментов в жизни Ком[итета] У[чредительного] с[обрания], когда, казалось, левая оказывалась сильнее и мы с ВКВ¹⁸⁸ уже предвкушали отставку Галкина и назначение Махина, но в этот момент все дело портили ... и Махин продолжал оставаться в немилости»¹⁸⁹.

Иное объяснение дается в материалах опроса бывшего управляющего военным ведомством Комуча Н.А. Галкина, проводившегося в 1936 г. советскими историками. Галкин отмечал, что «крупных офицеров-эсеров в Самаре не было за исключением Махина, командовавшего Сызранским фронтом»¹⁹⁰. На вопрос, почему управляющим военным ведомством Комуча не стал Махин, Галкин ответил: «Прежде всего, потому, что, как уже указывалось в стенограмме, нельзя было при тогдашних настроениях офицерства поставить во главе военного ведомства эсера. Это повлекло бы за собой массовый переход офицерского состава в Сибирь. Офицерский состав называл эсеров говорунами и был убежден, что без контроля беспартийного военного руководителя все кончится крахом. В доказательство этого положения во всех своих выступлениях по этому поводу офицерство ссылалось на пример “керенщины”. Это обстоятельство побудило эсеров отказаться вообще от назначения кого-либо из эсеров во главе военного ведомства, а также от принятия автора¹⁹¹ в партию, ибо вступление в партию грозило срывом популярности среди командного состава. Помимо этих положений в отношении Махина в среде офицерства не могли ему простить и понять его двурушническую политику и измену, хотя бы в то время и врагам, говоря, что “он может изменить и еще раз”»¹⁹².

Этому же вопросу в своем докладе ЦК партии эсеров от 29 апреля 1919 г. уделил внимание и член ЦК М.А. Веденяпин, высказавший иное мнение: «Комитет назначил командующим Южной армией лучшего офицера Генерального штаба, Махина и известил товарищей в Советской России о предстоящем наступлении ... Из военных был один человек – подполковник Махин, который должен бы быть во главе военного ведомства. Махин, перед тем как попасть в Самару, был в Уфе начальником штаба у большевиков; это сильно мешало дать ему сразу надлежащий пост; [В.И.] Лебедев, [Б.К.] Фортунатов

¹⁸⁸ Имеется в виду В.К. Вольский.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 3. Л. 25–27.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 885. Л. 52об.

¹⁹¹ Н.А. Галкина.

¹⁹² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 885. Л. 53–53об.

и весь военный штаб отказывались сотрудничать с Махиным, как с лицом, бывшим на службе у большевиков. Только после того как на страницах партийного органа я официально заявил о том, что Махин был командирован в Уфимский штаб, удалось Махина назначить на Южный фронт командующим. К товарищам в Советской России не раз обращались с просьбой прислать нам военных специалистов, но из России к нам прибыл только Лебедев и “возрожденец”¹⁹³ ген[ерал] [В.Г.] Болдырев»¹⁹⁴.

В этой цитате любопытно позднейшее признание Веденяпина в том, что его газетные публикации в июле 1918 г. позволили добиться для вчерашнего военспеца и советского командарма Махина назначения на ответственный пост командующего одной из групп войск Народной армии. Правда, Веденяпин, по-видимому, рассчитывал на более высокое назначение для Махина с тем, чтобы иметь собственного выдвиженца во главе всей Народной армии или военного ведомства Комуча, но добиться своего не смог.

Сейчас уже затруднительно определить, что именно сыграло решающую роль при назначении Махина – его принадлежность к партии эсеров, служба на ответственном посту в Красной армии или же протекция Веденяпина. Как бы то ни было, потенциал Махина для эсеров был явно выше полученного им назначения.

Итак, Махин, перейдя к своим, оказался встречен со значительной долей недоверия¹⁹⁵. Однако уже через несколько дней он влился в работу по укреплению Народной армии Комуча, причем не только военную, но и политическую. Так, в период с 8 по 11 июля он участвовал в работе Самарского уездного крестьянского съезда, пытаясь убедить крестьян дать новобранцев в армию¹⁹⁶.

14 июля 1918 г. Народной армией был занят Хвалынский, на следующий день там был образован штаб формирования частей Народной армии. Махин, согласно приказу Главного штаба Народной армии № 19 от 21 июля 1918 г. и приказу войскам Народной армии № 19 от 23 июля 1918 г., получил назначение начальником частей Народной армии, формируемых в Хвалынском районе (с 17 июля 1918 г.),

¹⁹³ Член антибольшевистской организации «Союз возрождения».

¹⁹⁴ Журналы заседаний, приказы и материалы... С. 453.

¹⁹⁵ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. С. 152.

¹⁹⁶ Каревский А.А. В.О. Капель и Народная армия: к истории антибольшевистской борьбы в Поволжье в 1918 г. // Капель и капелевцы. М., 2007. С. 641–642.

с подчинением начальнику Сызранского района полковнику А. С. Бакичу¹⁹⁷. При этом группа Махина имела самостоятельное значение. Начальником штаба Махина стал капитан М. Н. Руссет. Кроме того, Махин стал начальником гарнизона Хвалынска. К 15 августа 1918 г. в распоряжении Махина имелись, помимо 7-го Хвалынского и 8-го Вольского стрелковых полков, Хвалынская добровольческая дружина и Вольский отдельный конный дивизион¹⁹⁸. Состав войск района периодически менялся – прикомандировывались мелкие подразделения из Сызрани и Самары.

Войска Бакича составляли Центральную группу войск Народной армии, севернее действовал капитан А. П. Степанов, южнее – подполковник Ф. Е. Махин. Общая численность войск составляла 6,5 тысяч штыков, 3,3 тысячи сабель, 150 пулеметов и 35–40 орудий¹⁹⁹. Таким образом, несмотря на изначальное недоверие, Махин сравнительно быстро получил высокий пост в армии.

В отличие от многих старших офицеров, участвовавших в борьбе с большевиками, Махин по своим политическим взглядам был убежденным противником монархии, по этой причине в Народной армии Комуча он пришелся ко двору. Тезисно политическая позиция Махина изложена в его записке «О ближайших задачах, стоящих на очереди в связи с возобновлением войны с Германией», составленной для Комуча 17 июля 1918 г. в Самаре, и состояла из трех пунктов: 1) подъем народных масс на борьбу при опоре на рабочих и крестьян; 2) единственно возможный лозунг – «Земля и Воля, независимая демократическая Россия»; 3) борьба с большевиками²⁰⁰. Все эти положения соответствовали политической программе ПСР.

В докладе шла речь о восстановлении Восточного фронта против германцев, что могло бы сыграть решающую роль в разгроме Германии и сочеталось с распространенной в то время среди офицерства патриотической позицией о необходимости возобновления борьбы

¹⁹⁷ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 19об.; ГА РФ. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 8. Л. 99–99об.

¹⁹⁸ Список войсковых частей, учреждений и заведений Народной армии. Составлен к 15 августа 1918 года / публ. А. А. Каревского // Белая гвардия. Исторический альманах. 1999–2000. № 3. С. 98–99.

¹⁹⁹ Каревский А. А. К истории Поволжской Народной армии Комитета членов Учредительного Собрания // Белая гвардия. Альманах. 1998. № 2. С. 8; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 581.

²⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 387. Л. 3об.–4; Из архива В. И. Лебедева. От Петрограда до Казани // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 193–194.

против Центральных держав. При этом мало говорилось о ближайших задачах, стоявших перед Народной армией. Махин предлагал отказаться от добровольческого принципа комплектования армии, оборудовать тыловую базу (Екатеринбург – Челябинск – Оренбург), создать штаб командующего действующей армией. Ближайшей оперативной задачей Махин считал выход на линию река Ока – река Цна – Царицын. Махин наметил четыре района сосредоточения армии: Вятка – Пермь – Сарапул; Казань – Самара – Уфа – Оренбург; Саратов – Царицын – Уральск; Астрахань. Важной составляющей своего плана Махин считал подготовку народных восстаний и партизанских действий в тылу красных, а также установление тесной связи с антибольшевистскими организациями на Дону, Кавказе и Украине. По мнению Махина, на Востоке России можно было развернуть 42 дивизии²⁰¹, что, однако, было явным преувеличением. Кроме того, избыточные надежды он возлагал на помощь союзников.

Махин должен был, действуя от Сызрани и Хвалынска вдоль Волги, овладеть Вольском. Хвалынск имел исключительное значение как база для новых формирований и операций на Саратов и Николаевск. Махин действовал практически без помощи чехов, причем, по мнению одного из мемуаристов, «лишь его способностями и мужеством можно объяснить те результаты, которых он достигал при этом»²⁰². У Хвалынска Махин сосредоточил свои главные силы (около 3000 человек, по другим данным, на 16 августа 1918 г. в Народной армии Хвалынского района числилось 295 офицеров и 2118 солдат и добровольцев²⁰³) и затем перешел в наступление.

В боях 21–23 июля войска Махина отбросили красных от Хвалынска, после чего появилась возможность высадить десант на левом берегу Волги, что и было сделано²⁰⁴. Сбив противника, Махин двинул свой

---

²⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 387. Л. 18. Утверждение о том, что с этим планом якобы связана выработка стратегии наступления белых на соединение с союзниками на Севере, погубившей Белое движение на Востоке России (Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919: Док. и мат. / сост. М.С. Бернштам. Париж, 1982. С. 225), не соответствует действительности.

²⁰² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 22.

²⁰³ *Кумаков А.В., Симонов А.А.* Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. С. 678.

²⁰⁴ *Симонов А.А.* Народная армия и чехословаки против чапаевцев. Первая схватка на «Николаевском» фронте // Россия в эпоху великих потрясений: Научный сборник к 50-летию А.С. Кручинина / сост. А.В. Ганин. М., 2018. С. 149.

отряд на Вольск. Расстояние между двумя городами составляло около 70 верст. Левый фланг народоармейцев прикрывала речная флотилия.

26 июля Махин получил благодарность Комуча за победу 24 июля на хвалынском направлении: «Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания искренно приветствует Вас и в Вашем лице вверенные Вам доблестные войска Народной армии за одержанную 24 сего июля победу [на] Хвалынском направлении, за геройство и самоотверженное исполнение своего долга перед Родиной и выражает Вам свою благодарность и уважение»²⁰⁵. 28 июля пришла благодарственная телеграмма командующего войсками Народной армии полковника С. Чечека: «Искренне благодарю весь Ваш отряд за примерную борьбу; достигнутые успехи укрепляют веру в нас и наши собственные силы. Чешское братское наздар²⁰⁶»²⁰⁷. Газеты не скупались на похвалу в адрес Махина. Звучали громкие заявления о том, что Махин – один из наиболее крупных военных специалистов Поволжья и Сибири²⁰⁸.

Полковник Я.М. Розенбаум, поступивший в этот период на службу в Народную армию и получивший приказ формировать в Хвалынске полк, вспоминал о знакомстве с Махиным: «До Хвалынска добрался 22 июля. В тот же самый день под проливным дождем ходил к начальнику группы Махину представлять себя и 23-го утром рано уехал на передовую в деревню Яблонька, где в тот момент действовали пять рот, собранных вместе за неделю до этого. Хвалынск – совершенно русский город: неубранные улицы утопают в грязи и навозе, дома маленькие и грязные. Пару домов еще можно было бы назвать красивыми, но на тот момент грязь заволокла все.

[Под]полковник Махин на вид был суровым человеком. Полковник Генерального штаба, по взглядам социал-революционер. Из-за этого он мне совсем не понравился, потому что военный человек не должен принадлежать к какой-либо партии, а должен сохранять нейтралитет. Когда я сообщил ему, что некоторые офицеры из казаков в Самаре носят погоны, он ничего не сказал мне на это, а лишь недовольно пошевелил

²⁰⁵ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 13об.

²⁰⁶ Nazdar – привет (чешск.).

²⁰⁷ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

²⁰⁸ Командующий Хвалынскими войсками // Городской вестник (Самара). 1918. 06.08. № 54 (3067). С. 3; Кумаков А.В., Симонов А.А. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. С. 207.

губами. В штабе у Махина была сплошная молодежь. Начальником штаба был [штабс-]капитан Руссет, молодой человек лет двадцати. Адъютантами были все совсем мальчишки»²⁰⁹.

Махин был требовательным начальником, благодаря чему его войска выигрышно смотрелись в сравнении с другими. В частности, продавцов самогона – «спекулянтов, наживающих состояние на деньги жалких, беспринципных или больных людей» во вверенном ему районе Махин предупреждал о том, что они «ответят в 10 раз больше, что для них пощады не будет»²¹⁰. По оценке генерала Н.А. Галкина, части Махина под Сызранью оставались единственно надежными, хотя были потрепаны и устали²¹¹.

Анализ приказов Махина позволяет прийти к выводу о том, что в Поволжье он помимо боевой деятельности активно претворял в жизнь идеи Комуча по созданию революционной армии из сознательных бойцов. Он обращал внимание на агитацию²¹² и повышение культурного уровня чинов своей группы. Так, в приказе войскам Народной армии Хвалынского района № 34 от 15 августа 1918 г. Махин отметил, что «в рядах Народной армии должно быть обращено самое серьезное внимание на поднятие культурного уровня ее чинов и развитие сознательного отношения к происходящим [событиям]. В этих целях должны быть использованы все культурные силы частей, а начальствующие лица должны приложить все усилия к тому, чтоб вверенные им части своевременно ориентировались о всем происходящем. Все начальники должны находиться в постоянном общении с подчиненными, стремясь давать ответы на возникающие вопросы»²¹³. Пожалуй, это единичный случай среди белых офицеров, в большинстве своем чуждых эсеровской идеологии.

Отряд Махина не имел резервов и не превышал даже в лучшие периоды своего существования 3,5 тысячи человек. Стержень отряда, по мнению одного из мемуаристов, составляла рота чехословаков под командованием Гусарека²¹⁴. Другой автор, правда, полагал, что ядро

²⁰⁹ Rosenbaum J. Näljas, alasti ja rahata. Tallinn, 2015. Lk. 36–37. Перевод с эстонского языка П.А. Оскольской.

²¹⁰ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.

²¹¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 185. Л. 3.

²¹² Подробнее о листовках и объявлениях Народной армии Хвалынского района см.: Белое движение. Каталог коллекции листовок 1917–1920. СПб., 2000. С. 84–86.

²¹³ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 44об.

²¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

отряда составляли балаковские мужики (Балаково тогда было городом неподалеку от Вольска на самарской стороне Волги)²¹⁵.

Сам Махин действовал на левом берегу Волги, на правом его с 30 июля замещал капитан М.Н. Руссет. Махин развивал наступление на Вольск. Его удар удачно пришелся в стык 1-й и 4-й советских армий (общая численность около 28 000 штыков и сабель, около 80 орудий, свыше 380 пулеметов). В общей сложности войска Махина в ходе наступления продвинулись на 40–50 километров²¹⁶. Фронт стабилизировался в 20 километрах от Вольска. Часть войск во главе со штабс-капитаном Л.Л. Касаткиным двигалась по линии железной дороги на Аткарск. Однако основной удар Махина был направлен вниз по Волге. Судя по всему, Махин рассчитывал овладеть Вольском и Саратовом и соединиться с осаждавшими Царицын донскими казаками, однако наступление застопорилось.

Вопрос о стратегии Народной армии остается дискуссионным. Существуют различные версии причин неудачи. Эсеровских деятелей из Комуча иногда обвиняют в преднамеренном ослаблении сил на саратовском направлении из опасения возможного соединения Народной армии с южнорусской контрреволюцией. Такие опасения были вызваны более правой политической линией Добровольческой и Донской армий, а также риском поглощения этими армиями Народной армии²¹⁷. Вследствие этого якобы возоблагодало стремление наступать на Казань и далее на Нижний Новгород и Москву.

Однако едва ли все было столь однозначно. Председатель Комуча В.К. Вольский отмечал, что как по стратегическим, так и по политическим соображениям было принято решение наступать на Саратов. Занятие этого важного центра позволяло устранить угрозу Уральску и району Самара – Сызрань – Николаевск. Делались рас-

²¹⁵ Голеевский Н.Н. Лето на Волге 1918 год // Russian Emigre Archives. Fresno, 1973. Vol. 2. P. 251. При републикации этих воспоминаний С.В. Волковым (1918 год на Востоке России. М., 2003. С. 134–173) была ошибочно указана фамилия другого мемуариста, А.П. Еленевского, что повлекло многочисленные ошибки в работах авторов, не знакомых с первоисточником. Воспоминания Н.Н. Голеевского являются ценным свидетельством о боевой повседневности войск Махина.

²¹⁶ Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1: Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. – март 1919 г.). С. 185.

²¹⁷ Петров С.П. Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России и в Сибири, 1918–1920 гг. М., 2006. С. 99.

четы и на антибольшевистские настроения местного населения. С одной стороны, это давало возможность значительно пополнить Народную армию. С другой, лидеры Комуча надеялись на восстание крестьянства Саратовской губернии, которое могло бы подтолкнуть на борьбу с большевиками и соседние губернии²¹⁸. Однако эти планы сорвала заманчивая идея захвата Казани, которая овладела умами товарища управляющего военным ведомством Комуча В.И. Лебедева, корнета Б.К. Фортунатова, капитана А.П. Степанова и подполковника В.О. Каппеля.

Лидер эсеров В.М. Чернов лично познакомился с Махиным летом 1918 г. после того, как сам перешел через линию фронта на территорию Комуча. Махин произвел на Чернова благоприятное впечатление как «демократ по натуре и настоящий социалист по убеждениям»²¹⁹. Впоследствии Чернов заметил: «Единственная смелая наступательная попытка [под]полк[овника] Махина в сторону Саратовской губ., искомно центра аграрных движений, была обессилена тем, что назначенные для его усиления воинские части были самовольно захвачены В.И. Лебедевым и Степановым для улыбавшейся им скороспело задуманной военной авантюры. Эти люди, правда, выгодно отличались от старого генералитета большим пониманием природы Гражданской войны, законным пренебрежением к догмам правильного фронта, наступательным порывом; но притянутые магнитом золотого запаса, эвакуированного большевиками в Казань, и подбодренные случайным перевесом в речных судах, они сочли кружной путь по изгибам Волги – через Симбирск, Казань и Нижний Новгород – тем путем, который, скорее всего, приведет их к Москве. Их движению суждено было захлебнуться в относительно спокойных губерниях Верхнего Поволжья»²²⁰.

Генерал С.А. Щепихин, занимавший тогда в чине полковника должность начальника полевого штаба Поволжского фронта, позднее перечислил те негативные последствия, которые принесло Народной армии взятие Казани: «1) Авторитету главного командования был нанесен удар. Правда, 10 августа, когда я вступил в должность начальника штаба войск Волжского фронта, полковник [А.П.] Сте-

²¹⁸ Журналы заседаний, приказы и материалы... С. 478.

²¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 2. Л. 27; Коновалова О.В. К истории Гражданской войны в России: В.М. Чернов, эсеры и Директория // Отечественная история. 2006. № 5. С. 61.

²²⁰ Чернов В.М. Перед бурей. С. 381.

панов был предан полевому суду и вызван в Самару, но он предпочел дезертировать, и я его больше не видал не только в районе Волги, но и много позже, в районе Сибири. [В.И.] Лебедев явился в Самару, по пути к своей новой командировке принес полковнику Чечеку свои извинения, сопроводив их фразой “победителя не судят” и “повинную голову меч не сечет”. 2) Взятие Казани заставило потерять две недели (с 26 июля по 7 августа), в течение которых отряд [В.О.] Каппеля (частично, конечно, не оставляя совершенно Симбирска) с успехом выполнил бы операцию, совместно с батальоном чехов [К.] Воженилека, по ликвидации [В.И.] Чапаева. Вероятно, Николаевск был бы взят не временно, на один день (20 августа), а значительно раньше и навсегда. 3) Продвижение Махина к Вольску тормозилось все время действиями против нашей флотилии, сильно облегчавшей тяжелый путь Махина, того же Чапаева. Можно сказать, что взятие Казани помогло Чапаеву вырасти почти в легендарную фигуру всего Заволжья. 4) Неподчинение Степанова распоряжениям самарского командования отразилось очень печально на прочности общего противобольшевицкого фронта: уральцы, стремясь на соединение с войсками Самары, выполняя не только приказания, но и все пожелания главного командования, после казанского похода сильно охладели к Самаре, усмотрев в факте взятия Казани неблагоприятный для них признак, а именно перенесение центра тяжести главных операций на правый фланг, а не на ближний им, левый. Они стали к голосу Самары почти равнодушны: “Раз со своими не умеете справляться, то нет вам нашего подчинения – вы сами себя лишили права на это. Ваша зараза передастся и нам – надо от вас держаться подальше”. Так ответил мне, начальнику штаба фронта, один из крупных начальников ближайшей к Николаевску группы Уральской армии генерал [М.Ф.] Мартынов. Что я ему мог ответить?.. Со взятием Казани фронт на Волге необычайно растянулся: ограничившись закреплением за нами устья и нижнего течения р[еки] Камы, мы тем самым надежно обеспечили бы свой правый фланг и могли бы, перегруппировавшись, продолжать планомерное наступление к Саратову, заручившись прочной поддержкой казаков»²²¹. Сторонники Каппеля, однако, оспаривали эти замечания, утверждая, что помочь Махину Каппель попросту не мог²²².

---

²²¹ Шепихин С.А. Под стягом Учредительного собрания. С. 211–212.

²²² Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М., 2007. С. 250.

После этого Махин сосредоточил усилия на других участках, расширяя подконтрольную ему территорию и содействуя соседям. В целом, операции Махина были успешными, хотя и носили локальный характер. Его войска освободили от красных несколько волостей Самарской губернии и приволжские волости севера Саратовской губернии. Действовать приходилось и в Николаевском уезде Самарской губернии, известном своими революционными традициями с 1905 г. Возможно, Махину пригодился имевшийся у него опыт подавления революционного движения в этих местах в 1906–1907 гг.

О деятельности Махина в этот период высоко отозвался лидер эсеров В.М. Чернов, который писал, что «видел на Вольско-Хвальинском фронте крестьян-добровольцев Самарской и Саратовской губернии, которые начали борьбу с большевиками чуть не голыми руками; это была горсть людей, которые, под командой с.-ра полковника Махина, начали борьбу с одной жалкой пушкой, с разнокалиберными винтовками, почти без патронов; но я уже застал их довольно сносно экипированными и вооруженными из захваченных большевистских обозов, не боящимися атаковать вчетверо сильнеею неприятеля и гордыми своей военной добычей – двадцатью семью орудиями, отнятыми у большевиков и обращенными против них же. Я был свидетелем злосчастного финала борьбы – когда этих, дравшихся как львы бывших фронтовиков восторжествовавшие реакционеры перебросили, безопасности ради, из родных мест, в которых они каждую пядь земли готовы были орошать своею кровью, – в чуждые, дикие пустыни Средней Азии, где палящий зной и бездушность дутовского казачьего режима медленно, но верно иссушили их усталые сердца»²²³.

Не ранее 16 августа Махин подписал листовку к красноармейцам с призывом переходить на сторону Учредительного собрания: «Опомнитесь, куда вы идете! Ведь вас все еще обманывают, когда весь народ понял, что лживая и разбойничья власть большевистских комиссаров ведет страну к гибели.

Народ не хочет быть рабом и не хочет преклоняться пред генералами Вильгельма и их приказчиками Лениным и Троцким, которые продали Россию Германии, а вас заставляют сражаться против своих же братьев.

Вам говорят, что против советской власти вооружились кулаки, помещики и буржуазия. Все это – ложь ...

---

²²³ Чернов В.М. Перед бурей. С. 382.

Против советской власти сражается не белая гвардия буржуазии, а Народная армия, в ряды которой призваны ваши братья. Она одинаково борется со сторонниками старого режима и защитниками разбойничьей советской власти.

Поймите, ведь только на ваших штыках еще держатся проклинаемые всем трудовым народом комиссары, которые вас обманывают и заставляют идти против народа и против Учредительного собрания.

Оставьте ваших насильников комиссаров, избавляйтесь от их разбойничьего и предательского владычества, переходите на сторону Учредительного собрания, и вам простятся ваши ошибки и заблуждения, и вы, тем самым, приостановите братоубийственную войну.

Да здравствует единая независимая Федеративная Российская Демократическая Республика!

Да здравствует народовластие!

Да здравствует Всероссийское Учредительное собрание!

Да здравствует Народная армия!»²²⁴

Базируясь на Хвалынский, Махин действовал от него в нескольких направлениях – на запад, юго-запад, юг и юго-восток, содействуя в своих операциях в том числе и уральским казакам.

Полковник Розенбаум, впрочем, оценивал своего начальника критически. Например, он считал, что в результате боя за деревню Опалиха в начале августа 1918 г. путь на Саратов был открыт, «однако наши силы были не столько велики, чтобы сразу продолжать наступление, а [под]полковник Махин не был настолько дальновидным человеком, чтобы сразу провести общую мобилизацию и уже большей силой идти дальше в наступление»²²⁵.

Махин отличался большой личной храбростью. Так, в бою под Левенкой (в другом написании – Левинкой или Ливянской) 8 августа 1918 г. он, находясь на передовой, всего в 100 шагах от неприятеля, был ранен ружейной пулей в лицо, причем была пробита правая верхняя челюстная кость. Связано это было с тем, что при наступлении Махин обычно ехал в экипаже впереди головной заставы своих сил, перед ним двигались лишь дозоры. При обнаружении противника Махин оставлял экипаж и лично производил разведку. В этот раз красные

²²⁴ Под знаменем Комуча. Самарский край, июнь – октябрь 1918 г.: Сб. док. и мат. Самара, 2018. С. 69.

²²⁵ *Rosenbaum J. Näljas, alasti ja rahata. Lk. 43.*

сделали вид, что сдаются, а когда нароодоармейцы приблизились, открыли по ним огонь. Одна из пуль попала Махину в голову, войдя возле носа и выйдя в районе уха²²⁶.

Несмотря на тяжелое ранение, Махин до конца боя остался в строю и руководил боем. Более того, один из мемуаристов писал, что «в самый, как казалось нам, разгар боя к батарее (2-й Самарской. – А.Г.), неожиданно на тройке подъехал раненный в шею полковник Махин и приказал немедленно сниматься с позиции и отходить назад. Предупредив, что все и на всех участках фронта давно уже отступили, он куда-то быстро умчался...»²²⁷ Красные в Левенке имели большие запасы имущества, около 500 000 руб. Первоначальный успех войск Махина сменился неудачей после провокации красных, надевших отличительные знаки Народной армии и вывесивших белые флаги. Последним Махин явился на перевязочный пункт. Махина перевязали на пароходе, а затем перевезли в штаб в Хвалынский, где он снова вернулся к работе, игнорируя категорический запрет врачей²²⁸.

По итогам боя Махин 13 августа издал приказ войскам Народной армии Хвалынского района № 31, первый параграф которого уместно воспроизвести целиком: «Солдаты-граждане! Бой 8 августа под д[еревней] Левинкой обещал нам крупную победу. Противник в Левинке имел большие запасы военного имущества. При отряде находились более полумиллиона рублей денег. Героическим порывом назначенных для атаки рот первое сопротивление противника было сломлено. В рядах его произведена паника. Расстройство неприятеля увеличилось после того, как был убит главный бандит, Баулик²²⁹. Неприятель в панике бросился к восточному выходу из деревни, пытаясь спастись бегством от занесенного над ним удара. Но в самый критический для неприятеля момент боя наши герои, введенные в заблуждение благодаря вероломству противника, надевшего наши отличительные знаки и выставившего части с белыми флагами, вынуждены были отойти на западную окраину деревни. В боях подобные случаи встречаются нередко. Бой складывается из ряда наступательных и отступательных движений, называемых общим словом – маневр. Отступление в бою имеет целью отвести войска из создавшегося невыгодного положения,

²²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 41.

²²⁷ Голеевский Н.Н. Лето на Волге 1918 год. С. 254.

²²⁸ Подполковник Махин // Возрождение (Симбирск). 1918. 25.08. № 28. С. 2.

²²⁹ В другой редакции – Баулин.

дабы сейчас же использовать в более выгодных условиях. В бою под Левинкой атакующим частям предстояло выйти из сферы ружейного огня, пользуясь местными укрытиями от него. Здесь войска должны были закрепиться, пользуясь лопатой, дабы быть готовыми к выполнению новой задачи. При таком положении противник бы оставался охваченным железным кольцом наших цепей и естественно вынужден был бы продолжать предпринятое большинством его частей отступление на Восток. Вместо этого наши роты, доблестно выполнившие первую задачу, но мало знакомые с условиями боя, начали безостановочный отход, причем самарские роты, вместо того чтобы отходить на правый фланг, с которого они начали наступление, двинулись за 3[-й] ротой Вольского полка, чем и обнажили правый фланг и артиллерию. Незначительная партия противника воспользовалась этим случаем и стала охватывать справа выдвинутую из резерва 2[-ю] роту Вольского полка, чем, в конце концов, и принудила эту последнюю, несмотря на героическое сопротивление ее, начать отход. В результате блестящая победа, которая была достигнута нашими войсками, оказалась неиспользованной. Противник, очистивший Левинку почти одновременно с нашим отходом, вышел из тяжелого положения, оставивши только 70 трупов. Молодые войска Народной армии, героически ринувшиеся вперед, оказались не в состоянии задержаться вблизи поля сражения и отошли от него на весьма значительное расстояние. Обращаю на это внимание, как к[оманди]ров, так и солдат. Требую от первых – объяснить солдатам порядок отхода, который установлен военной наукой и военным опытом. От солдат требую большей веры в себя, веры [в] великую историческую роль, которая ими выполняется теперь, сознание которой должно давать большую стойкость при невыгодных положениях.

Все должны знать, что в бою успех, в конце концов, остается на стороне того, кто сильнее духом. Приказываю начальникам частей производить тактические учения с обозначенным противником, в которых практиковать как наступательные, так и отступательные движения. Вполне уверен, что при должном внимании и интересе к нашему военному делу наши молодые части обретут необходимое умение пользоваться с выгодой для дела всяким создавшимся в бою положением. Мужество наших войск не подлежит никакому сомнению. Оно и не может быть иначе, т.к. мы защищаем великую Россию и завоевания великой революции.

Солдаты! Больше веры в себя! Приказ этот прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах и командах»²³⁰.

16–19 августа Махин ездил в Самару. Еще на заседании Комуча 19 августа было постановлено произвести его в следующий чин²³¹. На следующий день, 20 августа 1918 г., Махин был произведен постановлением Комуча в полковники²³². Соответствующий приказ Комуча № 253 датирован 24 августа 1918 г. Мотивировка производства была следующей: «За проявленное мужество и самоотвержение в боях и искусное руководство вверенным ему отрядом»²³³. Старшинство в чине было установлено с 8 августа, т. е. со дня боя под Левенкой. Тогда же персональными приказами в следующие чины произвели и других видных военных деятелей Комуча: Н.А. Галкина, В.О. Капшеля, В.И. Лебедева, Б.К. Фортунатова.

По данным к 26 августа 1918 г. в Народной армии Хвалынского района (Хвалынской группе Народной армии) числилось 329 офицеров, 10 врачей, 10 военных чиновников, 109 унтер-офицеров, 1282 добровольца, 1790 военнообязанных при 631 лошади²³⁴. Таким образом, боевой состав войск Махина был равен 3510 бойцам. В подчинении Махина находились 7-й Хвалынский и 8-й Вольский стрелковые полки 2-й стрелковой дивизии, 4-я батарея 1-й артиллерийской бригады, 5-я и 6-я батареи 2-й стрелковой артиллерийской бригады, конный дивизион 2-го Сызранского кавалерийского полка.

Однако инициатива уже переходила к красным. Наступление Махина застопорилось под Николаевском, которым его отряд овладел на один день 20 августа²³⁵. Уже утром 21 августа в город вошли чапаевцы²³⁶. Войска Народной армии отошли на Хвалынский. В частях вспыхнула эпидемия тифа и малярии.

6 сентября в 18 часов Махин взял Вольск, ворвавшись в город фактически на плечах красных. Была разбита Вольская советская

²³⁰ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 40об.–41об. Частично опубликовано с отличиями в: *Кумаков А.В., Симонов А.А.* Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. С. 303–304; *Симонов А.А.* Народная армия и чехословаки против чапаевцев... С. 157–158.

²³¹ Журналы заседаний, приказы и материалы... С. 67.

²³² РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 51об.

²³³ Журналы заседаний, приказы и материалы... С. 277.

²³⁴ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 16. Л. 119.

²³⁵ *Кутяков И.С.* Боевой путь Чапаева. 4-е изд. Куйбышев, 1969. С. 37.

²³⁶ *Хлебников Н.М., Евлампиев П.С., Володихин Я.А.* Легендарная чапаевская. 2-е изд., испр. и доп. М., 1970. С. 61.

пехотная дивизия (на момент поражения входила в состав 4-й советской армии, 7 сентября передана в 1-ю армию), погибли ее начальник и начальник штаба, в плен попало около 400 человек, вся дивизионная артиллерия (6 орудий), пулеметы и делопроизводство штаба дивизии²³⁷. Косвенно подтверждает гибель командования дивизии то, что 9 сентября в дивизию был назначен новый начдив И.Н. Гаврилов²³⁸. Речь шла о созданной незадолго до этого на основе Поволжской группы войск слабой дивизии численностью 1080 человек при 6 орудиях и 9 пулеметах без налаженной дисциплины, с неустойчивым личным составом из мобилизованных и слабым аппаратом управления²³⁹. Все это не умаляет достоинств Махина как умелого тактика. Наступление красных на Хвалынский было отбито. Махин развивал успех далее. Генерал С.А. Щепихин впоследствии отметил: «Хвалынский и Вольск были трофеями Махина, и Саратов мог считать свою участь предрешенной»²⁴⁰. Однако вышло иначе.

9 сентября командующий Поволжским фронтом Народной армии генерал-майор С. Чечек телеграммой поздравил Махина с победой: «Полковнику Махину и его храбрым войскам. Поздравляю от души с новым успехом, которым опять доказали жизненную силу молодой армии. Передайте всем своим сознательным солдатам мою искреннюю благодарность и признательность и весть, что с востока двигаются уже эшелоны братских по оружию народов для подкрепления и смелых»²⁴¹. Впрочем, братских эшелонов бойцы Народной армии так и не дождались.

Реальное положение частей Махина было достаточно сложным. Очень ярко проблему нехватки сил демонстрирует телеграмма Махина командующему фронтом и управляющему военным ведомством Комуча от 8 сентября: «Ввиду продвижения войск за Вольск необходимо выделение сил для гарнизонной службы [в] Хвалынске и охраны этапов тыла. Прошу разрешения немедленно развернуть Хвалынскую добро-

²³⁷ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 17. Л. 241–241об.

²³⁸ Подробнее о нем см.: *Симонов А.А. Гаврилов И.Н. // Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы / под ред. А.В. Посадского. М., 2017. С. 147–149. Также см.: Посадский А.В. Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод Гражданской войны. М., 2018. С. 438–450.*

²³⁹ Выражаю благодарность к.и.н. А.А. Симонову за предоставленные сведения.

²⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 13об.

²⁴¹ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

вольческую дружину с 79 человек до трехротного состава, мобилизовав граждан города Хвалынского от 25 до 30 лет.

Без этого я принужден буду оттянуть часть сил с фронта, что сильно ослабит боевое положение Вольска»²⁴². Когда судьба фронта зависит от наличия нескольких сотен человек подкрепления, это свидетельствует о глубочайшем кризисе военной системы, принятой в Народной армии, и о том, что за несколько месяцев существования Комуча вопрос с пополнениями так и не был возведен в систему, а массовая мобилизация провалилась. При таком положении вещей многое зависело от личных способностей командиров. Результатом усилий Махина, проявившего себя в целом в качестве грамотного и энергичного полевого командира, стала постепенная трансформация повстанческих формирований в боевые части²⁴³. При этом даже самые выдающиеся личные качества командующего, как и его глубокая убежденность в правоте дела борьбы за Учредительное собрание, не могли привести Народную армию к победе при отсутствии планомерного военного строительства, массовой мобилизации и регулярного пополнения войск.

Служивший в войсках Махина артиллерист Н.Н. Голеевский свидетельствовал: «Несли потери, а резервов никаких не было. Дрались с большевиками, надеясь больше на Провидение свыше... Сдерживать красных не имелось достаточно сил»²⁴⁴.

По оценке однокашника Махина по академии П.П. Петрова, на решении вопроса развертывания Народной армии негативно сказывалось «отсутствие во главе военного дела опытного, проницательного, энергичного руководителя... Ни работавшие на фронте полковники Каппель и Махин, ни чины штаба – большею частью молодежь, также не были достаточно опытны в разрешении этих вопросов, да кроме того слишком далеко стояли от власти»²⁴⁵.

Нет ничего удивительного в том, что войска Махина, в течение лета и осени 1918 г. непрерывно находившиеся в боях без смены и пополнений, оказались переутомлены. Доходило до подачи командующему

²⁴² Там же. Л. 272–272об.

²⁴³ Посадский А.В. Антибольшевистские формирования саратовского Поволжья на Востоке: потенциал и судьба // Военная история России XIX–XX веков: Материалы XII Международной военно-исторической конференции: Сб. науч. статей. СПб., 2019. С. 393.

²⁴⁴ Голеевский Н.Н. Лето на Волге 1918 года. С. 271.

²⁴⁵ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 27.

коллективных петиций. Так, 10 сентября 1918 г. казаки 1-й полусотни 1-й сотни и 3-й сотни 2-го Оренбургского казачьего полка обратились к Махину с коллективной докладной (орфография сохранена): «Ввиду непрерывной месячной боевой работы, от которой мы никогда не отказывались и которую мы исполняли так, как только позволяли наши силы, у нас в полусотни появилось много больных казаков и лошадей; оставшихся здоровых людей настолько мало и они настолько устали, что им одним выполнять боевую работу на одних и тех же лошадях не представляется возможным: посему очень просим Вас, г[осподи]н полковник, заменить нас смено возможно скорее сотней подьесаула [Н.Л.] Чигвинцева, пришедшей нам на смену или другими частями. Казаки вышеупомянутой полусотни»²⁴⁶. Это было пока еще мягким предостережением со стороны казаков.

В итоге 12 сентября Махин телеграфировал генералу С. Чечеку, что «беспрестанные бои в течение двух месяцев, особенно тяжелые в последние недели, утомили людей страшно, и даже успешность последней операции не поборола усталости войск вследствие крайней их утомленности.

Занимая слишком растянутый фронт, не имея никаких резервов, части не могли устоять перед давлением противника. Начатая с таким успехом операция могла бы закончиться успешно только при введении свежих частей. В данный момент войска находятся в полном отступлении, и я не имею уверенности, что при данном положении они выполнят задачу по обороне Хвалынского. Только при условии подкрепления свежими частями можно рассчитывать задержаться на хвалынских позициях. Считаю своим долгом о вышеизложенном донести Вам»²⁴⁷.

Кроме того, в войсках возникали проблемы с дисциплиной. В частности, 7 сентября Махин требовал от командира 7-го стрелкового Хвалынского полка полковника Я.М. Розенбаума прекратить самочинные обыски и аресты жителей и разного рода эксцессы²⁴⁸.

Непростой была ситуация и с обеспечением войск Махина. В частности, он дважды просил штаб армии прислать автомобиль, так как в ходе Заволжской и Вольской операций приходилось передвигаться в экипаже (по свидетельству очевидца, на тройке²⁴⁹), что осложняло

²⁴⁶ Там же. Л. 10.

²⁴⁷ Цит. по: *Кумаков А.В., Симонов А.А.* Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. С. 379.

²⁴⁸ Там же. С. 375.

²⁴⁹ *Голевский Н.Н.* Лето на Волге 1918 год. С. 270.

управление войсками, а штаб не имел ни железнодорожного, ни водного сообщения с тылом²⁵⁰. Телеграф работал безобразно, из Вольска накопилась масса неотправленных телеграмм.

Тогда же, 9 сентября, Махин обратился к председателю Комуча с протестом против возрождения в Народной армии дореволюционных наград, полагая награждение ими в сложившейся обстановке «немного несвоевременным»²⁵¹. Из доводов Махина видны и его политические взгляды в тот период. Свою позицию Махин аргументировал тем, что «эти обычные шаблонные награды, казалось бы, не соответствуют моменту, когда награда дается за исключительную доблесть при сражении за цельность России и за Учредительное собрание.

Было бы самым желательным, если бы совершенно не было установлено наград или же, если это не может быть проведено в армии, то я полагаю, что в настоящее время за доблесть, оказанную в боях в защиту Учредительного собрания, было бы желательно установление особой единой награды, каковая бы резко отличала храброго и доблестного защитника Родины в боях настоящей войны.

Таковой наградой является особая вновь установленная военная медаль, которая должна быть одинаковой как для солдата, так и [для] офицеров, ибо офицеры сражаются в рядах войск Народной армии как ее рядовые бойцы. Награждение ею²⁵² должно бы производиться с особой тщательностью наиболее отличившихся в бою воинов²⁵³, отдающих все свое мужество, всю жизнь в защиту Учредительного собрания.

Кроме этой особой награды, являлось бы наградой и производство исключительно за боевые заслуги в следующие чины.

Малое же количество наград, которое вытекает из сего, повлекло бы за собой лишь то, что награды сии²⁵⁴ жаловались бы Родиной истинным ее сынам.

Считаю долгом доложить, что известие о возобновлении прежних наград в войсках и прежнего порядка представления встречается несочувственно»²⁵⁵. Таким образом, Махин в условиях Гражданской войны

²⁵⁰ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 17. Л. 233–233об.

²⁵¹ Там же. Л. 182.

²⁵² В документе опечатка – его.

²⁵³ В документе несогласованно – воинах.

²⁵⁴ В документе ошибочно – сей.

²⁵⁵ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 17. Л. 182–182об.

и развала дисциплины неизбежно вынужден был ориентироваться на мнение и настроения своих бойцов.

Несмотря на успехи Махина, обстановка быстро менялась. 10 сентября Народная армия оставила Казань, 12 сентября красные заняли Симбирск и в тот же день без сопротивления овладели Вольском, ухудшилось положение и под Сызранью. 17 сентября под ударами 1-й и 4-й красных армий пал Хвалынский. На следующий день в город с визитом прибыл нарком по военным делам Л.Д. Троцкий. 28 сентября Махину удалось отбить город, но 29 сентября войска Народной армии ушли из Хвалынска уже окончательно, отступив на Сызрань и далее к Самаре²⁵⁶.

На подступах к Сызрани в районе деревни Ореховка Махин дал двухдневный решающий бой, разбил красных, разъезды его отряда дошли до Хвалынска, но это уже не изменило общей стратегической обстановки. Тем более что 30 сентября 1918 г. в бою под деревней Васильевкой Махин был второй раз ранен, что ослабило оборону Народной армии. Ранение он получил в шею и несколько дней находился на лечении, передав командование штабс-капитану Л.А. Касаткину. Поскольку Махин в августе–сентябре 1918 г. получил два ранения в лицо и шею, имеет место некоторая путаница, куда именно он был ранен в каждом случае.

Сохранилось относящееся к этому времени письмо интенданта войск Хвалынского района В. Ушакова брату в Омск, в котором говорилось: «Буду до последнего дня в войсках Хвалынского района. Нас теснят. В руках Народной армии осталась на правом берегу Волги одна Сызрань. Причина наших неудач – **нежелание мобилизованных сражаться с большевиками**, несмотря на все усилия со стороны последних по части грабежей, насилий и разбоя. **75% мобилизованных дезертировали**; держимся только офицерами и добровольцами; происходит уничтожение всего интеллигентного, отважного и патриотического. Положение не безнадежное; еще месяц продержимся. К великому своему огорчению должен признаться, что своими силами нам не стать на ноги, до того мы исподлились и ослабли под влиянием большевизма. **В Народной армии ничего не сделано для водворения дисциплины**; служат только желающие, а так как умирать добровольно никому не охота, то при первых выстрелах солдаты бегут. Для восстановления дисциплины у нас пока ничего не сделано... Надеюсь на Сибирь и на союзников»²⁵⁷.

²⁵⁶ РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 212–212об.

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 51. Л. 157–157об., 158об. (публикацию этого документа см.: Капель и капелевцы. М., 2007. С. 539).

Махина высоко ценили как старшие, так и младшие офицеры. Главком В.Г. Болдырев писал о Махине: «Считаю его одним из доблестнейших офицеров, пользующихся полным доверием и уважением в войсках»²⁵⁸. По характеристике участника Гражданской войны на Востоке России и ее историографа поручика Б.Б. Филимонова, Махин – «кадровый офицер, пожилой – лет 40–50, среднего роста, состоял в партии эсеров, прекрасный боевой начальник»²⁵⁹.

Рапорт хорунжего 1-й сотни 2-го Оренбургского казачьего полка Г.Л. Тимашева командиру полка войсковому старшине Бычкову от 22 сентября 1918 г. свидетельствовал о том, что Махин пытался насаждать в подчиненных ему войсках революционную дисциплину, что натолкнулось на неприятие более консервативных оренбургских казаков: «Доношу, что за время моего пребывания на Хвалынском фронте я обратил внимание на то, что командующий войсками Хвалынского района полковник Махин ослабляет и без того слабую дисциплину в войсках его фронта, что видно из следующих, хотя и мелких, но характерных примеров: приехав в мое отсутствие в казармы Вольского конного дивизиона в Хвалынске, где стояла моя полусотня, он, поздоровавшись с казаками, сделал им замечание, что нужно отвечать не “здравие желаем, господин полковник”, а “здравствуйте, гражданин полковник”, на что казаки ответили, что такого приказа у них не было.

Затем казаки просили его разрешить им рваную обувь заменить новой, на что полковник Махин сказал им, что “ваше начальство присылает вас только обмундировываться, а не воевать”. Подобное заявление полк[овника] Махина я считаю неосновательным с его стороны.

После этого он собрал солдат конного дивизиона и говорил им речь; между прочим сказал, что после войны с большевиками им (т.е. солдатам) придется, может быть, сразиться против генерала Краснова и сибирских войск; после чего все казаки с собрания ушли. Должен заметить, что в своем полевом штабе он разрешал находиться совершенно посторонним штатским лицам, как, напр[имер], г[осподи]ну Каменскому, редактору или сотруднику газеты “Земля и воля”.

Эта газета, будучи под наблюдением полковника Махина, писала открыто статьи явно провокаторские, как, напр[имер], в одном из номеров этой газеты была статья о каких-то необыкновенных зверствах

²⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 12об.

²⁵⁹ Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 40.

уральских казаков в гор[оде] Новоузенске и много др[угих] статей. Подобные статьи полк[овник] Махин также оставлял без внимания.

Кроме того, при отступлении из Вольска он разрешил г[осподи]ну Чернову в селе Семеновском собрать солдатский митинг, на котором было одно безобразие, слышалось то ура, то свистки, то непристойные выкрики.

Относительно боевых действий, происходивших при мне, могу сказать только, что воевать при такой обстановке невозможно. С началом отступления и так недисциплинированные войска совершенно развалились, бросали оружие, перебежали на сторону красных. Командный высший состав забывал совершенно о частях, их местоположениях, оставляя их на произвол судьбы или отдавая прямо преступные приказания, как, напр[имер], приказание полковника Розенбаума моей полусотне за № 15, к сему прилагаемое, когда Апалиха была с утра еще занята противником и, подойдя к селу вплотную, я потерял 2^х казаков пленными: Дмитрия Донковцева и Ивана Донкова, которые вошли уже в самое село; сам я с разездом почти в упор был расстреливаем из пулеметов и винтовок и не имел потерь благодаря случайности и наступавшей темноте. Всю картину развала на Хвалынском фронте я считаю обязанностью Вам донести, а также и причины его, т.к. воевать при такой обстановке – это только развращать наши казачьи части и деморализовать. Хор[унжий] Тимашев»²⁶⁰.

На следующий день войсковой старшина Бычков сообщил в Самару командующему войсками Приволжского фронта: «В настоящее время в распоряжении полковника Махина состоит 4^я сотня вверенного мне полка; считаю нахождение ее в отряде полковника Махина неподходящим и ходатайствую о переводе 4[-й] сотни в распоряжение начальника отряда Сызранского фронта для участия в боевой обстановке с частями чехословаков. Одновременно об этом доношу начальнику военного отдела Оренбургского казачьего войска для доклада Войсковому атаману того же войска»²⁶¹.

5 октября Махин, пользовавшийся авторитетом и в Народной армии, и у чехов (как отметил Я. Сыровы)²⁶², несмотря на недавнее ранение, вступил в командование всеми русскими частями Самаро-Сызранского района и должен был оборонять Самару. Штаб Махина

²⁶⁰ РГВА. Ф. 39944. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–41.

²⁶¹ Там же. Л. 41об.

²⁶² ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 5об., 10об.

формировался из прежнего штаба войск Хвалынского района. Подчинявшийся до сих пор лишь штабу Народной армии независимый полковник А. С. Бакич был переведен под начало своего прежнего сослуживца и, более того, подчиненного по борьбе на правом берегу Волги, что не могло быть воспринято им позитивно. Махин развернул поистине кипучую деятельность. Формировал дружины ополченцев, занимался эвакуацией учреждений Комуча, однако стратегическое положение осталось неизменным – Народная армия отступала от Волги.

Кризис на фронте усугубил дисциплинарный вопрос, причем нарушителями дисциплины становились даже офицеры. 6 октября Махин отдал приказ 1-му Офицерскому батальону выступить на позиции для прикрытия эвакуации, однако офицеры отказались выполнять приказ, угрожая Махину арестом, после чего самовольно ушли в тыл. В ответ Махин отдал приказ о расформировании батальона и разжаловании мятежников в рядовые²⁶³. Но вышестоящее начальство отменило этот приказ, рекомендовав офицерам принести извинения. Авторитет Махина оказался подорван. Впрочем, начальник штаба Самарской группы войск полковник С. А. Щепихин объявил в печати, что принятые меры не являются окончательными, а итоговым будет некое решение, вынесенное по единому для всех закону²⁶⁴.

7 октября пала Самара, Махин, несмотря на конфликтную историю с офицерским батальоном, был назначен командующим Поволжским фронтом, а с 9 октября возглавил Бузулукский участок фронта (позднее – Бузулукская группа войск)²⁶⁵, руководство Западным фронтом перешло к чешскому генералу С. Чечеку²⁶⁶.

Войска отходили в двух направлениях вдоль линий железных дорог – на Уфу и на Оренбург. На Уфу отступали основные силы армии, чехословацкие части, органы управления, тыловые учреждения. На Оренбург отходили 2-я Сызранская стрелковая дивизия А. С. Бакича, уральские и оренбургские казачьи части.

В те дни Махин занимался эвакуацией имущества узловой станции Кинель. Для ее обороны он сформировал сильный арьергард под командованием штабс-капитана М. И. Василенко – человека не менее

²⁶³ РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 219об.–220.

²⁶⁴ Народ (Уфа). 1918. 22.10. № 32. С. 4.

²⁶⁵ РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 92об.

²⁶⁶ Там же. Л. 91, 92, 362.

удивительной судьбы. Вскоре после этих событий Василенко перешел на сторону красных, а примерно через год стал командующим 11-й советской армией. Позднее командовал еще несколькими советскими армиями, принимал участие в разгроме войск А.И. Деникина и С.В. Петлюры. Впоследствии стал членом Военного совета при наркомобороны СССР и комкором. Расстрелян в 1937 г.²⁶⁷

В приказе от 9 октября Махин инструктировал Василенко: «Вам с приданными частями ... надлежит прикрывать отход частей колонны войск, следующих на Бузулук по железной дороге, поддерживая самое тесное соприкосновение с противником и оказывая ему упорное сопротивление. При благоприятных условиях имейте в виду возможность дать противнику отпор с вводом резервов и в случае успеха возможность перехода в наступление частями колонны ... Необходимо бороться с привычкой людей сидеть в вагонах. Надлежит на остановках выставлять сторожевое охранение, захватывая возможно более широкий фронт. Имейте в виду всю важность выигрыша времени для успокоения войск и сосредоточения резервов у Бузулука.

Штаб мой находится на ст[анции] Тростянка. Держите со штабом непрерывную связь, обязательно обрезаая провода в сторону противника. Необходимо основательно разрушить ж[елезно]д[орожный] путь, взрывая водосливные здания или причиняя им трудно поправимую порчу. Обязательно разрушайте телеграфные линии»²⁶⁸.

Эвакуацию Кинели Махину удалось осуществить к 10 октября – весь подвижной состав, включая испорченные паровозы, был направлен на Бугуруслан, взорваны стрелки, уничтожены телеграфные провода²⁶⁹.

Впрочем, есть и иное свидетельство. Вот как описывал обстановку войсковой старшина Н.Н. Лесевицкий, командированный атаманом А.И. Дутовым в Кинель для организации отвода на Оренбург артиллерийских грузов: «Я встретил на станции командира легкой батареи и без труда уговорил его отойти (его батарея была погружена в вагоны и имела паровоз) на Оренбург. В Кинели я нашел много брошенных

²⁶⁷ Подробнее о нем см.: Ганин А.В. Забытый победитель Деникина и Петлюры. Белый офицер и красный командарм Матвей Василенко (начало) // Старый Цейхгауз. 2016. № 69. С. 138–144; То же (окончание) // Старый Цейхгауз. 2016. № 71. С. 115–122.

²⁶⁸ Цит. по: Петров А.А. Оставление Сызрани и Самары Народной армией Комуча (20 сентября – 20 октября 1918 года) // Война и оружие. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. СПб., 2014. Ч. 3. С. 432–433.

²⁶⁹ РГВА. ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 72.

вагонов с орудиями, винтовками и даже один вагон с сукном и, разумеется, все это прицепил к своему эшелону. Вообще на станции можно было делать все что угодно, так как все было брошено и никто ничем не распоряжался.

Вечером недалеко от Кинели стали видны разрывы тяжелых орудий красных, а в два часа ночи, забрав решительно все, что могло пригодиться в Оренбурге, я отошел со своим эшелоном на Бузулук»²⁷⁰. Близкое к этому свидетельство оставил со стороны красных военный комиссар 214-го Симбирского полка Н.И. Кирюхин, отметивший, что части РККА захватили на станции Кинель огромное количество трофеев²⁷¹. Таким образом, на узловых станциях Кинель при отступлении Народной армии царил хаос. Но, по мнению атамана А.И. Дутова, войска Махина при отступлении от Самары сделали все, что только возможно²⁷². Сам Махин с подчиненными частями отходил на Бузулук и Оренбург.

11 октября атаман А.И. Дутов объединил войска, оказавшиеся на бузулукском направлении, в Бузулукскую группу войск под командованием полковника Махина (2-я Сызранская стрелковая дивизия, Оренбургская казачья сводная дивизия, 11-й Бузулукский стрелковый полк, батальон 2-го Башкирского пехотного полка, дивизион Уральского казачьего полка) с задачей прикрывать железную дорогу от Кинели на Бузулук²⁷³. Таким образом, Махин оказался в оперативном подчинении оренбургского атамана.

11 октября в 22 часа 30 минут полковник А.С. Бакич из Бузулука направил телеграмму на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего с копией в Оренбург атаману Дутову. Ничем иным, кроме как попыткой интриговать против своего непосредственного начальника, эта телеграмма полковника Бакича охарактеризована быть не может. Бакич телеграфировал: «Вторая Сызранская стрелковая дивизия с начала формирования 20 июня сего года и с этого времени (так в тексте. – А.Г.) находилась непрерывно в боях под Вольском, Хвалынском, Сызранью, по пути Сызрань [–] Самара [–] Кинель. Формирование дивизии, насколько позволяла обстановка, было произ-

²⁷⁰ РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 180. Л. 301.

²⁷¹ Кирюхин Н.И. Из дневника военного комиссара. Гражданская война 1918–1919 годов. М., 1928. С. 10.

²⁷² РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 3–5.

²⁷³ РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 92об.–93; Петров А.А. Оставление Сызрани и Самары... С. 435.

ведено достаточно полно. Однако мне как начальнику дивизии почти совсем не удалось командовать ею при выполнении боевых задач: на сызранском направлении 7[-й] и 8[-й] полки были откомандированы в распоряжение полковника Махина, а оставшиеся 5[-й] и 6[-й] полки, раздерганные по частям, входили в состав войск, подчиненных полковнику Петржику, а ныне – на бузулукском направлении части дивизии, выполняющие боевые задачи, опять подчинены полковнику Махину. Выходит, что я как начальник дивизии, ответственный за ее формирование и боевую подготовку, лишен возможности руководить ею в бою, ограничиваясь лишь хозяйственной и административной ролью. Благодаря указанному и вмешиванию (так в тексте. – А.Г.) в руководство частями дивизии посторонних лиц, ничего общего с нею не имеющими (так в тексте. – А.Г.), дивизия пришла [в] состояние, что на нее как на боевую силу почти не приходится рассчитывать (здесь и далее текст подчеркнут в штабе Дутова. – А.Г.). Согласно указаниям штафрон²⁷⁴ Поволжского после отхода от Самары дивизия должна была сосредоточиться [в] районе Бузулук с целью привести в порядок части, но это не удалось, и части продолжают оставаться в бою, причем руководить частями во всех отношениях я опять лишен возможности, так как ими, не являясь моим начальником, без моего ведома распоряжается полковник Махин. Докладывая об изложенном, прошу указаний: чем вызывается недоверие мне как начальнику дивизии в смысле руководства ею в бою, и если будет признано, что я по своим служебным и боевым качествам не соответствую занимаемой должности, то назначить на мое место другое лицо, так как выносить умаления моего служебного положения я больше не могу, второе [-] дать приказания, кому я с дивизией [в] настоящее время непосредственно подчинен, третье [-] чьим распоряжением дивизия будет пополняться солдатами, последнее необходимо ввиду большого некомплекта благодаря дезертирству мобилизованных, причем некоторые артиллерийские части почти совсем не имеют прислуги, четвертое [-] будет ли дана дивизии возможность собраться наладить разрушенную организованность частей в утвердительном случае, когда и где, пятое [-] как поступить с требованиями оренбургских и уральских казаков о передаче им разного имущества и вооружения, шестое [-] дать директиву, кто является ответственным боевым на-

---

²⁷⁴ Штаба фронта.

чальником на бузулукском направлении, так как на этот предмет пока никаких указаний не имею, кроме задачи укреплять позиции [в] районе Бузулука ... Начдив 2[-й] стрелковой полковник Бакич»²⁷⁵.

Бакич слухавил, указав, что Махин не является его непосредственным начальником, однако интрига удалась. Из Оренбурга телеграмму передали генералу С. Чечеку в Уфу и в Челябинск, по всей видимости, в штаб Чехословацкого корпуса, через некоторое время Махина сняли, а Бакич стал самостоятельным начальником, возглавив Бузулукскую группу Юго-Западной армии²⁷⁶.

17 октября 1918 г. из частей Оренбургского, Уральского и Астраханского казачьих войск, а также стрелковых частей была сформирована Юго-Западная армия под командованием Войскового атамана Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта А.И. Дутова. Войска Махина, ранее находившиеся в оперативном подчинении Дутова, вошли в состав этой армии в качестве Бузулукской группы.

Практически сразу последовали кадровые перестановки. 18 октября 1918 г. Махин получил назначение на должность начальника 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии с зачислением по Оренбургскому казачьему войску и оставлением по Генеральному штабу²⁷⁷. 20 октября он выехал к новому месту службы на железнодорожную станцию Ак-Булак Ташкентской железной дороги, расположенную на участке между Илецкой Защитой и Актюбинском²⁷⁸. Одновременно Махин назначался командующим Ташкентской группой Юго-Западной армии. Должности офицеров штаба дивизии и Ташкентской группы совмещались. Вместе с Махиным в Ак-Булак приехали и его прежние сотрудники. Целый ряд постов заняли сотрудники штаба Самаро-Бузулукского района. Начальником штаба Махина стал его соратник по борьбе в Поволжье капитан М.Н. Руссет (ранее – офицер для поручений при штабе Самаро-Бузулукского района), позднее – штабс-капитан Л.Л. Касаткин. Бузулукскую группу возглавил полковник А.С. Бакич. К месту назначения Махин ехал через Оренбург, в который прибыл не позднее 22 октября²⁷⁹.

²⁷⁵ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 25. Л. 14–22.

²⁷⁶ Подробнее см.: Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 50–55.

²⁷⁷ Приказ по Оренбургскому казачьему войску. 1918. 18.10. № 326 (РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 189).

²⁷⁸ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 13.

²⁷⁹ Оренбургский казачий вестник. 1918. 22.10. № 87. С. 4.

О мотивах назначения Махина на неизвестное ему и второстепенное направление можно только догадываться. Судя по всему, они не имели отношения к его качествам как командующего, а скорее обусловлены политическими причинами, интригой полковника А. С. Бакича и, возможно, опасениями атамана А. И. Дутова, видевшего в Махине вероятного соперника. Впрочем, последнее – лишь предположение. Очевидно, что подобное волюнтаристское распоряжение Дутова и отрыв от боевых товарищей, с которыми Махин воевал в Поволжье с июля 1918 г., не могли не задеть Федора Евдокимовича. Тем более что все это почти совпало с понижением из командующих фронтом в командующие группой и начальники дивизии. Не исключено, что подобные действия Дутова способствовали вовлечению Махина в заговор против оренбургского атамана, сложившийся в конце 1918 г.

К сожалению, документов о деятельности Махина на новой должности почти не сохранилось. Известно лишь, что Ташкентская группа Махина после перегруппировки должна была перейти в решительное наступление и взять город Актюбинск, подготовившись «к безостановочному продвижению на Ташкент»²⁸⁰.

Возможно, с этим периодом связано свидетельство эмигранта Г. А. Малахова, пересказавшего рассказ вдовы Махина: «В одной из уральских станиц карательной экспедицией против сторонников белой армии руководил местный большевик. По его приказу было убито несколько казаков – “врагов народа” с их женами и детьми.

Сразу же после этого варварства станицу занял отряд Ф. Е. Махина. Большевику с женой и детьми удалось бежать. Но отряд Махина нагнал его. Большевик, его жена и дети стали на колени и просили о пощаде, но Ф. Е. Махин их не простил и приказал всех расстрелять.

Эту историю мне рассказала вдова Ф. Е. Махина, Надежда Георгиевна, когда я посетил ее в Земуне (часть Белграда) в 1958 году перед отъездом в Россию.

– всю жизнь мужа мучила совесть за этот расстрел, – сказала Надежда Георгиевна»²⁸¹. Впрочем, достоверность этого рассказа вызывает вопросы.

В связи с новым назначением Махин оказался оторван от деятелей Комуча. Тем не менее связь вскоре установилась по прямому проводу.

²⁸⁰ Приказ войскам Юго-Западной армии. 1918. 26.10. № 27 (РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 14об.).

²⁸¹ Малахов Г. А. Записки эмигранта // Архив ДРЗ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 11. С. 155.

Из его штаба, по-видимому, в Уфу сообщали: «У аппарата Майстрах²⁸². Полковник Махин срочно выехал на фронт. Нам очень хотелось получить К.²⁸³ Полковник Махин назначен командующим Ташкентской группой... возможно... желал бы [быть?] хоть на вашем²⁸⁴ фронте. Не знаю, считает ли он более важным оставаться на своем месте... мне же кажется, что он имеет основания думать о том, что его забыли. Сам же он этого не высказывал, не теряем надежды снова с вами увидиться, хотя в дебри забрались мы порядочно. На нашем фронте наступила зима. Противник активен. Возможно в ближайшем будущем серьезное столкновение; чувствуем себя оторванными; не имеем сведений о происходящем. Прошу сообщить об общем положении, о союзниках и ваших планах действий...»²⁸⁵ К сожалению, подобные переговоры, где часть сведений подразумевается или зашифрована, вызывают больше вопросов, чем дают ответов.

Войсковой старшина Н.Н. Лесевицкий вспоминал, что по возвращении из Бузулука в Оренбург «был послан в штаб Южного отряда полковника Махнина (здесь и далее – так в документе. – А.Г.), мне было очень нужно и интересно туда поехать, т.к. в это время я был назначен нач[альником] артил[лерии] I Оренбургского казачьего корпуса, и наш корпус должен был занять как раз этот боевой участок. Махин был С.Р.²⁸⁶, поэтому Дутов ему не доверял, и он вскоре принужден был уехать в Сибирь»²⁸⁷.

18 ноября 1918 г. в результате переворота в Омске к власти пришел адмирал А.В. Колчак, ставший Верховным правителем и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Временное Всероссийское правительство прекратило свое существование, а часть его членов, принадлежавших к ПСР, была арестована и выслана за границу. Это событие консолидировало белый лагерь Востока России, существенно его укрепив. В то же время переворот повлек за собой попытки противодействия со стороны эсеров.

²⁸² Речь идет о Владимире Майстрахе (Майстрахове) – деятеле партии эсеров, позднее перешедшем к большевикам (см. также: РГВА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 36. Л. 101). Подпоручик Майстрах служил обер-офицером для поручений при штабе Самаро-Бузулукского района, а с 24 октября 1918 г. был назначен офицером для поручений при управлении дивизионного инженера 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии, которой командовал Махин.

²⁸³ Возможно, сокращенное написание фамилии Климушкин.

²⁸⁴ Видимо, речь идет о Самарском фронте.

²⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 53.

²⁸⁶ Эсер.

²⁸⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 180. Л. 271а, 302.

ЦК ПСР объявил адмирала А.В. Колчака «врагом народа» и заочно вынес ему смертный приговор²⁸⁸.

Реакция политических и военных деятелей Востока России на омские события оказалась неоднозначной²⁸⁹. Психологически фронт к появлению диктатора был готов – слухи о готовящейся диктатуре муссировались еще с лета 1918 г.²⁹⁰ Одним из первых военно-политических лидеров Востока России 20 ноября 1918 г. признал верховную власть Колчака и вошел в его оперативное подчинение атаман А.И. Дутов. Оформлено это было Указом Войскового правительства Оренбургского казачьего войска № 1312²⁹¹. Неофициальное подчинение, вполне возможно, произошло уже 18–19 ноября.

Дутов к тому времени пользовался значительным авторитетом в белом лагере. Во многом принятое им решение повлияло на выбор остальных. Как впоследствии отмечал помощник Дутова генерал-майор И.Г. Акулинин, «поддержка атаманом Дутовым той или другой стороны в те дни имела первенствующее значение»²⁹². Как вспоминал видный сибирский политический деятель, товарищ министра народного просвещения Директории Г.К. Гинс, «претендовать на звание Верховного правителя он (Дутов. – А.Г.) не собирался. Это связало бы его как человека, любящего, прежде всего, независимость атамана»²⁹³. Он сразу признал адмирала, но от имени войск Оренбургского и Уральского он сделал запрос адмиралу по поводу отношения его к Учредительному собранию, так как войска якобы волновались ввиду конфликта между адмиралом и Учредительным собранием»²⁹⁴.

Не смирившись с потерей власти, эсеры предприняли несколько попыток взять реванш. Одной из наиболее опасных для белых можно назвать попытку захвата власти в Оренбурге. Именно там возник военный заговор против Войскового атамана Оренбургского казачьего войска и командующего войсками Юго-Западной армии генерал-лей-

²⁸⁸ *Пайтс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 54.

²⁸⁹ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006.

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

²⁹¹ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 367–367об.

²⁹² *Акулинин И.[Г.]* Колчак и атаман Дутов. Отзвуки омского переворота 18 ноября 1918 года в Оренбурге и Уфе // *Возрождение* (Париж). 1930. 07.02. № 1711. С. 2.

²⁹³ Т.е. независимый статус атамана.

²⁹⁴ *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. С. 8.

тенанта А.И. Дутова, а следовательно, и против Колчака. Одним из активных участников заговора оказался и Махин.

В лице полковника Ф.Е. Махина партия эсеров имела своего верного сторонника, чего нельзя было сказать о других старших офицерах, ранее служивших в Народной армии, которые, как писал современник, «вели политику, для Комитета вредную, направляя свое внимание и усилия к укреплению Сибирского правительства, отвечавшего их привычкам и симпатиям»²⁹⁵. Более того, некоторые офицеры «в прилегающих к Волге местностях ... предпочитали идти на юг в Добровольческую армию, несмотря на ее отдаленность, а не в Народную, в надежность которой не верили, усматривая в общем курсе политики определенное партийное течение»²⁹⁶. И, как позднее писал управляющий ведомством внутренних дел Комуча П.Д. Климушкин: «Между Комучем и офицерством с самого же начала гражданского движения на Волге создалось взаимное непонимание, приведшее потом к полному расхождению»²⁹⁷.

Махин был негласным военным консультантом Комуча²⁹⁸, однако лидеры последнего склонны были видеть в Махине потенциального военного вождя и, видимо, не доверяли ему до конца. По крайней мере, Махина не назначили на пост начальника штаба Народной армии, на который он вполне мог рассчитывать²⁹⁹. Скорее всего, это связано с опасениями эсеров в отношении офицерства и возможного установления военной диктатуры. Впоследствии, однако, эсеровские деятели не скупились на похвалу в адрес Махина и выражали сожаление, что в рядах Комуча Махин не получил должного служебного продвижения.

В частности, председатель Комуча В.К. Вольский в своем докладе на заседании IX Совета партии эсеров (июнь 1919 г.) заявил: «Только один был у нас, один, чей образ светлым лучом врезался в каждого, кто только с ним встречался. Знарок военного дела, подлинный военный вождь, организатор, глубоко понимавший душу народа и знавший ключ к его душе,

²⁹⁵ Николаев С.Н. Политика «Комуча» (Опыт характеристики) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. С. 142.

²⁹⁶ *Лейтенант Н.Н.* Записки белогвардейца // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 84.

²⁹⁷ *Климушкин П.Д.* Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. С. 90.

²⁹⁸ *Чернов В.М.* Перед бурей. С. 371.

²⁹⁹ *Николаев С.Н.* Политика «Комуча» ... С. 140; *Майский И.М.* Демократическая контрреволюция. С. 151.

полный личного бесстрашия и храбрости и глубочайшей преданности идее демократического восстановления России – таков был незабвенный Федор Евдокимович Махин, подполковник Генерального штаба, бывший начальником штаба³⁰⁰ одной из армий. Он ускорил июльское взятие Уфы ... и благодаря этому попал под подозрение офицерских кругов ... Как это ни чудовищно, но именно Фортунатов и Лебедев категорически протестовали против какого бы то ни было его назначения ... И этот вождь вынужден был негласным консультантом пребывать при Комитете, разрабатывая вопросы возобновления войны с Германией.

Лишь впоследствии Лебедев и Фортунатов признали возможным дать Махину Хвалынскую группу, состоявшую преимущественно из добровольцев-крестьян. Там Махин проявил все свое организаторское умение и создал могучую военную величину, вполне демократическую. Там же он был два раза ранен, оба раза на волосок от смерти. Раненый, он продолжал вести командование и, еле оправляясь, возвращался к своим обязанностям. Лебедев и Фортунатов стали даже соглашаться на то, чтобы ввести его в Главный штаб, тогда уже переорганизованный в военное ведомство. Но только перед самым падением Самары удалось выдвинуть Федора Евдокимовича на ответственный пост, что для спасения Самары было уже поздно, но все же несколько упорядочило беспорядочное отступление. Махин был переведен сперва на западный, потом на восточный Оренбургский фронт и попал в распоряжение Дутова.

После колчаковского переворота Махин был арестован и отвезен в Омск. Не желая расстроить фронта, он не воспользовался своим влиянием на казаков и дозволил себя арестовать беспрепятственно. О его положении в Омске были только слухи. Если кто достоин был стать военным руководителем, главою военного дела революционной демократической трудовой республики, то это был Махин. Если кому и можно было вручить временную³⁰¹ и политическую диктатуру, то это только Махину, славному и честному демократу с.-р., редкостно мощной личности.

Несчастье Комитета, который в военном деле вынужден был полагаться на с.-р. Лебедева, Фортунатова, затем Взорова³⁰², не дало ему

³⁰⁰ Правильно – командующим.

³⁰¹ Вероятно, в документе опечатка, правильнее – военную.

³⁰² Взоров В. – поручик, член партии социалистов-революционеров, помощник Н.А. Галкина по должности управляющего военным ведомством Комуца, фактически исполнявший обязанности комиссара при нем.

возможности поставить Махина в центр своего военного дела. Комитет полагался на своих в штабе, но толку в них оказалось мало»³⁰³. Как писал С.Н. Николаев, «после падения Уфы, в начале июля, Комитет мог ввести в органы центрального управления Генерального штаба подполковника Ф.Е. Махина, но допустил ошибку, назначив его на фронт...»³⁰⁴ Впрочем, эсеры даже в ноябре 1918 г. не знали, какое применение найти Махину. В переговорах между Уфой и Омском 5 ноября 1918 г. прозвучало предложение от одного из руководителей московского эсеровского подполья Д.Д. Донского прислать им Махина, по-видимому, для последующей отправки представителем в Добровольческую армию³⁰⁵.

Не имея возможности повлиять на решение Дутова в связи с омскими событиями, эсеры предприняли попытку срыва его переговоров с Колчаком. Еще до 21 ноября произошел перерыв связи с Оренбургом³⁰⁶. В разговоре по прямому проводу между представителем Совета управляющих ведомствами Комуча (орган исполнительной власти Комуча, сохранившийся после образования Директории в Уфе) М.А. Веденяпиным и представителем Чехословацкого национального совета доктором Куделей первый заявил: «Попытка Совета³⁰⁷ воспрепятствовать сговору Колчака с Дутовым по прямому проводу парализована генералом Сыровым, который запретил даже доставлять Совету контрольную ленту, обеспечив монархистам возможность беспрепятственно осуществлять свой заговор и лишив Совет возможности принять меры противодействия. Кроме того, генерал Сыровой крайне ограничил даже круг лиц и учреждений, которым Совет управляющих может посылать политические телеграммы и не только на фронт, но и на всей территории, освобожденной от большевиков. Сейчас генерал Сыровой требует отправки Дутову пяти миллионов, которые будут употреблены для содействия Колчаку против демократии. Генерал Сыровой требует передачи в руки военного командования милиции и государственной охраны, без чего Совет не сможет осуществлять важнейшие свои функции охраны безопасности граждан, государственного порядка и самой

---

³⁰³ Журналы заседаний, приказы и материалы... С. 488.

³⁰⁴ Николаев С.Н. Политика «Комуча»... С. 140.

³⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

³⁰⁶ РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.

³⁰⁷ Совет управляющих ведомствами Комуча.

государственной власти, Совету известно предположение о назначении генерала Каппеля командующим Самарского и Симбирского фронта. Совет отдает должное военным заслугам и способностям генерала Каппеля, но он (Каппель. – А.Г.) никогда не скрывал своих монархических убеждений и назначение его на столь ответственный пост в момент монархического Омского мятежа равносильно активному содействию этому мятежу. Указанные меры, ослабляющие позицию демократии и содействующие монархистам, оправдываются будто бы интересами фронта. Совет управляющих и вся русская демократия более кого бы то ни было заинтересованы в укреплении фронта, разрушение которого грозит потерей последней территории, откуда может вести борьбу демократия, и содействующие монархистам уже вызвали тревогу на фронте, поколебали его стойкость и угрожают окончательно разложить его, ибо войска демократии не смогут и не захотят драться за монархию. Мы гарантируем успешную защиту Самарского и Симбирского участка фронта при условии назначения командующим русскими частями этого фронта полковника Махина при общем командовании Войцеховского. Все указанные меры были бы приняты, меры оккупационные монархического неприятельского отряда³⁰⁸, но совершенно непонятны, когда они исходят от имени демократического правящего органа дружественной чехословацкой нации. Мы полагаем, что меры эти представляют ряд недоразумений, которые мы просим выяснить. Если же такие меры, как изъятие из рук Совета милиции и Государственной охраны, назначение командующим фронтом генерала Каппеля, предоставление Дутову возможности сговориться с Колчаком и отправка ему денежных средств для осуществления своего заговора, будут приводиться в исполнение, то Совет управляющих, лишенный возможности исполнять свои задачи и нести ответственность, вынужден будет сложить свои полномочия. Мы надеемся, однако, что между чешской и русской демократией не может возникнуть таких разногласий и что указанные недоразумения будут Вами устранены»³⁰⁹.

Как впоследствии вспоминал генерал-лейтенант Д.В. Филатьев, «антигосударственная партия [эсеров] и такой же Комуч... теперь с легким сердцем готовы были начать войну с тылом во имя торжества

---

³⁰⁸ Так в документе.

³⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 22–22об.

партийных догм, а если ее не открыли, то только потому, что за ними никакой силы не оказалось и надежда на какую-то мобилизацию “всех сил” не оправдалась, как не осуществилось желание втравить в борьбу с Омском чехов»³¹⁰.

События в Оренбурге следует рассматривать как подготовку одного из эсеровских выступлений, заблаговременно раскрытую сторонниками омской власти. Об этом свидетельствует и высказывание В.М. Чернова в беседе с делегатами английской независимой рабочей партии в апреле 1920 г. о том, что после событий в Екатеринбурге и Челябинске «борьба была перенесена в Оренбург»³¹¹. Хотя идея выступления в Оренбурге появилась у заговорщиков еще до директив ЦК ПСР.

Уже 19 ноября (впрочем, в том же деле есть и другая датировка – 20 ноября) атаман Дутов сообщил Колчаку по прямому проводу, что «Комитет Учредительного собрания своими воззваниями мешает работать и нарушает спокойствие. Все идет из Уфы. Доношу, что во вверенной мне армии полный порядок. И я свято исполняю Ваши приказы [и] приму меры, чтобы армия не коснулась политики. Просил бы Ваши директивы по отношению гражданских управлений и населения. Как относятся союзники и Чешский совет? Как Америка, Италия и Япония[?] Я уверен, что чехи лишь по тактическим соображениям не говорят открыто, лишь в душе сочувствуют. Где генерал Болдырев и что он предпринимает[?] Сейчас перехватил радио о занятии союзниками Петрограда – буду проверять. Убедительно прошу ежедневных Ваших директив и полной информации, без чего сейчас нельзя. Могут ли рассчитывать на это[?] Счастливым остаюсь. Атаман Дутов». Известен ответ Колчака: «Всей душой благодарю Вас, господин атаман, за Ваше согласие работать со мной [ради] общей цели по спасению Родины. Из всех полученных мною заверений в поддержке и помощи от союзников и начальников частей мне особенно дорога Ваша помощь и поддержка как сильного защитника и первого защитника Родины, не прерывавшего борьбы с ее врагами. Вчера у меня была депутация представителей всех казачьих

³¹⁰ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Воспоминания очевидца. Париж, 1985. С. 36.

³¹¹ Протокол свидания Чернова с членами английской делегации, обнаруженный при аресте члена партии с.-р. т. Гончарова 23 VI (1920 г.) // Партия социалистов-революционеров: Док. и мат. / сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. Т. 3, ч. 2: Октябрь 1917 г. – 1925 г. С. 651.

войск и сообщила мне солидарность со мной и готовность совместно работать. Препятствия к общественной безопасности исходят из указанного Вами источника, а также партии, связь с которой бывшего Правительства послужила причиной Омских событий. Очень озабочен этим вопросом, но затрудняюсь сообщить Вам свои соображения по [этому] поводу и пошлю Вам их шифром...»³¹²

Опасность оренбургского заговора для белых заключалась в том, что в числе его организаторов были представители нескольких разноплановых и достаточно влиятельных политических сил: член ЦК ПСР В.А. Чайкин, башкирский лидер А.-З. Валидов, казахский лидер и автономист М. Чокаев, представители оренбургской казачьей интеллигенции: командующий Ташкентской группой Юго-Западной армии Генерального штаба полковник Ф.Е. Махин и атаман 1-го (Оренбургского) военного округа полковник К.Л. Каргин. Несмотря на кажущуюся «реакционность» казачьей столицы, именно в Оренбурге заговорщики могли рассчитывать на поддержку воинских частей, входивших в состав Юго-Западной армии Дутова и непосредственно подчиненных противникам оренбургского атамана Валидову и Махину. Захватив власть, заговорщики могли расколоть антибольшевистский лагерь на Востоке России и тем самым привести к падению всего Восточного фронта. Башкирский лидер А.-З. Валидов, судя по его воспоминаниям, ненавидел Колчака больше, чем многие эсеры, и открыто называл его своим врагом³¹³. При этом Махин пользовался доверием Валидова³¹⁴. По характеристике последнего, Махин – «очень ценный человек и мой личный друг»³¹⁵.

Противоречия резко усилились после обнародования 21 ноября приказа Колчака о ликвидации казахского и башкирского правительств и о роспуске Башкирского корпуса. Впоследствии, в январе 1919 г., башкирское правительство издало приказ о том, что считает этот приказ недействительным и приступает к восстановлению корпуса³¹⁶.

³¹² ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 34, 36 (с некоторыми искажениями опубликовано в кн.: *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 307–308).

³¹³ *Тоган З.-В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 175.

³¹⁴ РГВА. Ф. 461 (К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.

³¹⁵ *Тоган З.-В.* Воспоминания... С. 174.

³¹⁶ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 112.

22 ноября в командование корпусом вступил сам Валидов. По мнению генерала И.Г. Акулинина, Валидов вел постоянные переговоры по прямому проводу с членами Учредительного собрания в Уфе³¹⁷. Для координации подпольной работы в Оренбург прибыл член ЦК ПСР, лидер туркестанских эсеров, политик крайне левого толка В.А. Чайкин. Он был давним другом Валидова, и они легко нашли общий язык³¹⁸. По поводу политических взглядов Чайкина депутат Е.Е. Лазарев писал Е.К. Брешко-Брешковской 6 ноября 1918 г.: «Непримиримо левым оказался член ЦК Чайкин, молодой, очень неглупый и человек настойчивый, который резко порицает ЦК за то, что тот допустил даже Уфимское совещание и явно участвовал в измене и предательстве Учредительного собрания и самой партии с.-р. ...»³¹⁹

Вместе с еще одним будущим заговорщиком – депутатом от Ферганской области и вторым товарищем председателя Съезда членов Учредительного собрания (от мусульманской фракции) Мустафой Чокаевым Чайкин 22 ноября 1918 г. бежал из железнодорожного вагона, доставившего их из Екатеринбурга в Челябинск. Среди депутатов распространился слух, что всех их арестуют, и Чайкину с Чокаевым было поручено заготовить на всякий случай семь троек с надежными ящиками³²⁰. Они ушли из вагона со всеми своими вещами и больше в поезд не возвращались. Как писал М. Чокаев: «Мы теперь убедились, что совместная с белыми борьба против большевиков не приведет нас к нашей цели»³²¹.

Именно тогда, согласно воспоминаниям Чокаева, у них созрел план освобождения Туркестана от красных, для чего необходимо было смещение Дутова³²². Это решение, таким образом, было принято двумя депутатами вне связи с официальными директивами руководства партии и съезда. Если верить в этом отношении Чокаеву, то получается, что цели у всех заговорщиков были разные, но план

³¹⁷ Акулинин И.[Г.] Колчак и атаман Дутов... С. 2.

³¹⁸ Тоган З.-В. Воспоминания... С. 106, 117–118.

³¹⁹ Окончательная гибель Всероссийского Учредительного Собрания. Сентябрь–декабрь 1918 г. / публ. И.Ф. Плотникова // Исторический архив. 1999. № 4. С. 150.

³²⁰ Святыцкий Н.[В.] К истории Всероссийского Учредительного собрания. М., 1921. Ч. 3: Съезд членов Учредительного собрания. С. 114.

³²¹ РГВА. Ф. 461 (К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.

³²² Там же.

действий один: смещение Дутова и восстановление власти Учредительного собрания.

Для сравнения, сам Валидов позднее писал о событиях тех дней так: «Единственное, что можно было сделать для победы демократии – это, договорившись с верными демократической идее уральскими и оренбургскими казаками, отстранить генерала Дутова. Если бы это удалось, было бы восстановлено правительство Комуча, и красные могли бы быть снова отброшены за Волгу»³²³. Конечно, наивно думать, что восстановление власти Комуча могло способствовать каким-либо успехам на фронте (приоритет явно за диктатурой), но в этой цитате – политическая программа заговорщиков.

Валидов лично инспектировал верные ему части на Актюбинском фронте 6 и 25 ноября, именно на фронте он встретился с будущими заговорщиками – полковниками Махиным и Каргиным (Каргин до революции некоторое время находился под негласным надзором полиции³²⁴, происходил из той же станицы Буранной, что и отец Махина) и представителями уральцев – и договорился с ними о мерах против Дутова³²⁵. Свержение Дутова, одним из первых признавшего Колчака, для оппозиции могло стать символом скорой победы и над самим Колчаком.

Таким образом, заговор стал складываться как минимум с 25 ноября. Такого же мнения придерживался и М. Чокаев, утверждавший, что «переворот этот мог быть задуман только после прихода к власти адмирала Колчака»³²⁶. Однако в мемуарах Валидова есть фраза, относящаяся уже к неудачному исходу заговора, которая дезавуирует предыдущее высказывание: «Так за несколько часов провалился план, который готовился в течение нескольких месяцев»³²⁷. Следовательно, начало формирования заговора можно отнести к периоду августа–сентября 1918 г. – времени наиболее острого противостояния между Комучем и атаманом Дутовым, а приход к власти Колчака лишь способствовал консолидации левой антиколчаковской и антидутовской оппозиции. К сожалению, любые заговоры, особенно неудачные, оставляют после себя минимальное

³²³ Тоган З.-В. Воспоминания... С. 185.

³²⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 420. Л. 278–278об.

³²⁵ Тоган З.-В. Воспоминания... С. 187.

³²⁶ РГВА. Ф. 461 (К). Оп. 2. Д. 142. Л. 17.

³²⁷ Тоган З.-В. Воспоминания... С. 187.

количество источников. Поэтому нельзя точно сказать, когда начал формироваться этот заговор.

Известно лишь, что уфимские эсеры активно участвовали в переговорах со своими сторонниками на Южном Урале еще до омского переворота. В ноябре 1918 г. М.А. Веденяпин вел с полковником Махиным переговоры по прямому проводу, сам факт участия в которых был служебным проступком со стороны Махина – армия не должна вмешиваться в политику. Есть данные о том, что эти разговоры были регулярными, однако сохранились тексты только двух из них.

6 ноября между Уфой и станцией Ак-Булак Ташкентской железной дороги, на которой находился Махин, состоялся первый документально подтвержденный разговор: «Веденяпин: Здравствуйте, Федор Евдокимович, привет Вам от всех нас. Я Вас слушаю.

Махин: Доброе здоровье, Мих[аил] Александрович. Во-первых, я хотел ответить на Ваш вопрос [о] посредничестве [в] деле Майстраха с Петровичем³²⁸. Прибыть лично для переговоров не могу, говорить только по аппарату, во 2-х, узнать от Вас об общем положении.

Веденяпин: Вас запросил, потому что Майстрах указал на Вас, сделал это только для формалистики, знал заранее о неосуществимости суда. Общее положение таково. Временное правительство на днях издаст акт о ликвидации всех областных правительств, в том числе и нашего Совета. Сибирский аппарат министров и административный переходят в распоряжение Вр[еменного] пр[авительства], другими словами, Сибирское правительство становится Всероссийским (здесь и далее – подчеркнуто в документе. – А.Г.). [В] настоящее время на этом сосредоточено все внимание. [В] настоящее время положение [для] нас значительно ухудшилось. Съезд в Екатеринбурге приступил к работам. В Уфе нас четыре человека: [В.Н.] Филипповский, [И.П.] Нестеров, Климушкин и я. На фронте у нас только добровольческие части Каппеля, Фортунатова, батальон имени Учредительного собрания и русско-чешский полк и Ваши части. Есть приказ ген[ерала] Болдырева о прекращении формирования добровольческих частей и о роспуске имеющихся. Ижевск все еще борется, туда сегодня

³²⁸ Кто такой «Петрович», установить не удалось, однако из других документов известно, что он играл видную роль в военной организации ПСР, в частности, после переворота в Омске его просили послать полк Тараса Шевченко в Челябинск «к умирающему брату Бианки» (ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 26об.). По всей видимости, речь шла об эсеровских кодовых наименованиях.

поехали Былинкин³²⁹ и Несмеянов³³⁰. Донской³³¹ шлет Вам привет и очень просит Вас приехать к нему в Советскую Россию. Прибыл курьер из деникинской армии, который сообщает, что якобы армия насчитывает до 120 тысяч штыков.

Махин: Собственно на моем Ташкентском фронте мы заставили противника перейти к обороне. Менее успешно идут дела на Самарском фронте. Там инициатива в руках противника. Перспективы пока трудно там наметить, ибо они в значительной степени будут зависеть от числа союзнических войск, которые будут находиться в России. Лично я продолжаю пока не верить в близком будущем союзной помощи с их стороны, но твердый курс политики Временного правительства заставляет думать, что у него есть большая реальная сила, вероятно, таящаяся где-либо в Сибири. Где генерал Галкин. Тогда трудно объяснить (на этом документ обрывается. – А.Г.)»³³².

11 ноября Веденяпин в связи с распоряжением Омска о роспуске областных правительств беседовал с оренбургским представителем башкирского правительства: «В Омске Сибирское правительство восторжествовало. Мы боимся, что не только будет ликвидирован Совет управляющих, но будут также ликвидированы (здесь и далее – подчеркнуто в документе. – А.Г.) договорные обязательства Комитета, в частности и договор между Комитетом и Малой Башкирией и Алаш-Ордой. Поэтому необходимо нам солидарно действовать, чтобы наш договор не был нарушен. Считаю необходимым приезд Вашего представителя в Уфу»³³³. Башкиры отправили своих представителей в Уфу, однако были слабо осведомлены о положении в Омске.

16 ноября Веденяпин беседовал с начальником штаба Махина: «У аппарата начальник штаба полковника Махина. Командующий

---

³²⁹ Былинкин Арсений Сергеевич (20.09.1887–03.11.1937) – член ПСР, баллотировался в члены Учредительного собрания от Румынского фронта. Управляющий ведомством юстиции Совета управляющих ведомствами (1918).

³³⁰ Несмеянов В.А. – член ПСР, участник московской боевой организации, вышел из ПСР в ноябре 1918 г.

³³¹ Донской Дмитрий Дмитриевич (1881–22.09.1936) – член ПСР (вступил не позднее 1907 г.), врач, член ЦК ПСР (с 12.1917). Руководил военной комиссией ЦК ПСР (1918). Один из руководителей эсеровского антибольшевистского подполья в Москве. Арестован ВЧК летом 1919 г. В 1924 г. выслан в Нарымский край, работал в районной больнице. Покончил с собой.

³³² ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.

³³³ Там же. Л. 20.

войсками полковник Махин дня три не получает от Вас информации. Поэтому поручил мне с Вами переговорить и справиться, когда последний раз Вами передавалась очередная информация, и, если есть что-либо новенького, будьте добры передать, я запишу.

Веденяпин: Очередная информация передавалась каждый день. Вчера последний раз была отправлена в 10 часов вечера. Сегодня мы справимся, куда делись посланные Вам телеграммы. Сейчас же абсолютно нет времени и трудно сообразить, что Вам в настоящее время передать. Вечером мы постараемся Вам все сообщить. Сердечный привет Федору Евдокимовичу.

Начальник штаба: Благодарен. Последние сведения были получены от Вас от 13 числа. Очевидно, они где-нибудь задерживаются, поэтому я просил бы Вас передавать нам сведения по прямому проводу. Сведения нам крайне необходимы, т.к. мы издаем газету “Ташкентский фронт” и нуждаемся в материале.

Веденяпин: Постараемся. Провод часто бывает занят военными депешами, и это лишает нас возможности передавать непосредственно. Сейчас приму меры, чтобы Вы получили сведения.

Начальник штаба: Очень благодарен. Счастливо оставаться»³³⁴.

Связь Махина с Уфой не прекратилась и после омского переворота.

19–20 ноября он вновь беседовал с Веденяпиным. Махин заявил: «Теперь на нас лежит большая задача спасти Россию и восстановить границы, как Франция восстановила в семьдесят первом году.

Веденяпин. – Приезжайте к нам, Вас ждем. Все Вам шлем привет, в настоящее время на Самарском фронте развивается наше наступление и можно ожидать большой трепки большевикам (подчеркнуто в документе. – А.Г.)».

Махин ответил на это: «Ура. Будем стараться, только дальше от всех тех самарских авторитетов, которые в верхах творят здания военной мощи России. К Вам постараюсь приехать. Держите крепко свое знамя. До свидания»³³⁵.

В ночь с 1 на 2 декабря 1918 г. (по другим данным, 5 или 6 декабря³³⁶) заговорщики провели свое первое и последнее совещание

³³⁴ Там же. Л. 25.

³³⁵ Там же. Л. 37.

³³⁶ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 60; Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): Док. и мат.: в 4 т. Уфа, 2002. Т. 2, ч. 1. С. 10.

в Оренбурге, в здании Караван-Сарая – резиденции башкирского правительства. Случайность или нет, но незадолго до совещания 19 ноября 1918 г. комендант зданий Караван-Сарая Такиулла Алиев был произведен из подпоручиков в поручики и тем же приказом из поручиков в штабс-капитаны³³⁷. На совещании, по воспоминаниям одного из его участников, М. Чокаева, присутствовали: Валидов, Чокаев, Махин, Каргин и Чайкин³³⁸. Однако, по мнению генерал-майора И. Г. Акулинина, присутствовали также члены башкирского правительства, местные социалистические лидеры и несколько офицеров башкирских полков³³⁹. Впрочем, сам Акулинин не являлся участником совещания и не мог в точности знать состав присутствовавших.

На совещании заговорщики утвердили состав будущего объединенного правительства трех стран (Казахстан, Башкурдистан, Казачье государство). Полковник Махин должен был стать главнокомандующим, атаман 1-го военного округа Каргин – Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска³⁴⁰, от Башкурдистана участвовал Валидов, Казахстан – представитель Алаш-Орды в Оренбурге Сейдазим (Сейдазым) Кулмухамедович Кадирбаев (ранее – уполномоченный Комуча по Тургайской области, утвержден в должности 25 июля 1918 г. по представлению Дутова³⁴¹) и М. Чокаев (пост министра внешних связей), В. А. Чайкин также получил должность в этом правительстве. Позднее он писал, что в Оренбурге принимал «руководящее участие в подготовке восстания против атамана Дутова»³⁴². Есть сведения о нерешительности заговорщиков – в частности, К. Л. Каргин предлагал повременить с арестом Дутова³⁴³.

Существенно позднее, 24 апреля 1919 г., Дутов в письме Колчаку дал краткую оценку этим событиям: «Пользуясь моим пребыванием в Омске, выпустили из тюрьмы Каргина, бывшего атамана 1[-го] округа, разложившего округ и казачьи части, следствием чего и были неудачи

³³⁷ Приказ по Башкирскому войску. 1918. 19.11. № 8 (РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 56–56об.).

³³⁸ РГВА. Ф. 461 (К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.

³³⁹ Акулинин И. [Г.] Колчак и атаман Дутов... С. 2.

³⁴⁰ РГВА. Ф. 461 (К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.

³⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 39. Л. 48–48об.

³⁴² ГА РФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 391. Л. 1.

³⁴³ Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска. Журнал еженедельный (Омск). 1919. 15(28).02. № 7. С. 16.

на Оренб[ургском] фронте. Этот же Каргин агитировал против Вас как правителя и против меня как атамана. Каргин [-] участник заговора башкир, совместно с Валидовым и полк[овником] Махиным 5 декабря 1918 г. Я арестовал этого господина, и в мое отсутствие [его] выпустили. Я, как приехал, так вновь арестовал и, не надеясь на суд Троицка, отправил его в Ставку. При таких обстоятельствах работать трудно»³⁴⁴.

Во время совещания в Оренбурге были расквартированы четыре башкирских стрелковых полка (1, 2, 4 и 5-й), Атаманский дивизион Оренбургского казачьего войска, 1-й Оренбургский казачий запасный полк, в котором обучались молодые казаки, конвойная сотня и караульная рота, а также артиллерийские и технические части³⁴⁵. Таким образом, у заговорщиков, при опоре на башкирские части, были все основания рассчитывать на победу. Однако поручик Али-Ахмед Велиев (Ахметгали), по характеристике Валидова – татарский купец из Челябинска³⁴⁶, – донес о тайном совещании коменданту г. Оренбурга, капитану А. Заваруеву. Тот, в свою очередь, предупредил об этом главного начальника Оренбургского военного округа генерал-майора И. Г. Акулинина (по стечению обстоятельств однокашника Махина по академии). Как свидетельствовал Валидов, Дутов «в броневике выехал из города, вернулся с верными ему отрядами казаков и занял позиции на улицах города. Махин не пошел на кровопролитие. Так за несколько часов провалился план, который готовился в течение нескольких месяцев»³⁴⁷. И хотя отъезд Дутова из города на броневике, судя по всему, был выдумкой Валидова, в целом ход событий изложен верно.

По версии другого лидера башкирского национального движения, большевика Х. Ю. Юмагулова, предателем оказался татарский (для башкирских авторов и в этом варианте истории с предательством важно было подчеркнуть такой момент) вольноопределяющийся Галлиев (Алиев) – сын челябинского купца³⁴⁸. Юмагулов, правда, ошибочно

³⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 60.

³⁴⁵ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 50.

³⁴⁶ *Тоган З.-В.* Воспоминания... С. 187.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ *Юмагулов Х. [Ю.]* Об одном неудачном опыте изучения национальной политики в Башкирии в 1918–1920 гг. (ответ тов. Ф. Самойлову) // Пролетарская революция. 1928. № 3 (74). С. 178.

отнес дату заговора к 8 декабря, а также отметил, что это была попытка убийства атамана А.И. Дутова и захвата Оренбурга.

Участник совещания М. Чокаев в 1935 г. подверг критике изложение тех событий А.-З. Валидовым, в том числе его попытку посредством упоминания татарского офицера-предателя подчеркнуть враждебную роль татар³⁴⁹. Чокаев отметил: «Я не стану здесь писать об антитатарской агитации Валидова, о татаро-башкирских и о татаро-турецких взаимоотношениях. Цель моя рассказать правдивую историю неудавшейся попытки революционного переворота в Оренбурге.

Не будет преувеличением, если скажу, что не только в эмиграции, но и во всем Туркестане никто кроме меня не знает истории этой попытки, ибо лично я был одним из участников подготовки ее»³⁵⁰. Чокаев процитировал свои записи 1918 г.: «Арестованным пр[авительств]вом Колчака в Екатеринбург и доставленным в Челябинск – 22.XI.1918 г. – мне и Вадиму Чайкину удалось бежать из жел[езно]дорожного вагона, служившего местом заключения для нас. Мы теперь убедились, что совместная с белыми борьба против большевиков не приведет нас к нашей цели. И у нас созрел план – объединившись с частью казаков и башкирскими войсковыми частями, попытаться освободить Туркестан от красных. Атаман Дутов, будучи противником участия своих казаков в борьбе вне пределов казачьей территории, был против этого плана. Среди казачьих главарей с нашей точкой³⁵¹ зрения были согласны Каргин и Махин. Они изъявили согласие на смещение Дутова. Каргин согласился стать на место Дутова атаманом. Махин, давний член партии соц[иалистов]-революционеров, в это время командовал Актюбинским фронтом. Башкиры ему доверяли.

В центре нашего плана было, разумеется, участие в деле башкир с Заккием³⁵² во главе, башкирское правительство и башкирские офицеры изъявили полную готовность идти вместе. С фронта вызвали Махина и приступили к подготовке переворота. На наших секретных совещаниях принимали участие Закки, Вадим Чайкин, Махин и я. Закки всегда приходил в сопровождении одного из своих адъютантов. Всем

---

³⁴⁹ Публикацию документа см.: Ганин А.В. Заговор против атамана Дутова в воспоминаниях очевидцев // Археография Южного Урала: Материалы Третьей Межрегиональной науч.-практич. конф. 30 сентября 2003 года. Уфа, 2003. С. 27–36.

³⁵⁰ РГВА. Ф. 461 (К). Оп. 2. Д. 142. Л. 17.

³⁵¹ В документе несогласованно – точки.

³⁵² Валидовым.

должно быть известно, что подготовка всякой революции требует, чтобы в ней, кроме самых непосредственных участников, никто посторонний участия не принимал. И вот Закки, который в огромном Петербурге из одного конца города в другой таскал на себе пудами книги, теперь брал с собою адъютанта, который должен был нести за ним совершенно ненужный и весом в несколько золотников портфель. И в таком виде он являлся на наши секретные собрания... Я не хочу этим подвергнуть сомнению честность адъютанта Заккия, но шествие по городу в сопровождении второго лица не могло не обратить на себя внимания посторонних...

И вот, наконец, когда мы ожидали, что вот завтра план наш будет приведен в исполнение, узнаем о предательстве...

Махин под арестом³⁵³. Каргин спасся бегством. Чайкин и я спаслись тоже бегством из Оренбурга. Один только Закки остался в Оренбурге...³⁵⁴

Я часто думал об этой одной из самых тяжелых трагедий в моей жизни. Некоторое время тому назад помощник оренбургск[ого] атамана ген[ерал] Акулинин, хорошо известный и Заккию, в газ[ете] "Возрождение" написал свои воспоминания об этой оренбургской революционной попытке и напомнил, что секрет переворота был выдан офицером башкирских войск. Тяжесть прежних моих переживаний усилилась еще больше. Письмом от 28.1.[1]933 г. узнаю, что (и после этого) башкирские войска продолжали получать из складов Оренб[ургского] каз[ачьего] войска оружие и из казачьей казны деньги, как и раньше (до попытки переворота) и что между Заккием и Дутовым отношения оставались по-прежнему...

Видно, что "антибашкирская вражда" офицера-татарина Али-Ахмеда Велиева не принесла никакого вреда ни башкирскому делу и ни лично самому Заккию.

Если из принимавших участие в подготовке оренбургского переворота пяти лиц четверо спаслись лишь бегством, то один только Закки продолжал сохранять добрые отношения с Дутовым и даже продолжал получать деньги из его казны...

Прошло еще несколько месяцев. Закки, принимавший участие в подготовке оренбургск[ого] переворота для освобождения Туркестана от красных, сам, во главе своих башкирских частей, перешел на сторону

---

³⁵³ Эти сведения неверны.

³⁵⁴ Эти сведения неверны.

красных ... Еще через некоторое время Закки вошел в компартию ... Послужив укреплению сов[етской] власти верой и правдой, перебросив национальные башкирские части в стан красных, Закки переходит к туркестанским басмачам (повстанцам)»³⁵⁵.

После поступления сигнала о встрече заговорщиков были приведены в боевую готовность Атаманский дивизион и запасный полк, установлено наблюдение за Караван-Сараем и казармами башкирских частей, в распоряжение коменданта города вызваны русские офицеры, служившие в башкирских полках. Однако, поняв, что инициатива перешла к сторонникам Дутова, Валидов в полдень 2 декабря выехал из города, захватив все имевшиеся в наличии вагоны. Он остановился в селе Ермолаевка Оренбургского уезда Оренбургской губернии. Так или иначе, но попытка заговора против власти Дутова и Колчака провалилась.

2 декабря 1918 г. Дутов писал помощнику военно-морского министра по казачьим делам генерал-майору Б.И. Хорошхину: «Меня травят везде и всюду, но, пока я на своем посту, – я не брошу борьбы, как бы тяжело и обидно подчас ни было. Казаки меня понимают. В самом Оренбурге тоже имею сильных врагов – атамана Каргина и полк[овника] Махина. Характеристику обоих спросите у [Н.С.] Анисимова; я писать не буду: долго и много надо говорить. Башкурдистан сошел с ума и выразил неподчинение адмиралу; ну да я очень-то не буду разговаривать, а вы там устройте так, чтобы им не давали денег на их дела, ибо это преступление – жить на российских хлебах и вести интригу и не подчиняться власти. Полки свои втянули в политику, и мне много придется тратить времени и труда, чтобы все это улаживать. Алаш-Орда тоже шипит, а татарва уже заявила свой нейтралитет. Противно это все. Валидов – это одна сплошная глупость и недоразумение. Работы так много, что последние нервишки кончаю и устал безумно ...»³⁵⁶

Как отмечал член ЦК партии эсеров М.А. Веденяпин, «после ликвидации Совета управляющих [ведомствами] была сделана попытка сгруппировать свои части в Башкирии, откуда ударить на Колчака. В Оренбурге была сделана попытка убить Дутова и произвести переворот. То и другое не удалось, начались аресты среди наших частей, и они были поставлены в такое положение, при котором пробираться

³⁵⁵ РГВА. Ф. 461 (К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18–19.

³⁵⁶ Письма атамана Дутова // Наш путь. Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП (Чита). 1923. Апрель. № 8. С. 48.

в Башкирию было невозможно, да и военная организация была не на высоте своего положения. В Оренбурге офицер Королев, организатор покушения, был расстрелян, а полковник Махин арестован. Наши союзники Малая Башкирия и Алаш начали искать удобного момента перейти на сторону большевиков, чтобы ударить против Колчака»³⁵⁷.

Похожее свидетельство и у лидера ПСР В.М. Чернова: «В Оренбург мы попали вскоре после ликвидации, благодаря предательству нескольких башкирских офицеров, заговора наших товарищей против Дутова, причем был расстрелян наш товарищ Королев, захвачен в плен и увезен в Омск Махин и с трудом скрылся наш союзник, глава башкирского правительства Валидов»³⁵⁸.

Генерал С.А. Щепихин оценил взаимоотношения Дутова и Махина следующим образом: «Не ладил Дутов и с нашими волжанами, особенно с Махиным. Махин – сам оренбурец, казак, и этим все сказано: двум медведям никак не ужиться в одной, хотя и родной обоим, но, видимо, тесной берлоге. Кроме того, Махин откровенный эсер, а Дутов – ренегат.

Махин – предатель, и ему не смуть этого антиэтического, по взглядам старого служаки Дутова, поступка. Кто раз изменил, изменит легко и в другой раз – не без основания сетовал Дутов.

Махин в долгу не оставался и вел эсеровскую пропаганду у своего союзника»³⁵⁹. Как бы плохо ни относился Щепихин или Махин к Дутову, очевидно, что в этой ситуации Махин поставил партийные интересы выше служебных и дисциплинарных.

Дальнейшая судьба заговорщиков различна. По имеющимся данным, атаман Каргин ездил по округу и агитировал казаков переходить к большевикам³⁶⁰, по постановлению окружного съезда 1-го военного округа был смещен со своей должности и даже попал в тюрьму, в отсутствие Дутова выпущен, затем вновь арестован и отправлен в Ставку³⁶¹. Чокаев отправился в Гурьев и далее в Баку³⁶². Вадим Чайкин уехал

³⁵⁷ Журналы заседаний, приказы и материалы ... С. 471.

³⁵⁸ Чернов В.М. Перед бурей. С. 397.

³⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.

³⁶⁰ Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска. Журнал еженедельный (Омск). 1919. 15(28).02. № 7. С. 16.

³⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 52, 60. О дальнейшей судьбе см.: Новые материалы об атамане А.И. Дутове / публ. А.В. Ганина // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и мат. / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2015. С. 209–210.

³⁶² Подробнее о Чокаевых см.: Чокай М. Я пишу Вам из Ножана ... Алматы, 2001.

вместе с Чокаевым³⁶³. Башкирские части были выведены из Оренбурга на усиление Северного участка Юго-Западной армии, прикрывавшего территорию Башкирии³⁶⁴. А.-З. Валидов через некоторое время перешел на сторону большевиков.

В тот период не увенчались успехом и другие попытки эсеров противостоять колчаковцам³⁶⁵. Не помогло даже наличие сторонников в военно-политическом руководстве антибольшевистских сил Востока России. Эсеры и лидеры национальных окраин, ведя подрывную работу против Колчака, сами того не желая, фактически содействовали красным. То же происходило и в других местах. Однако в условиях Гражданской войны при полном напряжении сил воюющих сторон никакого третьего пути, демократической альтернативы, попросту не было. Как следствие, подобная политика оказалась губительной для самой партии эсеров, приведя ее членов либо в советские тюрьмы, либо в эмиграцию.

После провала заговора Махин получил от штаба Юго-Западной армии предписание отправиться в Омск, причем ему была гарантирована полная безопасность. В приказе по штабу 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии № 15 от 10 декабря 1918 г. сообщалось, что начальник дивизии полковник Махин убыл в служебную командировку в Омск и с 6 декабря снимается с довольствия³⁶⁶. 11 декабря штаб дивизии был ликвидирован. В командование Ташкентской группой, преобразуемой в штаб I Оренбургского казачьего корпуса, вступил генерал-майор Г.П. Жуков.

В Омске Махин, по свидетельству Щепихина, прямо заявил Колчаку, что не может служить при диктатуре³⁶⁷. По свидетельству К.С. Бурезового, мятежный полковник был арестован³⁶⁸.

После заговора фигура Махина начала обрастать различными мифами. Один из них в эмиграции воспроизвел анонимный автор апологетической статьи «Светлой памяти атамана А.И. Дутова»

³⁶³ Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 190.

³⁶⁴ РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 103.

³⁶⁵ Подробнее см.: Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 217–250.

³⁶⁶ РГВА. Ф. 39866. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

³⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 37.

³⁶⁸ Буревой К.[С.] Колчаковщина. М., 1919. С. 14.

под псевдонимом «Оренбуржец» (очевидно, оренбургский казак). В статье говорилось, что Махин был участником заговора против Дутова. Якобы целью заговорщиков являлась передача власти соратнику Дутова генералу И.Г. Акулинину, что диаметрально противоположно реальным событиям. По утверждению автора статьи, после раскрытия заговора Дутов вызвал Махина и заявил: «По законам военного времени я обязан предать Вас суду, но, уважая Вас как георгиевского кавалера и своего товарища по академии, я оставляю при Вас золотое оружие, дарованное Вам императором, но прошу Вас немедленно оставить войско»³⁶⁹. Примечательно, что Махин георгиевским кавалером не являлся. Тем не менее автор заключал: «Этим красивым жестом А.И. Дутов победил своих врагов и продолжал вести войско против общего врага – большевиков»³⁷⁰.

Существует даже легенда об убийстве Махина в Харбине сибирскими офицерами. Эта легенда, приведенная в мемуарах генерала К.Я. Гоппера, сопровождалась подробнейшим описанием преследований Махина по его приезду в Омск. Сложно сказать, насколько достоверно описание событий в Омске, которое оставил генерал К.Я. Гоппер. Сам Гоппер долгое время сотрудничал с эсерами. В своих воспоминаниях он написал, что приказ убить Махина был фактически санкционирован начальником штаба Колчака Д.А. Лебедевым в присутствии генерал-квартирмейстера Ставки полковника З.Ф. Церетели. При всех профессиональных недостатках Лебедева, в это невозможно поверить. Особую роль в организации убийства Махина якобы играл некий полковник Деммерт³⁷¹. Вероятно, речь шла об артиллеристе, полковнике Р.А. Демерте, служившем в антибольшевистских формированиях Востока России³⁷². Впрочем, по данным картотеки бюро учета потерь в Первой мировой войне, уроженец Казанской губернии, офицер 35-й артиллерийской бригады Р.А. Демерт в чине штабс-капитана умер от туберкулеза легких в октябре 1915 г.

При том, что свидетельство Гоппера в целом носит фантастический характер, оно содержит отдельные достоверные детали, позволяющие предположить, что какими-то подлинными данными о Махине ме-

³⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ Гоппер К.[Я.] Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, 192?. С. 107–108.

³⁷² Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 1. С. 358.

муарист все же располагал: «Практиковались еще и другие способы искоренения инакомыслящих. Об одном таком случае мне стали известны даже мелкие подробности, почему и расскажу его тут. Бесследно исчез из Омска популярный в Народной армии полковник Ген[ерального] штаба Махин. Он был арестован в Уфе после омского переворота и обвинялся в принадлежности либо в сочувствии партии правых эсеров, а по доставлении в Омск был освобожден и жил на частной квартире. В начале декабря один из офицеров отряда Ставки, штабс-капитан Д., был вызван в Ставку, где в присутствии начальника штаба генерала Лебедева и ген[ерал]-кварт[ирмейстера] полковника Церетели полковник Деммерт предложил ему организовать убийство полковника Махина, объяснив, что последний является опасным государственным преступником, но предание его суду нежелательно, чтобы не придавать делу широкой огласки. Поэтому необходимо его убрать, чтобы никто не знал. Штабс-капитан Д. ответил, что он как офицер исполнит все, что ему будет приказано. Через несколько дней была организована облава на квартиру полковника Махина. Ночью на 3-х санях вооруженный отряд около 10 чел. подъехал к квартире полк[овника] Махина, но встретил вооруженное сопротивление нескольких человек. Произошла перестрелка, в которой со стороны охраны полк[овника] Махина было убито 3 человека. После этого ворвались на квартиру, но шт[абс]-кап[итан] Д. полковника Махина там не нашел. Убитые были подобраны и привезены в Ставку во двор и спрятаны там. Впоследствии похоронили их под видом убитых во время Рождественского восстания. Полковник Махин, однако, был каким-то образом арестован, и спустя несколько дней тот же шт[абс]-кап[итан] Д. получил снова от полк[овника] Деммерт поручение конвоировать Махина до Владивостока, но по дороге убить его. По некоторым признакам, шт[абс]-кап[итан] Д. усомнился в действительной виновности полковника Махина и потому прежде, чем отправиться исполнить поручение, посоветовался со своим ротным командиром. Последний посоветовал ему уклониться от этого темного дела, почему Д. подал рапорт о болезни. Тогда полковник Деммерт то же поручение предложил еще 2-м офицерам отряда Ставки, которые также уклонились; наконец, исполнить это поручение взялся некий подпоручик Степанов и, в компании с еще одним агентом из контрразведочного отдела Ставки, отправился конвоировать полк[овника] Махина во Владивосток. По возвращении Степанов заявил товарищам, что он доставил Махина

во Владивосток, и показывал расписку в приеме его комендантом Владивостока; но впоследствии уже на фронте у Степанова были замечены вещи полк[овника] Махина, причем Степанов признался, что он действительно поручение выполнил в гор[оде] Харбине, застрелив Махина по пути с вокзала в город, куда Махин отправился, поверив уверениям Степанова, что тот его не тронет»³⁷³.

На самом деле Махина никто не убивал. Как сообщала выходившая в Красноярске газета «Енисейский вестник», «с последним омским экспрессом во Владивосток... прибыл полковник Генерального штаба Махин, в сопровождении конвоя, во главе которого находится штабс-капитан Степанов, известный своей борьбой с большевизмом. Полковник Махин выселяется за границу»³⁷⁴. В эмигрантской анкетно-регистрационной карточке, заполненной Махиным в Праге 13 апреля 1923 г., отмечено, что Россию он покинул 17 января 1919 г., имея заграничный паспорт, выданный омским областным комиссаром 23 декабря 1918 г.³⁷⁵

Сведения о первых годах эмигрантской жизни Махина отрывочны. Видимо, это связано с активной подрывной деятельностью Махина против Советской России в тот период. Известно, что с Дальнего Востока Махин в январе 1920 г. выехал в Японию. Вероятно, о нем генерал В.Г. Болдырев упомянул в своих дневниковых записях: «Токио. 30 января. Заходил Махин. Он встревожен падением Оренбурга и другими неблагоприятными сведениями из Сибири. Опять уговаривает меня поехать в Париж, где, по его мнению, мой голос авторитетного военного и бывшего члена правительства имел бы большой вес»³⁷⁶. Затем, по свидетельству его товарища генерала П.С. Махрова, уехал в Америку³⁷⁷, после чего перебрался в Англию и во Францию (Париж).

Находившийся в Лондоне общественно-политический деятель, присяжный поверенный М.С. Маргулис встретил там Махина 14 мая

³⁷³ Гюнтер К.[Я.] Четыре катастрофы. С. 106–108.

³⁷⁴ Выселение полковника Махина // Енисейский вестник (Воля Сибири). Издается при Управлении Енисейской губернией (Красноярск). 1919. 26.01(08.02). № 21. С. 3.

³⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3451. Л. 1.

³⁷⁶ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.) / под ред. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925. С. 176.

³⁷⁷ Махров П.С. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба // ВАР. P.S. Makhrov Collection. Вох 2. Ч. 4. Тетрадь 9. С. 1307.

1919 г. и зафиксировал их встречу и разговор в дневнике: «Встретил полковника Генерального штаба с.-р. Махина, сражавшегося на противобольшевистском фронте на Волге, на юге (Оренбургский участок). Он не верит в успех Колчака. Окружают Колчака очень негосударственные элементы... Министры его – маленькие местные люди без широкого кругозора. Атмосфера вокруг Колчака очень скверная. В тылу у Колчака – враждебный ему [Г.М.] Семенов, – по-видимому, японский агент. Японцы женили Семенова на русской танцовщице из Харбина, всецело находящейся в их руках. Махин с ней встречался в Иокогаме, куда она поехала продавать какую-то богатейшую концессию; она показывала ему свое богатое кольцо»³⁷⁸.

В начале июля 1919 г. Махин написал письмо, в котором изложил свои мытарства. Предположительно послание адресовано генералу В.Г. Болдыреву (хотя некоторые особенности этого документа вызывают сомнения как в авторстве Махина, так и в том, что адресатом мог быть Болдырев – например, незнание автором письма имени и отчества адресата, несмотря на недавнюю встречу): «Многоуважаемый генерал (очень извиняюсь, что не знаю имени отчества³⁷⁹). После странствий я добрался до Парижа, был проездом в Лондоне. В Париж я приехал в конце мая. Как здесь, так и в Лондоне официальная ориентация – колчаковская. Члены Директории, по-видимому, раскололись во взглядах на русскую политику, часть склонна помириться с Колчаком, другая занимает позицию – ни Ленина, ни Колчака. К сожалению, как показали события, Колчак оказался не в состоянии спасти страну. Мне думается, что Деникина постигнет та же участь. Ни Колчак, ни Деникин не могут создать массовых движений народа, не могут подойти к нему с такими идеалами, которые имели в виду счастье народное. Официальные представители Англии и Франции пытаются, по-видимому, сделать все, чтобы поддержать современных вождей антибольшевистских войск, но, по моему убеждению, пока не будут двинуты иностранные войска, на успех рассчитывать нечего. Письмо Ваше к Вашей супруге я отправил в Екатеринодар с [М.С.] Аджемовым, который вместе с ген[ералом] [Д.Г.] Щербачевым ездил из Парижа на де-

³⁷⁸ Маргулис М.С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2. С. 64.

³⁷⁹ Примечание автора письма внизу страницы. Ф.Е. Махин знал В.Г. Болдырева и ранее встречался с ним. Если автор и адресат идентифицированы верно, возможно, это было способом скрыть их знакомство от посторонних.

никинский фронт. Я думаю, что оно попало по назначению. Пока что я продолжаю оставаться в Париже и знакомлюсь с нравами и настроениями французской массы. Народ здесь волнуется так же, как и в других странах, но до революции, по-видимому, далеко еще. Настроение мое в общем угнетенное, вследствие того хаоса идей, которые царят в здешнем русском обществе, среди которого я никого не вижу, кто бы совершенно объективно работал во имя России и народа. Очень хотел бы получить от Вас хотя бы небольшое письмецо. Шлю Вам пожелания всего лучшего. Ф.³⁸⁰ Махин. Адрес: Paris, 17 rue la Fremoille VIII Mme Sergeeff pour M^{ef} Makhine»³⁸¹.

В одной из эмигрантских статей о Махине отмечалось, что в Париже он устроился работать на завод простым токарем. В некрологе была указана другая парижская профессия – столяр³⁸². Помимо работы Махин сотрудничал в эмигрантских изданиях партии социалистов-революционеров. Прежде всего, в выходявшей на французском языке в Париже газете (позднее – информационный бюллетень) «Pour la Russie» («За Россию»), направленной против «диктатуры генералов»³⁸³, и в пражской газете «Воля России». В «Pour la Russie» Махин печатал «блестящие анализы Гражданской войны на Юге России, с точным предвидением ее исхода»³⁸⁴.

Генерал П. С. Махров вспоминал о своем приезде в Париж в начале 1920-х гг.: «Проходя по Елисейским Полям в один из этих дней, я неожиданно встретил моего друга Генерального штаба полковника Федора Евдокимовича Махина. Увидев меня, он бросился ко мне и обнял меня так, что у меня захрустели кости.

Он был среднего роста, широкоплечий, довольно полный с крупным розовым лицом, слегка попорченным от оспы, и с рыжеватой бородой. Я его хорошо знал, т.к. он был одним из моих помощников сперва в штабе 8-й армии Брусилова, а потом в штабе Юго-Западного фронта. Это был замечательный офицер Генерального штаба, умный, образованный, исполнительный и точный, с головой полной творче-

³⁸⁰ Документ подписан: О. Махин. Возможно, это также сделано по соображениям конспирации.

³⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 8. Л. 146.

³⁸² Умро је генерал-лајтнант Фјодор Махин // Политика (Белград). 1945. 04.06. С. 3.

³⁸³ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. 3. Т. 1. С. 319.

³⁸⁴ Н.Р. Ф.Е. Махин в рядах четнической армии // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1942. 29.03. № 10630. С. 2.

ства и человек чрезвычайно сильной воли, могущественного здоровья и исключительной энергии»³⁸⁵.

Махров далее отметил: «Я предложил Махину вместе со мной позавтракать, на что он охотно согласился, и отправились на Итальянский бульвар, где был Сербский ресторан, по кухне своей напоминающий русскую.

Из разговора с ним я узнал, что теперь он работал грузчиком на цементном заводе. Работа была очень тяжелая и плохо оплачиваемая. «Вот теперь, – сказал он, – я понимаю святой клич: ‘Пролетарии всех стран, собирайтесь!’»

В беседе нашей между прочим я спросил его, почему он не поступил ни в армию Деникина, ни Врангеля. Он мне ответил: что, во-первых, он не верил, что и тот и другой встретит сочувствие народа, а во-вторых, не любит ходить “в шорах диктатора”. В свою очередь он поинтересовался, почему я не поступил в Народную армию Учредительного собрания. Я ответил, что я предпочитаю служить диктатору, что в смутное время неизбежно, чем правительству, состоящему из сборища революционных болтунов вроде Керенского и ему подобных. Потом я спросил его, не встречал ли он в Париже Савинкова, с которым мне хотелось бы повидаться. Он мне предложил пойти после завтрака в одно кафе, посещавшееся всегда социал-революционерами, где можно увидеть Владимира Ивановича Лебедева, морского министра в правительстве Керенского.

После завтрака мы отправились в это кафе. Я с В.И. Лебедевым никогда не встречался и только знал о нем, что во время войны 1904–1905 года он служил младшим офицером в одном из пехотных полков. После войны, разочаровавшись в военной службе, он вышел в отставку, стал революционером и вступил членом в партию социал-революционеров.

Это излюбленное место встречи социал-революционеров находилось в Латинском квартале. Махин меня ввел в довольно большое кафе, полное народу, где стоял шум и галдеж.

В углу у окна за несколькими рядом стоящими столиками в клубах невероятного табачного дыма сидели шесть человек, пили кофе и пиво. Махин, указав на них, сказал: “А вот и Лебедев”. Мы подошли, Махин

---

³⁸⁵ *Махров П.С.* Генерал Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы) // VAR. P.S. Makhrov Collection. Box 4. С. 528–529.

представил меня мужчине лет 45, среднего роста, крепко сложенному, с большой черной с проседью бородой и с копной всклокоченных волос на голове. Его лицо освещалось большими черными оживленными, добрыми глазами. Одет он был более чем небрежно, в затрапезный серый костюм, без жилета: мятый воротничок не первой свежести был повязан очень свободно болтающимся дешевым ярким галстуком... “Так вот это морской министр правительства Керенского!..” – мелькнуло у меня в голове.

Мы поздоровались со всеми. Среди присутствующих было четыре еврея, неизменных спутника³⁸⁶ революционных собраний во все времена русской смуты.

Я спросил Лебедева о Савинкове. Он мне ответил, что Савинков в Париже, но адрес его ему неизвестен.

Далее мы заговорили вообще о Савинкове и о его политической деятельности, и я поинтересовался, не знает ли Лебедев, что поделяет Савинков в Париже. Он ответил, что Савинков нашел себе работу в каком-то коммерческом предприятии...

“Значит, он покончил с политикой?” – спросил я.

“О нет, вы мало знаете Савинкова, – ответил Лебедев, – он не из таких, чтобы сложить руки после неудачи”.

“Конечно, что он намерен делать, он не говорит, но я убежден, что он будет продолжать свою деятельность”, – сказал Лебедев. Дальше разговор коснулся ген[ерала] Врангеля, которого присутствующие критиковали, как монархиста и лицемера в своей деятельности, называли его реакционером и “реставратором”...

В дальнейшем велась беседа о Керенском, которого Лебедев превозносил до небес и сваливал всю вину за его поражение на генерала [П.А.] Половцова, который якобы не исполнил приказа Александра Федоровича разогнать совет солдатских и рабочих депутатов.

Когда мы вышли на улицу, я спросил Махина, за какие добродетели Лебедев, ничего не понимавший в военно-морском деле, мог попасть в морские министры. Махин мне ответил: “Разве вы не знаете, что он разлагал своей пропагандой в 1905–1907 году матросов Черноморского флота”, – и при этом улыбнулся. В его глазах светился огонек иронии и сарказма...»³⁸⁷

³⁸⁶ В документе несогласованно – спутников.

³⁸⁷ Там же. С. 531–534.

К этому времени Махин и Лебедев, сотрудничавшие, по-видимому, с 1918 г., уже подружились³⁸⁸. Владимир Иванович Лебедев (1885–1956) сыграл значимую роль в жизни Махина в эмигрантский период, оказавшись одним из его близких соратников. Как и Махин, это был человек авантюрного склада с поразительной биографией. В прошлом – эсербоевик, участник Русско-японской войны и Первой русской революции, эмигрант, участник Первой мировой войны в рядах французской армии, товарищ военного и морского министра Временного правительства А. Ф. Керенского, управляющий Морским министерством, один из организаторов Народной армии Комуча. В эмиграции Лебедев проявил себя как журналист. Состоял в масонской ложе. Был одним из руководителей Объединения российских земских и городских деятелей (Земгора) в Чехословацкой республике – общественной организации, возникшей в Праге 17 марта 1921 г. и частично финансируемой чехословацким правительством. Пражский Земгор функционировал до 1934 г. Его первым председателем был В. М. Зензинов³⁸⁹. Лебедев участвовал в работе Нансеновского комитета Лиги Наций по вопросам помощи русским беженцам. По-видимому, по этой линии ему удавалось получать финансирование для их с Махиным проектов. В 1929 г. нелегально побывал в СССР и прожил там более месяца. Взгляды Лебедева и Махина эволюционировали в эмиграции примерно в одном направлении, что привело обоих впоследствии в Оборонческое движение. В 1936 г. Лебедев уехал в США, где прожил еще двадцать лет.

Недоброжелатель Махина М. В. Агапов, по профессии психолог, впоследствии размышлял о дружбе и сотрудничестве Махина с Лебедевым: «Все сказанное о В. Лебедеве как о члене партии эсеров и “партийном работнике”, в известной мере, справедливо и в отношении Ф. Махина. Можно сказать, что избыточно активный, жизнелюбивый и одновременно интеллигентный В. Лебедев импонировал Ф. Махину как личность. Лебедев служил для него примером того, чего может добиться энергичный, гибкий и сметливый человек. Махин отдавал себе отчет, что в чем-то не дотягивает до Лебедева, который отличался более быстрой реакцией. Махин, будучи более гибким, в то же время медленнее думал и ориентировался в новых условиях, медленнее ра-

³⁸⁸ Слоним М. А. Страницы воспоминаний // Памяти В. И. Лебедева. Нью-Йорк, 1958. С. 25.

³⁸⁹ Подробнее см.: Серапионова Е. П. Деятели пражского Земгора // Славяноведение. 2015. № 4. С. 32–40.

ботал и осуществлял свои планы. Кроме того, он еще не располагал такими связями и не был настолько посвящен в “закулисную политику”. А в амбициозности он ничуть не уступал В. Лебедеву. Что же было делать в этом случае? Выход прост – нужно подружиться с В. Лебедевым и действовать с ним *viribus unitis*³⁹⁰. Присоединившись к нему, Ф. Махин, разумеется, не имел причин не поддержать “деятельность” своего товарища по партии. Напротив, с помощью Лебедева и его фракции он получил возможность прорваться на ведущие позиции в партийной иерархии. Этому благоприятствовал и тот факт, что во главе партии стояли люди, напрочь лишенные энергии, решительности и тем более боевого духа»³⁹¹.

Президент Чехословакии Т.Г. Масарик симпатизировал эсерам. Неудивительно, что Прага стала центром эсеровской эмиграции. К тому же свою роль играли сложившиеся еще в России в годы Гражданской войны контакты эсеров с чехословаками. Дата первого приезда Махина в Прагу неизвестна. Судя по всему, это произошло в конце 1920 г. Во всяком случае, он писал о предстоящем отъезде из Парижа в Прагу «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской 21 октября 1920 г.: «Дорогая бабушка!

Завтра еду в Прагу. Впечатление уношу самое тяжелое. Вполне ясна чешская украинофильская политика. Вместо моста в Россию они строят здесь барьер и оплот украинских самостийников.

Я намеревался остаться еще на несколько дней, но приезд А.Ф. Керенского в Прагу заставляет меня ускорить отъезд, т.к. нужно его ориентировать о том, что здесь творится.

Будьте здоровы, бабушка.

Ф. Махин.

Привет Вашей заведывающей»³⁹².

По агентурному сообщению в Иностранный отдел ГПУ от 3 августа 1923 г., Махин прибыл в Прагу якобы из Сербии вместе с чехословацкими легионерами и группой эсеров, включавшей И.М. Брушвита, В.М. Зензинова, П.Д. Климушкина, Е.Е. Лазарева и В.И. Лебедева. «При полном отсутствии каких бы то ни было политических организаций прибывшие эс[е]р[ы] организуют [учреждение] по типу парижского

³⁹⁰ Общими усилиями (лат.).

³⁹¹ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 666–667. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Сиакина.

³⁹² ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 477. Л. 1–1об.

Земгора. Пражский Земгор, похитив чужое имя и идею, работал от парижского Земгора вполне самостоятельно и независимо.

Прикрываясь аполитичной формой объединения земских и городских гласных, Земгор, по сути своей, организация чисто эсеровская, и доступ в нее инакомыслящим совершенно невозможен.

По уставу Земгора новые члены, т.е. бывшие городские и земские деятели в России, принимаются не как таковые, а закрытой баллотировкой учредителей, т.е. с[оциалистов]-р[евOLUTIONИОНЕРОВ]...

С приездом “директорцев”³⁹³ организацией пражского Земгора из Парижа переносится эсеровский центр в Прагу, где к этому времени начинает выходить “Воля России” под редакцией Зензинова и [О.С.] Минора. В Прагу переезжает Керенский, Брешко-Брешковская, Виктор Чернов. А за ними тянется вся эсеровская мелочь, кормящаяся при Земгоре и редакции “Воли России”. Земгор широко развивает свою деятельность, но первоначально занял слишком односторонне-партийную позицию и поэтому отпугнул от себя значительную часть русской эмиграции в Праге, не исполнив, таким образом, своего задания стать объединяющим центром всей эмиграции в Чехословакии.

Изменив впоследствии тактику и привлеки не с[оциалистов]-р[евOLUTIONИОНЕРОВ] в состав комитета, Земгор остался в глазах эмигрантской массы “эсеровской лавочкой” и в значительной степени одиозен, хотя услугами его эмигранты и не прочь воспользоваться»³⁹⁴.

В эмиграции прежние связи Махина с эсерами заметно окрепли, а сам он стал сравнительно известной фигурой в партии. Первые годы существования эсеров в эмиграции и связанные с этим периодом попытки реванша за неудачу в Гражданской войне изучены слабо. Эсеровской организацией, которая вела такую работу в начале 1920-х гг., был «Административный центр внепартийного объединения». В работе центра активно участвовал и Махин. В начале 1921 г. лидер ПСР В.М. Чернов в письме ЦК отнес Махина, как и самого себя, к левому крылу партии³⁹⁵.

История «Административного центра» следующая. В Париже 26 июля 1920 г. возникла «Инициативная группа внепартийного объ-

³⁹³ Т.е. бывших членов Временного Всероссийского правительства (Директории).

³⁹⁴ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. М., 2001. Т. 2: Несбывшиеся надежды... 1923 г. С. 321–322.

³⁹⁵ The Socialist-Revolutionary Party after October 1917. Documents from the P.S.-R. Archives / M. Jansen (ed.). Amsterdam, 1989. P. 642.

единения» (в ней числился и Махин³⁹⁶). Своей задачей группа ставила свержение большевиков и создание Российской республики на федеративных началах и на принципах Февральской революции. Текущая работа организации была возложена на «Административный центр» в составе известных эсеровских деятелей Н.Д. Авксентьева, И.М. Брушвита, В.М. Зензинова, А.Ф. Керенского и Е.Ф. Роговского. Одной из составляющих работы «Административного центра» была разведывательная деятельность в отношении Советской России. «Административный центр» оказывал поддержку антибольшевистским силам в России, прежде всего участникам Кронштадтского восстания, участникам восстаний на Северном Кавказе, агитировал среди военнопленных и интернированных соотечественников в Германии и Польше. Центром издавались газеты «Воля России», «Народное дело», журнал «Современные записки», информационный бюллетень «Pour la Russie». Центр работал параллельно в Париже и Праге. После того как в июне 1922 г. некоторые документы центра были похищены капитаном В. Коротенко (Коротневым) и переданы в Советскую Россию, где использовались на показательном политическом процессе над партией эсеров³⁹⁷, объединение прекратило свою деятельность. Другой причиной этого, помимо скандала, являлось отсутствие денежных средств³⁹⁸.

Одним из направлений работы организации была разведывательная деятельность на территории Советской России. С ноября 1920 г. Махин состоял в коллегии службы связи центра³⁹⁹ и должен был отправиться в Софию для организации пункта связи на Одессу, Крым и Кавказ, однако был назначен руководством центра на работу в Париж⁴⁰⁰. Кроме того, Махин участвовал в работе 1-й сессии Совета Внепартийного объединения, состоявшейся 12–13 ноября в Праге⁴⁰¹.

В письме «дедушке русской революции» видному эсеру Е.Е. Лазареву от 3 декабря 1920 г. Махин писал: «Многоуважаемый Егор Егорович!

³⁹⁶ Работа эсеров за границей. По материалам Парижского архива эсеров. М., 1922. С. 35.

³⁹⁷ Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 116–120.

³⁹⁸ Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 159–160.

³⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.

⁴⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.

⁴⁰¹ Работа эсеров за границей. С. 2.

Очень благодарен Вам за то, что Вы не забыли меня и написали обо мне Осипу Соломоновичу Минору. Я пока задержался здесь, в Париже, благодаря работе в газете “Pour la Russie”, но думаю, что скоро поеду в Чехию, если, однако, в России не произойдут такие события, которые позволят вернуться в Россию.

Здесь, в Париже, обстановка для работы очень тяжелая. Наши товарищи разбились на группы, благодаря чему потеряно было много времени зря. Все это Вам, вероятно, рассказал Василий Васильевич Сухомлин.

Очень прошу иметь в виду мой приезд в Прагу, и если можете, то сообщите, стоит ли ехать в Прагу и будет ли там работа, которая была бы полезна и чехам и нам.

Привет И.М. Брушвиту и Климушкину.

Ваш Ф. Махин»⁴⁰². Затем Махин все же переехал в Прагу.

Еще в период Кронштадтского восстания марта 1921 г. эсеры занялись активной подготовкой его военной поддержки⁴⁰³. Лидер зарубежных эсеров В.М. Чернов в своем письме в ЦК партии отметил, что «кронштадтские события были огромным толчком для “заграницы”... Явилась тяга к России, вера в близкое “движение”. Сразу зародились планы перенести больше сил и материальных средств на территории, прилегающие к России»⁴⁰⁴.

Базой для работы по поддержке кронштадтцев стала территория Эстонии. Здесь такую деятельность развернули В.М. Чернов и И.М. Брушвит⁴⁰⁵. Помимо Эстонии эсеры работали и в Финляндии. Разумеется, подобная деятельность была бы невозможна без благожелательного отношения со стороны властей лимитрофных государств. Известно, что и разведывательные органы этих государств активно работали на советской территории⁴⁰⁶.

⁴⁰² ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 166. Л. 2–2об.

⁴⁰³ Щетинов Ю.А. За кулисами Кронштадтского восстания 1921 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1995. № 3. С. 29.

⁴⁰⁴ Партия социалистов-революционеров: Док. и мат. М., 2000. Т. 3, ч. 2: Октябрь 1917 г. – 1925 г. С. 738.

⁴⁰⁵ Процесс правых эсеров // Известия. 1922. 12.07. № 153 (1592). С. 2.

⁴⁰⁶ Подробнее см.: Крысин М.Ю., Литвинов М.Ю. Шпионы и диверсанты: Борьба с прибалтийским шпионажем и националистическими бандформированиями на Северо-Западе России. Псков, 2005; Они же. Органы госбезопасности против буржуазных националистов Прибалтики. М., 2017.

Махин также участвовал в этой работе. 15 февраля 1921 г. в «Административном центре» для ведения разведывательно-диверсионной и организационной работы на советской территории был создан «Особый отдел» под руководством Махина. Сотрудниками были в основном военные. 20 апреля Махин утвердил инструкцию отделу, которая среди прочего содержала и лаконичные программные лозунги: «Низвержение большевиков, утверждение народовластия, обеспечение Учредительному собранию должного нравственного авторитета»⁴⁰⁷. Широкомасштабная Гражданская война уже завершилась, а лозунги эсеров почти не изменились. По линии «Особого отдела» с Махиным сотрудничали Н.В. Воронович, обладавший опытом организации повстанческого движения, а также эсер Е. Ф. Роговский⁴⁰⁸.

Советский государственный обвинитель на процессе ПСР Н.В. Крыленко иронизировал над этим начинанием Махина, казавшимся мальчишеством: «Кого, говорят, бог захочет наказать, у того он отнимет разум. В известный период революции разбитые партии вырождаются и впадают в детство. Вот этот период полного вырождения и забвения элементарнейшей азбуки политической работы при трактовке политических явлений и переживает, видимо, зарубежная эмиграция; наиболее конкретным выражением этого вырождения является организация Особого отдела “Административного центра”»⁴⁰⁹.

8 марта 1921 г. член ЦК партии эсеров и «Административного центра» В.М. Зензинов писал эсеру Е.Ф. Роговскому из Праги о поддержке Кронштадта: «Когда Советская Россия узнает, что освободившийся от большевиков Кронштадт немедленно получил из Европы продовольствие – эта весть будет искрой в бочку пороха ... Телеграфируйте, едет ли Махин – ведь здесь дорога каждая минута. Держите нас телеграммами в курсе дела»⁴¹⁰. В письме от 13 марта Зензинов просил о получении проездной визы для Махина и других⁴¹¹. Сохранилась датированная серединой марта 1921 г. просьба Махина к Л.В. Росселю в Праге об отправке ему вещей⁴¹².

⁴⁰⁷ Крыленко Н.В. Судебные речи. С. 209.

⁴⁰⁸ Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. М., 1987. С. 155.

⁴⁰⁹ Крыленко Н.В. Судебные речи. С. 210.

⁴¹⁰ Кронштадтская трагедия 1921 года: Док. М., 1999. Кн. 1. С. 312.

⁴¹¹ Там же. С. 408.

⁴¹² ГА РФ. Ф. Р-5959. Оп. 2. Д. 73. Л. 7–8.

В Ревель Махин прибыл уже после подавления восстания. Тем не менее даже тогда эсеры не свернули свою деятельность. Махин принял участие в формировании эсеровских отрядов, в том числе из бывших участников Белого движения на Северо-Западе России⁴¹³. Ревельская группа делала все возможное для осведомления общественности о восстании⁴¹⁴.

Весной 1921 г. Махин предполагал, что в России назревает народное антибольшевистское движение⁴¹⁵. Как опытный генштабист он занимался расшифровкой писем, поступавших из Советской России⁴¹⁶. Сохранились кодовые имена, присвоенные Махину и другим эсерам для секретной внутривнутрипартийной переписки. Махина звали «Самуил», «Георг» и «Никанор»⁴¹⁷. Также он пользовался псевдонимом Ф.Е. Устинов (видимо, по имени супруги – Устинья)⁴¹⁸. Некоторые названия были придуманы не без доли иронии. Н.Д. Авксентьева именовали «Розалия», социалистов – «бактерии», революцию – «буря», большевиков – «должники», контрреволюцию – «засуха», правых – «солитеры», а членов Учредительного собрания – «патриции»⁴¹⁹.

Работа продолжилась и после подавления восстания. В Государственном архиве Российской Федерации сохранилось дело с донесениями Махина о работе в Прибалтике за период с 20 мая 1921 по 17 января 1922 г. на 78 листах⁴²⁰. Эти материалы представляют несомненный интерес как для оценки тех событий, так и для биографии самого Махина. Письма отправлялись в «Административный центр», почему и оказались в архиве организации.

Первое донесение из Ревеля датировано 20 мая 1921 г. Махин сообщал, что прибыл в город 16 мая. Положение эсеровской группы здесь было непростым – средства отсутствовали даже на отправку телеграмм, газета, которую издавали, оказалась по той же причине на грани закрытия, группа была дезорганизованной, не хватало людей, а соседняя финляндская группа держалась обособленно⁴²¹.

⁴¹³ Судебный процесс над социалистами-революционерами... С. 827.

⁴¹⁴ Вишняк М.[В.] Годы эмиграции 1919–1969. СПб., 2005. С. 120.

⁴¹⁵ Работа эсеров за границей. С. 15.

⁴¹⁶ Вишняк М.[В.] Годы эмиграции... С. 141.

⁴¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 4. Л. 6, 19; Д. 5. Л. 19; Д. 85. Л. 23.

⁴¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 166. Л. 106.

⁴¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–3, 6–7.

⁴²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 102.

⁴²¹ Там же. Л. 1–2.

Махин с энтузиазмом взялся за дело. Несмотря на то что Кронштадтское восстание было уже подавлено, он оптимистически сообщал руководству, что «обстановка в Питере принимает в отношении большевиков угрожающее положение, необходимо быть готовыми к принятию, быть может, важных решений в самом скором времени. Наши товарищи в Москве после провала всего ЦК успели образовать Центр[альное] организац[ионное] бюро и выслать своего человека в Псков для связи с нами, указывая, что они имеют возможность направлять литературу от эст[онской] границы в Москву и Питер»⁴²².

Махин предлагал развить работу в направлении Двинска, где городским головой был старый эсер. Все упиралось в отсутствие средств. По оценке Махина, те огромные расходы, которые были произведены на организацию базы эсеров в Прибалтике, себя не оправдали и шансов на успех не дают, «нас здесь могут застать большие события совершенно врасплох»⁴²³. Приостановка выпуска газеты также ограничивала агитационные и информационные возможности группы. Между тем редакция газеты из активной молодежи произвела на Махина благоприятное впечатление.

В целом же организацию работы центра в Прибалтике Махин оценил критически: «Сонм командированных сюда лиц не знал главной цели наших действий. Пронсясь по Прибалтике, как метеоры, они не оставляли никакого после себя следа и не создали никаких организованных аппаратов. Есть нагромождение отдельных лиц, иногда с совпадающими задачами, которые сохнут от тоски, вызываемой безделием, неясностью своего положения»⁴²⁴. Были среди этих лиц и люди с темным прошлым.

Главной задачей Махин считал «внесение организационного начала в назревающее народное движение в России»⁴²⁵. Для этого требовалось издавать брошюры, вербовать сотрудников, организовывать народное движение в военном отношении. Целью была антибольшевистская революция в России.

Структуру организации Махин видел в создании в подчинении центрального органа содействия революции («Административного центра») двух областных органов – Северного и Южного с центрами

---

⁴²² Там же. Л. 1.

⁴²³ Там же. Л. 2.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Там же. Л. 3.

в Риге и Львове. Северному подчинялись бы местные органы в Финляндии (Выборг), Эстонии (Ревель) и Латвии (Двинск), а южному – в Польше, Галиции и Причерноморье. Для северной организации требовалось восемь сотрудников, включая самого Махина. Готовились выехать, по данным Махина, В.М. Зензинов, В.И. Лебедев и Л.В. Россель. Могли подойти также И.М. Брушвит, И.П. Нестеров, В.О. Фабрикант и Е.Ф. Роговский⁴²⁶. Такой коллектив, как считал Махин, позволил бы развернуть работу. Руководство движением предлагалось из удаленного от советских границ Парижа перенести в Прагу. Подытоживал Махин тем, что «без утверждения этого плана у меня будет потеряна вера в успех, а теперешняя картина положения заставляет опускать руки»⁴²⁷. При этом безденежье было таково, что Махин занимал средства у редакции⁴²⁸.

Сложно сказать, на чем основывалась вера Махина в успех. Лейтмотивом его первого донесения была просьба о выделении денежных средств. В приложенной к письму записке об обстановке в Прибалтике он отметил, что никаких баз в Советской России организация не имела. Исследование границы на предмет создания активных ячеек в приграничных советских районах едва началось⁴²⁹. Определенная подготовка в этом отношении велась только в Ингерманландии. Махин был убежден, исходя из сообщений информационных агентств, что в Петрограде назревают волнения, однако в его распоряжении ни людей, ни средств для организации движения не имелось. Для работы требовались еще два офицера Генерального штаба⁴³⁰. Кроме того, перспективным направлением работы Махин считал сотрудничество с эстонским Генеральным штабом в вопросах борьбы против большевиков, в том числе на случай советского вторжения в Прибалтику. Также предполагалось вести работу среди интернированных и собирать под свои знамена все демократические силы.

В своей речи на процессе эсеров в Москве обвинитель Н.В. Крыленко цитировал, видимо, одно из перехваченных писем Махина неизвестному адресату: «Начать военную подготовительную работу можно только тогда, когда будут созданы предполагаемые органы содействия революции;

---

⁴²⁶ Там же. Л. 4.

⁴²⁷ Там же. Л. 6.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Там же. Л. 7, 9.

⁴³⁰ Там же. Л. 9.

шансы на успех могут быть тогда, когда мы разовьем свою деятельность на фронте от Выборга до Двинска. Дипломатическая подготовка, по моему, должна быть. Она должна быть построена на нашей готовности помочь латышам и эстонцам, в случае движения на них большевиков, и на нашей работе среди населения. Я думаю, что с местными Генеральными штабами можно договориться о содействии»⁴³¹.

21 мая 1921 г. в письме Е.Е. Лазареву Махин сообщал: «Дорогой Егор Егорович!

Приехал сюда и нашел дело в плачевном состоянии. Главное, не осталось здесь с отъездом А.Е. Малахова никаких руководителей, ни денег. Между тем в Петрограде беспокойно, идут забастовки, митинги, стрельба по рабочим, в воздухе носятся события очень серьезные. Может быть, все это окончится ничем, а может и развиться в крупное движение. У нас же налажена только кой-какая передача литературы в Сов[етскую] Россию, далеко в недостаточном размере. Назрела необходимость в создании здесь на месте революционных органов, которые бы видели перед собой одну задачу – поддержку народного движения, из лиц, которые могли бы заниматься только этим одним делом.

Быть может, некоторое время им придется заниматься только, так сказать, черной работой, но нет сомнения, что настанет и такая пора, когда им нужно будет выйти на широкую арену.

Я написал доклад об этом А[дминистративному] ц[ентру] с просьбой ознакомить с ним всех товарищей, Вы можете у них попросить его для прочтения.

Вы оказались правы в том отношении, что действительно нужно было бы захватить денег из Праги, т.к. здесь никаких свободных ресурсов нет. В случае движения большевиков можно оказаться без всяких средств на выезд. Судя по разговорам с высшими военными лицами эстонской армии, такого положения в скором времени не предвидится, хотя большевики пускают слухи, что в половине июля пролетариат эстонский начнет борьбу против буржуазного правительства. Быть начеку необходимо.

Пишите, Егор Егорович, что у Вас нового, как обстоит дело с денежными средствами.

Поклон Росселю, Сухомлину и прочим.

---

⁴³¹ Сведено в единый текст из двух цитат с купюрами: Крыленко Н.В. Судебные речи. С. 204–205; Обвинительные речи на процессе эсэров. С. 187.

Ваш Ф. Махин

Адрес пишите на редакцию Народного дела Ф.Е. Устинову»⁴³².

Второе донесение Махина в «Административный центр» датировано 30 мая. Он сообщал, что удалось установить живую связь с ЦК партии эсеров в Москве через прибывшего в Ревель представителя ЦК, бывшего военного. Обсуждался вопрос отправки в Россию литературы и взаимодействия⁴³³. Установление такой связи позволило конкретизировать планы работы, в том числе внутри Советской России. Теперь Махин предлагал действовать в трех районах: 1) Прибалтика; 2) Витебская, Смоленская, Орловская, Тульская, Калужская губернии; 3) Украина. В Прибалтике партийные организации эсеров были слабы и едва функционировали. Во втором районе якобы существовали активные силы эсеров и сильные организации. Наконец, на Украине партия эсеров также якобы росла и увеличивалась за счет рабочих⁴³⁴. В Петрограде, по полученным данным, партийный центр был разгромлен. Однако надежды возлагались на приграничные районы в связи с наличием в Лужском уезде Петроградской губернии очага действий «зеленых» в несколько тысяч человек. Махин уже видел новой целью работы подготовку вооруженного восстания, выдвигал лозунг «все для фронта» и требовал перевода всех эмигрантских сил «на новую линию, непосредственно соприкасающуюся с Россией, чем будет создан первый этап обратного движения демократ[ической] эмиграции в Россию, получится возможность подать руку помощи нашим товарищам, изнемогающим от тяжелого большев[истского] режима»⁴³⁵. Какие основания для этого существовали, кроме рассказов эмиссара Москвы, неизвестно. К сожалению, данных об эмиссаре установить не удалось. Неизвестно и то, не был ли он советским агентом.

Махин рассчитывал из Прибалтики организовать поддержку «зеленых» по другую сторону границы, готовить кадры из местных лиц для дальнейшей борьбы и переправлять часть людей через границу для партизанской работы и сплочения «зеленых». На других участках он намеревался действовать через партийные ячейки, создавая очаги восстаний. Успех этого предприятия Махин считал историческим долгом

⁴³² ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 166. Л. 1–1об.

⁴³³ ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 102. Л. 10.

⁴³⁴ Там же. Л. 11.

⁴³⁵ Там же. Л. 12.

эсеров⁴³⁶. Махин признавал второстепенность значения Прибалтики и недостаточность работы в отношении одного лишь Петрограда. Вопрос сотрудничества с украинцами требовал отдельной проработки. При этом эсеры не должны были забывать о борьбе с правыми кругами эмиграции.

В отношении военных мер Махин намечал создание двух пунктов-маяков для разведки и связи с «зелеными» со штатом в четыре сотрудника каждый. Требовалось также упорядочить работу в Финляндии, где находились до шести активистов, не знавших, что им делать⁴³⁷. Кроме того, Махин надеялся на издание газеты для красноармейцев, что позволило бы распропагандировать главную силовую опору советской власти. Он рассчитывал, что голод в Советской России создаст эсерам широкий круг сторонников.

Из документов Махина видно, что должного единства в рядах эсеров не было. Так, он отмечал, что в ревельской группе образовалось правое крыло, установившее связь с известным террористом Б.В. Савинковым⁴³⁸. Махин отмечал, что нужно активизировать работу: «Мы можем натолкнуться на организованное противостояние правых, если своевременно не вытесним их на второстепенные позиции»⁴³⁹.

В еще одном письме от 31 мая Махин указал, что «приходится буквально изворачиваться на все лады, дабы показать посторонним для нас лицам, что мы все же организованный коллектив»⁴⁴⁰. Махин вновь ставил вопрос о получении денег, которых явно не было. Кризис в группе произошел уже в июне, когда одного из сотрудников пришлось исключить якобы за интриганство. Для Махина это стало неожиданно, поскольку, как он сообщал в письме А.Ф. Керенскому от 1 июля 1921 г., «группа, состоявшая, в своем большинстве, из юных людей, политически неподготовленных, производила на меня впечатление крепко сплоченной среды»⁴⁴¹. Общая численность группы на тот момент составляла 23 человека⁴⁴². Было созвано общее собрание для разбора вопроса. «От собрания у меня остался отвратительный осадок

---

⁴³⁶ Там же. Л. 13.

⁴³⁷ Там же. Л. 30.

⁴³⁸ Там же. Л. 16.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 25об.

⁴⁴¹ Там же. Л. 41.

⁴⁴² Там же. Л. 42.

от того моря инсинуаций и нетерпимости, которые были допущены членами собрания. Группа проявила себя с самой неприглядной стороны личных счетов, мелкого самолюбия»⁴⁴³, – констатировал Махин. По итогам собрания из группы вышли еще два члена.

Важным вопросом было установление связи с соседними группами «Административного центра». Как отмечал Махин, существовала телефонная связь с Финляндией, что позволяло ежедневно обмениваться информацией⁴⁴⁴. Велась работа над организацией военно-политического пункта в Двинске (Латвия) для работы в Витебской и Смоленской губерниях. А.Ф. Керенскому 31 мая Махин прямо написал: «Если же наше финансовое положение ухудшается и нет надежд его улучшить, то лавочку нужно закрывать»⁴⁴⁵. Помимо Ревеля Махин вел работу и в Тарту.

Летом 1921 г. сотрудники «Административного центра» пытались развернуть деятельность на советской территории. Требовалось вести активную пропаганду. В Ревеле работали три сотрудника под псевдонимами Георг (Махин), Леонид (прибыл 19 июня 1921 г.) и Анатолий. Георг отвечал за секретарскую часть, особые и специальные назначения. Леонид – за почту, бухгалтерию, отчетность, хозяйственное обслуживание транспорта. Анатолий курировал политическую часть, связь с другими политическими организациями и распределял материалы для транспортировки⁴⁴⁶. Члены коллегии намеревались потребовать от местных эсеров выделить две пары людей для связи и разведки через границу. Один человек должен был на постоянной основе жить в Пскове. Другого сотрудника в июне направили в Москву для проживания там и ориентировки «в специальном отношении». Однако из-за конспирации его не удалось использовать для связи с ЦК партии эсеров. Для такой связи требовался еще один агент. Сведения из Москвы поступали по прежнему каналу, хотя он и считался рискованным. Однако приток людей в Прибалтику и Финляндию прекратился. Между тем активистам требовалось еще по два сотрудника для Латвии и для Финляндии, а также один для Эстонии.

25 июня Махин писал А.Ф. Керенскому: «Наш план текущей работы на ближайшие дни сводится... к срочной посылке одного надежного

---

⁴⁴³ Там же. Л. 43.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 31.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 33.

человека со специальной подготовкой в Москву для информирования нас о положении Москвы, ведения там разведки в военном отношении, зондирования почвы среди командного состава Красной армии.

Во-вторых, мы должны были послать одного человека в лужском направлении для установления связи с нашими единомышленниками и разведки о «зеленых»⁴⁴⁷. Махин также отмечал, что «начаты работы дипломатического свойства. Военное министерство и Генеральный штаб на нашей стороне»⁴⁴⁸.

Из Советской России поступали сведения о том, что бывший коммунист В.А. Панюшкин основал свою Рабоче-крестьянскую социалистическую партию. Эти достоверные данные сочетались с откровенным вымыслом о том, что его соратником был знаменитый матрос Железняк (А.Г. Железняков), как известно, погибший еще летом 1919 г.⁴⁴⁹ Впрочем, поступили сведения и об аресте членов этой партии.

Обнадеживающая информация шла также из Двинска. Представитель организации сообщал оттуда, что в приграничном районе имеется до 500 человек эсеров и сочувствующих. Сложность заключалась в том, что в Латвии, в отличие от Эстонии, эсеры не могли легализоваться. Для их легализации активистам требовалось провести переговоры со знакомыми в латвийском правительстве.

Продолжалась работа и в Эстонии. Удалось добиться ускоренного порядка получения виз, облегчения деятельности сотрудников на границе, а также упрощения перехода границы курьерами организации. Кроме того, корреспонденция организации отправлялась без обычной цензуры и в зашифрованном виде. Через Финляндию активисты готовили отправку 100 пудов литературы для ЦК партии эсеров. По информации из Москвы, спрос на такие материалы там был огромным.

Работа активистов проходила не без затруднений. В частности, кронштадтский ревком во главе с С.М. Петриченко, ушедший в Финляндию, стал устанавливать контакты с правыми кругами⁴⁵⁰. Активистам требовалось укреплять связи с кронштадтцами. Разногласия имели место и с ингерманландской группой.

Практически с самого начала группа Махина попала в поле зрения Иностранного отдела ВЧК. Сведения о группе вошли в свод-

---

⁴⁴⁷ Работа эсеров за границей. С. 15–16.

⁴⁴⁸ Там же. С. 16.

⁴⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 102. Л. 38.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 35.

ку о деятельности эсеров в Эстонии и Финляндии, составленную в Гельсингфорсе 10 июня 1921 г. В документе отмечалось, что военные вопросы курировал полковник Махин, прибывший в Ревель из Праги. «Выработали много военных проектов, имеющих целью организовать общее восстание против Советов, но все эти проекты пока еще только на бумаге. Составили также различные инструкции для сотрудников группы, занимающихся вопросами наступления и обороны. Эти инструкции очень обширны и делятся на две части: первая содержит военные сведения, другая – все остальное. Члены группы ездили много раз в Петроград для разрешения этих вопросов, но они почти не достигли никаких результатов. Военные проекты эсеров отличаются своей обширностью, предполагают, между прочим, послать членов группы во все большие деревни, чтобы организовать повсюду военные отряды, но ввиду отсутствия денег этот проект пока оставлен, т.к. у эсеров нет ни одного военного отряда (батальона, роты и т.д.), ни оружия»⁴⁵¹.

В донесении от 1 июля Махин писал о том, что для дальнейшей работы понадобятся два офицера Генерального штаба: один – для Латвии, другой – для Финляндии. «Конечно, без политических представителей прибытие их будет бесполезным. Продолжаю рекомендовать Колоссовского, если он еще с отчаяния не отошел от нас»⁴⁵². Речь шла о ветеране украинской армии подполковнике В.В. Колоссовском. Рассчитывал Махин и на прибытие из Франции полковника Мальгина. Однако в Эстонии известен только капитан А.П. Мальгин, вернувшийся в июле 1921 г. из Франции, куда он уезжал на заработки после ликвидации Северо-Западной армии.

Резюмировал Махин не совсем оптимистично: «В общем, должен просить Вас не преувеличивать значения нашей работы здесь. Делается только подход к работе, и результат нашей деятельности пока еще резко не обнаружился»⁴⁵³. Свои донесения Махин завершал фразой: «С товарищеским приветом».

Одной из важнейших тем переписки Махина летом 1921 г. стал вопрос о голоде в Поволжье. Эсеры рассчитывали на рост недовольства населения и активизацию антибольшевистского движения. Обсуждался

---

⁴⁵¹ Борис Савинков на Лубянке: Док. М., 2001. С. 507.

⁴⁵² ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 102. Л. 39.

⁴⁵³ Там же.

вопрос о том, как помочь голодающим крестьянам⁴⁵⁴. Такая помощь могла бы дать эсерам политические дивиденды. Махин сообщал товарищам по борьбе о настроениях в России, приводил выдержки из советских газет, предоставлял статистические данные. Анализировалось и повстанческое движение. Поступала информация о Тамбовском восстании, выступлениях в Поволжье и на Кубани⁴⁵⁵. Причем численность «зеленых» на Кубани оценивалась более чем в 30 000 человек. При этом оценка боеспособности «зеленых» была невысокой: «И если большевики держатся на Кубани в атмосфере общей к себе ненависти и злобы, то лишь за счет распыленности зеленых отрядов, за счет отсутствия самой элементарной организованности. Отряды зеленых весьма бедны материальными средствами, снарядами и оружием и еще более бедны руководителями. Во главе их, в большинстве случаев, становятся или искатели приключений из офицерской среды, или люди, не обладающие организаторскими способностями», – сообщалось в донесении от 12 июля 1921 г.⁴⁵⁶

Разумеется, не все сведения, поступавшие из Советской России, были достоверны. Например, Махин пересылал товарищам информацию о смертельной болезни председателя Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкого⁴⁵⁷, что не соответствовало действительности.

Сохранились материалы переписки, из которых следует, что ревельская группа была связана с французским Генеральным штабом через начальника французской военной миссии в Риге полковника Аршара⁴⁵⁸. Французы даже предоставляли Махину свой автомобиль для поездок в приграничные районы.

Будучи офицером с большим и разносторонним опытом, Махин занимался разработкой тактики и стратегии повстанческого движения на советской территории. В издававшемся в Ревеле эсеровском журнале «Революционная Россия» в августе вышла его статья «Крестьянство в Гражданской войне»⁴⁵⁹. Анализ этой статьи позволяет уточнить политические взгляды Махина в тот период. Он писал, что

---

⁴⁵⁴ Там же. Л. 56.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 50.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 51.

⁴⁵⁷ Там же. Л. 54.

⁴⁵⁸ Работа эсеров за границей. С. 16.

⁴⁵⁹ Махин [Ф.Е.], полк. Крестьянство в Гражданской войне // Революционная Россия (Ревель). 1921. № 11. С. 20–22.

«больше трех лет, протекших со времени большевистского переворота, открывшего эру Гражданской войны, крестьянство России служит пушечным мясом в руках то красных, то белых диктаторов, возлагая свои надежды то на тех, то на других и, в конце концов, проклиная обе стороны»⁴⁶⁰. По мнению Махина, до сих пор крестьянство не могло найти свою дорогу – «дорогу борьбы за свои, а не за чужие цели»⁴⁶¹. Далее автор анализировал «Зеленую книгу» Н.В. Вороновича, в которой описывалось повстанческое движение на черноморском побережье Кавказа. Эту книгу Махин рассматривал как практическое руководство по организации повстанческой борьбы и в связи с ней даже предложил собственную военно-стратегическую теорию крестьянского движения.

Суть теории Махина заключалась в идее повсеместного и одновременного восстания трудовых масс, которое могло бы бороться как с красными, так и с белыми. С самого начала требовалось проводить идею народовластия посредством привлечения в органы власти самих трудящихся. Необходимы были достаточные для противодействия красным и белым вооруженные силы, а повстанческие части должны были действовать по единому плану. Движение начиналось с подготовительного периода, а затем вступало в решительный период. В первый период шел конспиративный процесс сплочения масс, создавались будущие руководящие органы, вырабатывались планы, допускались и партизанские действия, которые затем перерастали из малой войны в полноценную. Во второй период происходило массовое вооруженное выступление и «захват повсеместно власти народом»⁴⁶².

Махин писал о том, что задачами крестьянского ополчения служат: «Нападения на крупные административные центры, решительные схватки с более или менее значительными гарнизонами и регулярные действия с крупными неприятельскими частями, результатом которых может быть очищение от противника больших территорий. С каждым успехом размах действий увеличивается, и малая война превращается, благодаря притоку новых сил и средств, в войну крупными массами, способную достигать самых решительных стратегических успехов»⁴⁶³. Как Махин себе представлял боевые действия крестьян против регу-

---

⁴⁶⁰ Там же. С. 20.

⁴⁶¹ Там же.

⁴⁶² Там же. С. 21.

⁴⁶³ Там же. С. 22.

лярных войск, не вполне понятно. Очевидно, опыт Гражданской войны его ничему не научил.

Стратегические идеи Махина заключались в следующем: «Стратегия в крестьянском движении сводится к выяснению основных и важнейших стратегических центров, как то: важные ж[елезно]д[орожные] узлы, переправы через большие реки (напр[имер], Волга), промышленные пункты и т.п., захват которых может решить дело борьбы. Сообразно этим центрам на каждом участке должны быть определены операционные направления, которые и служат основными данными при определении районов партизанских отрядов и ополченских частей. В Гражданской войне захват центров имеет неизмеримо большее значение, чем в войне с внешним врагом. С потерей их власть утрачивает авторитет, лишается части своей административной системы, выпускает из рук управление, дезорганизуется, революционное настроение захватывает все большие участки территории, подневольные защитники этой власти освобождаются от гипноза ее силы и переходят на сторону народа.

Стратегия властно диктует начинать народное движение на возможно большей территории, а лучше повсеместно. Сила одновременного и повсеместного выступления громадна. Никакая власть не в состоянии справиться с ним. Моральное воздействие такого выступления на войска, защищающие власть, огромно. Армия, составляющая кость от кости и плоть от плоти народа, невольно воспримет общее настроение и пойдет рука об руку с народной массой»⁴⁶⁴.

По концепции Махина, повстанцам опираться можно было только на собственные вооруженные силы. В качестве тактики предлагалась партизанская война, а партизанские отряды должны были стать ядром, вокруг которого сплотится крестьянское ополчение. К пленным Махин предлагал относиться исключительно по-братски. Очевидно, что эта теория была не только наивно-идеалистической (например, Махин писал, что борьба крестьянства «может вестись только во имя высших идеалов правды и гуманности»⁴⁶⁵), но и утопической, слабо укладывавшаяся в реалии начала 1920-х гг.

В Советской России эта статья Махина была использована для дискредитации эсеров как партии, строящей агрессивные планы в отношении

---

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ Там же.

Советской республики⁴⁶⁶. Разоблачения публиковались в преддверии процесса по делу ПСР. Вывод из этой статьи Махина его советскими оппонентами делался однозначный и, в целом, справедливый: «Что же, все это сочинение – суть невинное развлечение безработного полковника или кровавые планы партии эсеров? Да, это именно планы, это программа практического действия, основанная на опыте контрреволюционной борьбы с советской властью. Полковник Махин ничего не выдумывает, он обобщает опыт вооруженной борьбы, проделанной эсерами в 1920 и 1921 гг. в Тамбовском крае, в Сибири, на Северном Кавказе»⁴⁶⁷. Далее критик переходил к пропагандистскому восклицанию, с которым сторонникам эсеров трудно было спорить: «Господа социал-демократические адвокаты, известна ли вам эсеровская “военно-стратегическая теория крестьянского движения”? Если неизвестна, то как вы смее говорить о том, чего не знаете, как вы смеете уверять европейских рабочих в безгрешности и невинности партии эсеров? Но если вам известны эсеровские преступления и эсеровские планы, то почему выступаете вы в их защиту? Почему берете вы под свое покровительство кровавых авантюристов и контрреволюционных ненавистников советской власти? ... «С каждым успехом размах действий увеличивается и малая война превращается ... в войну крупными массами» ... Рабочие Европы и Америки отныне будут знать, кто пытается зажечь в России новую Гражданскую войну, поднять “мужицкую Русь” против революции и кто всеми силами защищает и оправдывает контрреволюционных поджигателей»⁴⁶⁸. Свои взгляды по вопросу тактики борьбы с большевиками на советской территории Махин излагал и на страницах издававшегося эсерами в Ревеле с октября 1921 г. журнала «За народ», ориентированного на красноармейцев. В этом издании вышла его статья о том, как следует подрывать Красную армию изнутри. Наряду с В.М. Зензиновым и В.И. Лебедевым Махин входил в редакцию журнала.

В августе 1921 г. Махин все еще сохранял надежду на перспективы роста антибольшевистского движения в России. Из Советской России поступали оптимистические сведения о том, в частности, что на Юге России готовы восстать 110 000 человек⁴⁶⁹. В начале месяца Махин

⁴⁶⁶ См., например: *Вардин Ил.* Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты (факты и документы). М., 1922. С. 19–21.

⁴⁶⁷ Там же. С. 21.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Работа эсеров за границей. С. 53.

констатировал, что ввиду недостатка средств дела затормозились⁴⁷⁰, но в конце месяца сообщал уже о выжидательных настроениях крестьянства в России⁴⁷¹. По-видимому, последние выявленные донесения Махина в «Административный центр» относятся к этому времени. Многие сообщения этого и последующего периода зашифрованы, что не позволяет установить, о чем идет речь. Не всегда очевидно и авторство документов.

Иностраный отдел ВЧК продолжал наблюдать за деятельностью группы Махина. В сводке от 24 августа 1921 г., адресованной заместителю председателя ВЧК И. С. Уншлихту, сообщалось, что «ген[ерал] [П.В.] Глазенап после совещания в Праге с Махиным вошел в сношения с с[оциалистами]-р[евolucionерами] и получил от них средства на работу. До недавнего времени он носился с проектом организации повстанческого движения на Украине»⁴⁷². В похожем контексте Махин фигурировал и в следующей сводке от 12 сентября, из которой можно сделать вывод о том, что чекисты имели возможность читать письма Махина (в частности, было перехвачено его письмо генерал-майору Е. П. Долинскому по поводу деятельности генерал-лейтенанта Глазенапа)⁴⁷³.

Деятельность Махина не могла не привлечь внимание и правых кругов русской военной эмиграции. Так, генерал Н. А. Клюев несколько запоздало писал генералу Е. К. Миллеру 27 октября 1921 г.: «В Ревель приехал от соц[иалистов]-револ[юционеров] полковник [ик] Генерал[ьного] штаба Махин – образованный, энергичный, знающий языки, уже успевший составить себе положение среди иностранцев. Цель его, по-видимому, сплотить около себя офицеров С[еверо]-Западн[ой] армии, в большинстве бедствующих; соц[иалисты]-рев[олюционеры] уже помогают им одеждой, а может быть, и денежно. Махин одного выпуска из академии с эстонск[им] военным министром Соца (правильно – И. Г. Соотсом. – А. Г.) и в дружеских с ним отношениях. Л[ьвов]»⁴⁷⁴ предполагает, что как Соца, так и иностранцы помогают Махину

По мнению Львова, в Эстонии необходим наш военный представитель, способный уравновесить влияние Махина, иначе утечка и пере-

⁴⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 102. Л. 57.

⁴⁷¹ Там же. Л. 61.

⁴⁷² Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 410.

⁴⁷³ Там же. С. 85.

⁴⁷⁴ Личность не установлена.

ходы к нему с[еверо-]зап[адных] офицеров все будут⁴⁷⁵ возрастать. Об этой утечке мне пишет и Игнатъев⁴⁷⁶»⁴⁷⁷.

Есть сведения за начало 1922 г., согласно которым Махин возглавлял специальную службу «Административного центра» и курировал в ней организацию антибольшевистских восстаний в северо-западной части Советской России⁴⁷⁸. Махин в итоге прожил в Эстонии почти два года. В его анкете отмечено, что только 23 февраля 1923 г. он получил паспорт, выданный МВД Эстонии, после чего покинул эту страну и 4 апреля того же года за свой счет прибыл в Чехословакию⁴⁷⁹.

К сожалению, деятельность Махина с осени 1921 и до его отъезда из Эстонии весной 1923 г. по документам проследить не удалось. Можно лишь отметить, что в Советской России 24 февраля 1922 г. Президиум ГПУ включил его в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР предъявлялось обвинение в антисоветской деятельности. Однако дело было выделено в связи с нахождением Махина за границей до его возвращения в РСФСР⁴⁸⁰.

Эсеры-эмигранты в своих надеждах весны 1921 г. на назревающее народное антикоммунистическое движение в России просчитались. Действительно, череда крупных восстаний 1920–1922 гг. в Советской России могла создать иллюзию близкого падения советской власти. Однако на самом деле это была уже агония антибольшевистского сопротивления. Восстания не имели столь организованных форм, образованных вождей, ресурсов и поддержки из-за рубежа, как антисоветские движения периода широкомасштабной Гражданской войны 1918–1920 гг. В результате они были подавлены силовым путем, а большевистский режим с переходом к новой экономической политике пошел на сравнительную либерализацию для успокоения общественных настроений.

Оказавшиеся за рубежом эсеры находились в состоянии раздробленности, размежевались на фракции, конфликтовавшие друг с другом, что препятствовало эффективной работе. Неразбериху создавало наличие у «Административного центра» руководящих органов как в Праге,

⁴⁷⁵ В документе несогласованно – будет.

⁴⁷⁶ Личность не установлена.

⁴⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 81. Л. 45–45об.

⁴⁷⁸ *Jevakhoff A.* Les Russes blancs. Paris, 2011. P. 281.

⁴⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3451. Л. 1.

⁴⁸⁰ «Сын вольного штурмана» и тринадцатый «смертник»... С. 372, 609.

так и в Париже. Не было единства даже в мелких группах активистов, как, например, в ревельской, где и работал полковник Махин. Отсутствовали у них и средства для осуществления какой-либо активной деятельности в отношении Советской России. Между тем проживание активистов в лимитрофных государствах, издание газет и брошюр, их транспортировка, засылка курьеров в Россию, переписка – все это требовало денег. Неудивительно, что практически в каждом письме Ф.Е. Махина за весну–лето 1921 г. ставился вопрос о финансировании.

Эмигранты надеялись на реванш, стремились вернуться в Россию и свергнуть ненавистных им большевиков, однако эти надежды оказались несбыточными. К тому же советские спецслужбы смогли нанести удар по «Административному центру» посредством хищения его документов, использованных затем на процессе по делу партии эсеров в Москве. Эти документы выявили причастность «Административного центра» к подрывной деятельности на советской территории. В совокупности все это привело к сворачиванию активной работы эсеров в лимитрофных государствах.

В Чехословакии Махин возглавлял бюро труда Земгора⁴⁸¹. 16–24 ноября 1923 г. в Праге прошел первый съезд заграничных организаций партии эсеров. Результатом форума стало учреждение руководящего партийного органа в зарубежье – Областного комитета заграничных организаций партии, который должен был организовывать партийные группы на местах, налаживать связь между ними и способствовать дальнейшему развитию партийной работы. В состав комитета, наряду с такими видными эсеровскими деятелями, как О.С. Минор, И.П. Нестеров, В.И. Лебедев, был избран и Махин⁴⁸².

Ветераны Гражданской войны на Волге обладали обширными связями с чехословацкими легионерами. Отдельные представители последних заняли видные посты в военно-политической иерархии межвоенной Чехословакии, что давало определенные возможности их прежним русским товарищам. Например, знакомый Махина генерал С. Чечек стал заместителем начальника Генерального штаба, а позднее – начальником военной канцелярии президента Чехословакии Т.Г. Масарика.

---

⁴⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3451. Л. 1.

⁴⁸² Суслев А.Ю. Семен Николаевич Николаев (1880–1976 гг.): к биографии последнего депутата Всероссийского Учредительного собрания // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): Сб. мат. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2019. С. 414.

Доктор В. Гирса, которого Махин не раз упоминал в письмах пражским друзьям, стал заместителем министра иностранных дел Чехословакии и одним из организаторов «Русской акции» помощи беженцам.

С деятельностью Махина в этот период было связано и трагическое событие. После политического спора с ним скончался бывший преподаватель Махина в академии генерал-лейтенант А.К. Келчевский. Полковник (позднее – генерал-майор) А.А. фон Лампе записал в дневнике 1 апреля 1923 г.: «Сегодня ночью после большого политического спора у [В.В.] Колоссовского с эсером полковником Махиным, прибывшим из Риги, скончался от разрыва сердца Анатолий Киприанович Келчевский, мой руководитель по академии, потом сотрудник [В.И.] Сидорина по Донской армии, герой процесса в Крыму, выступавший против белой армии в Сербии, потом редактор журнала “Война и мир” в Берлине.

Спор шел о том, какой вред причинили русской армии эсеры с их психологией попустительства, и был принят Келчевским очень близко к сердцу. Ночью, после разговора, он умер!...

Интересна информация Махина, по его заявлению, монархисты работают вместе с большевиками, и для этой цели [П.Н.] Врангель командировал в Ригу [Е.К.] Миллера... который сейчас мирно сидит в Белграде!

По его словам, Керенский, Зензинов и пр. выключены из партии эсеров и газет⁴⁸³, “Дни”, если и социалистические, то не партийные, а лично Керенского!

Он уповаet на то, что Красная армия пойдет против большевиков, и тогда власть снова пойдет в руки эсеров, которые теперь научены, что так миндальничать, как миндальничал Керенский, нельзя и надо установить диктатуру... блажен, кто верует, не будет у них власти никогда, большевики те же социалисты и идею социализма похоронили на много лет!

А смерть Келчевского считаю потерей – журнал⁴⁸⁴, по-видимому, попадет в руки сменовеховцев типа [А.А.] Носкова или [Е.И.] Достовалова и пойдет прямо на большевистскую дорожку! А пока он велся хорошо!»⁴⁸⁵

Из записи фон Лампе следует, что в то время Махин начал эволюционировать от своих прежних эсеровских взглядов в направлении

⁴⁸³ По-видимому, речь об эсеровской прессе.

⁴⁸⁴ Речь идет о журнале «Война и мир».

⁴⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

допустимости диктаторской власти. Впоследствии это приведет его к принятию коммунистической идеологии и сделает активным сторонником СССР.

2 апреля фон Лампе написал о случившемся генерал-лейтенанту П.А. Кусонкому: «Вечером 31 марта в редакцию журнала пришел Генерального штаба полковник Махин, только что прибывший из Риги, который, как известно, состоял в партии социалистов-революционеров и является их ярым сторонником. Произошел разговор, в котором Келчевский сильно разгорячился и нападал на Махина, обвиняя его и вообще всех социалистов-революционеров в развале русской армии, разложении страны и т.д. Келчевского успокаивали, а через несколько времени, придя домой, он скончался, по-видимому, от разрыва сердца.

Смерть Келчевского ослабляет умеренную группу и может допустить к редакторскому креслу Носкова, что не может не отразиться губительно на самом направлении журнала, в особенности в отношении к Русской армии»⁴⁸⁶.

По агентурному сообщению в Иностранный отдел ГПУ от 3 августа 1923 г., «полковник Махин, толстый, опускающийся, величина сильно раздутая, эсеровский главковерх⁴⁸⁷, заведует при Земгоре биржей труда – роль его второстепенная, никаких связей с военными организациями не имеет»⁴⁸⁸. По-видимому, к этому времени Махин отошел от активной подрывной работы в отношении СССР и занялся более насущными для эмигранта вопросами.

Махин участвовал в работе организованного эсерами казачьего сельскохозяйственного съезда и вошел в ревизионную комиссию как представитель немногочисленных в Европе оренбургских казаков⁴⁸⁹. 3 сентября 1923 г. Махин для вступления в Чешский сельскохозяйственный союз заполнил опросный лист, в котором отметил, что родился в Иркутске в 1882 г., до поступления в военное училище и на льготе занимался сельским хозяйством, владел домом в станице Оренбургской, обрабатывал свой земельный пай⁴⁹⁰.

---

⁴⁸⁶ Там же. Л. 88–89.

⁴⁸⁷ Верховный главнокомандующий – распространенное телеграфное сокращение эпохи Первой мировой и Гражданской войны.

⁴⁸⁸ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Т. 2. С. 334.

⁴⁸⁹ Там же. С. 363.

⁴⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5768. Оп. 1. Д. 35. Л. 93.

Махин переехал из Праги в Белград по приглашению королевского правительства в начале 1924 г.⁴⁹¹ В феврале 1924 г. он уже находился на новом месте. Сделал он это по предложению В.И. Лебедева, который организовал в Белграде отделение пражского Земгора⁴⁹². Полковник Е.Э. Месснер вспоминал, что приезд Лебедева и Махина состоялся по настоянию министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша, «убедившего белградское Министерство иностранных дел, что “зубровый” характер российской эмиграции в Югославии компрометирует это демократическое государство и что поэтому надо эту эмиграцию разбавить социалистами»⁴⁹³. Такие задачи соответствовали и интересам пражских эсеров, стремившихся уменьшить доминирующее влияние правых, установившееся в русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС; название Югославии до 1929 г.). Между прочим, в некрологе Махина впоследствии было отмечено, что он являлся личным другом Бенеша⁴⁹⁴.

В статье к юбилею пражского Земгора отмечалось, что «по инициативе редактора «Воли России» В.И. Лебедева, у которого с давних пор были большие связи среди политических и общественных деятелей Югославии, возникает план образования отделения пражского Земгора в Белграде. Для изучения местной обстановки и для ознакомления с условиями жизни беженской массы в Югославии Комитетом Земгора командирован в Белград Ф.Е. Махин. Результаты, привезенные Махиным, не оставляют никаких сомнений в необходимости и возможности приступить к работе в Югославии. Беженская масса стонет под игмом генералов и врангелевских штабов. Беженец связан во всех своих движениях. За доставленную ему работу он обязан дорого платить. За книжку в библиотеке – платить; за лечение платить. Его насильно заставляют производить отчисления в кассы великих князей и атаманов. За слушание – бойкот, преследование. За вольное слово – суд, наказание, вплоть до ареста. Все демократическое забито, загнано в подполье. Таково положение беженства. Это положение прекрасно осознано передовыми кругами сербского общества и государствен-

⁴⁹¹ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С. 52.

⁴⁹² Россель Л. К пятилетию пражского Земгора // Воля России (Прага). 1926. № 3. С. 168; Н.Р. Ф.Е. Махин в рядах четнической армии // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1942. 29.03. № 10630. С. 2.

⁴⁹³ Месснер Е.Э. Мои воспоминания // BAR. E.E. Messner collection. Box 4. Ч. 6. С. 230.

⁴⁹⁴ Умро је генерал-ајтнант Фјодор Махин // Политика (Белград). 1945. 04.06. С. 3.

ными деятелями Югославии. Исконная любовь сербов к русским вообще поругана действиями и поведением представителей старой России, перенесшими на сербскую почву все старорежимные безобразия. Такова картина, нарисованная Махиным по его возвращении из Югославии»⁴⁹⁵.

Недоброжелатель Махина секретарь Земгора М.В. Агапов позднее утверждал, что «как и все люди с отчетливо выраженными параноидными наклонностями, он (Махин. – А.Г.) с трудом признавал любой авторитет, кроме своего собственного. Однако существовал один авторитет, который он признавал без колебаний. Речь идет о Владимире Ив. Лебедеве, которым Махин восхищался и расположением которого очень дорожил. По сути, Лебедев был его *spiritus rector*⁴⁹⁶ и, к сожалению, по этой причине стал злым духом белградского “Земгора”»⁴⁹⁷. В другом месте Агапов отмечал: «Привлекши на свою сторону Махина, он (Лебедев. – А.Г.) получил возможность влиять на всю деятельность белградского “Земгора”. Только влияние это нельзя назвать положительным. И сюда он привнес дух интриг, борьбы и личной заинтересованности, показав себя большим мастером в извлечении материальной выгоды»⁴⁹⁸.

До тех пор, пока не были решены организационные вопросы относительно открытия белградского отделения Земгора, Махин остро переживал неопределенность ситуации. 14 апреля 1924 г. он написал своему другу, бывшему управляющему ведомством финансов Комуча И.М. Брушвиту в Прагу: «Ужасно неаккуратно работает Ваш технический аппарат. Не могу до сих пор добиться списка членов объединения. С конца марта, т.е. со времени получения полномочия, дело перевел из плоскости переговоров в плоскость формального утверждения представительства ...

Думаю на днях закончить дело. Но от Вас ничего не получаю. Что делать, если буду утвержден здесь? Ничего не получаю от Вас. При таких условиях отнимаются руки. А вдруг все напрасно. Получается впечатление, как будто бы я работаю для себя, а не во имя общего дела.

Проделал большую работу, подготовил почву в правительств[енных] кругах, и вдруг выйдет конфуз. Торжество у черносотных будет огром-

⁴⁹⁵ *Россель* А. К пятилетию пражского Земгора. С. 168–169.

⁴⁹⁶ Движущая сила (*лат.*).

⁴⁹⁷ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 672. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

⁴⁹⁸ Там же. С. 677. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

ное, а вера в нас окончательно пропадет. Нужно сказать, что демократическая работа находится вся в зависимости от учреждения нашего представительства. Погибнет это дело – погибнет и надежда на какой-нибудь просвет у демократической части беженства.

Работать с секретариатом Земгора, если я не знаю уже с кем (думаю, что техническая часть – это дело секретариата), почти невозможно. Просил прислать засвидетельствованный устав, список членов объединения – ничего не сделали. Приходится здесь извиняться и проч[ее].

Приезд сюда Сидорина очень испортил дело. Теперь к ужасу своему узнал о принятии его в объединение. Пока не говорю никому об этом. Вообще связывать какую-нибудь организацию с ним для Югославии – значит портить дело. С с[ельско]х[озияйственным] союзом здесь дело будет встречаться с затруднениями. Только об этом не говорите казакам, т.к. Сидорин уже зол на меня за мое первое сообщение, которое дошло до него через [В.А.] Харламова⁴⁹⁹. Сидорин – наше несчастье. Я очень хотел бы, чтобы Вы прислали коллективное мнение об этом, чтобы я мог, опираясь на него, бороться против создавшегося здесь в правит[ельственных] кругах мнения относительно него.

Приезд Сидорина здешними русскими ставится в связь с моим приездом и создается впечатление, что я с ним работаю заодно, и, таким образом, приходится счищать с себя ту грязь, которую на него набросили, основательно или нет, я утверждать не берусь, т.к. начальник госуд[арственной] охраны, помощник м[инист]ра вн[утренних] дел, помимо докладов русских имеет письмо, перехваченное от коммуниста. Письмо это нам читалось вместе с [Г.Ф.] Фальчиковым⁵⁰⁰.

План моей работы – связаться с массой через посредство Бюро труда и библиотеку; нужны суммы на одно-два предприятия артельных.

С тракторщиками теперь уже опоздали. Нужна была бы автом[обильная] мастерская – курс. Думаю, что она могла бы работать безубыточно. К несчастью, запоздали Вы с полномочием. Когда оно получилось, начался правительственный кризис, все министры и высшие чины заняты им. Теперь ожидается новый кабинет.

Возможно, что придут демократы. С их вероятным министром иностр[анных] дел Воем Маринковичем я виделся, познакомил его с нашей работой, и препятствий к ней с его стороны не будет. Очень

⁴⁹⁹ Харламов Василий Акимович (01.01.1875–13.03.1957) – политический деятель донского казачества, в эмиграции – в Праге.

⁵⁰⁰ Фальчиков Георгий Феофилович – деятель Земгора в Праге.

сочувственно относится и председатель Скупщины и Держ[авной] комиссии Люба Иванович. Возможно, что он будет формировать кабинет, т.к. из радикалов он пользуется уважением среди оппозиции.

Очень прошу, дорогой Иван Михайлович, известить меня о Ваших соображениях и принять меры, чтобы со мной фокусов вроде задержки денег не выкидывали.

Был позор, когда я не мог перевести отчета на сербский язык. Нужны расходы и на представительство. Пришлось здесь покупать литературу для М[инистерст]ва иностр[анных] дел, чтобы выяснить связь монархистов с немцами. Стоит тоже сотни динаров. Но это расход, который нигде показать нельзя. Посылать требования о деньгах тоже невозможно. Приходится терпеть и ждать.

Очень прошу информировать меня, как у Вас идет дело.

Думаю, что на этой неделе добьюсь утверждения, но что же делать? Ждать, но до каких пор?

До зареза нужно нанять помещение и открыть бюро труда.

Жду ответа»⁵⁰¹.

Предпринятые усилия увенчались успехом. Официальное открытие отделения Земгора состоялось 19 мая 1924 г.⁵⁰², а его заведующим стал Махин, продолжавший состоять в чехословацком Земгоре⁵⁰³. После реорганизации в том же году Махина избрали председателем Земгора в КСХС. Этот пост он сохранял до оккупации Белграда гитлеровцами в апреле 1941 г.

В мае 1924 г. информация о приезде Махина вместе с генералом В.И. Сидориным прошла по сводке донесений венской резидентуры ИНО ОГПУ: «Генерал Сидорин и полк[овник] Махин, бывшие здесь, не выдавали себя за агентов Советской России, а официально числились представителями эсеровской партии. Всюду говорилось, что они прибыли для переговоров с пр[авительст]вом СХС от лица партии, которая явится законной наследницей советского

⁵⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5789. Оп. 1. Д. 36. Л. 7–9.

⁵⁰² Арсеньев А.Б. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 73. Штаб-квартира Земгора располагалась в Белграде на улице Теразини, 7. Другой адрес Земгора на 1930 г. находился на улице Белградской, 35. На 1931 г. известен еще один адрес – улица Гартвигова, 35.

⁵⁰³ Очерк деятельности Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике («Земгор»). 17 марта 1921 года – 1 января 1925 года. Прага, 1925. С. 12.

правительства. По прибытии сюда они вели подготовительную работу к предполагаемому открытию курсов шоферов и сельскохозяйственников.

Здесь, чтобы сразу подорвать положение Сидорина и прибывших с ним, распустили слух, что Сидорин приехал из Москвы и только “прикрывается Прагой”, тем не менее многие из казаков пошли к Сидорину»⁵⁰⁴. Насколько можно судить по противоречивым и не всегда достоверным письмам генерала Е.К. Миллера, блокировка Сидорина с эсером Махиным была воспринята руководством военной эмиграции как неожиданность⁵⁰⁵.

При этом Махин не порывал связей с Прагой. Еще в феврале 1924 г. он продал некоторые документы Русскому заграничному историческому архиву в Праге⁵⁰⁶. Часть материалов была сдана на хранение. Среди них были семь папок переписки политического характера, которые надлежало хранить в сейфе с обязательством не допускать к этим документам в течение десяти лет никого, кроме особо уполномоченных самим Махиным. В 1927 г. Махин эти материалы забрал⁵⁰⁷.

Заведующий архивом в мае 1924 г. обратился к Махину с просьбой оказать содействие работе архива в КСХС⁵⁰⁸. На такую помощь Махин согласился, стал представителем архива и начал помогать со сбором материалов⁵⁰⁹. В частности, Махин предложил архиву документы своего товарища полковника В.М. Пронина⁵¹⁰. По всей видимости, Махин оставался представителем архива вплоть до 1927 г. Дружественным по отношению к Махину изданием являлся издававшийся в Праге эсерами в 1922–1932 гг. журнал политики и культуры «Воля России» (издатель Е.Е. Лазарев, редакция: В.М. Зензинов, В.И. Лебедев, О.С. Минор, М.Л. Слоним, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин). По некоторым данным, Махин сотрудничал с этим журналом, однако статей, подписанных его фамилией, там обнаружить не удалось.

⁵⁰⁴ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. М., 2007. Т. 4: У истоков «Русского общевоинского союза». 1924 г. С. 98–99.

⁵⁰⁵ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. М., 2010. Т. 5: Раскол. 1924–1925 гг. С. 223.

⁵⁰⁶ АСБ. Т-RZIA. 06-1061-1; РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁵⁰⁷ АСБ. Т-RZIA. 06-1061-24.

⁵⁰⁸ АСБ. Т-RZIA. 06-1061-3.

⁵⁰⁹ АСБ. Т-RZIA. 06-1061-4-22.

⁵¹⁰ АСБ. Т-RZIA. 06-1061-6.

В том же 1924 г. Махин участвовал в учредительном совещании в Праге по вопросу создания военно-общественной группы «Армия и народ» – эсеровской военной организации. Сведения о таком собрании в июне 1924 г. поступили в Москву из парижской резидентуры ИНО ОГПУ⁵¹¹. Председателем организации был избран генерал С.А. Щепихин, а Махина выбрали членом правления. По мнению генерала Е.К. Миллера, Махин был «главной действующей пружиной» новой организации и в этой связи ездил на Балканы⁵¹².

Сотрудники белградского Земгора вели большую социальную работу в эмигрантской среде, осуществляли материальную и моральную помощь эмигрантам, содействовали получению ими профессионального образования, помогали составлять ходатайства в различные учреждения КСХС⁵¹³. При белградском Земгоре Махин создал бюро труда, курсы переквалификации, русскую студию искусств⁵¹⁴, театральную студию⁵¹⁵, обширную русскую библиотеку (по разным данным, от 12 до 25 и более тысяч томов), получавшую среди прочего многие советские издания, в том числе центральные газеты и журналы⁵¹⁶, ряд мастерских и школ (фотографическая, малярная, переплетная, швейная, шляпочная), научный институт по изучению России и Югославии при Земгоре (возглавлял институт с 1927 г.). Кроме того, Земгор открывал библиотеки в других городах – в Нови-Саде, Суботице, Белой Церкви, Крагуеваце, Битоле⁵¹⁷. Земгор соперничал с правыми организациями в борьбе за влияние в эмигрантской среде и играл важную роль в жизни русской эмиграции, оказывая помощь русским беженцам по самому широкому спектру вопросов, в том числе в трудоустройстве⁵¹⁸. Махин и его сотрудники финансировали детские дома, школы, библиотеки, организовывали переквалификацию эмигрантов⁵¹⁹. Деятельность Земгора оказывала

⁵¹¹ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Т. 5. С. 217.

⁵¹² Там же. С. 219.

⁵¹³ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 661–663.

⁵¹⁴ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах... С. 304.

⁵¹⁵ Белоэмиграција у Југославији 1918–1941. Београд, 2006. Т. 1. С. 288.

⁵¹⁶ Сухомлин В. Гитлеровцы в Париже // Новый мир (Москва). 1965. № 11. С. 152; Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 29.

⁵¹⁷ Ђурић О. Руска литерарна Србија. 1920–1941: Писци, кружоци и издања. Београд, 1990. С. 34.

⁵¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.

⁵¹⁹ Арсеньев А.Б. У излучини Дунаја... С. 74.

влияние на эмигрантскую молодежь, в особенности на студентов. Курсами Земгора пользовались и сербы. При белградском Земгоре Махин в 1927 г. создал «Союз увечных и престарелых воинов», в который входили в основном лица, исключенные из официальной белогвардейской организации «Союз русских военных инвалидов», а также лица, не признанные военными инвалидами⁵²⁰. До 1 мая 1928 г. белградский Земгор был отделением пражского, но затем получил самостоятельный статус.

Как отмечалось в юбилейной статье о деятельности Земгора в Чехословакии, «деятельность белградского представительства идет по тем же основным линиям, по которым шла за истекшие 5 лет деятельность всего Земгора: трудовая помощь, медицинская, юридическая, библиотека, читальня, народный университет, курсы профессиональные – вот те главные функции, которые, учитывая опыт пражского Земгора, успешно выполняет белградское представительство.

В то время как основная работа попечения о беженцах пражского Земгора идет на убыль, деятельность белградского представительства, нашедшего широкую беженскую базу, идет в гору, ширится, растет.

В настоящее время белградское представительство Земгора занимает большой особняк на одной из главных улиц Белграда. Здесь сосредоточены все учреждения и отделы Земгора, вокруг которых происходит непрерывное массовое движение беженства. Можно без преувеличения сказать, что белградское отделение Земгора, имеющее свои филиалы и в провинции, является подлинным моральным и культурным центром русского беженства в Югославии»⁵²¹.

Махин занимался разъяснительной работой, осведомляя сербскую общественность о задачах Земгора⁵²². Кроме того, он вел переписку с различными деятелями русской эмиграции. На протяжении многих лет Махин переписывался с дипломатом К.Н. Гулькевичем, работавшим при Нансеновском комитете Лиги Наций по вопросам помощи русским беженцам⁵²³. По-видимому, их сотрудничество касалось социальной поддержки эмигрантов.

20 ноября 1924 г., в одном из своих первых официальных писем сербским властям по новой должности, Махин отметил: «Еще не созданы условия для демократизации масс беженцев.

⁵²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 121. Л. 60.

⁵²¹ Россель А. К пятилетию пражского Земгора. С. 169–170.

⁵²² См., например: Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 661–663.

⁵²³ ГА РФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 85.

Официальные представители русской эмиграции, фактически, являются злейшими врагами всякого демократизма ... Деятельность этих русских политиков была преисполнена невиданной злобы, нетерпимости и жажды мести. Как будто в Королевство С.Х.С. пересадили часть дореволюционной самодержавной России, которая, откровенно говоря, весьма схожа с Россией большевистской. Официальные российские представители считают либерализм и демократизм самым тяжким преступлением и путают их с большевизмом, который сами они и породили»⁵²⁴.

Махин горячо протестовал против узурпации власти большевиками и установления однопартийной диктатуры в России: «К сожалению, русская революция перешла границы исторически необходимого: ее судьба оказалась в руках политической партии, которая интересы России и русского народа поставила на последнее место, а на первое – задачу разжечь пожар мировой революции при помощи революции русской. России в этом пожаре отводилась роль фитиля, который, позволив распалить огонь, сам обратился бы в пепел. Большевистские вожди хорошо знали, что ожидает Россию после их экспериментов, но их это нисколько не заботило»⁵²⁵.

В этом документе были выражены взгляды Махина по самым разным вопросам, в том числе его представления об истории России и путях развития страны. Он, как и прежде, выступал за демократический путь развития страны, не приемля ни белых, ни большевиков. В КСХС Махин выдвинул идею сближения русских беженцев с местной интеллигенцией. Себя и свою организацию он фактически позиционировал как противовес правой эмиграции. По-видимому, власти КСХС также пришли к выводу, что необходимо что-то противопоставить слишком влиятельным в стране правым кругам эмиграции. Тем более что Махин предлагал социальные программы, которые бы способствовали интеграции русских в общество КСХС.

Русская военная эмиграция поспешила отмежеваться от Махина. Районное правление Общества русских офицеров Генерального штаба в КСХС еще в апреле 1924 г. обсуждало вопрос о необходимости уведомить общественность, что Махин и генерал В.И. Сидорин,

⁵²⁴ АЮ. Ф. 335. Д. 20. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина. Также см. цитату и перевод в кн.: *Йованович М. Русская эмиграция на Балканах ...* С. 52–53.

⁵²⁵ АЮ. Ф. 335. Д. 20. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина. Также см. цитату и перевод в кн.: *Йованович М. Русская эмиграция на Балканах ...* С. 75.

приехавшие в Белград, в организации не состоят⁵²⁶. Этот вопрос для генштабистов-эмигрантов, видимо, казался настолько значимым, что к нему в отношении Махина вернулись еще и летом того же года, отмежевавшись от революционно настроенного товарища по академии 31 июля⁵²⁷. После этого в редакцию белградской газеты «Новое время» 16 августа 1924 г. поступило следующее письмо: «М[илоственный] г[осударь] г-н редактор. Не откажите поместить в Вашей газете ниже следующее разъяснение Районного правления Общества офицеров Генерального штаба в Королевстве С.Х.С.: Ввиду поступающих в Районное правление запросов, – как оно относится к деятельности в Королевстве С.Х.С. Генерального штаба полковника Махина, Правление сообщает: 1) Что полковник Махин членом Общества офицеров Генерального штаба в Королевстве С.Х.С. не состоит и 2) Что ни в какой связи с Районным правлением он не находится и деятельность его ничего общего с деятельностью Районного правления не имеет. Председатель Районного правления генерал от кавалерии [А.М.] Драгомиров»⁵²⁸.

Неудивительно, что в одной из эмигрантских статей отмечалось, что всю работу Федору Евдокимовичу и его сотрудникам приходилось вести «в обстановке самой чудовищной травли – против него и Земгора – “русских” кругов, организовавшихся вокруг бывшего российского посланника [В.Н.] Штрандмана, генерала [И.Г.] Барбовича, [А.Г.] Шкуро и прочих “вождей”, предательски пользовавшихся братской поддержкой югославы в качестве русских»⁵²⁹.

Разумеется, Махин был далеко не прост. Под прикрытием различных культурных и социальных проектов Земгор вел определенную политическую деятельность. Недоброжелатель Махина и секретарь Земгора М.В. Агапов утверждал, что Махин был доверенным лицом премьер-министра КСХС Николы Пашича и занимался «вербовкой разных авантюристов и мошенников»⁵³⁰. Якобы Махин поддерживал албанского политка А. Зогу, ставшего в результате государственного переворота 1924 г. сначала президентом Албании, а затем и ее королем.

⁵²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

⁵²⁷ Там же. Л. 7.

⁵²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 118.

⁵²⁹ Н.Р. Ф.Е. Махин в рядах четнической армии. С. 2.

⁵³⁰ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 679. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Сиакина.

Агапов намекал, что ради этого Махин ездил в Черногорию: «Мне неожиданно вспомнилось, что Махин действительно ездил в Черногорию. Этой поездке предшествовали частые встречи с его другом Андро П. Поповичем (известен как редактор “Военного альбома”), в ходе которых упоминались Ахмед Зогу, Албания, Италия и ее экспансия в Албании.

Не помню точно, когда Махин ездил в Черногорию, но это в любом случае было в 1925 г. Для всех сотрудников Земгора его поездка прошла под покровом секретности. И мне он поначалу говорил, что собирается в... Париж. Чуть позже с некоторой неохотой признался, что не может поехать в Париж, а придется на несколько дней отправиться в Черногорию, но для чего – говорить не хотел. Таким образом, я до сих пор не знаю, куда он ездил и чем занимался. По возвращении он ничего не рассказывал...

Однако вот что навело меня на мысль, что Махин действительно хотел оказать услугу Н. Пашичу, рассчитывая, что старый “Байя”⁵³¹ в долгу не останется. А именно Ф. Махин, по крайней мере, два раза имел аудиенцию у Н. Пашича. В первый раз он горячо убеждал меня идти с ним. Во второй раз категорически заявил, что пойдет один. Перед этим он долго разговаривал с Андро Поповичем. И мне бросилось в глаза, что Махин не хотел, чтобы кто-нибудь присутствовал при этом разговоре. Поэтому мне пришлось извиняться перед некоторыми важными персонами, объясняя, что он не сможет принять их»⁵³². Возможно, эти свидетельства не беспочвенны. Махин действительно вел определенную работу в интересах сербских властей, в том числе занимался сбором различной информации и взаимодействием с прессой.

Одним из направлений политической работы Махина было укрепление болгаро-югославских отношений. Эта деятельность не ускользнула от пристального внимания ИНО ОГПУ, продолжавшего отслеживать активность Махина. Парижская резидентура ИНО ОГПУ сообщала 30 мая 1925 г., что Махин в Белграде развернул активную деятельность: «Начав с открытия в Белграде гуманитарных учреждений в виде библиотек-читален и пр., успел создать сербско-эсеровскую партию из сербской молодежи, войти в тесную связь с Земледельческой партией

⁵³¹ От серб. баја – тятя, тятюшка. Народное прозвище Н. Пашича (*примеч. переводчика*).

⁵³² Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 679–680. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

Лазича и связаться с Болгарской земледельческой партией. Болгарские земледельцы и коммунисты, нашедшие приют в Сербии как противники Цанкова, связаны с Москвой и поддерживают тесный контакт с Махиным. Знарок балканской политики эсер Лебедев приезжал из Праги давать Махину инструкции. В помещении “Земгора” постоянно вывешены прокламации против Цанкова и выдержки из болгарских зем[ледельческих] газет»⁵³³.

Сотрудник Махина и его враг М.В. Агапов впоследствии свидетельствовал о болгарском направлении деятельности главы Земгора: «Еще одна афера иллюстрирует умение и готовность Махина ввязываться в то, что не имело отношения к целям и задачам Земгора.

Однажды захожу я в кабинет Махина (дату не помню, но ее можно установить по болгарским газетам), чтобы поговорить с ним о текущих делах. Однако он сразу перебил меня, протянув кипу газет. “Вот вам софийские газеты... Дед, прочитайте, что о нас пишут”, – произнес он с загадочной улыбкой.

Быстро пролистываю “Камбану”, “Зору” и некоторые другие софийские издания. И прихожу в замешательство... Черным по белому написано, будто бывшие царские полковники Махин и Агапов (я никогда не служил в царской армии ни полковником, ни в любом другом качестве!), по предложению сторонников А. Стамболийского в изгнании, разработали детальный план вторжения в Болгарию крупного военизированного формирования, на сторону которого сразу перешли бы крестьяне, проживавшие в каких-то приграничных районах. В формирование вступили бы добровольцы из числа беженцев – не только болгарских, но и главным образом русских, особенно казаки. План предусматривал стремительное занятие Софии и т.д.

“Что скажете на это?” – спрашивает Махин. Отвечаю: “Что сказать, если я ничего об этом не знаю. Одно могу предположить, что подготовка осуществлялась без должных предосторожностей. Не принималось в расчет, что среди беженцев всегда найдется человек, который обо всем донесет в болгарское посольство. Однако не важно, что я могу сказать. Вы, наверное, больше знаете и, по-видимому, ясно представляете, какие последствия могут иметь подобные материалы в софийских газетах?”

---

⁵³³ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. М., 2013. Т. 6: Схватка. 1925–1927 гг. С. 390.

Махин признался, что действительно работал над планом, что Александр Обов, Неделько Атанасов, Коста Тодоров и другие попросили его привлечь к этому делу казаков. А все предприятие провалилось, потому что король Александр, осведомленный о плане и намерениях болгарской эмиграции, колебался, давать или не давать свое согласие (неформальное). Александр отправился на десять дней в Румынию, пообещав дать окончательный ответ по возвращении, а в это время нашелся предатель. Публикации в софийских газетах похоронили все дело. Не оставалось ничего другого, как опровергать сообщения о планировавшемся перевороте. Досада, что все так вышло! Имелась возможность сформировать кулак в 10 000 человек, умеющих воевать (главным образом из числа казаков. Болгар-эмигрантов не набралось бы и трети).

Как и в случае с Ахмедом Зогу, Махину «не повезло». Напрасно корпел над картами, разрабатывал во всех деталях план, проводил бесчисленные встречи с А. Обовым, К. Тодоровым и др. Все это делалось не просто с благословения В.И. Лебедева, но и, разумеется, по его подстрекательству. Такое впечатление у меня сложилось после разговоров с вождями болгарской эмиграции. Как бы то ни было, следует отметить одно: Махин и Лебедев с помощью Земгора занимались чем угодно, что не имело ничего общего с целями и задачами Земгора, о чем понятия не имели руководители Земгора в Праге и на что они, разумеется, не дали бы своего согласия»⁵³⁴.

Махин и его окружение контактировали не только с коммунистами, но и с лидерами белой военной эмиграции. По данным лондонской резидентуры ОГПУ, генерал П.Н. Врангель пошел на переговоры с эсерами, имевшими военную секцию во главе с Махиным в Сербии⁵³⁵. Контакты Врангеля с эсерами и Махиным вызывали вопросы со стороны ветеранов Белого движения. В частности, соратник Врангеля генерал П.Н. Шатилов на собрании, проходившем на одном из заводов Лиона, был вынужден отвечать на вопрос эмигрантов по этому поводу. Агент ИНО ОГПУ сообщал, что «после долгого раздумья ген[ерал] Шатилов заметил, что, во-первых, полк[овник] Махин давно исключен из Ген[ерального] штаба, во-вторых, у эсеров и денег нет. Насколько удаление полк[овника] Махина из Генерального штаба мешает иметь

⁵³⁴ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 680–681. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

⁵³⁵ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Т. 6. С. 33.

с ним сношения, достаточно ясно. Что же касается эсеров, то, к сожалению, они обладают весьма значительными средствами»⁵³⁶.

Несмотря на неприязнь к Махину, его сотрудник М.В. Агапов дал логичное объяснение широте контактов Махина. По мнению Агапова, «Ф. Махин и В. Лебедев не могли реализовать свои планы за относительно непродолжительное время. Потому что не все зависело от одного их желания, настойчивости и ловкости. Работать приходилось терпеливо, упорно и, так сказать, поэтапно – постепенно устраняя препятствия и подготавливая почву. Трудностей хватало, но Ф. Махин не зря был офицером царского Генерального штаба. Он знал, что многократная лобовая атака обречена на неудачу или принесет Пиррову победу. Поэтому к “цели” он предпочитал приближаться “тихой сапой” – постепенно и скрытно, чтобы никто не заметил. Это выражение Сталин употребил в своем выступлении 11 января 1933 г. В этом отношении Махин был непревзойденный мастер. Многократно ему удавалось чего-либо добиться, не принимая личного участия и не оставляя отпечатков, а прибегая к помощи третьих и четвертых лиц. Он понимал, как много значит искусство маскировки во время войны. Почему бы не применить это искусство в мирное время?

Дабы подготовить почву для достижения далеко идущих целей, оба мастера маскировки, камуфляжа и минирования старались обзавестись как можно более обширными связями. Разумеется, с влиятельными людьми, которые свое влияние снискали либо в силу своего положения, либо благодаря личному авторитету, заработанному тем или иным способом. В этом случае не имело никакого значения, кто были эти люди – единомышленники Махина и Лебедева (то есть социалисты), либералы, консерваторы или даже поклонники фашизма. В конце концов, это могли быть и особы с весьма сомнительной репутацией. Главное, чтобы они пользовались влиянием в “высочайших сферах”»⁵³⁷.

За свои услуги властям КСХС Махин получал определенные преференции. В частности, неожиданно для русских эмигрантов, в основном ветеранов Белого движения, МИД КСХС разослал в другие министерства циркуляр о том, что при приеме русских на службу рекомендовано требовать рекомендации представителя Земгора Махина⁵³⁸. Это дало

⁵³⁶ Там же. С. 371.

⁵³⁷ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 682–683. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

⁵³⁸ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 3. Л. 103.

Махину широчайшие полномочия в эмигрантской среде. Поскольку Махин из-за своих эсеровских взглядов был по существу изгоем в русской военной эмиграции, такое условие вызвало возмущение правых кругов эмиграции.

В августе 1925 г. на заседании Совета объединенных офицерских обществ в КСХС обсуждалась деятельность Махина. Было отмечено, что «многочисленные заявления русских офицеров и других воинских чинов свидетельствуют о том, что как Махин, так и возглавляемое им учреждение не пользуется доверием среди широких кругов русских офицеров, проживающих в Королевстве С.Х.С.»⁵³⁹. Было постановлено довести до сведения правительства, что:

«1. Г[осподин] Махин является представителем группы лиц, принадлежащих к партии социал-революционеров, один из главных руководителей которой г. Чернов во время Великой войны принял участие в преступном Циммервальдском съезде в Швейцарии, высказавшемся за необходимость п о р а ж е н и я в Великой войне России и ее союзников.

2. После отречения государя императора Николая II от русского престола партия социал-революционеров, во главе с г. Керенским, захватившим в свои руки государственную власть, привела Россию к большевизму.

3. В силу указанных причин, а также и того, что социал-революционеры и в настоящее время, продолжая свою прежнюю деятельность среди русской эмиграции, мешают ее работе на восстановление Родины, представляемое г. Махиным течение встречает среди громадного большинства русских офицеров и русских людей глубоко отрицательное отношение, и сам г. Махин, как человек, связанный партийно, не может быть беспристрастен к лицам несогласных с ним политических убеждений, а следовательно, не может быть признан лицом, компетентным для того, чтобы давать о русских беспристрастные отвечающие действительности сведения. Уважающие себя русские офицеры не станут обращаться к г. Махину с просьбами о рекомендации, считая для себя такое обращение унижительным ... »⁵⁴⁰

Совет объединенных офицерских обществ вошел через видного дипломата, монархиста, бывшего поверенного в делах Российской империи в Белграде В.Н. Штрандтмана с представлением к правительству

⁵³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 23. Л. 197.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 197–197об.

КСХС об отмене циркуляра, а членов РОВС в начале сентября 1925 г. предостерег от обращения за рекомендациями к Махину⁵⁴¹.

Совет Русского комитета в Белграде также вынес постановление против подобной практики: «1) “Земгор” представляет из себя политическую организацию, явно враждебную массе русской эмиграции, 2) для заведывания делами русских беженцев имеется в королевстве признанная правительством Делегация во главе с быв[шим] российским посланником В.Н. Штрандтманом и 3) полковник Махин, получив полномочия на выдачу удостоверений о благонадежности беженцам, подавляющая масса которых ему совершенно неизвестна ни в моральном, ни в деловом отношении, так как она избегает с ним общения, использует эти полномочия, вероятно, исключительно в целях политической пропаганды»⁵⁴². В итоге циркуляр МИД КСХС был отменен.

Правые круги заметно беспокоила деятельность Махина. Представители белой эмиграции, связанные с В.Н. Штрандтманом, собирали на Махина компрометирующие материалы⁵⁴³. Подобная реакция неслучайна. В одном из писем в конце 1924 г. прямо говорилось, что «можно было бы только смеяться... если бы от всех действий Махина не было бы угрозы вообще всему русскому делу... в эту минуту разглаговольствование Махина... наиболее на руку лицам, враждебным русским»⁵⁴⁴. В.Н. Штрандтман, возглавлявший Делегацию по защите интересов русских беженцев, был ярким противником Махина и вел против него целую кампанию. Махин был даже арестован белградской полицией, но через два дня в результате вмешательства сербского МИДа отпущен⁵⁴⁵. По некоторым данным, арест был осуществлен с целью вынудить Махина не выступать против правого крыла эмиграции.

Парижская газета «Возрождение» резко реагировала на акции белградского Земгора. В частности, болезненную реакцию вызвало участие Земгора в торжествах по случаю девятой годовщины объединения сербов, хорватов и словенцев, отмечавшейся 1 декабря 1927 г. По-видимому, обеспокоенность правых вызывали пропаганда Махиным идеи славянского единства, деловые контакты в югославской элите,

⁵⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 3. Л. 103; Д. 14. Л. 32.

⁵⁴² «Земгор» в Белграде // Возрождение (Париж). 1925. 01.09. № 91. С. 3.

⁵⁴³ ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 24. Л. 84–84об.

⁵⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Д. 10. Л. 40–41.

⁵⁴⁵ Белоэмиграција у Југославији 1918–1941. Т. 2. С. 180.

выражение почтения царствующей династии, связи с патриотической организацией «Народная оборона», а следовательно, частичный перехват правой политической повестки⁵⁴⁶.

Не зная, что противопоставить Земгору, чтобы ослабить его влияние, недоброжелатели Махина пошли на прямую провокацию. В марте–апреле 1927 г. в русской эмигрантской печати (газеты «Последние новости» (Париж), «Руль» (Берлин), «Россия» (Белград) и др.) было распространено фальшивое письмо В.И. Лебедева и Махина, в котором сербским властям предлагалось закрыть все эмигрантские политические организации, кроме самого Земгора.

В документе отмечалось: «Политическая работа всеми организациями ведется параллельно с культурно-просветительной. Надо признать бесцельность размножения “культурных начинаний”, разные гимназии, библиотеки и проч.

Удешевление этой работы можно произвести путем концентрации. Получится тогда внутренняя спайка эмиграции на культурной почве, надо уничтожить вражду, разжигаемую искусственно главарями политических организаций. Должно совсем оставить политику и вести только культурно-просветительную работу. Это единственно может найти признание и благодарность русского народа в будущем. Бесцельно поддерживать учреждения, имеющие политическую окраску. Они не привлекают симпатий русского народа...

Требуется уничтожение Всерос[сийского] зем[ского] союза, Всерос[сийского] союза городов, “Крестьянской России”, Союза русских писателей и журналистов (свести на узкопрофессиональную работу) и других организаций. Идет и сам по себе процесс вырождения: Сельскохозяйственный казачий союз, партия к[онституционных] д[емократов], Студенческий союз, Союз офицеров, Союз галлиполийцев и все прочие союзы, вплоть до Изучения Черноморского “побережья”, чахнут и умирают... Даже авторитетный союз инженеров, объединяющий 500 человек, занимающих влиятельные посты в государственном аппарате С.Х.С., утратил свой *raison d'être*⁵⁴⁷. Необходимо ускорить этот процесс на благо русских и в интересах С.Х.С. Единственно подходящая, внепартийная и чисто культурно-просветительная организация –

⁵⁴⁶ *Беспартийный*. Письмо из Белграда // Возрождение (Париж). 1927. 17.12. № 928. С. 2.

⁵⁴⁷ Смысл существования (*фр.*).

это “Земгор”, далекий от политических интриг и пользующийся широкой популярностью теперь и в русских, и в сербских кругах»⁵⁴⁸.

Целью устроителей провокации были дискредитация Земгора и объединение других эмигрантских организаций против него. Махин в связи с этим сделал специальное заявление, в котором отметил: «Представительство (Земгора. – А.Г.) оказывало материальную и моральную помощь, давало профессиональное образование и помогало ходатайствовать в различных правительственных учреждениях Королевства С.Х.С. русским, решительно всяких партий... Как широкому югославянскому общественному мнению, так [и] общественным и правительственным учреждениям хорошо известна эта деятельность представительства. Им хорошо известно также и то обстоятельство, что представительство никакими интригами ни против кого не занимается, ведя исключительно положительную работу по оказанию посильной помощи беженцам. Поэтому клеветнические пасквилы, разоблачая сущность пасквильянтов, ничего кроме брезгливости у этой категории читателей вызвать не могут»⁵⁴⁹. Земгор обратился ко всем опубликовавшим письмо редакциям с требованием напечатать опровержение, однако никакого ответа не получил. Три года понадобились, чтобы найти доказательства подделки.

В одной из статей пражского журнала «Воля России» отмечалось, что «Особое место в борьбе против пражского Земгора занимает Белград, где идет ожесточенная и глухая травля представительства Земгора в Югославии в целом и, главное, представительства Ф.Е. Махина в частности»⁵⁵⁰. Основными борцами против Земгора выступали лидер политической группы «Крестьянская Россия» С.С. Маслов, его соратник А.А. Аргунов и председатель правления Союза писателей и журналистов А.И. Ксюнин. Состоявшая в пражском Земгоре Е.Д. Кускова даже сообщила, что вынуждена прекратить сотрудничество с газетой «Последние новости», не разделяя ее методы полемики с белградским представительством Земгора⁵⁵¹.

Несмотря на провокации, Земгор продолжал оставаться на плаву и, судя по всему, был достаточно богатой общественной организацией.

⁵⁴⁸ Письмо в редакцию // Воля России (Прага). 1931. № 1–2. С. 207–208.

⁵⁴⁹ Там же. С. 204.

⁵⁵⁰ Аратов Б. Пражский «Земгор» и его оппозиция // Воля России (Прага). 1927. № 4. С. 160.

⁵⁵¹ Там же. С. 162.

Представители Земгора сумели установить контакты с сербскими политическими кругами и заручиться их поддержкой⁵⁵². О контактах Махина в истеблишменте КСХС сохранилось немного данных. Однако иногда в переписке такие сведения удается обнаружить. Например, Махин упомянул об этом в письме в Прагу своему другу И.М. Брушвиту. Этот документ относится, видимо, к 1926 г., и речь шла о необходимости устроить прием значимому для Махина хорватскому политику. Махин просил Брушвита: «Будь добр, покажи господину Джамоня наши учреждения. Это наш друг и особенный почитатель бабушки⁵⁵³. Для нас очень важно, чтобы ты принял его по-дружески. Здесь он очень видное лицо в одной из значительных организаций “Народная оборона”, которая составлена из прежних борцов за объединение южных славян. Он – хорват, друг [В.Я.] Клофача, был член народно-соц[иалистической] партии и депутат в австрийском парламенте; говорит превосходно по-чешски.

Очень и очень прошу отнестись к нему по-дружески»⁵⁵⁴.

Эти контакты, как и возобновление прежних связей с сербами, установившихся еще в Первую мировую войну, принесли свои плоды. Прежде всего, это касалось благоприятного режима работы Земгора. К примеру, в КСХС коммунисты подвергались преследованиям, тогда как организация Махина могла фактически свободно получать советскую литературу для своей библиотеки.

Однако связи помогали и лично Махину. В частности, за организацию снабжения 1-й Сербской добровольческой дивизии в Одессе в период Первой мировой войны он был награжден сербским орденом Белого орла 3-й степени с мечами⁵⁵⁵. Содействовал награждению полковник инженер А. Попович – друг генерала С. Хаджича⁵⁵⁶. Попович был другом Махина – они познакомились еще в Первую мировую войну. По словам М.В. Агапова, «Андра был на дружеской ноге с многолетним военным министром генералом С. Хаджичем, а также с некоторыми представителями двора. Действительно, Андра Попович помог Махину быстро сориентироваться, представив его многочисленным придворным, военным, литераторам, журналистам, политикам и ди-

⁵⁵² *Маевский В.А.* Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 112–113.

⁵⁵³ Речь идет о «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской.

⁵⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-5789. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.

⁵⁵⁵ Белоэмиграција у Југославији 1918–1941. Т. 2. С. 188.

⁵⁵⁶ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 683.

пломатам. Этих людей, представлявших разные общественные круги, объединяло одно. Все они, сами того не зная, служили невольными, но очень важными и необходимыми помощниками Махина в реализации его планов»⁵⁵⁷.

О том, что Попович был личным другом Махина, свидетельствовало письмо последнего «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской от 2 января 1928 г. Махин, в частности, писал: «Вас хотел повидать здешний наш друг Андра Попович, с которым я служил еще вместе во время войны на Румынском фронте. Он очень большой мой личный друг. После войны он бросил военную службу и занялся изданием альбома войны»⁵⁵⁸. Альбом он подносит Масарику и Бенешу»⁵⁵⁹. В тот же день Махин написал письмо и другому своему другу И.М. Брушвиту: «Наш друг Андра Попович, тебе уже известный, едет в Прагу для того, чтобы поднести Президенту и Бенешу свой альбом. Помогите ему своим советом и связями в том отношении, чтобы об этом напечатали в газетах – наверно можно сделать в “Чешском слове”. Кроме того, помогите ему связаться с легионерами и соколами, чтобы он мог пошире распространить свой альбом. Нужно было бы, чтобы он повидал и генер[ала] Чечека, [Й.] Патеядла и друг[их]»⁵⁶⁰.

Сотрудник Махина и его недоброжелатель М.В. Агапов вспоминал о награждении Махина: «Вообще, б[ывшие] офицеры Генерального штаба представляли собой сплоченную группу, которой было присуще чувство солидарности и общности интересов. Однако, судя по всему, Махину многие завидовали и с давних пор относились к нему холодно. Это особенно стало бросаться в глаза, когда Махин получил орден Белого орла III степени с мечами. Как известно, он вручался за военные заслуги. На Румынском фронте Махин служил начальником какого-то отделения связи (телефон, телеграф и т.п.).

Его недоброжелатели спрашивали: о каких заслугах идет речь? Считалось, что Махину помогли “связи”. Так оно и было. На Румынском фронте он познакомился с ген[ералом] Стеваном Хаджичем, подружился с инж[енером] подполковником Андрой П. Поповичем (впоследствии известен как редактор “Военного альбома” и один из

⁵⁵⁷ Там же. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

⁵⁵⁸ Речь идет об издании: *Поповић А.* Ратни албум 1914–1918. Београд, 1926.

⁵⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 477. Л. 2.

⁵⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-5789. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

активных “борбашей”⁵⁶¹ Св[етислава] Ходжеры⁵⁶²). Андра Попович и после войны поддерживал близкие отношения с ген[ералом] Хаджичем. Оба они оказывали друг другу большие услуги. И вот, однажды А. Поповичу пришла в голову мысль вернуть должок своему товарищу... орденом! Я отговаривал Махина, подчеркивая, что не пристало социалисту принимать орден у королевского правительства, а тем более просить об этом. Обращал внимание, что этот орден может дискредитировать его в глазах прогрессивных сербских и русских кругов. Махин на это ответил, что подобные упреки были бы справедливы, если бы ему вручался орден Св. Саввы (в МИДе предлагали и такой вариант). А в связи с вручением боевой награды, присуждаемой за заслуги на поле боя, никто не вправе упрекать его, даже социалисты. Более того, получив Белого орла, Махин приказал на самом видном месте в Земгоре повесить плакат, на котором жирным шрифтом и каллиграфическим почерком сообщалось *urbi et orbi*⁵⁶³ о вручении ему награды за военные заслуги.

Мне кажется, что я не ошибся, предположив, что орден послужит поводом для еще более ожесточенных нападок на Махина. Однако ему “высочайшее признание” “военных заслуг” доставляло подлинное наслаждение.

Это обстоятельство, помимо прочего, убедило меня в том, что Махин в душе остался типичным офицером Генерального штаба царской России, для которого нет ничего важнее собственной карьеры и удовлетворения непомерных амбиций. Неприязнь со стороны товарищей в большинстве случаев объяснялась завистью, которую вызывал у них более ловкий и удачливый коллега-конкурент. Только такие, как ген[ерал] Стеллецкий, которому война и революция на многое открыли глаза, руководствовались не столько завистью, сколько неприятием оппортунизма.

Во всяком случае, не вызывает сомнения тот факт, что все, кто знал Махина еще в России, не верили в его принципиальность и искреннюю преданность социализму. Для них он оставался оппортунистом, которому, прежде всего, сопутствовала удача и которому при этом нельзя было отказать в находчивости. Все они также предвидели и предска-

⁵⁶¹ Борцы (от *серб.* борба – борьба).

⁵⁶² Ходжера Светислав (12.11.1888–?) – югославский политический деятель ультраправого толка, югославянский националист.

⁵⁶³ Городу и миру (*лат.*).

зывали, что Махин, в конце концов, обманет партию эсеров и снова предложит свои услуги Советам»⁵⁶⁴.

Думается, попытка Агапова приписать Махину оппортунизм не вполне убедительна. Насколько можно судить, Федор Евдокимович не собирался бороться с властями КСХС, а, наоборот, искал сотрудничества в целях поддержки Земгора и ориентировавшихся на него эмигрантов. Если история с награждением и его последствиями достоверна, это свидетельствует в большей степени о прагматизме Махина, поскольку наличие сербского ордена существенно укрепляло его положение в КСХС. Зависть же правых кругов эмиграции в этой связи не вызывает удивления. Вместе с тем Махин обладал очевидной политической гибкостью.

По свидетельству Агапова, Махин не оставался в долгу перед помогавшим ему Поповичем, «беспрекословно выполняя его пожелания, насколько это позволял бюджет белградского представительства Земгора. Начнем с того, что представительство сразу по его формировании разместилось в принадлежавшей Поповичу квартире, за которую выплачивало более чем приличную по меркам того времени арендную плату (Теразии, особняк Экспортного банка). Припоминаю, что около 5000 динар было уплачено за использование мебели г[осподина] полковника. А она состояла из круглого столика и двух скамеечек, которые постоянно стояли в ванной и никак не использовались. Нет, действительно, Махина нельзя обвинить в неблагодарности. В отношении друзей и «нужных» людей он неизменно был внимателен и галантен (разумеется, за счет не своего кармана, а кассы Земгора)»⁵⁶⁵.

Другим важным контактом Махина был Мита Димитриевич. По свидетельству М.В. Агапова, «тот сам по своей инициативе пришел в Земгор и сразу выразил интерес и восхищение и самим Земгором как явлением, и тем, чем он занимался. Андра Попович визит г-на Миты и его заинтересованность истолковал по-другому. Г-н Мита – объяснял он Махину – доверенное лицо короля и выполняет его поручение разузнать о характере, сотрудниках и деятельности этого социального учреждения. А если дело обстоит именно так, – решил сразу Махин, – нужно непременно сблизиться с г-ном Митой, дабы его величество удостоверилось, что он, Махин, ничуть не страшен

⁵⁶⁴ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 671–672. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

⁵⁶⁵ Там же. С. 683–684. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

или опасен, хоть и представляет русских социалистов-революционеров. В общем, не удивительно, что король не возражал, чтобы от его имени Махина наградили орденом Белого орла III степени с мечами “за военные заслуги”.

Конечно, Махин хорошо знал, что люди думают и говорят о г-не Мите, однако это ему нисколько не мешало поддерживать с ним самые близкие отношения. Хотя в узком кругу он неоднократно высказывал недовольство в связи с участвовавшими визитами г-на Миты. И этому другу Махина удавалось поживиться за счет Земгора. Время от времени (правда, очень нехотя) Махин ссужал ему, разумеется, из кассы Земгора. При этом он не знал, как оформить выдачу средств, которая поэтому не фиксировалась в графе расходов. Вместо этого в кассу помещали расписку, на которой было начертано: “Наличные деньги” (!!!). Не знаю, была ли оплачена хоть одна из этих расписок.

Уверен, в душе Махин не слишком любил г-на Миту, однако показать этого не решался. Только иногда говорил мне с досадой и раздражением: “Опять этот Мита!” Разумеется, с самого начала и, можно сказать, до конца существования Земгора в Белграде г-н Мита играл важную роль в его судьбе. Достаточно сказать, что только благодаря г-ну Мите Пера Живкович⁵⁶⁶ не выполнил свое намерение (а говорят, что и приказ): Земгор ликвидировать, а Махина арестовать и судить (но не как политическую фигуру и не по политическим обвинениям).

По правде говоря, Станое А. Пеливанович – б[ывший] генеральный директор Министерства иностранных дел, впоследствии полномочный министр и посланник в прибалтийских странах, а затем – в Мадриде, а также неизменный кандидат на место посла в Москве – приписывал себе исключительную заслугу спасения Махина и Земгора от преследований со стороны Перы Живковича. Разумеется, версия, согласно которой Пеливанович по-своему заступился за Махина, выглядит правдоподобной. Однако неопровержимая истина состоит в том, что г-н Мита вмешался и передал Пера Живковичу поручительство, подписанное им самим, бывшим министром физического воспитания Мирко Комненовичем и офтальмологом д-ром Драгутином Костицем. Что в глазах П. Живковича имело большой вес – вмешательство С. Пеливановича или г-на Миты, – я не знаю. Однако известно одно: Махина

---

⁵⁶⁶ Живкович Петар (01.01.1879–03.02.1947) – сербский и югославский государственный и военный деятель, премьер-министр Королевства Югославия (1929–1932).

не арестовали. Четыре часа просидел он в кабинете г-на генерального директора в ожидании – возьмется ли действие его интервенция. А когда он вернулся, то был весь в поту – нелегко разговаривать с диктатором! Другими словами, непросто объяснить сапогу-солдафону, почему арест Махина не в интересах Министерства иностранных дел»⁵⁶⁷.

Ключевым из белградских знакомых Махина, по мнению М.В. Агапова, был директор политического отдела МИД КСХС С. Пеливанович, инициировавший издание журнала «Руски архив» («Русский архив»), о чем пойдет речь далее. По-видимому, эти свидетельства достоверны. По словам Агапова, «еще до знакомства с ним Махин пытался установить прочные отношения с кем-нибудь в Министерстве иностранных дел. Однако и Александр Цинцар-Маркович (впоследствии министр иностранных дел в правительстве Драгиши Цветковича), и Сакович (в то время – начальник балканского отдела), и Илия Юнич (сторонник Степана Радича, впоследствии – помощник главы МИД), хоть и держались любезно и предупредительно, ни в какое сравнение не шли с тем, кем для Махина был Пеливанович. Не следует заблуждаться, будто С. Пеливановича настолько очаровала личность Ф. Махина или его ослепило то, кем был и чем занимался В. Лебедев (правда, отчасти справедливо и это!). Прежде всего, главную роль играли личные интересы, подогретые неумными амбициями вообще-то совершенно заурядного человека.

С. Пеливанович хотел сделать большую карьеру, его сокровенным желанием было стать послом в Москве.

Махин с Лебедевым убедили С. Пеливановича, что ни один другой кандидат на эту должность (Мита Димитриевич, Ж. Балутджич, Шайкевич) не может считаться ему равней. Ст. Пеливанович разработал даже свою «концепцию», которая пригодилась бы ему как послу в Москве, а затем – как министру иностранных дел. Концепция эта сводилась к тому, что признание Югославией Советского Союза предоставило бы ей возможность освободиться от вассальной зависимости от Франции и Великобритании. А зависимость эта тем сильнее, чем больше Югославия подвергается непрекращающемуся давлению со стороны своих агрессивных соседей – муссолиниевской Италии и нацистской Германии (в последней нацистский дух породил Гитлера...). Играя на

---

⁵⁶⁷ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 684–685. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

противоречиях между этими великими державами и опираясь на ЧСР и Румынию, Югославия всегда может рассчитывать на что-то большее, не будучи ограниченной в своих действиях. А также не исключено, что можно было бы добиться эффективной помощи от Советского Союза. Подобные идеи неоднократно озвучивались в помещении Земгора. Однажды я имел возможность высказать свое мнение на этот счет в ходе собрания, на котором присутствовали С. Пеливанович, М. Дмитриевич, К. Качоровский⁵⁶⁸ (русский ученый) и др. Пеливанович не только с готовностью прислушивался к предложениям сотрудников Земгора, но и привлекал их к работе. Махин состоял при нем кем-то вроде консультанта по вопросам СССР, поэтому из министерства ему привозили советские газеты. Прочитав их, он делился с г-ном генеральным директором всем, что считал важным и значимым»⁵⁶⁹.

Полковник Е.Э. Месснер, скептически оценивавший начинания руководителей Земгора, вспоминал: «Был организован белградский Земгор... была отпущена ежемесячная субсидия (около 100 000 динар), была нанята квартира в центре города, организована библиотека. Но публика не пошла. Тогда организовали малярные, переплетные и всякие иные курсы с выдачей ссуд и подачек на обзаведение орудиями производства. Кое-кто пошел, но, получив знания и деньги, исчезал, не ставши социалистом. Роль Земгора была столь ничтожна, что Лебедев уехал... Махин продолжал руководить Земгором. Он, как говорили, установил сношения с советчиками, когда в Белград прибыло Торгпредство»⁵⁷⁰. Вряд ли подобную резкую оценку можно считать объективной и справедливой. Роль Земгора в поддержке эмигрантов, в особенности в 1920-е гг., когда многие еще не смогли устроиться в чужих странах, трудно переоценить.

Махин сотрудничал с МИД Югославии, осуществляя для него аналитическую работу и выполняя различные деликатные поручения. М.В. Агапов свидетельствовал, что «в пражском Земгоре не знали о посреднической роли Махина и Лебедева во взаимоотношениях Министерства иностранных дел и каких-то западных газет. Это свое посредничество Ф. Махин считал очень важной и деликатной задачей. В 1927–1928 гг. он часто говорил мне, что МИД должно дорожить его

⁵⁶⁸ В документе ошибочно – Качаровский.

⁵⁶⁹ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 685–686. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

⁵⁷⁰ Месснер Е.Э. Мои воспоминания // BAR. E.E. Messner collection. Box 4. Ч. 6. С. 230.

драгоценными услугами, и вот почему. Когда министерство из своих диспозиционных фондов выдавало субвенции западным газетам, это, несмотря на все попытки сохранить всё втайне, становилось достоянием общественности. Венгерские и итальянские газеты всегда публиковали точный список подкупленных изданий. Это, разумеется, было весьма неприятно. А некоторые газеты вели себя совершенно наглым образом: если выплата задерживалась или не соответствовала ожиданиям, они публиковали какую-нибудь враждебную статью сенсационного характера. Это приводило в бешенство мидовских функционеров, но что они могли сделать... Не оставалось ничего другого, как идти навстречу ненасытным редакторам продажных газет. Положение существенно изменилось, когда дотации стали выплачиваться через Лебедева и Махина. Ни одна венгерская газета, ни один венгерский или итальянский шпион не могли разузнать, кто и сколько получил... У Махина были основания хвастаться. Тут действовал не принцип “умение хранить тайну подкреплено честностью”, а закон коммерции “do ut des” (“я даю с тем, чтобы и ты дал”). И я не знаю, сколько и кому выплачивалось, потому что Махин никогда не озвучивал конкретные сведения. Знаю только, что вознаграждение ему от государства последовало в виде увеличения ежемесячных дотаций белградскому Земгору. Впоследствии, когда генерал П. Живкович захотел арестовать Махина (1929), генеральный директор Мин[истерства] иностр[анных] дел Станое А. Пеливанович с большим трудом уберег его от тюрьмы. Помимо прочего, в качестве аргумента защиты упоминалась и та драгоценная услуга, а именно успешный и осуществленный в полной секретности подкуп прогрессивной западной прессы.

Мне известно, через кого В. Лебедев и Ф. Махин начали “обрабатывать” западную прогрессивную печать, склоняя ее в пользу Югославии. Речь идет о редакторе известной парижской газеты “Quotidien” м-р⁵⁷¹ Лебруне или русском эмигранте Вас[илии] Сухомлине. Сомневаюсь, чтобы Левчин, то есть В. Сухомлин, получал за свои услуги денежное вознаграждение. Судя по всему, он делал это совершенно бесплатно, оказывая дружескую помощь мнимым партийным товарищам. Те со своей стороны знали, как из этой помощи извлечь максимальную выгоду. Благодаря В. Сухомлину, не только “Quotidien”, но и II Интернационал обходили стороной такие щекотливые вопросы, как, например, поло-

---

⁵⁷¹ Русское написание французского слова «monsieur» – господин.

жение национальных меньшинств в Югославии. Что касается других редакций, относившихся к Югославии безо всякого снисхождения, то ими тоже двигало отнюдь не бескорыстие. И в их случае “Regina resunia” (царица-деньги) сыграла решающую роль.

Таким образом, Лебедев и Махин продемонстрировали и доказали, что способны оказывать очень важные услуги. Но кому? Ненародному и даже антинародному режиму, который подталкивал Югославию к пропасти, будучи ослепленным шовинизмом, коррумпированностью и эгоизмом. Однако, что касалось Махина и Лебедева, им важнее всего было обеспечить себе красивую жизнь и максимальный доход (деньги не пахнут!)»⁵⁷². В другом месте Агапов написал: «Некоторые услуги Ф. Махин и В. Лебедев оказывали лично, скрывая это от служащих представительства. Как, например, в случае с подкупом западной прессы. Каждый год Министерство иностранных дел расходовало приличные суммы из диспозиционного фонда на взятки разным зарубежным газетам. Хотя делалось это при посредничестве доверенных лиц, итальянским и венгерским газетам удавалось раздобыть и опубликовать список газет, получавших дотации из югославского Министерства иностранных дел»⁵⁷³.

Неудивительно, что благосклонность югославских властей по отношению к Земгору обращала на себя внимание⁵⁷⁴. Полковник Е.Э. Месснер в этой связи писал, что «пресловутый Земгор... благодаря наглости Лебедева и Махина, изображал демократическое крыло русской эмиграции и в качестве такового получал крупные субсидии от чехословацкого и югославского правительств»⁵⁷⁵.

Испытывавший неприязнь к Махину и социалистам Месснер охарактеризовал первого следующим образом: «Этот рыжий, грубый, явно неискренний человек симпатий не привлекал к себе, и это было одной из причин, что “Земгор” оброс малым числом людей, а приросшие держались главным образом подачками всякого рода»⁵⁷⁶.

В другом месте Месснер отметил, что «полковник Махин, возглавлявший в Белграде организацию эсеров “Земгор”, совершенно не

⁵⁷² Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 681–682. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

⁵⁷³ Там же. С. 687. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

⁵⁷⁴ См., напр.: Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 584.

⁵⁷⁵ Месснер Е.Э. Мои воспоминания // VAR. Е.Е. Messner collection. Box 4. Ч. 6. С. 117.

⁵⁷⁶ Там же. С. 236.

походил на офицера Генерального штаба: воспринятая им партийная идеология как бы подавила в нем офицерскую прямоту. Но надо признать, что и обстоятельства побуждали его идти непрямыми путями: старый эсер и бывший министр Лебедев вместе с Махиным были брошены [Э.] Бенешем в среду антисоциалистическую, ненавидевшую все, что было связано с революцией и Временным правительством. И в этой среде, в “реакционном” Белграде им, а в особенности Махину, работавшему там безвыездно, в то время как его шеф, Лебедев, бывал лишь наездами, приходилось приобретать если не сторонников, то публику и делать пред деньги-дателями вид, что “Земгор” стал одним из центров общественной жизни русской Югославии. Защищенный правительством от резких против него выступлений, он и сам не выступал обычно против кого-либо. Было ли таково указание ему от правительства Югославии или же его личная корректность диктовала ему такое поведение, не знаю. Мы в нем, как и в Лебедеве, подозревали людей, готовых на компромисс с советской властью ради возможности приобщиться к властвованию. Не знаю конечной судьбы Лебедева, но Махин себя выявил: пошел на службу к Тито, когда тот был переведен с английского иждивения на советское; оправдалось наше предчувствие, что “рыжий пес” Махин принадлежит к категории низких соглашателей (кличка “рыжий пес” прибыла вместе с Махиным из Сибири)»⁵⁷⁷.

Секретарь Земгора М.В. Агапов отметил, что «даже поверхностный анализ «партийной деятельности» В. Лебедева и Ф. Махина позволяет сделать вывод, что обоих нельзя назвать партийными деятелями в подлинном смысле слова. Партия им требовалась для достижения личных целей и реализации непомерных амбиций. Это значит, что их деятельность не имела ничего общего с искренностью, бескорыстием и тем более готовностью идти на какие-либо жертвы. Рано или поздно это должно было проявиться, правда не могла не всплыть на поверхность. Подлинные черты и того, и другого ни для кого не остались секретом. Разумеется, их хорошо знали люди, которые еще в России поддерживали с ними связь на протяжении многих лет. Некоторые из них оказались в Белграде. Прежде всего, вспоминаются однокашники Ф. Махина по академии Генерального штаба: б[ывший] полковник В.М. Пронин и б[ывший] генерал-майор Б.С. Стеллецкий. Первый долгое время

⁵⁷⁷ Там же. С. 616–617.

сохранял молчание, потому что не в его интересах было настраивать против себя Ф. Махина. Тот крестил пронискую дочку и оказывал знаки внимания всей их семье. В доме Пронина Махин был частым и желанным гостем, который никогда не приходил с пустыми руками. Глава семьи состоял шефом канцелярии Государственной комиссии по делам русских беженцев, а также был редактором газеты “Русский голос” (поэтому в этой газете Ф. Махин никогда не подвергался нападкам). Позднее В. Пронин стал открыто позиционировать себя как большой друг немцев и приверженец национал-социализма. Пока дело не дошло до оккупации, это не мешало однокашникам поддерживать отношения. Только при немцах В. Пронин начал рассказывать о Махине то, о чем умалчивал долгие годы.

Из заявлений Пронина следовало, что он, не веря в левые убеждения Ф. Махина, полагал, что тот, будучи весьма амбициозным и гибким человеком, умел приспособливаться к ситуации. Но только для того, чтобы извлечь из нее личную выгоду. В. Пронин вплоть до своего отъезда из Югославии не сообщал каких-либо конкретных сведений о Ф. Махине. Неясно, объяснялось ли это отношениями между кумовьями или иными соображениями. Любопытно, что почти до самого своего отъезда он предпочитал не комментировать определенно то, что про Махина рассказывали другие его знакомые – Б. Стеллецкий и ген[ерал] Крейтер. Пронин не желал ни подтверждать, ни опровергать их слова. Есть два объяснения подобному поведению: во-первых, он не хотел разрыва с Ф. Махиным, надеясь, что в будущем поддержание дружеских отношений окажется небесполезным; во-вторых, ему нисколько не мешал “факт” членства Ф. Махина в партии эсеров. Пронин считал это фикцией, маскировкой и более ничем. Судя по всему, об этом он сообщил своему руководству, потому что оно никогда не ставило ему в упрек близкие отношения с крестным отцом дочери, то есть с Махиным.

Однако второй однокашник Ф. Махина отнюдь не отличался скрытностью и сдержанностью. Генерал-майор Генерального штаба Борис С. Стеллецкий был человеком в высшей степени интеллигентным, способным и остроумным. В Югославии он долгие годы работал в Управлении государственных монополий, в котором организовал и возглавил статистическое подразделение. Стеллецкий как никто другой разбирался в том, что касалось рационализации, усовершенствования и планирования, однако в довоенной Югославии его проекты и предложения не встречали понимания. А в тех случаях, когда

они принимались и исполнялись, ему лично это не приносило никакой пользы. Само собой, он не получал и малой доли той выгоды, которую умели извлекать из его работы другие. Стеллецкий относился к людям, вещам, событиям и явлениям трезво и критически, но одновременно и с иронией.

Я с Бор[исом] Стеллецким познакомился к Земгоре, где он поначалу был частым гостем у Ф. Махина. Бросалось в глаза, что Ф. Махин не слишком радовался визитам своего коллеги и однокашника, хоть и держался с ним очень любезно. Я также заметил, что Ф. Махин, хоть и без особого энтузиазма, всегда выполнял то, о чем его просил Б. Стеллецкий. Он в то время (1924–1926) испытывал финансовые затруднения и не раз обращался к Ф. Махину с просьбами одолжить ему денег из средств Земгора. Махин никогда не отказывал Стеллецкому, но каждый раз, попрощавшись с ним, выходил из себя, не скрывая от меня своего раздражения. Одну молодую и красивую женщину, к которой Б. Стеллецкий был равнодушен и которая жила при нем как экономка, сразу приняли на службу машинисткой. Таким образом, не вызвало сомнений, что Ф. Махину было очень важно сохранить хорошие отношения с Б. Стеллецким. Вопреки ожиданиям его протеже оказалась не просто красивой куколкой, но и способным, интеллигентным и добросовестным сотрудником. Она быстро познакомилась со всеми коллегами, уяснив для себя положение и атмосферу в Земгоре. Благодаря ей ее покровителю было известно до мельчайших подробностей все происходившее в Земгоре.

То обстоятельство, что для Стеллецкого в Земгоре не осталось секретов, действовало на него в том смысле, что со временем он все меньше скрывал критическое отношение к Ф. Махину и все больше демонстрировал свое расположение ко мне. Вскоре он стал моим частым гостем. Обычно за партией в шахматы он рассказывал обо всем подряд, спонтанно переходя на тему Земгора, Махина, социалистов и т.д.»⁵⁷⁸.

Агапов продолжал: «Имелось еще несколько коллег Махина, которые хорошо его знали еще до Первой мировой войны. Как, например, некий полковник [В.К.] Манакин – человек, во многом похожий на

---

⁵⁷⁸ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 667–668. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

Махина⁵⁷⁹ – такой же самонадеянный, амбициозный и деятельный и т.д. Манакин много раз заходил к Махину, по-видимому, рассчитывая при содействии коллеги получить какую-нибудь должность и приличное жалование. Позднее выяснилось, что Манакин, опираясь на ультра-националистические и профашистские элементы, попытался создать какую-то политическую организацию⁵⁸⁰. С Манакиным я частных бесед не вел ни в Земгоре, ни позже, когда ушел оттуда. Он держался очень осмотрительно и старался не испортить отношений с Махиным, даже когда создал какую-то полуфашистскую организацию. Хотя можно предположить, что он остался недовольным Махиным, который не желал оказывать ему даже маломальской услуги. Возможно, Манакин по-прежнему ничего не рассказывал о своем коллеге, а может, и нет»⁵⁸¹.

В письме «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской от 2 января 1928 г. Махин сообщил: «Мы живем здесь по-прежнему, дела наши улучшаются»⁵⁸². И действительно, в 1928 г. работа Махина расширилась в связи с отделением белградского Земгора от пражского и созданием «толстого» сербско-русского журнала «Руски

---

⁵⁷⁹ Действительно, что-то общее в биографиях В.К. Манакина и Ф.Е. Махина присутствовало. Помимо того что они были однокашниками по академии и оба завершили военную карьеру в Гражданскую войну в чине полковника, и Махин и Манакин имели вкус к политической деятельности социалистического направления и к работе с крестьянами. Обобщая опыт вовлечения в Гражданскую войну людей вроде Манакина, его биограф А.В. Посадский отметил, что на таких примерах «просматривается не получившее развития направление антибольшевистской борьбы – через народную инициативу без эсеровского политиканства, без пафоса вождизма и без пиетета перед либеральной псевдообщественностью» (*Посадский А.В. Генерального штаба полковник Виктор Константинович Манакин: штрихи к биографии // Труды III международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944). Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 года. СПб., 2013. С. 252*). Махин же, насколько можно судить, придерживался партийной дисциплины ПСР и в некоторой степени сам оказался объектом вождистского культа Гражданской войны – человеком, образ которого летом–осенью 1918 г. героизировали и популяризировали в печати. Подробнее о Манакине см.: *Посадский А.В. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010. С. 147–152; Он же. Генерального штаба полковник Виктор Константинович Манакин: штрихи к биографии. С. 236–253; Он же. Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус...*

⁵⁸⁰ Подробнее о деятельности В.К. Манакина в эмиграции см.: *Посадский А.В. Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус... С. 345–366.*

⁵⁸¹ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 670–671. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Сиакина.

⁵⁸² ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 477. Л. 2.

архив» («Русский архив»). Журнал издавался на сербском языке, что требовало большой работы по переводу статей русских авторов. В 1928–1937 гг. вышло 42 выпуска журнала. Издание было посвящено политике, культуре и экономике России (главный редактор – видный эсер В.И. Лебедев). Журнал издавало научное отделение Земгора. Среди авторов – выдающиеся русские и югославские ученые, писатели, поэты, деятели искусства. Издание пользовалось благосклонностью югославских властей. С 1929 г. по решению министра просвещения журнал разрешалось приобретать всем школам Югославии. Кроме того, министр по делам вероисповеданий рекомендовал это издание для знакомства учащихся школ с «братской Россией». В целом, журнал был более востребован сербской аудиторией, чем русской.

Махин вел переписку редакции, поздравлял авторов с праздниками, договаривался о статьях и гонорарах, которые были тоже формой поддержки страдавших от безденежья эмигрантов. Переписка с авторами требовала много времени и такта. Например, отказ в публикации статьи известного историка А.Ф. Изюмова Махин 26 февраля 1934 г. обосновал следующим образом: «Получили Ваше письмо и рукописи “о профессоре [Е.Ф.] Шмурло” и “о записках кн[ягини] [М.К.] Тенишевой”. Первая статья не совсем нам подходит, а во второй, к великому нашему сожалению, не нашли положительно ничего, что бы могло оправдать печатание этой длинной статьи. Если бы Вы, кроме простой биографии, ознакомили читателя с теми характеристиками, которые дает кн[ягиня] Тенишева о современниках, или, по крайней мере, оценили значение начинаний автора записок, то это было бы интересно иностранному читателю.

Если у Вас нет материала для такого рода статьи, то мы могли бы напечатать библиографическую заметку о записках, конечно, не такого размера, как присланная Вами. Но лучше напишите нам что-нибудь интересное, относящееся к прошлому идейному движению, подобно статье “О Печорине”, и, как всегда, с удовольствием мы пойдем Вам навстречу»⁵⁸³. В другом письме тому же автору, написанном в июне того же года, Махин просил «давать статьи по вопросам культурно-историческим общего значения, в которых бы раскрывался духовно-моральный облик нашей интеллигенции⁵⁸⁴ и народа»⁵⁸⁵.

⁵⁸³ ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 14. Л. 111.

⁵⁸⁴ Очень хороша была статья о Печорине (примеч. Ф.Е. Махина).

⁵⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 14. Л. 112.

Разделение белградского и пражского Земгора в 1928 г. назрело как по объективным, так и по субъективным причинам. Прежде всего, белградский Земгор на 1928 г. был принят в совещательную коллегую Лиги Наций, пражские деятели слабо представляли себе белградские реалии, а Белград, как считал Махин, служил местом отправки туда лишних сотрудников из Праги. Кроме того, самостоятельность повышала статус белградского Земгора. Наконец, белградское отделение не зависело от Праги в финансовом отношении⁵⁸⁶.

Вместе с тем разделение Земгора на две организации было связано с острой внутренней конфронтацией. Еще в 1927 г. общее собрание пражского Земгора признало «аполитичный характер работы и большую полезность» белградского представительства для русских беженцев⁵⁸⁷. Однако уже летом 1928 г. резолюцией общего собрания Земгора в Праге белградское представительство было закрыто.

Причины и подробности тех событий Махин изложил в письмах в Прагу к общественной деятельнице Е.Д. Кусковой. В письме от 1 апреля 1929 г. Махин сообщал: «С большими усилиями, путем постоянной обороны от нападений на нас, даже физических, мы обороняли здесь подлинный демократический фронт. Вовне нам приходилось наталкиваться на клевету, непонимание местных условий, на попытки сделать из нас разменную монету, которой хотели платить по соглашениям, заключенным в Праге. В течение прошлого года Прага на общих собраниях по самой пустой клевете не стеснялась задевать наше доброе имя. Мы не знали, чем мы должны были заниматься: или объяснениями, или своей прямой работой. Создалась атмосфера морального давления в самых непереносимых формах. В Праге создавалось неблагоприятное об нас мнение по поводам, которые в самой Праге никого не волнуют. Сколько было увольнений со службы, которые проходили как обыкновенное явление! В отношении же нас все ставилось в строку»⁵⁸⁸.

Махин писал далее: «Мы так перегружены работой, что ни замышлять интриганских планов, ни разрабатывать планов оскорбления общественного чувства у пражан не имеем времени. Если взять один журнал, то, принимая во внимание нудную процедуру переводов и десятки корректур и переводов, и набора, окажется, что у нас едва хватает

⁵⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 304. Л. 17об.

⁵⁸⁷ Воля России (Прага). 1927. № 4. С. 163.

⁵⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 304. Л. 10.

время, чтобы написать в день одно частное письмо... П.Н. Милюков не только одобрил действия своего представителя здесь, начавшего с нами работу, но даже и выдал ему аттестат за умение ориентироваться в сложной политической обстановке. У нас нет возможности бороться против того, что делается против нас в Праге. Мы лишены возможности лично ездить туда, поэтому мы заранее готовы ожидать оттуда всякую для нас неприятную вещь. Ваша резкая и незаслуженная оценка "белградского письма" является для нас большим ударом. Если мы у Вас не встречаем доверия, то значит, что в Праге у нас нет людей, которые бы не позволяли пятнать наше доброе имя.

Приходится ставить вопрос вообще, для чего мы здесь находимся? Не лучше ли уйти на другую работу? Каждый день приносит нам новые удары со стороны тех, с которыми мы, казалось, имеем много общего. Только сознание нашей правоты и большая задача, которую мы выполняем, дают мужество работать здесь в качестве островка демократической части русской эмиграции. С нашим уходом погибнет то, что создано с великим трудом и ценой переживания непрерывных клевет и оскорблений.

Встает вопрос другой, может быть, мы действительно самообольщенные политические авантюристы, которым нет никакого дела до того, что об нас думают? К счастью для нас, мы имеем здесь среду, которую никто не имеет права обвинять в чем-нибудь предосудительном. Под контроль ее мы отдаем свои действия. В ее оценке мы черпаем уверенность в важности и порядочности нашего дела»⁵⁸⁹. Насколько можно понять из письма, упрёки в адрес белградского Земгора были вызваны подозрениями сотрудника Земгора Коршунова в связях с большевиками.

21 мая 1929 г. в парижской газете «Возрождение» вышел фельетон «Скверная история», сочиненный эмигрантским писателем А.А. Яблоновским. Речь шла о заказной статье, призванной дискредитировать Махина. Материал содержал оскорбительные выпады в адрес главы белградского Земгора: «Г-н Махин давно считается бельмом на эсеровском глазу, и вот уже несколько лет, как в это бельмо дружно тычут все беспартийные пальцы эмигрантской печати. А в последнее время стали тыкать и пальцы партийные»⁵⁹⁰. Вспомнив пословицу «в семье не без урода», автор заметки задавался вопросом, отвечает или не от-

⁵⁸⁹ Там же. Л. 11–11об.

⁵⁹⁰ Яблоновский А. Скверная история // Возрождение (Париж). 1929. 21.05. № 1449. С. 2.

вечает эсеровская семья за «уродство» Махина. Яблоновский многократно упоминал, что Махин не представил отчет о работе Земгора в Прагу, а со своим сотрудником Коршуновым, который докладывал обо всем в Прагу, Махин якобы и вовсе свел счеты. Коршунов был объявлен большевистским провокатором и попал в полицию, а затем умер в тюремной больнице. По другим данным, Коршунов был в действительности жив и лишь выслан за границу. Почему столь большое значение придавалось подаче отчета в Прагу и по каким причинам этот вопрос должен был волновать эмигрантского читателя, автор заметки не пояснил.

27 июня 1929 г. Махин сообщил той же Е.Д. Кусковой в связи с новыми нападками в печати: «Я, конечно, буду протестовать против постановки вопроса в той форме, в какой это сделано [А.А.] Яблоновским и “Неделей”, то есть будто бы между мной и пражским центром сначала происходит “недоразумение”, затем я отказываюсь представить отчет, порываю с Прагой сношения и образываю “махинский Земгор” в расчете не представить на этом основании денежных отчетов пражскому Земгору.

На этом фоне Яблоновский пишет свой возмутительный фельетон, действительно глубоко порочащий мое доброе имя, подталкивающий читателя на мысль, что я, желая скрыть что-то и не будучи в состоянии дать отчета, порываю связь и скрываюсь за авторитетом “моей” организации. Я, само собой разумеется, буду везде заявлять, что подобная инсинуация – “неправда”, и легко докажу это мое заявление и ревизией Министерства и [ностранных] д[ел], и ревизией комитетской (пражской и нашей). Я не совершал никаких действий, которые могли бы дать повод к подобной мысли. Ни одно лицо не может утверждать этого, если не желает быть клеветником»⁵⁹¹. Изучив протокол собрания 7 июня 1928 г. в Праге, Махин отметил, что «это собрание производит впечатление собрания испуганных»⁵⁹². Далее Махин писал: «Итак, пражский “Земгор” допустил опорочение человека, совершенно незаслуженно обвиняемого в печати в нежелании давать денежные отчеты. Это чудовищно... Большинству в Праге известно, что я, будучи командующим войсками на Волге, располагал единолично суммами, гораздо большими, чем весь пятилетний бюджет представительства,

⁵⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 304. Л. 12.

⁵⁹² Там же.

и что никто не может и подумать сказать, что я хотя бы одну копейку из этих сумм неправильно израсходовал.

Я был дважды ранен большевиками в голову, находясь в передовых рядах, хотя по своему положению мог сидеть в тылу. Следовательно, личного благополучия я не искал, грехом стяжательства и денежной нечистоплотностью не страдал. Это все точно известно как раз большинству пражского Земгора, знающему меня по Волге... Спрашивается, что же это у Вас за “общественность”, которая оскорбляет самым невероятным образом человека, ничего кроме хорошего для нее не сделавшего, и дает его на поругание своим же собственным общественным врагам. Я здесь за все время всей нашей белградской пятилетней работы представлял собою прицельную точку для всякого рода клевет со стороны наших общественных противников. Но никто не позволил себе обвинять меня в том, что я лично непорядочен и нечестен, и даже “Новое время” не сочло для себя возможным использовать ложь, появившуюся на страницах “Недели” и “Возрождения” и вышедшую из стен пражского “Земгора”...

У Вас в Праге весьма легкое отношение к чужой чести и весьма ревнивое к своим земгоровским “формальным правам”, уместное разве только со стороны сутяжнического, а никак не именующего себя “общественным” учреждения.

У меня абсолютная вера в то, что беспристрастный суд не задержится никакими сутяжническими соображениями и что он просто поставит следующие вопросы: сдал ли я денежный отчет или нет. Сдал ли я инвентарь или нет.

Вот и все. Непонятное же нам чтение в наших сердцах останется непонятым и для суда.

Я Вам, дорогая Екатерина Дмитриевна, категорически заявляю и заявляю под присягой и на суде (также и мои свидетели), что мы, белградский Земгор, абсолютно ничем не мешали какой бы то ни было комиссии пражского Земгора приезжать. Не мешали ни в порядке официальном, ни в порядке частном. Если такое утверждение кем-либо будет сделано на суде, то оно будет рассматриваться мною и комитетом нашего Земгора как клевета и ложь...

Я не привык к интригам и вести их не умею и не считаю их полезными. Я служу обществу, как мне подсказывает совесть. Поэтому очень прошу всех еще раз не приписывать мне того, чего я не делал и делать не собираюсь.

Моя работа во имя общественности, работа, в которую я вложил и здоровье, и энергию, и жертвовал своею жизнью, пока дала большое разочарование, благодаря непонятному мне поведению пражской общественности. Я объявлен растратчиком, сотрудником полиции и убийцей. Это окончательно погубило возможность моей семье выбраться сюда ко мне из России и вывезти слепнувшего юношу-сына. Моя личная жизнь уничтожена катастрофическими последствиями для моих близких. В этом отношении удар непоправим. Остается вопрос о моей чести, и раз ее не захотела защитить Ваша русская пражская “общественность”, я сумею ее (во имя тех же моих близких) защитить на суде. Ваш Земгор сам толкнул меня на этот, отныне единственно надежный способ реабилитации. Других путей нет»⁵⁹³. Далее Махин сообщал, что имеет все ежемесячные денежные отчеты, проверенные югославским МИДом. Министерство было фактическим собственником имущества Земгора, поскольку все необходимое приобреталось на средства, отпускавшиеся югославским правительством на помощь беженцам.

В.И. Лебедев в письме Кусковой и ее мужу экономисту С.Н. Прокоповичу в Прагу 9 декабря 1930 г. писал, что «положение Земгора, нашего югославянского, блестяще, как морально, так и финансово. У нас нет ни одной копейки долга, а, наоборот, имеются забронированные резервный и ликвидационный фонды... Самое приятное в работе нашего Земгора – это то, что она приносит результаты не только для русских (конечно, в силу наших материальных возможностей, скромные), но и для югославян. Земгор связан бесконечным количеством нитей с югославянским культурным миром: с писателями, профессорами, учеными (с 28-ю югославянскими народными университетами – это пока, налаживаются связи и с другими, в которых читают лекции наши ими выписываемые лекторы), с редакциями ежедневных газет и, что еще более важно, – периодических всевозможных изданий. “Русский архив” нашел внимательного постоянного читателя, а “Югославия” произвела настоящий фурор. Теперь мы задумали целый ряд таких же полезных изданий. В результате этой работы мы вошли какой-то составной, не инородной, братской частицей в жизнь этой страны. Мы не только берем, но и даем... кампания лжи и клеветы, которая велась против нас, абсолютно ни на чем не основывалась»⁵⁹⁴. К этому письму

---

⁵⁹³ Там же. Л. 13–15.

⁵⁹⁴ Там же. Л. 1 об.–2.

Махин сделал приписку, в которой среди прочего отметил: «Наконец, кажется, все формальности с пражским “Земгором” закончились. Дело, вызывавшее столько острых неприятностей, оказывается весьма простым»⁵⁹⁵. Речь шла о разделе имущества с пражским Земгором.

В связи с инсинуациями газеты «Возрождение» за Махина вступился его друг В.И. Лебедев, написавший в пражском журнале «Воля России», что газеты «Руть» и «Возрождение» публикуют клеветнические статьи. В основном публикация Лебедева была направлена против генерального секретаря Трудовой крестьянской партии С.С. Маслова, который вел борьбу с Земгором и Лебедевым. Но, кроме того, в статье было опубликовано разоблачение фальшивой «записки Лебедева и Махина»⁵⁹⁶.

Лишь во второй половине 1930 г. у Земгора появились материалы, разоблачавшие эту фальшивку и позволившие установить организаторов провокации. Представители Земгора получили письмо одного из распространителей фальшивки, редактора и издателя газет «Утро» и «Русское дело» А. Филипенко. Этот человек занимался канцелярской работой в белградском Союзе писателей и журналистов. 4 августа 1930 г. он в личном письме В.И. Лебедеву признался, что перепечатывал «письмо Лебедева и Махина»⁵⁹⁷. Позднее в письме от 22 ноября того же года он сообщил, что напечатал около двадцати экземпляров письма для рассылки видным деятелям русской эмиграции – А.А. Аргунову, Н.И. Астрову, А.А. Кизеветтеру, С.С. Маслову, П.Н. Милюкову, В.А. Харламову и др. При этом никаких подписей на исходном документе не имелось, а сделать на перепечатках пометку «Записка Лебедева и Махина» Филипенко попросил председатель правления Союза писателей и журналистов А.И. Ксюнин⁵⁹⁸.

После получения этих признаний комитет Земгора (сам Махин вместе с Лебедевым, профессором-историком А.К. Елачицем и делопроизводителем В. Соколовым) 3 февраля 1931 г. направил в пражский журнал «Воля России» открытое письмо к союзам русских писателей и журналистов и к заграничным органам русской печати, в котором отмечалось, что «в марте и апреле месяцах 1927 года в ряде русских

⁵⁹⁵ Там же. Л. 2–2об.

⁵⁹⁶ *Лебедев В.[И.] «Нравы» (о человеческой грязи) // Воля России (Прага). 1930. № 5–6. С. 517.*

⁵⁹⁷ Письмо в редакцию // Воля России (Прага). 1931. № 1–2. С. 205.

⁵⁹⁸ Там же. С. 206.

газет: “Последних новостей”, “Руле” и в белградском листке, “Россия” (г.г. Ксюнина, Жукова, Глуздовского и других) появились совершенно **идентичные** сообщения, исходившие из одного и того же источника: **от лиц, принадлежавших к редакции белградского листка, “Россия” и возглавлявших белградский Союз журналистов и писателей.**

Эти сведения, подписанные в “Руле” – г. Е. Жуковым, в “Последних новостях” – В. Парфеновым (?), в “России” – редакционная заметка, имели своей целью скомпрометировать белградское представительство пражского Земгора и, в частности, Ф.Е. Махина и В.И. Лебедева, ведущих в нем деятельную работу.

Характер этих сведений ясно говорил о весьма темном происхождении “документа”, на котором основывались сообщения названных лиц. Заметка, помещенная в “России”, кроме того, была явно доносительского, грязного характера и ясно указывала на то, что инициатива составления и распространения “документа”, могущего компрометировать представительство Земгора в русском общественном мнении, во всяком случае, исходит от лиц, или близко стоявших к редакции листка “России”, или в ней находившихся. Не было никакого сомнения в том, что эти лица находятся также во главе белградского Союза писателей и журналистов»⁵⁹⁹.

Махин и его соавторы отметили, что еще до публикации на заседаниях Объединения национально-прогрессивной и демократической эмиграции обсуждались эти материалы, причем «записка Лебедева и Махина» якобы была добыта из югославского МИДа при помощи подкупа.

Махин и его соавторы отмечали: «В свое время представительству, а позже и теперь Земгору в Югославии и его представителям, пришлось и приходится переживать немало тяжелых моментов, первопричиной которых были и остаются всевозможные клеветнические кампании. Общественная, культурно-просветительная, помощная, издательская деятельность Земгора значительно тормозилась и тормозится ими, отвлекая на борьбу с клеветой много сил и времени.

Но самыми отвратительными из клевет были и являются те, которые исходили и исходят из якобы “демократических” кругов, прикрывавшихся к тому же нередко вывеской Союза писателей и журналистов»⁶⁰⁰.

⁵⁹⁹ Там же. С. 201.

⁶⁰⁰ Там же. С. 204.

В конце публикации комитет Земгора воспроизвел и подложный документ.

Отстаивая свое доброе имя, Махин решил идти до конца. Он обратился в суд по поводу публикации в газете «Возрождение». Кроме того, собирался вести процесс против берлинской газеты «Руль» и пражской «Недели», принявших участие в его травле. Свидетелями со стороны истца выступили В.И. Лебедев и М.Л. Слоним, отметившие добропорядочность Махина⁶⁰¹. В апреле 1930 г. суд присудил автора фельетона против Махина Яблоновского, главного редактора «Возрождения» Ю.Ф. Семенова и коммерческого представителя газеты К.-Е. Шона к выплате штрафа по 25 франков, к выплате Махину одного франка за нанесенный ущерб и к возмещению Махину судебных издержек. Однако ответчики подали апелляцию, предложив «слово “урод”... заменить словом “пятно”... что Махин является “пятном” для семьи социалистов-революционеров»⁶⁰². Дело тянулось до конца 1931 г. В ноябре 1930 г. суд отверг апелляцию деятелей «Возрождения», а через год отверг и кассационную жалобу. Было признано, что статья под названием «Скверная история» содержала «серию оскорбительных и диффамационных утверждений по адресу Махина, что последний в них представлен как язва, как бессовестный администратор, не желающий сдать отчета, как человек, способный из чувства мести выдать одного из своих соотечественников полиции и быть, таким образом, причиной его смерти в госпитале... эти оскорбления и эти диффамационные писания доказывают сами по себе злонамерение привлеченных, которые знали, что все это не соответствует действительности»⁶⁰³. В итоге доброе имя Махина было восстановлено, а «Возрождение» получило предписание опубликовать судебное решение на своих страницах.

Представители «Возрождения» на этом, однако, не успокоились. Впоследствии, в 1935 г., газета написала, что Махин, «в свое время отколовшийся от пражской организации Земгора, подвергся за это суду своих бывших товарищей. Мы не будем повторять тех эпитетов, которыми награждали его бывшие его сотоварищи по организации и его политические единомышленники, среди коих была, между прочим, и г-жа Кускова. Это была такая отборная брань по адресу г. Махина,

⁶⁰¹ Д-ч. Дело Махина против «Возрождения» // Возрождение (Париж). 1930. 11.04. № 1774. С. 2.

⁶⁰² Приговор суда // Возрождение (Париж). 1932. 06.05. № 2530. С. 3.

⁶⁰³ Там же.

которая ни в каких парламентах недопустима. В протоколах пражского Земгора все это дело имеется почти в стенографической записи со всеми эпитетами»⁶⁰⁴.

Общественно-политическая деятельность Махина становилась все более активной. Однако активность в эмигрантской среде провоцировала склоки и дразги. Тем более что организация Махина явно располагала денежными средствами, провоцируя зависть, прежде всего правых кругов эмиграции.

Неудивительно, что враг Махина, секретарь Земгора М.В. Агапов, впоследствии дошел до инсинуаций на тему того, что «время от времени половина месячной субвенции Земгора оседала в карманах В. Лебедева, Ф. Махина и С. Верещака. Так стало происходить, когда Ф. Махин и В. Лебедев отделили белградский Земгор от его матицы – пражского Земгора»⁶⁰⁵.

Агапов заявил: «Конечно, наиболее пагубным следствием того влияния, которое Лебедев оказывал на белградский Земгор, было то, что Ф. Махин принимал все предложения “чернобородого”, как Лебедева называли некоторые сотрудники Земгора и прочие эмигранты, не подвергая их критике или сомнению. В. Лебедев не мог считаться работником в подлинном смысле слова или конструктивным человеком, он был мастером по созданию фракций, “великим комбинатором” и “профессиональным игроком” на общественно-политической арене. Поэтому не вызывало сомнений, что рано или поздно его влияние на Ф. Махина сыграет роковую роль и нанесет непоправимый ущерб белградскому Земгору как публичному учреждению и общественной организации...»

Ни Махин, ни Лебедев не страдали человеколюбием и вообще были чужды сентиментальности. Фактически ими двигали два мотива: 1. Жажда власти и авторитета (*Wille zur Macht*); 2. Тяга к комфортной жизни. Однако кто бы в наше время открыто признался, что руководствуется подобными соображениями? Однозначно, никто. Меньше всего можно было ожидать подобных признаний от руководителей белградского Земгора, которые вообще думали одно, говорили другое, а делали третье. Думали только о себе, рассказывали о славянской солидарности и помощи демократическим элементам русской эмиграции,

⁶⁰⁴ Самозванец // Возрождение (Париж). 1935. 27.11. № 3829. С. 2.

⁶⁰⁵ Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 4. С. 677. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

а то, что они делали, не имело никакого отношения ни к славянской идее, ни к гуманитарной и благотворительной деятельности (в чем состояло предназначение Земгора).

Нелишне коротко остановиться на некоторых “делах” Махина и Лебедева, которые не имели никакого отношения к Земгору, хоть и проворачивались под его вывеской или в его помещениях.

А в связи с этим полезно сказать пару слов о тактике великих мастеров камуфляжа и маскировки. В то время я о тех “делах” понятия не имел, пока не узнал о них случайно и уже *post factum*. Точно так же ясное представление о тактике Махина и Лебедева сложилось у меня гораздо позднее и даже слишком поздно – когда ничего уже нельзя было исправить. Я долго не мог поверить, что имею дело с такими пройдохами, которые в своей изворотливости превзошли мольеровского Тартюфа, стендаlevского Жюльена Сореля (“Красное и черное”) или того, что описывал Макиавелли в своем “*Il principe*”. Однако действительность и правда оказались много хуже любых ожиданий и предположений»⁶⁰⁶.

3 февраля 1931 г. в секретариате Лиги Наций Махин принимал участие в чрезвычайном заседании совещательного комитета частных беженских организаций для избрания членов административного совета Международного нансеновского присутствия о беженцах⁶⁰⁷. В 1935 г. участие Махина в выборах представителя в эту организацию спровоцировало конфликт. Якобы Махин при голосовании за кандидатуру Я.Л. Рубинштейна назвался представителем русской эмиграции в Югославии. Речь шла о финансировании помощи беженцам и контроле над финансовыми потоками на сотни тысяч франков⁶⁰⁸, что и породило конфликт.

В защиту Федора Евдокимовича выступила газета П.Н. Милюкова «Последние новости», однако яростную травлю в отношении Махина практически в каждодневном режиме повели представители газеты «Возрождение», не скрывавшие неприязни к засудившему их Махину.

9 ноября «Возрождение» опубликовало серию протестов против избрания Я.Л. Рубинштейна⁶⁰⁹. 21 ноября вышло открытое письмо председателя Русского комитета в Королевстве Югославия митрополита Антония (Хра-

⁶⁰⁶ Там же. С. 678. Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

⁶⁰⁷ Возрождение (Париж). 1931. 06.02. № 2075. С. 1.

⁶⁰⁸ Эмигрантские деньги // Возрождение (Париж). 1936. 28.01. № 3891. С. 1.

⁶⁰⁹ После выборов Я.Л. Рубинштейна // Возрождение (Париж). 1935. 09.11. № 3811. С. 5.

повицкого) к председателю и генеральному секретарю Международного наansenовского присутствия о беженцах с протестом против притязаний Махина представлять русскую эмиграцию в Югославию⁶¹⁰.

Затем, в номере от 24 ноября 1935 г. был напечатан издевательский фельетон, в котором Махина изобразили полномочным представителем русских эмигрантов в Югославии на общем собрании выборщиков, где он одновременно был председателем, секретарем, делопроизводителем, экспедитором, а также всеми присутствующими: «Председательствовал Махин. Протокол вел секретарь Махин. Среди явившихся на заседание можно было заметить в первом ряду представителей наиболее крупных организаций: полковника Махина, гражданина Махина, господина Махина, пана Махина и синьора Махина. В остальных рядах места заняли делегаты более мелких организаций: кабаллеро Махин, герр Махин, мосье Махин, эффенди Махин»⁶¹¹.

В номере от 7 декабря Махина обвиняли в самозванстве и всячески поносили: «Махину нужно как-то оправдать свое существование и существование Земгора, оправдать те средства, которые он получает ежемесячно на этот Земгор. В прежние годы г. Махин зазывал эмигрантов в свое учреждение посредством организации всяких курсов и мастерских, но все они успеха не имели и провалились. Потом г. Махин перешел на роль политической свахи свойства весьма тонкого – но и в этом не успел. Теперь он исхлопотал право выдавать беженцам трудовые карточки и, конечно, располагая крупными средствами, может их выдавать бесплатно, завлекая тем к себе эмигрантов и рекламируя свое учреждение»⁶¹². В номере за 8 декабря печатались протесты против избрания Рубинштейна с очередными обвинениями в адрес Махина как самозванца⁶¹³.

Махин принял этот вызов. В ответ он направил в «Возрождение» письмо с опровержением опубликовавшихся в газете сведений. Махин пояснил, что при голосовании представлял только свою организацию. В конце его письма газета опубликовала следующий текст: «Назави-

⁶¹⁰ После выборов Я.А. Рубинштейна // Возрождение (Париж). 1935. 21.11. № 3823. С. 2.

⁶¹¹ Ренников А. Антанта // Возрождение (Париж). 1935. 24.11. № 3826. С. 3.

⁶¹² Х. Рубинштейн, Махин и «Последние новости» // Возрождение (Париж). 1935. 07.12. № 3839. С. 4.

⁶¹³ Протесты против «избрания» г. Рубинштейна // Возрождение (Париж). 1935. 08.12. № 3840. С. 6.

симо от этого, русская эмиграция в Югославии ... (дальнейшая часть фразы, нагло-непристойная, редакцией вычеркнута)⁶¹⁴. Однако, судя по этому и последующему редакционному тексту, непристойно повела себя сама редакция. Далее следовал редакционный комментарий прямо противоположного письму Махина характера, сопровождавшийся следующим заявлением: «Мы с удовольствием помещаем письмо г. Махина, который, наконец-то понял, что его молчание совершенно безобразно.

В заключительной части своего письма г. Махин резко отмежевал себя от всей русской эмиграции в Югославии – и слава Богу!»⁶¹⁵ Редакцию «Возрождения», не прекращавшую нападок, почему-то особенно интересовала денежная отчетность Махина.

Несмотря на сложности, в 1930-е гг. Махин продолжал активно работать. Он проявил себя как публицист, автор целого ряда публикаций о вооруженных силах СССР и международном положении. Часть материалов – статьи по военно-политическим вопросам и рецензии – он помещал в собственном журнале, направленность которого постепенно стала более лояльной СССР⁶¹⁶. Кроме того, Махин посылал корреспонденции в газету «Новое русское слово», печатался и в популярной югославской газете «Политика». Из работ Махина, относящихся к этому периоду, наиболее крупными являются очерки «Военная мощь России», «Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке» и «Стратегическое положение современной России», опубликованные в сборниках «Проблемы», издававшихся в Париже⁶¹⁷.

⁶¹⁴ Письмо в редакцию // Возрождение (Париж). 1935. 26.12. № 3858. С. 5.

⁶¹⁵ Там же.

⁶¹⁶ Махин Т. Алексие Јелачић: На прелому. – М.М. Пеших: Нови Јесенин // Руски архив (Белград). 1934. № XXVI–XXVII. С. 308–311; *Он же*. Стратегиски положај на Далеком Истоку (са 2 шеме) // Там же. 1934. № XXVIII–XXIX. С. 92–114; *Он же*. Друга пјатилетка СССР // Там же. С. 281–298; *Он же*. Из живота Совјетске Русије // Руски архив. 1935. № XXX–XXXI. С. 243–255; *Mahin F.E.* Strategijski položaj nemacke (sa kartom) // Там же. 1936. № XXXVI–XXXVII. С. 148–167; *Id.* «Knjiga o Balkanu». I. Izd. Balkanskoga instituta 1935 1936 g. 1934: Revue Internationale des Etudes Balkaniques, T. 1. Beograd // Там же. С. 191–192; *Махин Ф.Е.* Погледи совјетске војне књижевности на војне савезе, конвенције и коалиције // Руски архив. 1936. № XXXVIII–XXXIX. С. 148–154.

⁶¹⁷ Махин Ф.[Е.] Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке // Проблемы. Париж, 1934. Сб. 1: Угроза войны. С. 39–76; *Он же*. Военная мощь России // Проблемы. Париж, 1935. Сб. 2: Защита страны. С. 57–149; *Он же*. Стратегическое положение современной России // Проблемы. Париж, 1936. Сб. 3: Перед грозой. С. 42–147.

Произведения Махина на военно-политические сюжеты представляют собой серьезные аналитические очерки с многочисленными выкладками, характеристикой экономики, театра военных действий, армии, военной техники, снабжения, планов сторон. В своих работах этого периода Махин давал положительную оценку развитию СССР, что свидетельствует о значительной эволюции его политических взглядов. Неудивительно, что в правых кругах эмиграции Махина считали едва ли не большевистским агентом⁶¹⁸. Махин же стоял у истоков «Общества для изучения советской культуры».

Еще в 1934 г. Махин писал о неизбежности конфликта между СССР и Японией, критиковал агрессивный японский империализм, отстаивая интересы своей Родины. Война на Дальнем Востоке, по прогнозу Махина, должна была по причине обширности театра военных действий стать маневренной. Небезынтересно, что Красную армию Махин называл русской⁶¹⁹. В трудах генштабиста содержался анализ важнейших военно-политических исследований тех лет – работ А.А. Свечина, Б.М. Шапошникова, Г. Гудериана и др. На высоком профессиональном уровне Махин рассматривал такие вопросы, как индустриализация, размещение промышленности в СССР, состояние военной техники, авиации, флота. В 1935 г. он спрогнозировал войну СССР с Германией.

При этом Махина нельзя назвать выдающимся военным мыслителем. Его труды в основном были небольшими и носили пропагандистский характер. Тем не менее как оригинальный военно-политический аналитик с самостоятельными наблюдениями и идеями Махин обратил на себя внимание. По-видимому, глубокое изучение происходивших в СССР изменений наряду с распространением фашизма в Европе привело к тому, что Махин из недавнего противника большевиков стал сторонником советского проекта. В отличие от многих военных аналитиков русской эмиграции в преддверии будущей войны Махин возлагал особые надежды на советскую молодежь, которая была, по его мнению, проникнута идеями патриотизма и энтузиазмом в отношении защиты своей страны.

Любопытны суждения Махина в объемном очерке «Военная мощь России», подготовленном в 1935 г. В частности, он писал: «Временное правительство не смогло создать новую армию на началах, вытекав-

---

⁶¹⁸ Белоемигранција у Југославији 1918–1941. Т. 2. С. 182.

⁶¹⁹ Махин Ф.[Е.] Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке. С. 58.

ших из новых идей и воплощавших новый дух страны. Результатом этого явилось дальнейшее углубление революции, закончившееся Брест-Литовским договором... Старая Россия прекратила свое существование. Разгоревшаяся гражданская война продолжила дело ее разрушения»⁶²⁰. Другие высказывания Махина еще интереснее: «Мы можем, не впадая в преувеличение, сказать, что **никогда начиная со времени Петра Великого в нашей стране не придавалось такого значения армии и никогда страна не приносила для нее таких огромных жертв, как в течение протекшего десятилетия**»⁶²¹. По мнению Махина, «чудовищные темпы индустриализации... Продиктованы одной лишь необходимостью обеспечить новую вооруженную силу государства всеми средствами современной техники...»⁶²² Подводя итог, Махин отметил: «На обширных русских границах стоит новый страж, сменивший старую русскую армию с ее двухсотлетней боевой историей. Задача его остается прежняя: защита целостности государства и неприкосновенности его границ. Новому стражу суждено, быть может, в недалеком будущем выполнить свою тяжелую задачу перед страной. Все, для кого отечество не пустой звук, в этот решающий судьбу России момент должны чувствовать себя обязанными сделать все, чтобы новый российский страж мог с честью, присущей великой стране, выполнить свой исторический долг»⁶²³. Подобный вывод находился в полном противоречии с идеями, которые исповедовала основная масса русской военной эмиграции, стремившаяся в предстоящей войне ради свержения большевистской власти поддержать внешнего врага СССР.

Генерал П. С. Махров высоко ценил аналитику Махина о Красной армии. В частности, он вспоминал: «В декабре 1934 года я получил от Вл.Ив. Лебедева, бывшего морского министра при Временном правительстве две брошюры под заглавием: “Оборонческое движение”. Кроме Лебедева, в этих брошюрах были помещены статьи моего друга Ген[ерального] штаба полковника Федора Евдокимовича [Махина]. Оба автора в своих произведениях стояли на патриотической платформе, считая, что при внешней угрозе со стороны японцев нужно забыть враждебность к советской власти, приняться за изучение советской дей-

---

⁶²⁰ Махин Ф.[Е.] Военная мощь России. С. 86.

⁶²¹ Там же. С. 136.

⁶²² Там же.

⁶²³ Там же. С. 149.

ствительности и готовиться вместе с русским народом защищать свою Родину⁶²⁴»⁶²⁵. Впрочем, старческие воспоминания Махрова содержат внутренние противоречия и неточности. В другом месте он отметил: «В ноябре 1936 г. я получил 2 книжки “Проблемы” от Вл.Ив. Лебедева. Если мне память не изменяет, то эти брошюры были им и изданы. В них были замечательно содержательные статьи на злобу дня, в том числе и статьи полковника Махина – “Военная мощь России”. Авторы этих статей трезво смотрели на обстановку и давали очень полезный материал, материал совершенно свежий для выводов, суждений об военно-политической обстановке»⁶²⁶. Благодаря материалам Махина, Махров имел возможность сделать яркое выступление перед группой оборонцев о состоянии Красной армии.

Махров вспоминал: «В Сербии не было никаких других партий и политических организаций, если не считать представительства Союза земств и городов в лице Генерального штаба полк[овника] Федора Евдокимовича Махина. Он в Белграде от “Земгора” (Союз земств и городов) оказывал материальную помощь главным образом детям и школам русских эмигрантов.

Он не как-то рассказал, что в Сербском институте для девиц, организованном по образцу Смольного, где учили “и музыке, и пению, и нежностям, и вздохам”, он сделал доклад о необходимости введения в программу практических работ и всевозможных рукоделий, но сочувствия не встретил.

Он жил в Земуне, где собственными руками построил маленький домик. Держался особняком, т.к. и монархисты, и члены Р[усского] общевоинского союза относились к нему враждебно за его “вольномыслие” и за его близость к социалистической группе в Праге»⁶²⁷.

С июля 1932 по февраль 1935 г. в Югославии под псевдонимом Владимир Сергеевич Правдин работал советский разведчик, сотрудник ИНО ОГПУ Роллан Аббиа (1904–1970)⁶²⁸. Судя по всему, этот чело-

⁶²⁴ Полк[овник] Махин был первым, выпустившим в 1935 году очень серьезную книгу «Красная армия», которая вся скоро разошлась (*примеч. П. С. Махрова*).

⁶²⁵ Махров П. С. Белая армия в эмиграции // VAR. P.S. Makhrov Collection. Вых 6. Тетрадь 5. С. 446–447.

⁶²⁶ Там же. Тетрадь 6. С. 490.

⁶²⁷ Махров П. С. Белая эмиграция в период 2-ой мировой войны // VAR. P.S. Makhrov Collection. Вых 6. Ч. 1. Тетрадь 1. С. 8–9.

⁶²⁸ Timofeev A. Splinted Wind. Russians and the Second World War in Yugoslavia. М., 2013. Р. 198.

век в те годы завербовал Махина, ставшего внештатным сотрудником советской политической разведки. Мотивы вербовки нам неизвестны. У Махина было одно чувствительное место для вербовки – семья, оставшаяся в СССР. Вряд ли речь шла о прямых угрозах безопасности его близких, но мотивом вербовки могла стать возможность поддерживать контакты с семьей, встретиться с родными или даже вывезти их из СССР. Среди других вероятных причин – общность борьбы с правыми кругами эмиграции, патриотические идеи, материальная или иная поддержка. После отъезда из Югославии Аббиа участвовал в попытках покушений на Л.Д. Троцкого в 1935 и 1937 гг., в поставках вооружения республиканской Испании, в убийстве перебежчика И.С. Рейсса (Порецкого) в 1937 г., за что был награжден орденом Красного Знамени и, будучи иностранцем, получил советское гражданство. Вполне возможно, что со второй половины 1930-х гг. кураторами Махина оказались другие люди, но связывались с ним от имени «Правдина». В 1941–1946 гг. «Правдин» находился в США. Впоследствии от его же имени Москва вышла на Махина уже во время Второй мировой войны. Документы об этой ипостаси Махина до сих пор засекречены.

Интересное свидетельство о Махине сохранилось в переписке бывших русских дипломатов. В.Н. Штрандтман писал В.А. Маклакову 26 марта 1934 г. об итогах анкетирования сербской газетой «Политика» русских эмигрантов на предмет их политических взглядов. «За поддержку большевиков непосредственно никто не высказался, но за косвенную поддержку высказался представитель Земгора – бывш[ий] полковник Генштаба [фамилия неразборчива], если против напавшего на Советскую Россию государства выступит третье государство, то в рядах последнего можно сражаться с врагами большевиков, причем это положение подкреплено примером из Великой войны, когда тогдашние русские эмигранты сражались в рядах французских войск против врагов России. Эта точка зрения, несмотря на свою только кажущуюся логику, имела успех»⁶²⁹. Очевидно, речь шла о Махине.

Эмигрант В.А. Маевский, написавший книгу о русских беженцах в Югославии, считал, что Земгор преследовал политические цели, причем «во главе этой работы стоял с.-р. Ф.Е. Махин, который стре-

---

⁶²⁹ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–40: Сб. док. М., 1998. Кн. 1: 1934–1937. С. 58.

мился создать мост между Югославией и Советами... Махин, бывший полковник Генерального штаба, вел дело широко и довольно открыто.

После признания СССР со стороны Югославии⁶³⁰ деятельность его приняла такой характер, что можно было с уверенностью полагать, что Махин являлся экспозитурой большевиков. Он считал себя специалистом по военным вопросам и написал книгу о Красной армии, которая по-русски не была напечатана; в сербских газетах поместил ряд статей, в которых доказывал силу и мощь Красной армии. И в этом он был совершенно прав: оказался более осведомленным большинства военных авторитетов в эмиграции»⁶³¹.

По данным картотеки членов масонских лож Югославии 1919–1940 гг., составленной в 1941–1942 гг., Махин пытался вступить в престижную ложу «Шумадия», но получил отказ как участник левого движения⁶³². После этого Махин попытался вступить в другие ложи, но с этим тоже оказалось непросто. 8 мая 1929 г. Махин был зарегистрирован к принятию в масонскую ложу «Слога, рад и постоянство» («Дружба, труд и постоянство»)⁶³³, в которой состояли и другие эмигранты, но получил отказ. Тогда он пошел иным путем и в 1933 г. вступил в Ротари-клуб в Земуне⁶³⁴, считавшийся чем-то вроде вербовочной подготовительной организации перед вступлением в масонскую ложу. По-видимому, все эти действия объясняются желанием установить неформальные контакты с местной элитой. И действительно, контакты Земгора с властями по масонской линии привлекали внимание⁶³⁵. Попытки вступления в масонские организации характеризуют Махина как левоцентриста по взглядам, а неоднократность таких попыток позволяет считать его человеком крайне амбициозным и целеустремленным.

В 1920–1930-х гг. Махин часто ездил в Прагу и Париж, что было связано с его политической деятельностью, с необходимостью взаимодействовать как с пражским Земгором, так и с товарищами по борьбе в Париже. Во французской столице облик Махина произвел

⁶³⁰ Речь идет о событиях 1940 г.

⁶³¹ *Маевский В.А.* Русские в Югославии. Т. 2. С. 113.

⁶³² АЮ. Ф. 100. Оп. 19. Д. 251.

⁶³³ РГВА. Ф. 1412 (К). Оп. 1. Д. 13336. Л. 5, 48, 148; *Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 530, 1221; *Nenezic Z.* Masoni u Jugoslaviji 1764–1980. Beograd, 1988. S. 582. Ранее в наших статьях о Махине было ошибочно указано, что он был принят в эту ложу.

⁶³⁴ *Серков А.И.* Русское масонство... С. 1221; *Nenezic Z.* Masoni u Jugoslaviji ... S. 559.

⁶³⁵ Белоемигранција у Југославији 1918–1941. Т. 1. С. 450.

неизгладимое впечатление на художника-эмигранта А.Л. Билиса, написавшего портрет офицера. Этот рисунок до сих пор передает облик Махина лучше немногочисленных фотографий. Билис рассказывал: «Я как взглянул на полковника ... так даже сердце взрогнуло: вот, думаю, Россия»⁶³⁶.

Несмотря на эсеровские убеждения, Махин оставался верующим человеком. Как вспоминал писатель А.М. Ремизов, «Махин – старовер, сохранивший все черты и стать Аввакумовой России, и если надеть на Махина стрелецкую шапку, не надо и гримироваться, – живой памятник, Москва XVII века»⁶³⁷. По словам Ремизова, Махин «хорошо читал Библию на голос ... Ему я продал за двести франков в 1937 году оригиналы писем для архива Земгора»⁶³⁸. К сожалению, у нас нет данных о том, какую церковь посещал Махин, будучи старообрядцем. Можно лишь предположить, что в этом отношении он также мог держаться обособленно от основной массы русских эмигрантов, как и в идейной сфере.

В 1930-е гг. Махин продолжал поддерживать переписку со своими пражскими друзьями-эсерами. Например, его донимал обширными посланиями 80-летний «дедушка русской революции» Е.Е. Лазарев. В этих письмах содержалось многословное обсуждение текущих бытовых реалий, цен, реалий дореволюционной жизни и всего, что занимало мысли пожилого эмигранта. Лазарев иронизировал над собой и окружающими. Например, о своей скорой смерти писал: «Я завещаю в будущих веках с разрешения Сталина перевезти мой прах на Родину, м[ожет] б[ыть], пригодится Грачевскому или другому колхозу на удобрение»⁶³⁹. Другой характерный отрывок: «С Новым годом! Целую всех врызг. Главным образом, ангелов в юбках. Не забудьте за меня подвергнуть этой операции художника и его супругу и распренамилейшую анархистку и большевичку. Пусть приглядывает за Сталиным. Земун. Земун, где ты? Увижу ли? Какие вы счастливы. Как приехал от вас, солнца не видал. Днем с электричеством пишу. Примите от меня целый ворох любви и поцелуев»⁶⁴⁰. В другом письме от 11 мая 1935 г. Лазарев иронизировал по поводу собственного 80-летия, а также

⁶³⁶ Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 9. С. 183.

⁶³⁷ Там же. С. 183–184; Руска галерија сликара А.Л. Билиса // Руски архив. Часопис за политику, културу и привреду русије (Белград). 1931. № 13. С. 15.

⁶³⁸ Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 9. С. 486.

⁶³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 166. Л. 9об.

⁶⁴⁰ Там же.

высказывал надежду на изменение политики И.В. Сталина: «Через год-другой, я надеюсь, Сталин образумится и изменит радикально не только внешнюю, но и внутреннюю политику... Я горячий сторонник теперь признания СССР де-юре, ибо при внешней политике вводится в Европу не советская власть, а сам русский народ»⁶⁴¹. Такие взгляды старого авторитетного народника и эсера, несомненно, действовали и на Махина.

Поддерживал переписку Махин и с Е.Д. Кусковой в Праге. 13 апреля 1935 г. он сообщал ей о югославской жизни: «Здесь эмигрантам живется, вероятно, лучше, чем у Вас, но въехать сюда чрезвычайно трудно. В общем, происходит то же, что и у Вас. Те, кто здесь живет давно, нашли возможность устроиться, для тех же, кто собирается приехать вновь, работу будет найти чрезвычайно трудно...

В общем нужно сказать, что положение эмиграции становится день ото дня все тяжелее и тяжелее.

Очень жалко молодежь, которая остается совершенно выбитой из колеи, лишенная даже той радости, которая является правом у молодости, радости ощущения принадлежности к большому и великому народу. Своего народа она не знала, а от стариков, своих отцов, она слышала о своей стране очень много нехорошего. Неизвестно, кто более несчастен из нового поколения, те ли, кто перенес голод и другие лишения в родной земле, или те, кто сравнительно спокойно провел свое детство в первые годы эмиграции. Во всяком случае, перед живущими в России имеются какие-то надежды, а у эмигрантов их чрезвычайно мало. Очевидно, мы стоим перед большой проблемой вселить в эмигрантскую молодежь хотя бы маленькую долю надежды. Но как это сделать, сказать трудно»⁶⁴².

С 1934 по 1938 г. Махин являлся хранителем архива партии социалистов-революционеров, что свидетельствует об особом доверии к нему со стороны партийного руководства. Махин не присоединился к той части эмиграции, которая для борьбы с большевистским режимом готовилась поддержать любого внешнего врага СССР⁶⁴³. В 1932 г. он наряду с некоторыми другими эсеровскими деятелями подписал резолюцию по поводу японской оккупации Маньчжурии. Резолюция призывала в случае войны между Японией и СССР «быть со своим

⁶⁴¹ Там же. Л. 10об.

⁶⁴² ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 304. Л. 5–5об.

⁶⁴³ См., например: Чему свидетели мы были... Кн. 1. С. 58.

народом и препятствовать всеми способами попыткам захвата принадлежащих России территорий»⁶⁴⁴.

В феврале 1936 г. в Париже было создано Русское эмигрантское оборонческое движение. Основной идеей оборонцев была мысль о том, что защита Родины выше политических разногласий с властью. Лидеры оборонцев были социалистами и либералами⁶⁴⁵. Одним из организаторов движения был близкий друг и соратник Махина В.И. Лебедев. Лебедев еще в 1927 г. пришел к выводу о недопустимости для эмигрантов стремиться к войне против СССР, что заметно противоречило взглядам активной части белой эмиграции: «Желать победоносной войны против СССР – это значит идти войной не на большевиков, а на население родной страны, это – звать воздушный флот иностранцев на бомбардировку русских (и украинских ...) городов, это – отравлять газами русское население, это – стремиться уничтожить своими руками родную землю»⁶⁴⁶. Очевидно, подобные взгляды тогда или позднее сформировались и у Махина. Проблемой белой эмиграции было то, что ее лидеры в большинстве своем так и не уяснили для себя эту простую мысль и не смогли подняться над ненавистью к красным. Результатом стали массовое сотрудничество белых эмигрантов с нацистами в период Второй мировой войны и, как следствие, идейно-политическое поражение и частичная дискредитация белой эмиграции, которая и в современной России оценивается сквозь призму ее отношения к событиям Второй мировой войны.

В том же 1936 г. Махин был в числе подписавших заявление «Россия под угрозой войны и эмиграция», в котором содержался призыв поддержать СССР в случае возможной войны. Махин вошел в редколлегию готовившегося В.И. Лебедевым оборонческого сборника «Проблемы», три выпуска которого были напечатаны в 1934–1936 гг. в Париже. Эти сборники, по сути, являлись апологией советского режима и разоблачали планы Гитлера в отношении СССР, в том числе перспективу раздела страны. Антифашистскую направленность приобрел и журнал «Русский архив»⁶⁴⁷.

⁶⁴⁴ Цит. по: The Socialist-Revolutionary Party after October 1917. P. 744.

⁶⁴⁵ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 72.

⁶⁴⁶ Лебедев Вл.[И.] С точки зрения русского // Воля России (Прага). 1927. № 10. С. 112.

⁶⁴⁷ Подробнее см.: Jovanović M. «Ruski archiv» i fašizam // Istorija 20 veka (Beograd). 1989. № 1–2. С. 169–196.

«Дедушка русской революции» Е. Е. Лазарев поддержал оборонцев. В письме Махину от 29 мая 1936 г. он отметил, что «“пораженцы” – предатели России и без войны, в случае войны – предатели вдвое. И хорошо, что теперь по всей Европе поднялся вопрос об “обороне” и “поражении”. В Париже, в Праге и других местах и газетах идут оживленные обсуждения. Вначале большевики были подлинными изменниками своего Отечества. Они стояли одни-одинешеньки по одну сторону баррикады; по другую сторону они выгнали всех “инакомыслящих”: монархистов, анархистов, социалистов, эсеров и меньшевиков, потом начали прижимать своих соратников-коммунистов: Троцкого, Зиновьева, Каменева, и продолжают до сих пор очищать “генеральную линию” ежегодно изгнанием многих тысяч неслухов. Немудрено при этом, что голоса с другой стороны баррикады несутся стройным хором, начиная с басов и кончая дискантами. Так уж все привыкли сообщая ругать большевиков в эмиграции, не смотря на то, что в последние годы поведение советской власти во внешней политике изменилось на 180 градусов... не меняя своей внутренней политики, Сталин нырнул с СССР в демократический блок для борьбы с фашизмом»⁶⁴⁸. Под влиянием такого рода писем менялось и мировоззрение Махина.

В конце 1930-х гг. Махин вновь эволюционировал влево. Он был идейно близок Республиканско-демократическому объединению в Париже, в 1938 г. участвовал в работе Оборонческого движения и опубликовал в Париже на французском языке книгу «Красная армия», прославлявшую советские вооруженные силы⁶⁴⁹.

Издательско-публицистическая активность Махина в это время была достаточно высока. Он помогал редактировать газету «Торговый вестник» (на 1941 г. числился помощником редактора), в которой печатал статьи, вместе с журналистом В. Дедиером и другими был соредактором независимого ежемесячного журнала «Вокруг света» под редакцией Д. Чолича, для популяризации Красной армии и коммунистических идей также вместе с Дедиером создал газету «Белый медведь», сотрудничал и с наиболее читаемой в Югославии газетой «Политика», издававшейся В. Рибникаром. Кроме того, Махин преподавал в Коларчевом университете. Как

---

⁶⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 166. Л. 8.

⁶⁴⁹ *Makhine Th., colonel. L'Armée Rouge: la puissance militaire de l'URSS.* Paris, 1938.

активно печатающийся автор Махин в 1939 г. был избран членом Пен-клуба Югославии. Кроме того, Махин выпустил брошюры «Советская Россия» и «Россия и ее природное богатство и промышленное развитие».

В 1939 г. на сербском языке вышла брошюра Махина «Китай в огне (современные проблемы Дальнего Востока)». В этой книге он, во многом, спрогнозировал развитие событий на Дальнем Востоке. В частности, писал, что «в случае военных осложнений в Европе... Япония бы, безусловно, выступила более активно против всех остальных сил на Дальнем Востоке и, прежде всего, против России. И это бы, естественно, спровоцировало общую войну и на Дальнем Востоке. Можно с полной уверенностью предположить, что эта война не стала бы благоприятной для Японии из-за недостатка материальных ресурсов и потому что ее враги гораздо более могущественны с точки зрения вооруженных сил. Сами Японские острова могли бы пострадать от воздушных бомбардировок: разрушительные последствия таких бомбардировок были бы огромными из-за плотности населения и пожароопасности зданий, в основном деревянных.

Заключение пакта о ненападении между Германией и Россией существенно меняет нынешнюю ситуацию на Дальнем Востоке: позиции России намного сильнее, а Япония вынуждена искать новые пути для своей внешней политики»⁶⁵⁰.

В том же 1939 г. Махин порвал с эсерами и вступил в ряды Коммунистической партии Югославии⁶⁵¹, находившейся тогда в подполье. Очевидно, это было уже следствием вербовки Махина советской разведкой. Лидером партии тогда был И.Б. Тито, ставший в 1940 г. генеральным секретарем. Как свидетельствовали соратники Махина, Федор Евдокимович вошел в сталинистски настроенное крыло компартии. Такая эволюция была, видимо, характерна для его окружения. В частности, бывший библиотекарь Земгора Ф.Е. Висторопский позднее вступил в антифашистский Союз советских патриотов и стал одним из его руководящих работников⁶⁵².

---

⁶⁵⁰ Махин Ф. Кина у пламену (савремени проблеми Далеког Истока). Београд, 1939. С. 102.

⁶⁵¹ Voina Enciklopedia. Drugo izdanje. Beograd, 1973. Т. 5. С. 208.

⁶⁵² Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. Курск, 2017. Т. 10: Крах. 1939–1946 гг. С. 529.

По-видимому, Махин курировал эту организацию еще до войны по линии советской разведки⁶⁵³. В период немецкой оккупации Союз советских патриотов действовал в подполье. Член Союза И.Н. Голенищев-Кутузов отмечал, что «уходя с югославской армией в первые дни войны весной 1941 года, Махин поручил Висторопскому организовать русских патриотов для борьбы с фашистами в Белграде»⁶⁵⁴.

Как крупный военный аналитик, Махин заинтересовал итальянскую разведку, которая стремилась установить с ним контакт. Но в итоге контакт установили советские представители, якобы через нелегала Р.Г. Бирка (впрочем, Бирк был арестован в 1937-м и расстрелян в 1938 г. в СССР). Сам Махин сумел завербовать некоего агента «Милка» из группы советского нелегала «Крума», занимавшегося Балканами⁶⁵⁵.

В фрагментах своего дневника за 1941 г., которые были опубликованы в 1945 г. в газете «Красная звезда», Махин упомянул, что 8 апреля 1941 г. после нападения гитлеровцев на Югославию, взяв только самое необходимое, покинул разбомбленный Белград и бежал в Сараево.

17 апреля 1941 г. Югославия капитулировала. В первые дни гитлеровской оккупации в Белграде эмигрантами правого толка был разгромлен Земгор, а его библиотека частично расхищена, частично перевезена в Русский дом в Белграде. Архив Земгора был уничтожен, видимо, из соображений безопасности еще перед началом оккупации⁶⁵⁶.

Как человек, к тому времени уже прочно ассоциировавшийся с советским патриотизмом, Махин перешел на нелегальное положение и был вынужден скрываться, чтобы не попасть в руки гестапо. Ни гестапо, ни сербская Специальная полиция не смогли поймать ни Махина, ни его помощника по разведывательной деятельности В.А. Лауданского⁶⁵⁷.

⁶⁵³ *Јововић Б., Марческу Н.* Први начелници историјских одељења главних Генералштабова војски краљевине Србије и краљевине Југославије и Генералштаба ЈА // Војно-историјски гласник (Београд). 2002. № 1–2. С. 112.

⁶⁵⁴ Цит. по: *Ехина Н.А.* «История русского сопротивления... еще не написана»: К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2014–2015. М., 2015. С. 179.

⁶⁵⁵ *Мотов В.* Пришло время рассказать... Финал (Бирк в Италии) // Новости разведки и контрразведки (Москва). 2004. № 19–20 (196).

⁶⁵⁶ Белоэмиграција у Југославији 1918–1941. Т. 1. С. 447.

⁶⁵⁷ *Тимофеев А.Ю.* Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году // Славяноведение. 2006. № 4. С. 47.

Те, кто не признал капитуляцию, уходили в горы или начинали борьбу в подполье. Среди первых групп сопротивления гитлеровцам был отряд полковника югославской армии Д. Михайловича. В дальнейшем Михайлович возглавил движение четников – сербских партизан некоммунистического толка. Сторонником последнего был друг Махина В.И. Лебедев. Какое-то время Махин прожил в городе Гацко, неподалеку от Черногории, и в апреле 1941 г. примкнул к антифашистскому сопротивлению. По-видимому, речь шла о четниках. Впрочем, в опубликованных в СССР фрагментах дневника Махина об этом не говорилось.

Сохранилось свидетельство участника партизанского движения С. Ковачевича о появлении Махина в Гацко: «Среди всех проходивших через наше Гацко мы также заметили человека среднего роста, довольно полного, с седеющей бородой. Наш вывод был: это настоящий русский, еще и белогвардеец! Поскольку мы не скрывали своего отношения к нему, он подошел к нам и спросил, можем ли мы помочь ему чем-то из продуктов. Наша грубость не смутила его; наоборот, он взял на себя инициативу и открыто сказал нам, что он чувствовал, что у нас было неблагоприятное впечатление о нем, и это ошибочно, поэтому он хочет поговорить с нами. Он пригласил нас в кабинет единственного отеля и рассказал нам свою биографию. Мы убедились, что ни о каком белогвардейце нет речи, а это Федор Махин, автор многих популярных произведений о строительстве социализма в СССР, которые мы в предвоенные годы просто “проглатывали” на нелегальных скоевских⁶⁵⁸ собраниях в школах. В конце он вытащил из дорожной сумки роскошно изданный исторический альбом СССР и на нем нам написал посвящение: “Для прогрессивной молодежи Гацко”»⁶⁵⁹.

Анонимный автор из русских эмигрантов утверждал, что Махин командовал значительным отрядом повстанцев⁶⁶⁰, однако вряд ли такое утверждение заслуживает доверия. В силу возраста и русского происхождения Махина это представляется маловероятным. С четниками Махин ушел в Сараево, а затем в горные районы Черногории. Интересно, пришлось ли ему тогда вспомнить своего соратника по борьбе

⁶⁵⁸ SKOJ (Savez komunističke omladine Jugoslavije) – Союз коммунистической молодежи Югославии.

⁶⁵⁹ Kovačević S. Povezivanje sa Fjedorom Mahinom // Veze u NOV. Ratna Sećanja. 1941–1945. Beograd, 1981. Т. 2. С. 295–296.

⁶⁶⁰ Н.Р. Ф.Е. Махин в рядах четнической армии. С. 2.

на Волге в 1918 г., черногорца полковника А.С. Бакича – выходца из этих мест?!

Об одном из эпизодов, характеризующих личность Махина, написал в газетной статье очевидец событий: «Будучи по делу в городе, занятом оккупантами, он чуть было не был захвачен. Вместе с ним был видный югославский деятель. Одна “русская” опознала случайно на улице спутника Ф.Е. Махина и донесла сейчас же оккупантам. Югослава арестовали и отдали в распоряжение гестапо... Ф.Е. Махину снова удалось уйти в горы»⁶⁶¹.

В июне Махин находился уже в Черногории, в курортном городке Рисан. Там его застало известие о начале Великой Отечественной войны. Махин с единомышленниками пришел к выводу, что судьба Югославии теперь неразрывно связана с судьбой России. Затем он спешно покинул Рисан и отправился в горы. В августе Махин участвовал в захвате повстанцами у итальянских оккупантов города Грахово. Махин ездил по деревням, помогал организовывать партизанские отряды и диверсионные группы, выступал на сельских сходах, боролся вместе со знаменитым черногорским партизаном Савой Ковачевичем.

Осенью 1941 г. Махин с повстанцами ушел на север в горные районы и оказался в эпицентре партизанско-четнического восстания в Восточной Герцеговине. После того как четники стали нападать на партизан-коммунистов, Махин, как он утверждал в советской печати, примкнул в конце 1941 г.⁶⁶² к последним. Эти же сведения изложены журналистом при штабе И.Б. Тито В. Дедиером⁶⁶³. Но в действительности некоторое время в конце 1941 – первой половине 1942 г. Махин прожил в глухом районе племени баняне на границе Черногории и Восточной Герцеговины.

Гражданская война для русских эмигрантов, по сути, возобновилась. В коллаборационистском Русском корпусе служили многие русские офицеры, в том числе и те, с кем Махин был знаком по службе в русской армии и по учебе в академии. Например, в рядах Русского корпуса оказался однокашник Махина по академии полковник Э.Э. Шляхтин. Махин мог быть знаком и с окончившими академию двумя годами ранее его генерал-лейтенантом Б.А. Штейфоном и полковником Б.В. Гонтаревым.

⁶⁶¹ Там же.

⁶⁶² Махин Ф., генерал-лейтенант Народно-освободительной армии Югославии. Югославский дневник // Красная звезда. 1945. 17.01. № 14 (6002). С. 3; 31.01. № 25 (6013). С. 3.

⁶⁶³ Dediđer V. Dnevnik. Rijeka, 1981. Т. 1. С. 196.

Представители коллаборационистских кругов белой эмиграции преследовали лиц, связанных с Махиным. В частности, возглавлявший при гитлеровцах «Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии» полковник В.В. Крейтер (учился в Николаевской академии на два курса младше Махина) в апреле 1942 г. уволил за это, а также за «несоответствие наших политических взглядов» директора русской мужской гимназии Белграда И.М. Малинина⁶⁶⁴. Малинин ответил Крейтеру на упрек в связи с Махиным достаточно смело для подневольного человека на оккупированной территории: «Расхождение существует, в особенности, если Вы возводите в ранг политических взглядов и обмен новогодними поздравлениями между лицами, стоявшими во главе русских учреждений. Я же лично расцениваю этот обмен условными любезностями (кстати сказать, вероятно, больше чем десятилетней давности) такими же, как и те шаблонные и лишённые реального содержания формулы, которыми мы начинаем и заканчиваем наши письма. Но я допускаю, что все можно рассматривать под любым углом зрения. В моей же служебной карьере нынешнее мое освобождение от службы не является особенной новостью: в свое время я по той же причине был удален с поста попечителя Одесского учебного округа приказом комиссара украинского правительства [С.В.] Петлюры, затем вычеркнут из списка доцентов университета в Одессе распоряжением комиссара рабоче-крестьянской власти при университете, и вот теперь Вами. И все по одной и той же причине – расхождения политических взглядов»⁶⁶⁵.

Слава опережала Махина. Так, в донесении штаба Д. Михайловича в Лондон от 7 мая 1942 г. о коммунистах Югославии сообщалось, что «они ожидают помощи оружием из России. Их лидер – полковник Махин и некто под вымышленным именем Тито. Они не выбирают средства вообще»⁶⁶⁶. Интересно, что та же информация о Махине как о лидере югославских коммунистов была представлена югославскому правительству в изгнании в ноябре 1941 г. Впрочем, вероятно, речь шла о намеренной дезинформации Лондона с целью принизить роль Тито.

⁶⁶⁴ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Т. 10. С. 575; Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944): в 2 кн. / авт.-сост. А.Б. Арсеньев, М.А. Ордовский-Танаевский. Белград, 2018. Кн. 1. С. 129, 130.

⁶⁶⁵ Гимназия в лицах ... Кн. 1. С. 131.

⁶⁶⁶ Zbornik dokumenata i podataka o Narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda (далее – Zbornik NOR). Beograd, 1981. Т. 14. Кн. 1. С. 250.

В 1942 г. Махин вновь попал к четникам. Не позднее 6 июня он был освобожден партизанами 1-й Пролетарской народно-освободительной ударной бригады⁶⁶⁷ и 8 июня примкнул к штабу партизан И.Б. Тито в селе Плужине⁶⁶⁸. Через некоторое время он стал военным советником Тито и оказался в числе организаторов партизанского движения в Югославии.

Публикации рассекреченных документов Коминтерна свидетельствуют о начале сотрудничества Махина с Тито, а также о нелегальной деятельности Махина и о его работе на советскую разведку. И.Б. Тито, являвшийся одним из видных деятелей Коминтерна (в зашифрованной переписке Коминтерна кодовое имя «Вальтер»), проинформировал Москву об участии Махина в партизанском движении. 31 августа 1942 г. он сообщил в Исполнительный комитет Коминтерна, что Махин был в плену у четников, но его удалось освободить вместе с профессором [С.] Милошевичем. Утверждая, что Махин «держится хорошо» и собирается писать книгу о боях в Югославии и о Д. Михайловиче, Тито все же просил навести о нем справки в НКВД⁶⁶⁹.

После этого, 15 (по другим документам, 19) сентября 1942 г., по линии Коминтерна пришло совершенно секретное сообщение для Тито по поводу Махина. В нем Махин раскрывался перед Тито как сотрудник советской политической разведки. Тито через своего представителя должен был обратиться к Махину от имени его прежнего куратора «Правдина» при помощи пароля: «Привет от товарища Правдина, я пришел продолжать работу, которую проводил с Вами Правдин». Органы советской разведки (кодированное наименование «соседи») проявили большую заинтересованность и просили выяснить, нет ли у Махина какой-либо информации для «Правдина», каким было его положение у Д. Михайловича и может ли он вновь войти к нему или кому-то из его окружения в доверие, а также может ли Махин вернуться к Михайловичу или на оккупированную территорию и осуществлять оттуда связь. Как уже отмечалось, «Правдиным» являлся советский разведчик Р. Аббиа, в 1942 г. находившийся в США. После этого Махин для Тито стал подозрительным, но при этом неприкасаемым.

В ответ 19 сентября от имени Махина была отправлена радиограмма: «Товарищу Правдину. Преследуемый немцами и белогвардейцами,

⁶⁶⁷ Prva proletarska. Ilustrovana monografija. Zagreb, 1984. S. 52.

⁶⁶⁸ *Dedijer V. Dnevnik*. Т. 1. S. 196.

⁶⁶⁹ *Фирсов Ф.И.* Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943. М., 2007. С. 439.

я 23 июня прошлого г[ода] скрылся в Черногории, где участвовал в партизанском движении с самого его начала и там себя достаточно скомпрометировал в глазах четников Дражи Михайловича. Был у них в плену и освобожден партизанами от выдачи итальянцам. После итальянско-четнического наступления в Черногории отступил с партизанами в Боснию, где присоединился к Верховному штабу. Из окружения Михайловича хорошо знаком с его помощником Ильей Трифуновичем (Бирчанином), председателем Народной Одбраны, его характеристику, мне кажется, я Вам сообщил. Трифунович сейчас с помощью итальянцев ведет наступление против партизан со стороны Сплита. Попытаюсь при посредстве партизанского Верховного штаба связаться с ним, и если удастся, то и устроить с ним свидание. В этом отношении желательны Ваши указания. Пробраться в оккупированные края при постоянной за мной слежке гестапо сейчас невозможно. На днях пошлю подробную информацию о положении нашей здешней борьбы. Я очень обрадован возможностью нашей связи и работы. Горячий привет. Махин»⁶⁷⁰.

После имени Махина стояла подпись самого Тито. Из этого документа, возможно, следует, что с началом войны Махин, будучи у Д. Михайловича, по каким-то каналам связи продолжал информировать советское руководство, но допустимо и предположение о передаче таких данных до войны. Кроме того, эта обрывочная фраза свидетельствует о характере информации, предоставлявшейся Махиным в Москву: речь шла о характеристиках югославских политических деятелей. По оценке А.Ю. Тимофеева, Тито пытался при помощи Махина обосновать перед Коминтерном правильность своего курса на борьбу с четниками.

Советские представители попытались использовать Махина для связи с формированиями Д. Михайловича, но Махин уклонился от возвращения в штаб возглавляемого Михайловичем Югославского войска в Отечестве для выполнения задания Москвы. Не собирався отпускать его туда и сам Тито, который сообщил в Москву, что задание очень сложное, а Махин уже старый и болезненный⁶⁷¹. Вскоре последовало уточнение: нужно было предложить Махину ведение разведывательной работы на территориях, занятых немцами и итальянцами.

⁶⁷⁰ Цит. по: Тимофеев А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010. С. 216–217.

⁶⁷¹ Там же. С. 215–216.

янцами. Предполагалось, что Федор Евдокимович будет организовывать засылку агентов в соседние страны и поддерживать с ними связь. Другим возможным направлением его деятельности должна была стать работа по разложению четников Михайловича. В Москве даже предлагали, чтобы Махин организовал похищение одного из ближайших соратников Дражи. Неутомимый полковник получил в Коминтерне кодовое имя «Марс», соответствовавшее первым буквам его фамилии⁶⁷². Москва в шифровке от 26 сентября 1942 г. предписывала Тито следующее: «Марса нужно будет передать для работы товарищам, которые будут Вами выделены для специальной работы. Пока же держите связь с ним Вы. Если подходящих товарищей не подберете, то рацию и радиста передайте ему для связи с соседями. При этом учтите, что Марс хотя и проверен на работе соседями, но все же он не является их кадровым представителем, поэтому за ним нужен контроль в форме, не могущей его обидеть. Шифр для него будет переслан через Вас»⁶⁷³. С учетом того что на всю Югославию, по данным на начало 1943 г., для связи с Коминтерном действовало только три радиостанции (в Хорватии, Словении и в партизанском районе Югославии у Тито)⁶⁷⁴, подобное распоряжение существенно повышало статус Махина и ограничивало возможности Тито. Нет ничего удивительного, что последний его не исполнил, оставив контроль связи с Москвой за собой.

27 сентября датировано последнее донесение Махина «Правдину» через радиостанцию ЦК Компартии Югославии с описанием победы партизан над четниками в Западной Боснии и упоминанием широкого сотрудничества четнических воевод с итальянскими оккупантами. Махин выразил мнение о невозможности и ненужности легализации партизанского движения эмигрантским правительством Югославии, отметив перспективность признания партизан англо-американцами, хотя бы в военном отношении⁶⁷⁵. Очевидно, что подобные сообщения могли составляться только под полным контролем Тито. Независимым источником информации для Москвы Махин после его раскрытия

---

⁶⁷² В одном из исследований истории партизанской разведки была высказана целая серия гипотез, кем мог быть «Марс», если бы им вместо Махина являлся кто-то иной (*Odić S., Komarica S. Partizanska obavještajna služba 1941–1942. Zagreb, 1988. Kn. 3. S. 86–87*).

⁶⁷³ Фирсов Ф.И. Секретные коды истории Коминтерна... С. 440.

⁶⁷⁴ Тимофеев А.Ю. Русский фактор... С. 192.

⁶⁷⁵ Там же. С. 217.

самими советскими представителями быть перестал, а Тито не соби­рался предоставлять русскому офицеру никаких особых полномочий.

Существует версия о том, что при Тито состоял некий согладатель от НКВД и что им был Махин. Однако исследователи это не подтверж­дают. По оценке российско-сербского историка А. Ю. Тимофеева, со второй половины 1941 г. поток материалов о положении в Югославии, поступавших в Москву, резко сократился, а в результате не вполне понятных провалов руководство СССР лишилось независимых от Тито источников информации, причем в одном случае достоверно известно, что статус агента девальвировал сам Тито⁶⁷⁶. Не стал таким согладатель и Махин.

Война объединила бывшего участника Белого движения на Востоке России Махина и бывшего югославянского интернационалиста Тито, боровшегося в Сибири с белыми⁶⁷⁷. Роль Махина при Тито малоизвестна, многие сведения противоречивы, а часть до сих пор засекречена. Но по совокупности имеющихся сведений можно утверждать, что эта роль была значимой. Достаточно отметить, что в октябре 1942 г. Махин жил вместе с Тито и его ближайшими соратниками в одном железнодорожном вагоне. Всего в вагоне размещалось 13 человек, включая самого Тито и его любовницу и секретаря Зденку (настоящее имя и фамилия – Даворианка Паунович)⁶⁷⁸, причем Махин имел привилегированное купе, отделенное деревянными перегородками⁶⁷⁹.

В 1942 г. Махину исполнилось 60 лет. По возрасту он уже не мог выполнять функции полевого командира, специалистом по современной войне или по диверсиям он также не являлся. Не случайно журналист при штабе Тито В. Дедиер звал его «старый Махин» (Дедиер был на 32 года моложе). Отголоски отношения к Махину в штабе как к старику прослеживаются и в распоряжениях Тито, изложенных Дедиером. Например, в такой записи: «В самых тяжелых ситуациях и при наивысшем накале борьбы товарищ Тито всегда беспокоился, спрашивал, давал указания, например, о размещении больных, старых, измученных товарищей, которые время

⁶⁷⁶ Там же. С. 190–192.

⁶⁷⁷ Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. М., 1991. С. 3.

⁶⁷⁸ Матовић И. Војсковођа с ореолом мученика. Повест о генералу Арсу Р. Ивановићу начелнику Врховног штаба НОВЈ и његовој трагичној судбини. Београд, 2001. С. 293.

⁶⁷⁹ Savić B. Rad šifranata u Vrhovnom štabu – uspostavljanje veze sa Kominternom i nase prve sifre // Veze u NOV. Ratna Sećanja. 1941–1945. Beograd, 1981. T. 2. S. 258–259.

от времени находились в Верховном штабе. Среди них такие люди, как [В.] Назор, Махин, [И.] Рыбар и даже совершенно обычные, неизвестные бойцы»⁶⁸⁰.

Однако Федору Евдокимовичу нашлось применение. Помимо большого опыта руководства вооруженной борьбой, он владел рядом иностранных языков (русским, немецким, английским, французским, болгарским, чешским и сербохорватским с русским акцентом). Владение языками, наряду с академическим образованием, пониманием военно-политической ситуации, военной географии СССР и общей эрудицией оказалось востребованным в штабе Тито в условиях дефицита информации о ходе войны. В обязанности Махина входило прослушивание и комментирование сведений различных радиостанций, прежде всего советских и британских. Поскольку для прослушивания радио требовалась тишина, Махину выделили отдельную комнату, которую он делил с шифровальщиком, что воспринималось другими работниками штаба с некоторой завистью как привилегия⁶⁸¹. Для нужд штаба Махин чертил карты и делал доклады⁶⁸². Кроме того, он участвовал в составлении и редактировании «Наставления по организационной структуре и основным задачам разведывательной службы на освобожденной и неосвобожденной территории», выпущенного не позднее 27 ноября 1942 г. за подписью Тито⁶⁸³. Также Махин выступал с лекциями в войсках и публиковал обзоры военно-политической ситуации в «Военно-политическом обозрении Верховного штаба». Официально Федор Евдокимович состоял военным советником при Верховном штабе Народно-освободительной армии Югославии, работал переводчиком и сотрудником отдела пропаганды. В дневнике В. Дедиера сохранилась запись о том, как Махин 19 января 1943 г. взволнованно сообщил работникам штаба о прорыве блокады Ленинграда,

⁶⁸⁰ *Dedijer V. Dnevnik. Rijeka, 1981. T. 3. S. 153.*

⁶⁸¹ *Savic P. Mirnodopski život u Bihaću omela je ofanziva // Bihaćka Republika. 4.11.1942–29.1.1943. Beograd, 1965. Kn. 1. S. 254.*

⁶⁸² *Dedijer V. Dnevnik. T. 1. S. 275.*

⁶⁸³ *Милошевић М. Полицијско-безбедносно структуре у окупираној Србији 1941–1944 // Гласник историјског архива Ваљево. 2002. № 36. С. 68; Akrap G. Маč i štít u rukama Partije – represivni sustav u funkciji oblikovanja korpusa javnog znanja // National Security and the Future. 2010. № 4 (11). S. 181. Текст этого документа см.: Zbornik NOR. Beograd, 1957. T. 2. Kn. 6. S. 460–467.*

случившейся накануне⁶⁸⁴. Другому участнику партизанской борьбы запомнились комментарии Махина о Сталинградской битве⁶⁸⁵.

Партизанская война была сопряжена со смертельной опасностью не только для рядовых бойцов, но даже для работников штаба. В разгар боев 13 июня 1943 г. Махин с группой бойцов отделился от главных сил партизан и пытался прорваться от Сутьески в Герцеговину, однако в селе Чемерно попал в плен к четникам. Сохранилось полуанекдотическое описание его пленения в дневнике журналиста при штабе Тито В. Деджера, видимо, изложенное впоследствии самим Махиным. Четники «начали прыгать вокруг него. Один четник воскликнул: “Смотрите, русский еврей в партизанской шапке”»⁶⁸⁶. Махину повезло – через два дня он сумел бежать с помощью местных партизан. Это было уже его вторым освобождением от четников, причем скрылся Махин в тех же местах, где жил в 1941–1942 гг. – в районе племени баняне на границе Восточной Герцеговины и Черногории. Затем Махин не ранее августа возвратился к титовцам. Истории о том, как он сумел перехитрить четников и освободиться уже во второй раз, пользовались популярностью в штабе Тито.

26 сентября 1943 г. Махин вместе с другими деятелями науки и культуры подписал коллективное письмо протеста против убийства четниками ученого С. Милошевича (того самого, которого освободили вместе с Махиным у четников в 1942 г.) и поэта И.Г. Ковачича, которое было обнародовано через радиостанцию «Свободная Югославия»⁶⁸⁷.

Старый товарищ Махина генерал П. С. Махров вспоминал: «Махина я знал как талантливого офицера Генерального штаба, как храброго, доблестного офицера и большого патриота. В 1941 году он, будучи эмигрантом, считал своим долгом служить России.

Тито любил и уважал Махина. Он его и произвел в генералы за боевые заслуги»⁶⁸⁸. И в другом месте: «Махин был человек живого творческого ума, военно-образованный, выдающийся офицер Генерального штаба, обладавший сильной волей, мужеством и храбростью»⁶⁸⁹.

⁶⁸⁴ *Dedjjer V. Dnevnik. Rijeka, 1981. T. 2. S. 59.*

⁶⁸⁵ *Nikolis G. Partizanski sanitet u vreme stvaranja AVNOJ-a // Bihaćka Republika. Kn. 1. S. 252.*

⁶⁸⁶ *Dedjjer V. Dnevnik. Rijeka, 1981. T. 2. S. 298.*

⁶⁸⁷ *Tito J.B. Sabrana djela. Beograd, 1984. T. 16. S. 253.*

⁶⁸⁸ *Махров П. С. Белая эмиграция в период 2-ой мировой войны // BAR. P.S. Makhrov Collection. Vox 6. Ч. 1. Тетрадь 2. С. 101.*

⁶⁸⁹ Там же. Ч. 2. Тетрадь 3. С. 192.

По свидетельству эмигранта В.А. Маевского, «после прихода немцев в Югославию полк[овник] Махин скрылся из Белграда в горы к партизанам Тито, в штабе которого играл большую роль как военный специалист. А когда Тито, после окончания войны, вступил в Белград, то, в ознаменование особых заслуг Махина, произвел его в генерал-майора, а затем и генерал-лейтенанта. Когда же этот его сотрудник скончался, то в Белграде устроены были исключительно пышные похороны»⁶⁹⁰.

Неудивительна апология Тито в брошюре Махина, изданной в 1944 г. На страницах этого издания Махин охарактеризовал Тито как носителя стратегической мысли Народно-освободительной армии Югославии, который воплощал в себе высокие качества политического мыслителя и военачальника⁶⁹¹.

В несколько романтической форме причины карьерного взлета Махина у Тито представил поэт Б.А. Слуцкий. По его словам, «тоска по строевому офицеру, с погонами, появилась у югославов сравнительно рано ... Авторитет русской армии как кадровой сказался и в том, что казачий полковник Махин, порвавший с Дутовым в 1919-м, очутившись у партизан, дослужился до генерал-лейтенанта, хоть и писал больше статьи о Суворове и Фрунзе и заведовал в Главном штабе военно-пропагандным отделом»⁶⁹². Махин был не единственным русским эмигрантом в окружении Тито. В Верховном штабе НОАЮ служил В.Ф. Смирнов на посту начальника технического отделения, а также некоторые другие выходцы из России.

Для Махина нашлась работа, соответствовавшая его военно-академическому образованию и опыту. Он служил одним из руководителей отдела радио и пропаганды штаба Народно-освободительной армии Югославии (по некоторым данным, заведовал им), сотрудничал с газетами и журналами («Борьба», «Военно-политическое обозрение Верховного штаба», «Новая Югославия»), составлял недельные обзоры положения на советско-германском фронте, готовил информационные материалы для радиостанции «Свободная Югославия»⁶⁹³. В дальнейшем стал первым начальником исторического отделения Генерального штаба югославской армии. В этом качестве Махин должен был собирать материалы о боевых операциях, анализировать

⁶⁹⁰ *Маевский В.А.* Русские в Югославии. Т. 2. С. 113.

⁶⁹¹ *Махин Ф.* Наша регуларна војска. Нови Сад, 1944. С. 17.

⁶⁹² *Слуцкий Б.А.* О других и о себе. М., 2005. С. 65–66.

⁶⁹³ *Матовић И.* Војсковођа с ореолом мученика ... С. 617, 632.

успехи и неудачи партизан. Писал большие пропагандистские статьи о Суворове и Фрунзе, активно занимался издательской деятельностью. В 1944 г. Махин в Белграде издал пропагандистскую брошюру «Вперед на Германию»⁶⁹⁴, в Нови Саде также была выпущена его брошюра «Наша регулярная армия» (написана в сентябре 1944 г.). Кроме того, перу Махина принадлежат еще несколько произведений на сербском языке⁶⁹⁵. Махин получил у югославов прозвище «атаман». Он считался в штабе Тито человеком высокообразованным, обладавшим широким кругозором и большим патриотом⁶⁹⁶. Махин находился в дружеских отношениях с начальником югославского Генерального штаба генералом Арсо Йовановичем.

Указом от 1 ноября 1943 г. Тито произвел Махина в генерал-лейтенанты югославской армии, минуя чин генерал-майора, что стало актом признания его заслуг⁶⁹⁷. Впрочем, в опубликованном в СССР дневнике Махина производство отнесено к 24 февраля 1944 г. Тито уведомил Федора Евдокимовича об этом телеграммой⁶⁹⁸.

1944 год остается наименее понятным в военной биографии Махина. В ряде биографических материалов о нем указано, что он побывал в СССР на праздновании 26-й годовщины Красной армии в феврале 1944 г., где ему была устроена торжественная встреча⁶⁹⁹. Якобы знакомство с Красной армией произвело на Махина большое впечатление. Он вернулся из СССР в оптимистическом настроении и говорил о скорой победе над гитлеровцами. Судя по всему, источником этих сведений послужили материалы личного дела Махина, хранящегося в Сербии.

Однако такая поездка представляется маловероятной. Дело в том, что регулярного авиасообщения СССР с Тито тогда еще не было. Поездки были сопряжены с огромными трудностями и риском. Известно, что 23 февраля 1944 г. в Боснию после целой серии перелетов через Баку – Тегеран – Багдад – Каир – Триполи – Тунис – Бари – район города Петровац прибыла советская военная миссия генерал-лейтенанта

⁶⁹⁴ Махин Ф. Журиш на Немачку. Београд, 1944.

⁶⁹⁵ Voina Enciklopedija. Т. 5. С. 208.

⁶⁹⁶ Матовић И. Војсковођа с ореолом мученика ... С. 632.

⁶⁹⁷ Зборник докумената и података о народноослободилачком рату југословенских народа. Београд, 1949. Т. 2, кн. 1. С. 376.

⁶⁹⁸ Махин Ф. Югославский дневник // Красная звезда. 1945. 10.02. № 34 (6022). С. 3.

⁶⁹⁹ Иветић В. Махин Ф.Ј. // Српски биографски речник. Нови Сад, 2014. Т. 6. С. 320;

Јововић Б., Марческу Н. Први начелници историјских одељења... С. 114.

Н.В. Корнеева из Москвы⁷⁰⁰. Миссии Корнеева пришлось высаживаться на импровизированный аэродром с планеров. Судя по всему, раньше марта Махин куда-то вылететь не мог. Не подтверждаются сведения о такой поездке и в опубликованном в СССР дневнике Махина.

По имеющимся сведениям, летом 1944 г. Махин был в Италии, где находилась база НОАЮ, а в конце августа прибыл в штаб Тито на остров Вис. После освобождения Белграда частями Красной армии 20 октября 1944 г. Махин в числе первых поздравил командующего 3-м Украинским фронтом маршала Ф.И. Толбухина с победой.

В ноябре 1944 г. была сформирована правительственная делегация Югославии для поездки в Москву. Главой делегации был премьер-министр и министр иностранных дел И. Шубашич. В составе делегации в СССР отправился и Махин как представитель Верховного штаба НОАЮ. Статус генерала союзной армии являлся определенной гарантией безопасности Махина в СССР. Перелет обеспечивали советские летчики. 14 ноября делегация вылетела с аэродрома Земун. Летели до Бухареста, совершив там сложную посадку. Далее до Москвы добирались поездом и прибыли 20 ноября на Киевский вокзал.

Делегацию торжественно встречали сотрудники Наркомата иностранных дел и Наркомата обороны во главе с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР И.М. Майским. Сохранилась кинохроника этой встречи. Интересно, что Майский в 1918 г. в Самаре являлся министром труда Комуча, а Махин занимал высокий пост в Народной армии Комуча. Позднее же Майский вполне объективно охарактеризовал деятельность Махина в своей книге «Демократическая контрреволюция». Он, несомненно, понял, кем являлся гость из Югославии. Знал ли Махин о Майском и о его деятельности в 1918 г., читал ли его книгу – об этом можно только догадываться.

Нарком В.М. Молотов устроил для делегации завтрак. 22 ноября руководителей делегации вместе с Молотовым в течение трех часов и пяти минут принимал И.В. Сталин, однако в журнале посещений его кабинета Махин не указан⁷⁰¹.

У Федора Евдокимовича была своя программа переговоров. В частности, он приехал в военную миссию НОАЮ в СССР со специальным поручением ознакомиться с организацией военного издательства

⁷⁰⁰ Подробнее о миссии см.: Тимофеев А.Ю. Русский фактор... С. 229–239.

⁷⁰¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / науч. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 444.

в СССР и печатными материалами по опыту войны для того, чтобы организовать военное издательство в Югославии и перепечатать советские материалы, которые можно было бы положить в основу учебны по повышению квалификации офицеров НОАЮ. 30 ноября соответствующая просьба была направлена заместителю начальника Генерального штаба Красной армии генералу армии А.И. Антонову⁷⁰². Просьба была удовлетворена.

1 декабря югославская делегация улетела из Москвы. Но Махин, вероятно, задержался в СССР. Во всяком случае, в январе–феврале 1945 г. в газете «Красная звезда» вышла подцензурная публикация отрывков из его дневника за 1941–1944 гг. с апологией Тито. Кроме того, по одному из свидетельств, на обратном пути Махин на Украине встретился с женой. Следовательно, возвращался он на поезде, а не на самолете.

Если для Тито Махин был неприкасаемым как советский агент, то для Сталина он таковым оказался в качестве югославского генерала. И хотя прежние сослуживцы Махина по антибольшевистскому лагерю подвергались в те годы в СССР преследованиям даже за меньшие прегрешения, самого его не тронули ни за громкую измену 1918 г., ни за эсеровский диверсионный активизм начала 1920-х гг. Не было дано хода и заочному приговору в отношении Махина, вынесенному в 1922 г. на процессе ПСР и отложенному до возвращения Федора Евдокимовича на Родину. При этом Махин верил в демократизацию советской власти.

В марте 1945 г. Федора Евдокимовича назначили начальником исторического отделения Генерального штаба НОАЮ и начальником военных архивов Югославии. Он сотрудничал с органом ЦК КПЮ газетой «Борьба», будучи ее военным комментатором, и даже якобы способствовал возвращению в СССР части золота, вывезенного чехословаками в Гражданскую войну из Сибири⁷⁰³. 29 апреля 1945 г. ему наряду с другими офицерами и генералами была поручена разработка тем для подготовки военно-политической литературы. К 20 мая он должен был разработать тему «Место нашей народно-освободительной войны в общесоюзнической стратегии», а к 1 июня – «Обзор стратегии и тактики нашей войны»⁷⁰⁴.

Деятельность Махина отмечена одной из высших наград Югославии – орденом Партизанской звезды I степени (посмертно за храбрость,

⁷⁰² Сергиенко А.М. АГОН – авиационная группа особого назначения. М., 1999. С. 264.

⁷⁰³ Серков А.И. Русское масонство 1731–2000. С. 530.

⁷⁰⁴ Zbornik NOR. Beograd, 1969. Т. 9, кн. 9. С. 614.

4 июня 1945 г.)⁷⁰⁵ и памятной медалью бойца, участвовавшего в боевых действиях с 1941 г., а также советским орденом Ленина.

Знавший вдову Махина эмигрант Г.А. Малахов отмечал, что Махин «дружил с Моше Пияде и Владимиром Назором.

После войны Ф.Е. Махин организовал в Каалемегдане (часть Белграда) военный музей и был первым его начальником»⁷⁰⁶. Генерал М. Пияде был одним из ближайших соратников И.Б. Тито, в конце 1944 – начале 1945 г. (видимо, одновременно с Махиным) находился с политической миссией в Москве. Хорватский писатель и поэт В. Назор являлся одним из руководителей партизанского движения в Югославии. При этом вряд ли справедливо утверждение о том, что Махин организовал военный музей в Белграде, так как тот был создан еще в 1878 г.

В докладной записке посла СССР в Югославии И.В. Садчикова наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову от 27 ноября 1945 г. о русской белой эмиграции в Югославии сообщалось, что «основная масса проживающих в настоящее время на территории Югославии русских эмигрантов изменила свое отношение к Советскому государству, став на патриотические позиции ... В настоящее время в рядах Югославской армии на различных должностях находится 443 эмигранта. Некоторые из них приняли активное участие в партизанском движении с самого его зарождения, занимая ответственные командные посты. Например, недавно умерший генерал-лейтенант Югославской армии Махин Федор»⁷⁰⁷. В приложенной справке отмечалось, что Махин «еще до войны стал на патриотический путь по отношению к Советскому Союзу. После нападения Германии на Советский Союз Махин отдал себя в распоряжение народно-освободительного движения Югославии, а впоследствии стал одним из его организаторов»⁷⁰⁸.

Махин неожиданно заболел и скончался в Белграде 3 июня 1945 г. Посмертно награжден югославским орденом Народного освобождения. Поездка генерала в СССР незадолго до смерти породила разговоры о том, что его смерть не была естественной. Можно допустить и другие версии, особенно с учетом высокой информированности Махина как куратора военных архивов Народно-освободительной армии (в частности, там

⁷⁰⁵ Фјодор Јевдокимович Махин, генерал-лајтнант // Борба (Београд). 1945. 04.06. № 134. С. 1.

⁷⁰⁶ Малахов Г.А. Записки эмигранта // Архив ДРЗ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 11. С. 156.

⁷⁰⁷ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Т. 10. С. 744–745.

⁷⁰⁸ Там же. С. 748.

хранились материалы о переговорах титовцев с гитлеровцами). Однако, видимо, все было прозаичнее. Некоторые подробности, достоверность которых не представляется возможным проверить, изложил в своих воспоминаниях эмигрант Г.А. Малахов: «В 1945 году, после войны, он (Махин. – А.Г.) съездил в Москву. Несмотря на рекомендацию Иосифа Броз Тито, Сталин его не принял, а принял Молотов.

Сталин не разрешил Махину остаться в России и передал ему через Молотова: “Уезжайте назад в Югославию!”

На обратном пути на Украине он повидал свою первую жену. Сыновья не пришли повидать своего отца. Они еще перед войной публично отказались от него.

Все это Махина потрясло. Приехал он из России в Югославию больным. Лечился лекарствами, привезенными из Москвы. Его приемная дочь Ирина Лазаревна предлагала ему швейцарские лекарства, но Махин не стал их принимать. Он больше верил московским. Вскоре он умер. В Белграде прошел слух, что он был в Москве отравлен. Этому нелепому слуху верила и его вдова, Надежда Георгиевна.

Об этом она мне лично говорила, когда я ее навестил перед отъездом на Родину»⁷⁰⁹.

Возможно, предположения об отравлении Махина в СССР относились к более позднему времени охлаждения советско-югославских отношений и являлись антисталинской легендой. Если бы Махин являлся нежелательной для советского руководства фигурой, было бы намного проще задержать его в СССР и подвергнуть репрессиям.

Товарищ Махина генерал Махров, живший во Франции, считал, что тот умер от переутомления на войне⁷¹⁰. И хотя Махров судил об этом, скорее всего, только как сторонний наблюдатель, рациональное зерно в его оценке присутствовало. За годы походов по горам склонный к полноте Махин резко сбросил вес, что не могло не отразиться на его здоровье. Три года походной жизни и партизанской войны с высокими физическими нагрузками при отсутствии элементарных бытовых удобств, не говоря о постоянном риске и нервном напряжении, являлись тяжелейшим испытанием даже для людей среднего возраста, Махину же в начале войны исполнилось 59 лет. А впереди

---

⁷⁰⁹ Малахов Г.А. Записки эмигранта // Архив ДРЗ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 11. С. 156.

⁷¹⁰ Махров П.С. Белая армия в эмиграции // BAR. P.S. Makhrov Collection. Вых. 6. Тетрадь 4. С. 349.

были постоянные перемещения по территории Югославии, множество боев, два плена и побег.

На первой полосе газеты «Борьба» группа видных генералов югославской армии, членов ЦК Компартии Югославии (включая Милована Джиласа, Арсо Йовановича, Кочу Поповича) подписала некролог. Другой некролог с идентичным началом напечатала газета «Политика». Обе газеты также поместили репортажи о похоронах Махина, прошедших 4 июня 1945 г.

В некрологе газеты «Политика» отмечалось, что Махин был необычайно симпатичной и интересной личностью, очень скромным и доброжелательным человеком⁷¹¹. Отмечалось, что в старой России он как сторонник левых взглядов находился под подозрением, ссылка его отца в Сибирь также подавалась как акт политического преследования.

Прощание с Махиным проходило в Доме Югославской армии (Офицерском доме). Помощник начальника Генерального штаба генерал-майор Раде Хамович в траурной речи перед домом Югославской армии сказал: «Мы прощаемся с еще одним большим патриотом, большим сыном братской России, первоборцем⁷¹² нашей армии генерал-лейтенантом, нашим дорогим Федором Махиным. С момента своего прибытия в нашу страну он не пошел по пути тех беженцев из Советской России, которые начали создавать в Югославии реакционный центр для следующей интервенции в братский Советский Союз, уже в числе первых начал путем распространения книг разоблачать ложь о братском Советском Союзе, о его силе и о молодой Красной армии. Наши народы ему за это очень благодарны. А позже, когда те же предательские банды начали создавать батальоны и дивизии для борьбы против нашего народа, который в свое время оказывал им гостеприимство, наш дорогой Махин уезжает в Черногорию. Среди первых борцов седой старик берет в руки винтовку и сражается в течение четырех лет вместе с нами»⁷¹³. Махину противопоставлялись русские коллаборационисты, сотрудничавшие с гитлеровцами.

Траурная процессия с гробом, установленным на артиллерийский лафет, проследовала по улицам Краля Милана, Теразие, Краля Александра до Нового кладбища. Махина похоронили с воинскими почестями

⁷¹¹ Умро је генерал-лајтнант Фјодор Махин // Политика (Белград). 1945. 04.06. С. 3.

⁷¹² Первоборец – участник сопротивления с 1941 г.

⁷¹³ Свечана сахрана генерал-лајтнанта Фјодора Махина // Политика. 1945. 06.06. С. 5.

на белградском Новом кладбище на аллее народных героев Югославии возле памятника защитникам Белграда в 1915 г.

Возле могилы речь произнес генеральный секретарь президиума правительства М. Бакич, который сказал: «Я помню твои лекции в июне 1942 года, которые ты читал в Четвертой пролетарской бригаде. Первыми словами твоей лекции были: “Я, товарищи бойцы, говорю как русский, как русский патриот, и я считаю, что, сражаясь в ваших рядах, я защищаю свою Родину, я защищаю братство и единство славянских народов”»⁷¹⁴.

Р. Лалич от редакции газеты «Борьба» отметил: «В генерал-лейтенанте Федоре Махине мы потеряли человека, чье благородное сердце билось не только за русский народ, не только за его великую Родину, но и за нашу страну, и за наш народ. В Югославии Федор Махин нашел свою вторую Родину, которой посвятил все свои большие способности и все рвение своего широкого славянского патриотизма. Не только борец и воин, Федор Махин был видным общественным деятелем, отличным военным писателем, публицистом и журналистом. В своих статьях он внушал веру в Красную армию в то время, когда немецкий фашизм готовился напасть на нашу страну и на Советский Союз. Его работа на французском языке “Красная армия” разоблачила распространенную ложь о мнимой слабости Красной армии. Имя Федора Махина навсегда останется в истории нашего народно-освободительного движения, в истории нашего народа»⁷¹⁵.

Почетный караул дал три залпа салюта, а оркестр сыграл похоронный марш.

Как свидетельствовал товарищ Махина генерал П. С. Махров, Махин пользовался уважением и любовью Тито, а погребение офицера «состоялось с возданием воинских почестей, соответствовавших его генеральскому чину. На похоронах присутствовал советский военный агент, прибывший поклониться праху усопшего»⁷¹⁶.

На похоронах Махина присутствовали начальник Генерального штаба генерал А. Йованович, генеральный секретарь президиума правительства М. Бакич, заместитель председателя Антифашистского веча народного освобождения Югославии М. Вуячич, представители

⁷¹⁴ Там же.

⁷¹⁵ Там же.

⁷¹⁶ *Махров П. С.* Предания и воспоминания об академии Генерального штаба // *BAR. P.S. Makhrov Collection. Voh 2. Ч. 4. Тетрадь 9. С. 1308.*

Народной скупщины Сербии, советской, болгарской и албанской военных миссий. Однако И.Б. Тито отсутствовал, что свидетельствует, по-видимому, о не столь близких отношениях между ним и Махиным.

Именем генерала Махина в 1946 г. была названа одна из улиц Белграда, но в конце XX в. улицу в связи со сменой государственной идеологии переименовали, посвятив художнику Миче Поповичу⁷¹⁷. Увы, могила Махина к началу XXI в. затерялась, и неоднократные попытки автора ее отыскать успехом не увенчались. Однако есть надежда на то, что место захоронения известно по кладбищенским документам, что позволит восстановить надгробие.

Махин женился достаточно рано, еще даже не будучи офицером. Его первую жену звали Устинья Митрофановна, она была дочерью казака и подарила мужу троих сыновей (Петра, родившегося 27 июня 1900 г., Георгия, родившегося 25 ноября 1902 г., и Михаила, родившегося 12 января 1907 г.). Уже в 18-летнем возрасте Федор Евдокимович впервые стал отцом. В анкете 1923 г. Махин указал, что его супруге 35 лет, а семья находится в России⁷¹⁸. Жена Махина, так же как и он сам, происходила из старообрядческой семьи, признававшей священство, дети были православными.

После революции семья Махина осталась в Советской России, и Федор Евдокимович пытался перевезти близких к себе, используя для этого связи с чехами и соратниками по партии, сложившиеся во время Гражданской войны. В частности, 29 августа 1926 г. он писал своему другу И.М. Брушвиту: «Ты мне обещал помочь вывезти мою семью из Совдепии. Теперь надо начинать. Нужно, во 1^з, две визы, т.е. для жены Устиньи Митрофановны и сына Георгия, во 2^з, я получил сведения, что сын очень бы хотел поступить в художественную школу, т.к. у него имеется художественный дар. Я не знаю, имеется ли в Праге художественная академия, разузнай и попроси д[окто]ра Гирсу, не могут ли они помочь содержать сына в школе или академии ... нужны деньги, т.к. теперь паспорта страшно стоят»⁷¹⁹. Просьба помочь в том же вопросе содержалась и в еще одном письме⁷²⁰. Из этих документов следует, что в 1920-е гг. Махин поддерживал связь с семьей в СССР.

⁷¹⁷ Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы. Эссе. М., 2007. С. 81.

⁷¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3451. Л. 1.

⁷¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5789. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

⁷²⁰ Там же. Л. 5.

Увы, перевезти семью Махину так и не удалось. Сам Федор Евдокимович считал, что это произошло из-за клеветнических обвинений в его адрес, исходивших от представителей пражского Земгора. Очевидно, в дальнейшем переписка с родными оказалась или невозможна, или предельно затруднена. Не исключено, что вербовка советской разведкой также была связана с возможностью продолжения контактов с семьей. По-видимому, среди мотивов поездки Махина в СССР в 1944 г. также было стремление повидать семью и побывать на Родине.

По некоторым данным, в Белграде до 1941 г. подругой Махина стала Клавдия Жухина⁷²¹. По-видимому, речь идет о Клавдии Вячеславовне Жухиной (урожденной Бобоховой) (23.11.1892–04.06.1982) – югославской переводчице и журналистке. В 1923 г. она вышла замуж за участника Белого движения Н.И. Жухина, который умер в 1943 г. Известно, что в 1940-е гг. Жухина по поручению Тито перевела на сербский язык краткую биографию И.В. Сталина. После Второй мировой войны Жухина получила советское гражданство и с дочерью Ольгой была выслана из Югославии. Скончалась К.В. Жухина в Ленинграде.

Впрочем, о семейной жизни Махина есть и иные сведения. Как вспоминал эмигрант Г.А. Малахов, в эмиграции Махин женился вторым браком на соотечественнице, которую звали Надежда Георгиевна. «После смерти Ф.Е. Махина его сыновья потребовали, чтобы домик отца в Земуне и все его имущество было передано им, а не второй жене Махина и его приемной дочери. Югославский суд отклонил это требование, т.к. на суде было доказано, что сыновья публично отказались от отца»⁷²². Сложно сказать, насколько такое свидетельство достоверно.

Однако можно предполагать, что новый брак был гражданским. Доказательством тому следующая история о Махине, изложенная его сербским товарищем по оружию В. Зечевичем (впоследствии югославским министром внутренних дел): «Каждый день приносил что-то новое, что-то необычное. Однажды, стоя с Весой Маслешей и Федором Махиным у окна, я услышал на улице песни, музыку и крики. Несколько повозок проехали мимо, и с пением вышла свадебная процессия. Я пошутил: “После войны мы поженимся, хотя у нас есть женщины, но мы устроим свадьбу с повозками и музыкой”. Махин воспринял это

---

⁷²¹ *Иветић В. Махин Ф.Ј. // Српски биографски речник. Нови Сад, 2014. Т. 6. С. 320.*

⁷²² *Малахов Г.А. Записки эмигранта // Архив ДРЗ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 11. С. 157.*

всерьез и добавил: «Я не могу, не могу, потому что у меня только одна жена, я не согласен жениться во второй раз»⁷²³.

Наконец, некая Вера Махина училась в 1941 г. в Русско-сербской женской гимназии в Белграде⁷²⁴. Возможно, она имела какое-то отношение к Федору Евдокимовичу.

Удалось установить, что уроженец Чкалова (Оренбурга) Махин Петр Федорович 1900 года рождения принял участие в Великой Отечественной войне. Очевидно, это был сын Ф.Е. Махина. Он был призван в Красную армию 23 февраля 1944 г. Ашхабадским райвоенкоматом, служил гвардии рядовым, телефонистом 3-й батареи 214-го гвардейского гаубичного артиллерийского полка резерва главного командования. 6 апреля 1945 г. он устранил шесть порывов на линии связи под обстрелом противника. За это 8 мая 1945 г. П.Ф. Махин был награжден медалью «За боевые заслуги»⁷²⁵. Из этого следует, что сын Махина проживал в городе Ашхабад Туркменской ССР.

По свидетельству сослуживца Ф.Е. Махина генерала П.С. Махрова, «в эмиграции он резко отмежевался от организаций, враждебных Советской России, и стал сотрудничать с Союзом Оборонческого движения, борясь против эмиграции, пораженчески настроенной.

Он любил Россию и болел душой, когда нашей Родине грозила опасность с Востока и с Запада. Он изучал то, что происходило в Сов[етской] России, и написал книгу о Красной армии. Когда грянула война, Федор Евдокимович ушел с патриотами-сербами бороться против гитлеровской армии, сознавая, что одновременно он служит и своей Родине.

Он был счастлив дожить до дня, когда он увидел свое Отечество во славе.

В частной жизни Федор Евдокимович был добрейшей души человеком, а если кого он полюбил, то был ему верным другом до гроба. У него было два сына⁷²⁶, оставшиеся в СССР, о судьбе которых до последней войны он ничего не знал. Мир праху твоему, мой дорогой друг»⁷²⁷.

⁷²³ Zecevic V. Poverenje naroda // Bihaćka Republika. Kn. 1. S. 233.

⁷²⁴ ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 428. Л. 22об.

⁷²⁵ Центральный архив Министерства обороны. Ф. 33. Оп. 717037. Д. 763. Л. 45. Документ доступен на сайтах «Память народа» и «Подвиг народа».

⁷²⁶ Так в документе. На самом деле – три.

⁷²⁷ Махров П.[С.] Памяти Ф.Е. Махина // Русские новости (Париж). 1945. 31.08. № 16. С. 6.

***

Жизненный путь полковника Махина в высшей степени интересен, парадоксален и противоречив. Оренбургский казак-старообрядец, родившийся в консервативной семье героя, попавшего на каторгу за пьяное буйство. Волевой человек, который, несмотря на каторжное детство и отсутствие образования, поступил в училище и вышел в офицеры. Думающий командир, которому претило участвовать в подавлении крестьянских волнений. Целеустремленный офицер, тянувшийся к знаниям и сумевший окончить академию, несмотря на отчисление. Убеденный сторонник демократии, примкнувший в революцию к партии эсеров и пошедший по заданию ЦК партии в Красную армию для ведения подрывной работы. Красный командарм, оказавший большие услуги своим товарищам по партии и перебежавший затем в антибольшевистский лагерь. Талантливый военачальник, завоевавший доверие своих бойцов и ставший для них настоящим народным вожаком и отцом-командиром. Человек, искренне убежденный в своих политических взглядах, причем готовый ради достижения намеченных целей идти даже на авантюры. Эмигрант, жаждавший активной деятельности и обладавший вкусом к нелегальной работе в международном масштабе, что привело его к сотрудничеству с югославским МИДом и советскими спецслужбами, а также к членству в масонских организациях. Аналитик и мыслитель, спрогнозировавший ряд событий эпохи Второй мировой войны и, возможно, благодаря точности прогнозов сделавший тот идейный выбор, который и сегодня кажется нам верным. Русский патриот, антифашист и коммунист, ставший генералом Народно-освободительной армии Югославии. Все это об одном человеке – Федоре Евдокимовиче Махине.

Всякий выбор имел свои издержки. Командовавший соседней с Махиным 1-й армией Восточного фронта и сохранивший лояльность большевикам М.Н. Тухачевский сделал в Красной армии блестящую карьеру, став в итоге одним из первых Маршалов Советского Союза. Впрочем, расстрельный финал Тухачевского известен. Последующая жизненная траектория Махина оказалась, быть может, более полой, но и не столь драматичной.

Изменив большевикам, Махин не пришелся ко двору и эсерам, на сторону которых перешел. Несмотря на членство Махина в эсеровской партии, лидеры Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания опасались доверить ему высшие посты в военном ведомстве

и, видимо, рассматривали его как потенциального контрреволюционера. В итоге Махин так и остался одним из нескольких полевых командиров Народной армии Комуча, удерживавших фронт на Волге летом–осенью 1918 г.

В боях Гражданской войны Махин зарекомендовал себя с лучшей стороны, оказавшись способным, решительным и инициативным начальником, а также популярным народным вожаком. Однако с белыми ему как стороннику демократии и эсеровской политической программы оказалось не по пути. Участие в заговоре против атамана А.И. Дутова и адмирала А.В. Колчака в Оренбурге стало формально очередной изменой Махина, теперь уже антибольшевистскому лагерю. Как следствие, он, в отличие от своих сверстников и сослуживцев, надевших генеральские погоны, не сделал карьеры и у белых.

Оказавшись в эмиграции, Махин первоначально пытался участвовать в подрывной работе против Советской России, но, придя к выводу об отсутствии перспектив широкого антибольшевистского движения, переменил род деятельности. Махин многое сделал для помощи русским эмигрантам, в основном через работу в такой организации, как Земгор. Прежние противоречия с белыми не исчезли. Для белой военной эмиграции Махин оставался изгоем, контакты с которым порицались. Тем более что постепенно Махин эволюционировал в своих взглядах в сторону коммунизма и антифашизма. Однако непростыми оказались взаимоотношения и с прежними товарищами по партии эсеров, что привело к расколу Земгора.

Уже в 1930-е гг. Махин занял антифашистскую, просоветскую и оборонческую позицию, что привело его сначала к сотрудничеству с советской политической разведкой, а в конечном счете в ряды югославских коммунистов.

В этот период Махин раскрыл еще одну грань своих способностей – показал себя хорошим военно-политическим аналитиком и прогнозистом, внимательно изучавшим международное положение и военные угрозы.

Несомненно, Махин был амбициозным человеком. В особенности это проявилось в годы эмиграции, когда он стремился упрочить свое влияние в среде русских беженцев и стать заметной фигурой в югославском истеблишменте (например, через связи в масонских организациях). На него действительно обратили внимание, а возглавлявшийся Махиным Земгор стал центром притяжения для многих эмигрантов.

Однако кульминацией карьеры Махина стало участие во Второй мировой войне. На склоне лет Махин вписал в свою биографию, казалось бы, совершенно невероятную для простого русского эмигранта главу – стал приближенным генерального секретаря ЦК Компартии Югославии И.Б. Тито и генералом НОАЮ. В итоге в силу разных причин с Махиным не смогли ничего сделать ни Тито, ни Сталин.

Какими бы ни были взгляды Махина (консервативно-монархические, эсеровские, антибольшевистские, коммунистические), он всегда оставался патриотом своей Родины. Вдали от России, в эмиграции, он не погряз в бытовой рутине, активно занимался политической, военной, просветительской, социальной, организационной деятельностью, стараясь помогать русским беженцам. Махин – яркая, талантливая, противоречивая и недооцененная фигура, а его судьба – наглядный пример пути «лишнего» человека, который провел всю жизнь в мучительных исканиях, нередко ввязывался в авантюры, но стремился приносить пользу стране и своим соотечественникам.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКУМЕНТ 1

Записка Ф.Е. Махина о ближайших задачах, стоящих на очереди в связи с возобновлением войны с Германией. 17 июля 1918 г.⁷²⁸

Копия

Записка

о ближайших задачах, стоящих на очереди в связи с возобновлением войны с Германией

Вопрос о возобновлении военных действий против Германии требует немедленного же составления плана войны, хотя бы в самых общих чертах, для того, чтобы, не теряя ни одной минуты, можно было вести подготовительные к войне работы.

Надежда на то, что план войны должен быть или будет разработан или нашими союзниками, или чехословацким штабом, является плодом непонимания вообще той роли, которую должна играть в зарождающейся борьбе Россия, и в частности задач высшего военного командования.

Разработка плана войны штабом наших союзников безусловно будет сделана, но она не освобождает от этой работы русский Генеральный штаб. Она должна бы быть им сделана для того хотя [бы], чтобы придти на помощь союзникам освещением тех условий русской действительности, которые, конечно, известны союзникам не с такой полнотой, с которой они известны нам.

Анализ условий войны позволит нашей дипломатии при всех переговорах с союзниками стоять на почве учета реальных сил, как наших, так и союзнических.

---

⁷²⁸ Ранее публиковалась с искажениями и купюрами в: Из архива В.И. Лебедева. От Петрограда до Казани // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 188–197.

Решаясь на возобновление войны, как высшее военное командование, так и верховная в стране власть должны отчетливо представлять себе те задачи, которые вызываются войной, и какие жертвы должны быть потребованы от народа.

Общее стратегическое положение

Апрельский удар германцев в сторону французских и английских войск, который мог бы в случае успеха в кратчайший срок дать окончательную победу Германии над союзниками, был отражен совместными усилиями англо-французских войск. Новый удар немцев в направлении на Париж втягивает их в длительную борьбу, сводящуюся к борьбе за выигрыш пространства, т.к. даже с потерей Парижа Франция сохраняет за собой большую часть территории, которая может продолжать служить ей источником, из которого она будет черпать свои людские и материальные средства.

Затягивание борьбы не может быть выгодно Германии, т.к. силы союзников с каждым днем могут увеличиваться за счет американского десанта.

Окончательная победа Германии будет еще более сомнительной, если часть ее сил будет вновь притянута к Восточному фронту.

Борьба на Восточном фронте будет губительной для Германии и еще вследствие того, что Россия в этом случае перестает служить ей в качестве глубокого тыла, снабжая ее продовольствием и необходимым для военных действий сырьем.

Таким образом, возобновление войны на русском фронте может оказать решающее значение на окончательный исход более чем 4-хлетней великой мировой борьбы в смысле крушения империалистических надежд Германии. Как следствие отсюда вытекает, что если борьба на русском фронте необходима во имя возрождения России, то она также необходима и во имя торжества общесоюзнического дела.

Силы Германии, ныне находящиеся в России

Вследствие отсутствия свежих данных о противнике можно воспользоваться только приблизительными сведениями о нем, которыми располагал к 25 мая штаб Московского района. Общая численность германо-австрийских войск определялась в 500 тысяч человек – 48–52 пехотных и 11 кавалерийских дивизий. Из них почти половина: 25

пех[отных] и 3 кав[алерийские] дивизии [-] была сосредоточена на Украине и на Дону; другая значительная часть: 16 пех[отных] и 8 кавал[ерийских] дивизий – в районе Гельсингфорс – Выборг – Рига – Ревель – Псков.

Связующей эти группы войск была группа в 6–8 пех[отных] дивизий, сосредоточенная в районе Могилев – Орша.

О численности германо-турецких войск на Кавказе сведений не было. Подобная группировка неприятельских войск давала место такому предположению о плане действий противника:

Главные действия развивать на флангах; при этом более решительные действия намечаются на левом фланге, т.к. южная группа, оккупирующая Украину и Дон, имеющие громадное значение для Германии, не может выделить значительных сил для активных действий; задача этой группы может свестись к захвату Нижней Волги, прекращению единственной связи с Кавказом.

Северная группа, по-видимому, имеет своей задачей, во-первых, прервать всякую связь с Мурманом и Архангельском, во-вторых, развивать действия, обходя с севера р[еку] Волгу, дабы, с одной стороны, возможно скорей овладеть левым берегом этой реки на участке примерно до Симбирска, с другой, овладеть ж[елезно]д[орожным] путем Вологда – Вятка – Пермь – Челябинск с целью лишить нас возможности использовать уральские заводы и предупредить прибытие помощи с востока.

Наступление противника в двух рассмотренных направлениях в значительной степени облегчит действия противника в направлении на Москву и почти автоматически отдаст в его руки всю Центральную Россию.

Выход противника на линию Вятка – Средняя и Нижняя Волга лишит нас большей части наших людских средств и громадного запаса военного имущества, сосредоточенных в Москве, Рыбинске, Н[ижнем] Новгороде, Козлове, Тамбове, Саратове и др[угих] пунктах.

Учет сил союзников, которые могут принять участие в военных действиях на русском фронте

Для союзников англо-французов желательно, чтобы военные действия на русском фронте возобновились без особого расхода живых сил с их стороны, дабы возможно бóльшую их часть использовать на Зап[адном] фронте. Создание союзнического фронта у нас более

приемлемо для союзников главным образом за счет американской, а в особенности японской армий.

Условия сосредоточения десанта, высаженного во Владивостоке

В грубых цифрах: для перевозки двух корпусов потребуются резерв вагонов к началу посадки около 10 000.

На дороге должно иметься исправных паровозов не менее 100.

При максимальном напряжении графика и занятии его исключительно для воинского движения два корпуса могут быть сосредоточены: – один у Сызрани, другой у Вятки – 30 дней.

Эти данные весьма приблизительны, взяты теоретически при нормальных условиях ж[елезно]д[орожного] транспорта. Они могут служить только отправными при поверхностном решении вопроса.

В действительности же срок сосредоточения должен быть значительно увеличен.

Условия сосредоточения десанта, высаженного на Мурмане и в Архангельске

Отсутствие в моем распоряжении данных о транспортных средствах, которые могут быть использованы союзниками для десанта, вынуждает меня пользоваться только приблизительными расчетами.

Транспортные средства Германии по расчетам, которые имелись у нас к началу войны, позволяли ей произвести единовременный десант двумя корпусами. Весьма вероятно, что союзники могут располагать не меньшими транспортными средствами и могут поднять одновременно также не меньше двух корпусов. Если допустить благоприятный случай возможности движения по Мурманской ж[елезной] д[ороге] без помех со стороны противника и, следовательно, возможности совершать движение по двум колеям при провозоспособности их в 12 поездов каждая, можно считать в среднем, что сосредоточение десанта в районе ст[анция] Званка – Вологда двух корпусов может быть закончено в 10 дней. Полагая величину рейса в 10 дней, получим, что при самых благоприятных условиях мы будем иметь в районе Званка – Вологда два союзнических корпуса с момента их посадки через 20–25 дней. Подвижного состава потребуется:

вагонов – около 5000,
паровозов – около 200.

Таким образом, при самых благоприятных условиях союзники, считая и чехословацкий корпус, могут через месяц от начала десанта иметь до 5 корпусов.

В действительности, вероятно, срок этот, ввиду невозможности иметь достаточный подвижной состав и невозможности весь график предоставить для военного движения, должен быть увеличен по крайней мере в два раза.

Выводы из рассмотрения соотношения сил

1. Германцы безусловно в первый период после начала военных действий будут иметь численный перевес над войсками союзников.

2. Пользуясь превосходством в силах, они могут отрезать всякое сообщение нашего Севера с Центральной Россией и этим самым развязать себе руки для осуществления своего плана.

3. Для задержания германского наступления необходимо усилить союзнические войска русскими контингентами, организованными в войсковые части, а также и партизанскими отрядами, которые должны действовать в неприятельском тылу.

Подготовка к борьбе с германским вторжением, производимая по плану Высшего военного совета

К середине июня Советская Россия располагала, по крайней мере на бумаге, для задержания германского вторжения около 90 тысяч [ами] штыков⁷²⁹. Войска эти составляли «завесу», передовые части находились у демаркационной линии. Управление войсками осуществлялось посредством штабов военных руководителей участков и отрядов.

Участков было два:

Северный Петроградский – (штаб в Петрограде).

Западный – (штаб в Калуге).

В состав последнего входил Московский район, имевший своей задачей оборону ближайших к Москве губерний.

В состав участков завесы входит несколько отрядов.

---

⁷²⁹ В документе – штыками.

Штаб участка был организован наподобие штаба армии.

Штаб отряда – наподобие штаба корпуса.

Штабы были организованы из вполне опытных военных специалистов, которые в своем большинстве, вне всякого сомнения, стояли на платформе борьбы за независимость России.

Отряды находились в начальном периоде их переформирования в дивизию, почти не имели артиллерии, обозов.

План действия сводился к задержке противника на важнейших ж[елезно]д[орожных] путях, намечалось создание и укрепленных рубежей, но к работам еще приступлено не было. Вопрос о[б] использовании войск завесы в целом может быть поднят только после свержения советской власти. Тем не менее все же необходимо считать, что часть войск, находящаяся под влиянием левых соц[иалистов]-революционеров, примет активное участие в задержании противника. Благодаря наличию сорганизованных, вполне дееспособных штабов, часть которых будет находиться в руках левых с[оциалистов]-р[еволюционеров], можно рассчитывать, что управление этими частями будет удовлетворительно.

Ближайшие задачи

Предстоящая война главной своей тяжестью должна лечь на русский народ. Несмотря на самое искреннее желание помочь нам, союзники не могут бросить на нашу территорию такое количество войск, которое превосходит тот максимум, который допускается соотношением пространства и средствами транспорта. Вследствие этого русскому народу надлежит в самый кратчайший срок создать достаточно сильную армию.

В период формирования союзнические войска должны сыграть роль прикрывающих формирование авангардов. Вместе с этим они должны явиться центрами, вокруг которых будут группироваться русские народные вооруженные силы.

С этой точки зрения всякий союзнический корпус можно учитывать равным по крайней мере – двум.

Помимо создания регулярной армии, русский народ должен подготавливаться к общему восстанию против германцев. Восстание должно носить организованный характер и выражаться в партизанских набегах на железные дороги, места складов, важные сооружения, имеющие военное значение, и т.п.

Политические задачи момента

Рассчитывать на успешный исход борьбы можно только при общем единодушном подъеме всей России, включая в нее и только что отвергнутую по Брестскому договору – Украину.

Главную массу борющегося народа представят, конечно, крестьяне и рабочие. Обеспеченные классы дать большого контингента не в состоянии, вследствие своей малочисленности. Таким образом, перед ответственными руководителями страны стоит задача поднять на борьбу многомиллионные народные массы. Эта задача [не] может считаться неосуществимой. Примеры из нашей и всеобщей истории доказывают, что, невзирая на расхождение интересов отдельных групп населения, в критические моменты в жизни страны народы находили общие, объединяющие их идеи и вступали в борьбу во имя их.

В Смутное время в области, примыкающей к Н[ижнему] Новгороду, была сформирована сотысячная армия, которая изгнала иностранные войска, усмирила шайки бунтовщиков и восстановила в стране порядок.

В 1812 году губернии Московской области, кроме регулярных войск, выставили в 2 месяца ополченские части численностью в 60 тысяч человек.

Во Франции в 1871 году Гамбетта в 1 месяц сформировал добровольческую армию в 600 тысяч человек.

В эпоху Наполеона, несмотря на то что господство французов несло освобождение народным массам от гнета абсолютизма, испанский народ, сплотившись около короля, вел борьбу с Наполеоном 11 лет, закончившуюся крушением наполеоновских планов.

Северные области Германии, вскоре после заключения Тильзитского мира, подняли восстание против французов.

В период нашей истории, предшествовавший Смутному времени, мы могли, в случае надобности, выставлять армию в 500 000 человек, несмотря на то, что количество населения было сравнительно незначительно.

Если взять в расчет те губернии, населением которых можно будет воспользоваться даже в случае вторжения противника в страну – (Приволжские, Приуральские и Сибирь), получим общее число жителей в 39 мил[ионов] (равняется Франц[ии]), общее число мужчин рабочего возраста (от 20 – [до] 70 л[ет]) – 8 мил[ионов].

Если рассчитывать на 1/8 часть мужчин рабочего возраста, то можем получить армию на Волге, Приуралье и Сибири в один миллион.

Если к этому числу прибавить те повстанческие части, которые могут оперировать в неприятельском тылу, то получим общую сумму наших сил, вполне достаточную для решения стоящей перед нами исторической задачи.

При отсутствии правильно действующего государственного механизма, а в частности военно-мобилизационного аппарата, рассчитывать призвать весь возможный контингент можно только при условии духовного подъема народа. Лозунг, который может привести народ в движение, по-моему, единственный: «Земля и Воля, независимая демократическая Россия». Всякие другие едва ли окажутся настолько могущественными, чтобы народ, находящийся в периоде революции, мог бы поддаться их обаянию.

Таким образом, во имя спасения России, во имя тех жертв, которые выпадут на рабочую и крестьянскую массу, все остальные классы страны должны найти в себе гражданское мужество для того, чтобы указанный выше лозунг трудового народа сделать своим лозунгом.

Следующей задачей является борьба с советской властью[:] во 1-х – с целью иметь возможность объединить на почве одной идеи борьбы с Германией население Советской России и, во-вторых, воспользоваться военным имуществом, сосредоточенным во всех крупнейших пунктах, и, в 3-х, обеспечить за собой наиболее выгодное стратегическое положение. Нельзя не учитывать в данный момент и того обстоятельства, что борьба за возможность привития массам Советской России идеи восстания против германцев несколько облегчается разрывом с коммунистами так называемых левых с[оциалистов]-р[еволюционер]ов, усиленно культивирующих эту идею как в войсках, так и в населении.

Задачи военного строительства

1. Принцип добровольческого формирования армии должен быть в самом ближайшем времени откинут. Русский народ привык защищать Родину сообща, массой. Нужно формировать армию принудительно, но таким образом, чтобы каждый чувствовал, что этим формированием творится общее большое дело. Агитация, нравственная подготовка народа облегчит задачу осуществления мобилизации армии.

Для выполнения принудительного призыва должен быть создан стройный мобилизационный аппарат с работоспособными ор-

ганами на местах, прочно связанными с центром. Аппарат этот должен, не теряя ни одной минуты, начать работу по учету военнообязанных, коневых и перевозочных средств и разработке плана мобилизации.

Обстановка диктует необходимость образования, таким образом, Военного министерства и Генерального штаба, общих для всех освобожденных от большевиков мест России, включая и Сибирь, и местных органов военного управления.

2. Одновременно с подготовительными мобилизационными работами приступить к оборудованию нашей тыловой базы по линии Екатеринбург – Челябинск – Оренбург.
3. Для управления войсками, выполняющими боевую операцию, создать штаб командующего действующей армией.
4. Ближайшей оперативной задачей должно быть поставлено продвижение к линии реки Ока – Цна – Царицын и окончательное очищение от большевиков Приуралья.
5. Районы сосредоточения формирующей армии наметить:
  - а) Вятка – Пермь – Сарапуль.
  - б) Казань, Самара – Уфа, Оренбург.
  - в) Саратов, Царицын, Уральск и
  - г) Астрахань.
6. Сейчас же приступить к разработке плана народного восстания в тылу противника, составлению инструкций для партизанских действий.
План восстания должен предусматривать:
  - а) снабжение оружием,
  - б) связь и согласование действий с регулярно действующим войсками,
  - в) подготовка очагов восстания и
  - г) денежная помощь повстанцам.
7. Связываться с организациями, ведущими борьбу с Германией на Дону, Кавказе и Украине (пунктами, через которые удобно держать эту связь, являются Царицын и Астрахань).

Генерального штаба подполковник Ф. Махин

17 июля 1918 г.

г. Самара

**Таблица людских средств Приволжья, Приуралья и Сибири.
Составлена по приблизительным данным**

Название губерний	Общее число населения обоего пола	1/8 часть населения работоспособного возраста мужского пола (6 возрастов)	Сколько может быть сформировано дивизий
	В тысячах	В тысячах	Всего
Астраханская	1127	44	1
Вятская	4062	120	4
Вологодская	1772	59	2
Казанская	2900	90	3
Нижегородская	2081	65	2
Оренбургская	2272	70	2
Пензенская	1940	60	2
Пермская	4083	127	4
Самарская	3899	122	4
Саратовская	3432	109	3
Симбирская	2124	66	2
Уфимская	3139	95	3
Итого в Евр[опейской] России	[32 781]	1027	32
Сибирь	10 377	324	10
Всего	43 158	1351	42

Генерального штаба подполковник Ф. Махин

ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 387. Л. 1–5об., 17. Машинописная копия. То же: РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–10.

ДОКУМЕНТ 2

К.С. Бурево́й

Полковник Махин⁷³⁰

На мрачном фоне самарской трагедии, где-то в конце, на отшибе, стоит как-то сама по себе светлая и мощная фигура полковника Махина.

Уже тогда, когда для всех стало ясно, что Самара будет сдана, когда уже вся пакость, панически настроенная, удирала куда глаза глядят и когда для самого руководителя военного ведомства стала очевидной полная несостоятельность очень и очень многого – только тогда командующим войсками Самарского района был назначен полковник Махин.

Армия бесконечно обрадовалась этому назначению, но, однако, нашлись люди, которые старались своей провокацией подорвать авторитет Махина; руководимая немецкими агентами организация вызвала возмущение в офицерском батальоне.

Полковник Махин вынес на своих плечах всю тяготу эвакуирующего[ся] города, и только ему (и больше никому) Россия обязана тем, что отступление из-под Самары приняло организованный характер, что отступившие части Народной армии сохранили свою боеспособность.

Заслуги Махина в защите уже проигранной Самары огромны. Не менее огромна и его прежняя деятельность в борьбе с большевизмом.

С небольшим отрядом вольских повстанцев, имевших всего-навсего одно легкое орудие, начал свои операции полковник Махин на Хвалынском фронте, куда он приехал уже как человек, обладающий головою, которую советская власть оценила в сто тысяч рублей за уфимское дело.

И сразу же по прибытии в Хвалы́нск, – это было 19 июля, – полковник Махин завоевал себе большую любовь со стороны солдат Народной армии, на глазах которых протекала его самоотверженная и трудная работа по защите территории Учредительного собрания на нижне-вольском фронте и по формированию войск.

---

⁷³⁰ Ранее публиковалось с пропусками в: *Петров А.А. История Вольской Народной армии // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. науч. трудов. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 94–95.*

Всегда в бою под непрерывным огнем сильной большевистской артиллерии, полковник Махин – энергичный и сильный испытанным на опыте знанием – молчаливо и упорно производил одну операцию за другой: там отражал, там разбивал и преследовал во много раз превышающие большевистские отряды.

«Это уже японцы, не чехословаки», – так говорили бегущие красноармейцы об отряде Махина, состоявшем из крестьян и рабочих.

И бежали к Вольску, к Саратову. Возвращались с подкреплениями и с новой злобой. Наступали на Хвалынский многочисленными отрядами со стороны Вольска, Кузнецка и Николаевска, по Волге надвигалась хорошо вооруженная большевистская флотилия.

Всему этому противостояли войска полковника Махина, пополненные крестьянами Николаевского и Хвалынского уездов. Плохо вооруженный, но храбрый пароходик «Горец» отражал большевистскую флотилию; слабая махинская артиллерия то и дело поражала сильную артиллерию Красной армии. Одна за другой там пушка выходила из строя или попадала вместе с ружьями и пулеметами в плен к полковнику Махину.

Так было не раз, такие нападения одно время наводили панический страх на большевистскую артиллерию.

Слишком широкий фронт Махина, охватывавший уезды Хвалынский, Николаевский и Вольский, требовал слишком большого напряжения и жертв.

И это напряжение и жертвы были. И первым примером был сам полковник Махин.

Вот отряд окружен, Красная армия слишком сильна, много пулеметов и орудий, а у нас 2 пушки. Тяжело. Люди устали, измучились. Грохот, непрерывный грохот советских пушек. У нас много жертв – чистых, беззаветных... Убит адъютант полковника Махина Владимир Борулев. Правая рука... Смятение в рядах Народной армии, уныние. Махин сам идет в разведку, но против этого протестуют, – протестуют все – и решаются дружным натиском взять ряд деревень. Выполняется это в несколько часов; разведка оказалась нужной.

Через несколько дней опять ухудшилось положение. Махин под огнем. Пуля ударяет его в лицо. Махин наклоняется к земле... Солдаты плачут, но Махин жив. Не сдавая командования, истекая кровью, он последним покидает поле сражения.

«Это не Махин, а машина! – восторгаются солдаты Народной армии. – Дураки-большевики оценили его [в] сто тысяч, – нет, мы эту голову за сто миллионов не отдадим, сами умрем, умрем в Саратове, в Москве, там, где сказал Махин».

Любовь к нему велика, велико уважение. Его приказания не могут быть невыполненными.

Любит он солдат. Ибо он из народа – сын простого казака; видел много горя и нужды с раннего детства, когда его отец, ныне любимый всем Оренбургским казачьим войском судья Евдоким Васильевич Махин, безвинно страдал на каторге, в далекой Сибири.

Был в работниках, служил писарьком в станичном управлении и этим оказывал поддержку нуждавшейся семье.

Будучи 20-летним юношей, берется он за книгу и успешно сдает экзамен на вольноопределяющегося. На этом самоучка не останавливается и своими силами готовится к экзамену в академию Генерального штаба, которую и оканчивает одним из первых. Но трудна дорога казацкого сына, хотя уже и офицера Генерального штаба. Его тянет [не] к «великому свету», а к своим родным убогим станицам, к народу. С 1905–[190]6 гг. Ф.Е. Махин задумывается уже над организацией революционного казачества.

Всю войну с немцами он проводит на фронте, не покидая своей части до последних дней, когда только и осталось оплакивать разрушенную большевиками силу российской свободы и независимости – нашу многострадальную армию. И опять борьба... Махин организует в Москве противобольшевистскую тайную военную организацию, откуда и направляется к берегам могучей Волги для новой работы, работы трудной и ответственной.

Работа эта всем ведома.

О ней могут рассказать люди компетентные, – офицеры, которые рыдали, когда вторично раненный полк[овник] Махин прощался с ними перед отъездом с докладом в Самару.

И второе ранение, как и первое, Махин перенес, не выходя из строя; он был ранен в шею.

Его отряд, выдержав около 40 боев, увеличенный теперь до 4000 чел[овек] и снабженный в достаточном количестве отнятыми у большевиков пушками и пулеметами, достойный своего вождя, благополучно выбрался из натиска большевистских сил, показав им зубы, несколько раз их смяв и опрокинув.

«Махин – надежда Русской армии» – так говорят о нем знающие его офицеры.

И это действительно так.

Свою любовь к Народной армии и ее делу полковник Махин дважды засвидетельствовал своей кровью.

Свои знания, опыт, огромную волю – все без остатка отдает он Народной армии.

*Член Учредительного собрания К. Буревой*⁷³¹

Буревой К.С. Полковник Махин // Народ (Уфа). 1918. 19.10. № 29. С. 2–3.

ДОКУМЕНТ 3

И.Г. Акулинин

Колчак и атаман Дутов. Отзвуки омского переворота 18 ноября 1918 года в Оренбурге и Уфе⁷³²

18 ноября 1918 года в Омске произошел государственный переворот. Директория, выбранная на Уфимском совещании⁷³³, была свергнута. Военный министр Сибирского правительства адмирал А.В. Колчак⁷³⁴ был провозглашен Верховным правителем.

---

⁷³¹ Буревой Кость (Клим) Степанович (Сопляков Константин Степанович) (02.08.1888–15.12.1934) – депутат Учредительного собрания, член Комуча.

⁷³² Ранее публиковалось в: *Ганин А.В.* Заговор против атамана Дутова в воспоминаниях очевидцев // Археография Южного Урала: Материалы Третьей Межрегиональной науч.-практич. конф. 30 сентября 2003 года. Уфа, 2003. С. 27–36.

⁷³³ Государственное совещание в Уфе проходило в период с 8 по 23 сентября 1918 г. На совещании присутствовало 170 депутатов от различных государственных образований и политических партий Востока России. Председателем совещания являлся Н.Д. Авксентьев. По решению совещания было сформировано Временное Всероссийское правительство (Директория).

⁷³⁴ Колчак Александр Васильевич (04.11.1874–07.02.1920) – адмирал, Верховный правитель России.

Весть об омских событиях пришла в Оренбург на другой день. Атаман Дутов⁷³⁵ получил пространное телеграфное извещение, в котором приводились все причины, повлекшие за собою устранение Директории и переход власти в руки адмирала Колчака. Он просил атамана Дутова признать новое положение вещей и поддержать его в деле борьбы с большевиками.

Почти в то же время в Оренбурге было получено воззвание Комитета членов Учредительного собрания, который, после падения Самары, перебрался в Уфу. Члены Учредительного собрания выражали горячий протест против низложения Директории и призывали всех объединиться вокруг комитета, дабы оказать адмиралу Колчаку самое решительное сопротивление.

С конца 1917 года во главе всего антибольшевицкого движения в Оренбургском крае стоял атаман Дутов. Он располагал значительными военными силами, каких в то время еще не было – ни у Сибирского правительства, ни у комитета. В состав Оренбургской армии⁷³⁶, кроме казачьих полков, входили целые дивизии, сформированные из крестьян Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний, а также особые башкирские и киргизские части. Оренбургские казаки, помимо непосредственной защиты войсковой территории, дрались под Самарой, Уфой и Екатеринбургом.

Поддержка атаманом Дутовым той или другой стороны в те дни имела первенствующее значение.

Почти с самого начала вооруженной борьбы с большевиками в Оренбурге были две местных власти: Войсковое правительство Оренбургского войска и Башкирское правительство, распространявшее свое влияние на башкирские земли Оренбургской и Уфимской губерний,

Комитет членов Учредительного собрания, с минуты своего возникновения, держал в Оренбурге своего уполномоченного, функции которого сводились к правам и обязанностям прежнего губернатора.

Во главе оренбургского Войскового правительства стоял атаман Дутов, а председателем Башкирского правительства был Валидов, выдвинувшийся во время революции из народных учителей.

---

⁷³⁵ Дутов Александр Ильич (05.08.1879–07.02.1921) – генерал-лейтенант, Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска, командующий Юго-Западной армией.

⁷³⁶ Здесь и далее И.Г. Акулинин неточен. В тот период – Юго-Западной армии.

В сентябре месяце 1918 года как атаман Дутов, так и Валидов с особыми делегациями от обоих правительств ездили в Уфу на Государственное совещание и принимали самое живое участие в создании общегосударственной власти, вылившейся тогда в форму Директории.

Теперь, когда Директория была свергнута, перед обоими правительствами вновь встала ответственная задача – определить свое отношение к той новой власти, которая возникла в Сибири в результате омских событий 18 ноября.

Войсковое правительство Оренбургского войска, после некоторых дополнительных запросов и разъяснений, полученных из Омска, постановило: признать адмирала Колчака Верховным правителем и оказать ему всемерную поддержку в борьбе с советской властью. Принимая такое решение, Войсковое правительство учитывало всю обстановку, как на фронте, так и в тылу, и исходило как из своих, местных, так и [из] общегосударственных интересов. О своем решении Оренбург уведомил ближайших соседей – уральских казаков.

Атаман Дутов издал приказ по Оренбургской армии, призывая всех чинов сплотиться вокруг адмирала Колчака и удвоить энергию в борьбе с красным врагом. Командный состав в подавляющем большинстве приветствовал вступление во власть адмирала Колчака, имя которого было хорошо известно по его блестящим действиям на посту командующего Черноморским флотом.

Ни в одной войсковой части Оренбургской армии в эти дни никаких эксцессов не было. Везде было спокойно. Но Башкирское правительство уклонилось от признания адмирала Колчака. Симпатии его председателя склонялись на сторону Комитета членов Учредительного собрания. Однако прежде, чем принять то или иное решение, Валидов хотел выяснить общее положение и усиленно переговаривался с Уфой по прямому проводу.

В Оренбургской городской думе большинство гласных составляли эсеры и меньшевики. Появление у власти адмирала Колчака они расценивали как возврат к старому режиму. Наоборот, умеренная (главным образом кадетская) часть думы явно сочувствовала омскому перевороту.

В первых числах декабря из Уфы прибыли в Оренбург два члена комитета. В Караван-Сарае (местопребывании Башкирского

правительства⁷³⁷), – Валидов созвал тайное совещание, на котором присутствовали, кроме прибывших делегатов и членов Башкирского правительства, местные социалистические лидеры, несколько офицеров башкирских полков, окружной атаман 1-го округа и – что самое существенное – командующий Актюбинской группой (оборонявшей подступы к Оренбургу со стороны Туркестана) Генерального штаба полковник М[ахин].

Прибывшие члены Учредительного собрания ознакомили участников совещания с настроениями в Уфе и настаивали на поддержке комитета в его выступлении против Сибирского правительства.

В момент совещания в Оренбурге квартировали два башкирских полка. Казачьих частей не было: все они находились на фронте, за исключением Атаманского дивизиона и одного запасного полка, в котором обучались молодые казаки.

Валидов предлагал, с помощью башкирских полков, произвести в Оренбурге «местный переворот» – захватить власть в свои руки, с подчинением Комитету членов Учредительного собрания.

О происходившем заговоре был предупрежден, одним из башкирских офицеров, сначала комендант г. Оренбурга, а затем главный начальник Оренбургского военного округа, каковую должность в то время занимал пишущий эти строки.

Немедленно были приняты меры на случай выступления Валидова во главе башкирских полков. Атаманский дивизион и запасный полк были приведены в боевую готовность. За Караван-Сараем и казармами башкирских частей было установлено наблюдение. Большинство русских офицеров, служивших в башкирских полках, явились в распоряжение коменданта города. Но до решительных действий дело не дошло. Участники совещания после продолжительных прений под утро разошлись (заседание происходило ночью), не придя ни к какому определенному решению.

Приехавшие из Уфы члены комитета, из-за опасения ареста, поспешили покинуть Оренбург. Командующий Актюбинской группой, полковник М[ахин], получил от штаба Оренбургской армии предписание отправиться в Омск (причем ему была гарантиро-

---

⁷³⁷ До революции Караван-Сарай служил резиденцией оренбургского губернатора и Наказного атамана Оренбургского казачьего войска. И[ван] А[кулинин] (*примеч. И.Г. Акулина*).

вана полная безопасность), оттуда он выехал за границу. Председатель Башкирского правительства Валидов укрылся вглубь Башкирии и вскоре перешел на сторону большевиков. Атаман 1-го округа, по постановлению окружного съезда, был смещен со своей должности.

В одном из полков⁷³⁸ небольшая группа офицеров и казаков, под влиянием воззваний комитета, повела агитацию против подчинения адмиралу Колчаку. Руководители группы были арестованы и отправлены из боевой линии в Оренбург. Не желая создавать эксцессов, начальство ограничилось наложением на них дисциплинарных взысканий.

В общем, переход власти в руки адмирала Колчака в Оренбургском крае прошел сравнительно спокойно. Ни бунтов, ни открытых выступлений не было. И вскоре стало казаться, что с новым порядком вещей примирились даже не сочувствовавшие омскому перевороту.

В действительности, социалистическая часть русской общественности и большевизанствующие круги повели усиленную подпольную работу, разрушительные последствия которой не замедлили сказаться, как на фронте, так и в тылу. В конце концов, эта работа, как мы знаем, привела все освободительное движение со стороны Сибири к роковому исходу.

*И. Акулинин*⁷³⁹

Акулинин И. [Г.] Колчак и атаман Дутов. Отзвуки омского переворота 18 ноября 1918 года в Оренбурге и Уфе // Возрождение (Париж). 1930. 07.02. № 1711. С. 2.

---

⁷³⁸ Судя по всему, речь идет о волнениях в 4-й сотне 16-го Карагайского имени атамана Дутова полка.

⁷³⁹ Акулинин Иван Григорьевич (12.01.1880–26.11.1944) – генерал-майор, один из руководителей антибольшевистского движения в Оренбургском казачьем войске, соратник Войскового атамана А.И. Дутова, главноначальствующий Оренбургского военного округа на театре военных действий. Подробнее см.: *Ганин А.В.* Три жизни генерала Акулинина (Ч. 1) // Известия лаборатории древних технологий (Иркутск). 2015. № 3 (16). С. 28–54; То же (Ч. 2) // Там же. № 4 (17). С. 97–127; То же (Ч. 3) // Там же. 2016. № 1 (18). С. 95–127.

ДОКУМЕНТ 4

Ф.Е. Махин

Крестьянство в Гражданской войне

Больше трех лет, протекших со времени большевистского переворота, открывшего эру Гражданской войны, крестьянство России служит пушечным мясом в руках то красных, то белых диктаторов, возлагая свои надежды то на тех, то на других и, в конце концов, проклиная обе стороны. До сих пор оно еще не в состоянии, однако, найти в Гражданской войне свою собственную дорогу – дорогу борьбы за свои, а не за чужие цели. В этом направлении пока мы имеем лишь немногие первые попытки, из которых едва ли не самой интересной является история организации и борьбы черноморского крестьянства, документально обрисованная одним из участников и руководителей движения, членом нашей партии Н. Вороновичем⁷⁴⁰.

В пределах газетной статьи невозможно исчерпать всего богатого фактического материала книги. Ограничимся самым кратким изложением истории борьбы. В июле месяце 1918 г. черноморцы освобождаются от большевиков, но затем в конце лета того же года попадают под власть Добровольческой армии. Первые столкновения с добровольцами начинаются из-за отказа от мобилизации. Власть не замедлила ответить на этот отказ набегами карательных отрядов, расстрелами, поркой и уничтожением артиллерийским огнем целых сел. Крестьяне разоренных мест или подлежащие мобилизации скрываются в лесах, затем начинают разрозненные нападения на отдельные части Добровольческой армии. Таким образом, кладется начало движения «зеленых». Скоро, однако, крестьяне начинают сознавать необходимость организованных объединенных действий. Из просто «зеленых» начинает создаваться «Зеленая армия».

---

⁷⁴⁰ Сборник материалов и документов «Зеленая книга» – история крестьянского движения в Черноморской губернии. Собрал Н. Воронович. Издание Черноморской крестьянской делегации. 1921 г. (примеч. Ф.Е. Махина). Воронович Николай Владимирович (26.04.1887–18.07.1967) – эсер, командующий крестьянским ополчением Черноморской губернии.

На сельских и волостных сходах создаются районные штабы, из 2-х, 3-х сельчан, знакомых с военным делом, которые и берут в свои руки руководство местными отрядами. Затем удается устроить окружные собрания, на которых избираются окружные штабы, берущие на себя объединение действий отрядов данного округа. Наконец, 18 ноября 1919 года собирается в горах съезд делегатов от всей губернии при невероятно трудных условиях (многие из делегатов обморозили себе руки и ноги, а несколько человек попали в лапы деникинской контрразведки и были расстреляны). На съезде создается «Комитет освобождения» с задачей руководства движением во всем крае; оперативное управление поручается Главному штабу, который с соблюдением строгой конспирации производит большую подготовительную организационную работу через посредство окружных и районных штабов: во 1-х – берет на учет все мужское население от 24 до 45 лет, а также имевшееся у крестьян оружие, во 2-х – формирует в каждом районе по две роты – первой и второй очереди (распределение по очередям зависело не от возраста, а от наличия огнестрельного оружия).

Каждые две первоочередных роты были сведены в дружины, второочередные же составляли запас для пополнения первоочередных частей и для формирования новых. На вооружении крестьянского ополчения оказалось только 300 винтовок, часть ополченцев была вооружена старыми берданками, охотничьими ружьями и иногда просто кольями и дубинами.

Под влиянием крестьянского настроения Комитет освобождения, во главе которого стояли крупные соц[иалисты]-революционеры (Филипповский⁷⁴¹ и др.), вынужден был ускорить выступление. В ночь на 28 января было устроено нападение на белых в районе Сочинского округа. Благодаря умелому руководству, высокому подъему настроения участников, выступление достигло своей цели. Половина войск Деникина, сосредоточенных в Сочинском округе, попала в плен, и только часть пробилась на север. Отношение крестьян к выступлению видно из следующих строк: «В этом выступлении приняли участие не только вооруженные ополченцы, но поголовно все крестьянское население: древние старики, женщины,

---

⁷⁴¹ Филипповский Василий Николаевич (14.01.1882–1940) – морской офицер, эсер, председатель Комитета освобождения Черноморской губернии.

дети – все помогали, кто чем мог. Старики добровольно мобилизовали себя и своих лошадей для обоза, бабы приняли на себя заботы по продовольствию отрядов, подростки несли службу ординарцев и разведчиков».

В две недели черноморское побережье было очищено от противника. Большие запасы оружия и воинского снаряжения попали в руки крестьянского ополчения.

26 февраля [1920 г.] уже имелась возможность созвать открыто губернский съезд, на котором присутствовало 150 депутатов от крестьян и рабочих губернии.

В дальнейшем события развивались таким образом: наступившая весна заставила крестьян думать о полевых работах; ввиду того, что захваченные солдаты Добровольческой армии оказались насильно мобилизованными крестьянами и рабочими и изъявили согласие сражаться с белыми, Главный штаб решил заменить ими крестьянское ополчение; крестьянские роты были распущены на полевые работы. Сначала новые части ничем не нарушали доверия штаба и храбро сражались на фронте, но затем часть солдат, раньше служивших в Красной армии, стала обрабатываться большевиками, приехавшими из Москвы, уговаривавшими их бросить черноморцев и идти на соединение с наступающими на Кубань советскими войсками. Красноармейцы согласились, и вскоре весь фронт вышел из подчинения Главному штабу и самовольно пошел пробиваться на север. Пробиться ему, однако, не удалось, а Черноморье оказалось не защищенным. Этим воспользовался генерал Шкуро⁷⁴², вторгнувшийся в область. Черноморцы вновь попали под власть белых. Скоро Шкуро бежал, оставив на произвол судьбы свои войска. Власть белых сменилась властью красных, ничем не отличающейся от первой. Начались аресты, расстрелы руководителей крестьянского восстания. Казалось, что большевики получили поручение от Деникина расправиться с его врагами, чего сделать в то время сам он уже не мог.

Перед черноморцами вновь стала задача бороться с красными насильниками, вновь началась подготовительная работа по уже испытанному плану. Горький опыт доказал, что крестьянское

---

⁷⁴² Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич (07.01.1886–16.01.1947) – генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России.

движение теряет все свои завоевания, если не научается борьбе на два фронта.

Несомненно, что в момент решительной схватки всего русского крестьянства с большевиками черноморцы вступят в бой вполне организованными.

Приведенный пример борьбы черноморцев дает некоторые данные для построения военно-стратегической теории крестьянского движения. Попытаемся изложить ее хотя бы в самых главных и общих чертах.

1. Организованным движением нужно считать такое, которое выявляется в повсеместном и, по возможности, одновременном восстании трудовых масс, которое может быть направлено по определенному руслу и способно наносить поражение как красным, так и белым.
2. Организация движения заключается в создании возможностей:
  - а) с первого же момента осуществлять идею народовластия, путем участия самих трудовых масс, как в центральном аппарате власти, так и в местных органах управления.
  - б) организовать достаточные вооруженные силы для парализования всяких нападений со стороны красных и со стороны белых.
  - в) руководить повстанческими частями, с целью согласования действий и направления их согласно общему плану.
  - г) без промедления удовлетворять потребности населения в снабжении всем необходимым.
3. В организованном движении отмечаются два периода: подготовительный и решительный.

В первом идет конспиративный процесс сплочения масс по селам, волостям и уездам, если возможно, губерниям. Создаются кадры руководящих органов, общественно-политических и подчиненных им специальных военных из среды самого же населения, учитываются силы и средства данных районов, вырабатываются оперативные соображения для этих районов, согласно единому общему плану, принимаются меры к вооружению населения. В этом периоде возможно начало партизанских действий с целью дезорганизовать власть, заставить ее разбрасывать свои силы, быть

в состоянии постоянного напряжения. Во втором происходит открытое массовое вооруженное выступление, имеющее целью в возможно короткий промежуток времени захват повсеместно власти пародом. Нужно иметь в виду возможность в некоторых районах затяжки в достижении решительного успеха; в этом случае понадобится поддержка повстанцев этого района соседями. С первого же момента выступления должны начать свою работу народные органы управления.

4. Трудовые массы могут опираться только на свою собственную вооруженную силу, всецело находящуюся в их полном распоряжении и действующую исключительно под руководством органов, ими созданных. Подготовка народного ополчения может проводиться по примеру черноморских крестьян, изложенному выше; идея районных (волостных), окружных (уездных) штабов вполне рациональна, она совершенно исключает появление атаманов и своеобразных местных диктаторов, этих постоянных насадителей анархии. Система черноморцев – деления наличных сил на первую и вторую, также вполне правильна; она позволяла заблаговременно иметь людской запас, который немедленно пускать в ход, когда того требовали обстоятельства и когда это позволяли средства вооружения.
5. Тактика повстанческих частей.

Партизанские действия. Цель этих действий указана выше. Партизанские части избегают открытых столкновений с численно превосходящим противником и заблаговременно уклоняются от них, пользуясь местными условиями: лесами, горами. Они нападают на пути сообщения противника, обозы, разного рода склады оружия и военного имущества, небольшие неприятельские гарнизоны, разрушают средства связи – телеграф, телефон. Партизанские действия способны фактически вырвать из рук врага большую часть территории страны и тем самым способствовать ускорению подготовки решительного выступления.

Управление действиями партизанских частей сводится к указанию им районов и широких полос территории, ведущих к важным стратегическим объектам – ж[елезно]д[орожным] узлам, административным центрам. Придача артиллерии партизанам дает им возможность осуществлять более широкие задачи, но стесняет их подвижность, затрудняет укрывание от неприятеля.

На партизанские отряды необходимо смотреть как на основные ядра, около которых должно собираться крестьянское ополчение, поэтому районы их действий должны служить районами действий и ополченцев и определяться важными стратегическими направлениями.

Действия частей крестьянского ополчения имеют место преимущественно в периоде решительных действий. Задачами служат: нападения на крупные административные центры, решительные схватки с более или менее значительными гарнизонами и регулярные действия с крупными неприятельскими частями, результатом которых может быть очищение от противника больших территорий. С каждым успехом размах действий увеличивается, и малая война превращается, благодаря притоку новых сил и средств, в войну крупными массами, способную достигать самых решительных стратегических успехов.

Взаимная поддержка, как партизанских частей, так и развернувшихся около них частей крестьянского ополчения, является одним из главных условий успеха и обеспечивается наличием общего управления посредством высшего оперативного органа, поэтому создание таких органов есть первейшая задача при подготовке народного движения. Крестьянство твердо должно знать, что только взаимная помощь одних районов другим дает возможность одолеть врага.

6. Стратегия в крестьянском движении сводится к выяснению основных и важнейших стратегических центров, как то: важные ж[елезно]д[орожные] узлы, переправы через большие реки (напр[имер], Волга), промышленные пункты и т.п., захват которых может решить дело борьбы. Сообразно этим центрам на каждом участке должны быть определены операционные направления, которые и служат основными данными при определении районов партизанских отрядов и ополченских частей. В Гражданской войне захват центров имеет неизмеримо большее значение, чем в войне с внешним врагом. С потерей их власть утрачивает авторитет, лишается части своей административной системы, выпускает из рук управление, дезорганизуется, революционное настроение захватывает все большие участки территории, подневольные защитники этой власти освобождаются от гипноза ее силы и переходят на сторону народа.

Стратегия властно диктует начинать народное движение на возможно большей территории, а лучше повсеместно. Сила одно-временного и повсеместного выступления громадна. Никакая власть не в состоянии справиться с ним. Моральное воздействие такого выступления на войска, защищающие власть, огромно. Армия, составляющая кость от кости и плоть от плоти народа, невольно воспримет общее настроение и пойдет рука об руку с народной массой.

7. Отношение к сдающимся войскам и пленным.

Крестьянское движение ни в коем случае не может преследовать целей мести. Оно может вестись только во имя высших идеалов правды и гуманности. Одной из его задач является освобождение самой армии от тяжелой обязанности, глубоко противной каждому сыну народа, будь то солдат или офицер – спец, [-] защищать власть, угнетающую народ; поэтому к сдающимся войскам отношение не может быть иным, как братским. Но это отнюдь не исключает принятие таких мер предосторожностей, которые бы не позволили врагу делать свое дело.

8. Источником снабжения вооружением и снаряжением служат запасы и склады, находящиеся у противника.

Крестьянству поневоле приходится начинать борьбу с крайне ограниченным вооружением. Поэтому первоначальной задачей повстанцев является захват неприятельских складов оружия. В подготовительном к восстанию периоде должно быть произведено тщательное осведомление о местах и количестве запасов оружия, главным образом, винтовок, пулеметов и патронов. От успеха первого нападения на такие склады будет зависеть судьба дальнейшего хода движения, так как при условии готовности населения бороться, количеством оружия будет определяться и численность ополчения.

Полк[овник] Махин

Махин [Ф.Е.], полк[овник]. Крестьянство в Гражданской войне // Революционная Россия (Ревель). 1921. № 11. С. 20–22.

ДОКУМЕНТ 5

Ф.Е. Махин

Кому служит Красная армия

Армия представляет собой могучую силу и, попадая в руки власти, не считающейся с волей народа, становится страшным оружием, с помощью которого эта власть держит в повиновении миллионы людей. Поэтому для трудовых масс, занятых мирной работой в деревне, на фабриках и заводах и не могущих вследствие этого защищать себя с оружием в руках, важно, чтобы армия не была бы их врагом и не служила бы делу их угнетения.

Массы могут считать своей только такую армию, которая находится в руках избранной народом власти и дающей ему отчет во всех своих делах.

Только такая армия может считаться подлинной **народной** армией, существующей не во вред народу, а на защиту его свободы и прав.

Поэтому красноармейцам, являющимся плотью от плоти трудового народа, важно знать, действительно ли Красная армия есть армия народная и идет ли проливаемая ими кровь на пользу народа.

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно, прежде всего, себе выяснить: есть ли большевистская власть подлинная власть народа, что эта власть сделала для него, для каких целей она пользуется Красной армией и какие порядки завела в этой армии.

Доказывать, что большевистская власть – не народная, не приходится. Большевики, не скрывая, говорят и пишут, что они отвергают право народа управлять государством.

«Партия коммунистов является правящей партией», «во главе России стоит партия коммунистов», то и дело повторяют они.

Но велика ли эта партия, желающая присвоить только одной себе право управлять государством и заменить волю народа своей прихотью и выдумками своих главарей?

По большевистским сообщениям, всего членов в ней около 211 тысяч. Это на 130 миллионов-то русских рабочих и крестьян!

Конечно, такая ничтожная кучка теперешних правителей и законодателей России, не желающих в своих делах давать отчет много-миллионным народным массам, должна, прежде всего, заботиться

о сохранении своей власти, а не о защите прав и интересов этих масс. **Поэтому понятно, что власть коммунистов не только не народная, но и прямо враждебная народу.** Наглядным подтверждением этого служит то положение рабочих и крестьян, до которого она довела их за время своего самовластия. Большая часть заводов и фабрик закрылась, рабочие лишились всякого заработка и живут впроголодь, крестьянство каждый год ограбляется всякими продотрядами, лишается хлеба не только на продовольствие, но и на семена. В этом году в поволжских губерниях 30 миллионов крестьян умирают с голоду и в значительной степени благодаря тому, что не могли, как следует, засеять своих полей.

Живут и благоденствуют только большевики, голод до них не дойдет, награбленного ими добра хватит, чтобы прожить не только сыто, но и в довольствии, а если не хватит, то с помощью комиссаров, чекистов и красноармейцев они сумеют отобрать все, что осталось еще у крестьян.

Для чего же нужна коммунистам Красная армия, в которую они насильственно набрали главным образом рабочих и крестьян, отрывая их от мирного труда?

Обманывая красноармейцев для того, чтобы сделать их своими послушными слугами, они говорят, что Красная армия нужна для защиты трудового народа от помещиков, буржуазии, от разных генералов, вроде Колчака, Деникина, Врангеля и других.

Посмотрим, так ли это? Нужна ли для этой цели армия, которая находится в цепких лапах комиссаров-коммунистов?

Восстания в тылу у Колчака и Деникина показывают, что рабочие и крестьяне сами знают, какие порядки хотели вводить эти авантюристы, и что от них нужно обороняться, и это делают без[о] всякой указки коммунистов. Трудящиеся для своей защиты в Красной армии, которой распоряжаются самозванные благодетели, не признающие власти народной, не нуждаются. Им во много раз нужнее Народная армия, т. е. такая армия, которая находится в их руках и выполняет только их волю. Обман коммунистов, после того как исчезли банды генералов, становится более ясным.

Генеральских фронтов нет, а красноармейцам приходится воевать. В марте этого года им пришлось идти в бой против кронштадтских матросов, которые, вдоволь насмотревшись на хозяйничанье коммунистов, требовали только свободы при выборах в советы.

Коммунистам это требование было не по нутру. Они знают, что советы, избранные свободно всеми трудящимися, не захотят плясать под их дудку, не дадут трудящихся в обиду. Оставалось или пойти под народный контроль, или расправиться с защитниками народных прав.

Как всякие угнетатели народа, они, конечно, выбрали последний выход и погнали послушных красноармейцев убивать уже не генеральских бандитов, а своих же братьев, боровшихся за власть всех трудящихся.

В то же время сибирские крестьяне, начисто разоренные продотрядами, начали с оружием в руках защищать последние остатки своего добра, и против них были посланы красноармейцы. На долю Красной армии выпала новая позорная удача – она победила крестьян, разрушила огнем и мечом беззащитные деревни и села; чекисты получили возможность заняться кровавой расправой и с правым, и с виноватыми. Новые тысячи крестьян ушли в могилу.

Летом этого года красноармейцам пришлось побеждать тамбовских и саратовских крестьян, против которых коммунисты двинули целую армию в несколько дивизий. Тут дело оказалось хуже, сколько большевики народу ни истребляли, а окончательной победы не добились – всех повстанцев не уничтожили и крестьянское движение вконец не задушили.

Та же самая картина происходит и на Украине, и на Кавказе.

Везде оказываются фронты. Теперь Красной армии, пожалуй, придется «поработать» в голодных губерниях, так как крестьяне этих губерний, само собой разумеется, по головке гладить коммунистов не будут за причиненное им разорение, от которого они должны умирать голодной смертью.

Придется также красноармейцам «поработать» и в тех местах, где имеется какой-нибудь урожай. Нужно будет помогать коммунистам производить грабеж последних запасов продовольствия, остающихся у крестьян, чтобы в будущем году и этих крестьян обречь на голодную смерть.

Помимо войны с русскими крестьянами и рабочими, большевики посылали Красную армию завоевывать и армян, и грузин, которые до этого жили самостоятельно и благодарили судьбу за то, что им удалось избавиться от большевистского ада. В настоящее время и в Армении, и в Грузии хозяевами являются большевики и ведут

там свое проклятое дело порабощения народа, предварительно отдавши сотни тысяч армян и грузин во власть своих союзников-турок, которые целыми столетиями эти народы притесняли.

Теперь ясно, для чего нужна коммунистам комиссарская Красная армия. Она им нужна как послушная вооруженная сила, с помощью которой они могут держать в повиновении народ и делать с ним все, что им захочется, а главное, не допускать его взять власть в свои собственные руки.

Им нужны люди, которые убивали бы своих же отцов в братьев. Им нужны люди, с помощью которых они могли бы брать у трудящихся плоды их тяжелой работы, чтобы распоряжаться ими так, как вздумается.

Само собой разумеется, чтобы посылать на такое кровавое дело рабочих и крестьян, набранных в Красную армию, коммунистам понадобилось ввести в этой армии «железную» дисциплину. Дисциплину эту они поддерживают тягчайшими наказаниями и весьма часто расстрелами.

В одном вопросе они перешеголяли даже царский режим. Чтобы неослабно шпионить за красноармейцами и командирами, лишить их всякой возможности обсуждать создавшееся положение и сознательно относиться ко всем распоряжениям большевистской власти, они наполнили все войска своими коммунистическими ячейками, а во главе их в качестве полных хозяев поставили комиссаров.

Так коммунисты держат в своих руках Красную армию и заставляют ее служить исключительно себе, а не народу!

Но как они хитро ни делают свое дело, в рядах этой армии все же есть сознательные красноармейцы и командиры, которые понимают то тяжелое преступление против трудового народа, которое совершает их руками большевистская власть.

Такие красноармейцы и командиры, ведя опасную работу просвещения среди своих товарищей, не пятнают себя участием в расстрелах своих собратьев, восстающих с оружием в руках на борьбу с коммунистами. Много их переходит на сторону этих борцов.

Чем больше будет таких героев, тем скорее будет сброшено коммунистическое иго, и трудящиеся получат свободу и свои права и, наконец, станут полными хозяевами России.

Поэтому-то и нужно красноармейцам возможно скорее дружно сплотиться и общими силами выступить не против народа, а про-

тив его угнетателей – большевиков, подобно тому как в 1917 году выступили солдаты прежней армии против царя.

Ф. Махин

Махин Ф.Е. Кому служит Красная армия // За народ! (Ревель). 1921. 01.10. № 1. С. 11–12.

ДОКУМЕНТ 6

Ф.Е. Махин

Кто враги красноармейцев и как с ними бороться?

Каждый сознательный красноармеец знает, что Красная армия служит теперь большевикам для того, чтобы поработать трудовой народ, выжимать из него все соки и препятствовать ему сделаться действительным хозяином государства.

Как же вышло, что сотни тысяч рабочих и крестьян, находящихся в Красной армии, своей собственной кровью в борьбе со своими восстающими братьями защищают то ярмо, которое надели коммунисты на весь русский народ, в то время как они могли бы в один момент отделаться от господ-коммунистов и дать народу право устраивать свою жизнь по своей воле?

Дело станет ясным, если мы обратим внимание на то, кто держит в своих руках красноармейцев, кто следит за каждым их шагом, препятствуя им свободно обсуждать свое положение, изо дня в день одурачивая их своими лживыми речами.

Едва ли найдется хотя бы один красноармеец, который не видел бы, что главными хозяевами в Красной армии являются комиссары-большевики, а первыми людьми в ней – те, кто записался в коммунистическую партию и состоит в красноармейских комячейках.

Комиссары и комячейки действуют заодно. Там, где недоглядит комиссар, подсмотрят коммунисты из «комищейки». Первая их забота завести в армии «железную» дисциплину, т.е. забрать

в свои руки красноармейцев так, чтобы сделать из них своих послушных слуг, лишить их всякой свободы не только выражать свои мысли и мнения, но и думать по-своему, а не по приказу Ленина и Троцкого.

Они зорко следят за тем, чтобы красноармейцы не слышали свободного голоса народа и даже не осмеливались осуждать ненавистную народу большевистскую власть.

Всеми мерами они стараются отгородить красноармейцев от всех тех, кто говорит правду об этой власти, а в особенности от социалистов-революционеров, больше всех ненавистных коммунистам, так как они, не переставая, отстаивают народные права.

Комиссары и комячейки принуждают следить за красноармейцами командиров и жестоко расправляются с теми из них, кто не боится стать на сторону солдатской массы и защищать ее от коммунистической кабалы.

Больше всего комиссары и коммунисты следят за тем, чтобы при крестьянских восстаниях и рабочих забастовках красноармейцы не присоединились к своим братьям и не пошли против большевистской власти. Этому они боятся сильнее всего, так как знают, что в тот момент, когда Красная армия станет на сторону народа, придет конец их владычеству.

Описывать долго, какую работу ведут комиссары и комячейки, не приходится. Нет ни одного сознательного красноармейца, который бы на своей собственной спине не испытал всего зла, причинявшегося ими и ему, и его братьям трудящимся, в то время когда они, теряя всякое терпение, решаются открыто выступить против своих угнетателей.

Кто из красноармейцев не испытывал того тяжелого чувства, которое возникает у каждого честного человека, когда его насильно заставляют производить кровавую расправу над народом, только за то, что он отстаивает свои права, свою свободу?

Не будь проклятых коммунистов и комиссаров, разве поднялась бы у кого-нибудь из красноармейцев рука на невинных.

Только самые заклятые враги могут принуждать поднимать братскую руку на угнетенного крестьянина и рабочего.

Поэтому у красноармейца не может быть более злейших врагов, чем комиссары и коммунисты, и не может быть другого стремления, как только возможно скорее освободиться от их господства.

Беда только в том, что в то время, как коммунисты составляют крепкую организацию, красноармейская масса не объединена, а поэтому и бессильна.

Другой разговор был бы, если бы в каждой роте, эскадроне, команде находилось хотя бы человек десять красноармейцев, вместе спевшихся, решившихся действовать заодно.

Такая группа уже представила бы большую силу и смогла бы объединить около себя и всех остальных красноармейцев, желающих служить на пользу трудовому народу, а не во вред ему. Она могла бы присматриваться и к командирам и поддерживать тех, кто пойдет вместе с ними на борьбу за народную власть.

Тогда можно было бы начать противодействие и комячейкам, и комиссарам, а в подходящий момент и совсем обезвредить их.

Для успеха дела ротные группы должны объединяться в батальонные, полковые. Таким образом возник был **Революционный союз красноармейцев**.

Каждая группа красноармейского союза должна входить в связь с местным крестьянским и рабочим населением и совместно с ним, конечно, тайно готовить переход власти в Красной армии в руки трудящихся.

Когда такая работа будет произведена, тогда ничего не будет стоить в один момент выгнать коммунистов и из армии, и из советов и, таким образом, раз навсегда освободиться от их ига.

Теперь объединение красноармейцев стало делом легким. И рабочие, и крестьяне уже поняли, что отдельными выступлениями, без красноармейцев, с большевистской властью справиться трудно, а поэтому создают свои тайные союзы, в которые привлекают и красноармейцев.

Нужно только, чтобы красноармейцы со своей стороны пошли навстречу народу и в своих рядах создали грозную силу против комиссаров и коммунистов.

Ф. Махин

Махин Ф.Е. Кто враги красноармейцев и как с ними бороться? // За народ! (Ревель). 1921. 15.10. № 2. С. 15–16.

ДОКУМЕНТ 7

Ф.Е. Махин

Чему учат противобольшеви́стские восстания

Четыре года правят большевики русской землей, четыре года они разоряют деревни и города.

За это время трудящиеся не раз то там, то здесь брались за оружие, чтобы освободиться от коммунистического ига. Немало было пролито крестьянской и рабочей крови, а большевики все еще продолжают измываться над народом и работают над разрушением государства.

В чем же дело? Ведь известно, что большевиков небольшая кучка – около двух с половиной сот тысяч человек, а рабочих и крестьян свыше ста миллионов.

Чтобы понять, отчего народ не может достигнуть победы, надо посмотреть, чем сильны большевики и как народные восстания происходили.

Сила большевиков заключается в том, что они держат крепко в своих руках Красную армию и советы, в том, что они расподили сотни тысяч наемных шпионов – чекистов, которые зорко следят за тем, чтобы никто не смел пикнуть вслух про большеви́стские порядки, чтобы никто не смел противиться ленинским декретам.

Сила большевиков и в том, что в их руках находятся все советские учреждения: почта, телеграф, а главное, железные дороги, которые позволяют им перевозить войска из одного места в другое, а значит, и выставлять против народа большеви́стские силы.

Большевики все действуют заодно и жестокими расправами над населением держат его в постоянном страхе.

Посмотрим теперь, как происходят народные восстания и в чем их слабость. Возьмем сначала бесчисленное множество выступлений отдельных деревень, волостей, заводов, красноармейских частей. Выступления эти начинаются почти всегда скоропалительно и неожиданно для самих участников.

Начнут большевики требовать с какой-нибудь волости раскладку, которую крестьяне не в силах выполнить, не выдадут в срок пайков рабочим или обмундирования красноармейцам, и выступление готово... Никакого заблаговременного сговора и оповещения соседних

волостей, заводов, красноармейских частей не делается, и восставшие начинают бунт своими только силами.

Справиться с такими восстаниями большевикам нетрудно: посылают для усмирения сильные карательные отряды, и дело кончают в один прием. Бывает и так, что они добиваются раздора между восставшими, а затем лишним аршином ситца, лишним фунтом муки переманивают несознательных людей на свою сторону, сопротивляющихся же расстреливают.

Само собой понятно, что такие разрозненные бунты цели не достигают, а только вызывают лишнее пролитие крови.

Но кроме выступлений отдельных деревень и волостей, были восстания, которые охватывали целые губернии и даже области, и большие красноармейские и флотские части, как, например, ранней весной этого года вспыхнули Кронштадтское восстание, восстание крестьян в Сибири, в Саратовской и Тамбовской губерниях. Эти восстания были уже грозными для большевиков. Сибирь две недели была отрезана от Москвы, Кронштадт угрожал Петрограду, в самой Москве народ стал поднимать голову. Страх на большевиков напал немалый.

Казалось, что вот-вот и полетят в пропасть и Ленин, и Троцкий, и вся их проклятая коммунистическая банда. Но на беду трудового народа большевики на этот раз удержались. Дело кончилось только знаменитым «новый курсом», заменой раскладки продналогом и разрешением свободной торговли.

Почему дело на этот раз не кончилось победой народа, знать очень важно.

Начнем с Кронштадта. Кронштадтское восстание началось 4 марта ⁷⁴³ и имело своей целью поддержать движение петроградских рабочих, которые в двадцатых числах февраля вследствие продовольственной нужды и нехватки топлива были вынуждены требовать от большевиков замены их власти властью народной.

Ни выступление петроградских рабочих, ни восстание кронштадтцев не были заблаговременно подготовлены, а явились случайными; рабочие не успели сплотиться между собой, не успели как следует сговориться с красноармейцами и матросами. Не было обращено и внимания на то, что, восстань Кронштадт после очищения моря

---

⁷⁴³ Здесь и далее Махин неточен в датах. Кронштадтское восстание проходило с 1 по 18 марта 1921 г.

ото льда, он представлял бы неприступную твердыню, в то время как в начале марта легко было по льду вести против него наступление с берега.

А самое главное, чего не хватало у рабочих Петрограда, так это твердой решимости бороться до конца.

Вследствие этого большевикам легко удалось часть рабочих подкупить выдачей кумача и разных съестных припасов. Среди рабочих стало происходить замешательство, и в то время как загремели кронштадтские пушки для их поддержки, они сами уже перестали представлять собой достаточную силу, а затем и совсем притихли.

Кронштадтцам пришлось защищаться одним. Сначала большевики их не тревожили, так как не надеялись на помощь со стороны петроградских красноармейцев, да и не были уверены в том, что в ближайших губерниях народ останется безучастным к Кронштадтскому восстанию. Только спустя неделю, когда они убедились, что населением остается спокойным и что красноармейцы в других городах находятся в их руках, они начали подвозить к Петрограду по железной дороге войска, по преимуществу те, в которых было много коммунистов и курсантов.

17 марта, т.е. спустя две с половиной недели с начала восстания, Кронштадт пал.

Вина за неудачу кронштадтцев падает в первую голову на петроградских рабочих, а затем и на рабочих и крестьян других городов и губерний.

Восстание сибирских крестьян было подавлено уже после падения Кронштадта с помощью красноармейцев, которые, слепо повинувшись коммунистам, огнем и мечом начали уничтожать крестьян и целые деревни. Ближайшие к Сибири крестьяне поволжских губерний и Урала не оказали им никакой поддержки. Теперь эти крестьяне гибнут тысячами от голода, тогда как, освободившись от большевиков, они были бы, конечно, спасены сами.

Теперь мы можем сказать, что причиной неудачи противобольшевистских восстаний служит безучастность населения тех губерний и местностей, которые не захватываются непосредственным восстанием; а эта безучастность происходит от того, что не все еще сознают, что спасение от разорения и голодной смерти заключается только в скорейшем освобождении от большевиков и в установлении народной власти.

Как же бороться трудовому народу за свои права? Только общими силами, а отнюдь не разрозненно. Для этого же необходимо всему народу сплотиться, создать политические организации, союзы: Союз трудового крестьянства, Союз красноармейцев, свободные от коммунистов профессиональные союзы, влиться в социалистические партии – вот где кроется могучая сила трудящихся.

С помощью своих союзов и социалистических партий они могут достичь сговора отдельных губерний и областей. Союзы эти дадут возможность избежать разрозненных выступлений и начать борьбу общими усилиями всех крестьян, рабочих и красноармейцев. Перед организованной массой трудящихся большевики, конечно, не устоят.

Евдокимов Ф. [Махин Ф.Е.] Чему учат противобольшевистские восстания // За народ! (Ревель). 1921. 01.11. № 3. С. 10–11.

ДОКУМЕНТ 8

Обращение Ф.Е. Махина к правительству Королевства сербов, хорватов и словенцев. 20 ноября 1924 г.⁷⁴⁴

20 ноября 1924 г.

«Земгор»
Объединение деятелей
Российских земских и городских
органов самоуправления
в Чехословацкой республике
Представительство в Югославии
Белград, Теразии, 7

Корол[евскому] высокому правительству Кор[олевства] С.Х.С.

---

⁷⁴⁴ Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

Отношение королевского правительства к русской эмиграции

Много лет прошло с момента прибытия русских беженцев в Королевство С.Х.С. до настоящего времени. В течение этих лет неоднократно менялся состав кор[олевского] правительства, а вместе с этим и направление внутренней и внешней политики. Однако по одному вопросу каждое правительство Его Величества занимало неизменную позицию, а именно по вопросу государственной помощи русским, которые обрели убежище в королевстве. И правительство, и весь народ королевства предоставили бесчисленное количество доказательств, что в связи с русским вопросом ими руководят исключительно братские чувства и идеальные цели. Нигде во всем свете несчастные русские эмигранты не встретили ни лучшего приема, ни большей заботы и самопожертвования. Положа руку на сердце, русские не сомневались, что добродетельный и геройский сербский народ окажет им максимально возможное гостеприимство. Однако реальность превзошла все ожидания. Молодое объединенное королевство, презрев собственные утраты, материальный ущерб и вообще очень тяжелую ситуацию, сложившуюся после мировой войны, беззаветно посвятило себя делу приема и оказания любой возможной помощи братьям-русским.

Политика кор[олевского] правительства в отношении русских слугит замечательным примером не только выражения братских чувств, но и глубокой политической мудрости. Потому что она закладывает основу еще более тесного и доверительного сотрудничества Югославии с Россией. Благородная и мудрая политика кор[олевского] правительства в русском вопросе в будущем обязательно принесет прекрасные плоды.

Дабы понять, как возник русский вопрос, необходимо знать следующее:

Причины падения старого режима в России

При переходе от абсолютизма к демократическому устройству Россия не могла обойтись без революционных движений. Ей пришлось идти по тому же пути, что и большинству европейских государств, закончивших с абсолютизмом. Несмотря на все то, что происходило на глазах у российских самодержцев и дворянско-помещичьего сословия, которое представляло собой их главную опору, напрасными оказались все уроки революционных движений – они эти уроки не уяснили и не извлекли из них пользу. Упрямое сохранение политической формы,

которая сама себя изжила и утратила смысл, не могло не довести государство до революционной катастрофы. Абсолютистский режим должен был пасть в момент максимального напряжения всех народных сил и испытаний для всего государства, а именно во время войны.

Именно тогда Российскому государству пришлось сдать экзамен на право находиться в первых рядах современных европейских государств.

Опыт войн последнего столетия продемонстрировал, что искать счастья на поле боя – занятие не для самодержавной России. Начиная с 1854 г. Россия или терпела поражения, или извлекала такие результаты из своих побед, которые ни в коей мере не соответствовали принесенным ею жертвам. Самодержавное правительство, которое взяло на себя обязанность управления жизнью государства, располагало помощниками только в лице централистского бюрократического аппарата, а также дворянского (помещичьего) сословия. Как и ожидалось, бюрократия действовала под влиянием отживших традиций и привычек. Дворянское сословие не могло возвыситься над собственными сословными интересами. Оно отчаянно и упрямо защищало свои привилегии, ревниво препятствовало выходу народных масс на политическую арену, отстаивая свое исключительное право считаться носителем национальной культуры. За прошедшее столетие между двором и правящими сословиями, с одной стороны, и народными массами, с другой, разверзлась непреодолимая пропасть. Устранить ее позволили бы широкие социальные и политические реформы. Однако для их проведения государственные правители не располагали ни подлинным пониманием государственных интересов, ни достаточной культурой. Войны, которые вела Россия, показали, что она не способна использовать свои преимущества, а именно превосходство в численности населения и природные богатства.

Причины безуспешности войн

Русская армия страдала от нехватки технических средств, значимость которых в полной мере подтвердилась в ходе мировой войны. Неразвитость промышленности не позволила восполнить нехватку этих технических средств. Для решения боевых задач не оставалось ничего другого, как бросать в бой массы людей.

Подобная отсталость в сфере материальной культуры заведомо предвещала поражение русской армии, предотвратить которое невозможно было даже ценой бесчисленных потерь. Одновременно

с этим центральный государственный аппарат оказался не в состоянии справиться с затруднениями, которые война вызвала внутри страны. В больших городах наблюдалась серьезная нехватка продовольствия. Правительство не подготовилось к войне и не знало, как совладать с экономическими проблемами. Поэтому еще до революции огромное недовольство охватило все народные слои. Аристократия продемонстрировала полную неспособность вывести государство из губительного положения, в котором оно оказалось вследствие тяжелой и продолжительной войны. Психическое возбуждение масс, вызванное описанным положением, привело к восстанию, а затем и к революции, положившей конец российскому абсолютизму и династии.

Революция и исторические потребности России

К сожалению, русская революция перешла границы исторически необходимого: ее судьба оказалась в руках политической партии, которая интересы России и русского народа поставила на последнее место, а на первое – задачу разжечь пожар мировой революции при помощи революции русской. России в этом пожаре отводилась роль фитиля, который, позволив распалить огонь, сам обратился бы в пепел. Большевистские вожди хорошо знали, что ожидает Россию после их экспериментов, но их это нисколько не заботило.

Возникает вопрос: почему русский народ на первом этапе революции не задержался на демократических позициях; почему не стал выстраивать свою жизнь в демократическом духе? Ответ дает русская история.

Пропасть между народом и сословиями, находившимися у власти

Прежний режим разделил народ на две части: правящее меньшинство, которое представляло собой дворянско-помещичье сословие, и большинство – притесняемый и эксплуатируемый многомиллионный народ. Значимого улучшения положения народа не произошло даже после отмены крепостного права и барщины, потому что массы не получили каких-либо политических прав. Только под давлением жизненной необходимости, бунтов и восстаний бывшее правительство шло на уступки и предоставляло народу хотя бы минимальные политические свободы, однако это отступление никого не удовлетворяло. Вторая половина XIX века прошла в России под знаком жестокой борьбы между народом и самодержцами, которых поддерживала дворянско-помещичья

группа. Одновременно весь государственный аппарат, закостенелый в своем архаичном устаревшем облике, все больше утрачивал связь с реальной жизнью. Тем не менее прогресс Западной Европы не мог не оказать влияние на Россию. Масса тем больше ненавидела режим, чем очевидней становились его пороки. Дворянство и бюрократия наслаждались своими правами и привилегиями, стремясь в культурном отношении догнать развитые государства Западной Европы. За блеском поверхностной культуры правящих сословий мир не замечал, как влачат убогое существование народные массы. С течением времени все глубже и непреодолимей становилась пропасть между правящими кругами и притесняемым народом. По обе стороны этой пропасти люди жили изолированно друг от друга. Были навсегда утрачены связи между ними, исчезли взаимопонимание и стремление к согласию. Так старая Россия приближалась к своему концу.

Роль коммунистов в революционном движении

Коммунистические вожди использовали эту ситуацию в своих интересах, с легкостью превратив народные массы в слепое орудие. С его помощью они укрепили собственные позиции и осуществили ряд социальных экспериментов, которые погубили Россию.

Как и следовало ожидать, большевистская отравка действовала недолго. Народные массы вскоре поняли, что не имеют политических свобод, и они бы свергли большевистское правительство, если бы не последовали попытки реставрации. Деникин, Колчак, Врангель и другие вынудили народ даже у большевиков искать защиту от непрошенных освободителей, а это лишь дополнительно укрепило позиции советского правительства. Однако военные успехи большевиков не принесли ожидаемых ими результатов. Причиной тому – бесчисленные ошибки в области политики и экономики, которые стремительно и потихоньку⁷⁴⁵ ведут Россию к материальной и моральной гибели, предотвратить которую способно установление демократии и упразднение диктатуры партии.

Видение будущего демократическими народными слоями

Приверженцы русской демократии, которым одинаково претят идеология и практика абсолютизма, с одной стороны, и режим комму-

---

⁷⁴⁵ Так в документе (примеч. переводчика).

нистической диктатуры, с другой, уверены, что все-таки возобладает идея демократии и Россия в недалеком будущем займет свое место в ряду свободных европейских государств, на которое имеет право в силу своих духовных и материальных богатств. Эти богатства, усердие народа и его здравый смысл помогут России быстро залечить свои раны, возродить экономику и встать на путь подлинного прогресса.

Задачи русской интеллигенции

Сотворение новой России потребует массы деятелей интеллигенции, разделяющих демократические убеждения и обученных действовать в духе демократизма. Поэтому перед всеми русскими, кто любит Россию и русский народ, стоит задача подготовиться к выполнению своей исторической миссии. Неудивительно, что русские демократы за границей приложили все силы, дабы объединиться и охватить своими организациями каждого, кто сочувствует народу, готов бороться за его права и его светлое будущее. К сожалению, демократические ряды понесли бесчисленные потери в результате революционного процесса и большевистского террора. Возникает вопрос: как нам пополнить наши ряды? Пребывание за рубежом позволило сотням тысяч русских беженцев познакомиться с демократическими институтами современных передовых государств. Эти беженцы, которые еще не заразились сословным высокомерием, могут с легкостью присоединиться к лагерю демократии.

Что ожидается от славянских демократий

Славянская демократия ближе всех русской демократии. Их объединяют схожая психология, общие национальные особенности и обычаи.

История славянских демократий наиболее поучительна для русских как в плане активности, так и в плане героизма южных славян. Русские массы должны сблизиться со славянскими демократиями в том числе и потому, что в будущем их будет объединять вся сила реальных интересов и идеальных побуждений. Славянская интеллигенция может обрести обширное поле деятельности в самой России, потому что та оскудела интеллектуальными деятелями и с готовностью призовет своих подлинных братьев – южных и западных славян.

Ситуация в Кор[олевстве] С.Х.С.

Что касается Кор[олевства] С.Х.С., то, к сожалению, приходится констатировать, что еще не созданы условия для демократизации масс беженцев.

Официальные представители русской эмиграции, фактически, являются злейшими врагами всякого демократизма. Образ жизни и традиции беженских масс сложились под влиянием этих людей, к авторитету которых высокое правительство прислушивалось при решении русского вопроса. Деятельность этих русских политиков была преисполнена невиданной злобы, нетерпимости и жажды мести. Как будто в Королевство С.Х.С. пересадили часть дореволюционной самодержавной России, которая, откровенно говоря, весьма схожа с Россией большевистской. Официальные российские представители считают либерализм и демократизм самым тяжким преступлением и путают их с большевизмом, который сами они и породили

Тысячам прогрессивных русских людей пришлось скрываться от этой грубой силы реакции, которая вынудила их отказаться от участия в общественной жизни и деятельности. Сторонники царизма так терроризировали получающую высшее образование молодежь, что та или совершенно утратила собственное достоинство, или впала в некую апатию, или последовала за наиболее одиозными монархистами. Такое состояние молодежи грозит тем, что она окажется неспособной к какой-либо общественной или государственной деятельности в освобожденной России. Следует также подчеркнуть, что сами официальные вожди беженских масс не удовлетворены своим положением в королевстве, потому что они рассчитывали на большее, чем то, что они имеют и что так мало соответствует их прежнему положению в царской России. С другой стороны, местная сербская печать неоднократно высказывала недовольство беженскими массами. О них она судила на основании впечатления, сложившегося по вине тех, кто ранее выступал от имени беженцев.

Взгляды демократической части русской эмиграции

На наших глазах сложилась совершенно ненормальная ситуация, – редкий случай, – когда несколько десятков тысяч русских, соприкоснувшись с братским народом С.Х.С., не только не сблизились с ним, но и еще больше от него отдалились.

Однако на самом деле все не так плохо. А именно, в беженской массе есть много простых и трудолюбивых людей, которые, несмотря на все давление со стороны официальных российских представителей, молча и спокойно переносят тяготы беженской жизни. Эти люди понимают, что братский народ С.Х.С. за время войны и вражеской оккупации

перенес величайшие лишения и несчастья и поэтому сегодня не способен на то гостеприимство, которое он сам хотел бы оказать. Эта часть беженцев честным трудом зарабатывает себе кусок хлеба и ни в коем случае не собирается что-либо требовать от братьев южных славян на том основании, что в прошлом Россия спасла Сербию. Они знают, что спасение это соответствовало интересам не только Сербии, но и самой России, что жертвы, принесенные Россией, не дают им права требовать что-либо для себя лично.

Эта часть беженской массы хочет лишь равных прав с теми, кто до настоящего времени выдавал себя за единственных представителей России и монополизировал право на патриотизм. Они рассчитывают на то, что в демократическом славянском государстве они смогут свободно исповедовать свои демократические воззрения и создавать организации и объединения, которым правительство станет оказывать то же внимание, что и врангелевцам и им подобным. Прогрессивно настроенная эмиграция не хочет подвергаться смертельной опасности вследствие того, что в ее адрес раздаются лживые и оскорбительные обвинения в большевизме.

Демократично настроенные эмигранты опасаются, что у братского народа Кор[олевства] С.Х.С. может сложиться убежденность в том, что русский народ не дорос до демократической конституции, что ведущими факторами в русской государственной жизни остаются либо анахроничный абсолютизм, либо неслыханная и отвратительная диктатура реакционного по своей сути большевизма. Само собой разумеется, ни то, ни другое не может вызвать к себе симпатий у народов, которым присуща демократическая психология и идеология.

Решение русского вопроса

Практическое решение русского вопроса состоит в освобождении русских беженцев от влияния, оказываемого врангелевскими структурами и упертыми политиками из числа сторонников абсолютистского режима. На территории королевства русские демократические организации должны в отношениях с высоким правительством располагать хотя бы теми же правами, что и их антиподы, если не пользоваться бóльшим доверием. Второй вопрос: как распорядиться средствами, выделенными для оказания помощи русским беженцам? Что касается этого вопроса, «Объединение деятелей Российских земских и городских органов самоуправления в Чехословацкой ре-

спублике» (Земгор), – российская демократическая организация, которая уже три года действует в Чехословакии, – полагает, что эти средства надлежит распределять, исходя из следующих принципов:

1. Главные усилия следует направить на то, чтобы развивать в среде беженцев самозанятость, чтобы с этой целью оказать помощь каждому беженцу, предоставив ему возможность зарабатывать на жизнь в наиболее благоприятных условиях.
2. Следует предоставить возможность использовать гостеприимство славянских государств для ознакомления с их историей и культурными достижениями, укрепления братских связей, чтобы беженские массы воспитывались в духе славянской взаимности и солидарности. Одновременно «Земгор» считает необходимым налаживать деловые связи с теми элементами братских славянских народов, в которых будущая Россия будет нуждаться для осуществления своего экономического возрождения.
3. Братские связи должны помочь русским эмигрантам воспринять героический дух славянской демократии и в будущем создать вместе с братскими народами мощное объединение, в котором они сообща станут защищать собственную свободу и идеалы демократии.
4. При большевиках Россия больше всего потеряла интеллектуальных сил, о пополнении которых нам уже сегодня стоит задуматься. Однако большевистский режим прежде всего ненавидит и преследует тех, кто имеет гражданское мужество исповедовать высокие заветы русской интеллигенции, и потому препятствует увеличению численности интеллектуальных работников. Кроме того, финансовый крах лишил большевиков возможности содержать высшую школу. Поэтому русская молодежь, находящаяся за границей, должна стараться получать высшее образование.

Принимая во внимание все вышеперечисленное, «Земгор» никогда не считал, что оказание помощи в виде выплат персональных денежных пособий может принести положительные результаты. Во-первых, это пособие никогда не бывает достаточным для тех, кто его получает и кто всегда им недоволен. Во-вторых, пособие вызывает раздражение у тех, кто его лишен. Куда больше пользы приносят установления, работающие на благо всей массы, а именно:

- а) медицинская помощь и лечение в больницах;
- б) дешевые столовые;

- в) дешевые совместные квартиры (общегития);
- г) специальные курсы, на которых беженцы обучались бы какому-нибудь ремеслу или профессии, чтобы легче обеспечить себе заработок;
- д) содержание школ, что, разумеется, представляет собой самую большую услугу беженцам-родителям, которые не имеют другой возможности дать образование своим детям;
- е) поддержка молодежи, получающей высшее образование;

Следует признать, что, по-видимому, самое важное – оказание помощи детям и учащейся молодежи, потому что ни один другой вид помощи не окажется столь полезным для будущей освобожденной России, как помощь подрастающему поколению.

Подчеркнем, что кор[олевское] правительство может оказать беженцам и такую помощь, которая принесет пользу не только им, но и самому королевству. А именно, если бы эмигранты, знакомые и любящие сельскохозяйственную деятельность, получили по земельному наделу, пусть даже и на правах аренды.

Значение работы «Земгора» в ЧСР

Что касается деятельности «Земгора» в Чехословакии, то можно констатировать, что она принесла положительные результаты. А именно: межпартийная борьба утратила свою остроту; удалось не только сохранить, но и в определенной степени повысить моральный и культурный уровень (не было случаев самоубийств или криминальных эксцессов). Хотя в ЧСР господствует безработица, русские эмигранты тем не менее в силу владения различными ремеслами не оказались в худшем положении.

Кроме того, результатом обширной культурной деятельности стало создание в ЧСР серьезных научных институтов, которые не утратят своего значения, даже когда беженская масса оставит пределы Чехословакии, потому что эти учреждения сохраняют свою притягательную для русской интеллигенции силу.

Целый ряд культурных объединений чехов и русских заложил основу сердечных братских отношений между двумя народами. Все эти учреждения и объединения возникли как итог самостоятельной деятельности русских и чешских демократических элементов. Со своей стороны, русская студенческая молодежь без чьих-либо указаний наладила связи с чешской молодежью. Это вселяет надежду на то, что в будущем новые поколения славян выйдут на историческую сцену

с совместной программой и под общими знаменами. Всего этого возможно достигнуть и в Кор[олевстве] С.Х.С.

Условия благоприятного решения русского вопроса

Только апелляция к русским демократическим кругам, широкая гласность, свободная критика, демократичные методы деятельности позволят прийти к разумному решению русского вопроса. А это решение обеспечило бы взаимное удовлетворение, принесло пользу обоим народам и заложило бы основу сотрудничества великой Югославии и возрожденной России.

Представительство «Земгора», которое сплотило и продолжает сплачивать вокруг себя все демократические беженские круги, в настоящее время работает в исключительно тяжелых условиях.

Несмотря на все это, представительство с оптимизмом оценивает результаты собственной деятельности и полагает, что его методы и активность, в конце концов, приведут к победе славянской демократии и послужат прочным основанием славянского единства.

Представитель Федор Махин

АЮ. Ф. 335. Д. 20. Подлинник. Машинопись.

ДОКУМЕНТ 9

Из интервью Ф.Е. Махина. 1935 г.

Между эмигрантами действительно есть люди, думающие, что ценой отдачи русской территории будет свергнута советская власть и спасена русская культура, которую эта власть грозит уничтожить... На это мы отвечаем, что всякое правительство, в том числе и советское, имеет лишь преходящее значение и вечна одна лишь Россия.

Территория, населенная русским народом и другими народами, связавшими с последним свою судьбу, принадлежала нашим предкам, и на нас лежит долг передать ее нашим детям как величайшую драгоценность, дороже которой ничего нет и не может быть для русского народа.

Русская культура не нуждается ни в чьей защите... ибо она существует и будет существовать, пока существует русский народ, и последний об-

ладает достаточной внутренней силой для того, чтобы своими собственными усилиями выйти на широкие пути своего исторического развития.

Поэтому мы не можем не быть на стороне тех русских людей, которые встанут на защиту границ нашей Родины, и сделаем все, что будет в наших силах, чтобы обеспечить победу их оружия.

К статье Е. Новохатного «Дальневосточный вопрос» // Наше слово (Париж). 1935. № 4. С. 25.

ДОКУМЕНТ 10

Ф.Е. Махин

Югославский дневник⁷⁴⁶

С первых дней борьбы югославских партизан с фашистскими захватчиками генерал-лейтенант Ф. Махин находится в рядах активных борцов за освобождение Югославии. Начав свою боевую деятельность в дни черногорского восстания в июле 1941 года, он вместе с воинами Народно-освободительной армии прошел долгий и трудный военный путь, сражаясь в партизанских батальонах, отрядах, бригадах, затем работая в штабах дивизий, корпусов и, наконец, в Верховном штабе.

Во время боев и походов генерал Ф. Махин делал записи в своем фронтovém дневнике, отрывки из которого с разрешения автора мы сегодня начинаем публиковать. Несмотря на то что эти отрывки не могут претендовать на систематическое описание событий, они представляют несомненный интерес как свидетельство очевидца и участника героической борьбы югославского народа за свою свободу и независимость.

---

⁷⁴⁶ Дневник опубликован в СССР в условиях войны и не мог содержать каких-либо идеологических расхождений с официальной советской позицией в отношении югославских партизан и четников. Все неудобные моменты, включая принадлежность Махина к русской эмиграции, в публикации были обойдены. К сожалению, полный текст дневника Махина нам неизвестен. Отрывки из дневника с пояснениями о личности Махина были перепечатаны в эмигрантской газете «Русские новости» (От Земгора к Тито. Югославский дневник генерала Махина // Русские новости (Париж). 1945. № 3. С. 3).

1. Катастрофа

6 апреля 1941 года. Война! Войска Гитлера пересекли югославскую границу. Я пишу эти строки в четырех десятках километров от Белграда, охваченного огнем и дымом пожаров.

Вчера еще я делал в дневнике «мирные» записи. Вечер провел в ресторане «Мадера» в кругу знакомых офицеров, говорили о войне в Европе. Вернулся домой в поздний час, но встал, как всегда, рано. Включил радио и услышал речь Риббентропа⁷⁴⁷, полную нападок на Югославию. Затем переключился на Москву. Она сообщала о заключении договора о ненападении между СССР и Югославией.

Не успел побриться, как раздался страшный взрыв, за ним другой, третий. Дом зашатался, посыпались стекла. Грохот нарастал. Я направился к лестнице, чтобы спуститься в подвал, но лестница оказалась разрушенной. Я выглянул на улицу – у парадного входа чернела огромная воронка.

К восьми часам утра бомбардировка прекратилась. С трудом выбрался я на улицу. Передо мной открылись картины одна страшнее другой. Авиационный завод, расположенный недалеко от моего дома, объят пламенем. Улицу Королевы Марии не узнать – почти все небольшие дома превратились в развалины. Тротуары покрыты битым стеклом. Трамваи стоят недвижимо, на улицах потоки воды. Немцы разрушили электрическую сеть, вывели из строя водопровод. У развалин суетятся люди. Слышны крики и плач, из-под обломков вытаскивают тяжело раненных, убитых. Трупы укладывают рядами вдоль тротуаров.

На площадях толпы народа. Обезумевшие жители бегут, стремясь вырваться к окраинам города. Они тащат случайно захваченные вещи, пестрые узлы, тюфяки. Пожилая женщина, стоя у церкви, истерически кричит:

– О, штасмо дочекали, штасмо дочекали! (О, чего мы дождались.)

Людской поток выносит меня к городской окраине. Там тоже пожары, трупы. Вместе с тысячами людей удаляюсь от горящего города.

Я узнал, что югославское правительство бежало из Белграда, бросив страну и столицу на произвол судьбы.

8 апреля. Сегодня окончательно простился с Белградом. Вернулся я в город, чтобы взять самые необходимые вещи и бежать от немцев, быстро приближающихся к столице. Я шел опустевшими белградскими

---

⁷⁴⁷ Риббентроп Иохим, фон (30.04.1893–16.10.1946) – министр иностранных дел Германии, нацистский преступник.

улицами. Красавец-город, расположенный при слиянии двух рек – Дуная и Савы, – мертв. «Вернусь ли сюда?» – думал я, покидая столицу.

Здания Военного министерства и военного училища, мимо которых мне пришлось идти, выглядят горами бесформенного кирпича. Красивые виллы на улице Милоша Великого тоже разрушены немецкими бомбами. В районе железнодорожной станции догорают склады бензина, и черный тяжелый дым поднимается к небу.

Белградские власти затратили миллионы динар на строительство бомбоубежищ. Теперь я видел, на что ушли эти средства. Укрытия строили на площадях, примитивно и небрежно. Многие такие убежища стали при первых же бомбардировках массовыми могилами. В легком укрытии, построенном в парке Освобождения, погибло 300 человек, столько же погребено в убежище, построенном у церкви Вознесенья.

Все, что я видел в последние дни в югославской столице и на дорогах, прилегающих к ней, можно охарактеризовать одним словом: катастрофа.

14 апреля. Двигаюсь среди большого, шумного и тревожного людского потока, устремившегося в сторону Адриатического моря. На каждом шагу убеждаюсь, как глубока ненависть народа к немцам, как жаждет он сразиться с врагом. Но кому дело до народной души? Повсюду беспорядок, паника. С первого же дня войны страна оказалась предоставленной самой себе. На станции Лазареvec я видел сотни подлежащих мобилизации молодых людей, спрашивавших об одном:

– Где власти? Где штабы? Где взять оружие?

Я, тогда штатский человек, как и другие, ответить им ничего не мог.

В Сараево меня застигла бомбардировка. Здесь скопились сотни автомобилей белградской знати, спешащей в безопасные места – к морю. Офицер в чине подполковника сказал мне, что на фронте положение становится все более катастрофичным: немцы прорвались к Санджаку и в Хорватию.

На поезде еду в район Мостара. Здесь тоже бродят тысячи военнообязанных, не знающих, куда им направиться. Молодежь требует оружия, но весь государственный аппарат рухнул, как карточный домик, и никто не думает об обороне страны. Слухи о бегстве правительства подтвердились.

– Какой контраст между нашим храбрым, воинственным народом и его трусливыми правителями, – сказал мне, горько улыбаясь, знакомый учитель-хорват, которого я встретил под Мостаром.

16 апреля. Немецкие войска вступили в Белград. Когда я узнал об этом, сердце мое сжалось от боли. Я видел слезы на глазах крестьян, узнававших о захвате врагом столицы, я видел школьников, недоуменно повторявших: «Неужели немцы ходят по Белграду?»

Тяжелая весть о прекращении сопротивления югославской армии и падении Белграда застала меня в районе города Гацко, куда я добрался на грузовике. Здесь мне пришлось наблюдать картину, которую, вероятно, никогда не забуду. Множество автомобилей, принадлежащих столичной верхушке, бежавшей от бомбардировок, скопилось у Гацко. Здесь были высшие полицейские чины, политики, крупные чиновники, видные купцы, фабриканты, домовладельцы. Мне пришлось видеть, с каким нескрываемым облегчением, чтобы не сказать радостью, встретили эти люди трагическую весть о падении столицы.

– Нужно скорее ехать в Белград, – сказал мне начальник белградской политической полиции Банкович, которого я встретил в гостинице в Гацко, – теперь опасность бомбежек миновала, жизнь будет восстановлена. Мы, полицейские, нужны и немцам.

«В Белград!», «Война кончилась!» – возбужденно повторяли одетые с иголочки мужчины, укутанные в меха дамы. И комфортабельные автомобили повернули в обратный путь. На северо-восток двинулась колонна машин. Надо было видеть, какими глазами провожали эти машины герцеговинские земледельцы, рабочие, учителя. В их глазах можно было прочесть нескрываемое презрение, жгучую ненависть к предателям, спешащим на поклон к немцам. Мой сосед – пожилой герцеговинец – сказал:

– Эта колонна машин – пятая колонна.

Я направился в дом военно-спортивной организации «Сокол», где обычно собиралась молодежь. По пути я узнал, что накануне в этом доме на столах ночевало правительство Симовича⁷⁴⁸, бежавшее за границу. В сокольском доме, как его здесь называют, меня встретила группа молодых людей. Решив почему-то, что и я собираюсь обратно в Белград, они осыпали меня ядовитыми насмешками.

– Торопитесь, а то опоздаете к фашистам.

Я отрекомендовался, и у нас сразу установились дружеские отношения. Молодые люди засыпали меня вопросами: что делать? К кому

---

⁷⁴⁸ Симович Душан (28.10.1882–26.08.1962) – премьер-министр Югославии (1941–1942).

обращаться? Неужели можно допустить, чтобы враг покорил нашу Югославию?

– Мы готовы на все во имя спасения страны, – сказал молодой герцеговинец, сверкнув глазами, – на все!

Нет, такие люди никогда не будут немецкими рабами!

17 апреля. Из городов в сторону гор, в заброшенные деревушки, по надежным, скрытым тропам движутся тысячи и тысячи людей с котомками за плечами. Это – настоящие патриоты, готовые отдать жизнь за родную Югославию.

Сообщения с фронта очень, очень тяжелые. Командование югославской армии капитулировало. А ведь прошло только десять дней войны! Теперь даже слепому ясно, что страна и армия возглавлялись жалкими банкротами. Мне достоверно сообщили, что к началу войны у Югославии было только 200 боевых самолетов и 200 танков. Запас бензина исчислялся... однодневной потребностью современной армии. Важный в оборонительном отношении горный сектор остался не только без военно-инженерной подготовки, но и без войск. Продовольственных запасов на ряде участков фронта также не имелось, и солдаты с первых же дней войны голодали. Противотанковая оборона организована не была. Не только противотанковых пушек, но и бутылок с горючей жидкостью в распоряжении частей не оказалось. Все, кто прибывает сюда с фронта, в один голос рассказывают о растерянности генералов, потере связи частей со своими штабами, о недостатке оружия и хаосе на военных складах.

К нам в Гацко все чаще добираются солдаты группами и в одиночку. Они рассказывают, что офицеры и генералы из верхушки армии приказывали им бросать оружие и сдаваться в плен немцам. Но солдаты не подчинялись. Они бежали, скрывались от плена и, как правило, возвращались в родные места с драгоценной ношей – оружием. Некоторые солдаты и младшие командиры пришли в Гацко и окрестные села, захватив с собой по две-три винтовки.

18 апреля. Судьба вновь, в третий раз, столкнула меня с генералом Петром Арачичем, личностью, известной всей Югославии. Начальник военной контрразведки, профессор военной академии, командир дивизии и, наконец, заместитель командующего Приморской армии – таков его путь.

Когда-то в Белграде я обращался к Арачичу за разрешением издать мою книгу о Красной армии. Он категорически отказал. Второй раз

я встретил его на днях в Мостаре. Он ничего не мог мне сказать об обстановке, ибо сам ничего не знал, но во время разговора он сохранял надменность и напыщенность, столь характерную для генералов старой югославской армии.

Последняя моя встреча с Арачичем произошла вчера. В Билече я попал в военный городок. Здесь собралось много народа. К моему удивлению, из помещения вышел, сверкая золотом украшения, Петр Арачич. Он сделал несколько шагов вперед и, улыбаясь, обнял вышедшего из машины итальянского генерала. Я опешил: это была постыдная церемония сдачи Арачича в плен итальянцам. Оба генерала сели в автомобиль и, беседуя, направились за город, где находился лагерь военнопленных. Солдаты и местные жители, бывшие свидетелями этой сцены, провожали Арачича словами проклятья. Так кончил свою карьеру предатель в генеральском мундире, столько лет произносивший выспренние речи о военной чести и любви к Югославии.

20 апреля. На каждом шагу я вижу, что окружающие меня люди, выросшие среди гор и страстно любящие свободу, не мыслят себе жизни под немецким игом. Вчера я ночевал у учителя Милошевича – молодого человека, мечтающего сразиться с немцами. Он горячо говорил о лютой ненависти, которую питает издавна народ к немцам, и привел гневные строки из драмы Люциана Риделя «Заточник», написанной более 40 лет назад:

Где немецкая нога на минуту станет –
Там кровь течет сто лет.
Где немецкие уста воду пьют –
Там смердит сто лет.
Немец обманет сильного и ограбит слабого.
Он готов даже с неба кожу содрать.
Жабы и те перестали квакать,
Чтоб немецкому говору не подражать.

Поздно вечером в комнату вошел отец Милошевича, старый герцеговинец, принимавший участие в восстании против турок в 1875 году. Старик вошел и стал у дверей. В руках у него была винтовка. Он держал оружие так любовно и умело, что сразу видно было: это старый, испытанный солдат.

– Пойду на немца, с сыном пойдем, – сказал он. – У немца, говорят, много танков и самолетов. Но и мы – сила!

2. В горах Черногории

15 июня 1941 года. Нахожусь в курортном городке Рисане на берегу Адриатического моря. Сюда пришлось бежать из района Гацко, чтобы скрыться от преследования итальянских властей. Живу инкогнито. Повсюду сообщают о боевом настроении черногорцев, готовящихся к вооруженной борьбе с оккупантами.

Через Рисан вдоль побережья непрерывно движутся немецкие части. Они держат курс на Сараево, а оттуда, как мне говорили журналисты, направляются на восток. Немцы заполняют улицы, кафаны (рестораны), магазины. Черногорцы негодуют, в них клокочет исконная ненависть к поработителям. Вчера на улице группа местных жителей встретила прохождение немецкой колонны боевой черногорской песней «Сердар Йоле», начинающейся словами «Дай мне саблю острую».

Тайно от оккупантов вместе с городским головой Николаем Джуровичем слушаю радио. Лондон сообщает о начавшихся в Сербии массовых расправах оккупантов над гражданским населением.

22 июня. Я и Николай Джурович были у радиоприемника в тот момент, когда Москва сообщила о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Чрезвычайно взволнованные слушали мы выступление Молотова. В 4 часа дня ко мне пришел профессор Милянич, заведующий рисанской больницей, с которым у меня установились добрые отношения. До него уже дошли слухи о советско-германской войне. Долго говорили мы об этом огромной важности события. Мы сошлись на том, что отныне центр европейской войны переместился на восток, что происходит коренной перелом в ходе войны и отныне судьба Югославии неразрывно связана с судьбой России. Нам стало ясно, почему немецкие части столь поспешно двигались через Сараево на восток.

23 июня. Вчера вечером меня предупредили, что оккупационные власти потребовали от городской управы списки всех «ненадежных», находящихся в Рисане. Друзья порекомендовали мне немедленно скрыться. Я нашел проводника и в 5 часов утра двинулся с ним в горы. Позади остались шумный городок, залитая солнцем бухта Каторская. Куда идти? Я решил углубиться в горы, взяв курс на Грахово.

1 июля. Живу среди крестьян-черногорцев. Дошедшая сюда весть о нападении Германии на Советский Союз вызвала в черногорских селах большое возбуждение. Я долго сегодня беседовал с 50-летним черногорцем Гойко Даковичем, который пришел ко мне из соседнего района. Одет он был, как и все его соплеменники, красочно и легко.

На нем были красный «джермодан» (жилет с золотыми застёжками), широкие синие шаровары, белые гетры и легкие самодельные туфли «опанки». Гойко снял с головы черную круглую шапочку, расшитую золотом, и спросил, не известно ли мне, как идут бои на советско-германском фронте. Я коротко рассказал ему о жестоких боях, развернувшихся в России. Черногорец сказал:

– Я думаю, что русские хорошенько проучат немецких псов, а нам надо проучить фашистов здесь в горах. Если будем сидеть сложа руки, мы поступим нечестно по отношению к русским братьям и к своей собственной совести. В этой войне, как и в прошлом, у нас с русскими один враг и одна боевая дорога.

Мой собеседник тут же вспомнил, что еще во времена борьбы с Наполеоном существовал прочный союз России с Черногорией.

– Не удалось Наполеону, покорившему чуть ли не всю Европу, поставить на колени нас – горсточку черногорцев. Помните, как писал об этом русский поэт Пушкин?

И он нараспев прочел пушкинскую строфу, которую в собственном переводе и в разных вариантах повторяют многие черногорцы:

«Черногорцы? Что такое?

Бонапарте спросил: –

Правда ль: это племя злое,

Не боится наших сил?»

Разговор с Гойко Даковичем убедил меня, что нынешние жители гор столь же воинственны, как и их предки. Гость рассказал мне о том, как в его селе и в соседних готовится народ к вооруженному выступлению против оккупантов. Отдельные группы партизан уже начали организовывать засады, диверсии, взрывы.

9 июля. Нет дня, чтобы сюда не доходили вести о массовых казнях и грабежах, чинимых захватчиками на югославской земле. Югославию, видимо, враг решил растерзать на куски. Черногория попала под власть Муссолини, который подготавливает ее присоединение к фашистской Италии. В горах это сообщение вызвало усиление партизанской борьбы. Непокойно и в других районах Югославии. Около Белграда подожжены склады с боеприпасами. В Мостаре произошла вооруженная схватка итальянских войск с населением. В горах распространяется листовка: «Сейчас решается судьба всех славян, в том числе сербов, хорватов, черногорцев, словенцев, чехов, поляков. Озверелые гитлеровцы хотят уничтожить славянские народы. К оружию, братья!» – призывает она.

Я побывал в нескольких селах и убедился, что народ готов к борьбе. Главное, чего не хватает, – организации. Сюда приезжал человек, давший партизанам ряд ценных советов и указаний. Он уехал вчера, не назвав своего имени. Видимо, существует центр, начинающий объединять усилия партизан.

18 июля. Горячее время. Вынужден ограничиться короткой записью. Недаром говорят, что чем крупнее события, тем меньше следа о них остается в дневниках. Итак, 12 июля итальянцы намеревались торжественно провозгласить «независимость» Черногории. Народ сразу разгадал этот фарс. На «любезность» захватчиков черногорцы ответили огнем. 13 июля в нашем районе и во всей Черногории началось вооруженное восстание. Повсюду повстанцы громят итальянские гарнизоны, захватывают в свои руки населенные пункты. В восстании участвуют десятки тысяч черногорцев. Повстанцы пополняют запасы оружия за счет трофеев. Многих партизан нам удалось вооружить после налета партизан на один из военных складов противника.

Я целиком захвачен водоворотом событий. Ко мне, как к военному специалисту, в прошлом полковнику, обращаются за советом многочисленные представители партизанских групп. Я рад хоть чем-нибудь помочь этим гордым и храбрым людям.

Партизанские отряды, стихийно возникающие повсюду, остро нуждаются в знающих военное дело руководителях, и мне казалось, что их недостаток помешает росту партизанской борьбы. Эти опасения оказались напрасными. В первые же дни восстания выдвинулись отличные партизанские вожаки. Во главе повстанцев одного района оказались ⁷⁴⁹ студент Воя Николич, молодой подпоручик югославской армии Мартинович, адвокат Никола Джуркович. В соседнем районе возглавил повстанцев крестьянин Сава Ковачевич ⁷⁵⁰, слава о котором быстро облетела всю округу. На другом участке командуют ⁷⁵¹ учитель гимназии Петар Комненич и крестьянин Иосип Копривица, который два десятка лет провел на угольных копях в Америке.

Партизанские группы принимают чисто военные организационные формы. Они разбиты на четы (роты), воды (взводы), десятины (отделения). Жители двух-трех сел объединяются в партизанский батальон.

⁷⁴⁹ В документе – оказался.

⁷⁵⁰ Ковачевич Сава (25.01.1905–13.06.1943) – черногорский партизан, народный герой Югославии.

⁷⁵¹ В документе – командует.

23 июля. Борьба перенеслась в район Грахова. Напор партизан был настолько сильным, что итальянцам пришлось перебросить сюда свежие регулярные части. Четыре дня шел кровопролитный бой. Обе стороны понесли большие потери. Итальянцы ввели в бой артиллерию, и повстанческим группам пришлось отойти в горно-лесистый район. Неудача не смутила нас. Мы сохранили свои силы, организацию, а главное, веру в себя. Повстанцы не обманывают себя – они знают, что предстоит тяжелая борьба.

К нам вновь приезжали из штаба. Хотя никто из нас не знает его местонахождения, мы на каждом шагу чувствуем твердую руководящую силу. Я часто думаю: кто в эту черную для Югославии пору поднял знамя народной борьбы, кто возглавил патриотическое движение? Точного ответа пока нет.

12 августа. Мы повторили удар на город Грахово и овладели им. Взято в плен более 100 итальянцев. В бою мы, к радости всех партизан, захватили противотанковое орудие итальянцев. Это первый наш крупный трофей, первое артиллерийское вооружение, попавшее в наши руки. Из отбитой у врага пушки сам Сава Ковачевич открыл огонь по противнику.

Сегодня в наш отряд влилось 48 новых крестьян-добровольцев. Половину из них удалось вооружить, остальным посоветовали добыть оружие у врага.

19 августа. Оккупанты рыщут в горах, но они бессильны подавить возмущение крестьян. Я последние дни скрывался у моего нового друга Гойко Даковича в его домике, расположенном на склоне высокой горы. Но итальянцы вчера добрались и сюда. Первой заметила их приближение Вука, 13-летняя дочь Гойко Даковича, которая пасла овец. Я немедленно скрылся в одном из ущелий и вернулся в дом Даковича только после того, как Вука дала мне знать, что итальянцы ушли. Оказывается, они произвели обыск в домике крестьянина, затем устроили попойку и приказали сегодня же доставить в их штаб свинью и различные продукты. Пока жена моего хозяина – Ружа, тихая и милая женщина, рассказывала о произволе солдат, ее 90-летний отец, высокий черногорец, удивительно сохранившийся для своих лет, обнаружил, что итальянцы успели украсть у него золотые часы. Он уверял, что часы шли без починки чуть ли не двадцать пять лет, и зло проклинал итальянских воров: «Они все хотят отнять у нас, проклятые, – часы, дом, овец, горы, воздух».

Оставаться здесь дальше мне небезопасно. Сегодня ночью покину домик гостеприимного Гойко.

19 сентября. Разъезжаю по деревням, помогаю организации новых партизанских отрядов, диверсионных групп и т.д. Выступаю на сельских сходах, беседую с молодежью. Тема у меня одна – о целях и сущности народной борьбы с оккупантами. Долго убеждать моих слушателей не приходится – у них руки сами тянутся к оружию.

Мы получили указания из штаба партизанских отрядов. Партизанские силы еще слишком слабы, указывает штаб, чтобы создавать фронты. Надо действовать группами, отрядами, батальонами. Тыл врага, его штабы, коммуникации, связь – вот главное поле нашей деятельности. Засады, налеты, диверсии – вот наши основные методы. Наряду с этим штаб будет проводить более крупные операции, которые приучат партизанские батальоны к совместным действиям в обстановке современного боя. В связи с получением этого указания я впервые услышал имя Тито⁷⁵². Теперь ясно, кто возглавляет геройскую борьбу народа.

28 сентября. Наш банянско-вучедольский батальон тесно сотрудничает с граховским батальоном Сава Ковачевича. Несколько дней тому назад мы совместно совершили нападение на итальянскую колонну, которая двигалась из Требинье к Никшичу. Засада была устроена по обеим сторонам шоссе около Вилюси. События развернулись так. Мы напали на хвост вражеской колонны, которую защищали три танка. Танки открыли огонь, продолжая медленно двигаться по горной извилистой дороге. Итальянцы шли с открытыми люками. Когда головной танк начал поворачивать за изгиб дороги, на него с обрыва бросился Сава Ковачевич. Храбрец на наших глазах вскочил на танк, схватил за шиворот танкиста. Богатырским рывком он вытащил итальянца из танка. Водитель, испугавшись, остановил машину. Его тоже Сава извлек на свет божий. Машина попала в наши руки. Сава Ковачевич тут же влез в танк и открыл огонь из танковых пулеметов по итальянцам, которые пытались, выскочив из грузовиков, занять боевые позиции. Вскоре был захвачен второй танк. Экипажу третьего танка удалось бежать в Требинье. Это единственное, что уцелело от всей итальянской колонны. Дорога была усеяна трупами итальянских «завоевателей».

---

⁷⁵² Тито Иосип Броз (07.05.1892–04.05.1980) – югославский революционер и политик, лидер югославских партизан в годы Второй мировой войны.

Во время этого боя я впервые близко столкнулся с Савой Ковачевичем, о бесстрашии которого я уже слышал не раз. Теперь я лично видел, насколько отважен этот человек. Типичный черногорский крестьянин с густыми усами, в ярком национальном костюме, с винтовкой в руках и гранатами за поясом, он показался мне олицетворением силы и доблести восставшего черногорского народа.

После боя мы направились в Вилюси. По тихим улицам шли два танка и шесть грузовиков, на которых расположились партизаны, гордые боевой удачей.

15 ноября. Активная деятельность отдельных партизанских групп не мешает нам готовить общий удар. Все мы поглощены подготовкой.

Сегодня нам стало известно о предательском поведении четников Драже Михайловича⁷⁵³. Обещав сражаться против оккупантов, они неожиданно напали на партизан. Четники явно дружат с итальянцами. Их поведение становится все более подозрительным.

Связанный с четниками доктор Божа Булаич, который до последнего времени подвизался здесь, бежал в Белград и, как нам передали, поступил на службу к оккупантам. Мне рассказали, что судья Новакович в контакте с итальянцами организует в районе Никшича четнические отряды для борьбы с партизанами. Штаб четников в Никшиче размещается в том же здании (гостиница «Америка»), где и штаб итальянских войск.

Смысл пропаганды, которую ведут сейчас единомышленники Драже Михайловича, таков: «Нам, маленькому черногорскому народу, вести борьбу с мощными немецкими и итальянскими армиями – безумие. Воздержимся от вмешательства в большую войну, и мы наверняка не проиграем. Если победят союзники – мы будем свободны, если победит Гитлер – он не будет озлоблен на нас, и мы приспособимся к новым условиям». Мы решительно разоблачаем пропаганду четников, пытающихся парализовать волю подымающегося на борьбу народа.

5 декабря. Несколько дней назад три с половиной тысячи партизан атаковали город Плевле в Санджаке. Этот сильный укрепленный пункт обороняла целая итальянская дивизия. Партизаны, одетые в гражданскую одежду, плохо вооруженные, сражались с врагом с подлинной отвагой. Два дня длилась неравная схватка. Партизаны оттеснили итальянцев, ворвались в город, заняли ряд улиц. Две тысячи трупов

---

⁷⁵³ Михайлович Драголюб (Дража) (27.04.1893–17.07.1946) – югославский военно-политический деятель, лидер движения четников в годы Второй мировой войны.

солдат Муссолини осталось на месте уличных боев. Партизаны также понесли серьезные потери и отошли в горы.

Эта операция (ею руководил Арсо Йованович⁷⁵⁴, назначенный Верховным штабом, о котором мы теперь уже осведомлены) имеет большое значение. Бои за город Плевле заставили партизанские отряды и батальоны оторваться от своих «насиженных» мест и направиться в Санджак, чтобы объединенными силами вести наступление. Сражение у Плевле показало, какие большие силы заложены в народном движении, как храбры черногорские партизаны, какими большими возможностями обладает борющийся за свободу народ. «Мы – сила». Я часто вспоминаю эти слова старого герцеговинца из Гацко.

3. С Верховным штабом

29 мая 1942 года. Как много пережито за последние недели... Оккупанты, объединившись с четниками, начали наступление из района Никшича в направлении Вилюси, Велимля. Наш батальон вместе с другими по приказанию командования с боями начал отступление. Мы двинулись в Герцеговину, но и там через два дня враг начал крупное наступление, стремясь, как он заявил, «окончательно и навсегда уничтожить партизан».

Что и говорить – сейчас нам нелегко. Отступаем вместе с герцеговинскими партизанами на северо-восток. Кое-кто поник головой. Мы предложили малодушным оставить наши ряды. Ушли единицы. Остальные поклялись до конца быть верными великим целям нашей борьбы.

Движемся труднопроходимой горной местностью по крутым, извилистым тропам и скалам, через обрывы и горные реки. Враг преследует нас и на земле, и с воздуха. Бомбардировки лишают возможности двигаться днем. Вчера в темноте я едва не свалился в пропасть. Повезло – успел ухватиться за кустарник.

2 июня. В походе. С немалым трудом преодолели горный массив Маглич (высота 2387 метров). Тяжело, но идем. Командование нашей отступающей колонны принял командир Ловченского партизанского отряда Пеко Дапчевич⁷⁵⁵ – молодой человек, черногорец, живой и весьма образованный. Он сказал мне, что по соседним тропам движется Верховный штаб, который также держит курс в направлении Боснии.

⁷⁵⁴ Йованович Арсо (24.03.1907–12.08.1948) – югославский военный деятель, начальник Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии.

⁷⁵⁵ Дапчевич Петар (Пеко) (25.06.1913–10.02.1999) – югославский военный деятель.

5 июня. Поход продолжается. Сколько осталось позади гор, лесов, скал! Теперь, миновав реку Сут[ь]еску, мы избавились, наконец, от преследования врага, которому не под силу оказался этот горный марш.

Наши черногорские отряды сведены в две бригады. Формирование 4-й бригады, в составе которой я нахожусь, было произведено у села Врбница в весьма торжественной обстановке, в присутствии Тито. Это была наша первая встреча с руководителем югославских партизан.

Наша бригада выстроилась на широкой лужайке, рядом построились бойцы старшей 1-й Сербской бригады. Тито прибыл на место торжества верхом на лошади. На нем была черная тужурка, пилотка со звездочкой. Его восторженно встретили бойцы. Мы ждали с нетерпением: что скажет он? Речь Тито, спокойная и уверенная, произвела на партизан огромное впечатление. Меня поразило, что в этой весьма тяжелой обстановке, после труднейших дней отступления, пережитых нами, накануне новых, может быть еще более суровых испытаний, он оставался столь бодрым и твердым. Своей страстной верой в победу он зажег всех слушателей. Тито сказал: «Да, нам трудно, но мы идем не вслепую. Нам надо во что бы то ни стало пробиться в долины Боснии, соединиться с боснийскими партизанами и с еще большей энергией развернуть операции против оккупантов, терзающих нашу родную Югославию.

После выступления Тито начались массовые национальные танцы. Бойцы лихо плясали под звуки баяна. На смену танцам пришли песни. Чудесно звучали сербские народные песни и особенно задушевно «Ой, Мораво, ой, Мораво».

Во время танцев я беседовал с Тито. Этот человек с умными глазами, энергичными чертами лица, полный жизни и силы, сразу располагает к себе. Он еще раз выразил уверенность в нашей конечной победе. Мы заговорили о событиях на советско-германском фронте.

– Блицкриг, на который делал ставку Гитлер, как и следовало ожидать, провалился, – сказал он. – Завязался длительный поединок России с Германией. Победа в этом поединке будет на стороне Советского Союза. А его победа – наша победа.

12 июня. Мы в Боснии! Когда наши отряды вышли за Сут[ь]еску, нам казалось, что главные трудности похода позади. В действительности же нам пришлось еще в более тяжелых условиях преодолеть ряд горных массивов. Особенно мучителен был переход через горный хребет Трескавица. Мы шли на высоте более чем 2000 метров по горным

обрывистым скалам, покрытым снегом и ледяной корой. Впереди нас шаг за шагом двигался Верховный штаб во главе с Тито.

Спускаясь с Трескавицкого хребта, мы попали в полосу страшного ливня и промокли до нитки. В таком виде нам неожиданно пришлось вести бой с поджидавшими нас у подошвы горы усташами⁷⁵⁶ Павелича⁷⁵⁷ – врагом, доселе нам, черногорцам, неизвестным. Видимо, усташа думали, что измотанных и уставших от многодневного похода партизан легко будет сломить. Но не тут-то было. Партизаны сражались с исключительной отвагой и яростью. В коротком бою отряды усташей были разбиты наголову. Только после этого мы получили возможность обсушиться, согреться, привести себя в порядок. Бойцы принесли мне шинель с плеч убитого в бою усташского жандарма. Это первое «казенное обмундирование», которое я получаю в этой войне.

В Верховный штаб, куда меня перевели из 4-й бригады, прибыли делегаты местных партизан. Я поразился, узнав, что Тито, находясь с нами в долгом 120-километровом горном походе, день за днем продолжал руководить боями, происходившими в это время в босанских долинах и в других районах страны.

Теперь каждый из нас воочию видит, что силы народные – неисчислимы. Вместе с партизанами Боснии, которые связаны с хорватскими и далматинскими партизанами, мы сейчас составляем еще более внушительную силу, чем до наступления врага в Герцеговине и Черногории. Каждый из нас по достоинству оценил прозорливость Тито, который не только вывел нас из-под удара врага, но и сумел собрать партизанские силы на территории Боснии в единый мощный кулак.

Сейчас согреваюсь трофейной шинелью после холодов, снежных метелей и ливня. Благодать ...

16 июля. Наш штаб расположен в небольшом лесочке в 20 километрах от района боев. Работаем и живем в легких палатках. Охрану штаба несет одна конвойная рота. Очень трудно поддерживать связь штаба с частями, разбросанными в разных районах страны. У нас имеются радио, телефон, но, главным образом, связываемся с частями через своих специальных делегатов.

---

⁷⁵⁶ Усташа – хорватское фашистское движение.

⁷⁵⁷ Павелич Анте (14.07.1889–28.12.1959) – хорватский политический деятель, лидер фашистского движения усташей.

Оперативную работу в штабе выполняет сам Тито, которому помогает его единственный секретарь Зденка. Большинство работников Верховного штаба – в частях.

Работоспособность Тито поразительна. Он успеваает заниматься не только военными делами, но и организацией гражданской власти.

С питанием – нелегко. Все лучшее, что удастся добыть, отправляется в госпитали больным и раненым. На днях нам досталось немного сыру. Для всех нас, в том числе и для Тито, это было истинным лакомством. Питается он, как и все мы, из одного котла с бойцами конвойной роты.

23 августа. Штаб еще больше приблизился к месту боев. В нескольких километрах от штаба на нашего работника Симу Милошевича, в прошлом профессора Белградского университета, и его жену напали четники. Все, кто был в штабе, по приказу Тито немедленно подготовились к бою. Меня назначили или скорее выбрали командиром отделения. В мое отделение вошли Сава Орович, жена начальника Верховного штаба Ксения Йованович, живая и бойкая женщина, бывший директор Никшичской гимназии, ныне работающий в штабе, Стоян Церович и другие. Мы вооружились винтовками и револьверами и вместе с бойцами конвойной роты заняли сторожевые посты. Двое суток длилась тревога. Нигде четнической банде не удалось подобраться к штабу. Мы вернулись к нормальной работе, получив сообщение, что банда четников перехвачена нашими бойцами и разгромлена.

19 сентября. Формируем новые части. Если бы в нашем распоряжении было достаточно оружия, мы смогли бы сейчас создать 10–15 новых дивизий.

Сегодня наблюдал любопытную картину: в Верховный штаб пришла из соседней деревни молодая крестьянка с новорожденным. Она попросила вызвать священника. К ней вышел Влада Зечевич⁷⁵⁸, священник, прославившийся в боях как один из самых храбрых партизанских командиров. Еще в 1941 году он покинул четников, перешел на нашу сторону и вскоре стал одним из популярных руководителей партизанских отрядов.

Молодая мать попросила крестить ее первенца, Зечевич облачился в священническое одеяние и тут же в лесу совершил обряд крещения. Когда женщина ушла, Зечевич рассказал мне, что он и другие духовные

---

⁷⁵⁸ Зечевич Владимир (Влада) (21.03.1903–26.10.1970) – югославский политический деятель.

представители, находящиеся в партизанских рядах, совершают на освобожденной территории сотни и тысячи религиозных обрядов. Они крестят младенцев, венчают, отпевают убитых и умерших. Власть, устанавливаемая на освобожденной территории, никому не препятствует выполнять религиозные обряды, в то время как оккупанты и усташы издеваются над религиозными чувствами крестьян и убивают сербских священников.

30 октября. В России продолжают сильные бои в районе Сталинграда. У всех наших партизан на устах слово Сталинград. На днях в городе Гламоче я делал доклад о Сталинградском сражении. Интерес к докладу – необычайный. На городской площади собралось около 2000 партизан и крестьян со всей округи. Мне пришлось устроиться на крыльце. К стене дома я прикрепил карту, начерченную мной цветными карандашами. Люди мысленно перенесли из Югославии к берегам далекой Волги. Когда в заключение полуторачасового доклада я выразил уверенность, что Сталинградская битва закончится победой советского оружия, мои слушатели приветствовали братский советский народ необычайно бурно. Живила Црвена армия! Жевио Сталин! – гремело на площади.

8 ноября. После Бихача наши войска заняли Приявор, Теслич и другие города. Все это дается святой кровью наших людей.

Верховный штаб размещается теперь в поезде. Наш поезд состоит из четырех товарных вагонов, отопляемых маленькими жестяными печками. Стоим между Дрваром и Петровцем. В первом вагоне помещается Тито. Два стола, солдатская кровать, несколько табуреток, карты на стенах – вот все убранства его кабинета на колесах. В следующем вагоне живу я, Павло Савич, по специальности профессор химии, его жена Бранка, преподавательница математики, и личная охрана штаба. В третьем вагоне – радио, пишущие машинки. В четвертом живет и работает начальник штаба Арсо Йованович со своими штабными работниками.

Работаем много. Ночью приходится прибегать к коптилкам и карманным фонарям. Редкие свободные часы работники штаба посвящают охоте. Особенно пристрастился к охоте Тито. Убитая им дичь нередко появляется в дневном рационе работников штаба.

Наш маленький, невзрачный на вид поезд, стоящий на заброшенных путях, является центром, мозгом всей нашей армии. Отсюда, из своего скромного вагона, Тито руководит десятками бригад и дивизий, геройски сражающихся с врагом.

23 ноября. Наше внимание по-прежнему приковано к событиям под Сталинградом. По личному указанию Тито принимаю по радио сводку советского Информбюро и ежедневно докладываю ему о ней. Он приказал будить его, если сводка поступит поздно. Нынешней ночью я принял радостное сообщение из Москвы о контрударе советских войск под Сталинградом. Принял я эту весть поздно (удалось записать передачу ТАСС для областных советских газет). Глубокой ночью я побежал к Тито. Он еще работал. Я залпом прочел ему вслух сообщение «В последний час». Тито слушал, не спуская с меня глаз.

– Ну, поздравляю вас, – сказал Тито, когда я умолк, – поздравляю. Начался новый этап войны, я вас уверяю в этом. Теперь Красная армия не оставит Гитлера в покое.

На усталом лице Тито сияла такая торжественная улыбка, какую у него я видел впервые.

– Теперь я могу спокойно уснуть, – сказал он и качнул головой в знак прощания.

18 января [1943 г.]. Противник ведет крупное наступление. Идут тяжелые бои.

28 февраля. Писать некогда, да и нелегко. Упорные и тяжелые бои у Прозора и на реке Неретва.

Штаб разместился в монастыре у селения Штит. Пронюхав это, немцы бросили 15 бомбардировщиков специально для уничтожения штаба. Налет был дневной. Бомбы крупного калибра кое-где повредили стены, но в штабе никто не пострадал. Как упорно и как бесплодно охотятся немцы за нашим штабом! За голову Тито немцы назначили огромную сумму. Недавно в попавшейся мне белградской газетке я прочел: «За головы Моша Пияде⁷⁵⁹, Федора Махина и Боры Продановича⁷⁶⁰ будет выдана награда – по 250 тысяч динаров за каждую». Оказывается, моя голова – целое состояние!

15 марта. Теперь можно твердо сказать: еще одна, четвертая по счету, попытка немцев разгромить наши силы закончилась неудачей. Цифры потерь противника огромны. 18-тысячная армия Михайловича как военная сила больше не существует. Пришлось пережить много

---

⁷⁵⁹ Пияде Моша (Моше) (04.01.1890–15.03.1957) – югославский военно-политический деятель.

⁷⁶⁰ Проданович Борислав (Бора) (23.12.1892–13.06.1943) – деятель югославского партизанского движения.

тревожных дней, и отныне имя реки Неретва будет многое говорить югославскому воину.

4 июня. Штаб расположен у подножья горы Дурмитор на берегу Черного озера, славящегося своей красотой. Когда-то сюда съезжалась отдыхать белградская знать. Сейчас большинство вилл опустошено и разрушено. Непрерывные бомбежки.

15 июня. Я писал, что мы крепко запоем Неретву, теперь еще с большим правом это можно сказать в отношении реки Сут[ь]ески. Бои здесь чрезвычайно жестокие. Немцы понесли большие потери. Наши жертвы тоже велики. Особенно тяжела для нас гибель Савы Ковачевича, храброго из храбрых наших командиров, человека, которого в народе прозвали Чапаевым. И действительно, он был похож на Чапаева, энергичный, полный крестьянского юмора, настоящий полководец-самородок. Сколько походов и славных боев провел этот бесстрашный человек! На днях я встретил его (последний раз), когда его дивизия спускалась в долину Сут[ь]ески.

Глубокой ночью мы добрались до реки. Немедленно с берега на берег были протянуты канаты. Держась за них, бойцы в темноте переходили вброд бурную реку. Когда начало светать, Саве Ковачевичу доложили, что передовые отряды встретились с сильным вражеским заслоном в трех километрах от Сут[ь]ески. Ни слова не говоря, командир дивизии на наших глазах вскочил на коня, стремительно бросился вперед и скрылся за холмом. Через двадцать минут немецкая пуля наповал убила нашего Чапаева. Мы похоронили храбреца тут же на поле битвы, буквально под свист снарядов и пуль. Вечная память тебе, народный герой!

4. В боях и походах

2 июля 1943 г. То, что произошло за последнее время, трудно даже сразу восстановить в памяти. После тяжелого боя на Сут[ь]еске большая группа партизан, а среди них и я, оказались отрезанными от своих. Вокруг были немцы. Разбившись на мелкие группы по 3–5 человек, мы начали пробиваться из окружения. Пять дней и пять ночей я с хорватом Бранко бродили по боснийским лесам.

Мы вышли на открытое Герцеговинское плато. Здесь надо было двигаться особенно

осторожно. Чтобы узнать дорогу, я направился к видневшейся вдали колибе – легкой постройке, в которой живут крестьяне, выгоняющие скот на летние пастбища. Когда до колибы осталось не больше трех-

сот метров, передо мной неожиданно вырос человек, вооруженный гранатами. Он привычным движением обыскал меня, вытащил из моей солдатской сумки револьвер и приказал идти в колибу. Здесь стояла большая группа вооруженных четников.

В ожидании допроса я наблюдал за тем, что происходило вокруг. Четники, разбившись на группы, с азартом играли в карты, проигрывая друг другу деньги, вещи и даже оружие. Ежеминутно до меня доносились грубые ругательства. За игрой один из четников подробно рассказывал о том, как он во время похода к реке Неретва ограбил на дороге «десяток баб», причем «убил одну хорватку – самую красивую». У меня было ощущение, что я попал не в плен к военному противнику, а в лапы грязной уголовной банды.

Я решил бежать. Судьба благоприятствовала мне. В третьем часу ночи, когда охранявший меня четник уснул, я тихо спустился к ручью и, убедившись, что мое исчезновение осталось незамеченным, бросился бежать так быстро, насколько мне позволяли мои шесть с лишним десятков лет.

Когда рассвело, я уже был далеко от злосчастной колибы. Решив передохнуть, я постучал в первую попавшуюся избу. Мне открыла дверь старая крестьянка-сербка. Узнав, что я партизан, а не четник, она встретила меня буквально как родного. Давно в этом районе орудуют четники, но не смогли они ни обманом, ни угрозами завладеть душой народа. Душа эта – с нами.

11 августа. Скитаюсь в горах. Огромную радость у крестьян вызывают вести с Восточного фронта. Красная армия заняла Орел и Белгород и продолжает громить немцев. Достаточно заговорить на эту тему, чтобы вокруг собралась толпа. «Алал им вера» (честь им и слава) – повторяют жители гор, говоря о воинах Красной армии.

28 августа. Крестьяне относятся ко мне очень сердечно, хотя знают, что за укрывательство партизана им грозит жестокая кара. Постепенно пробиваюсь к району, где по моим предположениям должны сейчас находиться наши войска.

Скитаюсь по деревням, вижу на каждом шагу кровавые следы четнических банд. Сколько горя принесли они Югославии, и без того истерзанной и ограбленной оккупантами! Я видел результат четнической «работы» – массовые могилы, сожженные деревни, опустошенные районы. Четники сеют рознь и вражду между людьми разных национальностей и вероисповеданий. Я видел приказ четнического

командира Иована Еловца, адресованный командиру 4-го батальона «Бая Пивлянина»:

«Поступайте дальше на основании уже отданных приказаний. Хватайте и убивайте всех мусульман, их жен и детей. Это приказ наших высших начальников, и мы должны его выполнить. Работайте и только работайте. Сейчас идет чистка до конца. С верой в бога, за короля и отечество. Командир поручик Иован Еловац, Штаб. № 457. Секретно».

В деревнях мне рассказывали о зверских убийствах, ограблениях, насилиях, чинимых «войском» Михайловича. Четники прямо-таки изощряются в садизме. Часто четники прибегают к дикому способу убийства, названному ими «клание ножом». Одной рукой убийца ударом под подбородок запрокидывает голову своей жертвы, а другой рукой в этот момент перерезает острым ножом горло.

12 сентября. Мои скитания продолжаютя. В деревне Врбица, недавно ограбленной и сожженной четниками, крестьяне мне принесли напечатанное на шапирографе сообщение штаба Михайловича за № 260. Оно доставило всем нам несколько веселых минут. Лжец Михайлович сообщал: «В Верховном штабе Тито льется кровь. Полковник Орович убит. Моша Пияде отравился, генерала Арсо Йовановича нет в живых – он погиб в Словении».

– Если пойдет так дальше, то Михайлович перегонит самого Геббельса, – смеялись черногорцы.

1 октября. Сегодня воистину счастливый день. Наконец, я встретил одну из частей Народно-освободительной армии⁷⁶¹. Я был особенно доволен, когда узнал, что эта часть входит во 2-й корпус Народно-освободительной армии, которым командует мой старый друг Пеко Дапчевич. Как радостно вновь очутиться в своей боевой семье!

15 октября. Бои, бои. Наш корпус разбил противника в районе Колашина и овладел этим городом. Затем мы взяли курс на город Беране, который обороняла итальянская дивизия, все еще продолжавшая воевать. Наши войска вплотную подошли к городу. Пеко Дапчевич предложил итальянцам сложить оружие или обернуть его против немцев. После некоторых колебаний итальянский генерал решил сдаться.

---

⁷⁶¹ Эта и ряд других дат дневника не соответствуют действительности. Известно, что еще 26 сентября 1943 г. Махин подписал коллективное письмо, обнародованное через радиостанцию «Свободная Югославия». Это было бы невозможно вне партизанского движения.

В бою за Колашин погиб мой юный приятель 22-летний Иовица Рыбар – сын нашего председателя антифашистского веча Народного освобождения Югославии доктора Ивана Рыбара⁷⁶².

12 декабря. Немцы ведут новое, по счету шестое крупное наступление. Основные бои идут в Боснии, куда, как нам сообщили, немцы перебрасывают силы из Греции. Мы всеми мерами пытаемся задержать их продвижение. Это дается не легко, ибо немцы движутся под сильной охраной танковых частей.

20 января [1944 г.]. Находимся в Колашине. Штаб корпуса занят формированием новых частей. Приток в них огромный.

24 февраля. Верховный штаб присвоил мне звание генерал-лейтенанта⁷⁶³. Такое же звание присвоено и Пеко Дапчевичу. Уведомил нас об этом телеграммой сам маршал Тито.

9 марта. Нахожусь в тихом городке Беране. Читаю краткий курс стратегии на курсах офицеров. Курсанты изучают также тактику, применение современного оружия, фортификацию, военную географию. Все они молодые, самому старшему и, пожалуй, наиболее способному из них Нико Стругару – 35.

15 апреля. Немцы начали наступление, по всем данным крупное. Занятия мы закончили, вчера состоялись экзамены, и вчера же слушатели разъехались в части. Предстоят ожесточенные бои. Одна из немецких колонн наступает на Беране. Только что получили указание эвакуировать скопившихся здесь 400 больных и раненых. Перевозочных средств нет, но надо во что бы то ни стало спасти всех до одного.

18 апреля. 48 часов назад я покинул Беране. Стояла выюжная, темная ночь, но откладывать эвакуацию нельзя было: враг приближался к городу. С войсками двинулись тысячи мужчин, женщин, детей со своим бедным скарбом, а кое-кто с коровами, овцами. Те из жителей, которые были в состоянии, брали в руки оружие.

Мы шли в темноте цепочкой, шаг за шагом, по горным, занесенным снегом тропинкам. На многих участках крестьяне выходили нам навстречу, помогая очищать дорогу от снега, и затем присоединились к нам. Сколько раз пришлось мне наблюдать в Югославии трагическую картину массового оставления мирными жителями своих насиженных

⁷⁶² Рыбар Иван (21.01.1881–02.02.1968) – югославский военно-политический деятель.

⁷⁶³ На самом деле это звание Махин получил указом от 1 ноября 1943 г.

мест! Раненых пришлось нести на руках или на самодельных носилках. Так, наша пестрая огромная колонна двигалась ночь, день и еще одну ночь.

Наконец, мы добрались до Колашина. Я отправился в штаб корпуса. Выяснилось, что он накануне перешел в монастырь Морача. Для того чтобы попасть в монастырь, мне пришлось на лошади преодолеть горный массив высотой в 1500 метров – отрог хребта Синявина. Когда я начал спускаться с горы, предо мной неожиданно открылась изумительная картина. Здесь, в долине, открытой южным ветрам с Адриатического моря, была в разгаре весна. Припекало солнце, зеленели травы, цвели яблони. С Пеко Дапчевичем встретились как старые друзья.

20 апреля. Фашисты опять затеяли большую игру, делая ставку на разгром наших основных сил. Герцеговинско-черногорский сектор, видимо, играет в планах врага особую роль. Немцы решили во что бы то ни стало уничтожить здесь наши войска, занимающие район, где проходят важные пути, соединяющие побережье Адриатического моря с внутренними районами страны, а также южную часть Балканского полуострова с северной его частью.

2-й корпус Народно-освободительной армии, возглавляемый Пеко Дапчевичем, оборонял территорию в 12 тыс. кв[адратных] километров. Немцы сосредоточили для удара по этому корпусу 3–4 дивизии, не считая многочисленных отрядов Недича⁷⁶⁴ и открыто присоединившихся к ним четников Дражи Михайловича. Немцы повели наступление одновременно с запада и востока, стремясь зажать части корпуса в клещи и уничтожить их.

Пеко Дапчевич принял смелое решение: перед лицом численного превосходства противника уклониться от большого сражения, провести под прикрытием заслонов перегруппировку сил и затем решительным и неожиданным маневром разбить врага по частям. К моменту моего приезда главные силы Пеко Дапчевич уже сосредоточил в районе Колашина. Перегруппировав их, он вел подготовку к нанесению удара по внутренним операционным линиям. На ряде участков немцам удалось довольно далеко продвинуться, но обе стороны знали, что решающая битва еще впереди.

Штаб корпуса установил, что главные неприятельские силы наступают с востока. Разгадав демонстрационный характер вражеского удара

---

⁷⁶⁴ Недич Милан (02.09.1877–04.02.1946) – югославский военно-политический деятель, премьер-министр коллаборационистского правительства, созданного немцами после оккупации Сербии.

с запада, Пеко Дапчевич правильно и разумно распределил свои силы. Частям Далмагинской бригады было приказано изнурить, обескровить и отбросить врага, двигавшегося с запада. «Теперь можно все силы бросать на восток», – сказал командир корпуса, когда далматинцы самоотверженно выполнили его приказ.

Немцы и четники успели своими моторизованными частями прорваться до долины реки Лим, а также выйти на реку Тару. Форсировав Тару, немцы открыли бы себе путь к центру нашего сопротивления – Колашину. Пеко Дапчевич дал приказ во что бы то ни стало опередить немцев и захватить единственный уцелевший мост через Тару. Каждый из нас понимает: наступил кульминационный пункт битвы. Здесь, в районе моста, у исторического Мойковца, где еще в 1914 году черногорские войска одержали победу над австрийцами, решится судьба нынешней операции.

21 апреля. Мост наш! Пеко Дапчевич был прав, придавая его захвату такое большое значение. План командира корпуса блестяще осуществили бойцы 5-й и 8-й черногорских бригад и 37-й Санджакской бригады, которые вышли к мосту по бездорожью неожиданным и смелым броском. Немцы вынуждены были остановиться.

Пока у Мойковца шел горячий бой, 7-я молодежная бригада под командованием моего недавнего слушателя Нико Стругара совершила труднейший горный переход и осуществила потрясающий (другого слова не нахожу) тактический маневр. В наиболее труднодоступном месте, где быстрая, никогда не замерзающая Тара течет между почти отвесными берегами, с помощью населения бойцы навели два небольших моста. Я знаю, что представляет собою ущелье, в котором течет Тара. Без всякой клади спуск к реке по козьим тропам продолжается не менее 12 часов, а подъем на противоположный берег длится сутки и более.

1200 бойцов во главе с Нико Стругаром, зная, что их ждут товарищи, ведущие у Мойковца тяжелый бой, сделали невозможное: с винтовками, минометами, пушками они шаг за шагом спустились в ущелье, по навешенным мосткам переправились через реку, затем, карабкаясь по камням и естественным уступам, взобрались наверх. Не теряя времени, бойцы совершили стремительный бросок и заняли важнейшие высоты в тылу немецких позиций. По указанию Пеко Дапчевича 7-я бригада одновременно с 5-й и 8-й нанесли сильный удар по основным силам врага у Мойковца.

Два часа назад в штабе получено лаконичное сообщение из района боев: «Немцы бегут».

23 апреля. Понеся большие потери, немцы бежали на северо-восток. Четников они бросили на произвол судьбы. Нико Стругар немедленно начал преследовать четнические отряды, прижал их к реке Лим. Сотни предателей нашли свою гибель на берегу Лима и в его быстрых водах.

24 апреля. Итак, вся операция длилась десять дней. Нико Стругар освободил от немцев город Беране, где десять дней назад сдавал теоретический военный экзамен. Он вступил в город как победитель, горячо приветствуемый старым и малым.

Мы все еще находимся в старинном монастыре Морача. Монахи, живущие здесь, говорят, что монастырь построен в начале XIII столетия. Я нашел здесь две замечательные книги: острожскую библию, напечатанную русским первопечатником Иваном Федоровым, и богослужебную книгу «Восмигласник», напечатанную в Черногорской типографии более 500 лет назад.

28 апреля. Наши части не только отбросили врага, но, как это уже вошло в традицию, тут же перешли в наступление и освободили из-под власти немцев значительную часть Черногории и Санджака. В Герцеговине враг тоже потерпел поражение. Основной удар нанесла противнику 29-я Герцеговинская дивизия, которой командует Влада Шегерт. Этот человек пользуется огромной популярностью в народе. Немцы и четники трепещут перед ним, они зовут его «дьявол».

Вчера я встретил Влада Шегерта. Это человек огромной физической силы, коренастый, настоящий мастеровой. Говорит он медленно, спокойно. Когда командованию нужно осуществить сложную и опасную задачу во вражеском тылу, туда неизменно направлялся Шегерт, и не было случая, чтобы он не выполнил задания. В одном из боев он захватил часть штаба Дражи Михайловича и золотой запас – более 100 тысяч динаров и несколько миллионов итальянских лир. Об удали и бесстрашии Влада Шегерта знают даже дети. Когда четники, бешено ненавидевшие Шегерта, захватили его жену и ребенка и начали истязать их, храбрый партизанский вожак с несколькими своими товарищами ворвался в деревню, занимаемую четниками, беспощадно расправился с врагом и спас свою семью.

Во время последнего наступления этот талантливый военачальник силами своей дивизии разгромил основные силы немцев, действовавших в Герцеговине.

6 июня. Несколько часов назад прилетел в Италию. Только что узнал, что союзники утром высадились в Нормандии. Наконец появляется долгожданный второй фронт.

19 июля. Живу в Бари. Прохожу курс лечения. Здоровье изрядно потрепано, сказываются годы и долгие скитания. Верховный штаб перебрався на остров Вис у побережья Далмации.

29 августа. На самолете прилетел на остров Вис. На острове всего два города. В одном из них в дачах и виллах разместился штаб. Отсюда, с острова, Тито так же искусно, как и из лесов, и из своей дрварской пещеры, руководит развивающимися боевыми действиями в Югославии.

Россия на юге громит немцев. Трудно передать, как это радует и окрыляет нас. Неужели скоро осуществится наша мечта о встрече с Красной армией?

10 октября. На днях покидаем остров. Тито уже улетел. Штаб переезжает в район Белграда, куда направлен удар наших войск, наступающих рука об руку с Красной армией.

5. Снова в Белграде

18 октября 1944 г. На улицах Белграда идут бои. С одной окраины в город ворвались бойцы Красной армии, с другой – воины 1-го корпуса Народно-освободительной армии Югославии, которым командует генерал-лейтенант Пеко Дапчевич. Верховный штаб находится в окрестностях Белграда. Живем одним: борьбой за столицу.

Сегодня из Белграда прибыло в штаб несколько офицеров. С каким восхищением говорят они о храбрости и искусстве бойцов Красной армии! Жители Белграда, рискуя жизнью, оказывают помощь своим освободителям. Белградцы вскакивают на русские танки и указывают, где спрятались немцы. Капитан Сушович рассказал мне, что на его глазах на Театральной площади на советский танк вскочил один парикмахер. Вокруг свистели пули, а он, не обращая внимания на них, указывал танкистам, где засели гитлеровцы. В тот момент, когда танк открыл огонь по подвалу, из которого бил немецкий пулемет, герой-парикмахер был сражен наповал немецкой пулей.

По последним сведениям немцы, оставив на улицах города тысячи трупов своих солдат и офицеров, бегут через Саву. Наш Белград достойно мстит подлым поработителям.

23 октября. Я пишу эти строки в Белграде! Вчера рано утром мы двинулись из Аранджеловаца в только что освобожденную столицу. С какой радостью мы приветствовали встретившуюся нам на пути советскую девушку-регулирующую. Потом нам встретились внушительные колонны советских войск – танки, орудия, пехота на автомашинах.

Мы проезжали место, где несколько дней назад Красная армия наголову разгромила вражескую группу, пытавшуюся пробиться на помощь окруженному белградскому гарнизону. Исковерканные танки, перевернутые орудия, разбитые в щепы повозки и буквально груды немецких трупов – вот что представилось нашему взору. Вскоре мы вновь встретили колонну советских воинов – спокойных, деловитых, простых и бесстрашных людей, спасших свою страну и всю Европу от фашистской тирании.

Наконец, показался Белград. Знакомые контуры столицы заставили наши сердца биться сильнее. Еще несколько минут, и машина достигла окраины города. Замелькали улицы, дома. На тротуарах толпы людей. Они возбужденно жестикулируют, приветствуют нас. Машина часто делает повороты, чтобы объехать подбитые немецкие самоходные орудия, танки. Опять раздаются приветственные крики. Мелькает знаковая площадь, королевский дворец. Машина останавливается у отеля «Мажестик». В отведенном мне номере делаю эту короткую запись о сегодняшнем дне – одном из самых замечательных в моей жизни.

26 октября. С утра до вечера бродил по Белграду. Повсюду следы недавних боев. Город как будто постарел, он походит на воина-ветерана. Я прошел на Коларчеву улицу, где до войны был мой рабочий кабинет. Женщина-дворник со слезами бросилась ко мне на шею и начала рассказывать об ужасах, пережитых ею в годы немецкой оккупации. Тут же я встретил работницу модной мастерской Ковачевич, которая была свидетелем разграбления немцами летом 1941 года моей библиотеки, насчитывавшей более 24 тысяч томов⁷⁶⁵. Девушке удалось спрятать и сохранить висевшую у меня в кабинете карту Советского Союза, которую она мне теперь торжественно вернула.

В городе царит праздничное оживление. На улицах пестрые толпы: партизаны в пилотках и белградские чиновники, женщины, нарядившиеся в лучшие свои одежды, и крестьяне, приехавшие из окрестных сел, наши офицеры в серых костюмах и вереницы детей. С исключительным радушием встречает население бойцов и офицеров Красной армии. На Александровской улице жители вынесли столы, накрыли их скатертями, устали вином, закусками и пригласили проходивших советских воинов. Те отказывались от угощения, но белградцы оставались непоколебимыми. Меня тоже вовлекли в пирушку. Мы пили за здоровье Сталина и Тито.

---

⁷⁶⁵ Речь идет о библиотеке Земгора.

Во время своего путешествия по городу я встретил много знакомых. Журналист Иванович, хирург Косанович, писатель Николаевич, добрый десяток людей, имена которых я позабыл, все кланяются, на ходу задают вопросы, некоторые обнимаются. У кого на душе нечисто, пытаются выяснить, «как поступят с теми, кто работал с немцами?» Некоторые явно испуганным голосом доказывают, что они мысленно были всегда с партизанами и даже работали в подполье.

Когда уже темнело, я попал на Театральную площадь. Мое внимание привлек мраморный памятник, у подножья которого горели лампы. Трепетный свет падал на белый мрамор, на котором начертаны слова признательности и любви к советским воинам, павшим в боях за столицу Югославии. Это – могила русских бойцов. Вокруг нее чья-то заботливая рука посадила яркие цветы. У памятника стояли люди с непокрытыми головами. Молодая женщина объясняла что-то сыну-подростку. Я прислушался. Она сказала: «Здесь лежат русские воины, которые заплатили за нашу свободу своей кровью». Последние слова женщина произнесла тихо, и я понял, что слезы мешают ей говорить.

Над площадью спустилась ночь, и во тьме трепетно мигали огни ламп у подножья дорогой для каждого белградца могилы.

29 октября. Сегодня я был в гостях у Пеко Дапчевича. Сейчас его имя на устах всех белградцев. И он, и все мы горды, что корпус, которым он командует, назван в приказе маршала Сталина в числе частей, отличившихся в боях за освобождение Белграда.

В Белграде Пеко Дапчевича знали многие и до войны. Интеллигентный, веселый, остроумный студент, он был частым гостем в салонах столицы. Белградский университет являлся рассадником передовых идей, и Пеко слыл одним из вожаков прогрессивной студенческой молодежи.

Когда началась война в Испании, Пеко отправился туда добровольцем. В Испании он окончил офицерские курсы. Его батальон отличился в сражении при Гвадалахаре, где итальянцы понесли тяжелое поражение.

Из Испании Пеко попал во французский лагерь. Здесь был варварский режим, и об этом периоде жизни Пеко говорит как о «кошмаре». После захвата немцами Франции Пеко был послан на работу на один из германских шарикоподшипниковых заводов в Австрии. Он создал подпольную антифашистскую группу, которая организовала его побег

в Югославию, когда на нее напали немцы. На Родине Пеко Дапчевич сразу повел энергичную борьбу с оккупантами. Начав свой боевой путь в качестве командира партизанского отряда, он вырос до командира корпуса и по праву считается сейчас одним из талантливейших учеников маршала Тито. В ходе тяжелой и долгой борьбы за освобождение Югославии полководческий талант Пеко Дапчевича раскрылся во всем блеске. Его операции по занятию города Имоцка, у Мостара и другие войдут в военную историю Югославии.

Мы вспомнили с Пеко Дапчевичем о пройденном нами долгом и страдном пути, и мне трудно было поверить, что этому опытному, талантливому генералу минуло только 29 лет. Мы говорили о возрождении культурных учреждений Белграда, и Пеко, страстный любитель книг, спросил у меня, что выходит сейчас в наших издательствах. Пеко находил время читать даже в период самых напряженных боев. Он увлекался художественной литературой. Любимой его книгой было «Как закалялась сталь» Николая Островского. На привалах мы несколько раз читали стихи Маяковского, он любил их за силу и мужество. Особенно страстным поклонником Маяковского был находившийся при нашем штабе югославский поэт Радован Зогович, переводивший стихи Маяковского на сербскохорватский язык. Пеко Дапчевич владеет испанским, французским, русским и итальянским языками.

Мы вспомнили с Пеко, как в тяжелое и трудное время мечтали мы об освобождении югославской столицы. И вот теперь белградский студент Пеко Дапчевич вошел в столицу во главе своих войск, как ее освободитель. Замечательная человеческая судьба!

1 ноября. Белград возвращается к нормальной жизни, но экономическое положение населения остается тяжелым. Всеобщее ликование вызвала весть о том, что советское правительство решило помочь братскому югославскому народу и отпустило тысячи тонн зерна. Говорят, что зерно уже начали доставлять в Белград.

9 ноября. У маршала Тито в его белградской вилле состоялось скромное, но весьма знаменательное торжество. Собрались боевые товарищи маршала, его спутники по долгим боевым походам. Тито поздравил нас и всю нашу армию с освобождением Белграда. Он был весел и, как всегда, гостеприимен. Маршал быстро создал непринужденную обстановку, он обходил присутствующих, предлагал тосты, беседовал на ходу. Подойдя ко мне, он сказал:

– Ну, вот мы и в Белграде, друже Махин, а ведь раньше казалось – как это далеко и недоступно! Все это сделал народ. Народ все может, он, и только он, вершитель своей будущности.

Вечер прошел оживленно. Мы беседовали, пели наши боевые песни – черногорские, сербские, хорватские. Я все время наблюдал за маршалом. Предомной прошел путь этого человека-борца, человека, которому народ в самые страшные в своей истории годы вручил свою судьбу.

После официального торжества мы в кругу офицеров и генералов говорили о нашем маршале. Мне хочется записать некоторые мысли о Тито – народном вожде и полководце.

Тито создал новую армию, которая по своим моральным и боевым качествам стоит очень высоко. На моих глазах происходил сложный и порой мучительный процесс рождения этой армии. Тито начал с организации партизанских отрядов и батальонов, потом объединил их и в ходе борьбы создал сильные и боеспособные современные бригады, дивизии, корпуса. Непрерывная боевая активность, смелый и неожиданный для врага маневр, умение использовать особенности горного театра войны, ответ на наступление неприятеля контрударами по его флангам и тылам, действия по внутренним операционным линиям, использование форсированных маршей для нанесения внезапных ударов по врагу, сочетание крупных боевых операций с короткими стремительными партизанскими налетами на вражеские тылы – таковы основы тактики Югославской армии. По сути говоря, наша армия за все время борьбы с немцами, итальянцами, четниками, усташами ни разу не понесла тяжелого поражения. Я помню, как один пленный немецкий майор, удивляясь, говорил, что «партизаны напоминают сказочное создание: отрубишь ему одну лапу, тут же вырастает новых десять».

Много сложнейших операций было задумано и осуществлено маршалом Тито. В их успехе большую роль играла полководческая воля нашего главнокомандующего. «Вот мы и в Белграде», – сказал он мне на вечере. И я вспомнил, как в самое беспросветное время, когда у некоторых опускались руки, он говорил: «Мы будем в Белграде». Это была не фраза, а твердая вера в народ. Это говорила железная воля Тито.

В войсках маршала любовно и почтительно называют «друзе стари», хотя он совсем не стар. В этом обращении заключается и сыновья любовь к Тито, и уважение к нему, как к вождю, и признание его му-

дрости и бесспорного старшинства. Во время моих скитаний в горных селениях я не раз слышал, с каким благоговением народ повторяет имя Тито, ставшее воистину легендарным. Обаятельный, удивительно скромный в личной жизни (вспоминаю походную кровать маршала: обыкновенные нары, застланные сеном либо листьями деревьев), радушный, бесстрашный и вместе с тем глубоко человеческий – таков наш маршал, ставший знаменем новой Югославии.

На вечере в Белграде мы говорили о полководческом таланте маршала Тито, о его выдающейся государственной деятельности, о его замечательных личных качествах. Один из офицеров рассказал нам о семье Тито. Жена маршала, скрывавшаяся с начала войны в Загребе, полтора года назад была вызволена из усташского плена. Сейчас она является одним из руководителей антифашистского фронта женщин. Брат Тито рядовым бойцом сражается в рядах партизан Хорватии. Сын Тито Жарко вернулся из России, где участвовал в боях на Калининском фронте и теперь тоже находится среди хорватских партизан.

10 ноября. Советские войска и части Народно-освободительной армии теснят немцев. Бои идут уже далеко от Белграда.

Сегодня вновь бродил по городу. Дошел до Калемегдана, парка, расположенного на высоком правом берегу Дуная. Парк окружен старинными крепостными стенами и рвами. Впервые после возвращения в Белград посетил я этот красивейший в Европе уголок и был глубоко взволнован величественной картиной, открывшейся моему взору. Отсюда на десятки километров виднелась Дунайская долина, где-то очень далеко сливающаяся с Трансильванской и Венгерской долинами.

Как зачарованный, смотрел я на широкую гладь Дуная. Над Белградом сгущались сумерки. Осеннее солнце только что село, и вода темнела с каждой секундой. Я прислушивался к шуму дунайских волн. Могучая река пела свою вечную песнь о народной свободе и народной славе.

Махин Ф., генерал-лейтенант Народно-освободительной армии Югославии. Югославский дневник // Красная звезда. 1945. 17.01. № 14 (6002). С. 3; 31.01. № 25 (6013). С. 3; 06.02. № 30 (6018). С. 3; 10.02. № 34 (6022). С. 3; 27.02. № 48 (6036). С. 3.

ДОКУМЕНТ 11

Федор Евдокимович Махин. Генерал-лейтенант [Некролог в газете «Борьба»]⁷⁶⁶

3 июня в Белграде умер генерал-лейтенант Федор Евдокимович Махин, начальник исторического отделения Генерального штаба югославской армии.

Неожиданная смерть выбила из наших рядов дорогого товарища, показавшего себя закаленным бойцом в ходе нашей Отечественной войны.

Генерал-лейтенант Махин, сын великого русского народа, последовательный борец за свободу нашего Отечества, с самого начала нашей освободительной войны находился в первых рядах нашей армии, сражаясь с гнусным оккупантом за независимость наших народов.

За то время, что продолжалась Отечественная война, товарищ Махин проявил огромную энергию в деле обеспечения победы нашей армии. Как искренний патриот и отменный военный писатель он внес значимый вклад в подъем и строительство нашей армии.

За большие заслуги в ходе Отечественной войны товарищ Махин награжден орденом Партизанской звезды I степени.

Товарищ Махин умер, выполняя свои военные обязанности, расходуя все свои силы и энергию во имя дальнейшего развития нашей армии.

Память о выдающемся бойце нашей армии, искреннем патриоте нашего Отечества, товарище Махине навсегда сохранится в наших сердцах.

Вечная слава Федору Евдокимовичу Махину!

3 июня 1945 года, Белград
генерал-лейтенант Арсо Йованович,
генерал-лейтенант Коча Попович,
генерал-лейтенант Пеко Дапчевич,
генерал-лейтенант Милован Джилас,
генерал-лейтенант Велимир Терзич,
генерал-лейтенант Яков Авшич,

---

⁷⁶⁶ Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силкина.

генерал-лейтенант Михайло Апостолски,
генерал-майор Светозар Вукманович,
генерал-майор Раде Хамович.

***

Третьего июня скончался русский патриот и заслуженный, видный боец демократической федеративной Югославии, генерал-лейтенант югославской армии Федор Евдокимович Махин. До войны, будучи публицистом по профессии, он весь зрелый период своей жизни, проведенный вдалеке от Родины, посвятил распространению правды о великом почине народов Советского Союза, которые под руководством русского народа преобразовывали отсталую царскую Россию в мощное социалистическое государство. Когда гитлеровская Германия, напав на Советский Союз, поставила под угрозу существование всех славянских народов, Федор Махин вступил в народно-освободительную борьбу, поняв, что это лучший способ помочь русскому народу в его титанической борьбе за свободу всех славян и всего человечества.

Федор Евдокимович Махин родился на Урале в казачьей крестьянской семье. В юности поступил на службу в русскую царскую армию. Во время Первой мировой войны состоял офицером при штабе известного генерала Брусилова и был произведен в чин полковника⁷⁶⁷. Во время революции был членом партии эсеров (социалистов-революционеров). После поражения белых через Сибирь перебрался в Японию. Оттуда – в Париж, где, занимаясь столярным ремеслом, внимательно следил за героической борьбой русского и других народов молодой Советской республики, защищавших свою революцию от внутренних предателей и посягательств извне.

Федор Махин прибыл в Югославию в 1924 г. В то время Югославия, согласно воле и указаниям двора, правительства и высших церковных кругов, представляла собой центр белогвардейских приготовлений к новой вооруженной интервенции против молодой социалистической страны – Советского Союза. Махин понял, что все попытки свергнуть власть, которую установили народы бывшей царской России, имеют целью поработить русский народ, закрыть ему путь к военному

---

⁷⁶⁷ Так в документе. В действительности чин полковника Ф.Е. Махин получил в Народной армии Комуца в 1918 г.

и экономическому могуществу, без которого ни он, ни другие народы Советского Союза не смогут сохранить независимость. В отличие от большинства русских эмигрантов Махин отказался стать орудием, направленным против русского народа.

Основную активность Махин развил на публицистическо-литературном поприще, стремясь поведать широким народным массам о силе и мощи Советского Союза и Красной армии. В то время фашисты, убеждая мир в том, что не следует рассчитывать опереться на Советский Союз, пытались доказать, что и СССР, и Красная армия находятся на грани распада. И то, что наш народ продемонстрировал столь глубокую веру в Советский Союз, подняв восстание летом 1941 г., стало во многом заслугой тех писателей, которые распространяли правду о Советском Союзе, а Махин среди них был одним из наиболее активных. Своими статьями в «Политике» и прочих газетах, а также книгой «Советская Россия» он укреплял веру нашего народа в том, что Советский Союз – его вернейший и самый мощный союзник. Деятельность Махина не ограничивалась границами нашей страны. Накануне войны в Париже опубликована его книга о Красной армии «L'Armée Rouge», в которой описана современная военная техника и указаны источники военной мощи Советского Союза.

После краха старой Югославии в апреле 1941 г., покада белогвардейские круги формировали в Югославии батальоны, предназначенные для борьбы с партизанскими отрядами и участия в немецких карательных экспедициях по всей стране, Федор Махин отправился в Черногорию, где присоединился к народному восстанию против фашистских оккупантов. В ходе войны он трудился в отделении пропаганды Верховного штаба Народно-освободительной армии. Сотрудничал с журналом Верховного штаба «Военно-политическое обозрение», с изданием КПЮ «Борьба», с «Новой Югославией», готовил материалы для радиостанции «Свободная Югославия», которая информировала мир об успехах партизан и разоблачала предателей. Федор Махин дважды попадал в плен к четникам, – после Третьего и после Пятого наступления⁷⁶⁸, – и дважды ему удавалось бежать. За заслуги в народно-освободительной борьбе произведен

---

⁷⁶⁸ Семь вражеских наступлений – ранняя концепция истории партизанского движения в Югославии, приписываемая И.Б. Тито. Третье наступление относилось к периоду 16 апреля – 10 июня 1942 г., пятое наступление – к периоду 15 мая – 15 июня 1943 г.

в чин генерал-лейтенанта нашей армии. Удостоен одной из высших наград – Партизанской звезды I степени.

В 1944 г. Федор Махин спустя 26 лет вернулся в Советский Союз, где его встретили как сына, который за границей выполнял долг перед своим Отечеством. После освобождения Белграда и до конца войны генерал-лейтенант Федор Махин работал военным комментатором в «Борбе» и занимал должность начальника исторического отделения Генерального штаба Югославской армии, на которой его и застала смерть.

Русский патриот Федор Махин посвятил все свои жизненные и интеллектуальные силы службе своему народу. Народы Югославии потеряли своего генерал-лейтенанта, русского брата, который на склоне лет вступил на тяжкий путь партизанской борьбы и, став выдающимся бойцом, разделил все лишения и испытания, через которые прошел наш народ во время освободительной войны.

Слава русскому патриоту и первоборцу⁷⁶⁹ народно-освободительной борьбы Югославии генерал-лейтенанту Федору Махину!

Фјодор Јевдокимович Махин, генерал-лајтнант // Борба (Београд). 1945. 04.06. № 134. С. 1.

ДОКУМЕНТ 12

Похороны генерал-лейтенанта Федора Евдокимовича Махина [Статья в газете «Борьба»]⁷⁷⁰

Вчера в Белграде состоялась торжественная церемония похорон генерал-лейтенанта Югославской армии Федора Евдокимовича Махина. Тело генерала Махина было выставлено для прощания в Доме Югославской армии, где в почетном карауле рядом с гробом стояли чины Генерального штаба и командиры Югославской армии, кото-

⁷⁶⁹ Участнику боевых действий с первого года войны (примеч. переводчика).

⁷⁷⁰ Перевод с сербского языка к.и.н. А.А. Силакина.

рые вынесли гроб и возложили его на лафет. Перед колонной несли награды, которых генерал-лейтенант Махин удостоился за свое преданное участие в народно-освободительной борьбе с первых дней восстания, – орден Партизанской звезды I степени и Памятную медаль бойца, участвовавшего в боевых действиях с 1941 г. Перед гробом несли многочисленные венки. За лафетом шли: начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Арсо Йованович; командующий тылом генерал-лейтенант Яков Авшич; генерал-лейтенант Михайло Апостолски; королевский наместник Анте Мандич; заместитель председателя АВНОЮ⁷⁷¹ Марко Вуячич; секретарь АВНОЮ Миле Перунич; члены союзного правительства, в том числе заместитель председателя Милан Грол; министры Влада Зечевиц, Сулейман Филипович; члены федеративного правительства Сербии и Народной скупщины Сербии; представители военных миссий Советского Союза, Болгарии и Албании; многие офицеры Югославской армии и граждане.

Перед Домом Югославской армии выступил помощник начальника Генерального штаба генерал-майор Раде Хамович, который, прощаясь с видным участником народно-освободительной войны Федором Махиным, рассказал о том, как тот вел себя в тяжелейшие дни вражеских наступлений и как сильно влиял на бойцов пример 60-летнего старика, который отважно и непоколебимо держался в ходе борьбы за освобождение Югославии. В своей речи генерал-майор Хамович также подчеркнул, что генерал Махин никогда не имел ничего общего с белогвардейцами, которые проводили лживую и клеветническую кампанию против своей Родины, венцом которой стало предательство нашей страны и служба немецким фашистам – смертным врагам всех славян. А Махин всегда любил свое Отечество и служил ему, находясь за его пределами.

Стоя у могилы, с генералом-лейтенантом Махиным простился генеральный секретарь президиума правительства Митар Бакич. В своей речи товарищ Митар Бакич остановился на борьбе и деятельности Федора Махина, отметив его непоколебимую веру в победу. Он также указал, что Верховный штаб Народно-освободительной армии верно оценил военные способности и патриотизм Махина, произведя его в генерал-лейтенанты. Помимо прочего выступавший подчеркнул, что

---

⁷⁷¹ Антифашистское вече народного освобождения Югославии.

генерал-лейтенант Махин последовательно боролся с клеветой в адрес Советского Союза. Речь завершилась следующими словами: «Наша Родина принимает твоё тело с благодарностью».

Заслуги военного корреспондента и публициста Федора Махина перечислил товарищ Радван Лалич, выступавший от имени редакции «Борьбы» и наших культурных деятелей. Товарищ Лалич сказал, что генерал Махин был не только боец и военный специалист, но и выдающийся военный писатель и публицист, который с давних пор доносил до нашей общественности правду о Советском Союзе, его вооруженных силах и демократической силе Красной армии, о которой он написал книгу на французском языке. Товарищ Лалич остановился на сотрудничестве генерала Махина с народно-освободительной прессой – «Борьбой», «Военно-политическим обозрением» и «Новой Югославией». Статьи, которые после освобождения покойный регулярно писал для «Борьбы», демонстрировали его патриотизм и глубокое знание военных вопросов.

Перед тем как тело генерала-лейтенанта Махина было опущено в могилу, почетная рота 2-й белградской бригады произвела три залпа салюта, а военный оркестр 1-й гвардейской бригады сыграл похоронный марш.

Сахрана генерал-лајтнанта Фјодора Јевдокимовића Махина // Борба (Београд). 1945. 05.06. № 135. С. 2.

«Я не намерен служить
этим мерзавцам
и предпочитаю умереть»

Г Е Н Е Р А Л - М А Й О Р

**Борис
Богословский**

Каждый случай измены командующего армией индивидуален, поэтому важно разобраться в мотивах такого поступка и его последствиях. Наряду с изменой Ф.Е. Махина летом 1918 г. на Восточном фронте произошла другая резонансная измена – на сторону белых перешел командующий 3-й армией Б.П. Богословский.

Борис Петрович Богословский родился 23 июня 1883 г. в Орловской губернии в семье врача, надворного советника, личного почетного гражданина Калужской губернии. Окончил кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду в 1902 г. и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду в 1912 г. В 1907 г. офицер был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, а в 1912 г. – Св. Анны 3-й степени.

Служба офицера проходила во 2-й гренадерской артиллерийской бригаде (1902–1912). По аттестации от 29 сентября 1912 г., данной командиром 4-й батареи 2-й гренадерской артиллерийской бригады подполковником М.М. Сахалтуевым, «за короткое пребывание в батарее шт[абс]-капитан Богословский проявил себя как исполнительный и дельный офицер, отлично знающий артиллерийское дело и строй. Любит службу и относится к ней усердно. Стрельбу знает очень хорошо; весьма энергичен в роли старшего офицера на батарее во время стрельбы. Отлично ездит верхом и любит спорт.

К нижним чинам относится очень хорошо.

Здоровья хорошего; выносливый.

Отличных умственных способностей, даровитый и развитой.

Нравственный. Общительного и живого характера. Самостоятельный и энергичный. Может быстро проявить инициативу. Любим товарищами. Дисциплинирован и корректен. Спиртными напитками не злоупотребляет. Иностранные языки знает.

Обязанности старшего офицера исполняет успешно. В общем офицер полезный и отличный»¹.

---

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 569. Л. 1об.

Начальник 2-й гренадерской дивизии генерал-лейтенант Н.Г. Ставрович отметил: «Вполне согласен с аттестацией ближайшего начальства, с[о] своей стороны могу добавить, что штабс-капитан Богословский заявил себя также отличным работником и по службе Генерального штаба в поле, во время бывших больших маневров, причём работа его была отмечена со стороны командовавшего армиею генерал[а] от инфантерии [Д.П.] Зуева в письме на мое имя после маневров.

Отличный. Подлежит оставлению на занимаемой должности»².

После причисления к Генеральному штабу Богословский был в марте 1913 г. прикомандирован для подготовки к службе Генерального штаба к штабу Московского военного округа. В конце апреля предписанием начальника штаба округа офицера назначили в штаб XXV армейского корпуса. Начальник штаба генерал-майор Ф.Е. Огородников дал Богословскому следующую аттестацию: «Штабс-капитан Богословский был прикомандирован впервые к штабу 25[-го] арм[ейского] корпуса осенью минувшего 1912 года во время больших маневров под г[ородом] Подольском. Ознакомившись за это время лично с отличными качествами этого офицера, командир корпуса вошел затем с особым ходатайством о вторичном прикомандировании штабс-капитана Богословского для и[сполнения] о[бязанностей] старшего адъютанта как особенно полезного для службы офицера.

За время вторичного прикомандирования с апреля по октябрь текущего года штабс-капитан Богословский вполне оправдал предшествующую отличную аттестацию.

Выдающихся умственных способностей и нравственных качеств. Скромный, усердный, энергичный и добросовестный работник, одинаково способный как к канцелярской, так и к полевой службе.

Отличается инициативой и исполнительностью (здесь и далее подчеркнуто синим карандашом, сам документ выполнен черными чернилами. – А.Г.). На штабс-капитана Богословского можно вполне положиться во всяком ответственном деле. Любит военное дело. Отличный стрелок. Охотник. Отлично ездит верхом. Живет очень скромно. Спиртных напитков не употребляет. Здоровья вполне хорошего. На службе неутомим.

(Выдающийся). Отличный.

---

² Там же. Л. 2.

Вполне достоин перевода в корпус офицеров Генерального штаба»³.

Богословский участвовал в Первой мировой войне. На фронт он отправился обер-офицером для поручений штаба XXV корпуса. Корпус вошел в состав 5-й армии. Пунктом назначения являлся город Хоам, куда штаб корпуса прибыл 5 августа 1914 г.⁴ В конце сентября корпус перешел в 9-ю армию. На 1 ноября 1914 г. в корпусе числилось 663 офицера и 62 350 нижних чинов⁵. В составе корпуса Богословский участвовал во всех операциях до 1 сентября 1915 г. Командовал корпусом в начале войны генерал от инфантерии Д.П. Зуев при начальнике штаба генерал-майоре Л.В. Федяе. Военный врач В.П. Кравков отмечал в дневнике 29 августа 1914 г.: «Не ожидал я сегодня услышать открытую правдивую критику по адресу наших преступников – Зуева и Федяя – со стороны капитана Смирнова, подтвердившего лишь то, о чем я говорил раньше – вся стратегия у них была возложена на Богословского, слушали они голоса всякого фендрика, своего царя в голове не имели»⁶. Позднее Федяй ругал штаб корпуса: «Все-де работали из-под палки и ничего не знали, кроме Богословского»⁷.

После Зуева корпус уже в сентябре 1914 г. возглавил генерал-лейтенант (с декабря 1914 г. – генерал от инфантерии) А.Ф. Рагоза. Начальником штаба корпуса в ноябре стал генерал-майор Н.Л. Юнаков. Интересно, что здесь же служил командир 182-го пехотного Гроховского полка генерал-майор С.Н. Люпов, как и Богословский, будущий участник Белого движения на Востоке России.

С 12 ноября 1914 г. Богословский занимал должность старшего адъютанта штаба корпуса, а 16 ноября последовало производство в капитаны. На фронте Богословский неоднократно проявил себя с лучшей стороны. За отличия в боях 13–20 августа 1914 г. Высочайшим приказом от 7 января 1915 г. он был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, за отличия с 21 августа по 1 сентября – орденом Св. Анны 2-й степени с мечами (Высочайший приказ от 30 января 1915 г.), за отличия в боях 20 сентября – 23 октября последовало награждение орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (аннинским оружием; приказ по 9-й армии № 37 от

³ Там же. Л. 3об.

⁴ РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 909. Л. 2.

⁵ РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 912. Л. 34.

⁶ Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014. С. 43.

⁷ Там же. С. 64.

29 января 1915 г., утверждено Высочайшим приказом от 28 августа 1915 г.), за отличия в боях с 23 октября по 1 декабря 1914 г. удостоился ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (Высочайший приказ от 18 мая 1915 г.), за отличия в боях 2–19 мая 1915 г. у города Опатов был отмечен мечами и бантом к ордену Св. Станислава 3-й степени (приказ по 4-й армии № 249 от 27 июня 1915 г.)⁸. За отличия в боях с 1 декабря 1914 по 1 июня 1915 г. офицер был представлен к награждению мечами и бантом к ордену Св. Анны 3-й степени (награжден приказом войскам 4-й армии № 1888 от 12 января 1916 г., утверждено в дополнении к приказу армии и флоту 4 марта 1917 г.), а за отличия в боях 22–25 июня 1915 г. у Вильколаза – к объявлению Высочайшего благоволения.

На фронте опасности поджидали порой совершенно внезапно. 26 августа 1914 г. Богословский, «будучи послан в дер[евню] Веленче для выяснения боевой обстановки в соседний корпус на автомобиле, налетел на сломанный мостик и на толчке ударился правым коленом о передок кузова и получил травматическое повреждение, причем при объективном исследовании обнаружено: припухлость правого коленного сустава, ссадины под коленной чашечкой, кровоподтек вокруг нее и поперечный надлом самой чашечки, что видно из перевязочного свидетельства, выданного корпусным врачом 25-го армейского корпуса действительным статским советником Кравковым от 26 августа 1914 года за № 1»⁹.

Судя по аттестациям, это был выдающийся боевой офицер. Так, командир XXV армейского корпуса генерал от инфантерии А. Ф. Рагоза при представлении Богословского к награждению Георгиевским оружием в 1915 г. дал следующую аттестацию: «Молодец. Блестящий офицер Генерального штаба и любимец войск. Быстро, толково и сноровисто ориентировал как войска, так равно и меня – не щадя ни сил, ни жизни своей! Большая доля успеха всей операции ген[ерала] Веселовского принадлежит кап[итану] Богословскому, за которого особенно ходатайствую»¹⁰.

Генерал А. А. Веселовский 11 июля 1915 г. отметил, что «во время боев под д[еревней] Егерсдорф, когда три полка (181, 182 и 11[-й] гр[енадерский]) отряда генерала Веселовского в течение 6–9 июля

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27014. Л. 328об.

⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 99547. П/с 47–157. Л. 8–8об.

¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27014. Л. 331.

вели бои против превосходных сил (4[-го] Босно-Герцег[овинского], 9, 10, 36, 40, 45, 89[-го] пехотных и 15, 18 и 32[-го] гонведных полков и легионов [Ю.] Пилсудского) противника, Генерального штаба капитан Богословский, доблестной и самоотверженной деятельностью неоднократно, подвергая свою жизнь явной опасности, действительно содействовал генералу Веселовскому в достижении поставленной отряду задачи удержать стремительный натиск противника. Благодаря своевременным ориентировкам капитана Богословского под самым губительным огнем противника, части, несмотря на слабость свою и растянутость позиции, имели возможность не только отбивать атаки противника, но и действовать активно, результатом чего отряд не только сдержал натиск, но и захватил 16 офицеров и 1138 нижних чинов, заставив противника прекратить всякие активные выступления»¹¹.

Начальник штаба корпуса генерал-майор П.А. Никитин отметил, что «во время тяжелых боев 6–9 июля на Эгерсдорфской позиции, когда отряд генерала Веселовского вел бой с превосходными силами противника, командированный мною Генерального штаба капитан Богословский своею доблестной и самоотверженной деятельностью, неоднократно подвергая свою жизнь явной опасности, действительно содействовал достижению общего успеха операции, ориентируя меня и генерала Веселовского с общим ходом операции и главным образом соседних участков, выяснил наивыгоднейшее направление для движения корпусного резерва, благодаря чему я с разрешения командира корпуса мог своевременно выдвинуть его в важном направлении, результатом чего было удержание тремя полками 25[-го] армейского корпуса превосходных сил противника (10 австрийских полков и легионов Пилсудского), причем было захвачено 16 офицеров и 1138 нижних чинов в плен»¹².

За проявленное мужество при отступлении корпуса на реке Висле приказом войскам 4-й армии № 1524 от 31 октября 1915 г., Высочайше утвержденным 16 августа 1916 г., Богословский был награжден Георгиевским оружием. По формулировке приказа награждение состоялось «за то, что, состоя старшим адъютантом штаба 25-го армейского корпуса, во время боев под д[еревней] Эгерсдорф, с 6-го по 9-е июля 1915 года, своей доблестной и самоотверженной деятельностью, не-

---

¹¹ Там же. Л. 329.

¹² Там же. Л. 330.

однократно подвергая свою жизнь явной опасности, действительно способствовал к достижению задачи, поставленной отряду, – удержать стремительный натиск противника, причем было захвачено в плен 16 офицеров и 1138 нижних чинов»¹³.

С начала сентября 1915 г. Богословский служил при штабе 4-й армии. 25 сентября 1916 г. он находился в X армейском корпусе для исполнения возложенного на него командующим армией поручения. При переходе Богословского с одного наблюдательного пункта на другой неподалеку разорвался неприятельский снаряд, в результате офицер получил контузию в голову¹⁴.

Войну Богословский закончил в чине подполковника, причем в 1917 г. был награжден английским орденом Св. Михаила и Св. Георгия 3-го класса. Возможно, вследствие контузии перешел на преподавательскую работу и с октября 1917 г. служил в Военной академии, которую возглавлял А.И. Андогский. Офицер стал преподавателем общей тактики и заведующим слушателями. С 5 марта 1918 г. участвовал в работе комиссии по разгрузке Петрограда, заседавшей в Мариинском дворце¹⁵. Кроме того, занимался организацией штаба Петроградского военного округа, в котором руководил отделом Генштаба. На 22 марта Богословский состоял в штабе Военного совета Петроградского района, имел право ношения оружия и был командирован по делам службы в Высший военный совет в Москву¹⁶.

По свидетельству профессора М.А. Иностранцева, «среди молодых преподавателей академии и штаб-офицеров, наблюдающих за обучающимися в академии офицерами, заметно выделялся молодой, энергичный и очень дельный преподаватель – полковник Богословский. Прекрасный полевой офицер Генерального штаба, до страсти любивший военное дело и им интересовавшийся, очень популярный у слушателей и любимый ими, он был взят Андогским к нему в адъютанты по предмету службы Генерального штаба»¹⁷. Эта оценка подтверждается свидетельством слушателя академии К.В. Семчевского: «Богословский, живой и толковый офицер, умел,

¹³ Высочайший приказ. 1916. 16.08.

¹⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 99547. П/с 47–157. Л. 4об.

¹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 54.

¹⁶ РГВИА. Ф. 16096. Оп. 1. Д. 34. Л. 100, 101.

¹⁷ *Иностранцев М.А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма* / под ред. А.В. Ганина. М., 2017. С. 591–592.

не доминируя, организовывать дискуссии и даже споры, кончавшиеся всегда положительными результатами»¹⁸.

Для многих военных учреждений старой России, сохранившихся и после революции, справедливо понятие инерционного периода существования. Военная академия пребывала в таком состоянии с октября 1917 до середины 1918 г. В этом военно-учебном заведении фактически не было резкого перехода от прежних порядков к новым, в силу чего преподаватели продолжали нести службу как бы по инерции, по существу не думая, что автоматически превратились в военных специалистов Красной армии. «Академия как бы законсервировалась в своем помещении ... и по инерции жила и работала, не вызывая к себе ни особого интереса, ни внимания», – вспоминал преподававший в академии П. Ф. Рябиков¹⁹. Ему вторил М. А. Иностранцев: «Захват власти большевиками первое время на жизни собственно академии почти не отразился. Учебная жизнь текла своим неизменным порядком так же, как она, в сущности, текла и при царской власти, и при Временном правительстве»²⁰. Диссонанс окружающей обстановки и антибольшевистских убеждений преподавателей и большинства слушателей, архаизация повседневного быта вели к обособлению академии, замыканию ее в себе. Однако долго такое положение вещей сохраняться не могло. Весной 1918 г. академия из Петрограда была эвакуирована в тыловой Екатеринбург, оказавшийся в июле в прифронтовой полосе Гражданской войны.

О том, что сам Богословский, как и другие преподаватели, был настроен резко антибольшевистски, детально известно из воспоминаний его коллеги генерала Иностранцева²¹. В Красной армии он служить не хотел, а о своей преподавательской службе высказывался вполне определенно: «Я считаю ... что готовить невежественных недоучек для их армии и притом лишь для спасения академии это – одно дело, может быть, даже и полезное для их гибели, а самому служить в их штабе, да еще в штабе армии, и руководить их действиями против тех, кому я сочувствую всеми силами, это – совершенно другое»²².

---

¹⁸ Цит. по: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 605.

¹⁹ Цит. по: Там же. С. 747.

²⁰ Иностранцев М. А. Воспоминания. С. 515.

²¹ Там же. С. 592–595.

²² Там же. С. 592–593.

Сохранилось и еще одно свидетельство. В дневнике бывшего главы колчаковского правительства П.В. Вологодского имеется запись за 1 сентября 1920 г., в которой зафиксирован разговор автора дневника с бывшим начальником штаба Колчака генералом Д.А. Лебедевым, участвовавшим в 1918 г. в работе антибольшевистского подполья (был командирован от Добровольческой армии в Москву и Саратов). Лебедев, рассуждая о судьбе Богословского и считая, что тот в 1920 г. поступил на службу красным, сообщил Вологодскому, что в 1918 г. Богословский состоял в подпольной антибольшевистской организации²³.

Назначение Богословского из академии на фронт в июле 1918 г., по-видимому, было случайным и оказалось для самого назначенца весьма неприятной новостью. Богословский имел репутацию храброго и квалифицированного боевого офицера-генштабиста. В условиях резкого ухудшения положения красных на Среднем Урале в июле 1918 г. и угрозы оставления Екатеринбурга выбирать советскому командованию не приходилось. 20 июля главнокомандующий Восточным фронтом И.И. Вацетис приказал эвакуировать академию в Казань²⁴. В тот же день он подписал директиву № 0522 о создании из частей Северо-Урало-Сибирского фронта 3-й армии под командованием Богословского, приказав последнему вступить в должность в 24 часа: «Все отряды бывшего главкома Берзина составляют 3[-ю] армию, командующим которой назначается преподаватель академии Генштаба Богословский. Генштаба Богословскому вступить в командование в течение 24 часов и об исполнении донести. Командарму 3 подчиняются все войска и советские части, имеющиеся в тылу Екатеринбурга, в районе Вятки, Глазова, Перми и Екатеринбурга»²⁵. В докладе в Высший военный совет и Наркомат по военным делам от 25 июля Вацетис отметил, что «3[-я] армия, действующая со стороны Екатеринбурга, была разбросана на невероятно большом фронте; при 16 тысяч штыков она разбросалась на фронте 893 версты. Мною приказано принять меры для сужения фронта и для усиления правого фланга армии. Командующим этой армией мною назначен Генштаба Богословский и помощником его

---

²³ A Chronicle of the Civil war in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925. Stanford, CA, 2002. Vol. 1. P. 426.

²⁴ Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (чехословацким) фронтом тов. Вацетиса. 18.07–07.09.1918 года. М., 1918. С. 41.

²⁵ ДКФКА. М., 1971. Т. 1. С. 398; Собрание оперативных телеграмм... С. 43.

[С.М.] Белицкий»²⁶. Вацетис требовал от 3-й армии активизации действий. Однако при колоссальной протяженности фронта армии, усугублявшейся эвакуацией и обстановкой неразберихи накануне падения Екатеринбурга, а также изменами штабных работников, рассчитывать на активные действия не приходилось.

В нашем распоряжении нет данных о деятельности Богословского в период с 20 по 22 июля. Судя по всему, директива Вацетиса пришла в Екатеринбург с опозданием. Во всяком случае, по оперативным документам за 20–22 июля здесь еще существовал прежний Северо-Урало-Сибирский фронт во главе с И.Т. Смилкой.

Богословский был ярким противником большевиков и не собирался им служить на командных постах, предпочитая даже быть расстрелянным. По воспоминаниям М.А. Иностранцева, «за время пребывания в Екатеринбурге Богословский, будучи страстным охотником, все время мечтал поохотиться в горах Урала, отличающихся хорошей охотой, но служебные занятия ему в этом мешали, непрерывно вызывая у него искреннее огорчение.

И вот однажды, когда в профессорской комнате епархиального училища собралось довольно много народу, и в числе других был и Богословский, Андогский, войдя в комнату с телеграммой в руках, направился к нему и, как всегда, деловитым тоном, сказал:

– Тебя ждет неприятное известие: Берзин избрал тебя начальником штаба его армии и требует возможно скорейшего командирования тебя к нему. Желательно, чтобы ты выехал если не сегодня, то, по крайней мере, завтра.

Богословский был буквально ошеломлен этим известием. Он побледнел, оглянулся на окружающих и взволнованным голосом отчеканил:

– Я не поеду, Александр Иванович.

– Но как же ты можешь не поехать, – сказал Андогский, – когда это формальное приказание командующего 3-й Красной армией²⁷, которому подчинен и гарнизон Екатеринбурга, а следовательно, и академия? Это будет неисполнение приказания прямого начальника, и притом в условиях военного времени. Большевики тебя попросту немедленно же расстреляют.

---

²⁶ ДКФКА. Т. 1. С. 407.

²⁷ В оригинале – армии.

– Пусть расстреливают, – отвечал уже твердым голосом и злобно сверкнув своими горящими глазами Богословский, – но я не поеду. Я не намерен служить этим мерзавцам и предпочитаю умереть»²⁸.

Из воспоминаний М.А. Иностранцева известно, что Богословский сумел убедить начальника академии А.И. Андогского в том, что его побег не повредит академии, в которой он служил, если будет обставлен соответствующим образом. В беседе с Иностранцевым Богословский изложил свой план, ранее сообщенный Андогскому: «Я доказал ему (Андогскому. – А.Г.), что сумею придать моему бегству такой характер, что к нему не будет прикосновена не только академия, но даже и моя собственная жена ... Я уйду на охоту с ружьем и небольшим запасом еды и ... не вернусь. Жена моя, переждав дня два и дав мне время отойти достаточно далеко, якобы встревоженная моим чрезмерно долгим отсутствием, сообщит о моем исчезновении Андогскому, а последний известит об этом комиссаров и будет даже просить их помощи для розыска меня в лесу. Но я в это время, конечно, буду уже далеко и, вероятно, уже доберусь до чехов. Таким образом, и для моей жены, и для академии мое бегство будет якобы совершенно неожиданным, они будут в нем неповинны и потому от большевиков опасности подвергнуться не могут ... Приказание было передано мне сегодня, а я уйду на охоту якобы вчера, так как меня сегодня, слава Богу, никто из властей не видел, и Андогский донесет, что приказание мне передано немедленно быть не могло, так как я отпущен на охоту, и будет передано мне по моем возвращении. Я же, как сказал, не вернусь ... Я – старый охотник, и лес – это моя стихия. В нем я ориентируюсь вполне свободно. Я буду избегать не только больших дорог, но вообще дорог и пойду целиной леса. Компас и карта у меня для этого есть»²⁹. Возможно, это был предварительный план, предложенный будущим изменником еще до вступления в должность. Отъезд командарма в критический момент обороны города на охоту – не лучший предлог, поэтому в точности неизвестно, как Богословский обставил свое исчезновение.

Отметим, что тогда на красный Екатеринбург вела наступление группа войск под командованием товарища Богословского по выпуску из академии полковника С.Н. Войцеховского. Это обстоятельство

---

²⁸ *Иностранцев М.А. Воспоминания. С. 592.*

²⁹ Там же. С. 593–594.

могло стать еще одним мотивом в пользу перехода военспеца на сторону противника.

По версии Иностранцева, Богословский даже не вступил в должность. Однако это не так. Сохранилась телеграмма Богословского в Казань И.И. Вацетису, командующему 2-й армией и в РВС Восточного фронта, отправленная 23 июля в 12 часов 30 минут: «В тяжелую минуту принял третью армию. Насколько успел познакомиться с обстановкой, центр тяжести операций противника перенесен на станцию Кузино, что является уже угрозой Перми. Двухмесячный отпор противнику на растянутом фронте создало то, что в моих руках нет ни одной свежей части, которой я мог бы проявить активность. Состояние частей армии позволяет лишь сдерживать противника на подступах к Екатеринбургу, удерживать который не имею надежды. Основывая свои действия на активной обороне, предполагаю отходить широким фронтом к северо-западу. Хотел бы получить директиву и ориентировку, как военную, так и политическую... Екатеринбург. Командарм 3 Генштаба Богословский»³⁰. Едва ли Богословский сгущал краски, тем более что эта телеграмма, по сути, идентична более ранней, датированной 19 июля и адресованной главнокомандующим Северо-Урало-Сибирским фронтом И.Т. Смилгой А.Д. Троцкому: «Командование принял. Положение тяжелое. Чехи прорываются на Кузино по линии Екатеринбург – Пермь. Запросил Казань – ответа нет. Гоните резервы на Пермь»³¹. Положение красных в районе Екатеринбурга тогда действительно было крайне тяжелым. Как известно, уже 25 июля город заняла группа войск полковника С.Н. Войцеховского.

В воспоминаниях участника Гражданской войны на Урале, впоследствии – генерал-лейтенанта Советской армии Г.П. Софронова отмечалось, что Богословский вступил в должность 23 июля и принял дела, заслушав доклады штабных работников, причем и поразил всех вниманием и обходительностью, а в ночь на 24-е бежал, собрав сведения, необходимые для белых. Софронов вспоминал: «Новый командующий начал принимать дела. Заслушал доклады всех начальников управления и служб штаба.

---

³⁰ РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 66. Л. 76об.–77. Отметим, что ранее публиковался искаженный в советское время текст этого документа (см., например: *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 50–51; *Софронов Г.П.* Неподвластное времени. М., 1976. С. 142; *Кручинин А.М.* Падение красного Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 52).

³¹ РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 66. Л. 68об.

– Какой культурный и внимательный человек! – говорили о нем некоторые сотрудники. – Войдешь в кабинет – встанет, поздороваётся. Обращается только на “вы”, по имени и отчеству. А в дела-то как тщательно входит: все записывает в тетрадь, просит всякие справки, схемы... Приятно иметь дело с таким человеком!

И действительно, Богословский с первого дня поразил многих изысканностью манер и скрупулезностью в работе. Он побеседовал не только с начальниками, а и с рядовыми сотрудниками, успел даже посмотреть их личные дела...

На следующее утро я выслал на квартиру командующего автомашину. Шофера предупредил: будь точен, как часы. Но машина вдруг возвратилась без Богословского. По словам хозяйки дома, он ночью куда-то ушел и к утру не вернулся. На квартире и в кабинете не оказалось и его портфеля, в котором находилась оперативная карта. Розыски ничего не дали: след Богословского затерялся. Но всего на несколько дней. Из показаний пленных, а также из газет, издававшихся белыми, мы узнали: “культурный”, “любезный” командующий перешел в стан врага и работает в одной из его армий»³².

О том, что Богословский бежал уже после вступления в должность командующего армией, сообщалось и в докладе генерала Г.Е. Катанаева о деятельности академии: «20 июля, по словам полковника [И.И.] Смелова, получена была телеграмма главнокомандующего советских войск Вацетиса и членов военно-революционного совета при нем о немедленной эвакуации академии из Екатеринбурга в Пермь и одновременно с этим о назначении профессора академии полковника Богословского³³ командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом большевистских войск, а от Троцкого приказ выслать 40 слушателей в Казань для образования так называемого резерва. Богословский немедленно принял предложение Вацетиса и, ориентируясь в расположении большевистской армии Уральского фронта, 23 июля тайно бежал из Екатеринбурга на фронт сибирских войск и чехов, приближавшихся уже к этому городу с востока»³⁴. Эту же версию событий подтверждает и сослуживец Богословского по академии генерал П.Ф. Рябиков, отме-

³² Софронов Г.П. Неподвластное времени. С. 142–143.

³³ Так в документе. Б.П. Богословский не был профессором, а в рассматриваемый период имел чин подполковника.

³⁴ Цит. по: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии... С. 710.

тивший, что Богословский успел отдать ряд вредительских приказов³⁵, а также захватил оперативные документы, которые были переданы беглым. По словам Рябикова, «было получено приказание командировать в местный штаб полк[овника] Богословского, которому немедленно принять в командование армию, назначенную для отпора наступавших чехов. Полковник Богословский должность принял и сделал даже ряд распоряжений, ухудшавших положение красных, а затем исчез в лесу, где в заранее условленном месте встретился с женой и с ней благополучно лесами пробрался к чехам.

После такой “измены” одного из членов конференции отношение к нам стало еще более подозрительным»³⁶.

После бегства Богословского временно исполняющим должность командарма С.М. Белицким (членом партии левых эсеров) 29 июля в Казань Вацетису из штаба 3-й армии была направлена следующая телеграмма: «Богословский принял командование при условии, что я останусь у него помощником. Приняв дела и ознакомившись [с] общим положением, он исчез двадцать четвертого и больше не являлся. Все оперативные распоряжения были подписаны только мною, товарищем Смиглой и наштабом Симоновым. Лично меня Богословский не удовлетворил уже тем самым, что за день до своего назначения он не явился на совещание экспертов из преподавателей академии, которое было созвано мною для выработки дальнейшей военной политики ввиду создавшейся тогда обстановки утери Урала. Я полагаю, что он повлиял на то, что остальные чины штаба тоже перешли по его примеру на сторону врагов. Вр[еменно исполняющий должность] командарма три Белицкий»³⁷.

Действительно, из штаба 3-й армии дезертировал не один Богословский. Не явились для посадки в эшелон при эвакуации ряд работников штаба. В Екатеринбурге остались сотрудничавшие с антибольшевистским подпольем начальник штаба бывший капитан А.Л. Симонов и начальник разведывательного отдела бывший штабс-капитан А.А. Буров. Не стали эвакуироваться помощник начальника артиллерийского управления бывший генерал-майор В.Л. Томашевский, заведующие отделами бывший полковник Л.М. Адамович и бывший подполков-

---

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 120об.

³⁶ Цит. по: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии ... С. 751–752.

³⁷ РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 66. Л. 84–84об.

ник А.Н. Лабунцов, а также ряд делопроизводителей³⁸. Развал штаба армии на несколько дней дезорганизовал управление советскими войсками под Екатеринбургом. Кроме того, в Екатеринбурге и в Казани в июле–августе 1918 г. практически в полном составе на сторону антибольшевистских сил перешла Военная академия, в которой до своего назначения командармом служил Богословский.

Неразбериху тех дней красноречиво характеризует то, что военный руководитель Уральского окружного военного комиссариата Д.Н. Надежный, ранее назначенный командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом (приказом народного комиссара по военным делам № 547 от 16 июля), узнал о своем временном назначении только 27 июля из газеты «Известия Народного комиссариата по военным делам», когда находился уже в Перми, фронт был реорганизован в армию, а командующий армией Богословский сбежал к противнику³⁹.

27 июля И.И. Вацетис телеграфировал об исчезновении Богословского в Наркомат по военным делам и в Высший военный совет: «Только что получил донесение, что 25 июля наши войска оставили Екатеринбург. Комиссар третьей армии Смилга доносит, что командарм Богословский, не приступая к командованию, пропал. Мною назначен командармом временно Угрюмов, который известен мне своей храбростью и распорядительностью»⁴⁰.

Вацетис позднее вспоминал: «Исчезновение командарма Богословского в такой критический момент объясняли двояко. Одни говорили, что он был убит, другие полагали, что он перешел на сторону белых. Впоследствии выяснилось, что он действительно перешел к белым. Во всяком случае исчезновение командарма, выбранного из высококвалифицированных военспецов, произвело нехорошее впечатление как на местах, так и в центре. После такого неблагоприятного события вновь выдвинуть кандидатуру военспеца я не считал возможным»⁴¹. Таким образом, измена Богословского повлияла на кандидатуру его

³⁸ Кручинин А.М. Надежды восемнадцатого года: страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 21; *Он же*. Падение красного Екатеринбурга. С. 53; *Он же*. Белый Екатеринбург (1918–1919): армия и власть. Екатеринбург, 2018. С. 38.

³⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 4. Д. 31. Л. 319.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 230. Л. 203.

⁴¹ Национальный архив Латвии. Ф. 45. Оп. 3. Д. 33. Л. 33–34. Также см.: РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 280.

преемника. Командующим стал матрос Г.А. Угрюмов. И хотя измена Богословского, видимо, нанесла незначительный ущерб Советской России, тем не менее она усугубляла кризисную обстановку на советском Восточном фронте в условиях активных действий белых и чехословаков. Можно предположить, что действия Богословского связаны с работой антибольшевистского подполья.

Командование должно было ликвидировать кризисное положение на фронте 3-й армии. 28 июля Вацетис потребовал от нового командования армии принять «строжайшие меры, чтобы остановить отступающую армию, которую приведите в порядок с присущей вам энергией. Сокращайте прежний колоссальный фронт на более нормальный, отвечающий численности армии, создавайте резервы, организуйте усиленно едзашую пехоту. Прежнее командование допустило ряд крупнейших ошибок, последствием которых была потеря Екатеринбурга. Командир Латышского Торошинского полка⁴² рапортом от 23 июля доносит: все возмущены действиями руководящих кругов, покинувших город и полк на произвол судьбы. По-видимому, Екатеринбург был отдан без боя, подробности будут выяснены следственной комиссией... Главной ошибкой прежнего командования была колоссальная растяжка фронта. В 3[-й] армии насчитывается до 16 тысяч штыков, и эта армия разбросана на фронте 893 версты, как говорил Берзин. Это было бы правильно в том случае, если на нас была бы возложена задача организовать пограничную стражу для ловли контрабандистов. Вашей задачей является создать боевую организованную армию, способную перейти в наступление, когда будет приказано. Поэтому еще раз повторяю: создавайте резервы, организуйте едзашую пехоту, особенное внимание обратите на последнее. Жду от вас подробного доклада о событиях во время последнего отступления и сдачи Екатеринбурга, о потерях людей и материальной части. На фронте остальных армий положение становится более прочным»⁴³. В тот же день армии была поставлена задача оборонять Пермь.

Впоследствии этот инцидент использовали оппоненты председателя РВСР и наркома по военным делам Л.Д. Троцкого. Когда в октябре 1918 г. Троцкий потребовал расстрелять комиссаров дивизии и полков 3-й армии, допустивших измену нескольких военспецов⁴⁴, члены ЦК

⁴² В документе – отряда.

⁴³ ДКФКА. Т. 1. С. 410–411.

⁴⁴ Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 57.

РКП(б) и члены РВС 3-й армии М.М. Лашевич и И.Т. Смилга ответили письмом в ЦК, в котором категорически протестовали против легкомысленного, по их мнению, отношения Троцкого к расстрелам. Перейдя в наступление на Троцкого, авторы письма напоминали и об измене Богословского: «Нужно было бы перестрелять половину Революционного военного совета, ибо назначенный им когда-то командующим третьей армией Богословский сбежал, не приняв⁴⁵ командования. Результатом таких телеграмм является лишь подрыв авторитета т. Троцкого и комиссаров»⁴⁶.

У белых Богословский сразу же получил ответственное назначение – приказом Сибирской армии от 28 июля 1918 г. он занял должность начальника штаба Средне-Сибирского армейского корпуса⁴⁷. Корпус был сформирован в июне 1918 г. в Томской губернии под командованием подполковника А.Н. Пепеляева (Пепеляев командовал корпусом до апреля 1919 г.), действовал в Томской и Алтайской губерниях. 18 июня корпус получил директиву командующего Сибирской армией полковника А.Н. Гришина-Алмазова наступать на восток, занимая территорию до Иркутска. В период «Восточного похода» корпусом совместно с чехословацкими войсками были заняты такие города, как Красноярск и Иркутск. За успехи в боях Пепеляев был произведен в полковники. Однако результативность молодого военачальника вызвала определенные опасения и интриги в Омске, где находились органы армейского управления и Временное Сибирское правительство⁴⁸. В Омске опасались нелояльности и излишней самостоятельности Пепеляева. Сложности возникали и в вопросе взаимодействия с чехословаками. Чтобы избежать сепаратных действий, 21 июля 1918 г. был образован штаб Восточного фронта под командованием офицера Чехословацкого корпуса полковника Р. Гайды. Это решение носило во многом политический характер, причем полковник Пепеляев в тот период Гайде в полной мере не доверял, хотя и обещал командующему армией не допускать конфликтов с Гайдой.

С момента создания корпуса его начальником штаба был капитан А.С. Кононов, окончивший ускоренные курсы Николаевской воен-

---

⁴⁵ В публикации, видимо, ошибочно – не принял. В других изданиях этого документа приводится наш вариант.

⁴⁶ Большевистское руководство. Переписка... С. 58.

⁴⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 249.

⁴⁸ Подробнее см.: Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск, 2017. С. 72–78.

ной академии. В этой связи назначение начальником штаба корпуса более опытного и старшего в чинах Богословского выглядит вполне логичным. Из-за назначения Богословского Кононов перевели на нижестоящую должность обер-квартирмейстера штаба корпуса, но в качестве компенсации в тот же день «за отличия в боях против неприятеля» приказом Сибирской армии произвели в подполковники со старшинством с 14 июля 1918 г.

В приказе по академии в связи с новым назначением Богословский указан в чине полковника. Однако дата и обстоятельства его производства в этот чин пока не установлены. 1 августа он выехал из Екатеринбурга в Челябинск и Омск для доклада о положении академии и ходатайства о ее оставлении в Екатеринбурге⁴⁹. Кроме того, удалось установить, что к месту нового назначения в Иркутск Богословский отправился около 12 августа⁵⁰.

Между тем в советском лагере проанализировали последствия бегства Богословского и других высокопоставленных военных деятелей. Согласно телеграмме члена РВС Восточного фронта Ф.Ф. Раскольникову председателю Высшего военного совета Л.Д. Троцкому от 29 июля 1918 г., Богословский в Казань не приезжал, постоянно находился в Екатеринбурге, где преподавал в академии, а «ответственность за его измену падает на кого-либо из комиссаров, находившихся при нем в Екатеринбурге»⁵¹. В тот же день было издано постановление ЦК РКП(б) о мероприятиях по укреплению Восточного фронта, в котором в связи с изменами Махина, Муравьева и Богословского («такие случаи, как побег Махина, как самостоятельный переезд Муравьева из Казани в Симбирск, как побег Богословского и проч[ее]»⁵²) упрек в неумении бдительно следить за командным составом адресовался военным комиссарам. Отныне комиссары за побег или измену командующего должны были подвергаться суровым карам вплоть до расстрела.

Богословский сделал у белых хорошую карьеру, став ближайшим сотрудником и начальником штаба генерала Р. Гайды, который забирал Богословского на штабные должности при себе по мере собственного карьерного роста. Необходимо сказать несколько слов об этом человеке, существенно повлиявшем на судьбу нашего героя.

⁴⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 546.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 281.

⁵¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 15.

⁵² ДКФКА. Т. 1. С. 412–413.

Радола Гайда (1892–1948) родился в порту Котор, входившем тогда в состав Австро-Венгрии (ныне – Черногория), в семье унтер-офицера. Получил фармацевтическое образование. В Первую мировую войну он был призван в австрийскую армию, служил младшим офицером, попал в плен, перешел на службу в черногорскую, а позднее в русскую армию. В сформировавшихся в России из военнопленных чехословацких войсках командовал батальоном и полком. Проявил себя как храбрый и инициативный офицер, завоевавший авторитет у подчиненных. За боевые отличия Гайда был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, а также солдатским Георгиевским крестом 4-й степени с лавровой ветвью для офицеров. При этом Гайда был крайне честолюбивым, самовлюбленным и даже склонным к позерству авантюристом⁵³. Принимал активное участие в ликвидации советской власти в Сибири, командуя одной из трех групп чехословацких войск, в зоне ответственности которой была территория от Омска до Иркутска. В июле, как уже отмечалось, Гайда возглавил местный чешско-русский фронт. Разумеется, такой командир, не имевший военного образования, нуждался в сильном начальнике штаба, а умением подбирать себе хороших сотрудников Гайда обладал.

Сначала Богословский исполнял при Гайде должность начальника штаба Восточного фронта вместо погибшего 17 августа подполковника Б.Ф. Ушакова⁵⁴. В тот период чехословаки и белые нанесли поражение советским войскам в Забайкалье, заняв 18 августа станцию Посольская, а 20 августа город Верхнеудинск. 26 августа в результате восстания красные оставили Читу, в которую на следующий день вступили части Средне-Сибирского корпуса. Белые преследовали противника, и в конце августа сибирские и чехословацкие войска, шедшие с запада, соединились на реке Онон с силами атамана Г.М. Семенова и чехословаками, наступавшими с востока. На станции Оловянная атаман Семенов встретился с Гайдой, причем Семенов через несколько дней признал власть Временного Сибирского правительства.

После того как боевая задача в Забайкалье была выполнена, началась переброска войск на уральский фронт. 12 октября 1918 г., уже в чине генерал-майора, Гайда возглавил Екатеринбургскую группу войск, а Богословский стал ее начальником штаба. Группа получила

---

⁵³ Подробнее см.: *Петров А.А.* Генерал-лейтенант Р. Гайда // Белое движение: исторические портреты. М., 2011. С. 646–689.

⁵⁴ *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 92; *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 289.

задачу наступления на Осу, Оханск и Пермь. Отметим, что Гайда еще до прихода к власти адмирала А.В. Колчака в результате омского переворота 18 ноября 1918 г. высказывался за военную диктатуру, причем участвовал в тайных переговорах по этому вопросу. Разумеется, штаб генерала не мог оставаться в стороне от этих планов. Крупным успехом группы, преобразованной 24 декабря в Сибирскую армию, стало взятие 25 декабря 1918 г. Перми. Интересно, что Пермь белые отбили у той самой 3-й армии красных, из которой летом сбежал Богословский. Сибирская армия Гайды, временно исполняющим должность начальника штаба которой формально 4 января 1919 г. стал Богословский, вела в 1919 г. боевые действия против той же 3-й армии красных, но на этот раз реванш взяли красные.

Сам Гайда впоследствии отозвался о Богословском не слишком высоко: «Мой штаб был выделен из штаба, который формировался давно в Омске и назывался раньше штабом Сибирской армии. Он был переведен в Екатеринбург, очищен от избыточных людей и дополнен некоторыми офицерами штаба моей бывшей Екатеринбургской группы. Начальником штаба армии был полковник, впоследствии генерал-майор Богословский, назначенный еще раньше, после смерти полковника Ушакова, начальником штаба Восточного фронта. Генерал Богословский был выпускником академии Генерального штаба. После большевистского переворота он принял службу в академии Генерального штаба, организованной большевиками в Екатеринбурге. Когда в июле 1918 года к Екатеринбургу подошли чехословаки, ему удалось оттуда убежать и пробраться к нашим войскам. Богословский был способным оперативным штабным работником, но [человек был] не самостоятельный, способный на компромиссы, о чем свидетельствует его вступление на большевистскую службу»⁵⁵.

Однако русские генштабисты оценивали роль Богословского иначе, считая именно его организатором побед, лавры которых пожинал Гайда. Так, генерал М.А. Иностранцев ставил в заслугу Богословскому один из громких успехов белых на Восточном фронте – взятие Перми, отмечая, что «успех взятия Перми объясняется даровитой личностью командующего армией и его начальника штаба – генерала Богословско-

---

⁵⁵ Гайда Р. Мои воспоминания. Вступление в русскую армию / перевод М.Г. Ситникова // Иднакар (Ижевск). 2014. № 1 (18). С. 92; Gajda R. Moje paměti. Praha, 1920. S. 115. В оригинале – штабным работником был способным и толковым.

го»⁵⁶. Генерал К.К. Акинтьевский даже отмечал, что Гайда был полной бездарностью в военном отношении, а « всю военную часть в его штабе вел ген[ерал] Богословский, нач[альник] штаба; от политической он был отстранен Гайдой»⁵⁷.

6 января 1919 г. Богословский, уже произведенный в генерал-майоры (с 24 декабря 1918 г. со старшинством с 6 декабря 1918 г.), был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Согласно формулировке приказа, офицер награждался «за то, что, состоя в чине полковника и исполняя обязанности начальника штаба бывшей Екатеринбургской группы, работал и провел в жизнь план очищения от армии противника обширной территории Уральского района; причем в течение операции с 28 ноября по 24 декабря 1918 года неоднократно, с личной для себя опасностью, принимая деятельное участие в боях, привел наши войска к решительной победе при полном разгроме Пермского фронта противника, с захватом огромной военной добычи и территории (станции Куш, Калино, Чусовая и города Кунгур и Пермь; более 30 000 пленных, 20 000 винтовок, 20 орудий, более 100 пулеметов, 9 бронированных поездов, 2 броневых автомобиля, 40 автомобилей, 180 поездных составов, несколько тысяч лошадей и громадное количество военного имущества)»⁵⁸. Кроме того, за взятие Перми Богословский 5 февраля 1919 г. был награжден французским военным крестом с пальмовой ветвью. 24 февраля 1919 г. ему была объявлена благодарность Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака.

По оценке генерала П.Ф. Рябикова, Богословский был выдающимся начальником штаба армии⁵⁹. Рябиков отмечал, что Богословский «как выдающийся офицер Генерального штаба, умный, быстрый, решительный и инициативный, с большим успехом исполнял должность начальника штаба 1[-й] армии у генерала Гайды, а затем и у ген[ерала] Пепеляева»⁶⁰.

Возможно, на общем фоне колчаковских генштабистов Богословский действительно выделялся, однако 35-летнему генералу не хватило даль-

⁵⁶ *Иностранцев М.А.* Воспоминания. С. 878.

⁵⁷ *Акинтьевский К.К.* К истории Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. // ВАР. К.К. Akintievskii papers. Box 1. Л. 19.

⁵⁸ *Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011. С. 67.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 27.

⁶⁰ Там же. Л. 58об.–59.

новидности для понимания важности взаимодействия Сибирской армии с соседней Западной армией в период весеннего наступления 1919 г. колчаковских войск к Волге. Начальник штаба Западной армии генерал С.А. Щепихин оставил подробное описание совещания в Челябинске 11 февраля 1919 г., на котором адмиралом А.В. Колчаком и командующими армиями был согласован план наступления⁶¹. По свидетельству Щепихина, «Богословский маслянисто улыбался своей черноусой физией... Лицо умное, глаза хитрые и манеры чуть-чуть вкрадчивые...»⁶² Как отметил Щепихин, «Гайда, а за ним, к моему изумлению, и Богословский горячо возражали против заблаговременных перегруппировок, против тех из них, в идее которых скрывалась помощь соседу.

Мне становилось жутко от такого непробудного эгоизма»⁶³. Совещание фактически предопределило будущую неудачу весеннего наступления белых.

8 мая 1919 г., уже в период неудач на направлении главного удара, генерал барон А.П. Будберг записал в дневнике, что «начальником штаба у Гайды состоит генерал Богословский, цыганистый брюнет, вид энергичный, глаза неслепые; говорят, что по части боевого управления все лежит на нем и что распоряжается он толково»⁶⁴. От наблюдений Будберга также не ускользнуло злорадство Богословского в связи с неудачами соседней Западной армии⁶⁵. «Я знал, что между штабами армий раздор и нелады, но никогда не думал, что дело зашло так далеко»⁶⁶, – отметил барон.

В 1919 г. Богословского могли ждать различные карьерные перспективы. В частности, председатель Совета министров П.В. Вологодский записал в своем дневнике 3 марта 1919 г., что фронт выдвигает Богословского на пост военного министра, причем некоторые министры поддерживали его кандидатуру⁶⁷, однако уже 7 марта, когда Вологодский сообщил Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку о том, что Совет министров выступает за такое назначение, Колчак, как и ожидал

⁶¹ Подробнее см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 582–597.

⁶² ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 56.

⁶³ Там же. Л. 57 об.

⁶⁴ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 234.

⁶⁵ Там же. С. 235.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ A Chronicle of the Civil War in Siberia... Vol. 1. P. 222.

Вологодский, «решительно отверг эту замену и указал, что во многих беспорядках на фронте виноват сам фронт... фронт всегда враждует с тылом»⁶⁸. Через некоторое время Колчак заявил: «Убирать Богословского с фронта я тоже не намерен, он там нужнее, чем здесь»⁶⁹. Из этого можно сделать вывод, что Верховный правитель высоко ценил Богословского и, возможно, понимал его реальную роль в руководстве Сибирской армии при столь беспокойном командующем, каким оказался генерал Гайда.

В конце мая 1919 г. ординарец Гайды подпоручик Молотковский со ссылкой на некое мнение офицерства зондировал у председателя Совета министров П.В. Вологодского почву относительно возможного назначения Богословского начальником штаба Ставки вместо дискредитировавшего себя генерала Д.А. Лебедева – оппонента Гайды⁷⁰. Аналогичные слухи с акцентом на том, что это был ультиматум Гайды Колчаку, поползли тогда же по Омску⁷¹.

Если бы такое назначение удалось осуществить, Гайда, очевидно сработавшийся с Богословским, существенно укрепил бы свои позиции в Омске. Однако все это осталось на уровне обсуждений. Когда из-за конфликта со Ставкой генерал Гайда в начале июня 1919 г. был временно отстранен от командования Сибирской армией и уехал в Омск для дальнейшего разбирательства, Богословский заменял его на посту командующего⁷². Колчак затем приказал Гайде вернуться к командованию армией, но инцидент исчерпан не был, а проблемы с Гайдой продолжились. Вскоре, когда 9 июня Гайде в оперативном отношении подчинили, помимо Сибирской, еще и соседнюю Западную армию, он издал резкий приказ по этой армии, оскорбивший командование соседей, после запрета подобных приказов Колчаком Гайда снова приехал в Омск и подал рапорт об освобождении от обязанностей командующего.

Летом 1919 г. уже сам Богословский считал целесообразным удаление Гайды с поста командующего⁷³. Об этом сообщал в июле на-

⁶⁸ Ibid. P. 226.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid. P. 257; A Chronicle of the Civil war in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925. Stanford, CA, 2002. Vol. 2. P. 133.

⁷¹ Будберг А.П. Дневник. С. 262.

⁷² Там же. С. 277.

⁷³ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2004. Кн. 2. С. 135.

чальник контрразведывательного пункта штаба Сибирской армии в Екатеринбурге (по факту – отделения чешской контрразведки) подпоручик Э.В. Земан, он же тайный агент французской военной миссии «Джон»⁷⁴. Насколько достоверны эти данные и почему Богословский внезапно выступил против Гайды, пока судить сложно.

Агент «Джон» сообщал в донесении от 20 июня 1919 г. своему куратору, начальнику информационного отделения французской военной миссии в Сибири майору Марино, о невероятных интригах против Гайды, которые осуществляли работники штаба армии. В частности, он отметил, что с санкции Богословского на фронт были отправлены антисемитские прокламации, что вызвало возмущение Гайды: «Генерал Гайда, узнав об этом, сделал строгий выговор подполковнику Кононову⁷⁵ и этим косвенно Богословскому. После этого сгруппировалось все, что есть реакционного в штабе, вокруг Богословского, и травля против генерала Гайды шла открыто. По поручению Богословского было выкрадено письмо поддельным ключом из письменного стола генерала лично его русским адъютантом, который с самого начала служил в качестве разведчика у генерала Гайды для русских властей. Это письмо было снято в двух копиях, но в искаженном виде»⁷⁶. Однако интрига не удалась. После этого работники штаба начали «открытый поход» против Гайды, в котором принял участие и Богословский. Противники Гайды «в своих действиях явно стали доказывать, что не считаются с мнением генерала Гайды, и этим хотели дискредитировать генерала в глазах населения, покрывая все свои незаконные действия якобы именем Гайды»⁷⁷. Было изготовлено еще одно поддельное письмо, из которого следовало, что «якобы Гайда при помощи своих приближенных намеревается, пользуясь своей популярностью, совершить переворот, что якобы он подготовил для этой цели генерала Пепеляева, что он создал уже на фронте свои министерства и в один хороший день направит свои штыки против Ставки... Это письмо

---

⁷⁴ Подробнее об агенте «Джоне» и его донесениях см.: Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 г.): Сб. док. / сост. М.И. Вебер. Екатеринбург, 2019.

⁷⁵ Кононов (Кононов-Кононович) Константин Лукич (11.11.1892–17.01.1988) – подполковник (позднее – полковник), начальник разведывательного отделения штаба Сибирской армии.

⁷⁶ Фронт и тыл колчаковской армии... С. 152.

⁷⁷ Там же. С. 153.

было переслано Богословским генералу Лебедеву, который об этом доложил адмиралу Колчаку. Адмирал Колчак неожиданно для всех поехал в Пермь, остановившись на один день в Екатеринбурге... Впоследствии, уехав в Пермь... Гайда имел с адмиралом крупный разговор, после чего Гайда уехал в Омск на 14-ть часов раньше адмирала, довольно холодно попрощавшись»⁷⁸. В Омск Гайда ехал поставить ультиматум относительно снятия генерала Лебедева. По свидетельству «Джона», после отъезда Гайды Колчак провел совещание с Богословским, на котором вопрос об отставке командующего армией они решили окончательно, а командующим устно был назначен Богословский⁷⁹.

Интересны свидетельства о дальнейших действиях Богословского, сообщенные «Джоном»: «После отъезда генерала Гайды с фронта в Омск Богословский, желая показать, что он и без Гайды может справиться, дал приказ во что бы то ни стало взять Глазов, что было и исполнено, несмотря на многочисленные жертвы, приказ же о взятии Сарапула потерпел неудачу, причем часть полков сдалась в плен, часть убита и ранена, а остальная бежала»⁸⁰. Позднее «Джон» побеседовал об этом с генералом А.Н. Пепеляевым, который сообщил об истории взятия Глазова следующее: «Первый удар мне был нанесен, ни для кого не секрет, Верховным правителем и Богословским, которые мне приказали во что бы то ни стало взять Глазов в отсутствие генерала Гайды, чтобы доказать его полную неспособность, что⁸¹ я лишь узнал впоследствии. Приказ мною был исполнен с тысячными жертвами своего корпуса и, продержавшись в Глазове лишь шесть часов, я принужден был отступить, не получая подкрепления, и здесь я только понял все то, что хотели сделать Богословский и компания. День спустя я получил известия от Вержбицкого⁸², Гривина⁸³, что они в таком же положении, потеряв под Сарапулом почти весь ударный корпус»⁸⁴.

В донесении от 6 июля агент «Джон» цитировал слова Богословского в связи с успехом интриги по устранению Гайды: «Слова начальника

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 154.

⁸⁰ Там же. С. 155.

⁸¹ В документе – чего.

⁸² Вержбицкий Григорий Афанасьевич (25.01.1875–20.12.1942) – генерал-лейтенант, командующий Южной группой Сибирской армии.

⁸³ Гривин Петр Петрович (07.11.1878–22.11.1919) – генерал-майор, командир IV Сибирского армейского корпуса Сибирской армии.

⁸⁴ Фронт и тыл колчаковской армии... С. 182.

штаба генерал-майора Богословского, сказанные в присутствии многих общественных деятелей 20-го июня с.г. В.К. Павловскому: “Слава Богу, одного убрали, теперь уберем еще Пепеляева, а потом [в]едем порядок в нашей армии”, разлетелись не только в тылу, но и на фронте среди солдат, считающих этих генералов гениями и борющихся за свободу Родины, конечно, [эти слова] не могли не иметь свое воздействие на фронтовых солдат, часть которых потеряла всякую веру в спасение Родины и покидает фронт или же переходит⁸⁵ к большевикам»⁸⁶.

Окончательно с должности командующего Сибирской армией Гайда был снят 7 июля, армию 8–9 июля временно принял главнокомандующий фронтом генерал Дитерихс, причем уже 14 июля Екатеринбург заняли красные.

К сожалению, нет данных о том, почему Богословский ввязался в интриги против Гайды, при том, что отношения между двумя генералами ранее выстраивались сравнительно благоприятно. Нет данных и о том, насколько достоверны сообщения «Джона», который представлял интересы чехословаков и был явным сторонником Гайды. Как бы то ни было, опала Гайды сказалась и на Богословском. 1 июля Богословский был откомандирован в Омск в распоряжение штаба Верховного главнокомандующего. Уехал он, однако, не сразу. Вероятно, отъезд состоялся 10 июля вместе со штабом армии⁸⁷. Незадолго до этого Богословский на собрании военно-промышленного комитета заявил о планах эвакуации Екатеринбурга, что породило панику в городе⁸⁸.

По прибытии, 7 августа был допущен к исполнению должности инспектора Восточного фронта (причем со 2 августа), а с 8 сентября – к исполнению должности инспектора пополнений Восточного фронта. 2 октября Богословскому также подчинили управления генерала для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего. Кроме того, согласно приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего от 25 сентября 1919 г., Богословский с 22 июля 1918 г. также формально считался штатным преподавателем Военной академии.

Агент «Джон» в донесении от 13 августа 1919 г. сообщал и о косвенной причастности Богословского к расстрелам заключенных тюрем Камышлова и Ялуторовска в июле–августе 1919 г. Речь шла о 150 и 93

⁸⁵ В документе – переходят.

⁸⁶ Фронт и тыл колачковой армии... С. 170.

⁸⁷ Там же. С. 170, 173.

⁸⁸ Там же. С. 171.

лицах соответственно. Якобы, когда о расстреле под Камышловом донесли Богословскому, тот ответил: «Собакам – собачья смерть, пусть солдаты все знают, как мы поступаем с нашими врагами ... большевики их похоронят с торжеством»⁸⁹.

Последний виток карьеры Богословского произошел в конце 1919 г. Генерал стал тогда помощником военного министра колчаковского правительства, а 12 декабря 1919 г. был назначен начальником штаба Восточного фронта при главнокомандующем генерал-лейтенанте В.О. Каппеле. Ранее этот пост занимал генерал В.И. Оберюхтин⁹⁰. 29 декабря 1919 г. на станции Ачинск произошел взрыв эшелона со снарядами. В результате взрыва были ранены сам Богословский (легко) и его супруга, получившая серьезное ранение (Богословский был женат на бракоразведенной жене штабс-ротмистра Марии Иосифовне Альтман-Богословской, детей у них не было). Как отмечал 30 декабря в своем дневнике генерал С.А. Щепихин, «накануне, на полустанке перед Ачинском, слышали довольно отчетливо взрыв. На запрос по телеграфу было отвечено, что произведено покушение на поезд генерала Каппеля. Покушение не удалось: и сам генерал Каппель, и его штаб остались невредимы, но есть жертвы как из чинов штаба, так и из лиц посторонних ... Подробности мы узнали на другой день, когда рано утром прибыли на дебаркадер станции Ачинск ...

Перед самой станцией эшелонов не стояло: здесь пути были исковерканы взрывом, валялись части истерзанных человеческих одежд, в крови и обуглившись, – при взрыве произошел пожар, который едва удалось ликвидировать ... На месте взрыва стояли два вагона – жертвы взрыва, почти сброшенные на пути. Остальной поезд главнокомандующего стоял на небольшом интервале в полном порядке ... По пожару бродили какие-то типы и искали, шарили в обломках: был кем-то пущен слух, что от взрыва пострадала казна главнокомандующего, состоящая из металлической валюты ... Вот эти вороны и бродили, шевеля палками пепел ...

Генерал Каппель нас встретил перед поездом. С ним был его начальник штаба генерал Богословский, бывший начальник штаба у генерала

⁸⁹ Там же. С. 193.

⁹⁰ Подробнее о нем см.: Ганин А.В. «Я имел одну вину – службу у белых ...» Судьба временного главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала В.И. Оберюхтина // Россия в эпоху великих потрясений: Научный сборник к 50-летию А.С. Кручинина / сост. А.В. Ганин. М., 2018. С. 219–352.

Гайды, в бытность последнего командармом первой. Будучи не у дел, он и предложил свои услуги генералу Каптелю, сотрудника которого по третьей армии генерала [С.Н.] Барышникова при нем не было... Богословский был слегка задет осколками стекла, а бывшая при нем его супруга была очень тяжело ранена: ее на носилках переправили в город и дальше ей запрещено было продолжать путь... Каптель сказал, что генерал Богословский просит его разрешения остаться в Ачинске на волю Божию: его жена не может дальше двигаться, а бросать ее одну невозможно, надо разделить участь с тем, с кем жил так долго... Грустно все это, но ведь и большинству из нас, и мне в первую очередь, предстоит такой выбор: между семьей и войной... И там, и тут долг. Кому, вернее чему, отдать предпочтение... дай Бог, чтобы он хорошо кончил, но сильно сомневаюсь в этом. Лучше пулю себе в лоб: и короче, и как-то по прежним нашим навыкам, “контрреволюционным” что ли, – почетней. Все же своя сестра пуля, а не заплечных дел мастера из чрезвычайки... А может быть, я ошибаюсь и преувеличиваю: не так, может быть, страшны и зубасты эти обезьяны»⁹¹.

Однако чутье не обмануло генерала Щепихина. В своих воспоминаниях он свидетельствовал, что Богословского отговаривали от идеи остаться, причем говорили, что «ему большевики вряд ли простят его добровольный уход в Екатеринбурге из академии на сторону белых, а также припомнят многое из деятельности Гайды, с которым он был тесно связан.

В душе он, видимо, соглашался, но бывают минуты, когда обстановка сильнее нас. Богословский выполнил впоследствии свое решение; был отвезен большевиками в Омск, судим и расстрелян»⁹².

Оставив Каптеля и штаб⁹³, 6 января 1920 г. Богословский добровольно прибыл в Красноярск, в штаб 30-й стрелковой дивизии РККА. Далее его направили в Томск, в распоряжение штаба 5-й армии. Прибыв в этот город 20 января, Богословский был прикомандирован к разведы-

⁹¹ Щепихин С.А. Дневник генерала русской службы С.А. Щепихина – бывшего начальника штаба войск белых армий в период Ледяного похода через Сибирь // ИА. S.A. Shchepikhin collection. Vox 1. С. 44–45, 47.

⁹² ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 10. Л. 33–33об.

⁹³ Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М., 2008. С. 259; Каптель и каптелевцы. М., 2007. С. 467; Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания. Мукден, 1932. Ч. 1. С. 181–182; Клерже Г.И. Революция и Гражданская война: личные воспоминания. Новосибирск, 2012. С. 273–274.

вательному отделению штаба армии. 23 января Богословского направили в особую комиссию по регистрации военнопленных и перебежчиков, где он был арестован Особым отделом. Содержался в красноярской тюрьме, а 23 июня отправлен в распоряжение полномочного представителя ВЧК по Сибири в Омск⁹⁴. По справке прокуратуры Омской области, Богословский был приговорен к расстрелу 24 мая 1920 г. постановлением Особого отдела 5-й армии по поручению Президиума ЧК⁹⁵. Есть и другие данные, о том, что расстрельный приговор был вынесен Президиумом полномочного представительства ВЧК по Сибири 17 июля 1920 г. Приговор приведен в исполнение на следующий день в Омске. Вдова Богословского осталась жить в Красноярске.

В заключении прокуратуры Омской области от 29 декабря 1991 г. отмечено, что приговорен он был «за то, что, находясь на службе у белых в должности начальника штаба Сибирской армии, в подчинении его находилась и контрразведка. Активно воздействовал на поднятие боеспособности армии. Из материалов дела усматривается, что Богословский, являясь командующим 3-й советской армии, в 1918 г. бежал к чехам, прибыв в г. Омск, он был назначен начальником штаба Сибирской армии, что признал и сам привлеченный»⁹⁶. На следующий день после приговора Богословского расстреляли в омской тюрьме.

До сих пор считалось, что Богословский, как и многие другие участники Белого движения, реабилитирован, однако это не так. Наоборот, согласно тому же заключению Богословский признан не подлежащим реабилитации⁹⁷.

Попытка автора ознакомиться с делом Богословского в 2019 г. привела к отказу в связи с нереабилитацией. Отказ сопровождался новыми мотивировками. В ответе прокуратуры Омской области отмечалось, что Богословский «обвинялся в том, что, являясь противником РСФСР, оставил Красную армию и перебежал к чехам, где добровольно вступил в ряды белой армии, и сразу же как кадровый офицер был направлен на восток в карательную экспедицию для очистки железнодорожного пути от красных войск. Впоследствии был назначен начальником шта-

---

⁹⁴ *Купцов И.В., Бужков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет... С. 68.

⁹⁵ Письмо прокуратуры Омской области автору от 21.10.2019 г. № 12–341–2019/Он 100–19–2042001.

⁹⁶ Архив управления ФСБ России по Омской области. Д. П-100453. Л. 16об.

⁹⁷ Там же; письмо управления ФСБ России по Омской области автору от 16.08.2019 № 10/6/Г-1295.

ба Сибирской армии, где руководил всеми контрразведывательными органами, чем приносил крайний вред и ущерб Рабоче-крестьянской власти (РСФСР)»⁹⁸.

Отказ в реабилитации мотивировался тем, что генералом «принимались решения, направленные на поддержку и существование сформированного Колчаком А.В. политического режима, характеризовавшегося массовыми репрессиями, истреблением мирного населения, свержением действующих легитимных органов власти, т.е. связанные с совершением преступлений против мира, человечности, правосудия и государства»⁹⁹.

Это говорилось отнюдь не о фигурантах Нюрнбергского процесса, как можно было бы подумать при упоминании преступлений против мира и человечности, а об офицерах русской армии (Богословский и вовсе был штабистом). Такое обвинение, по существу, бросает тень на все патриотическое офицерство, пошедшее в Белое движение. Репрессивные формулировки эпохи Гражданской войны в настоящее время выглядят анахронизмом. Напомню, что в России на государственном уровне отданы воинские почести лидерам белых, в Москве перезахоронены останки генералов Н.С. Батюшина, А.И. Деникина и В.О. Каппеля.

При этом сослуживцы Богословского, имевшие схожий послужной список, реабилитированы и с их документами можно знакомиться. Например, дезертировавший летом 1918 г. из Красной армии Виктор Иванович Оберюхтин в конце 1919 г. на три дня стал временным главнокомандующим армиями Восточного фронта белых, а позднее, как и Богословский, сдался красным. В.И. Оберюхтин прошел через арест, но расстрела избежал, освободился и поступил на службу в Красную армию, где блестяще себя зарекомендовал. Его реабилитировали по этому делу в декабре 1991 г. По иронии истории, в тот же день, когда отказали в реабилитации его товарищу по службе Богословскому. И это несмотря на то, что Оберюхтин в 1919 г. подписал приказ о расстреле партизан на месте без суда и заложников через каждого десятого, а также об уничтожении населенных пунктов в случаях массового сопротивления (данных о том, применялся ли суровый приказ на деле,

⁹⁸ Письмо прокуратуры Омской области автору от 21.10.2019 г. № 12-341-2019/Он 100-19-2042001.

⁹⁹ Письмо прокуратуры Омской области автору от 18.12.2019 г. № 12-341-2019/Он 866-19.

у нас нет)¹⁰⁰. В 1938 г. Оберюхтина арестовали. Среди обвинений было и такое: «Вел активную карательную линию против войск Красной армии»¹⁰¹. В июне 1940 г. бывший колчаковский генерал получил восемь лет лагерей, считая с момента ареста. В 1946 г. он освобожден, а в 1949 г. был повторно арестован и до 1954 г. находился в ссылке в Сибири. По поводу своих приказов за Гражданскую войну Оберюхтин показал: «Я, как начштаба, сам отдавать приказы не имел права, и такие приказы без указания “командарм приказал” силы не имели. Я лишь приказы скреплял. Все эти приказы и сводки были учтены при разборе моего дела о службе у белых еще в 1920 году ВЧК. За эту вину я понес наказание еще 21 год тому назад»¹⁰². После нескольких отказов Оберюхтин в 1957 г. был реабилитирован.

Уже в 1920-е гг. белогвардейское прошлое порой воспринималось с оттенком юмора. Например, дело арестованного в феврале 1923 г. генерала А. Т. Антоновича, также служившего с Богословским и Оберюхтиным у красных, а затем у белых и попавшего в плен к красным, было прекращено 30 января 1926 г. Сибирским краевым судом. Мотивировалось такое решение тем, что «преступление носит исторический характер, и Антонович в настоящее время не является социально опасным для советской власти»¹⁰³. Таким образом, уже в 1920-е гг. обвинения за службу у белых утратили актуальность.

Ныне же речь идет о юридическом казусе, когда за одни и те же действия одна сторона конфликта (красные) ни в чем не обвиняется, а другая (белые) – не подлежит реабилитации. Более того, как следует из сравнения дела генерала Богословского с делами его товарищей, генералов Антоновича и Оберюхтина, реабилитированным может оказаться человек с практически идентичной биографией. Такой подход не только не справедлив, но и создает серьезные препятствия объективному и всестороннему изучению истории Гражданской войны.

* * *

Анализируя события, связанные с изменой Богословского, нужно учитывать обстановку в эвакуированной в Екатеринбург Военной академии, где офицер служил в 1918 г. Профессорско-преподавательский

¹⁰⁰ Подробнее см.: Ганин А. В. «Я имел одну вину – службу у белых...» ...

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 1.

¹⁰² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 79586. Л. 3.

¹⁰³ Жертвы политического террора в СССР: Компакт-диск. 4-е изд. М., 2007.

состав и значительная часть слушателей академии были настроены антибольшевистски. В академии действовала антибольшевистская подпольная организация. По некоторым данным, с белым подпольем был связан и сам Богословский. В силу этого он не стремился получить командный пост в РККА в канун падения красного Екатеринбурга. Тем более что многие представители академии рассчитывали перейти на сторону противников красных, что в итоге и произошло в два этапа – в конце июля в Екатеринбурге и в начале августа в Казани.

Поскольку Богословскому предстояло покинуть академию и далее действовать на свой страх и риск, он уведомил начальника академии А.И. Андогского о намерении бежать к белым. Насколько можно судить, основным требованием Андогского, как и в других аналогичных случаях, было отведение от академии возможных репрессий за измену ее представителя, что Богословский ему и пообещал.

Богословский вступил в должность и на следующий день бежал к противнику, захватив полученные в штабе армии оперативные данные. Безусловно, в сложившейся обстановке такие действия требовали определенного мужества, поскольку в случае разоблачения участь изменника была бы незавидной. Как боевой офицер Богословский мужеством обладал, но подробности появления нашего героя в белом лагере пока неизвестны.

Измены офицеров, ставших военными специалистами Красной армии, не были редкостью. Но в конечном счете измена Богословского и его сотрудников по штабу 3-й армии не повлекла за собой катастрофы для красных, лишь несколько осложнив их положение в районе Екатеринбурга. В начале 1920 г., на исходе широкомасштабной Гражданской войны, Богословский в практически безвыходной ситуации добровольно сдался красным. Через полгода он был расстрелян, в том числе за свою измену лета 1918 г.

«Вчера – командующий армией,
сегодня – мелкий торгаш»

ПОЛКОВНИК

**Николай
Всеволодов**

Еще одним высокопоставленным перебежчиком из красного лагеря к белым был командующий 9-й советской армией бывший Генерального штаба полковник Николай Дмитриевич Всеволодов.

Всеволодов родился 4 мая 1879 г. Происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. В своих эмигрантских воспоминаниях он утверждал, что являлся внуком иркутского генерал-губернатора, шведа по происхождению барона Георга Цер-Вильгельма¹. Впрочем, обнаружить такого губернатора не удалось². В другом месте Всеволодов сообщил, что его двоюродным братом был корабельный инженер адмирал Гуляев³. По-видимому, речь шла о генерал-лейтенанте корпуса корабельных инженеров Э.Е. Гуляеве.

В службу Всеволодов вступил 1 сентября 1896 г. по окончании Сибирского кадетского корпуса. Он был прикомандирован к Павловскому военному училищу, но 20 января 1897 г. переведен в Николаевское кавалерийское. По окончании училища по 1-му разряду 8 августа 1898 г. был произведен в корнеты и зачислен в 23-й драгунский Вознесенский полк. Служил делопроизводителем полкового суда, временно заведующим оружием. С сентября 1900 г. служил в 12-м драгунском Мариупольском генерал-фельдмаршала князя Витгенштейна полку. В декабре 1901 г. командировался в Варшавский фехтовальный гимнастический зал для обучения фехтованию. В 1902 г. был произведен в поручики и поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Окончил академию по 1-му разряду в 1905 г., причем за отличные успехи в науках был произведен в штабс-ротмистры. После причисления к Генеральному штабу Всеволодов был откомандирован от академии к штабу Варшавского военного округа для отбытия лагерного сбора. Осенью того же года он был на год прикомандирован к Офицерской кавалерийской школе

---

¹ Всеволодов Н.Д. Минувшее // МРК. 60050 М. С. 176. Выражаю глубокую благодарность И. Франкфену за возможность ознакомиться с этим источником.

² Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003.

³ Всеволодов Н.Д. Минувшее // МРК. 60050 М. С. 56.

для изучения технической стороны кавалерийской службы⁴. Курс окончил успешно, после чего в декабре 1906 г. вернулся в полк для двухгодичного цензового командования эскадромом. Однако в своем полку он прошел лишь часть ценза и был прикомандирован к штабу VI армейского корпуса. Позднее цензовое командование пришлось проходить заново с 15 апреля 1908 по 15 апреля 1910 г. в 5-м драгунском Каргопольском полку. В этот период Всеволодов неоднократно участвовал в различных полевых поездках, маневрах, вел занятия в собрании Генерального штаба в Варшаве.

Аттестация офицера за 1910 г. была не вполне для него благоприятной и объясняет причины ухода из полка в период цензового командования эскадромом: «Для полной характеристики штабс-ротмистра Всеволодова считаю необходимым проследить его службу с окончания академии.

Командовал эскадромом в 4[-м] гусарском Мариупольском полку⁵. Имел недоразумения с командиром полка и офицерами. Производивший расследование пришел к заключению, что причинами недоразумений являются: «преувеличенное самомнение штабс-ротмистра Всеволодова, отсутствие такта, недостаточная разборчивость в средствах». Ввиду, однако, особенностей полка и недостаточного руководства со стороны командира полка и старших офицеров, штабс-ротмистр Всеволодов был прикомандирован для нового испытания двухлетним командованием эскадромом к 5[-му] драгунскому Каргопольскому полку. По окончании командирования командиром этого полка дана следующая аттестация: «С техникой кавалерийского дела ознакомлен. Свое специальное дело любит и порученные ему занятия, как теоретические, так и практические, ведет с увлечением. Корректен, исполнительен. Нравственности хорошей, трезвый, не играет в карты, в интригах не замечен». Ввиду не вполне одобрительных личных отзывов начальствующих лиц прикомандирован для дальнейшего испытания к штабу Варшавского военного округа.

В течение 8 месяцев службы в штабе был усерден, работы полевые и канцелярские исполнял толково. Не пьет.

Будучи вполне способным офицером Генерального штаба, требует строгого наблюдения за служебными отношениями и руководства

---

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 171887. П/с 145–351. Л. 13об.

⁵ Новое наименование 12-го драгунского Мариупольского полка с декабря 1907 г.

ближайших начальников в поручаемой ему работе. Окружной генерал-квартирмейстер штаба Варшавского военного округа генерал-майор [П.И.] Постовский»⁶. С такой аттестацией было согласно и аттестационное совещание штаба Варшавского военного округа.

По окончании цензового командования 26 ноября 1910 г. Всеволодов был переведен в Генеральный штаб с переименованием в штабс-капитаны и с назначением старшим адъютантом штаба 17-й пехотной дивизии, дислоцированной в городе Холм. Занимал эту должность с 26 ноября 1910 по 30 октября 1913 г.

В период службы в штабе 17-й пехотной дивизии Всеволодов вновь участвовал в полевой поездке, тактических занятиях, военной игре. По-видимому, служебные дела Всеволодова начали выправляться. В декабре 1910 г. он был произведен в капитаны. Уже в 1911 г. был аттестован командующим XIV армейским корпусом генерал-лейтенантом А.А. Брусиловым как вполне соответствующий своему назначению⁷. 25 февраля 1912 г. было утверждено награждение Всеволодова орденом Св. Станислава 3-й степени. Аттестация за 1913 г. была уже вполне комплиментарной:

«Старшим адъютантом в штабе состоит почти 3 года.

Все работы по части штабной, кои возлагались на аттестуемого, исполнялись добросовестно.

Работу офицера Генерального штаба любит и исполняет хорошо. В поле на маневрах выказал неутомимость, большую работоспособность и отличное понимание дела. Тактические занятия с офицерами ведет умело.

Здоров.

Начитан, за военным делом следит, умственно развит.

Нравствен[ен], дисциплинирован, самолюбив, трезвый.

“Отличный”.

Достоин выдвижения на высшую должность «по старшинству».

Начальник штаба полковник [О.-Г.-А.Ф.] Кригер»⁸.

Затем, после многих лет службы в Варшавском военном округе, последовал перевод на Дальний Восток. С 30 октября 1913 г. Всеволодов служил штаб-офицером для поручений при штабе Приамурского военного округа, а в декабре был произведен в подполковники.

⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 1477. Л. 1об.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 5об.

Когда началась Первая мировая война, Всеволодов не пошел на фронт. 4 августа 1914 г. он из Хабаровска отправился в командировку в Петроград в Главное управление Генерального штаба и 25 августа был допущен к исполнению должности старшего адъютанта строевого отделения штаба Петроградского военного округа. С 21 ноября исполнял должность начальника общего отделения управления генерал-квартирмейстера штаба оборонявшей Петроград 6-й армии. 5 апреля 1915 г. Всеволодов был допущен к исполнению должности штаб-офицера для поручений при главнокомандующем 6-й армией (назначение состоялось 19 мая того же года), а 23 апреля 1915 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

С 9 июня 1915 г. Всеволодов занимал должность помощника делопроизводителя отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. 6 декабря 1915 г. был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени и 15 августа 1916 г. произведен в полковники. По занимаемой должности Всеволодову приходилось составлять совершенно секретные сводки сведений о противнике, поступавших в ГУГШ, в том числе от военных агентов за рубежом, пересылать их в Ставку⁹.

10 января 1917 г. Всеволодов был переведен в резерв чинов при штабе Минского военного округа, но, не отправляясь к новому месту службы, 31 января переведен в аналогичный резерв чинов при штабе Петроградского военного округа¹⁰.

Всеволодов был женат первым браком на девице Анастасии Петровне Геркен. Усыновил сына вдовы подполковника Гуславского Николая с передачей ему своей фамилии, а 1 мая 1914 г. у Всеволодова родился сын Борис¹¹.

В старой армии Всеволодов дослужился до чина полковника, хотя многие его однокашники встретили начало Гражданской войны уже в генеральских чинах. Возможно, это отставание было связано с проблемами по службе, которые периодически возникали у офицера. Так,

---

⁹ См., напр.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 849. Л. 524–527; Д. 1903. Л. 1–11, 54–56, 64–69, 91–142.

¹⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 171887. П/с 145–351. Л. 15об.—16; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 543; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е января 1916 года (С приложением изменений по 1 марта 1916 г.). Пг., 1916. С. 105; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е января 1917 года (С приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг. 1917. С. VI, 98.

¹¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 171887. П/с 145–351. Л. 17об.

исполняющий должность начальника Генерального штаба генерал-лейтенант П.И. Аверьянов 7 января 1917 г. отметил: «Последнее время служебные недочеты у полковника Всеволодова приняли такие размеры, что я нашел возможным оставление сего штаб-офицера в Генеральном штабе лишь при условии, если своею службою в действующей армии он сможет реабилитировать себя в служебном отношении и этим доказать возможность продолжать службу в корпусе Генерального штаба»¹².

В чем же было дело? Оказывается, Всеволодов ушел в отпуск, из которого вовремя не явился, сказавшись больным. Никаких оправдательных документов офицер не представил, а от медицинской комиссии даже скрывался. За подобное поведение в военное время он был отчислен в резерв чинов¹³. Тем не менее удалось обнаружить документ о том, что в конце 1917 г. Всеволодов был все же признан совершенно негодным к военной службе комиссией врачей при Рижском военном госпитале¹⁴. С 19 августа 1917 г. Всеволодов состоял помощником начальника штаба Московского военного округа, а с 29 октября 1917 г. вновь находился в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа¹⁵. В декабре 1917 г. Всеволодов был признан негодным к строевой и административной службе¹⁶. Тогда же он подал прошение об отставке с производством в генерал-майоры¹⁷, но чины были уже отменены, поэтому приказом по штабу Петроградского военного округа № 6 от 24 января 1918 г. его уволили от военной службы за болезнью¹⁸.

Биография Всеволодова нетипична для русских генштабистов. Например, в 1917 г., в разгар Первой мировой войны, этот офицер вместо решения служебных задач занялся коммерческой деятельностью, организовав в Петрограде прокат автомобилей и собственный гараж. Наличие автомобилей помогло Всеволодову сохранить положение и после прихода большевиков к власти.

¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1263. Л. 92.

¹³ Там же. Л. 92об.–93.

¹⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 171887. П/с 145–351. Л. 11; РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 269.

¹⁵ Список Генерального штаба. Исправлен по 1 марта 1918 г. М., 1918. С. 98 (Библиотека РГВИА. Инв. № 9923). Оpubл. в: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 455.

¹⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43об.

¹⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 171887. П/с 145–351. Л. 8.

¹⁸ Там же. Л. 7.

Всеволодов ностальгировал по прежней жизни в России. Например, в эмигрантских мемуарах он излишне подробно описывал вечер у цыган. Офицера явно беспокоил финансовый вопрос, причем он без стеснения писал об этом. В тексте воспоминаний можно встретить даже такую фразу: «В моем уме уже мелькала пачка ассигнаций, по крайней мере, тысяч в десять, которые должны заплатить комиссары за дальний проезд. Я ехал и улыбался от удовольствия»¹⁹. Вообще весь текст мемуаров оставляет неприятный осадок, поскольку свидетельствует об озабоченности Всеволодова вопросами своего материального благосостояния, сохранения имущества, питания, по существу о крохоборстве. Мемуарист неоднократно скрупулезно перечисляет утраченное в результате различных бедствий имущество, описывает свои коммерческие предприятия, связанные с автомобильным делом. И у красных, и у белых Всеволодов стремился заработать денег вне армии. Шоферил, торговал, спекулировал. Насколько можно судить из текста, эти вопросы преобладали над служебными.

Офицер жил в Петрограде в революционный и послереволюционный период, в том числе непосредственно во время захвата власти большевиками. Судя по всему, это был человек авантюрного склада характера и, по-видимому, не особенно умный. В основном искавший везде личную выгоду и при этом терявшийся в обстановке Гражданской войны. Всеволодов довольно неубедительно писал о своем стремлении бежать из Петрограда, тогда как в первой половине 1918 г. он сравнительно неплохо устроился шофером и начальником штаба муниципального отряда Красной гвардии.

Помимо авантюризма Всеволодов был не чужд хлестаковщины. Неудивительно, что в своих воспоминаниях он отозвался о себе как о бывшем гусаре, но по документам Всеволодов служил не в гусарских, а в драгунских полках. Более того, в мемуарах Всеволодов присвоил себе генеральский чин, хотя был лишь полковником. Он и сам не скрывал эту склонность к хлестаковщине. Например, свидетельствуя, как выдавал себя перед петроградскими красногвардейцами для солидности за начальника штаба Красной армии, хотя в действительности был лишь начальником штаба муниципального отряда.

К сожалению, мало данных о деятельности Всеволодова в первой половине 1918 г. По всей видимости, в этот период он проживал как

---

¹⁹ Всеволодов Н.Д. Минувшее // МРК. 60050 М. С. 20.

частное лицо в Петрограде, где вступил в местный муниципальный отряд Красной армии на должность консультанта. Если верить его собственным заявлениям, это произошло едва ли не в начале 1918 г., при этом в документах учета кадров Генштаба РККА за первую половину 1918 г. Всеволодов не значился.

Чтобы покинуть Петроград, Всеволодов в конце концов решил обзавестись украинским паспортом, однако реализовать этот замысел не удалось из-за ареста, случившегося в конце июля. Всеволодов содержался сначала в Петроградской ЧК, затем в Доме предварительного заключения на Шпалерной улице и в Петропавловской крепости. Всеволодову пришлось сидеть вместе с рядом знаменитых арестантов, включая великих князей Павла Александровича, Николая Михайловича, Дмитрия Константиновича, генералов Хана Гуссейна Нахичеванского и А.А. Поливанова. В своих эмигрантских воспоминаниях офицер оставил описание приезда в тюрьму председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого и другие интересные свидетельства.

Именно в заключении Всеволодов пережил и наиболее опасное время – сентябрь 1918 г., когда после принятия СНК 5 сентября 1918 г. «Постановления о красном терроре» аресты и расстрелы значительно усилились. Освободился Всеволодов в конце сентября 1918 г.

Репрессии были фактором, отнюдь не сдерживавшим измены военных специалистов, а часто, наоборот, способствовавшим им. Так случилось и со Всеволодовым. Новая власть нанесла бывшему полковнику серьезную обиду, не посчитавшись с его тяжелым положением. Арестованный содержался в одном из лазаретов Петрограда на Шпалерной, 25. Одновременно тяжело болела и нуждалась в уходе (по данным на лето 1918 г.) его жена. Управляющий делами Наркомвоенна, авторитетный для большевистского руководства бывший Генштаба генерал-лейтенант Н.М. Потапов телеграфировал председателю Петроградской ЧК Г.И. Бокию 11 сентября 1918 г.: «Подтверждая тяжкую болезнь его жены, полное отсутствие средств жизни и постоянно проявляющуюся им в моем присутствии корректность по отношению советской власти, ходатайствую [о] скорейшем рассмотрении его дела»²⁰. Но, видимо, военспец запомнил не это ходатайство, а явную несправедливость большевистского режима к нему лично и его семье. Теперь уже очевидно, что в отдаленной

---

²⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 25.

перспективе этот арест обернулся для большевиков катастрофическими последствиями.

Сам генштабист позднее вспоминал о своем пребывании в тюрьме: «В чрезвычайке в одной камере находилось около 100 человек; у дверей стоял красноармейский караул из 3-х человек, которые всю ночь спали. В самой камере находилась лавочка, где можно было купить бумагу, спички, селедки, сахар. На обед давали великолепную солянку из реквизированной осетрины, а вечером чай с 1/8 хлеба. Другое дело в Предварилке (на Шпалерной. – А.Г.). Здесь буквально морили голодом. На обед один раз в сутки давали воду с кореньями. В одной небольшой камере помещалось 15–20 человек. В камере же находилась и уборная, – воздух невероятный, форточек открывать не разрешалось; да, впрочем, не было и смысла, ибо в тюремном дворе, куда выходили окна, творилось что-то невообразимое. Здесь жгли мусор, и поэтому зловоние было отчаянное. Вот сюда-то и выпускали на прогулку в течение 15–20 минут арестованных партиями по 30–40 человек ... Железные решетки, тяжелые засовы, усиленный караул красногвардейцев, – все это нас угнетало, а начавшиеся расстрелы приводили в ужас ... В конце сентября я был переведен из тюрьмы на Шпалерной сначала в Чрезвычайку, а потом в Петропавловскую крепость»²¹. По его свидетельству, несмотря на запрет комиссара тюрьмы, арестованные офицеры отдавали великим князьям честь. О своем мироощущении периода ареста Всеволодов написал, что ему и другим арестантам «хотелось верить в возможность освобождения от большевиков»²². В октябре 1918 г. Всеволодов уже находился на свободе. Таким образом, он получил разностороннее представление о порядках, царивших в РККА и Советской России.

Этот опыт напоминал о себе Всеволодову всю жизнь. В написанных в эмиграции воспоминаниях офицер заметно сгущал краски, рисуя жестокие порядки в Советской России. Неубедительно изображение петроградского чекиста В.С. Шатова как настоящего исчадия ада. Недостоверен и рассказ о попытках чекистов шантажировать балерину М.Ф. Кшесинскую в Петрограде в 1918 г., тогда как на самом деле Кшесинская еще в 1917 г. уехала в Кисловодск. Всеволодов не только значительно преувеличил численность жертв красного террора, но

²¹ *Всеволодов Н.* Из моих воспоминаний (два года в Совдепии). Великие князья в тюрьме // *Вечернее время* (Новороссийск). 1920. 18.01. № 452. С. 2.

²² Там же.

и демонизировал советских вождей. Так, Троцкий, по его версии, лично застрелил начдива В.И. Киквидзе и угрожал автору воспоминаний. Едва ли это соответствует действительности. В другом месте Всеволодов отмечал, что изменник генерал А.Л. Носович в Царицыне оказался под арестом на барже, где его пытали, а К.Е. Ворошилов видел в нем конкурента на командные посты и хотел ликвидировать. Однако на самом деле Носович не содержался на барже, а такой видный партийный деятель, каким был Ворошилов, едва ли мог считать его своим соперником²³.

15 сентября 1918 г. Всеволодов телеграфно обратился в Наркомат по военным делам к Э.М. Склянскому с просьбой о назначении его на должность Генерального штаба в Москву или на фронт. В телеграмме он отметил, что находился на советской службе на протяжении девяти месяцев, служил консультантом муниципального Петроградского отряда РККА (Петроград, Фонтанка, 14)²⁴. Начальником оперативного управления Всероссийского главного штаба (Всероглавштаба) С.А. Кузнецовым ему было предложено назначение на Восточный

²³ Подробнее о Носовиче см.: Ганин А.В. «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А.Л. Носовича из Красной армии // Клио (Санкт-Петербург). 2017. № 1 (121). С. 165–175; Он же. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...» Противостояние белых подпольщиков и И.В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа // Родина. 2017. № 7. С. 118–121; Он же. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34; Он же. Арест и освобождение сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа в августе 1918 г. // Там же. № 3 (10). С. 32–51; Он же. И.В. Сталин в мемуарах белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. 15: «Гороховая, 2». СПб., 2017. С. 190–199; Он же. Воспоминания генерала А.Л. Носовича о работе белого подполья в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. М., 2017. С. 89–98; Он же. Воспоминания белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича: характеристика и проблема верификации источника // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 67–77; Он же. Революционные события 1917 г. в освещении генерала А.Л. Носовича // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 176–184; Он же. Новые документы о подпольной работе в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019. С. 415–430; Он же. «Квинтэссенция кретинизма». Антибольшевистское движение на Юге России в оценках белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 3 (18). С. 6–24.

²⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 266.

фронт в распоряжение главкома И.И. Вацетиса (ответ от 28 сентября 1918 г.), где тогда решалась судьба революции²⁵.

Странное впечатление оставляет описание скитаний автора между Петроградом и Москвой по освобождении, попытки ехать в Варшаву, чтобы попасть к белым на Дон, попытки отправиться в Персию или в Сибирь. Отметим, что эти свидетельства противоречат служебным документам Всеволодова. Неясно, как Всеволодов в своих скитаниях с женой и детьми, в том числе при попытке окончательно покинуть Петроград, мог оставить в Петрограде своего младшего сына на попечение няни²⁶.

Как бы то ни было, осенью 1918 г. все же состоялось зачисление Всеволодова на службу в РККА. Как свидетельствовал мемуарист, рассуждая о событиях того периода: «В этот начальный период Гражданской войны каждый порядочный офицер – за редким исключением – помышлял о бегстве к белым. Лишь несколько позже, когда к нам дошли слухи о репрессиях белого командования, число желающих бежать значительно сократилось. Многие офицеры, испуганные суровой расправой и даже самосудом, допускаясь к белым, отсрочили надолго свой побег, а многие – и вовсе отказались от него»²⁷.

В качестве примера Всеволодов приводил случай своего сослуживца, начальника 14-й стрелковой дивизии РККА А.С. Ролько. «В 1919 году, при общем отступлении IX армии, он перебежал к белым; он рассчитывал свой оперативный боевой опыт, приобретенный у большевиков, поставить на службу белым и всецело подчиниться белому командованию. Но он ошибся: измученный четырехмесячным следствием и бесконечными допросами, он, наконец, был предан военно-полевому суду, и лишь мои показания и заступничество спасли ему жизнь. Оправданный, но выброшенный за борт без права участия в Белом движении, Ролько поступил простым матросом на торговое судно в Константинополе и в 1920 году, разочарованный, надорванный и изверившийся в судьбе, он решился на отчаянный шаг – вернуться к красным.

Так белое командование бичевало и отталкивало от себя тех, кто шел к нему навстречу с открытой душой и чистым сердцем, горя желанием

---

²⁵ Там же. Л. 267.

²⁶ Всеволодов Н.Д. Минувшее // МРК. 60050 М. С. 71.

²⁷ Там же. С. 77.

бороться против красных. И таких офицеров, схваченных и посаженных в концентрационные лагеря, насчитывалось около тридцати тысяч!»²⁸

Это описание совпадает с опросным листом Ролько, заполненным им в сентябре 1921 г. в Бутырской тюрьме для Московского политического Красного Креста: «С начала революции служил в Красной армии по Генеральному штабу: с марта по июль 1918 г. в штабе Нарвской обороны против германск[их] белогвардейцев; с июля [19]18 г. по январь 1919 г. на Донском фронте, командуя 14[-й] сов[етской] дивизией, успешно отражая натиски казаков; с января [19]19 г.²⁹ по август на северном фронте, участвуя в разгроме англичан под Онегой. В августе 1919 г. вследствие болезни и тяжелой формы грыжи в Вологде уволен по болезни и за ранами вовсе от военной службы. Получив все необходимые документы и письменное разрешение Рев[олюционнoго] в[оенного] сов[ета] 6^и армии на право поездки и жительства в Одессе в августе, больной, в сопровождении жены выехал. Т[ак] как Одесса к тому времени была занята белыми, я остался на жительство в Киеве. Белые, захватив город, объявили общую регистрацию, и я был арестован и как офиц[ер] Ген[ерального] штаба был отправлен в Таганрог на суд в Ставку. Был под судом и следствием с сентября [19]18 г. (правильно – 1919 г. – А.Г.) по январь [19]19 г. (правильно – 1920 г. – А.Г.) и из Одессы, куда я был уволен на поправку после сыпн[ого] тифа, я скрылся за границу. В Варне поступил матросом и, плавая, участвовал в эвакуации белых из Новороссийска в Севастополь. В апреле 14го был опознан на пароходе в Севастоп[оле], арестован и посажен в Севастоп[ольскую] тюрьму, где просидел до 29 июня. Освобожден по врангелев[ской] амнистии с отправлением на фронт. Но вновь тайно уехал через Константинополь в Палестину, где пробыл до мая 1921 г. В мае вернулся в Кон[стантинопо]ль и при содействии сов[етской] торговой делегации выехал в Одессу и 6 июня был арестован. У белых не служил и виновным себя совершенно не считаю»³⁰.

Подобная политика белого командования, по свидетельству Всеволодова, порождала колебания даже у самого мемуариста: «Одно время я сам колебался – бежать или нет. Прибыв в штаб Южного фронта с определенным намерением не служить, а бежать к белым, я не решился посвятить в свои планы моего товарища по Николаев-

²⁸ Там же. С. 77–78.

²⁹ В действительности – с апреля 1919 г.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 241. Л. 63об.

скому кавалерийскому училищу генерала [А.А.] Носовича, бывшего в распоряжении главкома [П.П.] Сытина. Оригинально, что генерал Носович сам в это время задумал бежать к белым, но не решился открыть свою тайну мне»³¹.

Всеволодов получил вызов из Петрограда в Москву, в оперативное управление Всероссийского главного штаба для командирования на Восточный фронт по наряду главкома И.И. Вацетиса³². 8 октября он составил рапорт на имя начальника оперативного отделения Всероссийского главного штаба, в котором писал: «Согласно моего ходатайства я прибыл в Ваше распоряжение для назначения на должность военного времени. Но так как я был уволен в отставку по болезни, как инвалид, признанный комиссией негодным ни к строевой, ни к административной службе, то прошу указание, какое мне может быть предоставлено место на фронте. Прошу о выдаче удостоверения на право жительства в Москве»³³. В это время Всеволодов временно обосновался в Москве в меблированных комнатах братьев Ечкиных (Неглинный проезд, 20).

На следующий день, 9 октября, Всеволодов наконец получил предписание отделения по службе Генерального штаба Всероговштаба отправиться в Нижний Новгород в распоряжение военного руководителя Приволжского военного округа для последующего назначения начальником штаба округа³⁴. Назначение состоялось по решению главкома И.И. Вацетиса с учетом того, что Всеволодов считался добровольцем и инвалидом, и служба в штабе округа в большей степени соответствовала состоянию его здоровья. Перед выездом генштабисту полагалось получить подъемные деньги в размере 2000 руб. у заведующего финансовым отделом Наркомата по военным делам Лезгинцева (Новинский бульвар, 101, кв. 3) по предъявлении особого сношения Совета Всероссийского главного штаба (Пречистенка, 14)³⁵.

Генштабист С.Д. Харламов, заменявший начальника оперативного отдела Всероговштаба, обратился к начальнику отдела снабжений Наркомата по военным делам, чтобы Всеволодову выдали в дорогу чая, сахара, хлеба и консервов за наличный расчет по установленной

---

³¹ Всеволодов Н.Д. Минувшее // МРК. 60050 М. С. 78.

³² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 273.

³³ Там же. Л. 268.

³⁴ Там же. Л. 270.

³⁵ Там же. Л. 275.

норме³⁶. 12 октября Всеволодов выехал из Москвы, о чем донес начальнику оперативного отделения Всероглавштаба³⁷. Вместе с ним отправилась и семья в составе супруги Анастасии Петровны и детей – пасынка Николая 12 лет и сына Бориса 4 лет³⁸.

14 октября начальник штаба Приволжского военного округа бывший Генштаба капитан И.Н. Полковников просил начальника оперативного управления Всероглавштаба С.А. Кузнецова ускорить приезд Всеволодова³⁹, видимо, в связи с острой необходимостью в квалифицированных специалистах для административной работы. Тогда еще не была преодолена неразбериха в советских штабах и несогласованность в назначениях. В результате по приезде военспеца в Нижний Новгород выяснилось, что должность, на которую предполагалось его назначить, уже занята другим генштабистом, тем самым Полковниковым. Всеволодову пришлось выехать из Нижнего в Арзамас, где тогда находилась Ставка главкома Вацетиса.

17 октября Всеволодов сообщал начальнику оперативного управления Всероглавштаба: «Доношу, что я сего числа прибыл из штаба главнокомандующего. Должность н[ачальни]ка штаба, на которую я был командирован, оказалась занята Генштаба Полковниковым. На предложение военного руководителя остаться на должности начальника административного отдела в Нижнем я отказался. По прибытии в Арзамас я был назначен в распоряжение командующего Южным фронтом, предписание о чем и представляю. Прошу распоряжения о выдаче мне подъемных. Н. Всеволодов»⁴⁰.

В Арзамасе Вацетис и члены РВСР И.Н. Смирнов и П.А. Кобозев 15 октября выдали Всеволодову новое предписание: «Предписываю с получением сего отправиться в г[орода] Козлов, в распоряжение командующего Южным фронтом тов. Сытина»⁴¹. Так началась служба Всеволодова на советском Южном фронте, кардинально изменившая его судьбу.

По некоторым данным, назначение на Южный фронт состоялось по собственному желанию самого Всеволодова. На фронте предстояла большая работа по созданию 9-й советской армии, которая до этого

---

³⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 483.

³⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 271.

³⁸ Там же. Л. 274.

³⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 133. Л. 35.

⁴⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 276.

⁴¹ Там же. Л. 277.

существовала в основном на бумаге. Первым ее командующим был А.И. Егоров, однако с 25 ноября его сменил П.Е. Княгницкий, официально оставшийся в должности до 6 июня 1919 г.

В штаб армии Всеволодов прибыл не ранее 23 октября⁴². В конце октября – ноябре 1918 г. Всеволодовым был сформирован штаб армии. Кроме Всеволодова, из генштабистов на должности начальника оперативного отдела штаба армии служил будущий герой взятия Перекопа А.И. Корк. Работа была не из легких и требовала огромного перенапряжения, поскольку армия первоначально находилась в жутком состоянии и, по сути, состояла из партизанских отрядов.

В своих эмигрантских воспоминаниях Всеволодов составил целую портретную галерею советских военных деятелей, с которыми ему довелось служить. Среди них управляющий делами Наркомата по военным делам Н.М. Потапов, командующий 8-й армией М.Н. Тухачевский и командующий 9-й армией А.И. Егоров, начальник штаба 9-й армии П.Е. Княгницкий, члены РВС 9-й армии В.А. Барышников, П.В. Дашкевич, Г.Я. Сокольников (Бриллиант), начальник 14-й стрелковой дивизии А.С. Ролько, начальник 15-й стрелковой дивизии Ю.С. Гузарский, начальник 16-й стрелковой дивизии В.И. Киквидзе, начальники 23-й стрелковой дивизии А.Г. Голиков и Ф.К. Миронов, заместитель начальника 14-й стрелковой дивизии А.К. Степин, временно исполняющий должность начальника штаба 9-й армии Н.Н. Карепов, начальник административного отдела штаба 9-й армии И.И. Гарькавый, начальники оперативного отдела штаба 9-й армии А.И. Корк и И.В. Яцко.

Характеристики сослуживцев по Красной армии не лишены позитивной составляющей. Мемуарист отмечал сильный характер А.И. Егорова, храбрость, ум и гуманизм П.Е. Княгницкого, образованность и интеллект Г.Я. Сокольникова, ум, спокойствие и добродушие П.В. Дашкевича, деятельную натуру А.С. Ролько, ум, природную сметку, исполнительность А.Г. Голикова, хозяйственность И.И. Гарькавого. Негативных оценок удостоились В.А. Барышников, Ю.С. Гузарский, В.И. Киквидзе и А.К. Степин. А.И. Егорова, А.И. Корка и М.Н. Тухачевского Всеволодов прямо назвал «прекрасными, выдающимися офицерами, большого ума и воли»⁴³. Н.М. Потапова Всеволодов не раз

---

⁴² РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1567. Л. 1.

⁴³ *Всеволодов Н.Д.* Минувшее // МРК. 60050 М. С. 96.

называл своим другом, отмечал помощь с его стороны в поступлении на службу в РККА и в бытовых вопросах. Любопытно, что видного советского военачальника А.И. Корка Всеволодов считал противником коммунистов и даже предлагал ему бежать к белым, но тот отказался⁴⁴. Всеволодову присущ антисемитизм, что выразилось в негативных оценках комиссаров-евреев.

Мемуары Всеволодова содержат описание приезда в штаб 9-й армии в Балашов в начале 1919 г. Л.Д. Троцкого. Троцкий действительно приехал в Балашов 11 января 1919 г. Впрочем, достоверность описания вызывает сомнения. Несмотря на демонизацию Троцкого, изображение его садистом, невозмутимо требующим чашку кофе после собственноручного убийства подчиненного, он в мемуарах показан все же с некоторыми положительными чертами. В частности, он по-доброму общался с сыном Всеволодова и даже похвалил его за точную ориентировку по карте⁴⁵. Кроме того, Троцкий в инциденте с неподчинением В.И. Киквидзе приказам представлен справедливым военным администратором, принявшим сторону Всеволодова. Из свидетельства Всеволодова следует, что именно мемуарист обратил внимание Троцкого на неисполнение приказов начдивом В.И. Киквидзе. По версии Всеволодова, Троцкий лично застрелил Киквидзе. Однако это не соответствует действительности.

9-я армия была сформирована в конце сентября 1918 г. из революционных войск, действовавших в северной части Донской области. Штаб армии первоначально находился в Балашове⁴⁶. Свой боевой путь армия начала с упорных оборонительных боев, но уже в октябре 1918 г. перешла в решительное наступление, участвовала в боях за Борисоглебск, в упорной борьбе с донскими казаками⁴⁷. К 31 октября в армии числилось 22 526 штыков, 4831 пашка, 735 пулеметов, 124 орудия⁴⁸.

⁴⁴ Там же. С. 95. Впрочем, известен документ о его монархических взглядах до революции: Ганин А.В. «Я имел счастье впервые видеть государя...» Неизвестное письмо прославленного советского военачальника Августа Корка о встрече с императором Николаем II // Родина. 2017. № 10. С. 124–125.

⁴⁵ Всеволодов Н.Д. Минувшее // МРК. 60050 М. С. 105.

⁴⁶ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 129. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Л. 60б., 11.

⁴⁸ Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969. С. 247.

Сражаться приходилось в крайне тяжелых условиях. Фронт армии достигал трехсот верст, штабы дивизий располагались в 100–120 верстах от штаба армии. Всеволодов телеграфировал в конце 1918 г. что «в штабе армии нет ни начальников связи, ни начальников оперативного и разведывательного отделения Генштаба, ни для поручений, всю оперативную работу приходится выполнять мне и начоперед [И.В.] Яцко, недосыпая... [расходуя всю?] энергию, которой, конечно, надолго [не хватит]... буквально выбились из сил»⁴⁹.

Впрочем, операции развивались с переменным успехом. Кроме того, не все в порядке было и внутри армии, сохранявшей немалый элемент партизанщины и того, что называли «спецееством» – т.е. неприятием в командном составе бывших офицеров-военспецов. Вполне показательно в этом отношении коллективное заявление сотрудников всех отделов штаба 9-й армии на имя помощника командарма П.Е. Княгницкого от 13 ноября 1918 г. (сохранены орфография и пунктуация документа. – А.Г.): «Товарищ Княгницкий, мы к вам обращаемся как к дорогому нашему товарищу, который стоял и стоит на нашей стороне и защищает наши права и улутшает наше положение. Просим Вас избавит нас от того, на что мы все товарищи сотрудники штаба 9-й армии не можем смотреть и работат с такими лицами, которые неизвестно каким случаем попали в число нас, трудящихся пролетариатного класса и военнообязанных сотрудников, класс буржуазный, который вечно эксплуатировал наш труд и ненавидит нас за то, что мы им сказали: долой эксплуататор[ов], мы и без вас управимся, нет вам места среди нас. А тепер наши товарищи без ведома нас и не зная почему, принимают их в те учреждения, где ведется и имеется секрет наших действий против контрреволюции.

Мы этим даем возможность контрреволюции узнават через них то, что у нас делается в штабе. Мы думаем не место в таких учреждениях буржуазному классу и просим Вас посодействовать в том, чтобы принят в этом самые решительные меры, устранит таковых от должностей военных и впред не принимает, чем и облегчите нас от тех, которые всегда хотят создат нам вред, а не пользу»⁵⁰. И хотя документ не касался непосредственно Всеволодова, тем не менее можно представить обстановку в штабе, в которой приходилось работать.

---

⁴⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 205.

⁵⁰ РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 12. Л. 12.

Всеволодов оправдал надежды командования. Именно он первым донес Троцкому о неисполнении приказов начальником 16-й стрелковой дивизии В.И. Киквидзе, что имело огромное военное значение. Таким образом, военспец заслужил персональное доверие Троцкого, предлагавшего ему должность командующего Камышинской группой войск и начальника 14-й стрелковой дивизии, однако по состоянию здоровья Всеволодову пришлось отказаться.

Уже 7 января 1919 г. главком И.И. Вацетис выразил недовольство неожиданным отходом 9-й армии, произошедшим вопреки приказу о наступлении. По его мнению, «9[-я] армия совершенно вышла из рук своего командарма и никем не управляется. Считаю, что или командарм 9 совершенно не пригоден к занимаемой им должности, или начальники дивизий самовольничают и, не считаясь с отданным боевым приказом, бегут от противника в тыл»⁵¹. Вацетис требовал расследовать причины отступления армии на 40–60 верст и определить, имела ли место случайность или же злой умысел. Не исключено, что неудачи были связаны с действиями начальника штаба армии Н.Д. Всеволодова. Тем не менее, по некоторым оценкам, 9-я армия была к началу 1919 г. лучшей из армий советского Южного фронта, однако вскоре она была значительно ослаблена путем изъятия из ее состава нескольких частей⁵².

Когда в армии проводилось анкетирование относительно используемого опыта Первой мировой и нужд РККА в этом отношении, Всеволодов ответил: «Опыт ведения войны Красной армией показал, что принципы военного искусства и приемы ведения войны остались прежними. Никаких особых вопросов, требующих особого освещения или разработки до сих пор, по крайней мере, не возникало. Все вопросы так хорошо уже освещены опытом войны 1914–1917 годов и так общеизвестны, что вся обстановка лишь за практическим проведением в жизнь установленных принципов войны»⁵³.

Интересно, что 23 декабря 1918 г. Всеволодову за службу в старой армии как лицу ведомства Главного штаба была назначена пенсия госу-

---

⁵¹ Директивы главного командования... С. 257.

⁵² Лямин Н. Операция южного фронта против ген[ерала] Деникина весной и летом 1919 г. (Стратегический очерк) // Сборник трудов Военно-научного общества. М., 1922. Кн. 2. С. 12–13.

⁵³ Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. М., 1919. Вып. 1. С. 179.

дарственного казначейства по Тамбовской казенной палате в размере 2184 руб. в год⁵⁴.

4 февраля 1919 г. в рапорте № 16 на имя начальника Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяева Всеволодов просил о переводе его на Кавказ и предоставлении полуторамесячного отдыха. В перспективе он хотел занять пост инспектора кавалерии Кавказской армии, поскольку был кавалеристом.

Однако постоянно под разными предложениями (до формирования штаба, до окончания операции и т.д.) Николай Дмитриевич получал отказы, наконец, в феврале 1919 г. его прошение было РВС Южного фронта отклонено категорически⁵⁵. Тогда он решил пройти медицинское освидетельствование и в том же феврале 1919 г. даже заявил другому генштабисту А.С. Ролько в телефонном разговоре: «Опечален, что фронт меня не пускает, но он не имеет права держать больного инвалида»⁵⁶. Кстати, Ролько за это позднее получил выговор, поскольку телефонная линия на 50 минут (по версии Ролько, лишь на 25 минут) была занята частной беседой, в результате чего была прервана передача депеши. Отмечу, что в 1919 г. Ролько, как и Всеволодов, перешел к Деникину, позднее эмигрировал, но вернулся в Россию, был арестован, а затем вновь поступил в РККА.

Последний раз Всеволодов отправил просьбу начальнику Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяеву, члену РВСР К.А. Мехоношину и в РВС Кавказского фронта о переводе на Кавказ даже с понижением 5 апреля 1919 г., и, разумеется, ему вновь было отказано⁵⁷. Впрочем, о возможности выполнить эту просьбу начальник Полевого штаба 8 апреля добросовестно запросил начальника штаба Южного фронта Генштаба В.Ф. Тарасова и председателя РВС Каспийско-Кавказского фронта К.А. Мехоношина⁵⁸. Возможно, с этим был связан последовавший тогда же отзыв Всеволодова из 9-й армии. Судя по всему, Всеволодов уже тогда понял, что большевики просто хотят использовать его в своих интересах до полного истощения, и это, по всей видимости, стало причиной его последующего перехода на сторону противника.

---

⁵⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 171887. П/с 145–351. Л. 1.

⁵⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43–44, 59, 74, 81.

⁵⁶ Там же. Л. 225об.

⁵⁷ Там же. Л. 293, 312.

⁵⁸ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 177. Л. 62.

В эмигрантских воспоминаниях Всеволодов отмечал, что даже в апреле 1919 г. у него не было твердого намерения бежать к белым. Все случилось позднее и ситуативно. Это соответствует известным нам документам. Более того, военспецу явно льстили высокие назначения в Красной армии: «По прибытии в штаб Южного фронта я был назначен Троцким начальником этого штаба. Мне это назначение на такой высокий пост, с одной стороны, импонировало, а с другой, было весьма неприятным сюрпризом. Если в должности начальника штаба IX [армии] побег к белым был сопряжен для меня с большими трудностями, то в должности начальника штаба Южного фронта он был совершенно невозможен. Как известно, штаб Южного фронта находился в г[ороде] Козлове, в глубоком тылу, местами – в 80–100 километрах от линии фронта, а потому и намерение добраться к нему и незамеченным, да еще с семьей, перейти линию огня было утопией. Я уже было смирился с этим назначением и решил – волею судьбы – отсрочить свой побег на неопределенное время, как вдруг пришла вторая телеграмма Троцкого, назначившего меня командующим IX армией. Судьба снова мне улыбалась»⁵⁹.

По мнению Всеволодова, на посту командующего армией он «был бесконтрольным хозяином громадного плацдарма, занимаемого IX армией, а потому и переход на какой-либо из точек этого плацдарма, особенно при отступлении IX армии, и возможность затеряться в прилегающих донецких степях было самым простым и легким делом»⁶⁰.

Интересно свидетельство Всеволодова о работе штаба 9-й армии: «В штабе IX армии было пять офицеров Генерального штаба: я, полковник Корк, полковник Яцко, полковник Ролько и, позже, генерал Карепов, бывший в царской армии командиром Сибирского корпуса и назначенный ко мне начальником штаба, когда я принял командование IX армией. Все мы были одного мнения: мы должны работать постольку поскольку и, не выказывая явной измены, всеми силами, насколько это было возможно, оказывать помощь белым армиям. Моя задача в этом плане сводилась к тому, чтобы искусными и предвзятыми докладами убедить и склонить командарма подписать какой-либо невыгодный для Красной армии приказ»⁶¹. Всеволодов якобы даже предложил Карепову бежать к белым, но тот не решился, хотя впоследствии тоже перебежал.

---

⁵⁹ Всеволодов Н.Д. Минувшее // МРК. 60050 М. С. 117–118.

⁶⁰ Там же. С. 118.

⁶¹ Там же. С. 128.

О себе и своей деятельности Всеволодов писал следующее: «Я полагал, что тайной длительной работой и подсказыванием командарму выгодных для белых армий решений можно было оказать последним более существенную пользу, чем явной изменой, при которой, рискуя и играя своей головой, мы неминуемо были бы разоблачены и ликвидированы. Много раз, когда мы отдавали заведомо неблагоприятные для текущих операций приказы, мы скорбели и наши сердца больно сжимались, но поступать иначе мы не могли и утешали себя надеждой, что все это – временное; каждый из нас искал скорейшего выхода из создавшегося тяжелого положения»⁶².

Весной 1919 г. на Южном фронте назревали решающие события. Еще в конце 1918 г. части Добровольческой армии совместно с кубанскими и терскими казаками очистили от красных Кубанскую область и Ставропольскую губернию, после чего началась переброска частей армии в стратегически важный (с экономической точки зрения, в отношении обеспечения армии пополнениями и выхода к азово-черноморским портам для подготовки ожидавшейся белыми высадки союзных десантов) Каменноугольный район (Донбасс) и в Северную Таврию для развертывания наступления на север. Предполагалось, что союзники возьмут на себя обеспечение левого фланга и тыла Вооруженных сил на Юге России. Кроме того, к началу февраля 1919 г. белые вышли к Днепру в районе Каховки⁶³. Однако союзники не оправдали возлагавшихся на них надежд. В результате белым пришлось оставить большую часть Екатеринославской и Херсонской губерний и почти весь Крым. Часть войск при эвакуации Одессы отошла в Румынию, где были брошены значительные запасы вооружения и военной техники. На царицынском направлении прогрессировало разложение донских частей.

Положение красных было не менее тяжелым. Наиболее угрожающим для существования Советской России весной 1919 г. был Восточный фронт, к которому было приковано основное внимание советского руководства. Другие фронты казались второстепенными, что вело к обострению ситуации и на них. Член РВС Южного фронта И.И. Ходоровский свидетельствовал, что «в течение марта и апреля в штабе Южного фронта не велось никакой организационной работы, что

---

⁶² Там же. С. 128–129.

⁶³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 42.

влекло за собой постепенное расшатывание аппаратов управления, как всеми армиями, так и каждой армией в отдельности»⁶⁴.

Вместе с тем в феврале 1919 г. сопротивление донских казаков значительно ослабло, в их рядах прогрессировало разложение, казаки расходились по станицам. Имели место случаи добровольной сдачи в плен красным. 9-я армия вновь наступала, захватывая обширные трофеи, в том числе десятки тысяч патронов, тысячи снарядов, десятки пулеметов и даже артиллерию⁶⁵. В то же время белые демонстрировали высокую техническую оснащенность. С их стороны действовали бронев автомобили и бронепоезда.

Задачей армии в начале марта 1919 г. было выйти на линию реки Северский (Северный) Донец, причем наступление успешно развивалось на протяжении всей первой декады марта. Важно было переправиться через реку до ее вскрытия. Но здесь красные потерпели неудачу. 12 марта 23-я стрелковая дивизия переправилась через Донец, а уже в ночь на 13-е части дивизии, не поддержанные войсками соседней 8-й армии, опасаясь за свое выдвинутое положение, были вынуждены переправиться обратно – на левый берег реки. В ходе обратной переправы красные утопили одно легкое орудие и зарядный ящик. Обстановка усугублялась налетами белой авиации, бомбившей скопления людей на льду⁶⁶. При этом население станиц явно поддерживало противника и даже стреляло по красным⁶⁷.

Главком И.И. Вацетис 12 марта ставил фронту задачу овладеть Каменноугольным бассейном, взять Ростов-на-Дону и Новочеркасск⁶⁸, для чего 8-я и 9-я армии к 10 марта вышли на линию реки Северский Донец. Однако план реализовать не удалось. Белые стали наращивать свои силы путем переброски войск с Северного Кавказа. Неудачи преследовали и самих красных. В частности, тылы 9-й армии оторвались от боевых частей, а нахождение войск в районе, охваченном эпидемией сыпного тифа, привело к большим потерям в личном составе⁶⁹. К тому же армия была растянута на 150 верст по фронту вдоль Донца.

---

⁶⁴ РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 4. Л. 27об.

⁶⁵ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 129. Л. 60об.

⁶⁶ Там же. Л. 78об.–79.

⁶⁷ Там же. Л. 79об.

⁶⁸ Директивы главного командования... С. 408.

⁶⁹ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918–1921. СПб., 2002. С. 271.

Взаимная связь дивизий и связь со штабом армии была нарушена, остро не хватало всех видов снабжения, и прежде всего боеприпасов⁷⁰. Командующий фронтом [В.М.] Гиттис выехал из Козлова в Купянск для непосредственного руководства операцией и в штабе фронта отсутствовал на протяжении полутора недель. В то же время многие вопросы без него не могли быть решены. Член РВС фронта И.И. Ходоровский впоследствии писал: «Я могу констатировать, что в то время как согласно предписания из Серпухова Гиттис оставался в Купянске, а потом в Изюме, – все армии, за исключением XIII, оставались без руководства и управления со стороны штаба фронта, а в самом штабе воцарился хаос, который не сразу удалось преодолеть Гиттису по его возвращении в Козлов. По шаблону каждой армии давались весьма ответственные директивы, совершенно не соотносясь с тем, насколько армии готовы к выполнению этих директив. Штаб Южного фронта совершенно не был знаком с действительной обстановкой на фронте»⁷¹.

Негативная оценка деятельности штаба Южного фронта в марте–апреле 1919 г. содержится и в других свидетельствах. По мнению Ф.А. Анулова, «в оперативном руководстве и управлении армиями Южного фронта отсутствовала связность боевых действий, учета и распределения живых и материальных сил. Голые, не обеспеченные материально и часто не соответствующие обстановке, оперативные директивы дополняли предпосылки краха операции по уничтожению Донской и Добровольческой армий»⁷².

Сам Всеволодов отмечал, что связь штаба фронта со штабами 8-й и 9-й армии и штабов армий с дивизионными штабами была утрачена из-за непогоды. Кроме того, в течение недели штабы армий не знали обстановки в дивизиях. Между тем 16-я стрелковая дивизия 9-й армии в это время фланговым маршем двигалась на смену частей 12-й дивизии 8-й армии от устья реки Калитвы до станицы Митякинской. Кавалерийские части 16-й дивизии и отдельную кавбригаду 9-й армии, предназначенные для преследования противника в случае успеха наступления, командование вообще не могло разыскать.

---

⁷⁰ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 2: 1919–1920 гг. С. 137.

⁷¹ РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 4. Л. 28.

⁷² Анулов Ф.[А.] «Красный Верден» (Борьба за Царицын в 1918–1919 гг.) // Сборник трудов Военно-научного общества. М., 1922. Кн. 3. С. 73.

По свидетельству Всеволодова, которое, однако, не подтверждается в журнале боевых действий армии, 12 марта 1919 г. был отдан приказ о переходе армий советского Южного фронта на рассвете 16 марта в решительное наступление в направлении Новочеркасска. По мнению Всеволодова, изложенному им впоследствии в белой печати, «штаб фронта, отдавая этот приказ, не имел малейшего понятия ни о расположении частей 9-й армии, ни тем более частей 8-й армии, которая должна была наносить главный удар от Луганска»⁷³.

Тем временем в советском тылу 11–12 марта 1919 г. в станицах Казанской, Мигулинской и Вешенской началось знаменитое Верхне-Донское или Вешенское антибольшевистское восстание. Вскоре оно охватило весь Верхне-Донской округ и часть Усть-Медведицкого и Хоперского округов Донской области. Несмотря на попытки красных подавить это выступление самыми жестокими репрессивными мерами, повстанцы сумели продержаться несколько месяцев до того, как в начале июня на соединение с ними прорвались части Донской армии белых. Восстание стало серьезным препятствием для действий советских войск на фронте. Кроме того, оно имело огромное моральное значение для подъема духа антибольшевистских сил.

По данным на 19 марта, войска армии производили перегруппировку и наводили переправы через Донец. Противник пытался препятствовать этому артиллерийским огнем. К сожалению, на дату 19 марта журнал боевых действий армии по непонятным причинам обрывается буквально на полуслове⁷⁴.

На фронте в наступление переходили части 8-й и 13-й советских армий, которые должны были нанести решающий удар по противнику, однако белые сами перешли в наступление к юго-востоку от Луганска, ими 29 марта была разбита вторая бригада 41-й дивизии 8-й армии, остатки которой отступили к Луганску вместе с частями Инзенской дивизии, выдвинутой из резерва. В результате командующий фронтом принял явно несправедливое решение расформировать 41-ю дивизию, которая сражалась на пределе своих возможностей⁷⁵. Белая конница прорвалась в советский тыл, чем усугубила панику у красных. Кроме того, белыми здесь были применены танки. Белыми также была по частям разбита Московская дивизия. 9-я армия, располагавшаяся на

⁷³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 28.

⁷⁴ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 129. Л. 80об.

⁷⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 358–358об.

левом фланге Южного фронта, фактически в это время бездействовала, занимаясь перегруппировкой. Между тем на фронте 13-й и 2-й Украинской армий шли ожесточенные бои.

К 1 апреля стало ясно, что советское наступление успехом не увенчается. Южный фронт перешел к обороне. Активными действиям 9-й армии препятствовал разлив реки Донец. Однако у командующего советским Южным фронтом В.М. Гиттиса был новый план, согласно которому части 9-й армии «должны были, заняв слабыми частями 14[-й] дивизии линию р[еки] Донца от устья до ст[аницы] Каменской, все остальные силы армии – 16[-ю] и 23[-ю] дивизии сосредоточить у ст[аницы] Гундоровской и Новобожедаровки и совместно с 12[-й] дивизией у Митякинской атаковать правый фланг армии ген[ерала] [В.3.] Май-Маевского с фланга и тыла»⁷⁶. Командование фронта надеялось, что красные армии сумеют добиться стратегического окружения противника в районе Таганрог – Новочеркасск – Ростов-на-Дону⁷⁷.

Н.Е. Какурин впоследствии отмечал, что уже в апреле 1919 г. Всеволодов осуществлял изменнические действия при управлении армией. По мнению Какурина, Всеволодов «в целях отдельного поражения своей армии перебросил свой ударный кулак на правый берег Донца не там, где ему было указано, а на 100 километров юго-восточнее и действительно подверг одну из своих дивизий отдельному поражению, после чего операции на участке IX армии приостановились»⁷⁸. Эти сведения Какурин почерпнул из статьи самого Всеволодова. Речь шла о 23-й стрелковой дивизии, которой еще недавно командовал небезызвестный казачий командир Ф.К. Миронов.

Однако с такой оценкой не согласился бывший командующий 9-й армией (28 сентября – 24 ноября 1918 г.) А.И. Егоров, служивший некоторое время вместе с Всеволодовым. По его мнению, последующая измена Всеволодова дала «основание некоторым исследователям приписывать почти все неудачи 9-й армии только наличию злой воли Всеволодова. Не отрицая злой воли Всеволодова, мы считаем, однако, что утверждать это обстоятельство в категорической форме несколько рискованно. Такое положение напоминает нам постоянное приписывание всякой неудачи на австро-германском фронте в русской

⁷⁶ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 29.

⁷⁷ Лямин Н. Операция южного фронта против ген[ерала] Деникина ... С. 29–30.

⁷⁸ Какурин Н.[Е.] Стратегический очерк гражданской войны // Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В. Военная история гражданской войны в России 1918–1920 годов. М., 2004. С. 91.

армии измене генералов с немецкими фамилиями. Как будто бездарность чем-нибудь лучше измены. Генерал Деникин во II томе своих «Очерков русской Смуты» свидетельствует о том, что он не придавал особого значения переходу Всеволодова на сторону белых и всей его предыдущей деятельности»⁷⁹.

Впрочем, Егоров был несколько неточен, так как во 2-м томе «Очерков русской смуты» Всеволодов не упоминается. Единственное краткое упоминание содержится в 5-м томе⁸⁰, однако о переходе Всеволодова на сторону белых Деникин вообще не писал. Таким образом, утверждение, что Деникин не придавал значения измене Всеволодова, основывается на том, что он об этом важном событии в своей мемуарно-исследовательской работе даже не упомянул.

Сам Всеволодов, однако, считал иначе: «Благодаря умышленному распоряжению штаба 9-й армии ударная группа была сосредоточена вопреки приказу фронта не у Новобожедаровки вблизи 8-й армии, а у Усть-Белокалитвенской, удаленной от 8 армии на 100 верст, с целью нанесения ей отдельного поражения. Так оно и случилось: 11 апреля части 23[-й] дивизии под начальством начдива 23 [А.Г.] Голикова переправились на правый берег Донца и сначала заняли станцию Репное, а потом, изолированные и окруженные со всех сторон, были разбиты и, потеряв свою артиллерию, отброшены назад»⁸¹.

Белые действительно, по данным на 9 апреля 1919 г., сосредотачивали силы у Новобожедаровки⁸². Всеволодов же как раз в это время подменял командарма. 11 апреля он доносил командующему фронтом, что армия растянута на 200–250 верст, а дальнейшее продвижение 16-й и 23-й дивизий вперед без срочной присылки сильных подкреплений рискованно⁸³.

В то же время потери 23-й дивизии за период 23 марта – 4 апреля составили лишь 6 человек убитыми и 11 ранеными⁸⁴, что свидетельствует о невысокой интенсивности боев. Однако потери эти увеличивались.

⁷⁹ Егоров А.И. Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 146–147.

⁸⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 2003. Кн. 3, т. 4–5: Вооруженные силы Юга России. С. 445.

⁸¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 29.

⁸² РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 208. Л. 63.

⁸³ Лямин Н. Операция южного фронта против ген[ерала] Деникина... С. 30.

⁸⁴ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 211. Л. 13.

За 14 апреля потери дивизии составили 6 убитых и 45 раненых⁸⁵. За 15 апреля погибло уже 30 красноармейцев и 60 ранено⁸⁶. К сожалению, данными о потерях дивизии за 11 апреля я не располагаю. И все же имеющиеся цифры не складываются в картину жестокого разгрома дивизии, нарисованную перебежчиком. Тем более что дивизия продолжала сражаться и далее. В этой связи представляются сомнительными указания на то, что наиболее тяжелыми для 9-й армии выдались дни с 13 по 15 апреля, когда ударные группы всех трех дивизий армии потеряли до 40% убитыми и ранеными⁸⁷. С 27 апреля по 2 мая 23-я дивизия потеряла 4 человек убитыми и 47 ранеными⁸⁸. Для сравнения, за период с 23 апреля по 2 мая 16-я дивизия потеряла 5 инструкторов убитыми, 15 ранеными, 36 пропавшими без вести, погибло 27 красноармейцев, ранено 387, пропал без вести 591, дезертировали 48. Всего с учетом больных из строя вышло 1830 человек⁸⁹. Есть свидетельства, что к 1 мая убыль личного состава в 9-й армии достигла 60%⁹⁰.

По мнению изменника, произошедшее не без его участия поражение 8-й и 9-й армий дало возможность белому командованию усилить фланговые группировки против 13-й и 10-й армий «и достигнуть самых решающих успехов»⁹¹. Очевидно, что тогда в его действиях измены замечено не было, иначе бы военспец не смог рассчитывать на повышение по службе. Однако такое повышение вскоре последовало.

По свидетельству начальника 16-й стрелковой дивизии Р.П. Эйдемана, Всеволодов вообще не сосредоточил никакой ударной группы, а 14-я стрелковая дивизия лишь слегка сократила участок 23-й дивизии с левого фланга. Как следствие, для переправы на правый берег Северского Донца 23-й дивизией были выделены незначительные силы⁹². По мнению бывшего полковника Н.Е. Какурина, Всеволодов после нанесения поражения собственной 23-й дивизии планировал подвергнуть такому же отдельному разгрому другую свою дивизию –

⁸⁵ Там же. Л. 21.

⁸⁶ Там же. Л. 25.

⁸⁷ Лямин Н. Операция южного фронта против ген[ерала] Деникина ... С. 30.

⁸⁸ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 211. Л. 47.

⁸⁹ Там же. Л. 41.

⁹⁰ Лямин Н. Операция южного фронта против ген[ерала] Деникина ... С. 14. Впрочем, от какой цифры рассчитан этот процент, автор не указал.

⁹¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 29об.

⁹² Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. С. 142.

16-ю, поставив перед ней задачу переправиться через Северский Донец. Однако дивизия не просто переправилась через реку и овладела станцией Каменской, но сумела занять и удерживала важный плацдарм на правом берегу Северского Донца⁹³.

Чтобы понять, имел ли место заговор военспецов в штабе 9-й армии или Всеволодов был индивидуальным саботажником, обратимся к анализу персонального состава работников штаба армии – бывших офицеров-генштабистов. Кто же работал под руководством Всеволодова в штабе 9-й советской армии? В январе 1919 г. в штабе армии служили, помимо Всеволодова, начальник оперативно-разведывательного отдела бывший Генштаба полковник И.В. Яцко, начальник оперативного отделения бывший Генштаба капитан И.И. Граужис (добросовестно служили в РККА на протяжении всей Гражданской войны, не арестовывались), начальник разведывательного отделения бывший Генштаба подполковник П.Н. Петрасевич (в 1920 г. арестован), связью заведовал бывший Генштаба штабс-капитан А.С. Ролько (в 1919 г. перешел к белым, позднее вернулся в РККА). Кроме того, для поручений состояли бывший Генштаба полковник Ф.Ф. Фешот и бывший Генштаба генерал-майор М.Е. Солнышкин⁹⁴. Последние двое также добросовестно служили в РККА. 7 марта 1919 г. в штаб армии прибыл из штаба Камышинской дивизии бывший генерал-лейтенант Н.Н. Карепов⁹⁵, окончивший в 1885 г. академию Генштаба по 2-му разряду. Карепов занял пост начальника полевого штаба армии. В 1919 г. он перешел на сторону белых.

Таким образом, в штабе армии у Всеволодова, скорее всего, не должно было быть сообщников. Потенциально могли бы ему помогать (в свете своего последующего перехода к белым) Ролько (однако он весной 1919 г. был переведен на Северный фронт) и Карепов (но о его подпольной деятельности данных нет). По-видимому, действия Всеволодова носили индивидуальный характер. В какой-то степени об этом свидетельствует и его последующее бегство к противнику без сообщников.

Положение 9-й армии в этот период ярко обрисовал будущий Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, который, будучи слуша-

---

⁹³ Там же.

⁹⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 246. Подробнее обо всех перечисленных генштабистах см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба ...

⁹⁵ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 206. Л. 44, 46.

телем академии Генерального штаба РККА, был командирован в эту армию для получения практического опыта. Мерецков вспоминал, что трудно было даже пробраться в 9-ю армию, поскольку тыл был охвачен многочисленными восстаниями. Сама армия насчитывала в своих рядах около 20 000 человек в составе трех дивизий, растянутых на 200-километровом фронте. Значительные силы (до 10 000 человек) были отвлечены в составе так называемых экспедиционных войск на подавление Вешенского восстания в тылу⁹⁶. По свидетельству Мерецкова, прибывшего в армию в мае: «Мы непрерывно отступали, причем довольно быстро... Радио тогда у нас, конечно, отсутствовало, телеграфом в степи не воспользуешься, а телефонную связь не успевали развернуть. Пока разматываешь катушку с проводами, линия фронта уже сместилась – сматывай назад. Связисты так и делали, причем побросали значительную часть своего имущества, ссылаясь на казачьи налеты и быстроту отхода»⁹⁷. Отступление носило неорганизованный характер, а политическая работа в войсках хромала. Другой слушатель академии, П.Е. Чеканов, командированный в 1-ю бригаду 23-й стрелковой дивизии 9-й армии, отметил, что «в штабе фронта встретили нас как людей, не имеющих практики, в политотделе – как будущих помощников, специалисты – как конкурентов, в штабе армии – как лиц, без которых можно обойтись, по их мнению, в штабе бригады политкомы – как помощников в политическом и боевом отношении... В последнее время отношение ко мне было как к незаменимому работнику»⁹⁸.

Член РВС 9-й армии И.И. Ходоровский вспоминал о своем прибытии в армию в начале апреля 1919 г.: «Когда я в начале апреля прибыл в IX армию, я пришел в ужас от того, что я там увидел. Лазареты, госпитали, бараки, полуразрушенные станционные строения, – все это было переполнено больными сыпняком. В дивизии, насчитывавшей 6 полков (а если дивизии 3-хбригадной, то 9 полков), имелся один, в лучшем случае 2 врача. Полковые околотки обслуживались санитарями из красноармейцев: не было не только врачей, но даже фельдшеров и сестер милосердия. При объезде полков я интересовался, имеются ли в полках медикаменты, и всюду встречал одну и ту

---

⁹⁶ РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 4. Л. 26об.; Мерецков К.А. На службе народу. М., 2003. С. 38–39.

⁹⁷ Мерецков К.А. На службе народу. С. 40–41.

⁹⁸ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 55. Л. 5.

же картину: медикаментов нет, для перевязок употребляются бинты, бывшие в употреблении много раз. Белья также не было»⁹⁹.

В конце апреля – начале мая 1919 г. 9-я армия предприняла попытку перехода в наступление, закончившуюся неудачей и отходом на прежние позиции. Бои по-прежнему шли на Донце. По данным А.И. Егорова, в результате упорных боев выбыл из строя командный состав до командиров рот включительно, а некоторые полки насчитывали лишь по 120 штыков¹⁰⁰. В это же время части 10-й советской армии форсировали реку Маныч, создав угрозу Ставропольской губернии и подойдя 6 мая на 40 километров к Ростову. Действия 10-й армии привлекли к себе значительные силы белых и облегчили положение 9-й армии. Однако к этому времени уже начался перелом на фронте. Части ВСЮР перешли в ответное наступление с утра 4 мая против 10-й армии. Начавшиеся успехи воодушевили донское казачество, активно участвовавшее в разгроме 8-й советской армии¹⁰¹. В первые сутки наступления белые взяли Луганск, где находился патронный завод. Дальнейшее наступление белых развивалось в нескольких направлениях: на Царицын, на Воронеж и вглубь Украины. В Каменноугольном бассейне части Добровольческой армии вели активную оборону.

Еще 8 апреля командующий Южным фронтом приказал откомандировать Всеволодова в распоряжение штаба фронта, а начальником штаба назначить Карепова¹⁰².

20 апреля 1919 г. на посту начальника штаба армии Всеволодов был временно заменен начальником административного отдела штаба армии И.И. Гарькавым. В дальнейшем начальники армейского штаба менялись как в калейдоскопе – только в мае–июне 1919 г. на этой должности успело побывать пять человек: И.И. Гарькавый, Н.Н. Карепов (временно исполняющий должность, вскоре перешел на сторону белых), В.Ф. Тарасов (временно исполняющий должность, позднее также перешел к белым), Э.И. Захаревич и В.И. Преображенский¹⁰³, причем временно исполнявшие должность Гарькавый (офицер военного времени) и Захаревич (кадровый офицер) генштабистами не

⁹⁹ РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 4. Л. 25об.

¹⁰⁰ Егоров А.И. Разгром Деникина... С. 154.

¹⁰¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 42об.

¹⁰² РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 12. Л. 351.

¹⁰³ ДКФКА. М., 1978. Т. 4: Материалы, указатели. С. 539.

были и своему назначению не соответствовали, но занимали столь ответственный пост, очевидно, в связи с острой нехваткой более квалифицированных кадров.

К началу мая боевой состав 9-й армии (14, 16 и 23-я дивизии) насчитывал 11 006 штыков и 2602 сабли, или 13 608 бойцов, тогда как у белых перед фронтом армии, по советским данным, имелась 21 910 бойцов¹⁰⁴. Эти силы были сильнейшим образом растянуты на 170-километровом фронте вдоль Северского Донца¹⁰⁵. Особенно сильным было превосходство белых в коннице (в четыре с лишним раза больше, чем у красных). Красным остро не хватало подготовленного командного состава. В течение месяца численность 9-й армии значительно сократилась, в том числе из-за эпидемии сыпного тифа.

Бои теперь велись за удержание линии реки Северский Донец. Пополнений армия практически не получала и буквально истекала кровью. Командарм Княгиницкий 9 мая телеграфировал об этом командующему фронтом¹⁰⁶. Но, по всей видимости, советское командование невысоко оценивало роль 9-й армии и не считало, что та нуждается в пополнениях. Во всяком случае, главком И.И. Вацетис в своих неопубликованных воспоминаниях отметил, что «весь Южный фронт держался двумя армиями – 8[-й] и 13[-й]», тогда как 9-я армия лишь поддерживала связь между 8-й и 10-й армиями и почти не имела боевого значения¹⁰⁷. 11–14 мая белые переправились через Северский Донец на правом фланге 9-й армии, однако развить свой успех не смогли.

Появление на флангах 13-й армии английских танков закрепило успех белых на Южном фронте. Уже 26 мая командующий 13-й армией генштабист А.И. Геккер сообщал фронтовому командованию о невозможности остановить отступление армии. В самой армии шли митинги, красноармейцы арестовывали и даже убивали командиров и комиссаров. Некоторые части самовольно оставляли свои позиции. Так, например, в районе Славянска, арестовав командный состав, фронт оставила целая бригада. Аналогичное донесение затем поступило и от командующего 8-й армией генштабиста В.В. Любимова.

В 13-ю армию для восстановления положения прибыл председатель РВСР Л.Д. Троцкий, пытавшийся наладить дисциплину и порядок.

¹⁰⁴ РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 4. Л. 26.

¹⁰⁵ Какурин Н.[Е.] Стратегический очерк... С. 91.

¹⁰⁶ РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 4. Л. 27.

¹⁰⁷ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

Командующий фронтом Гиттис возложил вину за неудачи на главкома И.И. Вацетиса. При этом в штабе Южного фронта были убеждены, что отход не будет глубоким – предполагалось восстановить положение с помощью не пострадавших в операции 9-й и 10-й армий.

Однако в ночь 24–25 мая конная группа белых прорвала фронт 9-й армии на реке Северский Донец, ударив в стык 16-й и 23-й дивизий и наступая на станцию Миллерово. Противнику удалось выйти в тыл 16-й и во фланг 23-й дивизии¹⁰⁸. Командующий Южным фронтом Гиттис требовал ликвидации прорыва, считая, что он осуществлен незначительными силами. Но, как выяснилось, штаб фронта был плохо информирован, поскольку белые прорвались силами III Донского корпуса. По мнению члена РВС фронта И.И. Ходоровского, из-за незнания обстановки «директивы Юж[ного] фронта были совершенно нежизненны и находились в вопиющем противоречии с действительностью»¹⁰⁹.

И хотя белые развивали свой успех против 9-й армии, однако на протяжении нескольких дней (25–31 мая) командующий фронтом Гиттис не дал ответа на запрос армейского руководства, на какую линию допустимо отвести войска. Между тем обстановка продолжала ухудшаться. Фактически 9-я армия была разрезана на две части – 16-я дивизия отступала на северо-запад на соединение с 8-й армией к станции Митякинской, а 23-я и 14-я дивизии – на север и северо-восток. Глубина прорыва к 29 мая достигла 75 километров. Прорвавшаяся конница белых стремилась выйти на соединение с вешенскими повстанцами, что было осуществлено 7 июня силами конной группы генерал-майора А.С. Секретева и предопределило отход всего советского Южного фронта¹¹⁰. Фактически между отброшенными на северо-запад 13-й и 8-й армиями советского Южного фронта, с одной стороны, и отброшенными на северо-восток 9-й и 10-й – с другой, образовался разрыв, с каждым днем расширявшийся. Соседняя с 9-й армией 10-я армия отступала по Дону от Золотовской и Семикаракорской до Верхне-Курмоярской, в результате чего левый фланг 9-й армии оказался открыт. 14-я дивизия находилась под угрозой окружения. Наконец, 31 мая командование 9-й армии заявило Гиттису, что считает необходимым отвести войска до линии реки Чир, на что было получено разрешение.

---

¹⁰⁸ Панков Д.В. Комкор Эйдеман. М., 1965. С. 38.

¹⁰⁹ РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 4. Л. 28.

¹¹⁰ Егоров А.И. Разгром Деникина... С. 158.

Около месяца с конца апреля по конец мая Всеволодов, по всей видимости, не имел постоянного назначения. Судя по всему, в это время он находился в Москве. 26 мая 1919 г. он должен был выехать из Москвы в штаб Южного фронта в Козлов¹¹¹. Троцкий 27 мая даже интересовался по прямому проводу, выехал ли Всеволодов¹¹². Уже 29 мая Всеволодов был в штабе фронта¹¹³. Предполагалось, что генштабист займет ответственную должность начальника штаба фронта¹¹⁴, но таковым Всеволодов пробыл всего несколько дней. 28 мая Троцкий предложил назначить помощником командующего фронтом бывшего Генштаба генерал-майора Н.В. Пневского, ранее служившего помощником управляющего делами РВСР¹¹⁵. Однако в итоге кадровые перестановки оказались иными. Вместо Всеволодова пост начальника штаба фронта достался Пневскому, а сам Всеволодов получил назначение командующим хорошо знакомой ему 9-й армией вместо своего прежнего начальника П.Е. Княгиницкого, назначенного в распоряжение правительства Бессарабии.

По-видимому, назначение согласовали 2 июня, однако документальное оформление запаздывало. В силу этого уже 3 июня, до задержавшегося приказа о назначении¹¹⁶, Всеволодов отправился к новому месту службы. Лишь 6 июня приказом РВСР № 89 Пневский был официально назначен начальником штаба Южного фронта, а Всеволодов – командармом. 8 июня соответствующий приказ был подписан председателем РВСР Л.Д. Троцким¹¹⁷. Если бы Всеволодов был подлинным белым агентом, а не спонтанным перебежчиком, тогда его назначение начальником штаба фронта могло серьезно повредить красным, а кроме того, он бы наверняка попытался задержаться на этом посту. Причины его стремительного перевода на должность командарма еще предстоит установить.

¹¹¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 109.

¹¹² РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 7. Л. 35.

¹¹³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 113.

¹¹⁴ Там же. Л. 122.

¹¹⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3а. Д. 7. Л. 7.

¹¹⁶ См. запрос Л.Д. Троцкого Э.М. Склянскому из Харькова от 7 июня 1919 г. относительно издания приказа о назначении Всеволодова командармом: *The Trotsky Papers 1917–1922* / edited and annotated by J.M. Meijer. L.; Hague; P., 1964. Vol. 1: 1917–1919. P. 542. Также см.: РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 7. Л. 138.

¹¹⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 125об.; Ф. 33988. Оп. 2. Д. 145. Л. 408.

К этому времени положение 9-й армии продолжало оставаться тяжелым. Войска постоянно отступали с боями. Резервов не было. По данным на 1 июня, в армии насчитывалось 9542 штыка, 3403 шашки, 112 орудий и 523 пулемета¹¹⁸. Бои шли на землях донских казаков, которые с нетерпением ожидали прихода белых или же уходили на юг при приближении красных. Красные не располагали крупными конными массами, которые, в свою очередь, успешно использовали белые. Попытка провести мобилизацию мужского населения до 37 лет в 50-верстной прифронтовой полосе окончилась неудачей. Как вспоминал комиссар Ходоровский, «мы снимали людей с поля, с мастерской, не одетыми, не обутыми и, главное, не спаянными в воинские единицы, бросали на фронт. Пользы от этого не было никакой, трата же сил колоссальная. Одновременно значительная часть населения при приближении противника снималась и бежала с Дона и, таким образом, совершенно ускользала от нашей мобилизации. Вообще говоря, отступающая армия не имеет фактической возможности проводить мобилизацию»¹¹⁹. При этом, по оценке Ходоровского, дисциплина в армии оставалась на должном уровне, а все приказы исполнялись. Впрочем, здесь тоже не все было однозначно. Моральный дух войск и даже командного состава был подорван. Особенно остро переживали происходящее казаки и бывшие казачьи офицеры, оказавшиеся у красных. Например, 7 июня 1919 г. по неизвестной причине покончил с собой начальник штаба 23-й стрелковой дивизии 9-й армии бывший есаул И.А. Сдобнов¹²⁰.

Ходоровский резюмировал: «Армии были ... вполне устойчивы, но они были ослаблены и обескровлены до последней степени. Этой прорехи не могла заделать никакая политическая работа. Мы потерпели поражение в результате страшнейшего организационного разброда, отсутствия какой бы то ни было живой творческой военной работы в течение всего времени нашего пребывания на Дону»¹²¹. Ходоровский очень высоко оценивал аналогичную работу, проводившуюся белым командованием: «Его (противника. – А.Г.) победы над нами были победами организованности над разбродом, инициативы и творческой

---

¹¹⁸ ДКФКА. Т. 4. С. 64.

¹¹⁹ РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 4. Л. 29об.

¹²⁰ Медведев Р.А., Стариков С.П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М., 1989. С. 186–187.

¹²¹ РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 4. Л. 30.

военной работы над прострацией»¹²². Неудивительно, что на этом фоне многим казалось неминуемым полное поражение красных.

Сохранилось свидетельство бывшего члена казачьего отдела ВЦИК М. Данилова о том, как эвакуировался штаб армии: «Штаб панически бежал, и мобилизованные не были использованы, тоже бежали, кто куда попало. Штаб эвакуировался так – забирал гужевой и железно-дорожный транспорт. И что же он грузил? Это нужно отметить – он грузил из трех досок сбитые койки, на рогатках столы, граммофоны, собачек и т.п. негодный бюрократический хлам. В штабе процвел и царит полнейший бюрократизм, разъезды на автомобилях с женами или вроде этого, разъезды на фаэтонах в пару наилучших лошадей, эта езда производится по утрам едущими на занятия или вроде того, а вечером совершаются поездки верхами тоже с женами»¹²³.

Начальником штаба 9-й армии с 1 июня 1919 г. числился В.И. Преображенский, но он, по всей видимости, еще не успел приехать с севера, где служил в штабе 6-й армии¹²⁴. Считается, что 6 июня Всеволодов принял командование армией. Однако в докладной записке комиссара армии И.И. Ходоровского отмечено, что, находясь, по крайней мере, с 7 июня в слободе Михайловка на территории Донской области, Всеволодов фактически еще несколько дней (до 10 июня) не занимал пост, на который был назначен.

Он повел себя нетипично для военного специалиста и бывшего офицера. В частности, выдвинул целый ряд требований в адрес РВС Южного фронта, лишь по выполнении которых соглашался на новое назначение. Требования эти были далеко не безобидными для того времени. Всеволодов ставил условием своего назначения удаление из штаба армии целой группы партийных работников: комиссара штаба Петрова, председателя продовольственной комиссии Адно и начальника военных сообщений Хохлова¹²⁵. По всей видимости, Всеволодов конфликтовал с ними в прежний период своей службы в 9-й армии. Кроме того, с самого начала Всеволодов противопоставил себя членам

¹²² Там же. Л. 30об.

¹²³ Филипп Миронов (Тихий Дон в 1917–1921 гг.): Док. и мат. / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 227.

¹²⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 33. Судя по всему, реальное вступление Преображенского в исполнение должности относится к 16 июня (ДКФКА. Т. 4. С. 539; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 173).

¹²⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 198.

РВС 9-й армии Б.Д. Михайлову и И.И. Ходоровскому (также члену РВС Южного фронта), раскритиковал бывшего члена РВС армии В.А. Барышникова, а затем потребовал отзыва комиссара Михайлова, заявив, что с ним работать не станет. Эти требования он также направил командующему Южным фронтом В.М. Гиттису и в РВС фронта. Михайлов пошел на поводу у командующего и вместо бдительного надзора предпочел не докучать Всеволодову своим присутствием¹²⁶.

Удивительно, насколько терпеливо комиссары относились к подобным выходкам военспеца, что свидетельствует о явном кадровом голоде в отношении «лиц Генштаба». Штаб Южного фронта был готов частично удовлетворить требования Всеволодова, лишь бы тот принял должность. Подобное отношение не вполне соотносится с распространенным стереотипом приниженного и подневольного положения военспецов в Красной армии. При этом Всеволодов, если верить докладной записке комиссара Ходоровского от 1 июля 1919 г., то и дело менял свои требования, соглашался не отзывать одного комиссара, но настаивал на отзыве другого. Подобные действия кажутся откровенным издевательством над членами РВС, терпеливо сносившими все.

В конце концов, РВС Южного фронта пошел навстречу Всеволодову и отозвал комиссара Петрова в 13-ю армию, а комиссар Ходоровский даже пообещал военспецу создать в штабе армии максимально благоприятную для него атмосферу¹²⁷. Стоит отметить, что Ходоровский знал Всеволодова с весны 1919 г., причем, по его мнению, Всеволодов был склонен к интриганству и являлся аморальным человеком¹²⁸.

По оценке Ходоровского, Всеволодов фактически прокомандовал армией не более недели¹²⁹. Новый командующий не снискал популярности у подчиненных, а, наоборот, восстановил их против себя, в связи с постоянными мелочными придирками, а про комиссара Михайлова даже начал распускать слухи. Тем не менее РВС продолжал потакать военспецу, только бы тот работал. Однако, судя по докладной записке Ходоровского, Всеволодов уделял больше внимания собственным делам, чем службе. Так, буквально в считанные дни командарм обжа-

¹²⁶ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 202. Л. 5об.–6.

¹²⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 198.

¹²⁸ Там же. Л. 198об.

¹²⁹ Там же.

велся в Михайловке коровой и свиньями, начал торговать молоком¹³⁰. Неудивительно, что комиссар штаба армии считал Всеволодова человеком, крайне падким на деньги и любящим пользоваться своим положением¹³¹. Члены РВС даже иронизировали над командармом: «Всеволодов хочет отводить армию не на Балашов, а на Елань и делает это потому, что в Елани найдется лучший корм для приобретенной им коровы», «Судьба армии зависит от командирской коровы»¹³². Разумеется, подобное ироничное и пренебрежительное отношение было оскорбительно для Всеволодова.

В то же время, как отмечал постфактум К.А. Мерецков, занимавший летом 1919 г. должность помощника начальника штаба 14-й стрелковой дивизии 9-й армии: «Армейское командование либо безмолвствовало, либо отдавало такие распоряжения, что глаза на лоб лезли. Я не имел еще тогда достаточно боевого опыта. И все же не раз задумывался над явной бессмыслицей некоторых приказов. Особенно досадны они были потому, что положение оказалось крайне серьезным. Управление дивизиями в 9-й армии было нарушено. Боеприпасов не хватало. Тылы перемешались с войсками первого эшелона. Свиристествовали эпидемии. До четверти личного состава армии лежало на повозках в тифозной горячке. Казалось, что вся степь вокруг, все деревья, курганы, трава и воздух насквозь пропитались запахом сулемы и карболки»¹³³. Не исключено, что в этой оценке присутствует позднейшее стремление автора показать себя опытным штабистом, предвидевшим измену Всеволодова. Тем не менее игнорировать это свидетельство нельзя. Мерецков обратил внимание и на явно враждебное отношение к красным казачьего населения.

Бегству Всеволодова предшествовали драматические события. В тылу армии успешно действовали казаки-повстанцы, соседние армии отступали под ударами белых. Ввиду сложности обстановки все громоздкие учреждения штаба армии отправили в Балашов по

---

¹³⁰ Там же. Эта история до некоторой степени похожа на давшие повод для многочисленных шуток слухи о командире I Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанте бароне Г.К. Штакельберге, якобы возившем по рекомендации врачей со своим штабом во время Русско-японской войны корову для постоянного употребления молока (*Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1. С. 235*).

¹³¹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 202. Л. 7об.

¹³² Там же. Л. 8.

¹³³ *Мерецков К.А. На службе народу. С. 43.*

железной дороге. Оставшаяся часть штаба армии представляла фактически полевой оперативный штаб. Во время перевода штаба армии из Михайловки в Елань через хутор Сенновский 17 июня 1919 г. Всеволодов в первый раз исчез. Уже тогда поведение и объяснения Всеволодова вызвали непонимание и подозрения комиссаров, а затем породили и тревогу, усилившуюся после временной потери связи со штабом фронта. Тем более что казаки-повстанцы действовали в станицах по реке Медведице в 5–10 верстах от Сенновского. Сложно сказать, пытался ли Всеволодов бежать уже тогда или просто выпал из поля зрения комиссаров. Во второй половине дня 17 июня и на следующий день о местонахождении командующего известно не было, причем РВС о своих действиях и планах он в известность не поставил. На время отсутствия Всеволодова армией по факту командовал комиссар Ходоровский.

Перед исчезновением Всеволодов просил своего шофера подготовить автомобиль для осмотра Арчединских позиций к югу от Михайловки. Комиссар Ходоровский предполагал, что Всеволодов, если не сбежал, ездил по району в поисках продовольствия для личных нужд¹³⁴. По версии же самого командарма, изложенной им в телеграмме в РВС Южного фронта, он занимался борьбой с казаками-повстанцами. При этом в действовавших в этом районе 14-й и 23-й стрелковых дивизиях о местонахождении командарма тоже не знали, в связи с чем версия Всеволодова кажется сомнительной. В Сенновский Всеволодов приехал лишь после того, как оттуда уже выехал штаб армии, сотрудники которого на протяжении двух суток (до вечера 19 июня) не знали, где находится командарм. Был даже издан приказ о том, что командующий находится в безвестной отлучке, а штаб переходит в Елань. Связь со Всеволодовым, прибывшим в Сенновский, была установлена на несколько часов лишь вечером 19 июня, когда штаб армии уже отступил до Елани. На следующий день в районе Сенновского произошло случайное столкновение между различными частями армии, и Всеволодов, по-видимому, имел основания опасаться наказания.

18 июня белые нанесли сильный удар по 23-й стрелковой дивизии, почти окружив ее у станицы Зимняцкой и уничтожив 199-й и 201-й полки, после чего остатки дивизии отступили на Арчединские позиции. Н.Е. Какурин, анализировавший эти события, предполагал,

---

¹³⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 199.

что 23-я дивизия вполне могла вновь стать жертвой изменнических действий Всеволодова¹³⁵. Стоит также отметить, что 20 июня, по данным Какурина, Всеволодов отдал приказ об отводе армии на позиции по линии реки Бузудук¹³⁶.

После первого исчезновения командарма комиссар Ходоровский потребовал от РВС Южного фронта сместить Всеволодова, однако РВС поддержал командарма, а не комиссара 9-й армии. Члены РВС Южного фронта Г.Я. Сокольников и К.А. Мехоношин указали Ходоровскому на недопустимость оставления командарма без присмотра¹³⁷, но при этом требовали невмешательства в его деятельность¹³⁸. Более того, они посчитали Ходоровского паникером и трусом, который «не дождавшись задержавшегося на фронте командарма Всеволодова, уехал [из] хут[ора] Сенновского вместе [с] большей частью штарма [в] Елань, мотивируя небезопасностью оставаться»¹³⁹, и потребовали его смещения.

20 июня соответствующая телеграмма была направлена ими председателю РВСР Л.Д. Троцкому. Троцкий обратился к ЦК РКП(б) с предложением отозвать Ходоровского и назначить расследование по партийной линии, так как комиссару инкриминировалось не преступление, а лишь неспособность справиться с обязанностями¹⁴⁰. Разумеется, комиссар Ходоровский, считавший себя оскорбленным (формально, наряду с членством в РВС 9-й армии, он был таким же членом РВС Южного фронта, как Сокольников и Мехоношин), должен был защищаться, причем наилучшим доказательством его правоты стало случившееся через несколько дней бегство Всеволодова к противнику. Постфактум Ходоровский, конечно же, приписал себе и предвидение возможной измены Всеволодова.

Но пока что Ходоровский телеграфировал 21 июня из Елани в Козлов Мехоношину: «Целый месяц я работал [в] кошмарных условиях,

¹³⁵ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. С. 215.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 202.

¹³⁸ Там же. Л. 206.

¹³⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 208.

¹⁴⁰ Записка Троцкого Э.М. Склянскому для передачи в ЦК РКП(б). 22.06.1919 // РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 208. Документ опублик. без указания шифра хранения в: Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 197.

не зная сна, вынося на своих плечах всю тяжесть ужасного отхода, что хорошо известно не только всем отделам и учреждениям нашим, но и дивизиям. Мой разговор с вами продиктован исключительно интересами дела и сознанием ответственности своей, и я не знаю ни одного ответственного работника армии, который думал бы иначе, хотя я никаких разговоров на эту тему не допускаю. Вы знаете меня по нашей совместной работе в Юж[ном] фронте, и я не могу постигнуть, как вы могли подписаться под телеграммами, которые я за эти два дня получил. Беспристрастному следователю [в] течение нескольких минут будет ясна обстановка, которая недостаточно известна Козлову. Уверен, что на моем месте вы действовали бы так, как действовал я, и выставляли те же требования. Интересы дела для меня теперь, как и всегда, выше всего, и я оставляю в стороне те упоминания о дезертирстве и прочем, которые продиктованы чем угодно, но только не знанием положения дел и не желанием с ним познакомиться. № 839/Л. Ходоровский»¹⁴¹.

После непродолжительного возобновления связи Всеволодов опять пропал. Стоит отметить, что дорога от Михайловки на Сенновский и далее на Елань была в то время беспокойной. Возле самой Елани, куда перебрался штаб армии, действовали повстанцы, штаб которых располагался в селе Красавка, постоянно совершались нападения на железной дороге. К.А. Мерецков позднее вспоминал, что по дороге со станции Серебряково в Сенновский несколько раз переживал в оврагах, пока скроются казачьи разъезды, и даже участвовал в стычке с одним из них¹⁴². Безопасность штаба, блокированного повстанцами в Елани, оказалась под угрозой. Вполне допустимым в этой ситуации было предположение, что Всеволодова могли захватить повстанцы.

По всей видимости, события 17–19 июня были лишь подготовкой Всеволодова к переходу на сторону противника. К тому же накануне, 16 июня, Всеволодов отказался от услуг своего постоянного шофера Матвеева¹⁴³.

В эти тревожные дни управление армией оказалось рассредоточено по разным пунктам. Местонахождения командарма никто не знал. Комиссар Ходоровский находился в Елани, а начальник штаба армии Преображенский – еще севернее, в Балашове. Фактически все управление армией 20–21 июня сконцентрировал в своих руках

¹⁴¹ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 18. Л. 14–14об.

¹⁴² Мерецков К.А. На службе народу. С. 47.

¹⁴³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 199.

Ходоровский, который в эти дни не только занимался организационными вопросами, но и активно защищался от нападков со стороны своих коллег по РВС фронта, причем каждая из сторон стремилась заручиться весомой поддержкой Троцкого¹⁴⁴.

Сведения о местонахождении Всеволодова были противоречивыми. Начальник 14-й стрелковой дивизии сообщал, что командарм был в штабе дивизии накануне и вместе с частями 23-й дивизии направился в район хутора Секачев (между Еланью и Сенновским) с тем, чтобы 22 июня быть в Елани¹⁴⁵. Однако в Елань Всеволодов так и не прибыл. В 17 часов 22 июня, навевя некоторый порядок вокруг Елани, Ходоровский во главе конного отряда отправился на поиски пропавшего командарма, которого фактически не видели в штабе с 17 июня.

Около 11 часов утра 23 июня комиссар Ходоровский в районе хутора Секачев встретил части 23-й стрелковой дивизии, с которой должен был следовать и Всеволодов, однако командарма там не оказалось. Ходоровскому удалось установить, что 20–21 июня при Всеволодове находился комиссар Михайлов, который, однако, 21 июня около 17 часов выехал из Сенновского с последними частями 14-й дивизии в сторону хутора Бухгурминского. Так Всеволодов остался без надзора комиссаров. Он намеревался проинспектировать части 23-й дивизии, после чего должен был выступить с частями дивизии на следующий день на Елань. С Михайловым они договорились встретиться в Елани 24–25 июня. Оставался вариант его нахождения в 14-й дивизии, но и там о Всеволодове ничего не знали¹⁴⁶.

В конце концов, после суточных поисков Ходоровский поздно вечером 23 июня вернулся в Елань, где, к своему удивлению, получил сообщение, что Всеволодов тоже ехал в Елань вместе с 23-й дивизией. Были получены и другие, не менее странные сообщения о местонахождении командарма. Более того, к этому времени стало известно, что Всеволодов перемещался на автомобиле вместе с семьей¹⁴⁷, что не могло не усилить подозрения. После этого комиссар телеграфировал о происшествии в РВС фронта.

---

¹⁴⁴ Там же. Л. 204, 207.

¹⁴⁵ Там же. Л. 209.

¹⁴⁶ Там же. Л. 200.

¹⁴⁷ Там же. Л. 210.

Последний приказ Всеволодова № 310 датирован 21 июня. В этом приказе Всеволодов сообщал о переводе штаба армии в Балашов, якобы по приказу командующего фронтом¹⁴⁸.

Впоследствии, уже находясь у белых, он так писал о своих вредительских распоряжениях: «Достаточно вспомнить весну и лето минувшего (1919. – А.Г.) года, когда 10-я армия, лично предво­ди­мая [А.А.] Ключевым, выдержала всю тяжесть кампании. Особенно тяжело было Ключеву, когда у ст[анции] Лог 38[-я] и 39[-я] дивизии этой армии давали последний бой, решивший судьбу Царицына. Я, командовавший тогда 9[-й] армией, в течение 13 дней должен был выйти в левый фланг войскам генерала [К.К.] Мамантова со стороны Арчеды и атаковать его в тыл. Вместо того чтобы вы­полнить этот приказ Троцкого, я отвел армию на 250 верст назад под прямым углом от пути отступления. Ключев был поставлен в критическое положение; вся конница генерала Мамантова – 9[-я] и 13[-я] конные дивизии, благодаря отводу 9[-й] армии, бросились в тыл, обрушились на 10[-ю] армию Ключева, и Царицын пал. Но Ключев, окруженный со всех сторон, сумел вывести свою армию и спасти ее от пленения»¹⁴⁹. Возможно, вспоминая об отводе своей армии назад, он имел в виду как раз последний свой приказ, а также июньские события, связанные с отступлением частей армии на Елань. Отступление армии было столь стремительным, что в степях встречались группы отставших бойцов, искавшие свои части¹⁵⁰.

Своему кучеру И. Прапошину Всеволодов 22 июня сообщил в Сенновском, что выезжает на автомобиле в 14-ю дивизию, а в Елани появится 23 или 24 июня. При этом он дал Прапошину записку на выдачу жалования, датировав ее не 22 июня, а 24-м и не из хутора Сенновского, а из хутора Секачева¹⁵¹. Кроме того, просил кучера подыскать ему квартиру с садом в Балашове, если туда переедет штаб армии. Очевидно, Всеволодов уже готовился перейти через линию фронта

¹⁴⁸ Там же. В этой связи представляется сомнительной достоверность указаний на приказ Всеволодова от 23 июня об отходе армии на линию рек Терса и Елань (Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. С. 215).

¹⁴⁹ Всеволодов Н. Поражение 10-ой армии Ключева // Вечернее время (Новороссийск). 1920. 20.01. № 453. С. 1.

¹⁵⁰ Мерцков К.А. На службе народу. С. 45.

¹⁵¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 211.

и пытался выиграть время. Кроме того, он явно старался скрыть свои приготовления от окружающих.

В тот же день Всеволодов заявил начальнику и комиссару 23-й дивизии, что РВС армии забрал все его вещи, посчитал изменником и отрешил от должности¹⁵². Думается, эти основания были достаточно весомыми, чтобы командарм принял решение о переходе на сторону противника. Всеволодов также заявил, что раздумал ехать вместе с 23-й дивизией и поедет в 14-ю¹⁵³. Этим он смог выиграть еще немного времени. Около 10 часов утра 22 июня Всеволодов выехал из Сенновского якобы в 14-ю дивизию, однако к заявленному месту назначения не прибыл. Больше у красных его никто не видел¹⁵⁴.

Следовательно, исчезновение Всеволодова относится к 22 июня, а не к 26-му, как указывал в своей работе А.И. Егоров¹⁵⁵. По сведениям Егорова, Всеволодов несколько дней находился на хуторе Секачев с двумя телеграфными аппаратами, тогда как штаб и РВС армии были в Елани. Очевидно, что на самом деле речь шла о хуторе Сенновском. Далее Всеволодов, по версии Егорова, через Михайловку на автомобиле вместе с семьей уехал к противнику.

Таким образом, изменнику удалось ввести в заблуждение как обоих членов РВС армии, так и командиров и комиссаров двух дивизий. И едва ли соответствуют действительности рассуждения из мемуаров будущего Маршала Советского Союза К.А. Мерецкова, занимавшего в июне 1919 г. пост помощника начальника штаба 14-й дивизии, о том, что он сумел предугадать измену Всеволодова¹⁵⁶. Тем более Мерецков писал, что накануне бегства Всеволодова рядом с ним находились оба члена РВС, тогда как в действительности каждый из них потерял командарма из виду значительно раньше, а втроем они не встречались уже длительное время.

Впоследствии открылись любопытные подробности умонастроений Всеволодова. Из опросов казаков 1-го кавалерийского полка,

¹⁵² Там же. Л. 212.

¹⁵³ Там же. Л. 217об.

¹⁵⁴ Таким образом, не соответствуют действительности утверждения, что Всеволодов бежал из Михайловки (Лямин Н. Операция южного фронта против ген[ерала] Деникина ... С. 39).

¹⁵⁵ Егоров А.И. Разгром Деникина ... С. 164.

¹⁵⁶ Мерецков К.А. На службе народу. С. 47–49.

охранявших Всеволодова в хуторе Сенновском, выяснились детали бесед, которые вел с ними Всеволодов накануне своего побега. Крамольные высказывания красного командарма не укладывались в головах у казаков и поэтому запомнились им надолго. Командарм утверждал, что соседняя 10-я армия отрезана и полностью погибнет, а 9-я армия сильно потрепана. Всеволодов считал положение красных на всех фронтах безнадежным, заявлял, что Гражданская война продлится еще не более двух месяцев, что борьба казаков с казаками бессмысленна. Красный командарм всячески расхваливал армию Деникина, причем у казаков сложилось странное впечатление, что Всеволодов разве что напрямую не посоветовал им сдаваться противнику. По его словам, сдающихся в плен белые не расстреливали, а преподносили им чарку водки. О себе Всеволодов говорил как о насильно мобилизованном, заявлял, что через две недели подаст в отставку¹⁵⁷.

Дополняют картину измены эмигрантские воспоминания самого Всеволодова. Прежде чем перейти к белым, он сообщил о своем намерении белому командованию через скрывавшихся казаков. Шофер В. Карманов решил уходить вместе с ним. Всеволодов вспоминал: «Расстояние между нашим расположением и противником было всего три четверти или одна верста. Со стороны неприятеля слышались телефонные и телеграфные звонки, мелькали огни.

Мои нервы были взвинчены: меня очень беспокоивала предстоящая встреча с донцами. Опасаясь эксцессов со стороны казаков, я решился на рискованный шаг. Я узнал, что в хуторе скрываются белые казаки, которых решил разыскать и послать парламентарями к донцам, сообщив им мое намерение перейти на их сторону... Итак, послав одного из белых казаков к донцам, я, нервничая, стал ожидать их ответа. Я поставил условием перехода, что не буду арестован, что оружие останется при мне, что мой автомобиль не будет отобран и что моя семья будет в полной безопасности»¹⁵⁸. Вскоре от белых вернулся посланец, сообщивший, что все условия Всеволодова будут выполнены.

Переживания, испытанные Всеволодовым после перехода на сторону белых, схожи с впечатлениями другого перебежчика, генерала А.Л. Носовича. Сам перебежчик вспоминал: «Я всем сердцем чувствовал предстоящую радостную встречу с донцами.

---

¹⁵⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 213–214.

¹⁵⁸ Всеволодов Н.Д. Минувшее // МРК. 60050 М. С. 137.

На гребне холмов показались темные силуэты казаков Голикова с пиками и пестрыми значками, покидавших хутор. Стройными рядами казачьи сотни с песнями уходили на восток ...

Получалась странная, нелепая аномалия: я, командарм IX, находился ближе к противнику, чем казачья дивизия, по крайней мере, на полторы версты да еще вместе с семьей! Я и до сих пор не могу понять, каким образом члены Революционного совета армии могли этого не заметить и оставили меня безо всякого надзора и наблюдения? Впоследствии я узнал, что за эту роковую ошибку и нерадение два члена совета были разжалованы в солдаты и отправлены на фронт.

Когда при первых проблесках восходящего солнца исчезли последние силуэты казаков, я перекрестился три раза и тронулся в неведомый, туманный и небезопасный путь. Я, жена и дети сидели внутри автомобиля. Белые казаки, сопровождавшие меня, разместились: один, с пулеметом, рядом с шофером; двое, с пулеметом, сели в автомобиль вместе со мной; остальные, с винтовками, – по два на каждой подножке.

Ехали без дороги, полем и, ввиду большой нагрузки, медленно. Местность представляла собою болотистую, кочковатую тундру.

Подъезжая к переправе через Медведицу, я увидел казачью сотню, выстроенную развернутым фронтом. Сердце мое забилося сильнее: “Ага, это почетный караул! – думал я. – Значит, все благополучно”.

Подъехав на сто шагов к сотне, я вышел из автомобиля и направился к казакам. Стоявший впереди сотни офицер, очевидно командир, вынул шашку и, салютуя, подъехал ко мне. Я же глазами искал почетную депутацию с хлебом и солью, однако никакой депутации не увидел.

Командир сотни и три казака подъехали ближе, и командир обратился ко мне со следующими словами:

– Генерал! По приказанию моего начальства, я вас арестую. Постарайтесь сдать вашу шашку, револьвер и ценные вещи.

У меня потемнело в глазах, ноги подкосились. “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – подумал я. – Где же честное и благородное слово донского казака?!”

Отобрав у меня шашку и два револьвера, меня посадили в автомобиль и повезли в штаб дивизии. Казачий офицер в чине хорунжего сел с правой моей стороны, посередине между мною и женой. Он вынул револьвер, приставил его к моему правому виску и сказал:

– Если вы сделаете попытку к побегу и неповиновению, я вас застрелю!

Выглядел он возбужденным, зверским и решительным. Он был готов на все.

Так мы ехали в штаб дивизии. На каждом ухабе мы все высоко подпрыгивали, и я рисковал получить пулю в висок.

В штабе дивизии меня встретил войсковой старшина Егоров и два офицера, руки мне не подали, держали себя надменно и, я бы сказал, – нахально.

Я подумал: “Какие же вы идиоты высокого полета! К вам добровольно явился командир IX советской армии и принес чрезвычайной важности, неоценимые сведения и документы, а вы отворачиваете от него нос. Какие же вы необразованные хамы!”

После десятиминутного разговора меня повезли в штаб Первого Донского корпуса Генерального штаба генерала [Н.Н.] Алексеева. Грубый и полудиккий хорунжий исчез. Его заменил урядник старшего возраста, с бородкой и проседью, лет сорока восьми. Он был вооружен винтовкой, имел добродушное, приятное лицо, спокойный взгляд и производил симпатичное впечатление; в противоположность хорунжему, он был вежлив и предупредителен.

Мы ехали молча. Я был подавлен и разбит. Черные, тревожные мысли роились в моей голове, кто-то шептал мне на ухо: “Беги обратно, пока еще не поздно, не то тебя расстреляют. Скажешь, что ты попал в плен и бежал!”

Значит, все, что говорили и писали о донцах, было правдой! Но как я мог бежать, когда со мною были жена и дети? Да и кто мне поверит, что я попал в плен? – членов совета не проведешь!»¹⁵⁹ Таким образом, к перебежчику отнеслись с недоверием.

В штабе I Донского отдельного корпуса Всеволодов представился генералу Н.Н. Алексееву. Прием был уважительным. Всеволодов подробно изложил обстановку, сообщил расположение частей РККА, планы его и соседних армий. Фактически Всеволодов предоставил донскому командованию данные, позволившие захватить город Балашов.

Упоминание восходящего солнца в описании бегства Всеволодова позволяет сделать вывод, что непосредственно побег произошел 23 июня. Это подтверждает запись в журнале военных действий штаба Донской армии, где под 10 (23) июня 1919 г. записано: «В районе ст[а]нц[ии] Липки нашим частям добровольно сдался командующий X (так

---

¹⁵⁹ Там же. С. 139–141.

в документе. – А.Г.) советской армией Генштаба п[олковни]к Всеволодов»¹⁶⁰. Эти сведения содержались в оперативной сводке № 393/к от 11 (24) июня.

Ценности Всеволодов закопал в саду на станции Серебряково, причем позднее сумел за ними вернуться. Затем Всеволодова отправили в Екатеринодар, откуда он вместе со Ставкой генерала А.И. Деникина переехал в Таганрог.

Три дня, вплоть до 26 июня, РВС 9-й армии отмалчивался, считая, что Всеволодов находился при дивизиях, после чего стало уже очевидным, что он сбежал. Всеволодов оставил 9-ю армию в тяжелом положении. Мало того, что армия несколько дней фактически никем не управлялась, а РВС фронта не присылал руководящих указаний, противник пытался отрезать боевые части от армейских тылов, и существовала угроза обхода правого фланга¹⁶¹. В целом же измена Всеволодова способствовала успехам белых на их правом фланге – в Донской области и в районе Царицына, в том числе и взятию последнего. Армия Всеволодова не оказала содействия соседней 10-й армии другого военспец-генштабиста бывшего подполковника Л.Л. Ключева.

Из штаба Южного фронта 1 июля 1919 г. главкомом Вацетисом была получена и перенаправлена В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому телеграмма следующего содержания: «Козлов 1 июля командарм 9 Всеволодов при отходе частей 9[-й] армии с линии Дона и из района Серебряко[во –] Арчеда на Бузулукскую позицию отправил штарм из Михайловки через х[утор] Сенновский на Елань, остался [в] Михайловке для непосредственной связи руководства дивизиями. 22 июня Всеволодов был на хуторе Сенновском, откуда якобы отправился на Елань к штарму. Как выяснилось впоследствии, командарм 9 покинул штадив и исчез бесследно. Ряд показаний местного населения и выяснившееся поведение командарма [в] районе хутора Сенновского дают некоторые основания полагать, что Всеволодов на автомобиле с семьей перешел на сторону Деникина. Вр.и.д. командармом назначен начдив 14 Степин. № 6453/оп Командюж¹⁶² Гиттис, член Реввоенсовета Сокольников»¹⁶³.

¹⁶⁰ РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 207. Л. 41об.

¹⁶¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 215.

¹⁶² Командующий Южным фронтом.

¹⁶³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 196. Л. 23; То же: РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 60–60об.

Некоторое время красные считали, что Всеволодов был расстрелян, попав в плен¹⁶⁴. Однако со временем открылась неприятная правда. Переход Всеволодова к противнику стал предметом особого внимания председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского. В частности, статья Всеволодова «Разгром южных советских армий» из белогвардейской газеты «Утро Юга» (№ 157–185 от 17 (30) июля 1919 г.), в которой тот не без некоторого преувеличения написал о своей подрывной работе у красных накануне перехода, была добыта советской разведкой и хранилась уже в сентябре 1919 г. непосредственно у Дзержинского. Эти материалы были доложены В.И. Ленину, Н.Н. Крестинскому¹⁶⁵ и другим государственным деятелям. Фрагменты статьи Всеволодова представляют при критическом к ним отношении значительный интерес¹⁶⁶.

По советским документам учета кадров Генерального штаба начала 1920 г. Всеволодов числился без вести пропавшим. Причем к списку, в котором фигурировала его фамилия, прилагалась справка следующего содержания: «Ввиду того что полной документальной уверенности в окончательном исчезновении лиц Генштаба, поименованных в прилагаемом при сем списке, нет, – исключение последних из списков Генерального штаба, согласно резолюции начальника Всероссийского главного штаба, статьями приказа Реввоенсовета Республики проведено не будет»¹⁶⁷.

Временно исполняющим обязанности командующего армией в связи с исчезновением командарма был назначен начальник штаба армии В.И. Преображенский, однако он был слишком далеко от передовой, чтобы взять управление в свои руки, и руководил только тылом армии и борьбой с дезертирством. Непосредственное управление войсками на фронте перешло к начальнику 14-й стрелковой дивизии А.К. Степину (правильно – Степиню, в войсках употреблялся русифицированный вариант латышской фамилии начдива¹⁶⁸), который занимал пост командующего армией длительный по меркам Гражданской войны срок вплоть до февраля 1920 г.

---

¹⁶⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38.

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 25. Л. 3.

¹⁶⁶ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 28–29об.

¹⁶⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 48.

¹⁶⁸ Мерцков К.А. На службе народу. С. 40.

После измены Всеволодова началось выяснение отношений между РВС армии и РВС Южного фронта. Каждая из сторон стремилась возложить ответственность за неприятный инцидент на другую. РВС фронта считал, что члены армейского РВС безответственно отнеслись к надзору за командармом, тем более считавшимся неблагонадежным, упустили его из виду. Кроме того, обвиняли РВС 9-й армии в неправильной организации управления армией после исчезновения командарма. Комиссары 9-й армии Ходоровский и Михайлов в ответ заявляли о том, что не обязаны следовать за командармом по пятам, а относительно управления армией руководствовались распоряжениями РВС фронта¹⁶⁹. Интересно, что 24 июня 1919 г. к А.Д. Троцкому, В.И. Ленину и М.И. Калинину обратился с пространной телеграммой командир Особого корпуса (бывшего Экспедиционного, направленного на борьбу с казаками-повстанцами) Ф.К. Миронов, еще один подозрительный с точки зрения большевистского руководства военный специалист. Миронов подробно изложил свое видение советской политики в отношении казачества и среди прочего, очевидно, еще не зная об измене Всеволодова, предложил свою кандидатуру на пост командующего 9-й армией¹⁷⁰. Впрочем, на этот пост он назначен не был.

Реввоентрибуналом республики было проведено расследование действий РВС 9-й армии во время отступления¹⁷¹. Следствие, прежде всего, интересовало вопрос, почему комиссары оставили командарма одного, что и позволило ему уйти к противнику.

Определенное отношение к последствиям измены Всеволодова имел состоявшийся 2 августа 1919 г., существенно позже этих событий, сравнительно резкий разговор по прямому проводу члена РВС Южного фронта Г.Я. Сокольникова с членом РВС 9-й армии Б.Д. Михайловым. Беседа касалась исчезновения начальника штаба армии бывшего генерала Н.Н. Карепова, последовавшего примеру Всеволодова и бежавшего к белым, а также проблемы со специалистами Генерального штаба в 9-й армии: «[Сокольников:] Наштарма лучшего, чем [Г.Д.] Суходольский, дать сейчас не можем, но штарм обязательно усилим, скажите, почему [Н.Н.] Карепов до сих пор не явился, где он.

---

¹⁶⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 217–218.

¹⁷⁰ Филипп Миронов... С. 220.

¹⁷¹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 202.

[Михайлов:] По последним сведениям Карепов еще в Камышине заболел дизентерией, дали ему предписание эвакуироваться в Пензу, никаких сведений сейчас о нем не имею, наведем справку через штаб 10. Суходольский хороший оперативный работник, но вести организационную работу, лежащую на наштарме, он не может, о чем и сам заявляет.

[Сокольников:] Вы не дали времени [В.И.] Преображенскому¹⁷² войти в работу, а теперь вылезайте, как знаете, повторяю, к сожалению, лучшего наштарма сейчас дать не можем, при первой возможности направим. Карепова настаивал неоднократно, хотя бы под конвоем, доставить [в] Козлов, теперь много шансов[, что] Карепов у Деникина, таким образом, 9[-я] армия становится поставщиком командного состава Деникину. Реввоенсовет должен уметь контролировать и заставлять подчиняться себе военных специалистов, это требует такта, но и сильной руки, надеюсь, что Карепов – последняя жертва Реввоенсовета 9. До свидания»¹⁷³. Действительно, Карепов бежал к белым и поступил на службу во ВСЮР. Как и Всеволодов, он был ранее (в его случае – осенью 1918 г.) арестован, что едва ли добавило Карепову симпатий по отношению к советской власти¹⁷⁴.

Важнейшим вопросом, связанным с изменой Всеволодова, является вопрос о масштабах вреда, нанесенного его предательством красным, и о том, вел ли он планомерную вредительскую деятельность в РККА или же совершил спонтанную измену в целях личного спасения. Ответ на этот вопрос неоднозначен. Совокупность известных характеристик Всеволодова позволяет считать его не вполне порядочным человеком, приоритетом для которого был не служебный долг, а личное благополучие. В этом сходятся и белые и красные. Подтверждает это и дореволюционная служебная характеристика Всеволодова.

Между тем подпольная деятельность в обстановке Гражданской войны на столь высоком посту, как пост командующего армией, была сопряжена с невероятным риском. На карту ставилась сама жизнь подпольщика, не говоря о том, что существовала (пусть на уровне декларированных распоряжений) определенная угроза безопасности членов семьи. Таким образом, целенаправленную и успешную под-

¹⁷² Преображенский Владимир Иванович (15.06.1883-?) – бывший подполковник, военный специалист РККА. Начальник штаба 9-й армии (16.06–25.07.1919).

¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 190. Л. 85.

¹⁷⁴ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 341. Л. 204об.

польную работу мог вести лишь человек, обладавший высокой идейностью, чего никак нельзя сказать о Всеволодове. Едва ли успешным белым агентом мог быть военспец, занимавшийся в свободное время уходом за коровой и свиньями, торговлей молоком, поисками продовольствия. В этом смысле вред от его деятельности для красных, видимо, был не столь велик, как впоследствии, оказавшись в белом лагере, заявлял сам перебежчик.

Сослуживцы злословили, отмечая благоволение белых к Всеволодову (в документе – В.), «вся заслуга которого состояла в том, что он сорвал операцию не по умыслу, а по своей безграмотности»¹⁷⁵. И действительно, читая пропагандистские статьи Всеволодова в белой печати, невозможно поверить, что подобное написано штаб-офицером с академическим образованием.

Такой взгляд разделяли и некоторые участники событий. Так, например, начальник 16-й стрелковой дивизии Р.П. Эйдеман полагал, что «измена Всеволодова явилась результатом не его сознательного умысла, а следствием его бездарности, вызвавшей ряд неудач 9-й армии. Боязнь ответственности за неудачи в связи с общими успехами противника и толкнула Всеволодова на открытую измену в надежде этим спасти себя от ответственности и выслужиться перед противником»¹⁷⁶. Думается, к этой оценке следует добавить фактор ареста Всеволодова в 1918 г., а также пренебрежительного отношения советского военно-политического руководства к его просьбам на протяжении многих месяцев службы.

И все же определенные последствия эта измена имела. В ходе апрельских боев 1919 г. он, по всей видимости, действительно способствовал успехам наступления белых и неудачам 9-й армии. В июне же фактически устранился от командования армией, чем также способствовал ее развалу и отступлению. Одним из последствий глубокого отхода 9-й армии до линии рек Елань и Терса и измены Всеволодова стало отступление под угрозой охвата белыми правого фланга и даже выхода в тыл соседней 10-й армии¹⁷⁷. Ранее 10-я армия, по свидетельству ее командующего, находилась на восемь переходов

¹⁷⁵ Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 4.

¹⁷⁶ Цит. по: Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. С. 215.

¹⁷⁷ Клюев Л.[А.] Борьба за Царицын (1918–1919 гг.). М.; Л., 1928. С. 48–49, 51–52; Крылова Е.Т. Борьба за освобождение Царицына от денкинской контрреволюции (июнь–декабрь 1919 года): автореф. дис. ... к.и.н. М., 1952. С. 8; Анулов Ф.[А.] «Красный Верден» ... С. 75.

уступом вперед относительно соседней армии Всеволодова. В результате частями Кавказской армии белых под командованием генерала П.Н. Врангеля 30 июня был взят Царицын – стратегически важный пункт на Волге, необходимый для связи с антибольшевистскими силами Востока России.

Белые угрожали Балашову и Камышину, заняли всю Донскую область, красные не смогли удержать Балашовско-Поворинский укрепрайон, в июле ими были оставлены Балашов и Борисоглебск. Впрочем, успехи у белых в те дни были на многих направлениях. Еще в мае произошел перелом в их пользу в операциях на Южном фронте, а в июне они развивали предыдущие успехи. 23 июня был взят Белгород, 24-го – Харьков, 29-го – Екатеринослав, белые овладели Крымом. Моральный дух антибольшевистских сил возрастал, значительно увеличилась и численность их войск (по свидетельству генерала А.И. Деникина, численность Донской армии с конца мая по начало июля возросла в 2,7 раза¹⁷⁸, по учетной документации белых численность ВСЮР на 5 (18) мая 1919 г. (даты приводятся и по принятому у белых на Юге старому стилю) составляла 36 741 штык, 27 922 сабли при 2397 саперах, тогда как к 20 июня (3 июля) – уже 67 483 штыка, 36 514 сабель при 3152 саперах¹⁷⁹).

Одним из результатов неудач красных стала ротация командных и комиссарских кадров на советском Южном фронте. Так или иначе, вскоре после измены Всеволодова, 13 июля 1919 г. командующий фронтом В.М. Гиттис по предложению членов РВС фронта и Троцкого¹⁸⁰ был заменен В.Н. Егорьевым, из РВС фронта в тот же день ушел К.А. Мехоношин.

20 июня (3 июля) 1919 г. генерал А.И. Деникин в только что освобожденном от красных Царицыне издал приказ № 08878, более известный как «Московская директива». Согласно этому приказу конечной целью наступления армий было овладение Москвой. Части Добровольческой армии под командованием генерал-лейтенанта В.З. Май-Маевского наступали в направлении Курск – Орел – Тула, для обеспечения с запада войска должны были выдвинуться на линию Днепра и Десны, занять Киев и другие переправы от Екатеринослава до Брянска. Наступавшая восточнее Донская армия генерал-лей-

¹⁷⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 3, т. 4–5. С. 485.

¹⁷⁹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34.

¹⁸⁰ Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий... С. 198.

тенанта В.И. Сидорина должна была действовать на направлениях Воронеж – Козлов – Рязань и Новый Оскол – Елец – Кашира. Еще восточнее наступала Кавказская армия генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, задачей которой был выход на линию Саратов – Ртищево – Балашов, смена донских частей на этих направлениях и последующее движение на Пензу – Рузаевку – Арзамас и далее на Нижний Новгород, Владимир и Москву¹⁸¹. Начался знаменитый «поход на Москву» белых армий Юга России.

По свидетельству полковника А.А. фон Лампе, встречавшегося со Всеволодовым в Венгрии в конце 1922 г., Всеволодов, сдавший белым Борисоглебск, на протяжении полугода находился под следствием в лагере Деникина. В период пребывания под следствием кормить семью, вместе с которой он бежал, приходилось любыми способами. В частности, бывший командарм спекулировал нитками, покупая их в Новороссийске и продавая в Таганроге¹⁸². Подобная характеристика белого генерала вполне соответствует наблюдениям комиссара Ходоровского о деятельности Всеволодова в июне 1919 г. Возможно, длительное нахождение Всеволодова под следствием у белых и дало основания для версии, что белыми он был якобы расстрелян¹⁸³. На самом же деле Всеволодов у Деникина был реабилитирован, причем даже получил документы о том, что его деятельность принесла белым много пользы. В дальнейшем он служил в Крыму при генерале П.Н. Врангеле¹⁸⁴.

Чтобы прокормить семью, Всеволодов у белых стал подрабатывать. Достав теплушку, он приобрел в Новороссийске ходовые товары (булавки, гребенки, ленты, ситец, спички, шпильки, щетки), которые привез в Таганрог и продавал на базаре. Привыкший вращаться в петроградском обществе Всеволодов пренебрежительно относился к рыночным торговцам, среди которых ему пришлось работать: «Переодевшись в штатское платье, я, вместе с деревенскими бабами и мужиками, расположившись прямо на земле в рядах таганрогского базара, стал продавать свой товар. Дело пошло хорошо. Вначале было как-то странно и неприятно сидеть рядом со всяким сбродом, но постепенно я привык к своей новой роли. Это была ирония судьбы:

¹⁸¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 3, т. 4–5. С. 487.

¹⁸² ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

¹⁸³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 233.

вчера – командующий армией, сегодня – мелкий торгаш. Но я не роптал на Бога. Я радовался, что был на свободе и не имел над собой никакого контроля»¹⁸⁵. В этом высказывании заметна и гордость за свой статус командарма, хотя бы и в Красной армии.

Так прошло около полугода. В конце 1919 г. состоялся военно-полевой суд над Всеволодовым. К этому времени к белым перешли уже несколько военспецов из его окружения, включая бывшего начальника штаба 9-й армии Н.Н. Карепова (бывшего генерал-лейтенанта), а также бывшего начальника 14-й стрелковой дивизии А.С. Ролько (бывшего штабс-капитана). Среди перебежчиков был и некий полковник П., имя которого Всеволодов не афишировал.

Всеволодов вспоминал: «Суд состоял из двенадцати судей и председателя. Судьями были офицеры в штаб-офицерских чинах.

На суде генерал Карепов показал советскую газету, которую он захватил с собой. В этой газете, на первой странице, крупным и жирным шрифтом было напечатано:

Собаке – собачья смерть. – Бывший командарм IX, царский при- служник, белогвардеец и контрреволюционер Всеволодов измен- нически перешел на сторону белых. Однако он просчитался и был жестоко наказан. При переходе фронта он был арестован белыми и предан военно-полевому суду. Суд приговорил его к смертной казни через расстрел. Приговор был приведен в исполнение 25 августа 1919 года в 4 часа утра.

Так ввали советская печать и радио, запугивая всех тех офицеров, которые желали бы последовать моему примеру.

В ответ на это ложное сообщение белое командование пригласило меня в Ставку и предложило мне дать по радио опровержение, что я и сделал. Оно гласило: “Всем, всем, всем! Я, бывший командарм IX армии, заявляю, что сведения, помещенные в советской печати, о моем аресте и расстреле – ложны, не соответствуют действительности и являются провокацией. Я жив, здоров и нахожусь на свободе при Ставке главнокомандующего генерала Деникина”.

Показания офицеров моей бывшей армии, и особенно генерала Карепова, сыграли большую роль в моем деле, которое разбиралось военно-полевым судом 6 декабря 1919 года. Суд, рассмотрев дело, вынес мне оправдательный приговор. Председатель суда особо благо-

---

¹⁸⁵ Всеволодов Н.Д. Минувшее // МРК. 60050 М. С. 144.

дарил меня за решение, при боевой обстановке, перейти к белым и за сообщение важных оперативных сведений, которые были неоценимо полезны для белого командования.

На следующий после суда день я был вопреки правилам назначен начальником штаба обороны Таганрогского района»¹⁸⁶. Впрочем, белые уже отступали. Вскоре был оставлен и Таганрог. Сам Всеволодов при этом едва не попал в плен к красным, что могло кончиться для него плохо. Затем в Новороссийске Всеволодова назначили начальником штаба обороны Новороссийского района, но сделать что-либо на этом посту он не мог. Тем более что вокруг города свободно действовали отряды зеленых.

Параллельно Всеволодов нашел себя на ниве военной журналистики. Белые газеты охотно печатали его воспоминания, военные и политические обзоры. Впрочем, содержание некоторых публикаций Всеволодова не может не вызвать недоумение. Так, например, в конце февраля 1920 г., когда устойчивость положения белых на Кавказе уже вызывала опасения, Всеволодов в одной из статей заявил, что белые могут продержаться на Кавказе от месяца до трех, а при поддержке союзного флота даже больше. После этого бывший военспец обнадежил читателей тем, что «в апреле месяце к нам должны подойти сильные подкрепления со стороны болгарских регулярных войск, в числе 25–30 тысяч»¹⁸⁷. Надо ли говорить о том, что это фантастическое заявление ровным счетом ни на чем не основывалось.

По мнению Всеволодова, высказанному им, видимо, уже в эмиграции, одной из основных причин неудачи белых были ограничения на прием перебежчиков из РККА, тогда как там, по его мнению, изложенному А.А. фон Лампе, «все старшие были, безусловно, на нашей стороне и только после того, как было установлено, что у нас полная непримиримость, стали служить с горя большевикам...»¹⁸⁸ С такой оценкой Лампе соглашался лишь отчасти. С одной стороны, он отметил: «Как же было принимать всех без разбора, когда можно было нарваться на организованную большевиками провокацию»¹⁸⁹. Но в то же время писал, что, действительно, озлобление против быв-

¹⁸⁶ Там же. С. 145–146.

¹⁸⁷ *Всеволодов Н. [Д.]* Тихорецкая – Кавказская // *Вечернее время (Новороссийск)*. 1920. 29.02. № 481. С. 2.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

¹⁸⁹ Там же.

ших красных было в антибольшевистском лагере довольно велико: «Помню и меня-то приняли неласково, а я вне армии был ее же представителем в Харькове»¹⁹⁰.

25 марта 1920 г. Всеволодов с семьей (супруга Анастасия Петровна и уже трое детей) выехал из Новороссийска на остров Лемнос на пароходе «Бюргермейстер Шредер»¹⁹¹. Третьим ребенком был сын Юрий. Всеволодов в мемуарах упомянул, что во второй половине 1930-х гг. Юрию было 17 лет. На Лемносе семья оказалась к 8 мая 1920 г.¹⁹² Позднее Всеволодовы переехали в Константинополь.

Жизнь в Константинополе оказалась нелегкой. Сначала Всеволодова ограбили англичане. После этого он тем не менее купил автомобиль и открыл свое дело. Поселился с семьей в домике, сколоченном из ящиков. Однако бизнес не задался из-за разгула криминала, покрываемого турецкой полицией. Тогда Всеволодов открыл чайную на площади Таксим, но и это предприятие пришлось свернуть из-за недобросовестной конкуренции со стороны турок. После этого из Константинополя при содействии русского военного агента в Турции Всеволодовы срочно переехали в Венгрию (Будапешт), поскольку якобы существовала угроза жизни Всеволодову как высокопоставленному перебежчику. Опасались Всеволодовы и советизации Турции. При этом полковник умудрился вывезти в Венгрию и имевшийся у него автомобиль.

Жизнь Всеволодова в Венгрии, особенно в первое время, была очень тяжелой. В мае 1921 г. в Будапеште родилась дочь Татьяна. Всеволодов стал работать таксистом. А.А. фон Лампе писал о нем 31 января 1923 г. генералу А.П. Кутепову: «Еще до моего приезда в Будапешт, уполномоченным Красного Креста одна из немногих комнат в общежитии была предоставлена полковнику Генерального штаба В с е в о л о д о в у. Я был также и в этой комнате и увидел в очень небольшом помещении самого полковника Всеволодова, его жену, троих детей и ... автомобиль. Последний представляет собою единственное достояние этой семьи, куплен он при посредстве Земско-городского союза в Константинополе и постепенно оплачен, так как полковник Всеволодов – шофер. Ввиду необходимости для сборки машины теплого помещения, по-видимому, вся семья и полу-

---

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 68. Л. 47об.

¹⁹² ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 140. Л. 67.

чила комнату. Нечего и говорить, что помещение представляет собою мало завидного»¹⁹³.

Одно из упоминаний о Всеволодове относится к концу 1926 г. В сводке № 9 о жизни союзов во II отделе РОВС к 1 декабря 1926 г., не предназначенной для печати, сообщалось о деятельности Союза русских офицеров в Королевстве Венгерском и отдела Общества галлиполийцев в Венгрии: «С грустью надо констатировать, что вся деятельность союзов неизбежно сводится к парированию нападений со стороны так называемых “законопослушных” монархистов (легитимистов. – А.Г.) во главе с исключенным из Русского общевосточного союза генералом [Б.В.] Шульгиным. В полной солидарности с ним действуют полковник князь Оболенский, бывший когда-то губернатором в г. Ставрополе, и Генерального штаба полковник Всеволодов, ранее командовавший IX советской армией. Относительно последнего надо отметить, что все его стремления ранее примкнуть к галлиполийцам всегда встречали с их стороны неприязненное отношение, несмотря на то, что командованием Всеволодов был полностью реабилитирован. Справиться с этой нетерпимостью не представлялось возможным»¹⁹⁴.

К середине 1930-х гг. Всеволодов нашел себя в другой сфере – организовал хор для озвучивания немого кино, а позднее создал свой балалаечный, а затем джазовый оркестр. В оркестре играли и двое сыновей Всеволодова – Борис и Юрий. Сам бывший командарм играл на рояле. С оркестром Всеволодов выступал в Италии. При этом ему повсеместно мерещились советские агенты, якобы разыскивавшие его по итогам Гражданской войны. Позднее в Венгрии Всеволодов с дочерью Татьяной создал джазовый дуэт.

В годы Второй мировой войны Всеволодов организовал магазин, в котором торговал чаем, кофе, фруктами, закусками. Из-за издержек этот бизнес пришлось закрыть. Всеволодов уехал в курортный городок Борсек в Карпатах, где вновь занялся музыкой. В конце войны Всеволодов попытался из Венгрии уехать в Швецию, но это не удалось.

В Венгрии Всеволодов дожил до конца Второй мировой войны. В октябре 1944 г. семья по стечению обстоятельств разделилась. Супруга Всеволодова, сын Николай с семьей и сын Юрий остались

---

¹⁹³ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 233.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 31. Л. 89.

в Будапеште (удивительно, но Всеволодов даже не упомянул об их дальнейшей судьбе). Мемуарист с дочерью уехали в Шопрон к сыну Борису. Далее Всеволодов с дочерью отправились в Австрию. Затем им удалось уехать в Бразилию на пароходе, а оттуда в Парагвай, куда они прибыли 15 сентября 1948 г. В Парагвае их встретил русский генерал Н. Ф. Эрн. После нескольких лет жизни в Парагвае Всеволодов, видимо, в марте 1951 г. уехал в Аргентину. Работал на фабрике роялей, а позднее открыл свой кондитерский магазин. Впоследствии Всеволодов с дочерью уехал в США и поселился в Лос-Анджелесе, где около 1964 г. написал воспоминания.

О переезде в США Всеволодов вспоминал: «Мы закрыли магазин и уехали в другое государство. Здесь, в этой благословенной Богом стране, мы нашли все то, что мило и дорого нашему сердцу»¹⁹⁵. И далее: «Хотя мне исполнилось восемьдесят пять лет, но я не унываю, бодр, здоров и с большим желанием и энергией принялся за созидание новой жизни»¹⁹⁶. Продолжая апологию американской жизни, Всеволодов заключал, что в США «обеспечивают свободную и счастливую жизнь каждому гражданину. Здесь все предусмотрено до мельчайших деталей, и обыватель может жить, работать и творить уверенно и спокойно в противоположность гражданам Советского Союза, где нет никакой свободы и никто не знает, что с ним случится завтра»¹⁹⁷. Свои дни командарм окончил в Лос-Анджелесе 12 июля 1967 г. Похоронен он на кладбище Роуз Хилл Мемориал Парк¹⁹⁸.

* * *

Н. Д. Всеволодов – противоречивая историческая фигура. При всех его внеслужебных интересах Всеволодов в политическом отношении оставался носителем психологии кадрового офицерства, т.е. разделял идеи патриотизма, государственничества, национализма, а следовательно, являлся противником большевиков. Все это подкреплялось тем, что отношения с новой властью у него не складывались. Однако на страницах его мемуаров при явном неприятии террористических методов большевиков, при нелюбви ко всем атрибутам советского режима («матросне», комиссарам-евреям) и приверженности идеалам

¹⁹⁵ Всеволодов Н. Д. Минувшее // МРК. 60050 М. С. 211.

¹⁹⁶ Там же. С. 216.

¹⁹⁷ Там же. С. 220.

¹⁹⁸ Выражаю благодарность И. Франкфену за предоставленные сведения.

Белого движения прослеживаются и гордость за свой высокий статус командарма, и явные симпатии к деятелям Красной армии, в особенности к военспецам – таким же, как сам Всеволодов.

По-видимому, испытания революцией и Гражданской войной оказались слишком тяжелы для него. Не все участники тех событий были героями. Не был таковым и Всеволодов, оказавшийся вынесенным волей случая на высшие командные посты в Красной армии. При этом он прошел через череду драматических испытаний и удивительных приключений (многие их подробности изложены в его воспоминаниях), в результате событий 1917–1920 гг. лишился прежнего общественного положения, имущества, попал под арест, что было немыслимо для представителя военной элиты до революции, оказался свидетелем пугающих реалий ЧК эпохи красного террора, не раз находился на волосок от смерти. Затем был вынужден скитаться, неоднократно рисковать собственной жизнью и жизнью близких, торговать на базаре вместе с людьми совсем иного социального статуса. Всеволодов смог уехать из России и пострадал меньше других. Однако фактически в эмиграции ему пришлось начинать с нуля. Штаб-офицер русской армии работал таксистом, ресторатором, играл в оркестре. Та же участь была уготована и его детям. Не берясь судить поведение офицера, отметим, что речь идет о трагедии самого Всеволодова и его близких. Основываясь на анализе воспоминаний, вполне возможно предположить, что к концу жизни, сменив шесть стран, оказавшись очевидцем, участником и жертвой трех войн, мемуарист был уже не вполне здоровым человеком.

ПРИЛОЖЕНИЯ¹⁹⁹

Основной массив публикуемых документов представляет собой материалы, собранные членом РВС 9-й армии, старым большевиком (член партии с 1903 г.) И.И. Ходоровским, а также материалы расследования Реввоен трибунала республики.

Ходоровский был одним из видных проводников политики расказачивания на Дону. Документы эти сохранились в Российском государственном военном архиве, по крайней мере, в двух комплектах: один, адресованный председателю РВСР Л.Д. Троцкому – в фонде секретариата председателя РВСР; второй, адресованный ЦК РКП(б) – в фонде управления 9-й армии. Предыстория появления этих комплектов документов, неясная из дела, сохранившегося в фонде председателя РВСР, становится понятной при ознакомлении с документами из второго комплекта, снабженными несколькими сопроводительными записками, а также из материалов Реввоен трибунала республики.

Комиссар Ходоровский являлся одним из двух членов РВС 9-й армии, в отношении которых Реввоен трибунал республики по инициативе Троцкого проводил расследование в связи с бегством Всеволодова. Троцкий предполагал, что комиссары своими действиями могли способствовать измене Всеволодова. Чтобы доказать свою невиновность, Ходоровский собирал оправдательные документы, которые и вошли в подборку.

Уравновешивает эти документы рапорт члена РВС Южного фронта А.И. Окулова Л.Д. Троцкому, содержащий прямые обвинения в адрес членов РВС 9-й армии, допустивших измену командарма. Обстоятельства появления рапорта Окулова изложены в записке Троцкого из Курска по прямому проводу от 28 июня 1919 г., адресованной его заместителю Э.М. Склянскому для передачи в Полевой штаб РВСР в Серпухов и в РВС Южного фронта и отправленной 30 июня также члену Реввоенсовета республики С.И. Гусеву. В этой записке Троцкий потребовал строгого расследования деятельности РВС 9-й армии в период отступления: «Первые сведения заставляют думать, что в самый критический момент члены Реввоенсовета занимались собой и своими семьями, а не выполнением своего долга. Предлагаю трибуналу республики уполномочить лицо для

---

¹⁹⁹ Документы 3–18 впервые опубликованы в: Измена командарма Н.Д. Всеволодова / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 72–93; № 5. С. 71–91.

производства расследования, таким лицом мог быть тов. Окулов, еще не вступивший в исполнение обязанностей члена Реввоенсов[ета] Юж[ного фронта], на последнем не настаиваю. № 248/с 28/VI. Пред[седатель] Реввоенсовета республики Троцкий, зам[еститель] пред[седателя] Реввоенсовета республики [И.Ф.] Медянцеv»²⁰⁰.

Эти сведения дополняет телеграмма, отправленная военным следователем Реввоентрибунала республики Пешехоновым 26 июля 1919 г. из поезда Окулова в Воронеже в Серпухов на имя председателя Реввоентрибунала: «О Ходоровском, Михайлове закончил рапорт сего числа, подписан и отправляется тов. Троцкому за № 1040, копии его привезу Вам. Дело [С.А.] Баландина во всяком случае не имеет связи с делом Ходоровского за период 17–25 июня, мною исследованный, и расследование его могло быть передано во фронт в крайнем случае под чьим-либо особым наблюдением, и полагая, что я состою в распоряжении тов. Окулова лишь для расследования определенного дела, а именно [в] данном случае дела Ходоровского, прошу указания, оставаться мне и в дальнейшем в распоряжении тов. Окулова или же выезжать [в] Серпухов. Поезд[ом] следую [через] Нижнедевицк – Щигры – Ливны – Курск»²⁰¹.

После бегства Всеволодова комиссар Ходоровский был вызван в штаб Южного фронта, находившийся в Козлове²⁰². Там 1 июля 1919 г. он составил свой основной документ, связанный с изложением обстоятельств измены Всеволодова: «Докладную записку о событиях в девятой армии». В качестве приложений Ходоровский подготовил копии 16 документов, подтверждавших изложенное в записке. Ниже публикуется полный комплект этих документов.

5 июля 1919 г. Ходоровский составил обращение в ЦК, в котором писал: «Прилагая при сем докладную записку и 16 документов о событиях, имевших место в 9[-й] армии, прошу Ц.К. возбужденное мною дело, ввиду его огромной политической важности, рассмотреть в самом срочном порядке»²⁰³. В тот же день телеграммой Склянского в РВС Южного фронта и 9-й армии Ходоровский был освобожден от должности члена РВС 9-й армии и откомандирован в распоряжение политуправления РВСР²⁰⁴. Записку о необходимости явиться в Москву в политотдел

²⁰⁰ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 202. Л. 31.

²⁰¹ Там же. Л. 10.

²⁰² РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

²⁰³ РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 4. Л. 3.

²⁰⁴ Там же. Л. 2.

РВСР направил Ходоровскому и Троцкий²⁰⁵. Затем Ходоровский был освобожден от членства в РВС Южного фронта. 12 июля приказом РВСР его назначили членом РВС 2-й армии с 10 июля, и хотя 13 июля решение обсуждалось на заседании РВСР, назначение так и не состоялось²⁰⁶. Лишь 8 августа Ходоровский был назначен в распоряжение РВС Туркестанского фронта²⁰⁷, что можно расценить как очевидное понижение. В Москве Ходоровский, видимо, задержался надолго, поскольку именно там 12 августа 1919 г. он составил обширную докладную записку «Почему мы потерпели поражение на Южном фронте?», адресованную В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому, членам ЦК РКП(б), а также членам РВСР Э.М. Склянскому, С.И. Гусеву и А.И. Рыкову.

Для объективной оценки событий вокруг измены Н.Д. Всеволодова необходимы свидетельства и из противоборствующего лагеря, и прежде всего свидетельства самого перебежчика. И такие свидетельства удалось найти.

В сентябре 2018 г. в коллекцию Музея русской культуры в Сан-Франциско (МРК) поступил машинописный текст воспоминаний Н.Д. Всеволодова «Минувшее»²⁰⁸. Эти воспоминания Всеволодов написал на склоне лет в США. На титульном листе указано: Лос-Анджелес, Калифорния. Поскольку мемуарист упоминает, что ему исполнилось 85 лет, воспоминания следует датировать 1964 г. Всеволодов описал события революции и Гражданской войны, свою жизнь в Петрограде, арест ЧК, освобождение, службу в Красной армии, бегство к белым, жизнь на Юге России, эмиграцию, а затем и свои беженские скитания в Турции, Венгрии, Австрии, Парагвае, Аргентине и США. Общий объем мемуаров – 220 страниц.

Воспоминания сохранились среди книг библиотеки Мерем-Марии (Мариам) Кучуковны Ивановой-Улагай (28.09.1928–28.09.2016), поступившей на хранение в МРК. М.К. Иванова-Улагай была дочерью участника Белого движения Кучука Касполетовича Улагая. Жила и работала в Чили, затем с матерью и братом переехала в США, где поселилась в штате Мичиган, а позднее переехала в Калифорнию. В 1974 г. в Сан-Франциско она вышла замуж за Бориса Борисовича Иванова

²⁰⁵ Там же. Л. 1.

²⁰⁶ Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 258, 261.

²⁰⁷ Там же. С. 306.

²⁰⁸ МРК. 60050 М. Выражаю глубокую благодарность И. Франкьену за возможность ознакомиться с этим важным историческим источником.

(09.03.1920–18.05.2004). Ивановы занимались книжной торговлей, распространяя журнал «Посев» и эмигрантскую литературу, состояли в Народно-трудовом союзе, Конгрессе русских американцев, Коалиции русских антикоммунистических организаций.

Архив М.К. Ивановой-Улагай в МРК по состоянию на май 2020 г. не разобран. Каким образом в нем оказались воспоминания Всеволодова, неизвестно. Можно предположить, что машинописный экземпляр мемуаров первоначально попал к Б.Б. Иванову, который переехал в США из Аргентины 20 октября 1965 г. Как мы знаем, Всеволодов совершил такой же переезд чуть ранее и мог быть знаком с Ивановым.

Чем важны его воспоминания? Прежде всего, тем, что их автор в Гражданскую войну прошел необычный служебный путь, успев послужить командующим одной из советских армий, а затем оказался у белых и имел возможность сравнить порядки в противоборствующих лагерях. Воспоминания красных командармов эпохи Гражданской войны – большая редкость. Тем более ценно, что в данном случае речь идет о мемуарах человека драматической судьбы – одного из командармов, изменивших советской власти. Мемуары позволили уточнить сведения о деятельности Всеволодова и проследить его жизненный путь с 1920-х по 1960-е гг.

Достоверность воспоминаний подтверждается их содержанием, совпадением разнообразных фактов и деталей, которые могли быть известны только участнику событий, с имеющимися в нашем распоряжении документами. Наконец, воспоминания рисуют портрет их автора, совпадающий с теми личностными особенностями Всеволодова, которые нам были ранее известны из документов. Своей задачей мемуарист считал, прежде всего, освещение событий революции и Гражданской войны, в которых он участвовал, поскольку в советской литературе эти факты, по его мнению, искажались.

Воспоминания Всеволодова представляют собой прежде неизвестный важный источник по истории Гражданской войны в России. В сочетании с другими свидетельствами они позволяют проанализировать ряд важных событий эпохи 1917–1920 гг., лучше понять поведение представителей офицерского корпуса в чрезвычайных условиях Гражданской войны. Освещают мемуары и последующую жизнь их автора, что также представляет интерес для специалистов.

ДОКУМЕНТ 1

**Телеграмма начальника штаба 9-й армии
Н.Д. Всеволодова председателю РВСР
Л.Д. Троцкому с копией в Серпухов главкому
И.И. Вацетису. 5 февраля 1919 г.**

Распоряжением главкома Вацетиса²⁰⁹ в октябре месяце 1918 года я как инвалид и доброволец был назначен начальником штаба Приволжского в [оенного] округа. По прибытии в Нижний Новгород выяснилось, что штаб Приволжского округа уже имеется, почему я был отправлен по собственному желанию на Южный фронт. Реввоенсовет Юж[ного] фронта назначил меня наштабром Кавказского и до отъезда экспедиции на Кавказ предложил мне на десять дней поехать в 9[-ю] армию для устройства штаба. Организовав штаб и наладив работу, я в ноябре возбудил ходатайство о командировании на Кавказ, но Реввоенсовет Юж[ного] фронта за неимением в девятой армии генштабов²¹⁰ приказал мне пока остаться на старом месте. За пять месяцев моей службы наштабром 9 в соседних армиях 8-й и 10-й сменилось по три начальника штаба, а в штабе фронта [-] 4, я же оставался в девятой армии один, работал не покладая рук при тягчайшей обстановке, я первый раз взял на себя смелость донести т. Троцкому²¹¹ о неисполнении приказов начдива Киквидзе²¹², что имело впоследствии громадное военное значение. При моем пребывании наштабром 9 армия выдвиганием вперед сначала на 100 верст привлекла на себя внимание противника. Выдержав жесточайший удар неприятеля у Борисоглебска, 9-я армия немедленно сама перешла в наступление и достигла Дона, выдвинувшись местами более чем на 200 верст вперед. Сам противник в своих донесениях ука-

²⁰⁹ Вацетис Иоаким Иоакимович (11.11.1873–28.07.1938) – бывший полковник, военный специалист РККА. Один из организаторов Красной армии. Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики (06.09.1918–08.07.1919).

²¹⁰ Т.е. генштабистов.

²¹¹ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (26.10.1879–21.08.1940) – российский революционер, член РСДРП(б). Народный комиссар по военным и морским делам (с 1918), председатель Высшего военного совета (1918), председатель РВСР и РВС СССР (1918–1925).

²¹² Киквидзе Василий Исидорович (28.02.1895–11.01.1919) – левый эсер, красный командир, сформировал и возглавил 1-ю дивизию внеочередного формирования (позднее – 16-ю стрелковую).

зывал, что его планам помешала девятая армия. Т[оварищ] Троцкий, будучи в Балашове, за мою работу предложил мне через Реввоенсовет 9 и командарма 9 объединенное командование Камышинской группой войск и 14-й дивизией, т. е. целой армией, выразив мне этим полное доверие и внимание. Если я и не принял это командование, то только потому, что с поражением противника обстановка этого не требовала. Неся ответственный пост наштарма, мои силы оказались настолько надорванными, что мне по совету врачей для восстановления здоровья надлежит немедленно воспользоваться хотя бы кратковременным отдыхом, главное [–] южным климатом. Однако, не считая возможным порывать [в] такой ответственный момент для Советской России с боевой обстановкой, я покорнейше прошу вас о назначении меня в Кавказскую армию на любой пост или по Генеральному штабу, или по своему родному роду оружия кавалерии, я кончил высшую кавалерийскую школу, где бы я мог, пользуясь благоприятными условиями климата для моего лечения, принести наибольшую пользу революции и вполне оправдать выраженное мне доверие т. Троцким. Препятствий на мой перевод на Кавказ со стороны командарма 9, Реввоенсовета 9 не имеется, тем более что теперь в штаб прибыли генштабы Яцко²¹³, Ролько²¹⁴, Петрасевич²¹⁵, Граужис²¹⁶ и еще прибывает три генштаба. Служба штаба вполне налажена, и генштаб Яцко является вполне готовым и отличным наштармом 9. Глубоко надеюсь, т. Мехоношин²¹⁷, что Вы, зная меня как бывший член Реввоенсовета Юж[ного] фронта,

²¹³ Яцко Иван Васильевич (24.12.1880–?) – бывший полковник, военный специалист РККА. Начальник оперативно-разведывательного отдела штаба 9-й армии.

²¹⁴ Ролько Аркадий Семенович (1887–?) – выпускник ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии (1918), бывший штабс-капитан. Военный специалист РККА, начальник штаба (24.08–11.11.1918), начальник 14-й стрелковой дивизии (11.11.1918–01.01.1919), заведующий связью штаба 9-й армии (с 01.1919). Перешел к белым (1919), служил во ВСЮР, капитан. Впоследствии вновь в РККА.

²¹⁵ Петрасевич Петр Николаевич (18.12.1885 – не ранее 1946) – бывший подполковник, военный специалист РККА. Начальник разведывательного отделения штаба 9-й армии (с 01.1919). Начальник оперативного отделения штаба 9-й армии (с 22.02.1919).

²¹⁶ Граужис Иван Иванович (Иван Карлович, Ян Карлович, Иван-Карл Иванович) (16.12.1884–19.01.1938) – бывший капитан, военный специалист РККА. Начальник оперативного отделения штаба 9-й армии (01–02.1919).

²¹⁷ Мехоношин Константин Александрович (30.10.1889–07.05.1938) – советский военно-политический деятель, член РВСР, председатель РВС Каспийско-Кавказского фронта (14.02–19.03.1919), член РВС Южного фронта (03.10.1918–26.01.1919; 15.06–13.07.1919).

найдете возможным назначить меня на Каскавфронт²¹⁸, что будет согласоваться и с обещанием Реввоенсовета фронта, данным мне в октябре месяце, исполнения которого я покорно и терпеливо ждал в течение четырех месяцев. № 5085. Наштарм 9 Генштаба Всеволодова.

РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 269–272.

ДОКУМЕНТ 2

Рапорт члена РВС Южного фронта А.И. Окулова председателю РВСР Л.Д. Троцкому. 26 июля 1919 г.

Копия
Секретно

Р.С.Ф.С.Р.
Член
Реввоенсовета
Южного фронта
«26» июля 1919 года
№ 1040
гор. Козлов Воронеж²¹⁹

Рапорт.

Согласно Вашему приказанию мною произведено расследование обстоятельств, связанных с оставлением полевым оперативным штабом 9-й армии и членами Реввоенсовета той же армии Ходоровским²²⁰, а также Михайловым²²¹ командующего 9-й армии Всеволодова.

---

²¹⁸ Каспийско-Кавказский фронт.

²¹⁹ Вписано.

²²⁰ Ходоровский Иосиф Исаевич (1885–07.05.1938) – революционер, член коллегии политотдела Южного фронта (1918), член РВС Южного фронта (17.01–06.07.1919), член РВС 9-й армии (23.03 – не позднее 12.07.1919).

²²¹ Михайлов Борис Данилович (15.07.1895–?) – революционер, член РВС 9-й армии (25.05–14.08.1919).

При расследовании оказалось следующее: 18-го июня с.г., когда полевой оперативный штаб 9-й армии, согласно постановлению Реввоенсовета армии от 16-го июня, переехал из хут[ора] Михайловка в хут[ор] Сенновской, член того же совета Ходоровский издал приказ по войскам армии за № 307, в коем, указывая на положение на фронте армии и на вспыхнувшее восстание зеленых в станицах по реке Медведице, отстоящих от Сенновского в 5–10 верстах, и объявляя об известном отсутствии в течение суток командующего армией Всеволодова, дал 23[-й] и 14[-й] дивизиям, входящим в состав армии, новую диспозицию, ставя всех в известность, что штаб армии переезжает из Сенновского в Елань.

Этот приказ не был тогда же передан в штаб Южного фронта ввиду отсутствия связи хут[ора] Сенновского с Козловым, а лишь 20 июня из Елани по приезде туда полевого оперативного штаба 9-й армии.

Этот приказ был подписан членом Реввоенсовета Ходоровским и скреплен Кареповым²²², который в полевом оперативном штабе временно исполнял должность начальника штаба армии. Таким образом, т. Ходоровский принял на себя командование армией, а также и ответственность, связанную с командованием армией.

Обстоятельства, предшествующие и сопровождающие отъезд штаба армии, были таковы. Из докладной записки «О событиях в 9-й армии» Ходоровского и свидетельских показаний усматривается, что 16 июня с.г. Реввоенсовет армии, ввиду создавшейся обстановки на фронте, постановил о переезде штаба армии из Михайловки в Елань через хут[ор] Сенновской и в последнем хуторе, по мысли командарма Всеволодова, штаб армии должен был задержаться. Все громоздкие учреждения штаба армии из Михайловки были по железной дороге отправлены в Балашов, а в Елань должны были следовать вместе с Ходоровским и его секретарем Шпрингенфельдом лишь вр.и.д. начальника штаба Карепов, начальник оперативного отдела Суходольский²²³, начальник оперативного отделения Петрасевич, начальник связи армии с техническими средствами связи, комендант штаба Шатков со своим

---

²²² Карепов Николай Николаевич (03.01.1860–13.08.1926) – бывший генерал-лейтенант, военный специалист РККА, вр.и.д. начальника штаба 9-й армии (01–29.05.1919; с 09.06.1919).

²²³ Суходольский Геннадий Дмитриевич (31.08.1880–1942) – бывший полковник, военный специалист РККА. Начальник оперативного отдела (26.02–24.07.1919) и вр.и.д. начальника штаба (24.07–15.08.1919) 9-й армии.

обозом и командою. Кроме того, при полевом штабе были отдельные сотрудники штаба из других его отделов. Было условлено, что все едущие со штабом сотрудники, составляющие оперативный аппарат штаба, выедут из Михайловки 17 июня между 17 и 18 часами и соберутся в Сенновском на оперативное совещание в 23 часа. Между Ходоровским и другим членом Реввоенсовета Михайловым было, по показанию Ходоровского, частным образом условлено, что Михайлов со штабом не едет, а остается в Михайловке ожидать прихода дивизий. Комиссар штаба Петров постановлением Реввоенсовета также оставался в Михайловке и ведал эвакуацией учреждений штаба на Балашов. Член Реввоенсовета Ходоровский вместе с семьей (женою и ребенком) и со своим секретарем Шпрингенфельдом на автомобиле выехал из Михайловки между 17 и 18 часами 17 июня. В это же время выехали в Сенновской т. т. Петрасевич и Суходольский на одном экипаже и т. Карепов со своей женою на другом экипаже.

В момент отъезда из Михайловки т. Петрасевичу командующий армией Всеволодов поручил отыскать ему, Всеволодову, квартиру в Сенновском и на вопрос Петрасевича, разве он не едет вместе с ними, ответил, что сперва поедет по хозяйственным делам, а затем в Сенновской и полагает приехать туда на автомобиле раньше, чем другие, и, во всяком случае, не позднее 23 часов, т. е. не позднее времени, на которое назначено оперативное совещание.

[В] 23 часа 17 июня в Сенновском собрались все сотрудники оперативного полевого штаба за исключением командарма Всеволодова.

Командарм, как показывает комиссар штаба Петров, выехал из Михайловки около 22 час. 17 июня и на вопрос оставшегося там Петрова, почему он так поздно выезжает, ответил, что он прособирался и теперь «по холодку» доедет. Вместе с командармом была его семья, на автомобиле сидел шофер Влас Карманов, а с двумя лошадьми был красноармеец комендантской команды Иван Прабошин²²⁴, который и показал, что Всеволодов из Михайловки поехал в какой-то хутор, отстоявший в 10 верстах от ст[анции] Кумылга по линии ж[елезной] д[ороги] Михайловка – Поворино и который на карте в 10 верстах дюйма не указан, но, по словам Прабошина, называется «Чернышевский». И в этом хуторе командарм держал корову у одного из крестьян²²⁵. Там

²²⁴ Далее в документе указан как Пропошин.

²²⁵ Подчеркнуто синим карандашом.

командарм переночевал и 18 июня утром медленно выехал на автомобиле в Сенновской. Ходоровский же вместе с оперативным штабом, прождав всю ночь командарма в Сенновском, запрашивал около 12 часов 18 июня по телефону Михайловку, причем Петров (комиссар штаба) сообщил Ходоровскому, что командарм выехал из Михайловки накануне. В это время Михайлова уже не было в Михайловке, так как он около 11 часов выехал на бронепоезде из Михайловки в Арчеду, в штаб 14-й дивизии, и не знал, что командарм не приезжал еще в Сенновской.

Между тем настроение в Сенновском делалось тревожным и не в смысле объективной опасности для штаба в Сенновском, а ввиду субъективных переживаний, связанных с отсутствием командарма как авторитетного руководителя армией, а также ввиду поступающих сведений о вспыхнувшем восстании зеленых в станицах, отстоящих в 5–10 верстах от Сенновского по реке Медведице, а именно в станицах: Етеревской, Раздорской, Сергиевской, в хуторах: Ильменском, Орловском и Заполянском.

Но об этом восстании зеленых в станице Сергиевской и в хуторах Орловском и Заполянском Ходоровский знал уже накануне из доклада начальника общего отделения Лелекина, приехавшего в Сенновской в качестве квартирьера и отводившего Ходоровскому с семьей квартиру. Т[оварищ] Лелекин доложил Ходоровскому, что, по сведениям сенновского исполкома, волнения²²⁶ среди казаков вызваны мобилизацией и что опасности сейчас для штаба нет, ибо казаки ограничиваются лишь тем, что останавливают одиночных людей, отбирают оружие и отпускают задержанных, хотя были случаи обстрела казаками проходивших через полосу восстаний обозов.

Кроме того, Шатков, комендант штаба армии, показывает, что, когда он с обозом и людьми втянулся в хут[ор] Сенновской, то одновременно с ним туда пришел и обоз какой-то части 14-й дивизии с начальником хозяйственной части, но фамилию его он не знает, который доложил Ходоровскому, что, идя с обозом из станицы Раздорской в хут[ор] Орловский, ввиду восстания должен был свернуть с пути в хут[ор] Сенновской, но что он намерен собрать своих людей и с обозом пробиться по данному маршруту к хут[ору] Орловскому. На другой день, т. е. 18 июня, Ходоровский написал ему предписание собрать людей,

---

²²⁶ В документе – волнение.

пробиться и о результатах донести. Затем, около 2 или 3 часов 18 июня с.г. из района восставших станиц прибежали три человека и просили у штаба помощи, говоря, что под станицей Раздорской собралось восставших около 500 человек, но что оружия у них мало. Утром же 18-го была слышна стрельба из пулеметов, как потом оказалось (см. показание свидетеля Бушкова), стрелял пулемет обоза 14-й дивизии.

Отсутствие командарма и слухи о восстаниях создали в ночь с 17-го на 18-е тревожное настроение среди некоторых сотрудников штаба и в особенности среди телефонистов и телеграфистов, из которых первые утверждали, что телефонные разговоры Сенновского с Михайловкой подслушиваются. Между тем упол[номоченный] верх[овного] ком[иссара] тель²²⁷ связи, техник по образованию, т. Бушков показывает, что подслушивание нельзя считать установленным, ибо это только предположение, вызванное, может быть, обстановкой; и вообще трудно и даже невозможно установить факт подслушивания телефонного разговора. Кроме того, не было никаких оснований предполагать, что телефонные разговоры подслушивались, так как провод шел из Сенновского в Михайловку не через полосу восстаний. Хотя один из свидетелей, а именно секретарь Ходоровского Шпрингенфельд, и показывает, что провод шел через восставшие станицы, однако это не соответствует действительности, так как, согласно схемы связи, провод шел из Сенновского в Михайловку, не задевая объятых восстанием станиц, лежащих по реке Медведице. Однако настроение было таково, что факт подслушивания был установлен, и депеши и распоряжения, подлежащие передаче в дивизии, были задержаны, так как по телефону опасались их передавать, а телеграф с Михайловкой в течение ночи с 17-го по 18-е не работал.

В Сенновском жизнь шла вполне нормально в момент приезда штаба армии, замечалось лишь, как показывает свидетель т. Суходольский, небольшое количество мужчин. Утром и в течение дня 18 июня через Сенновский тянулись обозы, преимущественно со стороны Михайловки, а к вечеру этого дня через хутор проходили лишь отдельные повозки и встречались одиночные всадники. Таким образом, непосредственной опасности штабу армии, состоящему лишь из оперативного аппарата, не было²²⁸.

---

²²⁷ Телефонной.

²²⁸ Вписано поверх – не грозило.

Но если бы даже восстание и имело тенденцию выйти из леса, восставших станиц, то в распоряжении штаба для собственной защиты находилась комендантская команда численностью около 100 человек, по приказанию т. Шпрингенфельда, а также Камышинская бригада, которая, по утверждению т. Шаткова, имела до 200 штыков, 6 пулеметов, а по сведениям т. Петрасевича, и три орудия, из которых два были в исправности.

Около 10 час. 18 июня в Сенновском в помещении телеграфного отделения собрались, как показывает т. Лелекин, Ходоровский, Карепов, Суходольский и другие сотрудники штаба. Отсутствие командарма, который к тому времени не приехал, неимение связи со штабом фронта, а также слухи о восстаниях подействовали на Ходоровского и Карепова, которые были с семьями, и выдвинули вопрос: что делать: ехать дальше или ждать командарма. Но к определенному решению, по показанию того же т. Лелекина, не пришли, и у него создалось впечатление, что штаб 18 июня еще не уедет и останется ждать командарма, который, ввиду плохой погоды, мог застрять с автомобилем в пути. Но такое решение было крайне неопределенно, и т. Суходольский, как он сам показывает, вместе с Петрасевичем около 16 часов пошли к Карепову окончательно выяснить вопрос о переезде штаба, так как от этого зависело начинать работу штаба или же дела не раскладывать.

Для окончательного решения этого вопроса они втроем пошли к Ходоровскому на квартиру. Ходоровский, по показанию нескольких свидетелей, был взволнован и нервничал. На этом совещании было решено, что командарма ждать нечего и так как обстановка неясна и нет связи со штабом фронта, то необходимо переехать туда, где есть связь с фронтом, а именно в Елань, тем более что и оттуда должна быть и связь с дивизиями.

Тогда-то и был написан упомянутый в начале сего рапорта приказ за подписью Ходоровского и Карепова, в котором объявлялось о известном отсутствии командарма и о переходе штаба в Елань.

В своей докладной записке о событиях в девятой армии Ходоровский говорит, что в Сенновском в его распоряжении не было достаточных сил для защиты штаба, за исключением Камышинской бригады в 80–90 оборванных людей и подходившей комендантской роты штаба. Однако, допуская численность Камышинской бригады, согласно сведениям, имеющимся у Ходоровского, сил было вполне достаточно для борь-

бы с повстанцами, как показывает т. Суходольский, а комендантская команда, согласно показанию коменданта штаба, в 22 часа 17 июня была уже в Сенновском.

Ходоровский ссылается на отсутствие связи со штабом Южного фронта и на ежеминутно прерывающуюся связь с дивизиями.

Связи со штабом фронта действительно не было, но это, как объясняет свидетель т. Бушков, зависело не от того, что вообще связи не было с Козловым, но от того, что погода была дождливая. Что же касается связи с дивизиями, то таковая была во все время пребывания штаба в Сенновском. Может быть, и прерывалась, но не настолько часто, чтобы можно было сказать, что связи с дивизиями совершенно не было. Наоборот, свидетели показывают, что связь с дивизиями существовала все время, так как она была двойная: телеграфная и телефонная, и из показаний Бушкова усматривается, что когда в ночь с 17-е на 18-е телеграф с Михайловкой не работал, то все распоряжения могли быть переданы по телефону.

В течение 18 июня связь продолжалась с Михайловкой, следовательно, и со штабом 23-й дивизии; так, сам же Ходоровский в своей докладной записке заявляет, что в 2 часа ночи 18 июня с.г. он говорил с начальником штаба 1-й бригады 23-й дивизии, в 12 часов говорил с Петровым, а комендант штаба Шатков в самый момент выезда штаба из Сенновского по телефону же получил сведения из Михайловки, что Петров с отрядом вышел, направляясь в Сенновской, в 18 часов 25 мин. Таким образом, связь с дивизиями была, связь же со штабом фронта временно не работа[ла] в течение 17 и 18 июня, но была даже еще 21 июня, как это усматривается из схемы связи, через станции Серебряково и Филиново, и командарм 19 июня послал в штаб Южного фронта целый ряд донесений, в копиях полученных из штаюжа²²⁹ и имеющихся в деле. Итак, несмотря на то, что связь с дивизиями была, со штабом же фронта лишь временно не работала вследствие дождливой погоды и что непосредственной опасности для штаба не было со стороны зеленых²³⁰, штаб армии все-таки выехал в Елань [в] 18 час. 18 июня лишь ввиду безвестного отсутствия командарма, которое создало паническое настроение в штабе армии и в особенности у Ходоровского, у которого, по словам свидетеля тов. Шаткова,

---

²²⁹ Штаба Южного фронта.

²³⁰ Со слов «для штаба» и до «зеленых» текст запечатан другим.

во время пребывания в Сенновском настроение было весьма нервное, как у человека штатского и притом неврастеника, попавшего в такое положение с семьей. То же подтверждают и другие свидетели, указывая на нервность и на возбужденность Ходоровского в Сенновском.

После отъезда полевого оперативного штаба армии из Сенновского во главе с Ходоровским туда через несколько часов прибыл с семьей из хут[ора] Чернышевского командарм Всеволодов. По словам комиссара штаба Петрова, который прибыл с отрядом в Сенновский в 21–22 часу 19 июня, командарм Всеволодов, по-видимому обрадованный приходом Петрова, стал ему жаловаться, что полевой оперативный штаб оставил его одного и уехал вместе с Ходоровским, который помимо этого забросал его, Всеволодова, грязью, пустив слух, что командарм перешел к зеленым. Кроме того, Всеволодов сообщил Петрову, что оперативный штаб, уезжая, забрал все средства связи, и только случайно он встретил начальника штаба 14-й дивизии Киселева²³¹ с телефонным аппаратом, которым воспользовался для соединения со штабом Южного фронта через Михайловку (ст[анция] Серебряково) и Филоново, отправив туда донесение о самовольном уходе оперативного штаба и отсутствии в Сенновском члена Реввоенсовета Ходоровского, уехавшего в Елань.

Командарм, узнав об обстановке под Сенновским, назначил 19 июня начальником охраны этапного коменданта в хут[оре] Сенновском, который и расставил вокруг Сенновского сторожевые посты. На другой день, т.е. 20 июня, со стороны леса, который окружал восставшие станицы к югу и юго-востоку от Сенновского, показались какие-то цепи, по которым сторожевые посты вокруг Сенновского открыли огонь. По словам Петрова, появившаяся цепь, однако, огня не открыла; такое поведение показалось тов. Петрову странным, и он по цепи приказал прекратить огонь, а сам пошел к командарму, который вместе с семьей и начальником штаба 14-й дивизии Киселевым наблюдал бой с колокольни. И когда командарм выразил свое удивление относительно прекращения стрельбы, то тов. Петров доложил командарму, что прекратить стрельбу приказал он, Петров, ввиду странного поведения противника, и тут же высказал предположение, что не части ли это 14-й дивизии, которые должны были появиться с этой стороны; если же это действительно части 14-й дивизии, то начальник 14-й дивизии

---

²³¹ Киселев Павел Николаевич – начальник штаба 14-й стрелковой дивизии (11.09.1918–04.05.1920, с перерывами).

Степин²³², имея в своем распоряжении артиллерию, сейчас откроет артиллерийский огонь.

Части 14-й дивизии, сойдя с занимаемой ими позиции и с боями проходя полосу восставших станиц и выйдя на опушку леса, заметили на бугре перед хут[ором] Сенновским цепь, которая то появлялась, то скрывалась. Начдив 14[-й] дивизии Степин приказал частям дивизии остановиться и послал вперед двух конных, которые были, по-видимому, приняты за восставших казаков по красным лампасам, и цепь со стороны Сенновского открыла пулеметный огонь. Тогда, полагая, что Сенновской, где должен был остановиться штаб 14-й дивизии, занят также зелеными, тов. Степин приказал открыть артиллерийский огонь по Сенновскому. Случайно в это время из Сенновского прибежал местный житель и сообщил, что там находятся советские войска. Тогда артиллерийский огонь был прекращен. Но, по словам Петрова, один снаряд чуть не снес колокольню, на которой был командарм с семьей, а два снаряда чуть не попали в автомобиль, в котором сидела семья командарма, сошедшая с колокольни. Когда недоразумение разъяснилось, то штаб 14-й дивизии во главе с т. Степиным и тов. Михайловым приехали в Сенновской, и к тому же времени прибыл туда и начальник 23-й дивизии Голиков. Командарм, по словам Михайлова, сообщил ему об отъезде Ходоровского, объяснив свой поздний приезд в Сенновской тем, что автомобиль застрял в грязи.

20-го же июня в Сенновском было устроено оперативное совещание, на котором командарм познакомился с боевыми расписаниями дивизий и было решено несколько оперативных вопросов и издан приказ, скрепленный т. Михайловым. Тов. Михайлов в своем показании заявляет, что в разговоре с командармом Всеволодовым он выяснил, что вся оперативная работа закончена командармом до прихода частей на новую позицию. Ввиду этого Михайлов считал и считает, что «обязанностью членов Реввоенсовета [является] участвовать в служебной работе командарма, находясь при нем во время исполнения этой работы; обязательное же нахождение или следование за командармом, когда последний не выполняет и не может выполнять какой-либо работы по командованию армией», он, Михайлов, считал совершенно излишним. «В особенности принимая во внимание личную» к нему, Михайлову,

---

²³² Степин (Степиныш, Степин) Александр (Артур) Карлович (12.05.1886–29.02.1920) – бывший поручик, советский военный деятель, начальник 14-й стрелковой дивизии (01.01–29.06.1919).

«неприязнь командарма Всеволодова, с трудом поддерживавшего необходимые деловые сношения; подобное следование или безотлучное нахождение при нем привело бы лишь к личным столкновениям и являлось вмешательством в личную жизнь командарма».

Поэтому он не остался с командармом, а выехал около 18 час. 21 июня с одной из бригад 14-й дивизии. Однако такой взгляд с теоретической стороны выявляет легкомысленное отношение к своим обязанностям со стороны Михайлова, так как боевая обстановка меняется от случайных привходящих совершенно непредвиденных обстоятельств, которые по той или другой причине могут вызвать настоятельную необходимость в отдаче оперативного приказа командармом в дороге, которое без скрепы кого-либо из членов Реввоенсовета армии, согласно ст. 9 положения о командующем армией, входящей в состав армий фронта, не будет иметь обязательной силы приказа.

На совещании в Сенновском командарм, как показывает тов. Степин, сказав начальникам дивизий, что полевой оперативный штаб бежал в Елань, добавил, что ему ни к чему ехать в Елань, а что он предпочитает идти с дивизиями, чтобы поддерживать с ними связь. Но, как утверждает тот же т. Степин, отказался идти с 14-й дивизией, а также отказался и от предложенного начальником 23-й дивизии в качестве конвоя кавалерийского дивизиона, при этом добавил, что из Сенновского полагает проехать в Елань через Секачев.

Полевой штаб 9-й армии вместе с Ходоровским, выехав из Сенновского в 18 час. 18 июня, прибыл в Елань в 22 часа 19 июня. По прибытии в Елань Ходоровский узнал, что командарм находится в Сенновском. Но вместо того, чтобы ехать в Сенновской на соединение с командармом, Ходоровский занят разговорами по прямому проводу со штабом Южного фронта и посылкою туда телеграмм, стараясь обосновать свое поведение и переезд полевого штаба 9 из Сенновского в Елань.

Кроме того, в докладной записке Ходоровский пытается доказать, что он не мог выехать ввиду восстания в районе северо-западнее Елани. Что касается восстаний, то ликвидация их была согласно приказа штаба фронта от 16 июня за № 5566 (в деле) возложена²³³ на тов. Благоннадеждинского, но ближайшие руководящие данные он должен был получать от штаба 9-й армии.

---

²³³ В документе ошибочно – было... возложено.

Ввиду этого 20 июня тов. Ходоровским был издан приказ за № 3079 (в деле) Благонадеждинскому, коим указывались ему средства и даже способы борьбы с зелеными. Помимо этого был сформирован отряд из наличных красноармейцев в Елани для борьбы с зелеными по линии ж[елезной] д[ороги] Елань – Балашов под командою председателя Революционного военного трибунала 9-й армии т. Поспелова.

Приняв означенные срочные меры для борьбы с зелеными, Ходоровский, как показывает свидетель т. Лелекин, мог бы выехать в Сенновской для соединения с командармом, но не выехал, по мнению того же свидетеля, ввиду того, что «не имел никаких точных сведений о противнике».

Такая медлительность в выезде для розыска командарма со стороны Ходоровского вызвала²³⁴ недоумение даже предпрокомарма²³⁵ 9 т. Адно, который, зная, что с командармом нет связи, и подозревая Всеволодова в измене, утром в 9 час. 21 июня явился к Ходоровскому и, высказывая свои опасения относительно командарма, предложил ему, Ходоровскому, послать в Сенновской отряд из коммунистов в 12–15 человек, а в случае отсутствия у него таковых соглашался даже выделить отряд из своего штата.

На это, по словам т. Адно, Ходоровский ничего не ответил, а приказал случайно пришедшему коменданту штаба Шаткову послать 8 человек конных для связи с командармом. С выездом из Сенновского полевой штаб 9 и Ходоровский совершенно потеряли связь с дивизиями и питались лишь отрывочными сведениями, которые и доносились в штаб фронта.

22 июня, получив случайно сведения о местонахождении 14-й дивизии и выяснив, что 22 июня 23-я дивизия еще должна только прибыть в Секачев, а 14-я дивизия лишь 23 июня должна занять хут[ор] Булгуринский, Ходоровский, сообщив об этом в штаб Южного фронта запискою (в деле), вечером в 22 часа, взяв с собою пом[ощника] нач[альника] опер[ативного] отделения Тимофеева, фотограмметриста Наумова, нач[альника] пол[евого] штаба 23-й дивизии Степанятова и с 15-ю кавалеристами выехал по направлению на Секачев, но, встретив 23-ю дивизию и, по его словам, пропустив ее, не доехав до Секачева, не найдя командарма при дивизии, вернулся в Елань, тогда как мог, вы-

---

²³⁴ В документе – вызвало.

²³⁵ Председателя продовольственной комиссии армии.

полняя возложенный на него Революцией долг, попытаться проехать в Сенновской на соединение с командармом или до соприкосновения с противником, так как эскорт, с которым он ехал, был достаточный для этого.

Командарм Всеволодов по выезде из Сенновского штабов 14-й и 23-й дивизий, с которыми выехали т.т. Михайлов и Петров, остался в Сенновском. На другой день, т.е. 22 июня, командарм Всеволодов призвал красноармейца комендантской команды Ивана Прапошина и написал ему записку, адресованную коменданту штаба Шаткову, о выдаче Прапошину жалованья за 1½ месяца, которого он, Прапошин, еще не получал, причем, как утверждает тов. Прапошин, будучи 22 июня в Сенновском, сделал пометку на записке, что последняя пишется в «хут[оре] Секачев 24 июня». После чего т. Прапошин выехал из Сенновского между 17 и 18-ю часами, оставив командарма.

Между тем уже 21 июня выступившая из Сенновского 14-я дивизия, части которой ночевали также в станице Сергиевской и в хуторе Орловском, примерно в 7–10 верстах от Сенновского, встретили, по словам т. Петрова, под Сергиевской станицей конные разъезды противника, принадлежащие к частям 4-й дивизии Мамонтова²³⁶.

Для выяснения вопроса об умышленности перехода Всеволодова на сторону противника или об случайности его задержания в Сенновском проникшим туда разъездом частей войск Деникина²³⁷, необходимо остановиться на работе Реввоенсовета 9[-й] армии и командарма Княгницкого²³⁸, который командовал армией до Всеволодова и при котором последний был начальником штаба.

По показанию т. Петрова, командарм Княгницкий был весьма мягкого характера, порой доходящего²³⁹ до комизма. До призыва на военную службу, как показывает тов. Суходольский, Княгницкий был инженером-архитектором, лишь во время войны начал военную службу и достиг чина подполковника. Его в штабе армии считали за человека

²³⁶ Видимо, IV корпуса. Мамантов (Мамонтов) Константин Константинович (16.10.1869–14.02.1920) – генерал-лейтенант. Участник Белого движения на Юге России. Командир IV Донского конного корпуса (1919–1920).

²³⁷ Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947) – генерал-лейтенант, главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России (1919–1920).

²³⁸ Княгницкий Павел Ефимович (15.01.1884–10.09.1937) – советский военный деятель, начальник штаба 9-й армии (28.09–28.10.1918), командующий 9-й армией (25.11.1918–06.06.1919).

²³⁹ В документе несогласованно – доходящий.

беспринципного и слабовольного, ввиду чего в разговоре по прямому проводу из Михайловки в Морозовскую товарищ Дашкевич, тогда член Реввоенсовета армии, предлагал тов. Барышникову, тоже члену того же совета, «держать Княгницкого в руках». При таком положении вполне заслуживает доверия и соответствует действительности показание т. Шаткова, заявившего, что Княгницкий был очень слабохарактерный человек и «фактически армией управлял весь Реввоенсовет в целом и каждый член совета в частности», вдаваясь в мелочи.

Результатом такой организации командования армией явился случай, связанный с отходом армии с линии Донца и Дона. Проект приказа об отходе, ввиду создавшегося положения на фронте, был написан 1 июня и должен командарму Княгницкому в 20 часов, но, как показывает т. Суходольский, члены Реввоенсовета армии вмешались в оперативные распоряжения, и приказ за № 4120 был лишь подписан 2 июня.

Между тем, по показанию т. Степина, бывшего тогда начдивом 14, разгром 14-й дивизии, вследствие чего была ею потеряна чуть не вся артиллерия, зависел от несвоевременности отдачи приказа об отходе с линии рек Дона и Донца. При этом т. Степин высказывает предположение, что если бы приказ был отдан на сутки раньше, то и тогда, имея в виду уже обозначившийся обход флангов армии, лишь переходом дивизии на 60 верст можно было бы спасти артиллерию дивизии. По-видимому, военные специалисты в штабе 9-й армии во главе с вр.и.д. наштармом Суходольским вполне понимали критическое положение армии и заготовили приказ об отходе, который и был доложен и на сутки раньше его подписания. При таких условиях, как показывает т. Шатков, Всеволодову было трудно работать, т.к. он, Всеволодов, был совершенно другого характера, чем Княгницкий. Свидетели, в том числе и Петров, который значительное время, будучи комиссаром штаба при Всеволодове, бывшем тогда начальником штаба, непосредственно соприкасался с ним, характеризуют как человека самостоятельно-го, честолюбивого, старающегося показать свои знакомства и связи, благодаря которым он может сделать многое для лиц, которые будут работать с ним в контакте.

По словам т. Суходольского, Всеволодов – человек решительн[ый], с властной натурой. А будучи, как показывает тов. Бушков, человеком в высшей степени исполнительным, способным каждый вопрос «обсодать» со всех сторон, Всеволодов был хорошим начальником штаба при Княгницком. Но отрицательные стороны его характера, как показывает

тот же тов. Бушков, были таковы, что почти со всеми сотрудниками штаба он был в неприязненных отношениях из-за мелочей.

Всеволодов, как показывает Петров, был «крайне алчен на деньги и большой любитель получать все, что можно, или даром, или по самой дешевой цене, пользуясь для этой цели своим положением[>]». Но когда встречал отпор со стороны Петрова как комиссара штаба, то готов был в тов. Петрове видеть личного врага и грозил, как показывает последний, что «он (Всеволодов) выгонит меня (Петрова) с треском, если я не понимаю[, как] с ним работать в контакте».

По словам тов. Сокольников²⁴⁰, Всеволодов в личных отношениях был человеком мстительным, трусливым и мелким. Из копии акта медицинского освидетельствования от 9 апреля 1919 года усматривается, что Всеволодов страдает спинной чахоткой (табес дорсалес) и что, по словам Всеволодова, дед его со стороны матери также страдал чахоткой спинного мозга, а отец его, Всеволодова, умер от прогрессивного паралича.

Из показания тов. Сокольникова видно, что в Реввоенсовете 9[-й] армии, когда Всеволодов был назначен командармом 9, воцарился²⁴¹ по отношению к Всеволодову «легкомысленно-юмористический взгляд» на работу командарма. Так, члены совета Ходоровский, Михайлов, а также и Княгиницкий заявляли Сокольникову, что «Всеволодов хочет отводить армию не на Балашов, а на Елань и делает это потому, что в Елани найдется лучший корм для приобретенной им коровы». Далее, ему же, тов. Сокольникову, один из членов Реввоенсовета прямо формулировал дело так: «Судьба армии зависит от командирской коровы». Такой взгляд на судьбу армии, по-видимому, как наиболее соответствующий настроению Михайлова, был вторично им повторен тов. Сокольникову, который тогда не указал на несерьезность и неприличие такого отношения, про которое не мог не знать Всеволодов. Когда возник вопрос о назначении Всеволодова командующим 9-й армии, он выставил условия, при которых соглашался принять 9-ю армию.

Штаб же Южного фронта, обещавший эти условия выполнить, таковые не выполнил и, когда Всеволодов был уже в штабе 9[-й] армии, приказал категорически ему принять армию. Между тем, сравнивая

²⁴⁰ Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич (03.08.1888–21.05.1939) – революционер, член РВС 9-й армии (02.12.1918–07.02.1919), член РВС Южного фронта (01.12.1918–06.10.1919).

²⁴¹ В документе несогласованно – воцарилось.

боевое расписание армии по состоянию к 1 июня с тем количеством боевых сил в 9[-й] армии, которое оставалось к 12 июня, т.е. к моменту принятия ее Всеволодовым в качестве командарма, вполне понятно, почему Всеволодов, будучи человеком честолюбивым, принял армию против своего желания, о чем он и донес командюжфронту²⁴² телеграммой от 12 июня за № 584.

Ввиду таких случайно сложившихся обстоятельств, которые нанесли целый ряд мелких оскорблений Всеволодову, и вышеописанные отношения к последнему членов Реввоенсовета 9-й армии Ходоровского и Михайлова, а также пущенный слух об измене командарма Всеволодова, подтолкнуло последнего остаться в Сенновском до прихода войск Деникина и перейти на его сторону, что предвидел тов. Сокольников, узнав об обстоятельствах ухода Ходоровского со штабом в Елань и сказав тов. Мехоношину, что «если Всеволодов до сих пор не сбежал, то после этого приказа ему остается одно – сбежать». Совершенно справедливо заявление того же Сокольникова, что «Всеволодов сбежал в действительности столько же от Реввоенсовета 9-й армии, сколько от советской власти». Однако из представленных тов. Петровым на другой день после его допроса печатных показаний, касающихся характеристики Всеволодова, кажется странным поведение командарма 9 Всеволодова, желающего показать, что он связан с центром и, благодаря этим связям, в состоянии сделать, что он захочет, и даже «вышвырнуть» неуютное ему лицо, как это он сделал с т.т. Бурле и Лурье, которые до т. Петрова были один за другим комиссарами штаба 9-й армии. И тут же совершенно неожиданно для того же Петрова говорит ему, как показывает Петров, уйму любезностей, обещая перед Реввоенсоветом аттестовать тов. Петрова с лучшей стороны и говоря, что он имеет друга в центре, который может сделать все, что захочет. Затем тов. Петров дальше показывает, что таковым другом является бывший начальник Полевого штаба Революционного военного совета республики Костяев²⁴³. Вообще все поведение Всеволодова, которое описывается в показаниях тов. Петрова, а главным образом путешествие его для неизвестной цели 17 июня из Михайловки в хут[ор] Чернишевский, ввиду чего армия в течение суток оставалась без управления, дает основание предполагать определенный план предательства. Уход же штаба из Сенновского в Елань,

²⁴² Командующему Южным фронтом.

²⁴³ Костяев Федор Васильевич (08.02.1878–27.09.1925) – бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Начальник Полевого штаба РВСР (22.10.1918–15.06.1919).

а также слух об измене командарма, заставивший Всеволодова предполагать о возникшем у члена Реввоенсовета Ходоровского подозрении, подтолкнули Всеволодова на своевременный переход на сторону противника. Каковы бы ни были причины перехода Всеволодова на сторону противника, факт перехода его следует считать установленным, а это обстоятельство усугубляет вину члена Реввоенсовета Ходоровского, который, по утверждению Сокольников, будучи еще в Михайловке, в действиях и поведении Всеволодова усматривал признаки, дававшие ему основание предполагать измену. Вследствие вышеизложенного к членам Реввоенсовета 9-й армии Ходоровскому и Михайлову может быть предъявлено обвинение, первому в том, что, во-первых, 17 июня в Михайловке, состоя членом Революционного военного совета 9-й армии и имея подозрение против командарма, легкомысленно не принял мер к выезду, по условию с тов. Михайловым, совместно с командармом из Михайловки в Сенновской, результатом чего предоставил командарму возможность оставить армию без управления в течение суток, во-вторых, 18 июня в хут[оре] Сенновском, состоя в той же должности, не дожидаясь командарма, издал приказ, необходимость которого не вызывалась сложившейся обстановкой, о переезде полевого оперативного штаба из Сенновского в Елань, чем лишил приехавшего в Сенновской командарма оперативного аппарата, а взяв на себя управление армией, потерял связь с дивизиями с 18 по 22 июня включительно, в-третьих, 19 июня в Елани, состоя в той же должности, по приезду в Елань и узнав, что командарм находится в Сенновском, тотчас же не выехал, имея к тому возможность, на соединение с командармом, результатом чего был переход командарма на сторону войск Деникина.

Второму (Михайлову) в том, что 20 июня в хут[оре] Сенновском, состоя членом Революционного военного совета 9-й армии и по приезде в Сенновской, узнав, что командарм оставлен тов. Ходоровским, легкомысленно отнесся к своим обязанностям и не остался с командармом в Сенновском²⁴⁴, результатом чего был переход командарма на сторону противника.

Приложение: дело 133 на листах

Член Революционного военного совета Южного фронта *Окулов*

²⁴⁴ В телеграмме А.И. Окулова Троцкому и председателю РВСР Б.В. Лягуну от 21 июля 1919 г. отмечалось, что Михайлов объяснил это «отсутствием оперативной работы в пути и неприязненным его (Всеволодова. – А.Г.) отношением» (РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 202. Л. 12об.).

Военный следователь Революционного военного трибунала
республики *Пешихонов*

С подлинным верно

Военный следователь Пешихонов

РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 202. Л. 2–9. Заверенная машинописная копия с рукописной правкой.

ДОКУМЕНТ 3

Докладная записка члена РВС 9-й армии И.И. Ходоровского председателю РВСР Л.Д. Троцкому и в ЦК РКП(б) о событиях в 9-й армии. 1 июля 1919 г.

*Председателю Революционного военного совета республики т. Троцкому*²⁴⁵
Докладная записка о событиях в девятой армии

До нашего ухода из Михайловки

Командующий 9[-й] армией Всеволодов исчез. Теперь уже нет никаких сомнений, что он сбежал к противнику. Об обстановке, в которой назревало это событие, имею доложить следующее:

5 июня штаб отступавшей 9[-й] армии остановился в станице Клецкой на Дону, и здесь я узнал, что распоряжением предреввоенсовета республики тов. Троцкого и Реввоенсовета Юж[ного] фронта бывший начальник штаба 9[-й] армии, а потом начальник штаба Юж[ного] фронта Всеволодов назначен командующим 9[-й] армией. 7 июня утром я с бывшим командармом 9 тов. Княгницким и членом Реввоенсовета 9 т. Михайловым прибыл в слободу Михайловку, где, согласно приказа командующего Южным фронтом, должен был разместиться штаб 9[-й] армии. В Михайловке вскоре после прибытия я встретил Всеволодова. Еще до встречи со мной Всеволодов встретился с т.т. Княгницким и Ми-

---

²⁴⁵ Вписано чернилами.

хайловым и сообщил им, что, прежде чем принять пост командарма 9, он поставил Реввоенсовету Юж[ного] фронта следующие требования: удаление комиссара штаба 9 т. Петрова, удаление председателя производственной армейской комиссии т. Адно и начальника военных сообщений 9[-й] армии партийного товарища Хохлова. По словам Всеволодова, Реввоенсовет Юж[ного] фронта все эти требования обещал удовлетворить. При первой же встрече у Всеволодова произошло столкновение с членом Реввоенсовета т. Михайловым на почве грубого и непочтительного отзыва и даже прямой клеветы Всеволодова на бывшего члена Реввоенсовета 9 (теперь члена Реввоенсовета 8) т. Барышников²⁴⁶ и комиссара штаба т. Петрова и категорического заявления Михайлова, что, если Всеволодов имеет сведения о вредной роли и недобропорядочном поведении ответственных политических работников 9[-й] армии, ему следует об этом официально заявить Реввоенсовету, а не муссировать эти слухи в частном порядке. Всеволодов ответил, что знает, как себя вести, и что с членом Реввоенсовета Михайловым он работать не будет.

Через полчаса после этого инцидента Всеволодов мне заявил, что он требует уже удаления не только комиссара штаба Петрова, но и члена Реввоенсовета Михайлова. Я ему указал, что: 1) т. Петров, по должности комиссара штаба, с Всеволодовым, как с командармом, деловых точек соприкосновения будет иметь немного; и что если прежде у Петрова с Всеволодовым (тогда начальником штаба 9[-й] армии) были натянутые отношения, то теперь их не будет и, во всяком случае, я постараюсь создать такую обстановку, при которой Всеволодову никто не станет мешать работать; 2) члены Реввоенсовета армии назначаются в установленном порядке и ни я, ни командарм не могут этого порядка изменять, следовательно, вопрос о Михайлове должен быть снят. Всеволодов этим не удовлетворился и направил свои домогательства командуюму²⁴⁷ и Реввоенсовету Юж[ного] фронта и до получения ответа отказывался вступить в командование 9[-й] армией. В это время я получил от вр.и.д. члена Реввоенсовета Юж[ного] фронта и заведующего политотделом Юж[ного] фронта т. Кржижановского шифрованную телеграмму, в которой сообщалось, что одним из условий принятия Всеволодовым должности командарма 9 было его требование

²⁴⁶ Барышников Владимир Архипович (1889–14.09.1919) – революционер, член РВС 9-й армии (11.11.1918–09.06.1919).

²⁴⁷ Командующему Южным фронтом.

удаления комиссара штаба 9[-й] армии т. Петрова и что Реввоенсовет Юж[ного] фронта обещал ему это требование удовлетворить. Мне в этой телеграмме предлагалось это провести. Я был очень взволнован этой телеграммой, вызвал к аппарату т. Кржижановского и заявил ему, что обещанием удовлетворить требование Всеволодова об удалении т. Петрова Реввоенсовет Юж[ного] фронта нанес тяжелый удар как своему морально-политическому престижу, так и престижу Реввоенсовета 9[-й] армии, и настаивал на том, чтобы Всеволодову было предложено без всяких требований с его стороны вступить в командование армией. Примерно 10 июня в специальном заседании Реввоенсовета 9 я поставил Всеволодову категорический вопрос: почему он до сих пор не исполнил приказа Реввоенсовета Юж[ного] фронта и не вступил в командование 9[-й] армией. Он ответил, что настаивает на выполнении требований об удалении т.т. Петрова и Михайлова. После моих настояний он заявил, что снимает требование о Петрове, но настаивает на удалении Михайлова. Я, в качестве члена Реввоенсовета Юж[ного] фронта, обещал Всеволодову создать атмосферу, при которой ему никто не будет мешать работать. Тов. Михайлов с[о] своей стороны обещал всемерно содействовать созданию деловой обстановки. Всеволодов настаивал на своем и снова отправил соответствующую телеграмму в Юж[ный] фронт. Реввоенсовет Юж[ного] фронта за подписью т.т. Сокольников и Гиттиса²⁴⁸ не нашел ничего другого как обратиться не только к командарму, но и к Реввоенсовету 9 с предложением приступить к работе, хотя Реввоенсовет работал безостановочно, никаких требований ни о чем не выставлял и только настаивал на том, чтобы командарм вступил в командование армией. Этой телеграммой престижу Реввоенсовета 9 был нанесен второй удар.

Если мне не изменяет память, я 11 июня имел разговор по поводу с т. Сокольниковым, находившимся в Козлове. Я указывал т. Сокольникову, что Всеволодов своими домогательствами и интригами, которым не будет предела (мы все слишком хорошо знали Всеволодова по его работе в качестве начальника штаба 9[-й] армии), внесет страшный раскол в наши учреждения и может этим погубить армию (никаких других предположений и подозрений я тогда не высказывал). Мои предостережения были оставлены без ответа.

---

²⁴⁸ Гиттис Владимир Михайлович (24.06.1881–22.08.1938) – бывший полковник, военный специалист РККА. Командующий Южным фронтом (24.01–13.07.1919).

Всеволодов принял, наконец, командование армией. Командовал он всего 6–7 дней, но за это короткое время он восстановил против себя всех своей мелочной придирчивостью по поводу того, что ему не вовремя подан автомобиль, или неопытный шофер, или плохо работает телефон и проч[ее]. По отношению к члену Реввоенсовета т. Михайлову командарм Всеволодов вел себя явно демонстративно, распуская про него всякие нелепые слухи, будто он виноват в нашей задержке в Морозовской и т.п. Реввоенсовет 9, и в частности я, старались многого не замечать, только бы Всеволодов работал. 13 или 14 июня в Михайловку заехал мимоездом т. Сокольников. В беседе, которую я с ним имел, я еще раз указывал, что Всеволодов – личность глубоко аморальная, что карьера и собственное хозяйственное благополучие для него выше всего (он обзавелся в Михайловке коровой и свиньями, продавал молоко и проч[ее]), что своими действиями он расколет и разрушит армию, и даже высказывал опасения по поводу его политической честности. Тов. Сокольников со многими моими доводами согласился, заявил, что, если бы от него зависело, он не назначал бы Всеволодова командующим армией, но заметил, что Всеволодов политически честен. Кончил тем, что посоветовал т. Михайлову уехать в дивизию, чтобы не быть с Всеволодовым, не мешать ему работать. Что касается Петрова, то от Юж[ного] фронта получена телеграмма о его переводе в распоряжение Реввоенсовета 13[-й] армии. Тов. Сокольников уверял, что это не стоит ни в какой связи с домогательствами Всеволодова, и мотивировал тем, что до сих пор т. Петрову не дают в 9[-й] армии другой работы кроме комиссарства в штабе. В 13[-й] армии его лучше используют. По поводу последнего замечания считаю нужным заявить, что т. Петров был не только комиссаром штаба. Он часто заменял членов Реввоенсовета и все время выполнял самую ответственную работу: эвакуацию Морозовской и Михайловки он с честью вынес на себе. По поводу же заявления т. Сокольникова, что перевод т. Петрова из 9[-й] армии не находится ни в какой связи с требованиями Всеволодова, мне остается только сослаться на упомянутую выше зашифрованную телеграмму от т. Кржижановского.

Характеристика т.т. Петрова, Адно и Хохлова. Чтобы покончить с первыми днями командования Всеволодова до нашего ухода из Михайловки, я в нескольких словах считаю необходимым охарактеризовать т.т. Петрова, Адно и Хохлова, на удалении которых настаивал Всеволодов. Тов. Петров – старый партийный товарищ, в 9[-й] армии

работает с конца ноября 1918 года, пользуется доверием Реввоенсовета Юж[ного] фронта. В конце марта т. Петров был назначен вр.и.д. члена Реввоенсовета 9[-й] армии, каковую должность занимал до с[е]редины мая. Когда штаб переехал в Морозовскую, т. Петров оставался в Михайловке в качестве полномочного представителя Реввоенсовета 9. Руководство эвакуацией Морозовской, а потом Михайловки было возложено на т. Петрова, и он превосходно справился с этой задачей. Когда в районе Елани – Балашов[а] появились зеленые – тов. Петров становится во главе отряда и идет против зеленых. Тов. Адно – старый партийный товарищ, каторжанин, стоит во главе продовольственной армейской комиссии. Если 9[-я] армия не голодает, то в значительной степени благодаря самоотверженной работе т. Адно. Такую же характеристику я могу дать т. Хохлову, работающему день и ночь в качестве начальника военных сообщений 9[-й] армии.

После Михайловки

16 июня Реввоенсовет, ввиду создавшейся на фронте обстановки, признал необходимым перевод штаба 9[-й] армии из Михайловки в другое место. Командарм Всеволодов наметил путь следования на Елань через хутор Сенновский (35 верст к северо-востоку от Елани). В этом хуторе командарм предполагал задержаться на несколько дней, причем уверял, что телеграфная связь со штабом Южного фронта и с дивизиями из этого хутора обеспечена. 17 июня в 13 час. жизнь в штабе армии в Михайловке замерла, все телеграфные аппараты были сняты и поставлены аппараты 23[-й] дивизии, штаб которой должен был 17 или 18 июня перейти из Глазуновской в Михайловку. В 14 часов 17 июня я расстался с командармом, причем было условлено, что все выедут из Михайловки между 17 и 18 часами с тем, чтобы в хуторе Сенновском встретиться того же числа в 23 часа для оперативного совещания. Об этом знали все ответственные работники штаба, равно как и член Реввоенсовета 9 т. Михайлов, который по принятому нами решению должен был остаться в Михайловке ждать дивизии. К 23 часам 17 июня все без исключения собрались в хуторе Сенновском, не было только командарма, который имел свой автомобиль и своих лошадей. Обстановка в районе Сенновский была такова: в станицах Сергиевской, Раздорской и Етеревской и в хуторе Орловском (все эти пункты в 5–10 вер[стах] от Сенновского) власть была захвачена восставшими казаками. Как только мы прибыли в Сенновский, мы узнали,

что в станции Раздорской захвачены политотдел и административный отдел 14[-й] дивизии и все захваченные люди были расстреляны. Я распорядился ждать командарма и выставить сторожевые заставы в сторону упомянутых станиц и хуторов. Никаких сил в моем распоряжении не было за исключением 80–90 оборванных и босых людей – так называемая Камышинская бригада и подходившей комендантской роты штаба, сделавшей за тот день 35 верст и ни на что в этот момент неспособной. Никакой связи с[о] штабом Южного фронта хотя бы через Елань хутор Сенновский не имел, не было почти никакой связи с дивизиями. Была только очень плохая, каждую минуту прерывавшаяся, связь с Михайловкой больше телефонная, чем телеграфная, причем по предположениям уполномоченного верховной комиссии телеграфной связи при 9[-й] армии т. Бушкова наши переговоры с Михайловкой перехватывались. В 2 часа в ночь на 18 июня меня вызвал к аппарату из Михайловки начальник штаба 1[-й] бригады 23-й дивизии т. Голиков и по поручению своего брата начальника 23[-й] дивизии А.Г. Голикова²⁴⁹ передал, что у хутора Зимняцкого первая бригада окружена противником, причем 199[-й] и 201[-й] полки уничтожены. На вопрос т. Голикова, не будут ли какие-нибудь приказания 23[-й] дивизии – я ответил, что приказания будут утром, когда приедет командарм. К утру я получил из Арчединской через Михайловку донесение на имя командарма от 14[-й] дивизии. В этом донесении начдив 14 изображал тяжелое положение дивизии и сообщал командарму, что, несмотря на все обещания последнего, дивизия боевых припасов до сих пор не получила и не может по этой причине отбиваться от наседающего противника. Для меня было вполне очевидно, что дивизии никакой связи с командармом не имеют – иначе они не обращались бы к нему в Сенновский. Я запрашивал штаб 23[-й] див[изии] в Михайловке, нет ли там командарма – мне ответили, что в Михайловке его нет. Я вызвал к аппарату комиссара штаба т. Петрова, оставленного нами в Михайловке на день для завершения эвакуации, и от него узнал, что командарма в Михайловке нет и что он выехал в 21–22 часа 17 июня. В Михайловке же оставался до 18 июня член Реввоенсовета тов. Михайлов, который тоже командарма 18 июня в Михайловке не видел и о его пребывании там в этот день не слышал. Я предполагал, что командарм

²⁴⁹ Голиков Александр Григорьевич (24.08.1896–10.12.1937) – бывший поручик, военный специалист РККА. В.р.д. начальника 23-й стрелковой дивизии (19.03–05.09.1919). Зять Ф.К. Миронова.

с[о] своим автомобилем застрял где-нибудь по дороге из Михайловки в Сенновский. Я выслал из Сенновского к хутору Большому всадников, и в то же время по моему распоряжению т. Петров выслал всадников из Михайловки к Большому – командарма нигде не обнаружили. В Сенновский на протяжении всего дня 18 июня без конца тянулись обозы, всадники и беженцы – никто по дороге из Михайловки в Сенновский командарма не встречал. Прошел почти целый день 18 июня. Сотрудники штаба, особенно ответственные сотрудники, находились в крайне подавленном состоянии духа. За этот день имелись две версии о командарме. По одной версии он вместо прямого пути на Сенновский поехал в совершенно противоположенную сторону в немецкую колонию к хутору Медведевскому за продуктами (с ним это часто случалось). Была и другая версия. Шофер Матвеев, который прежде возил командарма и которого командарм Всеволодов 16 июня сместил, сообщил мне, что командарм 17 июня утром приказал приготовить машину для поездки вечером обозревать Арчединские позиции (к югу от Михайловки). О таких своих предположениях командарм ничего не сообщал Реввоенсовету. Для меня было вполне ясно, что командарма в Михайловке нет и что он находится вне штаба и вне дивизий. У меня стало складываться определенное убеждение, что командарм Всеволодов либо предатель, либо если не предатель, то аферист и негодяй, который в поисках продуктов оставляет целые сутки армию без управления. 18 июня в 17 часов ко мне явились с докладом начальник полевого штаба, начальник оперативного управления и начальник оперативного отделения. В этом докладе они обрисовали обстановку, в которой находится штаб, оторванный от командарма, от штаба Южного фронта, от тылового штаба в Балашове и от дивизий и обреченный на безделье, и предложили переехать штабу в Елань в целях немедленного установления связи с[о] штабом Южного фронта, с тыловым штабом армии в Балашове и попытаться оттуда установить телеграфную связь с дивизиями. Я в последний раз отправился на телеграф – по-прежнему не было связи с Еланью и штаюжем²⁵⁰ и прервана была связь с дивизиями. Повстанцы в районе Сенновского нападали на наши обозы. При таких условиях я согласился с доводами начальника штаба, начальника оперативного управления и начальника оперативного отделения армии и приказал штабу двигаться на Елань, а дивизиям были

---

²⁵⁰ Штабом Южного фронта.

указаны линии отхода соответственно теми директивами, которые в свое время были даны командармом Всеволодовым. 18 июня около 19 часов штаб армии, прождавши безрезультатно командарма Всеволодова почти сутки, двинулся на Елань, куда прибыл 19 июня в 22 часа. Здесь, в Елани, я узнал, что после нашего отъезда из Сенновского туда прибыл командарм Всеволодов. На несколько часов была установлена связь Сенновского с Еланью, и командарм Всеволодов успел передать в Козлов Реввоенсовету Юж[ного] фронта телеграмму, в которой сообщал, что Реввоенсовет и штаб от него уехали, а он воюет с повстанцами. Я пытался связаться с Сенновским, но это не удалось. После телеграммы Всеволодова телеграфная связь между Сенновским и Еланью была прервана и больше не восстанавливалась. Я продолжал оставаться при убеждении, что командарм Всеволодов – негодяй, ибо я не мог устранить того факта, что мы его сутки ждали в Сенновском, в Михайловке его не было, с дивизиями он также не имел связи и, следовательно, где-то путался по делам, ничего общего с управлением армией не имеющим. 20 июня в 12 часов я из Елани вызвал к аппарату членов Реввоенсовета Юж[ного] фронта т.т. Мехоношина и Сокольникова, подробно обрисовал им обстановку и настаивал на немедленном отстранении Всеволодова от командования армией. Реввоенсовет Юж[ного] фронта, в лице т.т. Мехоношина и Сокольникова, мне, тоже члену Реввоенсовета Юж[ного] фронта, ответил, что я и Реввоенсовет 9 занимаемся интрижками и не исполняем своего долга – находимся где-то в тылу, тогда как командарм сражается с повстанцами (смотрите документ № 1). Мои предостережения не были приняты во внимание. Я пытался их обосновать теми версиями о путешествии командарма Всеволодова не то в Медведевский за продуктами, не то обозревать Арчединские позиции – мне не давали говорить. Так я этого и не сказал. Одновременно Реввоенсовет Юж[ного] фронта в лице т.т. Сокольникова и Мехоношина нашел возможным 20 июня обратиться к предреввоенсовета республики т. Троцкому с телеграммой, в которой сообщалось, что я, не дождавшись задержавшегося на фронте командарма Всеволодова, бежал со штабом, издав панический приказ, а после нашего бегства в Сенновский прибыл Всеволодов, продолжающий командовать армией (см. документ № 3). Я обвиняю Реввоенсовет Юж[ного] фронта в лице т.т. Сокольникова и Мехоношина в том, что они сообщили предреввоенсовета т. Троцкому неверные сведения, будто Всеволодов 17–18 июня задержался на фрон-

те. На фронте его не было. Приказ мой был не панический, а точно рисовавший обстановку – прошу это проверить путем опроса знакомых с обстановкой лиц и с документами. Приказ подписал я потому, что командарма не было, с заместителем командарма Степиным связи не было, наштарм Преображенский находился в Балашове, и связи с ним тоже не было. Мне оставалось либо дать штаб и все стоящие в осажденном повстанцами хуторе Сенновском наши армейские учреждения и обозы в руки повстанцев, как это случилось с 14-й дивизией, либо вывести их оттуда. Я избрал последнее. Конечно, если бы я знал, что командарм приедет в Сенновский – я бы ждал еще. Но в течение суток я никаких сведений о командарме Всеволодове не имел и не мог получить, несмотря на все принятые мною меры. Я считал (и не только я – таково было общее убеждение), что Всеволодов уже скрылся. Я не мог оставаться бездеятельным в такой обстановке. Меня можно обвинить в формальных правонарушениях. Но в той обстановке, в какой находился штаб 9[-й] армии, всякий сознающий свою ответственность человек действовал бы так, как действовал я. Реввоенсовет Юж[ного] фронта был так ослеплен телеграммой Всеволодова из Сенновского, что не обратил даже внимания на то место телеграммы, где Всеволодов сообщал, что отводит дивизии на реку Бузулук (на северо-восток), а сам направляется в сторону Михайловки (на юго-запад), что являлось уже совершенно непонятной несообразностью. Я на это обратил внимание Реввоенсовета Юж[ного] фронта, но и эти мои указания остались без внимания. В тот же день 20 июня я пытался в телеграмме на имя Реввоенсовета Юж[ного] фронта (документ № 2) снова обрисовать обстановку – Реввоенсовет Юж[ного] фронта и этой телеграмме не внял. 20 июня вечером я сообщил Реввоенсовету Юж[ного] фронта положение на фронте зеленых и запрашивал, где размещаться штабу 9[-й] армии, в ответ на что Реввоенсовет Юж[ного] фронта в лице т.т. Мехоношина и Сокольниковца ответил телеграммой на мое имя, что штарму без приказа командарма из Елани уходить только под выстрелами противника и что всякое иное действие будет рассматриваться как позор и дезертирство (см. документ № 4). Это был ответ на простой запрос, где разместиться штарму. Я не знаю, что дало основание Реввоенсовету Юж[ного] фронта в официальных документах говорить таким языком со мной, членом Реввоенсовета Юж[ного] фронта и 9[-й] армии, который вместе с армией прошел 500 верст гужом и пешком, деля с армией все страдания и лишения, –

пусть в этом разберется партийный суд. На эту телеграмму я ответил своей телеграммой, в которой указывал, что при создавшейся атмосфере я не могу сохранить душевное равновесие, столь необходимое для ответственной работы, и просил прислать мне заместителя, чтобы я имел возможность отправиться в одну из дивизий.

Я считаю, что Реввоенсовет Юж[ного] фронта все сделал для того, чтобы окончательно подорвать престиж Реввоенсовета 9[-й] армии. На мои предостережения и опасения он ответил: «Вы занимаетесь интрижками; берите пример с командарма, который сражается, а вы отдыхаете в тылу». На наш простой запрос, где размещаться штабу, он ответил: «Сидите в Елани, всякий иной образ действий будет рассматриваться как дезертирство». Реввоенсовет 9[-й] армии и, в частности, я до дна испили чашу оскорблений и унижений. Партийный суд установит, имел ли Реввоенсовет Юж[ного] фронта право и основания создавать такую атмосферу недоверия к нам. Гораздо важнее политические последствия такого отношения: командарм Всеволодов пользовался непререкаемым авторитетом в глазах Реввоенсовета Юж[ного] фронта, и наши попытки приподнять завесу были парализованы в самом начале.

Мне могут поставить в вину то обстоятельство, что я не отправился из Елани в Сенновский, как только узнал, что там находится командарм. Но я этого сделать не мог по следующим причинам. Как только я прибыл в Елань (19 июня 22 часа), я узнал, что в районе Елани действуют зеленые. 19 июня в 23 часа меня из Самойловки вызвал к аппарату комиссар конского запаса 9[-й] армии и сообщил, что 19 июня в 20 часов зеленые напали на Самойловку (20 верст от Елани у самой железной дороги), захватили ветеринарный лазарет конского запаса и увели его в Еловатку по другую сторону железной дороги в 18 верстах от Елани. Сам комиссар с[о] своими людьми только что отбил нападение зеленых на ст[анции] Три Острова (20 верст от Елани). Через два часа ко мне явились председатель Ревтрибунала 9[-й] армии т. Поспелов и комиссар инспектора артиллерии армии т. Нехаев и сообщили, что весь район Еловатка – Красавка занят зелеными, штаб которых находится в Красавке. Я решил немедленно принять меры к охране Елани. Мы вооружили винтовками имевшихся в нашем распоряжении артиллеристов, взяли у трибунала всю его команду (20 красноармейцев), выставили от станции Елань охранения в сторону Самойловки и Еловатки и рано утром приступили к формированию отряда под командой т. Поспелова для подавления зеленых в районе полотна железной до-

роги Елань – Балашов. Отряд выполнил возложенную на него задачу. Заявляю, что без этого железная дорога была бы перерезана. В эту же ночь мы получили от Реввоенсовета Юж[ного] фронта телеграмму, в которой на Реввоенсовет 9 возлагалось руководство подавлением мятежа зеленых. В Елани в это время, кроме меня, не было ни одного ответственного лица 9[-й] армии. Я должен был немедленно связаться с[о] штабом обороны Балашовского района, находившимся в Балашове, с начальником штаба 9[-й] армии Преображенским, находившимся там же, и с уполномоченным ВЧК Благонадеждинским, находившимся в Родничке (на Благонадеждинского Реввоенсоветом Юж[ного] фронта была возложена задача подавления зеленых). В Елани в это время собрались все учреждения 9[-й] армии, сотни ревкомов чуть ли не со всей Донской области с огромным имеющим большую военную ценность имуществом, десятки тысяч беженцев и бесконечное множество обозов. Происходило нечто совершенно непостижимое. Я один должен был все регулировать, направлять, отдавать распоряжения. В такой обстановке я провел двое суток 20 и 21 июня. Положение было таково, что уйти из Елани – сразу оборвались бы все нити, которые передать тогда некому было. Только 22 июня вечером, когда мы установили в Елани и районе некоторый порядок, я получил возможность отлучиться из Елани и немедленно с отрядом всадников отправился для установления связи с командармом. 23 июня около 11 часов я вблизи хутора Секачев встретил 23[-ю] дивизию, с которой, по имеющимся сведениям, должен был следовать командарм Всеволодов. Я пропустил мимо себя всю 23[-ю] дивизию, командарма при дивизии не было. От начальника дивизии т. Голикова и политкома дивизии т. Артамонова я узнал, что 20 и 21 июня при командарме находился член Реввоенсовета т. Михайлов, выехавший 21 июня около 17 часов из Сенновского с 14[-й] дивизией по направлению на хутор Бухгурминский. Командарм Всеволодов, по сообщению т.т. Голикова и Артамонова, должен был 22 июня утром выехать из Сенновского с 14[-й] дивизией по направлению на Елань. Я тотчас же отправил разъезды по всем путям отхода 14[-й] дивизии – командарма нигде не оказалось. Я вернулся в Елань 23 июня в 23 часа, и здесь мне была вручена телеграмма члена Реввоенсовета т. Михайлова из 14[-й] дивизии, в которой сообщалось, что командарм Всеволодов находится при 23[-й] дивизии и с ней направляется в Елань. В этот же вечер был получен еще ряд странных сведений о месте нахождения командарма. Не медля ни минуты, я вызвал к аппарату Реввоенсовет

Юж[ного] фронта и передал все имевшиеся у меня сведения о командарме. Три дня Реввоенсовет Юж[ного] фронта никак и ничем не реагировал на мое сообщение, продолжая верить, что Всеволодов находится при дивизиях. А в это время 9[-я] армия продолжала оставаться без командования и управления.

Документы №№ 7, 8, 9, 10 и 12 дают представление о поведении Всеволодова в последние моменты его пребывания на нашей стороне.

Резюмирую изложенное:

1) Условия, поставленные Всеволодовым при назначении его на должность командующего 9[-й] армией, и та легкость, с какой Реввоенсовет Юж[ного] фронта пошел на уступки ему, нанесли тяжкий удар морально-политическому престижу Реввоенсовета не только Юж[ного] фронта, но и 9[-й] армии.

2) Телеграмма Реввоенсовета Юж[ного] фронта на имя командарма Всеволодова и Реввоенсовета 9, приказывавшая приступить к работе, была крайне оскорбительна для Реввоенсовета 9, ибо последний работал безостановочно и никаких претензий не заявлял. Ходатайствую перед Центральным Комитетом Р.К.П. и предреввоенсовета республики т. Троцким о расследовании действий Реввоенсовета Юж[ного] фронта, без всякого основания нанесшего оскорбление Реввоенсовету 9, и в частности мне как члену Реввоенсовета.

3) Командарм Всеволодов должен был выехать из Михайловки, как было условлено 17 июня, около 18 часов с тем, чтобы быть в Сенновском в тот же вечер в 23 часа. В хутор Сенновский он прибыл только через сутки. Где он был эти сутки – неизвестно. Известно только (вопреки телеграммы Реввоенсовета Юж[ного] фронта на имя т. Троцкого), что Всеволодова в это время не было ни в Михайловке, ни на фронте, ни на пути из Михайловки в Сенновский.

4) Те сведения, которыми я располагал, приводили меня к убеждению, что Всеволодов либо уже предался противнику, либо относится к управляемой им армии крайне небрежно и преступно, ибо оставляет ее целые сутки без командования.

5) В той обстановке, в какой штаб 9[-й] армии находился в Сенновском, он дольше оставаться не мог. И так как я был уверен, что Всеволодов больше уже не вернется, – я, прождав Всеволодова целые сутки, приказал штабу двигаться на Елань.

6) 20 июня утром я предостерегал Реввоенсовет Юж[ного] фронта относительно Всеволодова. Мои предостережения не только не были

приняты во внимание, но их не хотели даже выслушать. Реввоенсовет Юж[ного] фронта нанес Реввоенсовету 9-й, и в частности мне, тяжкое незаслуженное оскорбление, дважды назвав нас дезертирами и предложив нам брать пример с командарма, который сражается с повстанцами, и сообщив т. Троцкому неверные сведения о том, что произошло, по обстановке, которая изложена выше. Я мог это осуществить только 22 июня.

На основании изложенного ходатайствую перед Центральным Комитетом Российской Коммунистической партии и перед предреввоенсовета т. Троцким:

1) на назначении военно-политического следствия над всем тем, что произошло в 9[-й] армии 17–22 июня, и в частности над моими действиями во всей их совокупности;

2) на привлечении к суду членов Реввоенсовета Юж[ного] фронта т.т. Сокольников и Мехоношина, нанесших Реввоенсовету 9 и мне ряд тяжких оскорблений, в корне подорвавших авторитет того учреждения, в котором мы состояли;

3) снять с меня ложно возведенное на меня обвинение.

По существу настоящего моего доклада ходатайствую о допросе врид наштарма 9 Генштаба Карепова, начальника оперативного управления штарма 9 Генштаба Суходольского, начальника оперативного отделения Генштаба Петрасевича, коменданта штаба т. Шаткова, члена Реввоенсовета 9 т. Михайлова, управляющего делами Реввоенсовета 9 т. Рабиновича, уполномоченного верховной комиссии телеграфной связи при 9[-й] армии т. Бушкова, комиссара штаба 9[-й] армии т. Петрова, председателя армейской продовольственной комиссии т. Адно, моего секретаря т. Шпрингенфельда, председателя ревтрибунала 9[-й] армии т. Поспелова, комиссара инспектора артиллерии 9[-й] армии т. Нехаева²⁵¹.

Член Российской Коммунистической партии

Иосиф Исаевич Ходоровский

В партии состою с 1903 года, состою членом Всероссийского Центрального исполнительного комитета и членом Коллегии Народного

---

²⁵¹ Карепов, Суходольский, Петрасевич, Шатков, Рабинович и Шпрингенфельд знакомы с обстановкой, в которой находился штаб в Сенновском, а также с тем, как было условлено выехать из Михайловки; Михайлов знает, когда и куда должен был выехать командарм из Михайловки; Бушков знаком с обстановкой в Сенновском; Петров может заверить что 17–18 июня командарм задержался не на фронте; Адно, Поспелов и Нехаев знают обстановку в Елани (*рукописное примеч. автора документа*).

комиссариата труда. На Южном фронте от ноября 1918 года до марта 1919 г. заведовал политическим отделом Южного фронта, с января состояю членом Реввоенсовета Юж[ного] фронта, с середины апреля работал в 9[-й] армии на правах члена Реввоенсовета этой армии.

*Козлов 1 июля 1919 г.*²⁵²

Приложения: 1) Разговор Ходоровского с Мехоношиным и Сокольниковым 20/VI.

2) Телеграмма Ходоровского в Рев[воен]сов[ет] Юж[ного] фронта 20/VI.

3) Телеграмма Рев[воен]сов[ета] Юж[ного] ф[ронта] на имя т. Троцкого 20/VI.

4) Телеграмма Рев[воен]сов[ета] Юж[ного] ф[ронта] на имя Ходоровского от 20/VI № 5245.

5) Телеграмма Ходоровского на имя Рев[воен]сов[ета] Юж[ного] ф[ронта] от 21/VI № 514/и.

6) Выписка из разговора Ходоровского с Мехоношиным 21/VI [19]19.

7) Записка начдива 14 на имя Ходоровского от 21/VI [19]19²⁵³.

8) Выписка из разговора Ходоровского с Владимировым 23/VI [19]19.

9) Записка командарма Всеволодова на имя Шаткова от 24/VI.

10) Дознание.

11) Докладная записка начдива 23 от 25/VI.

12) Рапорт завед[ующего] политотдел[ом] 23[-й] див[изии] от 25/VI.

13) Рапорт политкома 23[-й] див[изии] от 25/VI.

14) Записка Реввоенсов[ета] 9 на имя Реввоенс[вета] Юж[ного] ф[ронта] от 26/VI.

15) Разговор Реввоенсов[ета] Юж[ного] фронта с Ходоровским и Михайловым 26/VI.

16) Записка Ходоровского в Реввоенсов[ет] Юж[ного] фронта от 26/VI.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 198–200об. Подлинник. Машинопись. Документ сверен с другим экземпляром, адресованным в ЦК РКП(б): РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 4. Л. 4–6об.

²⁵² Здесь и далее вписано от руки.

²⁵³ На самом деле – от 22.06.1919.

ДОКУМЕНТ 4

Разговор И.И. Ходоровского с РВС Южного фронта. 20 июня 1919 г.

[Ходоровский:] У аппарата Ходоровский. Считаю своим долгом обрисовать создавшееся положение. 17 июня штаб 9 выступил из Михайловки, было решено выступить между 17 и 18 часами с тем, чтобы в хут[оре] Сенновский встретиться в 23 часа. К означенному часу все были в сборе, кроме командарма. Командарм в Михайловке настаивал, чтобы в Сенновском штаб или командарм с несколькими сотрудниками задержался на несколько дней для тесной связи с дивизиями, и уверял, что связь из Сенновского с дивизиями и с Юж[ным] фронтом будет обеспечена. Оказалось следующее: Сенновский не имел никакой связи ни с кем, от Юж[ного] фронта мы были совершенно оторваны, имели очень плохую, большей частью телефонную связь с Михайловкой, причем наши переговоры, как это почти установлено, перехватывались. В ближайших к Сенновскому местах – в хуторе Орловском и в станциях Сергиевской, Раздорской, Детеревской – было восстание, перехватывались наши обозы. Командарм все не приезжал, мы ждали до 18 часов 18 июня, то есть почти сутки, мною были посланы всадники со стороны Сенновского и со стороны Михайловки на поиски, быть может, застрявшего с автомобилем командарма Всеволодова. В течение суток армия оставалась фактически без управления, а в это время от дивизий получались сообщения весьма тревожного характера. При таких условиях я в сознании своей ответственности на совещании с ответственными руководителями штаба счел своей обязанностью в ответ на тревожные запросы дивизий издать приказ № 3071 и приказать штабу двигаться на Елань для немедленного установления связи с штабом и дивизиями, маршрут [на] Елань был избран [в] свое время по настоянию Всеволодова. Где находился командарм Всеволодов в то время, как штаб целые сутки ждал его в Сенновском, мне установить до сих пор не удалось, так как с Сенновским сейчас у нас связи нет, а командарм по полученным сведениям теперь находится там [и], как видно из его приказа, собирается там оставаться и даже ехать в сторону Михайловки в то время, как дивизии отводятся на Бузудук. По его же приказу часть штаба, выехавшая по железной дороге, находится уже два дня в Балашове и ждет от командарма указаний, где

расположиться, другая часть находится в Елани и тоже ждет указаний от командарма, где развертываться. В результате по вине командарма, избравшего гужевой путь на Елань и оторвавшегося от штаба, последний фактически не работает уже 4 дня, обстановка осложняется с каждым часом, восстание не только по линии Поворино – Балашов, но и в районе Три Острова – Елань, [в] прилегающих к железной дороге деревнях. Вы возложили на Реввоенсовет 9 руководство подавлением мятежа, а командарма нет. Такой образ действий командарма и особенно его отсутствие в течение суток в Сенновском с неизвестностью его местопребывания в эти сутки производит на всех, и особенно на ответственных сотрудников штаба, крайне гнетущее впечатление, а периферия в тот день жила зловещими слухами, которые я пресекал в целях поддержания авторитета командования. Вы знаете, что мне стоило больших усилий создать деловую обстановку в штаме 9 и убедить члена РВС Михайлова идти на всякие уступки, только бы заставить Всеволодова работать. [В] настоящий момент я в полном сознании²⁵⁴ того, что говорю, заявляю: армия в большой опасности, и Всеволодов должен быть немедленно отстранен, я считаю положение настолько серьезным, что мог бы воспользоваться тем пунктом положения о командующем армии, который даст РВС право отстранить командующего от командования, но не хочу этого делать без РВС Юж[ного] фронта и в качестве члена РВС Юж[ного] фронта прошу Вас поднятый мною вопрос разрешить немедленно, дабы мы имели возможность сейчас же расположить в определенном месте штаб и приступить к работе.

Мехоношин: Сейчас Реввоенсовет ведет переговоры по прямому проводу с т. Троцким, поэтому ответ Вам будет передан запиской. Пока же прошу сообщить Вас следующее: [1-е)] исполнен ли РВС 9 приказ от 6 июня об отправке 10 000 снарядов [в] Царицын по жел[езной] дороге, срочно запросите, имеются ли [в] штаме сведения о том, где находится этот груз; 2-е) какой участок жел[езной] дороги от ст[анции] Иловля к северу не занят нашими войсками; 3-е) где находятся [в] настоящее время тыловые армейские учреждения и склады и какие меры приняты по отношению военного имущества, находящегося в дивизиях; 4) установлена ли у Вас связь с т. Благондежным²⁵⁵, руководящим операциями по ликвидации дезертирского восстания в районе Поворино – Балашов.

²⁵⁴ В документе – состоянии.

²⁵⁵ В другом написании – Благондежинский, командующий советскими войсками в Новохоперском уезде.

Сообщаю для сведения, что в Поворино этим делом занят тов. Кириллов²⁵⁶, а в Романовке мною оставлен тов. Куренной. Нами только что получены непроверенные сведения, что в районе ст[анций] Романовка и Таволжанка²⁵⁷ дезертиры разобрали жел[езно]дорожный путь. Прошу дать ответ на представленные вопросы тотчас же. Мехоношин.

<[Ходоровский:] По первому пункту[:] 10 000 снарядов в Царицыне – ничего неизвестно, и присутствующий здесь наштарм и начоперот²⁵⁸ такой телеграммы не помнят. По второму: по полученным сведениям Арчеда занята противником, тыловые армейские учреждения почти все находятся в Балашове, армейских баз и складов за исключением арт[иллерийской] летучки ближе Балашова не имеется. Дивизионные склады расположились в районе по линии Поворино – Балашов. Сейчас будет дано распоряжение [об] их дальнейшем продвижении. Мы прибыли вчера поздно ночью и с постановлением Реввоенсовету²⁵⁹ о возложении ликвидации мятежа на 9[-ю] армию мы познакомились в 24 часа в ночь на сегодня. Сейчас ведем переговоры [с] находящимся в Балашове²⁶⁰ и добиваемся связи с Родничком, где находится Благонадежный. Кириллов поставлен нами, но больших талантов не проявляет. Сейчас на подавление мятежа в районе Трех Островов посылаем отряд под командой [председателя?] Ревтрибунала 9 Поспелова – очень выдержанного человека и вдобавок бывшего военного. По поводу сведения о Романовке²⁶¹ и Таволжанке прошу через Козлов навести точные справки и сообщить нам, так как от этого будет зависеть расположение наших баз.

[Мехоношин:] Тов. Ходоровский, я говорю с Вами из Реввоенсовету²⁶², находящегося [в] Козлове, предлагаю Вам именно через Балашов выяснить подлинное положение [в] Романовке²⁶², так как при желании Вам это несомненно легче сделать, чем нам из Козлова.

[Ходоровский:] Хорошо.>²⁶³

Мехоношин: Тов. Сокольников спрашивает, каким образом оказалось, что командарм остался один в Михайловке без обоих членов

²⁵⁶ Кириллов – начальник дорог и командир сводных отрядов в Новохоперском уезде.

²⁵⁷ В документе ошибочно – Паволжанка.

²⁵⁸ Начальник штаба армии и начальник оперативного отдела.

²⁵⁹ РВС Южного фронта.

²⁶⁰ Так в документе.

²⁶¹ В документе ошибочно – Рамоновка.

²⁶² В документе ошибочно – Рамоновка.

²⁶³ Фрагмент в угловых скобках выявлен в: РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 85. Л. 205–205об.

Рев[воен]совета. Это недопустимо, и если Вы и Михайлов уехали в Сенновский²⁶⁴, а командарм, оставшись [в] Михайловке, задерживался там, то Вашей обязанностью или обязанностью Михайлова было не отправляться [в] тыл или высылать разъезды, а вернуться [в] Михайловку. Это было бы лучше, чем издавать приказы и дезорганизовывать армию. Рев[воен]совет должен находиться при командарме. Совершенно скандально, что командарм продолжает работать среди восставших хуторов, о которых Вы доноситесь, в то время как Рев[воен]совет, мягко выражаясь, оказался на приличном расстоянии. Мы приказываем Рев[воен]совету 9 выполнять свой долг, а не заниматься для самооправдания интрижками. О всем происшедшем немедленно доводим до сведения предреввоенсовета респ[ублики] т. Троцкого. Один из членов Рев[воен]совета должен немедленно отправиться к местонахождению командарма 9. Об исполнении тотчас же донести. Все.

Ходоровский: Как член РВС Юж[ного] фронта я настаиваю на более внимательном отношении к моим сообщениям. 17 июня к 13 часам жизнь в штаме 9 замерла, все аппараты были сняты и были поставлены аппараты 23[-й] дивизии. Член Рев[воен]совета Михайлов остался в Михайловке, чтобы встретить дивизию, я и Всеволодов с полевым штабом должны были ехать в Сенновский, место это было выбрано Всеволодовым, час отъезда был установлен, и все в назначенный час выехали. Полагаю, что обязанности членов РВС вовсе не сводятся к тому, чтобы непременно в одной машине или [в] одном экипаже ехать с командармом, который в Михайловке по решению РВС оставаться не должен и не за чем было оставаться, он должен был быть²⁶⁵.

Говорит Мехоношин: Полагаю, что сейчас не время и не место подробно разбираться. Реввоенсовет предлагает немедленно одному из членов Рев[воен]совета 9-й отправиться к местонахождению командарма и об исполнении тотчас же донести. Мехоношин. Все.

Ходоровский: Местонахождение командарма неизвестно, он оторвался и от дивизии, и от штаба, в каких целях – я не знаю. Я еще раз предостерегаю, что положение весьма серьезно. Т[о]в[а]р[и]щ Михайлов находится на фронте, если я уеду, штаб остается без членов РВС. Предлагаю решить, в каком порядке и кто будет выполнять Ваш приказ по подавлению мятежа. Ходоровский.

²⁶⁴ Здесь и далее в ряде случаев ошибочно – Сенниковский.

²⁶⁵ Далее текст обрывается многоточием.

Мехоношин: Где именно на фронте находится т. Михайлов, а также получены ли Вами донесения от командарма 9 из хутора Сенновского от 19 июня следующего содержания: «Хут[ор] Сенновский 3 ч. 30 мин. Ввиду восстания казаков [в] тылу обеих дивизий [на] хуторах Попове, Орловском, Сергиевском, Молодельской, Большой и [в] других хуторах и станицах приказываю армии сегодня в ночь на 20[-е] начать отход на укрепленную Бузулуцку[ю позицию]²⁶⁶.

[Ходоровский:] Да, получены.

Ходоровский: Михайлов 18 июня на бронелетучке²⁶⁷ выехал в Арчеду в 14[-ю] дивизию, связи с ним в данный момент не имеем. 18 июня я из Сенновского вел несколько раз переговоры с комиссаром штаба Петровым, оставшимся в Михайловке для завершения эвакуации. Он мне сообщал, что Всеволодова в Михайловке нет. Я считаю установленным, что²⁶⁸.

Мехоношин: Где в настоящее время Петров?

Ходоровский: Петров вчера был в Сенновском, где он сейчас – неизвестно, т[а]к к[а]к ни с Сенновским, ни с Михайловкой связи не имеем. Я считаю установленным²⁶⁹.

Мехоношин: Реввоенсовет предлагает Вам немедленно принять все меры к восстановлению связи с т. Михайловым и с Петровым и добиться, чтобы кто-нибудь, или т. Михайлов, или т. Петров, нашли командарма. О принятых Вами мерах и результате донесите. Нами же будут приняты меры к восстановлению связи помимо Вас. Я кончил. Мехоношин. Ухожу от аппарата.

С подлинным верно:

Управдел²⁷⁰ Реввоенсовета 9 Рабинович

28/VI 1919

С копией сверено²⁷¹

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 201–203. Заверенная машинописная копия. Исправлено и дополнено по другому варианту документа: РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 85. Л. 205–205об.

²⁶⁶ Далее текст обрывается многоточием.

²⁶⁷ Броневомобиль, перемещавшийся по железнодорожному пути, бронированная дрезина или легкий бронепоезд для экстренных выездов.

²⁶⁸ Далее текст обрывается многоточием.

²⁶⁹ Далее текст обрывается многоточием.

²⁷⁰ Здесь и далее в документах – управляющий делами.

²⁷¹ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

ДОКУМЕНТ 5

Телеграмма И.И. Ходоровского РВС Южного фронта. 20 июня 1919 г.

Из 17[-го] тел[еграфного] отд[еления] 13 без слов 20/6 167 Реввоенсовет Юж[ного] фронта. Из Елани 20/6 15 ч. 32 м[ин]. Командарм 9 Всеволодов в Михайловке по оперативным делам задержаться не мог, и мы имели от Петрова сведения, что вместо 18 часов Всеволодов выехал около 21 часа, куда – неизвестно. В Михайловке работа штарма замерла 17 июня в 13 часов и в 18 часов все должны были выехать в Сенновский, каковой пункт был избран командармом. Предлагаю Реввоенсовету Юж[ного] фронта решить вопрос, [1] что должен был делать штаб армии, попавший в хутор, от которого не было никакой связи с Юж[ным] фронтом и с дивизиями; 2) что должен был предпринять я, не имея сведений о командарме и ответственный за армию; 3) т. Сокольникову должно быть известно, что я чужд всяких интрижек, ответственности не боюсь, но беспричинное отсутствие командарма (в течение суток о нем не слышали не только в штарме, но и в дивизиях) [в] такой ответственный момент считаю явлением недопустимым, свидетельствующим в лучшем случае о крайне несерьезном отношении к своим обязанностям. Настаиваю на передаче предреввоенсовета Троцкому всего того, что я вам сообщил. Еще раз настаиваю на более внимательном и серьезном отношении [к] сообщениям члена Реввоенсовета Юж[ного] фронта, ибо такое отношение, какое выражено в ответе т. Сокольникова, если этот ответ носит официальный характер и исходит от РВС Юж[ного] фронта, является для меня крайне странным и непонятным. Полагаю, что обязанности командарма сводятся к командованию и управлению армией, однако до сих пор штаб 9 не получал от командарма 9 никаких указаний, где ему разместиться и какие задачи выполнять.

Член Реввоенсовета Юж[ного] фронта Ходоровский

С подлинным верно:

Управдел РВС 9 Рабинович

Штемпель Реввоенсовета 9.

28/VI 1919

*С копией сверено*²⁷²

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 204. Заверенная машинописная копия.

²⁷² Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

ДОКУМЕНТ 6

Телеграмма РВС Южного фронта Л.Д. Троцкому. 20 июня 1919 г.

Копия с копии
Военная

Предреввоенсовет[а] Троцкому по местонахождению Козлов 20 июня 23 часа. При отступлении штарма 9 член Реввоенсовета тов. Ходоровский, не дождавшись задержавшегося на фронте командарма Всеволодова, уехал [из] хут[ора] Сенновского²⁷³ вместе [с] большей частью штарма [в] Елань, мотивируя небезопасностью оставаться [и] издав оперативный приказ по армии совершенно панического свойства, указывая, [что] издает приказ ввиду отсутствия командарма [в] течение суток. После бегства штарма на хут[ор] Сенновский прибыл Всеволодов, продолжающий командовать оттуда. Считая такой образ действий тов. Ходоровского крайне неудачным, дальнейшую работу его в 9[-й] армии [считаем] совершенно невозможной. Реввоенсовет Юж[ного] фронта вынужден ходатайствовать [об] откомандировании тов. Ходоровского [с] Юж[ного] фронта. Сокольников, К. Мехоношин.

Верно: Делопроизводитель управления делами Реввоенсовета Юж[ного] фронта (подпись)

С копией верно:²⁷⁴

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 205. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ 7

Телеграмма РВС Южного фронта И.И. Ходоровскому. 20 июня 1919 г.

Копия с копии

Члену Рев[воен]совета Ходоровскому, копия предреввоенсовета Троцкому

²⁷³ Здесь и далее в документе ошибочно – Сенниковского.

²⁷⁴ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

Из 5[-й] армейской т[елеграфной] конторы 5245
Сч. сл. 36 Подана 20-го 23 ч. 2 м[ин]

Принята 22-го 1919 г.

Козлов 20 июня 22 час. 20 м[ин]. Рев[воен]совет Юж[ного] фронта приказывает Вам прекратить вмешательство [в] деятельность командарма. Без приказа командарма штарму не переходить [в] Балашов, без приказа штарм может отступать только под огнем противника, какой-либо иной образ действия будет рассматриваться как постыдное дезертирство. № 6665/уп. Сокольников, Мехоношин.

Копия верна:

Управдел Реввоенсовета 9 Рабинович

Печать РВС 9
28/VI 1919

С копией верно:²⁷⁵

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 206. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ 8

Телеграмма И.И. Ходоровского РВС Южного фронта. 21 июня 1919 г.

Копия с копии

Из 17[-го] те[леграфного] от[деления] № 42 5/сл 21, 12, 20. Военная, вне очереди, по всему адресу. Козлов, Реввоенсовет Юж[ного] фронта, копия предреввоенсовета Троцкому по месту нахождения. Из Елани 21/6, 12 часов, Ваша № 6665. Никакого приказа о переезде штарма в Балашов я не давал, в приказы командарма не вмешивался. Ввиду имеющейся у нас телеграммы командюжа о том, что штарм 9 должен находиться [в] Балашове, а также ввиду отсутствия связи с командармом я в своей телеграмме запрашивал вас, где разместиться штарму, имея в виду, что [в] Балашове на колесах стоят эшелоны штаба и целого ряда учреждений. Стоянка штаба [в] Елани случайная. Командарм имел в виду не Елань, а Три Острова или Самойловку. [В] Елань прибыл штадив 23. Слобода

²⁷⁵ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

переполнена обозами и беженцами. Мои деловые соображения вы истолковываете вкривь и вкось. Ввиду совершенно непонятого и изумительного отношения, которые [за] последние два дня проявил ко мне Реввоенсовет Юж[ного] фронта как к члену Реввоенсовета фронта и армии и как к общественно-партийному работнику, имеющему за своими плечами 16 лет партийной работы на самых ответственных постах и ни разу не отступившему от требований дисциплины, я предлагаю прислать мне заместителя, чтобы я имел возможность отправиться в одну из дивизий [в] качестве рядового работника, ибо при создавшейся атмосфере я не могу сохранить душевное равновесие, столь необходимое для ответственной работы. Одновременно ходатайствую перед предреввоенсовета республики Троцким о назначении следствия над моими действиями [в] последние дни [в] целях выяснения, был ли в этих действиях хоть один шаг, противный интересам армий и противоречащий дисциплине и который не вызывался бы обстановкой. [В] то же время предлагаю Реввоенсовету Юж[ного] фронта указать, кому быть заместителем командарма, ибо иначе я и врид наштарм вынуждены отдавать боевые приказы по дезертирскому фронту, а также отдавать целый ряд распоряжений оперативного характера.

№ 514/А

Член Реввоенсовета Юж[ного] фронта Ходоровский

С подлинным верно:

Управдел РВС 9 Рабинович

28/VI 1919

*С копией сверено:*²⁷⁶

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 207. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ 9

Из разговора И.И. Ходоровского с К.А. Мехоношиным. 21 июня 1919 г.

Копия с копии

Выдержки из разговора т. Ходоровского с т. Мехоношиным

²⁷⁶ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

Ходоровский: «С командармом по-прежнему связи не имеем, хотя в его распоряжении имелись ординарцы и по пути действует летучая почта, я направил по направлению фронта разьезды и летучую почту для установления связи, других видов связи не имеем, ибо сейчас фронт проходит по дикому району, нет ни одного провода...»

С подлинным верно:

Штемпель РВС 9

Управдел РВС 9 Рабинович
28/VI 1919

С копией верно:²⁷⁷

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 208. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ 10

Телеграмма начальника 14-й стрелковой дивизии А.К. Степина И.И. Ходоровскому. 22 июня 1919 г.

Копия с копии

Члену Реввоенсовета 9 тов. Ходоровскому

21/6 командарм был у нас [в] штабах дивизии 14[-й] и 23[-й]. 21/6 выехал вместе с частями 23[-й] дивизии в Секачев, а сего 22/6 обещался быть у Вас в Елани. Тов. Михайлов и Петров у меня в штабе и завтра 23/6 выедут ч[е]р[ез] Матышево в Елань 22/6 [19]19. 22 часа.

Начдив 1[4] Степин

Политком Эвальд

Штемпель Реввоенсовета 9

С подлинным верно:

Управдел Реввоенсовета 9 Рабинович

28/VI 1919

С копией верно:²⁷⁸

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 209. Заверенная машинописная копия.

²⁷⁷ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

²⁷⁸ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

ДОКУМЕНТ 11

**Из разговора И.И. Ходоровского с членом
РВС Южного фронта М.К. Владимировым.
23 июня 1919 г.**Копия с копии

23 июня около 24 часов

Выписка из разговора т. Ходоровского с т. Владимировым

Ходоровский: О месте нахождения командарма сведения самые противоречивые. Вчера утром он был в Сенновском, откуда в автомобиле с семьей выехал, как говорит Голиков, основываясь на словах командарма, в 14[-ю] дивизию, но сегодня от члена РВС Михайлова из Матышево получена телеграмма о том, что командарм с частями 23[-й] дивизии предполагает быть 25 июня в Елани, но я сегодня мимо себя пропустил все без исключения части 23[-й] дивизии, но командарма не видел. Затем имеются сведения, будто вчера командарм был в хуторе Бухгурминском и разговаривал с командиром 4-го Царицынского полка и через последнего передал Камышинской бригаде [приказ] оставаться в Тростянке и держать связь со штабом 23-й дивизии в Елани, и, наконец, сегодня приехал верхом кучер командарма, последний ординарец, остававшийся при нем, выехавший из Сенновского вчера утром, сообщает, что командарм сказал ему, что уезжает в 14[-ю] дивизию и что приедет в штаб армии 28 июня независимо от того, где штаб будет находиться. Передаю последний приказ, отданный командармом: «Начдив 23, начдив 14 х[утор] Сенновский 21/V[I] 1 ч. 30 м[ин]. Приказ по армии [№] 310. 22[-го] перейти 14[-й] дивизии в район Терешкин – Олейников – Зуев, 23[-й] дивизии – в Секачев. 23 июня перейти 14[-й] дивизии на линию реки Терсы от Красного Яра до Сосновки включительно, а 23[-й] дивиз[ии] 24 июня – на линию Сосновка – Елань включительно. Указанную линию упорно оборонять начдиву 23[-й] дивиз[ии]. [Для] связи с экс[педиционными] войсками²⁷⁹ выслать конный отряд по правому берегу Бузулука. Штарму 9 команюжфронта²⁸⁰ приказано быть в Балашове. Командарм 9 Всеволодов, Член РВС Михайлов».

---

²⁷⁹ Имеются в виду войска, выделенные для борьбы с восстаниями в тылу армии.

²⁸⁰ Командующим Южным фронтом.

В данный момент положение таково, что дивизии вышли уже или, по крайней мере, штабы их и начдивы вышли на линию Елань – Красный Яр, а командарма здесь нет. Необходимы срочные распоряжения Юж[ного] фронта.

Телеграфист: Ответ будет дан завтра запиской.

С подлинным верное:

Управдел Реввоенсовета 9 Рабинович

Штемпель Рев[воен]совета 9

28/VI 1919

*С копией сверено:*²⁸¹

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 210. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ 12

Дознание коменданта штаба 9-й армии И. Шаткова. 24 июня 1919 г.

Копия с копии

Дознание

Согласно личного показания члена РВС тов. Ходоровского в присутствии чл[ена] РВС IX тов. Михайлова мною 24 июня с/г. в 18 час. 30 м[ин] был опрошен кучер командующего IX армией тов. Всеволодова красноармеец комендантской команды штаба 9[-й] армии Иван Прапошин, который показал, что 22 июня по приказанию тов. Всеволодова приблизительно в 16 часов он, Прапошин, выехал из хут[ора] Сенновского в х[утор] Секачев, причем, отсылая Прапошина в Секачев, командарм 9 Всеволодов сказал ему, что сам он на автомобиле едет в 14[-ю] дивизию в ст[аницу] Березовскую, что в Елани он будет завтра или послезавтра, т.е. 23-го или 24-го. Если же к тому времени штаб из Елани переедет в Балашов, то он, Всеволодов, будет в Балашове числа 28 июня. Уезжая, тов. Всеволодов просил тов. Прапошина поискать в Балашове для него квартиру с садом и, справившись, получил ли Прапошин жалова-

²⁸¹ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

ние, дал ему записку на имя коменданта штаба об удовлетворении его, Прапошина, жалованием за полтора месяца²⁸². Записка тов. Всеволодова писалась в х[уторе] Сенновском 22 июня, тогда как на записке стояла дата «24 июня х[утор] Секачев». Почему тов. Всеволодовым записка была помечена 24 июня и из х[утора] Секачева, а не Сенновского, как это было на самом деле, Прапошин не знает. В х[утор] Секачев Прапошин прибыл в 24 часа 22 июня и о командарме 9 больше ничего не слышал.

Дознание снимал комендant штаба 9[-й] армии И. Шатков

При допросе присутствовал член РВС IX арм[ии]

(подпись) Б. Михайлов

24 июня 1919 года

сл[обода] Елань

18–30

К настоящему дознанию имею прибавить следующее: упомянутого в изложенном документе Ивана Прапошина я встретил 23 июня между 8 и 9 час. утра между хуторами Секачев и Вязниковский. Прапошин мне сообщил, что выехал из Сенновского утром 22 июня. Командарм Всеволодов, по словам Прапошина, должен был (со слов командарма) выехать 22 июня в 10 час. утра из Сенновского в 14[-ю] дивизию. При моем разговоре с Прапошиным присутствовал находившийся при мне сотрудник оперативного отдела штаба 9 т. Наумов.

Член РВС (подпись) Ходоровский

Печать Реввоенсовета 9

Копия верна: Управдел РВС 9 Рабинович

26/VI [19]19

С копией верно:²⁸³

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 211. Заверенная машинописная копия.

²⁸² В документе, о котором идет речь, – с 15 мая по 1 июня, т.е. за полмесяца (РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 4. Л. 17).

²⁸³ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

ДОКУМЕНТ 13

**Докладная записка начальника 23-й
стрелковой дивизии А.Г. Голикова в РВС 9-й
армии. 25 июня 1919 г.**

Копия с копии

В Реввоенсовет 9[-й] армии

сл[обода] Елань
25-6-19

Докладная записка

Считаем своим долгом заявить вам я и начдив 23, что командарм 9 22 июня в х[уторе] Сенновском официально заявил, что Рев[воен]совет 9 уехал от него и забрал все вещи, принадлежащие ему, притом заявил, что Рев[воен]совет его считает изменником, передавшимся к повстанцам, и отрешили его от должности.

Начдив 23 А. Голиков

Политкомдив²⁸⁴ Д. Артамонов

Печать РВС 9

С подлинным верно:

Управдел РВС 9 Рабинович

С копией верно:²⁸⁵

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 212. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ 14

**Рапорт заведующего политотделом 23-й
стрелковой дивизии в РВС 9-й армии.
25 июня 1919 г.**

Копия с копии

Р.С.Ф.С.Р.

Политотдел 23-й стр[елковой] дивизии

²⁸⁴ Политический комиссар дивизии.

²⁸⁵ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

25 июня 1919 г.

№ 39

сл[обода] Елань

В Реввоенсовет 9[-й] армии

На основании рапорта вр.и.д. политкома 1-го кавалерийского полка тов. Кузнецова, мною были запрошены красноармейцы, бывшие в карауле у штаба командарма 9 в х[уторе] Сенн[овск]ом. При допросе они боялись почему-то давать показания и только трое или четверо давали некоторые показания.

Будучи в карауле во дворе командарма, к ним на крыльцо выходил командарм и рассказывал им, что 10-я армия отрезана и вряд ли что-нибудь от нее останется, 9-я армия сильно потрепана. Вообще говорил о безнадежности нашего положения. Рассказывал, что армия Деникина сдавшихся казаков не расстреливает, а, наоборот, сдавшемуся преподносят чарку водки и предлагают поступить в ряды, причем кто не желает, того отправляют на тяжелые работы. По словам казаков, он только не сказал, что сдавайтесь, а так много говорил хорошего про армию Деникина. По его словам, кто присоединится к повстанцам, того ожидает высокая награда, как спасителя Дона, что Дон может быть спасен только тогда, когда большинство присоединится к повстанцам. Война, мол, окончится скоро, ибо продолжится не более двух месяцев, т[а]к к[а]к армия разбивается и власть погибнет. Что все армии у нас почти разбиты, так, Петроград в опасности, взята Рига, Псков и т.д. Ленин и Троцкий просили уже мира, но Деникин не согласился, ибо союзники не приказывали. В России происходят якобы повсеместно бунты, что он сам лично проезжал по многим волостям и это видел. Происходят бунты из-за недовольства коммуной и вообще советской властью, т.к. всех обобрали. Солдаты не хотят мобилизоваться. Говоря о Миронове²⁸⁶, он сказал, что Миронов стремится стать атаманом в Донской области. Жаловался, что он сам мобилизован насильно, так же как и казаки, что служить он не хочет и, прослужив не более двух недель, подаст в отставку. Когда собрались на дворе

---

²⁸⁶ Миронов Филипп Кузьмич (14.10.1872–02.04.1921) – донской казак, войсковой старшина, военный специалист РККА. Командир полка, бригады, 1-й Усть-Медведицкой стрелковой дивизии (позднее – 23-й), вр.и.д. командующего Белорусско-Литовской, затем – 16-й армией, член казачьего отдела ВЦИК (с 06.1919), командир Особого экспедиционного корпуса (с 06.1919).

некоторые из стариков, он заявил, что он полковник Генерального штаба. Вот все, что рассказывали казаки, причем заявляли, что они его слушали урывками и поражались его словам. Больше всего с ним спорил его ординарец, которого на допросе не оказалось.

Тов. Кузнецов на мое требование об опросе официальном казаков заявил, что он их опрашивал и присылал ко мне пакет, но, к несчастью, я лично этого пакета до сего времени не получал. Приказал сделать расследование, кто привозил пакет и кому он был сдан. Ему же через вновь назначенного политкома просил дать фамилии караула и проинформировать еще раз дознание.

Все, что еще удастся получить от Кузнецова, препровожу немедленно в Реввоенсовет.

Зав[едующий] политотдел[ом] 23[-й стрелковой дивизии] (подпись)
Печать политотдела 23[-й] стр[елковой] див[изии]

С подлинным верно:
Управдел Реввоенсовета 9 Рабинович

25/VI 1919

Печать РВС 9

С копией верно:²⁸⁷

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 213. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ 15

Рапорт политического комиссара 23-й стрелковой дивизии Д.И. Артамонова в РВС 9-й армии. 25 июня 1919 г.

Копия с копии

Политический комиссар
23-й дивизии
от 25-6-1919 года
№ 6751
сл[обода] Елань

В Реввоенсовет 9[-й] армии

---

²⁸⁷ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

Рапорт

При сем препровождаю доклад комиссара 1-го кав[алерийского] полка на заключение.

Политком див[изии] 23[-й] Д. Артамонов

Печать РВС 9

С подлинным верно:
Управдел РВС 9 Рабинович

28/VI [19]19

Доклад

По прибытии в х[утор] Сенно[вски]й, были высланы казаки из 1-го казачьего полка из 4-й сотни 14 человек для собственной охраны командарма. Товарищи пришли, но его в квартире не было; доказывают, что он был у начдива тов. Голикова не точно, а приблизительно прибыл часов в 5 вечера от начдива в свою означенную квартиру, куда и были высланы казаки для охраны, по прибытии в квартиру его встретили казаки, первым делом он стал выяснять наше положение, то есть фронта и тыла, были собраны²⁸⁸, кроме охраны из других частей, и жители хутора Сенно[вско]го.

- 1) Первым делом дал вопрос казакам, служившим в Красной армии, для чего эта борьба, то есть казаки с казаками – это все бесполезно и это ведет все ни к чему.
- 2) Отступающие войска наши безвозвратно, в Донскую область²⁸⁹.
- 3) Нас всюду и везде избивают, фронт отступает, и в тылу восстания почти в каждой губернии, и война будет не более как два месяца.
- 4) Тов. Миронов тоже против коммуны, как я понимаю, он хочет быть атаманом потому, что он и во-первых²⁹⁰ стал бороться за атаманство.
- 5) Я приехал принять армию, предполагал, что здесь вполне [хорошие] войска, но оказывается, здесь одни жалкие остатки.
- 6) 10-я армия наверное²⁹¹, что ляжет вся, она окружена кругом.
- 7) В заключение объяснил себя и в каком он чине, то есть я полковник Генерального штаба, и выяснил про другие армии командармов.

---

²⁸⁸ В документе – было собрано.

²⁸⁹ Так в документе.

²⁹⁰ Так в документе.

²⁹¹ В старом значении слова – наверняка.

К сему докладу тов. политком Кузнецов, тов. полка²⁹² Андрей Давыдов, Тихон Малышкин, Игнат Мордавин, Василий Понфилов, Яков Кузнецов, Яков Жупанов, Тарас (неразборчиво), Емельян Фатев, Токарочкин Нестер, Иван Крюков.

За неграмотного политком Кузнецов

Печать РВС 9

С подлинным верно: Управдел РВС 9 Рабинович
28/VI [19]19

С копией верно:²⁹³

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 214. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ 16

Записка РВС 9-й армии РВС Южного фронта и Л.Д. Троцкому. 26 июня 1919 г.

Записка Реввоенсовета 9 Реввоенсовету Юж[ного] фронта
и тов. Троцкому

Копия с копии

У аппарата секретарь тов. Ходоровского Шпрингенфельд. Прошу Вас принять следующую записку и немедленно ее передать Реввоенсовету фронта и тов. Троцкому. Реввоенсовет Юж[ного] фронта, Елань 26 июня, 10 часов. Сообщаем, что противник ведет наступление в направлении на Елань и сегодня ночью занял Тростянку (22 версты юго-западнее Елани). Ввиду безызвестного отсутствия командарма 9 Всеволодова армия никем не управляется. Каких бы то ни было руководящих указаний от Реввоенсовета Юж[ного] фронта до сих пор не получено. В настоящий момент, когда по заключению начдива 23 и врид наштарма 9 намечилось движение противника в разрез между армией и всеми ее тыловыми учреждениями и возможен обход правого фланга армии, Реввоенсовет 9 предлагает Реввоенсовету Юж[ного] фронта немедленно дать девятой армии командование и срочные

²⁹² Так в документе.

²⁹³ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

оперативные указания. Ответ ожидается у аппарата. Реввоенсовет Ходоровский, Михайлов. «Еще раз прошу Вас, товарищ, немедленно передать эту записку Реввоенсовету и тов. Троцкому. До свиданья».

Печать Реввоенсовета 9

28/VI [19]19

С подлинным верно:

Управдел РВС 9 Рабинович

С копией верно:²⁹⁴

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 215. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ 17

Разговор членов РВС 9-й армии с членами РВС Южного фронта. 26 июня 1919 г.

Копия с копии

Разговор тов. Ходоровского и Михайлова с Реввоенсоветом
Юж[ного] фронта 26-6-[19]19

Здесь т. Ходоровский и Михайлов. Скажите, когда Вы, т. Михайлов, приехали в Елань. Когда и где Вы расстались с командармом. Где сейчас начдив 14. Известно ли Вам, что врид командармом является наштарм Преображенский, а Карепов от всяких должностей освобожден. Скажите расположение кратко частей 14[-й] и 23[-й], положение в Алексикове и где Баландин²⁹⁵. По последним вопросам спрашивают Михайлова или РВС 9?

Вопросы задаются фактически, а не спрашивается мнение.

Говорит Михайлов: 1) В Елань я прибыл 24 июня в 4 часа утра, 2) с командармом 9 я расстался в х[уторе] Сенновский 21 июня в 17 час. Обо всем этом я подробно донес Рев[воен]совету Юж[ного] фронта телеграммой от 24 июня. 3-е) телеграммой № 5839 наштарм 9 Преображенский назначен вр.и.д. командармом 9, в отношении тыла армии и борьбы с дезертирским фронтом Карепов оставлен при штарме

²⁹⁴ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

²⁹⁵ Баландин Сергей Александрович (1893–1967) – управляющий делами РВС Южного фронта.

ввиду отсутствия оперативных работников; 4-е) расположение частей 23[-й] дивизии²⁹⁶ следующее: В Елани стоит дивизионный резерв 1-го кав[алерийского] полка, район Терсы занимает 21-я бригада, район Вязовка – Березовка занимают остатки первой бригады, восьмой кав[алерийский] дивизион занимает Караншевку и ведет²⁹⁷ разведку [в] направлении Булгуриинский, 7[-й] кав[алерийский] дивизион занимает село Судачье и ведет разведку в направлении Орлов – Денисов, остаткам Камышинской бригады (80 штыков) вчера приказано перейти в район Руденкова, что 15 верст северо-восточнее Елани. Расположение частей 14[-й] дивизии следующее: от Сосновки до Разливки стоит 6[-я] бригада, участок (и т.д., следует расположение частей дивизии)²⁹⁸.

(Михайлов): Алексиково занято противником 23 июня утром; 6-е) т. Баландин находится на дезертирском фронте в районе Макашевка.

(РВС Юж[ного] фр[онта]): Какие у Вас последние сведения о командарме? Почему Михайлов уехал от командарма? Что сделано Рев[воен]-советом с 24-го для того, чтобы найти командарма и узнать, где он, ведь Вы знаете, что члены Рев[воен]совета, как и политкомы, отвечают за командующего и, в особенности, в том случае, когда не питали к нему полного доверия, не имели никакого права с ним разлучаться, а расставшись, немедленно должны были вновь съехаться.

Михайлов: Имеются только сведения, что командарма ни в частях 14[-й] и ни в частях 23[-й] дивизии нет. Я находился при командарме во все время выполнения им оперативной работы. Я считаю, что обязанностью членов РВС не является следование по пятам повсюду и везде за командармом. Последний вправе был избрать иной путь следования в штаб.

Ходоровский: 22 июня в 17 часов я с отрядом всадников отправился для восстановления связи с командармом. 23 июня [в] 11 часов у х[утора] Секачева я встретил 23[-ю] дивизию, которая отходила на Бузудук, за Секачевым никаких наших частей больше не оставалось. Начдив 23 Голиков и политком Артамонов сообщили, что командарм выехал из Сенновского 22-го [в] 10 часов, будто бы направляясь в 14[-ю] дивизию. Мною немедленно были посланы разъезды по путям отхода 14[-й] дивизии в Бухгуриинский и [в] район. Командарм там не был об-

²⁹⁶ Далее в документе повторено – расположение.

²⁹⁷ В документе ошибочно – выдать.

²⁹⁸ Далее в документе пропуск.

наружен, 24[-го] разъезды 23[-й] дивизии по расходящимся радиусам направлялись глубоко на Бузулук от Тростянки до Орлова-Денисова. Командарма не нашли. 14[-я] дивизия нами запрашивалась все время о месте нахождения командарма, и через свои части она командарма не обнаружила.

РВС Юж[ного] фронта: Тов. Михайлов, Вы выехали 21-го а командарм выехал 22-го. Это не называется выехать разными дорогами. Раз командарм отсутствует, то вр.и.д. командарм Преображенский, если нет связи между дивизиями и Всеволодовым, то, по-видимому, налицо становится командующим в отношении всей армии – это установленный порядок. Сообщите, когда фактически начдив[ы] 14 и 23 потеряли связь с командармом Всеволодовым и когда ими были получены от него последние распоряжения, какого числа. Всё.

Говорит Михайлов: 21[-го] был издан последний приказ командарма Всеволодова, скрепленный моей подписью. 14[-я] дивизия выступила 21 июня, т[а]к к[а]к моей задачей, которую я принял с ведома и разрешения Рев[воен]совета 9 еще 17 июня, было выяснение состояния 14[-й] дивизии, я для доведения своей работы до конца выехал из Сенновского с арьергардом 14[-й] дивизии. 23[-го] 23[-я] дивизия должна была выступить. 22[-го] на рассвете с командармом Всеволодовым я условился встретиться в штабе армии в Елани 24[-го] или в случае непредвиденной задержки 25 июня. Командарм мне заявил, что он выедет к частям 23[-й] дивизии для ознакомления с их состоянием, так как обязанностью члена Рев[воен]совета является делить общую организационную работу вместе с командармом, я не считал необходимым ехать за Всеволодовым.

РВС Юж[ного] фронта: Нам необходим точный ответ на поставленные вопросы, относительно обязанностей членов РВС вопроса поставлено не было. Таким образом, начдив 14[-й] потерял связь с командармом 21[-го] в 17 ч. А начдив 23[-й] – 22-го. Когда командарм ему сообщил, что он раздумал ехать с 23-й дивизией и направляется вслед за 14[-й] дивизией? Относительно Преображенского имелось определенное предписание РВС Юж[ного] фронта. Всё.

РВС Юж[ного] фронта: Преображенскому приказано было замещать командарма в отношении всего тылового района и подавления дезертирского восстания, т[а]к к[а]к имелись указания, что командарм Всеволодов находится при дивизиях, но не имеет связи с[о] штабром. Раз Вам был известен факт, что командарм

уже не имеет связи с дивизиями, то наштарм Преображенский по положению должен был его замещать. Передаем Вам официально, что наштарм Преображенский должен немедленно вступить во временное командование армией. Приказ будет передан дополнительно, к[а]к равно и директива в связи с изменившейся обстановкой. Гиттис, Мехоношин, Сокольников.

С подлинным верно:
Управдел РВС 9 Рабинович

Печать Реввоенсовета 9
28 июня 1919 г.

С копией верно:²⁹⁹

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 217–217об. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ 18

Записка И.И. Ходоровского в РВС Южного фронта. 26 июня 1919 г.

Копия с копии

Записка Реввоенсовета Юж[ного] фронта³⁰⁰

Ваше распоряжение о Преображенском принимаем к сведению и исполнению, но считаю необходимым указать, что 23 июня [в] 23 час. 30 м[ин] по возвращении [в] Елань с 23[-й] дивизией и по получении телеграммы от Михайлова я немедленно позвал к аппарату члена РВС Юж[ного] фронта. Подошел Владимиров, которому я дал подробные сведения как о положении 23[-й] дивизии, так и о месте нахождения командарма, причем я указывал, что дивизии вышли уже на линию Терсы, а командарма нет. Просил немедленно указаний, как быть. Владимиров конца моего сообщения не дождался и велел передать, что на все вопросы будет дан ответ утром 24 июня, прошло 3 дня, а ответа не было. С Преображенским, находившимся в Балашове, Юж[ный] фронт имеет прямую связь, и приказы все

²⁹⁹ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

³⁰⁰ Так в документе.

ему адресовались в Балашов, копия [в] РВС [в] Елань. Назначить нам самим Преображенского командармом не только дезертирского фронта, но и боевого значило решить вопрос о штабе, а от вас был определенный приказ штабу находиться в Елани до становления связи с командармом и переводить шторм без приказа командарма только под обстрелом противника, всякий иной образ действий будет рассматриваться как постыдное дезертирство. Мы в точности исполняли ваши указания, ежедневно информируя вас о положении. Ходоровский. Эту записку сейчас же передайте как дополнение к разговору сейчас же.

С подлинным верно:

Управдел РВС 9 Рабинович

28 июня 1919 г.

Печать РВС 9

С копией верно:³⁰¹

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 218. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ 19

Н.Д. Всеволодов

Из моих воспоминаний (два года в Совдепии). Великие князья в тюрьме

Режим «чрезвычайки» резко отличался от режима «предварилки» на Шпалерной. В чрезвычайке в одной камере находилось около 100 человек; у дверей стоял красноармейский караул из 3-х человек, которые всю ночь спали. В моей камере находилась лавочка, где можно было покупать бумагу, спички, селедки, сахар. На обед давали великолепную солянку из реквизированной осетрины, а вечером чай с 1/8 хлеба. Другое дело в предварилке. Здесь буквально морили голодом. На обед один раз в сутки давали воду с кореньями. В одной небольшой камере помещалось 15–20 человек. В камере же находилась и уборная, – воз-

³⁰¹ Подпись неразборчива. Печать политотдела РВС Южного фронта.

дух невероятный, форточек открывать не разрешалось; да, впрочем, не было и смысла, ибо в тюремном дворе, куда выходили окна, творилось нечто невообразимое. Здесь жгли мусор, и поэтому зловоние было отчаянное. Вот сюда-то и выпускали на прогулку в течение 15–20 минут арестованных партиями по 30–40 человек.

Великие князья и женщины имели прогулку два раза в день. Для этого внутри двора был устроен круг, в середине которого возвышалась беседка с винтовой лестницей, где стоял часовой. Великие князья гуляли вне круга. Павел Александрович³⁰² всегда стоял на одном месте у входа в одиночную галерею³⁰³.

Он всегда был удивительно спокоен. Излюбленной его темой была политическая. Имея связь с внешним миром через лакеев, приносивших ему обед, он часто с большим увлечением рассказывал то о начавшемся чехословацком движении, то о занятии англичанами якобы Вологды или о движении немцев на Петроград. Все это оказывалось впоследствии блефом, но нам хотелось верить в возможность освобождения от большевиков.

Железные решетки, тяжелые засовы, усиленный караул красногвардейцев, все это нас угнетало, а начавшиеся расстрелы приводили в ужас. Как известно, в последнее время великий князь Павел Александрович стоял вдали от политики; он жил в Гатчине, занимался хозяйством, сам рубил дрова, много гулял, нигде не бывал. Все это знали и были уверены в его освобождении. Сам великий князь также высказывал полную уверенность и надежды на будущее, тем более что он страдал тяжелой болезнью – язвой желудка.

Великий князь Дмитрий Павлович³⁰⁴ был болен туберкулезом. Я каждый раз встречался с ним в лазарете, куда приезжал специально для него особый врач. Сначала великий князь был настроен пессимистически, часто грустил, жаловался на свою болезнь, но спустя месяц он освоился с тюремным режимом и даже повеселел. Впрочем, на это

---

³⁰² Павел Александрович (21.09.1860–30.01.1919) – великий князь, сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Арестован в августе 1918 г. в Петрограде. Расстрелян.

³⁰³ Одет он был всегда с иголочки, во френче защитного цвета, галифе, высоких сапогах и английской фуражке (*примеч. Н.Д. Всеволодова*).

³⁰⁴ Мемуарист ошибается. В тюрьме находился великий князь Дмитрий Константинович. Дмитрий Константинович (01.06.1860–28.01.1919) – великий князь, полковник. Арестован и расстрелян.

у него была причина. Урицкий объявил ему, что в ближайшие дни он как больной туберкулезом будет освобожден.

Совсем противоположное явление представлял собой вел[икий] кн[язь] Николай Михайлович³⁰⁵.

Одет он был в штатское платье: носил потрепанное пальто, помятый костюм, старую шляпу. Он редко брился. На прогулке ходил быстро, движения его были резки. Видно, что душа его металась, и он не мог найти равновесия.

Мы, офицеры, несмотря на запрещение комиссара тюрьмы, мы отдавали честь, приветствовали великих князей под козырек. Я долго не имел случая говорить с вел[иким] кн[язем] Николаем Михайловичем, как однажды за мной пришел Хан Нахичеванский³⁰⁶ и сказал, что Николай Михайлович мне хочет что-то сказать. Я немедленно отправился к великому князю, который закидал меня целым рядом вопросов. При этом в выражениях великий князь не стеснялся и ругал Троцкого, Ленина, Зиновьева³⁰⁷, Урицкого³⁰⁸, Дзержинского³⁰⁹ и др[угих] без всякой застенчивости. «Я, – говорил Ник[олай] Михайлович, – целыми ночами пишу мемуары о большевиках, я не пропускаю ни одного факта, даже самого мелочного; верьте, мой труд будет достоянием истории. Я скоро закончу его, – продолжал великий князь, – и преподнесу на прочтение самому Троцкому. О, я его нисколько не боюсь!» Правда, великий князь часто был под влиянием Бахуса, однако не оставалось никакого сомнения, что он начал заговариваться.

Часто он вдруг неожиданно разражался диким хохотом, глаза наливались кровью, и тогда он был поистине ужасен.

³⁰⁵ Николай Михайлович (14.04.1859–24.01.1919) – великий князь, генерал от инфантерии. Арестован, содержался в Вологде и Петрограде. Расстрелян.

³⁰⁶ Нахичеванский Хан Гуссейн (28.07.1863–01.1919) – генерал от кавалерии, бывший генерал-адъютант. Арестован Петроградской ЧК (18.05.1918). Содержался на Шпалерной улице. После убийства М.С. Урицкого объявлен заложником. Расстрелян.

³⁰⁷ Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (11.09.1883–25.08.1936) – российский революционер, председатель СНК Петроградской трудовой коммуны.

³⁰⁸ Урицкий Моисей Соломонович (02.01.1873–30.08.1918) – председатель Петроградской ЧК, комиссар внутренних дел СНК Петроградской трудовой коммуны, комиссар внутренних дел Совета комиссаров Союза коммун Северной области. Убит.

³⁰⁹ Дзержинский Феликс Эдмундович (30.08.1877–20.07.1926) – революционер, председатель ВЧК.

Однажды, находясь в таком экзальтированном состоянии, он вдруг остановил князя Шаховского³¹⁰ и совершенно серьезно сказал ему при всех: «Ты настоящий дурак». Князь Шаховской очень смутился и ответил также резкостью. Николай Михайлович вышел из себя и начал кричать на Шаховского. Стоило больших усилий увести последнего и тем прекратить ссору.

Жизнь великих князей в тюрьме на Шпалерной была поистине ужасна. Несмотря на разрешение Урицкого иметь им свой стол, самые условия заключения были невыносимы.

Все великие князья сидели в верхней галерее в одиночных камерах. Длина камеры 1½ сажени и ширина 1 сажень. Постройки сводчатые с маленьким решетчатым окном. Сырость в них была отчаянная, все стены залиты водою и покрыты плесенью, дышать было нечем. Так коротали свою жизнь те люди, которые ни в чем не были повинны и лишь посажены в тюрьму за то, что носили фамилию Романовых.

В конце сентября я был переведен из тюрьмы на Шпалерной сначала в чрезвычайку, а потом в Петропавловскую крепость. Великие князья остались в предварилке в ожидании освобождения, но этому не суждено было осуществиться.

Нажим Юденича³¹¹ на Петроград сыграл для них роковую роль. Я не был в это время в Петрограде и лишь в газетах прочитал следующее короткое объявление от петроградской чрезвычайки: в январе месяце 1919 года за принадлежность к контрреволюции по приговору полевого трибунала расстреляны бывшие великие князья: Павел Александрович, Николай Михайлович и Дмитрий Константинович.

Н. Всеволодов

Всеволодов Н. Из моих воспоминаний (два года в Совдепии). Великие князья в тюрьме // Вечернее время (Новороссийск). 1920. 18.01. № 452. С. 2.

---

³¹⁰ Шаховской Дмитрий Николаевич (30.09.1871–02.01.1930) – князь, подполковник. Арестован в качестве заложника в Петрограде. Освобожден.

³¹¹ Мемуарист неточен. Н.Н. Юденич возглавил антибольшевистские силы на Северо-Западе России позднее. Юденич Николай Николаевич (18.07.1862–05.10.1933) – генерал от инфантерии. Руководил Белым движением на Северо-Западе России (05.1919–01.1920). Главнокомандующий российскими вооруженными сухопутными и морскими силами в Прибалтийском районе (с 05.06.1919). Командующий Северо-Западной армией (02.10–28.11.1919).

ДОКУМЕНТ 20

Н.Д. Всеволодов. Разгром южных советских армий. Выписка из белогвардейской газеты «Утро Юга», подготовленная в Особом отделе ВЧК. 16 сентября 1919 г.³¹²Сов[ершенно] секретно

Выписка из белогвардейской газеты

Утро Юга

Ежедневная общественно-политическая и экономическая газета
№ 157–185. Среда 17/30 июля 1919 г. Екатеринодар № 157–185
Адрес редакции и конторы: Красная ул. № 36. уг[ол] Екатерининской

Разгром южных советских армий

12 марта войскам советских армий Южного фронта был отдан приказ о переходе с рассветом 16 марта в самое решительное наступление на Новочеркасск.

Характерно, что штаб фронта, отдавая этот приказ, не имел малейшего понятия ни о расположении частей 9-й армии, ни тем более частей 8-й армии, которая должна была наносить главный удар от Луганска.

Благодаря стихийной непогоде связь штаба фронта с 8[-й] и 9[-й] армиями, а также между штабами армий и дивизий была утеряна.

Штабы армий в течение недели не знали, что делалось в дивизиях и даже где таковые находились.

А в это время 16[-я] дивизия 9[-й] армии совершала весьма опасный фланговый марш, сменяя части 12[-й] дивизии 8[-й] армии на фронте от устья р[еки] Калитвы до ст[аницы] Митякинской.

12[-я] дивизия только головными частями стала подходить к ст[анице] Луганской, опаздывая почти на 5 суток. Кавалерию 16-й дивизии и отдельную кавалерийскую бригаду 9[-й] армии нигде не

---

³¹² Мы приводим документ, выявленный нами в фондах РГВА. Документ ранее опубликован в: Измена командарма Н.Д. Всеволодова / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 88–91. Другой экземпляр обнаружен и опубликован с пропуском абзаца и рядом других неточностей в кн.: *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009. С. 269–273.

могли разыскать, а ведь она была предназначена для преследования противника, которого еще надо было разбить.

При таких-то обстоятельствах должна была начаться атака 8[-й] и 13[-й] армий, от которой Гиттис ожидал решения участи всей компании.

Но зоркое командование Добровольческой армии предупредило эту атаку.

16 марта³¹³ н[ового] с [тиля], т.е. ровно на сутки ранее, Добровольческая армия, вырвав инициативу из рук противника, сама перешла в наступление, атаковав его к ю[го]-в[остоку] от Луганска.

Эта атака оказалась для советского командования роковой.

В однодневном бою вторая бригада 41[-й] дивизии 8[-й] армии³¹⁴, изображавшая вершину клина «Макензеновской»³¹⁵ фаланги», была разбита наголову. Остатки ее в беспорядке бросились бежать на Луганск и по дороге увлекли за собой части Инзенской дивизии, брошенные из резерва.

Прорвавшаяся кавалерия Добровольческой армии углубила прорыв до самого Луганска, наводя всюду на советские войска панику и смятение.

Советское командование еще 17 марта пробовало было восстановить положение решительным переходом в наступление на фронте всех армий, но было уже поздно. Инициатива всецело перешла в руки командования Добровольческой армии.

Гиттису пришлось уже не наступать, а отбиваться, не бить, а парировать могущественные удары Добровольческой армии, посыпавшиеся на ударную советскую группу один за другим.

Советское командование сильно растерялось и стало разыскивать «волчью дивизию» Шкуро³¹⁶ и танки.

О дивизии генерала Шкуро в советских войсках знал каждый красноармеец. Говорили, что эта дивизия пленных не берет; одета она в волчьи шапки и волчьи шкуры; впереди дивизии развевается знамя с изображением волчьей головы, а на обороте которого надпись:

³¹³ Видимо, неточность, правильно – 15 марта.

³¹⁴ Автор неточен. 41-я стрелковая дивизия входила в состав не 8-й, а 13-й армии.

³¹⁵ Макензен Август фон (06.12.1849–08.11.1945) – германский генерал-фельдмаршал, один из лучших германских полководцев Первой мировой войны.

³¹⁶ Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич (07.01.1886–16.01.1947) – генерал-лейтенант. Участник Белого движения на Юге России. Командир III конного корпуса.

«Смерть коммунистам». Указывали, что в атаку дивизию всегда ведет сам генерал Шкуро. Около имени последнего сложилось много легенд. Одно имя этого генерала наводило на красноармейцев непонятный страх и трепет. Появление дивизии всегда было связано с поражением советских войск.

Командование фронтом как бы поддерживало и способствовало развитию этих слухов и 17 марта срочной телеграммой запрсило все армии о местонахождении «волчьей дивизии генерала Шкуро».

В этой телеграмме за подписью Гиттиса указывалось, что от своевременного обнаружения дивизии генерала Шкуро зависит исход операции, завязавшейся у Луганска.

Или в армиях у страха глаза были велики, или нашлись злые шутники, но только к 20 марта от всех армий, не исключая и 10-й, дружно поступили срочные донесения, что «волчья дивизия ген[ерала] Шкуро» обнаружена на их фронте. Иначе говоря, таинственная дивизия ген[ерала] Шкуро была одновременно обнаружена сразу на фронте всех шести советских армий.

Не лучше было и с танками. Командующий 10[-й] армией генштаба Ключев³¹⁷ донес, что на ст[анции] Ремонтная обнаружено 80 малых танков с английскими командами.

Указанные, заведомо неверные и противоречивые донесения еще более сбили с толку Гиттиса и создали неуверенную и крайне нервную обстановку.

Восстановить порядок в Инзенской дивизии не удалось. Попав под сильнейший артиллерийский огонь и стремительно атакованная казаками в конном строю с обоих флангов, эта дивизия в панике отхлынула назад.

Та же участь постигла и Московскую дивизию. Не успев закончить сосредоточение у Луганска, эта дивизия, введенная в бой по частям, малыми пакетами, быстро растаяла в море атак и, в буквальном смысле слова, «была разбита по частям».

12[-я] дивизия к 20 марта едва лишь начала появляться головными частями у ст[аницы] Луганской, почему Гиттис во избежание нового отдельного поражения не решился пустить ее в бой.

---

³¹⁷ Ключев Леонид Лаврович (04.08.1880–29.01.1943) – бывший подполковник, военный специалист РККА, командующий 10-й армией (1919).

В это время на левом фланге 9[-й] армии бездействовала и лишь молча присутствовала на поле сражения при разгроме 8[-й] армии. На правом фланге 13[-й] армии Генштаба Геккера³¹⁸ и 2[-я] Украинская армия втянулась в ожесточенный бой с левофланговыми частями армии ген[ерала] Май-Маевского³¹⁹, в том числе и с дивизией генерала Шкуро.

Крепко вцепившись в две дивизии 13[-й] армии, дивизия ген[ерала] Шкуро прочно приковала их к одному месту, не позволив оказать помощь трем советским дивизиям, которые громились у Луганска.

К 1 апреля Гиттис окончательно признал свое поражение и в странном донесении в Серпухов сообщил о переходе им впредь до нового сосредоточения ударных сил к обороне.

Новый план Гиттиса был рассчитан на следующее: части 9[-й] армии должны были, заняв слабыми частями 14[-й] дивизии линию р[еки] Донца от устья до ст[аницы] Каменской, все остальные силы армии – 16[-ю] и 23[-ю] дивизии сосредоточить у ст[аницы] Гундоровской и Новобожедаровки и совместно с 12[-й] дивизией у Митякинской атаковать правый фланг армии ген[ерала] Май-Маевского с фланга и тыла.

Благодаря умышленному распоряжению штаба 9-й армии ударная группа была сосредоточена вопреки приказу фронта не у Новобожедаровки вблизи 8-й армии, а у Усть-Белокалитвенской, удаленной от 8[-й] армии на 100 верст с целью нанесения ей отдельного поражения.

Так оно и случилось: 11 апреля части 23[-й] дивизии под начальством начдива 23 Голикова переправились на правый берег Донца и сначала заняли станцию Репное, а потом, изолированные и окруженные со всех сторон, были разбиты и, потеряв свою артиллерию, отброшены назад.

Поражение 8[-й] и 9[-й] армий дало возможность командованию Добровольческой армии усилить свои фланги против 13[-й] и 10[-й] армий и достигнуть самых решающих успехов.

С появлением же танков на флангах 13[-й] армии начался полный развал.

³¹⁸ Геккер Анатолий Ильич (25.08.1888–01.07.1937) – бывший штабс-ротмистр, военный специалист РККА, командующий 13-й армией (1919–1920).

³¹⁹ В.З. Май-Маевский тогда еще не командовал армией. Май-Маевский Владимир Зиновьевич (Зенонович) (15.09.1867–30.10 (12.11).1920) – генерал-лейтенант (с 03.1919), командир II армейского корпуса (с 02.1919), командующий Донецкой группой войск (с 04.1919), командующий Добровольческой армией (с 22.05 (04.06).1919).

26 мая командующий 13[-й] армией Генштаба Геккер донес во фронт, что отступающую армию остановить нет сил: люди митингуют, арестовывают своих комиссаров и командный состав, были случаи расстрелов, с поля сражения исчезают целые команды и батальоны, штабы полков и даже бригад: в районе Славянска целая бригада самовольно оставила фронт, арестовав командный состав, а вскоре такое же донесение последовало и от командующего 8[-й] армией Генштаба Любимова³²⁰.

Серпуховская Ставка, не ожидавшая такого развала, заволновалась. В 13-ю армию прибыл сам Троцкий. Вид его был ужасен. Начались аресты и массовые расстрелы. Но и эта излюбленная и испытанная Троцким мера не помогла. Фронт продолжал разваливаться, и Троцкий 1 июля поспешил уехать из Купянска в Москву.

Совершенно обратное настроение царило в штабе фронта у Гиттиса.

Последнему удалось все свалить на Вацетиса. Поражению не придавали значения, считали, что отход не будет глубоким.

Надеялись на сильные стойкие 9[-ю] и 10[-ю] армии и при помощи их восстановить положение.

Но и на этот раз высшее командование Добровольческой армии не дремало и отдало приказ о сосредоточении групп у Константиновской и Великокняжеской для атаки левых флангов 9[-й] и 10[-й] армий. Этим план Гиттиса вновь был предупрежден и вместо нанесения могущественного удара при помощи 9[-й] и 10[-й] армий советскому командованию пришлось сдать Царицын, Балашов, Борисоглебск, эти важнейшие центры, с их многочисленными запасами.

Н. Всеволодов

Статья принадлежит бывшему командарму 9-й армии, перешедшему на сторону белых.

Газета «Утро Юга» хранится у тов. Дзержинского.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ОСОБОГО ОТДЕЛА В.Ч.К. Павлуновский

16-IX-1919 г.

РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 28–29об.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 25. Л. 1–2об.
Машинописная копия.

³²⁰ Любимов Владимир Виссарионович (24.02.1879–10.12.1937) – бывший подполковник, военный специалист РККА, командующий 8-й армией (1918).

ДОКУМЕНТ 21

Н.Д. Всеволодов

Поражение 10-й армии Ключева

Над большевиками одержана новая и решительная победа под Великокняжеской.

Это по счету уже третья; итак, три победы в две недели. Первая – под Батайском, где разгромлена была конная армия Буденного³²¹; вторая – под хутором Веселым, где нанесено решительное поражение конному корпусу Думенко³²², и, наконец, третья победа под Великокняжеской, где нанесено поражение всей 10-й армии Ключева³²³. Последняя из этих побед имеет громадное стратегическое значение, и вот почему.

Под Батайском были разбиты конные массы противника и положен предел наступлению красных; однако живучесть армии Буденного еще осталась. Конные массы были разбиты лишь наполовину, а остальная часть конницы рассеялась и снова собралась где-то в тылу Ростова и Новочеркаска. У хутора Веселого тоже была разбита кавалерия Думенко, поддержанная лишь частью пехоты. У Великокняжеской же наголову разбита самая стойкая и надежная 10-я советская армия из трех пехотных дивизий, предводимая лучшим советским работником Генерального штаба [под]полковником Ключевым.

Достаточно вспомнить весну и лето минувшего года, когда 10-я армия, лично предводимая Ключевым, выдержала всю тяжесть кампании. Особенно тяжело было Ключеву, когда у ст[анции] Лог 38[-я] и 39[-я] дивизии этой армии давали последний бой, решивший судьбу Царицына. Я, командовавший тогда 9[-й] армией, в течение 13 дней

³²¹ Буденный Семен Михайлович (13.04.1883–26.10.1973) – советский военный деятель, командующий 1-й Конной армией.

³²² Думенко Борис Мокеевич (18.01.1888–11.05.1920) – советский военный деятель, командир Конно-сводного корпуса.

³²³ Автор ошибается. С 28 декабря 1919 г. 10-й армией командовал уже сменивший Ключева А.В. Павлов. Пропагандистские заявления Всеволодова о разгроме войск С.М. Буденного, Б.М. Думенко и 10-й армии не соответствуют действительности. Речь идет о частных успехах ВСЮР в период Доно-Маньчжурской операции РККА в январе – начале февраля 1920 г., когда части Красной армии были вынуждены перейти к обороне по рекам Дон и Маньч.

должен был выйти в левый фланг войскам генерала Мамантова со стороны Арчеды и атаковать его в тыл. Вместо того чтобы выполнить этот приказ Троцкого, я отвел армию на 250 верст назад под прямым углом от пути отступления. Ключев был поставлен в критическое положение; вся конница генерала Мамантова – 9[-я] и 13[-я] конные дивизии, благодаря отводу 9[-й] армии, бросились в тыл, обрушились на 10[-ю] армию Ключева, и Царицын пал. Но Ключев, окруженный со всех сторон, сумел вывести свою армию и спасти ее от пленения.

В данный момент Ключев является снова центром тяжести и всеобщего внимания Троцкого и советских главковерхов; от него зависит, быть или не быть победе красных войск. В составе 10-й армии по-прежнему находятся 38[-я] и 39[-я] пехотные дивизии, железная дивизия Жлобы³²⁴ и части Камышинской дивизии с соответствующей кавалерией³²⁵. Наше командование учло направление удара 10-й армии и, заблаговременно сосредоточив за правым флангом соответствующий кулак, предприняло решительную контратаку. Войска доблестного Кубанского корпуса генерала Науменко³²⁶ также были выдвинуты вперед, и в результате новый разгром большевиков у Великокняжеской.

Мы предубеждали, что в ближайшие дни надо ожидать решительных столкновений с 10-й армией, ибо, не разбив этой последней, нельзя было начинать операции против Ростова и Новочеркасска. Потеря Ключевым 29 орудий, сотни пулеметов и взятые тысячи пленных свидетельствуют, что разбита целиком вся армия Ключева. Потеря же 3/4 всей артиллерии делает эту армию небоеспособной на несколько месяцев.

Положение армии Ключева еще больше усугубляется тем, что с конца ноября до конца марта всякое сообщение Царицына с Совдепией прекращается. Связь происходит от Камышина до Царицына только на санях и отчасти автомобилями. Поэтому ни пополнений, ни орудий,

³²⁴ Жлоба Дмитрий Петрович (03.06.1887-10.06.1938) - советский военный деятель, начальник Стальной дивизии, командир 1-й партизанской кавалерийской бригады Конно-сводного корпуса Б.М. Думенко, командир I конного корпуса.

³²⁵ Автор ошибается. В состав 10-й армии в январе 1920 г. входили 20, 28, 32, 37, 38, 39-я стрелковые дивизии, 12-я кавалерийская дивизия, 1-я Кавказская кавалерийская дивизия и Доно-Ставропольская кавалерийская бригада. Дивизии Жлобы и Камышинской дивизии к этому времени уже не существовало.

³²⁶ Науменко Вячеслав Григорьевич (25.02.1883-30.10.1979) - генерал-майор (впоследствии - генерал-лейтенант). Участник Белого движения на Юге России. Командир II Кубанского корпуса.

ни пулеметов Ключев до апреля месяца не получит, а следовательно, и не в состоянии будет выполнить ни одной сколько-нибудь серьезной оперативной задачи.

В общем Троцкому на армии Ключева нужно поставить крест и в дальнейшем придется придумывать новую операцию, не комбинированную с охватом нашего правого фланга. Наоборот, наше высшее командование получает свободу оперативных действий и, не будучи связано на флангах, может оперировать в любом направлении.

Таково стратегическое значение победы генерала Науменко над армией Ключева, являющейся альфой и омегой всего Южного советского фронта. В связи с поражением Ключева неизбежно поражение и конной группы красных в районе Св. Креста, не говоря уже о Кизлярской ударной группе большевиков, окончательно разбитой и уничтоженной. Остается живучим только центр большевиков – это 9[-я] армия с конницей Думенко. Но первая, связывая конницу Буденного с 10-й армией, сильно растянута в тонкую нитку и напоминает собою паутину, рвущуюся в любом пункте. Конница же Думенко, подобно разбитой кавалерии Буденного, после неудачи у хут[ора] Веселого не в состоянии действовать активно. Поэтому наиболее вероятно, что после трехкратного жестокого поражения в трех различных и при этом далеко удаленных точках Южного советского фронта Троцкий временно прикажет перейти всем армиям фронта к глубокой и длительной обороне.

Теперь мы наглядно видим, что поднявшаяся паника в тылу не имела под собой никакой реальной почвы. После победы ген[ерала] Науменко положение фронта можно охарактеризовать уже не только удовлетворительным, как это сказал ген[ерал] Сидорин³²⁷ до поражения 10[-й] армии, а отличным; красные на всем фронте от Азова до Св. Креста и Кизляра разбиты. На Нижнем Дону они прочно задержаны; всюду красные перешли к обороне, а мы сохранили за собой полную оперативную свободу действий.

Н. Всеволодов

Всеволодов Н. Поражение 10-й армии Ключева // Вечернее время (Новороссийск). 1920. 20.01. № 453. С. 1.

³²⁷ Сидорин Владимир Ильич (31.01.1882–20.05.1943) – генерал-лейтенант. Участник Белого движения на Юге России. Командующий Донской армией (1919–1920).

ДОКУМЕНТ 22

Н.Д. Всеволодов

Тихорецкая – Кавказская

После жестоких и упорных боев по всему фронту у кубанцев снова произошел сдвиг несколько назад.

После удачного наступления на Дмитриевскую кубанцы снова заколебались и отошли к Кавказской. Противник воспользовался замешательством и, перейдя в наступление, сильно надавил на наш правый фланг. Против Кавказской Ключев сосредоточил до 2^{1/2} дивизий; охватив фланги кубанцев, части 10-й армии подошли вплотную к Кавказской.

С занятием последней осложняется общее положение на фронте, ибо в случае продвижения XI советской армии вдоль р[еки] Кубани на екатеринодарском направлении положение центра и левого фланга наших армий сделает[ся] вновь тяжелым. Придется вновь осаживать левый фланг назад, чтобы глубина фронта от Ейска до базы Новороссийска не превышал[а] расстояния от Новороссийска до Кавказской. Понятно, что в первую очередь надо ожидать выдвижения кубанских резервов, которые должны восстановить общее положение. А это последнее не так уже плохо. Особенно если принять во внимание, что генерал Шкуро получил вновь боевое назначение и как раз именно на этом важнейшем операционном направлении на Екатерینодар.

Волки Шкуро вновь не замедлят появиться на фронте и тем самым ликвидировать обход X и XI армий на участке Армавир – Кавказская.

[В газетном экземпляре строка утрачена. Видимо – Противник] уже обессилел и не может вести таких яростных атак, какие он вел под Батайском и Ростовом. Вся X армия, особенно наседающая на наш правый фланг, сильно перемешана. Так, 22-я дивизия³²⁸ раздергана по частям; первая и третья бригада этой же дивизии оперируют в составе IX армии и ведут наступление со стороны Ильинки.

---

³²⁸ Автор неточен. 22-я стрелковая дивизия никогда не входила в состав 10-й армии, в этот период входила в 9-ю армию, но действовала на стыке с 10-й армией.

В общем, в составе X армии действовали семь дивизий, из коих одна дикая дивизия³²⁹. Вот эта последняя, вместе с кавалерийской бригадой Мухоперца³³⁰, и наступает в разрез между Донской и Кубанской армией. Численность советской дивизии нормального вида достигает 18 тысяч; принимая большие потери, понесенные³³¹ дивизиями в ряде боев, можно полагать, что фактически численный состав дивизий не превышает 7–8 т[ысяч]. Но даже и в этом случае мы будем иметь в семи дивизиях X армии 56–60 тысяч, да с дикой дивизией и бригадой Мухоперца численность возростала до 65–70 тыс[яч]. Этим грамотным превосходством противника, не считая в этом числе еще частей XI советской армии, наступающей в разрез между Кубанской армией и войсками Северного Кавказа, и объясняется отход Кубанской армии от первоначально занятых ею позиций на правом берегу Кубани. Но с отходом Кубанской армии в районе Лабинского отдела обстановка должна была³³² измениться. Лабинцы давно уже замешаны в подавлении большевизма в минувшем году, когда они выгоняли мирное население – беженцев, не смущаясь, расстреливали даже грудных детей. Большевики, ушедшие с красными в прошлом году, никогда этого кубанцам не простят, и поэтому можно с уверенностью сказать, что лабинцы на 60 пр[оцентов] должны пойти на фронт и тем обеспечили наш правый фланг.

Левый фланг примыкает к морю и опирается на могущественное содействие нашего флота.

Что же касается центра, то там расположены самые стойкие части Корниловской и Алексеевской дивизий и донские части. Если кубанцы удержатся на р[еке] Кубани у Кавказской и Армавира, по линии на р[еке] Челбасы сделается прочной и надежной [оборона? Фрагмент текста утрачен].

Тогда армия может простоять на приведенных в оборонительное состояние позициях от 1 до 3 месяцев, а непосредственно у Новороссийска, опираясь на союзный флот, еще и больше. В апреле месяце

³²⁹ Дикой дивизией Всеволодов именует 1-ю Кавказскую кавалерийскую дивизию Г.Д. Гая. В период Тихорецкой операции 10-я армия была усилена 34-й и 50-й стрелковыми дивизиями.

³³⁰ Здесь и далее в документе ошибочно – Мухоперцева. Мухоперец Иван Михайлович (1887–1972) – командир 3-й кавалерийской бригады 2-й Ставропольской кавалерийской дивизии имени М.Ф. Блинова. В период Тихорецкой операции, описываемой Всеволодовым, бригада Мухоперца действовала на участке 10-й армии.

³³¹ В документе – нанесенные.

³³² В документе – быть.

к нам должны подойти сильные подкрепления со стороны болгарских регулярных войск, в числе 25–30 тысяч. Появление новой армии при разрухе большевистского тыла, выступление батьки Махно³³³ и наступление поляков на подступах к г[ороду] Пскову должны в корне изменить обстановку. Большевики вынуждены будут производить новую перегруппировку сил, а на эту последнюю никто не пойдет. Матросам и красноармейцам обещан давно уже отдых, и этот последний они добудут себе³³⁴ какой угодно ценой.

Н. Всеволодов

Всеволодов Н. Тихорецкая – Кавказская // Вечернее время (Новороссийск). 1920. 29.02. № 481. С. 2.

ДОКУМЕНТ 23

Н.Д. Всеволодов

Минувшее (воспоминания)

Вступление³³⁵

Большевистский переворот 25 октября 1917 года

Сборы за границу. Красный пропуск.

Комендант «Чека» Шатов

Петроградская «Чека»

Предварительная тюрьма на Шпалерной улице

Внезапный приезд Урицкого

Великие князья в тюрьме предварительного заключения

Арестованные – в тюрьме предварительного заключения

Снова в «Чека»

Петропавловская крепость

Трубецкой бастион

В третий раз в «Чека»

---

³³³ Махно Нестор Иванович (26.10.1888–06.07.1934) – революционер, лидер анархистов, командующий крестьянской повстанческой армией Украины.

³³⁴ Далее в документе – его.

³³⁵ Номера страниц содержания рукописи Всеволодова не публикуются.

Бегство из Петрограда
В штабе Южного фронта
В штабе IX советской армии
Начальник штаба IX армии [Княгницкий]
Члены Революционного совета IX армии
Комиссар штаба IX армии
Начальник 14-й пехотной дивизии
Начальник 15-й дивизии Гузарский
Начальник 23-й дивизии Голиков
Заместителя начальника 14-й пехотной дивизии
Дежурный генерал штаба IX армии полковник Гарькавый
Полковники Генерального штаба Яцко и Корк
Ложная тревога
Обвинение в измене, предъявленное мне и штабу IX армии
Военно-полевой трибунал IX армии
Доклад Троцкому о стратегическом положении
на фронте IX армии
Самосуд над начдивом 16
Опереточная охрана
Мое назначение командармом IX армии
Гроза
Краткий обзор событий на Южном советском фронте
в апреле, мае и июне 1919 года
Ворошилов
Междоусобный бой 14[-й] и 23[-й] дивизий
у хутора Сенно[вско]го
Переход к донцам
В штабе Первого Донского корпуса
Город Таганрог
Отступление из Таганрога
Город и порт Новороссийск
Зеленые
Английский миноносец
Потопление английского моторного катера
Остров Лемнос
Константинополь
Кафе «Таксим»
Клевреты Сталина

Бегство из Константинополя
 Будапешт
 Снова Будапешт
 Шопрон
 Бегство из Шопрона
 Schlitters
 Заключение

Всеволодов
 Генерал³³⁶ Генерального штаба

Минувшее

Лос-Анджелес, Калифорния

Вступление

Начиная с 1914 года я занимал ответственные посты в Главном управлении Генерального штаба VI армии³³⁷, а также по мобилизации офицеров Генерального штаба, объявленной в июле 1918 года большевиками, начальника штаба Южного фронта³³⁸ и командующего IX советской армии³³⁹ и был очевидцем крупнейших военных и гражданских событий последнего периода царской России, чреватых трагическими последствиями.

Состоя в распоряжении главнокомандующего VI армии генерала фан дер Флита³⁴⁰, я имел тесный контакт с государем императором, ко мне поступали важнейшие секретные донесения со всего внешнего мира, – они надлежащим образом обрабатывались и отправлялись в Ставку Верховного главнокомандующего.

---

³³⁶ На самом деле Всеволодов имел чин полковника.

³³⁷ Мемуарист ошибается. Главное управление Генерального штаба – самостоятельный орган военного управления. В штабе 6-й армии Всеволодов занимал посты и.д. начальника общего отделения (с 21.11.1914), и.д. начальника отделения управления генерал-квартирмейстера (с 20.01.1915), и.д. штаб-офицера для поручений при главнокомандующем (с 05.04.1915; утвержден в должности 19.05.1915).

³³⁸ Начальником штаба советского Южного фронта Н.Д. Всеволодов был лишь несколько дней с 29 мая по 3 июня 1919 г.

³³⁹ Пост командующего 9-й армией Всеволодов занимал с 8 июня 1919 г. до своего побега 23 июня.

³⁴⁰ Фан-дер-Флит Константин Петрович (19.09.1844–04.1933) – генерал от артиллерии, генерал-адъютант, главнокомандующий 6-й армией (1914–1915).

Все оперативные сведения армии, флота и авиации со всех фронтов с приложением соответствующих схем, карт и объяснительной записки ежедневно обрабатывались мною и начальником штаба Петроградского военного округа князем Енгальчевым³⁴¹ и представлялись государю императору. Его Величество подробно ознакомлялся с событиями на фронтах войны и со своими заметками, сделанными красным карандашом, возвращал доклад обратно за своей подписью-инициалом: «Н».

На моей обязанности было также сопровождать государя во всех его поездках по фронту VI армии, для осмотра укреплений Балтийского побережья и боевых частей, отправлявшихся на фронт. На автомобиле Его Величества, управляемом французским шофером полковником Н., я проезжал тот путь, по которому на следующий день должен был следовать государь. Только после подробного доклада начальнику штаба Петроградского военного округа князю Енгальчеву о полной исправности пути следовал кортеж государя.

Я не собираюсь писать историю Гражданской войны, а хочу лишь в своих воспоминаниях отметить все то, что я видел, слышал и пережил. Полагаю, что освещение событий на Южном фронте в этот важный период войны – конец 1918 и начало 1919 гг. – прольет новый свет на многочисленные труды различных авторов, появившиеся в военной литературе.

Так, например, в книге, изданной советским правительством в Москве, Генерального штаба полковник Какурин³⁴², описывая операции на фронте IX армии, где служил и я, указывает неточные данные, а иногда и просто впадает в заблуждение и сообщает неверные сведения, о чем я буду говорить ниже.

Прежде чем перейти к описанию Октябрьской революции, я должен сказать несколько слов о состоянии Петроградского гарнизона в период, предшествовавший разразившимся событиям.

Вследствие сильных и непрерывных боев на фронте в конце 1917 года³⁴³ явилась настоятельная необходимость в пополнении и укомплектовании частей, понесших большие потери. Благодаря этому

---

³⁴¹ Мемуарист неточен. Енгальчев Павел Николаевич (25.03.1864–12.08.1944) – князь, генерал-лейтенант. Начальник штаба 6-й армии, оборонявшей Петроград (1914).

³⁴² Какурин Николай Евгеньевич (04.09.1883–27.07.1936) – полковник старой армии, военный специалист РККА, известный советский военный историк. Речь идет о книге Какурина: Как сражалась революция. М., 1925–1926. Т. 1–2.

³⁴³ В документе ошибочно – 1918 года.

в части Петроградского гарнизона широкой волной влились ненадежные и нежелательные элементы: вольноопределяющиеся, прапорщики запаса, студенты и коммунистические пропагандисты. Этот элемент почти сплошь был революционным. Из него быстро образовались коммунистические ячейки. Много влилось в войска гарнизона молодых учителей, которые в большинстве были люди большевистского пошиба и ярые революционеры. Началась бесшабашная пропаганда левого направления, которая с быстротой молнии разложила войска Петроградского гарнизона. Особенно сильно была развита пропаганда в запасных батальонах лейб-гвардии Павловского полка, создав в нем в самое короткое время готовые большевистские кадры.

Во флоте участились случаи неповиновения.

Повсюду можно было видеть подозрительных людей. На площадях народ стал собираться группами, оживленно обсуждая события. Настроение было тревожное, беспокойное. Все чего-то ждали. Воздух был насыщен грядущими переменами. Революция была на пороге.

Всюду было оживление, особенно у Николаевского вокзала. Здесь непрерывно взад и вперед сновали таинственные автомобили, увозя и привозя каких-то загадочных субъектов еврейского типа.

В небольшой второразрядной гостинице, приютившейся на площади, по секрету из уст в уста передавали последнюю новость: приехал из Берлина сам Ленин³⁴⁴! Пока он здесь инкогнито, но через день-два маска будет сброшена и революция вступит в новую фазу.

Таково было настроение накануне 25 октября: выжидательное, нервное и беспокойное.

Все знали, что исторический час пробил и должно наступить что-то важное, решительное и бесповоротное, что обязательно должно отозваться на судьбе великой, могущественной России.

Большевистский переворот 25 октября 1917 года

Зловещие слухи о предстоящем в ближайшие дни вооруженном выступлении большевиков уже не раз волновали общественное мнение. Однако каждый раз даты намеченного переворота проходили благо-

---

³⁴⁴ На самом деле в Россию из эмиграции В.И. Ленин вернулся в начале апреля 1917 г. С августа по октябрь 1917 г. Ленин скрывался в Финляндии.

получно, почему и на этот раз к ожидаемому выступлению большевиков отнеслись скептически. Некоторое успокоение внесли и слухи о решении правительства арестовать Ленина. Мало кто знал, что это решение было запоздалым.

Военные и гражданские власти, начиная с Керенского³⁴⁵, чувствовали себя сильными, были излишне самоуверенными и считали себя вполне подготовленными к парированию всяких случайностей.

Я, будучи ген[ерал]-квартирмейстером штаба Московского военного округа³⁴⁶, за несколько дней до переворота уехал из Москвы в Петроград в отпуск с самым спокойным сердцем, не подозревая грядущей катастрофы.

Наступил день 25 октября, чудный, осенний, солнечный день. Воздух был прозрачен и свеж. Листья с шорохом падали с деревьев, разнося приятный запах увядающей зелени.

Ничего не подозревая, я с женой и четырехлетним сыном Борисом отправился на Невский проспект. Дойдя до Полицейского моста, я заметил всюду сильное движение. На всех перекрестках и на мостах через каналы, Мойку, Екатерининский и Фонтанку стояли военные пикеты. Всюду сновали военные автомобили, самокатчики, мотоциклисты. Народ пытался собираться кучками, но всякая такая попытка немедленно прекращалась солдатами, грубо разгонявшими толпу. Со стороны Городской думы появился броневик с вооруженными солдатами.

Я уже решил вернуться домой, но не успел дойти до Полицейского моста, как неожиданно передо мной вырос солдат лейб-гвардии Павловского полка. Он был саженого роста, худой, бледный, взгляд был злобный, держал себя вызывающе, нахально.

– По приказанию Совета солдатских и рабочих депутатов предлагаю вам немедленно зарегистрироваться у нашего комиссара, – сказал он.

– Никаких Советов я не признаю и исполняю приказания только Временного правительства, – ответил я. При этом я машинально опустил руку в карман, ощупывая револьвер.

Этого было достаточно, чтобы и без того злобное лицо солдата исказилось и сделалось свирепым. В одну секунду он схватил винтовку на изготовку и поставил затвор на боевой взвод:

---

³⁴⁵ Керенский Александр Федорович (22.04.1881–11.06.1970) – российский государственный деятель, министр-председатель Временного правительства.

³⁴⁶ На самом деле Н.Д. Всеволодов занимал пост помощника начальника штаба Московского военного округа (с 19.08.1917).

– Марш вперед, – заорал он, ударив меня прикладом винтовки по спине, – или я тебя застрелю, как собаку...

Только тогда я заметил, что у меня в кармане не было никакого револьвера. Пришлось повиноваться.

Подойдя к реформатскому собору, я заметил густую толпу солдат, без офицеров. Здесь находилось уже много арестованных штатских и офицеров. Толпа была возбуждена; слышались крики и угрозы по адресу арестованных,

Я подошел к комиссару, одетому в кожаную тужурку. Это был вольноопределяющийся, по всей видимости – еврей. Арестовавший меня павловский солдат злобно заявил:

– Вот этот белопогонник хотел меня застрелить!

Толпа загудела, послышались крики, угрозы...

– Да что с ним «вошкаться»! Пустить его в расход, – галдели солдаты.

– Отвести его в Павловские казармы, – был приговор комиссара.

Сопровождаемых насмешками солдат, матерщиной и хохотом толпы, меня, жену и малолетнего сына повели в казармы лейб-гвардии Павловского полка. Войдя в общий зал, я увидел там массу офицеров, большей частью из Главного штаба. Вид у этих арестованных был подавленный, угнетенный. Всего было человек четыреста. К вечеру началась разгрузка и сортировка по категориям. Жену и сына освободили.

Около шести часов вечера во двор казармы въехали два грузовика с соломой и керосином. Нас подвели к окну и сказали:

– Эй вы, царские лакеи! Керенский и Краснов³⁴⁷ идут на Петроград против народа. Если они возьмут столицу, то все вы будете сожжены здесь заживо...

Можно себе представить наше самочувствие после такого обещания. Мы упали духом.

В семь часов вечера из Смольного в казармы прибыли члены Революционного совета Дзевалтовский³⁴⁸ и Дашкевич-Горбацкий³⁴⁹

³⁴⁷ Краснов Петр Николаевич (10.09.1869–16.01.1947) – генерал-майор (впоследствии – генерал от кавалерии), командующий III кавалерийским корпусом.

³⁴⁸ Дзевалтовский Игнатий Леонович (14.07.1888–30.05.1935) – революционер, член Петроградского ВРК.

³⁴⁹ Мемуарист неточен. Здесь и далее он именуется революционером П.В. Дашкевича Дашкевичем-Горбацким по фамилии своего однокашника по Николаевской академии Генерального штаба В.В. Дашкевича-Горбатского. Речь идет о Дашкевиче Петре Васильевиче (07.10.1888–21.09.1938) – члене Петроградского ВРК.

и объявили, что все иногородние офицеры подлежат освобождению, но что они должны зарегистрироваться в Смольном. Остальных офицеров, Петроградского гарнизона, отправили в Петропавловскую крепость.

Мне как иногороднему был выдан пропуск в Смольный. Я уже вышел из общей залы, когда вдруг кто-то схватил меня за руку. Я оглянулся и увидел моего злого гения, павловского солдата!

– По постановлению Совета солдатских и рабочих депутатов вы будете судиться за покушение на убийство солдата лейб-гвардии Павловского полка, часового, стоявшего на посту...

Этого было достаточно, чтобы меня вернули в зал арестованных. Однако пропуск, выданный мне Дзевалтовским, отобрать забыли. Но я сохранил присутствие духа и решил усыпить бдительность моего врага-павловца. Я притворился спящим. Павловец, видимо сильно утомленный и голодный, не замедлил исчезнуть, очевидно, с намерением что-либо перекусить. Я воспользовался этим случаем.

Мне повезло: в казармы, на смену комиссара, прибыл в это время новый вольноопределяющийся, совсем юнец, Я предъявил ему пропуск, выданный мне Дзевалтовским. Вид у меня был настолько самоуверенный и решительный, что заменивший комиссара юнец, ни на минуту не задумавшись, дал мне сопровождающего, который и вывел меня из казарм полка. В темном коридоре мы встретили злополучного павловца, но, к большому моему счастью, он меня не заметил или не узнал. Через пять минут я был уже на свободе.

Направляясь к Невскому проспекту, я неожиданно услышал оклик: – Стой. Пропуск!

– Свой! – ответил я, предъявляя мой пропуск. – Я еду с важным поручением от товарища Дзевалтовского к товарищу Ленину.

Врал я нагло.

Начальник заставы, красногвардеец с большими усами, стал рассматривать мой пропуск, читая его по складам. После короткого раздумья он заявил товарищам:

– Ребята, он наш! Пропустите его.

Бедный начальник заставы! Он, очевидно, был неграмотный, ибо, рассматривая мой пропуск, держал его вверх подписями.

Через пятнадцать минут я был у себя дома на Морской. На следующий день я узнал, что все генералы, находившиеся на грузовике, отвозившем арестованных в Петропавловскую крепость, были сняты

с него на Троицком мосту и частью брошены в Неву, а частью тут же, на мосту – расстреляны.

Началось отсиживание мое в квартире на Морской, так как выход на улицу был крайне опасен: напротив находилась телеграфная и телефонная станция, осаждаемая большевиками, которые все время держали ее под сильнейшим пулеметным и ружейным огнем. Броневики запирали выход как в сторону Невского проспекта, так и Исаакиевской площади. Всюду стояли заставы красногвардейцев и матросов. Пулеметы трещали непрерывно, с утра до ночи. Юнкера с необычайным мужеством и самоотверженностью защищали станцию в надежде на скорый подход подкреплений.

Общая обстановка в этот момент была крайне туманна. Дзевалтовский уверял, что большевики владели всем Петроградом и что силы матросов и красногвардейцев насчитывали более чем восемьдесят тысяч бойцов. Крейсер «Аврора» и миноносцы стояли у Николаевского моста, готовые в любой момент открыть огонь по Зимнему дворцу. Носились упорные слухи, что Керенский бежал, а Временное правительство в полном составе арестовано и отправлено в Петропавловскую крепость³⁵⁰. Войска Петроградского гарнизона якобы полностью перешли на сторону красных.

Повсюду шли поголовные обыски и аресты.

В ночь на 27 октября, в час ночи я был разбужен страшным шумом и криком. Подойдя к окну, я увидел, что матросы и красноармейцы громят винный погреб. Дорогие вина и шампанское рекой лились по двору...

По городу ходили фантастические слухи.

Однажды, около десяти часов вечера, ко мне явился молодой человек, лет восемнадцати. Он был одет в кожаную тужурку комиссарского типа, сапоги и брюки пехотного образца, на голове – матросская шапка, через плечо красовалась пулеметная лента; на поясе висели два револьвера,

– Я – москвич, – заявил он. – Я ищу генерал-квартирмейстера штаба Московского военного округа.

Я представился.

– Я случайно узнал, что вы здесь, – сказал юноша, – и предлагаю вам мои услуги.

---

³⁵⁰ Эти слухи были достоверны.

Но чем он мог быть мне полезен? Разве как разведчик. Керенский с первого дня революции был мне противен. Особенную брезгливость вызвал он у меня, когда, адвокат по образованию, взял на себя обязанности военного и морского министра. Более зло и жестоко насмехаться над военным делом было невозможно. С этого момента армия была обречена на верное поражение.

Выступление генерала Корнилова³⁵¹ против Керенского почти весь штаб Московского военного округа принял сочувственно и стал на сторону Корнилова. Я был в это время генерал-квартирмейстером. В штабе, при помощи надежных писарей, было отпечатано пять тысяч экземпляров воззвания ген[ерала] Корнилова. При формировании, по приказанию командующего войсками ген[ерала]³⁵² Верховского³⁵³, двух заградительных отрядов против генерала Корнилова, эти последние были снабжены орудиями без затворов и замков, а потому стрелять не могли. Начальник штаба ген[ерал]³⁵⁴ Рябцев³⁵⁵, узнав об этом, пришел в неопишемую ярость. Не знаю, чем бы все это кончилось, но, к моему счастью, через три дня после этого он был арестован большевиками и при попытке бежать был застрелен³⁵⁶.

В этот период восстания большевиков в области военного управления был полный хаос.

Во главе Петроградского военного округа был генерал³⁵⁷ Полковников³⁵⁸. Ему было не более тридцати шести лет. Отсюда понятно, что он не имел ни надлежащего опыта, ни авторитета. К тому же он имел нерешительный, вечно колеблющийся характер. Он всегда дрожал

³⁵¹ Корнилов Лавр Георгиевич (18.08.1870–31.03(13.04).1918) – генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий.

³⁵² Правильно – полковника.

³⁵³ Верховский Александр Иванович (27.11.1886–19.08.1938) – полковник (впоследствии – генерал-майор), командующий войсками Московского военного округа (с 31.05.1917).

³⁵⁴ Правильно – подполковник.

³⁵⁵ Рябцев Константин Иванович (14.05.1879–30.06(01.07).1919) – подполковник (впоследствии – полковник), начальник штаба Московского военного округа (с 27.07.1917).

³⁵⁶ Н. Д. Всеволодов ошибается. К. И. Рябцев действительно был убит при попытке к бегству, но не через три дня, а примерно через два года и не большевиками, а белыми.

³⁵⁷ Правильно – полковник.

³⁵⁸ Полковников Георгий Петрович (23.02.1883–03.1918?) – полковник, главнокомандующий войсками (затем – главный начальник) Петроградского военного округа (с 04.09.1917).

за свою шкуру и пессимистически смотрел на будущее. В августе месяце он показал себя с отрицательной стороны, изменив генералу Корнилову: он оставил генерала Корнилова, в распоряжении которого состоял, и перешел на сторону Керенского³⁵⁹. Еще через несколько дней он вступил в преступные переговоры с Советом солдатских и рабочих депутатов и затем перешел на их сторону. Имеются неоспоримые данные и доказательства тому, что Полковников в период выступления большевиков всецело поддерживал их против Керенского. На его счет нужно также отнести и большие жертвы, которые имелись в результате массового убийства юнкеров, посланных сражаться с подавляющими силами матросов и красногвардейцев вообще и в частности – для обороны телефонной станции. Здесь поистине происходила бессмысленная резня и кровавое побоище. За все эти деяния он впоследствии получил должное возмездие: в ноябре месяце 1918 года, занимая у большевиков, по доброму желанию и в силу неограниченного честолюбия, пост начальника штаба Приволжского военного округа³⁶⁰, он был повешен ими на Дону, в одном из зимовников Задонской степи³⁶¹. Большая вина Полковникова состояла еще и в том, что он не предпринял ничего для защиты и охраны Временного правительства.

Все точно знали, что вскоре последует выступление большевиков. Не знали только, когда именно оно произойдет, а потому и времени было более чем достаточно, чтобы задолго до выступления создать сильный, надежный и верный отряд из трех родов оружия, на который можно было бы положиться. В Петрограде в это время слонялось, без всякой цели и смысла, много офицеров. Из них можно было сформировать сильный отряд, придав ему верные казачьи части.

В действительности ничего сделано не было. Каждый был предоставлен самому себе. Все плыли по течению, разрозненно, по своему усмотрению, как Бог на душу положит, не оказывая никакого сопротивления большевикам. При таких условиях что же могли сделать от-

---

³⁵⁹ Мемуарист ошибается. Г.П. Полковников командовал 1-м Амурским казачьим полком до начала сентября 1917 г., после чего был назначен в распоряжение военного министра, а на следующий день стал главнокомандующим войсками Петроградского военного округа.

³⁶⁰ Эти утверждения не соответствуют действительности. Мемуарист путает полковника Г.П. Полковникова с капитаном И.Н. Полковниковым.

³⁶¹ Г.П. Полковников, наоборот, служил в Добровольческой армии. Был захвачен и убит красными в Задонской степи в марте 1918 г.

дельные офицеры, изолированные от внешнего мира? Соппротивление для них было невозможно.

Вся инициатива была в руках большевиков. Они действовали решительно, планомерно, организовано. Все их распоряжения исполнялись точно, быстро и беспрекословно. Да, они были полновластными господами города Петрограда!

Вот при такой туманной обстановке предложил мне свои услуги мой незнакомец. Конечно, я воспользоваться ими не мог, так как действительно был беспомощным, находясь в чужом гарнизоне. В свою очередь я предложил ему переночевать у меня.

На следующий день на рассвете незнакомец выехал на фронт, обещая мне привезти последние новости оттуда. Поздно вечером того же дня он действительно вернулся и принес очень хорошие сведения. По его словам, конный корпус генерала Краснова занял Гатчину и, после боя 28 октября – Красное Село³⁶². За казаками шла пехота. Настроение Красной гвардии и матросов сильно упало. Все опасались исхода боя, который был неизбежен на подступах к Петрограду...

Матрос говорил с увлечением. Видно было, что его симпатии полностью на стороне правительства. Прошел еще один день, и мой незнакомец явился снова. Его трудно было узнать: он был чем-то подавлен, усталый, измученный. В самых мрачных красках он изложил мне события дня:

– Все погибло, – сказал он. – Керенский бежал, переодевшись в женское платье. Казаки разбиты и отброшены на Гатчину. Генерал Краснов взят в плен. Настроение белых подавленное, угнетенное. Дальнейшее сопротивление невозможно...

Хуже того, о чем мне рассказал незнакомец, быть не могло.

В последующие дни я узнал, что действительно все погибло.

Казаки уходили на Дон. Большевики торжествовали полную победу. Впереди не было никакого просвета.

Началась кровавая вакханалия: всюду шли повальные обыски, аресты и расстрелы. Каждый ждал своей очереди.

Оставалось на выбор два выхода: или признать большевиков, или бежать за границу. Я выбрал последнее, но являлся вопрос, куда бежать? Через Украину или Дон или через Сибирь? Где достать документы? Как быть с семьей?

---

³⁶² На самом деле части П.Н. Краснова 28 октября заняли Царское Село.

Вот перед такой тяжелой проблемой очутилось неожиданно для себя наше многострадальное рядовое офицерство, загнанное, как задранный зверь, в тупик. Помощи ждать было неоткуда.

С обеих сторон началась усиленная подготовительная работа. Со стороны «Чека»³⁶³ вырабатывались способы и приемы, как бы скорее и лучше заманить в свою западню опаснейших врагов – офицеров. А эти последние стали придумывать самые изощренные способы легко и безопасно исчезнуть и избежать цепких лап «Чека».

В «Чека» спешно разрабатывались планы проведения всеобщей регистрации офицеров и разделения их на «овец и волков». Офицеры стали рыскать по разным консульствам, ища какой-либо лазейки, чтобы покинуть Россию. Многие из них широкой волной двинулись, кто – на Юг, в Донскую область, а кто – в широкие просторы Сибири, в надежде скрыться в ее заповедных лесах и тайных убежищах. Большая же часть офицеров бросилась на Украину, где большевики ловко подготовили верную западню для всех, желавших перейти границу с Польшей.

В начале 1917 года, 17 января, в моей жизни произошло крупное событие, которое так или иначе повлияло на мою дальнейшую судьбу. В это время я жил в своей вилле в Удельном парке, в десяти верстах от Петрограда. Ввиду предстоящего отъезда на фронт, я взял из Государственного банка все мои сбережения.

17 января, как обычно, в девять часов утра я выехал на работу в Генеральный штаб. Как только я вошел туда, швейцар мне сообщил, что по телефону из моей виллы передавали, что случилось какое-то несчастье и что я должен немедленно вернуться. Как на крыльях я летел по Каменноостровскому проспекту обратно домой. Подъехав ближе к парку, я увидел, что из его середины, оттуда, где находилась моя вилла, поднимался широкими клубами, почти вертикально к небу, густой черный, как смола, зловещий дым. Не было никакого сомнения – это горел мой особняк. Еще ближе подъехав к пожару, я увидел, что верхний этаж уже весь был объят пламенем, а вместе с ним жертвой огня сделалось и все то, что там было. В гостиной дотла сгорела вся мебель в стиле Людовика XVI. Погибли дорогие картины: «Мадонна» – Мурильо³⁶⁴, «Бородинский бой» – Верещагина, «Атака хана Нахичеванского под Вафанг[о]у» – Владимирова и много других. Сгорели: рояль Бехштейна

³⁶³ Всероссийская Чрезвычайная комиссия (ВЧК) возникла позднее описываемых событий, 7 декабря 1917 г.

³⁶⁴ В документе – Мурилло.

красного дерева с бронзой, дорогие персидские ковры, хрусталь и вообще все, что только было ценного и дорогого, как по цене, так и по памяти. Стоявший в столовой буфет с хрустальной посудой рухнул с верхнего этажа вниз, увлекая за собой всю дорогую посуду и серебро. Сгорел будуар жены в стиле рококо, а в нем погибли собольи меха, бриллианты и вся одежда. Убыток был колоссальный, а хуже всего – погибли в огне и все процентные бумаги и деньги, взятые мною из Государственного банка.

Пожар начался в детской комнате, где находилась громадная кафельная печь. Потолок был оклеен дорогими обоями. В связи с сильным морозом, доходившим в тот день до 38 градусов ниже нуля, печь была натоплена до раскаления. Обои на потолке начали тлеть и затем вспыхнули. Детская была в один миг охвачена пламенем.

Моего спящего четырехлетнего сына Бориса нянюшка едва успела вынести, завернув его в толстое одеяло. Через бушующее море огня ей удалось проскочить, но она получила сильные ожоги и была отправлена в госпиталь. Спасти не удалось ничего. Сгорело все до основания, и мы остались совершенно разоренными и без приюта. Не было ни белья, ни одежды.

Все, что было нажито и приобретено целыми годами тяжелого труда – исчезло навсегда. Жизнь нужно было начинать снова.

С такими грустными и мрачными мыслями я и моя семья приехали в Парижскую гостиницу на Морской. По дороге я заехал в гараж исправить крыло на единственном оставшемся мне автомобиле, погнутое во время пожарной сутолоки. Гараж оказался прокатным. Владелец его, увидев мой красивый, изящный «Гупмобил», стал просить отдать его на прокат за проценты, на ночную работу. Для меня это был неожиданный выход из положения: отдав автомобиль на прокат, я в первую же ночь получил чистыми пятьсот рублей, то есть как раз такую сумму, какую я получал на службе в Генеральном штабе за один месяц. Разница – колоссальная: пятьсот рублей только за одну ночь или столько же за целый месяц тяжелой и ответственной работы в Генеральном штабе.

Окрыленный успехом, я через четыре месяца уже имел возможность купить еще два автомобиля – «Орел» и «Наган» и, взяв на проценты еще три автомобиля, открыл свой собственный гараж. Три дежурные телефонистки круглые сутки посменно сидели в гараже и принимали заказы. Работа пошла блестяще.

Несмотря на наступивший продовольственный кризис, я и моя семья не имели никаких лишений. На черном рынке все было к нашим услугам.

Таким образом, у меня образовалась крупная сумма денег, давшая возможность беззаботно и легко пережить первые удары Октябрьской революции.

В начале сентября я получил назначение на должность генерал-квартирмейстера штаба Московского военного округа и должен был выехать в Москву.

Уезжая, я поручил гараж моему другу, полковнику Екимову³⁶⁵. Но уже через две недели после моего отъезда я получил очень грустные сведения. Телефонистки вошли в контакт с шоферами и стали нагло и беспощадно грабить кассу. Автомобили утром выезжали на работу и назад не возвращались, работая весь день у вокзалов, и шоферы клали деньги в свой карман.

Взяв отпуск, я вернулся в Петроград, где застал печальную картину: в гараже был полный развал; всюду была грязь, валялись консервные банки и разбитые бутылки из-под вина и водки. Пришлось гараж закрыть и служащих распустить.

Сборы за границу. Красный пропуск

Пользуясь автомобилями как прокатными до самого большевистского переворота, я совершенно не чувствовал никаких лишений и не знал никаких забот и нужд.

Собираясь бежать из Петрограда, все мои надежды и упования я возлагал на три мои[х] автомобиля. Только они могли мне дать необходимые средства для побега. Продать их, благодаря целому ряду большевистских декретов, было невозможно, но использовать как прокатные было легко.

В это время езда на автомобилях частным лицам была строжайшим образом запрещена и, кроме того, шла поголовная реквизиция частных автомобилей.

Спасти автомобили от реквизиции, да еще и достать красный пропуск, который выдавался лишь высокопоставленным большевикам, военным частям и учреждениям, было делом нелегким, даже невозможным. Но здесь мне посчастливилось.

---

³⁶⁵ Возможно, речь о Екимове Федоре Васильевиче (17.02.1860–?) – полковнике.

Ввиду тревожного положения на фронте и большой угрозы Петрограду, с одной стороны – немцев, а с другой – белых организаций, из служащих городской управы был сформирован так называемый «муниципальный отряд Красной армии». Для нужд этого отряда понадобились автомобили, а их-то и не было.

Опасаясь, что мои автомобили будут реквизированы, и в то же время желая оградить себя от возможного ареста, я явился в городскую управу к народному комиссару Калинину³⁶⁶ и сам предложил ему все три свои автомобиля для пользования. Однако я поставил и условие: один из автомобилей, в случае нужды, будет предоставлен в полное мое распоряжение. Так как в это время, как я указал выше, в Петрограде была большая нужда в автомобильном транспорте, то мое предложение было принято безоговорочно и даже с большой благодарностью.

В итоге через три дня у меня не только был красный пропуск в кармане, – этот драгоценный и магический пропуск, – но я получил еще и номинальную должность начальника штаба муниципального отряда Красной армии. Так я обезопасил себя от возможного ареста и от большевистских упреков в том, что являюсь дармоедом и преступно ем народный хлеб. Таким образом, оказалось, что «и овцы целы, и волки сыты». С этого момента начались усилия по добыванию необходимых средств к побегу.

Местом работы была «Вилла Роде» – самое большое кабаре в Петрограде. До революции здесь бывали инкогнито государь и великие князья; здесь кутил Распутин³⁶⁷, устраивая фантастические, безобразные оргии, швыряя направо и налево сторублевые екатерининки танцовщицам и цыганкам. А теперь в «Вилла Роде» собиралась самая высокая и отборная большевистская, красная знать, так сказать – красивые сливки.

Автомобилем правил я сам и лишь иногда ночью брал помощника. Мой автомобиль стоял далеко, в глубине огорода, замаскированный зеленью и соломой. В случае надобности меня вызывали по телефону, делая это с большой осторожностью и выбирая для развоза гостей

---

³⁶⁶ Калинин Михаил Иванович (07.11.1875–03.06.1946) – российский революционер, советский государственный и партийный деятель, городской голова Петрограда после Октябрьской революции.

³⁶⁷ Распутин (Новых) Григорий Ефимович (09.01.1869–17.12.1916) – авантюрист, приобретший влияние при дворе императора Николая II.

надежных, не коммунистов. Ввиду возможного ареста этого автомобиля, неподалеку стоял другой мой автомобиль «Опель», на котором, в случае грозящей опасности, я мог бы бежать и скрыться.

Тот, кто хотел провести время в более уединенной, спокойной, так сказать семейной обстановке, без ненужных дебошей и битья хрустальной посуды, – ехал к цыганам в Новую Деревню. Здесь можно было слушать незабвенные мелодии русских народных песен, исполнявшихся под аккомпанемент гитар и балалаек³⁶⁸. Здесь же можно было слушать и популярные цыганские романсы в исполнении красавиц-цыганок, заставлявших слушателей трепетать, а иногда и плакать под звуки их необыкновенных контраalto. Цыгане и цыганки восторженно встречали дорогих гостей, опьяняя их пением и пляской. Они были разодеты в праздничную одежду: мужчины – в яркие, цветные шелковые рубашки, поверх которых были надеты поддевки разноцветного бархата; на ногах – лакированные сапоги гармоникой; на руках дорогие кольца и перстни; все – с гитарами или балалайками. Цыганки в сказочных шелковых и парчовых разноцветных сарафанах, унизанных дорогим жемчугом, золотым и серебряным бисером и стеклярусом; на шее – традиционные ожерелья из разноцветных камней и русских золотых монет; в ушах – типичные громадные золотые кольца; на руках – драгоценные камни. Все они имели знаменитые оренбургские шали и разных ярких цветов платки из тончайшего китайского и японского шелка; на ногах – серебряные и золотые, усыпанные разноцветными камнями, туфли.

Воздух был насыщен ароматом духов – «Лориган Коти» и «Хубижан».

Вот очаровательная цыганка кокетливо подходит к купцу с окладистой бородой и под аккомпанемент русской семиструнной гитары поет своим обворожительным контраalto:

Поговори-ка ты со мной,
Гитара семиструнная.
Вся душа полна тобой,
А ночь такая лунная.

Купец бросает пачку ассигнаций.

Начинается непринужденное веселье.

Вот подходит красивый молодой цыган и под мелодичные звуки гитары поет:

---

³⁶⁸ Над строкой исправлено: на гитарах и балалайках.

Дорогой дальнею и ночью лунною
И с песней той, что вдаль летит звеня,
И с той старинною, с той семиструнною,
Что по ночам так мучила меня.

Так живи без радости, без муки,
В даль мои умчались года.
И твои серебряные руки
С тройкой улетели навсегда.

Гость, слушая мелодию, глубоко задумался, вино подогрело его чувства, он готов уже прослезиться, вспоминая свое далекое прошлое...

Но в это время очаровательная молодая цыганка схватывает бубен и, пожимая плечами и потряхивая бюстом, исполняет полный неподдельного огня, жизни и удали бравурный цыганский танец. Хор цыган вторит: «Ту-са, ту-са, ту-са мека ме-ча-чо целоваться горячо!...»

Обожая музыку и пение, я любил такие вечера, когда можно было хотя бы на короткое время забыть, отойти от горькой действительности и отдохнуть душой, и телом, и сердцем. Я и мой помощник с большим удовольствием слушали цыганские романсы, сидя в соседней комнате.

Однажды мой помощник выпил больше, чем следовало, и, в мое отсутствие, разоблачил мое инкогнито, рассказав хозяину, кто я. Последний не замедлил сообщить новость гостям. Узнав, что они имеют дело с шофером – генералом³⁶⁹ Генерального штаба, гости немедленно вытащили меня в большую комнату, и с этого времени я стал у цыган почитаемым гостем и скромным участником общего веселья.

Хозяин-цыган был особенно доволен, так как нередко случалось, что гости в разгаре вечера вдруг впадали в меланхолию и раздумье, и тогда я играл им на рояле незабвенные вальсы Шопена. Этому были рады и цыгане, ибо моя игра давала им возможность сделать небольшой перерыв и немного отдохнуть.

Ввиду поголовной безграмотности красногвардейцев, стоявших на постах у мостов и на важных перекрестках дорог, большею частью рассматривавших мой пропуск, держа его подписями кверху, я позволил себе заняться хлестаковщиной: при опросах на пикетах я опускал слова

---

³⁶⁹ На самом деле Н.Д. Всеволодов не был генералом, а имел чин полковника.

«муниципального отряда» и именовался просто начальником штаба Красной армии. Фурор был ошеломляющий. Меня всюду пропускали без малейшей задержки, отдавая честь, вытянувшись в струнку.

Деньги сыпались в карман, как из рога изобилия. Желанная минута побега приближалась. Комиссары платили за проезд прямо запечатанными пачками ассигнаций так называемых «керенок», сразу по пять-десять тысяч.

Однажды я получил вызов: отвезти двух важных комиссаров в Новую Деревню. Взял я их на фабрике «Треугольник». Комиссары были возбуждены:

– Пошел полным ходом, что есть мочи! – крикнул один из них.

Я дал моему «Гупмобил» полный газ и полетел вперед, что называется – пулей. В моем уме уже мелькала пачка ассигнаций, по крайней мере, тысяч в десять, которые должны заплатить комиссары за дальний проезд. Я ехал и улыбался от удовольствия. Подъезжая к Садовой, я вдруг увидел перед собой с правой стороны – трамвай, а с левой – старуху, переходящую улицу. Чтобы не задавить старуху, я круто повернул вправо, намереваясь проскочить в узкое пространство между старухой и трамваем, рассчитывая, что старуха будет продолжать идти. Но последняя остановилась, как вкопанная, и я со всего размаха ударился втулкой переднего колеса в телеграфный столб. Сидевший рядом со мной четырехлетний сын Борис, которого я часто брал с собой, от сильного толчка вылетел из автомобиля и упал в трех метрах от радиатора. Благодаря хорошей бараньей шубе и меховой папахе, с ним ничего не случилось. Оба комиссара также выпали из автомобиля и беспомощно лежали на мостовой: у одного из них сочилась кровь из носа и рта, а у другого была рана на лбу и разбитыми стеклами были порезаны руки.

Передняя ось автомобиля согнулась в дугу, а радиатор от сотрясения лопнул в нескольких местах и представлял собою настоящий Бахчисарайский фонтан.

У меня была рана на левой руке и сильнейшая боль в ключице.

Придя в себя, комиссары впали в бешенство. Сильно хромая, они потащили меня в комиссариат. Но, пройдя несколько шагов, они остановились и дальше, от боли в ногах и руках, идти не могли. К тому же, мой сын, не столько от боли, сколько от испуга, заливался слезами и кричал благим матом. Увидев это, комиссары, осыпая меня руганью высокого полета, сели на извозчика и поехали в госпиталь.

Хотя мой автомобиль и был основательно покалечен, но приятное сознание, что и комиссары изрядно пострадали, создавало мне некоторое удовлетворение.

Спустя месяц после этого эпизода произошло одно событие, имевшее решающее влияние на мои дальнейшие планы.

Это было в конце июля 1918 года. Как всегда, я стоял со своим автомобилем на углу Невского проспекта и ожидал пассажиров. Вскоре ко мне подошел молодой человек, лет двадцати пяти, невзрачного вида.

– Автомобиль прокатный? – спросил он.

– Да, – ответил я. – Куда желаете ехать?

– Вознесенский проспект, 8, – ответил он.

Мы поехали. На этот раз я был со своим шофером, имевшим внушительный вид. Проехав две улицы, пассажир приказал мне свернуть на Гороховую, 8. А на Гороховой, 2 была «Чека». Я сразу догадался, что я имел дело с агентом «Чека».

Было девять часов вечера и начало смеркаться. Я ехать на Гороховую отказался. Тогда мой пассажир вынул револьвер и, угрожая им, приказал немедленно туда ехать. Но я ведь человек военный, да еще бывший гусар³⁷⁰ и потому не испугался. Заехав в темный переулок, я остановил машину, слез и подошел к агенту:

– Молодой человек, вы не рассчитали свои силы и шансы, – сказал я. – У вас есть револьвер... Но и мы имеем два! А потому потрудитесь немедленно оставить мой автомобиль.

Молокосос был неопытным агентом, увидев у нас два револьвера, он струсил, очень побледнел и, не говоря ни слова, покорно вышел из автомобиля и исчез в темноте.

После такого происшествия продолжать «конспиративную» работу на автомобиле было немыслимо, и я решил немедленно бежать. Денег у меня было достаточно. Оставалось срочно достать паспорта, хотя бы фальшивые, и тронуться в далекий, полный неизвестности путь.

Легче всего было получить и визировать украинский паспорт. Офицеры массами бросались на эту приманку. Пройдя целый ряд казуистических мытарств, они получали желаемые паспорта на выезд и с ними попадали на последнюю станцию по Гороховой, 2, Здесь была «Чека». Здесь должна была быть поставлена последняя печать, без которой паспорт считался недействительным. Но здесь-

³⁷⁰ На самом деле Н.Д. Всеволодов в мирное время служил в драгунских полках.

то и ожидала всех роковая западня: все без исключения попадавшие сюда офицеры арестовывались, сортировались и большинство их бесследно исчезало, часть их направлялась в тюрьмы, а часть – просто расстреливалась.

В конце июля была объявлена наконец долгожданная всеобщая регистрация офицеров Петроградского гарнизона. Цель этой регистрации была ясна каждому: нужно было узнать адреса, а затем начать поголовные аресты. Они и начались в начале августа. Арестовывались все, отметившиеся беспартийными. Тюрьмы были переполнены до отказа.

Из опасения ареста я, пользуясь красным магическим пропуском, отвез свою семью в с[ело] Фалилеево под г[ородом] Ямбургом, в надежде оттуда на автомобиле пробраться к Нарвской заставе. Однако в ночь на 26 июля я должен был оттуда неожиданно бежать. Я был предупрежден о грозящей опасности одним добросердечным крестьянином всего за полчаса до бегства.

Дело в том, что местная коммунистическая ячейка, рассмотрев мой пропуск, нашла его подозрительным и запросила Петроград. А оттуда пришел приказ меня немедленно арестовать. Пешая милиция прибыла к нам как раз в то время, как я посадил в автомобиль жену и детей – четырех и двенадцати лет. Едва я сел за руль, как послышались крики: «Стой! Ни с места! А то будем стрелять!»

В ответ на это я дал полный газ, и мой «Гупмобил» понесся стрелой. Вслед послышались выстрелы. К счастью, стреляли из револьверов да еще в темноте. Никто из нас не был ранен. Только одна пуля попала в нижнюю часть кузова, и было разбито левое стекло. «Гупмобил» несся стрелой по направлению к Петрограду...

Но, увы! Он несся для того, чтобы через полтора часа передать меня в цепкие лапы самого кровожадного и ненасытного из кровопийц, алчного и вечно жаждущего крови зверя и палача петроградской чрезвычайки – Шатова³⁷¹.

Около трех часов ночи, крайне встревоженный происшедшим и неудачной попыткой ареста в с[еле] Фалилеево, я прибыл на Нев-

---

³⁷¹ Шатов Владимир Сергеевич (Клигерман Сергей Родионович) (24.12.1887–11.10.1937) – анархист, жил в США. Один из руководителей октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г. Комендант Петроградской губЧК. Подробнее см.: Кудин В.А., Гутман М.Ю. Владимир Сергеевич Шатов – начальник милиции Петрограда, строитель Турксиба // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. 2017. № 4 (76). С. 17–23.

скую заставу³⁷². Несмотря на ранний час, здесь было заметно большое оживление. Всюду сновали патрули. Главный начальник караула, проверив мой пропуск, сверяясь с каким-то списком, бывшим у него в руках, приказал меня пропустить. Вскоре я заметил, что вслед за мной, почти по пятам, следовал таинственный мотоциклет военного типа. Чтобы избавиться от этого преследования, я остановился у проходного двора, имеющего два выхода. Войдя во двор, я быстро вышел из него на другую улицу, предварительно условившись с женой, что она останется в автомобиле до тех пор, пока мотоциклист не войдет во двор, разыскивая меня. Прождав десять-двенадцать минут, мотоциклист вошел во двор, а в это время автомобиль с моей семьей быстро исчез. Так я избавился от назойливого преследования.

Встретившись в условленном пункте с женой и детьми, я послал моего двенадцатилетнего сына – кадета Николаевского кадетского корпуса – на разведку. Он отправился на мою квартиру на велосипеде, причем мы условились, что если во дворе и в квартире не будет ничего подозрительного, то он к нам не вернется, а останется дома.

Прождав сына вблизи квартиры около получаса, я решил, что все благополучно, и мы отправились домой. Но случилось нечто неожиданное: по дороге мой сын натолкнулся на красногвардейский пикет, который узнал в нем «буржуя» и на этом основании отобрал велосипед. Таким образом, сын не мог выполнить данную ему задачу. Подъехав к квартире, я сразу понял, что мы совершили роковую ошибку, но было уже поздно исправлять ее.

В Петрограде я имел две квартиры: одну «конспиративную» (безопасную), близ Сенного рынка, куда я перевез почти все ценные вещи, и другую – «официальную», на Гороховой, 10, рядом с «Чека». Оставаться на этой последней, находящейся по соседству с «Чека», было безрассудно и более чем опасно. Но для намеченного бегства мне был необходим бензин, который был взят на учет и достать который в городе было невозможно. Мой же бензин находился в квартире на Гороховой, 10, и потому я должен был туда ехать во что бы то ни стало.

Особняк, в котором я жил, был очень старинный и принадлежал светлейшей княгине Чернышевой³⁷³. Здесь когда-то устраивались феше-

³⁷² Так в документе, правильно – Нарвскую.

³⁷³ Чернышева Мария Александровна (05.06.1847–26.11.1919) – светлейшая княжна, в период революции жила в Италии.

небелые, роскошные балы и рауты. Здесь часто бывал [и] император Александр Третий и великие князья.

Особняк имел два этажа, построенных покоем³⁷⁴ знаменитым итальянским архитектором. В особняке было много различных закоулков и тайных ходов, целый лабиринт различных коридоров. Я занимал квартиру в нижнем этаже, и в ней тоже был потайной ход, выходящий на Гороховую улицу. Я очень надеялся на этот ход, рассчитывая проникнуть в квартиру незамеченным. Мне это удалось.

Пробравшись тихо в кабинет, я в течение пятнадцати-двадцати минут взял там все, что мне было нужно; оставалось взять только бензин.

Я уже вышел было на улицу, как вдруг кто-то схватил меня за руку. Вслед за этим зажегся ослепительный электрический свет, и я увидел перед собой двух чекистов очень поганого вида.

– По приказанию коменданта «Чека» товарища Шатова все находящиеся в этой квартире люди подлежат аресту. Мы давно уже вас ждем, – сказал один из них. – Оставайтесь здесь, сейчас придет сам Шатов, – добавил он.

Я оцепенел от ужаса и неожиданности. Потом меня взяла страшная досада: ведь меня предупреждали о предстоящем аресте; за мной была установлена слежка, мне даже точно называли имя Шатова, который должен был меня арестовать. Тем не менее я все-таки попался в западню, так просто и глупо, как наивный и неопытный мальчишка,

В тревоге я ждал прибытия Шатова. Самые мрачные мысли роились в моей голове. Вся моя работа по подготовке к побегу свелась к нулю. Надо было начинать все снова, а может быть, все навсегда рухнуло, как карточный домик, и впереди меня ожидали только допросы, пытки и, кто знает? – расстрел.

Все находившиеся при мне ценные вещи – деньги, бриллиантовый перстень – я передал жене и дал ей надлежащие инструкции на будущее.

Во двор вошел караул, но не из красногвардейцев, а [из] четырех солдат. Очевидно, Шатов считал меня очень важным преступником. Солдаты тупо и безразлично меня разглядывали.

Мои размышления нарушил шум и громкий говор. Я оглянулся и увидел перед собой зверя-Шатова и его адъютантов...

---

³⁷⁴ Т.е. буквой «П».

Комендант «Чека» Шатов

Запахавшийся, красный, как рак, со злобно сверкающими и налитыми кровью глазами, не пришел, а прибежал сам палач Шатов. Пот лил с него ручьем, так он спешил и бежал, чтобы скорее схватить новую крупную добычу.

Кто был Шатов? Одни говорят, что он был фельдфебелем пешотного полка; другие утверждают, что он был выкрестом-евреем и носил фальшивую фамилию. Но достоверным было одно: на его совести было много убийств. Он был среднего роста, коренастого сложения, довольно полный. Серо-зеленые глаза, как у кошки, всегда были налиты кровью. Его жирная, наглая и нахальная рожа вызывала естественное отвращение и производила отталкивающее впечатление.

Слухи о его зверствах, о производимых им пытках, о его средневековой жестокости внушали каждому страх. Все знали, что из его цепких преступных лап освободиться было невозможно. Только чудо могло спасти и вырвать жертву от этого вампира. Он с улыбкой на устах отпирался на тот свет даже лучших своих товарищей.

Самой большой его страстью был допрос офицеров. Он не оставался ни перед чем. Желая запугать, он стрелял поверх головы допрашиваемого. Собственноручно расстреливал свои жертвы из револьвера. В подвалах чрезвычайки так погибли десятки офицеров. Он сдирал кожу с пальцев офицеров и вырезывал на их теле – на плечах – погоны и царские вензеля. Это был в полном смысле слова не человек, а изверг, не знающий границ своим зверствам и садизму. Это был тот Шатов, у которого не дрогнула рука собственноручно расстрелять жену одного авиатора, с грудным младенцем на руках, оставшуюся заложницей за мужа на Северном фронте.

Злобно метнув глазами, Шатов сунул мне в руки бумагу:

– Это ордер советского правительства на производство у вас обыска и ваш арест, – сказал он.

Начался обыск. Со стен сдирали дорогие обои и гобелены из дорогой шелковой материи; разрезали красную сафьяновую обивку кабинетной мебели; распарывали матрасы, персидские ковры; выламывали кирпич из камина и в ванной комнате; ломали паркет; срывали портьеры с окон. Это было действительно нашествие диких скифов и вандалов...

Я не мог понять, что мог искать у меня Шатов. Документы? Деньги? Или улики какого-то таинственного военного заговора? Или – может быть! – деньги, награбленные в каком-либо банке?

Во всяком случав, разгром квартиры был полный. Как говорит русская пословица, «Мамай воевал, Чикулай ночевал» ...

Наконец четырехчасовой обыск кончился. Трофеями были:

- 1) револьвер «Наган» и сто патронов;
  - 2) моя гусарская сабля и
  - 3) большой бронзовый орел с моего чернильного прибора, принятый за орла с каски – головного убора лейб-гвардии Кавалергардского полка.
- За оружие, орла и патроны вы заплатите дорого, – заявил мне Шатов. – Очевидно, царский орел вам очень дорог, если вы не можете с ним расстаться, – добавил он.

Какой же он был идиот! Какое отношение имело мое оружие и бронзовый орел с чернильницы к революции? Здесь Шатов лишний раз показал себя глупым и бездарным человеком.

Но, впрочем, все это были лишь цветочки, а ягодки – впереди! ими оказались девять автомобильных номеров для трех моих машин, найденные в складе бензина.

В Петрограде автомобильные номера каждый год выдавались новые, а старые подлежали уничтожению. Таким образом, у меня за несколько лет собралось девять номеров от трех автомобилей. Как уже было сказано выше, два автомобиля я предоставил в распоряжение городской управы («Опель» и «Наган») а третий («Гупмобил»³⁷⁵) оставался у меня.

Увидев один автомобиль и девять номеров, Шатов просиял, ибо этого было достаточно для его больного воображения, чтобы немедленно нарисовать «полную картину контрреволюции».

– Зачем вам были нужны девять разных номеров, когда у вас всего один автомобиль, – спросил он. И, не дожидая ответа, продолжал: – Затем, что ваш автомобиль обслуживал преступную монархическую организацию. И все ваши девять номеров – фальшивые!

Я не мог удержаться от смеха.

Но Шатов очень серьезно продолжал: – Да, мы давно за вами следим. Нам также точно известно, почему вы переехали с семьей в с[ело] Фалилеево. Вы состоите членом тайной преступной организации, задумавшей поднять восстание в Ямбургском уезде... Мы знаем также и еще кое-что, но об этом мы поговорим позже, – кричал он, – ваш шофер во всем сознался!

---

³⁷⁵ В документе ошибочно – «Гурмобил».

Выслушав Шатова я понял, что он ловит меня «на пушку», так как ни в каких тайных организациях я не состоял, а о восстании в Ямбургском уезде абсолютно ничего не знал, а потому и не мог быть к нему причастным. Все обвинения Шатова были голословны, ни на чем не основаны, а потому абсурдны, Я молчал, ибо возражать Шатову, пытавшемуся доказать, что я – контрреволюционер, все равно было бесполезно.

Под сильнейшим конвоем меня повели в Чрезвычайку. Выйдя во двор особняка, я увидел моего шофера Базера. Он был бледен, как смерть, глаза его впали, сам он дрожал, а зубы стучали. Было очевидно, что он потрясен случившимся и ужасно напуган. По всей вероятности, его исполинская фигура внушала сильное опасение сопровождавшим его двум тщедушным красногвардейцам. Рядом с шофером стоял его помощник, восемнадцатилетний паренек, только накануне поступивший на службу. На обоих были железные наручники. Паренек этот абсолютно ни в чем не был виновен, и его арестовали и бросили в тюрьму только потому, что злая судьба занесла его к нам.

Вскоре наш кортеж тронулся в путь. Как вещественные доказательства несли девять автомобильных номеров, гусарскую саблю, патронташ и злополучного бронзового орла с мраморной чернильницы. Шли гуськом. Впереди несли трофеи. За ними шел я – главный преступник. Рядом со мной шествовал красногвардеец с винтовкой, сзади – еще два солдата, тоже с винтовками. Шатов, самодовольно улыбаясь, замыкал шествие.

Шофера и его помощника под сильным конвоем вели отдельно, несколько позади нас.

Можно было подумать, что поймали очень важных преступников, убивших, по крайней мере, несколько человек. Любопытные прохожие останавливались и с удивлением рассматривали нашу процессию, комментируя по-своему причины ареста.

Потом я увидел, что Базера посадили в панцерный автомобиль³⁷⁶ и, как я узнал позже, отвезли в Петропавловскую крепость. Туда же попал и невинный его помощник.

Жену и детей оставили на свободе. Шатов любезно предложил жене в двадцать четыре часа очистить квартиру в особняке, причем добавил, что если она этого не сделает, то будет немедленно арестована. Мою квартиру и автомобиль Шатов захватил как незаконные трофеи.

---

³⁷⁶ Т.е. в броневом автомобиле.

Петроградская «Чека»

После короткого путешествия, мы подошли к «Чека» – Чрезвычайной следственной комиссии, – помещавшейся на Гороховой, 2. У главных ворот стояли два матроса как парные часовые, вооруженные с головы до ног.

Вначале я не придавал особого значения моему аресту, потому что знал, что таковые идут повсюду, и полагал, что и я попал под общую рубрику злосчастных военных заложников. Я надеялся, что, не имея за собой никакой вины, буду немедленно освобожден. Но когда Шатов исчез, а передо мной выросли два матроса самого безобразного и свирепого вида, то самочувствие мое сразу упало. Один из матросов толкнул меня прикладом винтовки в маленькую узкую дверь. Оттуда меня повели по узкой винтовой лестнице на самый верхний этаж. Настроение сделалось еще хуже, когда я увидел там банду матросов и красногвардейцев самого подлого вида: один выглядел безобразнее другого. На столе в изобилии стояли вино и водка, в воздухе висела матерщина. Шла азартная игра в карты. Это был военный караул.

Здесь же, среди этой банды, находился официальный помощник Шатова, солдат Галкин. Он принимал арестованных, отбирал у них ценные вещи и вообще все, что плохо лежало, и клал это в свой карман. Он своими способностями палача не уступал Шатову. Руки его были обильно политы кровью несчастных офицеров. Даже больше: своей жестокостью и бессердечностью он мог дать Шатову сто очков вперед.

Худой, изнеможенный, тщедушного вида жгучий брюнет чисто еврейского типа, одетый в красные чакчиры³⁷⁷, он производил смешное, жалкое и гадливое впечатление. А вся его фигура в военной форме, сидевшей на нем, как на корове хомут, ясно свидетельствовала о том, что эту форму он надел самозванно и притом впервые.

Увидев меня, матросы загоготали, осыпая меня плоскими шутками. Явился фотограф и сделал с меня снимки в профиль и «анфас», как это полагается для важных уголовных преступников.

Тщательно обыскав и отобрав у меня золотые часы и удостоверение личности, меня ввели в арестантское помещение. Оно состояло из двух комнат и темного коридора. Одна комната была большая, другая – поменьше. Железных решеток не было. Комнаты были грязные, потолки все в тенетах и покрыты плесенью. Стены были еще хуже, вся побелка

---

³⁷⁷ Гусарские штаны со штрипками.

с них слезла, и были видны многочисленные следы раздавленных насекомых. По одеялам и соломенным матрасам бесцеремонно ползали вши. В большой комнате было пятьдесят кроватей, в маленькой – двадцать. Подушек не было никаких. Окна выходили во двор, сплошь запруженный автомобилями, привозящими новые и новые жертвы. Еще была одна комнатка, в которой находилось только восемь кроватей. В ней сидели великий князь Павел Александрович, военный министр генерал Поливанов³⁷⁸, светлейший князь хан Нахичеванский – герой кавалерийского рейда в Восточной Пруссии в 1914 году, редактор «Биржевых ведомостей» Проппер³⁷⁹, борец Лурих³⁸⁰, один англичанин и еще два профессора. Сюда же хотели сунуть и меня, но я попросил поместить меня в общую камеру, так как, по моим соображениям, оттуда легче было бежать. Мысль о побеге, во что бы то ни стало, гвоздем засела у меня в голове, ибо, как только я переступил порог «Чека», мне стало ясно, что выйти оттуда живым было трудно или совсем невозможно.

Другого места не оказалось, и меня поместили в темном коридоре, где не было ни одного окна, но зато была таинственная дверь, ведущая, видимо, в частную квартиру. Эта дверь была тщательно заколочена гвоздями и зашпаклевана замазкой.

Всего арестованных было семьдесят человек. Здесь собрались люди всех сословий, что называется – люди разных каст и стран. Здесь были: контрреволюционеры, провокаторы, еврейские спекулянты, налетчики, грабители, вымогатели, шантажисты и даже просто мелкие воришки. Было тут много англичан, вербовавших людей на Северный фронт. Особенно волновался один чекист, посаженный сюда своими же товарищами-коммунистами за шантаж и вымогательство. Его жертвой была прима-балерина Маринского театра Кшесинская³⁸¹ – фаворитка императора Николая Второго.

---

³⁷⁸ Поливанов Алексей Андреевич (04.03.1855–25.09.1920) – бывший генерал от инфантерии. Управляющий Военным министерством (1915–1916). Арестован в период массовых арестов офицеров в качестве заложника без предъявления обвинения (08.1918–02.10.1918).

³⁷⁹ Проппер Станислав Максимилианович (1855?–21.11.1931) – издатель газеты «Биржевые ведомости» (1880–1917).

³⁸⁰ Лурих Георг (22.04.1876–22.01.1920) – двукратный чемпион мира по французской борьбе, артист цирка.

³⁸¹ Кшесинская Матильда Феликсовна (19.08.1872–06.12.1971) – прима-балерина Маринского театра. Кшесинская уехала из Петрограда в июле 1917 г. в Кисловодск и поселилась там. Соответственно, вся история о попытке ее шантажировать в Петрограде не соответствует действительности.

Чекист этот явился к Кшесинской и таинственно показал ей фальшивый мандат на ее арест. Мандат был подписан военным комиссаром Урицким. Чекист предлагал балерине за десять тысяч рублей аннулировать этот мандат. Кшесинская сделала вид, что согласна заплатить деньги. В условленный день и час чекист пришел за деньгами. Получив их, он собирался уже уходить, как вдруг из-за ширмы вышли два тайных агента «Чека», которые его и арестовали.

Чекист проявлял большую нервность. Сильно волнуясь, он бегал из одной комнаты в другую, что-то искал и обдумывал. Наконец, неожиданно для меня, он очутился в темном коридоре. Не было никакого сомнения, что его внимание было приковано к той же самой таинственной двери, которая интриговала и меня. Русская пословица говорит: «Кулик кулика видит издадека». Так и мы, перекинувшись несколькими фразами, поняли друг друга.

Узнав причины моего ареста, он, как авторитетный и опытный чекист, сказал:

– Ваше дело – дрянь. За такие деяния следует расстрел. Вам никто не поверит, что вы держали три автомобиля для ваших личных целей. Ясно, что вы работали на контрреволюцию. Если же вы будете утверждать, что занимались прокатом, то и за это вас по головке не погладят. Вас обвинят в растрате народного имущества – бензина – для своих личных целей, да еще в тяжелое военное время. В данный момент сотни автомобилей ответственных советских работников стоят в бездействии из-за отсутствия горючего материала. За такие преступления опять-таки следует расстрел. Знаете, что я вам скажу? Меня тоже ожидает расстрел. Давайте бежим вместе...

Я, не задумываясь, согласился на предложение чекиста. Вечером того же дня мы начали подробно исследовать таинственную дверь. Она вела в жилое помещение, очевидно – в квартиру какого-то служащего чрезвычайки. Из-за нее слышались говор, смех и детские голоса. Днем все было тихо.

Мы оторвали бумагу, которой была заклеена дверь, и отколупали замаску. Появилась большая щель, через которую можно было видеть, что к двери приставлен большой, тяжелый шкаф. Мы решили открыть дверь и, пользуясь отсутствием хозяина, до наступления вечера, спрятаться где-либо на чердаке. Вечером мы могли спокойно выйти во двор чрезвычайки и на любом автомобиле выехать на улицу.

Чекист стал наблюдать за дверью, а я стал изучать службу связи во дворе «Чека». Из наблюдений выяснилось, что автомобили, привозившие арестованных из города, становились на левую сторону, а дежурные следователи выезжали на работу с правой стороны и притом исключительно ночью. При таких условиях можно в темноте прицепиться к кардаку³⁸² автомобиля и незамеченными выехать со двора.

Вечером мы незаметно открыли таинственную дверь и снова незаметно ее закрыли. По счастью, она открывалась в нашу сторону. Нас окрылила большая надежда: оставалось только отодвинуть шкаф. Мы твердо решили бежать на следующий день вечером.

Утром мы проснулись от неожиданного визита самого Галкина.

– Внимание! – крикнул он. – Сейчас я вызову тридцать человек для отправки в Петропавловскую крепость. Все вызванные, немедленно приготовьтесь! Никаких вещей с собой не брать!

Наступила гробовая тишина. Можно было слышать, как муха пролетит. Все знали, что отправка в Петропавловскую крепость есть не что иное, как смертный приговор. И тут я услышал фамилию чекиста.

Побег был сорван, может быть – к лучшему.

Чекист поблел, как полотно. «Все равно, я побегу, – шепнул он мне, – будь что будет. Двум смертям не бывать, одной не миновать!»

Через несколько минут все названные несчастные арестованные были выведены во двор и под сильным конвоем отправлены в крепость.

Мы, оставшиеся, были подавлены, у некоторых появились на глазах слезы.

Да, это было настоящее погребальное шествие.

Меня эта горькая чаша миновала. Я остался в «Чека».

Арестованных вели по Миллионной улице, по обеим сторонам которой стояло много свободных извозчиков, ожидавших пассажиров. Улучив минуту, чекист ловким прыжком очутился в экипаже одного из этих извозчиков, и все было бы хорошо, если бы последний сразу догадался, кто был его неожиданным пассажиром и захотел ему помочь. Но извозчик испугался и заорал благим матом. На крик сбежались часовые, и началось дикое преследование. Это была настоящая охота на затравленного зверя. Осужденный на смерть человек бежал со всех ног, что было мочи, свернул в Летний сад и, ловко лавируя среди вековых лип и дубов, стал удаляться от своих преследователей. Пули чекистов

---

³⁸² Так в тексте. Видимо, задняя часть автомобиля.

изрешетили много деревьев, но человек оставался невредимым. Он был уже далеко, как вдруг натолкнулся на водяной ров, окружавший сад, и замешкался... Это дало возможность караулу выиграть время. Раздалось несколько выстрелов... Беглец, схватившись за сердце, зашатался и навзничь упал в воду. Он был убит наповал.

Потрясенный случившимся, я не отказался от решения бежать, а лишь отложил попытку побега на два-три дня.

Среди остальных арестованных обращал на себя внимание высокий и худой англичанин, попавший в «Чека» за вербовку молодежи на Северный фронт. Рядом с ним, как неопровержимое доказательство, сидели три офицера. Англичанин был хладнокровен и категорически отрицал свою вину.

Здесь находился также и один вольноопределяющийся, которому провокатор предложил ехать на фронт в г[ород] Архангельск. Молодой, неопытный человек с радостью принял предложение, и провокатор-агент вместо Архангельска доставил его прямо в «Чека».

Здесь же попал и редактор «Биржевых ведомостей», Проппер, спрятанный в «Чека» своим злейшим врагом Зиновьевым, торжественно поклявшимся сгноить его в подвалах тюрьмы. Впоследствии Зиновьев сам попал, но только не в тюрьму, а прямо на виселицу³⁸³.

В этой же группе был Поливанов, автор знаменитого приказа № 1 Совета солдатских и рабочих депутатов, отменившего военную дисциплину и окончательно развалившего армию³⁸⁴. Вид у него был бодрый, уверенный: он верил в свою судьбу и ждал своего освобождения.

Вскоре начались допросы.

Решение важных вопросов и дел предоставлялось президиуму «Чека», состоявшему из пяти лиц под председательством самого Урицкого. Последний, небольшого роста типичный еврей, с вечно взъерошенными волосами, маленькими серо-зелеными, пронизывающими глазами, носом с горбинкой и большими ушами, производил неприятное, отталкивающее впечатление. Присутствие его в президиуме почти всегда влекло за собой смертный приговор обвиняемому. Много невинной крови надо приписать на его кон-

³⁸³ На самом деле Г.Е. Зиновьев был расстрелян.

³⁸⁴ Мемуарист ошибается. А.А. Поливанов не имел отношения к составлению этого приказа. Приказ № 1 был издан объединенным Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 01.03.1917 и предусматривал немедленное создание выборных солдатских комитетов во всех воинских частях.

то³⁸⁵, пролитой прежде, чем он получил должное возмездие от руки студента Каннегисера³⁸⁶, убившего Урицкого при выходе из штаба Петроградского военного округа. Он был убит выстрелом из револьвера прямо в глаз.

Допросы в чрезвычайке производились в комнатах, расположенных в самом верхнем этаже, где шансы побега арестованных были минимальными. Применялись средневековые способы допроса, пытки. Арестованного пугали выстрелами из револьвера, вытягивали ему руки, подвешивали на веревках к двери и поджигали пятки; кормили сеledками и не давали пить, кололи, выжигали на коже разные инициалы...

Расстрелы производились часто на скорую руку. Для отвлечения внимания и чтобы заглушить выстрелы, заводили автомобили, давали им полный газ и, под звуки и шум моторов, расстреливали невинных людей из пулеметов. Расстрелами руководили Шатов и его помощник Галкин.

Атмосфера была крайне напряженная. Весь день проходил в томительном ожидании. Каждый ждал своей очереди идти на пытку или на расстрел. Связей с внешним миром у нас не было никаких.

Лишь в начале августа, когда стали арестовывать интеллигенцию, уклонявшуюся от принудительных работ и трудовой повинности, мы стали узнавать о том, что творится за стенами тюрьмы. К концу августа аресты участились, тюрьмы и «Чека» были набиты арестованными. Началось распределение узников по разным тюрьмам. Петропавловская крепость, Кронштадт, предварилка на Шпалерной и «Чека» были перегружены до отказа. Начали спешно оборудовать под тюрьму Дерябинские казармы, вмещавшие пять тысяч человек.

В конце августа началась разгрузка «Чека». Меня, светлейшего князя хана Нахичеванского и Проппера перевели в предварилку. Там в это время находились великие князья: Павел Александрович, Георгий Константинович³⁸⁷, Николай Михайлович и Димитрий Константинович. В общих камерах было очень много купцов первой гильдии; здесь обретался почти весь Гостиный двор. Купцы были арестованы за денежную помощь белым организациям. Советское

³⁸⁵ Счету.

³⁸⁶ Каннегисер Леонид Иоакимович (15.03.1896–10.1918) – студент Петроградского политехнического института. 30.08.1918 убил председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого. Расстрелян.

³⁸⁷ Видимо, ошибка мемуариста. Георгий Константинович (23.04.1903–07.11.1938) – князь императорской крови. После прихода к власти большевиков уехал в Швецию.

правительство их (купцов) беспощадно бичевало, отбирая у них решительно все имущество и раздевая их, в полном смысле слова, донага. Наиболее богатые и видные купцы сидели в одиночных камерах в самых нечеловеческих условиях.

С переводом в тюрьму предварительного заключения для меня началась новая эра: сидеть и путешествовать по разным петроградским тюрьмам. Сначала посадили меня в «Чека», потом перевели в предвариловку на Шпалерной улице, где находились арестованные, ожидающие очередного допроса; оттуда меня вызвали снова в «Чека» и, после короткого допроса, отправили в Петропавловскую крепость, где поместили меня в Трубецкой бастион, куда сажали только очень важных уголовных преступников.

Из крепости меня снова вызвали в «Чека», на этот раз для последнего и решительного допроса. Здесь должна была окончательно решиться моя судьба: после допроса я должен был быть или освобожден, или расстрелян. Судьба сильно играла мною.

Предварительная тюрьма на Шпалерной улице

Великие князья – все без исключения – сидели в одиночных камерах в самых ужасных условиях. Здесь было сыро, темно; вода ручейками стекала по стенам камер. Всякое сообщение с внешним миром было прервано.

Мы трое – я, хан Нахичеванский и Проппер – попали в общую камеру, где находились еще: лейтенант Чайковский, мичман Миллер, один кронштадтский моряк-provokator, капитан Армадеров, один учитель, нарвавшийся на provokatora при вербовке на Северный фронт, миллионер Китроссер, попавшийся за спекуляцию на одной крупной поставке пшеницы, и украинский комиссар, лишь фиктивный – на бумаге, Бориславский, в действительности – очень симпатичный молодой человек.

Кому только не была известна эта мрачная, холодная тюрьма на Шпалерной улице, прилегающая вплотную к Окружному суду?! До большевистского переворота здесь помещались арестованные, ожидавшие суда; они размещались в камерах по одному-два человека в каждой. Теперь же в такой камере было не менее двадцати человек.

Режим в предвариловке оказался еще строже, чем в «Чека». Всюду, куда ни глянешь, видишь толстые решетки из железа и тяжелые чугунные двери. По мере продвижения арестованного вглубь тюрь-

мы, за ним, с глухим шумом и лязгом, захлопывались одна за другой массивные двери, а вместе с этим исчезала всякая надежда когда-либо выбраться оттуда. Нужно было только положиться на волю Божию.

Уборная помещалась тут же, в самой комнате. Приняв во внимание, что в камере сидело пятнадцать-двадцать человек, можно себе представить, какой в ней был воздух.

Есть давали один раз в день и всегда одно и то же: суп из лошадиного мяса, с микроскопическим куском конины и таким же куском черного хлеба. Один раз в неделю разрешалось родственникам приносить так называемую «передачу», то есть что-либо съестное.

Так как моя жена жила далеко от Петрограда, в деревне под Ямбургом, то я такой передачи не получал и сильно голодал. Только один раз мой сын Николай, двенадцатилетний кадет Николаевского кадетского корпуса, принес мне такую передачу. Он шел один из Ямбурга, где вспыхнуло восстание, пробираясь ночью по лесам и болотам, часто – под огнем сражающихся, причем ночевать приходилось в эти холодные октябрьские ночи в лесу. Девяносто километров он прошел в четыре дня и принес мне пресловутую «передачу»: хлеб, молоко и яйца. Этим он блестяще выполнил свой сыновний и воинский долг!

Чтобы скоротать и убить время в тюрьме, по инициативе Проппера, мы устраивали литературные вечера: по очереди каждый из нас обязан был рассказать какую-либо историю, один день – грустную, другой – веселую.

Хан Нахичеванский рассказывал о многих интересных эпизодах своего знаменитого рейда (гвардейской кавалерии) в первые дни войны в Восточную Пруссию и о конной атаке под его командой на японцев под Вафангоу в 1905 году.

Украинский комиссар – в душе монархист – имел красивый тенор и напевал нам очень звучные и трогательные романсы, что очень сердило Проппера, ибо ему было не до романсов.

Кронштадтский матрос – веселый, простой парень – угощал нас анекдотами.

Но больше всего нас забавлял морской лейтенант Чайковский: имея очень красивый баритон, он каждый вечер, перед тем как ложиться спать, пел громовым голосом молитву «Спаси, Господи, люди Твоя». Особенно он неистовствовал и приходил в экстаз, когда произносил слова: «Победы благоверному нашему государю Николаю Александровичу» ...

На это пение сбегались тюремные сторожа. Прибегал очень милый и добродушный начальник тюрьмы и умолял прекратить пение, опасаясь, что услышит комиссар тюрьмы. Но лейтенант не сдавался и продолжал петь еще громче.

В один из таких вечеров тюремный комиссар, юркий еврейчик, все узнав, явился в камеру со своим помощником, суровым и бессердечным извергом, фельдфебелем лейб-гвардии Семеновского полка. Он приказал Чайковскому одеться, взять с собой вещи и следовать за ним. Чайковского увели неизвестно куда и больше о нем никто ничего не узнал. Одни говорили, что его в ту же ночь расстреляли; другие уверяли, что его отправили в дом умалишенных, откуда он потом бежал.

По предложению Проппера, мы стали заниматься гипнозом на расстоянии. Целью гипноза было: заставить Урицкого приехать в тюрьму и нас освободить. Для успеха нужно было каждый день вечером, в один и тот же час подходить к окну и делать заклинания. Став на табуретку, мы самым серьезным образом проделывали таинственные пассы и жестикулировали, широко разводя и размахивая руками в сторону «Чека». Каждый по-своему, как умел, внушал и приказывал Урицкому беспрекословно повиноваться нашей воле и немедленно прибыть в тюрьму. Все без исключения проделывали эту церемонию с самым сосредоточенным и серьезным видом. Особенно старательно выполнял эту процедуру Проппер. Низкого роста и полный, он, вытянувшись, стоял на табуретке и зычным басом внушал и требовал, чтобы Урицкий явился к нам немедленно. Его сеанс длился не полчаса, как было установлено для каждого, а полный час. Так ему хотелось поскорее выбраться из тюрьмы!

Хан Нахичеванский не отставал от Проппера и так размахивал руками и притоптывал ногами, как будто он шел в атаку на немцев или японцев. Если бы кто-либо случайно зашел к нам во время «сеанса», то наверняка решил бы, что попал в сумасшедший дом, так усердно и с экстазом мы выполняли роль медиумов.

Сеансы эти нас забавляли. Кроме того, они помогали нам коротать время и скрашивали убийственную тюремную скуку. Но в то же время, если бы кто-то мог наблюдать нас со стороны, он увидел бы, что каждый из нас действительно имел какую-то надежду, каждый считал, что чудо действительно должно случиться и притом – скоро. Здесь никакой шутки не было. Все выполняли свою роль сосредоточенно и с полной силой воли. Никто не сомневался, что наш гипноз увенчается успехом. После каждого «сеанса» медиум слезал с табуретки, шел к своей

кровати и беспомощно падал, впадая на некоторое время в полное забытие. Только молодые арестованные на первых порах пытались превратить все в шутку и смеялись над нами. Однако люди постарше, особенно Пропшер, их тотчас же остановили и заставили относиться к нашему делу серьезно.

Внезапный приезд Урицкого

Прошла неделя со времени начала наших сеансов, а результатов не было никаких. И вдруг на восьмой день тюрьма заволновалась и зашевелилась, начались шум, гам, суматоха.

Что случилось?

К нашей камере подошел помощник начальника тюрьма и сказал: – Приготовьтесь! Сейчас вас посетит товарищ Урицкий.

Услышав эту новость, мы остолбенели. Смотрели друг на друга и боялись поверить в чудо, но все были бесконечно рады: первое желание исполнилось – Урицкий приехал. Теперь должно исполниться второе желание: выйти на свободу.

Во всяком случае, нам было ясно, что произошло что-то необыкновенное, странное, таинственное...

Мы знаем, что гипноз распространен во всем мире. Тысячи врачей и дантистов применяют гипноз при лечении своих пациентов. В Америке существует официально «Ассоциация _____»³⁸⁸. Гипноз практикуется там как с медиумом, так и на дальние расстояния. Из практики выяснилось, что гипноз особенно удается, если медиум предрасположен к сильному душевному волнению и страху за будущее. Один американский психиатр произвел следующий опыт:

Он сговорился с одним летчиком, что тот, находясь в Гренландии, в определенный день и час сосредоточится и будет думать о психиатре, находящемся в то время в Нью-Йорке и гипнотизирующем летчика на расстоянии. Летчик полностью подчинился гипнозу и действительно точно исполнил все то, что ему приказывал психиатр.

Был и другой случай:

Американский психиатр, доктор Левис Уолберг при помощи гипноза внушил одному лицу, что точно через два года и два дня, начиная с момента гипноза, этот загипнотизированный человек будет читать

---

³⁸⁸ В документе оставлен пропуск для вписывания англоязычного названия. Название отсутствует.

поэму «Тенисон»³⁸⁹. За неделю до указанного времени загнипнотизированное лицо почувствовало необъяснимое желание во что бы то ни стало прочесть что-нибудь. Придя в библиотеку и увидев на полке том «Тенисон», он взял его, принес домой, но стал читать поэму только, когда пришло указанное психиатром время.

Наконец, в «Журнал оф медицин дел Эстадо де Нью-Йорк»³⁹⁰ было помещено следующее сообщение:

Сорок две американские женщины, имея вес сверх нормального от пяти до тридцати килограмм, подвергались гипнозу в течение четырнадцати недель. Никаких других мер для похудения они в это время не принимали и только под влиянием гипноза потеряли в весе самое меньшее – пять и самое большее – двадцать шесть килограмм.

Принимая во внимание все вышеизложенное, не было ничего удивительного и в том, что Урицкий поддался нашему гипнозу и, подчинившись нашей непреклонной воле, приехал в тюрьму. Это предположение тем более вероятно, что мы старались точно выполнить все условия, необходимые для гипноза.

Гипноз требует, чтобы медиум смотрел на одну какую-нибудь, по возможности, небольшую точку. Каждый из нас смотрел, не отрывая глаз, в течение получаса на шарик, находившийся на шпиге будки (вышки) часового, которая стояла во дворе тюрьмы. Наше зрение постепенно ослабевало, наше тело делалось тяжелым, утомленным, и мы находились в каком-то полузабытьи, в экстазе. В таком состоянии мы передавали нашу непреклонную волю Урицкому, приказывая ему явиться к нам во что бы то ни стало, и он исполнил нашу волю. Так, по крайней мере, верили все, кто проводил сеансы гипноза.

Подойдя к хану Нахичеванскому, Урицкий протянул ему руку. Но генерал руки Урицкому не подал, отвернувшись в сторону.

Положение стало неловким.

Тогда Урицкий, чтобы выйти из неприятной ситуации, сам взял генерала за руку выше локтя. Хан Нахичеванский, не знаю – из жалости или просто из вежливости, не сопротивлялся.

– Я сделал все возможное для вашего освобождения, – сказал Урицкий. – Жаль только, что вы упорствуете. Перемените вашу тактику, и вы

³⁸⁹ Видимо, поэма английского поэта Альфреда Теннисона (06.08.1809–06.10.1892).

³⁹⁰ Смешение английского и испанского языков. «Медицинский журнал штата Нью-Йорк».

тотчас же будете освобождены. Жалею, что устроенное вами бегство вашего сына вам очень повредило...

Своего сына генерал отправил с подложным паспортом за границу, включив его в партию военнопленных, отправлявшихся домой.

Подойдя к Пропперу, Урицкий очень любезно заговорил с ним:

– А, старый знакомый! Очень сожалею, что вижу вас здесь. Я не имею к вам никаких претензий. Я даже несколько раз обращался к вашему врагу, товарищу Зиновьеву, с просьбой о вашем освобождении, но он упорно стоит на своем; он поклялся, что сгноит вас в подвалах тюрьмы. Ходатайствуйте перед ним, может быть, он переменит свое мнение. Только он один стоит на вашей дороге.

После этого трагического разговора с Урицким Проппер еще больше приуныл и даже заболел.

Кронштадтского матроса, арестованного за спекуляцию, Урицкий приказал освободить.

Увидев среди нас миллионера Китроссера, еврея, немного полного, но цветущего молодого человека, Урицкий, даже не спрашивая, за что он арестован, приказал перевести в одиночную камеру, режим в которой отличался нечеловечностью.

Наконец, очередь дошла до меня. Взглянув на Шатова, я понял, что ничего хорошего от посещения Урицкого ждать не должен, хотя бы потому, что при нем находился мой заклятый враг Шатов.

Подойдя ко мне, Урицкий спросил, за что я арестован. Я ответил, что никакой вины за собой не имею и почему меня арестовали – не знаю. Урицкий вынул записную книжку и что-то хотел отметить в ней, видимо, благожелательное для меня. Но в это время подскочил Шатов, отвел начальника в сторону и стал ему что-то шептать. Вернувшись ко мне, Урицкий сказал, что ничего для меня сделать не может ввиду того, что дело мое слишком сложно и серьезно.

– Почему вы не хотите сказать, в чем меня обвиняют? – спросил я Урицкого. – Я уверен, что всякое предъявленное мне обвинение ни на чем не основано и голословно. Я ни в чем не виноват.

В это время Шатов подскочил ко мне и злобно сказал:

– А вы хороший актер! Так искусно умеете представляться и корчить из себя невинного младенца. Но могу вас уверить, что вы нас не проведете и за ваши деяния получите должное возмездие. Ваш шофер сознался во всем. Я удивляюсь, почему вы находитесь здесь, в тюрьме,

когда давно уже должны были бы находиться в другом, более спокойном месте...

Это, очевидно, был намек на расстрел.

Вдруг Шатов не выдержал, опять подошел ко мне и, пронизывая насквозь пристальным взглядом кошачьих глаз, резким голосом спросил:

– Скажите, где вы были накануне той ночи, когда были арестованы? – И, не ожидая ответа, будто он был следователем по особо важным делам, безапелляционно заявил: – В ту ночь вы ограбили государственную почту в Петергофе на сумму в девятьсот миллионов рублей. Где эти деньги? Куда вы их спрятали?

Голос Шатова перешел в крик: – Вы передали их преступной монархической организации генерала Артамонова³⁹¹. Это нам точно известно!

Я был поражен. Я буквально оцепенел и не мог выговорить ни одного слова. Зеленые и красные круги вертелись перед моими глазами. Я мог делать разные предположения о причинах моего ареста, но что я был арестован как налетчик, – это мне никак не могло придти в голову, это было сверх моих сил. Я стоял, как парализованный. Только дикая, бессмысленная и безрассудная, больная фантазия Шатова могла создать такое нелепое подозрение. Он никак не мог понять, что девять автомобильных номеров, найденные у меня, были не фальшивыми, а настоящими, что они были выброшены потому, что были просрочены и ездить с ними было невозможно.

Все, кто был в камере, услышав сенсационную новость, придвинулись ко мне ближе и с любопытством меня рассматривали. Кое-кто стал смеяться, а другие призадумались: а что если это правда?..

Так идиот Шатов произвел меня в налетчики.

«Налетчик»! – в это время в Петрограде это было самое модное и самое ужасное слово. Черные таинственные автомобили наводили ужас и панику на петроградских жителей. Они неожиданно появлялись то здесь, то там на улицах города, и люди, ездившие на них, грабили все, что только попадало под руку. Но главной их специальностью был грабеж банков, почты и сберегательных касс. Налетчиков не судили; в случае поимки их расстреливали тут же, на месте преступления, без всякого суда.

Только теперь мне стало понятно, почему у меня при обыске срывали обои в квартире и выламывали кирпич из камина: Шатов искал

---

³⁹¹ Идентифицировать организацию не удалось.

деньги. В глазах Шатова я был не только налетчиком, но еще и активным контрреволюционером, ограбившим почту для финансирования контрреволюции, как в свое время Сталин в Тифлисе ограбил почту для революции³⁹².

Шатов продолжал пристально смотреть на меня, ни на секунду не отводя глаз в сторону. Мое удивление, очевидно, было настолько естественно и правдоподобно, что Шатов, после некоторого раздумья, сказал:

– Во всяком случае, если это сделали не вы лично, то ваш шофер и ваш автомобиль наверняка участвовали в ограблении, ибо это был автомобиль марки «Гупмобил», а таких автомобилей в городе только три и алиби двух других было точно установлено. Значит, речь может идти только о вашей машине, на которой вы приехали из с[ела] Фалилеево, находящегося недалеко от места преступления.

Совпадение оказалось для меня действительно роковым. Однако использование моего автомобиля при ограблении почты я считаю невозможным: он всегда и безотлучно находился при мне и стоял у моей квартиры. Если даже допустить, что шофер воспользовался автомобилем без моего ведома ночью, то и в этом случае расстояние между с[елом] Фалилеево и Петергофом было настолько велико и дорога такая плохая, что обернуться туда и обратно в такой короткий срок было невысказано. Кроме того, бензин у меня всегда был на учете, и такая дальняя поездка не могла бы остаться незамеченной.

Уходя из тюрьмы, Шатов нагло посмотрел на меня и со злобной иронией сказал:

– Советую вам хорошенько подумать и чистосердечно сознаться во всем. Ваш шофер уже благоразумно сознался. Я произведу разбор вашего дела на этой неделе...

С этими словами он вместе с Урицким вышел из камеры.

Так окончились наши старания загипнотизировать Урицкого.

С этого дня в нашей камере наступила зловещая тишина и воцарилась страшная скука. Мы избегали смотреть друг на друга и вспоминать о наших «сеансах». Каждый боялся за свое будущее, и все чувствовали себя неуверенно. Настроение было подавленное.

---

³⁹² Речь идет об организованной тифлисской организацией РСДРП под руководством С.А. Тер-Петросяна (Камо) тифлисской экспроприации 13.06.1907, когда в результате нападения революционеров на карету казначейства погибло 40 человек и была похищена крупная сумма денег.

Великие князья в тюрьме предварительного заключения

Если до приезда Урицкого в нас теплилась хотя бы и смутная надежда на фантастическое освобождение, то теперь у нас никакой надежды не было. Мы безмолвно бродили из угла в угол, считая, что все было потеряно. Потянулись томительные серые дни в ожидании следственного допроса.

Стоял конец августа с чудными осенними, немного прохладными днями. Голубое небо, сверкавшее через железную решетку, прельщало и манило нас. Душа рвалась на волю. Хотелось увидеть дорогие и близкие лица.

Мы обсуждали малейшие возможности и напрягали все наши силы и помыслы, стараясь найти какую-либо лазейку, чтобы вырваться из этой тюрьмы, но ничего не могли придумать. Туманно и беспросветно было грядущее.

Вскоре нас стали выпускать во внутренний двор на прогулку. Выпускали заключенных сразу из двух камер. Прогулка продолжалась пятнадцать-двадцать минут. Мы гуляли на небольшой площадке во дворе, радиусом около трех саженей³⁹³, огороженной высоким решетчатым забором. Посередине площадки была устроена вышка для часового. На вышку вела железная винтовая лестница. С этой вышки часовой мог наблюдать за всеми прогуливающимися как из общих, так и [из] одиночных камер. Посередине двора было разбросано много разного хлама, мусора, досок, обгорелых бревен и кирпича, оставшихся после пожара Окружного суда, который горел уже во время революции. Сокращенно это место было названо арестованными: «Крутилка». И действительно, здесь гулять было негде, можно было только крутиться на одном месте.

Благодаря тому что время прогулки заключенных из разных камер постоянно менялось, нам в течение всей недели приходилось встречаться почти со всеми арестованными из других камер и даже одиночных галерей.

Из высокопоставленных лиц здесь находились великие князья: Павел Александрович, Георгий Константинович, Михаил Николаевич³⁹⁴ и Димитрий Константинович. Все они сидели в одиночных галереях.

³⁹³ Сажень = 213,36 см.

³⁹⁴ Мемуарист ошибается. Здесь и далее речь идет о великом князе Николае Михайловиче.

Здесь находились также: граф Гейден³⁹⁵, князь Трубецкой, миллионеры Мухин³⁹⁶ и Жданов³⁹⁷, князь Шаховской и масса других генералов и штаб-офицеров, большею частью гвардейских полков.

Были и другого сорта люди: еврей-коммерсанты, старшие дворники и просто мелкие ворюжки.

Здесь все было перемешано. В распределении арестованных у большевиков царил полный хаос: арестованного вталкивали куда попало, лишь бы было место.

Великие князья Павел Александрович и Георгий Константинович были в военной форме, а Михаил Николаевич – в штатском: черный костюм, пальто и военная фуражка; Димитрий Константинович имел смешанную одежду.

Павел Александрович и Георгий Константинович были всегда мрачны, угрюмы, задумчивы и печальны; держали себя обособленно. Михаил Николаевич и Димитрий Константинович, наоборот, были всегда веселы и в хорошем настроении духа; оба были настроены оптимистически.

Однажды, возвращаясь с прогулки, генерал хан Нахичеванский сообщил мне:

– С вами желает познакомиться великий князь Михаил Николаевич. Завтра на прогулке я вас ему представляю.

На следующий день я был представлен великому князю. Подробно расспросив о моей службе, он весьма заинтересовался моей работой во вторую половину войны. Выслушав меня внимательно, великий князь сказал:

– Все, что вы мне рассказали, чрезвычайно интересно. С сегодняшнего дня мы будем видеться с вами каждый день. Я скажу комиссару тюрьмы, чтобы вам разрешили во время прогулки свободно подходить ко мне. Вы знаете, – продолжал он, – я пишу мемуары, даже больше – настоящую правдивую историю. Вы со своим богатейшим материалом будете мне чрезвычайно полезны.

---

³⁹⁵ Гейден Николай Федорович (17.01.1856–28.02.1919) – граф, генерал-лейтенант. Арестован (22.08.1918). Содержался как заложник в Петрограде. Освобожден (30.12.1918).

³⁹⁶ Мухин Василий Петрович – миллионер, владелец торгового дома. Арестован ЧК и расстрелян. Подробнее о нем см.: Красный террор в Петрограде. М., 2011. С. 96–102.

³⁹⁷ Жданов Захарий Петрович (01.1867–?) – миллионер, арестован ЧК (1918). Освобожден.

На следующий день я снова увиделся с великим князем. Он был немного выпившим и в разговорчивом настроении. Он очень резко отзывался о государе:

– Да, государь глубоко виновен в постигшей Россию катастрофе, – сказал он. – Я его предупреждал лично о грядущих грозных событиях и притом – не один раз. Но он остался глух к моим предупреждениям. Он не хотел меня ни слушать, ни понять. Он упорно не хотел согласиться с моими взглядами, согласованными с другими членами Царской фамилии, изложенными в письменной форме. В первую очередь я слезно просил государя порвать решительно с бесовскими силами, которые его окружали. Эти силы гибельным образом влияли на общий ход войны и особенно на государственные дела. Я настаивал на необходимости сделать министров ответственными не только перед монархом, но и перед законом. Все, что произошло в дни Февральской революции, все это было предсказано мною задолго до этих событий. Ко всему, о чем я говорил, государь остался глух, и вскоре, по желанию императора, я вынужден был покинуть Петроград.

– Завтра я вам расскажу, – после короткого раздумья сказал великий князь, – нечто весьма интересное о событиях того времени и ознакомлю вас с планом, по которому пишу свои мемуары, основанные на точных документах. Вы увидите потрясающую картину того, что происходило в Царской семье и при дворе...

Но на следующий день я был вызван в следственную комиссию «Чека» и назад в тюрьму предварительного заключения не вернулся.

С великим князем Димитрием Константиновичем я встречался каждый день в амбулаторной комнате тюремного лазарета, где, чтобы как-нибудь развлечься и скоротать время, я придумал делать инъекцию мышьяка. Двадцать инъекций, это значило двадцать раз выйти из душной, сырой и полутемной камеры на свет Божий. Эта кажущаяся, призрачная свобода все же давала некоторое удовлетворение.

Великий князь тоже делал уколы и, видимо, с той же целью, что и я. Здесь, в амбулаторной комнате, мы разговаривали в течение получаса.

– Надеетесь ли вы, Ваше Высочество, выйти когда-либо из тюрьмы? – спросил я однажды.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, – ответил великий князь. – По диагнозу врачей, я болен туберкулезом и для большевиков не представляю никакой ценности. Я имею сведения, что в самом ближайшем

будущем буду освобожден, вернее, – буду переведен в санаторию и уже оттуда выпущен на свободу, – добавил он.

Великий князь был очень далек от мысли о насильственной смерти. Бедный князь! Уже через четыре месяца после нашего разговора он и все остальные великие князья были приговорены к смертной казни и расстреляны, хотя не были в чем-либо виновны перед Родиной.

Арестованные – в тюрьме предварительного заключения

Среди других арестованных обращал на себя внимание сосед по камере, миллионер Мухин. Он был арестован по обвинению в контрреволюции, а именно – в посылке крупной суммы денег белым организациям. Его следователем был палач Урицкий. С утонченным коварством он мучил шестидесятилетнего старика и забрасывал его казуистическими вопросами, стараясь вырвать из его уст вынужденное сознание. Измученный многочисленными допросами, загнанный в тупик Мухин потерял всякое самообладание и в тяжелые минуты, не будучи в состоянии спокойно переносить горе, плакал как ребенок. Уже сидя в тюрьме, он потерял сына и, в конце концов, был расстрелян на Лисьем Носу, по дороге в Кронштадт.

Однажды, выйдя на прогулку, я неожиданно встретился со своим шофером Базером, который выглядел ужасно, был удручен, очень похудел, осунулся и от слабости едва держался на ногах. На мой вопрос, о чем он говорил на допросе, Базер ответил, что никакого допроса не было, что Шатов только сказал ему, что я во всем сознался и что «сознавайтесь и вы скорее, этим спасете свою жизнь»!

С этого дня, я каждый раз отдавал Базеру лошадиное мясо из супа, которое я есть не мог.

К концу августа в предварилровке скопилась такая масса арестованных, что явилась настоятельная необходимость ее разгрузить. Случай к этому вскоре представился.

Студент Каннегисер, выстрелом из револьвера прямо в глаз, убил грозу Петрограда, председателя Чрезвычайной следственной комиссии, еврея Урицкого. На следующий день коммунистическая толпа черни вышла на улицы Петрограда, неся красные плакаты и требуя, в возмездие за убийство Урицкого, расстрела пяти тысяч заложников.

Началась вакханалия – безумный и бесшабашный разгул красного террора. Повсюду шли поголовные обыски и аресты. К нам в тюрьму стали поступать все новые и новые жертвы, среди которых было много женщин и детей четырнадцати-пятнадцати лет; были даже семидесятилетние старушки. Начиная с первого сентября расстрелы производились каждую ночь. В два-три часа ночи из каждой камеры по жребию брали несколько человек и увозили их в панцерном автомобиле на Лисий Нос³⁹⁸, где всех расстреливали. Особенно страшными были две первые ночи после убийства Урицкого, когда было схвачено и расстреляно более шести тысяч человек, преимущественно – офицеров³⁹⁹.

В первую ночь, когда мы об убийстве Урицкого и красном терроре еще ничего не знали, к нам в камеру пришел комиссар тюрьмы и приказал рядом со мной лежащему учителю одеться и следовать за ним, якобы – для освобождения. Каждый арестованный, как это практиковалось при выходе на свободу кого-либо из них, написал записочку своим близким. Я такой записки учителю не дал, ибо не верил в его освобождение. Многие завидовали учителю, потому что не находили объяснения тому, что выбрали его, а не кого-либо другого.

Учитель, молодой человек двадцати восьми лет, от неожиданности и радости – плакал. Ему хотелось поскорее увидеть свою жену и детей. В эту ночь из нашей тюрьмы взяли восемьдесят человек, – нам только казалось странным, почему их освобождали не днем, а ночью.

На следующий день мы узнали, что все вызванные для освобождения были посажены в панцерные автомобили и отвезены на пристань, находящуюся на берегу Невы. Там их погрузили на пароход и отвезли на Лисий Нос, где всех расстреляли.

Каждое утро перед нашей тюрьмой собирались красные манифестанты и требовали все новых и новых жертв. Каждую ночь, в два часа, в тюрьме начинался гул и шум, это забирали новых людей на расстрел. Никто не спал, каждый ждал своей очереди. Некоторые покорно шли на расстрел, но многие сопротивлялись. Сопротивлявшихся сначала били до полусмерти, а затем приканчивали штыками. Днем во все камеры при-

---

³⁹⁸ В документе – Лисин.

³⁹⁹ Мемуарист существенно преувеличивает. По официальным данным, с момента провозглашения красного террора до начала октября 1918 г. в Петрограде было расстреляно 800 человек, арестовано 6229 человек (*Ратковский И.С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017. С. 182*).

носили официальные листовки, сообщавшие имена всех расстрелянных лиц. Всего в августе было расстреляно более десяти тысяч человек⁴⁰⁰.

Через неделю предварилровка сильно разгрузилась. Выходя на прогулку, я не встречал больше многих и многих людей, в том числе и моего шофера Базера, бесследно исчезнувшего с моего горизонта.

В начале сентября в нашу камеру, около пяти часов дня, вошел помощник комиссара и приказал одеться мне и капитану Армадерову.

– На допрос в чека, – коротко отрезал комиссар, пристально рассматривая меня с ног до головы. – Вещи взять с собой.

Записок для родственников на этот раз нам никто не дал. На нас смотрели с сожалением, и каждый оставшийся думал: «Куда их ведут? На свободу или на расстрел?»

Утешало нас то обстоятельство, что нас, вызванных из разных камер, было пять человек, а сопровождал нас только один часовой и у него не было ни винтовки, ни револьвера. К тому же нас везли не в автомобиле, а в трамвае. Каждому из нас представлялся прекрасный случай бежать, но какая-то неведомая сила нас удерживала, и мы покорно вошли в трамвай, веря, что будем освобождены.

Снова в «Чека»

Прибыв в «Чека», я снова был помещен в мою прежнюю «квартиру» – в темный коридор. Нового ничего не было. Арестованных было очень много, и среди них комиссар-provokator, посаженный в тюрьму за освобождение другого заключенного за взятку. Комиссар не унывал и, зная общий порядок, надеялся за такую же взятку получить свободу.

На третий день меня вызвали на допрос к следователю Борщевскому⁴⁰¹. Допрос был легкий. Следователь задал мне несколько вопросов о моей прежней службе и причине ареста. О том, что я был арестован Шатовым, я, конечно, умолчал. Борщевский был любезен и тут же написал мне ордер на освобождение.

Получив ордер, я направился в камеру, чтобы взять свои вещи, как вдруг открылась другая дверь, и в комнату вошел Шатов. Увидев меня, он подошел к Борщевскому и сказал, что я нахожусь на особом счету и освобождению не подлежу. Борщевский пожал плечами и, взяв у меня ордер, сказал:

⁴⁰⁰ Эти данные не соответствуют действительности.

⁴⁰¹ Борщевский – сотрудник Петроградской ЧК.

– Я очень сожалею, но помочь вам ничем не могу. Вы находитесь в распоряжении Шатова, и только он один может дать вам свободу.

Подавленный и разочарованный, я вернулся в свой темный коридор. Итак, злой гений Шатов снова оказался на моей дороге.

На следующий день Галкин объявил список тридцати человек, подлежащих отправке в Петропавловскую крепость. Увы! Моя фамилия была в списке этих несчастных. Шатов вместо освобождения слал меня в Петропавловскую крепость.

Около пяти часов вечера нас выстроили по четыре человека в ряд и повели в крепость. Я знал, что в крепости всякое сношение с внешним миром автоматически прерывалось. Поэтому я написал открытку жене и бросил ее прямо на мостовую, в надежде, что кто-либо из добрых людей ее поднимет и бросит в почтовый ящик. В открытке отдельно синим карандашом я написал, что прошу доставить ее жене, на Фонтанку, 16. Однако свирепый конвоир мои манипуляции увидел, ударил меня прикладом винтовки по спине и, заставив меня поднять открытку, отобрал ее и порвал на мелкие кусочки. Таким образом, исчезла всякая надежда сообщить жене мой новый адрес.

А это было чрезвычайно важно, так как Петропавловская крепость являлась последним жизненным этапом арестованного. Только чудо могло вырвать на свободу туда попавшую жертву.

Одна женщина, видевшая эту сцену, прослезилась. Я воспользовался этим и крикнул ей: «Скажите моей жене на Фонтанке, 16, что меня повели в Петропавловскую крепость». Женщина кивнула мне головой и сказала, что все будет сделано. И действительно, она исполнила мою просьбу.

Петропавловская крепость

Миновав Троицкий мост, наш грустный кортеж свернул налево и вошел на мост, который вел через наружный ров крепости в так называемые крепостные ворота. Спустившись с моста, мы вошли в аллею, обсаженную липами и дубами. Направо находились отдельные виллы. Об этом месте сохранились у меня приятные воспоминания.

Здесь, в 1900 году, я, будучи юнкером Николаевского кавалерийско-го училища, часто бывал у своего двоюродного брата, корабельного инженера адмирала Гуляева⁴⁰². Невольно вспомнились мне блестящие

---

⁴⁰² Гуляев Эрст Евгеньевич (1851–1919) – генерал-лейтенант корпуса корабельных инженеров.

балы, концерты, легкий флирт... Какой глубокий контраст был между моим положением и чувствами тогда и теперь!

Восемнадцать лет тому назад, в далеком прошлом, здесь играли вальсы Чайковского и Вальдтейфеля, отдаленные и томные звуки которых мелодичным эхом разносились по равелинам Петропавловской крепости. Вспомнился мне веселый говор и смех эlegantных, красивых дам в бальных туалетах, воздух, насыщенный ароматом цветов и дорогих духов, бравурные танцы того времени – мазурка и краковяк – и плавные танцы: па-де-катр и шаконь. Тогда меня встречали радостно и приветливо.

А теперь нас встретил мрачный часовой погребальным звоном в крепостной колокол.

Заболело и сильно сжалось сердце. Хотелось бы бежать отсюда прочь. Забыться...

Глубоко задумавшись, я не заметил как немного отстал от партии. Сильный удар прикладом винтовки в спину заставил меня очнуться и вывел из тяжелого раздумья и грез прошлого. Я увидел, что мы входили на небольшой плацдарм внутреннего равелина крепости. Это было преддверие могильного Трубецкого бастиона.

Раздался второй удар большого колокола, погребальным звоном раскатившийся по крепости. Это вызывали караул для встречи новых несчастных жертв.

Нас построили в две шеренги. Явился комиссар крепости, совсем молодой человек, лет девятнадцати. Он был одет щеголем: на нем был новый английского образца френч, брюки-галифе, высокие сапоги французского лака, венгерские шпоры и фуражка прусского образца. Он был высокого роста, крепкого телосложения, в правом глазу был монокль. В левой руке он держал казачью нагайку. Выглядел он наглым и нахальным. Очевидно, ему доставляло неописуемое удовольствие подхлестывать вверенные ему жертвы.

Началась переключка. Каждый, услышав свою фамилию, должен был сделать шаг вперед. Выкликнули фамилию священника Введенской церкви на Петроградской стороне, который был также в нашей партии. Священник, уже пожилой человек, лет шестидесяти, замешкался и не вышел. Тогда немедленно подскочил к нему начальник партии, тот самый, который ударил меня прикладом, размахнулся что есть силы и ударил священника по лицу. Батюшка не выдержал удара, зашатался и упал на мостовую, ударившись головой об

булыжник. Когда его подняли, все лицо его было в крови. Он не мог стоять на ногах. Солдаты караула заготовили и стали осыпать священника матерщиной.

– Да что с ним церемониться! – крикнул начальник караула, подстегивая несчастного нагайкой. – Тащи его в мертвецкую!

И бедного батюшку, сопровождая пинками и насмешками, поволокли в покойницкую крепости, то есть в ледник.

Окончив осмотр, молокосос-комиссар приказал вести нас в Трубецкой бастион.

– На-пра-во! – послышался зычный голос фельдфебеля.

Мы повернулись по-военному и двинулись навстречу верной и неизбежной смерти к массивным чугунным воротам, находившимся в глубине крепости. Ворота с шумом и лязгом расхлобыснулись перед нами и быстро проглотили, чтобы сгноить нас в подвалах и казематах Трубецкого бастиона. Многие, в том числе и я, оглянулись назад, чтобы в последний раз посмотреть туда, где живут свободные люди и куда никто из нас больше не имел надежды вернуться.

Трудно описать наше состояние. Дрожь пронизывала тело, в глазах темнело, ноги подкашивались. Мы шли на верную смерть. Нас ввели в узкий, сдавленный с обеих сторон каменными толстыми стенами, двор. Это был могильный, угрюмый двор исторического Трубецкого бастиона. Еще более массивная чугунная дверь в конце этого двора вела во внутреннее помещение этого пресловутого, преступного, страшного своим прошлым, легендарного бастиона.

Трубецкой бастион

Цельми веками трагической истории смотрели на нас эти мрачные, серые, могильные, заплесневевшие стены бастиона. Все эти ниши, углубления, закоулки и кривые изгибы коридоров, низкий, давящий потолок и тут же, в конце коридора, находящаяся покойницкая свидетельствовали о страшном, ужасном и кошмарном прошлом. Здесь отовсюду веяло смертью. Сколько невинных жертв здесь пало – нет счета! За вековое существование крепости здесь костями легли тысячи и тысячи ни в чем неповинных. Здесь погибла княжна Тараканова⁴⁰³ – претендентка на русский престол, замученная и утопленная; здесь

⁴⁰³ Княжна Тараканова (?–04.12.1775) – неизвестная, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и графа А.Г. Разумовского. Умерла в заключении в Петропавловской крепости.

нашли свою могилу многие декабристы; здесь, в крепости, сидело все Временное правительство; сюда массами были брошены генералы, инженеры и офицеры гвардейских полков.

Как это ни странно, но я был в Трубецком бастионе не впервые. Я имею о нем грустное и печальное воспоминание. В 1916 году⁴⁰⁴ меня позвал к себе начальник штаба VI армии князь Енгальчев и сказал:

– Хотя это и не относится к специальной работе офицеров Генерального штаба, но, ввиду чрезвычайной важности и ответственности, главнокомандующий возлагает на вас особо важное поручение. Вы должны, вместе со следователем по особо важным делам полковником Орловым⁴⁰⁵, произвести обыск у ротмистра пятого Александрийского гусарского полка, Бенсона⁴⁰⁶, и его арестовать. Такой же обыск вы произведете у его невесты Марии Пожога⁴⁰⁷. Они подозреваются в шпионаже в пользу Германии и Австрии.

Это поручение было для меня делом крайне неприятным и щекотливым.

Оно еще более осложнилось тем обстоятельством, что невестой Бенсона, Марией⁴⁰⁸ Пожога, оказалась та самая очаровательная и прелестная блондинка, за которой я ухаживал в бытность свою корнетом гусарского Мариупольского полка.

В назначенный день и час, ночью, я и Орлов произвели обыск у ротмистра Бенсона в его роскошном номере самой дорогой [«]Европейской[»] гостиницы. Ротмистра не было дома. Обыск особенных результатов не дал, если не считать записной книжки, с отметкой в ней по двенадцатибалльной системе высших командных лиц.

Обыск, произведенный у его невесты Марии Пожога на ее квартире на Конногвардейском бульваре, дал еще меньше результатов. К компрометирующим документам могла быть отнесена только

⁴⁰⁴ Правильно – в 1915 г.

⁴⁰⁵ По-видимому, речь идет об Орлове Владимире Григорьевиче (20.04.1882–12.01.1941) – контрразведчике.

⁴⁰⁶ В документе ошибочно – Бенсан. Бенсон Петр Владимирович (14.06.1883–?) – штабс-ротмистр, офицер 5-го гусарского Александрийского Ее Императорского Величества государыни императрицы Александры Федоровны полка. Арестован подполковником Н.Д. Всеволодовым 26.04.1915 по подозрению в шпионаже в пользу Германии и Австро-Венгрии.

⁴⁰⁷ Речь идет о Ярузельской Марии Александровне – жене штабс-ротмистра запаса армейской кавалерии М.К. Ярузельского, любовнице П.В. Бенсона.

⁴⁰⁸ В документе – Мария.

одна открытка от полковника Мясоедова⁴⁰⁹, уличенного в шпионаже в пользу Германии.

Ротмистр Бенсон был отвезен в Петропавловскую крепость и посажен в Трубецкой бастион. Мария Пожого – отвезена в женскую тюрьму на Выборгской стороне.

Дальнейшее следствие производилось мною и Орловым, для чего мы посещали арестованных в местах заключения. О результатах докладывали начальнику штаба шестой армии генералу Бонч-Бруевичу⁴¹⁰. Таких допросов Бенсона в Петропавловской крепости было два. Мария Пожого за недостатком улик была вскоре освобождена.

Оба раза, когда я входил в бастион, несмотря на то что в те дни я был очень далек от мысли, что буду сам сюда брошен в качестве обвиняемого, мною овладевала такая же жуть и такое же волнение, какие я испытывал и теперь.

Толстый слой пыли, лежащей повсюду: на портретах, стенах, мягком диване с поломанными пружинами, стоявшем в канцелярии, был показателем того, что здесь не жили. Могильная тишина и запах плесени тяжело отражались на психике и рождали желание как можно скорее выйти на свежий воздух из этой мертвящей атмосферы.

Бенсон из Трубецкого бастиона не вышел. Официально власти объявили, что он умер от туберкулеза легких. На самом же деле он был расстрелян.

Войдя в бастион, я сразу вспомнил его обстановку: вот длинный, узкий, давящий вас коридор, по одной стороне которого расположены одиночные камеры. От середины этого коридора, в виде буквы Т, отходил в сторону еще более узкий коридор, упирающийся в тупик, откуда двухстворчатая чугунная дверь вела в подвал бастиона. Там находился бетонный люк, спускавшийся прямо в Неву.

О том, что делалось в подвале, знали только те, кто туда входил и оттуда не возвращался. Веками сохранялась эта тайна.

---

⁴⁰⁹ Мясоедов Сергей Николаевич (31.03.1865–20.03.1915) – подполковник. Арестован по обвинению в шпионаже (18.02.1915). Предан военно-полевому суду. Несмотря на отсутствие убедительных доказательств, приговорен к смертной казни и повешен в Варшавской крепости.

⁴¹⁰ В документе ошибочно – Бонч-Бруевскому. Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (24.02.1870–03.08.1956) – генерал-майор. Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта (17.09.1914). Один из организаторов фальсификации дела по обвинению подполковника С.Н. Мясоедова в шпионаже.

Как раз против двери, ведущей в подвал, была так называемая смертная камера № 20. В ней сидели арестованные, приговоренные к смертной казни или кандидаты на такой приговор. Из этой камеры ночью можно было незаметно вывести смертника и, не ведя его по общему коридору, прямо отправить в подвал с бетонным люком. Для тюремных властей это было удобно.

В дни красного террора смертники бесшумно подходили к роковой двери и, войдя в нее под шум бушующих и пенящихся волн Невы, бесследно и навсегда исчезали. Трупы казненных по особым каналам доставлялись в общий подводный канал и... ужасное деяние погребалось навеки.

При распределении арестованных, я, к своему ужасу, попал в камеру, что была рядом с камерой № 20. Это был очень плохой признак, ибо за неимением места в смертной камере арестованные, приговоренные к смерти, помещались в камеры, смежные с ней.

Наша камера имела четыре метра в длину и два с половиной – в ширину. В углу находилась испорченная уборная, из унитаза которой содержимое выливалось на пол. Вверху, у самого потолка, было небольшое (четверть квадратного метра) окно с двойными железными решетками, покрытыми густой проволочной сеткой. Даже в самый яркий солнечный день нельзя было узнать ни состояния погоды, ни времени дня, до того было в камере мрачно и темно. В камеру вела тяжелая дубовая дверь с микроскопическим окошечком для передачи пищи. Камера имела низкий сводчатый потолок и такие же стены. Посередине комнаты стояли единственная железная кровать и железный столик, вделанные в бетон. В мирное время камера была рассчитана на одного человека, а в наше время здесь помещалось двадцать человек, так как бастион был до отказа набит «важными» арестованными.

Всякая возможность побега отсюда была исключена. Камера была настолько узка, что ноги спавших заключенных (по десять человек головами к каждой стене) переплетались. Спали на голом бетонном полу: ни тюфяков, ни подушек, ни одеял не было, не было и никакой соломы для подстилки. Всюду была страшная грязь, никакой уборки не делали, да и нечем было даже подмести пол. Насекомые и клопы бесцеремонно ползали повсюду.

Один из арестованных назывался «старостой»; он спал на единственной железной кровати, но тоже без тюфяка и подушки. Таким

старостой у нас был полковник инженерных войск Лебедев⁴¹¹. Он сидел в крепости уже полтора года и был похож на живой труп.

Рядом с уборной лежал один солдат, у которого от сырости и лежания на бетонном полу сделался паралич обеих ног. Уборная уже давно была неисправной, и этот несчастный человек постоянно был запачкан экскрементами.

Одним словом, если в «Чека» и предварилровке положение арестованного было ужасно, то здесь, в бастионе, оно было катастрофично и бесчеловечно.

Электричество зажигалось один раз в день, в семь часов вечера, и только на один час. Пищу давали один раз в день, в двенадцать часов ночи, и была она изо дня в день одна и та же: суп из снетков (микроскопических рыбок), умышленно не посоленный, чтобы мы не просили пить. Хлеба не давали вовсе. Пищу просовывали в маленькое окошечко, куда еле-еле могла пролезть чашка с супом. Давали четыре чашки, каждая на пять человек. Ели в полнейшей темноте.

Я был очевидцем того, как один из арестованных сошел с ума. Да и было с чего помешаться. Эта участь грозила каждому из нас.

В шесть часов утра давали горячую воду, по пять бутылок на двадцать человек. Никто не знал, для чего давали воду, так как чаю ни у кого не было, а мыться без таза, мыла и полотенца было невозможно.

Дубовая дверь камеры открывалась и закрывалась только тогда, когда вводили новую жертву или выносили покойника.

Я пробыл в Трубецком бастионе три недели. Не было ни одной ночи, когда бы над заключенными не издевались комиссар бастиона – еврей и его помощник – фельдфебель лейб-гвардии Семеновского полка. Последний ночью вызывал двух-трех человек и приказывал им готовиться к расстрелу. Арестованные нервничали, прощались с остающимися, молились перед смертью. Но ночь проходила, и смертников не трогали. Оказывается, и предупреждение, и требование были отсебятиной садиста-фельдфебеля. Ему доставляло большое удовольствие видеть нравственные мучения и страдания людей.

Но иногда, чтобы поддержать веру в действительную возможность расстрела, из камеры брали одного-двух человек и расстреливали их.

---

⁴¹¹ Возможно, Лебедев Александр Владимирович (29.03.1868–?) – полковник, военный инженер, помощник строителя и начальник хозяйственного отдела управления строителя Усть-Двинской крепости (на 1916).

Однажды к нам вошел изверг-фельдфебель и заявил, что, по приказанию Чека, один из заключенных должен быть расстрелян.

– Бросьте жребий и выберите кандидата на расстрел, – сказал он.

– Жребий бросать не нужно, – проговорил кто-то, – я желаю быть расстрелянным ...

Все с удивлением оглянулись и увидели, что это сказал поручик лейб-гвардии Преображенского полка, барон фон Таубе⁴¹². Ему было всего двадцать два года ...

Сколько мужества и решительности было у этого юноши, отчаявшегося жить и страдать и предпочетшего добровольную смерть жизни с красными палачами!

Мы стояли спокойно, понуря головы. Никто из нас не захотел умирать вместо поручика. К нашему большому счастью и удовлетворению, этот вызов оказался очередным трюком садиста-фельдфебеля, мучившего нас издевательствами.

К концу третьей недели я настолько ослабел, что едва держался на ногах. К тому же, благодаря лежанию на бетонном полу, у меня начались нестерпимые ревматические боли. Черные мысли бродили в моей голове. Положение становилось нестерпимым: уж лучше расстрел, чем такие невыносимые мучения!

Проснувшись однажды утром, мы, поразмявшись, обратили внимание на странную позу нашего товарища – чиновника одного из министерств. Он сидел спокойно, безмолвно и неподвижно на своем месте, как-то странно вытянув ноги и немного сторбившись. Лицо его было синеватого цвета. Он был мертв. Всмотревшись ближе, мы увидели, что бедняга, не выдержав ужасных условий, повесился на ремне от брюк, закрепив его на спинке кровати.

В конце сентября в бастион неожиданно приехали германский и украинский консулы. Они осмотрели камеры, но только снаружи. И все же по рavelину прошел слух, что украинцы и немцы будут освобождены.

Действительно, между Германией и Советским Союзом⁴¹³ произошел конфликт: Германия протестовала против незаконных арестов некоторых видных украинцев и немцев и в ответ арестовала коммунистов в Берлине.

---

⁴¹² Таубе Сергей Михайлович, фон (04.11.1894–08.12.1937) – барон, поручик лейб-гвардии Преображенского полка. В годы Гражданской войны – в РККА.

⁴¹³ Советской Россией.

После долгих переговоров было заключено соглашение и решено обменяться арестованными.

В это же время, к моей радости, сменили караул, и злополучный фельдфебель исчез. Большой суммой денег мне удалось подкупить одного из сторожей тюрьмы, и он обещал доставить письмо моей жене. В этом письме я просил жену пойти к украинскому консулу и достать для меня украинский паспорт. Дело удалось блестяще.

В том месте моего послужного списка, где было написано, что я происхожу из потомственных дворян Петроградской губернии, слово «Петроградской» было искусно заменено «Полтавской», то есть украинской губернией. Так легко я сделался украинцем!

Вскоре в крепость приехала сестра милосердия и привезла мне съестную посылку, в которой были: сахар, сухари, мыло.

На следующий день в камеру явился комиссар крепости и, вызвав меня, спросил:

– Вы украинец?

– Да, – ответил я.

– Вы родились в Полтавской губернии?

– Да, – ответил я, – там живут все мои родственники.

– В таком случае, одевайтесь. Вас требует на допрос Чека.

Если бы комиссар спросил меня, в какой губернии я родился, то я не знал бы, что ему ответить, так как о замене Петроградской губернии Полтавской в моем послужном списке я тогда еще не знал и, что называется, – засыпался бы. Но этого, слава Богу, не случилось, за что горячо благодарю свою судьбу.

На этот раз, – как необыкновенное исключение в жизни крепости, – я был отправлен на допрос один и лишь с одним часовым.

Но в этот же день моего вызова в Чека все остальные арестованные, сидевшие в камере № 20, все двадцать человек, были уведены по таинственному ходу коридора и были ликвидированы. В числе расстрелянных были: генерал Рейнбот⁴¹⁴, два генерала Генерального штаба и один гвардейский полковник.

На освободившиеся места в камере смертников из разных камер снова набрали двадцать человек и поместили в камеру № 20. Из них на долю той камеры, в которой сидел я, пришлось восемь человек.

---

⁴¹⁴ Рейнбот (Резвой) Анатолий Анатольевич (04.02.1868–?) – генерал-майор. По некоторым данным, погиб в 1918 г.

В третий раз в «Чека»

Прибыв в «Чека» в третий раз – на этот раз последний, – я попал в общую камеру и даже получил кровать. Мое дело было передано по ошибке следователю Смирнову, очень симпатичному и доброжелательному молодому человеку. Допрос был легким. Я понял из его слов, что моя новая Родина – Украина – сыграла в моей судьбе большую роль.

Между тем и жена моя не бездействовала, а прилагала все усилия, чтобы меня спасти. Пользуясь тем, что мои автомобили обслуживали городскую управу, она обратилась за содействием к городскому голове, видному коммунисту Калинину, уже тогда имевшему большой вес и популярность. Последний сделал запрос председателю Чека Бокию⁴¹⁵, и мое дело было ускорено. Однако только благодаря внезапному отъезду Шатова на какой-то съезд в Москву мое дело приняло благоприятный оборот.

Так как центр тяжести обвинения был основан на ограблении Петергофской почты, то следователь Смирнов предложил жене достать документ, доказывающий мое алиби. Благодаря энергии жены, такой пропуск, удостоверяющий, что я в день ограбления почты находился далеко от места преступления, был найден. Смирнов был удовлетворен.

Что же касается предъявленного мне обвинения в контрреволюционной деятельности и поддержке конспиративной связи при помощи моих автомобилей, то это было известно только Шатову, который в это время был в Москве.

26 октября⁴¹⁶ 1918 года был подписан мандат о моем освобождении; подписали его председатель Чека Бокий⁴¹⁷ и все члены президиума, за исключением отсутствующего Шатова. Однако освобождение было условным: все отобранные у меня документы, в том числе и удостоверение личности, я должен был оставить в Чека и прийти за ними на следующий день по приезде Шатова из Москвы. В Чека рассчитывали, что без удостоверения личности я никуда сбежать не могу.

Но они ошиблись.

Еще за три недели до освобождения я воспользовался декретом о мобилизации офицеров Генерального штаба, объявленным боль-

⁴¹⁵ В документе – Бокии. Бокий Глеб Иванович (21.06.1879–15.11.1937) – революционер, председатель ЧК Союза коммун Северной области и Петроградской ЧК.

⁴¹⁶ Ошибка мемуариста. По-видимому, сентября.

⁴¹⁷ В документе – Бакин.

шевиками в августе месяце⁴¹⁸, и, при помощи жены, сообщил мой адрес в Москву. Через десять дней я получил из Москвы телеграмму за подписью начальника Генерального штаба, в которой было указано, что, по приказанию председателя Революционного совета Троцкого, я назначен начальником штаба Приволжского военного фронта, который (штаб) находился в городе Нижнем Новгороде. Вышеуказанная телеграмма с упоминанием имени Троцкого послужила мне прекрасным пропуском и документом, принимаемым всеми без всяких возражений

Бегство из Петрограда

28 октября⁴¹⁹, в шесть часов вечера я был освобожден. Выйдя из тюрьмы на свободу, я опьянел от света и воздуха, и хотя был очень слабым и едва стоял на ногах от хронического недоедания, но радость свободы и чувства, обуревавшие меня, – трудно описать.

Просидев три с половиной месяца⁴²⁰ в разных тюрьмах без всякой вины и общаясь с арестованными, я многому научился. Я был очевидцем многих случаев, когда арестованных утром, для проформы, освобождали, а в тот же день ночью снова арестовывали. Такова была тактика большевиков, особенно часто применяемая к украинцам, ибо это позволяло сообщить консулу об освобождении такого-то числа, в таком-то часу покровительствуемого им заключенного, а ночью забрать его снова и уже отправить подальше, так сказать, «куда Макар телят гоняет».

Поэтому моей первой и ударной задачей было немедленно исчезнуть, скрыться из Петрограда.

После того как Шатов выгнал мою жену из нашей квартиры на Гороховой, 10, она переехала на Фонтанку, 16. Эту квартиру предложил мне миллионер Китроссер, сидевший со мной в тюрьме предварительного заключения, – он купил этот дом у графа Олсуфьева⁴²¹, бежавшего за границу. Следивший за домом камердинер остался еще от прежнего хозяина – графа. Я его очень боялся, так как дворники

⁴¹⁸ 31 августа 1918 г. приказом Наркомвоена № 791 была введена обязательная регистрация всех «лиц Генерального штаба».

⁴¹⁹ Правильно – сентября.

⁴²⁰ Если считать с конца июля 1918 г., то два месяца.

⁴²¹ Олсуфьев Дмитрий Адамович (02.10.1862–10.11.1937) – граф, общественный и государственный деятель.

и вообще прислуга, из страха быть расстрелянными, почти вся, без исключения, состояла на тайной службе у большевиков и играла роль шпионов: она должна была все точно и подробно доносить о своих господах.

Поэтому, приехав домой, я сказал камердинеру, что после ванны лягу спать и прошу меня не беспокоить до десяти часов утра. На самом же деле, когда все успокоилось в доме, я в десять часов вечера, взяв с собою два небольших чемодана с бельем и необходимым платьем, крадучись, вместе с женой и детьми четырех и десяти лет⁴²², вышел на улицу. Никто нас не видел. Взяв извозчика, мы отправились на Николаевский вокзал.

Вокзал был переполнен «товарищами». Такая масса была солдат и штатских, что яблоку упасть было негде. Я предъявил комиссару телеграмму с приказом Троцкого и, назвавшись начальником штаба Восточного фронта, потребовал, чтобы в ближайшем поезде дали место мне и моей семье. Комиссар ответил, что мне он место даст, но семье – не может, так как имеет строгий приказ никому из частных лиц проездных билетов не давать.

– Товарищ комиссар, – сказал я, – вы играете своей головой: перед вами приказ Троцкого, а он шутить не любит. Вы прекрасно знаете, что неисполнение приказа в военное время карается расстрелом.

Мои слова возымели действие. Комиссар без всякой оговорки приказал отвести мне купе в поезде экспресс, идущем в Москву.

Но ехать по главному пути, да еще в поезде экспресс было не только опасно, но и безрассудно: Шатов легко мог меня найти и снова арестовать. Поэтому, получив разрешение и пропуск от комиссара, я сел не в экспресс, идущий на Москву, а в товарный поезд, так называемый «Максимка». В вагоне было холодно. Скамеек никаких не было, – располагались прямо на полу. Пассажиры были самые разнообразные, большинство – солдаты, рабочие и простой люд. Интеллигентной публики не было.

Вздремнув немного и проснувшись, я услышал такой разговор «товарищей», предполагавших, что все мы спим:

– А что, ребята, – рассуждал один из солдат, более разбитной, – ведь с нами едет буржуй. Женка его, хоть и одета крестьянкой, но руки у нее очень белые, а пальцы тонкие. Ребятишки тоже не похожи на наших крестьянских детей... Не заявить ли нам комиссару?!

---

⁴²² Ранее Всеволодов писал, что старшему сыну 12 лет.

Этот разговор заставил меня высадиться из поезда на первой же станции. Увидев небольшую деревушку, я решил переждать в ней несколько дней. После продолжительной голодовки в тюрьмах я был сильно истощен и нуждался в подкреплении, а в деревнях было всего много: хлеба, масла, яиц и молока.

В деревне я назвался красным. Однако на второй день после нашего приезда ко мне пришел один добрый мужик и сказал, что здешняя коммунистическая ячейка усомнилась в том, что я – красный, и запросила Петроград.

Это было в десять часов вечера. Я немедленно разбудил спавших детей и, не теряя времени, мы отправились пешком на станцию, до которой нужно было идти три версты. Из предосторожности мы с проводником пошли по побочной дороге, по болоту, лесом. Ночь была темная, но у нас был электрический фонарик.

С целью замести следы мы поехали сначала в направлении на Оршу, но, проехав две станции, слезли с поезда и сели в другой, идущий на Петроград.

Мне было важно точно узнать, будет ли меня искать Шатов, а также я надеялся достать денег, которых у меня при себе было недостаточно. Откровенно говоря, я был в таком положении, что точно не знал, что мне делать и какие поступки окажутся благоразумными, я метался из стороны в сторону. Выброшенный злой судьбой из привычной жизненной колеи, я оказался одиноким, был жалок и беспомощен. Куда бы я ни ткнулся, всюду встречал опасность и препятствия. Вся наша семья чувствовала себя, как затравленные звери.

Вернувшись в Петроград утром, в девять часов, я первым делом позвонил на мою квартиру на Фонтанке, 16. Если там было все благополучно, я решил туда вернуться: в Петрограде у меня было еще много вещей, которые я мог бы продать, а частью взять с собой.

В квартире оставалась деревенская девушка лет семнадцати, которая нянчила нашего четырехлетнего сына Бориса. На мой телефонный запрос девушка ответила, что там все тихо и спокойно:

– Только в тот вечер, когда вы уехали, в час ночи приезжали солдаты с ружьями и какой-то господин в штатском спрашивал вас. Прождав ночь, они утром уехали...

Мне стало ясно, что Шатов не успокоился и продолжал преследование; он шел по горячим следам. Тогда я решил прямо с вокзала ехать к знакомому купцу в Апраксинском рынке, у которого в свое время

я оставил некоторые ценные вещи. Теперь я хотел взять что возможно с собой и окончательно исчезнуть из Петрограда.

Поднявшись на второй этаж, я позвонил. Дверь открыл сам купец-хозяин. Я сразу заметил, что он очень растерялся, по-видимому, старался что-то сообразить. По всей вероятности, я оказался для него незванным и нежелательным гостем. Он провел меня в гостиную и предложил сесть.

– Извините меня, – сказал он, – я отлучусь на пять минут, я должен кончить разговор с одним посетителем.

Я был запуган и затравлен и потому стал подозрительным. Поведение купца показалось мне странным. Чуть приоткрыв дверь, в которую вышел купец, я увидел, что он говорит по телефону, и, насторожившись, услышал:

– Тот, кого вы хотели видеть, находится здесь. Приезжайте скорее...

Я понял, что попал в западню. Каким подлецом оказался этот, хорошо мне знакомый, купец!

Не дожидаясь конца разговора, я опрометью бросился бежать вниз по лестнице, перебежал на другую сторону улицы и спрятался в подъезде одного из домов. Прошло всего восемь-десять минут, как приехал Шатов, после отъезда которого я еще около часу провел в подъезде, боясь выйти на улицу. Тут только я вспомнил, что один из заключенных дал мне письмо и слезно просил передать его матери. Она жила как раз недалеко от Апраксина рынка. Я пошел туда отдать письмо и просить разрешения дождаться темноты, а затем отправиться на вокзал, где ждала меня семья. Но не успел я передать письмо, как она замахала руками:

– Уходите отсюда как можно скорее. Вас ищет Чека. Вчера сам Шатов приезжал сюда, и я слышала, как он сказал дворнику, что вы должны принести сюда письмо, и приказал ему вас задержать и немедленно сообщить в Чека.

К моему великому счастью, дворника не было дома. Быстро и незаметно я выскочил на улицу. Это было удивительно, на какую недосягаемую высоту была поставлена большевистская контрразведка и слежка! Ведь с матерью человека, который передал письмо, я даже не был знаком, значит, остается предположить, что в камере находился не вызывавший подозрений провокатор, которому сын и рассказал об отправленном со мною письме.

Очутившись снова на улице, я впал в отчаяние: я был беспомощен и жалок, все меня боялись, как чумы, все меня сторонились и со страхом

отворачивались от меня; куда бы я ни пошел, всюду меня ожидал [и] арест и угроза расстрела. Судьба играла мною жестоко и немилосердно. Она меня мучила и изматывала. Как паук плетет паутину и ждет добычи, так Шатов повсюду расставил свои сети и ждал, что я – очередная его жертва – попаду в них.

Стало смеркаться. Ночь надвигалась. Я, измученный преследованием и обескураженный, отправился на вокзал, где меня ждала жена с детьми. Встретившись, мы окончательно решили покинуть Петроград и отправились на этот раз на Варшавский вокзал. Сунув хорошую взятку швейцару, мы проскочили на перрон, а затем и дальше – на товарный поезд, идущий на Варшаву.

Вскоре поезд тронулся. Замелькали стрелки, фонари, семафоры, фабричные трубы, золоченые купола церквей, адмиралтейский шпирь, а с ними стал исчезать милый и родной Петроград. Локомотив, тяжело громыхая колесами и выбрасывая снопы искр, медленно, но верно стал уносить нас в неизвестную, полную приключений даль.

Покидая дорогой Петроград, я находил некоторое удовлетворение и утеху в том обстоятельстве, что ехал на юг, на Дон, куда моя душа уже давно рвалась, где, как мы слышали, уже шла отчаянная, на жизнь и смерть борьба против красных.

В моих планах было ехать на Дон кружным путем, как более надежным и безопасным. Поэтому мы поехали сначала на Оршу, откуда должны были свернуть на Дон. Еще в бытность мою в Чека я познакомился с одним евреем, коммерсантом, посоветовавшим мне бежать через Оршу. Он дал мне подробный план перехода границы и адреса лиц, устраивающих такой переход за сравнительно небольшие деньги. Гарантировалась полная безопасность перехода. Советские посты передавали переводимых нелегально через границу украинским постам с рук на руки.

Не успел я задремать, как меня разбудил шум и говор солдат. Мы стояли в Гатчине. Заградительный отряд Чека производил проверку документов. Мое сердце забилося. Товарный вагон, в котором мы находились, был занят исключительно «товарищами» и притом – довольно доброжелательными. Открыв дверь вагона, контролер спросил, есть ли в вагоне штатские. Солдаты хором ответили, что – нет. На этот раз я был в солдатской шинели и военной фуражке. Жена и дети спали, – контроль их не заметил. Так миновала нас смертельная опасность быть арестованными.

Наш поезд тронулся. Подъезжая к Пскову, я узнал от одного еврея, что в Орше идут массовые аресты и расстрелы офицеров. Их снимают прямо с поезда и всех, кто имеет украинские паспорта, ставят к стенке и расстреливают. Таким образом, ехать в Оршу было безрассудно.

Я решил получить назначение на фронт и бежать через линию огня. Мы свернули на Москву и прибыли туда ночью.

Здесь я снова натолкнулся на препятствие: с такими документами, какие были у меня, в гостиницу не принимали. Пришлось всю ночь мыкаться, переезжая на извозчике с одного места на другое. Утром, в семь часов, я приехал к своему другу – начальнику Генерального штаба⁴²³.

Его первым вопросом было: – Дворник видел тебя?

Я ответил, что – нет, никто меня не видел.

– Слава Богу, тогда все хорошо! – сказал он.

Куда же было идти дальше, если начальник Генерального штаба боялся дворника?!

Через два дня я, при помощи моего друга, получил назначение на Приволжский фронт. Я был назначен начальником штаба Приволжского военного округа. Назначение на Волгу мне нравилось.

Объезжая войска, расположенные по Волге – от Нижнего Новгорода до Астрахани, – было очень легко затеряться в Закаспийских степях, сюда прилежащих, и морем пробраться в Персию. К востоку от реки Волги также можно было скрыться в лесах, ибо здесь широким фронтом наступал Колчак⁴²⁴. Наступление совершалось по известным операционным направлениям, в промежутках между которыми существовали большие лесные пространства.

Можно было также скрыться в степях и лесах Западной Сибири, где я рос и учился в кадетском корпусе в городе Омске и которую я знал очень хорошо.

---

⁴²³ Речь идет о бывшем генерале Н.М. Потапове. Потапов Николай Михайлович (02.03.1871–25.02.1946) – бывший генерал-майор. Помощник управляющего Военным министерством с исполнением обязанностей начальника Генерального штаба (23.09.1917–08.05.1918). В описываемый период Потапов уже не являлся начальником Генерального штаба. Управляющий делами Наркомата по военным делам Н.М. Потапов действительно заступался за Всеволодова в период ареста последнего и ходатайствовал по телеграфу перед председателем Петроградской ЧК Г.И. Бокеем 11 сентября 1918 г. о скорейшем рассмотрении дела Всеволодова (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 25).

⁴²⁴ Ошибка памяти. Речь идет о событиях октября 1918 г., т.е. до прихода А.В. Колчака к власти на Востоке России.

Прибыв в Нижний Новгород, я узнал, что мое место было только что занято Генерального штаба полковником Полковниковым⁴²⁵. Такая дезорганизация была в Красной армии делом обычным: правая рука не знала, что делала левая. Начальник округа, генерал Зайончковский⁴²⁶, потребовал, однако, чтобы я все-таки остался в его распоряжении.

Штаб округа помещался на большом пароходе. Достаточно было одного взгляда, чтобы увидеть, что генерал Зайончковский ревностно служил и прислуживал большевикам не за страх, а за совесть. При таких условиях, при моем решении бежать на Дон, сотрудничество было невозможно и неприемлемо. Поэтому, несмотря на категорический приказ генерала остаться, я, с наступлением ночи, взял свои вещи и, незаметно выбравшись на сушу, отправился на вокзал. Я решил во что бы то ни стало пробираться на Дон⁴²⁷.

Придя на вокзал, я увидел перед собой поезд главнокомандующего Восточным фронтом Вацетиса⁴²⁸. Узнав о моем положении, Вацетис приказал мне ехать в его Ставку в город Арзамас. В поезде купе было предоставлено мне и моей семье.

---

⁴²⁵ Полковников Иван Николаевич (18.08.1885–?) – бывший капитан. Начальник штаба Приволжского военного округа.

⁴²⁶ Зайончковский Андрей Медардович (08.12.1862–21.03.1926) – бывший генерал от инфантерии, военный специалист РККА. Мемуарист ошибается. А.М. Зайончковский не занимал такой пост. Военруком Приволжского округа являлся бывший генерал-майор З.И. Зайченко. Зайченко Захарий Иванович (05.09.1871 – не ранее 1930) – бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Возможно, путаница вызвана некоторым сходством фамилий.

⁴²⁷ 15.09.1918 Н.Д. Всеволодов телеграфно ходатайствовал о назначении на должность Генерального штаба в Москве или на фронте. На 08.10.1918 он прибыл в Москву в распоряжение начальника оперативного отделения Наркомата по военным делам и на следующий день был по распоряжению главкома И.И. Вацетиса как инвалид и доброволец (РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43) командирован в Нижний Новгород для назначения начальником штаба Приволжского военного округа. В дорогу ему было предписано выдать продовольствия, чаю, сахару, хлеба и консервов за наличный расчет по установленной норме (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 483). Всеволодов выехал 12.10.1918. По прибытии выяснилось, что должность занята И.Н. Полковниковым, в связи с чем Всеволодов уехал в Арзамас к главнокомандующему И.И. Вацетису, от которого 15.10.1918 получил предписание ехать в штаб Южного фронта в Козлов, в распоряжение командующего (РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 277).

⁴²⁸ К тому времени И.И. Вацетис уже был главнокомандующим всеми вооруженными силами Советской России.

На следующий день я прибыл в Арзамас. Вацетис очень боялся покушения на его жизнь и был чрезвычайно осторожен. Он не принял меня и приказания отдавал не лично, а через адъютанта. В одной комнате находился Вацетис, в другой – его адъютант, а в третьей – я. Адъютант был посредником; он поочередно подходил то к Вацетису, то ко мне. Так мы вели переговоры.

Вацетис, подробно расспросив меня о моей службе, предложил мне остаться на Восточном фронте. Но я категорически отказался, прося назначить меня на Южный фронт. После долгих переговоров и разных казуистических вопросов Вацетис наконец согласился и дал мне предписание отправиться на Южный фронт в распоряжение генерала Сытина⁴²⁹, командовавшего Южным фронтом.

Не задерживаясь, я отправился на Южный фронт, куда и прибыл 4 ноября 1918 года.

В штабе Южного фронта

В первых числах ноября 1918 года я прибыл в город Козлов, где стоял штаб Южного фронта. Помощником главнокомандующего Южным фронтом, генерала Сытина, был генерал Носович⁴³⁰. Члены Революционного военного совета фронта: Колегаев⁴³¹, Шляпников⁴³² и Баландин. Управляющим делами Совета был Плятт⁴³³. Все без исключения были евреями⁴³⁴.

В этот начальный период Гражданской войны каждый порядочный офицер – за редким исключением – помышлял о бегстве к белым. Лишь несколько позже, когда к нам дошли слухи о репрессиях белого

---

⁴²⁹ Сытин Павел Павлович (18.07.1870–22.08.1938) – бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Командующий советским Южным фронтом (11.09–13.11.1918).

⁴³⁰ Носович Анатолий Леонидович (09.10.1878–25.01.1968) – бывший генерал-майор, военный специалист РККА, помощник командующего советским Южным фронтом, белый агент в Красной армии.

⁴³¹ Мемуарист неточен. А. Л. Колегаев входил в РВС Южного фронта позднее, в 1919 г. Колегаев Андрей Лукич (22.03.1887–23.03.1937) – революционер, член ЦК партии левых эсеров, позднее – член РКП(б).

⁴³² Шляпников Александр Гаврилович (30.08.1885–02.09.1937) – революционер, член РВС Южного фронта (20.10–08.12.1918).

⁴³³ Плятт Владислав Иосифович (1885–21.08.1937) – управляющий делами РВС Южного фронта (11.1918–10.1919). Член РКП(б), ранее состоял в партии левых эсеров. По косвенным данным, дядя известного советского актера Р.Я. Плятта.

⁴³⁴ Это неверно.

командования, число желающих бежать значительно сократилось. Многие офицеры, испуганные суровой расправой и даже самосудом, допускавшимися белыми, отсрочили надолго свой побег, а многие – и вовсе отказались от него.

Действительно, офицеров, перебежавших к белым, немедленно арестовывали и сажали в концентрационный лагерь. Их там мучили бесконечными допросами, не лучше, чем у красных, и часто расстреливали. По некоторым слухам, был расстрелян даже сын генерала Брусилова⁴³⁵, недолго командовавший одним красным полком. Разительным примером был также Генерального штаба полковник⁴³⁶ Ролько. Он командовал у меня, в IX армии, четырнадцатой дивизией. В 1919 году, при общем отступлении IX армии, он перебежал к белым; он рассчитывал свой оперативный боевой опыт, приобретенный у большевиков, поставить на службу белым и всецело подчиниться белому командованию. Но он ошибся: измученный четырехмесячным следствием и бесконечными допросами, он, наконец, был предан военно-полевому суду и лишь мои показания и заступничество спасли ему жизнь. Оправданный, но выброшенный за борт без права участия в Белом движении, Ролько поступил простым матросом на торговое судно в Константинополе и в 1920 году, разочарованный, надорванный и изверившийся в судьбе, он решился на отчаянный шаг – вернуться к красным.

Так белое командование бичевало и отталкивало от себя тех, кто шел к нему навстречу с открытой душой и чистым сердцем, горя желанием бороться против красных. И таких офицеров, схваченных и посаженных в концентрационные лагеря, насчитывалось около тридцати тысяч!

Одно время я сам колебался – бежать или нет. Прибыв в штаб Южного фронта с определенным намерением не служить, а бежать к белым, я не решился посвятить в свои планы моего товарища по Николаевскому кавалерийскому училищу генерала Носовича, бывшего в распоряжении главкома Сытина. Оригинально, что генерал Носович сам в это время задумал бежать к белым, но не решался открыть свою тайну мне.

Я просил генерала Носовича назначить меня на Кавказский фронт, откуда, я полагал, легче было устроить побег к белым.

---

⁴³⁵ Брусилов Алексей Алексеевич (19.08.1853–17.03.1926) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Сын Брусилова Алексей (1887–1920) служил в РККА, попал в плен к белым. По одним данным, расстрелян, по другим – служил у белых, позднее скончался или погиб.

⁴³⁶ На самом деле – штабс-капитан.

В тот период Гражданской войны Кавказский фронт был развит очень слабо. XI армия насчитывала семьдесят пять тысяч штыков и сабель и была растянута более чем на 240 километров, а XII армия была еще в зародыше, только что начав формироваться. Чтобы попасть в XII армию, нужно было проехать на автомобиле по астраханским степям, откуда можно было взять любое направление и скрыться в горах Северного Кавказа. Меня непонятная сила тянула на Кавказ, где были свободные просторы, широкая возможность всяких случайностей и совершенное отсутствие контроля со стороны большевиков.

Генерал Носович обещал мне ходатайствовать обо мне, но предупредил меня, что Революционному совету нужно говорить правду.

– Не забудь, – сказал он, – что в Совете сидят люди, имеющие за собой богатое криминальное прошлое, до каторжников включительно. За малейшую оплошность и ложь они, не задумываясь, пустят в расход кого угодно. Я сам сидел у Ворошилова⁴³⁷ – командующего X армией – в тюрьме на барже целых две недели и едва унес оттуда ноги⁴³⁸.

С этими словами он открыл дверь в большой зал, где важно восседал за большим столом, покрытым красным сукном, весь синклит Южного фронта, во главе с командующим, генералом Сытиным.

Мне предложили сесть. Начался перекрестный допрос, продолжавшийся сорок минут. Особенно подробно расспрашивали о моей службе в Главном управлении Генерального штаба VI армии⁴³⁹, защищавшей Петроград. Был тяжелый момент, когда я чуть не попался при расспросах о Кавказе:

– Почему вы так рветесь на Кавказ? – спросил Ходоровский.

Я неосторожно ответил, что хорошо знаю этот край, хотя в действительности там никогда не был.

Самые казуистические вопросы задавал Шляпников:

– А вы знаете, что для того, чтобы попасть в XII армию, нужно проехать несколько сот километров по территории, занятой белыми? – спросил он. – Вы не боитесь попасть к ним в плен?

---

⁴³⁷ Ворошилов Климент Ефремович (23.01.1881–02.12.1969) – революционер, командующий 10-й армией (03.10–18.12.1918).

⁴³⁸ Эти сведения неверны. А.Л. Носович был арестован по подозрению в контрреволюционных действиях (10–13.08.1918) в Царицыне и содержался в номере гостиницы, после чего был увезен представителями Высшей военной инспекции в Камышин.

⁴³⁹ Такого органа не существовало.

Вопрос был очень щекотливый. Я понял, что настаивать на командировке в XII армию – значит приоткрыть свои карты и сразу же вызвать недоверие Совета. Поэтому я ответил, что не учел конъюнктуры и отказываюсь ехать на Кавказ, предпочитая оставаться в IX армии.

Совету мой ответ, очевидно, понравился. Они предложили мне подождать две-три недели.

– В данный момент организуется караван для отправки в Астрахань. Он будет состоять из восьмидесяти автомобилей и сильной охраны, – сказал Шляпников. – А пока вы отправляйтесь в штаб IX армии в городе Балашов.

Я согласился и, забыв петроградскую травлю, со спокойным сердцем отправился в город Балашов.

В штабе IX советской армии

7 ноября я прибыл в штаб IX советской армии под командованием Егорова⁴⁴⁰.

В мировую войну Егоров был в чине полковника на Юго-Западном фронте. Ему было 49 лет⁴⁴¹. Во время общего развала фронта он приспособился и стал временно командующим пехотной дивизией. После большевицкого переворота – тотчас же объявился у большевиков. Немного выше среднего роста, плотного, коренастого сложения, он имел очень добродушное и симпатичное лицо. Внешний его вид не соответствовал стремлению повелевать и приказывать. Он был всегда в хорошем настроении, весел, вежливо и даже с некоторой лаской обращался с подчиненными. Небольшую бородку он носил в виде бакенбардов – на две стороны. Он был похож скорее на добродушного хохла, чем на командарма. Одевался он довольно неряшливо: брюки-галифе и засаленный френч сидели на нем мешковато. На улице и в помещении он неизменно носил солдатскую шинель и старательно почесывался: насекомые, очевидно, не давали ему покоя.

Оперативные решения Егоров выносил с молниеносной быстротой, однако часто невпопад. Немножко боевого опыта – нахватался в мировую войну, – немного стратегии и тактики, побольше нахальства и смелости – и план Егорова был готов. Удивительно, с какой беззастенчивой смелостью и самоуверенностью он брался за любое

⁴⁴⁰ Егоров Александр Ильич (13.10.1883–23.02.1939) – советский военачальник, командующий 9-й армией (28.09–24.11.1918).

⁴⁴¹ На самом деле осенью 1917 г. А.И. Егорову исполнилось 34 года.

оперативное решение. Никаких возражений он не переносил. Все должно было быть сделано так, как он хотел. Принятое решение он всегда с удивительной энергией доводил до конца. Он имел твердый и решительный характер, был чужд всякого подмазывания и лести; действовал всегда открыто и напрямик.

Егоров не только не был поклонником Сталина, но – больше – был его врагом. Прямота и откровенность сделали его жертвой кровавого террора в 1937–1938 годах. Он был схвачен и отвезен на Лубянку вместе со своими тремя заместителями по Генеральному штабу⁴⁴² – Петиным⁴⁴³, Межениновым⁴⁴⁴ и Седакиным⁴⁴⁵.

Начальник штаба IX армии Княгницкий

В Первую мировую войну он был прапорщиком запаса инженерных войск на одном из бронепоездов.

Несколько выше среднего роста, крепкого телосложения, с большой окладистой черной бородой, добрыми глазами, он был красив и походил на боярина петровских времен. Ему было тридцать шесть лет.

Храбрый, даже отчаянный, Княгницкий очень увлекался, входил в азарт и, вместо того чтобы управлять армией с командного пункта, выносился вперед, на линию огня, сводя этим самым руководство операцией к роли взводного командира.

Княгницкий отличался большим умом и подвижностью. Не имея подготовки офицера Генерального штаба, он все операции схватывал своей природной сметкой легко и быстро. В оперативных приказах он разбирался незамедлительно и толково. Крупным его недостатком были – большая впечатлительность и подверженность панике, что очень ему вредило.

Княгницкий был коммунистом, но в его отношении к большевизму было много странного, и, будучи членом Революционного совета, он даже к контрреволюции относился терпимо, а к контрреволюционерам – гу-

⁴⁴² Эти данные неверны.

⁴⁴³ Петин Николай Николаевич (02.05.1876–07.10.1937) – бывший полковник, комкор, начальник инженерного управления РККА. Арестован 04.06.1937.

⁴⁴⁴ Меженинов Сергей Александрович (07.01.1890–28.09.1937) – бывший капитан, комкор, заместитель начальника Генерального штаба РККА. Арестован 20.06.1937.

⁴⁴⁵ В документе – Седюкин. Седакин Александр Игнатьевич (14.11.1893–29.07.1938) – бывший штабс-капитан, командарм 2-го ранга, заместитель начальника Генерального штаба РККА (1934–1936), командующий войсками Бакинского района ПВО (с 07.1937). Арестован 02.12.1937.

манно и сердечно. Так, во время ареста на Дону атаманов и заложников в районе IX армии он проявил к ним много сочувствия и справедливости. Многих он защищал и спасал от кровожадной тройки – членов Революционного совета IX армии: Барышникова, Сокольников и комиссара штаба армии, бессердечного Петрова. Ужиться с этой тройкой было очень трудно, но Княгницкий сумел внушить им доверие к себе в политическом отношении и уважение и веру в свои военные способности.

Члены Революционного совета IX армии

Члены Революционного военного совета были грозой для армии.

Барышников – бывший каторжник, отбывавший наказание в Сибири за убийство, – имел длительный тюремный стаж. Небольшого роста, смертельно бледный, худой, тщедушный и изможденный, он постоянно искал кого-нибудь, к кому бы можно было придаться. Ему было лет тридцать пять. С налитыми кровью, всегда красными, блуждающими глазами, усыпанным веснушками лицом, рыжими, короткими, остриженными ежиком волосами, он внушал к себе полное отвращение. Это был дегенерат в полном смысле этого слова. В одной только IX армии он повинен в расстреле сотен людей, большей частью – офицеров.

Зимой Барышников ходил в романовском полушубке, сидящем на нем, как хомут на корове; летом – был одет в традиционную кожаную тужурку, которая придавала его фигуре что-то еще более зверское.

В оперативных вопросах Барышников не понимал, что называется, ни бельмеса. На всех военных докладах он сидел, потупя глаза, с глупой, бессмысленной физиономией, безмолвно, часто ковыряя в носу. Но зато, когда вопрос касался персонального обвинения кого-либо в политическом преступлении, он вскакивал с места как ошалелый и, не давая себе труда разобраться в деталях дела, требовал расстрела. «Саботаж» – было самым любимым его словом, и он употреблял его постоянно, часто «ни к селу, ни к городу». В вопросах политики отвлеченной он не разбирался так же, как и в вопросах оперативных.

Сокольников (настоящая фамилия – Брильянт) был евреем. По части кровожадности – не уступал Барышникову, но был образован и интеллигентен. Было ему сорок лет. По профессии он был адвокатом. Среднего роста, худощавый, с бледным, задумчивым лицом, всегда спокойный и уравновешенный, он производил хорошее впечатление.

Он носил маленькую бородку эспаньолкой, черные волосы были аккуратно зачесаны назад; взгляд – острый, пронизывающий. Носил кожаную тужурку и брюки галифе, одет был всегда чисто и щеголевато. При первом взгляде вы находили, что он похож на Троцкого.

Сокольников обладал удивительной, непреклонной силой воли и непоколебимостью. Бывали очень рискованные и тяжелые моменты на фронте, но они его нисколько не смущали. Он был всегда спокоен и самоуверен. Свое внутреннее, душевное состояние не выдавал ни единым словом, ни жестом. В военной обстановке он разбирался очень хорошо, можно сказать – как офицер Генерального штаба. Я поражаюсь богатству его познаний в военном деле, как в области стратегии, так и в области тактики. Особенными чертами его характера были: непоколебимость, настойчивость и решимость задуманное дело во что бы то ни стало довести до конца. В этом отношении Сокольников не знал себе равных. Если Барышников в военных вопросах можно было как угодно провести, то с Сокольниковым это было невозможно.

Деятельность Сокольникова, как члена Революционного совета, в IX армии, а впоследствии – [в] штабе Южного фронта много способствовала успеху Красной армии на Донском фронте Гражданской войны.

Дашкевич-Горбачкий⁴⁴⁶ был членом Революционного совета IX армии просто по недоразумению. Среднего роста, крепкого сложения, жгучий красивый брюнет, с маленькой овальной бородкой, он выглядел как настоящий русский холеный барин-помещик. Ему было тридцать шесть лет. Он был умен, расчетлив, имел спокойный, флегматичный и добродушный характер. Можно с уверенностью сказать, что он не погубил ни одного человека, наоборот, всегда ходатайствовал за обвиняемого и если это не помогало – держал строгий нейтралитет. Он очень любил музыку и пение, любил хорошо поесть, выпить и поспать; одет был всегда чисто и опрятно, в противоположность другим членам совета – не в кожаную тужурку, а в настоящую русскую поддевку, опушенную серым каракулем, и такую же русскую каракулеву папаху; выглядел щеголем. Всегда веселый, приветливый, чуждый всяких интриг, злобы и подозрений, он был полным контрастом остальных членов Революционного совета. В военных операциях он разбирался неплохо, но никогда не вмешивался в обсуждение оперативных планов,

---

⁴⁴⁶ Мемуарист неточен. Членом РВС 9-й армии (10.10.1918–07.05.1919) был П.В. Дашкевич.

предоставляя это специалистам. Это был человек интеллигентный, выдержанный, тактичный, всегда спокойный. Он был скорее беспартийным и никому зла или чего-либо плохого не желал. Удивительно, почему он попал в члены Революционного совета?! Вся его внешность и деятельность, основанная не на ненависти, презрении и недоверии к окружающим, а, наоборот, на доброжелательности, доверии и уважении, совершенно не соответствовала коварной и суровой деятельности членов совета. Дашкевич-Горбацкий был редким исключением среди своих сослуживцев.

Комиссар штаба IX армии

При начальнике штаба армии, как безотлучный его спутник, находился комиссар. В экстренных случаях на общие совещания приглашались и начальник штаба, и комиссар, который представлял собою глаза и уши начштарма⁴⁴⁷. Однако нужно заметить, что надзор носил строго наблюдательный, а не исполнительный характер. Командарм, по своим правам, был уравнен с членами Революционного совета.

Приказы по армии подписывались: политические – командармом и двумя членами Революционного совета, а боевые – командармом, начальником штаба и одним из членов Революционного совета.

За военспецами был установлен строгий двойной, а иногда и тройной надзор.

Все приказы без санкции членов Революционного совета или комиссара штаба считались недействительными и исполнению не подлежали. Кроме того, обязанностью комиссара было доносить обо всем, что делалось в штабе армии.

При мне сначала состоял комиссар Варлье – юркий украинский еврейчик. Он ходил за мною буквально по пятам, даже провожал меня до квартиры, когда я шел домой завтракать или обедать, и, так как в квартиру я его не пускал, покорно сидел на пороге, ожидая, пока я кончу есть. Он контролировал мои распоряжения по штабу, даже отбирал у моего денщика списки продуктов, которые тот должен был купить.

Я не выдержал и заявил командарму, что при таких условиях работать не могу. Тогда Варлье убрали и ко мне назначили нового комиссара, Петрова.

---

⁴⁴⁷ Начальника штаба армии.

Петров только что приехал из Сибири, где он отбывал тюремное заключение, и никому у нас не понравился своим отталкивающим видом: среднего роста, смуглый, худой, с черными блуждающими глазами и всегда взъерошенными волосами, с движениями порывистыми и резкими, он пребывал в постоянном беспокойстве. Ему было тридцать два года. С окружающими он обращался настойчиво и нахально. Если Варлье можно было не пустить в квартиру, то с Петровым сделать это не удавалось, ибо, будучи очень хитрым и находчивым, он немедленно придумывал важное дело, которое необходимо было тотчас же решить, и входил в квартиру нахально.

Петров отличался большой храбростью. Однажды он и группа матросов встретились с казачьим разъездом. Произошла ожесточенная схватка, в которой Петров был зарублен.

В штабе армии были еще два еврея, пользовавшиеся большим влиянием: Левинзон и Гренкер.

Левинзон работал в политическом отделе Чека. От его руки погибло много невинных людей, голословно обвинявшихся в контрреволюции. В период сталинских чисток в 1938 году он был расстрелян.

Левинзон, Сокольников и Барышников были главными инспираторами массовых расстрелов в IX советской армии.

В 1938 году Сокольников был сослан в Сибирь на каторжные работы⁴⁴⁸.

Самым кровожадным и жестоким из всех был еврей Гренкер. Он без всякого суда, по своей собственной инициативе пускал в расход ни в чем неповинных офицеров. Гренкер отличался особой способностью вылавливать жертвы. Все аресты он производил ночью. Однажды он потерял осторожность и попал в западню. Казаки его схватили и, раздев догола, привязали к саням, заставив, при морозе в двадцать шесть градусов, бежать за ними. Гренкер не выдержал и, пробежав около версты, умер от разрыва сердца. Голый, окоченевший труп его был брошен на дороге.

В заключение я должен упомянуть, что при штабе IX армии был еще административно-хозяйственный отдел, во главе которого стоял генерал Гарькавый⁴⁴⁹, и отдел военных сообщений. Личный состав

⁴⁴⁸ Наказания с подобной формулировкой в СССР не существовало. Г.Я. Сокольников был арестован в 1936 г. и в 1939 г. убит в тобольской тюрьме сотрудниками НКВД по личному указанию И.В. Сталина.

⁴⁴⁹ В документе здесь и далее ошибочно – Горькавый. Гарькавый Илья Иванович (19.07.1888–01.07.1937) – бывший поручик, начальник административного отдела штаба 9-й армии (10.1918–06.1919).

всех трех отделов был представлен исключительно офицерами бывшей царской армии.

При штабе IX армии была еще учебная команда, настроение которой, как офицеров, так и нижних чинов, было чисто контрреволюционным.

Как было указано выше, я был командирован в IX армию только на две недели, после чего должен был отправиться на Кавказ, но, прибыв в штаб IX армии, командарм Егоров приказал мне немедленно принять управление штабом от Княгиницкого, а последнего назначил своим помощником. Никакие протесты с моей стороны не имели действия, а мои попытки оппонировать более энергично натолкнулись на возражения Барышникова, который, подскочив ко мне, заявил:

– Забудьте о Кавказе навсегда! Если же вы будете настаивать, то ваше желание мы будем рассматривать как саботаж, караемый расстрелом...

На следующий день из штаба фронта пришел официальный приказ о моем назначении на должность начальника штаба IX армии.

IX армия состояла из четырех дивизий: четырнадцатой, пятнадцатой, шестнадцатой и двадцать третьей. На самом крайнем правом фланге, в районе Борисоглебска действовала четырнадцатая пехотная⁴⁵⁰ дивизия под командованием Ролько. В центре были расположены шестнадцатая пехотная дивизия Киквидзе и двадцать третья смешанная – Миронова. На левом фланге, у ст[анции] Поворино, находилась пятнадцатая дивизия – Гузарского⁴⁵¹.

Все дивизии были смешанные: они состояли из рабоче-крестьянских полков, матросов и красногвардейцев. Особенно много матросов было в четырнадцатой и шестнадцатой дивизиях; некоторые полки и батальоны состояли только из матросов. Части, состоявшие из матросов и красногвардейцев, считались самыми надежными и устойчивыми. Наименее устойчивой считалась пятнадцатая дивизия, под командованием Гузарского, в эту дивизию влилось много нежелательных для коммунистов элементов контрреволюционного характера; в ней часты были случаи неповиновения начальству и периодически вспыхивали контрреволюционные восстания.

⁴⁵⁰ Здесь и далее правильно – стрелковая.

⁴⁵¹ Здесь и далее в воспоминаниях ошибочно – Гусарского. Гузарский Юрий Станиславович (1885–14/15.01.1919) – бывший поручик, начальник 15-й стрелковой дивизии. Расстрелян.

Начальник 14-й пехотной дивизии

Начальник четырнадцатой пехотной дивизии, Генерального штаба полковник Ролько, был вполне на своем месте. Энергичный, деятельный, вечно в движении, он ни одной минуты не оставался в покое. Он лично вел бои, невзирая ни на время года, ни на погоду, ни на снежные бури и заносы. Часто впереди, на линии огня, он отдавал боевые приказы и руководил дивизией. Начальники и красноармейцы его любили и в него верили. Его дивизия была в непрерывных боях; она беспокоила противника и не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Стоящие перед фронтом дивизии части донских казаков, под начальством Гусельщикова⁴⁵², должны были считаться с положением, не имея ни спокойного сна, ни отдыха.

Внешний вид полковника Ролько был не особенно внушительным. Низкого роста, плотного телосложения, двадцати восьми лет от роду, он имел небольшую лысину, слегка рыжеватые волосы и постоянно красное лицо. Он походил скорее на мелкого коммерсанта, чем на начальника боевой дивизии, зато во время боя он не имел себе равных.

В характере полковника Ролько было много странного: он не был сторонником коммунизма, а скорее – врагом его, что часто проскальзывало в его разговорах, но в бою он сражался, как лев, и не за страх, а за совесть. Возможно, что – с одной стороны – это объяснялось тем, что при нем неотлучно находился комиссар дивизии, а – с другой – тем, что во время боя он входил в экстаз, забывал все и сражался яростно, как ему подсказывало сердце.

Ролько был единственным среди нас, которому я не решился довериться и предложить бежать к белым вместе со мной. Неувязка между его поведением в жизни и на фронте вызывала во мне чувство некоторого сомнения и подозрения. Я опасался провокации. И напрасно: после перехода моего на сторону белых через несколько дней к ним перешел и Ролько.

Перебежав к белым, Ролько стал метаться из стороны в сторону, ища какого-либо благоприятного выхода, но, при всем старании, не находил его. Большим недостатком его характера были нерешительность и неустойчивость, часто он сам не знал, чего он хотел.

---

⁴⁵² Гусельщиков Адриан Константинович (26.05.1871–21.02.1936) – генерал-майор (впоследствии – генерал-лейтенант), начальник Северного отряда.

После перехода к белым Ролько был немедленно арестован и, так же как и я, предан военно-полевому суду, а будучи освобожден от ареста, должен был на свободе ждать решения своей участи. Ролько это было не по душе: он не был способен сидеть у моря и ждать погоды. Вскоре он поступил на торговое судно и отправился в дальнее плавание, но метаморфоза начальника дивизии в простого матроса ему не понравилась, и он вернулся в Константинополь, где в то время я работал на собственном прокатном автомобиле-такси. Случайно встретившись с Ролько, я предложил ему открыть «турецкую чайную» на площади «Таксим». Ролько согласился. Я купил ему большой самовар, тридцать табуреток, пятьдесят стаканчиков для чая, и дело пошло блестяще. Но боевому офицеру Ролько и эта спокойная работа оказалась не по сердцу. Он стал тосковать, скорбеть душой; его тянуло на Родину, все равно – хоть и коммунистическую. Его звала к себе бурная, беспокойная жизнь, полная приключений, неожиданностей и всяких опасностей.

Ролько не выдержал и принял неразумное и роковое решение вернуться в Советскую Россию. По его просьбе, я дал ему рекомендацию и удостоверение, в котором свидетельствовал, что он перешел к белым не добровольно, а попал в плен, что белыми он был предан военно-полевому суду и бежал от них. С таким документом сомнительного характера он отправился к красным. Несмотря на все мои розыски и расспросы о постигшей его участи, я больше о нем ничего не слышал. Не знаю, что с ним случилось, но я лично думаю, что его судьба не могла быть хорошей. Большевики не настолько наивны, чтобы поверить сказке о пленении, да и референция, которую я дал Ролько, для большевиков не могла быть авторитетной, так как я был у них на особом счету, как предатель и изменник. Во всяком случае, с Южного фронта Ролько исчез бесследно⁴⁵³.

Начальник 15-й дивизии Гузарский

Гузарский был совсем еще молодым человеком, неопытным в военном деле; он был плохим воякой, хотя и храбрым, и к должности начальника дивизии никаким боком не подходил, был чужд всякой дисциплины и корректности. Самыми скверными чертами характера Гузарского были: противоречивость, упрямство и любовь к пререканиям. Он очень часто, как и Киквидзе, игнорировал оперативный приказ и поступал так, как

---

⁴⁵³ А.С. Ролько служил в РККА до своего увольнения в октябре 1924 г. Последующая его судьба пока неизвестна.

это ему нравилось, часто – вразрез с намерениями и решениями высшего командования. Всех бывших офицеров царской армии и особенно офицеров Генерального штаба он презирал и всех считал вредными и опасными контрреволюционерами и заклятыми врагами народа. С красноармейцами своей дивизии он был груб, жесток и несправедлив. В дивизии его не только никто не любил, но попросту ненавидели.

Пятнадцатая дивизия у меня в армии была самая ненадежная и контрреволюционная; в ней были массовые случаи перехода на сторону белых казаков, причем переходили к противнику в полном составе, со своими офицерами.

Еще хуже обстояло дело в шестнадцатой дивизии Киквидзе.

Киквидзе был кавказцем, совсем еще молокососом, но с претензией казаться взрослым человеком. Он имел горячую кровь, взбалмошный, резкий и невыдержанный характер. Его девиз был прост: «Сам себе я голова. Моя хата с краю, ничего не знаю». Если Гузарский исполнял приказы по армии «постольку поскольку», то Киквидзе их вовсе не исполнял, да еще сыпал матерщиной по адресу командных лиц, называя их изменниками и предателями революции. Это был не военный начальник и даже не солдат, а просто бандит и разбойник с большой дороги. При возложении боевой задачи на шестнадцатую дивизию совершенно нельзя было быть уверенным, что эта задача будет выполнена: Киквидзе действовал не согласно приказу и субординации, а по своему личному усмотрению, как ему заблагорассудится. Было непонятно, каким образом Киквидзе держался на своем посту, когда в действительности он должен был быть отрешен от должности и за неисполнение боевых приказов предан военно-полевому суду и расстрелян. Кроме того, Киквидзе был страшным интриганом и честолюбцем. Впоследствии, за свои неуместные выходки и преступное неисполнение боевых приказов, он был строго наказан и за все выходки заплатил своей головой. Об этом будет сказано ниже, при описании боевых действий на фронте дивизии.

Начальник 23-й дивизии Голиков

С назначением Миронова командующим экспедиционным корпусом двадцать третью дивизию принял казак Голиков.

Голиков был коренным донским казаком, выросшим на Дону. Ему было всего двадцать девять лет. Коммунистом Голиков сделался не сразу, да и еще большой вопрос, был ли он в душе на самом деле

коммунистом? Его мягкое, теплосердечное отношение к своим подчиненным казакам шло вразрез со зверским и грубым обращением с теми же казаками настоящих коммунистов. К бывшим офицерам царской армии и военспецам он относился с доверием и уважением. Приказания, данные ему свыше, исполнял точно и беспрекословно, имел хорошую природную, казацкую сметку, и «кубышка», как говорили его товарищи, у него была хорошая и работала хорошо. Выше среднего роста, черноволосый, с традиционным казацким кучерявым чубиком, Голиков имел залихвацкий вид. Он внушал к себе доверие и уважение подчиненных.

В военных вопросах Голиков хотя и не получил специальной подготовки, но, восполнив недостаток образования природным умом и сметкой, разбирался вполне удовлетворительно. Всю зимнюю кампанию 1918 года двадцать третья дивизия провела на должной высоте боевой подготовки, боеспособности и отличалась хорошей стойкостью и хорошим настроением казаков. За дружеское и приветливое отношение к себе казаки Голикова любили и охотно шли с ним в бой.

Единственной отрицательной чертой начальника двадцать третьей дивизии была любовь иногда выпить немного больше, чем следовало, но и в таких случаях пьяным, что называется, вдребезги он никогда не был. До самого конца войны Голиков оставался на своем посту и полностью удовлетворял возлагаемые на него надежды высшего начальства.

Заместитель начальника 14-й пехотной дивизии

Заместителем Ролько был Степин. Это был простой, малокультурный человек, неподвижный, инертный и плохо разбиравшийся в военной обстановке. Степин по плоти и крови был коммунистом, грубым, упрямым и честолюбивым. Хотя он и старался держать дивизию в ежовых рукавицах, но это ему плохо удавалось, что не удивительно, ибо в дивизии находилось много распущенных и своевольного нрава матросов, благодаря чему дисциплина в ней была ничтожная, а боевая способность – средняя. Однажды матросы своевольно оставили свои позиции, мотивируя это холодом и снежной пургой, и ушли в тыл на отдых, обнажив таким образом фронт, что вызвало большой переполох в штабе армии.

Еще остается сказать несколько слов о генерале Карепове, который принял штаб IX армии после того, как я был назначен командармом IX.

Генерал Карепов в царской армии был командиром Сибирского корпуса и участвовал в двух войнах. В IX советскую армию он приехал, видимо, с такой же целью, как и все остальные офицеры: в поисках места, где можно было более легко перейти к белым. Свою супругу генерал устроил в Камышине, то есть на самой линии фронта, сам же выжидал удобного случая, чтобы перейти демаркационную линию, что и сделал сразу же после моего перехода к донским казакам, задержавшись, таким образом, в советской армии всего несколько дней, необходимых для подготовки побега к белым.

Когда я был предан военно-полевому суду белой армии, генерал Карепов своими ценными показаниями значительно ускорил решение суда и способствовал тому, что мне был вынесен оправдательный приговор. Он же дал благоприятные показания в деле бывшего начальника четырнадцатой советской пехотной дивизии полковника⁴⁵⁴ Ролько.

Благодаря положительным показаниям генерала Карепова, я, как исключение, был сразу же назначен начальником штаба обороны Таганрогского района, который находился в городе Таганроге.

Дежурный генерал штаба IX армии полковник Гарькавый

Полковник Гарькавый был в царской армии спокойным и добродушным хохлом. Он строго ограничивался рамками своей специальной работы, был чужд политики, не склонялся ни вправо, ни влево, а был полностью нейтрален; на политические темы он никогда не говорил, а если начинался такой разговор, то благоразумно вставал и уходил, никак на него не реагируя; со стороны казалось, что вне его работы ему было совершенно безразлично, кто был у власти, красные или белые. Работу генерал Гарькавый выполнял скоро, корректно и безупречно и потому пользовался благосклонностью и доверием Революционного военного совета армии. В хозяйственном отношении Гарькавый отличался особенной способностью доставать для штаба армии различные вещи, например, из расформированных полков он привозил посуду, столовые приборы и прочие «ценности». Не ограничиваясь самым необходимым, он умудрялся даже откуда-то доставать дорогую мебель: диваны, кресла, дубовые письменные столы и даже рояли для устройства концертов и музыкальных вечеров.

---

⁴⁵⁴ Правильно – штабс-капитана.

Полковники Генерального штаба Яцко и Корк⁴⁵⁵

В конце ноября в штаб IX армии прибыло еще два офицера Генерального штаба: полковники Яцко и Корк.

Полковник Яцко перед этим назначением работал в художественной области: был помощником Луначарского⁴⁵⁶ и принимал участие в интересной жизни бывших императорских театров – Александринского, Мариинского оперного и Михайловского, в которых ставились вещи на французском языке⁴⁵⁷. Высокого роста, крепкого телосложения, с манерами светского джентльмена, он производил прекрасное впечатление. Ему было тридцать шесть лет. Черные волосы он носил зачесанными назад, имел карие, добрые глаза, широкий, открытый лоб; говорил красиво, обдуманно, немного нараспев. Сторонником коммунизма он не был, но и к белым особенного сочувствия не проявлял; разговоров на политические темы он усердно избегал. Яцко был чересчур осторожен и в политическом отношении изображал из себя сфинкса.

Другое дело – Корк. Уже в то время он был убежденным противником коммунизма и злейшим его врагом. Ему было тридцать четыре года, был он среднего роста, худой, бледный, носил типичную офицерскую прическу ежиком; в своих суждениях был сдержан, замкнут, отличался большим самообладанием и владел верным критерием. Когда я предложил ему совместно организовать побег к белым, он категорически отказался, считая такой шаг не только рискованным, но и безрассудным и авантюристическим; он считал, что, оставаясь у красных, можно больше принести пользы белым.

Бедный Корк! Если бы он знал, что во время чистки 1937–38 года он будет схвачен, отвезен на Лубянку и там расстрелян, то наверное принял бы мое предложение бежать к белым. Сталин ошибался, считая Егорова и Тухачевского⁴⁵⁸ хамелеонами, а Корка посредственным военспецом: все трое были прекрасными, выдающимися офицера-

⁴⁵⁵ Корк Август Иванович (22.07.1887–12.06.1937) – бывший капитан, военный специалист РККА. Начальник оперативно-разведывательного отдела штаба 9-й армии (14.10–12.1918).

⁴⁵⁶ Луначарский Анатолий Васильевич (11.11.1875–26.12.1933) – революционер, народный комиссар просвещения.

⁴⁵⁷ Действительно, И.В. Яцко в 1918 г. был служащим отдела государственных театров в Петрограде.

⁴⁵⁸ Тухачевский Михаил Николаевич (16.02.1893–12.06.1937) – советский военный деятель, Маршал Советского Союза.

ми, большого ума и воли. Если им не удалось произвести переворот, то только благодаря случайности и злостной измене⁴⁵⁹ одного из участников заговора.

В момент моего прибытия в штаб IX советской армии расположение армий Южного фронта было следующее:

В Донецком бассейне оперировала XIII сов[етская] армия; к востоку от нее была VIII армия Тухачевского⁴⁶⁰; обе армии насчитывали около сорока тысяч штыков и сабель, а резервом этих армий была двенадцатая стрелковая дивизия – десять тысяч штыков и сабель.

IX армия занимала фронт от ст[анции] Поворино до Борисоглебска; численность ее была – двадцать пять тысяч штыков и сабель.

В районе Царицына оперировала X армия Ворошилова⁴⁶¹.

Против этих армий Южного фронта были расположены: в районе Луганска – Добровольческая армия генерала Май-Маевского, численностью в шесть тысяч штыков и четырнадцать тысяч сабель, и к востоку от города Луганска был расположен корпус генерала Покровского⁴⁶², насчитывавший двенадцать тысяч штыков и семь тысяч восемьсот сабель. Против IX советской армии насчитывалось около пятнадцати тысяч штыков и сабель донцов и добровольцев.

Стратегическим ключом на правом фланге IX советской армии был город Борисоглебск. Здесь сосредоточено было интендантское, артиллерийское и инженерное имущество, а также имелся большой госпиталь. Кроме того, Борисоглебск являлся стыком VIII и IX армий. На левом фланге IX армии находилась станция Поворино. Так как этот пункт находился в стороне от главного театра военных действий в Донецком бассейне, то ясно, что ст[анция] Поворино имела для IX советской армии второстепенное значение.

8 ноября в районе ст[анции] Поворино, на фронте пятнадцатой советской дивизии, завязался большой бой. В воображении Егорова, как человека⁴⁶³ сильно впечатлительного, создалась уверенность, что здесь началась крупная операция. Все мои уверения, что мы имеем дело не с главным ударом, а, по всей видимости, с демонстрацией, успеха

⁴⁵⁹ В документе – измены.

⁴⁶⁰ 8-й армией Южного фронта М.Н. Тухачевский командовал с 24.01 по 15.03.1919.

⁴⁶¹ К.Е. Ворошилов командовал 10-й армией с 03.10 по 18.12.1918.

⁴⁶² Покровский Виктор Леонидович (14.09.1889–08.11.1922) – генерал-лейтенант, командующий I Кубанским корпусом (1919).

⁴⁶³ В документе – как у человека.

не имели, и Егоров выехал на место боя. Он стал лично руководить операцией и преждевременно притянул на левый фланг часть стратегического резерва армии. Он лишь тогда осознал свое заблуждение, когда, спустя некоторое время, группа Гусельщикова начала интенсивно атаковать Борисоглебск. Начальник четырнадцатой дивизии Ролько упорно защищал Борисоглебск, неоднократно переходя в контратаку. Борисоглебск несколько раз переходил из рук в руки и в конечном результате неприятель был отброшен.

Егоров, смущенный, уехал в штаб фронта и вернулся оттуда только для того, чтобы сдать дела армии Княгницкому. Сам ли он ушел или его ушли – осталось тайной.

Ложная тревога

В последних числах декабря в жизни штаба IX армии произошел курьезный инцидент. Перед Рождеством Христовым стояла морозная, бурная погода, морозы доходили до тридцати пяти градусов ниже нуля, снег валил крупными хлопьями непрерывно, покрывая пеленой все дороги и тропинки. Сугробы, высотой до двух с половиной метров, завалили все проходы. Горизонта не было, было бесконечное белое поле. Нельзя было ни пройти, ни проехать.

Боевые действия на фронте приостановились, ограничиваясь редкими стычками и столкновениями разведывательного характера.

В описываемый день, около двенадцати часов ночи, наступила полная тишина. Я пошел спать. Моя квартира находилась при штабе IX армии. Не успел я задремать, как прибежал дежурный по штабу армии офицер, очень взволнованный, и сообщил:

– Товарищ начштаб, скорее вставайте! Только что получено доносение, что противник крупными силами прорвал фронт и наступает на город Балашов.

Так как фронт от г[орода] Балашова проходил всего в восемнадцати-двадцати верстах, то положение штаба становилось критическим и крайне опасным. Была объявлена тревога.

Я быстро оделся и побежал в кабинет, войдя в который увидел командарма Княгницкого. Он был бледен, как смерть, и страшно возбужден.

– Товарищ начштаб, – сказал он, – неприятель находится в десяти верстах от города. Эти сведения только что сообщил казачий разъезд. Телеграфная и телефонная связь с шестнадцатой дивизией прервана.

Я приказал вашу мебель из кабинета грузить и отправить на станцию. Поезд уже подан и стоит на второй линии. Прикажите немедленно грузиться всему штабу.

Я недоумевал и не верил в прорыв.

– Товарищ командарм! Я прошу разрешения мою мебель оставить в покое и никуда ее не отправлять. Я отвечаю за все, – ответил я.

– Хорошо! Оставляйте! Но если штаб останется без мебели, вы будете отвечать, – резко сказал командарм.

Я обошел все отделения штаба и приказал погрузку прекратить. Вернувшись в кабинет, я увидел, что он был пуст: мебель увезли на станцию. Я пошел к командарму, но не застал ни его, ни его мебели – все было пусто. Дежурный офицер сообщил мне, что командарм и члены Революционного совета находятся уже в поезде. Я вернулся в телеграфное отделение штаба. Там были Корк, Яцко и другие офицеры, все в приподнятом, хорошем настроении. Мы решили выждать и выяснить обстановку.

На главных подступах к городу я выставил сильные заставы.

Минут через двадцать-тридцать заработали телефон и телеграф: связь с фронтом была восстановлена. На вызов штаба шестнадцатой дивизии, к аппарату подошел дежурный офицер и доложил, что произошло недоразумение:

– Никакого прорыва фронта нет, – сказал офицер.

И действительно, недоразумение оказалось курьезным: морская пехота, находившаяся на посту как дежурная часть, не выдержала сильной снежной пурги и снежной метели и, самовольно покинув позицию, отправилась в город Балашов на отдых.

– Необходимые для восстановления положения меры приняты. Виновные будут строго наказаны. На фронте все спокойно, – закончил свой доклад дежурный офицер.

В результате получился большой конфуз для Княгницкого и членов совета, которые вернулись со станции, расписавшись в своей трусости. Княгницкий старался ни на кого не смотреть.

Между тем некоторые матросы стали прибывать в город, их медленно возвращали на фронт.

Вышеприведенный эпизод хорошо иллюстрирует неустойчивость и отсутствие дисциплины, царившие в тот период в частях Красной армии, особенно в частях морской пехоты, чины которой привыкли к своевольной и непринужденной жизни.

Часть 2⁴⁶⁴

Обвинение в измене, предъявленное мне и штабу IX армии

Это было в конце декабря 1918 года. Как я говорил выше, из четырех начальников дивизий только один – начальник четырнадцатой пехотной дивизии Ролько – проявлял доверие ко мне и военспецам. Остальные начдивы: пятнадцатой дивизии – Гузарский, шестнадцатой – Киквидзе и двадцать третьей – Миронов относились к нам враждебно и непримиримо. Их ярость, направленная на меня, довела до того, что Киквидзе и Миронов послали общую телеграмму Троцкому, обвиняя меня в измене; они требовали немедленного назначения военно-полевого суда надо мной. В телеграмме было сказано, что они имеют неопровержимые данные и документы, уличающие меня в измене и преступлении.

Троцкий, считаясь с просьбой видных коммунистов, какими были Киквидзе и Миронов, назначил экстраординарный полевой трибунал и сам во главе его выехал в штаб IX армии.

Мое положение сделалось если не безвыходным, то чрезвычайно опасным. Мы все знали очень хорошо, чем обыкновенно оканчиваются такие трибуналы, они обычно выносили один и тот же стереотипный приговор – «пустить в расход»! Я твердо знал, что без убийства здесь не обойдется, только не знал, кого постигнет такая судьба: меня или моих злейших врагов? Хотя я и не чувствовал за собой никакой вины, но, зная взбалмошный, вспыльчивый и сумасбродный характер Троцкого, готовился ко всяким случайностям.

Первой назойливой мыслью, пришедшей мне в голову, было: бежать немедленно. Расстояние до фронта было небольшим: всего двадцать – двадцать пять километров, но путь проходил через расположение шестнадцатой и двадцать третьей дивизий, начальники которых были моими врагами, а потому был крайне опасен и рискован. Тем не менее я решил произвести небольшую рекогносцировку, с каковой целью выехал вместе с семьей на автомобиле. Не проехал я и двух километров, как колеса автомобиля стали буксовать в снегу и автомобиль застрял. С большими усилиями, при помощи казаков, мне удалось вернуться, но ни с чем. Попытка бежать на санях также

---

⁴⁶⁴ Так в документе. По-видимому, Всеволодов считал первой частью весь предыдущий текст воспоминаний, выделив во вторую часть историю своего перехода к белым и последующую жизнь.

потерпела фиаско. Все дороги были занесены снегом, доходившим местами до двух с половиной – трех метров. Будь я один, я мог бы еще рискнуть пуститься в такую авантюру, но со мной были жена и двое детей – четырех и четырнадцати лет⁴⁶⁵. Пришлось покориться судьбе и ждать решения моей участи.

Военно-полевой трибунал IX армии

Телеграммы о следовании поезда, везшего военно-полевой трибунал IX армии, под председательством Троцкого, следовали одна за другой; они катастрофически действовали на мои нервы и выматывали мою душу; они гласили:

«Трибунал IX армии, во главе с его председателем Троцким⁴⁶⁶, выехал из Москвы».

«Трибунал IX армии прибыл в Рязань».

«Трибунал IX армии выехал в г[ород] Козлов».

Такие телеграммы приходили через каждые полчаса; они имели умышленную цель мучить и выматывать наши души и наводить страх на окружающих. Я, Кокор и Яцко безмолвно стояли у прямого провода и принимали роковые ленты. У каждого из нас была одна и та же мысль: «Что день грядущий нам готовит?», минует ли нас страшная опасность или захватит и снесет с лица земли?..

Наконец, роковой час пробил – нам сообщили: «Полевой трибунал IX армии прибыл в город Балашов»⁴⁶⁷. Значит, еще пятнадцать-двадцать томительных минут и гроза революции Троцкий будет здесь, у нас, в штабе, начнется допрос и, как результат его, поголовная чистка. Я чувствовал упадок сил: нервы не выдерживали напряжения. Мы имели единственную, правда – слабую, надежду на благоприятные для нас показания Княгиницкого, Сокольниковца, Барышниковца и Плятта, которые, защищая нас, тем самым защитят и себя от обвинения в «потере бдительности»: в том, что проглядели измену в штабе IX армии.

Вскоре к нам донесся шум зычных голосов, бряцание оружия, топот многих ног, – все это к нам приближалось. Мы стояли в коридоре, освещенном сильной лампой, и взволнованно смотрели на дверь, в которую должен был войти Троцкий. Наконец, дверь эта с шумом

⁴⁶⁵ На протяжении этой части воспоминаний возраст младшего сына Всеволодова не меняется, а возраст старшего меняется в разные стороны.

⁴⁶⁶ Л. Д. Троцкий не мог быть председателем реввоен трибунала 9-й армии.

⁴⁶⁷ Л. Д. Троцкий прибыл в Балашов 11.01.1919.

раскрылась, и пред нами, как Мефистофель в «Фаусте», с черными сверкающими глазами, взерошенными волосами, вооруженный с ног до головы, предстал Троцкий. Ему было тридцать два года⁴⁶⁸. Выше среднего роста, худой, бледный, с бородкой эспаньолкой, он был похож на какое-то сатанинское, демоническое существо и производил поистине страшное впечатление. В его блуждающем, беспокойном и пронизывающем взгляде, резких, порывистых движениях и походке было что-то зловещее. Руки его были в постоянном движении: то он нервно хватался за кобуру револьвера, то, по-наполеоновски, скрещивал их на груди. Говорил он резко, отчеканивая каждое слово. На нем был френч защитного цвета, брюки галифе, черные высокие шагреньевые сапоги, желтый кожаный ремень через плечи, и на поясе болтались два револьвера и патроны. В общем, вид его мало гармонировал с высокой и ответственной должностью военного министра, скорее – он был похож на атамана разбойничьей шайки, оперирующей на большой дороге.

За спиной Троцкого, почти вплотную с ним, стояла, как черная туча, толпа матросов; их было очень много, человек тридцать-сорок, и все они были одеты в черные матросские куртки с золотыми пуговицами и увешаны накрест через плечи патронными лентами, а на поясах имели кортики и наганы, многие – по два. С лицами одно безобразнее другого, они имели вид бандитов, и можно с уверенностью сказать, что на конто⁴⁶⁹ каждого был не один десяток несчастных жертв.

Несколько в стороне от матросов стояла довольно странная группа лиц, также принадлежавших к свите Троцкого: восемь человек жгучих брюнетов имели носы с горбинкой, говорили с еврейским акцентом и были однообразно одеты, как будто соблюдали строгую форму; на них были драповые зимние пальто с дорогими каракулевыми воротниками, из-под которых виднелись кожаные черные тужурки с револьверами на поясах, черные брюки-галифе и высокие сапоги; многие имели очки и пенсне в золотых оправках; на голове одного из них сидела черная касторовая шляпа с большими полями; у каждого в руках был кожаный черный портфель. Все были угрюмы, сосредоточены, держали себя обособленно, ни с кем не разговаривали, а лишь тайком и пытливо наблюдали. Они были похожи на испанских инквизиторов, и смело

---

⁴⁶⁸ В начале 1919 г. Л.Д. Троцкому было 39 лет.

⁴⁶⁹ Счету.

можно сказать, что их основной работой и задачей было отправлять невинных ни в чем людей к праотцам, что они и делали, как только Троцкий отдавал соответствующий приказ. Это были члены чрезвычайного военно-полевого трибунала IX армии.

Я подошел к Троцкому с рапортом:

– Честь имею представиться: начштабм IX, Генерального штаба генерал⁴⁷⁰ Всеволодов...

Троцкий нахмурил густые черные брови и сделал удивленное лицо:

– Что? Как вы сказали? Генерал? Но у меня нет в армии генералов, у нас имеются только товарищи, – отчитал он меня.

Я спохватился, поняв, что сделал ошибку, назвав себя генералом по старой привычке и по рутинным правилам представления начальству в царской армии. Я тотчас же извинился, путаясь в словах, и представил Корка и Яцко уже не полковниками, а товарищами.

– Товарищ наштарм! – сказал Троцкий. – Вы навсегда должны забыть о том, что служили когда-то в царской армии, вы должны помнить, что теперь существует только «Красная армия»!

Итак, первый блин оказался комом!

Троцкий, а за ним и мы вошли в мой кабинет. Матросня, давая друг друга, пыталась сделать то же самое, желая видеть грядущую расправу.

Войдя в кабинет, Троцкий смерил меня с ног до головы глазами и спросил:

– А где же ваша звезда – эмблема Красной армии?

– Извините, товарищ Троцкий, – ответил я, – я ее потерял.

В действительности же я, получив этот значок от Княгницкого с приказом – надеть, выбросил его, так как дал себе торжественное обещание никаких отличий советской армии не носить. Троцкий поморщился:

– Ничего, я вам дам другой значок.

Это было второй неудачей. «Приметы плохие», – думал я.

Хотя мой кабинет был достаточно большим, но вместить всю ораву матросов и членов трибунала он не мог. Посередине комнаты стоял большой стол, на котором лежала карта Южного фронта, с отметками красными и синими флажками расположения войск обеих сторон. В одном углу стоял письменный стол, покрытый красным сукном, и два кресла, в другом – большой шкаф с делами. К моему большому удовлетворению, никаких портретов – ни Сталина, ни Ленина, ни Троцкого – не было.

⁴⁷⁰ Всеволодов генералом не был.

Доклад Троцкому о стратегическом положении на фронте IX армии

В кабинете Троцкий увидел у карты с флажками моего сына Николая, четырнадцати лет.

– А это кто такой? – спросил он.

Я ответил ему, что это мой сын Николай отмечает на карте точное расположение неприятельских частей.

Троцкий улыбнулся и, подойдя к сыну, спросил:

– Ну, скажи, кто это? – и указал на группу значков. Николай информировал военного министра с большой точностью и без запинки.

– Молодчина! – похвалил Троцкий, оставшись, видимо, довольным ответом, и пожал мальчику руку. Затем, взглянув на матросов, он вдруг принял театральную позу и крикнул:

– Вон отсюда! Все – вон!

Матросы, спотыкаясь и налетая друг на друга, немедленно очистили кабинет. Явствовало, что они здорово боялись Троцкого, а последний любил нагонять на них страх.

В кабинете остались, кроме моего сына, меня и Троцкого, еще Корк и Яцко. Видимо, не желая иметь никаких свидетелей своих деяний, Троцкий приказал последним выйти, и, таким образом, остались в кабинете только он, я и сын. Мне стало жутко, ноги начинали дрожать.

Троцкий, как бы желая себя облегчить, а на самом деле запугивая меня, вынул из кобуры револьвер и положил его на стол. Мне это не понравилось, и я стал нервничать еще больше: я подумал, что Троцкий хочет пустить меня в расход без всяких свидетелей.

– Теперь потрудитесь сделать мне стратегический доклад о положении на фронте IX армии.

Я собрал все свои силы и начал подробный доклад, подтверждая его документами. Я указал, что в то время, как на фронте расположения четырнадцатой дивизии, невзирая на время года и погоду, идут непрерывные бои и притом с большим успехом для нас, – на фронте шестнадцатой и двадцать третьей дивизий царит гробовая тишина, которую нельзя назвать иначе как саботажем:

– Все усилия командарма IX и мои личные переговоры по прямому проводу с Киквидзе, с целью заставить его произвести усиленную рекогносцировку с участием артиллерии, – не привели ни к чему. Обе дивизии под разными предлогами уклоняются от выполнения приказа, остаются инертными и вредят общему делу...

В доказательство своих слов я представил Троцкому вырезки из ленты прямого провода «Юза», то есть мой разговор с начдивом Киквидзе.

Вот один из экземпляров:

«У аппарата наштарм IX Всеволодов. Прошу к аппарату начдива XVI Киквидзе».

Лента подошедшего к аппарату адъютанта Киквидзе:

«Товарищ Киквидзе просил Вам передать, что он Вас не признает и разговаривать с Вами не желает».

Моя лента: «Передайте Киквидзе, чтобы он немедленно подошел к аппарату для личного приема важного боевого приказа командарма IX Княгницкого. В случае отказа Киквидзе подойти к аппарату он будет предан военно-полевому суду за невыполнение боевого приказа, что карается расстрелом».

Ответ адъютанта: «Есть!»

Лента подошедшего через пять минут к аппарату Киквидзе: «Плюю я на твои приказы!»

На это я ответил: «Приказываю Вам принять и точно выполнить следующую приказ командарма IX Княгницкого: “Приказываю Вам сегодня ночью, на рассвете 14 января произвести усиленную рекогносцировку, при обязательном участии артиллерии, и выяснить, какие силы и части находятся перед фронтом Вашей дивизии. Об исполнении донести”».

Лента Киквидзе после короткого размышления у аппарата: «Никакие приказы и распоряжения от белогвардейцев и врагов революции не принимаю. Я считаю Вас врагом народа, а также и Ваших помощников-военспецов и плюю на вас всех». Затем на ленте появилась нецензурная, площадная брань по моему адресу.

Моя лента: «Хорошо. Ваш ответ я передам командарму IX».

Троцкий взял ленту в руки, долго ее рассматривал и над нею размышлял. Потом лицо его исказилось гневом, пальцы судорожно задрожали, глаза налились кровью... Он встал во весь рост, скрестил на груди руки и, пронизывая меня пытливым взглядом, как бы гипнотизируя, отчеканивая каждое слово, сказал:

– Из вашего доклада и представленных вами документов я вижу, что имею дело с неслыханным и невиданным преступлением, которое должно быть жестоко и безжалостно наказано. Я сегодня же разберу это дело, и виновные получают свое...

После короткой паузы:

– Итак, по-вашему выходит, что если я одного или двух начальников дивизий повешу, то IX армия выиграет и боеспособность ее поднимется?

– Товарищ Троцкий! Я не сказал, что таких начдивов надо повесить, я сказал бы, что за преступный отказ выполнять боевые приказы их следует строго наказать. Киквидзе отрешить от командования дивизией, а Миронову, ввиду его большой популярности, дать строгий выговор в приказе по армии. Кроме того, я полагаю, что для поднятия дисциплины необходимо отдать приказ по армии о том, что виновные в невыполнении боевых приказов будут караться расстрелом. Полагаю, что при таких условиях пассивные шестнадцатая и двадцать третья дивизии проснутся от зимней спячки и сделаются активными участницами операций, а не праздными зрительницами таковых. Тогда и IX армия вернется к своей бывшей высокой боеспособности, и перед ней откроется широкая возможность наступательных операций, чем она окажет громадную и ценную помощь остальным армиям Южного фронта. В данный момент только одна четырнадцатая дивизия Ролько доблестно выполняет свой долг и несет на своих плечах всю тяжесть боев на правом фланге армии, в то время как шестнадцатая и двадцать третья дивизии бездействуют и, как прогрессирующие паралитики, упорно, как вкопанные, стоят на одном месте, а их начальники занимаются бесполезной болтовней, азартной игрой в карты, пьянством и пререканием с высшим начальством.

Штаб же IX армии, в полном своем составе, самоотверженно и методично работает, днем и ночью не покладая рук, – продолжал я. – Он прилагает невероятные усилия для достижения блага и успеха IX армии. Но вся работа штаба, как только мы приходим в соприкосновение с начдивами Мироновым и Киквидзе, саботирующими и срывающими общее дело, разбивается, идет насмарку и в конечном результате сводится к нулю.

Тут я перешел в наступление:

– Товарищ Троцкий! Прочитав ленту прямого провода, вы могли сами убедиться в том, что Киквидзе не только совершил неслыханный в военной истории проступок, отказавшись выполнить важный боевой приказ, но и еще осыпал меня – ответственного работника, занимающего высокий пост, – при исполнении мною служебных обязанностей площадной бранью. Что же касается предъявленных Киквидзе мне обвинений в преступной якобы моей деятельности, то они являются голословными, абсурдными и абсолютно ни на чем не основанным вымыслом. Такое обвинение нужно отнести не ко мне и персоналу

штаба, а к самому Киквидзе и к Миронову, забывшим святой долг субординации и страдающим тяжелой и неизлечимой формой мании преследования. Я считаю, что такие люди не только не могут занимать высоких постов в Красной армии, но и вообще служить в ней, ибо, касаясь конкретного случая, с которым вы, товарищ Троцкий, только что познакомились, я могу сказать, что мы должны еще благодарить судьбу за то, что в тот момент не было со стороны противника большого нажима, иначе результаты оказались бы просто катастрофическими.

Я говорил с увлечением адвоката, защищающего жизнь подсудимого, в данном случае – свою собственную. Я использовал все козыри, какие только у меня имелись, ничего не упустив из виду. Ведь я защищал собственную жизнь и жизнь подчиненных мне офицеров Генерального штаба! Это придало мне большую энергию и силы. Я представил Троцкому все вырезки из телеграфных лент прямого провода, уличающие Киквидзе и Миронова в дисциплинарных преступлениях; я в хронологическом порядке указал все случаи неповиновения обоим начальникам; я собрал письменные показания свидетелей о разврате и пьянстве в штабах указанных дивизий и о ложных донесениях. Думаю, что все это сыграло большую, даже решающую роль во всем деле. Я кончил доклад.

Три-четыре минуты Троцкий пребывал в сильном нервном волнении, но стоял неподвижно, о чем-то думая. Видимо, доклад произвел на него впечатление, и теперь страшные мысли роились в его голове. Я безошибочно могу сказать, что в эти минуты он принял какое-то адское решение. Он улыбнулся саркастически – вернее сказать, сатанински – и подошел к окну, но ничего не увидел: наступила темная ночь и за окном свирепствовала буря. Снег валил крупными хлопьями, покрывая все пеленой, ветер то завывал на разные лады, то вдруг изо всей силы стучал в окошко.

Троцкий стоял в забытьи, как бы в летаргии. Вдруг он очнулся, быстрыми шагами подошел ко мне и, подав руку, сказал:

– Благодарю вас, товарищ, за обстоятельный доклад. Я в самый короткий срок восстанавливаю порядок: строго накажу виновных и верну дисциплину и спокойствие IX армии.

Троцкий вышел. Я и сын остались одни, безмолвно глядя друг на друга. Мы поняли, что гроза миновала нас и пошла в другую сторону.

Придя в себя, я вспомнил, что как наштарм IX я обязан провожать Троцкого до автомобиля. Выйдя в коридор, я увидел толпу матросов у телеграфного отделения. Я вошел туда. Троцкий по аппарату «Юз»

приказывал начдивам шестнадцатой и двадцать третьей дивизий немедленно явиться в Балашов на станцию, в его поезд. Передав приказ и простившись с Княгницким и членами совета, Троцкий уехал к себе в поезд, стоявший на ст[анции] Балашов.

Самосуд над начдивом 16

Хотя Троцкий и уехал из штаба армии, но каждый из нас знал, что это еще не конец, что это только пролог, а развязка драмы должна последовать. Мы торжествовали, но нормально работать никто не мог. Мы знали, что должно еще что-то случиться, что-то важное, исчерпывающее.

Ночь была очень тревожной. Непрерывно слышались телефонные звонки, монотонный стук телеграфных аппаратов. Никто из чинов штаба не спал.

В час ночи со станции приехал офицер штаба и сообщил ужасную новость: в 12.45 минут Троцкий у себя в поезде собственноручно застрелил Киквидзе⁴⁷¹!

Это было развязкой драмы. Страшная весть поразила нас, как громом: каждый понимал, что мог быть на месте убитого.

Очевидцы этой трагедии рассказывали следующее:

Вернувшись из штаба армии в поезд, Троцкий был чрезвычайно взволнован. Он не спал и беспрестанно требовал себе черный кофе⁴⁷². В двенадцать часов ночи приехал Киквидзе и прошел в салон-вагон, где его встретил разъяренный Троцкий. Руки он Киквидзе не подал, что было зловещим признаком. Разговор продолжался всего двадцать – двадцать пять минут. Троцкий сначала говорил спокойно, но потом стал кричать. Вскоре все увидели, что Киквидзе выскочил из поезда и бросился бежать. В дверях вагона появился Троцкий с револьвером в руке. Раздался выстрел, за ним – второй. Киквидзе зашатался и упал навзничь. Пуля попала в область сердца. Смерть была мгновенной. На снегу показалась большая лужа крови.

После этого убийства Троцкий спокойно вернулся в поезд и потребовал себе черный кофе. Спустя некоторое время он запросил штаб 23-й дивизии, почему не едет Миронов.

---

⁴⁷¹ Эти сведения не соответствуют действительности. В.И. Киквидзе погиб в бою в ночь с 11 на 12.01.1919.

⁴⁷² Здесь и далее в документе – черное кофе.

Но Миронов был не дурак, это была старая, хитрая лисица. Предоставив шанс Киквидзе первым разговаривать с Троцким, он решил посмотреть, что-то будет, и, когда одним из первых узнал о случившемся, решил к Троцкому не ехать, ибо знал, что и его ожидала там верная смерть. Поэтому он приказал одному батальону произвести усиленную рекогносцировку и донес Троцкому, что противник неожиданно крупными силами перешел в наступление и, вследствие этого, он, Миронов, явиться в Балашов не может, иначе дивизия во время боя останется без руководства. К двенадцати часам дня Миронов сообщил, что бой продолжается с успехом для дивизии. Наконец, в следующей телеграмме Миронов – с целью растрогать и ублажить Троцкого – сообщил, что дивизия перешла в частичное наступление и, после упорного боя, захватила у неприятеля два орудия.

Это было сплошной ложью: никакого наступления не было, были лишь стычки разведывательного характера, а два негодных орудия уже давно были брошены неприятелем: они были без затворов, и стрелять из них нельзя было, но Миронову надо было спасти свою шкуру, и он вытащил их со старой свалки.

В общем, трюк с вымышленным, бутафорским боем Миронову удался: Троцкий поверил и, принимая во внимание прежние его заслуги, сделал Миронову только строгий выговор, предупредив по телефону, что невыполнение и критика приказов высшего командования будут караться расстрелом.

Итак, суд не состоялся. Функции его собственноручной незаконной расправой заменил сам Троцкий и, сделав разнос Миронову, уехал в Москву, а с ним и весь кагал – состав военно-полевого трибунала IX армии.

А в IX армии наступила, как говорится, тишь и гладь – Божья благодать. Все оперативные приказы немедленно и точно исполнялись; на всем фронте армии заметно усилилось оживление; боевые части стали сильно тревожить находившиеся перед ними войска Первого Донского корпуса генерала Алексеева⁴⁷³; целый ряд рекогносцировочных боев явился прелюдом к развитию большой операции, результатом которой был сдвиг вперед всего фронта IX армии, который вывел ее из инертности и вылился в решительное наступление по всему фронту.

---

⁴⁷³ Алексеев Николай Николаевич (25.03.1875–15.09.1955) – генерал-майор (впоследствии – генерал-лейтенант), командир I Донского отдельного корпуса.

Опереточная охрана

Однажды, войдя в кабинет, я был поражен неожиданным зрелищем: внутри комнаты, по обеим сторонам входной двери чинно сидели четыре восточных человека, не то черкесы, не то грузины – не разобрать, но, во всяком случае, – кавказские люди. На них были красивые черкески ярко-красного, кровавого цвета, обшитые широким серебряным позументом, а на груди красовалось по четырнадцать патронов на каждой стороне; широкие синие шаровары с серебряными лампасами, громадные мохнатые, тибетского меха папахи и выглядывавшие из-под черкесок разноцветные шелковые рубахи дополняли наряд, на поясах висели кинжалы и револьверы.

Ну прямо – ни дать ни взять – все четыре из «Тысячи и одной ночи»!

Все были жгучие брюнеты, вид имели неприветливый, злобный, смотрели не в глаза, а исподлобья, – встретиться с ними в уединенном месте было опасно. При моем входе они не пошевелились, продолжая сидеть. Они разглядывали меня с удивлением и любопытством, а меня сердила их бесцеремонность и нахальство. Я спросил, кто они и что им здесь нужно.

Один персонаж поднялся со стула и ответил:

- Так что нас сюда послал товарищ Барышников вас караулить.
- Караулить или охранять?
- Товарищ Барышников приказал нам так сидеть, чтобы вас постоянно видеть, – доложил мне тот же тип.

Подобное распоряжение меня возмутило, и я пошел объясняться с Княгницким. Тот сообщил мне, что все сделано по приказу самого Троцкого:

- Товарищ Троцкий обратил внимание, что вы одни в кабинете и нуждаетесь в охране, – улыбаясь, сказал он.

Я попросил командарма поставить охрану не внутри кабинета, а снаружи, но Княгницкий заявил, что все сделано по приказу членов Революционного совета, который он отменить не имеет права:

- Они считают, что охрана должна вас все время видеть, иначе, в случае нападения, она не сможет своевременно оказать вам помощь ...

Я несколько не удивился сказанному, тотчас же поняв, что члены совета не опасались за мою жизнь, – это было только предлогом, а хотели установить за мной слежку, чтобы постоянно знать, что я делаю, чем занимаюсь, с кем веду разговоры и кто из офицеров штаба стоит

ко мне наиболее близко, и все-таки я настоял на том, чтобы черкесы находились не внутри кабинета, а снаружи и – не сидели, а стояли. Свое требование я мотивировал тем, что при докладах начальника оперативного отдела Корка почти всегда затрагиваются секретные вопросы, о которых черкесы не должны были знать.

Так прошло пять дней. Я заметил, что старший охраны, как более расторопный, периодически открывал дверь и заглядывал в кабинет. Очевидно, он хотел лично удостовериться, там ли я и что делаю.

Прошла еще неделя, и вдруг мои черкесы исчезли, прямо сгнули с лица земли. Я спросил Княгницкого, куда они девались:

– Скажите, куда исчезла моя бутафорская охрана, вернее – мои часовые, не столько охранявшие, сколько караулившие меня?

Княгницкий улыбнулся, покачал головой и сказал:

– Ваша охрана больше сюда не придет... Они – все четыре – уже на том свете, все четыре расстреляны за грабеж и бандитизм!

Оказывается, черкесы, пользуясь своим привилегированным положением и преимуществами, кои из него вытекали, после работы в штабе армии шли в город и ночью грабили местных жителей; под угрозой смерти они отнимали у них деньги, ценные вещи, а то и просто раздевали донага и отбирали одежду. Наконец, их поймали и всех четырех пустили в расход.

Так закончилась моя опереточная, в духе «Шахерезады», охрана.

Я возрадовался, что избавился от непрошенных соглядатаев, но ненадолго. Члены совета не успокоились и вместо расстрелянных черкесов впихнули мне в кабинет комиссара штаба Петрова, присутствие которого, конечно, мне было крайне неприятно и нежелательно: Петров, сидя в комнате, исключал всякую возможность свободных и секретных разговоров с остальными чинами штаба IX армии. Он неотлучно находился в кабинете и вел строгую регистрацию моих посетителей; он также совал свой нос во все секретные дела и обо всем доносил по команде; это был не сотрудник, а в полном смысле – ловкий шпион. Так как ключ от письменного стола с секретными бумагами был всегда при мне, то Петров тайно заказал себе другой ключ и, в мое отсутствие, часто рылся в моих секретных бумагах. При таких тяжелых и ненормальных условиях нам приходилось жить и работать под постоянным контролем часто невежественных, грубых и бестактных комиссаров. Нужно было иметь колоссальную силу воли и терпение, чтобы привыкнуть к такой обстановке.

Мое назначение командармом IX армии

В середине апреля IX армия продвинулась по всему фронту на семьдесят пять километров вперед. Штаб армии перешел на станцию Серебряково. Настал удобный момент попросить отпуск. После долгих усилий я, наконец, его получил и в конце апреля уехал в Москву, где остановился у своего друга, начальника Генерального штаба генерала Потапова⁴⁷⁴.

Время отпуска пролетело быстро и незаметно, и в начале июня я должен был вернуться на службу. До срока оставалась еще неделя, как вдруг генерал Потапов принес мне телеграмму из штаба фронта, приказывающую мне немедленно прибыть на место. Этот приказ нарушал все мои планы: я решил было больше на фронт не возвращаться, но телеграмма изменяла все мои намерения и предположения. Об неисполнении приказа или просьбе об отсрочке не могло быть и речи.

С беспокойством и неопределенным тревожным чувством я отправился в город Козлов.

В этот момент у меня еще не было определенного решения бежать на сторону белых, – я был неуверен в себе, беспокоился, колебался.

С одной стороны, моя душа рвалась туда, к белым, с которыми было связано мое дорогое прошлое, где находилось уже много моих друзей и нужны были силы для борьбы за святое дело; я горел неудержимым желанием принять участие в этой борьбе.

Будучи начальником штаба IX [армии], а потом и командармом IX, я знал все тайны военного аппарата и притом – самые свежие. У меня были все сведения о стратегическом, тактическом и моральном состоянии этой армии, о ее численности, задачах, настроениях, и я был знаком с ударными задачами соседних армий Южного фронта. Все эти сведения могли принести белому командованию неоценимую пользу и преимущества.

С другой стороны, хоть и неопределенные, но зловещие слухи о производимых белыми арестах, полевых судах, расстрелах и широком использовании концентрационных лагерей настораживали, вселяли известный страх и заставляли меня откладывать окончательное решение. Упорно говорили, что белые расстреляли сына генерала Брусилова, командовавшего полком в Красной армии⁴⁷⁵. Особенно много расска-

---

⁴⁷⁴ К этому времени Н.М. Потапов уже не был начальником Генерального штаба.

⁴⁷⁵ Речь идет о событиях более позднего времени.

зывали о жестокостях и грубостях, имевших место в Донской армии: станичники, урядники и вообще казаки, задерживая переходящих к ним офицеров бывшей императорской армии, арестовывали, расстреливали и просто вешали их без всякого суда.

По прибытии в штаб Южного фронта я был назначен Троцким начальником этого штаба⁴⁷⁶. Мне это назначение на такой высокий пост, с одной стороны, импонировало, а с другой, было весьма неприятным сюрпризом. Если в должности начальника штаба IX [армии] побег к белым был сопряжен для меня с большими трудностями, то в должности начальника штаба Южного фронта он был совершенно невозможен⁴⁷⁷. Как известно, штаб Южного фронта находился в г[ороде] Козлове, в глубоком тылу, местами – в 80–100 километрах от линии фронта, а потому и намерение добраться к нему и незамеченным, да еще с семьей, перейти линию огня было утопией.

Я уже было смирился с этим назначением и решил – волею судьбы – отсрочить свой побег на неопределенное время, как вдруг пришла вторая телеграмма Троцкого, назначившего меня командующим IX армией. Судьба снова мне улыбалась.

Будучи командармом IX, я был бесконтрольным хозяином громадного плацдарма, занимаемого IX армией, а потому и переход на какой-либо из точек этого плацдарма, особенно при отступлении IX армии, и возможность затеряться в прилегающих донецких степях было самым простым и легким делом.

Я с радостью принял новое назначение и отправился в штаб IX армии на ст[анцию] Серебряково, куда и прибыл в начале июня.

Новый начальник штаба IX армии генерал Карепов, бывший командир Сибирского корпуса, ознакомил меня с[о] стратегической обстановкой: IX армия, после неудачной попытки перейти в наступление, была отброшена назад, к северу, на семьдесят пять километров и к первому июня достигла ст[анции] Миллерово; она была в стадии всеобщего отступления.

Шестого июня я предложил Карепову бежать к донцам. Генерал попросил полчаса на размышление и совет с женой. Возвратившись, он

---

⁴⁷⁶ Н.Д. Всеволодов был начальником штаба Южного фронта с 29.05 по 03.06.1919.

⁴⁷⁷ На самом деле, помимо Всеволодова, один из начальников штаба советского Южного фронта (13.11.1918–07.06.1919) бывший капитан В.Ф. Тарасов впоследствии сумел бежать к белым.

передал мне решение своей жены: она считала побег несвоевременным, рискованным и обреченным на неудачу.

– Бежать, – говорила она, – при зоркой слежке членов Революционного совета, Барышникова и Плятта, – это безумие. Такой побег неизбежно закончится в «Чека» на Лубянке.

Отказ Карепова не повлиял на мое решение бежать, оно осталось непоколебимым и непреклонным.

Я отдал приказ о дальнейшем отходе армии, а сам остался при двадцать третьей дивизии Голикова, которая должна была иметь ночлег в хуторе Сенно[вско]м. При мне находились члены Революционного совета и комиссар штаба IX армии.

Гроза

На половине перехода, на большом привале дивизии я сообщил членам совета, что проеду на автомобиле в ближайшую станицу поискать съестных припасов.

Свернув в сторону от пути отступления, вглубь фронта, я поехал в один хутор, где у одного белого казака спрятал некоторые ценные вещи. Убедившись, что все в порядке, я поехал обратно в дивизию. Но по дороге назад меня настигла сильнейшая гроза. Ревела буря, шумел дождь, сверкали молнии, на разные лады гремел гром... Вода бурными потоками залила все балки и низины, обратив их в широкие озера.

Мне предстояло переехать вброд небольшую речку. Подъехав к ней, я увидел, что она разлилась в большую, широкую реку. Вода бурлила и с большой силой несла все, что ей попадалось по дороге. Но другого пути не было, и мне пришлось рискнуть и двинуться вброд. Доехав до середины, мой автомобиль стал погружаться в мягкий, болотистый грунт. Вода проникла в кузов, колеса стали буксовать и, в конце концов, прочно засели в илистом грунте. Чтобы выбраться, нужна была помощь, – сам сдвинуться с места автомобиль не мог. Шофер, бредя по пояс в воде, добрался до берега и отправился в соседний хутор, но вскоре вернулся ни с чем: казаки попрятались, оставив в хуторе только баб, старух, стариков и детей.

Пришлось идти за помощью мне самому. По пояс в воде бурного потока я кое-как выбрался на берег и под сильным ливнем дошел до хутора. Разыскав старика – бывшего атамана, я убедил его, что я не красный, а белый и везу важный приказ в Донскую армию. Это возымело действие: откуда ни возьмись явились восемь станичников

с волами и быстро вытащили автомобиль из воды. Щедро их отблагодарив, я тронулся в путь и, потеряв массу времени, поздно ночью прибыл в хутор Сенно[вски]й, где встретил механика, большевика, считавшегося правой рукой членов Революционного совета. Он был очень взволнован:

– Товарищ командир, у нас здесь большая паника! Кто-то распустил слух, что вы перешли к врагам, к казакам, и что вы хотите арестовать членов совета; они перепугались и бежали...

Сведения были не из хороших. Я насторожился, старался быть спокойным, шутил, рассказал механику, как застрял в реке и как казаки вытаскивали автомобиль. Механик, видя, что я мокрый с ног до головы и забрызган грязью, поверил.

Несколько позже пришел ко мне верный писарь и таинственно сообщил:

– Члены Революционного совета вызывали по прямому проводу Троцкого... – и он протянул мне телеграфную ленту.

Я прочел: «Товарищ Троцкий! Действия нового командарма Всеволодова нам кажутся очень подозрительными. Просим разрешения, в случае необходимости, арестовать его!»

Это сообщение подействовало на меня удручающим и, вместе с тем, решающим образом. Еще не изгладилось из моей памяти сидение по разным тюрьмам и в Петропавловской крепости, еще слишком свежо было воспоминание об этих кровавых чистилищах! И теперь новая угроза ареста... Нет, этому не бывать! Да, в тот момент я принял окончательное и бесповоротное решение перейти к донцам, несмотря на упорные слухи об их зверствах и неприязненных действиях в отношении перебежчиков. Я решил бежать на следующий день. Я не спал всю ночь. Измотался. Тревожился. Ночью видел на стороне противника сильное оживление, мелькающие повсюду огоньки карманных фонариков.

Но прежде, чем перейти к описанию моего бегства и перехода на сторону белой армии, я должен рассказать о событиях, происшедших на Южном фронте с конца марта по июнь месяц 1919 года.

Краткий обзор событий на Южном советском фронте в апреле, мае и июне 1919 года

Командование Южного фронта – считая Донецкий бассейн как главный фронт – решило атаковать армию генерала Май-Маевского, защищавшего этот район с фронта и обоих флангов. Для этой цели

предназначена была XIII армия Кожевникова⁴⁷⁸, которая, совместно с VIII армией Тухачевского, должна была произвести эту операцию, начало которой назначили на 1 апреля 1919 года. Резервом этих армий была группа Махно. Общая численность занятых в операции войск составляла сорок тысяч штыков и сабель против группы Май-Маевского в шесть тысяч штыков и четырнадцать тысяч сабель, располагавшихся к югу от Луганска. Восточнее Луганска был расположен корпус генерала Покровского, численностью в двенадцать тысяч штыков и восемь тысяч сабель. Против корпуса Покровского был выставлен заслон – около восьми тысяч штыков и сабель. Превосходство в силах было на стороне советского командования.

Успех этой операции базировался на том, что корпус Покровского будет бездействовать. В действительности же он за два дня до начала операции сам перешел в наступление и в трехдневном бою разгромил выставленный против него заслон, состоявший из частей VIII армии Тухачевского, и отбросил его к Луганску. Здесь Тухачевский проявил полную несостоятельность и неумение.

Здесь я должен сказать несколько слов о личности Тухачевского. Так как оперативные приказы, приходившие из штаба Южного фронта, часто касались двух армий, ставя их в тесное взаимодействие, то командарм VIII Тухачевский нередко приезжал ко мне в штаб IX армии для личных переговоров и совместных обсуждений и разработки планов предстоящих операций.

Первый раз я увидел Тухачевского в начале декабря 1918 года, когда он приехал в г[ород] Балашов на совещание. Среднего роста, крепкого сложения с манерами настоящего интеллигента и барина, он производил очень хорошее впечатление. Ему было всего тридцать четыре года⁴⁷⁹. Чистое, задумчивое лицо, ясные карие глаза свидетельствовали об его добродушном характере. Он говорил уверенным голосом, красиво и увлекательно. Недаром Сталин, за блестящую речь, сказанную на XVII (?) партийном съезде в 1934 году, ввел Тухачевского в Центральный комитет, так возвысив его, несмотря на то, что последний никогда большевиком не был⁴⁸⁰ и не проявлял никакого сочувствия к коммунизму.

---

⁴⁷⁸ Кожевников Иннокентий Серафимович (01.11.1879–15.04.1931) – командующий 13-й армией (05.03–09.05.1919).

⁴⁷⁹ В тот период М.Н. Тухачевскому было 25 лет.

⁴⁸⁰ На самом деле М.Н. Тухачевский вступил в РКП(б) весной 1918 г.

В вопросах стратегии и тактики Тухачевский разбирался легко и с большим мастерством, хотя никогда не был в академии Генерального штаба. В Первую мировую войну он попал в плен к немцам, но оттуда бежал и стал искать счастья не у белых на Северном фронте, а у красных, потому что у красных было больше простора и, как у всех революционных армий, много непредвиденных случайностей, возможностей и экспромтов.

Имея, уже в молодых годах, большую склонность к повелеванию и первенству, Тухачевский у красных в самый короткий срок дослужился до чина командующего VIII армией, несмотря на то, что ни надлежащего опыта, ни, так сказать, практического стажа он тогда не имел никакого.

В этот период Гражданской войны, во время наших совещаний и обсуждений военных вопросов, я, при всем желании, никак не мог разгадать, что скрывалось под надетой им на себя личиной, так искусно он умел носить маску.

Несколько позже штаб Южного фронта дал приказ Тухачевскому снова перейти в наступление, но тот неумелыми и неправильными действиями опять приказа не выполнил, и вместо того, чтобы продвинуться вперед, его армия вторично была отброшена назад, на этот раз – глубоко в тыл.

У Какурина так описана эта операция:

«Предпринятое 13 апреля наступление VIII армии 15 апреля уже было приостановлено противником на фронте ст[анция] Колпаково – р[ека] Северный Донец и в дальнейшем развивалось медленно и с упорными боями.

Однако (рукопись, стр. 157 – внизу листа три строчки оборвано⁴⁸¹)... группой противника, образованной на луганском направлении, и отброшена на Луганск, перешедший в руки противника 5 мая»⁴⁸².

В середине мая командование Южным фронтом, усилив VIII армию двумя стрелковыми полками, снова приказало ей перейти в наступле-

⁴⁸¹ Комментарий автора машинописи.

⁴⁸² У Н.Е. Какурина: «Однако к 25 апреля она все-таки достигла линии, указанной на схеме № 10. На этом фронте она была атакована маневренной группой противника, образованной им на луганском направлении, и отброшена на Луганск, перешедший в руки противника 5 мая» (Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В. Военная история Гражданской войны в России 1918–1920 годов. М., 2004. С. 91).

ние, на этот раз совместно с XIII и II украинской армией⁴⁸³ Махно. Против указанных трех советских армий общей численностью около тридцати двух тысяч штыков и сабель действовала кубано-добрвольческая армия⁴⁸⁴ генерала Май-Маевского, – около двадцати одной тысячи штыков. Таким образом, на стороне советских армий было явное превосходство.

Кроме того, наступление советских армий началось как раз в то время, когда армия генерала Май-Маевского приступила к крупной перегруппировке сил, которые, оттягиваясь с запада на восток, сосредотачивались против IX советской армии и, следовательно, оказались в невыгодных условиях для боя.

Несмотря на эти явные преимущества в пользу советских армий, общее наступление VIII армии Тухачевского вместе с XIII и II украинской советскими армиями потерпело полное поражение. Вначале это наступление имело успех, но VIII армия Тухачевского дальше Луганска продвинуться не смогла, вследствие чего все наступление пошло на смарку. Сначала оно остановилось, захлебнувшись в самом зародыше, а затем стремительно и неудержимо покатилося назад.

Какурин так описывает это наступление в своем «Очерке»:

«Контрманевр противника, начатый 19 мая в направлении на ст[анцию] Еленовка, полного своего развития достиг к 23 мая, когда части Махно откатились на сто километров назад. Заслонившись от них небольшим отрядом у ст[анции] Гришин, противник, пользуясь преобладанием в составе своих сил конницы, быстро перегруппировавшись к северу, обрушился на XIII армию, занимавшую в это время фронт ст[анция] Дружков[к]а – ст[анция] Николаевка, и в течение пятидневных боев, с 27 по 31 мая, окончательно смял ее.

1 июня она оставила г[ород] Бахмут и начала быстро откатываться к северу, остановившись лишь месяц спустя в районе гор[ода] Нов[ого] Оскола и отдав за это время противнику пространство глубиной 250 километров».

Так как VIII армия состояла из отборных коммунистических частей, отличавшихся особой стойкостью, то все неудачи, постигшие в этот период времени VIII армию Тухачевского, нужно отнести всецело

---

⁴⁸³ Н.И. Махно не командовал 2-й украинской советской армией. Армией командовал А.Е. Скачко.

⁴⁸⁴ Правильно – Добровольческая армия.

к неумелому, невежественному руководству и командованию командарма Тухачевского.

Да оно и понятно: до этого Тухачевский занимал лишь небольшие и незначительные командные должности, а потому для командования такой крупной тактической единицей, как армия, у него ни боевого, ни теоретического опыта не оказалось. Вместо того чтобы принять быстрое решение и сразу достаточными силами атаковать правый фланг противника, с глубоким его охватом, Тухачевский застрял в Луганске и предпочел невыгодную и нецелесообразную фронтальную атаку, что и отразилось пагубно на всей наступательной операции трех советских армий – VIII, XIII и II украинской.

Итак, дебют Тухачевского в Красной армии оказался полностью неудачным, и в тот период времени он проявил полную несостоятельность и неумение командовать армией.

Только позже, в более зрелом возрасте, Тухачевский проявил свои военные способности. Сталин считал Тухачевского посредственным спецом, но Гитлер оценивал Тухачевского иначе. Подготавливая поход на Россию, Гитлер был озабочен слухами о выдающихся военных способностях Тухачевского и решил устранить его со своей дороги. Он приказал Гиммлеру⁴⁸⁵ сфабриковать фальшивые документы, компрометирующие Тухачевского, и через Чехословакию подsunуть их Сталину. Услужливый Бенеш⁴⁸⁶ сыграл предательскую роль в деле, сообщив Сталину о якобы изменнической деятельности Тухачевского. Сталин предал последнего военно-полевому суду⁴⁸⁷. Суд, под председательством Вышинского⁴⁸⁸, сценически приговорил Тухачевского и его помощников к смертной казни.

При вторичной попытке командующего Южным фронтом овладеть Донецким бассейном была притянута IX советская армия. Последняя должна была сосредоточить две дивизии в районе Гундоровской

⁴⁸⁵ В документе – Химлеру. Гиммлер Генрих (07.10.1900–23.05.1945) – рейхсфюрер СС.

⁴⁸⁶ Бенеш Эдвард (28.05.1884–03.09.1948) – чехословацкий политический деятель, президент Чехословакии.

⁴⁸⁷ Группу военных деятелей во главе с М.Н. Тухачевским судило в закрытом заседании специальное судебное присутствие Верховного суда СССР.

⁴⁸⁸ На самом деле на заседании председательствовал В.В. Ульрих. Ульрих Василий Васильевич (13.07.1889–07.05.1951) – советский государственный деятель, армяноюрисст. Вышинский Андрей Януарьевич (22.11.1883–22.11.1954) – советский государственный деятель, прокурор СССР.

и Божедаровки. На левом фланге – устье р[еки] Донца и Каменская – оставить только одну дивизию. Совместно с VIII армией она должна была атаковать правый фланг и тыл противника.

Об этой операции в своих «Очерках гражданской войны» Какурин на странице 100 пишет:

«... содействие IX армии в новой операции, в силу изменнических действий ее командарма Всеволодова, вылилось в формы, которые никто не мог предвидеть. Он, в целях отдельного поражения своей армии, перебросил свой ударный кулак на правый берег Донца не там, где ему было указано, а на сто километров юго-восточнее и действительно подверг одну из дивизий отдельному поражению, после чего операции на участке IX армии приостановились. Наступление начала одна VIII армия».

В это время XIII армия начала разлагаться. В нее вошли в большом количестве контрреволюционные части, и оказать помощь IX армии она не могла⁴⁸⁹.

Обвиняя меня в измене, Какурин впадает в большое заблуждение. В этой операции я никакого участия не принимал, да и не мог принимать, ибо меня в то время на фронте не было. Я был в отпуску в Москве, на расстоянии в тысячу километров от фронта. На фронт я прибыл только 1 июня 1919 года.

Вторичная попытка IX армии перейти в наступление в помощь VIII армии на линию Звереве – Лихая окончилась неудачей. 30 апреля наступление прекратилось, и в середине мая неприятель сам перешел в наступление, прорвал центр и устремился в район ст[аницы] Вешенской, охваченной восстанием⁴⁹⁰. В этой операции я, находясь в отпуску, тоже никакого участия не принимал.

На странице 102 своих «Очерков» Какурин пишет:

«24 мая противник крупными силами переправился через р[еку] Донец на участке Калитвенная – Екатериновка и, развивая свой успех в направлении на ст[аницю] Миллерово, к которой его части подошли уже 29 мая, углубившись в расположение IX армии на 75 километров, стремился соединиться с очагом повстанческого движения в районе ст[аницы] Вешенской, что ему и удалось осуществить 7 июня».

⁴⁸⁹ На полях надпись, привязку которой к тексту определить не удалось: «К сожалению, не могу догадаться, что это за город».

⁴⁹⁰ Вешенское (Верхнедонское) восстание – вооруженное антибольшевистское выступление донских казаков (11.03–08.06.1919).

Также неверны сведения Какурина о моем участии в организации восстания казаков в станице Вешенской. На стр. 104 Какурин пишет:

«С наибольшим успехом развивалось наступление противника на участке IX армии. Здесь, очевидно, сказывалась вся совокупность неблагоприятных для нее условий, в виде восстания, разъедающего ее тыл, и изменнических действий ее командующего, который продолжал оставаться во главе ее».

Никакого участия я в восстании не принимал. Это восстание поднял не я, а войсковой старшина Миронов⁴⁹¹.

Имя Миронова было известно не только каждому донцу, но оно было популярно и во всей России. Миронов командовал в моей армии сначала двадцать третьей дивизией, а в период восстания на Дону – отдельным экспедиционным корпусом, сформированным из отборных частей исключительно для борьбы с повстанцами. Миронов, находясь в тесной связи с эсерами, пользуясь большой популярностью и неограниченным доверием, много раз играл своей буйной головой. Ведя двойственную игру, он поднимал восстания сразу в нескольких местах и тем оказывал громадное стратегическое влияние на весь Южный фронт.

Говоря об измене, Какурин был очень далек от понимания психологического положения командования советской армии. Аппарат советского командования в ту эпоху был окружен толстой броней членов Революционного совета и многочисленных комиссаров. За каждым не только высоким командным лицом, но и второстепенными лицами, только исполнявшими приказы, следили сотни зорких глаз комиссаров и шпионов. Зловещее слово – «саботаж» – повсюду висело в воздухе; оно слышалось на каждом шагу и днем и ночью и не сходило с уст членов совета и комиссаров.

Когда я, в январе месяце 1919 года, усталый и изнервничавшийся из-за непрерывных боев на фронте IX армии, попросил дать мне отпуск, то члены совета IX армии хором завопили, что желание идти в отпуск во время непрекращающихся боевых действий на фронте является саботажем и изменой и может повлечь за собой расстрел.

В штабе IX армии было пять офицеров Генерального штаба: я, полковник Корк, полковник Яцко, полковник⁴⁹² Ролько и, позже, генерал Карепов, бывший в царской армии командиром Сибирского корпуса

---

⁴⁹¹ Эти сведения неверны.

⁴⁹² Правильно – штабс-капитан.

и назначенный ко мне начальником штаба, когда я принял командование IX армией. Все мы были одного мнения: мы должны работать постольку поскольку и, не выказывая явной измены, всеми силами, насколько это было возможно, оказывать помощь белым армиям. Моя задача в этом плане сводилась к тому, чтобы искусными и предвзятыми докладами убедить и склонить командарма подписать какой-либо невыгодный для Красной армии приказ.

Принимая во внимание, что командармом IX армии был в то время Княгиницкий, бывший прапорщик инженерных войск, некомпетентный в управлении такой крупной тактической единицей, как армия, в силу чего выполнял свою роль лишь фактивно, – мне это легко удавалось. Я полагал, что тайной длительной работой и подсказыванием командарму выгодных для белых армий решений можно было оказать последним более существенную пользу, чем явной изменой, при которой, рискуя и играя своей головой, мы неминуемо были бы разоблачены и ликвидированы. Много раз, когда мы отдавали заведомо неблагоприятные для текущих операций приказы, мы скорбели и наши сердца больно сжимались, но поступать иначе мы не могли и утешали себя надеждой, что все это – временное; каждый из нас искал скорейшего выхода из создавшегося тяжелого положения.

Ворошилов

К востоку от IX армии оперировала X армия Ворошилова.

В этот период войны и революции Ворошилов представлял собою простого, с угловатыми манерами человека. Грубый, бестактный, упрямый, он жестоко обращался со своими подчиненными и производил отталкивающее впечатление. Только значительно позже он приспособился и стал понемногу разбираться в военных вопросах. Как и все коммунисты, он отличался жестокостью и подозрительностью; всюду он видел измену или контрреволюцию.

Генерал Носович, прибывший на фронт для работы и случайно попавший к Ворошилову, немедленно был им арестован и брошен в грязный трюм баржи⁴⁹³, стоявшей на Волге. Там Ворошилов его пытал, морил голодом, мучил допросами и уже хотел «пустить в расход», когда об этом узнали в штабе Южного фронта и приказали Вороши-

---

⁴⁹³ Эти и последующие утверждения о пребывании А.Л. Носовича под арестом на барже не соответствуют действительности.

лову немедленно препроводить генерала в г[ород] Козлов, где он был назначен на должность помощника командующего Южным фронтом.

Особенно неприятными чертами характера Ворошилова были: интриганство, мстительность и честолюбие – стремление властвовать и повелевать; он не переносил своих соперников и немедленно устранял их со своей дороги, нисколько не задумываясь над тем, какими средствами это допустимо было сделать; для него все средства, даже преступные, были хороши, если они вели к достижению его цели. Так, например, Носовича он хотел ликвидировать только потому, что видел в нем конкурента и боялся, что его назначат командармом X.

Еще рельефнее эта отрицательная черта характера Ворошилова выразилась позже, когда он сделался народным комиссаром и власть его достигла своего апогея. Как известно, Ворошилов всеми фибрами души ненавидел Блюхера⁴⁹⁴, в котором видел опаснейшего для себя врага и наиболее вероятного кандидата на занимаемый им пост.

Советско-китайская война 1928 года⁴⁹⁵ принесла Блюхеру славу, громадную популярность и подняла его на недосягаемую высоту. Лавры Блюхера не давали Ворошилову ни сна, ни покоя. Уже тотчас же после окончания советско-китайской войны в 1930 году, Ворошилов не выдержал и прикатил к Блюхеру, захватив с собою многочисленную свиту и окружив поездку большой помпой. Честолюбивая цель его была всякому понятна: он хотел, чтобы его имя произносили на праздничных торжествах и тем самым присоединили бы его к славе Блюхера, что, конечно, умалило бы и ослабило заслуги последнего перед Родиной. В 1936 году появились слухи о назначении Блюхера на пост заместителя наркома обороны. Ворошилов заволновался и решил действовать с тем, чтобы унижить достоинство Блюхера. С этой целью он назначил своим заместителем не Блюхера, которого он ненавидел, а командующего Приморской группой, командарма Федько⁴⁹⁶, который находился в подчинении у Блюхера, и тем самым подчеркнул, что Блюхер был недостоин такого высокого назначения, чем дискредитировал его в глазах подчиненных. Но и этого оказалось Ворошилову мало. Блюхер

---

⁴⁹⁴ Блюхер Василий Константинович (19.11.1890–09.11.1938) – Маршал Советского Союза.

⁴⁹⁵ Такой войны не было. Речь идет о службе В.К. Блюхера военным советником в Китае в 1924–1927 гг.

⁴⁹⁶ Федько Иван Федорович (24.06.1897–26.02.1939) – советский военный деятель, помощник командующего войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

не обращал внимания на мелкие уколы своему самолюбию и продолжал успешно работать. Тогда Ворошилов задумал попросту Блюхера ликвидировать, как можно скорее отправив его к праотцам. Его не смущало даже то обстоятельство, что Советский Союз был накануне войны с Японией, а потому смена высшего командования являлась не только нежелательной, но и преступной.

После целого ряда искусственно вызванных инцидентов, связанных с хасанскими событиями⁴⁹⁷, Ворошилов вызвал Блюхера в Москву и отправил его на Лубянку, где на одном из допросов полицейский комиссар первого ранга Ежов⁴⁹⁸ выстрелил ему в живот. Тяжело раненный Блюхер был помещен в кремлевскую гостиницу, а по выздоровлении расстрелян⁴⁹⁹.

Так избежался Ворошилов от своего чересчур опасного противника.

Во Вторую мировую войну Ворошилов хотя и получил высокое звание маршала⁵⁰⁰, но это выдвижение было искусственным, ибо военные способности его нисколько не улучшились и ранга маршала не заслуживали.

Так, будучи главнокомандующим Северным фронтом⁵⁰¹ и защитником Ленинграда, он, при первых же столкновениях с немцами, преступно очистил подступы к городу, благодаря чему уже 12 сентября 1941 года Ленинград был близок к агонии: 36[-я]⁵⁰² моторизованная и 1[-я] панцырная⁵⁰³ дивизии генерала Хопнера⁵⁰⁴ стояли в предместье города, на Дудергофских высотах. VI панцырный корпус был юго-западнее Демьянска. Командующий, генерал Манштейн⁵⁰⁵, только и ждал приказа Гитлера начать штурм города. Ночью 13 сентября приказ Гитлера пришел, но он штурмовать город не разрешал ни теперь, ни в будущем. Пришедший приказ гласил:

⁴⁹⁷ Бои у озера Хасан в 1938 г. между японскими и советскими войсками.

⁴⁹⁸ Ежов Николай Иванович (19.04.1895–04.02.1940) – народный комиссар внутренних дел СССР.

⁴⁹⁹ Эти данные неверны.

⁵⁰⁰ К.Е. Ворошилов стал Маршалом Советского Союза в 1935 г.

⁵⁰¹ Правильно – главнокомандующим войсками Северо-Западного направления и командующим войсками Ленинградского фронта.

⁵⁰² Между номером дивизии и ее названием в документе было указано: 1.0. Смысл этих цифр неясен.

⁵⁰³ Здесь и далее панцырный – танковый.

⁵⁰⁴ Гепнер Эрих (14.09.1886–08.08.1944) – германский военачальник, генерал-полковник.

⁵⁰⁵ Манштейн Эрих фон (24.11.1887–10.06.1973) – немецкий генерал-фельдмаршал.

«Город Ленинград не штурмовать. Объявить осадное положение и изморить его голодом».

Генерал Манштейн назначался командующим XI армией, действующей на юге против Крыма. Это, а не защита Ворошилова, спасло город и дало ему возможность выйти из безвыходного положения.

Во время боев на подступах к Ленинграду, когда Ворошилов быстро отступил, Сталин послал к нему на выручку генерала Власова⁵⁰⁶, но последний прибыл слишком поздно и восстановить положение не мог. Армия, защищавшая Ленинград, была расчленена на много частей и групп, разрозненно отступавших от периферии к центру. С одной из таких частей отступал и генерал Власов. При упорном сопротивлении противнику он был окружен и взят в плен.

Возвращаясь к Южному фронту Гражданской войны, необходимо отметить, что Ворошилов не проявлял там никакой дисциплины и уподоблялся праздному зрителю. Опираясь со своей X армией в стороне от главных операционных направлений и имея перед собой очень слабые силы противника, Ворошилов обладал широкой возможностью и множеством удачных случаев проявить собственную инициативу и активной работой оказать большую помощь остальным армиям Южного фронта и принести пользу общему делу. Но Ворошилов ничего не сделал, оставался глух и нем к нуждам фронта и пассивно сидел в Царицыне. За весь зимний период кампании 1918 года и начала 1919 он не проявил себя абсолютно ничем, а лишь бесцельно топтался со своей армией на одном и том же месте.

Не принимая никакого участия в наступательных операциях IX, VIII, XIII и II армий, Ворошилов был выведен из своей инертности лишь приказом командарма⁵⁰⁷ Южного фронта Гиттиса, который приказал ему перейти в наступление и перерезать железную дорогу Ростов – Тихорецкая. Не имея перед собой почти никакого противника, Ворошилов продвинулся вперед, заняв указанную ему линию. Когда противник образовал сравнительно небольшой заслон, – всего семь тысяч штыков и сабель, – наступление Ворошилова тотчас же захлебнулось, и он снова, как вкопанный, стал на одном месте, а позже начал пятиться назад. А между тем X армия была значительно сильнее этого

---

⁵⁰⁶ Власов Андрей Андреевич (01.09.1901–01.08.1946) – советский военачальник, перешедший на сторону нацистской Германии, главнокомандующий Русской освободительной армией.

⁵⁰⁷ Так в документе. Правильно – командующего.

заслона и, при разумном и умелом руководстве, могла бы не только отбросить, но и разбить его. Однако, в силу своей безграмотности и неумения, Ворошилов этого не сделал.

В «Очерках» Какурина так говорится об этом марионеточном наступлении:

«Наконец, 22 мая начал обозначаться успех противника и на царицынском направлении против X армии. Угрожая ее сообщениям с Царицыном глубоким обходом ее левого фланга со стороны Ремонтное, он принудил ее начать спешный отход на Царицын. В середине июня X армия была вынуждена отойти еще дальше, глубже, на позиции перед Царицыном».

Отсюда ясно, что командарм X, Ворошилов, показал в вышеуказанных операциях полную несостоятельность, неумение и невежество в управлении армией. Вместо того чтобы перейти в решительное наступление и смять семитысячный слабый заслон, Ворошилов растерялся, проявил преступную инертность и оказался не полезным участником операции, а простым зрителем, праздным и бестолковым. Он не оказал никакой помощи другим армиям, находящимся в непрерывных тяжелых боях. Здесь сказалось также отсутствие в штабе X армии надлежащего количества офицеров Генерального штаба, которых Ворошилов ненавидел: они могли бы подсказать неграмотному командарму, что нужно было делать в данном случае. Но офицеры Генерального штаба хорошо знали грубого, хамоватого Ворошилова и к нему не шли.

В конце мая белое командование, угрожая глубоким обходом левого фланга X армии, заставило ее отойти к Царицыну, а потом глубокий отход IX армии обнажил правый фланг X армии и, в случае дальнейшего отхода X армии, создавалась угроза Восточному фронту.

Большой, решающий успех белое командование имело и на своем крайнем левом фланге против XIV и XII советских армий, быстро откатывавшихся под нажимом белых армий.

Главной причиной неудач советских армий была измена в рядах красных частей. В плен сдавались не только отдельные лица, но целые части – батальоны и полки.

Неуспех красных армий перебросился и на партизанские части. Изменил и сам Махно.

К счастью красного командования, закончились операции на Восточном фронте и явилась возможность бросить на Южный фронт громадные подкрепления, которые и имели решающее значение. Это

был поворотный пункт. С этого времени белые армии стали неудержимо откатываться назад, очищая захваченную с боем громадную территорию.

Междоусобный бой 14[-й] и 23[-й] дивизий у хутора Сенно[вско]го

7 июня в девять часов утра разведчики донесли, что по правому берегу реки Медведицы движется сильная колонна войск всех трех родов оружия. Колонна, – гласило донесение, – двигалась с запада на восток, прикрывая свой левый фланг разлившейся рекой Медведицей.

Я приказал выслать против колонны сильный заслон, который должен был обеспечивать правый фланг двадцать третьей дивизии, двигавшейся, согласно общего приказа, на р[еку] Елань. Заслон встретил сильное сопротивление и, в одиннадцать часов утра, началась усиленная перестрелка передовых частей. К двенадцати часам перестрелка усилилась и к часу дня перешла в настоящий бой.

Чтобы лучше выяснить положение, я поднялся на церковную колокольню.

Бой разгорался. Появились раненые. Затрещали пулеметы. С колокольни можно было видеть красивую картину боя.

Мой автомобиль, в котором оставалась семья, стоял у церкви. Я предложил жене взойти на колокольню и посмотреть на редкую картину. Только что она поднялась ко мне, как со стороны противника грянул первый орудийный выстрел гаубичной батареи. Снаряды стали ложиться перед церковью и за ней.

Я приказал артиллерии двадцать третьей дивизии открыть огонь. Началась артиллерийская дуэль.

Быстро проводив жену к автомобилю, я приказал шоферу ехать в северном направлении, чтобы выйти из сферы огня. Только что жена села в автомобиль, как шальная граната с шумом разорвалась у самой машины и казак, помогавший жене сесть, упал, обливаясь кровью.

Заметив скопление на левом фланге дивизии конницы, я приказал Голикову атаковать неприятельскую кавалерию. Но противник опередил нас: блеснули шашки, сабли, и неприятельская кавалерия пошла в атаку... И вдруг случилось что-то неожиданное и непонятное: неприятельская кавалерия, быстро двигавшаяся вперед, стала замедлять ход и, наконец, совсем остановилась; группа всадников отделилась от своей части и, развернув белый флаг, направилась ко мне. Когда они

подъехали ближе, я увидел матросов, во главе с комиссаром четырнадцатой советской дивизии Степина:

– Товарищ командир! Приостановите огонь! Вы обстреливаете четырнадцатую дивизию Степина!

Получился афронт!..

На мой вопрос, почему Степин открыл огонь по двадцать третьей дивизии, комиссар резко ответил:

– Это мы узнаем завтра, когда разберем этот случай вместе с членами совета. Тогда мы увидим, кто прав и кто виноват! – и, повернув лошадь, со всей своей бандой поскакал обратно.

Огонь был приостановлен. Бой прекратился.

Я понимал, что предстоящий в Революционном совете разбор имевшего только что место недоразумения мог кончиться для меня плачевно, ибо им могли воспользоваться те, кто ненавидел офицеров Генерального штаба, и обвинить меня в предумышленном обстреле своей же, советской, кавалерии. Мои – бывшего генерала⁵⁰⁸ царской армии – шансы против Степина – коммуниста и советского начальника дивизии – были очень невелики.

Начало смеркаться, надвинулась ночь.

Хотя потери в этом бою были незначительны, но сам бой имел большое стратегическое, тактическое и моральное значение.

В стратегическом отношении этот бой совершенно расстроил и нарушил планомерный отход IX армии на новые исходные пункты. Так, потеряв на ведение этого нецелесообразного боя целые сутки, четырнадцатая и двадцать третья дивизии дали противнику большой козырь в выигрыше времени. Если еще утром 7 июня вышеуказанные дивизии, спокойно отступая, вышли из соприкосновения с противником, то уже к вечеру этого дня противник снова стал насаждать на их арьергарды, нанося чувствительные потери

К вечеру 7 июня четырнадцатая и двадцать третья дивизии расположились на ночлег у хутора Сенно [вско]го, не продвинувшись в этот день ни на один шаг. Обе дивизии находились в крайне неблагоприятных условиях: четырнадцатая дивизия Степина расположилась на левом берегу р[еки] Медведицы, а двадцать третья – на правом. Будучи разделены сильно разлившейся от дождей рекой, обе дивизии, особенно четырнадцатая, Степина, – легко могли под-

---

⁵⁰⁸ Полковника.

вергнуться отдельному поражению. Всю ночь ожидали нападения неприятеля, тем более что переправы через Нижнюю и Среднюю Медведицу были в его руках.

Остальные дивизии IX армии, не тревожимые противником, спокойно отошли на указанные им позиции, образовав, таким образом, опасный, большой разрыв между частями армии.

В тактическом отношении вынужденная потеря времени (целые сутки) заставила четырнадцатую дивизию Степина, совершенно изолированную от других дивизий IX армии, совершить опасный фланговый марш, двигаясь по левому берегу р[еки] Медведицы, подставляя себя под удары наседавшего противника. Опасность такого марша усугублялась еще и тем, что переправы через эту реку продолжали прочно оставаться в руках неприятеля.

Расстояние между нашим расположением и противником было всего три четверти или одна верста. Со стороны неприятеля слышались телефонные и телеграфные звонки, мелькали огни.

Мои нервы были взвинчены: меня очень беспокоила предстоящая встреча с донцами. Опасаясь эксцессов со стороны казаков, я решился на рискованный шаг. Я узнал, что в хуторе скрываются белые казаки, которых решил разыскать и послать парламентарями к донцам, сообщив им мое намерение перейти на их сторону.

Переход к донцам

Итак, послав одного из белых казаков к донцам, я, нервничая, стал ожидать их ответа. Я поставил условием перехода, что не буду арестован, что оружие останется при мне, что мой автомобиль не будет отобран и что моя семья будет в полной безопасности.

Перед уходом мой посланец привел ко мне молодого казака Горностаева, заявившего, что он – белый и с ним еще шесть казаков, прячущихся на задах, в огородах, и два пулемета «Максима»⁵⁰⁹. Я обрадовался. Приказал им до утра оставаться на задах, а на рассвете осторожно явиться ко мне. В два часа ночи вернулся посланный мною для переговоров казак с ответом: «Казачи ждуть меня с хлебом и солью; все мои требования будут свято выполнены!»

Итак, все было предусмотрено. Оставался еще один нерешенный вопрос: как быть с моим шофером?

---

⁵⁰⁹ В документе – «Максимы».

Мой шофер, Карманов, – небольшого роста, слабого сложения, – был симпатичным человеком и, насколько я знал, не был коммунистом. На всякий случай взяв револьвер, я подошел к Карманову и сказал:

– Карманов! Спасибо тебе за службу. Вот тебе твой гонорар, ты – свободен, иди куда хочешь! Я же перехожу к казакам, к белым.

Карманов выслушал меня без всякого удивления.

– Товарищ командир, – сказал он, – неужели вы не разгадали, что я не большевик и никогда им не буду. Разрешите мне остаться при вас. Я буду вам верен и глубоко благодарен. Моя жена живет в городе Камышине, у белых, всего в нескольких десятках верст отсюда и ждет меня. Я тоже поджидаю удобного момента, чтобы перейти к белым.

Я был очень обрадован и крепко пожал Карманову руку.

Итак, последнее препятствие отпало. Путь к свободе открыт. Уверенность в благополучии завтрашнего дня у меня была полная. Страх прошел. Я верил твердо, что иду навстречу своим друзьям. Я верил, что донцы встретят меня хлебом и солью.

Раздался последний телефонный звонок. Начальник дивизии Голиков передавал:

– Товарищ командарм! Дивизия, согласно вашему приказу, выступила. Имейте в виду, что сейчас сторожевое охранение снято, а потому ваше положение становится очень опасным и рискованным.

– Спасибо, товарищ начдив! Я тоже выступаю, – ответил я. Это был мой последний разговор с Советами.

Заря постепенно угасала. Бледно-розовые лучи восходящего солнца стали меняться, переходя в бледно-голубой цвет. Наступал день. Вокруг была таинственная тишина. Стая диких уток пролетела мимо.

Я всем сердцем чувствовал предстоящую радостную встречу с донцами.

На гребне холмов показались темные силуэты казаков Голикова с пиками и пестрыми значками, покидавших хутор. Стройными рядами казачьи сотни с песнями уходили на восток...

Получалась странная, нелепая аномалия: я, командарм IX, находился ближе к противнику, чем казачья дивизия, по крайней мере, на полторы версты да еще вместе с семьей! Я и до сих пор не могу понять, каким образом члены Революционного совета армии могли этого не заметить и оставили меня безо всякого надзора и наблюдения? Впоследствии я узнал, что за эту роковую ошибку и нерадение два члена совета были разжалованы в солдаты и отправлены на фронт.

Когда при первых проблесках восходящего солнца исчезли последние силуэты казаков, я перекрестился три раза и тронулся в неведомый, туманный и небезопасный путь. Я, жена и дети сидели внутри автомобиля. Белые казаки, сопровождавшие меня, разместились: один, с пулеметом, рядом с шофером; двое, с пулеметом, сели в автомобиль вместе со мной; остальные, с винтовками, – по два на каждой подножке.

Ехали без дороги, полем и, ввиду большой нагрузки, медленно. Местность представляла собою болотистую, кочковатую тундру.

Подъезжая к переправе через Медведицу, я увидел казачью сотню, выстроенную развернутым фронтом. Сердце мое забило сильнее: «Ага, это почетный караул! – думал я. – Значит, все благополучно».

Подъехав на сто шагов к сотне, я вышел из автомобиля и направился к казакам. Стоявший впереди сотни офицер, очевидно командир, вынул шашку и, салютуя, подъехал ко мне. Я же глазами искал почетную депутацию с хлебом и солью, однако никакой депутации не увидел.

Командир сотни и три казака подъехали ближе, и командир обратился ко мне со следующими словами:

– Генерал! По приказанию моего начальства, я вас арестую. Постарайтесь сдать вашу шашку, револьвер и ценные вещи.

У меня потемнело в глазах, ноги подкосились. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – подумал я. – Где же честное и благородное слово донского казака?!»

Отобрав у меня шашку и два револьвера, меня посадили в автомобиль и повезли в штаб дивизии. Казачий офицер в чине хорунжего сел с правой моей стороны, посередине между мною и женой. Он вынул револьвер, приставил его к моему правому виску и сказал:

– Если вы сделаете попытку к побегу и неповиновению, я вас застрелю!

Выглядел он возбужденным, зверским и решительным. Он был готов на все.

Так мы ехали в штаб дивизии. На каждом ухабе мы все высоко подпрыгивали, и я рисковал получить пулю в висок.

В штабе дивизии меня встретил войсковой старшина Егоров и два офицера, руки мне не подали, держали себя надменно и, я бы сказал, – нахально.

Я подумал: «Какие же вы идиоты высокого полета! К вам добровольно явился командир IX советской армии и принес чрезвычайной важности, неоценимые сведения и документы, а вы отворачиваете от него нос. Какие же вы необразованные хамы!»

После десятиминутного разговора меня повезли в штаб Первого Донского корпуса Генерального штаба генерала Алексеева. Грубый и полудиккий хорунжий исчез. Его заменил урядник старшего возраста, с бородкой и проседью, лет сорока восьми. Он был вооружен винтовкой, имел добродушное, приятное лицо, спокойный взгляд и производил симпатичное впечатление; в противоположность хорунжему, он был вежлив и предупредителен.

Мы ехали молча. Я был подавлен и разбит. Черные, тревожные мысли роились в моей голове, кто-то шептал мне на ухо: «Беги обратно, пока еще не поздно, не то тебя расстреляют. Скажешь, что ты попал в плен и бежал!»

Значит, все, что говорили и писали о донцах, было правдой! Но как я мог бежать, когда со мною были жена и дети? Да и кто мне поверит, что я попал в плен? – членов совета не проведешь!

В штабе Первого Донского корпуса

Проведя в дороге целый день, мы прибыли в штаб корпуса. По дороге я предусмотрительно снял погоны на тот случай, если меня захотят деградировать и их срывать.

Прибыв в штаб, я представился генералу Алексееву: – Честь имеет представляться бывший Генерального штаба генерал⁵¹⁰ Всеволодов, – сказал я.

Генерал посмотрел на меня ласково, улыбнулся:

– Почему бывший? А разве теперь вы не генерал? А где ваши погоны?

Я ободрился. Генерал Алексеев дал мне чернильный карандаш, бумагу и сказал:

– Генерал! Вы – Генерального штаба и знаете, что нужно нам сообщить. Пишите! После мы с вами поговорим, а пока прошу принять от меня официальную искреннюю благодарность за ваш переход и сообщение важнейших стратегических и тактических данных. Вы честно исполнили перед Родиной свой долг офицера Генерального штаба.

Я подробно изложил стратегическую и тактическую обстановку на фронте IX армии, расположение частей, численность их и задачи, а также намерения соседних армий. Фланговый отход IX армии на линию рек Елань – Терса обнажал путь на город Балашов, где сосредоточены были громадные запасы – склады для разверстки имущества по армиям Южного фронта.

---

⁵¹⁰ Полковник.

Впоследствии я получил от генерала Алексеева следующий документ:

«Сим удостоверяю, что переход командарма IX советской армии генерала Всеволодова имел громадное стратегическое и тактическое значение.

Благодаря обнажению фронта на Балашов, Донской армии попали неисчислимые трофеи. Было захвачено: все интендантское, артиллерийское и инженерное имущество, сосредоточенное в г[ороде] Балашове, два военных госпиталя, авиационное имущество и двести пятьдесят орудий, предназначенных для разверстки по советским армиям Южного фронта.

Подпись: Генерал Алексеев, командир Первого Донского корпуса».

Так как я ранее знал, что при переходе офицеров к донцам последние отбирали все золотые и ценные вещи, то я все золото и бриллианты закопал в землю у себя в саду на ст[анции] Серебряково, где проживал. Вернувшись туда после перехода к белым, я все нашел в полном порядке, но очень напугал местных жителей, которые, увидя меня, подумали, что красные снова вернулись в Серебряково.

Вскоре я, уже без всякой охраны, был отправлен генералом Алексеевым в Ставку генерала Деникина, в г[орода] Екатеринодар.

Мой автомобиль был отобран.

В город Екатеринодар я прибыл с семьей через две с половиной недели. Пробыв там три недели, мы, вместе со Ставкой генерала Деникина, переехали в город Таганрог, где я и стал ожидать решения полевого суда, которому был предан.

Город Таганрог

Город Таганрог в июньские и июльские дни 1919 года сделался центром большого движения. Сюда переехала Ставка главнокомандующего генерала Деникина. Здесь же обосновались многие отделы артиллерийского, интендантского и инженерного снабжения. Ввиду интенсивных боев на фронте через Таганрог стали проходить партии военнопленных, перебежчиков и беженцев.

Добровольческая армия с большим успехом продвигалась вперед. Красная армия, наполовину дезорганизованная, откатывалась по всему фронту назад, к северу.

В штабе белого фронта околачивались десятки тысяч офицеров, от подпоручиков до генералов. Все они безучастно и праздно шатались по городу и штабу, интересуясь лишь последними сведениями с фронта.

Большая часть их уже была реабилитирована и профильтрована, однако только немногие хотели идти на фронт, остальные считали более выгодным «сидеть у моря и ждать погоды».

Население захваченных белыми районов сначала радушно и сердечно встречало Добровольческую армию, отдавая ей все излишки и поддерживая ее морально, но белых это не удовлетворяло, снабжения было мало, и потому сначала началась законная реквизиция, перешедшая затем в безудержный и повальный грабёж. Грабили все, что попадало под руку: скот, лошадей, свиней, золото, серебро, всякие ценные вещи и вообще все, что плохо лежало. Перед населением встала дилемма, кто больше грабит – белые или красные? Симпатии к белой армии стали ослабевать и перешли в равнодушие, а иногда и ненависть. Белых стали считать такими же грабителями, как и красных, и начали оказывать им явное сопротивление.

В Таганроге я очутился перед проблемой: как прокормить себя и семью? Деникинское правительство не оказывало абсолютно никакой помощи несчастному, пострадавшему у красных офицерству, которое было загнано в тупик и предоставлено самому себе.

Я решил заняться коммерцией и, достав вагон-теплушку, отправился в Новороссийск за товаром. На последние имевшиеся у меня гроши я купил: ситец, спички, щетки, гребенки, ленты, шпильки, булавки и, преобразившись в Фигаро, привез все это в Таганрог. Переодевшись в штатское платье, я, вместе с деревенскими бабами и мужиками, расположившись прямо на земле в рядах таганрогского базара, стал продавать свой товар. Дело пошло хорошо. Вначале было как-то странно и неприятно сидеть рядом со всяким сбродом, но постепенно я привык к своей новой роли. Это была ирония судьбы: вчера – командующий армией, сегодня – мелкий торгаш. Но я не роптал на Бога. Я радовался, что был на свободе и не имел над собой никакого контроля.

Продав товар, я снова отправился в Новороссийск за новой партией. Так и текли грустные, томительные дни, но зато в течение шести месяцев я спасал себя и семью от голода и был счастлив чувствовать себя вольным и свободным человеком, а не крепостным, безвольным членом коллектива, каким я был в Советской России.

Прошло шесть месяцев. Обстановка резко изменилась и – не в пользу белых: Добровольческая армия неудержимо покатилась назад, города и селения отдавались одно за другим. Настроение армии упало. Развязка приближалась.

Красная армия снова пошла вперед.

В эти трагические дни высшее командование наконец вспомнило о тех несчастных офицерах, которые, против своей воли, слонялись из угла в угол, и стало спешно разбирать их дела.

Пришел и мой черед, 6 декабря⁵¹¹ был назначен военно-полевой суд. К этому времени, к моему большому удовлетворению, в Таганроге объявился чуть ли не весь состав штаба бывшей моей IX советской армии: здесь был бывший начштаб IX генерал Карепов; сюда же прибыли полковник П. и начдив 14 Ролько; перебежали и многие офицеры моей армии, занимавшие ответственные посты.

Суд состоял из двенадцати судей и председателя. Судьями были офицеры в штаб-офицерских чинах.

На суде генерал Карепов показал советскую газету, которую он захватил с собой. В этой газете, на первой странице, крупным и жирным шрифтом было напечатано:

Собаке – собачья смерть. – Бывший командарм IX, царский прислужник, белогвардеец и контрреволюционер Всеволодов изменнически перешел на сторону белых. Однако он просчитался и был жестоко наказан. При переходе фронта он был арестован белыми и предан военно-полевому суду. Суд приговорил его к смертной казни через расстрел. Приговор был приведен в исполнение 25 августа 1919 года в 4 часа утра.

Так ввали советская печать и радио, запугивая всех тех офицеров, которые желали бы последовать моему примеру.

В ответ на это ложное сообщение белое командование пригласило меня в Ставку и предложило мне дать по радио опровержение, что я и сделал. Оно гласило: «Всем, всем, всем! Я, бывший командарм IX армии, заявляю, что сведения, помещенные в советской печати, о моем аресте и расстреле – ложны, не соответствуют действительности и являются провокацией. Я жив, здоров и нахожусь на свободе при Ставке главнокомандующего генерала Деникина».

Показания офицеров моей бывшей армии, и особенно генерала Карепова, сыграли большую роль в моем деле, которое разбиралось военно-полевым судом 6 декабря 1919 года. Суд, рассмотрев дело, вынес мне оправдательный приговор. Председатель суда особо благодарил меня за решение, при боевой обстановке, перейти к белым и за

---

⁵¹¹ 19 декабря по новому стилю.

сообщение важных оперативных сведений, которые были неоценимо полезны для белого командования.

На следующий после суда день я был вопреки правилам назначен начальником штаба обороны Таганрогского района.

Оборона Таганрога была только показательной и теоретической, ибо для настоящей войск было совершенно недостаточно. Таганрог и его район являлись заслоном и обеспечением левого фланга Добровольческой армии, отступавшей на Ростов – Новороссийск. Из Таганрога единственный фланговый путь отступления шел на Ростов; другие пути – через Азовское море и р[еку] Дон – вследствие сильных морозов не могли быть использованы. Поэтому и оборона Таганрога была очень проблематичной, так как левый фланг ее легко обходился противником.

Отступление из Таганрога

К концу декабря 1919 года положение белых в стратегическом отношении стало катастрофическим. Противник сильно нажимал по всему фронту. К 19 декабря⁵¹² выяснилось, что Таганрог удержать невозможно. Создалась громадная опасность быть отрезанными от единственного пути отступления на Ростов.

Утром, как всегда, я отправился с докладом к начальнику обороны генералу Виноградову⁵¹³. Войдя в помещение штаба обороны, я хотел пройти в кабинет генерала и уже взялся за ручку двери, как вдруг девушка – уборщица помещения – подскочила ко мне и, загородив дорогу, сказала:

– Генерал! Бегите отсюда скорее, пока вас не заметили! В кабинете генерала сидят красные и о чем-то совещаются. Генерал вчера еще вечером убежали и поехали на восток, видимо в Ростов.

Оказалось, что красные неожиданным налетом на Таганрог захватили и утвердились в его юго-западной части.

Я опроретью выскочил из помещения и полным ходом полетел на Котельный завод, где я занимал квартиру. Котельный завод и станция были еще в наших руках. По телефону я приказал коменданту станции немедленно прицепить мою теплушку к первому поезду,

---

⁵¹² 1 января 1920 г. по новому стилю.

⁵¹³ Вероятно, Виноградов Михаил Николаевич (14.10.1868–09.1960) – генерал-майор.

отходящему на Ростов, и через полчаса она была уже прицеплена к «бронепоезду».

Не проехали мы и десяти верст, как вынуждены были остановиться: станция Морская, через которую мы должны были ехать, наш единственный путь отступления, – была захвачена кавалерией Буденного.

Мы остановились. Тут я увидел военного, бегущего с револьвером в руках. Он угрожал машинисту, требуя, чтобы тот во что бы то ни стало отправил поезд. Увидя меня и узнав, что я – начальник обороны, он извинился и сообщил, что командует отрядом танков и не знает, как пробраться на Ростов. Наконец он решил идти по льду Дона, но, как я узнал впоследствии, лед был слаб, не выдержал тяжести и провалился, увлекая за собой весь обоз.

Мы не двигались с полчаса, а за это время наши части с помощью бронепоезда отбросили конницу и снова овладели ст[анцией] Морской, дав нам возможность благополучно проскочить на Ростов, но лишь только наш поезд под сильным обстрелом противника миновал станцию, последняя была снова занята красными.

Город Ростов представлял собою грустное зрелище: в северо-восточной части его шел горячий бой; на площадях и важных перекрестках дорог, на фонарных столбах раскачивались трупы повешенных и на каждом была карточка с надписью и указанием причины казни. Вот висит хорошо одетая, в каракулевом саке и такой же шляпе, молодая женщина, на карточке надпись: «Повешена за шпионаж для буржуев». Труп уже посинел и застыл, глаза выпучились, рот искривился, тело зловеще покачивалось ветром из стороны в сторону...

На всех улицах высились баррикады из разной мебели, повозок, досок и кирпичей.

Не задерживаясь в Ростове, я проехал в Новороссийск.

Город и порт Новороссийск

В Новороссийске начальник-главнокомандующий генерал Лукомский⁵¹⁴ назначил меня начальником штаба обороны Новороссийского района. Начальником обороны был генерал Носович.

---

⁵¹⁴ Лукомский Александр Сергеевич (10.07.1868–25.02.1939) – генерал-лейтенант, помощник главнокомандующего ВСЮР и начальник военного управления.

Оборона Новороссийского района была не в лучшем положении, чем оборона района Таганрогского, и сводилась лишь к простой охране города.

Город лежал в глубокой ложине, окруженной с южной стороны Черным морем, а с трех остальных сторон – большими хвойными и лиственными лесами.

В пяти-шести верстах к северу, в лесу, находилась фабрика шампанского Абрау-Дюрсо, которая, как сильным магнитом, притягивала к себе многие части, учреждения и отдельных лиц, страдающих слабостью к живительному эликсиру. Как паломники, длинными вереницами тянулись туда бесчисленные небольшие отряды и экскурсии за ценной и привлекательной добычей, и все они сделались объектом нападения зеленых, засевших по обочинам дороги, и принуждены были вести непрерывный бой.

Зеленые

Зеленые – это ни белые, ни красные; это – своевольные люди, склонные к сепаратизму, не признающие никакого порядка, близкие к анархистам, это – нелегальные люди: дезертиры, перебежчики, пленные и вообще разный беспокойный и преступный сброд. Они располагались в лесах и рыбацких хижинах по побережью Черного моря.

Дорога к Абрау-Дюрсо была извилистой, все время шла зигзагами среди ущелий и лесных дефиле. Зеленые открывали убийственный огонь из ружей и пулеметов, и от такого огня – перекрестного и флангового – погибло очень много людей, охотившихся за драгоценным напитком.

Ночью в Новороссийске, ложась спать, раздеваться было нельзя. Почти каждую ночь была тревога. Зеленые, хорошо вооруженные, по ночам спускались с гор, налетали на город и грабили что только могли. В феврале 1920 года они ночью напали на городскую тюрьму и освободили всех сидевших в ней преступников, после чего грабежи и насилия в городе еще более участились.

На противоположной стороне бухты находилось сел[о] Кабардинка, где после шести часов вечера ходить было очень опасно.

Однажды вечером зеленые увели в горы молодую шестнадцатилетнюю девушку, дочь полковника; ночью увели в горы полковника 4-го

гусарского Мариупольского полка Хартена⁵¹⁵ и там расстреляли; туда же увели адъютанта этого полка поручика Сухина⁵¹⁶; женщин в самом городе похищали даже днем и уводили в горы. Никто не возвращался.

В одну из таких ночей я проснулся, разбуженный шумом и громким разговором во дворе. Почти тотчас же кто-то постучал в дверь, и, открыв ее, я увидел восемь человек, одетых в военную форму.

– Я – начальник штаба зеленой армии, – сказал один. – Потрудитесь дать нам ключи от продовольственного склада, который находится у вас во дворе. Если вы ключей не отдадите, – должны будете следовать за нами в горы...

Сопrotивление было невозможно. Я дал ключи.

Забрав продовольственные припасы, зеленые удалились, вежливо меня поблагодарив. Так легко я от них отделаeлся, а могло быть гораздо хуже!

Продовольственные запасы нам все равно не были нужны, ибо на следующий день мы должны были грузиться на английский пароход, уходящий в Константинополь, и взять с собой припасы все равно не могли.

В начале марта в город Новороссийск прибыл генерал Деникин. – Какая проклятая яма, – сказал он, выйдя из автомобиля. – Все кончено!

Это было последним аккордом в симфонии белого командования. Организовать оборону, в силу географического положения местности, покрытой сплошным лесом и горами, было невозможно, да и бесполезно. Оставалось одно – паковать чемоданы и следовать за границу, в Турцию.

Английский миноносец

9 марта⁵¹⁷ я получил приказ отправиться на стоящий в порту на внешнем рейде английский миноносец и, по соглашению с английским командованием, обстрелять известный лесной район, в котором, по данным разведки, находились зеленые.

Я поехал к англичанам, взяв с собой четырнадцатилетнего сына Николая, бывшего кадета Николаевского кадетского корпуса.

---

⁵¹⁵ Хартен Эдуард Оскарович (12.05.1860–1920?) – генерал-майор, командир бригады Кавказской кавалерийской дивизии. Участник Белого движения на Юге России.

⁵¹⁶ Известен Сухин Георгий Львович (?–23.03(05.04).1920) – генерал-майор 4-го гусарского Мариупольского полка. Участник Белого движения на Юге России. Взят в плен и расстрелян у станции Крымской.

⁵¹⁷ 22 марта по новому стилю.

Прибыв на миноносец и познакомившись с английским командованием, мы взяли курс к намеченному месту. Погода была дивная. Солнце ярко светило, освещая всю лесную полосу, предназначенную для обстрела. Дельфины игриво выскакивали из воды и сопровождали нас всю дорогу до места назначения.

После короткого совещания операция началась. Английский миноносец открыл огонь по зеленым. Раздались оглушительные орудийные выстрелы, потрясшие воздух и раскатившиеся гулким эхом по прилегающим горам и ущельям. В результате от небольших рыбацких хат, расположенных по берегу моря, осталось одно воспоминание; только яркое зарево огня над избушками свидетельствовало, что здесь когда-то что-то было. Последующие залпы беспощадно громили лес.

Окончив обстрел указанной в приказе местности, мы отправились на базу в порт. Сумерки быстро спустились на землю и покрыли непроходимой пеленой побережье Черного моря. Солнце скрылось за лесом. Вечерние зори померкли. Наступила черная южная ночь.

Но я был в невеселом раздумье: кто был инициатором этого бессмысленного обстрела? Кому нужен был разгром и уничтожение пятнадцати-двадцати избушек бедных рыбаков? Сколько их погибло? Сколько женщин, детей и стариков пали жертвой этой бессмысленной канонады!?

Англичане были довольны. Они, наверное, думали, что уничтожили целую армию зеленых. А на самом деле, я был больше чем уверен, что никаких зеленых в районе не было – ни одного! Были там лишь бедные и невинные рыбаки.

Потопление английского моторного катера

Поздно, в десять часов вечера, мы вошли в порт. Подали небольшой катер, чтобы отвезти нас на сушу, на нем было всего лишь четыре матроса.

Распростившись с англичанами, я с сыном отправился на берег. Не доплыв до берега двухсот – двухсот двадцати пяти метров, мы обнаружили, что внезапно загорелся мотор. Бензин стал просачиваться на дно катера. Пламя разгоралось. Все попытки английских матросов потушить пожар не удались. Пламя поднялось на два метра в высоту, и громадное зарево освещало море.

Вблизи мотора стояли два бетона с бензином. После отчаянной борьбы с огнем один матрос подскочил ко мне и вполне понятными движениями показал, что нам надо бросаться в море.

Наше положение сделалось катастрофическим. Каждую минуту мы ждали взрыва бензина. Жара стояла невероятная в катере и вокруг него, но вода была холодной, как лед. Я плавал хорошо, но мой сын хотя тоже умел плавать, но покрыть расстояние в двести метров и добраться до берега едва ли мог, да еще в одежде, – на нас были надеты тяжелые шинели и высокие сапоги.

Английские матросы один за другим бросились в море, и у нас не было иного выхода, как следовать за ними. Сбросив шинели и сапоги, мы прыгнули в холодную воду, и не знаю, чем бы кончилась эта морская экскурсия, если бы к нам не подошла помощь.

К нашему великому счастью, командующий английской эскадры производил объезд судов и случайно увидел пламя, доходившее до четырех метров вышины. Флагманский катер быстро подошел к месту катастрофы и взял нас на борт. После ледяного купанья в море, при десяти-двенадцати градусах, я и сын, промокшие до мозга костей, были снова отвезены на миноносец, где нас провели в лазарет, заставили переодеться и дали выпить изрядную порцию виски.

Через три минуты после того, как мы покинули катер, он взорвался и стал медленно погружаться в воду. Не было никаких сомнений, что, если бы командующий английской эскадрой не заметил катастрофы, мы неизбежно погибли бы.

Уже ночью, в английской форме, мы возвратились домой.

Целый ряд ночных нападений зеленых и особенно последний инцидент с катером, купанье в море и безнадежное положение на фронте побудили меня принять решение покинуть Новороссийск и окончить борьбу с красными.

Остров Лемнос⁵¹⁸

14 марта я и семья погрузились на английский угольщик⁵¹⁹ и отправились в Грецию. Почти по пятам за нами шел небольшой пароход, нагруженный и переполненный до отказа беженцами.

К вечеру, когда мы достигли середины Черного моря, началась сильная буря, перешедшая в шторм. Наш громадный угольщик сильно качало с борта на борт. Ходить по палубе было невозможно, а так как все пассажиры были устроены прямо на полу, то нас стало перекаты-

⁵¹⁸ В документе – Лимнос.

⁵¹⁹ В документе – угольник.

вать из стороны в сторону. Дети плакали, женщины молились, стоя на коленях. Я тоже не чувствовал себя храбрым и особенно взволновался, когда пароход, шедший за нами, стал давать сигналы «СОС». Он шел с креном градусов в тридцать-сорок на правый бок.

Темнота была кромешная. Буря свирепствовала. Ночью слышались отчаянные гудки. К утру шторм стал утихать, но море все еще было бурным.

Оглянувшись назад, мы не увидели шедшего за нами парохода. Он погиб, увлекши за собою в пучину всех пассажиров.

Прошло около недели, и мы, минуя Босфор, Мраморное море и Дарданеллы, достигли острова Лемнос, где нас оставили на пароходе держать карантин, а через две недели высадили прямо на голую землю. Скорпионы и тарантулы пугали всех, особенно детей. Ночи были страшно холодные, теплой одежды не хватало, и мы очень мерзли. Жизнь тянулась монотонно и скучно.

Константинополь

Через полтора месяца мы, наконец, очутились в турецкой столице. Первое впечатление от города было восторженное. Восточные минареты, бывший храм Св. Софии, переделанный в мечеть, Мраморное море, Золотой Рог, Стамбул, Перу – производили чарующее впечатление. Окрестности Константинополя – Терапия, Бебек, Бешиг-Таш⁵²⁰ и другие – дополняли волшебную панораму мирового города, лаская взгляд красотой. Особенно красив Константинополь вечером, когда зажигаются огни, а с минаретов раздаются звонкие голоса тулумбахов⁵²¹, призывающих правоверных к молитве: «Аллах-верди! Аллах-верди!»

Оригинален город во время большого мусульманского праздника «Ваурам»⁵²². В этот день, поздно вечером, молодые турки и подростки, почти голые и босиком, в любую, даже самую холодную, погоду бегут по улицам города, издавая особые крики и возгласы.

Движение в Галата и Перу уже в то время было очень сильным, сновали Кадиллаки и Рол[л]ь[s]-Ройсы вперемежку с Фордами, а интенсивное, непрерывное движение военных и коммерческих судов и бесчисленного множества шхун в Мраморном море только дополняли бурливую картину города.

⁵²⁰ В документе – Бешиг-там.

⁵²¹ Видимо, так Всеволодов именует муэдзинов.

⁵²² Байрам.

Нас привезли в русское посольство и разместили прямо на полу. Питаться мы должны были на собственный счет.

При выдаче наших вещей с английского парохода оказалось, что «симпатичные» англичане взяли у многих пассажиров, в том числе и у меня, наиболее ценные вещи. У меня из массивного сундука, окованного железом, они умудрились вынуть дорогой соболем палантин жены, мех черно-бурой лисицы и два моих новых френча из дорогого английского сукна. Все это они взяли себе на память от бедного беженца. Всякие заявления и протесты были бесполезны и ни к чему не привели.

При помощи Земского союза я купил себе автомобиль Форд и начал работать как таксист. Дела пошли очень хорошо, и через два месяца я купил еще один автомобиль. При второй покупке произошел печальный инцидент:

Взяв с собою полторы тысячи турецких лир, я вместе с пятилетним сыном Борисом отправился в магазин на Перу. Меня предупредили, что в центре города много воров, и потому я крепко держал деньги в левом кармане брюк. Я хотел уже войти в трамвай, когда три турчанки загородили дорогу; они топтались на одном месте, не шли ни вперед, ни назад. Толкнув их, я на одну секунду вынул руку из кармана, чтобы посадить сына, но когда я снова опустил руку в карман, денег в нем не было. Оглянувшись, я увидел турчанку лет пятнадцати, удиравшего во все лопатки, и, соскочив с трамвая, бросился за ним, но он успел смешаться с толпой и исчез.

Квартиры в Константинополе были очень дорогие, и я решил построить из ящиков небольшой домик. У французов я получил разрешение, а американцы дали мне пятьдесят ящиков, которые мы с сыном разобрали, я купил бруски, и через двадцать пять дней мы жили уже в своей собственной «вилле» из двух комнат. В каждой комнате было венецианское окно, стены были оштукатурены и оклеены обоями, а в одной из комнат я собственноручно сделал русскую печь и плиту с духовкой. Перед домиком развели садик. Все это я делал с пятнадцатилетним сыном Николаем. Строили дом по книжке-справочнику.

Американцы удивлялись и приводили знакомых посмотреть на русскую изобретательность.

Жить в этом домике было хорошо и привольно. Но, как это часто бывает, за благом вслед идут печали, и вскоре нам пришлось все бросить и без оглядки бежать в Венгрию.

Пассажирами наших такси были главным образом американцы, французы и англичане, которые – естественно – при найме автомобиля отдавали предпочтение русским беженцам, что вызывало зависть и злобу у местных греческих и турецких шоферов, и они стали открыто нападать на русских, иногда даже с ножами; они прокалывали покрышки и шины наших автомобилей, выпускали бензин из баков и чинили прочие пакости; они убили несколько европейских шоферов.

Мне тоже суждено было пережить неприятное испытание. Однажды ночью я стоял с автомобилем у русского ресторана и, отойдя немного в сторону, был неожиданно окружен шестью турецкими подростками, вооруженными ножами. К счастью, у меня был револьвер и, отстреливаясь, я добрался до своего автомобиля, но вынужден был тотчас же уехать.

Другой случай был хуже. Я со старшим сыном стоял у ресторана. Было два часа ночи. Здесь же стояли еще три турецких автомобиля. Из ресторана вышли знакомые мне пассажиры и сели в мой автомобиль. Сын стал заводить мотор, как вдруг к нему подскочил турецкий шофер и ударил его так сильно, что он упал. Тогда я выскочил из автомобиля и дал шоферу в морду, да так, что тот полетел кубарем и ударился головой об железный шворень автомобиля, глубоко пробив себе затылок. Кровь полилась ручьем. Шофер стал орать во все горло, явился турецкий констебль и составил протокол. Сына он арестовал, и на следующий день мне пришлось бегать по комиссариатам и хлопотать об его освобождении, что немедленно и сделали англичане благодаря тому, что в городе была полиция «интералье»⁵²³.

Через два месяца сын получил повестку о явке в суд. Прочитав повестку, я сказал посыльному, что человек, которого он ищет, неделю тому назад уехал в Америку. Трюк имел успех.

Эти два инцидента решительно повлияли на нашу дальнейшую работу. Турецкие шоферы вели себя агрессивно и утверждали, что они все равно убьют моего сына. Я знал, что с азиатами шутить нельзя, тем более что они не ограничивались угрозами: незадолго до этого закололи до смерти одного европейского шофера.

Кроме того, работа сделалась опасной. Самые лучшие поездки были в Терапию, они хорошо оплачивались, но дорога туда шла сплошным лесом и крутыми зигзагами, и на ней начались вооруженные грабежи

---

⁵²³ Межсоюзническая.

и нападения. Грабили богатых пассажиров. Тяжело ранили русского купца Зотова...

Решив покончить с работой на автомобиле, я снова отправился к французам и получил разрешение открыть на площади Таксим чайную.

Кафе «Таксим»

Площадь Таксим очень красивая и расположена в самом бойком центре города; от нее начиналась самая большая улица, Перу.

Купив пятьдесят табуреток, большой русский самовар и маленькие стаканчики, я начал торговать и, нужно сказать, – с самого начала удачно. Турки и греки очень любят чай и кофе, часами сидят в тавернах, выпивая по пятнадцать-восемнадцать маленьких стаканчиков этих напитков. Через неделю у меня было уже сто табуреток, но и их оказалось мало. В дополнение к чаю и кофе я стал продавать рубленные котлетки, яйца и местные блюда – тефтели по-гречески, бараньи головки и разные закуски. Сначала чайная была под открытым небом, но в октябре месяце, когда стало холодно, я построил из досок барак с восемью громадными окнами зеркального стекла и простые столики заменил мраморными.

У самого кафе рос красивый, развесистый вековой дуб, под которым была стоянка такси и где я оставлял свой автомобиль, управляемый нанятым русским шофером или мной и сыном.

Однажды, около двенадцати часов ночи, над Константинополем разразилась сильнейшая буря, одна из тех опасных в этих местах бурь, которые причиняют большие разрушения и убытки; ветер при этих бурях настолько сильный, что переворачивает легковые автомобили.

Ветви гигантского дуба у нашего кафе с шумом и треском ломались и падали на землю. Решив ехать домой, я с сыном только что покинули стоянку под дубом, как вдруг под мощным порывом урагана наш вековой, могучий дуб зашатался и, вырванный с корнями, глухо повалился на землю, погребая под собой стоявшие там автомобили. Стоило нам задержаться под деревом на две-три минуты, и мы неминуемо погибли бы оба.

Другой опасный случай произошел в Бебеке. Бебек – это красивое дачное местечко, расположенное на высокой горе, находящейся на живописном берегу Мраморного моря. Дорога в Бебек идет крутыми зигзагами и упирается в набережную Мраморного моря.

Мы уже доехали до середины спуска, как вдруг в автомобиле лопнула шестеренка ножного тормоза, и он неудержимо покатился вниз, ибо ручной тормоз был неисправным и задержать движение я никак не мог. Чтобы не выкупаться в море или не разбиться, мы с сыном должны были на полном ходу выскочить из машины, что мы и сделали. Автомобиль с ошеломляющей скоростью устремился вниз, к набережной, но не скатился в море, а на всем ходу влетел на стоявшую у причала большую шхуну, со всего разгона ударился о стоявшие на ней большие бронзовые весы и остановился. Он сильно пострадал: радиатор лопнул, передняя ось согнулась в дугу, крылья и кузов были погнуты.

Хозяин шхуны подал на меня жалобу, требуя вознаграждения за понесенные убытки, и через несколько дней я получил повестку о явке в суд. Поистине: «на бедного Макара все шишки валяются»!

Но и это еще не все.

От турецкой полиции я получил повестку с вызовом в комиссариат. Там неприятного вида «эфенди» мне заявил:

– В вашем кафе собираются жулики, воры и другой преступный элемент, поэтому оно будет закрыто. Даем вам месячный срок для ликвидации дела.

Это обвинение было ложным и ни на чем не основанным. Мое кафе обслуживало главным образом шоферов и приличную публику, приезжавшую из провинции. Более вероятным было предположить, что владелец кафе, расположенного напротив моего, дал взятку турецкому комиссару с просьбой ликвидировать мой ресторан, в котором он видел торговую конкуренцию. И недаром: с открытием моей чайной это греческое кафе стало прогорать, так как многие его гости-греки перешли ко мне.

Обдумывая все эти события, я пришел к убеждению, что константинопольская почва стала очень горячей для меня: угрозы турецких шоферов, двукратный вызов в суд, наконец, приказ закрыть чайную заставили меня принять решение покинуть Турцию.

Через четыре дня я уже продал кафе за тысячу турецких лир и имел три визы в кармане: в Бразилию, Германию и Чехословакию. И все же я медлил с отъездом. Нужен был какой-то импульс, толчок, который бы сдвинул меня с места и направил в далекий путь. И этот импульс, заставивший меня очнуться и отправиться в неведомую даль, неожиданно пришел, когда я очутился в положении, при котором должен был во что бы то ни стало даже не выехать, а попросту бежать отсюда.

Клевреты Сталина

3 ноября 1920 года⁵²⁴, в девять часов утра ко мне пришел вестовой русского посольства и передал мне приказ русского царского посла в Турции генерала Черткова⁵²⁵ немедленно явиться в посольство. Крайне удивленный, я отправился к генералу.

В посольстве меня встретил Генерального штаба генерал Архангельский⁵²⁶ и передал мне телеграмму:

– Вот, читайте, что написано о вас и как о вас заботится Сталин.

Я стал читать:

«В русскую советскую торговую миссию. По имеющимся у нас сведениям, в Константинополе находятся: бывший начальник штаба Южного фронта военспец Тарасов⁵²⁷ и командарм IX Генштаба Всеволодов. Приказываю немедленно их ликвидировать и об исполнении донести».

Этот документ, как и все другие, адресованные на имя советской торговой миссии, был перехвачен белым командованием, которое и предупредило меня о грядущей смертельной опасности.

Итак, ожидаемый толчок пришел с неожиданной стороны. Рубикон перейден. Значит, нужно – в путь-дорогу и притом немедленно. Нельзя было терять ни минуты, а я рассчитывал иметь хотя бы неделю времени, чтобы продать два автомобиля и мой домик.

«Один автомобиль возьму с собой, другой продам», – думал я, идя домой, и с этими мыслями вошел в дом.

Но «человек предполагает, а Бог располагает», говорит русская пословица. Еще подходя к дому, я заметил, что у нас гости, а войдя, увидел двух статных молодцов атлетического сложения. Оба были жгучими брюнетами с лицами подозрительными, внушающими мало доверия, с острым взглядом пронизывающих глаз, с носами горбинкой, кавказского типа. Это были грузины. На груди их черных черкесок, обшитых серебряным галуном, красовались патроны – по четырнадцать

⁵²⁴ В документе ошибочно – 1919 года. 16 ноября 1920 г. по новому стилю.

⁵²⁵ Правильно – военный агент в Константинополе. Чертков Григорий Григорьевич (02.05.1872–20.06.1938) – генерал-майор, военный агент в Константинополе.

⁵²⁶ Архангельский Алексей Петрович (05.03.1872–02.11.1959) – генерал-лейтенант, дежурный генерал штаба главнокомандующего Русской армией.

⁵²⁷ Тарасов Владимир Федорович (1887–?) – бывший капитан, военный специалист РККА. Начальник штаба советского Южного фронта. Перешел на сторону белых.

на каждой стороне⁵²⁸; синие галифе, высокие лакированные сапоги и белые папахи-кубанки из дорогого каракуля дополняли наряд. Не нужно было долго думать над тем, кто они – слишком самоуверенный вид, одежда и саркастические улыбки выдавали их с головой. Это были настоящие, неподдельные шпионы и клеветы большевиков, посланные на подлое дело – убийство.

Я подошел ближе к столу, на котором лежал револьвер. «Без борьбы я не сдамся», – думал я.

Один из посетителей, тот, что постарше, особенно внимательно меня осмотрел и, пронизывая глазами, спросил:

– Вы будете генерал⁵²⁹ Всеволодов?

– Да, – ответил я, – чем могу служить?

– Мы слышали, что у вас есть прокатный автомобиль. Мы желаем ехать в одну деревню, в двадцати пяти верстах отсюда. Можете нас отвезти и, если возможно, сегодня же?

Я всеми силами старался не выдать себя и быть спокойным. Чтобы усыпить их бдительность, я сказал, что с удовольствием принимаю заказ и буду очень рад им услужить и заработать, назначив за поездку нарочно большую цену – пятьдесят турецких лир.

Грузины, не задумываясь, согласились:

– Прекрасно. Часов в восемь вечера мы к вам придем...

Мы любезно распрощались. Они уже выходили из дома, когда я им сказал:

– Извините меня, но я вспомнил, что тормоз в моем автомобиле не в порядке. Нельзя ли поездку отложить на завтра?

Они без оговорок согласились.

– Впрочем, если вы хотите ехать сегодня, – предложил я, – то могу рекомендовать вам моего соседа, русского капитана. У него такой же автомобиль, как у меня.

Но грузины категорически отказались:

– О нет, не беспокойтесь! Мы подождем. Мы уже познакомились с вами и завтра в восемь часов вечера будем здесь.

Мы распрощались.

Картина была совершенно ясной: коммунистические клеветы заманивали меня в западню, чтобы по дороге в деревню, в двадцати

⁵²⁸ Описание напоминает аналогичный фрагмент о Красной армии.

⁵²⁹ Полковник.

пяти километрах от Константинополя, по приказу _____⁵³⁰ меня убить.

Как только «клиенты» ушли, я опрометью бросился в посольство.

Бегство из Константинополя

Обо всем случившемся я доложил генералу Архангельскому. Выслушав меня, он сказал:

– Генерал, согласитесь, что вам везет: сегодня, в три часа ночи эшелон галлиполийцев⁵³¹ уходит в Венгрию. Если хотите, мы включим в список вас и вашу семью. Вы должны будете погрузиться в вагон до двенадцати часов ночи.

Я, конечно, с радостью согласился.

В городе я попытался продать автомобиль, но сделать это не удалось: одни говорили, что нет денег, другие – что у них деньги лежат в банке, а последний в воскресенье закрыт. Тогда я решил взять автомобиль с собой. Вместе с сыном я разобрал потолок нашего дома, и из этих досок мы сделали ящики. Колеса запаковали по два в один ящик; мотор уложили в большой сундук, окованный железом, привезенный мною еще из Сибири; кузов и шасси завернули в полотно от палаток.

К десяти часам вечера все было готово.

Одному русскому беженцу я поручил всю ночь просидеть в доме у окна, при зажженной лампе и спущенной шторе, чтобы снаружи не было видно, кто сидит.

– Если кто-либо будет меня спрашивать, – дал я ему инструкции, – отвечайте, что я на пять-десять минут отлучился. – И за эту небольшую услугу подарил ему... дом.

В одиннадцать часов и тридцать минут вечера я с семьей и погруженным на грузовик автомобилем тронулся в неведомый, далекий путь. Впереди шла собака, на возу сидел белый, громадный, мохнатый ангорский кот – любимец жены. Пробежав около километра, собака остановилась, потом повернулась и медленно пошла назад. Очевидно, к своему очагу она привыкла больше, чем ко мне...

---

⁵³⁰ В документе сделан пропуск.

⁵³¹ Галлиполийцы – чины Русской армии генерала П. Н. Врангеля, интернированные в лагере в Галлиполи (Турция). Однако в воспоминаниях нарушена хронология событий, так как в описываемый период середины ноября 1920 г. галлиполийцев еще не было.

На станции галлиполийцы в один миг погрузили автомобиль в вагон. В три часа ночи раздался свисток локомотива, и поезд, тяжело громыхая колесами, тронулся, унося меня и семью от верной смерти.

Могу себе представить разочарование и ярость большевистских клеветов, обманутых и упустивших крупную добычу! Эти преступники были еще неопытными мальчишками и большими дураками: ловить меня и заманивать в свой капкан им нужно было не в черкесках и при кинжалах, а в партикулярном платье, и, увидев, что я отказался от поездки в назначенное ими время, быть настороже и следить за мной, благодаря чему они неизбежно узнали бы, что я готовлюсь к отъезду. Но – слава Господу! – они оказались профанами, и это дало мне возможность спасти свою жизнь и семью.

Перед посадкой в вагон произошел инцидент с турецкой администрацией: они не хотели пропустить мой автомобиль и только за взятку в двести турецких лир разрешили погрузку.

Благополучно покинув Турцию, мы миновали Грецию. В Болгарии снова пришлось дать взятку за пропуск автомобиля (500 лев), а в Югославии пришлось заплатить тысячу динар.

Будапешт

7 ноября мы прибыли в Будапешт. Там я без всяких затруднений получил разрешение работать на такси, но только из гаража; другими словами – я не имел права стоять у вокзалов, ресторанов и на бирже такси, а мог возить пассажиров только по телефонному вызову из гаража. Но какой пассажир станет вызывать автомобиль по телефону, когда перед глазами всюду находились стоянки такси?! Я решил игнорировать это требование и работать тайно вне гаража.

Выехав в центр Будапешта, я стал на самой центральной улице – Васосу. Не прошло и десяти минут, как ко мне подошли два господина и приказали мне ехать на *Andrasi ut.*⁵³²

Приехав к назначенному месту, господа эти пригласили меня войти в помещение. Я вошел и только тогда увидел, что попал в ловушку и очутился в полиции, а мои «пассажиры» были попросту детективами (сыщики). Мне предложили подписать протокол, и вместо ожидаемого гонорара я получил штраф в пятьдесят крон. Так первый блин оказался комом.

⁵³² Проспект Андраши – главная улица Будапешта.

Но я не унывал. Я начал останавливаться у ресторанов и когда детективы меня спрашивали, почему я стою там, отвечал, что жду пассажира, которого привез сюда.

Так как во время мировой войны в русском плену было много венгров, то часто «рендоры», то есть полицейские, стоявшие на постах, говорили по-русски. Я завел с ними знакомство, и они, по дружбе, разрешали мне беспрепятственно работать у ресторанов, вокзалов и даже стоять на стоянках такси. Так я обошел закон.

Однако тяжелая работа – постоянно ночью – на автомобиле, споры с пассажирами, часто отказывавшимися платить проездную плату, заставили меня искать другую профессию.

Составив группу из восьми человек, я стал выступать в кино, сопровождая хорovým пением русские фильмы. Успех был полный, но с появлением озвученных фильмов мне пришлось мой хор постепенно преобразовать в оркестр, сначала – балалаечный, а потом и в джаз.

К концу 1936 года успехи моего оркестра достигли своего апогея. Оркестр состоял из двенадцати человек, в том числе – меня и двух моих сыновей, Бориса и Юрия. Последние были первоклассными музыкантами, и каждый играл на восьми инструментах, а я – на рояле. Оркестр выступал в шикарных ресторанах, а в 1937 году получил контракт в Италию, в Рим. Мы выступали в самом большом кафе: «Cafe Grand Italia» на Piazza-Essedra⁵³³. Вследствие громадного успеха, контракт был продолжен два раза. И только когда предстояло подписать контракт в третий раз, мы должны были уехать в Триест, так как по законам Италии иностранные оркестры не имели права оставаться в Риме так долго.

После Триеста мы играли в Венеции в первоклассном ресторане «Hungaria» и в ночном знаменитом кабаре «Foli Burger».

«Cafe Grand Italia» имело два этажа. Внизу развлекалась смешанная публика, а в верхнем ярусе были устроены ложи и отдельные столики, которые резервировались по особому выбору и известной протекции. Там был волшебный уголок: пальмы, цветы, роскошная сервировка, и публика – самая фешенебельная: министры, высокопоставленные лица, а дамы блистали туалетами, бриллиантами и дорогими мехами.

В Триесте ресторан вмещал три тысячи гостей.

В Венеции кабаре «Фоли Бержер» представляло собою воистину волшебное место. Особенным эффектом кабаре было освещение.

⁵³³ В документе ошибочно – Piazzzi. Ныне – площадь Республики в Риме.

Каждый номер оркестра сопровождался особым цветом, – цвета были один красивее другого. Красив был голубой цвет для венского вальса, постепенно бледнеющий и переходящий в натуральный лунный свет, при котором и танцевала фешенебельная публика. Здесь бывали американские мультимиллионеры, шведская аристократия, фильмовые звезды с Гретой Гарбо⁵³⁴ во главе.

В Италии я узнал о жестоком преследовании высшего командного состава, начавшемся в Советской России⁵³⁵. У всех на языке была одна тема: сталинский террор. Передавали, что в Румынии похитили одного русского полковника, старого беженца.

От сына, проживавшего в Будапеште, я получил неприятное письмо. Он сообщал, что к нему на квартиру приходил какой-то хорошо одетый господин и, не застав его дома, подробно расспрашивал у соседа о нашей семье. Это меня встревожило: неужели Сталин вспомнил обо мне?

Незадолго перед этим во Франции были похищены генералы Кутепов⁵³⁶ и Миллер⁵³⁷. Обоих увезли морским путем. Советские агенты, одетые в полицейскую французскую форму, схватили генерала Кутепова, когда он шел в церковь, а похищение Миллера организовал белый эмигрант, бывший русский генерал Скоблин⁵³⁸, потерявший всякое понятие о чести. Картежник, пьяница и развратник, он нуждался в деньгах, был крутом в долгах и потому предал своего друга за десять тысяч франков⁵³⁹.

Скоблин уверил Миллера в том, что его якобы вызывают на чрезвычайно важное свидание для переговоров об организации вооруженного выступления против Советов. Миллер поверил и, против своего желания, пошел на это свидание, но, предчувствуя недоброе, опасаясь предательства и измены, оставил в заранее обусловленном месте записку, которую просил вскрыть, если он не вернется к указанному

⁵³⁴ Гарбо Грета (18.09.1905–15.04.1990) – шведская и американская актриса.

⁵³⁵ В СССР.

⁵³⁶ Кутепов Александр Павлович (16.09.1882–26.01.1930) – генерал от инфантерии, председатель Русского общевойскового союза. Похищен агентами ОГПУ в Париже. Погиб при похищении.

⁵³⁷ Миллер Евгений Людвиг Карлович (25.09.1867–11.05.1939) – генерал от кавалерии, председатель Русского общевойскового союза. Похищен агентами ОГПУ в Париже 22.09.1937.

⁵³⁸ Скоблин Николай Владимирович (09.06.1893–1938?) – генерал-майор, ветеран Белого движения на Юге России. Агент ОГПУ, участник похищения генерала Е.К. Миллера.

⁵³⁹ Эти утверждения не соответствуют действительности.

часу. Миллер не вернулся, записку вскрыли и таким образом узнали о предательстве Скоблина.

Следствием было выяснено, что генерала усыпили хлороформом – как в свое время усыпили Кутепова – и доставили на советский пароход, стоявший в порту в западной части Франции. Очевидцы показали, что они видели, как на пароход внесли большой деревянный ящик, в котором, очевидно, и находился генерал Миллер.

Имеются также неопровержимые доказательства тому, что Скоблин, утративший всякую этику и человеческое достоинство, предал Советам и маршала Тухачевского, наклеветав на него. Он сообщил Бенешу, что якобы готовится большой путч в Москве против Сталина и что руководят этим заговором Тухачевский и Гамарник⁵⁴⁰. Бенеш услужливо передал эти ложные сведения в Москву. Как доказательство, Сталину были предъявлены фальшивые документы, «уличающие» маршала Тухачевского в измене. Эти документы были сфабрикованы по приказанию Гитлера главой гестапо Гиммлером⁵⁴¹. В результате доноса Скоблина был назначен суд над Тухачевским и его сотрудниками – восемью генералами, – присудивший к расстрелу всех обвиняемых.

Перед самым отъездом из Италии мой семнадцатилетний сын Юрий рассказал мне, что он познакомился с одним русским молодым человеком, у которого был свой автомобиль и который очень звал сына поехать с ним в Остию – римский курорт на берегу моря. Об этом молодом человеке я старался расспросить, кого мог, но никто из русских его не знал. Не исключена возможность, что это был советский агент.

Вернувшись из Италии в Венгрию, я не рискнул жить и работать в Будапеште и уехал в провинцию. Сыновья остались в столице и организовали свой оркестр, – провинция им была не по вкусу.

В это время в связи с осложнением политической обстановки и вероятной войны из Франции вернулась наша дочь Татьяна, восемнадцатилетняя девушка, учившаяся в Sacre-Coeur. Она хорошо играла на рояле и имела небольшой, но приятный голос. Я быстро выучил ее выстукивать на барабане и играть на гитаре и балалайке, и мы образовали Jazz-Duo⁵⁴². Выступали в больших кафе во время пятичасового чая – концертиро-

⁵⁴⁰ Гамарник Ян Борисович (02.06.1894–31.05.1937) – советский военный деятель, армейский комиссар 1-го ранга. Застрелен накануне возможного ареста.

⁵⁴¹ В документе – Химлером.

⁵⁴² Джазовый дуэт (англ.).

вали, пели дуэты, русские и венгерские народные песни, романсы. Так мы зарабатывали хлеб, имея большой успех.

Путешествовали по провинции мы втроем: я, дочь и собака, очень красивый, чистокровный «огар», которую мне подарила одна графиня. Собака была очень умной, и оригинально, что она, в противоположность нам, ненавидела музыку и, как только мы начинали играть, заливалась раздирающим душу воем. Мы назвали ее Ринти.

Однажды летом «Ринти», испытывая жажду, выпила у нашей квартирной хозяйки все вино, остававшееся в бокалах, и, охмелев, прогрызла ее платя и на мелкие кусочки разорвала мою новую шляпу. В другой раз, оставшись в гостинице одна, она выпустила из перины весь пух, за что мне пришлось заплатить хозяину изрядную сумму. Но самый неприятный номер «Ринти» проделала, гуляя со мной в парке: неожиданно напав на хорошо одетого господина, она разорвала сзади его дорогой летний костюм сверху донизу, пополам. Порвав костюм, собака самодовольно прибежала ко мне, но я, не подав вида, что это мой пес, топотом погнал ее: «Пошел вон!», и «Ринти», поняв, что она сделала что-то плохое, быстро убежала далеко в сторону и стала поджидать меня. На вопрос господина: «Чья это собака?», я ответил, что не знаю, и он, сняв пиджак, направился к выходу из парка, укоризненно качая головой. Так я отделался от неприятного инцидента, не то пришлось бы платить за «нанесенный ущерб».

Один раз «Ринти» поймали собачники и заперли во дворе, окруженном высоким каменным забором. В ту же ночь собака вырыла под забором глубокий туннель и убежала. Как раз в это время я переменял квартиру, переехав в другую гостиницу. Прибежав на старую квартиру, Ринти меня не нашел. Прошла неделя. Все поиски были тщетны, и я уже потерял всякую надежду найти собаку, когда однажды на центральной улице города увидел большую толпу, стоящую кругом, а посередине моего Ринти, который жалобно и протяжно выл. Мы обрадовались оба: она со всех ног бросилась ко мне и стала ласкаться, а я – гладить и хлопать ее по спине.

Отправляясь на десять дней в дальнюю поездку, я был вынужден оставить собаку у знакомых. Она очень скучала, семь дней ничего не ела, все время выла и искала нас, а потом получила воспаление легких и погибла⁵⁴³. Да! Это был верный пес до самого гроба.

⁵⁴³ Это утверждение либо относится к более позднему времени, либо противоречит дальнейшим свидетельствам мемуариста о том, что собака Ринти жила у него в Латинской Америке в 1951 г. Либо же речь о еще одной собаке.

С началом мировой войны, когда Венгрия стала склоняться в сторону немецкого блока, я и дочь переехали в город⁵⁴⁴. Там мы оставили музыку и открыли небольшой магазин, в котором продавали кофе, чай, фрукты и мелкие закуски. Происходили ежедневные скандалы. Гости – грубые, невоспитанные югославцы – воровали из витрин товар, часто пили, ели и, не уплатив, убегали, а иногда и просто, спокойно улыбаясь, нахально уходили. Пришлось магазин закрыть и, чтобы расплатиться с долгами, заложить шубы и золотые вещи.

Мы перебрались в прифронтовую полосу Венгрии, в Борсек, и снова занялись музыкой.

Борсек – красивый курорт в Карпатах с горячими, грязевыми и солеными ваннами. Со всех сторон он окружен дремучим, заповедным лесом, изрезан многочисленными целебными ручьями и источниками ключевой воды, прозрачной, как кристалл. В самой середине леса много пещер, ущелий и медвежьих берлог. Когда-то в этих местах водилось масса медведей, сейчас они ушли вглубь леса, предоставив свои логовища более мелким зверям. В этой же части Карпат осталось только пять больших медведей, убивать которых было строжайше запрещено законом, но в балках и долинах, прилегающих к румынской границе, жило еще много медведей более мелких.

Борсек славится малиной, в изобилии растущей в прилегающих лесах. Далеко-далеко, до самого горизонта виден громаднейший красный ковер крупной малины. Сюда съезжаются со всех сторон туристы собирать ягоды.

Тут водятся большие серые, матерые волки.

Красивые зеленые поляны, на которых растет малина, часто скрывают под зеленой травой предательский болотистый грунт и трясины, засасывающие всякого, кто на них ступит, в бездонную бездну. Как острастка посетителям и память о погибшем есть в этих местах огороженное жердями пространство с надписью на изгороди: «Осторожно! Здесь в 1934 году погиб в болотистой трясине профессор Н.». Мы поскорее покинули это роковое болото.

Мы с дочерью каждый день ходили собирать малину. Однажды, выбирая ягоды покрупнее, я заметил что-то серо-желтое в самой середине куста. Я дотронулся до этой пушистой массы, и в тот же момент куст содрогнулся и из него выскочил большой волк. Я оцепенел от ужаса

---

⁵⁴⁴ Название в документе пропущено.

и неожиданности. Корзинка, полная ягод, выпала из моих рук, и чудная малина, которую я так старательно и заботливо собирал, рассыпалась по зеленой траве. А волк, увидев меня, пустился наутек! И это было моим спасением, иначе бы мне несдобровать, – в руках у меня, кроме палки, ничего не было.

Оказывается, что район, куда мы с Таней неосторожно углубились, полон волков и медведей, которые, однако, летом на человека не нападают и его боятся. Днем звери сидят в берлогах и ущельях, а в сумерки выходят на добычу, мы же, собирая малину, не заметили, что начало смеркаться. Зимой волки и медведи агрессивны и выходят из своих логовищ даже днем.

После окончания сезона я и дочь остались в Борсеке еще на несколько дней. Наступил октябрь месяц. Как то, проснувшись на заре, я услышал подозрительный шум и уже хотел выйти посмотреть, что это такое, но, сначала подойдя к окну, увидел четырех больших волков, бесцеремонно рыскающих по террасе в поисках жратвы.

Многие, почти все гости из Борсека уехали. Хозяин оркестр отпустил, оставив меня и Таню играть для танцев. Борсек все еще сиял осенней красотой. Взамен малины появились грибы. Из этого райского уголка не хотелось уезжать, и мы решили остаться еще на несколько дней и попользоваться грязевыми ваннами. Наше питание было слабым: то, что мы получали в ресторане, было малопитательно и скудно. У нас было много денег, но купить было нечего.

Вблизи Борсека не было ни одного селения, но нам сказали, что в пятнадцати километрах есть деревня, в которой непочатый край продуктов, и мы решили отправиться туда. Там можно было купить масло, яйца, творог и ветчину. Деревня стояла в гористой, покрытой лесом и пересеченной ущельями местности, и, изрытая оврагами и рытвинами, дорога к ней тоже шла через дремучий лес.

Рано утром мы вышли из дому. Я имел при себе небольшую палку, а дочь – корзинку для продуктов. Упавшие вековые сосны часто преграждали нам путь, встречались ручейки и соляные источники. Незаметно мы прошли около десяти верст, а дальше дорога вела вниз, к большому ручью, за которым была деревня. У самого спуска, на вершине горы мы увидели овчарню, зашли и купили овечьего сыра – брынзы. Хозяин овчарни, которому мы рассказали, что идем в деревню за продуктами, предложил проводить нас туда и обратно, очевидно, ему тоже захотелось полакомиться и купить что-либо для себя. Но тут же

он предупредил нас, что путь опасен и рискован, что в этой местности часто гуляют медведи.

Мы стояли на своем, – нам оставалось пройти только пять километров. Спуск стал еще круче, и вскоре мы вошли в сосновый лес, где, несмотря на яркий солнечный день, было так темно, будто стояла самая темная, непроглядная ночь. Нам стало жутко. Мы продвигались очень медленно, озираясь по сторонам и часто останавливаясь.

В лесу дорога пошла по очень пересеченной местности, по сторонам ее виднелись таинственные пещеры и берлоги с извилистыми ходами. Пройдя с версту, мы вышли на большую прогалину и решили сделать полчасовой привал – торопиться было некуда, ночевать мы хотели в деревне. Закусив, мы, очень усталые, задремали, а проводник остался на посту. Не прошло и двадцати минут, как он разбудил нас:

– Вставайте скорее! Дальше идти нельзя. Видите, вон там, на той стороне прогалины, что-то темное? Это медведь!..

Всмотревшись, мы действительно увидели большого медведя, лежащего прямо на дороге. Это был самец, позади его лежала медведица с медвежатами. Я знал, что в это время года самцы бывают очень злыми.

Мы были перепуганы смертельно. Наше положение было чрезвычайно опасно. По опыту, полученному в Сибири, я знал, что при встрече с волками и медведями нужно делать шум; кричать, свистеть, бить в колокольцы, что такого шума они боятся и уходят. Мы начали улюлюкать и орать, кто как мог. Наш проводник выстрелил, для острастки, в воздух. Самец поднялся и, ломая валежник и сухие деревья, медленно побрел в гущину леса. Медведица последовала за ним. Мы обрадовались и, сломя голову, бросились бежать назад, забыв о масле, яйцах и вкусном твороге. Так окончилась наша соблазнительная затея хорошо покушать!

Оказалось, что, вследствие сильной жары, медведи отправились на водопой ранее обыкновенного, что и привело к роковой встрече. Если бы мы не набрали на овчарню и не узнали, что в лесу бродят медведи, то неминуемо сделались бы их жертвами.

В Борсек мы вернулись в одиннадцать часов вечера. Все считали нас погибшими. После этого мы ни за продуктами, ни за малиной больше не ходили.

Через неделю мы выехали в Будапешт и по дороге узнали, что Красная армия выбила венгерские войска, защищавшие Карпаты,

и неудержимо продвигается вперед, в пределы Венгрии. Нам стала грозить опасность быть отрезанными от Будапешта передовыми частями Красной армии.

Сев на ближайшей станции в поезда, мы пережили еще одно приключение, которое напугало нас. Только что мы вошли в вагон, как туда же, с шумом и громкими разговорами, ввалилось двадцать шесть человек, одетых в военную форму и с ног до головы вооруженных. На них были шинели русского образца, широкие русские шаровары, сапоги гармоникой и русские папахи-кубанки. Они были запыленные, в грязи и сильно возбуждены. Говорили по-русски и по-украински. Я знал, что в венгерской армии русских частей нет, а потому я и Таня очень взволновались. Мы притаились в углу вагона, стараясь не обращать на себя внимания и не показывать нашего испуга. В вагон вошел кондуктор и спросил билеты. У компании ни билетов, ни денег не оказалось:

– Мы – партизаны немецкой армии и бежим от красных, которые идут по пятам; каждую минуту они могут быть здесь...

Кондуктор не решился их выставить, ибо видел, что это люди отчаянные и готовые на все.

Когда мы познакомились ближе, партизаны рассказали нам кошмарные вещи. Отступая перед красными, они вплотную были прижаты к реке Днестру. На левом берегу этой реки собралось много беженцев и отступающих в беспорядке солдат. Мостов и бродов не было и через Днестр пришлось переправляться вплавь, и те, кто не умел плавать, погибли либо в волнах, либо под красными танками, водители которых бесчеловечно давили всех, разъезжая взад и вперед, не разбирая, кто находится перед ними. Погибло много женщин и детей. Кости несчастных хрустели, слышались крики и стоны ни в чем неповинных людей. Тех, кто остался живым, приканчивали пулеметным огнем.

– У нас, – сказал начальник партизан, – было в роте сто двадцать человек, а осталось в живых, как видите, только двадцать шесть. Остальные погибли в бою за переправу через Днестр.

От партизан мы узнали, что красные уже переправились через реку и каждую минуту могут быть здесь, поэтому мы решили, нигде не задерживаясь, ехать в Будапешт и просить паспорта для выезда за границу. Проезжая Коломварь, мы попали под сильнейшую бомбардировку города. Было много убитых и раненых, но Бог нас миловал, и мы продолжали путь на Будапешт.

Снова Будапешт

Прибыв в Будапешт, я прежде всего попытался получить визу в Швецию, на что у меня были некоторые шансы: мой дед – генерал-губернатор Иркутской губернии в Восточной Сибири – был шведского происхождения и носил имя барона Georg Ser-Wilhelm⁵⁴⁵.

Взяв необходимые документы, я и Таня отправились в шведское посольство. Секретарь консульства, рассмотрев документы, сказал:

– Мы ничем помочь вам не можем. Мы помогаем только евреям.

В это время завывали сигналы воздушной тревоги, секретарь потребовал, чтобы мы немедленно покинули консульство, и, в довершение всего, просто выкинул нас на улицу. Одним словом, шведы оказались «сердечными» и «гуманными» людьми! Я предполагаю, что шведский консул, не желая раздражать Сталина, боялся помочь русскому генералу.

Выйдя из посольства на горку, покрытую мелким кустарником, мы увидели, что все бегут куда-то наверх. Я спросил у одного из бежавших: «Там сверху есть бункер?» – «Да, да, сколько хотите», – ответил он.

Взобравшись на горку, я увидел, что под каждым кустом уже сидел хозяин.

– Где здесь бункер? – спросил я у первого попавшегося человека.

– А вот здесь, под каждым кустом. Выбирайте себе получше...

Началась ожесточенная бомбардировка. Вспыхнули пожары, загорелись товарные склады на берегу Дуная. Один авион⁵⁴⁶ был сбит [противо]воздушной артиллерией, пилот спустился на парашюте прямо в воду, посередине Дуная.

Я и Таня сидели под кустом, как вдруг перед нашими глазами что-то вспыхнуло и опалило наши лица, вслед за чем мы услышали гром орудийного выстрела. Это стреляла немецкая противоавиационная батарея. Оказалось, что, не заметив спрятанной здесь немецкой батареи, мы залезли в самый центр ее расположения. Со всех ног бросились мы бежать оттуда. Так окончилась первая попытка получить визу за границу. Но были рады, что остались живы.

Вторая попытка получить визу, в Швейцарию, была не удачней первой. Швейцарское консульство потребовало от нас материального обеспечения в тридцать тысяч швейцарских франков за каждого. Такой большой суммы у нас не было.

⁵⁴⁵ Личность не установлена.

⁵⁴⁶ Самолет (*фр.*).

Третья попытка получить визу – в Германию – также окончилась неудачей. Немцы потребовали от нас сала, масла, ветчины, которых у нас тоже не было.

С продовольствием в Будапеште дело обстояло очень плохо, и я решил отправиться с дочерью за провиантом в Сабадку и Извидек. В последнем мы нашли много свежей и копченой рыбы и уже хотели купить ее в большом количестве, но местные жители предупредили нас:

– Не покупайте эту рыбу, ее есть нельзя! – и объяснили, что немцы убили здесь десять тысяч евреев и трупы их бросили в Дунай, что некоторых бросали даже живыми. Для рыбы это было прекрасной пищей...

Разочарованные, мы поехали в Сабадку и, накупив яиц, сала, ветчины, цыплят, хотели уже возвращаться в Будапешт, но разразилась сильнейшая гроза. Таня была в легких туфлях, промочила ноги и слегла в постель; температура поднялась до сорока градусов; ехать было невыносимо.

Между тем красные и четники быстро приближались к городу. Орудийная канонада становилась все слышнее. Последняя бомбардировка превратила город в развалины, а зловонный запах трупов людей и скота, погребенных под развалинами, разносился по всему городу. Главная улица, которая вела к вокзалу, была сплошь изрыта бомбами.

Через пять дней Таня стала поправляться, и мы решили ехать в Будапешт. В этот день красные подошли вплотную к городу. Красная артиллерия громила окраины, появились убитые и раненые. Нужно было бежать как можно скорее. Я проводил Таню, еще слабую, на вокзал, а сам вернулся на квартиру за закупленными съестными припасами и пакетами, которые с большим трудом, по изрытой глубокими ямами дороге, дотащил до вокзала, где толпилась масса народа. Отходил последний поезд на Будапешт. Вдруг в зал ожидания вбежала молодая интеллигентная женщина, в одной нижней рубашке, босиком и вся в слезах. Она рассказала, что четники уже ворвались в город, грабят и убивают мужчин, женщин и малолетних – насилюют.

– Моего мужа убили. Я осталась одна. Помогите мне уехать отсюда! – кричала она.

Значит, в то самое время, как я вез вещи на вокзал, по дороге параллельной моей шли четники, всего в ста метрах от меня. Какой страшной опасности встретиться с ними я подвергался!!

На вокзале распространился слух, что железнодорожный мост, ведущий на Будапешт, взорван немцами, и поезд поэтому никуда не пойдет. Многие стали высаживаться, в том числе и мы. Но все оказалось трюком:

железнодорожная администрация пустила этот слух, чтобы разгрузить переполненный состав. Поезд тронулся, началась неимоверная давка. Нам повезло: мы еще не успели сойти с поезда и уехали, оставив на перроне несколько пакетов с продуктами и в них – цыплят.

Поезд, монотонно громыхая колесами и пыхтя локомотивом, вырвался из крепких лап красных и четников, унося нас в Будапешт.

Много несчастных людей – особенно женщин и детей – погибло в Сабадке; всюду бродили раздетые, голодные люди; повсюду виднелась свежая кровь; смерть, не разбирая, косила жертвы налево и направо.

В октябре 1944 года Будапешт был в агонии. Консульства иностранных государств были запружены желающими поскорее бежать. Паспортные отделения работали днем и ночью. Поезда, отходящие от центра к периферии, были переполнены до отказа. Люди массами покидали столицу, бросая на произвол судьбы все то, что они имели и скопили, лишь бы спасти свою жизнь. Дилетанты и профаны, не понимающие обстановки, посмеивались и уверяли, что красные не увидят Будапешта как своих ушей.

– Немцы их не пустят. Тысяча гигантских танков уже подходит к венгерской границе, – говорили они, утешая себя.

Наш семейный совет решил: старший сын Николай остается с женой в Будапеште, потому что они имеют красивый дом и собственный автомобиль-такси, на котором он работал. Жена и младший сын Юрий тоже останутся до последнего момента в столице: Юрию не хотелось уезжать из города, где он, играя со своим оркестром-джаз в первом-классном ресторане, зарабатывал большие деньги. Я и Таня поедем в Шопрон к моему среднему сыну Борису, который со своим оркестром играл в гостинице «Zover». Туда же впоследствии должны были приехать жена и Юрий. Оттуда мы решили бежать за границу без всяких виз и разрешений.

Шопрон⁵⁴⁷

В конце октября я и Таня прибыли в Шопрон. Настроение в городе царило беспокойное, неуверенное, выжидательное.

Шопрон, стоящий на австро-венгерской границе, являлся центром и главной артерией путей, ведущих за границу. Через этот город должна была хлынуть главная масса беженцев со всех концов Венгрии, решившихся эвакуироваться из страны.

⁵⁴⁷ В документе – Шопран.

Шопрон являлся также как бы контрольным пунктом, через который каждый день, почти в одно и то же время пролетали воздушные армады американского и английского аэрофлотов для бомбардировки Австрии и Германии. С математической точностью, в восемь с половиной – девять часов утра, они вылетали со своей базы на Балканах и пролетали в девять с половиной – десять часов утра над городом Шопрон в северном направлении. Мое радио не выключалось до тех пор, пока бомбардировщики не приближались к городу. Потом мы, спешно забрав с собой теплые вещи, одеяла и лопату, бежали в лес, заваленный сугробами снега, иногда – в несколько метров выжиною. Забравшись в самую чащу, мы расчищали лопатами снег, устраивали нишу наподобие землянки и, при тридцатиградусном морозе, как Снегурочки, сидели и тряслись от холода до двух часов дня. К этому времени воздушные армады, выполнив свою задачу, возвращались домой на свою базу и были для нас не опасны. Мы также спокойно возвращались домой на обед и с большим аппетитом, в теплой комнате, ели наше неизменное блюдо – картошку. Мы были в полной безопасности до следующего утра.

Однажды, это было в начале декабря, мы были по делам в городе и опоздали убежать в лес по сигналу тревоги. Пришлось остаться на вилле. Мы думали, что если каждый раз мы бегали в лес, а в городе ничего не случалось, то неужели в этот единственный день, когда мы остаемся дома, что-то стряется? Думая так, мы даже не спустились в «бункер» – подвал нашей виллы. Нас было пятеро: я, Таня, Борис, его жена и трехлетняя дочь Зоя. В большой комнате стояло два платяных шкафа, куда мы для большей безопасности наивно спрятались.

В десять часов утра послышался гул смертоносных моторов. Бомбардировщики с глухим, зловещим шумом приближались к нам. Такое жуткое и неприятное чувство я испытывал, что по спине прошел мороз. Мы еще плотнее прижались друг к другу, каждый нашептывая молитву: «Господи! Сохрани и помилуй нас! Не допусти погибнуть». Я думал: «Неужели же именно сегодня что-нибудь случится? Нет, этого не может быть!» И в тот же момент я почувствовал, что нечто чудовищное, кошмарное, с пронизывающим уши свистом и шипением, приблизилось к нам. Все невольно закрыли глаза и сползли на дно шкафа. Вслед за этим раздался тупой, ошеломляющий удар какого-то большого, твердого, массивного предмета и затем – оглушительный, потрясающий душу взрыв. Воздушная волна сотрясла стены.

Потом наступила неестественная тишина. Мы открыли глаза и вышли из шкафа. То, что мы увидели, показалось нам невероятным: большого венецианского окна, почти во всю стену комнаты, в которой мы сидели, как будто никогда и не существовало; оно, силою взрыва, вылетело в сад и упало в двенадцати метрах от дома. В комнате осталось только три стены, четвертая – рухнула в сад. Исчезла также целиком и дверь, ведшая в коридор: она вылетела и, пробив другую дверь в ванную комнату, там упала.

Кто-то крикнул: «Бежим в подполье!» Мы стремительно, спотыкаясь, как ошалелые, бросились в подвал. Все были в невероятной панике. Только что мы спустились, как последовала вторая серия взрывов, более оглушительных и страшных, чем первая. Взрывались пятисоттонные бомбы. Груды кирпича, досок, железных балок поднимались вверх и с грохотом падали на землю, погребая под собой невинные жертвы. У нас было такое впечатление, что бомбы рвались над нашими головами. Наконец наступила зловещая тишина. Бомбардировщики, выполнив свое разрушительное дело, удалились.

Мы смотрели друг на друга и не верили, что все живы. Вышли в сад. Перед нами было ошеломляющее, потрясающее зрелище... Наша вилла стояла в красивом парке, окруженная гигантскими, вековыми соснами, елями и дубами, – теперь же перед нами не было парка, а зияли ямы и в беспорядке громоздились друг на друге выкорчеванные с корнями деревья. Воронка перед бывшим нашим окном имела шесть метров в диаметре и, очевидно, была пробита пятисоттонной бомбой.

Напротив стояла роскошная вилла городского инженера, в которой жила большая семья: шестнадцать человек. Теперь мы не увидели виллы, вместо нее была навалена бесформенная груда камней, бревен и досок. Но что было еще ужаснее – это тишина: никто не бродил среди этих развалин, не было ни малейшего признака жизни...

Оказалось, что все члены этой семьи и два посетителя погибли при этой бомбардировке.

Несколько ранее инженер, обеспокоенный частыми налетами, проинспектировал все близлежащие дома, но лучшего укрытия, чем его погребок, не нашел, поэтому семья инженера, так же как и мы, убегала в лес. Инженера в этот час утра дома не было, он находился на службе в городском муниципалитете. Я помню девочку лет двенадцати-четырнадцати, которая часто бежала передо мною и везла в колясочке двухлетнюю сестренку.

В тот роковой день инженер почему-то утром вернулся домой, и из-за него дома осталась вся семья. Когда объявили тревогу, бежать в лес было уже поздно. Люди, бывшие с ними в минуту, когда загудели сирены, рассказывали, что, услышав сигнал, инженер, улыбаясь, сказал:

– Я верю в свою судьбу... Не может быть, чтобы как раз сегодня нас бомбардировали, но... от судьбы не уйдешь!

Подоспевшая помощь и рабочие вытащили из развалин восемнадцать трупов: всю семью инженера, полицейского, который случайно проходил мимо и, услышав сигналы тревоги, забежал в погреб, и шестнадцатилетнюю девушку – прислугу, которая раньше служила в семье, но, боясь налетов, оставила работу и жила дома; в этот день она пришла навестить своих бывших хозяев. Вместе с хозяевами погиб и верный пес, любимец семьи.

После этой бомбардировки мы аккуратно, при каждой воздушной тревоге убегали в лес. В один из дней Борис с семьей уехал из дому, а я и Таня задержались в городе и решили переждать тревогу в городском бункере. Возвратившись домой, мы узнали, что, вопреки правилам, весь район, прилегающий к шоссе, и лес, в котором мы прятались, разбомбили. Сотни трупов лежали на тропинках и лужайках, прилегающих к шоссе. С этого дня новая тактика в воздушных налетах стала регулярно повторяться. Мы были вынуждены, не ожидая сигналов тревоги, рано, часов в шесть-семь утра, брать с собою необходимое и уходить далеко в лес, прилегающий к австрийской границе.

Так прошла вся зима в бегании в лес и из леса.

Приближался праздник Пасхи. Хотя положение на фронте было очень тревожным, мы легкомысленно решили первый день Воскресения Христова провести дома, в Шопроне. В конце шестой недели поста мы пошли в близлежащую деревню за пасхальными продуктами: творогом, яйцами, ветчиной. Но в какой бы дом мы ни вошли, тотчас же из него выскакивали: в каждом вповалку лежали больные сыпным тифом. Местные жители лежали в домах, а заложники-евреи – в сараях, прямо на голой земле, без всякой подстилки; они лежали почти голые, босые и, несмотря на двадцатиградусный мороз, без одеял. Все евреи были до крайности истощены – кости и кожа. Мы видели, как многие из них падали и больше не вставали, это место стало их могилой. Бани в деревне не было, евреев водили в лес и там заставляли натираться снегом даже при самых сильных морозах.

Мы, как можно скорее, бежали из этой деревни прочь.

На следующий день я, Таня и Борис отправились в другую деревню. За большую плату мы достали продукты, но при выходе из деревни нас задержал патруль, состоявший из местных жителей-крестьян – грубых, малограмотных и тупоумных. Нас стали допрашивать. Узнав, что мы – русские, нас арестовали, твердо решив, что мы – шпионы. Все наши уверения не привели ни к чему: нас посадили в местный арестантский дом, и только на следующий день вызванный немецкий офицер нас освободил.

Наступила великая пятница. Красные, овладев Будапештом, быстро продвигались вперед; город Папа, находящийся в двадцати километрах от Шопрона, был занят ими, – тысяча «гигантских танков» не помогли: они были частью уничтожены, частью – взяты в плен. Падение Шопрона ожидалось с часу на час, бомбардировка производилась по несколько раз в день, в разные часы. Бомбардировали не только эскадрильи, но и отдельные самолеты, обстреливая Шопрон из пулеметов и сбрасывая легкие бомбы. Бегание в лес потеряло всякий смысл, поэтому, забрав теплые вещи и провизию, мы переехали туда на житье.

Будапешт был взят неожиданно и так быстро, что жена и сын не успели его покинуть, остались в городе.

Утром в великую пятницу я и Таня отправились в магазин, где бесплатно раздавали обувь. Получив таковую, мы пошли домой и попали под обстрел русского аэроплана, снизившегося и открывшего убийственный огонь из пулеметов по публике и трамваям. Много людей было убито. Идя по главной улице, я встретил интеллигентного господина, который стал угрожать мне:

– Ах ты, собачья морда! Ты еще здесь? Ну, погоди! – завтра мы тебя повесим на телеграфном столбе!

Я понял, что коммунисты были прекрасно информированы: я никогда не видел этого человека, а он, видимо, знал меня очень хорошо.

Бегство из Шопрона

Ждать больше нечего. Надо было уносить ноги куда глаза глядят. Дома мы никого не застали. В соседних виллах было тоже пусто. Все исчезли кто куда. Мы были одни. Сделалось жутко.

Мы спешно уложили заранее подготовленную четырехколесную тележку. Вещей было много: радио, два больших чемодана с платьем и бельем, матрас, подушки, мешок картофеля, пасхальные продукты,

инструменты, шубы. С большим трудом мы вывезли тележку из виллы и добрались до шоссе.

На большой дороге я встретил Бориса, возвращавшегося из леса за продуктами. Я перекрестил его три раза, благословил образом Божией Матери, обнял, поцеловал в последний раз. И мы расстались с ним навсегда. Сильной, нестерпимой болью ждалось мое сердце, грустные мысли овладели мною, невольная слеза скатилась с моих глаз... Мне тяжело было перенести горькую разлуку с любимым сыном и – навсегда.

Борис решил остаться в Шопроне, потому что его жена была на пятом месяце и, кроме того, у них еще трехлетняя дочь Зоя, что исключало возможность нелегкого и опасного путешествия в неизвестность.

Я и Таня перекрестились и, с твердой надеждой на будущее и непоколебимой верой в милость Божию и то, что он не оставит и защитит нас, тронулись в тяжелый, загадочный, чреватый рискованными приключениями путь. Нам нужно было проехать через северную часть города в то время, когда на восточной его окраине завязался ожесточенный бой с передовыми частями красных. Очень мало было шансов на благополучный исход этого путешествия, но другого выхода не было.

Протянув наш воз около километра и выйдя на шоссе, ведущее к австрийской границе, мы пережили первое опасное приключение. На шоссе, по которому мы шли, не было видно ни одного человека. Направо и налево – густой сосново-еловый лес. Я и Таня с нашей тележкой были совершенно одни. Вдруг мы услышали гул мотора и тотчас же увидели советский авион, снизившийся до возможного предела. Мы разбежались в разные стороны: я – на одну сторону от шоссе, а Таня – на другую. Авион открыл ураганный огонь из пулеметов. Пули со свистом и треском разрезали воздух, летая над нашими головами, ломая ветки деревьев и отскакивая рикошетом от валяющихся вокруг камней. Мы неподвижно, как мертвые, лежали в валежнике. Когда самолет улетел, я со страхом стал звать Таню, — к глубокой нашей радости, с нами ничего не случилось и только потому, что мы разбежались в разные стороны, очень ослабив этим меткость пулеметного огня, хотя авион летал так низко, что мы могли разглядеть лицо пилота. Пилотом была женщина, а из рассказов мы знали, что они были особенно жестоки и бездушны. Ну, например, почему эта женщина-пилот обстреляла нас, беженцев, в чем она не могла ошибиться? Какую пользу и выгоду она могла извлечь из этой операции?

Пережив это первое боевое крещение, мы, не совсем уверенные в себе, с некоторым сомнением и беспокойством двинулись дальше. Так как главная дорога из Шопрона в Австрию шла от северной части города, а наша вилла была в его западной части, то мы поневоле должны были снова вернуться в город. В нем шел уже настоящий бой, слышался ружейный и артиллерийский огонь.

Очень уставшие, мы кое-как дотянули нашу тележку до поворота и, немного отдохнув, вышли на дорогу, ведущую в Австрию. К оружейной и ружейной стрельбе мы уже привыкли и не обращали на нее внимания. Выйдя на северную окраину города, мы увидели впереди нас, приблизительно в 150–170 шагах, бричку, запряженную парой сильных и красивых лошадей, а в ней молодого, хорошо одетого, интеллигентного господина. Кучера не было. Мы напрягли все наши усилия, чтобы догнать бричку и прицепиться к ней, и были уже шагах в ста от нее, когда с правой стороны появился советский самолет. Мы остановились и бросились в канаву, на этот раз вместе. Ехавший впереди господин тоже соскочил, оставил свою бричку и лошадей на правой стороне, а сам лег в канаву с левой стороны. Расстояние между нами было шагов восемьдесят или сто. Местность была совершенно открытой – ни деревца, ни кустика. Авион сбросил легкие бомбы. Обе лошади были убиты наповал. Господин лежал в канаве с раздробленным черепом, весь забрызганный кровью и собственными мозгами. Было страшно смотреть на это.

Нас догнала пароконная телега. Хозяин видел все, что случилось, сжался над нами и прицепил наш возик к своей телеге, несмотря на то, что вез и без нас девять человек. Так мы рысью доехали до австрийской границы и с сожалением расстались, – он ехал в другую сторону.

Погода испортилась, пошел дождь. Мокрые, мы перешли австрийскую границу и попали в вавилонское столпотворение: слышался говор на разных языках – австрийском⁵⁴⁸, венгерском, сербском, русском; скопились обозы – венгерские, немецкие и частных беженцев, тянули и небольшие двухколесные колясочки всевозможных типов, даже детские, нагруженные вещами; женщины несли грудных младенцев; многие имели собак и кошек; стоял шум, крик, детский плач...

Немецкий фельдфебель – начальник обоза – прицепил нашу тележку к одной из десяти своих повозок, и к вечеру мы приехали в деревню.

---

⁵⁴⁸ Немецком.

Фельдфебель сказал, что в два часа ночи они поедут дальше, и обещал нас разбудить. Приткнувшись к завалинке какой-то хаты, уставшие и голодные, мы быстро заснули, а проснувшись, узнали, что фельдфебеля и след простыл. Хозяйка квартиры рассказала, что ночью он получил сведения о прорыве казаков у Братиславы – в двух километрах от деревни, – снялся и уехал. Немец нас надул.

Мы поскорее тронулись в путь. Я и Таня тянули наш возик по смоченному дождем, мягкому грунту. Было тяжело. Выезжая из деревни, встретили большой, перегруженный воз и группу венгерских беженцев. Держали совет, что делать. Слух о прорыве казаков подтвердился: приехал какой-то человек верхом на коне и утверждал, что сам их видел, насчитав около двухсот. Оставив венгров, мы свернули на запад. Была полночь.

Со стороны Шопрона виднелось громадное зарево – город горел. Громыхала артиллерийская канонада. Нас окутывала темнота: в двух шагах ничего не было видно. Потом зашумели моторы, прилетели самолеты, сбросили «сталинские свечи», сделалось светло, как днем, и мы увидели венгерского инженера, его простую телегу и белую лошадь. Разговорились. Он был один и охотно позволил нам присоединиться к нему.

– Одному ехать скучно, да и страшно, – сказал он.

Быстро прицепив наш возик к телеге, довольные, мы поехали дальше, и казалось, что путь до *Wolckenbruck*⁵⁴⁹, куда ехал инженер, был обеспечен. Но Бог сулил иначе. Я сел впереди с правой стороны, а Таня – с левой. Благополучно проехали с километр, как вдруг появились советские аэропланы. Наш инженер перепугался и погнал свою лошадку полным ходом. Нашу маленькую тележку стало бросать из стороны в сторону по ухабистой полевой дороге. На каком-то большом ухабе наш возик, довольно высокий, накренился на правую сторону и повалился на землю, прицепка оборвалась, передняя ось с двумя колесами выскочила из втулки задних колес, а самая тележка опрокинулась в канаву. Таня, сидевшая на возике с левой стороны, сделала в воздухе сальто-мортале и кубарем полетела с частью вещей в канаву, а остальные – упали на меня и сильно меня давили. Нам было и больно, и смешно.

Венгерец, не заметив нашего падения, со страха во все лопатки скакал дальше. Наше положение сделалось больше чем трагическим!

---

⁵⁴⁹ Так в документе.

Вещи, плохо запакованные, рассыпались по дороге и канаве. Я был прижат колесами и не мог двинуться, – хорошо, что грунт был мягкий.

Приподняв передние колеса, я хотел болт, держащий задние колеса, поставить на место, но сделать это мне не удалось: при падении болт согнулся в дугу, выпрямить его можно было только горячим способом. Темная ночь довершала наше несчастье, – не было видно ни зги. Мы были совершенно одни – ни повозки, ни человека около нас, только аэропланы кружились над нами, но бомб не сбрасывали и не обстреливали.

Вдвев болт во втулку, я и Таня влезли на тележку и стали прыгать и скакать, надеясь своей тяжестью поставить его на место, и не ошиблись: после пятнадцатиминутной скачки творень вошел во втулку. Положив вещи на тележку и перевязав их, мы, измученные, голодные и нервно-потрясенные, отправились дальше. У небольшого хутора советские авионы снова осветили нас «сталинскими свечами». Мы проскочили сильно освещенную полосу дороги и тогда только увидели, что за нами тянулся санитарный обоз. Как только он вошел в освещенную полосу, раздалось три взрыва, – советская артиллерия выпустила три тяжелых снаряда, попавших в цель. Много санитарных повозок взлетело в воздух, были убитые и раненые.

В этом месте беженцев, разных повозок и автомобилей, отступающих венгерских и немецких частей скопилось так много, что явилась немецкая жандармерия и начала регулировать движение.

Все вытянулось в одну длинную нитку на несколько десятков километров, и никто из общей линии не имел права выехать ни вперед, ни назад. Ожидая своей очереди, мы вдруг увидели нашего инженера на белой лошади, обрадовались, снова прицепились к его повозке и всю дальнейшую дорогу до Wolckenbruck уже были вместе. Дорога шла через дефиле, сильно укрепленные; было срублено много соснового леса и из толстых бревен сделаны баррикады.

Русские авангарды шли за нами по пятам – всего в пяти-шести километрах, и мы постоянно слышали перестрелку. Весь день мы были в движении, к вечеру сделали небольшой отдых, часа на два с половиной, а затем снова пошли, так как красные сильно наседали.

Закупорка на дорогах была колоссальной. Обоз по мере движения очень увеличивался. Немецкая жандармерия носилась от одного края к другому, стараясь восстановить порядок, но это ей мало удавалось.

Остановившись в одной деревне, я, полусонный и усталый, пошел поискать продуктов. Переходя дорогу, я внезапно почувствовал сильный

толчок, зашатался и упал и тут же увидел немецкого жандармского офицера, лежащего на земле, ругающегося и кричащего на меня. Оказалось, что он, чтобы не задавить меня, сделал такой крутой поворот, что вылетел из своего мотоциклета, а не сделал он этого – я был бы раздавлен.

Наконец, наш обоз тронулся дальше, и в колонну влились еще венгерские жандармы и противовоздушная батарея, имевшая четыре орудия. Около двенадцати часов дня нас атаковала советская эскадрилья. Местность, по которой мы шли, была ровной, открытой – голая степь. Спрятаться было негде. Венгерская батарея открыла огонь и сразу сбила два советских самолета, пилоты которых вынуждены были спуститься на парашютах и были взяты в плен, один из них – женщина.

В середине апреля мы подошли к городу Кирхберг⁵⁵⁰, где я и Таня получили продовольственные карточки. Выйдя из бюро, мы стали поджидать попутный автомобиль, и с нами того же автомобиля ждал венгерский доктор с женой и множеством мелких пакетов. Быстро погрузив в подошедшую машину наши вещи, я помог Тане сесть в него, а сам остался ждать, пока доктор погрузит свои вещи. Немцы начали ворчать и, в конце концов, объявили, что ждать больше не будут. Доктор, окончив погрузку, соскочил с автомобиля, чтобы помочь жене взойти в него, но в это время автомобиль тронулся, я вскочил туда уже на ходу, доктор с женой остались на дороге, а их вещи поехали с нами. Из разговоров немцев я понял, что они сделали это нарочно, мстя венграм за то, что вторая венгерская армия перешла на сторону красных. Проехав с полкилометра, немцы постепенно выбросили из машины все вещи доктора – двенадцать пакетов, которые оказались разбросанными на протяжении полутора или двух километров; очень сомнительно, чтобы доктор мог собрать их, тем более что по обочинам дороги тянулось болото и рос кустарник.

Несмотря на то что стемнело, нам приказано было двигаться дальше, ибо красные сильно нажимали. О ночлеге не могло быть и речи. Наш обоз был официальным: он был включен в немецкую колонну, имевшую своего начальника, приказания которого должны были исполнять и мы. Позади нас ехал венгерский барон с сестрой в очень нагруженной бричке. Барон, которому было лет пятьдесят шесть, сидел на самом вершине, а его сестра – внизу, с кучером. Дорога шла лесом, и с одной ее стороны тянулся крутой обрыв, а кроме того, она часто пересекалась ручьями

---

⁵⁵⁰ В документе – Кирхбург.

и речками. Сделалось холодно. Сзади слышалась сильная ружейная перестрелка. Приказано было ускорить ход. Мы взъехали на небольшой мост, и там у нашей телеги сломалось колесо, телега накренилась, налево и остановилась. Ночь была очень темной, и кучер барона, не заметив нашей остановки в кромешной тьме, полным ходом налетел на нашу тележку. Сильный толчок выбросил лежавшего наверху и дремавшего барона из брички, он перелетел слабые перила моста и упал прямо в воду.

Барон так испугался, что, стоя в воде, не издал ни одного звука. Сестра барона, очнувшись и не увидев в бричке своего брата, стала кричать:

– Имре! Дорогой братец, где ты?

В ответ послышался глухой, хриплый голос барона:

– Дорогая сестрица! Я упал в воду и стою в ней по грудь. Дальше идти боюсь – здесь очень глубоко. Спаси меня! Я не умею плавать!

Прибежали люди, вытащили бедного барона, выглядевшего плачевно: мокрый, дрожащий... Было начало апреля и в горах очень холодно. У барона, как говорится, зуб на зуб не попадал. К счастью, обоз проезжал деревню. Злосчастного барона увели в первую же хату, обсушили и отогрели. Мы починили колесо, провозившись до трех часов ночи, а потом измученные, сонные и голодные двинулись дальше. Утром узнали, что одна телега с крестьянской семьей упала в овраг восьмиметровой глубины. Двое детей были убиты, трое взрослых – тяжело ранены.

После тяжелого недельного похода, мы подошли к городу Steyr⁵⁵¹, где имелись большие фабрики и заводы. Это было самое опасное место в Австрии: город почти каждый день бомбили. Мы должны были обязательно здесь остановиться, чтобы получить продовольственные карточки. Мы приехали поздно вечером, бюро было закрыто, но сторож предложил нам переночевать во дворе, однако мы, несмотря на полное переутомление, отказались и отъехали на полкилометра от города. И хорошо сделали: ночью сильнейшие взрывы потрясли воздух – весь город был снесен с лица земли, не осталось камня на камне. Утром, отправившись за продовольственными карточками, мы не нашли бюро. Один горожанин, узнав, что мы ищем, указал на груду еще дымящихся развалин:

– Оно больше не существует. Ночью весь состав с продовольственным материалом погиб при бомбардировке. Вот, оно было здесь...

Хорошо, что мы не остались ночевать во дворе «Картенштелле»!

⁵⁵¹ Штайр. В документе ошибочно – Steyer.

Через три дня мы подошли к городу Гмунден, где должны были расстаться с нашим инженером и снова собственными силами тянуть нашу тележку. Инженер имел специальную задачу доставить продовольствие своей семье в Коклабрюк. Здесь он должен был остаться и ожидать окончания войны.

Не доходя пяти километров до города, мы остановились на ночлег. Тут уже встречались югославские беженцы. Ночь была очень холодной, поэтому, оставив тележку во дворе, мы пошли в помещение спать. В шесть часов утра, проснувшись, я вышел и увидел, что брезент с нашей тележки был сорван, веревки разрезаны и все продовольствие, с таким большим трудом раздобытое в Венгрии, украдено. Ветчина, сало, яйца, мука – все исчезло. Оставшись без продовольственных карточек, без продуктов, я и Таня снова потянули наш убогий возик по направлению на Зальцбург.

У Зальцбурга мы натолкнулись на заградительный немецкий отряд. Я, как всегда, схватился за спасительный документ, выданный в Шопроне и свидетельствующий, что я еду в армию Власова. Начальник отряда внимательно прочитал пропуск и сказал:

– Армия Власова находится совсем не там, куда вы идете! – и в пропуске отказал.

Мой трюк не удался. Я и Таня обсудили наше положение и, увидев неподалеку от нас трех советских беженцев, одному из которых было двадцать лет, другому – сорок семь, а третьему – восемьдесят четыре года, предложили им соединиться с нами. Они с удовольствием согласились.

Разыскав побочную дорогу, идущую лесом, мы общими силами, хотя и с большими трудностями, обошли немецкую заставу и вышли к городу Зальцбург, а прицепившись к немецкому грузовику, беспрепятственно въехали в него.

Возик наш был очень тяжелый, и я, таща его, натер себе обе ноги, образовались раны, из которых сочилась кровь. Я не только не мог тянуть телегу, но даже идти. К тому же я очень простудился, переходя реку вброд, по пояс в воде. Температура поднялась до 39,8°. Положив меня на воз, наши новые спутники и Таня потянули его дальше. Останавливаться мы не могли, общее положение не позволяло этого. Погода испортилась, дождь лил как из ведра. Протащив меня около двадцати километров, решили сделать привал. Спустившись с дороги на поляну, мы развели огонь, чтобы сварить кофе, но тотчас же из темноты подошел к нам немецкий офицер:

– Ваши документы?

Мы показали наши паспорта.

– Вы находитесь в сфере боевой линии. Здесь стоят артиллерия и танки и каждую минуту может начаться бой с красными. Уходите скорее! – приказал он.

Наскоро собрав наши манатки, мы побрели дальше. Пройдя километр, подошли к мосту и хотели на него взойти, но услышали грозный окрик:

– Стой! Назад! Мост минирован.

Утопая в грязи, мы свернули на проселочную дорогу. Дождь лил не переставая. Силы наши были исчерпаны. Увидя небольшой пустой сарай, мы решили отдохнуть в нем. Не прошло и получаса, как началась артиллерийская канонада. Очевидно там, где мы хотели варить кофе, начался бой. Канонада усиливалась, задерживаться было опасно,

Мы пошли дальше. На дороге валялось много вещей: весы, кухонная печь, матрасы, подушки, шинели и много одеял. Кто их бросил? Забыли ли их впотьмах или, сломя голову удирая от красных, оставили, чтобы освободиться от лишней тяжести?

Как выяснилось, все наши спутники имели криминальное прошлое: старик был профессиональным вором и бежал из Советского Союза потому, что обокрал там кожевенную фабрику. Другой – средних лет – был болен kleptomанией и по дороге, даже на виду у немцев, крал все, что плохо лежало; самый молодой был дезертиром.

Старик обокрал меня дочиста. В наше отсутствие он взломал мой чемодан и украл все золото и бриллианты дочери и некоторые носильные вещи. В этот день он прикинулся больным и от нас ушел. Через три дня я обнаружил кражу, но было поздно – старик скрылся.

Мы достигли Zell am See⁵⁵², где находился большой склад продовольственных, мануфактурных и галантерейных товаров, награбленных немцами. Ввиду окончания войны, немцы решили раздать имущество местным жителям. Раздавали: шампанские, сигареты, хрусталь, свитера, платки, теплые рубашки, носки и так далее. Можно было брать только две носильные вещи, но хитроумные люди в темноте надевали на себя столько рубашек и свитеров, сколько могли, и, войдя на склад худенькими, выходили оттуда как толстые купцы.

Четвертого мая к нашему сараю подъехал американский капитан и заявил, что завтра приедет грузовик и заберет нас в концентрационный

---

⁵⁵² Цель-ам-Зе.

лагерь. Мы спросили: есть ли гарантия, что с нами не поступят так, как поступили с беженцами в Италии и в Австрии? Капитан ответил, что такой гарантии он дать не может. Тогда мы решили удирать. Мы еще никогда не были в лагере и боялись таковых, как чумы.

Утром, чуть забрезжило, мы тронулись в путь. Американцы повсюду расставили посты и не пропускали беженцев, но мы обходили это распоряжение так: постовым показывали на какой-либо видневшийся дом и говорили, что меняем квартиру и что наши вещи в тот дом уже перевезены. Американцы верили, и мы, не меняя выдумки, доехали до Инсбрука.

В одном местечке нам повстречался немецкий санитарный обоз, начальствовал которым прусский офицер с моноклем в глазу. Он нас остановил и, узнав, что мы русские, вынул из кобуры револьвер и подошел ко мне.

– А, русский генерал? Сейчас мы с тобой рассчитаемся! – кричал он, вдребезги пьяный.

Другие офицеры отняли у него револьвер, но он продолжал буйнить:

– Если тебе жизнь не надоела, – пошел ко всем чертям! – и толкнул меня изо всей силы.

Очевидно, русская победа была ему не по нутру.

Двенадцатого мая мы вошли в Тироль. Наступила дивная летняя погода. Солнце нас приятно согревало. Зацвела сирень. Появились жаворонки. Хотелось поскорее где-нибудь обосноваться и забыть тяжелый поход.

Мы направлялись в Инсбрук, но, как всегда, встретили препятствие.

Подойдя к селению Ротхолц, мы во дворе громадного здания увидели повозки: малые, большие, детские коляски. Здесь было много беженцев, насильно загнанных американцами, и не было никакого сомнения, что организовывался концентрационный лагерь. Мы хотели было повернуть назад, но американский сержант приказал следовать за ним. Я опять прибегнул к хитрости, объяснив, что наш возик очень тяжелый и не имеет тормоза, а потому мы не можем свезти его по крутому спуску, и просил разрешения проехать к лагерю кружным путем. Сержант разрешил. Мы повернули обратно и спрятались в лесу, а на рассвете, когда все успокоилось, поехали назад в с[ело] Schlitters, где и решили выждать дальнейших событий.

Другие беженцы были насильно загнаны в лагерь и многие из них против воли выданы Советам.

Schlitters

В этой деревне нашей ударной задачей было обеспечить себе пропитание. Не получая ни от кого никакой помощи, мы вынуждены были заняться черной торговлей: в деревне мы покупали яйца, масло, творог, молоко, отвозили их в Инсбрук, там продавали, а покупали одежду – особенно старые женские платья, свитера и пр. – и продавали в деревне. Торговля шла неплохо: мы могли существовать. Единственно, что было неприятно и нас тревожило – это частые советские регистрации.

Советская власть работала, как гестапо, беспощадно вылавливая контрреволюционеров. В Куфштейне допрос беженцев производился в большой комнате с двумя выходами. В одну дверь выходили после допроса праведники, в другую – грешники. Последние в лагерь не возвращались, а куда-то бесследно исчезали. Так пропал бывший офицер Орлов; его советские люди посадили в автомобиль и увезли неизвестно куда.

Провести в Куфштейне повторную регистрацию властям не удалось. Наученные горьким опытом, беженцы все разбежались. Они ушли в окружающие Куфштейн горы и там оставались всю ночь с больными и детьми, вернувшись в лагерь только на следующий день, а некоторые так боялись русских палачей, что исчезли из лагеря насовсем, кто куда.

Часто случалось, что человек шел в парк подышать свежим воздухом и назад не возвращался, попав в руки советского НКВД (СМЕРШ⁵⁵³).

Один русский инженер открыл в Инсбруке контору. В девять часов вечера в контору пришло трое замаскированных лиц с револьверами в руках и потребовали, чтобы хозяин следовал за ними. К счастью, жена одного служащего конторы не растерялась и позвонила французской полиции, последняя явилась и арестовала нападавших – все трое оказались советскими подданными.

Я сам был свидетелем, когда в[о] французском комиссариате советский представитель официально наводил справки о русском инженере, который случайно стоял тут же, рядом с нами. Французский офицер даже глазом не моргнул, ответив советскому представителю, что интересующее его лицо несколько дней тому назад уехало в другой сектор. Были и такие случаи, когда французские власти вызывали разыскиваемого Советами человека и предупреждали его о розыске,

---

⁵⁵³ Смерш (сокращение от «Смерть шпионам!») – органы советской военной контрразведки периода Второй мировой войны.

советуя немедленно переезжать в другой сектор; ему оказывали полное содействие и выдавали необходимые документы.

Другое дело были англичане и американцы. Всем известно предательство англичан, выдавших Советам весь лагерь Пеггец, в районе Лиенца. Там целиком была выдана 15-я казачья дивизия фон Паннвица⁵⁵⁴, силою около 20 000, и двадцать тысяч других беженцев. Их пригласили в здание театра, якобы для обсуждения вопроса о переселении за океан, а в действительности, вместо Канады, все сорок тысяч человек отправили на Лубянку. В Москве были повешены: П. Краснов⁵⁵⁵, С. Краснов⁵⁵⁶, А. Шкуро⁵⁵⁷, Султан Келич Гирей⁵⁵⁸, Т. Доманов⁵⁵⁹ и Хельмут фон Паннвиц; офицеры – расстреляны, а казаки отправлены на тяжелые работы. Стариков, женщин и детей избивали резиновыми жгутами. Священника, служившего молебен на площади Пеггец, избili до полусмерти. Многие тут же были смертельно ранены и убиты. Многие утонули в реке, они хотели переправиться на другую сторону, но река была глубокой и быстрой... У австрийской деревни Дольсах на реке образовалась плотина из трупов.

По достоверным сведениям, все эти зверства и насилия производила Палестинская бригада. Из лагеря Пеггец было репатриировано тридцать пять тысяч человек.

Начальник 15-й казачьей кавалерийской дивизии⁵⁶⁰, немец фон Паннвиц, отказался от предложения союзного командования считаться немецким военнопленным и разделил участь казаков. Он вместе с ними был расстрелян 16 января 1947 года⁵⁶¹.

⁵⁵⁴ Паннвиц Гельмут фон (14.10.1898–16.01.1947) – генерал-лейтенант вермахта, командир 15-го казачьего кавалерийского корпуса СС. Повешен в СССР. Не реабилитирован.

⁵⁵⁵ Генерал П.Н. Краснов занимал пост начальника Главного управления казачьих войск Третьего рейха. Повешен в СССР 16.01.1947. Не реабилитирован.

⁵⁵⁶ Краснов Семен Николаевич (13.03.1893–16.01.1947) – генерал-майор. Начальник штаба Главного управления казачьих войск Третьего рейха. Повешен в СССР. Не реабилитирован.

⁵⁵⁷ Генерал А.Г. Шкуро занимался подготовкой резервов для 15-го казачьего кавалерийского корпуса СС. Повешен в СССР 16.01.1947. Не реабилитирован.

⁵⁵⁸ Клыч-Гирей Султан (1880–16.01.1947) – полковник, участник формирования горских частей для Третьего рейха. Повешен в СССР. Не реабилитирован.

⁵⁵⁹ Доманов Тимофей Николаевич (1887–16.01.1947) – генерал-майор, походный атаман Казачьего стана Главного управления казачьих войск Третьего рейха. Повешен в СССР. Не реабилитирован.

⁵⁶⁰ Всеволодов неточен. Г. фон Паннвиц командовал 1-й казачьей кавалерийской дивизией, развернутой в 1945 г. в XV казачий кавалерийский корпус СС.

⁵⁶¹ Г. фон Паннвиц был не расстрелян, а повешен.

В своих насильственных мерах и предательстве американцы не отставали от англичан и передали на верную смерть генерала Власова. Способ выдачи был таким же самым, как и в лагере Пегтец. Американцы пригласили Власова и начальника 1-й дивизии Русской освободительной армии Буняченко⁵⁶² на совещание. Ничего не подозревавшие генералы отправились на совещание под прикрытием американских броневиков. Однако по дороге они встретили советский грузовик, сидевшие в котором офицеры узнали Власова, и, после короткого разговора, Власов и Буняченко были выданы красным. Американское командование не имело никакого юридического права на выдачу Власова и Буняченко, ибо последние были в немецкой форме «Вермахт», а потому должны были считаться немецкими военнопленными, а не русскими.

По сведениям советского генерала Голикова⁵⁶³, того самого, который командовал 23-й казачьей дивизией⁵⁶⁴, бывшего начальника репатриационного отдела, так было репатрировано около пяти миллионов человек, из которых почти половина была расстреляна или погибла от истощения и болезней.

Такие же трагические сцены избиения и самоубийств происходили в форте Дике, Нью-Джерси, в июне 1945 года, где американскими военными властями была произведена с особой жестокостью насильственная репатриация русских людей.

Шлиттерс сначала входил в американский сектор. Рядом со мной жила семья советских беженцев. Молодых людей звали Ванька и Мишка. Они приехали на запад в своей фурманке⁵⁶⁵ вместе с родителями. Когда французы неожиданно сменили американцев, распространился слух, что французы будут выдавать беженцев Советам, и эта семья быстро собралась и ночью переехала в американский сектор. Через две недели мы узнали, что вся семья была выдана Советам.

---

⁵⁶² В документе – Буниченко. Буняченко Сергей Кузьмич (05.10.1902–01.08.1946) – полковник Красной армии, генерал-майор Вооруженных сил Комитета освобождения народов России, командир 1-й пехотной дивизии. Повешен в СССР. Не реабилитирован.

⁵⁶³ Голиков Филипп Иванович (03.07.1900–29.07.1980) – советский военный деятель, генерал-полковник (впоследствии – Маршал Советского Союза), уполномоченный Совета народных комиссаров СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран.

⁵⁶⁴ Мемуарист ошибается. Бывший начальник 23-й стрелковой дивизии А.Г. Голиков был расстрелян в 1937 г.

⁵⁶⁵ Фурманка – небольшой фургон.

Наконец, дошла очередь и до Шлиттерса: французские власти сообщили нам о предстоящей регистрации и приказали представить все надлежащие документы. Одновременно началась беспощадная ловля так называемых одиночек, как мужчин, так и женщин.

Напуганные фактами и слухами о насильственной выдаче беженцев Советам, мы были настроены всегда тревожно и чего-то ждали. Наконец, наступил и наш черед.

До сего времени было много регистраций, но все они были шаблонного типа, и мы ездили в Швац самостоятельно, без сопровождения полиции, а в этот раз ко мне пришел полицейский и принес особо строгий приказ мне и Тане явиться на регистрацию в советскую комиссию, причем заявил, что он поедет с нами. Меня это удивило. Я спросил полицейского:

– Что это, арест?

– Нет, это только форма, – ответил он.

Приехав в Швац, я увидел советскую комиссию, состоявшую из трех членов: подполковника, капитана и казачьего офицера в чине сотника.

Допрашивали подробно, пытаясь всю подноготную. Русская пословица говорит: «У страха глаза велики», – и мне показалось, что полицейский следит за нами. Чтобы в этом удостовериться, я нарочно вышел на улицу и пошел в сторону. Вслед за мной вышел и полицейский. Может быть, это было случайно, но вполне достаточно, чтобы взвинтить и без того расшатанные мои нервы. Воспользовавшись тем, что полицейский заговорил с французским капитаном, я и Таня вышли из помещения и побежали на большую дорогу, где увидели французский грузовик, шедший по дороге на Шлиттерс (мы оба хорошо говорим по-французски), французы взяли нас с собой. Приехав домой, мы наскоро запаковали ценные вещи и убежали в лес. Шли с трудом, по поясу в снегу. Было очень холодно. В лесу набрали на небольшой сарайчик, при помощи бывшей в нем лестницы спрятались на сеновале, и лестницу подняли наверх. Там спали, вернее, провели ночь. Стоял мороз, и мы очень мерзли. Просидев в сарае два дня, мы не выдержали холода и голода и решили вернуться на квартиру, где, к нашему удивлению, узнали, что о нас никто не спрашивал. Это нас ободрило, мы решили остаться, затопили печку, хорошо поужинали и беззаботно улеглись спать. В девять часов утра в дверь постучали. У меня забилося сердце: «Кто бы это мог быть, – думал я, – только бы не полиция...» Со страхом я открыл дверь и остолбенел: передо мною стоял полицейский, да еще не один.

– Почему вы уехали без разрешения? Советская комиссия вас обязательно хочет видеть и теперь специально для вас должна приезжать вновь, – сказал полицейский. – Завтра в девять утра мы поедем в Швац, я вас буду сопровождать...

Я был в ужасе, ходил, как маниак, не знал, на что решиться. В конце концов, мы отважились поехать: от судьбы не уйдешь!

В Шваце советский полковник спросил меня:

– Что же вы, гражданин, не хотите с нами разговаривать?

Я извинился, сказал, что внезапно заболел и вынужден был уехать.

– Ну, хорошо. Садитесь и рассказывайте подробно, кем вы были в царской России и чем занимались?

– Я был маленьким человеком, – ответил я, – всего только провинциальным музыкантом, жил в Варшаве и перед войной играл в небольшом ресторане «Камин». Там я, не успев выехать, был захвачен немцами.

Мое вранье, видимо, удовлетворило комиссию, нас отпустили. Будто гора свалилась с плеч, – такое радостное чувство было у нас. Я и Таня вернулись в деревню. Через два дня меня снова вызвали в Швац. Советский полковник спросил меня, на чем я играю. Я ответил, что я – пианист и играю на рояле. Полковник предложил мне вернуться в Россию:

– Музыканты нам тоже нужны, – сказал он.

Чтобы ввести его в заблуждение и не выдать себя, я сделал вид, что с удовольствием принимаю его предложение, что хотел бы вернуться в Россию, что это моя мечта...

– Если вы можете мне в этом помочь, я был бы вам очень благодарен.

– Отлично! Приходите ко мне в канцелярию в Инсбрук, я сделаю для вас все, что возможно.

Конечно, в Инсбрук я к нему не поехал. Получив визу в Парагвай, я и Таня немедленно исчезли из Австрии. Наши страдания и мучения как будто кончились. А мы ведь страдали не только морально, но и материально. И на этот раз, во время истории с регистрацией, наши милые соседи по квартире – женщина с двумя взрослыми дочерьми – хорошо нас обчистили: они украли много вещей, а главное – продовольствие.

Вскоре после этого случая последовало новое приключение, изрядно нас напугавшее.

Наш барак стоял на низком месте, на берегу ручья. С одной стороны к бараку прилегал огород, а с другой – большая проселочная дорога. Проснувшись однажды ночью, я услышал плеск воды и, открыв дверь, увидел вместо дороги бурную реку, а вместо поля – широкое

озеро. Дверь, ведущая в барак, имела три ступени, к утру две ступени были уже полностью залиты водой. Большие непрерывные дожди последних дней образовали бурные потоки, которые, падая с гор, влились в главный глубокий ручей, запруженный по дну камнями, грязью и разного рода мусором, благодаря чему образовались заторы и ручей, выйдя из берегов, хлынул на поля и пашни, заливая их водой. В ста пятидесяти – двухстах метрах далее, параллельно ручью, протекала большая, глубокая река Циллер, на которой, ввиду частых разливов, была устроена гать. К двенадцати часам дня в некоторых местах через гать стала просачиваться вода, заливая весь левый, низменный берег реки, вследствие чего опасность нашему бараку начала угрожать с двух сторон. Уже и третья ступенька исчезла, вода окружила барак с четырех сторон и стала просачиваться в комнату, а снаружи она была настолько глубока, что по ней плыли тяжелые бревна, поваленные бурей большие деревья и многое другое.

Дождь продолжал заливать все и вся. Мужское население деревни высыпало на поле с баграми и шестами и принялось прочищать русло реки, но вода продолжала прибывать. Все усилия и внимание рабочих было устремлено на реку Циллер, но, несмотря на это, ночью вода снесла большой мост, и сообщение с правым берегом реки было прервано.

Выйти из барака, окруженного бурлящей водой, было невозможно, поэтому наши вещи мы перенесли на крышу, а сами расположились на чердаке. К утру вода прибывать перестала, а к вечеру стала убывать.

Груды камней и песку наводнили пашни. Урожай был уничтожен; убытки – колоссальные; свет погас. Погибло много мелкого скота: свиньи, куры, утки, гуси. Ходить по дороге и полю никто не мог, – ноги погружались в тину по колено, – и целую неделю мы были отрезаны от внешнего мира.

Итак, помимо несчастий, постигших нас в походе, нам суждено было пережить и стихийное бедствие – наводнение.

Наша жизнь в с[еле] Шлиттерс была тихой, спокойной и оставила по себе приятные воспоминания. Австрийские власти относились к нам сердечно, доброжелательно и всегда шли нам навстречу. Особенно симпатичным был бургомистр, предоставивший нам квартиру в отдельном бараке, имевшем три комнаты и кухню. Из бывшего лагеря Р.А.Д.⁵⁶⁶ мы

---

⁵⁶⁶ RAD (Reichsarbeitsdienst) – Имперская служба труда Третьего рейха.

получили хорошую мебель – шкафы, кровати, стулья. В бараке было электрическое освещение, я имел собственное радио. У нас было тепло, уютно, очень чисто, всюду стояли цветы. При квартире был большой сад и огород, все овощи у нас были свои, даже клубника. В Альпах, на высокой горе мы получили лесной участок и вместе с Таней собственноручно валяли и рубили громадные деревья. Я колол дрова. Весь день мы проводили на воздухе: собирали в горах малину и голубику, варили варенье; осенью собирали грибы; в реке ловили форель. По двору у нас бродили свои куры, мы имели свинью.

Один раз в неделю из Инсбрука привозили киноустановку – ставили фильмы. Некоторые венские туристы брали у меня уроки русского языка. Наконец, одно книжное издательство в Инсбруке пригласило меня для участия в издании самоучителя французско-немецкого и русско-немецкого языков.

В с[еле] Шлиттерс мне удалось повидаться с сыном Юрием, который остался в Будапеште. Американцы вывезли его джаз-оркестр, как самый лучший, в Вену, а оттуда, закончив контракт, он приехал ко мне и пробыл у нас целый месяц.

Так жили мы в Шлиттерсе, и был он нам раем небесным. Это дивное время никогда не изгладится из моей памяти. Здесь набрались мы свежих сил для дальнейшей борьбы за существование.

Несмотря на то что в Австрии жилось нам очень хорошо, но мы хотели быть подальше от ненавистой советской власти, тем более что Советы чувствовали себя в стране как дома. Чтобы получить визу, я писал лично даже таким высоким лицам, как премьер Бельгии Спаак⁵⁶⁷, а в Америку – генералам Маршаллу⁵⁶⁸ и Эйзенхауэру⁵⁶⁹. Спаак немедленно дал мне визу в Брюссель, а Маршалл и Эйзенхауэр дали благоприятные нам распоряжения американскому консулу в Австрии. Если мы не попали сразу в Соединенные Штаты, то только потому, что из-за неожиданной советской регистрации нам пришлось эмигрировать в Парагвай, виза из коего была уже у меня в кармане. После разговора

---

⁵⁶⁷ Спаак Поль-Анри Шарль (25.01.1899–31.07.1972) – бельгийский государственный деятель, премьер-министр Бельгии (1938–1939, 1946, 1947–1949).

⁵⁶⁸ Маршалл Джордж (31.12.1880–16.10.1959) – американский государственный и военный деятель, генерал армии, инициатор плана Маршалла.

⁵⁶⁹ В документе – Айзенхауэр. Эйзенхауэр Дуайт Дэвид (14.10.1890–28.03.1969) – американский государственный и военный деятель, генерал армии, президент США (1953–1961).

с советским полковником мы, как только смогли собраться, уехали в Женеву, где я и Таня купили себе на память золотые часы, а оттуда – в Париж, там пробыли одну неделю и уехали в Брюссель для постановки визы, а из Брюсселя отправились в Марсель для погрузки на пароход. В Марселе мы ждали парохода «Raul Suarez»⁵⁷⁰ две недели. Наконец, час отплытия настал.

Когда мы вышли в открытое море, я заметил, что пароход наш пошел не на запад, в направлении Южной Америки, а на восток, в направлении Италии и – кто знает? – может быть, в Одессу. Я обратил на это внимание наших спутников – русских беженцев. Все заволновались. Началась всеобщая паника. Несмотря на заверения и успокоения капитана, волнение не унималось, ибо к нему имелось основание: за неделю до нашего отплытия русские беженцы сели в Генуе на югославский пароход, идущий – как официально было указано – в Южную Америку, а он в открытом море свернул на восток и привез их в Одессу.

Наш пароход, вне всяких сомнений, шел на восток: мы миновали Корсику, Сардинию и прибыли в Неаполь, где нас ожидал неприятный сюрприз – советская регистрация. Естественно, что подозрение пассажиров о предательстве возросло. Я и Таня, хорошо владея венгерским языком, назвались венгерцами. Регистрация прошла благополучно, с парохода никого не сняли, но пассажиры не успокоились и всю ночь провели без сна. Многие, в том числе и я, запаслись спасательными кругами, решив, в случае отправки нас в Одессу, броситься в море.

Наступило утро. Пароход снялся с якоря и пошел назад в Марсель. Гора спала с плеч. Все повеселели. Минуя Марсель, мы пошли прямо в испанский порт Кадис⁵⁷¹, а оттуда на Зеленые острова⁵⁷².

В дороге случился «продовольственный инцидент». Пароходная администрация давала нам несъедобную пищу. Сначала возникло брожение и недовольство, потом – взрыв возмущения, и, наконец, началась всеобщая забастовка: когда подали несъедобные макароны, все встали и покинули столовую. Но никто не обратил на это никакого внимания – кушанье унесли, мы остались голодными, а администрация – в прибыли. Я пожалел голодную Таню, пошел к капитану и попросил разрешения получить на кухне что-либо за плату. Капитан

⁵⁷⁰ В документе ошибочно – Raul Saurece.

⁵⁷¹ В документе ошибочно – Кадик.

⁵⁷² Кабо-Верде (Острова Зеленого Мыса).

разрешил, и Таня имела прекрасный бифштекс с гарниром, сладкое и яблоко. Взяв все это, она понесла тарелку в каюту, но на палубе сидевший на полу немец подставил ей подножку, она упала, и кушанья вместе с тарелкой полетели за борт. Мы остались голодными. Забастовка успеха не имела, пассажиры снова пошли в столовую и получили негодную пищу.

В начале сентября мы пришли на Зеленые острова, населенные исключительно неграми. Царит поголовная бедность, питаются бананами, хлеба почти не видят. Дождей не видят тоже: последний раз дождь шел восемь лет тому назад. Воду для питья привозят на пароходах. С транзитных пароходов пассажиры бросают заплесневевший хлеб, негры его ловят и с жадностью едят. Бросают и монеты в море, негры ныряют и ловят их, причем бывают случаи, когда хищные рыбы откусывают ныряльщикам руки или ноги, но негров это не смущает: без руки или ноги они продолжают ловить монеты.

С Зеленых островов мы пошли на Рио-де-Жанейро и попали в сильный шторм. Пароход качало. Волны перекатывались через палубу. Нам приказали надеть спасательные пояса. Шторм продолжался целые сутки. Впервые я увидел летающих рыб. Они поднимаются из моря и летят по воздуху, как птицы, а через двести-триста метров снова опускаются в море.

По дороге на Рио мы пересекли экватор. Пароходный гудок дал салют, и начался торжественный праздник в честь морского бога Нептуна. Поливали водой всех и вся, особенно дам; мужчин мазали какой-то омерзительной мазью; скакали в мешках.

30 августа мы вошли в порт Рио-де-Жанейро. Красиво вырисовывался силуэт Спасителя на горе Сахарная голова. Пробыв в Рио две недели, мы воздушным путем отправились в Парагвай. Пролетая над Чако, было интересно в бинокли наблюдать жизнь зверей и птиц. Самый полет на большом авионе тоже немало нас волновал.

15 сентября мы прибыли в Асунсьон, столицу Парагвая. Нас встретил представитель русской организации, генерал Эрн⁵⁷³. По дороге от аэродрома до города мы видели маленькие бедные домишки, грязные халупы, голые окрестности, имеющие жалкий вид, – всюду нищета и мразь. Проезжая город с ничтожными домами и магазинами, я спро-

---

⁵⁷³ Эрн Николай Францевич (06.12.1879–19.07.1972) – генерал-лейтенант (русской и парагвайской армий), видный деятель русской эмиграции в Парагвае.

сил Эрна, скоро ли будет центр? Генерал улыбнулся и сказал: «Центр города мы уже проехали ...» У меня защемило сердце: нет, в этой дыре я жить не буду! Уже на следующий день я был в аргентинском консульстве и хлопотал визу в Аргентину. Но аргентинцы – народ практичный: они потребовали за две визы пятьсот долларов. Пришлось искать другой способ, чтобы выбраться из Парагвая.

Жизнь в Парагвае не пришлась нам по вкусу. Городские улицы полны грязи. Каждый день можно было видеть даже на самой главной улице Пальма дохлую собаку, кошку или даже осла. Ослы здесь особенные, они занимаются нищенством: ночью вместе с крысами ходят по городу и собирают всякую падаль, которой питаются. В городе был один замечательный осел. Он приходил в известные дома, стучал головой в дверь и просил есть, а когда получал что-либо съедобное, уходил в другой дом. Это он проделывал каждый день.

Асунсьон был мертвым городом, в нем нельзя было получить никакой работы. Мы были в отчаянии. Однажды супруга генерала Эрн[а] пожаловалась мне, что ее пианино очень расстроено, не работают некоторые клавиши, а починить никто не может. Я вспомнил, что в Венгрии, когда я играл со своим оркестром в провинции, мне часто приходилось самому настраивать рояли и пианино и делать мелкую починку. Я вызвался помочь генеральше и быстро починил и настроил ее инструмент. Генеральша была бесконечно рада и благодарна, а я еще более доволен тем, что открыл для себя новую профессию.

К этому времени мои денежные дела пришли в катастрофическое состояние. У меня за душой осталось три guarany⁵⁷⁴. На эти последние деньги я сделал объявление в газете, что починяю и настраиваю «пиано», и сразу же получил работу у одного адвоката, которому вместе с Таней за шесть дней починил пианино и настроил его. Адвокат остался очень довольным и заплатил мне пятьсот guarany. Ничего подобного я не ожидал. Последовали новые предложения, и к концу 1950 года мы имели в запасе крупную сумму денег – три тысячи guarany.

Выполнив работу для бразильского консула, я в вознаграждение получил деньги и визу в Рио и, легко получив транзитную визу в Аргентину, я и Таня в марте месяце⁵⁷⁵ уехали в Буэнос-Айрес и тотчас же получили

⁵⁷⁴ Гуарани – валюта Парагвая.

⁵⁷⁵ Видимо, 1951 г.

там работу на фабрике роялей и пианино. Проработав неделю и получив гонорар в шестьсот пезо, мы в хорошем настроении отправились домой. В трамвае я купил два билета и хотел мое портмоне положить в карман брюк, как вдруг сзади у меня кто-то выхватил его. Оглянувшись, я увидел четырех господ здоровенного роста, одетых с иголки, нахально, в упор смотревших на меня. Что я мог сделать? Заявил кондуктору, тот улыбнулся, и этим дело закончилось. Так наш первый заработок – шестьсот пезо – попал в карман воров.

Хорошо зарабатывая на фабрике, мы, скопив хорошую сумму денег – около сорока тысяч пезо, – решили открыть какой-нибудь магазин. Стали подыскивать помещение, а чтобы не тратить накопленные деньги, я решил временно пойти работать ночным сторожем. Получив работу на фабрике «Silfuna», на третий день службы я уже имел дело с двумя бандитами. Выйдя из помещения в три часа ночи, я пошел проверять часы и, повернув за угол, увидел двух бандитов, взламывающих дверь. Я выстрелил в воздух, бандиты бросились наутек. Моя собака-волк Ринти их догнала, одному разорвала штаны, а другому бросилась на шею. С легкостью акробатов воры перескочили через забор и, изрядно покусанные собакой, исчезли. Я их не преследовал, откровенно говоря, я был рад, что они от меня бежали, а не я от них.

Вскоре наша заветная мечта исполнилась: в одном небольшом местечке мы, наконец, открыли собственный магазин и назвали его «Bomboneria⁵⁷⁶, cafes, tes»⁵⁷⁷. Таня стала торговать, я заказывал и доставлял товар. Магазин был очень красив, как игрушка. В нем было два громадных (два с половиной – три метра каждое) зеркала, хрустальная витрина, машина, чтобы молоть кофе, машина для мороженого и много других красивых вещей. В магазине продавалось кофе, чай, бисквиты, вино и гастрономия. Дело пошло очень хорошо, и можно было думать, что мы пришли на конечную жизненную станцию и что начнется тихая, спокойная жизнь.

Но так ли это? Спокойна ли эта жизнь?

В местечке, где мы открыли магазин, не было ни одного, который не был бы ограблен. У нас воры побывали тоже – ограбили кассу. Подrostки каждый день воровали шоколад, бомбоны⁵⁷⁸ и многое другое;

⁵⁷⁶ В документе – Bombonerua.

⁵⁷⁷ «Кондитерская, кофе, чай» (исп.).

⁵⁷⁸ От bombón – конфета (исп.).

они же разбивали зеркальные стекла, покупали товар и, не платя денег, с ним убегали. Все это заставило меня и Таню призадуматься и искать выхода из положения. И мы его нашли. Мы закрыли магазин и уехали в другое государство. Здесь, в этой благословенной Богом стране, мы нашли все то, что мило и дорого нашему сердцу.

Заключение

Оглядываясь назад и резюмируя все вышеизложенное, видно, что бурный и тревожный путь мой и моей дочери Тани от Петрограда до Буэнос-Айреса был полон приключений, тяжелых и критических моментов, часто угрожавших нашей жизни. По простому подсчету смертельная опасность за это время была рядом с нами двадцать раз. Ровно двадцать раз наша жизнь была на волоске от смерти. Вспоминая этот многострадальный, полный смертельной опасности путь, с трудом веришь, что все это было настоящей действительностью. Если бы мы все это не сами пережили и испытали, а кто-то рассказывал бы нам, мы не поверили бы, что в жизни может иметь место такая Одиссея. Особенно тяжелым физически и морально был путь от Шопрона до Тироля. Этот путь, длиной около пятисот километров, я и Таня, за мальыми исключениями, прошли пешком за один месяц. При этом мы не только шли пешком налегке, без вещей, но еще и тянули вдвоем тяжелый воз, четырехколесную тележку, нагруженную вещами и провиантом, общим весом около двухсот пятидесяти килограмм, не считая самой тележки, которая весила не менее ста двадцати – ста пятидесяти килограмм. Если бы местность, по которой мы шли, не была гористой, то с этим можно было бы мириться, но местность была сплошь покрыта горами, оврагами, ручьями и речками, заповедными дремучими лесами... Это были Альпы – Hochsch Альпы⁵⁷⁹ – 2372 метра, Totes Альпы⁵⁸⁰ – 2124 м, Kaiseralp'ы⁵⁸¹ – 2344 метра высоты и другие.

Мы шли и тянули за собой воз, а где нельзя было тянуть – толкали: Таня шла впереди и тянула за дышло, а я сзади толкал воз руками и тяжестью всего тела. Тележка была сделана для упряжки пары лошадей, а мы везли ее, как ручную. Таня шла в легких городских туфлях на низких каблуках, ноги у нас обоих были натерты, и под конец похода из пяток сочилась кровь. Перевязочных средств не было никаких. Особенно труден был

⁵⁷⁹ Возможно, речь идет о горном массиве Hochschwab-Gruppe – части Альпийских гор.

⁵⁸⁰ Правильно – Totes Gebirge – Мертвые горы – часть Альпийских гор.

⁵⁸¹ Кайзеровские горы – часть Альпийских гор.

путь в Тотес Альпах, где дорога шла почти отвесно по крутым горам. Мы двигались здесь буквально по метрам: с невероятными усилиями толкая воз три-четыре метра, мы подставляли под колесо камень, чтобы он не скатился назад, и минуты три-четыре отдыхали. Потом шли дальше. Таким черепашьим шагом мы ползли вперед,

В течение всего похода мы под сильным нажимом красных должны были идти обязательно каждый день, не задерживаясь для длительного отдыха. Останавливаться было нельзя, так как красные шли по пятам, в пяти-шести километрах от нас. Питание наше было мизерно, скудно и совершенно недостаточно при той тяжелой физической работе, которую мы выполняли. Мы буквально голодали. То, что мы купили еще в Венгрии, мы держали, как стратегический резерв, на вторую половину похода, но, как было указано выше, и эти скудные запасы у нас украли услужливые югославские беженцы. Мы питались три раза в день: утром – картошка и чай; в полдень – чай и картошка; вечером – снова картошка и чай. Хлеба за весь поход не было и в помине. И так было каждый день, без исключения. Австрийские крестьяне нам не только ничего не давали, но не хотели ничего и продать, оправдываясь тем, что у них тоже ничего нет. Однажды мы поздно вечером пришли в немецкую деревню, где в каком-то доме семья из двенадцати человек сидела за ужином. На стол были поставлены три большие миски с молоком, картофелем и галушками, все ели из одной и той же миски, черпая еду ложками. Кончив есть, хозяйка от щедрого сердца предложила оставшиеся объедки нам. Как мы ни были голодны, но от такого угощения вежливо отказались, сказав, что только что поужинали.

Если наше питание не выдерживало никакой критики, то с ночлегом было еще хуже. Мы неизменно спали в конюшнях и коровниках вместе со скотом. Специально для нас одну корову выводили из стойла, освободившееся место немного вычищали, давали горсть полусвежей соломы, и наше отдельное купе в спальном вагоне было готово. Спали в верхней одежде, не снимая шуб, во-первых, потому, что ночи в горах были очень холодные, а во-вторых – в непосредственной близости красных раздеваться было опасно. Вставали с петухами, в четыре-пять часов утра, когда коров выгоняли на пастбище, и они поднимали такой ужасный рев и мычание, что спать было немислимо.

Нормального купанья или бани мы не имели за все время похода. Только когда наступал хороший солнечный день, мы сворачивали с дороги в лес, останавливались у какого-либо горного ручейка, за-

вешивались одеялами и платками и по очереди мылись, обливаясь как лед холодной, ключевой водой, служившей для нас всем: ванной, шtrand⁵⁸² и купаньем.

Несмотря на все эти лишения, голод, холод, утомление, вечный страх за нашу жизнь и полную неуверенность в будущем, наше самочувствие и настроение были прекрасными. Уже одно то обстоятельство, что мы благополучно вырвались из кровавых лап Сталина, давало нам полное удовлетворение, поднимало наш дух и вселяло в нас силу, веру и надежду на лучшую жизнь, покой и счастье. Хотя мы спали в коровниках и конюшнях, но зато нравственно были спокойны. Мы знали, что в ворота коровника не постучится НКВД и никто не придет нас арестовывать. Мы чувствовали, что были свободны, и этой свободой наслаждались.

На нашем пути от Целлензее до селения Шлиттерс были еще некоторые приключения, но они не были сопряжены с угрозой смерти и оканчивались лишь страхом и беспокойством. И только в период нашего пребывания в селении Шлиттерс равновесие нашего духа было снова нарушено. Тень Советов нас преследовала... Частые регистрации и контрольная советская комиссия опять вторглись в нашу жизнь, лишив ее надлежащего покоя. Мы лично видели, как в Куфштейне энкаведисты выживали намеченные жертвы, и регистрации, на которых они выявляли своих врагов, вселяли в наши души страх попасться в советские руки. И только в июле месяце, когда мы переехали австро-швейцарскую границу и очутились в Женеве, нам стало дышаться легко и привольно.

В Парагвае, куда нас забросила судьба на некоторое время, мы еще раз столкнулись с коммунистическими выступлениями, но они были слабы и немедленно и легко подавлялись парагвайским правительством.

В Буэнос-Айресе также чувствовалась подпольная коммунистическая работа. Среднему обывателю жить в столице Аргентины стало не под силу. С уходом президента Перрона⁵⁸³ страна, не переставая, бьется в конвульсиях. Президенты сменяются один за другим, как часовые на постах, сменяющиеся через каждые два часа. Наполнит такой президент свои карманы долларами, покатается с семьей по Европе и даже по Азии

---

⁵⁸² Strand – пляж (нем.).

⁵⁸³ Перрон Хуан Доминго (08.10.1895–01.07.1974) – президент Аргентины (1946–1955, 1973–1974).

и на покой. Приходит новый и проделывает то же самое. Некоторые из них думают, что популярности можно достигнуть, потворствуя коммунистам, – при таком правителе коммунисты свою подрывную деятельность усиливают.

Рабочие сделались нахальными и разнузданными и стали предъявлять своим хозяевам невыполнимые требования, фабрики постепенно закрываются или переходят в руки рабочих.

Аргентина с неудержимой быстротой идет по наклонной плоскости в объятия коммунистов! С уходом Перрона буквально каждый день стали взрываться в городе бомбы то здесь, то там. Забастовки устраиваются чуть ли не каждый месяц. Работа почты хромает на обе ноги, и известны случаи, когда почтальоны, получив письма для разноски, их сжигали. В каком-то поезде было убито несколько пассажиров выстрелами из ружья через окно проходящего мимо другого поезда. Кожа в пассажирских вагонах вся изрезана и большие куски ее украдены. Многие памятники взорваны и разрушены. Женщинам и подросткам стало опасно выходить на улицу после восьми-девяти часов вечера, их насилюют и убивают, как это случилось с шестнадцатилетней студенткой П. Жизнь страшно вздорожала. Мясо продается по двести – двести пятьдесят пезо за килограмм. Грабежи и воровство достигли своего апогея.

Иностранные консульства осаждаются желающими уехать из страны. Каждый день покидают Аргентину сотни беженцев, особенно евреи, которые бегут как крысы с тонущего корабля.

Все это привело к тому, что и мы, после четырнадцатилетнего пребывания в Аргентине, решили ее покинуть. С некоторыми усилиями, нам удалось уехать в другую страну и расстаться с Аргентиной навсегда.

Хотя мне исполнилось восемьдесят пять лет, но я не унываю, бодр, здоров и с большим желанием и энергией принялся за созидание новой жизни.

В заключение, я не могу умолчать о курьезном инциденте, который лучше назвать анекдотом или фарсом, произошедшем со мной на новом месте.

Однажды в чудную весеннюю погоду, рано утром я захотел пройтись, понаблюдать картину начинающегося солнечного дня. Я вспомнил, как Пушкин описывал такое утро в С[анкт]-Петербурге:

Встает купец, встает разносчик,
На биржу тянется извозчик.
Чухонка с молоком спешит...

Вот и я в хорошем настроении вышел на улицу и пошел в парк.

Правда, утро этого большого города не было похоже на петербургское, описанное Пушкиным: разносчиков здесь нет, а торговля сосредоточена в больших кооперативах («супермаркетах»); извозчиков тоже не существует, ибо все рабочие едут на работу в собственных автомобилях; молоко по домам развозят в автоледниках и оставляют его у парадных дверей, не опасаясь кражи, так что чухонки-молочницы тоже не нужны. Но утренняя картина и здесь красива: бодрые старушки спешат в «маркет» получить свежий, хороший белый хлеб, продающийся на следующий день выпечки за полцены; почтальоны спешно разносят почту, целая вереница автомобилей тянется в противоположных направлениях по обе стороны улицы; дети – маленькие и побольше – собираются группами и затем их отвозят на специальных школьных автомобилях в школы; хозяйки поливают у своих красивых домиков чудесные цветы.

Утро дышит прелестью. Воздух чист и свеж, цветет сирень, будя минувшие мечты. Прелестные птицы щебечут, порхая с ветки на ветку.

Я прохаживался по улице и дышал полной грудью. Из какой-то виллы вышел хорошо одетый, средних лет человек и спросил меня, что я здесь делаю. Я ответил, что гуляю. Он посмотрел на меня неприязненно и еще о чем-то спросил, но о чем, я не понял, так как хотя и говорю на пяти языках, но этот, шестой – только изучаю. Я сказал, что я иностранец и его не понимаю.

– Ах, так! – возгласил он и ушел, жестикулируя.

Через десять-пятнадцать минут после этого разговора я отправился домой, но меня догнал большой черный автомобиль, из него выскочили два полицейских, бросились ко мне и начали ощупывать мои карманы, потом попросили предъявить удостоверение личности. У меня все оказалось в порядке.

– Имеете собственный автомобиль? – спросил полицейский.

Я ответил утвердительно.

– Какого цвета? Черный?

– Нет, зеленый.

Полицейскому, по-видимому, этот цвет не понравился. Окончив допрос, сержант вежливо повелел:

– Потрудитесь сесть в автомобиль. Вы арестованы!

Услышав это: «Вы арестованы!», я совсем обалдел. Вот тебе и утренняя прогулка! И где, в какой стране?!

– Почему? За что? – не удержался я от вопроса.

– Это вы позже узнаете!

Пришлось подчиниться. Сержант повез меня в главное полицейское бюро. Я просил его захватить домой, он сначала отказался, а потом согласился.

Было семь часов утра. Таня еще спала. Сержант позвонил. Таня открыла дверь и остолбенела: полиция! В такой ранний час?!

Сержант показал на меня: – Знаете вы этого господина?

Таня, увидев меня в полицейском автомобиле, не поверила своим глазам и, чтобы удостовериться, посмотрела на мою кровать: она была пуста...

– Да, сомнения нет, – это мой папа! А в чем дело?

– Скажите, у него в голове все в порядке?

Таня была совсем озадачена и ответила, что не понимает, почему ей задают такой странный и неуместный вопрос. Сержант смилостивился:

– Ну, хорошо, я вас спрошу более ясно. Скажите, он никогда вам не говорил, что он – Наполеон Первый или, скажем, Фридрих Восьмой?

Таня ответила, что таких шуток она не понимает и считает их неуместными. Происшествие было поистине трагикомичным!

После долгих пререканий выяснилось, что произошла ошибка: некоторое время тому назад было похищено несколько детей младшего возраста. Очевидцы показывали, что видели пожилого господина в черном автомобиле и по его внешнему виду можно было судить, что он был ненормальным. Так как эти признаки имелись у очень многих лиц, то полиция решила всех подозреваемых арестовывать и сажать в кутузку (!?).

В общем, недоразумение выяснилось, но меня не отпустили, а повезли дальше. Сержант заявил, что вопрос может быть решен только в главном полицейском управлении, и повез меня туда, но у первой же телефонной будки остановился, сообщил в полицию обо всем происшедшем и просил инструкций. Оттуда приказали меня немедленно освободить. Сержант довез меня домой и уехал.

Да! Это не фантазия и не анекдот, а самая настоящая правда. И произошло это не в каком-нибудь провинциальном городке, а в городе, имеющем мировое значение, с многомиллионным населением, на одной из центральных улиц и притом в государстве, где свобода стоит на первом плане и почитается превыше всего. Вдруг, без всяких причин и оснований, схватывают человека почтенных лет, пользующегося из-

вестным авторитетом и уважением в обществе и, несмотря на все имеющиеся документы и удостоверение личности, арестовывают и везут в арестный дом!

Покидая в 1944 году Австрию, я думал, что больше никогда не буду арестован, а вот, поди ж! – ровно через двадцать лет меня снова арестовали. Да, от судьбы не уйдешь! Иногда она жестоко играет человеком. «От сумы и тюрьмы не зарекайся!» – говорит русская пословица.

Но должен сказать, что этот трагикомический эпизод моих симпатий к новой Родине нисколько не уменьшил. Наоборот, в этом опереточном аресте я усмотрел порядок, за которым здесь строго следят и тем обеспечивают свободную и счастливую жизнь каждому гражданину. Здесь все предусмотрено до мельчайших деталей, и обыватель может жить, работать и творить уверенно и спокойно в противоположность гражданам Советского Союза, где нет никакой свободы и никто не знает, что с ним случится завтра.

Конец

Музей русской культуры в Сан-Франциско. 60050 М. Машинопись.

«“За совесть” не служил...
не желая драться со своими»

ГЕНЕРАЛ - МАЙОР

**Николай
Жданов**

В фонде судебно-следственной комиссии при штабе главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР), отложившемся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-447), мне посчастливилось обнаружить следственное дело о службе в РККА и переходе на сторону белых генерал-майора Николая Александровича Жданова, проливающее свет на прежде неизвестные страницы истории Гражданской войны. В сочетании с другими документами и материалами обнаруженные свидетельства, возможно, приоткрывают завесу тайны над еще одной страницей деятельности антибольшевистского подполья в рядах Красной армии, а также позволяют реконструировать особенности служебной деятельности и мировоззрение еще одного высокопоставленного перебежчика из рядов Красной армии, командующего 12-й и 11-й советскими армиями.

Начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии 23 августа (5 сентября) 1919 г.¹ в городе Нежине составил рапорт начальнику штаба V кавалерийского корпуса ВСЮР: «Препровождая при сем бывшего генерал-майора Жданова, командовавшего XI советской армией, доношу, что означенный Жданов 20 августа² сего года добровольно явился к начальнику Бахмачского отряда полковнику Грязнову, предупредив последнего о своем приезде телеграммой со станции Плиски и привезя с собой ординарца-солдата Григория Потапова, жену и 2 детей»³. При себе Жданов имел 102 000 советских рублей, наличие которых он объяснял стремлением нанести вред советской власти⁴. Важный перебежчик был опрошен о состоянии частей РККА, действовавших против Чернигова.

25 августа (7 сентября) 1919 г. начальник штаба полтавского отряда Генерального штаба полковник Г.А. Эверт телеграфировал дежурному

---

¹ Здесь и далее, применительно к событиям на белом Юге, сначала дается принятая там дата по старому стилю, а в скобках – дата по новому стилю.

² 2 сентября по новому стилю.

³ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 39.

⁴ Там же. Л. 29.

генералу штаба главнокомандующего ВСЮР из Киева: «По приказанию командующего отрядом генерала [Н.Э.] Бредова при сем препровождою перебежавших в районе Бахмача бывшего начдива 2-й сводн[ой] советской дивизии бывшего генерала Жданова с ординарцем-красноармейцем Григорием Потаповым и женой при 2-х детях. Жена и дети арестованными не считаются»⁵.

В этих документах шла речь о Генеральном штаба генерал-майоре Николае Александровиче Жданове и его второй супруге Александре Александровне, 20 лет, а также о детях Жданова от первого брака (с дочерью купца 2-й гильдии Анной Михайловной, урожденной Белоусовой): дочери Нине 1894 года рождения и сыне Серафиме 1909 года рождения.

В РККА Жданов числился пропавшим без вести при отступлении от Киева⁶. Вообще отход РККА с Украины летом 1919 г. сопровождался массовыми переходами генштабистов на сторону белых⁷, однако среди перебежчиков Жданов был, несомненно, одним из наиболее высокопоставленных и важных.

Ценного перебежчика срочно доставили в Полтаву в штаб V кавалерийского корпуса белых, а 24 августа (6 сентября) его предписано было отправить в распоряжение начальника штаба 7-й пехотной дивизии для дальнейшего направления в распоряжение дежурного генерала Ставки Деникина. Еще 22 августа (4 сентября) 1919 г. Жданов сообщил белому командованию важные сведения о состоянии РККА и о подготовке обороны базы 12-й армии – города Гомеля: «В Чернигове могут сосредоточиться части 2-й сводной дивизии 12-й армии, экспедиционный отряд до 200 штыков.

Часть этого отряда отделилась во время отступления и перед Нежином разбежалась, было 2 орудия, оба без панорам.

Черниговский полк, до 400 штыков.

1) 1 легкое орудие, другое легкое орудие этого взвода в Чернигове, всего 400 штыков, 2 легких орудия.

3)⁸ Охранный отряд – Нежинский полк – 150–200 штыков.

⁵ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 146.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.

⁷ Подробнее см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 226–236.

⁸ Второй пункт в документе пропущен.

4) 2 взвода Чрезвычайной Черниговской комиссии – один взвод за неповиновение разоружен – 100 штыков, 40 всадников.

5) Казачий дивизион Кушелева – около 300 конных, 2 горных орудия.

6) Конная бригада (в Нежине) – 3000 шашек, 4 конных орудия.

7) Заградительный отряд – 240 человек, всего в отряде 100–200 патронов.

8) Отряд Крапивянского⁹ – до 100 человек (Крапивянский был начальником войск к югу от ж/д Киев – Бахмач и Нежинских и, прибыв, мог усилить беглыми свой отряд, находил по следам).

9) К станции Макошино послан отряд в 240 штыков из Чернигова.

10) Бригада Первакова – 800 шашек, 4 легких орудия.

11) Отряд Брюмера – до 400 штыков.

Всего в Чернигов могло прибыть до 1900 штыков, 4200 шашек и 10 орудий, при бегстве многие красноармейцы бросали винтовки и патроны, чтобы легче бежать. В Чернигове запасов патронов не было (при дивизии был 13 и 14 августа председатель губ[ернского] исполкома и говорил, что патронов нет).

Задача дивизии была: прикрывать гомельское направление и взять Бахмач. В Гомель эвакуировали из Киева учреждения и часть штаба. При неудаче на занимаемой позиции части 2-й сводной дивизии должны были спешно занять переправы (переправы у Батурина и Макошина считались возможными и должны были подготавливаться к обороне).

От Батурина до Макошина стоят части 57-й дивизии; возможно, что Перваков, случайно попавши во 2-ю сводную дивизию, сам уйдет в 57-ю дивизию, от которой отбился. Части 2-й сводной дивизии должны охранять от Макошино до Чернигова (река Белоус).

Если на указанной водной линии будет неудача, то оборона организуется по линии реки Снов, прикрываясь на флангах болотами. С потерей этой линии красные будут защищать линию, проходящую с востока на запад и пересекающую Городню. Последней оборонительной линией намечалась линия рек Терюха и Жавода.

Отходящие части от Киева:

а) 12-й армии и б) армии внутренней обороны, могут несколько усилить части 2-й сводной и 57-й дивизий.

⁹ В документе ошибочно – Крапивинского. Крапивянский Николай Григорьевич (16.12.1889–21.10.1948) – бывший подполковник, командир краснопартизанского отряда.

Из Киева могут прибыть:

1) Курсанты – 1000 штыков (часть хорошая); могут быть усилены, если будет оружие, невооруженными курсантами до 3000 штыков (считая и мало обученных вновь принятых курсантов).

2) Интернациональная бригада (главным образом венгры) – 1040 штыков, 4 орудия (часть хорошая, есть китайская рота, видел сам).

3) Крепостная бригада:

В первом полку 1000 штыков, в двух прочих до 300 шт. Бригада 29 июля обмундировывалась и вооружалась, но очень медленно. Обозов нет за неимением лошадей.

4) Пластунская бригада; числа штыков не знаю, но также в периоде формирования.

5) Части Чрезвычайной комиссии (неизвестно).

6) Пензенская бригада, в Киев прибыл один полк, прочие полки были в пути.

7) В Чернигов направлены пополнения для 12-й армии из центра.

Ввиду того что в Москве, Петрограде и т.д. голод, я слышал в 12-й армии, что решено отобранный участок дороги Киев – Москва отобрать и что для сего придут из центра пополнения. Я слышал во время побега от крестьян, что из Москвы прибывают в Путивль войска и в пункт, что в 90 верстах к северу от Бахмача. В Москве (я выехал 29 июля) шли спешные формирования и были прорывы. В штабе 12-й армии слышал, что в Рязани ген[ерал] [Г.К.] Корольков формирует резервную армию»¹⁰. Подписался Жданов как бывший генерал-майор.

На следствии Жданов также представил схему района Гомель – Чернигов. Впрочем, нет данных о том, использовалась ли она белыми для оперативной работы или была необходима только для расследования действий Жданова (генерал одновременно подготовил для следствия аналогичную схему района Астрахани, которая на момент ее составления осенью 1919 г. устарела)¹¹. В пояснении к схеме, составленном в Ростове 8 (21) сентября 1919 г., Жданов отметил: «1) Задача дивизии, данная 12^й армией: прикрывать гомельское направление и взять Бахмач; 2) На позиции у Хор[ошего] озера: 1½ роты, 2 орудия и 1 брон[евик]. Остальные на ст[анции] Круты, кроме казаков, которые 300 шашек южнее Хор[ошего] озера, а один взвод к северу.

¹⁰ НИА. Vrangel collection. Box 53. Folder 18. То же см.: ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 40.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 46–47.

3) Показано три группы войск: северную, ст[анции] Круты и Нежинскую (к югу стояло несколько рот: 2 в Монастырище и одна на мосту между ст[анциями] Круты и Ичня). Положение дивизии показано к моменту моего прибытия – 13 [26] августа 1919. 4) С цифрами I, II, III подлежащие выдворению по моему приказанию две заставы и казачий дивизион (III) (для обозначения наступления). Казаки (III) не пошли, долго собирались и наткнулись к югу от Хорошего озера на противника, что окончательно (14 [27]авг[уста]) меня убедило о начале наступления (надо было вызвать Нежинский гарнизон – конную бригаду, но я этого намеренно не сделал). 5) [Обозначен] мой путь побега.

Итак, по сведениям в Бахмаче началось сосредоточение для наступления, почему надо было немедленно захватить Бахмач до полного сосредоточения противника, дабы разбить его по частям. Я от этого отказался, хотя командарм [Н.Г.] Семенов указал взять Бахмач. Я не хотел победы красных, но что-нибудь делать должен был и потому велел выдвинуть сильные заставы (I и II) и казаков послал в Ичню (III), т.е. совершалась подготовка наступления широким фронтом, чем больше раскидывались войска и без того разбросанные. Итак, я отказался от наступления вопреки приказа армии и обстановке. Но ничего не сделал и для обороны ст[анции] Круты, а затем и гор[ода] Нежина, не тронул с места гарнизоны Нежина и ст[анции] Британы, не использовал бригаду Первакова и много неиспорченного жел[езно]дорожного состава¹². Держа войска в 3 группах, обрекал их на разбитие по частям. Бежал под утро 17го, когда о взятии Киева не было слышно, равно не было ничего слышно об успехах генерала Мамонтова»¹³. Интересно, что 1 (14) сентября 1919 г. знаменитый казачий генерал К.К. Мамантов, находясь в своем рейде по красным тылам, ходатайствовал о назначении Жданова в свое распоряжение¹⁴, видимо, как специалиста по Красной армии.

30 августа командующий 12-й армией приказал Жданову поддерживать связь с соседями¹⁵. Также незадолго до своего бегства Жданов

¹² «Гор[од] Нежин я мог защищать так: пустить навстречу броневнику наступающих пустой состав и сделать крушение, а с бригадой перейти в наступление или к обороне, это единств[енная] часть, не поддавшаяся панике, но я этого не сделал, желая без боя сдать. Генер[ал] Жданов» (примеч. Н.А. Жданова).

¹³ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 46–46об.

¹⁴ Там же. Л. 15об.

¹⁵ Гражданская война на Украине 1918–1920. К., 1967. Т. 2. С. 321.

получил приказ командарма взять город Бахмач, где сосредотачивались силы противника¹⁶. Жданов этот приказ не исполнил. На допросе он подробно изложил свои последние распоряжения перед побегом и обстоятельства бегства от красных: «Фактически я прокомандовал дивизией 2 дня. 14 августа¹⁷ я знал, что в Бахмаче собираются войска (переодетые офицерами шпионы и подслушивание разговоров по телефонам). О готовящемся наступлении в армию не донес, а, как видно из захваченного мною приказа по дивизии (той же дивизией – 2[-й] кавалерийской (белых. – А.Г.)), видно, что я делал распоряжения для наступления широким фронтом, т.е. не сосредотачивал войска к ст[анции] Круты, куда ожидался удар. Не в моей выгоде было, чтобы предстоящий бой был выигран, ибо во время суматохи я и хотел скрыться. Грубо обрисовывая положение войск командуемой мной советской дивизии, получим, что войска стояли в трех группах: северная 400 штыков, 800 шашек и 4 орудия. Гарнизон ст[анции] Круты и для позиции у Хорошего озера (впереди) до 700 шт., 300 казаков, 5 орудий и 2 броневика и гарнизон г[орода] Нежина и его ближайших окрестностей – 350 штыков и конная бригада 3 тысячи шашек и 4 орудия. В общем, пехота и казаки были плохи, регулярная конница и конная артиллерия удовлетворительные. Последняя группа являлась естественным резервом, а я ее не притянул в Круты, где было настоящее место резерва (6 верст от Хорошего озера, где была позиция), а оставил в 23 верстах, т.е. давал бить себя по частям. Перешедший со мной ординарец Потапов видел, когда мы проезжали Нежин, бригаду в районе пригорода.

Оставляя действительный резерв в Нежине, я ослабил боевую часть (у Хорошего озера), ибо выделил из нее резерв на ст[анцию] Круты, дабы на позиции было мало бойцов. Резерв же оставил на станции, да еще в вагонах, ибо ясно, как будет обстрел, эшелоны унесутся и распространят панику сзади. Так и случилось. Ст[анция] Круты (узел дорог) и гор[од] Нежин¹⁸ сданы без боя, ибо все из них бежало. Маленький бой был близ Сухого озера между 2 броневиками, и советский погиб. Все сдано одному (Добровольческому) доблестному броневика. Убежден, что на ст[анции] Круты и в г[ороде] Нежин у добровольцев потерь не было. Мой быстрый отъезд тоже вносил панику. Ни в Крутах, ни в Нежине, ни в Носовке я бежать не мог – был окружен. Бежал ночью

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 46об.

¹⁷ 27 августа по новому стилю.

¹⁸ Карандашная пометка кого-то из читателей: «опросить развед. отделение».

из с[ела] Мрин, пройдя советские патрули, чем подвергал себя и жену смертельной опасности. Со мной бежал солдат Потапов, который здесь со мной. Я бежал добровольно...»¹⁹

16 (29) сентября Жданов дал дополнительное показание в связи с падением Нежина. В документе он отметил: «Значение потери для красных гор[ода] Нежина подтверждается настоящими упорными боями в его районе, почему неорганизация мною его обороны для них вредна. Когда я был в Бахмаче 19, 20 и 21 августа²⁰, в это время Крапивянский (его отряд включался в Нежинский гарнизон) делал на Нежин нападение и даже временно ворвался в него. Я полагаю, что эта данная говорит, что в Нежине были части, которые могли оказать сопротивление – конная бригада, как указал ранее, и отряд Крапивянского. Полагаю, что о нападении Крапивянского сведения есть в Таганроге в развед[ывательном] от[делении]. Эти же бои подтверждают и верность моих показаний (приложены к делу), что красные будут отбивать участок ж[елезной] д[ороги] Москва – Киев»²¹.

Белые допросили и спутников Жданова – супругу и ординарца. 8 (21) сентября 1919 г. в Ростове-на-Дону был допрошен Григорий Никитич Потапов, 24 лет, крестьянин деревни Рясника Карачевского уезда Орловской губернии. В своих показаниях Потапов сообщил: «С генералом Ждановым я встретился таким образом: Я в Киеве служил ординарцем в штабе XII армии. Когда генерал Жданов получил командование дивизией, то он взял меня к себе. Как-то генерал обратился ко мне с предложением уйти от красных, на что я и согласился, т.к. мне не нравилась служба у большевиков. В Крутах начался бой, и часть эшелонов была отправлена одна в Чернигов, другая – в Нежин, отступали в панике. Я с одним из эшелонов отправился вместе с генералом в Нежин. Отсюда мы отправились в деревню Мрин, где наняли подводу и стали двигаться по направлению к Добровольческой армии.

Нас несколько раз останавливали патрули, которые предупреждали, что мы едем к неприятелю, а генерал им на это сказал, что там еще влево дорога, где мы и свернем. Патрули состояли из латышей. Таким образом мы и пробрались сюда. Знаю, что генерал всей душой ненавидит большевиков»²². Показания 20-летней жены генерала Алексан-

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 50–51.

²⁰ 1–3 сентября по новому стилю.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 34.

²² Там же. Л. 57–57об.

дры Александровны Ждановой, данные в тот же день, содержали уже известные читателю сведения²³.

Сам Жданов на суде в декабре 1919 г. показал: «28 июля я уехал в Киев и стал собирать сведения, как лучше бежать из Киева. 13 августа²⁴ я получил назначение командовать 2^й сводной советской дивизией, моя задача была взять Бахмач, я открыл путь на Киев и, сдавши Круты, Нежин и ст[анцию] Носовку без боя, отвел войска, производя в них панику. А из деревни Мрин в ночь на 17 августа²⁵ бежал и явился к начальнику Бахмутского гарнизона»²⁶. По данным на июль 1919 г. жалование бывшего командарма Жданова составляло 3500 руб.²⁷

Николай Александрович Жданов родился 21 декабря 1867 г. в городе Изяславе Волынской губернии, был сыном потомственного дворянина Тульской губернии. Окончил Орловский Бахтина кадетский корпус (1887), 3-е военное Александровское училище по 1-му разряду (1889), два класса Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1903). Служба Жданова проходила в артиллерии. Из училища он был выпущен в 18-ю артиллерийскую бригаду, дислоцированную в Люблине, и прослужил там с 1889 по 1892 г. Затем была служба в 17-м летучем артиллерийском парке и в 38-й артиллерийской бригаде, должности заведующего хозяйством батареи, члена бригадного суда, заведующего бригадной хлебопекарней, члена суда общества офицеров, временно командующего батареей, председателя бригадного суда, заведующего штаб-квартирой бригады на период летних лагерей. Так прошло одиннадцать лет службы в офицерских чинах. Преодолеть рутину помогло поступление в 1900 г. в Николаевскую академию Генерального штаба. По-видимому, Жданов изначально в академию не стремился, поэтому поступил в нее сравнительно поздно (разрешалось поступать после трех лет службы в офицерских чинах, но не старше капитанского чина).

Служба офицером Генерального штаба стала новой страницей биографии Жданова. Уже в 1905 г., всего через два года после выпуска из академии, он временно исполнял должность начальника штаба армейского корпуса. С 1906 г. и до Первой мировой войны служил

²³ Там же. Л. 58–59.

²⁴ 26 августа по новому стилю.

²⁵ 30 августа по новому стилю.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 3об.

²⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 80.

в Забайкалье, первоначально – в штабе войск Забайкальской области. Был председателем подготовительной комиссии по разработке вопроса о границе с Китаем на реке Аргунь, участвовал в переговорах с китайскими властями о проведении границы, временно командовал полком.

Жданов принял участие в Русско-японской и Первой мировой войнах, проявил себя как настоящий герой, боевой офицер, был четырежды ранен и контужен, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием, а также, по нуждающимся в проверке данным, и солдатским Георгиевским крестом 4-й степени²⁸.

На фронт Первой мировой Жданов отправился начальником штаба 4-й Донской казачьей дивизии. С 16 ноября 1914 г. служил штаб-офицером при управлении отдельной сводной бригады пограничной стражи в крепости Новогеоргиевск. С 8 марта 1915 г., оправившись от последствий контузии, командовал 43-м Сибирским стрелковым полком. Был ранен насквозь в левое бедро 30 июня 1915 г. под деревней Обромбец возле Прасныша, вернулся в строй 28 августа. С 1 июля 1916 г. Жданов занимал пост начальника штаба 65-й пехотной дивизии. В октябре 1916 г. военно-санитарным ученым комитетом по последствиям полученных в войну повреждений был признан подлежащим причислению ко 2-му классу раненых. Как раненый 2-го класса и имеющий четыре ранения и контузии Жданов 19 февраля 1917 г. получил право на ношение соответствующих отличий. Несмотря на ранения, офицер 24 мая 1917 г. был допущен Ставкой к исполнению должности начальника штаба 16-й Сибирской стрелковой дивизии. 1 июля 1917 г. он отправился на должность временно командующего 2-й Сибирской стрелковой дивизией, а 9 августа – на должность начальника штаба 16-й Сибирской стрелковой дивизии. Однако этот штаб Жданов не возглавил, а выехал к месту нового назначения начальником 121-й пехотной дивизии. Ко времени большевистского переворота Жданов продолжал служить на этом посту, причем сохранил должность и по выборному началу 3 января 1918 г.²⁹

Сохранилось описание целого ряда подвигов, совершенных Ждановым в Первую мировую войну, которое характеризует личные качества этого офицера: «В ночь с 20 на 21 апреля 1915 года полковник Жданов

²⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 42об.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 39. Впрочем, в более поздних показаниях белым Жданов отмечал, что был вынужден остаться на своем посту, так как солдаты обещали «закопать его в землю, раз нас бросает» (Там же. Л. 48).

с четырьмя ротами вверенного ему 43-го Сибирского стрелкового полка и команды пеших и конных разведчиков того же полка при поддержке 1-й батареи 11-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, лично под огнем неприятеля, руководя их действиями, несмотря на упорное сопротивление немцев и ураганный огонь их артиллерии, с боя захватил укрепленный пункт неприятельской позиции – ф[ольварк] Помяны и закрепил его окончательно за собой, отбивая как в эту ночь, так и в течение трех следующих дней, 21, 22 и 23 апреля, огнем и штыками многочисленные яростные контратаки немцев, пытавшихся превосходными силами выбить нас из занятого фольварка, и нанося им огромные потери (на поле сражения осталось до 1000 немецких трупов), благодаря чему линия позиции 11-й Сибирской стрелковой дивизии выпрямилась и значительно сократилась в своем протяжении. С таким же успехом полковник Жданов отражал и дальнейшие попытки немцев выбить нас из фольварка Помяны, причем 29 мая, когда немцы, развив по ф[ольварку] Помяны и д[еревне] Лысаково интенсивный артиллерийский огонь из 18–20 тяжелых орудий и выпустив по этим пунктам свыше 1000 снарядов, повели решительное наступление силою свыше двух батальонов, полковник Жданов отбил 7 немецких атак и удержал ф[ольварк] Помяны в своих руках³⁰. Во время этого последнего боя был тяжело контужен в голову артиллерийским снарядом, но остался в строю (ч. III, от[деление] 2, ст. 112, п. 1)³¹.

В бою 30 июня 1915 года, занимая своим полком в составе 3^{3/4} батальона, 1-й батареи 11-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады и взвода 1-й отдельной Сибирской мортирной батареи позицию Мховко – Ольшевец протяжением почти 6 верст, полковник Жданов, расположив свои роты с тонким тактическим пониманием, умело и своевременно высылая свой частный резерв, лично под ураганным огнем неприятельской артиллерии³² направляя роты, несмотря на про-

³⁰ Позднее Жданов свидетельствовал об этом бое: «Молодой командный состав заставляла меня быть в цепях, ободирать и направлять роты и на месте давать указания молодым командирам рот» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27333. Л. 181).

³¹ Здесь и далее в документе идут отсылки к статьям Георгиевского статута, утвержденного 10 августа 1913 г.

³² В других документах содержатся данные о том, что противник за одну пристрелку выпускал по позициям полка до 1500 снарядов, причем было задействовано до 100 орудий, которым с русской стороны отвечали 6 легких орудий и 2 гаубицы с весьма ограниченным боезапасом (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27333. Л. 131–132об., 162об.). Велись сильные обстрелы и тяжелой артиллерией. По показаниям Жданова, 30 июня обстрел начался

рыв немцев на всем фронте левофлангового соседа – 41-го Сибирского стрелкового полка и полное уничтожение 1 батальона своего полка, стойко держался на своей позиции до получения приказа об отходе, отражая многочисленные атаки немцев, наступавших на его участок силою не менее дивизии, что дало возможность подойти из резерва 1-му Сибирскому стрелковому полку и 2 батальонам 8-го Туркестанского полка, обеспечило левый фланг 2[-й] Сибирской стрелковой дивизии и позволило 11-й Сибирской стрелковой дивизии восстановить свой фронт на второй укрепленной позиции Обромб, Хайново, Чернице – Борове, Лысаково. Обходя и лично устраивая роты на новой позиции под действительным огнем противника, полковник Жданов был ранен осколком гранаты в ногу навывлет, после чего был эвакуирован (ч. III, отд[еление] 2, ст. 112, п. 6).

В бою 4 сентября 1915 года, получив приказание выступить с вверенным ему 43[-м] Сибирским стрелковым полком, составлявшим корпусный резерв, из д[еревни] Вербилки для обеспечения прорыва на фронте 1-й Сибирской стрелковой дивизии и 1-й Туркестанской стрелковой бригады, когда противник угрожал охватом с флангов и выходом в тыл 1-му Сибирскому и 1-му Туркестанскому корпусам, полковник Жданов, развернувшись на ходу под артиллерийским огнем неприятеля и рассыпав роты в цепь, во главе своего полка быстро занял впереди лежащий хребет между опушками леса по обе стороны ф[ольварка] Поправы и огнем и стремительным движением вперед заставил отойти немцев, успевших уже близко подойти к гребню хребта, а затем, получив в свое распоряжение и 42-й Сибирский стрелковый полк, перейдя в короткое наступление, дал возможность частям 1-й Туркестанской стрелковой бригады и 1-й Сибирской стрелковой дивизии благополучно отойти на новые позиции, выведя свои фланги из-под удара. Получив вечером того же дня приказание занять весь участок 11-й Сибирской стрелковой дивизии с целью прикрыть отход ее на новую позицию, полковник Жданов до 3 часов ночи оставался на своей позиции, отбивая ружейным

в 4.30–4.40 утра, причем «снаряды падали по 16 штук сразу. Отдельных залпов различить не было возможности. Все случилось в общий гул. Облако пыли и дыма окутало Ольшевецкую сопку, и наблюдение за происходившим там было невозможно. Телефонная связь была уничтожена, и никакие усилия восстановить ее не увенчались успехом. Связь поддерживалась одиночными людьми, но редкий из них доходил до места назначения» (Там же. Л. 131об.). В том бою немцы уничтожили первый батальон полка. После артподготовки позиции атаковало не менее дивизии немцев (Там же. Л. 133об.).

и пулеметным огнем наступление немцев в превосходных силах, чем обеспечил спокойный и благополучный отход частей 11-й Сибирской стрелковой дивизии (ч. III, отд[еление] 2, ст. 112, п. 6).

[Рукописная приписка:] Вышеприведенные подвиги дают право полковнику Жданову на награждение его Георгиевским оружием согласно п. п. 1, 6 ст. 112 Георг[иевского] статута. Вр[еменно] командующий дивизией генерал-майор [А. Н.] Козловский»³³.

В итоге Георгиевским оружием Н.А. Жданов был награжден за отличие во время командования 43-м Сибирским стрелковым полком, по официальной формуловке «за то, что в бою 4 сентября 1915 года, будучи вызван с полком из резерва, для отражения неприятельского прорыва фронта нашей передовой позиции у фольв[арка] Поправа, быстро развернулся, под сильным и действительным артиллерийским огнем противника, двинулся вперед и остановил прорывающихся немцев. Затем, руководя под губительным огнем отбитием настойчивых атак противника, дал возможность нашим войскам спокойно отойти на новые позиции (ст. 112, п. 6)»³⁴.

Последующие подвиги Жданова описаны в представлении к ордену Св. Станислава 1-й степени с мечами: «За отличные разведки позиций противника, произведенные лично генерал-майором Ждановым, и непосредственное деятельное участие его в подготовке операции 21 декабря 1916 года; за составленный на основании его личных разведок и принятый для исполнения план боя того же 21 декабря; за содействие мне по управлению частями дивизии во время самого боя, давшего богатые трофеи, прорыв сильно укрепленных позиций противника и овладение выгодным тактическим положением, – х о д а т а й с т в у о награждении генерал-майора Жданова, – особенно как раненого 2[-го] класса, работавшего при самых трудных обстоятельствах, – орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами. Командующий 65[-й] пех[отной] дивизией генерал-майор [Д. П.] Троицкий. “24” февраля 1917 г.»³⁵.

По аттестации, данной Жданову 10 октября 1917 г. командиром XXXVII армейского корпуса Генштаба генерал-лейтенантом М.А. Сулькевичем, он «за 2-хмесячное командование 121-й дивизией проявил себя энергичным, знающим начальником. Подвижной, часто посещает

³³ Там же. Л. 122об.–123.

³⁴ Там же. Л. 102.

³⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27696. Л. 29об.

войска в окопах, давая дельные указания, в чем убедился лично, обходя с ним боевые участки дивизии. Совместная работа с войсковыми организациями налажена. Хороший. По недавнему принятию дивизии нуждается еще в практике командования и подлежит оставлению в занимаемой должности»³⁶.

Если верить показаниям Жданова, на службе у красных он оказался случайно, причем при драматических обстоятельствах. С приходом к власти большевиков Жданов подал рапорт об отставке, но корпусной и дивизионный комитеты рапорта не приняли³⁷. Пришлось дослуживать до демобилизации. Будучи начальником 121-й пехотной дивизии, он 22 февраля 1918 г. попал в плен к немцам при отступлении под городом Люцином Витебской губернии. В условиях стремительного немецкого наступления тогда нередко происходили пленения представителей высшего командного состава утратившей боеспособность русской армии.

Для характеристики положения вещей в те дни показательна телеграмма временно исполняющего должность начальника штаба Минского военного округа бывшего полковника Н.В. Соллогуба штабу армий Западного фронта от 21 февраля 1918 г.: «Ввиду приближения к г[ороду] Минску германских частей, перерыва связи со Ставкой и со всеми штабами, невозможности восстановить связь и невозможности при создавшихся условиях эвакуировать управления штаба фронта в тыл, приказываю теперь же прекратить все занятия во всех управлениях штаба фронта и всем служащим при первой же возможности одиночным порядком выехать из Минска, имея сборным пунктом г[ород] Москву. Всех служащих штаба фронта считать уволенными от военной службы и продолжающими работу в штабе на условиях вольнонаемного труда, с выплатой им содержания по полученному в январе с.г. размеру. Прекращая работу штаба фронта, считаю своим долгом от лица службы благодарить всех чинов штаба за отличную и самоотверженную работу, особенно за последние три месяца»³⁸.

По собственному признанию Жданова перед белыми, в апреле 1918 г. (а на самом деле, возможно, ранее) Жданов совершил удачный побег из плена (из Белостока). Однако в то время находиться на своей территории, по которой бродили никому не подчинявшиеся вооружен-

³⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. Послужной список 144–084. Л. 20об.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 48.

³⁸ НАА (ПА). Ф. 1435. Оп. 3. Д. 20. Л. 57.

ные солдатские банды, бывшему генералу было рискованнее, чем на вражеской. Сколько офицеров в то время стали жертвами самосудов и бандитизма, в точности неизвестно.

По версии Жданова, при бегстве из плена он был захвачен «бандой», как называл это формирование на следствии сам генерал, А.И. Ремнева под Севском (в изложении Жданова это было весомым аргументом в пользу того, что он не ехал к большевикам). Однако, как удалось установить по другим источникам, попаданию к красным предшествовал эпизод, о котором Жданов умолчал перед следствием белых. Об этом стало известно благодаря двум любопытным документам. Так, генерал фигурировал (как украинец, мало знающий украинский язык) в составленном к 24 мая 1918 г. списке офицеров Генштаба до полковников включительно, которые еще не назначены на должности в украинской армии³⁹. Кроме того, он значился как генеральный хорунжий в общем списке офицеров Генштаба Украинской державы по данным к 21 ноября 1918 г. В списке было по-прежнему указано, что он мало знает украинский язык, но является украинцем. Указано, что генерал знал французский и немецкий языки и проживал в Изяславе в доме Ждановой, при этом занимал пост командира бригады 13-й дивизии (бывшая 42-я пехотная дивизия русской армии, дислоцировалась в Харькове и Изюме)⁴⁰. Эти данные были зарегистрированы 12 мая 1918 г. Сопоставление двух списков демонстрирует идентичность данных о генерале, однако в первом списке указано, что данные представлены по состоянию не на 12 мая, а на 12 апреля 1918 г. Вторая дата, в отличие от первой, вполне укладывается в логику событий. Скорее всего, генерал бежал из плена, но не к красным, а на малую Родину в город Изяслав Волынской губернии, где он родился. Здесь Жданов, по всей видимости, номинально поступил на украинскую службу и получил назначение в дивизию, располагавшуюся далеко от его родных мест. Поехал ли он к месту назначения, неизвестно. Известно лишь, что затем Жданов занимал пост помощника начальника 13-й пехотной дивизии⁴¹. Имеются сведения об увольнении его с этой должности приказом

---

³⁹ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 467об.–468.

⁴⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 43.

⁴¹ Литвин М.Р., Науменко К.Е. Збройні сили України першої половини ХХ ст. Генерали і адмірالی. Львів; Харків, 2007. С. 90.

военного министра от 12 ноября 1918 г. как не явившегося к месту службы⁴². По всей видимости, генерал лишь числился на этом посту.

Наличие «украинского» эпизода в биографии Жданова свидетельствует о том, что под Севском он оказался не по пути из плена. Возможно, отправиться в Россию его толкнули германская оккупация Украины в апреле 1918 г. и опасения, что немцы припомнят ему недавний побег. В показаниях осени 1919 г. Жданов отмечал плохое отношение украинцев к великороссам как причину того, что он не бежал на Украину из РККА в мае–июне 1918 г.⁴³ Еще одной причиной был неусыпный контроль комиссара, который, если верить тому, что Жданов рассказывал белым, жил и ездил с ним в одном вагоне. Наконец, на демаркационной линии Жданова знали в лицо, а вернуться к немцам, от которых он не так давно бежал, Жданов не мог.

Военный руководитель Западного участка отрядов завесы В.Н. Егорьев считал отряды Ремнева, к которому попал Жданов, разложившимися⁴⁴. Речь шла об одном из первых советских формирований, входивших в состав войск завесы. Возможно, поэтому генерал, попав к Ремневу, не только не пострадал (хотя, с его слов, бандиты собирались его повесить⁴⁵), но даже был отправлен к своему коллеге по Генштабу военруку Брянского района завесы бывшему генералу П.П. Сытину. Последний направил Жданова к Егорьеву, который взял Жданова на учет.

27 апреля 1918 г. Жданов получил назначение военруком Курского района и выезжал в Курск вечером 29 апреля из Алексина Сызрано-Вяземской железной дороги⁴⁶. Но, как оказалось, в Курск ранее был назначен другой генштабист – бывший полковник В.П. Глаголев. Тогда Егорьев доверил Жданову пост военного руководителя Оршанской группы (отряда) со штабом между Оршей и Смоленском на станции Красное в 40 верстах восточнее Орши. На этой станции в апреле 1918 г. Жданов повстречал свою будущую вторую супругу Александру

⁴² ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 212 (сведения предоставлены к.и.н. М.А. Ковальчуком (Киев)); Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 1. С. 424.

⁴³ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 52.

⁴⁴ Егорьев В.Н. Из жизни западной завесы // Этапы большого пути. Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 140.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 48.

⁴⁶ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 79. Л. 184; Д. 83. Л. 468.

дру Александровну (осенью 1919 г. ей было лишь 20 лет), с которой впервые познакомился еще в 1914 г. Почему-то белые в приговоре отметили, что Жданов красными был мобилизован, хотя, по имеющимся данным, поступил на службу в РККА добровольно. На своем посту бывший генерал пробыл около двух месяцев. Комиссарами при Жданове значились Богданов и А. Горшков, затем последнего сменил комиссар Бурле⁴⁷. После этого Жданов был назначен начальником 1-й Могилевской дивизии, став одним из первых советских начдивов⁴⁸ (в показаниях он об этом не упомянул).

Оснований любить большевиков у бывшего генерала не было. В результате революции он остался без средств – его имущество оказалось разграблено, процентные бумаги аннулированы⁴⁹, кроме того, был расстрелян брат жены Жданова (видимо, первой), захваченный в Ставке генерала Н.Н. Духонина осенью 1917 г.⁵⁰

Еще 1 июля 1918 г. Жданов был вызван в Москву, где остался при окружном комиссариате. По всей видимости, первоначально временно, а затем и на постоянной основе. «Ввиду крайней нервности», Жданов не позднее 13 июля 1918 г. был снят Егорьевым с должности начдива и временно заменен начальником штаба дивизии бывшим Генштаба подполковником И.Е. Поливановым⁵¹. Егорьев, видимо, не ожидал, что Жданов после такой аттестации пойдет на повышение. Между тем новое назначение нашего героя военным руководителем Московского военного округа не заставило себя ждать.

Высокое назначение Жданова вызвало недовольство отстранившего его ранее Егорьева, который даже жаловался 7 июля 1918 г. во Всероссийский главный штаб с копией в Высший военный совет. Вместо Жданова он предлагал назначить на этот пост С.С. Каменева, которого считал первоклассным работником, добавляя: «На фронте – это лучший работник. Лично мне потерять его очень тяжело, но я не страдаю провинциализмом в вопросах серьезного улучшения общего положения»⁵².

⁴⁷ Егорьев В.Н. Из жизни западной завесы. С. 138.

⁴⁸ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 174. Л. 19.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 2об.

⁵⁰ Там же. Л. 48об.

⁵¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 107. Л. 46.

⁵² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 15. В документе слова «серьезного» и «общего» написаны прописными буквами.

Однако Егорьев на этом не успокоился и 8 августа 1918 г. телеграфировал военному руководителю Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевичу: «Неоднократно словесно [и] письменно я докладывал, что назначение [, а] также перемещение старших начальников фронта без моего ведома, тем более вопреки моим протестам лишает меня последней возможности управлять фронтом, кроме того, вносит такой подрыв моего авторитета, что уже были неоднократные случаи [со] стороны некоторых начдивов полного несчитания (так в документе. – А.Г.) [с] моими приказами. После чрезвычайно вредного для Оршанской дивизии и всех дивизий, расположенных [на] территории Мос[ковского] округа, назначения Жданова военруком московским вы обещали мне установить [в] вопросе перемещения старших начальников фронта надлежащий порядок. Между тем приказом наркомвоен [№] 605 [А.А.] Свечин назначен начглавштабом⁵³, Сытин – военруксмолом⁵⁴. Эти назначения ясно доказывают, что наркомвоен совершенно не считается [с] моими докладами, не столько [в] смысле личного [ко] мне уважения, сколько [с] условиями, только при наличии коих я могу продолжать нести ответственность [за] жизнь [и] работу фронта. [В] данном случае назначение Свечина признаю отвечающим пользе службы, но освободить его [от] обязанности могу не раньше как [по] прибытии заместителя, сим последним из начдивов фронта могу назначить лишь Каменева при условии, [что] его штаб [А.К.] Коленковский будет назначен начдивом Витебской. Назначение Сытина прошу немедленно отменить, Сытин едва управляется [со] второй Орловской дивизией, и Вам известно, что я уже возбуждал вопрос [об] отчислении его даже [с] его настоящей должности. Назначение его [в] Смоленск, когда там надо пока руководить 4 дивизиями, ему не под силу и принесет такой вред службе, что для меня явится невозможным нести дальнейшую ответственность за этот район. Прошу Вас или настоять [на] немедленной отмене назначения Сытина, или освободить меня, как я прошу уже пятый раз, [от] исполнения моей должности, ибо и без того трудные условия управления фронтом [с] назначением мне помощников, могущих внести только путаницу [в] это управление, делают его для меня абсолютно непосильным. После всех моих докладов Вам [и] [Н.М.] Потапову приказ [№] 605 считаю открытым предложением мне уйти немедленно. Уверен, что на сей

⁵³ Начальником Всероссийского главного штаба.

⁵⁴ Смоленским военным руководителем.

раз ни Вы лично, ни Вышвоенсовет⁵⁵ не станете меня удерживать, ибо это было бы не только персональным насилием надо мной, но практически вредным [для] препорученного мне дела. Привыкши отдавать все силы ума и воли общественному делу, я в то же время привык находить нравственную поддержку не только [в] доверии, но и [в] уважении высших инстанций, и определенно лишенный ныне их я могу дать только заурядную работу без сердца и увлечения. Работа же требуется титаническая. [Из] известных мне лиц меня могут заместить [С.С.] Каменев, [К.К.] Байов, начдив Калужской [А.В.] Новиков. По увольнении меня [в] отставку даю слово не служить [в] иностранных армиях, [в] том числе [в] Украинской, Донской, Сибирской против Российской советской республики, также не принимать активного [или] пассивного участия против основ существующего [в] сей республике порядка. [№] 196. Егорьев»⁵⁶.

Сам Жданов, если верить его показаниям, не держался за новый ответственный пост, пытался уволиться по болезни, но этого ему не позволили. Бежать из Москвы он не мог, поскольку был ранен и болел. После этого он якобы и вступил на путь саботажа⁵⁷. Жданов помог бежать из Москвы профессору С.М. Рудневу, у которого снимал две комнаты (в дальнейшем Руднев обосновался на белом Юге, в Одессе), оказал содействие поручику Шкурину, который смог уехать в Саратов ближе к линии фронта, помог бежать и своему племяннику бывшему штабс-капитану Василию Васильевичу Жданову, которого снабдил деньгами и одеждой⁵⁸.

Официально Жданов числился военнообязанным согласно приказу Московского окружного комиссариата по военным делам № 1437 от 28 ноября 1918 г., а состоял на военной службе в комиссариате с 15 декабря 1918 г.⁵⁹

По свидетельству Жданова, служба в Московском округе была легкой. Комиссар и командующий войсками Московского военного округа Н.И. Муралов не доверял генштабистам. Все поручения по оперативным делам давал бывший прапорщик-большевик Краузе, а также помощники Муралова Струков и Е.М. Ярославский. Наряду

⁵⁵ Высший военный совет.

⁵⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 214–219.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 2.

⁵⁸ Там же. Л. 53.

⁵⁹ Там же. Л. 44.

со Ждановым еще одним консультантом был выпускник ускоренных курсов Военной академии Б.М. Черниговский-Сокол (впоследствии также перешел на сторону белых)⁶⁰. Сам Жданов якобы пытался держаться пассивно, лишь присутствовал при докладах и отвечал на вопросы общими фразами. Среди выполнявшихся им поручений Жданов почему-то указал и формирование осенью 1918 г. унтер-офицерского батальона⁶¹.

Жданов отмечал, что «не служить не мог – был на учете военно-обязанным, и нечем было содержать семью и детей от первой жены. Да и самому измученному войной (я с начала и до конца), пленом, побегом (я причислен ко 2[-му] классу раненых) черный труд был не под силу. Служить же в гражданских учреждениях не дали – я был на учете»⁶². В отставку и отпуск Жданов тогда уйти не мог, так как его не отпускал Муралов, установивший, по мнению Жданова, в Московском военном округе настоящую диктатуру. Бежать из Москвы также было невозможно. По мнению Жданова, в случае поимки при побеге, его и жену большевики бы замучили⁶³. Как свидетельствовал перебежчик, в Московском округе служило много генштабистов. Он привел фамилии десяти человек только из штаба округа⁶⁴. При этом Жданов отмечал, что большевикам «за совесть» не служил» и всячески уклонялся от командирования на фронт против белых, «не желая драться со своими»⁶⁵.

В конце 1918 г. Жданову было дано ответственное поручение сформировать 1-ю Московскую кавалерийскую дивизию в качестве военрука. Специалистом Генштаба для дивизии предназначался курсовик П.П. Слицкоухов⁶⁶. Однако Жданов, если верить его показаниям, преднамеренно формировал дивизию около полугода, после чего, так и не доформировав, уехал на фронт⁶⁷. Свидетели подтверждали длительность формирования⁶⁸. Затягивал Жданов и порученное ему формирование унтер-офицерского батальона.

⁶⁰ Там же. Л. 48.

⁶¹ Там же. Л. 2об., 32.

⁶² Там же. Л. 52.

⁶³ Там же. Л. 53.

⁶⁴ Там же. Л. 52об.

⁶⁵ Там же. Л. 48.

⁶⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 134. Л. 136.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 32.

⁶⁸ Там же. Л. 37об.

В ноябре 1918 г. при отступлении 11-й и 12-й советских армий на Кавказе главком И.И. Вацетис и начальник Всероссийского главного штаба Н.И. Ратгэль командировали Жданова в Астрахань, однако генштабист оказался больным, в результате чего командировка была отложена до начала 1919 г. В конце 1918 г. Жданов действительно значился военруком Московской дивизии, готовившейся к переброске на фронт⁶⁹. Документы подтверждают наличие ходатайства в декабре 1918 г. об оставлении его военруком⁷⁰.

При этом Жданов показал, что «офицеров Генерального штаба у большевиков много, все, кто в занимаемой ими территории, служат. Пример: в окр[ужном] Моск[овском] комиссариате одновременно были: генералы – Жданов (я), [А.С.] Гришинский, [А.И.] Кабалов, [С.Ф.] Таубе, [Г.Н.] Хвошинский, полковники – [В.В.] Новиков, [И.А.] Войтына⁷¹, шт[абс]-капитаны⁷² – [С.В.] Пирог (здесь и далее фамилии подчеркнуты красным карандашом, видимо, представителями следствия. – А.Г.) и еще один (фамилия, кажется, Пани⁷³) и в мураловском опер[ативном] управлении Черниговский-Сокол, всего 10 чел.»⁷⁴.

Белые, проводя дознание по поводу службы Жданова у красных, допросили свидетелей, находившихся в Москве в 1918 г. Один из них, бывший генерал-майор В.П. Гололобов, учившийся вместе со Ждановым в кадетском корпусе, показал, что в сентябре 1918 г. «был поражен, увидев, что генерал Жданов занимается в маленькой комнатке, вместе со своими секретарями и письмоводителями. Генерал не имел даже письменного стола, а занимался на простом деревянном столе. На какую-либо роскошь не было и намека. Из разговора со Ждановым я убедился, что он тяготился службою большевикам, ругал их и их порядки в присутствии своей канцелярии. Видно было, что у него были все свои люди. Зайдя затем к нему на квартиру, я увидел, что он сильно нуждается, живет в 2^х комнатах и без прислуги. Генерал и генеральша все делали сами, так, при мне ... был поставлен самовар»⁷⁵. Сам Жданов также показывал, что «нуждался, ибо жить было не на что. Имение,

⁶⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 134. Л. 136.

⁷⁰ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 94.

⁷¹ Последний чин И.А. Войтыны в старой армии – капитан.

⁷² На самом деле последний чин С.В. Пирого в старой армии – капитан.

⁷³ Личность не установлена.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 52об.

⁷⁵ Там же. Л. 11–11об.

деньги и вещи в сейфе пропали. Приданое жены при обыске раскрадено (после расстрела большевиками брата жены, захваченного в Ставке генерала Духонина)»⁷⁶.

37-летний инженер П.-Э.Д. Экис, ранее арестовывавшийся Московской ЧК, 22 сентября (5 октября) 1919 г. показал, что Жданов, находясь на службе в Москве, действительно держал себя пассивно и на совещании у Муралова отмалчивался⁷⁷. Показания Экиса почти один в один совпали с тем, что рассказывал белым следователям сам Жданов, что не может не ставить под вопрос их достоверность.

32-летний поручик С.А. Войтына, служивший у красных в инженерном управлении Московского военного округа, а позднее оказавшийся на белом Юге, также показал, что в Москве, по его впечатлению, Жданов служил подневольно. Войтына вспоминал 18 сентября (1 октября) 1919 г. в Ростове-на-Дону: «У меня с первых же дней знакомства с г[енерал-]м[айором] Ждановым составилось о нем представление как о беспомощном человеке, судьба которого послала ему большое испытание. Из разговоров и отношений к г[енерал-]м[айору] Жданову со стороны всех служащих я видел, что с ним никто не считался и, несмотря на то, что он, казалось бы, должен был быть большой персоной, – его игнорировали и относились как к малозначащему, отнюдь не влиятельному человеку»⁷⁸. По мнению свидетеля, «если бы г[енерал-]м[айор] Жданов был единомышленником большевиков, что для меня невероятно, то тогда его положение не было [бы] столь грустным, с ним бы считались и относились подобающе, но на самом деле он и другие офицеры штаба производили на меня жалкое впечатление, были угнетены и службой тяготились; многие, в том числе и генерал-майор Жданов, часто болели»⁷⁹. Сам Жданов якобы заявлял, что страдал и за себя, и за Россию.

В своем дополнительном показании белым от 16 (29) сентября 1919 г. Жданов отметил, что в январе 1919 г. штабом Московского округа за медлительность работы по формированию частей был недоволен даже председатель РВСР Л.Д. Троцкий, грозивший разогнать штаб в 48 часов, что, как отмечал Жданов, «грозило бедой»⁸⁰. Впрочем,

---

⁷⁶ Там же. Л. 48об.

⁷⁷ Там же. Л. 27.

⁷⁸ Там же. Л. 37.

⁷⁹ Там же. Л. 37об.

⁸⁰ Там же. Л. 32.

по выявленным документам РККА негативное отношение Троцкого к Жданову не прослеживается.

Жданов неоднократно обращался к врачу П. О. Грингенбергу в Москве в связи с лечением последствий контузий⁸¹. Представленные белому следствию медицинские документы должны были наглядно показать, что активным работником в Красной армии Жданов быть не мог. Впрочем, это противоречило версии и о его активной подпольной работе. На заседании военно-полевого суда в декабре 1919 г. Жданов показал: «Я пробовал освидетельствоваться на предмет освобождения от военной службы, но меня не освободили. Тогда я решил всеми силами вредить советской власти»⁸².

После отъезда Жданова к новому месту службы его должность якобы была упразднена и слита с должностью начальника штаба округа, которую с 11 мая 1919 г. занял бывший Генштаба полковник В. В. Новиков⁸³. В приговоре, вынесенном военно-полевым судом белых, служба Жданова в Московском военном округе была признана несущественной⁸⁴.

По версии Жданова, пиком его подпольной работы стала служба в Астрахани в первой половине 1919 г. 18 января 1919 г. главком Вацетис во второй раз приказал Жданову отправиться в Астрахань. Откладывать отъезд далее было невозможно, и в начале февраля 1919 г. Жданов уехал на Каспийско-Кавказский фронт в Астрахань в распоряжение командовавшего фронтом бывшего Генштаба полковника М. С. Свечникова.

Член РВСР К. А. Мехоношин 25 января 1919 г. потребовал от Н. И. Муралова предложить Жданову на основании телеграммы Троцкого немедленно приготовиться к отъезду на Каспийско-Кавказский фронт для назначения на должность командующего одной из армий⁸⁵. Фронту требовались специалисты Генерального штаба. Троцкий разрешил Жданову для пользы дела взять на фронт сотрудников. В частности, речь шла об инспекторе артиллерии 3-й армии Жданове, вероятно, родственнике будущего командарма⁸⁶.

---

⁸¹ Там же. Л. 12.

⁸² Там же. Л. 2.

⁸³ Там же. Л. 3.

⁸⁴ Там же. Л. 4.

⁸⁵ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 54; Д. 100. Л. 3.

⁸⁶ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 80.

Муралов и комиссар округа Е.М. Ярославский сообщали Мехоношину в поезд на Курск вокзале 30 января 1919 г.: «Тов. Жданов работает по организации Красной армии с июля 1918 г. и вошел во все подробности этого вопроса, особенно осложненного усиленной отправкой на фронт рот пополнений как из запас[ных] баталионов, так и [из] дивизий. Поэтому отъезд тов. Жданова в настоящее время сильно затормозит работу округа, так как мы лишаемся специалиста, дававшего нам всегда основанные на продолжительном опыте советы. Кроме того, тов. Жданов является знающим свое дело инструктором по обучению войск округа, войска привыкли к его требованиям, и заменить его в этом деле кем-либо другим мы положительно затрудняемся.

Ввиду изложенного усиленно ходатайствуем об оставлении тов. Жданова на занимаемой им ныне должности. О последующем просим срочно уведомить»⁸⁷. Подобный документ отнюдь не свидетельствует о том, что перед нами белый подпольщик.

Гражданская война на всех фронтах, где довелось служить Жданову (Нижняя Волга, Северный Кавказ и Украина), отличалась партизанским характером, что существенно облегчало работу агентуры белых в советских штабах. Нелегальной работе благоприятствовали и очевидные военные успехи белых в регионе, который в первой половине 1919 г. был взят войсками Деникина под свой контроль. Способствовала этой работе и череда серьезных реорганизаций, через которую в феврале–марте 1919 г. прошли советские войска Кавказско-Каспийского региона.

На фронт Жданов прибыл вместе с Мехоношиным⁸⁸ в крайне тяжелый для вверенных ему соединений РККА период. 14 февраля он принял командование 12-й советской армией от бывшего вольноопределяющегося В.Л. Степанова. Следовательно, в этот период бывшему генералу большевики еще доверяли. Начальником штаба армии был Д.А. Северин (не генштабист). В армию 13 февраля были включены остатки разгромленной белыми, разложившейся, охваченной эпидемией сыпного тифа и испанки, утратившей управляемость и лишенной снабжения 11-й армии М.К. Левандовского, отступавшие на протяжении 400 километров по безводным прикаспийским степям

⁸⁷ Там же. Л. 94.

⁸⁸ Свечников М.[С.] Борьба Красной армии на Северном Кавказе. Сентябрь 1918 – апрель 1919. М.; Л., 1926. С. 151.

с Северного Кавказа к Астрахани⁸⁹. В ходе отступления погибли до 4000 человек, были оставлены при отступлении ранеными и больными до 50 000 человек. Остатки 11-й армии вошли в состав 33-й стрелковой и 7-й кавалерийской дивизий.

Как отмечалось в датированном 22 февраля 1919 г. докладе бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Г.К. Королькова председателю РВС фронта К.А. Мехоношину «Положение Каспийско-Кавказского фронта и выход из этого положения», фронт находился в тяжелейшем положении в связи с разгромом 11-й и 12-й армий и их отходом из хлебного района к безводной степи. Автор доклада констатировал, что «поражение наших войск произошло не столько от несоответствия многих лиц командного состава, как от невозможности своевременного их (войск. – А.Г.) снабжения всем необходимым»⁹⁰.

⁸⁹ Г.К. Орджоникидзе телеграфировал В.И. Ленину 24 января 1919 г. из Владикавказа: «Одиннадцатой армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станицы почти без сопротивления. Ночью стоял вопрос – покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань. Нет снарядов и патронов. Нет денег... 6 месяцев ведем войну, покупаем патроны по 5 рублей... мы все погибнем в неравном бою, но чести своей не опозорим бегством» (НАА (ПА). Ф. 1022. Оп. 8. Д. 333. Л. 3–4; несколько отличающийся вариант см.: Документы по истории Гражданской войны в СССР. М., 1941. Т. 1. С. 409; *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. М., 1956. Т. 1: 1910–1926 гг. С. 66). Представление о состоянии 11-й армии первого формирования дает доклад Заколдаева политотделу Каспийско-Кавказского фронта: «17 февраля мы выехали из Астрахани. В задачу моей деятельности входило завязать связь со всеми частями и политотделами, где только мне придется быть... нам пришлось увидеть ужасы, которые не подлежат описанию... Картина была такова: сотнями, а иногда и тысячами прибывали больные, измученные, холодные и голодные бойцы отступающей XI армии. Коменданты не имели под руками никаких средств, чем могли бы облегчить страдания последних. Не было продуктов, чем можно было бы утолить голод, не было помещения, где можно было обогреть прикрытое рубищем грязное тело. Не было медицинского персонала и медикаментов, чтобы дать помощь больным. Не было перевязочных средств и ми[о]г[ого] другого. Больные и здоровые, прикрытые и раздетые, холодные и голодные, прошедшие сотни верст сыпучими песками, потерявшие человеческий облик, они лежали друг на друге. Больные заражали здоровых, а потерявшие силу воли умирали. Все они протягивали братски руку, прося помощи. Но их рука оставалась висющей в воздухе, ибо помочь им было нечем. И, кажется, нет ничего хуже, когда видишь все это и бываешь бессильным и отстраняешь братски протянутую руку. За 5 лет кровавой борьбы человечества мне приходилось видеть много ужасов, но все они не сравнятся с этими... за корку хлеба целовали руки, валялись в ногах и плакали» (РГВА. Ф. 108. Оп. 2. Д. 70. Л. 13–14). Подробнее об этом отступлении см.: *Сухоруков В.Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М., 1961.

⁹⁰ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 110.

С занятием Северного Кавказа белыми Астрахань оставалась единственным пунктом, связывавшим Кавказско-Каспийский регион с советским центром. Находившаяся в полуокружении советская группировка в районе Астрахани не позволяла осуществить стратегически важное для белых соединение Южного и Восточного антибольшевистских фронтов. Соответственно, задача удержания Астрахани была жизненно важна для красных. Этот вопрос находился на контроле руководства Советской России. Вместе с тем Астрахань не имела надежных путей для связи с войсками и была плохо обеспечена в продовольственном отношении (в городе ощущалась нехватка хлеба, население питалось воблой), находилась в регионе, где существовали устойчивые антибольшевистские настроения в казачье-крестьянской среде. При невероятной обширности литературы по истории Астраханской обороны и роли в ней С.М. Кирова, деятельность Жданова в Астрахани практически нигде даже не упоминалась. Попробуем осветить этот важный вопрос.

Командование Жданова оказалось непродолжительным. Как отмечал сам генерал, он приехал в Индюковку, где находился штаб армии, застал там эпидемию тифа и заболел сам. Лишь в середине марта Жданов вернулся к активной работе и 13 марта принял временное командование над 11-й советской армией второго формирования, созданной из остатков расформированной в тот же день 12-й армии, а также упраздненного Каспийско-Кавказского фронта и непосредственно подчиненной главному. В приказах РВСР по личному составу армии Жданов числился командующим 11-й армии почему-то с 1 февраля 1919 г.⁹¹

Недовольство происходящим на Каспийско-Кавказском фронте накапливалось в большевистском военно-политическом руководстве постепенно. Так, в начале 1919 г. произошел громкий внутривнутрипартийный конфликт в РВС фронта между председателем РВС фронта (13 декабря 1918 – 14 февраля 1919 г.) А.Г. Шляпниковым, с одной стороны, и особоуполномоченной по руководству политической работой на фронте Е.Б. Бош, а также председателем Астраханского губкома РКП(б) Н.Н. Колесниковой, с другой. Конфликт приобрел огласку, повлек вмешательство ЦК РКП(б), председателя СНК и Совета рабочей и крестьянской обороны В.И. Ленина, председателя ВЦИК Я.М. Свердлова, создание специальной комиссии для рас-

---

⁹¹ Приказ РВСР по личному составу армии. 1919. 12.08. № 169.

следования и в конечном итоге отстранение Шляпникова и Бош от занимаемых должностей⁹². Не способствовало доверию к местным руководителям и контрреволюционное выступление некоторых частей Астраханского гарнизона 21–23 января 1919 г. После этого в Астрахань прибыли новые партийные руководители член РВСР К.А. Мехоношин (14 февраля 1919 г. сменил Шляпникова на посту председателя РВС фронта) и С.М. Киров. Был создан такой нетипичный для этого периода чрезвычайный орган власти, как Временный военно-революционный комитет с неограниченными полномочиями во главе с Кировым (функционировал с 25 февраля по 26 апреля 1919 г.), арестован начальник Особого отдела штаба Каспийско-Кавказского фронта К.Я. Грасис, превысивший свои полномочия. Ранее Грасис по распоряжению Шляпникова арестовал группу спекулянтов и партийных работников. Разбирательство по партийной линии и наказание руководства Особого отдела могло повлиять на решительность борьбы с контрреволюцией, что предопределило кадровые перестановки в местных чекистских органах. Арестованный некоторое время содержался при РВС⁹³. После ареста К.Я. Грасис возглавил разведывательное отделение штаба фронта⁹⁴. Вернувшийся в Москву, Шляпников потребовал предать себя суду революционного военного трибунала по делу о гибели 11-й армии⁹⁵.

Нельзя исключать того, что в штабе фронта действовало антибольшевистское подполье (впрочем, штаб фронта советские мемуаристы и историки обвиняли в троцкизме и упрекали в потворстве белому под-

⁹² Подробнее см.: Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917–1920 гг.): Док. и мат. Астрахань, 1960. Кн. 2: Оборона Астрахани и разгром интервентов и белогвардейцев в Астраханском крае (декабрь 1918 – март 1920 гг.). С. 92–93, 95; Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С. 179–181; Колесникова Н.Н. По дорогам подполья (Из воспоминаний). Баку, 1973. С. 277–287; Шляпникова И.А. Правда об А.Г. Шляпникове // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 88–98; Ефимов Н.А. Положить конец измышлениям о Реввоенсовете Каспийско-Кавказского фронта // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 99–105; Кирилина А.[А.] Неизвестный Киров. СПб.; М., 2001. С. 46–48; Литицкий С.В. Военная деятельность ЦК РКП(б) 1917–1920. М., 1973. С. 135–137; Наумов В.П. Александр Гаврилович Шляпников (страницы политической биографии). М., 1991. С. 23–26.

⁹³ Абросимов М.И., Жилинский В.М. Страницы былого: (из истории Астраханской губернской чрезвычайной комиссии). Волгоград, 1988. С. 36.

⁹⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 143. Л. 14.

⁹⁵ Наумов В.П. Александр Гаврилович Шляпников... С. 26.

полюю⁹⁶, в связи с чем достоверность подобных свидетельств вызывает сомнения). Сохранились позднейшие свидетельства о работе белого подполья за конец 1918 – начало 1919 г. По свидетельству старого большевика А.А. Вартаняна, «было известно, например, что один из этих “военспецов”, занимавший высокий пост чуть ли не начальника штаба армии⁹⁷ или зам[естителя] начальника, является белогвардейским агентом, имеющим связи с противником.

Политотдел несколько раз докладывал Реввоенсовету об этом предателе, но Шляпников, слепо доверяя ему, обвинял работников Политотдела и лично [Е.Б.] Бош в “спецеестве”, что мы вмешиваемся не в свои дела и т. д.

Даже после того, как этот высокопоставленный “спец” через некоторое время, улучив подходящий момент, перешел фронт и пробрался к белым, унося с собою очень важные сведения о состоянии наших вооруженных сил, даже после этого Шляпников не унимался и грозил Бош за ее якобы “строптивость”⁹⁸.

Были и другие указания либо на работу антибольшевистского подполья, либо на махинации и дезорганизацию управления. Видный большевистский деятель, чрезвычайный комиссар Юга России Г.К. Орджоникидзе в своем докладе в СНК от 10 июля 1919 г. обвинил РВС фронта в злоупотреблениях и неспособности организовать снабжение войск⁹⁹. Из-за технических неисправностей были задержаны в Астрахани и не поступили в войска 15 мотоциклов с пулеметными площадками, 25 автомобилей, проблемы с транспортировкой не позволили направить в войска имущество маршрутного поезда с обмундированием на 40 000 человек. Имущество 11-й армии расхищалось. Три миллиона патронов и 8000 снарядов, присланные из Центральной России, оказались захвачены белыми в астраханских степях. Из выделенных армии 500 миллионов рублей только 35 дошло до войск¹⁰⁰.

⁹⁶ Кондрашов И.Ф. С.М. Киров – организатор и руководитель Астраханского временного военно-революционного комитета // Исторические записки. М., 1951. Т. 36. С. 4; Ефимов Н.А. Положить конец измышлениям о Реввоенсовете Каспийско-Кавказского фронта // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 99–105.

⁹⁷ Правильно – фронта.

⁹⁸ НАА (ПА). Ф. 1021. Оп. 4. Д. 113. Л. 17.

⁹⁹ Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. Т. 1. С. 83–85, 91–92.

¹⁰⁰ Траскунов М.Б. Кавказская Краснознаменная. Тбилиси, 1961. С. 108. Попытки дочери А.Г. Шляпникова отвести часть обвинений представляются не в полной мере убедительными (Шляпникова И.А. Правда об А.Г. Шляпникове).

Однако на решение ликвидировать фронт окончательно повлияли развал и дезорганизация управления. Об этом председатель РВСР Л.Д. Троцкий телеграфировал 2 марта в Астрахань с копией в Полевой штаб РВСР: «Из доклада комфронта Кас[пийско-]Кав[казского] Свечникова¹⁰¹ № 15/ок усматривают неправильное отношение к делу, катастрофа Кас[пийско-]Кав[казского] фронта свидетельствует о плохой организации управления командования. Комфронт Свечников ссылается на свой доклад от 15 декабря, как будто задача командующего состоит в писании докладов и запоздалых ссылках на доклад. Нужно было доложить, что практически сделано в устранении тех недостатков, какие указывает доклад 15 декабря, почему не были своевременно сформированы хулиганские части, недисциплинированные командиры, почему колоссальная, бесформенная, полуодетая армия не была своевременно сведена к двум-трем дивизиям. Реввоенсовет Кас[пийско-]Кав[казского фронта] удовлетворялся отписками и, как показали практические результаты, палец о палец не ударил для серьезной работы, преступно писать бумажки там, где нужны широкие меры (здесь и далее подчеркнуто, видимо, Мехоношиным. – А.Г.). Считаю, с одной стороны, необходимым радикально обновить командный состав сверху донизу, на этом сложном, неустойчивом фронте нужны люди твердые, решительные, а не канцелярские. Нужны люди, которые умеют пользоваться неделями, не теряя бессмысленно целые месяцы»¹⁰². По всей видимости, именно Троцкий и инициировал кардинальные перемены.

Реорганизация пришлась на крайне беспокойное время, поэтому неудивительно, что в публиковавшихся в СССР воспоминаниях и исследовательских работах за произошедшими реорганизациями пытались выискивать козни Троцкого¹⁰³. Как раз в процессе реорганизации фронта и армий, в период 10–13 марта, в Астрахани вспыхнуло антибольшевистское рабочее восстание, которое было решительно и беспощадно подавлено. В тылу накапливались дезертиры, объединившиеся в банды, на борьбу с которыми отвлекались силы с фронта.

При реорганизации в штабе должного порядка не было. Разведка и контрразведка практически не осуществлялись, что вызывало

¹⁰¹ Здесь и далее в документе ошибочно – Свешников.

¹⁰² РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 85. Л. 107.

¹⁰³ См., например: *Бутягин Ю.П.* Мироныч в Астрахани // *Посланцы партии. Воспоминания. М., 1967. С. 141; Траскунов М.Б.* Кавказская Краснознаменная. С. 145.

одергивания даже из центра¹⁰⁴. В 12-й армии донесений и сведений о противнике, по сути, не имелось (начальник разведывательного отделения издал два распоряжения за два месяца¹⁰⁵). Наблюдалась волокита. Документ стратегического значения от управления делами до начальника штаба путешествовал сутки, от начальника штаба до начальника оперативного отделения еще двое суток, от последнего до начальника разведывательного отделения 1,5 суток¹⁰⁶. Об этих недостатках докладывал в рапорте члену РВС К.А. Мехоношину начальник разведывательного отделения штаба фронта. Вывод из ситуации делался достаточно категоричный: «этот канцелярский онанизм подрывает желание работы, а эти товарищеские отношения создают только какую-то странную диффузию попустительства и лени»¹⁰⁷. Не соблюдалась и секретность. Так, в штаб фронта открытым текстом передавались данные об отправке разведчиков¹⁰⁸.

Реорганизовывавшийся штаб фронта страдал дефицитом квалифицированных кадров. Остро не хватало генштабистов. Так, начальник оперативного управления Е.Н. Ригельман сообщал в рапорте начальнику штаба фронта 12 марта 1919 г.: «Во вверенном мне управлении из четырнадцати положенных по штату специалистов Генштаба состою на службе только один я.

Работниками (так в документе. – А.Г.) в управлении за исключением недавно назначенных начальника разведывательного отделения т. Граписа и начальника связи т. Розенфельда, в достаточной мере знакомых с делом, остальные как по своей подготовке, так и по служебному опыту далеко не соответствуют занимаемым должностям, в особенности писмоводители, коими в большинстве своем состоят совершенно незнакомые с военным письмоводством женщины. При таких условиях мне приходится затрачивать массу времени на разрешение всевозможных мелочных вопросов, обучать начальников отделения системе сортировки и подшивки бумаг, исправлять редакции почти каждой исходящей бумаги и т.д., что же касается таких работ, как составление ведомостей боевого состава войск фронта и черчения схем, составляющих работу

---

¹⁰⁴ Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). М., 1969. С. 281–282.

¹⁰⁵ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 143. Л. 18.

¹⁰⁶ Там же. Л. 18об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 19.

¹⁰⁸ Там же. Л. 25.

начальника оперативного отделения, то эти работы принужден был составлять сам уже четвертый раз.

Занимаясь в канцелярии с 10 часов почти всегда до 3 и с пяти до 10–11 часов вечера, я едва справляюсь с текущей перепиской, требующей срочного исполнения почти каждой бумаги.

В настоящее время кроме текущей переписки на меня возложено:

- 1) ведение журнала военных действий (за недостатком опытных помощников эту работу я должен исполнять сам);
- 2) составление обзора деятельности штаба фронта за все время. Эту работу я должен также принять на себя;
- 3) составление военно-географического описания всего района фронта к 1 апреля.

Для исполнения всех означенных работ, в особенности последней, для которой надо, так сказать, из-под земли доставать материалы, ибо вряд ли в Астрахани найдутся необходимые источники, я должен совершенно уйти от текущей штабной работы, что, полагаю, совершенно невозможно.

При создавшемся положении исполнение мною означенных выше работ возможно лишь при условии, не определяя срока их окончания, предоставить мне право исполнять эти работы постолько, поскольку будет возможно.

Кроме того, прошу не давать для исполнения в оперативное управление работ по формированию войск, хозяйственного характера и других, которые в настоящее время для быстроты исполнения проходят через вверенное мне управление, не имея к нему прямого отношения.

Прошу также о выписке хотя бы некоторого количества лиц Генштаба»¹⁰⁹.

По данным на 20 марта 1919 г., в 11-й армии числились четыре выпускника Николаевской академии – начальник штаба армии Б.И. Пересвет (выбыл на лечение), начальник оперативного управления Е.Н. Ригельман, начальник административного управления П.Л. Бурков и командарм Н.А. Жданов¹¹⁰. В командование армией Жданов вступил 20 марта¹¹¹. На усиление штаба были направлены и другие выпускники академии: И.М. Биркан, А.П. Васильев (в прикомандировании к штабу армии), А.Ф. Кадошников (начальник штаба армии

¹⁰⁹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 126–127об.

¹¹⁰ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 177. Л. 2, 4.

¹¹¹ Там же. Л. 10.

с 27 апреля 1919 г.), Г.К. Корольков (в распоряжении председателя РВС армии), К.А. Людсканов-Цанков, А.С. Нечволодов (начальник административного управления штаба армии со 2 мая 1919 г., позднее – начальник штаба Астраханской группы войск)¹¹². Штаб покинули Бурков и Пересвет (по болезни). Людсканов-Цанков и Нечволодов позднее бежали к белым¹¹³. Жданов дважды просил о назначении начальником оперативного управления штаба армии генштабиста В.В. Новикова (своего сослуживца по штабу Московского военного округа) вследствие нехватки кадров и дважды получил отказ Всероглаштаба, где также не было кадров¹¹⁴. К 1 мая 1919 г. в штабе 11-й армии числились 7 «лиц Генерального штаба», в том числе один больной и один окончивший академию по 2-му разряду¹¹⁵. В основном же в штабе служили бывшие офицеры военного времени. По данным на начало июня 1919 г., из 89 служащих штаба – бывших офицеров было 35 прапорщиков, флагманский мичман, 14 подпоручиков, 13 поручиков, 4 штабс-капитана, 2 капитана, 11 штаб-офицеров, 4 генерала, 5 неизвестно¹¹⁶.

Недостатки прежних штабов унаследовал и новый штаб 11-й армии. Начальник разведывательного отделения штаба армии С. Васильев признавал 16 апреля 1919 г. в рапорте начальнику оперативного отделения, что «организованной систематической агентурной разведки при разведотделе не имеется», а вся агентурная разведка находилась в руках политкома отдела Т.И. Попова¹¹⁷. Даже во второй половине мая эти недостатки не были устранены. Согласно рапорту временно исполняющего должность начальника разведывательного отделения начальнику штаба, в штабе армии получаемые командованием разведывательные сведения «почему-то держатся до устарелости», а тождественные сведения разведывательного отделения в результате строились на предположениях¹¹⁸.

Не была четко размечена разграничительная линия между 11-й и 4-й армиями¹¹⁹.

¹¹² Там же. Л. 13, 51–51об.

¹¹³ В 11-й армии Нечволодов занимался формированием новых дивизий через инспектора пехоты армии (РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 571. Л. 5).

¹¹⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 177. Л. 59, 61.

¹¹⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 124. Л. 90.

¹¹⁶ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 230. Л. 27–29; Д. 571. Л. 18–20.

¹¹⁷ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 143. Л. 151.

¹¹⁸ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 165. Л. 18.

¹¹⁹ Там же. Л. 9.

В период реорганизации и упразднения фронта Жданов некоторое время был его командующим. 21 марта 1919 г. он выступал в этом качестве перед РВС фронта по вопросу формирования новых дивизий (в частности, речь шла о формировании 34-й стрелковой дивизии, развертывавшейся из запасных батальонов)¹²⁰.

Прежний командующий Каспийско-Кавказским фронтом М.С. Свечников, стремясь оправдать свои неудачи, отмечал впоследствии: «Тов. Мехоношин и командующий армией тов. Жданов имели для работы по формированию частей не единицы, а сотни сотрудников по всем специальностям, в том числе и политработников, работавших с 59-й комиссией Высшей военной инспекции и не на фронте, а в г[ороде] Астрахани, где к этому времени находилось три четверти войск всего фронта, все же они принуждены были месяцами работать над окончательным сформированием одной 33-й стрелковой и двух неполных дивизий (34-й стрелковой и 7-й кавалерийской)¹²¹, причем им все-таки недоставало и сотрудников, и предметов довольствия»¹²².

11-я армия имела статус отдельной (т.е. по значимости равнялась фронту, подчиняясь непосредственно главкому) и боролась с белыми на Северном Кавказе и Нижней Волге. Ей ставились задачи овладения Святым Крестом, Пятигорском, Владикавказом, Моздоком, Грозным, Кизляром, проведения совместной операции с Астраханско-Каспийской флотилией на Петровск – Дербент – Баку. В состав армии входили 33-я и 34-я стрелковые и 7-я кавалерийская (переименована из кавалерийской 3 апреля 1919 г.) дивизии. Членами РВС были К.А. Мехоношин и С.Е. Сакс, а с 7 мая к ним добавились И.С. Кизельштейн, С.М. Киров (находился в Астрахани с января 1919 г., осуществляя руководство ее обороной, до включения в РВС армии возглавлял в ней политотдел) и С.П. Медведев. Начальниками штаба армии были И.Ф. Шарсков (19 марта – 18 апреля 1919 г.), Е.Н. Ригельман (временно исполняющий должность, 19–29 апреля, затем – начальник оперативного управления) и А.Ф. Кадошников (30 апреля – 12 июня). Особый отдел армии 10 марта 1919 г. возглавил известный своей беспощадностью чекист Г.А. Атарбеков по прозвищу «железный Геворк». Подпольная антибольшевистская работа при нем была предельно затруднена и рискованна.

¹²⁰ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 25. Л. 1; Д. 571. Л. 28.

¹²¹ Формирование 33-й дивизии продолжалось 1½ месяца – с середины марта по конец апреля. *Ред. (примеч. ред. книги М.С. Свечникова).*

¹²² *Свечников М.[С.] Борьба Красной армии на Северном Кавказе. С. 182.*

К 1 апреля в 11-й отдельной армии имелось 15 444 штыка, 3393 сабли, 736 пулеметов, 96 орудий, 9 аэропланов, 2 аэростата, 11 броневтомобилей, 9602 лошади, 910 повозок, всего 31 433 человека¹²³. Армии приходилось сражаться в тяжелых условиях. В Астрахани в марте 1919 г. существовал дефицит продуктов (по данным на апрель, работники штаба фронта получали в качестве пайка фунт хлеба в день), распространилась эпидемия сыпного тифа¹²⁴. Медленно готовилась операция на Черный Рынок – Величавое. Планировалось наступление и на Святой Крест, операции на Кизляр – Петровск (на последний совместно с флотом и с возможностью высадки десанта¹²⁵).

29 марта Жданову были поручены занятия с руководством 33-й стрелковой дивизии¹²⁶. По показаниям Жданова белым, если бы не его саботаж, дивизия могла быть готова к отправке на фронт уже в апреле 1919 г., между тем по данным разведки он знал, что белые проводили мобилизацию на Восточном Кавказе, и не хотел этому препятствовать¹²⁷. Интересно, что Жданов помимо управления войсками занимался составлением многочисленных инструкций для красноармейцев¹²⁸. 10 апреля он приветствовал первый выпуск красных офицеров Астраханских советских пехотных курсов командного состава РККА¹²⁹.

Почти сразу Жданов попал под следствие. В апреле 1919 г. он с женой якобы пытался бежать из Астрахани на автомобиле, чтобы добраться до спекулянтов, которые могли переправить военспеца к казакам, но

¹²³ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.

¹²⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 28. Л. 80, 101, 343, 378.

¹²⁵ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 851. Л. 14.

¹²⁶ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

¹²⁷ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 33об.

¹²⁸ В частности, в приложении к приказу по войскам и флоту 11-й армии было напечатано его сообщение «Значение флангов», в котором он писал простым языком для бойцов: «Если будем атаковать противника во фронт, то в нас будут стрелять (прямо перед собой) все его стрелки и в этом случае в нашу сторону будет пущено много пуля, что, безусловно, даст [у] нас большие потери, а раз будут большие потери, то для того, чтобы сломить врага, нам надо послать в атаку много войск» (РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 851. Л. 1). Также Ждановым составлены работы: «Резерв и его значение», «Секретная инструкция для начальников гарнизонов», «Программа строевых занятий в пехотных частях 21-дневный курс, 96 часов», «Инструкция по обучению красноармейцев младшего срока службы в полевых артиллерийских парках», «Программа занятий, обязанности для красноармейца полевой артиллерии младшего срока службы» и др., авторство части инструкций, написанных в том же ключе, неизвестно (Там же. Л. 2, 4, 5–5об, 6–9, 10, 10об, 11, 11об.–13).

¹²⁹ Борьба за власть Советов в Астраханском крае... Кн. 2. С. 200.

по одной версии у беглецов не оказалось достаточно топлива, а по другой – сломалась машина. Жданов впоследствии сообщил белым, что в тот период «с Восточного Кавказа войска ген[ерала] Деникина готовились к наступлению. Революционный совет [требовал от меня наступления, но я, понимая, что своим наступлением причиню большой вред Добровольцам, не наступал, объясняя тем, что еще не сформировал три дивизии. Высшее советское командование требовало от меня покорения Восточного Кавказа, но до апреля Кавказ мною покорен не был, и это доказывает, что я действовал не в пользу советской власти. В апреле я хотел бежать, но автомобиль сломался. Вскоре после этого от Троцкого приехал ревизор ген[ерал] Корольков, это доказывает, что мне не доверяли и ко мне приставили особого комиссара С.[А.] Баландина – это было в Астрахани. В июне 1919 г. я приехал в Москву, и первый раз меня допросил Курский¹³⁰ лишь 27 июля»¹³¹.

Белое следствие активно искало свидетелей, которые могли бы раскрыть подробности деятельности Жданова на высоких постах в РККА. Одним из таких свидетелей оказался полковник А.И. Домбровский – интендант 11-й армии, которой командовал Жданов. Домбровский видел Жданова в Киеве в августе 1919 г., позднее перешел к белым, а осенью 1919 г. находился в распоряжении председателя судебно-следственной комиссии белых. Домбровский подтвердил, что вредительские действия Жданова действительно имели место.

Заявления Жданова о том, что он препятствовал активным действиям красных на Северном Кавказе, подтверждали свидетели с белой стороны. Например, генерал от кавалерии П.П. Калитин, который в марте–мае 1919 г. был начальником гарнизона Владикавказ. В показании от 4 (17) декабря он отметил, что в то время Ингушетия, Чечня и Дагестан были охвачены сильными волнениями, чем, по мнению Калитина, мог воспользоваться Жданов, чтобы нанести удар по белым тылам. Однако красные не проявили активности¹³². Следует учитывать, что Калитин и Жданов были старыми сослуживцами еще по Иркутскому военному округу до Первой мировой войны, в связи с чем Калитин не мог быть непредвзятым свидетелем. Кроме того,

---

¹³⁰ Видимо, имеется в виду Курский Дмитрий Иванович (10.10.1874–20.12.1932) – народный комиссар юстиции РСФСР, комиссар Полевого штаба РВСР.

¹³¹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 3–Зоб.

¹³² Там же. Л. 10.

пассивность красных совершенно не обязательно была следствием саботажа Жданова.

В дополнительном показании от 27 сентября (10 октября) 1919 г. Жданов отметил, что вносил хаос в войска и в хозяйственном отношении. Так, на довольствии в подчиненных ему войсках состояло 60 000 человек, из них бойцов было не более 10 000. В результате его действий возникли нехватка продуктов, недовольство, бегство красноармейцев и значительный расход средств. При расформировании Каспийско-Кавказского фронта Жданов преднамеренно не расформировал управления фронта и 12-й армии. Из фронтовых управлений он организовал громоздкое управление 11-й армии, а из управления 12-й армии – не вызванные необходимостью боевые участки. Об этом знали полковники А.С. Нечволодов и А.И. Домбровский, находившиеся в распоряжении судебно-следственной комиссии белых¹³³.

Указание на осведомленность о подпольной работе Жданова Генштаба полковника Нечволодова достаточно интересно. Нечволодов занимал пост начальника административного управления 11-й армии, а затем начальника штаба 34-й стрелковой дивизии. Впоследствии он стал еще одним видным перебежчиком из РККА к белым¹³⁴. Есть основания считать его одним из крупных деятелей антибольшевистского подполья. Наличие же связи с другим подпольщиком, Ждановым, дает основание предполагать, что генштабисты-подпольщики действовали не разрозненно, а могли иметь организацию, их объединявшую. В своих показаниях по делу Жданова Нечволодов отметил, что состоял членом организации офицеров Генштаба, но какая организация имелась в виду – неясно. По всей видимости, речь шла о подпольной организации¹³⁵.

Странности в работе Жданова замечали и советские военные деятели. Анонимный автор под псевдонимом Военный писал уже в 1919 г.: «Получив то или иное приказание Вацетиса, Жданов почему-то не приступал к его исполнению, а вносил его в Совет на обсуждение. Конечно, там исполнение такого приказа встречало много возражений; Жданова просили возбудить ходатайство об отмене приказа или еще что-либо другое; он не имел духу принять свое решение; телеграмма заваливалась в Совете и в штаб попадала случайно, после исполнения,

¹³³ Там же. Л. 26–26об.

¹³⁴ Подробнее см.: Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева. Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 62.

уже для подшивки к делам»¹³⁶. По мнению «Военного», операциями в районе Астрахани руководили «люди не военного склада характера и без должной профессиональной подготовки. На это возразят, что во главе и фронта, и 11 [-й] отд[ельной] армии стояли опытные военные начальники, прошедшие школу Генерального штаба. Но ведь это – самообман; Жданов имел не больше значения, чем любой простой красноармеец, в тех условиях, при которых ему приходилось работать. Совет опутывал его по рукам и ногам. Гражданского человека, входившего в состав Рев[олюционного] воен[ного] совета, как и всякого другого обывателя, пугали ползушие на войне из всех щелей ужасы, страхи, опасности, то там, то здесь обходят, могут отрезать от базы, аэропланы делают налеты и сбрасывают бомбы и т.д. Он забывал многие простые военные истины, в том числе одну, что нет на войне такого положения, из которого нельзя было бы выйти. Такой обыватель приносил свое угнетенное настроение в Совет и заражал им других сочленов, также не военных по характеру и воспитанию.

А убеждать, доказывать правоту своего мнения и необходимость его проведения в жизнь – Боже мой, сколько же на это потребуется нервной энергии, сил и здоровья? Да и у кого их, наконец, найдешь на шестом году войны и при столь тяжелых условиях жизни?

Принятый нынче способ управления фронтом и армией нужно признать непригодным для дела»¹³⁷.

Вот как характеризовал тот же автор участие Жданова в различных операциях. Выводы можно сделать самостоятельно. В морской десантной экспедиции по захвату стратегически значимой для заключенной в кольцо фронтов РСФСР нефти в районах Гурьева и Баку «Жданов... не принимал активного участия; она протекала стихийно, неизвестно кем руководимая»¹³⁸. После захвата в мае 1919 г. казаками селения Джамбай в 150 верстах восточнее Астрахани Жданов выглядел сильно обеспокоенным и даже созвал специальное совещание с участием представителей флота по вопросу об отбитии этого пункта¹³⁹. Как отмечал очевидец, «много было потрачено времени на эти разговоры; ни к чему

---

¹³⁶ *Военный*. Два месяца на красном фронте // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. М., 1919. Вып. 2. С. 176.

¹³⁷ Там же. С. 189–190.

¹³⁸ Там же. С. 178.

¹³⁹ Там же. С. 181.

определенному не пришли, а Жданов лично не принимал никакого решения»¹⁴⁰. В вопросе содействия 10-й армии, оттесненной белыми севернее Маньчжа, «как и на Красноярском участке, Жданов оставался пассивным... в Совете что ни день, то созрел тот или иной план действий; но, как только, бывало, автор проекта изложит его Совету, поднималась критика, и план обыкновенно не получал утверждения. Сам Жданов был одним из богатейших источников подобных планов действий; однако он не имел сил отстоять свое предложение и всегда упускал из виду доложить Совету, что ему не предоставлено права вмешиваться в технические распоряжения командующего армией. Один только раз он попробовал отдать приказание без скрепы члена Рев[олюционного] воен[ного] совета; но, отдавая его без участия штаба, Жданов напутал и только скомпрометировал себя; потом штабу пришлось составить новое приказание, которое, конечно, не встретило возражений со стороны Рев[олюционного] воен[ного] совета»¹⁴¹. Один из планов помощи 10-й армии Жданов все же попытался реализовать, но попытка окончилась неудачей и лишь ослабила положение красных в районе села Урожайное¹⁴².

РВС 11-й армии после череды неудач пребывал в подавленном настроении, члены совета потеряли веру в возможность удержания Астрахани. Главком Вацетис запросил личное мнение Жданова по этому вопросу, на что «Жданов в своем ответе, в общем, подтвердил, что он вполне солидарен во взглядах с пред[седателем] Рев[олюционного] воен[ного] совета армии. По донесению Жданова, флот наш надолго выведен из строя, командующий флотом Сакс не соответствует своему назначению. Так как со стороны Астрахани овладеть Кавказом нельзя иначе, как при содействии флота, то от мысли о завоевании Кавказа сейчас нужно отказаться. Что же касается вопроса об удержании в своих руках г[орода] Астрахани, то Жданов смотрел на положение дел более оптимистично. В своей телеграмме главнокомандующему он категорически доносил, что не сдаст Астрахани, если только соседи справа и слева не сдадут своих позиций.

Главнокомандующий, очевидно, остался недоволен ответом Жданова; по крайней мере, нач[альник] Полевого штаба Ф.[В.] Костяев в своей ответной телеграмме на только что указанную сообщил, что

¹⁴⁰ Там же. С. 182.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. С. 183.

главком обращает его внимание на редакцию его телеграмм и, особенно, на его неопределенные, нерешительные взгляды на положение дел»¹⁴³.

Недовольны Ждановым были и в РВС армии. Председатель РВС К.А. Мехоношин телеграфировал 1 апреля главкому И.И. Вацетису с копией Троцкому: «Жданов совершенно не справляется [с] работой, его решения и планы меняются каждый день, противоречат один другому, вмешиваясь в мелочи формирования дивизий, он мешает работать начдиву 33[-й] дивизии [П.К.] Мармузову, опытному военному специалисту, и упускает организацию армейских органов и самого штаба. Совершенно нельзя допустить Жданова, слишком безличного, хотя и весьма преданного и честнейшего человека, к управлению отдельной армией. Под чьим-либо непосредственным руководством он, быть может, сможет командовать одной из армий фронта, имея частые и точные директивы, как исполнитель Жданов окажется удовлетворителен»¹⁴⁴.

Вместе с тем Мехоношин не подозревал командарма в нелояльности. Наоборот, по итогам событий апреля–мая 1919 г. он скорее считал изменниками самого главкома И.И. Вацетиса, лишившего армию дивизий и дальними перебросками разрушившего соединения, а также Полевой штаб РВСР. По мнению Мехоношина, «с армией продельваются недопустимые эксперименты, граничащие или с тупым канцелярским бюрократизмом, или с прямой изменой»¹⁴⁵. Более того, Мехоношин свидетельствовал о наличии «прямой белогвардейской работы технического аппарата Полевого штаба»¹⁴⁶. В другом месте того же доклада он отмечал: «Ясно чувствовалось прямое предательство Полевого штаба ... манипуляции с неверными сведениями, которые продельвались главкомом в различных телеграммах, были лишь стремлением скрыть от Совета обороны действительное положение на фронте»¹⁴⁷.

Сам Жданов подробнее всего рассказывал белым о своей работе по срыву формирования 33-й стрелковой дивизии. Попробуем сопоставить его показания с подлинными оперативными документами, чтобы выяснить, имел ли место саботаж. Приказ сформировать 33-ю и 34-ю стрелковые и 7-ю кавалерийскую дивизии Жданов получил еще в конце марта 1919 г. Член РВС 11-й армии К.А. Мехоношин

---

¹⁴³ Там же. С. 186–187.

¹⁴⁴ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 442.

¹⁴⁵ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 33. Л. 60б.

¹⁴⁶ Там же. Л. 40б.

¹⁴⁷ Там же. Л. 20б.

планировал силами 33-й дивизии наступать на Петровск и Грозный, занятие которых открывало доступ к нефтяным месторождениям, поскольку Советская Россия переживала нефтяной кризис¹⁴⁸. Жданов располагал агентурными данными о том, что Чечня в это время была охвачена восстанием, а казачьи части стягивались с Восточного Кавказа на Западный. Таким образом, наступление силами дивизии на Грозный могло принести успех и было крайне опасным для белых. Для срыва операции Жданов решил провести одновременное формирование сразу трех дивизий, как того и требовал главком¹⁴⁹. В результате ни одна из них не была сформирована в удобное для наступления время, и момент был упущен. Более того, 34-я дивизия не была сформирована вплоть до июня 1919 г.

Ухудшение положения красных на Восточном фронте в результате наступления колчаковских армий, а затем ухудшение на Южном фронте вследствие консолидации антибольшевистских сил и казачьих восстаний привели к необходимости переброски войск. Поскольку обстановка менялась, директивы из центра тоже менялись. Разумеется, перемены директив вели к неразберихе и могли использоваться в целях саботажа.

Еще 9 апреля главком И.И. Вацетис приказал Жданову и командующему флотилией С.Е. Саксу готовить транспорты для перевозки войск по воде¹⁵⁰. 11 апреля 1919 г. главкому И.И. Вацетису были представлены соображения о передаче частей 33-й и 34-й стрелковых дивизий на усиление 10-й армии (очевидно, в связи с активизацией казачьего повстанчества на Дону). Началась полудетективная история их переброски, затянувшаяся почти на два месяца. Рассмотрим эти события детально.

По данным на 13 апреля, в формировавшейся 34-й дивизии было неблагоприятное санитарное состояние личного состава¹⁵¹. В середине апреля начальнику дивизии было предписано приступить к формированию управления дивизии и штаба бригады¹⁵². Армия готовилась к крупным сухопутным и морским операциям на Петровск и Гурьев.

По всей видимости, Ставка не имела определенного взгляда на использование 11-й армии. Поступавшие распоряжения не отличались

---

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 48об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 49.

¹⁵⁰ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 131. Л. 13.

¹⁵¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 3об.

¹⁵² Там же. Л. 4об.

продуманностью. Так, 16 апреля начальник Полевого штаба приказал готовить десантную операцию к Святому Кресту¹⁵³, однако затем из армии стали активно изымать войска. 19 апреля штаб боевого участка был переформирован в штаб 7-й кавалерийской дивизии. В тот же день была получена телеграмма Ставки о предстоящей отправке наиболее сильной, 33-й дивизии, на Южный или Восточный фронты¹⁵⁴.

19 апреля начальник Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяев телеграфировал Жданову: «Тридцать третья дивизия в полном составе и бригада кавалерии должны быть готовы ... не позже двадцать пятого сего апреля. Все эти части подлежат переброске в район Самары. Срочно примите меры к приведению этих частей в полную боеспособность»¹⁵⁵.

Наконец, 20 апреля поступило распоряжение привести к 25 апреля в полную боеспособность 33-ю стрелковую дивизию и бригаду кавалерии для переброски на Южный или Восточный фронты, был объявлен приказ по армии о спешном формировании штабов, учреждений и частей 33-й дивизии¹⁵⁶. Тогда же пришло новое распоряжение центра – главком И.И. Вацетис приказал срочно направить 33-ю стрелковую дивизию и бригаду 7-й кавалерийской дивизии на Восточный фронт юго-восточнее станции Урбах. Главком телеграфировал Жданову: «20 апреля 1919 года оперативная немедленно направьте тридцать третья дивизию в полном составе и одну бригаду седьмой кав[алерийской] дивизии на Вост[очный] фронт. Район сосредоточения указанных частей на Вост[очном] фронте Титовка – Михайловка – Ивановка – Константиновка. Движение от Астрахани до Николаевска, до района сосредоточения, походным порядком. По прибытии, в районе сосредоточения названные части поступают в резерв главкома, но продовольствие и все снабжение возлагается на Вост[очный] фронт. Одинадцатой армии снабдить перебрасываемые части продовольствием на все время движения как по железной дороге, так и походным порядком. Квартирьеров в район сосредоточения выслать по получении сего. Переброска должна начаться не позже 25 апреля весьма экстренным порядком. № 1795/оп. Главком Вацетис, член РВСР Аралов»¹⁵⁷. По всей видимости, телеграмма содержала несколько ошибок или умышленных

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 87. Л. 7.

¹⁵⁵ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 78.

¹⁵⁶ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 5.

¹⁵⁷ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 21.

искажений, так как от Астрахани практически до Саратова войска не могли добраться походным порядком. Очевидно, предполагалось следование таким порядком от района сосредоточения. Кроме того, из текста телеграммы следовало, что районом сосредоточения мог быть как Николаевск, так и район указанных деревень (в треугольнике Урбах – Красный Кут – Мокроус). Возможно, речь шла о преднамеренной диверсии на телеграфе.

Расследовавший позднее обстоятельства переброски дивизии генштабист Г.К. Корольков отмечал: «Обращает на себя внимание, что все делалось помимо нач[альника] штаба армии (т. [И.Ф.] Шарскова) и оперативного управления, т.е. как бы их и не было. Названные телеграммы, судя по отметкам, попали в оперативное управление лишь 3 мая. Такой порядок нельзя признать н о р м а л ь н ы м, а такая система должна печально отражаться на делопроизводстве и вредить делу»¹⁵⁸.

21 апреля состоялось собрание командиров и комиссаров частей дивизии для обсуждения отправки и размещения дивизии в треугольнике Урбах – Красный Кут – Мокроус¹⁵⁹. Тогда же в этот район выехали квартирьеры. Расследовавший обстоятельства переброски генштабист Корольков считал этот район неверным (что, на наш взгляд, не стыкуется с телеграммой Вацетиса, где этот район как раз был обозначен), однако, по его мнению, в итоге ошибка сыграла благоприятную роль: «Неправильно понятый район сосредоточения дивизии на этот раз вместо вредных последствий принес некоторую пользу, так как 2-я бригада высаживалась в районе Урбаха в то время, когда противник подходил к Мало-Узенску. Эту ошибку по отношению 2-й бригады пришлось исправлять 4-й армии, а ЦУПВОСО пришлось принять ряд энергичных мер, чтобы с остальными частями дивизии не повторилась выгрузка в районе Урбаха»¹⁶⁰. Сам Жданов показывал белым 6 (19) сентября 1919 г.: «В мае или апреле 1919 г. к востоку от железной дороги Саратов – Астрахань, восточнее Красного Кута появилась (высаженная из вагонов) бригада пехоты, а затем опять уехала (здесь и далее подчеркнуто представителем следствия красным карандашом. – А.Г.). Эту бригаду я, командир 11 [–й] (советской армии), заслал в сторону от направления движения корпуса генерала [С.Г.] Улагая, тогда как

¹⁵⁸ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 87. Л. 7–7об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 7об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 9.

приказано было послать ее по Волге водой»¹⁶¹. Из этого свидетельства Жданова видно, что он искажил события, пытаясь себя представить саботажником. В действительности бригада и получила приказание прибыть в указанный район. Значит ли это, что и остальные показания Жданова о подпольной работе ложны – еще предстоит установить.

В тот же день, 21 апреля, Вацетис предписал в кратчайший срок выполнить постановление Совета обороны о захвате нефти в районе Гурьева. На следующий день, 22 апреля, части РККА взяли Черный Рынок. Лишь 23 апреля был затребован подвижной состав для переброски 33-й стрелковой дивизии. 27 апреля главком распорядился безотлагательно приступить к переброске 33-й стрелковой дивизии и бригады 7-й кавалерийской дивизии на Восточный фронт¹⁶². В тот же день было расформировано управление делами РВС 11-й армии, организован секретариат. Бывший управляющий делами Баландин назначен главным политическим комиссаром. Впрочем, Жданов отмечал, что этот комиссар мнил себя знатоком, хотя ничего не понимал в военном деле и был неопасен¹⁶³.

Переброска 2-й бригады 33-й дивизии на станцию Урбах Рязано-Уральской железной дороги началась в соответствии с указанием главкома 25 апреля¹⁶⁴. Первоначально войска двигались по железной дороге. К отправке предназначались 16 000 красноармейцев, 3500 лошадей, 44 орудия, 360 пулеметов, 30 зарядных ящиков, 120 повозок. Для этого требовалось 1050 вагонов, но такого количества подвижного состава в Астрахани не было, и на быструю переброску рассчитывать не приходилось. В результате было намечено отправить 22 эшелона по два в день. Отправка должна была, таким образом, продолжаться по 5 мая. Один вагон выделялся на 32 человека и 8 лошадей, перед посадкой проводилась дезинфекция¹⁶⁵. По уточненным данным, в дивизии на 25 апреля 1919 г. значились 18 321 человек, 3844 лошади, 1149 повозок, 44 орудия, 10 зарядных ящиков, 19 автомобилей. В трех бригадах значилось 6725, 3903 и 1871 человек соответственно. Дивизия имела три легких артдивизиона по 12 орудий каждый, тяжелый 6-дюймовый артиллерийский дивизион из 4 орудий, 48-линейный гаубичный диви-

---

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 55–55об.

¹⁶² РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 6об.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 32об.

¹⁶⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 384. Л. 83об.

¹⁶⁵ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 4.

зион из 4 орудий, 6 аэропланов (36-й авиаотряд), 10 броневтомобилей, и 4 мотоцикла (33-й автобронеполк), инженерный батальон и батальон связи¹⁶⁶. В период с 25 по 29 апреля на Урбах ушли 10 эшелонов¹⁶⁷, т.е. отправка производилась по принятому в Астрахани графику. Третья бригада отправлялась на станцию Красный Кут. Идея переброски водой якобы принадлежала штабу дивизии¹⁶⁸, однако вопрос об этом некоторое время оставался в подвешенном состоянии¹⁶⁹.

После окончания отправки 2-й бригады 28 апреля дальнейшая погрузка прекратилась, более того, начдив разработал план оставления в Астрахани 15 рот от всех бригад дивизии для формирования 34-й дивизии. Об этом было получено словесное распоряжение штаба армии, причем начальник штаба армии заявлял, что это указание штаба армии, а командарм считал это инициативой начдива 33-й Мармузова, который намечался на пост начальника 34-й дивизии¹⁷⁰.

28 апреля красные оставили Черный Рынок под натиском превосходных сил противника. Начальник штаба армии Шарсков сдал должность Е.Н. Ригельману и уехал в штаб 33-й дивизии. Вместе с тем 26 апреля в распоряжение командующего армией на должность начальника штаба прибыл бывший временно исполняющий должность военрука Московского окружного комиссариата по военным делам и начальник штаба Московского военного округа генштабист А.Ф. Кадошников, по всей видимости, ранее служивший со Ждановым. Временно исполняющий должность начальника 34-й дивизии А.С. Смирнов получил назначение начальником гарнизона Астрахани. Жданов в этот день отдавал распоряжения о снабжении 34-й дивизии обмундированием, обувью и оружием¹⁷¹.

29 апреля состоялся разговор Жданова с Вацетисом по прямому проводу. Жданов сообщил о получении утром 28 апреля телеграммы Костяева № 1938/оп от 27 апреля о безотлагательной переброске на Восточный фронт 33-й дивизии и бригады 7-й кавалерийской дивизии и о срочном донесении, на каком основании дано противоположное распоряжение. Жданов заявил: «Побеспокоил Вас лично, чтобы доло-

¹⁶⁶ Там же. Л. 12.

¹⁶⁷ Там же. Л. 39.

¹⁶⁸ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 384. Л. 84.

¹⁶⁹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 38об.

¹⁷⁰ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 87. Л. 8.

¹⁷¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 131. Л. 24.

жить, что означенная телеграмма Ф.[В.] Костяева есть плод какого-то недоразумения»¹⁷². Жданов заверил главкома, что уже 25 апреля в армии приступили к выполнению приказа, так как начдив донес, что из Астрахани отправлено 4000 штыков при 12 легких орудиях. Командарм просил отправить из армии только бригаду 33-й дивизии, а прочие части и бригаду 7-й кавалерийской дивизии оставить. В противном случае армия лишалась воинских частей, а 34-я дивизия еще только формировалась (в наличии имелись 3000 красноармейцев с разнообразным вооружением, плохо обмундированных, в основном выздоравливающих, формирование шло медленно из-за отсутствия лошадей, упряжи и обоза). Жданов также заявил Вацетису о благоприятной обстановке на Кавказе для овладения всем краем и о важности захвата Гурьева¹⁷³. Однако, несмотря на эти просьбы, главком подтвердил необходимость переброски всей 33-й дивизии в указанный район. Вацетис отметил, что свои собственные задачи 11-я армия должна решать постепенно по мере формирования 34-й дивизии¹⁷⁴.

1 мая состоялся разговор по прямому проводу между Ждановым и начальником Полевого штаба Костяевым, который интересовался, почему прекращена погрузка войск и почему части не отправляют по Волге. Командарм ответил, что погрузка продолжается (что, по мнению проводившего расследование тех событий генштабиста Королькова, не соответствовало действительности) и что 2 мая отправятся пять пароходов с двумя баржами каждый (в итоге отправили три парохода и четыре баржи)¹⁷⁵.

Вечером 1 мая Жданов направил главкому соображения о том, что в связи с переброской на Восточный фронт 33-й дивизии в его распоряжении не останется войск для намеченных сухопутных и морских операций. Командарм телеграфировал: «Получили Ваше последнее указание по прямому проводу, изменяющее телеграмму № 1844/оп и требующее отправки всей 33[-й] дивизии [в] полном составе, что и исполняется, докладываю, что одиннадцатая армия остается без войск и до получения обещанных Вами пополнений вооружения и всего необходимого для снабжения 34[-й] дивизии, ибо все отдано в 33[-ю] дивизию, я не имею возможности: 1. Приступить к дальнейшему раз-

¹⁷² РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 11.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 7.

¹⁷⁵ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 87. Л. 8.

витию операции на Черный Рынок – Святой Крест, а также и Гурьев, подготовительные работы которого уже начаты и частично выполнены. 2. Необходимо Ваше указание Каспийской флотилии, занявшей Форт Александровский и начавшей операции на Петровск, ввиду того, что с уходом 33[-й] стрелковой дивизии главная база флота и единственный его тыл Астрахань не обеспечена и кроме десантного отряда [в] четырехста человек, предназначенных для захвата Петровска и находящегося в море для совместных действий с флотом, дать ничего не можем, между тем как вслед¹⁷⁶ за захватом Петровска в целях закрепления этого района надлежит немедленно же направлять туда войска»¹⁷⁷.

К 1 мая 1919 г. в армии оставалось всего 5787 штыков, 1655 сабель, 284 пулемета, 28 орудий, 6 бомбометов и минометов, 6 аэропланов, аэростат, 5 броневедомостей, бронепоезд, 4968 лошадей, 14 704 человека¹⁷⁸. Между тем 2 мая флот занял Форт Александровский. Тогда же в РВСР с копиями В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому председателем РВС 11-й армии Мехоношиным были направлены соображения о крайне затруднительном для 11-й армии положении в связи с переброской 33-й дивизии и с промедлением в пополнении людьми и снаряжением сформировавшейся 34-й дивизии¹⁷⁹.

Мехоношин с тревогой телеграфировал: «С отправкой 33[-й] дивизии происходит какое-то страшное недоразумение, выяснить которое нужно немедленно, ибо, выполняя [в] точности приказ главкома, мы через несколько дней оставим фронт армии без войск и вынуждены будем 1. прекратить все операции на Черный Рынок и Кизляр, 2. отказать от захвата Гурьева и Ракуши, где есть нефть, 3. поставить флот в безвыходное положение, т.к. кроме уже отправленного десантного отряда в 400 человек для захвата Петровска мы не только не сможем дать войска для удержания Петровска и обороны базы флота, но даже единственный тыл и главную базу флота Астрахань оставили без достаточной охраны. Между тем как почти все подготовительные работы для всех операций закончены и начато уже выполнение поставленной армии главной задачи добыть нефть. Недоразумение заключается [в] следующем. 1. При определении численности войск, подлежащих отправке [на] Вост[очный] фронт, без ущерба XI армии нельзя целиком

¹⁷⁶ В документе ошибочно – всему.

¹⁷⁷ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 5.

¹⁷⁸ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 8.

¹⁷⁹ Там же. Л. 8об.

исходить из предложения Реввоенсовета тел[еграмма] № 62/сек, т.к. подкрепление 10[-й] армии означает¹⁸⁰ участие их в операции на Кавказ и до некоторой степени обеспечение своевременное приближение (так в документе. – А.Г.) Красной армии к Каспию и тем самым облегчало действия на побережье и, соответственно, сокращало численность этих войск. 2. Расчет на возможность быстрого формирования 34[-й] дивизии строился на обещанных пополнениях маршевыми ротами так же, как предполагалось укомплектование 33[-й] дивизии до полного состава, между тем как пополнение, так и снабжение до сих пор не получено, поэтому и теперь возможность сформирования 34[-й] дивизии ничем не обеспечена и заменить собой части 33[-й] дивизии для действий на побережье десантов не может. 3. Главком[ом] [в] телеграмме № 1844 от 22 апреля в ответ на вопрос, какие части должны остаться [в] XI армии, указывается, что отправка 33[-й] дивизии должна находиться [в] строгом соответствии [с] остающимися частями и к моменту окончания отправки в XI армии должны остаться вполне боеспособные части 34[-й] дивизии, также указывается, что принятая в происходящих операциях группировка войск не должна нарушаться и подлежащие отправке части предварительно надлежит заменить вновь сформированными, что по изложенным вновь причинам не представляется возможным; переданная же по прямому проводу генштаба [В.К.] Токаревским резолюция главкома от 29 апреля указывает, что следует развивать операции лишь постепенно, по мере заканчивания формирования 34[-й] дивизии. 4. Телеграмма 1844 от 23 апреля давала возможность оставления в XI армии некоторого минимального количества войск, последующие же телеграммы вновь ставят армию [в] безвыходное положение. Еще раз подтверждая точное исполнение приказа главкома, выразившееся в отправке 33[-й] дивизии в указанный срок именно 25 апреля и что ни малейшей задержки в отправке не может быть допущено и к указанному сроку 10 мая вся дивизия будет переброшена в район сосредоточения, в то же время ставлю [в] известность, что вообще отправка дивизии отвлекла нас как раз в момент начала действий и неизбежно нарушила наш план, отсутствие же точности в распоряжении Полевого штаба ставит армию в совершенно невозможное положение и служит основанием для обвинений нас в бездеятельности. Положение сейчас таково.

---

¹⁸⁰ В документе - означают.

1. Флот начал операции, заняв Форт Александровский, столь важную базу и стратегический пункт, и приступает к движению на Петровск, десантный отряд уже в море. 2. Установленная связь с Петровском и Баку позволяет координировать действия нашим организациям, политическое положение [в] Баку и Дагестане требует немедленного нашего наступления, к которому мы и приступили. 3. Подготовка движения на Кизляр обязывала и давала возможность немедленно развить операции [на] этом направлении, к чему и было приступлено. Вполне сознавая необходимость подкрепления [на] Вост[очном] фронте, тем более что положение его правого фланга ставит прямую задачу перед XI армией, в то же время необходимо совершенно оставить в XI армии часть 33[-й] дивизии, именно первую бригаду, специально подобранную [по] личному своему составу и подготовленную для десантных дивизий для выполнения поставленных ей задач. Ответ должен быть исчерпывающим по своему содержанию и исключающим возможность разных толкований, т. к. при нашем понимании предыдущих распоряжений и точного исполнения одиннадцатая армия фактически перестанет существовать»¹⁸¹. Таким образом, решения центра срывали готовившиеся операции на Каспии.

В связи с сигналом от Мехоношина в дело вмешался В.И. Ленин, телеграфировавший Э.М. Склянскому 2 мая: «Это **очень** важно; надо *оставить* им часть 33[-й] дивизии и *немедленно* добиться *архиточной* телеграммы об этом от Вацетиса в Астрахань»¹⁸². Под таким давлением Вацетису ничего не оставалось, как пойти на уступки. 2 мая он разрешил временно оставить в распоряжении командарма один полк 33-й дивизии (это распоряжение Вацетис письменно подтвердил 6 мая¹⁸³), но при этом срочно продолжать переброску всех остальных частей дивизии и конную бригаду в назначенный район. Кроме того, главком подтвердил необходимость принять все меры для ускорения формирования 34-й дивизии и прочих частей¹⁸⁴. 2 мая Жданов отдал приказ отправить по Волге конницу, авиационные и бронеполки¹⁸⁵.

¹⁸¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 7–7об. Также см.: РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 7. В советское время документ публиковался в искаженном виде, см.: Ленинский сборник. М., 1942. Т. 34. С. 127–128.

¹⁸² Ленин В.И. Военная переписка 1917–1922 гг. М., 1987. С. 134.

¹⁸³ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 9об.

¹⁸⁴ Там же. Л. 8об.; Д. 84. Л. 29.

¹⁸⁵ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 8.

3 мая руководство 11-й армии продолжило продавливать свои предложения. Жданов сообщал тогда Костяеву, что «за уходом 33[-й] стрелковой дивизии и бригады 7[-й] кавалерийской дивизии, в моем распоряжении в настоящее время не остается ни одной войсковой части; рассчитывать же на формирование частей в ближайшее время нет никаких оснований, так как центр не присылает ни пополнений, ни предметов снабжения»¹⁸⁶. В армии оставались формировавшаяся 34-я дивизия, Калмыцкая дивизия, бригада Д. П. Жлобы и железнодорожный полк. Всего 4141 штык, 1421 сабля, 162 пулемета, 18 орудий, 2 бомбомета и миномет¹⁸⁷. Жданов просил оставить в армии 1-ю бригаду 33-й дивизии и 7-ю кавалерийскую дивизию¹⁸⁸, однако главком на это не согласился.

4 мая главком предписал ввиду временного ослабления состава 11-й армии впредь до приведения в боевую готовность ее частей, необходимых для выполнения операции в районе Петровск – Кизляр – Величавое, держать связь с левым флангом 10-й армии и наблюдать пространство между западным берегом Каспийского моря и левым флангом 10-й армии. Боевые задачи на побережье предписывалось выполнять во взаимодействии с Каспийской флотилией. Главком подтвердил необходимость срочно вести формирование 34-й дивизии, затребовав необходимое вооружение и снаряжение из 10-й армии¹⁸⁹. В тот же день части армии заняли, а затем оставили Величавое. Того же 4 мая член РВС армии Мехоношин потребовал от Жданова срочно разработать план действий 11-й армии для выполнения операций на Гурьев, Кизляр и Грозный, развития петровской операции и операции на Баку. Требовалось составить два варианта плана – из оценки операции и из имеющегося минимума сил. Таким образом, задача занятия Баку рассматривалась уже в мае 1919 г.¹⁹⁰ Тогда же генштабист Корольков, состоявший при Мехоношине, составил доклад о мерах для проведения гурьевской операции по содействию 4-й армии Восточного фронта¹⁹¹.

Далее, вследствие перемены приказа главкома, а также нарушений в отправке дивизии началась путаница и неразбериха. 5 мая Вацетис

---

¹⁸⁶ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 21.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же. Л. 21об.

¹⁸⁹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 9.

¹⁹⁰ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 112.

¹⁹¹ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 25–25об.

приказал 3-ю бригаду 33-й дивизии, следующую Волгой (по мнению Ставки) до Самары (считалась отправленной на паротеплоходе «Мария» 4 мая¹⁹²), направить в распоряжение командующего Южным фронтом¹⁹³. В тот же день начальник оперативного управления штаба армии Е.Н. Ригельман сообщил начальнику 33-й дивизии: «Командарм приказал перемену маршрута обязательно исполнить»¹⁹⁴. Как выяснилось, бригада была отправлена по железной дороге.

5 мая главком приказал остановить эшелоны 3-й бригады в Саратове и направить их вместо прежнего пункта назначения на станцию Миллерово с последующей передачей в распоряжение командующего Южным фронтом¹⁹⁵. 6 мая начальник военных сообщений 11-й армии Еременко телеграфировал начальнику Полевого штаба Костяеву, а также представителю ЦУПВОСО в Серпухове Андрееву об аннулировании перевозки 33-й дивизии на Восточный фронт¹⁹⁶. Между тем отправка дивизии из Астрахани к 8 мая была закончена, город покинул последний эшелон, а с 7 мая дивизия была исключена из состава 11-й армии¹⁹⁷. По Волге отправлены управление дивизии, три легких артдивизиона, 6-дюймовая тяжелая батарея, 48-линейная гаубичная батарея, конница, инженерный батальон, 33-й автоброневой и 36-й авиационный отряды, транспорты и тыловые учреждения дивизии. Прочие части перебрасывались по железной дороге (одна стрелковая бригада до Покровска и две – до Николаевска). Всего было отправлено 15 150 красноармейцев, 4829 лошадей, 36 легких орудий, 4 тяжелых пушки и 4 гаубицы, 298 пулеметов, бомбомет, 4 броневики, 8 аэропланов¹⁹⁸.

6 мая центр запрашивал данные для доклада начальнику Полевого штаба. Курсовик Ю.И. Григорьев выяснял, сколько полков бригады 33-й дивизии направлено по Волге и где они находятся, произведена ли погрузка другой бригады без одного полка на станцию Урбах. Как выяснилось, бригада была направлена на Николаевск в распоряжение Восточного фронта для дальнейшего движения на Самару, но

¹⁹² РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 69.

¹⁹³ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 9.

¹⁹⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 77.

¹⁹⁵ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 82, 88.

¹⁹⁶ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 77.

¹⁹⁷ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 42.

¹⁹⁸ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 79.

ошибочно высажена на станции Мокроус. Ошибка произошла якобы из-за совпадения названий пунктов расположения этой бригады¹⁹⁹ и была исправлена.

В дальнейшем историю с высадкой на станции Мокроус расследовал Реввоентрибунал 4-й армии. Через месяц после этих событий, 8 июня 1919 г., председатель Реввоентрибунала 4-й армии телеграфировал начальнику военных сообщений 11-й армии: «Прошу немедленно ответить на телеграммы [председателя военного трибунала] Юж[ной] группы Жилинского № 2888 и 3210: Что Вами было предпринято по выполнении приказа главкома о переброске 33[-й] див[изии] из Астрахани в Николаевск, чьим распоряжением див[изия] высажена в Мокроусе. Ответ направить в реввоентрибунал 4[-й] армии. Срочности требует Реввоенсовет республики № 820. Предвоентрибунала 4 Эльтман»²⁰⁰. Однако расследование ничего не дало, так как лицо, отдавшее приказ о высадке, установлено не было, а перевозка осуществлялась по требованиям командования²⁰¹. Таким образом, это могла быть как случайная несогласованность, так и саботаж.

Тем временем 6 мая начальник штаба армии потребовал от начальника 33-й дивизии направить одну бригаду на Саратов и далее на Миллерово²⁰², передав телеграмму Костяева от 5 мая: «Бригаду 33[-й] дивизии, следующую Волгой до Самары, главком приказал остановить [в] Саратове, оттуда жел[езной] дорогой направить на Миллерово и далее [в] распоряжение командюж Гиттиса. Своевременность выгрузки караванов в Саратове возлагается на ЦУПВОСО и штаб Вост[очного] фронта»²⁰³.

6 мая в оперативное отделение штаба 11-й армии поступили данные из управления начальника военных сообщений армии о том, что все стрелковые полки, кроме 289-го и 297-го, временно оставленных в Астрахани до особого распоряжения, отправлены. По Волге на пяти паротеплоходах и 15 баржах при 7 буксирных пароходах отправлены вспомогательные технические части: 6-дюймовая гаубичная батарея, 33-й автобронеполк, 36-й авиаотряд, инженерный батальон, санчасть, 33-й отдельный кавалерийский дивизион, 48-линейная гаубичная батарея. Головная часть этих сил уже должна была достигнуть Камышина.

---

¹⁹⁹ Там же. Л. 34.

²⁰⁰ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 178.

²⁰¹ Там же. Л. 179.

²⁰² РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 85. Л. 26.

²⁰³ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 22; Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 26.

Начдив перемещался в Саратов на пароходе «Раскольников». В переброске войск были задействованы пароходы «Большевик», «Луч», «Красноармеец», «Мария», «Саруханы», «Кулибин», «Бурят», «Чернигов», «Рубин», «Комета», «Посланник» и «Крепыш»²⁰⁴.

Первый эшелон полков находился на станции Мокроу и, возможно, следовал по железной дороге на Николаевск²⁰⁵. В Полевой штаб РВСР в Серпухов Вацетису сообщили, что в район Самары выступил последний эшелон 1-й бригады, а 3-я бригада проследовала через Урбах – Николаевск. Неправильно высаженную на станции Урбах бригаду перебрасывали второй день в Николаевск²⁰⁶.

Начальник ЦУПВОСО М.М. Аржанов еще 1 мая приказал перебросить бригаду 33-й дивизии по Волге²⁰⁷. А командарм Жданов распорядился провести дознание по содержанию телеграммы Вацетиса № 2196²⁰⁸. Однако ни одна из бригад по Волге отправлена не была, поскольку указания шли не напрямую командарму Жданову, а через ЦУПВОСО. Телеграмма от начальника штаба армии попала к начальнику военных сообщений. В итоге начальник дивизии требовал подвижной состав, а начальник военных сообщений армии готовил баржи и пароходы. Водным путем отправились только вспомогательные части и 7 мая штаб дивизии. Части были направлены в район Красный Кут – Ершов – Покровск. Однако для направления их на станцию Миллерово требовалось перебросить войска с левого берега Волги через Саратов – Ртищево – Балашов – Поворино – Лиски²⁰⁹.

Обстоятельность переписки по поводу отправки 33-й дивизии, казалось бы, не дает повода усомниться в добросовестности командования 11-й армии. Дивизия насчитывала 12 159 человек, 2847 лошадей, 41 верблюда, 836 повозок, 4 мотоцикла, 10 автомобилей, 16 орудий²¹⁰. В другом документе, однако, было указано о наличии в дивизии только 2795 человек, 713 лошадей, 41 верблюда, 119 голов рогатого скота, 204 повозок, 7 автомобилей, 6 орудий²¹¹. Численность 3-й бригады дивизии

²⁰⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 70.

²⁰⁵ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 37.

²⁰⁶ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 129. Л. 4.

²⁰⁷ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 70.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 384. Л. 51об.

²¹⁰ Там же. Л. 85.

²¹¹ Там же. Л. 36об.

резко сократилась вследствие тифа. Бригада была сведена в полк, а затем в батальон²¹², позднее вошедший в полк 34-й дивизии. Имущество терялось и при отправке эшелонов. Согласно рапорту коменданта станции Астрахань-1 начальнику дивизии с копией в РВС 11-й армии от 6 мая 1919 г., эшелон 290-го полка открыл пулеметный огонь при отходе со станции и в ее пределах. По отходе эшелона на станции были подобраны 4 патронташа с 210 патронами, ящик с патронами, два ящика с артиллерийскими принадлежностями и один снаряд. Все имущество доставлено в ЧК²¹³. При погрузке 1-й бригады дивизии 6 мая было замечено много женщин, грузили предметы небоевого назначения, наблюдалась неорганизованность²¹⁴.

7 мая была объявлена телеграмма председателя РВСР Л.Д. Троцкого о назначении новых членов РВС 11-й армии (И.С. Кизельштейна, С.М. Кирова и С.П. Медведева). На следующий день был объявлен боевой приказ № 005/оп по войскам и флоту армии о задаче армии поддерживать связь с 10-й армией и наблюдать пространство между Каспием и левым флангом 10-й армии. Задачу овладеть районом Петровск – Кизляр – Величавое – Гурьев требовалось выполнять совместно с флотом²¹⁵. На рейде Форта Александровского находился десант для направления в Петровск.

8 мая произошел разговор между Ждановым и начальником Полевого штаба Костяевым: «Костяев: Здравствуйте, Николай Александрович! Сейчас получена телеграмма от начвосо XI²¹⁶, [в] которой указывается, что перевозка 33[-й] дивизии аннулируется, ибо ей будет дано другое назначение. Такой телеграммы от Полевого штаба никогда не исходило, и я прошу немедленно произвести строжайшее расследование, на каком основании начвосо XI дал такую телеграмму. Кроме того, немедленно мне сообщите, сколько полков идет водою и сколько перебрасывается и переброшено по ж[елезной] д[ороге], так как тут тоже какая-то путаница, ибо мне сообщили, что водою перебрасывается две бригады. На самом деле должна водою перебрасываться лишь одна бригада. Главком приказал немедленно прибыть бывшему начальнику 33[-й] дивизии в Серпухов. Вообще должен заметить, что

²¹² Там же. Л. 96.

²¹³ Там же. Л. 93.

²¹⁴ Там же. Л. 94.

²¹⁵ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 9об.

²¹⁶ Т.е. от начальника военных сообщений 11-й армии.

работа штаба XI армии заставляет желать много лучшего. Этот штаб совершенно [Полевой] штаб не держит [в] курсе о проведении в жизнь наших заданий, и мы с большим трудом принуждены требовать нужные сведения. Пока все. Костяев.

Жданов: Здравствуйте, Федор Васильевич! Это для меня новость. Перевозку никто не отменял. Сейчас пришлю исчерпывающие телеграммы. Все.

Костяев: Ждем»²¹⁷.

К полноценному расследованию неясных обстоятельств переброски дивизии подключился и начальник ЦУПВОСО М.М. Аржанов, известный своим крутым нравом²¹⁸, что не замедлило отразиться на оперативных документах. Материалы расследования докладывались главкому. 8 мая Аржанов обратился к начальнику военных сообщений 11-й армии:

«Записка

Я начальник военных сообщений республики Аржанов. Позовите к аппарату начвосо 11 [-й] армии и передайте ему следующее: 8 мая 20 часов 2 минуты Москва. Приказываю объяснить, почему Вы дали начальнику Полевого штаба депешу об аннулировании важных перевозок тридцать третьей дивизии, не адресовав ее копии мне. Кто Вам дал право аннулировать, то есть отменять перевозки? Отчего я не получаю от Вас никаких докладов о ходе перевозок, тогда как Вы обязаны это делать сами без напоминаний. Доложите немедленно, какая бригада по номеру пошла водой и какая сухим путем. Сколько пошло по воде – одна или две, если пошла одна по воде и одна по железной дороге, то согласно депеши главкома сего числа № 2150/оп [в] распоряжение командюж должно быть направлено две бригады. Предлагаю ежедневно к полуночи докладывать мне о количестве отправленных эшелонов за сутки как по жел[езной] дороге, так и водой. Ответственность за доклад возлагаю персонально на Вас. Независимо [от] всего телеграфируйте мне Ваш служебный стаж до занятия должности За²¹⁹ 11. Первый доклад ожидаю сегодня. Зр²²⁰ Аржанов»²²¹.

²¹⁷ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 73–76.

²¹⁸ Подробнее см.: Ганин А.В. Незаменимый коррупционер. Страницы биографии главного военного железнодорожника Советской России // Родина. 2012. № 3. С. 110–116.

²¹⁹ Обозначение должности начальника военных сообщений армии.

²²⁰ Обозначение должности начальника военных сообщений республики.

²²¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 384. Л. 69–73.

В тот же день с бригадами 33-й дивизии были направлены по дивизиону артиллерии и средства связи²²². Между тем армейское начальство жаловалось на нехватку имущества для развертывания армии²²³. С задачей 33-й дивизии армия теряла и ценное инженерное имущество, поскольку почти все инженерные силы были сосредоточены в этой дивизии. По сути, армия лишалась инженеров. В результате в апреле была предпринята попытка оставить в армии хотя бы саперную роту для 34-й дивизии²²⁴. Подобные действия, направленные на сохранение боеспособности армии, вполне могли выглядеть со стороны как саботаж и невыполнение приказов.

8–9 мая Вацетис потребовал переброски в распоряжение командующего Южным фронтом уже двух бригад 33-й дивизии. Их предписывалось перебросить по Волге и высадить в Царицыне, а далее направить по железной дороге через Поворино – Лиски на станцию Миллерово.

8 мая Жданов телеграфировал в Серпухов о результатах собственного расследования: «Произведенное мною расследование показало, что начвосо 11 Еременко была действительно 6 сего мая отправлена телеграмма № 44, [с] сообщением, что все распоряжения по перевозке 33[-й] дивизии [в] район Восточного фронта Николаевск и Самара аннулируются. Еременко [в] служебной командировке, по прибытии его будет произведено расследование. Что бы ни дало это расследование, сообщаю Вам, что отправка 33[-й] дивизии из Астрахани закончена и произведена следующим порядком: Волгой отправлены управления дивизии, 3 легких артиллерийских дивизиона, 6-дюймовая тяжелая, 48-линейная гаубичная батарея, конница, инженерный батальон, 33[-й] автоброневой и 36[-й] авиационный отряды, транспорты и тыловые учреждения дивизии. Прочие части дивизии отправлены железной дорогой – одна стрелковая бригада до Покровска, а прочие 2 до Николаевска: 290[-й], 291[-й] стрелковые полки, саперная рота 1[-й] бригады и рота связи той же бригады, 292, 293, 294[-й] стрелковые полки, саперная рота 2[-й] бригады, рота связи и полевой склад той же бригады, 295[-й], 296[-й] стрелковые полки, рота связи той же бригады и ружейный²²⁵ пулеметный парк той же бригады, итого отправлено 15 150

---

²²² РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 30.

²²³ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 129. Л. 6.

²²⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 237. Л. 111.

²²⁵ В документе - руженой. Исправлено предположительно.

красноармейцев, 4829 лошадей, 36 легких орудий, 4 тяжелых пушки и 4 гаубицы, 298 пулеметов, 1 бомбомет, 4 броневика и 8 аэропланов»²²⁶.

Согласно телеграмме начальника Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяева и комиссара Полевого штаба С.И. Аралова Жданову от 13 мая 1919 г. № 4199/ау/4367 бригады не могли быть включены в состав какой-либо дивизии фронта и не должны были менять нумерацию²²⁷. 3-я бригада, предназначенная на Восточный фронт, подлежала высадке в Николаевске²²⁸. Начальник штаба 11-й армии так сформулировал итоговые указания центра: «В распоряжение командюж передается не одна бригада 33[-й] дивизии, а две бригады 33[-й] дивизии. Обе бригады, следующие из Астрахани, должны высадиться в Царицыне, откуда по жел[езной] дороге перебросить их на станцию Миллерово. Пункт высадки по указанию командюж. Таким образом, для Восточного фронта остается лишь одна бригада, выгружается в Николаевске»²²⁹.

10 мая главкому донесли, что дивизия была отправлена в соответствии с указаниями, а в Астрахани оставлен с разрешения главкома 289-й полк. Кроме того, в качестве конницы с 33-й дивизией было выслано около 500 сабель, а временно исполняющий должность начальника дивизии П.К. Мармузов заменен М.К. Левандовским, командовавшим 7-й кавалерийской дивизией (назначение исполняющим обязанности состоялось еще 6 мая, а предписание прибыть к новому месту службы для приема оперативных дел датировано 4 мая, 11 мая Мармузов был срочно командирован в Полевой штаб РВСР)²³⁰.

10 мая Вацетис телеграфировал Жданову, что согласно телеграммам Полевого штаба РВСР № 1858/оп и 110/93551 одна из пехотных бригад должна была быть перебросена из Астрахани в Самару по Волге. Между тем все части были отправлены по железной дороге, а транспорты, артиллерия, конница, вспомогательные части – по воде. Вацетис потребовал строгого расследования для выяснения виновных в неисполнении²³¹. Скорее всего, произошла путаница вследствие большого количества взаимоисключающих распоряжений. Вместе с тем в полной мере нельзя

²²⁶ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 41.

²²⁷ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 52.

²²⁸ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 46.

²²⁹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 139.

²³⁰ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 10об.; Д. 129. Л. 1; Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 54.

²³¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 46.

исключить и возможный саботаж командующего армией. Главком предписал в кратчайший срок произвести строгое расследование с целью привлечь к судебной ответственности лиц, виновных в неисполнении его приказа об отправлении одной бригады 33-й дивизии с обозом и артиллерией в Саратов по Волге²³².

К 15 мая в армии насчитывалось 7850 штыков, 1512 сабель, 214 пулеметов, 29 орудий, 6 бомбометов, 6 аэропланов, 2 аэростата, 5 броневые автомобили, бронепоезд, 3211 лошадей, 15 404 человека²³³. В тот же день начальник Полевого штаба РВСР запрашивал штаб армии о ходе формирования 34-й дивизии²³⁴.

Южный фронт ждал подкреплений, и попытки командования 11-й армии задержать войска воспринимались, видимо, болезненно. Жалобы шли сразу главкому. Так, командующий Южным фронтом В.М. Питтис сообщил Вацетису, что Жданов, кроме разрешенного главкомом оставления в Астрахани полка, из 1-й бригады 33-й дивизии выделил и оставил в Астрахани по три лучшие роты 290-го и 291-го полков, а также роту связи с радиостанцией из батальона связи. В частях дивизии недосчитались 50% обоза и лошадей. Оставлялись и ценные кадры. Так, начальник штаба дивизии за два дня до отправки был назначен военруком в Астрахань. 17 мая Вацетис потребовал все вернуть в дивизию в 24 часа, выслав по железной дороге на Царицын²³⁵.

16 мая возмущенный историей с переброской дивизии главком Вацетис телеграфировал Жданову: «Срочно донесите, на основании каких распоряжений Вами были произведены после моего приказа Алмаз (так в документе. – А.Г.) для переброски на Вост[очный] фронт выделение из частей 33[-й] дивизии и ослабление их, а также перемещение командного состава, чем Вы только что сформировавшуюся дивизию не только ослабили, но и расстроили»²³⁶. Вацетис приказал немедленно вернуть в дивизию все части и ответственных работников, изъятых из нее к моменту отправки на фронт²³⁷. Вместе с тем центр запрашивал, какие силы могут быть выделены для действий в Новоузенском направлении.

²³² РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 10об.

²³³ Там же. Л. 11об.

²³⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 80.

²³⁵ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 53–53об.

²³⁶ Там же. Л. 53; Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 11об.

²³⁷ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 12.

18 мая Вацетису были представлены объяснения об обстоятельствах отправки дивизии. Жданов не только отверг все претензии Вацетиса, но и вновь упрекнул центр в обескровливании армии. Командарм отметил, что роты были взяты на пополнение нехватки в 1000 штыков в оставшемся полку из 290-го и 291-го полков (Жданов воспользовался разрешением оставить полк полного состава, а некомплект он изъял из отправлявшейся дивизии, причем взяты были шесть лучших рот²³⁸), не нарушая организации полков и батальонов, так как армия готовила десант на Петровск, для чего требовались войска. Рота связи с радиостанцией была создана еще в 12-й армии, поэтому связь осталась на прежнем боевом участке до формирования таковой в 34-й дивизии, кроме того, связь обслуживала 7-ю кавалерийскую дивизию, удаленную от командования армии на 200–300 верст. Весь обоз был отправлен полностью, но «не нужно закрывать глаза на то, что с 15 февраля, как только мы здесь находимся, ни одна повозка центром армии не была предоставлена, несмотря на то, что предреввоенсоветом 11 Мехоношиным было заказано тысяча повозок [в] начале февраля для Кас[пийско-]Кав[казского] фронта, которые и были саратовским губсовнархозом²³⁹ заготовлены, но центр не дал на них наряда до сего времени»²⁴⁰.

Жданов сообщил, что начальника штаба дивизии также не пере назначали за два дня до отправки, он просто возвратился на тот пост, который занимал до направления в дивизию, причем оставлен он был по ходатайству губвоенкома и с согласия начдива на несколько дней для сдачи дел. Пост начальника штаба дивизии он занимал несколько дней, а прежде временно исполнял должность начальника штаба армии. Начдив Мармузов был отстранен из-за неуравновешенности и отсутствия опыта²⁴¹.

20 мая телеграмма № 161/СК о положении в 11-й армии Ждановым была отправлена напрямую В.И. Ленину²⁴². Сделано это было в обход главкома Вацетиса, который 24 мая потребовал от армейского начальства

²³⁸ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 112–113. Это же подтверждается в показаниях Жданова, который отмечал, что оставил лучший и самый полный Железный полк, а также шесть рот из 1-й бригады (ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 33).

²³⁹ Губернским советом народного хозяйства.

²⁴⁰ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 59–59об.

²⁴¹ Там же. Л. 59об.

²⁴² РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 12об.; Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 118.

объяснений²⁴³. 21 мая директивой Вацетиса 11-я армия была лишена статуса отдельной и вместе с Каспийской флотилией с 26 мая подчинена Южному фронту²⁴⁴. Позднее армия подверглась расформированию, а ее части были включены в состав 10-й армии.

Когда 23 мая частями армии было взято Величавое, на имя Жданова пришла следующая телеграмма Ф.В. Костяева с изложением требований главкома: «По сведениям Полевого штаба Вами отправлена с 33[-й] дивизией лишь дивизионная конница. Бригада же 7[-й] кавал[ерийской] див[изии] Вами удержана. Главком приказал донести им²⁴⁵, чем это вызвано и кто Вам разрешил так поступить, и приказать немедленно отправить на присоединение к 33[-й] дивизии все задержанные без разрешения главкома части, а также бригаду 7[-й] кавалерийской дивизии. Время отправления сорок восемь часов. Пехота должна быть направлена на Южный фронт...»²⁴⁶

Из Астрахани сообщали, что кавалерия 33-й дивизии и бригада 7-й кавалерийской дивизии были отправлены из Астрахани еще 4 мая на барже № 142 при пароходе «Мария» и на барже № 6 при пароходе «Саруханы»²⁴⁷. В этом контексте неясно, почему тогда же Жданов сообщил по прямому проводу командующему Южным фронтом В.М. Гиттису, что распоряжение об отправке всего задержанного без разрешения главкома из 33-й дивизии уже выполнялось, однако бригада 7-й кав[алерийской] дивизии находилась в соприкосновении с противником и не могла быть перебросена на соседний фронт без оставления фронта Серебряковская – Величавое²⁴⁸. Сам Жданов показывал белым, что вместо одной бригады 7-й кавалерийской дивизии «послал 2 неполных эскадрона, ответив, что вся конница на фронте, где было всего два сильных разъезда (по 150 коней), а остальная конница более полка была в Оранжевой и Лагани и Серебряковской, ничего не делая»²⁴⁹. Затягивал Жданов и отправку роты связи. Для усиления путаницы полк 33-й дивизии, стоявший в Михайловке, Жданов переподчинил 34-й дивизии. В определенной степени его показания белым соответствуют оперативной переписке

²⁴³ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 13об.

²⁴⁴ Директивы главного командования... С. 420.

²⁴⁵ Так в документе.

²⁴⁶ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 387. Л. 169.

²⁴⁷ Там же. Л. 170.

²⁴⁸ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 13; Д. 118. Л. 84.

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 32об.

штаба армии и ходу событий. По всей видимости, приказ главкома все же выполнен не был. В данном случае, если Жданов действовал как саботажник, он наверняка старался оголить фронт, воспользовавшись распоряжением центра, и тянуть время.

В те дни армия находилась в сложном положении. Флот после столкновения с противником на Каспии у Форта Александровского 21 мая потерял часть судов и оставил базу – Форт Александровский, оказался непригоден для активных операций на Петровск и Баку. Теперь ему ставилась лишь задача охраны дельты Волги и обороны подступов к Астрахани²⁵⁰.

Штабом Южного фронта бригаду 7-й кавалерийской дивизии было разрешено временно оставить в армии²⁵¹. Однако выдергивание частей из ослабленной армии продолжалось, при этом ей ставились активные задачи. По сути, армия воспринималась главным командованием как резерв для латания дыр на Восточном и Южном фронтах. Так, 25 мая обсуждался вопрос взятия Гурьева. Но тогда же временно исполняющий должность начальника штаба Южного фронта В. Ф. Тарасов телеграфно распорядился об отправке 289-го полка 33-й дивизии в Царицын по Волге²⁵². 26 мая приказ повторил командующий Южным фронтом, потребовавший отправить полк в 24 часа со всеми командами и обозами. 289-му полку предписывалось придать одну легкую и одну тяжелую батареи²⁵³. Полк был отправлен в ночь на 28 мая по реке до Царицына²⁵⁴. 26 мая начальник штаба Южного фронта и командующий фронтом²⁵⁵ приказали немедленно перебросить в Царицын в распоряжение командующего 10-й армией 297-й полк, однако командующему сообщили, что распоряжение выполнено быть не может, так как такого полка в армии якобы не существует²⁵⁶. После всех ослаблений к 1 июня в 11-й армии насчитывалось только 6811 штыков, 1561 сабля, 224 пулемета, 26 орудий, 6 аэропланов, 2 аэростата, бронепоезд, 4 броневедомоцикла, 3136 лошадей и 20 290 человек²⁵⁷. Астраханско-Каспийская военная флотилия

---

²⁵⁰ Из истории Гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 2: Март 1919 – февраль 1920. С. 398.

²⁵¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 102.

²⁵² Там же. Л. 96.

²⁵³ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 87, 103, 105, 108, 120.

²⁵⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 14об.; Д. 387. Л. 175.

²⁵⁵ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 118. Л. 104; Д. 437. Л. 466.

²⁵⁶ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 14.

²⁵⁷ Там же. Л. 16.

насчитывала 3 крейсера, 5 эсминцев, 3 миноносца, 7 истребителей, 2 плавучие батареи, воздушный дивизион²⁵⁸.

Между тем конфронтация командования и РВС армии с главкомом не прекращалась. В начале июня 1919 г. Вацетис и Костяев были недовольны тем, что бригада 7-й кавалерийской дивизии удерживалась Ждановым, а с 33-й дивизией была отправлена только дивизионная конница²⁵⁹. Однако РВС 11-й армии во главе с К.А. Мехоношиным, в свою очередь, возмущался прессингом Серпухова в связи с переброской 33-й дивизии. Коммунисты 11-й армии даже заявили, что не могут работать в военной организации²⁶⁰. Более того, 1 июня Мехоношин обвинил Полевой штаб РВСР в преступных действиях, ведущих «к механическому падению Астрахани», так как войска забирали из армии постоянно²⁶¹. Влиятельный большевистский военный деятель требовал, чтобы Полевой штаб учитывал мнение фронтовых и армейских РВС²⁶².

В истории с 33-й дивизией Жданов, если верить его показаниям, сыграл на несогласованности распоряжений советского командования. Так, главком И.И. Вацетис приказал отправить 33-ю дивизию на Восточный фронт по железной дороге, но потом изменил приказ и распорядился бросить ее на усиление 10-й армии А.И. Егорова, сражавшейся в районе Царицына, отправив войска по Волге. Телеграмма с отменой приказа была передана Мехоношину (военспецу Жданову не доверяли знакомиться с такими документами первым), однако Жданов не изменил приказ. Как следствие, одна бригада дивизии была направлена по Волге в соответствии с распоряжением Вацетиса, а другая бригада перебрасывалась по железной дороге и бесцельно пробыла некоторое время на участке восточнее Красного Кута в 100 верстах к востоку от Волги, что существенно облегчило действия II Кубанского корпуса белых под командованием генерала С.Г. Улагая на царицынском направлении²⁶³. Командующий войсками советского Южного фронта В.М. Гиттис по этому поводу назначил расследование.

Анонимный очевидец событий в 11-й армии в связи с этим отмечал, что «Жданов не выполнил этого приказа в точности. Он начал пере-

---

²⁵⁸ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 176.

²⁵⁹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 133.

²⁶⁰ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 153.

²⁶¹ Там же. Л. 159.

²⁶² Там же. Л. 168.

²⁶³ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 33, 49об.

возку, но не тем порядком, как ему было указано (вся пехота поехала по жел[езной] дороге и не в назначенные ей районы, а на ст[анцию] Мокроус); бригаду же конницы он и совсем не отправил.

Тем временем Вацетис приказал: сначала одну бригаду, следующую по жел[езной] дороге, повернуть на ст[анцию] Миллерово, а потом бригаду пехоты, перевозимую Волгой, высадить в Царицыне и передать на Южный фронт.

Поправить сделанные ошибки оказалось делом не легким: части были уже в дороге, и связь Жданова с ними потеряна.

Это вызвало большую и неприятную переписку между Вацетисом и Ждановым; первый ежедневно требовал от второго донести, почему им не исполнено то или другое из указанного выше приказа.

В результате Жданов был устранен от командования армией; но попали ли части 33[-й] стр[елковой] дивизии в пункты, указанные Вацетисом, мне неизвестно ... вся энергия Жданова употреблялась на оправдание себя в глазах Вацетиса»²⁶⁴. Нельзя не отметить, что объяснение причин саботажа нерешительностью командарма было выгодно, прежде всего, самому Жданову, возможно сознательно топившему серьезные начинания в бюрократической волоките и дебатах.

Не позднее середины мая 1919 г. в Астрахань для проверки состояния армии приехал председатель 59-й комиссии Высшей военной инспекции бывший Генштаба генерал-лейтенант Г.К. Корольков. Как известно, инспекция занималась проверкой РККА и выявлением недостатков в ее организации. Кроме того, по свидетельству Жданова, Корольков должен был сформировать отряд для действий против Гурьева, где имелись огромные нефтяные запасы (12 млн пудов).

По оказавшемуся справедливым предположению Жданова, Корольков проверял его работу. Именно Корольков осуществил расследование и 15 мая представил К.А. Мехоношину подробный доклад об обстоятельствах отправки 33-й дивизии. Генштабист провел сопоставление всех документов, резолюций и показаний опрошенных лиц по этому вопросу. Вывод его был следующим: «Война требует хорошо слаженного штаба, работающего как часы. Своевременность получения в частях распоряжений требует большой и вдумчивой работы без трений. Игнорирование штаба армии при отдаче оперативных распоряжений н е д о п у с т и м о (здесь и далее – разрядка документа. – А.Г.), и пото-

²⁶⁴ *Военный*. Два месяца на красном фронте. С. 176–177.

му отдача командармом всех распоряжений непосредственно и минуя штаб является с л у ж е б н ы м у п у щ е н и е м. План перевозки 33[-й] дивизии должен был [быть] заготовлен после получения депеши из ставки 16 апреля – этого сделано не было.

Этот план мог быть составлен и 20–21 апр[еля] по получении окончательного распоряжения об отправке, но и этого не было. План надо было составить штабу армии при участии штаба дивизии. На самом деле составление плана было поручено начдиву. От этого план перевозки был не полон и получен начвосо лишь 25 апр[еля], т.е. в день погрузки. Первоначальные требования подвижного состава штабом 33[-й] дивизии давались самые неопределенные, и надо удивляться, как мало было трений на этой почве.

Отсутствие плана, выработанного штабом армии, повело ко всем остальным недоразумениям при отправке 33-й дивизии.

Н е о б х о д и м о дать штабу армии работать планомерно и ни одного распоряжения не делать помимо [н]его. Только при этом условии будет обеспечена правильность и своевременность всех распоряжений, что составляет половину успеха всякого дела»²⁶⁵.

Если приставленный к Жданову комиссар Баландин не разбирался в военных вопросах и Жданов при нем мог отдавать практически любые распоряжения, то генштабист Корольков являлся знатоком военного дела и мог разоблачить враждебные действия. Тем не менее то ли в силу генштабовской этики и корпоративизма, то ли не обнаружив явного саботажа, он не выдвинул в адрес Жданова обвинений в измене. Доверявший экспертной оценке Королькова Мехоношин мог усмотреть из доклада лишь проявления нераспорядительности командарма.

По свидетельству Жданова, ни в одной другой армии не было должности главного комиссара, только комиссар штаба армии, поэтому Жданов решил свернуть свою подпольную работу. К тому же начались бои в непосредственной близости от Астрахани, участвуя в которых командарму пришлось бы помогать большевикам. Насколько можно верить его, конечно же, ангажированным показаниям перед белыми, он принял решение уйти со своего поста по болезни. В период следствия, проводившегося белыми осенью 1919 г., Жданов рассчитывал, что Астрахань вот-вот падет и все сказанное им документально под-

²⁶⁵ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 87. Л. 9–9об.

твердится²⁶⁶. Однако красные смогли удержать этот стратегически важный пункт.

Генштаба полковник А. С. Нечволодов, перебежавший к белым, 22 сентября (5 октября) 1919 г. показал в Ростове-на-Дону:

«1) Удостоверяю, что при переброске, согласно приказаания главкома Вацетиса, 33^я дивизии из Астрахани в район армии т. Егорова – была допущена такая путаница, которая сильно замедлила прибытие этой дивизии в назначенный район.

Одна бригада ее была направлена по р[еке] Волге, а другая по жел[езной] дор[оге], причем последняя была заслана в сторону от Воги на восток верст на 100.

Ввиду такого опоздания прибытия 33^я дивиз[ии] и имевшего место нарушения ее организации при отправке – главкомом было назначено расследование этого дела. Немного позднее, в начале июля, ген[ерал]-м[айор] Жданов выехал в Москву.

2) В мае мес[яце] при г[енерал-]м[айоре] Жданове боевых (серьезных) операций в XI армии не велось.

3) После ревизии т. Корольковым (б[ывший] генерал Ген[ерального] штаба) деятельности г[енерал-]м[айора] Жданова к последнему был назначен особый комиссар т. Баладин.

4) Как образчик отношения г[енерал-]м[айора] Жданова к интересам Красной армии могу отметить назначение им бывшего писаря Корта – начальником 7[-й] кав[алерийской] дивизии»²⁶⁷.

Как отмечал очевидец, «Жданов, учитывая все обстоятельства, просил освидетельствовать состояние его здоровья на предмет увольнения от должности; ходатайство его было уважено; комиссия астраханских врачей признала Жданова неспособным к занятию строевых должностей; после чего Рев[олюционн]ый воен[ный] совет армии приказом по армии возложил командование армией на вр.и.д. нач[альника] 34[-й] стр[елковой] дивизии [А.С.] Смирнова.

Это произошло в последних числах мая.

Смирнов немедленно же вступил в командование армией»²⁶⁸.

И действительно, 23 мая Жданову старшим врачом Астраханской губернской больницы была выдана справка о том, что у бывшего генерала сильные головные боли, ослабление слуха и зрения, ограничение

²⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 33об.

²⁶⁷ Там же. Л. 62.

²⁶⁸ *Военный*. Два месяца на красном фронте. С. 187.

движения верхних и нижних конечностей вследствие трех контузий, причем с наступлением жаркого времени боли усиливались до того, что он даже не мог иногда работать²⁶⁹. В акте медицинского освидетельствования, подписанном 29 мая начальником санитарной службы 11-й армии доктором Паевским, отмечалось, что Жданов годен только к службе в глубоком тылу в мирное время и при климатических условиях без резких колебаний²⁷⁰. С 1 июня считался больным и начальник штаба армии бывший Генштаба генерал-майор А.Ф. Кадошников, которого временно заменял Ригельман²⁷¹.

30 мая 1919 г. приказом войскам 11-й армии и Каспийскому флоту РСФСР № 369 Жданов вследствие поданного рапорта был освобожден от должности командующего 11-й армией по болезни. Его временным преемником стал начальник 34-й стрелковой дивизии А.С. Смирнов. Комиссар 34-й дивизии Ю.П. Бутягин был назначен комиссаром штаба армии. Приказ подписали председатель РВС армии Мехоношин и член РВС Киров²⁷². По приказанию председателя РВСР Л.Д. Троцкого командующим 11-й армией стал начальник штаба Кадошников²⁷³. 3 июня Жданов сдал командование²⁷⁴. Кадошников 9 июня телеграфировал начальнику штаба Южного фронта Н.В. Пневскому относительно командирования в штаб фронта: «[По] состоянию здоровья нуждаюсь [в] отдыхе, почему [в] настоящее время принять Ваше предложение не могу»²⁷⁵. Возможно, отказ был связан с недавними событиями в армии и боязнь расследования.

Постановлением РВСР от 4 июня 1919 г. 11-я армия была упразднена, а ее войска с 10 июня переданы в состав 10-й армии²⁷⁶. Передача управления войсками происходила в штабе 34-й дивизии²⁷⁷. По мнению Троцкого, сообщенному 5 июня в ЦК, нужно «строжайше воспретить

²⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 42.

²⁷⁰ Там же. Л. 45об. При освидетельствовании среди прочего были обнаружены следы сквозного пулевого ранения на левом бедре.

²⁷¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 16об.

²⁷² ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 43.

²⁷³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 112.

²⁷⁴ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 17.

²⁷⁵ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 129. Л. 67.

²⁷⁶ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 117. Л. 18об.; Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 244; Астраханский фронт Гражданской войны и С.М. Киров: Сб. док. Сталинград, 1937. С. 165–166.

²⁷⁷ Борьба за власть Советов в Астраханском крае... Кн. 2. С. 235.

работникам 11-й армии разбежаться. Все они должны поступить в распоряжение Реввоенсовета Южного фронта»²⁷⁸. Архив штаба армии в июне был сдан в тюках в штаб Южного фронта²⁷⁹.

Отправился в штаб Южного фронта и К.А. Мехоношин. Как принципиальный большевик, он не мог не сообщить о своих впечатлениях на самый верх. В архиве Мехоношина сохранился черновик его телеграммы В.И. Ленину о произошедшем, который представляет немалый интерес как в рамках данной темы, так и в целом для понимания источников оценки Лениным ситуации в РККА в тот период. Мехоношин сообщал: «Москва. Кремль, товарищу Ленину. Положение на Юж[ном] фронте не позволяет мне уделить время хотя бы для краткого доклада и тем более приехать в Москву [для] доклада Цека. Между тем мои предположения относительно частью ошибочной, частью преднамеренно лживой информации Вас и Центрального комитета партии в вопросе наших операций по овладению Каспием и Кавказом, что привело Центральный комитет к неодобрению работы как раз тех товарищей, которые, в точности выполняя директивы ЦК, безусловно, правильным путем шли к главной цели, подтвердились полностью – белогвардейская сволочь, пользуясь постоянным отсутствием тов. Троцкого, по причинам совершенной непригодности, канцелярской сущности, разгильдяйства и заскорузлomu бюрократизму тех товарищей, на которых наша партия возложила ответственность за действительное осуществление контроля в высших военных учреждениях, творит свое гнусное дело безнаказанно, применяя самые разнообразные приемы. Многомесячный опыт работы на фронтах, где я нахожусь буквально с июня прошлого года, опыт работы в Наркомвоен с самого начала учреждения этого комиссариата, знание старой империалистической армии привели меня к глубочайшей уверенности в изложенном выше. Вот факты, не требующие никаких пояснений. Первое. Чем можно объяснить, что Полевой штаб, имея совершенно точные сведения о положении на Кас[пийско-]Кав[казском] фронте, отдает приказ об отправке 33[-й] дивизии, уверяя Совет обороны в полной обеспеченности этого района, в то время, когда дивизия уже частично исполняла боевой приказ [по] наступлению на Кизляр. Второе. По каким причинам часть этой дивизии, как это мы предлагали, не была передана

²⁷⁸ The Trotsky Papers 1917–1922 / edited and annotated by J.M. Meijer. L.; Hague; P., 1964. Vol. 1: 1917–1919. P. 536.

²⁷⁹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 561. Л. 1, 3об.

в 10[-ю] армию в момент, когда эта армия была готова нанести удар на Ростов и Новочеркасск с тыла и захватить ст[анцию] Тихорецкую. Третье. Почему 33[-я] дивизия, это с трудом организуемое войсковое соединение, раздирается на части (одна бригада на Вост[очный] фронт, две бригады – на Юж[ном] фронте, один полк в 10[-й] армии, инженерный батальон оторван от дивизии) – почему сделано все, чтобы не послать дивизию туда, куда нужно, почему сделано все, чтобы разрушить дивизию как мощное целое. Только искусная белогвардейская рука при содействии ничего не видящих и не знающих комиссаров и заместителей может так ловко творить свое контрреволюционное дело»²⁸⁰. Как видно из документа, Мехоношин не подозревал в случившемся Жданова (который мог быть в какой-то степени причастен к раздергиванию частей дивизии), а возлагал вину на Полевой штаб и контрреволюционеров в нем. Вопрос о том, мог ли Мехоношин подпасть под влияние бывшего генерала, остается открытым. Остается открытым и вопрос о том, почему советская Ставка столько раз меняла свои распоряжения, что привело к путанице и конфликтам. Как бы то ни было, сведения Мехоношина, будучи доведены до Ленина, вполне могли служить одним из оснований для раскручивания летом 1919 г. дела Полевого штаба РВСР, в ходе которого были арестованы Вацетис, Костяев и их окружение²⁸¹.

Жданов уехал в Москву, где некоторое время велось расследование его распоряжений в отношении 33-й дивизии, а сам он якобы болел. Как сообщал Жданов в своих показаниях белым, главноком Вацетис и начальник Полевого штаба РВСР Костяев «к счастью... попали в тюрьму»²⁸² (арестованы по делу Полевого штаба РВСР летом 1919 г.), в результате чего Жданов остался не разоблаченным.

Завершая изложение астраханского периода деятельности Жданова, нужно отметить, что в конце июня 1919 г. чекистами был раскрыт контрреволюционный заговор в Астрахани. В руках у подпольщиков оказался список ответственных советских работников, подлежащих ликвидации в случае восстания. Как выяснилось, подпольщиками велась агитация в рабочих батальонах, а руководители заговора находились на

²⁸⁰ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 238–241.

²⁸¹ Подробнее о деле Полевого штаба РВСР см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 60–64, 190–192, 397–409, 612–634, 789–806.

²⁸² ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 33об.

службе в военных учреждениях, в штаб армии являлись агенты Деникина с подложными документами, через Астрахань проезжали курьеры с белого Юга на Восток и обратно. Аресты участников заговора прошли 1–2 июля. В общей сложности было арестовано около 160 человек²⁸³. О связи Жданова с этой организацией данных нет. Тем не менее в городе у него могли быть сообщники.

По распоряжению Л.Д. Троцкого и нового главкома С.С. Каменева Жданов был направлен на Украину²⁸⁴. В черновых учетных материалах РККА по кадрам Генштаба есть упоминание об откомандировании его с Южного фронта в Харьковский укрепрайон в июне 1919 г.²⁸⁵ Впрочем, вероятно, это было только на бумаге. Реально же 11 августа он выехал из Москвы в Киев в распоряжение командующего 12-й советской армией бывшего Генштаба генерал-майора Н.Г. Семенова. Согласно приказу РВСР по личному составу армии № 177 от 14 августа 1919 г. Жданов с 1 июня освобождался от должности командующего 11-й армией и назначался в распоряжение командующего 12-й армией с боевым окладом, присвоенным по должности начальника дивизии²⁸⁶. Отправка была вызвана тем, что новый главком Каменев распорядился всех генштабистов, не занимавших должностей, направить на фронты²⁸⁷. С 17 августа 1919 г. Жданов занимал пост инспектора запасных войск в Киеве, а 26 августа получил назначение на должность начальника 2-й сводной советской дивизии, находясь на которой 17 (30) августа бежал к белым²⁸⁸. В РККА его разыскивали уже в сентябре 1919 г., однако в штабе 12-й армии его не оказалось, в итоге Жданов числился пропавшим без вести при эвакуации Киева и находящимся в неизвестном отсутствии²⁸⁹.

2 (15) сентября 1919 г. Жданов должен был дать показание, почему не смог перейти на сторону белых ранее²⁹⁰. Судебно-следственная комиссия 3 (16) октября просила начальника отдела Генерального штаба военного управления назначить экспертов из офицеров Генштаба по

²⁸³ Подробнее см.: *Лацис (Судрабс) М.Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности. М., 1920. С. 28–30.

²⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 58об.

²⁸⁵ РГВА. Ф. 54 Оп. 17. Д. 386. Л. 67.

²⁸⁶ Приказ РВСР по личному составу армии. 1919. 14.08. № 177.

²⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 50.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ РГВА. Ф. 54 Оп. 17. Д. 386. Л. 67.

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 52.

делу Жданова. Эксперты пришли к заключению, что на службу большевикам Жданов поступил добровольно²⁹¹. 20 октября (2 ноября) было вынесено постановление судебно-следственной комиссии при штабе главнокомандующего ВСЮР о прекращении производства по делу Жданова. Однако главный военный прокурор ВСЮР генерал-лейтенант И.А. Ронжин 20 ноября (3 декабря) наложил на документ резолюцию: «Не согласен. Дело представляется гл[авнокомандую]щему»²⁹².

13 (26) ноября 1919 г. в Ростове-на-Дону было составлено заключение главного военного и военно-морского прокурора по делу Жданова: «Расследование[м] по делу устанавливается, что большевистский переворот в октябре 1917 г. захватил генерала Жданова на фронте, где он командовал дивизией. Когда дивизия в феврале 1918 года отходила в тыл, генерал Жданов под Люцином был взят немцами в плен, откуда, однако, вскоре бежал. В начале мая под Севском его захватила банда Ремнева и едва не повесили. Перехваченный бандой генерал Жданов был сначала отправлен в Брянск к генералу Сытину, а затем в Калугу в распоряжение генерала Егорьева, который взял его на учет и послал в Оршу командовать отрядом против немцев. 1 июля генерал Жданов был вызван в город Москву и оставлен при окружном комиссариате военным руководителем. В этой должности генерал Жданов пробыл до 1 февраля 1919 года. Проболел три месяца, уклоняясь от отправки на фронт. Окружным комиссаром в Московском округе был Муралов, правивший округом по-диктаторски и не признававший чужого мнения. Фактически все распоряжения по округу отдавал сам Муралов. Генерал же Жданов оставался все время в стороне, не пользуясь ни авторитетом, ни влиянием, хотя и присутствовал при всех докладах начальника штаба. Штаб у Муралова доверием не пользовался, а у него были свои доверенные лица, ведавшие различными отделами.

В ноябре 1918 года, когда на Кавказе были разбиты 11[-я] и 12[-я] советские армии, генерал Жданов был назначен в Астрахань, но от поездки под предлогом болезни уклонился. Однако в январе ему приказано было выехать, а в феврале его назначили командующим XII армией, а впоследствии XI армией, сформированной из остатков двух армий. Из Астрахани в апреле генерал Жданов пытался на автомобиле уехать, но не оказалось бензину, почему попытку пришлось оставить.

---

²⁹¹ Там же. Л. 20–21.

²⁹² Там же. Л. 18.

Во время обозначившегося первоначально наступления адмирала Колчака, а затем корпуса Улагая, создававшего угрозу Волге, главнокомандующий Вацетис, первоначально отдавший распоряжение отправить недавно сформированную 33-ю дивизию на Восточный фронт, изменил это решение, приказав отправить водой эту дивизию на помощь армии Егорьева. Телеграмму с таким распоряжением, полученную в штабе, генерал Жданов скрыл между бумагами, вследствие чего дивизия, отдельные эшелоны которой уже грузились на железную дорогу, не отправленная водой, не пришла к месту назначения. Сверх того, генерал Жданов, по его объяснению, умышленно задержал отправление подкреплений. Армия Егорова²⁹³, не поддержанная вовремя, была оттеснена к северу. По поводу этой операции было назначено даже расследование. Вскоре после этого генерал Жданов уехал в Москву, так как предвидел необходимость принять участие в боевых действиях под Астраханью, от чего хотел уклониться, а для этого подал рапорт об отчислении по болезни. За его пребывание в течение 3½ месяцев в 11[-й] и 12[-й] армиях боев не было. Прибыв в Москву в конце мая, генерал Жданов около двух месяцев не получал никакого назначения. 29 июля он был командирован в Киев в распоряжение командующего XII армией Семенова, вследствие последовавшего распоряжения нового главнокомандующего Каменева об отправке на фронт всех не занимающих должностей офицеров Генерального штаба. По прибытии в Киев 4 августа генерал Жданов получил назначение на должность инспектора запасных войск, а 13 августа был назначен начальником 2-й сводной советской дивизии. Прокомандовав фактически два дня, генерал Жданов 17 августа бежал из дивизии при такой обстановке. Находясь с дивизией в районе Бахмач – Нежин и зная о предполагавшемся наступлении Добровольческой армии, генерал Жданов умышленно поставил свою дивизию в положение, невыгодное для боя, и, воспользовавшись обстановкой, с опасностью для жизни своей и жены, бежал из расположения дивизии через патрулей из латышей.

Дававшие по настоящему делу заключение эксперты из офицеров Генерального штаба высказались, что генерал Жданов, хотя и поступил на службу к советской армии добровольно, но, по-видимому, под впечатлением наступления немцев, и хотя он не сочувствовал советской власти, однако принес ей существенную пользу в течение первого года своего пребывания

---

²⁹³ В документе ошибочно – Егорьева.

уже одним своим присутствием, являясь авторитетом для младших чинов, как генерал-майор Генерального штаба. Находясь же у советской власти с самого начала, способствовал ей создавать армию. Впоследствии, когда генерал Жданов сделался более самостоятельным, употребил все усилия к тому, чтобы принести советской власти наибольший вред, а при первой возможности перешел в Добровольческую армию.

Судебно-следственная комиссия, не усматривая оснований к возбуждению судебного преследования против генерала Жданова, постановила дело о нем прекратить дальнейшим производством»²⁹⁴.

Главный военный прокурор ВСЮР генерал-лейтенант И.А. Ронжин отметил: «...принимая во внимание, что генерал-майор Жданов, поступив на службу к советской власти в самом почти начале ее создания, на занимаемой им ответственной должности военного руководителя принес существенную пользу этой власти, так как принимал участие в организационной работе по созданию Красной армии, а впоследствии, назначенный на должность командующего советской армией, составленной из остатков двух армий, также оказал не менее существенное содействие советской власти в деле создания армии, я полагаю, что виновность его по закону от 30 июля с/г является вполне установленной»²⁹⁵, вследствие чего в отношении Жданова должно было быть возбуждено судебное преследование.

Жданов обвинялся в том, что, «поступив на службу к советской власти и состоя с 1 июля 1918 года по февраль 1919 г. на ответственной должности военного руководителя в Московском округе, принимал участие по означенной должности в деле организации военного управления и создания Красной армии, а затем, находясь на ответственной командной должности командующего сначала XII, а затем XI советскими армиями, выполнял связанные с этой последней должностью обязанности по управлению войсками, входившими в состав армии, и их устройству, сознавая, что своей деятельностью оказывает существенное содействие советской власти в деле создания Красной армии, служащей опорой этой власти внутри России, и в ее борьбе с Вооруженными силами Юга России»²⁹⁶. За службу у большевиков на ответственных постах и принесение им существенной пользы Жданов подлежал военно-полевому суду по закону от 30 июля (12 августа) 1919 г.

²⁹⁴ Там же. Л. 1–1об., 17.

²⁹⁵ Там же. Л. 17.

²⁹⁶ Там же. Л. 17–17об.

Военно-полевой суд, собранный по приказу главнокомандующего ВСЮР № 2712 от 5 (18) декабря 1919 г.²⁹⁷, заседал 8 (21) декабря с 10 часов утра в здании Таганрогского окружного суда²⁹⁸ в закрытом режиме. Состав суда был следующим: председатель – генерал от инфантерии В.В. Болотов, члены: генерал-лейтенант В.Г. Пащенко, генерал-майоры В.В. Харламов, М.Ф. Гржибовский, И.Д. Иванов. В качестве свидетелей были запрошены генерал от кавалерии П.П. Калитин, Генштаба полковник А.С. Нечволодов, полковник А.И. Домбровский, полковник П.П. Лаппо, капитан гвардии А.Н. Краузе, поручик С.А. Войтына, инженер П.-Э.Д. Экис и супруга Жданова. Список этих лиц предложил сам подсудимый²⁹⁹.

Жданов на заседании суда заявил: «Я служил у большевиков, будучи мобилизован насильно. Я со своим делом совершенно не знаком и потому прошу суд огласить некоторые показания из моего дела»³⁰⁰. Просьба генерала была исполнена. В 13 часов суд завершил утреннее заседание, в 14.10 был зачитан оправдательный приговор Жданову, как вынужденно служившему в РККА и помогавшему белым на командных постах³⁰¹, а в 14.15 суд завершил свою работу.

Не зная о судьбе нашего героя, к начальнику Всероссийского главного штаба 14 ноября 1919 г. обратился его брат (проживал в Москве по адресу: Б. Козихинский переулок, д. 17, кв. 3), который просил сообщить о судьбе бывшего генерала. Брат знал по слухам, что Жданов расстрелян Деникиным, и хотел уточнить эти данные³⁰². В действительности расстрелян он не был, но дальнейшая судьба генерала Жданова по-прежнему остается малоизвестной.

Жданов без инициалов под № 1107 указан в списках эвакуировавшихся из Севастополя в ноябре 1920 г. на пароходе «Сцегед»³⁰³. В списках указывались дети, однако при Жданове никто не обозначен. Генерал эмигрировал в Болгарию, на март 1923 г. проживал в городе Белоградчике³⁰⁴. По некоторым данным, скончался в 1928 г. в городе Казанлык³⁰⁵.

²⁹⁷ Там же. Л. 16.

²⁹⁸ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 131.

²⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 6–6об.

³⁰⁰ Там же. Л. 2.

³⁰¹ Там же. Л. 4.

³⁰² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 138.

³⁰³ ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 52. Л. 74.

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-5928. Оп. 1. Д. 14. Л. 33, 59.

³⁰⁵ В изданных к настоящему времени некрополях русской эмиграции в Болгарии Н.А. Жданов не указан: Русский некрополь в Софии. М., 2011; Русский некрополь в Болгарии. М., 2019.

Парадоксальным образом история генерала Жданова на его Родине на этом не завершилась. 29 мая 1923 г. дочь Жданова Нина Николаевна Жданова-Мартынова, проживавшая в Тамбовской губернии (станция Земетчино, Марсовский хутор), обратилась к командующему войсками Московского военного округа Н.И. Муралову: «Сим удостоверяю, что я дочь Жданова Николая Александровича, бывшего военного руководителя города Москвы и погибшего во время Гражданской войны против белых под Киевом в 1921 году, будучи командующим Южным фронтом.

После его смерти остался 12-тилетний его сын, который до сего времени находился при мне и на моем иждивении, но в силу сложившихся очень тяжелых для меня условий я не имею возможности дать [ему] какое-либо образование, а поэтому прошу Вашего распоряжения принять его в одну из военных школ.

Помимо вышеизложенного в городе Алексине Тульской губ[ернии] у меня был небольшой дом, каковой согласно декрета должен быть передан в собственность. По наведенным справкам Алексинский совет согласен возвратить мне дом с условием, если я представляю ему распоряжение из Москвы. Не имея представления, куда обратиться, я вынуждена просить Вашего распоряжения.

Считаю долгом упомянуть, что мой отец, будучи партийным, был командирован Вами на Южный фронт, где погиб, и после его смерти до сего времени я абсолютно никакой пенсии не получала, а посему прошу о выдаче единовременной субсидии для меня и моего малолетнего брата.

Желательно ответ получить теперь же, так как приехала в Москву из Тамбовской губ[ернии] только по этому делу и не имею возможности оставаться долго в Москве»³⁰⁶.

По-видимому, женщине поверили на слово, и проверять детали биографии ее отца никто не стал (к слову, партийным он никогда не был и не командовал Южным фронтом). Далее сам Муралов направил ходатайство в Реввоенсовет республики, добавив, что Жданов погиб от сыпного тифа в плену у Деникина. Заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский поддержал обращение. Склянский и помощник управляющего делами РВСР Н.В. Пневский в июне 1923 г. обратились в комиссию по назначению персональных пенсий при Наркомате соцобеспечения: «Командующий войсками Московского военного округа возбудил ходатайство о выдаче единовременного денежного пособия

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 362. Л. 6.

дочери покойного командующего Южным фронтом тов. Жданова Н.А. – Нине Николаевне Ждановой в размере 5000 рубл[ей] и о назначении персональной пенсии малолетнему сыну тов. Жданова до получения им образования.

Покойный Жданов занимал ответственные должности в Московском округе и, будучи командующим Южным фронтом, погиб от сыпного тифа в 1921 г., в плену у Деникина.

После Жданова осталась дочь Н.Н. Жданова и сын 12 лет, состоящий в настоящее время на ее иждивении, но Н.Н. Жданова, находясь в тяжелых материальных условиях, не имеет возможности дать образования и содержать упомянутого своего брата, сына покойного Н.А. Жданова, а также возможности поместить его в ВУЗ, как не достигшего необходимого возраста.

Ввиду изложенного и принимая во внимание большие заслуги перед республикой покойного Н.А. Жданова, я ходатайствую о назначении дочери его гр[ажданке] Н.Н. Ждановой пособия в размере 5000 р[ублей] (дензн[аками] [19]23 г.) и о назначении персональной пенсии малолетнему сыну его до получения им образования в порядке постановления СНК от 16 февраля с.г. (приказ РВСР № 461 с.г.).

Приложение: переписка ком[андующего] войсками МВО от 1 июня за № 897/л – всего на двух листах»³⁰⁷. Каким образом можно было погибнуть в плену у Деникина в 1921 г., когда широкомасштабная Гражданская война уже завершилась, а Деникин являлся рядовым эмигрантом, видимо, никто не поинтересовался. Не проверили и партийность Жданова. Также неясно, откуда Н.И. Муралов узнал о том, что Жданов погиб от сыпного тифа (в заявлении дочери генерала об этом не упоминалось). Остается открытым вопрос и о том, почему дети Жданова, если они бежали с ним к белым, позднее оказались в СССР, а не эмигрировали с отцом и мачехой.

В результате семье военспеца была назначена пенсия в размере 25 руб., которая выплачивалась до 1 марта 1934 г. Впрочем, поначалу с выплатами возникли сложности, что потребовало обращения дочери Жданова в ЦК РКП(б) 31 марта 1924 г.: «Николай Александрович Жданов служил с первых дней революции, первое время был нач[альником] див[изии] Оршанского отряда, после военным руководителем г. Москвы и в 1920 г. был отправлен на Астраханский фронт, после на Южный,

---

³⁰⁷ Там же. Л. 4.

где и погиб [в] 1921 г. После его смерти остался его сын Серафим 13 л[ет], на воспитание которого в 1923 г. с июня была отпущена пенсия 3/8 17[-го] разряда ответ[ственных] работ[ников]. После того как все это дело было передано в г[орода] Тамбов и Моршанск в собес, по месту жительства, дело резко переменялось – всякая выдача почти прекратилась – за все время только в феврале 1924 г. 6[-го] чис[ла] после массы мытарств, обращений к местным партиям и организациям, мне удалось получить незначительную часть причитающейся пенсии, причем и эта скромная ссуда была выдана Моршанским собесом по непонятному толкованию»³⁰⁸. По-видимому, в дальнейшем этот вопрос удалось урегулировать. Как бы то ни было, история назначения персональной пенсии РСФСР семье военспеца-перебежчика выглядит курьезом.

***

Деятельность бывшего генерала Н.А. Жданова на ответственных постах в РККА вполне характерна для поведения части офицерства в то переломное время. Возможно, он не был активным белым подпольщиком, доказательства чему имеются в основном лишь в его собственных показаниях. Тем не менее сохранилась масса свидетельств его крайне пассивного и осторожного поведения на высоких должностях в Красной армии. Жданов, очевидно, не стремился принести большую пользу большевикам, всячески уклонялся от активного участия в Гражданской войне и при первой возможности перешел на сторону белых, успешно наступавших осенью 1919 г. на советский центр. Сдавшись белым, Жданов передал им всю оперативную информацию, которой владел. Он не был одинок в подобных действиях. По всей видимости, задним числом он приписал себе заслуги в срыве переброски советских войск и формирования соединений, для чего использовал реально имевшую место неразбериху в армии весной 1919 г. Как бы то ни было, своими действиями он принес пользу белым. Будем надеяться, что дальнейшее углубленное изучение военно-политической истории Гражданской войны позволит существенно расширить наши представления об истинном поведении представителей советской военной элиты в тот непростой период, в том числе о действиях командарма Жданова.

---

³⁰⁸ Там же. Л. 8–8об.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Доклад председателя РВС 11-й отдельной армии К.А. Мехоношина о положении армии в апреле 1919 г.³⁰⁹

Константин Александрович Мехоношин (30.10.1889–07.05.1938) был крупным военно-политическим деятелем эпохи Гражданской войны, членом Реввоенсовета республики. Анализ документов свидетельствует, что Мехоношин был одним из информаторов большевистского лидера В.И. Ленина о положении в РККА. Возможно, публикуемый доклад также предназначался Ленину, однако это лишь предположение.

Доклад был обнаружен в личном фонде Мехоношина в Российском государственном военном архиве. По всей видимости, это черновик. Адресат и точная дата составления доклада неизвестны. Судя по тексту, документ был составлен не ранее конца мая 1919 г., а возможно, в начале июня в связи с ликвидацией 11-й армии и отъездом К.А. Мехоношина из Астрахани.

Документ дополняет картину событий вокруг 11-й отдельной армии, изложенную в очерке о командарме Н.А. Жданове.

***

К середине апреля в XI отдельной армии почти все подготовительные работы для начала операций, как морских, так и сухопутных, были закончены. Кроме флота и 33[-й] стрелковой дивизии (9 полков пехоты, полное по штатам количество артиллерии и всех вспомогательных частей, с некоторым некомплектом людей и лошадей, что предполагалось пополнить при продвижении на Кавказ) и бригады (2-хполкового состава) кавалерии, спешно заканчивались формированием кадры 34[-й] стрелковой дивизии и 2-й бригады 7-й кав[алерийской] дивизии, равно как части эти укомплектовались оставшимся от сформированных частей материальным имуществом. Отклонение представленного нами плана, определяющего главным операционным направлением [сил,] действующую

³⁰⁹ Впервые опубликовано: Доклад председателя РВС 11-й отдельной армии К.А. Мехоношина о положении армии в апреле 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Кавказский сборник (Москва). 2014. Т. 8 (40). С. 277–287.

щих против кавказских войск Деникина, направления вдоль Тихорецкой железной дороги, поставило Кас[пийско-]Кав[казский] фронт, а затем XI армию перед необходимостью взять за исходное для боевых действий положение район Черного Рынка в направлении на Кизляр.

Сосредоточение войск в этом районе представлялось чрезвычайно затруднительным, так как движение войск походным порядком по побережью, в силу географических условий местности (безводная пустыня, сыпучие пески, население, вынесшее на себе отход многотысячной армии, оставившей после себя тысячи трупов людей и лошадей, разрушившей хозяйство этого района и заразившей его эпидемией сыпного тифа), возможно было лишь после основательной подготовки военной дороги: организации этапов с питательными пунктами, создания большого транспорта, как гужевого, автомобильного, так и морского, вдоль самого побережья. К указанному сроку (полевое строительство) отдельный руководитель работ с партиями рабочих продвигался к югу от Лагани в направлении на Серебряковскую пристань, Черный Рынок и Величавое, впереди велась усиленная конная разведка, имевшая соприкосновение с неприятельскими передовыми отрядами. Одновременно организовывался водный транспорт, приспособлялись мелкосидящие пароходы и баржи.

Точное выяснение показало, что с чрезвычайными трудностями и большими препятствиями в чисто военном отношении (медленное сосредоточение войск в исходном положении ставит наши силы в невыгодные тактические условия) все же при благоприятной обстановке (обеспечение морского сообщения, пассивность противника в первое время сосредоточения, выполнение центром нарядов на хлеб и фураж) переброска войск этим путем возможна. Но, разумеется, о сравнении этого операционного направления с Тихорецким не могло быть и речи – там возможность пользоваться железной дорогой, ведение по населенной местности с запасами продовольствия на местах, одновременное сосредоточение войск и так далее. Здесь попутно необходимо указать, что в тот момент, когда противник уже начал сосредотачивать значительные силы на фронте X армии, командарм XI Жданов телеграммой № 195/секр. от 11/4 [19] 19 г. предлагал использовать часть войск XI армии для подкрепления десятой, не возбуждая принципиального вопроса об объединении командования, между тем, вопреки совершенной очевидности, главнокомандующий отклоняет этот план, а через девять дней дает приказ об отправке 33[-й] дивизии полностью на Вост[очный] фронт, что практически, несмотря на исключительную быстроту отправки дивизии – всего десять дней, – при-

водит к разрушению дивизии как высшего войскового соединения, так как один полк (291-й) попадает в X армию, одна бригада (3-я) остается на Вост[очном] фронте, а две бригады посылаются на Юж[ный] фронт, где вступают в боевые действия лишь в первых числах июня, т.е. через месяц после отправки, проболтавшись на колесах в пути в самый горячий период борьбы. Рассматривать иначе как прямую измену тот факт, что дивизия перебрасывается не на ближайший важный участок, а на дальнейшее расстояние, конечно, нельзя. И тут уместно задать вопрос, что же «контролировали» политкомы Полевого штаба. Где и в чем выражался их фактический контроль?

Параллельно с подготовкой военных операций Реввоенсоветом ведется усиленная работа по установлению связи с зафронтовым районом (Петровска и Баку). К этому времени 14/4 возвращается один из командированных нами товарищ из Петровска и Темир-Хан-Шуры и прибывает группа товарищей из Баку с письмом от Бакинской организации Р.К.П. Привезенный товарищами материал подвергается тщательной проверке. Вырисовывается следующая картина политического и военного положения на Кавказе, вполне подтвердившаяся впоследствии (сообщения Коломийцева³¹⁰, доклад Орджоникидзе³¹¹ и других товарищей), – противник не располагает значительными силами ни в Баку, ни в Петровске, в Баку организация нашей партии является единственной, объединяющей главную массу рабочих (это подтверждает факт продолжительной забастовки). На Мугани настроение крестьянских масс всецело на стороне советской власти, это выражалось даже в фактической поддержке нашей бакинской организации, а также противодействие англичанам в деле продовольствия. В Темир-Хан-Шуре наряду с фактически существовавшим горским правительством организуется Красная армия, начавшая боевые действия против Деникина и англичан, с руководителями ее тов. Коркмасовым³¹²

---

³¹⁰ Коломийцев Иван Осипович (10.12.1896–18.08.1919) – российский революционер, бывший прапорщик, первый глава советской дипломатической миссии в Персии. После разгрома миссии в ноябре 1918 г. бежал, пробрался в Астрахань и в июне 1919 г. прибыл в Москву. При повторной командировке в Персию захвачен белыми и расстрелян.

³¹¹ В документе ошибочно – Орженикидзе. Орджоникидзе Григорий Константинович (12.10.1886–18.02.1937) – российский революционер, председатель Совета обороны Северного Кавказа.

³¹² В документе – Каркмасова. Коркмасов Джелал-эд-Дин Асельдерович (01.10.1878–27.09.1937) – глава правительства Дагестанской области, председатель подпольного Дагестанского обкома РКП(б).

через тов. Оскара Лещинского³¹³ устанавливается связь; район Грозного фактически переходит из рук в руки от денкинцев к горцам и обратно. Приведенные факты позволяют рассчитывать на активную поддержку нам со стороны рабочих и туземного населения Кавказа. Важно было лишь сразу по вступлении на Кавказ иметь крепкую военную организацию, опытных военных специалистов и ответственных политических работников. Установленная же чисто военная связь с Петровском давала возможность организовать взрыв изнутри (забастовка фактически была проведена).

Такова общая обстановка к 15–20 апреля.

20/4 флот в главной своей части вышел из Астрахани; одновременно в Оранжерейное был отправлен десантный отряд в 400 человек с командами пулеметной, инженерной, разведчиков и так далее, предназначенных для операции на Петровск.

Движение конницы на побережье приводит нас к овладению Черным Рынком, Бирюзьяком и Серебряковской пристанью. Мы получаем возможность, комбинируя водный и сухопутный транспорт, совершать переброску войск вдоль побережий и сосредоточить их в районе Черного Рынка для движения на Кизляр. В эту операцию втягивается, кроме конных частей, пехота и артиллерия. Таким образом, начинают разворачиваться крупные военные операции сухопутных сил совместно с флотом.

Вынужденные отказаться от переброски войск через Царицын, мы предпринимали все усилия, дабы развить операцию по побережью Каспия. Уже в половине апреля командование XI армией обращает внимание на необеспеченность наших флангов и тыла. Левый фланг X армии подвергается постоянному давлению со стороны противника, дезорганизовавшего весь ее фронт обходными движениями с этого фланга. В это же время (а ранее было отказано в отведении армии тылового района) из нашего ведения Астраханская губерния, военком которой подчиняется уральскому окр[ужному] военкому. С армией проделываются недопустимые эксперименты, граничащие или с тупым канцелярским бюрократизмом, или с прямой изменой. К двадцатым числам апреля противник занимает Сломихинскую, и разъезды его начинают появляться в районе Александров-Гая и железной дороги Урбах – Астрахань. Создается обстановка чрезвычайно серьезная. Однако, несмотря на это, так же как и раньше за все

---

³¹³ Лещинский Оскар Моисеевич (1892–19.09.1919) – революционер, поэт, находился на подпольной работе в Дагестане (1919). Арестован и расстрелян белыми.

четыре месяца, ни Главное командование, [н] и Реввоенсовет республики не проявляют никакого интереса к этому фронту, имеющему, казалось бы, исключительно важное значение, поскольку главной задачей являлось во что бы то ни стало добыть нефть. Нужда в жидком топливе становится все более и более острой, это побуждает нас к еще более энергичной работе. Полученное, с припиской главкома: «Выполнить в кратчайший срок при содействии флота», постановление Совета обороны о захвате гурьевской нефти подтверждает уже начатые подготовительные работы.

Считаю необходимым отметить, что до мая пополнения не прибывало, не прибыло даже ни одной маршевой роты. В отношении снабжения, обмундирования и вооружения приходилось ограничиваться местными средствами. Таким образом, выполнить поставленные нам задачи предстояло лишь с теми силами, которые были созданы из остатков XI и XII армий, из красноармейцев, перенесших тиф и истощенных от голода и похода через 400-х³¹⁴ верстную пустыню с Сев[ерного] Кавказа до Астрахани.

Приказу об отправке 33[-й] дивизии на Восточный фронт предшествовала следующая переписка между штабм XI и Полевым штабом республики.

3/4 телеграмма № 423/оп. (№ 3)[:] наштарм XI просит дать ответ на телеграмму № 62/оп от 27/3, в которой приаагался план наступления на Северный Кавказ через Великокняжескую, Торговую, Ставрополь и Тихорецкую, для чего предлагалось часть войск XI армии влить в X армию и, усилив ее, более энергично повести наступление на юг. В это время XI армия не имела оперативной директивы, главным заданием являлась подготовка войск к боевым действиям, между тем время проходило и уже пора было начать подготовку к самой боевой операции, т.е. готовить пути и средства сообщения, детализировать план наступления, организовать транспорт и снабжение. Особенно важно было немедленно же иметь ответ главкома потому, что в зависимости от направления, именно – будет ли нам дано Тихорецкое направление, стоял вопрос о подготовке водного (морского) транспорта, используя речные водоплавные средства, каковые для этой цели пришлось бы взять целиком, т.е. разрушить транспорт на Нижнем плесе Волги. Не получая ответа из Полевого штаба, Р.В.С. не мог приступить к оборудованию судов для переброски войск морем, так как в случае принятия нашего плана совершенно бесполезно был бы нанесен колоссальный вред волжскому транспорту, предназначавшемуся для вывоза

---

³¹⁴ Так в документе.

рыбных запасов и нефтяных остатков. В то же время медлить с подготовкой операции уже не представлялось возможным, каждый день был на счету. Молчание Полевой штаба при этих условиях являлось недопустимым.

6/4 шторм XI еще раз № 179 запрашивает Полевой штаб.

Наконец, 8/4 получается две телеграммы за подписями Костяева и комиссара [Г.К.] Голенко.

Первая из них № 1558 от 8/4 в п. 2 говорит, что «Оперативные задачи XI армии будут даны через некоторое время, в настоящее же время необходимо подготовить десантную операцию (куда) и движение по дорогам к Св. Кресту, хотя бы небольшими силами».

Вторая № 1570 также от 8/4 содержит следующий ответ на предыдущие запросы Реввоенсовета XI, именно: предлагается «безотлагательно приступить к оборудованию своих путей, указанных Вашей телеграммой № 62/оп в пункте втором намеченного плана, с расчетом на число войск, согласно того же пункта второго, одновременно подготавливая и транспорты». План же командарм[а] XI, предложенный телеграммой № 62 от 27/Ш, был таков:

«1. Перенести разграничительную линию для войск, действующих против Северного Кавказа, на запад до нижнего течения реки Дона, 2) сформировать из войск XI армии первую восточную группу войск (из двух бригад конницы, двух бригад пехоты с артиллерией) для операции на Св. Крест, Кизляр и Петровск, 3) остальные войска XI армии влить в X армию и образовать вторую – западную группу войск, имеющую задачей занятие Северного Кавказа и дальнейшую операцию на юг по побережью Каспийского моря, 4) объединить командование для более энергичного и согласованного действия, обоими группами и флотом в одних руках».

Таким образом, второй телеграммой Полевой штаб утверждает часть нашего плана, изложенного в § 2, т.е. операцию на Св. Крест, Кизляр и Петровск с помощью указанных нами сил (2-й бригады кавалерии и 2-й бригады пехоты с артиллерией), между тем первая телеграмма от того же восьмого апреля указывает лишь на операцию на Св. Крест. Обе они подписаны начальником штаба Костяевым с комиссаром Голенко. Обе телеграммы, однако, не касались остальных пунктов, выдвинутых в предложении командарма XI (телеграмма № 62/секр.). Поэтому командарм XI и комфлот Сакс³¹⁵ 11 апреля № 195/секр доносят главкому, что «флот

³¹⁵ Сакс Сергей Евгеньевич (1889 – после 1954) – бывший прапорщик, член РКП(б), член РВС Каспийско-Кавказского фронта, командующий Астрахано-Каспийской флотилией.

может при благоприятных условиях только в течение 22 дней перевезти один полк», а так как движение на Кизляр по побережью крупными силами допустимо лишь при отказе дать армии более удобное направление (на Тихорецкую), ответа же по этому вопросу не получено, начинать же движение малыми силами без наличия быстрого продвижения на юг X армии не представляется возможным. Докладывая об этом, командарм XI вновь предлагает части 33[-й] дивизии через неделю, т.е. 18–19 апреля, в количестве восьми тысяч штыков, двести сабель, 400 пулеметов, 2-х батарей и 700 повозок, послать на усиление X армии, оставшиеся же силы направить по побережью.

Столь настойчивые требования вести операцию на Сев[ерный] Кавказ в двух направлениях – вдоль побережья Каспия совместно с флотом и на Тихорецкую – вызывались ясным сознанием, что не только одни морские операции (как бы флот ни был силен, – как говорил Альтфатер³¹⁶) и соединенные с флотом операции на побережье не могут считаться вполне обеспечивающими [выполнение] поставленных армии задач – овладение Петровском, Баку, Грозным (впоследствии так и случилось[:]) 1) Юж[ный] фронт, который по заявлению главкома должен был вести операции на Сев[ерный] Кавказ, а XI армия д[олжна] б[ыла] лишь оперировать в восточной части Сев[ерного] Кавказа, не взяв даже Ростова, отчасти потому, что X армия, вовремя не подкрепленная, не смогла взять Тихорецкую и зайти в тыл к Ростову, 2) одни морские операции не привели к овладению даже Петровском, а 3) успешно развивавшиеся операции по побережью, не поддержанные со стороны X армии, не могли иметь серьезного военного значения).

Одновременно с этой телеграммой мною на имя главкома, в копиях т.т. Троцкому и Ленину посылается телеграмма № 114/секр., в которой я прошу дать полный и подробный ответ на предыдущие запросы.

На этот раз ответ дается незамедлительно – вопрос о переброске войск в X армию и объединение командования XI и X армий не могут быть сейчас разрешены положительно, ибо они не соответствуют общей обстановке на юге и Вост[очном] фронте и будут решены впоследствии, когда XI армия будет сформирована.

Эта телеграмма давала определенный ответ, план главкома по овладению Кавказом сводился к следующему: 1) Главные операции против

³¹⁶ В документе ошибочно – Альтфатор. Альтфатер Василий Михайлович (04.12.1883–20.04.1919) – бывший контр-адмирал, военный специалист РККА. Член РВСР, первый командующий морскими силами Советской России.

Кавказа разовьются после ликвидации Ростова и Новочеркаска, 2) Главное наступление будет нести армии Юж[ного] фронта, 3) На XI армию выпадает второстепенная задача – содействия флоту и небольшой задачи на побережье.

Из этого плана вытекала и задача X армии, которая впредь до взятия Ростова и Новочеркаска должна была двигаться в юго-западном направлении, обессиливая направление на Тихорецкую.

По плану же Реввоенсовета XI армии, пополнения войсками этой армии, X армия должна была также энергично наступать и на Тихорецкую, с тем, чтобы, с одной стороны, прервать сообщения Деникина с Сев[ерным] Кавказом, а с другой – движением на Ставрополь начать наступление на Кавказ.

16/4 главком телеграммой № 907/м приказывает командарму XI спешно довести 33[-ю] дивизию до полной боевой готовности, т.к. дивизия не позднее 25/4 подлежит переброске на один из фронтов – на Южный или Восточный.

19/4 наштареввоенсовета³¹⁷ Ф.[В.] Костяев телеграммой № 1784 сообщает с резолюцией главкома «Выполнить в кратчайший срок при содействии флота» постановление Совета обороны от 16/4 № 29 о том, чтобы в кратчайший срок произвести операцию для захвата гурьевской нефти.

Телеграмма эта весьма характерна по своей несерьезности и наглости – «Главком приказал выполнить в кратчайший срок», как будто операция на Гурьев не производилась только потому, что «главком не приказал», к тому же ведь главком «приказал» еще осенью 1918 года. Но от главкома требуется не одно «приказал». Главком должен знать, что операция могла не производиться в силу одной из следующих причин: 1. Вследствие недостаточности сил (а в таком случае одновременно с резолюцией должны быть предоставлены какие-либо силы), 2) вследствие несвоевременности (но этой не было), 3) потребные для операции войска могли быть заняты какой-либо другой операцией (тогда следовало дать соответствующий приказ об изменении плана). В действительности же операция на Гурьев задерживалась из-за морских операций, т.к. пехота находилась не в Гурьеве, а восточнее этого пункта на мысе Ракушечный.

Получив для исполнения постановление Совета обороны, Реввоенсовет республики через главком[а] должен был дать армии разработанный

³¹⁷ Начальник Полевого штаба РВСР.

приказ, содержащий в себе указание – будет ли эта операция одной лишь XI армии или же совместно с Юж[ной] группой Вост[очного] фронта. Ставка должна была иметь представление о характере этой операции. Всего указанного не было сделано. Как и везде, была та же халатность и поверхностное отношение. Для полноты картины укажу на то, что через месяц, т.е. в последних числах мая, уже после того, как XI армии нельзя было дать приказ о взятии Гурьева, такой же приказ дается Вост[очному] фронту, Реввоенсовет которого выделяет пять тысяч штыков, 1500 конницы и запрашивает РВС XI армии, находящийся в Астрахани и имеющий свое Гурьевское направление, запрашивает о том, в какой степени и какое именно содействие этой операции может оказать Каспийская флотилия. Факт весьма показательный – именно: XI армия вполне подготовила операцию на Гурьев, включительно до таких деталей, как приспособление мелкоосидающих плашкоутов для восстановления трубопровода и для перекачивания нефти и формирования специального, из местных гурьевских рабочих и ловцов, отряда и т.д., армия имела в своем распоряжении дивизию и уже должна была начать операцию; у этой армии отбирается единственная дивизия и отправляется на другой фронт; дивизия эта в большей своей части в течение целого месяца находится в пути из Астрахани до Миллерово; через месяц, т.е. в конце мая, Вост[очный] фронт получает приказ об операции на Гурьев. Объяснить это можно, во-первых, тем, что главком Вацетис окончательно «потерял голову» и, получая постоянное надавливание из Совета обороны, давал приказы, которые на первое время, казалось, отвечали требованию Совета обороны, а во-вторых, прямой белогвардейской работой технического аппарата Полевого штаба, составлявшего провокационно запутанные приказы, с определенной целью задерж[ив]авшего ответы и переписку и т.д. Конечно, все это возможно лишь при наличии доведенного до абсурда принципа невмешательства комиссаров в оперативную работу, доходящего до того, что комиссары, не осуществляющие фактического – делового контроля, не видели, как путем неправильных приказов действительно совершалось белогвардейское дело. «Дезорганизуй работу большевиков изнутри, разлагай Красную армию, воздерживайся от авантюры, издавай запутанные приказы и т.д.» – так учит инструкция белогвардейцев, работающих в Красной армии, и это выполнялось.

19/4 телеграммой³¹⁸ № 917/ш тот же Ф.[В.] Костяев сообщает, что 33[-я] дивизия в полном составе и бригада кавалерии (а в телеграмме

---

³¹⁸ В документе – телеграмма.

№ 907/ш от 16/4 говорилось лишь о 33[-й] дивизии) должны быть готовы к отправке в район Самары не позднее 25 апреля.

Таким образом, в один и тот же день 19 апреля за подписью одних и тех же лиц, именно начальника Полевого штаба Реввоенсовета республики Ф.[В.] Костяева и за комиссара штаба Голенко, отправлены два приказа, противоречащих один другому: «В кратчайший срок выполнить операцию против Гурьева» и «Подготовить отправку 33[-й] дивизии полностью и бригаду кавалерии на Вост[очный] фронт не позднее 25 апреля».

20/4 телеграммой № 1795/оп главком Вацетис приказывает немедленно направить 33[-ю] дивизию в полном составе и бригаду кавалерии на Вост[очный] фронт, переброска должна начаться не позже 25 апреля.

Все вышеприведенные четыре телеграммы № 907 с предупреждением об отправке 33[-й] дивизии, № 1784 об операции на Гурьев, № 907 с вторичным предупреждением об отправке 33[-й] дивизии и бригады 7[-й] кав[алерийской] дивизии и [№] 1795 [с] приказ[ом] о переброске указанных частей нами получены в один и тот же день – 20 апреля.

Телеграмма была получена в 22 часа 20/4, а в 24 час[а] уже был готов приказ по подготовке по переброске дивизии. Положение на соседних фронтах нам было не вполне ясно, но имевшиеся сведения позволяли, однако, предполагать, что угроза на Вост[очном] фронте и особенно в связи с группировкой денкикинских войск на фронте X армии настолько велика, что главком, очевидно, решил прекратить операции на фронте нашей XI армии, т.к. за уходом 33[-й] дивизии и бригады кавалерии [в] армии практически не остается годных для военных действий сил. Перед РВС встали следующие вопросы:

1) Отправка 33[-й] дивизии практически приводит армию к невозможности выполнить поставленные ей задачи.

2) Положение соседних фронтов может требовать даже полного отказа от каких-либо операций на Каспийско-Кавказском фронте.

3) Мы не имеем данных для решения вопроса о том, действительно ли создавшееся на Вост[очном] фронте положение требует отправки 33[-й] дивизии в полном составе, если даже это обозначает отказ от операции за нефтью, формально мы не имеем права решать этого вопроса, а потому должны в точности исполнить приказ главкома.

4) При этом, однако, мы должны одновременно поставить в известность Реввоенсовет республики и Совет обороны, к каким последствиям это приведет, и получить от главкома точно определенные задания армии, соответствующие остающимся наличным силам.

РВС XI армии считал обязательным предварительно окончания отправки дивизии выяснение вышеуказанных вопросов, так как крайне важно было, чтобы в случае подтверждения приказ был санкционирован Советом обороны или Реввоенсоветом республики.

С отправкой дивизии совершенно разрушался наш план действий, вопрос становился в другую плоскость – при создавшемся на соседних фронтах положении развивать наступательные операции с военной точки зрения является чистой авантюрой.

Мы не считали себя вправе поступать так, как это установилось, к сожалению, на других фронтах, когда исполнение приказов главного командования о перебросках частей или совсем не исполнялось, или исполнялось с большой неаккуратностью, как в отношении времени, так и в количественном отношении, нам необходим был ясный приказ, переброска 33[-й] дивизии в полном составе означает отказ от операции на Кавказско-Каспийском фронте, следует ли, принимая это во внимание, все же отправить ее полностью.

С этой целью РВС посылает 21/5 телеграмму (№ 14), где также указывается, насколько важную задачу должна выполнить 33[-я] дивизия, и задается вопрос – какие части и в каком количестве должны быть оставлены в XI армии и какие задачи ей будут поставлены. Телеграмма адресуется главному, копия – Совету обороны. В ответ на поставленные Реввоенсоветом вопросы:

- 1) Сколько полков пехоты и конницы следует оставить в XI армии,
  - 2) Какие боевые задачи будут поставлены армии,
- 22 апреля главному отвечает телеграммой № 1644/оп:
- 1) Боевые задачи остаются прежние.
  - 2) Переброске подлежат «лишь части 33[-й] дивизии, которые предполагались в телеграмме 115/с [к] отправке в X армию».
  - 3) Из кав[алерийской] дивизии надлежит выделить лишь одну бригаду, оставив остальные части для выполнения возложенных на вас задач.
  - 4) Далее в телеграмме следует подсчет остающихся сил и указание на то, что «так как Вами начато выполнение одной из боевых задач с движением на Черный Рынок, то принятая Вами группировка сил не должна нарушаться, и если боевые задачи выполняются частями, которые подлежали бы переброске на Вост[очный] фронт, то они должны быть заменены происходящими у Вас ускоренными формированиями, для чего у Вас будет не менее двух недель времени, так как переброска 33[-й] дивизии и бригады кавалерии начнется 25 апреля и должна закончиться к 10 мая».

Рассматривая телеграмму по пунктам, необходимо сделать следующие выводы:

К § 1. Оставлять боевые задачи прежними при изъятии из армии целой дивизии, к тому же единственной, – значит, допустить простой обман, прикрыв его перечислением несуществующих частей, будто бы остающихся в армии. Итак, предстояло «в кратчайший срок взять Гурьев, Петровск, Грозный» и т.д., но... без войск.

К § 2. Перебросить в X армию предполагалось две бригады пехоты, только лишь. Конница же, имеющая исключительное значение на пустынно-степном фронте XI армии, конечно, не могла быть переброшена. Таким образом, эта телеграмма позволяла оставить нужную армии часть 33[-й] дивизии.

Здесь, однако, необходимо указать, что ссылка на предполагавшуюся переброску части 33[-й] дивизии в X армию, с военной точки зрения, является совершенно несостоятельной, ибо переброска частей XI армии в X армию рассматривалась как простая перегруппировка – настолько связанными в своих задачах были фронты этих двух соседних армий. Переброска же дивизии на другой фронт, по нашему мнению, являлась допустимой лишь постольку, поскольку положение самой XI армии становилось зависимым от соседнего фронта, – так именно и рассматривал РВС XI армии, что опасность, идущая с Вост[очного] фронта, прямо ставила вопрос о самом существовании XI армии, т.е. ее тыл захватывался противником и создавалась угроза перерыва коммуникационных линий с центром.

К § 3. Телеграммой от 21/4 РВС XI армии доносил, что 7[-я] кав[алерийская] дивизия в тот момент фактически состояла из одной организованной бригады, остальная же ее часть представляла лишь не сформированных выздоравливающих кавалеристов, частью безлошадных, не вооруженных и т.д. Так что «выделить», как это приказывал главком, было не из чего, отправив же бригаду, армия оставалась без кавалерии, так как «остальных частей», как это пишет главком в своей телеграмме № 1844 от 22 апреля, не оставалось.

По § 4. В своем подсчете остающихся (а отправлением 33[-й] дивизии и бригады 7[-й] кав[алерийской] дивизии, частей, главком подсчитывает номера частей, а не имеющиеся в действительности силы, а именно: «Таким образом, для выполнения боевой работы в XI армии остаются части 34[-й] дивизии»), как видно из донесения командарма XI Жданова от (дата пропущена, для ее последующего внесения остав-

лено место. – А.Г.), эта дивизия представляла лишь кадры всего около 3-х тысяч выздоравливающих красноармейцев, не обмундированных и не вооруженных, не было также материальной части и командного состава, и одна кав[алерийская] бригада (в действительно[сти], как указано выше, не существовала и об этом доносилось 21/4, т.е. накануне).

Подобный расчет, в копии адресованный и в Совет обороны, являющийся лживым, не должен рассматриваться иначе как преступное действие.

По § 5. Заменить 33[-ю] дивизию, использовав 2-хнедельный срок для формирования 34-й дивизии, – так говорит главком. Между тем нач[альник] Всерос[сийского] гл[авного] шт[аба] уведомил (как это видно из того же донесения командарма Жданова от ...³¹⁹), что ожидать пополнений для XI армии в ближайшее время нельзя, а материальной части, обмундирования, вооружения, упряжи и т.д. в армии больше не осталось, не осталось также материалов для приготовления на месте, т.к. все было использовано уже для 33[-й] дивизии. Таким образом, опять главком оперирует с заведомо неверными сведениями (а нач[альник] штаба в разговоре по прямому проводу говорит: «Ускоренно формируйте 34[-ю] дивизию, позаимствовав снабжение из Южного фронта 10[-й] армии, если там таковое имеется». Это пишет нач[альник] Полевого штаба Реввоенсовета республики ... использовать снабжение соседнего фронта ... можно ли придумать что-либо более нелепое с военной точки зрения).

Рассматривать телеграмму № 1844 иначе как канцелярскую отписку с ложными сведениями нельзя. Для нас она в то время давала определенный и важный выход, именно – пользуясь тем, что отправке надлежали лишь «части» 33[-й] дивизии, мы могли оставить одну бригаду, среди же телеграмм, где говорится не нарушать принятой группировки, определенно указывалось, что положение Вост[очного] фронта вовсе не требует ликвидации фронта 11[-й] армии. Этого было вполне достаточно, и РВС XI армии одновременно с отправкой дивизии приступил к развитию военных операций по побережью на Черный Рынок и ожидал лишь ответа комфлота Сакса для начала Гурьевской операции. Оставшаяся бригада 33[-й] дивизии должна была развернуться в 34[-ю] дивизию.

При таких условиях продолжение операций было возможно, тем более что полученные с Кавказа сведения определенно указывали на быстрый рост революционного движения.

³¹⁹ Дата пропущена, для ее последующего внесения оставлено место.

25.IV от тов. Ленина получается телеграмма, в которой выражается недовольство медленностью действий XI армии и предлагается в срочном порядке обсудить, как можно ускорить взятие Петровска и Гурьева для вывоза нефти. Основываясь на телеграмме главкома № 1844, выше разобранной, тов. Ленину дается ответ, что операция на Петровск уже начата и идет усиленно, операция же на Гурьев подготовлена, но задерживается медленностью действий флота.

Совершенно неожиданно 27 апреля получается новое распоряжение главкома (тел[еграмма] № 1938/оп) – «Немедленно отправить 33[-ю] дивизию в полном составе и бригаду 7[-й] кав[алерийской] дивизии на Вост[очный] фронт».

Этот приказ уже окончательно расстраивал весь план операций и находился в прямом противоречии с телеграммой от 23 апреля, а также и телеграм[мой] тов. Ленина.

Получив это распоряжение, командарм XI Жданов по прямому поводу докладывает главкому:

1) Отправка дивизии начата 25 апреля (как и было приказано), идет беспрерывно.

2) Просит оставить в армии 1[-ю] бригаду 33[-й] дивизии, как специально подготовленную для операций на Кавказе.

3) Сообщает, что по отправке 33[-й] дивизии в армии не остается войск, так как рассчитывать на сформирование 34[-й] дивизии нельзя.

4) Между тем выполнение возложенных на армию задач не терпит отлагательства, так как политическое положение Кавказа и наличие незначительных сил противника создает благоприятную для нас обстановку, чтобы овладеть всем краем и создать из его местного населения мощную армию, а захват Гурьева даст нам возможность не только овладеть нефтяными промыслами, но и оказать непосредственную помощь Восточному фронту, действуя во фланг и тыл наступающему к Волге противнику.

И вот [на] важнейшие не только для XI армии вопросы получается следующий лаконический ответ через уполномоченного главкома Генштаба [В.К.] Токаревского³²⁰: «Все перечисленные Вами задачи XI армия должна разрешить постепенно, по мере заканчивания формирования 34[-й] дивизии». Подпись Вацетис, подписи комиссара нет.

---

³²⁰ Токаревский Вячеслав Константинович (23.06.1882–1927) – бывший полковник, военный специалист РККА. Помощник начальника оперативного отделения Полевого штаба РВСР.

2/V мною дается телеграмма № 5495, адресованная предреввоенсовета Троцкому, копия т. Ленину. В этой телеграмме я подробно указываю на все противоречивые распоряжения главкома и обрисовываю сложившееся положение, что, отправив 33[-ю] дивизию, мы должны отказаться от наступательных операций и на Кавказ и на Гурьев.

Создалось положение необычайно тяжелое и сложное: с одной стороны, ясно чувствовалось прямое предательство Полевого штаба, а с другой – все способы и средства как-либо выяснить перед Советом обороны подлинное значение приказов главкома.

Однако прямого ответа на эту телеграмму не последовало.

Получена же была лишь телеграмма главкома № 2080 с разрешением временно оставить один полк.

Мера совершенно излишняя, т.к. с одним полком, конечно, сделать ничего нельзя. В конце телеграммы указывается, что боевые задачи остаются прежними (а вышеприведенная резолюция главкома говорила: поставленные армии задачи выполнять лишь по мере формирования 34[-й] дивизии). Опять новое противоречие с предыдущими распоряжениями.

Наконец, в разговоре по прямому проводу нач[альник] штаба Костяев говорит командирам так: «Мы сами заинтересованы в Кавказе, но хотя временно, думаю, ненадолго придется отказаться от этого».

Сопоставляя эту фразу с резолюцией главкома, следует прийти к выводу, что Полевой штаб великолепно понимал, что вместе с переброской 33[-й] дивизии на Вост[очный] фронт приходится отказаться от операций на Кавказ[е].

Всякие же манипуляции с неверными сведениями, которые проделывались главкомом в различных телеграммах, были лишь стремлением скрыть от Совета обороны действительное положение на фронте, которому нельзя не придавать весьма важного значения.

Это явилось результатом полнейшей несогласованности планов Совета обороны и Реввоенсовета республики, полнейшей негодности комиссаров Полевого штаба, не видевших наглейшую белогвардейскую работу.

Post Scriptum

(М.А. Муравьев,
П.А. Славен,
А.И. Харченко,
В.В. Яковлев)

Для полноты картины необходимо провести сравнительный анализ биографий тех командармов-изменников, судьбы которых не стали предметом специального рассмотрения в нашей книге. Речь идет о М.А. Муравьеве, П.А. Славене, А.И. Харченко и В.В. Яковлеве. Сведений о них, исключая Муравьева и Яковлева, немного.

Михаил Артемьевич Муравьев родился в 1880 г. в бедной крестьянской семье Костромской губернии. Учился в Костромской учительской семинарии и Казанском пехотном юнкерском училище. Участвовал в Русско-японской войне, был ранен, имел боевые награды. Несколько лет по состоянию здоровья прожил за границей, в основном во Франции, где посещал французскую Военную академию и попал под влияние культа Наполеона. Вернулся в Россию, участвовал в Первой мировой войне, был ранен, дослужился до подполковника. Немаловажно, что еще в старой армии у Муравьева было зафиксировано расстройство нервной системы, что влияло и на его поступки. Карьерный взлет Муравьева пришелся на 1917 г., когда этого офицера заметили сначала деятели Временного правительства, а затем и лидеры большевиков¹.

Петр Антонович Славен родился в 1874 г. в Лифляндской губернии, был по происхождению латышом, окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Участвовал в Первой мировой войне, проявив себя как храбрый офицер. Был награжден Георгиевским оружием. В старой армии дослужился до полковника.

Об Александре Игнатьевиче Харченко данных практически нет. До сих пор не установлены дата и год его рождения, равно как и происхождение. Известно лишь, что он был произведен в прапорщики за

---

¹ Подробнее о М.А. Муравьеве см.: *Беленкин Б.И. Авантюристы великой Смуты. Россия, XX век: Революция. Гражданская война. 20-е годы. М., 2001. С. 260–287; Боевой восемнадцатый год: Сб. док. и восп. М., 2018. С. 287–366; Гриневиц В.А., Гриневиц Л.В. Слідча справа М.А. Муравйова: документована історія. К., 2001; Савченко В.А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. М., 2000. С. 44–64; Swain G. Russia's Garibaldi: The Revolutionary Life of Mikhail Artemevich Muraviev // *Revolutionary Russia*. 1998. Vol. 11, № 2. P. 54–81.*

боевые отличия в ноябре 1914 г. (производство Высочайше утверждено в марте 1915 г.). Последним его чином в старой армии был чин поручика.

Василий Васильевич Яковлев (настоящие имя, отчество и фамилия – Константин Алексеевич Мячин) родился в 1886 г. в крестьянской семье Оренбургской губернии. Он был служащим, но в годы Первой русской революции принял участие в создании отрядов боевиков, участвовал в «эксах» на территории Башкирии, затем в 1908 г. уехал из России. Несколько лет прожил в эмиграции в Бельгии, Германии, Италии, Швейцарии. Работал электриком. Вернулся в Россию в 1917 г. Активно участвовал в революционных событиях в Петрограде, даже стал комиссаром центральной телеграфной станции и помощником председателя ВЧК².

М.А. Муравьев был человеком авантюристического склада и, как отмечалось, обладал расстроенной нервной системой. Неудивительно, что он совершал и эксцентричные выходы. В его биографии есть ссора с офицером с применением холодного оружия в 1903 г., завершившаяся несколькими месяцами гауптвахты³, а также попытка сместить одесского губернатора в 1917 г. Кроме того, будучи первоначально сторонником Временного правительства, позднее он был не прочь свергнуть это правительство⁴. Свое видение политических перспектив он изложил в 1917 г. в доверительной беседе с будущим лидером антибольшевистского движения на Дальнем Востоке есаулом Г.М. Семеновым: «Подождем лучше, пока большевики не повесят все Временное правительство, а мы с вами потом будем вешать большевиков»⁵. Но, по мнению Семенова, для роли русского Бонапарта Муравьеву не хватало решительности. По взглядам Муравьев примыкал к левым эсерам и даже считал себя членом этой партии, хотя состоял ли он в партии официально, остается не установленным⁶. При этом Муравьев был сторонником идеи единой и неделимой России.

² Подробнее о В.В. Яковлеве см.: *Авдони А.Н.* В жерновах революции. Екатеринбург, 1995; *Сизов С.Г.* Беглый комиссар В. Яковлев (Мячин) и его «исповедь» в омской газете «Правительственный вестник» (ноябрь 1918 года) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2017. № 2. С. 18–20.

³ *Беленкин Б.И.* Авантюристы великой Смуты... С. 264.

⁴ *Семенов Г.М.* О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999. С. 72–73.

⁵ Там же. С. 73.

⁶ Партия левых социалистов-революционеров: Док. и мат. 1917–1925 гг. М., 2015. Т. 2, ч. 2. С. 353, 1034–1035.

О политических взглядах П.А. Славена и А.И. Харченко сведений обнаружить не удалось. Последнего в советской литературе иногда именовали эсером⁷, но на чем основывались эти утверждения, сказать сложно. В.В. Яковлев как член РСДРП с 1905 г. являлся сторонником соответствующих взглядов.

М.А. Муравьев выдвинулся как видный военный работник новой власти уже в октябре 1917 г. Он вошел в состав штаба Петроградского ВРК, стал начальником обороны Петрограда, главнокомандующим войсками Петроградского военного округа, руководил борьбой с выступлением генерала П.Н. Краснова, наступавшего на Петроград. Именно Муравьев одним из первых применил тактику «эшелонной войны», предопределившей облик начального этапа Гражданской войны в России. В конце 1917 – начале 1918 г. Муравьев организовывал отряды для борьбы с донским атаманом А.М. Калединым, руководил советскими войсками (1-й революционной армией), наступавшими на Киев. Его действия сопровождались актами массового террора. Затем Муравьев командовал войсками Одесской советской республики. В апреле 1918 г. был арестован в Москве за злоупотребления властью и связи с анархистами, но в мае освобожден, а 13 июня был назначен главнокомандующим Восточным фронтом и внес значимый вклад в его становление и укрепление (в новейших исследованиях такая оценка роли Муравьева на Восточном фронте приобрела консенсусный характер⁸).

П.А. Славен как латыш был выдвинутцем главкома И.И. Вацетиса. Он занимал пост начальника отдела снабжения Латышской дивизии⁹, после чего пошел на повышение. С 16 августа по 20 октября 1918 г. он командовал 5-й армией (по другим данным, с 14 августа по 20 сен-

---

⁷ Кучкин А.П. В боях и походах от Волги до Енисея: Записки военного комиссара. М., 1969. С. 17; Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии (1917–1919 гг.). Уфа, 1966. С. 279.

⁸ Ганин А.В. Попытка упразднения Восточного фронта летом 1918 года. Малоизвестный эпизод советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 2016. № 8. С. 14–18; Наумов Е.О. «Муравьев всячески мешал сосредоточению первой армии»: к вопросу о роли командующего Восточным фронтом в создании 1-й армии летом 1918 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2017. Т. 17. Серия История. Международные отношения. Вып. 2. С. 262–268; Симонов А.А. Главком М.А. Муравьев и создание Восточного фронта (июнь – июль 1918 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2013. Т. 13. Серия История. Международные отношения. Вып. 1. С. 31–38.

⁹ История латышских стрелков (1915–1920). Рига, 1972. С. 284.

тября¹⁰). Сомнений в его лояльности не было. Славен имел заслуги перед Красной армией, отличившись при обороне, а затем и взятии Казани в августе и сентябре 1918 г., причем в октябре был представлен Реввоенсоветом республики к ордену Красного Знамени¹¹. Председатель РВСР Л. Д. Троцкий в январе 1919 г. даже отмечал, что, «несмотря на неустойчивость частей, колебания командиров, т. Славен ни на минуту не терял духа и уверенной рукой вел свою армию в бой, организуя и воспитывая ее под неприятельским огнем. Взятие Казани создало перелом в истории Советской Республики. Главная роль в этом деле принадлежит т. Славену»¹². С 9 ноября 1918 по 21 января 1919 г. Славен командовал советским Южным фронтом, затем с 10 марта по 7 июня 1919 г. – армией Советской Латвии, переименованной в 15-ю армию, которой руководил с 7 по 25 июня 1919 г. С должности он был снят в связи со сдачей Риги 15-й армией. Славена называли безвольным и нерешительным¹³. Интересно, что в сентябре 1918 г. Троцкий по ходатайству Славена поднимал перед председателем ВЦИК Я. М. Свердловым и наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным вопрос о переводе семьи Славена из Риги в Москву, просил отправить семье деньги и помочь переехать¹⁴. Таким образом, военспец тогда собирался твердо связать свою жизнь и жизнь своих близких с Советской Россией. Однако позднее его позиция поменялась.

Обстоятельства службы в РККА А. И. Харченко малоизвестны. Известно лишь, что декретом РВС Восточного фронта № 1 от 16 июня 1918 г. он получил назначение командующим 1-й армией Восточного фронта, поскольку был лично известен другому будущему изменнику, М. А. Муравьеву, по работе на Украине, где также командовал 1-й армией другого формирования¹⁵. На Восточном фронте в должности командующего 1-й армией Харченко пробывал

¹⁰ В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918–1920): Сб. док. Иркутск, 1985. С. 404.

¹¹ РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 148. Л. 274.

¹² Цит. по: Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя. М., 2009. С. 58.

¹³ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1562. Л. 18.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 22.

¹⁵ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; *Наумов Е. О.* Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта): дис. ... к.и.н. Саранск, 2017. С. 51.

короткий срок с 16 (по другим данным, с 19) по 28 июня 1918 г. За нераспорядительность он был снят с должности и сменил партийным военспецом, кадровым офицером М.Н. Тухачевским. Соответствующее решение еще 26 июня (в день назначения Ф.Е. Махина командующим 2-й армией) принял все тот же Муравьев. Тем не менее затем Харченко (видимо, в силу кадрового дефицита и экстренных поисков надежного командующего после измены Махина) был назначен командующим 2-й армией. Официально это было проведено декретом РВС Восточного фронта № 10 от 3 июля 1918 г.¹⁶, но, видимо, фактически Харченко командовал несколько дольше. Перешел на сторону противника он 4 июля.

Секретарь Уфимского губкома РКП(б) Г.Н. Котов вспоминал, что в Уфу Харченко приехал вместе с Муравьевым. По описанию Котова, Харченко «был молодой человек высокого роста, здоровый парень с очень грубым, неподвижным и глупым лицом. Всем это резко бросалось в глаза. Кроме этого, он не умел связать пары слов, так что с ним трудно было даже разговаривать»¹⁷. Одна из участниц заседания, большевичка Л.Н. Сталь, даже заподозрила в Харченко провокатора и требовала его арестовать, но ей не поверили.

В.В. Яковлев в 1918 г. руководил перевозкой бывшего императора Николая II из Тобольска в Екатеринбург, 13 мая 1918 г. Л.Д. Троцким он был назначен командующим Урало-Оренбургским фронтом¹⁸, но фактически в конце мая создал два отдельных фронта – Оренбургский и Уральский со своими командующими (Г.В. Зиновьевым и А.А. Ржевским соответственно). С 22 июня Яковлев декретом РВС Восточного фронта № 3 был назначен командующим созданной из уфимской и оренбургской групп войск 2-й армией¹⁹. 26 июня он был снят с этой должности, а 3 июля назначен комиссаром той же армии при командарме Махине²⁰.

Обстоятельства измены М.А. Муравьева ситуативны. Еще до прибытия на фронт Муравьев распорядился о создании армейских штабов с привлечением бывших офицеров Генштаба. В войсках,

¹⁶ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

¹⁷ Котов Г.[Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году // Пролетарская революция. 1928. № 6–7 (77–78). С. 310.

¹⁸ Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 141.

¹⁹ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 5; ДКФКА. М., 1971. Т. 1. С. 389.

²⁰ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

в том числе вследствие боевой обстановки, происходил переход от отрядов к полкам, дивизиям и армиям²¹. Началось введение жесткой дисциплины. 27 июня Муравьев, разместивший свой штаб в Казани, издал первый приказ, в котором наметил регулярную организацию фронтового аппарата²². В результате новейших архивных исследований удалось установить, что вероятной причиной измены Муравьева стал его конфликт с высшим советским военным руководством, в котором конструктивную позицию с точки зрения интересов Красной армии занимал как раз Муравьев²³. Создание фронта на востоке было воспринято военным руководителем Высшего военного совета бывшим генералом М.Д. Бонч-Бруевичем и, под его влиянием, председателем этого совета Л.Д. Троицким отрицательно. Свою роль сыграло резкое неприятие Бонч-Бруевичем какой-либо конкуренции в военном руководстве²⁴.

Фактически центр попытался сорвать создание фронта, насаждая отрядную систему, принятую в войсках завесы. М.А. Муравьев был возмущен этими дезорганизаторскими предложениями. С учетом его личностных особенностей – налета авантюризма, стремления играть роль (в том числе как руководителя мощного и важного фронта) – эти события могли стать катализатором последовавшего через несколько дней выступления против советской власти. Даже в работах советских авторов, в силу идеологических требований рассуждавших о заблаговременной подготовке Муравьевым почвы для измены, проскальзывали цитаты или упоминания, свидетельствовавшие о созидательной деятельности Муравьева как главнокомандующего²⁵. При этом история с конфликтом штаба фронта и Высшего военного совета, которая позволяла в традициях

---

²¹ Кляцкин С.М. На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965. С. 206; Симонов А.А. Главком М.А. Муравьев и создание Восточного фронта... С. 34–35.

²² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 230. Л. 75.

²³ Подробнее см.: Ганин А.В. Попытка упразднения Восточного фронта...

²⁴ Подробнее см.: Ганин А.В. Становление Красной армии во взаимоотношениях ее первых руководителей: М.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Вацетис и С.С. Каменев // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Архангельск, 2015. Вып. 2. С. 59–111.

²⁵ Ненароков А.П. Восточный фронт 1918. М., 1969. С. 100. Подробнее о роли Муравьева в советском военном строительстве см.: Симонов А.А. Главком М.А. Муравьев и создание Восточного фронта... С. 31–38.

советской историографии возложить всю вину на Троцкого, замалчивалась, поскольку представляла будущего изменника Муравьева в выигрышном свете.

Конфликт разворачивался на фоне окончательного разрыва большевиков с левыми эсерами и левоэсеровского восстания в Москве, а также череды восстаний, поднятых эсерами в Ярославле, Рыбинске и Муроме. Сам Муравьев, как известно, примыкал к партии левых эсеров, причем Ленин 7 июля просил членов РВС организовать личный надзор за ним и дежурить попеременно²⁶. И хотя К.А. Мехоношин сообщил, что Муравьев отказался от членства в партии, пошедшей против советской власти, Ленину этого показалось недостаточно, и он потребовал в тот же день от Мехоношина запротоколировать заявление Муравьева о выходе из партии левых эсеров (при том, что Муравьев в ней официально и не состоял) и продолжать слежку²⁷.

Безумные приказы центра и действия комиссаров постепенно переполняли чашу терпения главкома. В ночь на 10 июля Муравьев тайно от членов РВС отплыл из Казани в Симбирск, куда вызвал командующего 1-й армией М.Н. Тухачевского со штабом. В Симбирске он арестовал Тухачевского и других советских работников, объявил себя главнокомандующим армии, действующей против германцев, и призвал войска и население к восстановлению фронта против Германии. В тот же день Муравьева объявили вне закона и застрелили прямо на заседании губисполкома. Эти обстоятельства позволили позднее и М.Д. Бонч-Бруевичу, и М.Н. Тухачевскому возложить на Муравьева ответственность за все неудачи²⁸, а заслуги главкома оказались приписаны другим. 11 июля должность главнокомандующего фронтом от СНК получил И.И. Вацетис²⁹, который стал развивать прежние идеи Муравьева по созданию на востоке полноценного боевого фронта. Как ни странно, Муравьев своим

---

²⁶ В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1975. С. 85.

²⁷ Там же. С. 86.

²⁸ Бонч-Бруевич М.Д. Первые дни Красной армии (воспоминания) // Война и революция. 1929. Кн. 2. С. 52–53; Он же. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 295–297; Тухачевский М.Н. Первая армия в 1918 году // Тухачевский М.Н. Избранные произведения: в 2 т. М., 1964. Т. 1: 1919–1927 гг. С. 75–79.

²⁹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 287; Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис: Сб. док. Рига, 1978. С. 37.

выступлением принес пользу Красной армии. Возможно, если бы не мятеж и последовавшая за ним череда перемен, Бонч-Бруевич смог бы добиться упразднения Восточного фронта, а Красная армия там сорганизовалась бы еще не скоро, что ставило под угрозу само существование Советской России.

Интересно, что будущий изменник П.А. Славен при анализе инспекционной комиссией Высшей военной инспекции причин поражения армии Советской Латвии сообщил 14 июня 1919 г.: «Командный состав был призван из запаса, так как центр нам никого не дал, и он, конечно, дезертировал. Командный состав дезертировал около 30%, а коммунистов 63%. Это вышло, как Ленин говорит, как редиска – сверху красный, а разрежешь – белый. И разведкой заведовали такие люди, которые подозреваются в шпионаже, начиная с[о] времени Теодори³⁰, и вся разведка арестована. О таком положении вещей осведомлен и тов. Троцкий»³¹. К сожалению, обстоятельства измены Славена пока не установлены. Известно лишь, что 5 июля 1919 г. он был в Серпухове, в Полевом штабе Реввоенсовета республики³², а в ноябре сдался латвийским властям. Можно предположить, что его бегство связано как с неудачами на фронте, так и с арестом его патрона, бывшего главкома И.И. Вацетиса, по делу Полевого штаба. По другой версии, Славен просто стремился на Родину.

О бывшем поручике А.И. Харченко, командовавшем 1-й и 2-й советскими армиями и перешедшем к белым на Восточном фронте в июле 1918 г., также до сих пор практически не известно. 2-й армией он командовал лишь несколько дней (по документам – 3–4 июля 1918 г., по свидетельству секретаря Уфимского губкома РКП(б) Г.Н. Котова – «три или четыре дня»³³), причем сразу после измены ее прежнего командующего Ф.Е. Махина. Харченко перелетел к белым на аэроплане с оперативными картами и двумя (в другом варианте – тремя) миллионами рублей³⁴. Сдача также произошла

³⁰ Подробнее о Г.И. Теодори см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 380–414.

³¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1567. Л. 20.

³² ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 2.

³³ Котов Г.[Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году. С. 311.

³⁴ Гужвенко Г.И. Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941. С. 69; Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 152; Котов Г.[Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году. С. 311.

в районе Уфы³⁵. Судя по всему, перелетел он к противнику вместе с летчиками 33-го корпусного авиаотряда, которые были связаны с антибольшевистским подпольем³⁶. По-видимому, вред от этого перебежчика был несущественным. Тем не менее измены двух командующих армией подряд преопределили сдачу противникам большевиков Уфы.

С постов командарма и комиссара В.В. Яковлев, по утверждению уральского историка И.Ф. Плотникова, был понижен до должности третьего адъютанта штаба³⁷ (впрочем, упоминание подобной должности в штабах РККА вызывает недоумение). Из Уфы Яковлев уехал в Бирск, сдал там все военные документы, затем перебрался в Сарапул³⁸, а в августе 1918 г. был направлен уже в занятую белыми Уфу для подпольной работы³⁹. Три месяца он находился на нелегальном положении, но в октябре предложил свои услуги Уфимской Директории. При этом он подготовил воззвание к красноармейцам, в котором обвинил большевиков в «специфическом насаждении социализма посредством искоренения тех несчастных крестьян и рабочих, для которых, собственно, и сулят этот социализм» и призывал прекратить гражданскую войну⁴⁰. Свой переход на сторону противника он объяснял разочарованием в большевиках, писал о произволе новой власти, о попрании ею завоеваний революции, отмечал, что большевики истребляют всех своих оппонентов и губят страну своими опытами. Поскольку измена не была связана с командованием, последствий для Красной армии она не имела. По-видимому, Яковлев, как и некоторые другие изменники, являлся авантюристом.

М.А. Муравьев погиб в июле 1918 г. непосредственно во время своего выступления в Симбирске. Судьба П.А. Славена после его сдачи латвийским властям противоречива. По некоторым данным, он умер в ноябре 1919 г. в латвийском лагере от воспаления легких или от тифа. А.И. Харченко в 1919 г., насколько можно судить, вновь ока-

³⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 307. Л. 124.

³⁶ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 178. Л. 58об.

³⁷ Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.): Энциклопедия и библиография. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 226.

³⁸ Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 43, 156.

³⁹ Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале... С. 226.

⁴⁰ Авдонин А.Н. В жерновах революции. С. 45–46, 149–151.

зался у красных и был расстрелян по делу «Приволжской шпионской организации»⁴¹.

Начальник штаба Самарской группы войск полковник (впоследствии – генерал-майор) С.А. Щепихин вспоминал о прибытии В.В. Яковлева в Уфу: «Личность почти загадочная. Это был товарищ Яковлев, бывший главком в Самаре в период взятия Самары чехами.

Впервые он явился к нам по рекомендации Совета управляющих [ведомствами Комуча].

Яковлев, будучи оттеснен из Самары, отходил медленно на Туркестан.

Его сопротивление у Бузулука было сломлено, но возле Илецкой Защиты он задержался, вошел в связь с Туркестаном и долго был мозолью Дутова⁴². Затем, по его словам, он решил бросить игру, разочаровавшись в большевиках, и тайно сдался.

Из-под Уфы, не открывая своего места, он прислал в Совет письмо, как водится, покаянное, слезницу. Запрашивал, может ли ему Совет гарантировать свободу; он давал клятву, что будет лоялен и нейтрален; на службу не напрашивается, так как хорошо понимает, что он в лучшем случае может возбуждать лишь недоверие к себе всей своей предыдущей деятельностью... Совет гарантию ему дал, и он явился в Уфу. Был и у [С.Н.] Войцеховского.

Высокого роста, брюнет с усами и бородкой, вид чахоточного; сильно темные, блестящие глаза; говорит четко, тенорком, но несколько мямлит, выказывая вообще мягкую натуру, скорее застенчивую.

По прежней профессии учитель.

Планы его – уехать через Дальний Восток за границу, где начать новую жизнь – он еще не стар, не старше 35 лет.

Ему было разрешено жить в Уфе, но с явкой в определенные сроки. Установили наблюдение...

Через несколько времени ко мне является матрона купеческого вида с дочкой и просит разрешить Яковлеву выехать на Д[альний]

⁴¹ Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. С. 152. В.В. Дубленных, перепутав А.И. Харченко с его однофамильцем В. Харченко, сидевшим в тюрьме в Оренбурге (Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919 гг.): Док. и мат. Оренбург, 1958. С. 156), указал, что командарма якобы казнили дутовцы (Дубленных В.В. Вооруженные формирования Урала периода Гражданской войны. Исторические справки. Екатеринбург, 2002. С. 379).

⁴² Эти сведения не соответствуют действительности.

Восток. Оказывается, это были невеста Яковлева и будущая теща, из купеческой богатой семьи.

От [М.К.] Дитерихса я получил определенное указание держать этого типа в Уфе под надзором⁴³, а в случае эвакуации отправить в тыл по этапу. Дамы же хлопотали о свободном проезде.

Я отказал. Еще несколько раз приходила купчиха, пуская в ход слезы и т.п., но безрезультатно...

Затем из контрразведки мне докладывают, что Яковлев предлагает 10 000 золотых рублей за разрешение на выезд...

Я вызываю его, проверяю донесение и предупреждаю Яковлева, что его свобода в Уфе будет сильно ограничена, если он еще попробует пускать в ход такие средства...

В конце концов Яковлев уехал. Говорили мне, что без документов – не знаю. Я телеграфировал Дитерихсу; он его перехватил...

Но все же вскоре Яковлев выехал на Дальний Восток, исчезнув с сибирского горизонта... Кому-то сколько-то было дадено!!»⁴⁴

Дальнейшая судьба В.В. Яковлева полна приключениями. Он, по-видимому, не мог жить обывательской жизнью. У белых его арестовали, но в начале 1919 г. освободили под подписку о невыезде. Нарушив подписку, Яковлев бежал в Харбин. Работал электромонтером, служил на КВЖД, переехал в Шанхай, устроился в советское консульство секретарем, служил в аппарате главного политического советника при правительстве Сунь Ятсена М.М. Бородина. Позднее попал в китайскую тюрьму, бежал в СССР, где в 1927 г. был арестован, осужден на 10 лет лагерей, но в 1933 г. вышел на свободу досрочно. Затем сам стал сотрудником ГУЛАГа. В феврале 1938 г. был арестован, а в сентябре расстрелян. Впоследствии реабилитирован.

---

⁴³ По-видимому, в связи с расследованием расстрела семьи Романовых, которым занимался М.К. Дитерихс.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 34–34об.

Заключение

Революция и Гражданская война стали временем радикального слома прежнего уклада жизни российского общества. На острие начавшегося противостояния оказался офицерский корпус, пребывавший в растерянности и часто не имевший приемлемой стратегии выживания в сложившихся обстоятельствах. Далеко не все офицеры могли сделать осознанный идейный выбор. Кто-то, не исключая представителей прежней военной элиты, попал под маховик мобилизаций или по каким-либо иным причинам был вынужден служить тому лагерю, которому не сочувствовал.

Создавая Красную армию, большевикам приходилось опираться на во многом чуждое им офицерство, отношение к которому в Советской России трудно назвать благоприятным. Неизбежно возникала проблема нелояльности офицеров. В условиях Гражданской войны серьезный кадровый отбор по принципу лояльности был предельно затруднен, а возможности перейти к противнику, в лагере которого были знакомые и порой даже родственники, наоборот, очень широки.

Все командармы-изменники, кроме профессионального революционера В.В. Яковлева, были военными специалистами. Очевидно стремление большевиков назначать на высшие посты партийных начальников. Поскольку партийных военспецов и вообще высокопоставленных членов РКП(б) при попадании в плен белые расстреливали, это было некоторой гарантией от измен (впрочем, случай В.В. Яковлева говорит об обратном). Однако назначать членов партии удавалось в исключительных случаях, так как большая часть кандидатов на такие должности оставалась беспартийной. А.Г. Кавтарадзе в своем списке 82 командармов из бывших офицеров привел сведения лишь о 17 вступивших в партию до конца Гражданской войны¹. Среди 17 военспецов, командовавших советскими фронтами, в РКП(б) состояли только трое².

¹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 259–263.

² Там же. С. 208.

О непредсказуемости некоторых измен свидетельствовал случай В.В. Яковлева, когда на сторону противника перешел старый большевик, разочаровавшийся в партии. Однако дефицит высококвалифицированных кадров в Советской России приводил к тому, что на руководящие посты в РККА могли попадать как реально, так и потенциально нелояльные бывшие офицеры, имевшие негативный опыт взаимодействия с большевистским режимом (не исключая тех, кто прошел через аресты, немислимые для офицерской среды до 1917 г.), а также агенты противника.

Измены офицеров, ставших военными специалистами Красной армии, не были редкостью и получили распространение даже на самом верху советской военной иерархии – среди командующих армиями и фронтами. Подобных громких измен было несколько, и они составляли сравнительно небольшой процент среди высшего командного состава РККА (изменили красным 6,7% из 120 командармов и командующих фронтами).

Феномен нелояльности высшего командного состава был присущ именно Гражданской войне в России, ни до, ни после сразу восемь командующих армиями и фронтами к противнику не переходили. Надо ли говорить, сколь опасны могли быть последствия таких измен. Все командующие по своему статусу имели доступ к совершенно секретной информации, имевшей стратегическое значение. Кроме того, они могли передать противнику важнейшие сведения об оперативных планах, составе и дислокации войск, а накануне своего перехода отдать предательские приказы и подвести части под удар. Именно так поступил Ф.Е. Махин и подобную версию своих действий отстаивал перед судом у белых Н.А. Жданов, в отношении других изменников информация не столь определенная.

Случаи предательства высокопоставленных военных специалистов РККА в 1918–1919 гг. происходили регулярно и порой приводили к неудачам на фронте. Не секрет, что в советских штабах служило немало сторонников белых, которые пытались помогать тем, кому симпатизировали. Были там и крупные агенты белых. В частности, систематическую подрывную работу в штабе Северо-Кавказского военного округа вел бывший генерал А.Л. Носович, дезорганизовавший оборону красными Царицына и борьбу на Южном фронте в 1918 г. В Москве, в центральных органах советского военного управления подрывную работу вели бывшие генералы А.П. Архангельский,

С.А. Кузнецов и Н.Н. Стогов, состоявшие в белом подполье. В Петрограде действовали бывший генерал Б.В. Геруа, бывший полковник В.Я. Люндеквист и другие военспецы³. Люндеквист оказал значимую помощь Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича в период ее наступления на Петроград осенью 1919 г. Белым подпольщиком был начальник штаба группы войск Сумского направления бывший подполковник А.И. Парв. Его действия способствовали занятию белыми городов Полтава и Сумы летом 1919 г.⁴ Начальник штаба 13-й армии бывший генерал А.М. Зайончковский в октябре 1919 г. при оставлении красными Орла передал белым через адъютанта целый саквояж с оперативными документами и планами, предупредив белых о советском контрударе⁵. Перешедший к белым из РККА бывший полковник Б.Н. Ковалевский (Ковалевский-Русский) утверждал, что сдал белым без боя города Оса и Воткинск, а также активно способствовал разгрому белыми левого фланга 2-й советской армии⁶.

Другим вариантом были слаженные действия коллективов антибольшевистски настроенных военспецов или подпольных организаций при поддержке внешних сил (например, наступающих белых). Такой пример, судя по всему, представляла измена красным старой Военной академии, перешедшей на сторону противника почти в полном составе в два этапа в Екатеринбурге и Казани летом 1918 г.⁷ В результате Красная армия лишилась важнейшего военно-учебного заведения и сотен высококвалифицированных специалистов. Думается, действия Б.П. Богословского были связаны с общими устремлениями личного состава академии. Среди других примеров – измена штаба Приволжского военного округа в июне 1918 г., измена полевого штаба 14-й армии в Екатеринославе

---

³ Подробнее см.: Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 336–348.

⁴ Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

⁵ Подробнее см.: Ганин А.В. Саквояж генерала А.М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143; Он же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 635–643.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 12. Д. 10. Л. 20об.

⁷ Подробнее см.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

в июне 1919 г., измены работников штаба 8-й армии⁸ или группы военспецов 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии летом–осенью 1919 г.⁹ Этот список можно продолжать, и он свидетельствует, что эффективных способов борьбы с изменой красные так и не нашли.

Нелояльность имела различные причины, и каждый случай индивидуален. Командармы-изменники не всегда были идейными антибольшевиками. Один из рецензентов этой книги, профессор Джеффри Суэйн, обсуждая со мной рукопись, охарактеризовал главных героев как идеалиста (Махин), традиционалиста (Богословский), оппортуниста (Всеволодов) и тихого саботажника (Жданов). Конечно, обозначить одним словом весь жизненный путь исторического деятеля (как и любого человека вообще) достаточно сложно. Тем более что в разных ситуациях люди ведут себя по-разному, а о тех или иных мотивах поведения героев книги порой недостаточно данных. Но такая оценка существует и представляется небезынтесной.

Очевидно, что Н.Д. Всеволодов не был белым подпольщиком, а его измена являлась ситуативной. С Н.А. Ждановым сложнее, но, несмотря на целую историю его подпольной работы, изложенную им для белых, он тоже вряд ли был агентом противника. По всей видимости, за результат саботажа он пытался выдать расследование своих действий, проводившееся красными и вызванное накладками в вопросах перевозки войск. Впрочем, вопрос остается открытым. Не являлся белым агентом и ненавидевший большевиков Б.П. Богословский, который действительно стремился бежать из РККА и не участвовать в организации Красной армии. При этом Богословский мог быть связан с белым подпольем. Следует отметить, что Ф.Е. Махин, будучи сторонником эсеров, через несколько месяцев после своей измены красным формально изменил уже белым, приняв участие в заговоре против атамана А.И. Дутова и адмирала А.В. Колчака.

Прямым агентом антибольшевистских сил являлся лишь Ф.Е. Махин. Только он вел в Красной армии систематическую подпольную деятельность, кульминацией которой стали переход к противнику и сдача антибольшевистским силам Уфы в июле 1918 г. Это и понятно, поскольку Махин был внедрен в Красную армию по заданию пар-

---

⁸ Подробнее см.: Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.

⁹ Подробнее о последнем случае см.: Ганин А.В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М., 2018. С. 229–270.

тии социалистов-революционеров для подрывной работы. Измены остальных, хотя всей полноты данных до сих пор нет, были в большей степени ситуативны.

В основном высокопоставленные изменники действовали поодиночке. Большинство занимали высокие военно-административные посты очень короткое время (исключая Жданова, Муравьева и Славена). Кроме того, только пять из восьми человек совершили измену, находясь на высоких постах. Таким образом, последствия их измен для Советской России оказались не критичны.

Борьба с изменами военспецов началась сразу после первых резонансных случаев, но предотвратить новые не было никакой возможности. V Всероссийский съезд Советов 10 июля 1918 г. вынес резолюцию, касающуюся в том числе военспецов-изменников: «Каждый военный специалист, который честно и добросовестно работает над развитием и упрочением военной мощи Советской республики, имеет право на уважение рабочей и крестьянской армии и на поддержку советской власти. Военный специалист, который попытается свой ответственный пост вероломно использовать для контрреволюционного заговора или предательства в пользу иностранных империалистов, должен караться смертью»¹⁰.

15 июля 1918 г. Троцкий издал агитационный приказ по армии и флоту, адресованный комиссарам и военным специалистам, в котором отметил: «Среди военных специалистов было за последние недели несколько случаев измены. Махин, Муравьев, [Н. И.] Звегинцев, [Г. М.] Веселаго и некоторые другие, добровольно вступившие в ряды Рабоче-крестьянской армии или Красного флота, перебежали к иностранным насильникам и захватчикам. Муравьев поделом наказан, другие еще ждут своей кары. Каждый честный человек с отвращением отнесется к этим явлениям офицерской проституции.

В результате измены нескольких негодяев обострилось недоверие к военным специалистам вообще. Участились столкновения между комиссарами и военными руководителями. В ряде известных мне случаев комиссары обнаружили явно несправедливое отношение к военным специалистам, поставив честных людей на одну доску с предателями. В других случаях комиссары пытаются сосредоточить в своих руках командные и оперативные функции, не ограничиваясь политическим

---

¹⁰ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. Москва, 4–10 июля 1918 г. М., 1918. С. 213.

руководством и контролем. Такой образ действий чреват опасностями, ибо смешение полномочий и обязанностей убивает чувство ответственности.

Настойчиво призываю товарищей-комиссаров не поддаваться впечатлениям минуты и не валить в одну кучу правых и виноватых.

V Всероссийский съезд Советов напомнил всем, что военные специалисты, которые честно работают над созданием боевой мощи Советской республики, заслуживают народного уважения и поддержки советской власти. Зоркий революционный контроль вовсе не означает мелочной придирчивости. Наоборот: добросовестные специалисты должны получать возможность полностью развернуть свои силы.

Кто попытается использовать свой командный пост в целях контрреволюционного переворота, тот, согласно решения V съезда Советов, карается смертью. Никакой пощады предателям, товарищеское сотрудничество с честными работниками! От комиссара требуются бдительность, выдержка и такт, ибо пост военного комиссара – один из самых высоких, какие знает Советская республика.

С глубокой уверенностью в конечном успехе нашей трудной работы, братски приветствую военных комиссаров Красной рабочей и крестьянской армии»¹¹.

29 июля 1918 г. вышло постановление ЦК РКП(б) о мероприятиях по укреплению Восточного фронта, в котором в связи с изменами Махина, Муравьева и Богословского упрек в неумении бдительно следить за командным составом адресовался военным комиссарам. В постановлении отмечалось, что «военные комиссары не умеют бдительно следить за командным составом. Такие случаи, как побег Махина, как самостоятельный переезд Муравьева из Казани в Симбирск, как побег Богословского и проч[ие], ложатся всей своей тяжестью на соответственных комиссаров. Над недостаточно надежными лицами командного состава должен быть установлен непрерывный и самый бдительный контроль. За побег или измену командующего комиссары должны подвергаться самой суровой каре, вплоть до расстрела»¹².

30 сентября 1918 г., чтобы удержать военспецов от измены, Троцкий издал приказ о задержании семей перебежчиков и изменников: «Пре-

¹¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 292–293; Trotsky military records // НИА. Volkogonov papers. Reel 11; *Троцкий Л.* Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 17: Советская республика и капиталистический мир. Ч. 1: Первоначальный период организации сил. С. 329–330.

¹² ДКФКА. М., 1971. Т. 1. С. 412–413.

дательские перебеги лиц командного состава в лагери неприятеля хотя и реже, но происходят до настоящего дня. Этим чудовищным преступлениям нужно положить конец, не останавливаясь ни перед какими мерами. Перебежчики предают русских рабочих и крестьян англо-французским и японо-американским грабителям и палачам. Пусть же перебежчики знают, что они одновременно предают и свои собственные семьи: отцов, матерей, сестер, братьев, жен и детей. Приказываю штабам всех армий республики, а равно окружным комиссарам, представить по телеграфу члену Реввоенсовета Аралову списки всех перебежавших во вражеский стан лиц командного состава со всеми необходимыми сведениями об их семейном положении. На т. Аралова возлагаю принятие, по соглашению с соответственными учреждениями, необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков и предателей»¹³. В дальнейшем эти указания были конкретизированы. В частности, Троцкий предложил арестовывать семьи изменивших военспецов¹⁴. По существу, речь шла о взятии семей военспецов-изменников в заложники. Однако практического воплощения этот приказ не получил. В итоге Троцкий потребовал более жестких мер. 20 декабря 1918 г. он телеграфировал в отдел военного контроля РВСР, что со времени прошлой телеграммы «произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, занимающих командные посты, но ни в одном из случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо. Предлагаю Вам в кратчайший срок заняться выполнением возложенной на Вас в свое время задачи, используя для этого аппарат Всебюркомвоен¹⁵, с одной стороны, и аппарат военного контроля – с другой»¹⁶. Речь шла теперь о превентивных мерах – учете семейного положения пока еще лояльных большевикам военспецов. Завершить

¹³ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 151.

¹⁴ The Trotsky Papers 1917–1922 / edited and annotated by J. M. Meijer. L.; Hague; P., 1964. Vol. 1: 1917–1919. P. 148.

¹⁵ Всебюркомвоен – Всероссийское бюро военных комиссаров. Образовано 8 апреля 1918 г. в целях координации деятельности военных комиссаров. С 14 октября 1918 г. в подчинении РВСР. Упразднено по решению VIII съезда РКП(б) на пленарном заседании ЦК РКП(б) нового состава 25 марта 1919 г. Функции Всебюркомвоена в дальнейшем выполнял Политотдел РВСР, а с мая 1919 г. Политуправление РВСР.

¹⁶ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 354. Л. 155об.—156.

сбор данных требовалось не позднее 1 января 1919 г. Телеграмма была разослана также на все фронты и всем начальникам окружных штабов.

После этого начался сбор данных о семейном положении военспецов. Угроза возымела определенный эффект. К тому же были проведены единичные аресты членов семей изменников. Летом 1921 г. Троцкий, беседа с французским коммунистом А. Моризе, заявил: «Мы арестовали семьи подозреваемых офицеров и держали их как заложников. Впрочем, угрозы оказалось достаточно»¹⁷. Позднее Троцкий отметил, что приказ о взятии заложников из семей изменников «вряд ли хоть раз привел к расстрелу родственников тех командиров, измена которых не только причиняла неисчислимые человеческие потери, но и грозила прямой гибелью революции»¹⁸.

Разумеется, такой приказ мог угрожать не всем и не остановил массовые измены. Часть военспецов не имели семей, либо же их родственники не проживали на советской территории. Учет семейного положения был организован плохо и нередко саботировался самими военспецами. Реальные же изменники стали переходить к противнику, по возможности, вместе с семьями¹⁹. Именно так поступили перебежавшие после этих приказов Троцкого Всеволодов и Жданов. Бежавший до приказа Троцкого Богословский также оказался у белых с супругой (по одной версии, они бежали вместе, по другой – супруга попала к белым отдельно, оставшись в Екатеринбурге). Об остальных изменниках подробности такого плана неизвестны.

В целом, измены на разных уровнях советской военной иерархии не привели к перелому в Гражданской войне. Генерал-майор А.А. фон Лампе в своем дневнике анализировал подобные случаи. Например, ему вспомнились слова генерал-майора И.М. Белоусова в Екатеринодаре о том, что «удар на Батайск, почти отрезавший донцов от нас и потом бессильно повисший в воздухе, тоже был остановлен расположенной к нам рукой»²⁰. Тогда Лампе не поверил, так как удар был направлен более чем правильно. «А если правы те, кто

¹⁷ *Morizet A. Chez Lénine et Trotski. Moscou 1921. Paris, 1922. P. 107. Перевод наш.*

¹⁸ *Троцкий Л.Д. Их мораль и наша // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. Август–сентябрь. № 68–69. С. 14.*

¹⁹ Подробнее см.: *Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 375–394.*

²⁰ *ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.*

говорит, что красные начальники играли в поддавки, то как же надо объяснить все же наше конечное поражение... Выходит уж очень плохо», – рассуждал Лампе²¹.

Высокопоставленные изменники в большинстве были лично храбрыми офицерами старой армии, отличившимися, исключая Н.Д. Всеволодова и М.А. Муравьева, в годы Первой мировой войны. По-видимому, этими же качествами обладал и партийный боевик В.В. Яковлев. Это и неудивительно – измена в условиях Гражданской войны требует решимости и мужества в силу непредсказуемости последствий. Высокопоставленные изменники в большинстве относились примерно к одной, сравнительно молодой, возрастной группе (на 1919 г.) от 33 до 40 лет. Значительно старше остальных был Н.А. Жданов, которому в 1919 г. исполнилось 52 года, чуть младше него был П.А. Славен (45 лет).

Сильнее других не повезло 2-й армии советского Восточного фронта, два командарма которой (Ф.Е. Махин и А.И. Харченко) совершили измену непосредственно на этих должностях, а третий, В.В. Яковлев, позднее. Пять случаев измены связаны с Восточным фронтом, два – с Южным и один – с Западным. Только три случая измены связаны с событиями 1919 г., пять случаев относятся к 1918 г., когда обстановка была более хаотичной.

Не все командармы-изменники производят впечатление порядочных и честных людей. Так, Н.Д. Всеволодова сослуживцы считали человеком корыстолюбивым и мстительным. При этом поражает вопиющее легкомыслие членов РВС 9-й армии в отношении не менее легкомысленного командарма. Члены РВС подозревали, что командующий может бежать к белым, но не сделали ничего для упреждения его дезертирства. Командарм же в своих оперативных решениях о перемещении армии порой исходил из стоимости корма для личной коровы в том или ином пункте²².

В Советской России некоторых перебежчиков (Всеволодова, Жданова) считали расстрелянными, хотя это не соответствовало действительности (возможно, такую версию было выгодно озвучивать родственникам, чтобы избежать преследований, и в пропагандистских целях командованию). Тем не менее судьбы большинства высокопостав-

---

²¹ Там же.

²² РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 202. Л. 8.

ленных изменников сложились неблагоприятно. Трое из них погибли насильственной смертью в связи со своими действиями в Гражданскую войну, один по этой же причине скончался в заключении. Один из изменников был расстрелян в 1930-е гг. Лишь трое умерли, спустя много лет, в эмиграции.

Подлинная история всегда сложнее и многообразнее любых идеологических схем и клише. В полной мере такое наблюдение относится и к героям этой книги. Все высокопоставленные изменники были незаурядными и сложными историческими личностями, противоречивыми, не всегда последовательными, порой менявшими свои взгляды (как, например, противник большевиков эсер Ф.Е. Махин, впоследствии ставший деятельным сторонником коммунистического проекта). Все они интересны и в смысле их участия в Гражданской войне, и в плане персонального опыта, поведения, жизненных исканий. Даже самый далекий из них от фронтового героизма, Всеволодов, стремившийся к личному благополучию и, видимо, избегавший передовой, при глубоком погружении в детали его жизненного пути оказывается интересен, а его воспоминания представляют собой ценнейший источник по истории Гражданской войны и эмиграции. Изучение всей полноты сохранившихся и доступных источников показывает, что поведение изменников было отнюдь не исключительно подлым, как его пытались представить советские историки. Показателен пример Б.П. Богословского, который впоследствии при отступлении белых не бросил раненую жену и, сознавая, что, возможно, будет при пленении казнен, остался с ней до прихода красных, за что и заплатил жизнью.

Герои этой книги, очевидно, не разделяли жизненное кредо своего товарища по службе Генерального штаба бывшего штабс-капитана М.И. Алафузо. Поступив в Красную армию и желая победы белым, этот военный специалист летом 1918 г. в беседе с другим военспецом рассуждал следующим образом: «Не скрою, я сочувствую белым, но никогда не пойду на подлость. Я не хочу вмешиваться в политику. У вас в штабе поработал совсем немного, а уже чувствую, что становлюсь патриотом армии. Обидно, что нас все время бьют. Плохо мы воюем... Я честный офицер русской армии и верен своему слову, а тем более – клятве. Ведь придется же мне присягу у вас принимать?! Не изменю. Понимаете – не изменю! Задача офицера, как сказано в наших уставах, защищать Родину от врагов внешних и внутренних. И этот долг,

если я поступил к вам на службу, я выполню честно»²³. Это ни в коем случае не упрек в адрес героев книги и не оценка их как непорядочных или нечестных. Тем более что речь идет о непростом и не всегда очевидном выборе в Гражданскую войну, в ситуации значительной неопределенности и порой мучительных исканий, с кем быть, а также о нередко высокой цене того или иного выбора. Алафузо, который был расстрелян в 1937 г., лишь высказал распространенную среди военспецов альтернативную точку зрения на то, как следует себя вести в сложившихся условиях.

Представляют интерес те обобщения, которые делали видные политические и военные деятели рассматриваемой эпохи, как в ходе Гражданской войны, так и в особенности по ее итогам, по вопросу о значении измен военных специалистов.

Человек, стоявший у самых истоков большевистской партии, член РВСР С.И. Гусев, размышляя о вкладе военспецов в укрепление Красной армии, писал: «Были случаи измены и перехода к белогвардейцам. Но, по-видимому, они малочисленны. По крайней мере, из лично мне известных офицеров, занимавших ответственные посты на фронте (за остальными я не имел возможности уследить), мне неизвестно ни одного случая измены и перехода на сторону белогвардейцев»²⁴. В другом месте Гусев высказался несколько иначе: «В Гражданской войне число изменников всегда бывает велико, в Гражданской войне пролетариата и буржуазии целый класс – мелкая буржуазия – является изменническим ... пролетариат мобилизует и силой заставляет служить себе офицеров. Если часть офицерства изменяет пролетариату и переходит на сторону буржуазии, то шансы обеих сторон здесь уравниваются. Наконец, польза, которую приносит Красной армии не-изменническое офицерство, несравненно больше, чем вред, приносимый изменниками. Это – самое главное соображение. Русская Красная армия выросла благодаря работе офицерства, которая покрыла собой во много раз разрушительную работу изменников. Измена – это неизбежные “непроизводительные издержки” по строительству классовой армии пролетариата. И последнему нужно внимательно наблюдать только за тем, чтобы эти “непроизводительные издержки” были минимальными»²⁵.

²³ Цит. по: *Софронов Г.П.* Неподвластное времени. М., 1976. С. 149.

²⁴ *Гусев С.И.* Гражданская война и Красная армия: Сб. статей. М.; Л., 1925. С. 38.

²⁵ Там же. С. 71–72.

Представляется отчасти справедливой оценка видного военного специалиста РККА бывшего генерала М.Д. Бонч-Бруевича: «Конечно, были изменники, перебежавшие к белым, но не они определяли лицо поступившего в Красную армию офицерства. Бегство к белым было зачастую вызвано не столько сознательным стремлением “предать” новую армию, сколько личными обидами, расстроеной психикой, а то и просто неумением противопоставить себя родным или сослуживцам, оказавшимся в белом стане»²⁶. И хотя Бонч-Бруевич намеренно замалчивал антибольшевистские настроения офицерства, но, действительно, не измены, даже на самом верху, определяли вектор развития Красной армии. Его задавала добросовестная служба большей части военных специалистов на всех уровнях.

Глава Советского государства В.И. Ленин отметил в ноябре 1919 г., что в Красной армии «работают десятки тысяч старых офицеров и полковников. Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армии. И, несмотря на измены со стороны отдельных военных специалистов, мы разгромили Колчака и Юденича, мы побеждаем на всех фронтах»²⁷.

Политик из антибольшевистского лагеря, бывший лидер кадетской партии П.Н. Милюков резонно полагал, что «раз вступив по той или другой причине в Красную армию, военные специалисты, связанные привычной обстановкой строгой военной дисциплины, в большинстве служили советской власти верно и лишь в редких случаях пользовались своей властью над солдатами для подготовки контрреволюционных выступлений»²⁸.

Председатель РВСР Л.Д. Троцкий в одной из своих статей в разгар Гражданской войны писал: «У нас ссылаются нередко на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом со стороны офицеров, занимавших менее видные посты. Но у нас редко говорят о том, сколько загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава, из-за того, что командир полка не сумел наладить связь, не выставил заставы или полевого караула, не понял приказа или не разобрался по карте. И если спросить, что до сих пор причинило нам больше вреда:

²⁶ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. С. 285.

²⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 313.

²⁸ Милюков П. [Н.] Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Париж, 1927. Т. 1. С. 173.

измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ»²⁹.

Командармы-изменники, за исключением отдельных успехов белых, не переломили ситуации на фронте и добились немногого. Несмотря на подчас серьезные негативные последствия на фронте – потерю важных населенных пунктов или открытие фронта противнику, – катастрофы для красных эти эпизоды не повлекли. Обусловлено это, с одной стороны, тем, что речь шла об одиночках, а с другой, тем, что в большинстве случаев переходы к противнику представляли собой простое дезертирство, не сопровождавшееся активной подрывной деятельностью.

Содействие противнику со стороны отдельных представителей командования, безусловно, важное обстоятельство на войне, но намного важнее для достижения победы организация мощной, эффективной и боеспособной регулярной вооруженной силы. Именно этот фактор предопределил победу большевиков и Красной армии. Парадоксально, но в некоторых случаях из-за собственной малочисленности, слабости и дезорганизованности белые даже не могли воспользоваться теми важными оперативными сведениями, которые им сообщали их сторонники в советских штабах.

---

²⁹ Троцкий Л.[Д.] Военные специалисты и Красная армия // Военное дело. 1919. 21.01. № 2 (31). С. 67.

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

АСБ	–	Архив Славянской библиотеки (Прага)
АЮ	–	Архив Югославии (Белград)
вр.и.д.	–	временно исполняющий должность
ВРК	–	Военно-революционный комитет
ВСЮР	–	Вооруженные силы на Юге России
ВЦИК	–	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК	–	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР
ГАОО	–	Государственный архив Оренбургской области (Оренбург)
ГА РФ	–	Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАСБУ	–	Ведомственный архив Службы безопасности Украины (Киев)
губЧК	–	губернская чрезвычайная комиссия
ГУГШ	–	Главное управление Генерального штаба
ГУЛАГ	–	Главное управление лагерей
ДКФКА	–	Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.)
ДРЗ	–	Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва)
ИНО	–	Иностранный отдел
КВЖД	–	Китайско-Восточная железная дорога
Комуч	–	Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания
КПЮ	–	Коммунистическая партия Югославии
КСХС, Королевство		
СХС	–	Королевство сербов, хорватов и словенцев
МВО	–	Московский военный округ
МРК	–	Музей русской культуры в Сан-Франциско (Сан-Франциско, США)
НАА (ПА)	–	Национальный архив Армении (партийный архив) (Ереван)

ИЗМЕНА КОМАНДАРМОВ

наркомат	–	народный комиссариат
наркомвоен	–	народный комиссар по военным делам
Наркомвоен	–	Народный комиссариат по военным делам
НОАЮ	–	Народно-освободительная армия Югославии
ОГПУ	–	Объединенное государственное политическое управление
ПСР	–	партия социалистов-революционеров
РВСР	–	Революционный военный совет республики
РГАСПИ	–	Российский государственный архив социально- политической истории (Москва)
РГВА	–	Российский государственный военный архив (Москва)
РГВИА	–	Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РККА	–	Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б)	–	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОВС	–	Русский общевоинский союз
РСДРП	–	Российская социал-демократическая рабочая партия
СНК	–	Совет народных комиссаров
т., тов.	–	товарищ
ЦДАВОУ	–	Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Киев)
ЦУПВОСО	–	Центральное управление военных сообщений
ЧК	–	Чрезвычайная комиссия
ЧСР	–	Чехословацкая республика
ВАР	–	Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)
НИА	–	Архив Гуверовского института (Стэнфордский университет, Пало-Альто, Калифорния, США)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Аббиа Р. 218, 219, 230
Аверьянов П.И. 370
Авксентьев Н.Д. 152, 263
Авшич Я. 327, 331
Агапов (Агапов-Таганский) М.В. 39, 52,
55, 76, 92, 149, 174, 181–183, 185, 191,
193, 195, 196, 198, 199, 212
Адамович Л.М. 346
Аджемов М.С. 145
Адно 399, 440, 447, 449, 450, 458
Айрапетов О.Р. 26
Акинтьевский К.К. 353
Акулинин И.Г. 44, 48, 123, 130, 135, 136,
138, 142, 263, 264, 266, 267
Акутин В.И. 17
Акчеев 60, 63
Алафузо М.И. 783, 784
Александр II 30, 77
Александр III 30, 518
Алексеев Н.Н. 410, 587, 610, 611
Алиев Т. 135
Альтман-Богословская М.И. 359
Альфатер В.М. 752
Андогский А.И. 22, 45, 339, 342, 343, 364
Андреев 720
Анисимов Н.С. 139
Антоний (Храповицкий) 213, 214
Антонов А.И. 239
Антонович А.Т. 363
Анулов Ф.А. 387
Апостолски М. 328, 331
Аралов С.И. 711, 726, 780
Арачич П. 300, 301
Аргунов А.А. 189, 209
Аржанов М.М. 722, 724
Армадеров 528
Артамонов Д.И. 456, 473, 475, 476, 479
Артамонов 534
Архангельский А.П. 625, 627, 776
Астафьев М.И. 30
Астров Н.И. 209
Атанасов Н. 184
Атарбеков Г.А. 703
Базер 521, 539, 541
Байов А.К. 42, 44, 46
Байов К.К. 73, 689
Бакич А.С. 97, 116, 118, 120, 121, 228
Бакич М. 243, 331
Баландин С.А. 425, 478, 479, 559, 705, 713,
733, 734
Балуджич Ж. 195
Банкович 299
Барбович И.Г. 181
Барышников В.А. 379, 400, 442, 447, 564,
565, 567, 568, 579, 588, 592
Барышников С.Н. 360
Батюшин Н.С. 362
Безугольный А.Ю. 26
Белицкий С.М. 342, 346
Белов П.А. 17
Белоусов И.М. 781
Бенеш Э. 173, 191, 597, 631
Бенсон П.В. 545, 546
Берзин Р.И. 91, 341, 342, 348
Билис А.А. 221
Бирк Р.Г. 226
Биркан И.М. 701
Благонадежный (Благонадеждинский) 440,
456, 461, 462
Благодравов Г.И. 79, 84, 89
Блинов М.Ф. 495
Блохин В.Н. 13, 77, 81, 87, 89, 90
Блюменталь 64
Блюхер В.К. 601, 602
Богданов 687
Бокий Г.И. 372, 551, 557
Болдырев В.Г. 71, 96, 114, 132, 144, 145
Бологов В.В. 742
Бонч-Бруевич М.Д. 546, 688, 767–769, 785
Борисёнок Е.Ю. 26

* В указатель не включены упоминания Ф.Е. Махина, Б.П. Богословского, Н.Д. Всеволодова и Н.А. Жданова, которым посвящены основные разделы книги.

- Бориславский 528
 Бородин М.М. 772
 Борулев В. 261
 Борщевский 541
 Бош Е.Б. 696–698
 Бредов Н.Э. 673
 Бреслер В.П. 59, 60
 Брешко-Брешковская Е.К. 130, 150, 151, 191, 202
 Брусилев А.А. 48, 50–52, 58, 146, 328, 368, 560, 590
 Брусилев А.А. (сын) 560
 Брушвит И.М. 150, 152, 153, 157, 174, 176, 190, 191, 244
 Брюмер 674
 Будберг А.П. 354
 Буденный С.М. 491, 493
 Булаич Б. 307
 Буняченко С.К. 655
 Буревои К.С. 141, 260, 263
 Бурков П.А. 701, 702
 Бурле 444, 687
 Буров А.А. 346
 Бутягин Ю.П. 735
 Бушков 434, 436, 442, 443, 451, 458
 Былинкин А.С. 133
 Бычков 115
 Вакуленко 59
 Валидов А.-З. 129–131, 135–137, 139–141, 264–267
 Вальдтейфель Э. 544
 Варлье 566, 567
 Варганян А.А. 698
 Василенко М.И. 116, 117
 Васильев А.П. 701
 Васильев С. 702
 Вацетис И.И. 341, 342, 344–348, 375, 377, 378, 382, 386, 395, 396, 411, 428, 490, 558, 559, 691, 693, 706, 708–715, 718, 719, 722, 725–729, 731, 732, 734, 737, 740, 754, 755, 759, 764, 768, 769
 Веденяпин М.А. 55, 65, 74, 81, 94, 95, 96, 126, 132, 133, 134, 139
 Велиев А.-А. 136
 Верещагин В.В. 508
 Верещак С. 212
 Вержбицкий Г.А. 357
 Верховский А.И. 505
 Веселаго Г.М. 778
 Веселовский А.А. 337, 338
 Взоров В. 125
 Виноградов М.Н. 614
 Владимиров И.А. 508
 Владимиров М.К. 459, 470, 481
 Владимирова В.Ф. 63
 Власов А.А. 11, 603, 655
 Водопьянов В.П. 35
 Воженилек К. 103
 Войтына И.А. 691
 Войтына С.А. 692, 742
 Войцеховский С.Н. 91, 343, 344, 771
 Волков С.В. 101
 Вологодский П.В. 341, 354, 355
 Вольский В.К. 90, 94, 95, 101, 124
 Воробейчиков 94
 Воронович Н.В. 154, 165, 268
 Ворошилов К.Е. 19, 374, 497, 561, 575, 600–604
 Врангель П.Н. 147, 148, 171, 173, 184, 276, 289, 292, 376, 416, 417, 627
 Всеволодов Б.Н. 369, 378, 421, 422, 509, 514, 621, 629, 640, 642–644
 Всеволодов Н.Н. 378, 421, 517, 529, 582, 585, 622
 Всеволодов Ю.Н. 420, 421, 629
 Всеволодова А.П. 378, 420
 Всеволодова Т.Н. 420, 421, 631, 634, 636–640, 642, 643, 644, 646–648, 650, 656, 657, 659–664, 669
 Вукманович С. 328
 Вуячич М. 243, 331
 Высторопский Ф.Е. 225, 226
 Вышинский А.Я. 597
 Гаврилов И.Н. 109
 Гай Г.Д. 495
 Гайда Р. 349, 350, 351–358, 360
 Галдерин 29, 30
 Галкин Н.А. 17, 94, 95, 100, 108, 133
 Галкин 522, 527, 542
 Галлиев (Алиев) 136
 Гамарник Я.Б. 631
 Гамбетта А. 256
 Гарбо Г. 630
 Гарькавый И.И. 379, 394, 497, 567, 573

- Геббельс Й. 316
 Гейден Н.Ф. 537
 Геккер А.И. 395, 489, 490
 Георгий Константинович, кн. 527, 536, 537
 Гепнер Э. 602
 Геркен А.П. 369
 Герман И.Я. 59, 60, 62, 63
 Герау Б.В. 776
 Гиммлер Г. 597, 631
 Гинс Г.К. 123
 Гирса В. 171, 244
 Гитлер А. 195, 223, 297, 307, 309, 313, 597, 602, 631
 Гиттис В.М. 387, 389, 396, 400, 411, 416, 448, 481, 487–490, 603, 721, 727, 729, 731
 Глаголев В.П. 686
 Глазенап П.В. 168
 Глинский Н.С. 59, 62
 Глуздовский 210
 Голеевский Н.Н. 101, 110
 Голенищев-Кутузов И.Н. 226
 Голенко Г.К. 751
 Голиков А.Г. 379, 390, 409, 438, 451, 456, 470, 473, 476, 479, 489, 497, 571, 572, 592, 605, 608, 655
 Голиков Ф.И. 655
 Гололобов В.П. 691
 Голощекин Ф.И. 88
 Гонтарев Б.В. 228
 Гоппер К.Я. 142
 Горбачев Т. 59
 Горшков А. 687
 Грасис К.Я. 697, 700
 Граужис И.И. 392, 429
 Гренкер 567
 Гржибовский М.Ф. 742
 Гривин П.П. 357
 Григорьев Ю.И. 720
 Грингенберг П.О. 693
 Гришин-Алмазов А.Н. 349
 Гришинский А.С. 691
 Грол М. 331
 Грязнов 672
 Гудериан Г. 216
 Гузаков П.В. 81
 Гузарский Ю.С. 379, 497, 568, 570, 571, 578
 Гулевич А.А. 45
 Гулькевич К.Н. 179
 Гуляев Э.Е. 366, 542
 Гусарек 100
 Гусев С.И. 424, 426, 784
 Гусельщиков А.К. 569
 Гуславский Н. 369
 Гущин Ф.А. 26
 Давыдов А. 477
 Дакович В. 305
 Дакович Г. 302, 303, 305, 306
 Дакович Р. 305
 Данилов М. 399
 Дапчевич П. 308, 316–319, 321, 323, 324, 327
 Дашевский И.С. 64, 68–71
 Дашкевич П.В. 379, 442, 502, 565, 566
 Дашкевич-Горбачкий, см. Дашкевич П.В.
 Дворжец Я.С. 93
 Дедьер В. 224, 228, 233–235
 Демерт (Деммерт) Р.А. 142, 143
 Денда Д. 25, 26
 Деникин А.И. 16, 52, 62, 117, 133, 145, 147, 269, 270, 276, 289, 362, 383, 390, 408, 411, 414, 416–418, 441, 444, 445, 474, 611, 612, 613, 617, 673, 694, 705, 742, 743, 744, 747, 748, 749, 753, 755
 Джилас М. 242, 327
 Джуркович Н. 304
 Джурович Н. 302
 Дзевалтовский И.Л. 12, 503, 504
 Дзержинский Ф.Э. 412, 484, 490
 Димитриевич М. 193–196
 Дитерихс М.К. 358, 772
 Дмитрий Константинович, вел. кн. 372, 483, 485, 527, 536–539
 Долинский Е.П. 168
 Доманов Т.Н. 654
 Домбровский А.И. 705, 706, 742
 Донковцев Д. 115
 Донсков И. 115
 Донской Д.Д. 126, 133
 Дорман П.Е. 59
 Дорман В.Н. 59
 Достовалов Е.И. 171
 Драгомиров А.М. 181
 Дубленных В.В. 771

- Думенко Б.М. 491–493
 Дутов А.И. 104, 117–131, 135–142, 236,
 248, 263–265, 267, 771, 777
 Духонин Н.Н. 687, 692
 Егоров А.И. 10, 379, 389, 390, 394, 407,
 562, 563, 568, 574–576, 731, 734, 740
 Егоров 410, 609
 Егорьев В.Н. 416, 686–689, 739
 Ежов Н.И. 602
 Екимов Ф.В. 510
 Екимов 510
 Елачич А.К. 209
 Еленевский А.П. 101
 Елизавета Петровна, императрица 544
 Еловац И. 316
 Елчанинов А.Г. 42
 Енгальчев П.Н. 499, 545
 Еременко 720, 725
 Ершов Н.А. 31
 Ечкины 377
 Жданов В.В. 689
 Жданов З.П. 537
 Жданов С.Н. 673, 743–745
 Жданова А.А. 673, 678, 679, 686, 687
 Жданова (Белоусова) А.М. 673
 Жданова (Жданова-Мартынова) Н.Н.
 673, 743, 744
 Железняков (Железняк) А.Г. 162
 Живкович П. 194
 Жилинский 721
 Жлоба Д.П. 492, 719
 Жуков Г.П. 141
 Жуков Е. 210
 Жупанов Я. 477
 Жухин Н.И. 245
 Жухина К.В. 245
 Заваруев А. 136
 Зайончковский А.М. 558, 776
 Зайченко З.И. 558
 Заколдаев 695
 Замбрицкий В.А. 16
 Захаревич Э.И. 394
 Звегинцев Н.И. 778
 Земан Э.В. 356
 Зензинов В.М. 66, 68, 70, 149–152, 154,
 157, 167, 171, 177
 Зечевич В. 245, 311, 331
 Зиновьев Г.В. 766
 Зиновьев Г.Е. 224, 484, 526
 Зогович Р. 324
 Зогу А. 181, 182, 184
 Зуев Д.П. 335, 336
 Иванов Б.Б. 426, 427
 Иванов И.Д. 742
 Иванова-Улагай М.К. 426, 427
 Иванович Л. 176
 Иванович 323
 Игнатьев 169
 Изюмов А.Ф. 203
 Иностранцев М.А. 22, 339, 340, 342–344,
 352
 Йованович А. 237, 242, 243, 308, 312, 316,
 327, 331
 Йованович К. 311
 Кабалов А.И. 691
 Кавтарадзе А.Г. 12–15, 774
 Кадирбаев С.К. 135
 Кадомцев М.С. 88
 Кадошников А.Ф. 701, 703, 714, 735
 Какурин Н.Е. 389, 391, 402, 403, 499, 595,
 598, 599, 604
 Каледин А.М. 52, 764
 Калинин М.И. 413, 511, 551
 Калитин П.П. 705, 742
 Камбулин 29, 30
 Каменев Л.Б. 224
 Каменев С.С. 10, 11, 72, 687, 689, 738, 740
 Каменский 89
 Каминский В.В. 21–24
 Каннегисер А.И. 527, 539
 Капель В.О. 48, 102, 103, 108, 110, 127,
 132, 359, 360, 362
 Карагеоргиевич Александр 184
 Карасс И.А. 37
 Каргин К.Л. 129, 131, 135, 136
 Карепов Н.Н. 379, 384, 392, 394, 413, 414,
 418, 431, 432, 435, 458, 478, 572, 573,
 591, 592, 599, 613
 Карманов В. 408, 432, 608
 Карпов 64, 70
 Касаткин Л.Л. 101, 113, 120
 Катанаев Г.Е. 345
 Качоровский К. 196
 Каширин В.Б. 26

- Кедров М.С. 13
Келчевский А.К. 45, 46, 171, 172
Керенский А.Ф. 56, 62, 147–152, 160, 161, 171, 186, 501, 502, 504–507
Кизеветтер А.А. 209
Кизельштейн И.С. 703, 723
Киквидзе В.И. 374, 379, 380, 382, 428, 568, 570, 571, 578, 582–587
Кириллов 462
Киров С.М. 696, 697, 703, 723, 735
Кирюхин Н.И. 118
Киселев П.Н. 437
Китроссер 528, 533
Клембовский В.Н. 72
Климушкин П.Д. 122, 124, 132, 150, 153
Клофач В.Я. 190
Клыч-Гирей С. 654
Клюев Л.А. 406, 411, 488, 491–494
Клюев Н.А. 168
Княгиницкий П.Е. 379, 381, 395, 397, 441–443, 446, 497, 563, 564, 568, 576, 577, 579, 581, 583, 586, 588, 589, 600
Кобзов В.С. 23
Кобозев П.А. 78, 84, 87, 89, 378
Ковалевский (Ковалевский-Русский) Б.Н. 776
Ковальчук М.А. 26, 686
Ковачевич С. 227
Ковачевич С. 304, 306, 307, 314
Ковачич И.Г. 235
Кожевников И.С. 594
Козловский А.Н. 683
Колегаев А.Л. 559
Коленковский А.К. 688
Колесникова Н.Н. 696
Коломийцев И.О. 748
Колосовский В.В. 163, 171
Колпаковский Г.Г. 36
Колчак А.В. 22, 45, 94, 122–129, 131, 135, 137, 139, 140, 141, 142, 145, 248, 263, 264, 265, 267, 276, 289, 341, 352–355, 357, 359, 362, 363, 557, 710, 740, 777, 785
Колюбакин В.Н. 53
Комненич П. 304
Комненович М. 194
Кононов А.С. 349, 350
Кононов (Кононов-Кононович) К.Л. 356
Копривица И. 304
Корк А.И. 379, 380, 384, 497, 574, 577, 579, 581, 582, 589, 599
Коркмасов Д.А. 748
Корнеев Н.В. 238
Корнилов А.Г. 62, 505, 506
Королев 140
Королюков Г.К. 675, 695, 702, 712, 719, 732, 733
Коротенко (Коротнев) В. 152
Коршунов 205, 206
Косанович 323
Костади А.В. 49, 51
Костич Д. 194
Костяев Ф.В. 383, 444, 708, 711, 714, 715, 719–721, 723, 724, 726, 729, 731, 737, 751, 753–755, 760
Котов Г.Н. 79, 82, 84, 85, 86, 766, 769
Кравков В.П. 336, 337
Крапивянский Н.Г. 674, 678
Краснов П.Н. 114, 502, 507, 654, 764
Краснов С.Н. 654
Краузе А.Н. 742
Краузе 689
Крейтер В.В. 52, 200, 229
Крестинский Н.Н. 412
Кржижановский 447–449
Кригер О.-Г.-А.Ф. 368
Кручинин А.М. 26
Кручинин А.С. 26
Крыленко Н.В. 69, 70, 154, 157
Крюков И. 477
Ксюнин А.И. 39, 40, 189, 209, 210
Куделя 126
Кудря Ф.Е. 58, 63
Кудрявцев 94
Кузнецов В.А. 23
Кузнецов С.А. 74, 374, 378, 776
Кузнецов Я. 477
Кузнецов 474, 475, 477
Курский Д.И. 705
Кускова Е.Д. 189, 204, 206–208, 211, 222
Кусонский П.А. 49, 172
Кутепов А.П. 420, 630, 631
Кутырев Г.Я. 74
Кушелев 674

- Кшесинская М.Ф. 373, 523, 524
 Лабунцов А.Н. 347
 Лазарев Е.Е. 130, 150, 152, 158, 177, 221, 224
 Лалич Р. 243, 332
 Лампе А.А., фон 171, 172, 417, 419, 420, 781, 782
 Лаппо П.П. 742
 Лауданский В.А. 226
 Лашевич М.М. 349
 Лебедев А.В. 548
 Лебедев В.И. 91, 95, 96, 102, 103, 108, 125, 147–150, 157, 167, 170, 173, 174, 177, 183–185, 188, 196–199, 203, 208–212, 217, 218, 223, 227
 Лебедев Д.А. 142, 143, 341, 355, 357
 Лебедев 548
 Левандовский М.К. 694, 726
 Левинзон 567
 Легран Б.В. 445
 Лелекин 433, 435, 440
 Ленин В.И. 8, 73, 104, 145, 280, 282, 283, 411–413, 426, 474, 484, 500, 501, 503, 581, 695, 696, 716, 718, 728, 736, 737, 746, 752, 759, 760, 768, 769, 785
 Лесевидцкий Н.Н. 117, 122
 Лещинский О.М. 749
 Литвин А.А. 26
 Лодзьжинский 63
 Ломновский П.Н. 48, 50
 Лукомский А.С. 615
 Луначарский А.В. 6, 574
 Лурих Г. 523
 Лурье 444
 Львов 168
 Любимов В.В. 395, 490
 Людсканов-Цанков К.А. 702
 Люндеквист В.Я. 776
 Люпов С.Н. 336
 Маевский В.А. 219, 236
 Май-Маевский В.З. 389, 416, 489, 575, 593, 594, 596
 Майский И.М. 238
 Майстрах (Майстрахов) В. 122, 132
 Макензен А., фон 487
 Маклаков В.А. 219
 Малахов А.Е. 158
 Малахов Г.А. 28, 55, 121, 240, 241, 245
 Малинин И.М. 229
 Мальгин А.П. 163
 Мальшкин Т. 477
 Мамантов (Мамонтов) К.К. 406, 441, 492, 676
 Манакин В.К. 201, 202
 Мандич А. 331
 Маннергейм К.-Г.-Э. 51
 Манштейн Э., фон 602, 603
 Маргулиес М.С. 144
 Маринкович В. 175
 Марино 356
 Марков С.А. 45
 Мармузов П.К. 709, 714, 726, 728
 Мартинович 304
 Мартынов М.Ф. 103
 Мартьянов Н.Н. 75, 80
 Маршалл Дж. 659
 Масарик Т.Г. 150, 170, 191
 Маслеша В. 245
 Маслов С.С. 189, 209
 Матвеев И.И. 14
 Матвеев 452
 Матковский А.Ф. 17
 Махин А.Е. 30
 Махин Г.Ф. 244
 Махин Е.В. 28–35, 262
 Махин К.Е. 30
 Махин М.Ф. 244
 Махин П.Ф. 244, 246
 Махина А. 30
 Махина В. 246
 Махина Н.Г. 121, 241, 245
 Махина У.М. 244
 Махно Н.И. 496, 594, 596, 604
 Махров Н.С. 72
 Махров П.С. 31, 38, 49, 50, 52, 54, 55, 58–63, 72, 73, 144, 146, 147, 217, 218, 235, 241, 243, 246
 Маяковский В.В. 324
 Медведев Е.И. 18
 Медведев С.П. 703, 723
 Медянцев И.Ф. 425
 Меженинов С.А. 563
 Мелянин А.С. 32, 33, 35
 Мерецков К.А. 392, 393, 401, 404, 407

- Месснер Е.Э. 173, 196, 198
 Мехоношин К.А. 64, 79, 383, 403, 416, 429, 444, 453, 454, 458, 459, 461–464, 466–468, 481, 693–695, 697, 699, 700, 703, 709, 716, 718, 719, 728, 731–733, 735–737, 746, 768
 Миллер Е.-Л.К. 168, 171, 177, 178, 630, 631
 Миллер 528
 Милошевич С. 230, 235, 311
 Милошевич 301
 Милоков П.Н. 205, 209, 213, 785
 Милянич 302
 Минор О.С. 71, 151, 153, 170, 177
 Миронов Ф.К. 14, 379, 389, 413, 451, 474, 476, 571, 578, 584–587, 599
 Михайлов Б.Д. 400, 401, 405, 413, 414, 425, 430–433, 438, 439, 441, 443–451, 456, 458, 459, 461, 463, 464, 469–472, 478–481
 Михайлович Д. 227, 229–232, 307, 313, 316, 318, 320
 Моисеенко Б.Н. 68, 70
 Молостов 59
 Молотов В.М. 238, 241, 302
 Мордавин И. 477
 Моризе А. 781
 Морозов Н.А. 15, 16, 72
 Муравьев М.А. 15, 18–20, 79–81, 84, 85, 89, 91, 350, 762–768, 770, 778, 779, 782
 Муралов Н.И. 689, 690, 692–694, 739, 743, 744
 Мурильо Б.Э. 508
 Муссолини Б. 195, 303, 308
 Мухин В.П. 537
 Мухоперц И.М. 495
 Мясоедов С.Н. 546
 Надежный Д. Н. 347
 Назор В. 234, 240
 Наполеон Бонапарт 256, 303, 669, 762, 763
 Науменко В.Г. 492, 493
 Наумов 440
 Наумов 472
 Нахичеванский Хан Гуссейн 372, 484, 508, 523, 527–530, 532, 537
 Недич М. 318
 Незнамов А.А. 44, 72
 Ненароков А.П. 19
 Несмеянов В.А. 133
 Нестеров И.П. 132, 157, 170
 Нехаев 455, 458
 Нечволодов А.С. 702, 706, 734, 742
 Никитин П.А. 338
 Никитин Ф.И. 40
 Николай II 34, 38, 186, 511, 523, 529, 766
 Николай Михайлович, вел. кн. 372, 484, 485, 527, 536, 537
 Николай Николаевич, вел. кн. 51
 Николаев С.Н. 126
 Николаевич 323
 Николитч В. 304
 Новакович 307
 Новиков А.В. 689
 Новиков В.В. 691, 693, 702
 Новицкий В.Ф. 72
 Новохатный Е. 296
 Носков А.А. 171, 172
 Носович А.А. 14, 15, 374, 377, 408, 559–561, 600, 601, 615, 776
 Оберюхтин В.И. 359, 362, 363
 Обов А. 184
 Огородников Ф.Е. 335
 Окулов А.И. 424, 425, 430, 445
 Оасуфьев Д.А. 552
 Орджоникидзе Г.К. 695, 698, 748
 Орлов В.Г. 545
 Орович С. 311, 316
 Оскольская П.А. 26, 100
 Островский Н.А. 324
 Павелич А. 310
 Павел Александрович, вел. кн. 372, 483, 485, 523, 527, 536, 537
 Павлов А.В. 491
 Павловский В.К. 358
 Паевский 735
 Панны 691
 Паннвиц Г., фон 654
 Панюшкин В.Л. 162
 Парв А.И. 776
 Парфенов В. 210
 Патейдл Й. 191
 Паунович Д. 233
 Пашич Н. 181, 182
 Пашченко В.Г. 742
 Пеливанович С.А. 194–197
 Пепеляев А.Н. 349, 353, 356, 357

- Перваков 674, 676
 Пересвет 702
 Перрон Х.Д. 666, 667
 Перунич М. 331
 Петин Н.Н. 72, 73, 563
 Петлюра С.В. 117, 229
 Петрасевич П.Н. 392, 429, 431, 432, 435, 458
 Петр I 217
 Петржик 119
 Петриченко С.М. 162
 Петров П.П. 48, 110
 Петров П.Ф. 90, 91
 Петров 399, 400, 432, 433, 436–438, 441–452, 458, 464, 465, 469, 564, 566, 567, 589
 Пешехонов 446
 Пилсудский Ю. 338
 Пирог С.В. 691
 Пяде М. 240, 313, 316
 Плеханов И. 13
 Плотников И.Ф. 770
 Плятт В.И. 559, 579, 592
 Плятт Р.Я. 559
 Пневский Н.В. 397, 735, 743
 Подвойский Н.И. 77, 81, 87, 88, 90, 93
 Пожого М., см. Ярузельская М.А.
 Покровский В.А. 575
 Поливанов А.А. 372, 523, 526
 Поливанов И.Е. 687
 Полковников Г.П. 505, 506
 Полковников И.Н. 378, 506, 558
 Половцов П.А. 148
 Поляков-Литовцев С.А. 53
 Понфилов В. 477
 Попов Т.И. 702
 Попов 60, 63
 Попов 64
 Попович А.П. 182, 190–193
 Попович К. 242, 327
 Попович М. 244
 Посадский А.В. 202
 Поспелов 440, 455, 458, 462
 Постовский П.И. 368
 Потапов Г.Н. 672, 673, 677, 678
 Потапов Н.М. 372, 379, 557, 590, 688
 Прапошин И. 406, 432, 441, 472
 Преображенский В.И. 394, 399, 404, 412, 414, 454, 456, 478, 480–482,
 Проданович Б. 313
 Прокопович С.Н. 208
 Прокофьев 64
 Пронин В.М. 177, 199, 200
 Проппер С.М. 523, 528, 530, 531, 533
 Пушкин А.С. 303, 667, 668
 Рабинович 458, 464, 465, 467–469, 471–473, 475–478, 481, 482
 Рагоза А.Ф. 336, 337
 Радич С. 195
 Радус-Зенкович Л.А. 73
 Разумовский А.Г. 544
 Райченко 59
 Раковский Х.Г. 92
 Раскольников Ф.Ф. 350
 Распутин Г.Е. 511
 Ратэль Н.И. 691
 Рейнбот (Резвой) А.А. 550
 Рейсс (Пореккий) И.С. 219
 Ремизов А.М. 221
 Ремнев А.И. 13, 685, 739
 Ржевский А.А. 13, 14, 766
 Ржевский П.В. 13, 14
 Риббентроп И., фон 297
 Рибникар В. 224
 Ригельман Е.Н. 700, 701, 703, 714, 720, 735
 Ридель Л. 301
 Роговский Е.Ф. 152, 154, 157
 Рогожников З.В. 34
 Родионов 88
 Розенбаум Я.М. 99, 105, 111
 Розенфельд 700
 Ролько А.С. 375, 376, 379, 383, 384, 392, 418, 429, 560, 568–570, 572, 573, 576, 578, 584, 599, 613
 Романовы (семья бывшего императора) 766, 772
 Ронжин И.А. 739, 741
 Россель Л.В. 154, 157, 158
 Рубинштейн Я.Л. 213, 214
 Руднев С.М. 689
 Руссет М.Н. 97, 100, 101, 120
 Рыбар И. 234, 317
 Рыбар И. (сын) 317
 Рыков А.И. 426

- Рябиков П.Ф. 340, 345, 346, 353
 Рябцев К.И. 505
 Савинков Б.В. 147, 148, 160
 Савич Б. 312
 Савич П. 312
 Садчиков И.В. 240
 Сакович 195
 Сакс С.Е. 703, 708, 710, 751, 758
 Сандецкий А.Г. 37
 Сахалтуев М.М. 334
 Свердлов Я.М. 696, 765
 Свечин А.А. 72, 216, 688
 Свечин М.А. 45
 Свечников М.С. 693, 699, 703
 Сви́дерский А.И. 87
 Сдобнов И.А. 398
 Северин Д.А. 694
 Седакин А.И. 563
 Секретев А.С. 396
 Селивачев В.И. 14
 Семенов В.Г. 26, 29–31, 35
 Семенов Г.М. 145, 351, 763
 Семенов К.К. 26, 28
 Семенов Н.Г. 73, 676, 738, 740
 Семенов Ю.Ф. 211
 Семенов (Васильев) Г.И. 64, 75
 Семчевский К.В. 339
 Сидорин В.И. 171, 175–177, 180, 417, 493
 Силкин А.А. 26, 40, 46, 52, 53, 56, 76, 93,
 150, 174, 180–182, 185, 191, 193, 195,
 196, 198, 201, 202, 212, 213, 285, 327,
 330
 Симович Д. 299
 Симонов А.А. 26
 Симонов А.Л. 346
 Склянский Э.М. 374, 397, 403, 424–426,
 718, 743
 Скобелев М.Д. 31
 Скоблин Н.В. 630, 631
 Славен П.А. 14, 15, 770, 762, 764, 765, 769,
 770, 782
 Сли́цкоухов П.П. 690
 Слоним М.Л. 177, 211
 Слуцкий Б.А. 236
 Смелов И.И. 345
 Смига И.Т. 342, 344, 347, 349
 Смирнов А.С. 714, 734, 735
 Смирнов В.Ф. 236
 Смирнов И.Н. 378
 Смирнов 551
 Снесарев А.Е. 42
 Соколов В. 209
 Сокольников (Бриллиант) Г.Я. 379, 403,
 411, 413, 414, 443–445, 448, 449, 453,
 454, 458, 462, 465–467, 481, 564, 565,
 567, 579
 Соллогуб Н.В. 684
 Солнышкин М.Е. 392
 Соловейчиков 94
 Соотс И.Г. 168
 Сорокин И.Л. 13, 14
 Софинов П.Г. 18
 Софронов Г.П. 344
 Спаак П.-А.Ш. 659
 Ставрович Н.Г. 335
 Сталин И.В. 11, 18, 19, 185, 221, 222, 224,
 225, 238, 239, 241, 245, 249, 312, 322,
 323, 497, 535, 563, 567, 574, 581, 594,
 597, 603, 625, 630, 631, 637, 646, 647,
 666
 Сталинский Е.А. 177
 Сталь А.Н. 766
 Стамболийский А. 183
 Стеллецкий Б.С. 46, 52, 55, 76, 192, 199,
 200, 201
 Степанов А.П. 97, 102, 103
 Степанов В.Л. 694
 Степанов 143, 144
 Степанятов 440
 Степин А.К. 379, 411, 412, 438, 439, 442,
 454, 469, 572, 606, 607
 Стогов Н.Н. 57, 72, 73, 776
 Стольпин П.А. 37
 Стругар Н. 317, 319, 320
 Струков 689
 Суворов А.В. 236, 237
 Сулькевич М.А. 683
 Сунь Ятсен 772
 Сухин Г.Л. 617
 Суходольский Г.Д. 413, 414, 431, 432,
 434–436, 441, 442, 458
 Сухомлин В.В. 153, 158, 177, 197
 Сушович 321
 Суэйн Д. 777

- Сыровы Я. 115, 126
 Сыромятников А. Д. 48
 Сытин П. П. 377, 378, 559, 686, 688, 739
 Танин С. Ю. 23
 Тараканова, княжна 544
 Тарасов В. Ф. 383, 394, 591, 625, 730
 Таубе С. М., фон 549
 Таубе С. Ф. 691
 Тенишева М. К. 203
 Теннисон А. 532
 Теодори Г. И. 769
 Терзич В. 327
 Тер-Петросян С. А. (Камо) 535
 Тесемников В. А. 23
 Тесленко 64
 Тимашев Г. Л. 114, 115
 Тимофеев А. Ю. 25, 26, 231, 233
 Тимофеев Е. М. 68, 69, 71
 Тимофеев 440
 Тито Ж. 326
 Тито И. Б. 225, 228–230, 232, 234, 236–241, 244, 245, 249, 309–313, 317, 321, 322, 324–326, 329
 Тихобразов Д. Н. 46
 Ткаченко А. А. 49, 66, 68, 69, 71
 Тодоров К. 184
 Токаревский В. К. 717, 759
 Токарович Н. 477
 Толбухин Ф. И. 238
 Толстой А. Н. 56
 Томашевский В. Л. 346
 Томме В. Э. 74
 Трифунович (Бирчанин) И. 231
 Троцкий В. Н. 73
 Троцкий Д. П. 683
 Троцкий А. Д. 8, 9, 11, 18, 19, 24, 73, 84, 87, 92, 104, 113, 164, 219, 224, 280, 283, 344, 345, 348–350, 374, 380, 382, 384, 395, 397, 403, 405, 406, 411, 413, 416, 424–426, 428–430, 445, 446, 453, 457, 458, 459, 461, 463, 465–468, 477, 478, 484, 490, 492, 493, 497, 552, 553, 565, 578–588, 591, 593, 692, 693, 697, 699, 705, 709, 716, 723, 735, 736, 738, 752, 760, 765, 766–769, 778, 780, 781, 785
 Труфанова О. Н. 26
 Тухачевский М. Н. 85, 93, 247, 379, 574, 575, 594–597, 631, 766, 768
 Угрюмов Г. А. 348
 Улагай К. К. 426
 Улагай С. Г. 712, 731
 Ульрих В. В. 597
 Уншлихт И. С. 168
 Уолберг Л. 531
 Урицкий М. С. 372, 484, 485, 496, 524, 526, 527, 530–532, 533, 535, 536, 539, 540
 Ушаков Б. Ф. 351, 352
 Ушаков В. 113
 Фабрикант В. О. 157
 Файт (Фейт) А. А. 69
 Фальчиков Г. Ф. 175
 Фан-дер-Флит К. П. 498
 Фатев Е. 477
 Федоров И. 320
 Федько И. Ф. 601
 Федяй Л. В. 336
 Фейт А. Ю. 69, 70
 Фешот Ф. Ф. 392
 Филатьев Д. В. 45, 127
 Филимонов Б. Б. 114
 Филипенко А. 209
 Филиппович С. 331
 Филипповский В. Н. 132, 269
 Фортунатов Б. К. 95, 102, 108, 125, 132
 Франкьен И. 26, 422, 426
 Фридрих VIII 669
 Фрунзе М. В. 236, 237
 Хаджич С. 190
 Хамович Р. 242, 328, 331
 Харламов В. А. 175, 209
 Харламов В. В. 742
 Харламов С. Д. 377
 Харген Э. О. 617
 Харченко А. И. 13, 15, 19, 85, 86, 89–91, 762, 764, 765, 766, 769–771, 782
 Харченко В. 771
 Хвощинский Г. Н. 691
 Ходжера С. 192
 Ходоровский И. И. 385, 387, 393, 396, 398–400, 402–405, 413, 424–426, 430–440, 443–446, 458–460, 462–472, 477–479, 481, 482, 561,
 Хорошкин Б. И. 139

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Хохлов 399, 447, 449, 450
 Христиани Г.Г. 45
 Хрулев В.В. 18
 Цветкович Д. 195
 Церетели З.Ф. 142, 143
 Цер-Вильгельм Г. 366
 Церович С. 311
 Цинцар-Маркович А. 195
 Чайкин В.А. 129, 130, 135, 137, 138, 140
 Чайковский П.И. 543
 Чайковский 528, 529, 530
 Чапаев В.И. 103, 314
 Чеканов П.Е. 393
 Черниговский-Сокол Б.М. 690, 691
 Чернов В.М. 102, 104, 115, 128, 140, 151, 153
 Чернышова М.А. 517
 Чертков Г.Г. 625
 Чечек С. 86, 91, 99, 103, 109, 111, 116, 120, 170, 191
 Чигвинцев Н.А. 111
 Чичерин Г.В. 765
 Чокаев М. 129–131, 135, 137, 140, 141
 Чолич Д. 224
 Шайкевич 195
 Шапошников Б.М. 216
 Шатков И. 431, 433, 435, 436, 440–442, 458, 459, 471, 472
 Шатов В.С. 373, 496, 516, 518–522, 527, 533–535, 539, 541, 542, 551–556
 Шарсков И.Ф. 703, 712, 714
 Шатилов П.Н. 184
 Шатков 431, 433, 435
 Шатов В.С. 373
 Шаховской Д.Н. 485, 537
 Шведов И.В. 23
 Шегерт В. 320
 Шеломенцев А. 83
 Шкурин 689
 Шкуро А.Г. 181, 270, 487, 488, 494, 654
 Шляпников А.Г. 559, 561, 562, 696–698
 Шляпникова И.А. 698
 Шляхтин Э.Э. 228
 Шмурло Е.Ф. 203
 Шопен Ф. 513
 Шон К.-Е. 211
 Шпрингенфельд 431, 432, 434, 435, 458, 477
 Штапельберг Г.К. 401
 Штейфон Б.А. 228
 Штрандтман В.Н. 181, 186, 187, 219
 Шубашич И. 238
 Шульгин Б.В. 421
 Щелихин С.А. 90, 102, 109, 116, 140, 141, 178, 354, 359, 360, 771
 Щербаков 29, 30
 Щербачев Д.Г. 47, 67, 145
 Эвальд 469
 Эверт Г.А. 672
 Эйдеман Р.П. 391, 415
 Эйзенхауэр Д.Д. 659
 Экис П.-Э.Д. 692, 742
 Эльтман К.И. 721
 Эльцин Б.М. 87, 88
 Эрн Н.Ф. 422, 661
 Юденич Н.Н. 45, 485, 776, 785
 Юзефович Л.А. 26
 Юмагулов Х.Ю. 136
 Юнаков Н.Л. 45, 336
 Юнич И. 195
 Яблоновский А.А. 205, 206, 211
 Яковенко В.А. 24
 Яковлев В.В. (Мячин К.А.) 14, 15, 19, 20, 79, 81, 84, 86–88, 762–764, 766, 770–772, 774, 775, 782
 Янушкевич Н.Н. 46
 Ярославский Е.М. 689, 694
 Ярузельская М.А. 545, 546
 Ярузельский М.К. 545
 Яцко И.В. 379, 381, 384, 392, 429, 497, 574, 577, 579, 581, 582, 599

Научное издание

Ганин Андрей Владиславович
ИЗМЕНА КОМАНДАРМОВ

Издано в авторской редакции

Корректор *Н.С. Самбу*
Верстка *М.Е. Кузнецова*

ООО «Бестселлер», торговая марка «Издательство «Пятый Рим».

Адрес: 115419 г. Москва, Рошинский 2-й проезд, дом 8,
строение 5, этаж 1, пом III, ком 3

Все наши книги можно заказать на сайте www.5rim.ru

Подписано в печать 22.09.2020.

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «PT Serif». Печать офсетная.

Бум. офс. Усл. печ. л. 50,0.

Зак. №

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
 www.oaompk.ru, www.odompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

16+ | Издание не рекомендуется детям младше 16 лет

«Вы слышали о ряде блестящих побед Красной армии. В ней работают десятки тысяч старых офицеров и полковников. Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армии. И, несмотря на измены со стороны отдельных военных специалистов, мы разгромили Колчака и Юденича, мы побеждаем на всех фронтах»

В. И. Ленин, глава Советского государства

«Не обойтись и без освещения печальных страниц истории предательства и перебежек части командного состава из строевого офицерства. Эти страницы истории замалчивать нельзя, так как случаи были далеко не единичные и по своим последствиям очень болезненные для Красной армии. На этом фоне предательства представители другой части старого офицерства, честно выполнявшего свою работу и оправдавшего доверие рабочих и крестьян, будут ярче отмечены как активные участники революции»

*С. С. Каменев, бывший полковник,
советский главнокомандующий*

«Я полагал, что тайной длительной работой и подсказыванием... выгодных для белых армий решений можно было оказать последним более существенную пользу, чем явной изменой, при которой, рискуя и играя своей головой, мы неминуемо были бы разоблачены и ликвидированы»

*Н. Д. Всеволодов, бывший полковник,
командующий 9-й советской армией,
перешедший на сторону белых*

«А если правы те, кто говорит, что красные начальники играли в поддавки, то как же надо объяснить все же наше конечное поражение... Выходит уж очень плохо»

*А. А. фон Лампе, генерал-майор,
участник Белого движения на Юге России*

ottmedia

ISBN 978-5-6043329-3-1

9 785604 332931

www.sk-kristall.ru